This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav. 176.25

Bound
MAY 17 1900

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

4 Dec. 1899 - 1 Jan. 1900.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ CCCLXXIV. — 1/13 НОЯБРЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВУХСОТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Островѣ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

~~Slav 302~~
PSlav 176.25
888/21
1899, Dec. 4 – 1900 Jan. 1

2852

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 11-я.

НОЯБРЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1899.

Стр.

I.—МИРОВАЯ „ТРАГЕДІЯ ВѢРЫ“.—**О. Ф. Зѣлинскаго.** 5

II.—ПОВѢДИТЕЛЬНИЦА.—Разсказъ.—**В. Г. Авсѣенко** 52

III.—СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ.—Экономическіе очерки изъ жизни края.—**Н. Александрова.** 106

IV.—ИСТОРІЯ ОДНОЙ УЛИЦЫ.—Изъ домашней жизни бѣднѣйшаго слоя лондонскаго населенія.—**С. Р—ть.** 121

V.—ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ СКИТАНІЙ.—Очерки.—**Н. Сѣверова** 159

VI.—ВНѢШКОЛЬНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА ВЪ ГЕРМАНІИ. — Очерки и замѣтки.—**М. Сукенникова.** 188

VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Сонетъ.—II. Сфинксы надъ Невой. Изъ пѣсенъ о каменномъ городѣ.—**Юр. Верховскаго.** 228

VIII.—ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—I.—**Л. М. Жемчужникова.** 230

IX.—АМЕРИКАНЕЦЪ.—Романъ: „David Harum“, a story of american Life, by E. Noyes Westcott.—VII-XIV.—Съ англ.—**А. Б—г—** 261

X.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ и А. А. ФЕТЪ.—**Н. Гутьяра.** 314

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Разсѣяна нѣжная пора...—II. Пловецъ.—III. Ожиданіе.—**Н. Быкова.** 337

XII.—ВОЙНА И ИДЕЯ МИРА.—I-III.—**Л. З. Слонимскаго.** 341

XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Права и составъ Государственнаго Совѣта.—Дѣйствіе отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. — Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла.—Земство и противо-пожарныя мѣры.—Еще о земскихъ ходатайствахъ. Пересмотръ Городового Положенія. 356

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Трансваальская война. — Исторія „южно-африканской республики“ и ея отношеній съ англичанами.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ. — Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка. - Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи. 375

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII вв.—Извѣстія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.—К. Михальчукъ, Что такое малорусская рѣчь? — Т.— Новыя книги и брошюры 388

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. An. France. Pierre Noziére.—II. Em. Zola, Les quatres évangiles. Fécondité.—**З. В.**—III. Homenaje a Menendez y Pelayo, t. I-II.—**Л. Ш.** 411

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ.—Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ?“ 425

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Объ изданіи Календаря „Синяго Креста“, на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. 439

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Грумъ-Гржимайло, Г. Е., Описаніе путешествія въ западный Китай, т. II. — Карѣевъ, Н., Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, и Курсъ Новой исторіи, ч. I. — Гейне, Собраніе сочиненій, в. р. Н. Вейнберга, т. VI.—Малый Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. I.—Мутеръ, Р., Исторія живописи въ XIX в.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. III.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

МІРОВАЯ

„ТРАГЕДІЯ ВѢРЫ“

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEC 4 1899
CAMBRIDGE, MASS.

...Вѣчный миръ и порядокъ царятъ въ заоблачномъ пространствѣ; вѣчными волненіями, вѣчной борьбой обуревается заключенная въ предѣлы атмосферы—среда. Здѣсь — царство трехъ стихій, доступныхъ для одушевленныхъ организмовъ; тамъ—простирается необъятная, неизмѣняющаяся четвертая стихія, пламенный эоиръ—„пылающая стѣна вселенной“, какъ ее называетъ Лукрецій...

Таково было долгое время представленіе человѣчества о мірозданіи. Съ этимъ представленіемъ мы считаемся и понынѣ, когда говоримъ о четырехъ стихіяхъ, и это вполнѣ справедливо: оно содержитъ въ себѣ не одну только долю правды, а всю правду, если только перевести его съ матеріальнаго языка наивной древности на болѣе осторожный и отвлеченный языкъ современной науки. Туда, въ заоблачную, безстрастную стихію, удалило древнее человѣчество и своихъ боговъ,—при томъ, тѣмъ дальше, чѣмъ болѣе догматъ объ единокровности людей и боговъ сталъ подвергаться сомнѣнію, чѣмъ сильнѣе человѣческая мысль стала противиться представленію о страждущемъ богѣ: такъ-то сонмъ могучихъ властелиновъ природы, нѣкогда ходившихъ среди людей, все болѣе и болѣе сосредоточивался на какомъ-нибудь Олимпѣ, окружая сіяющимъ ореоломъ его загадочную вершину, пока онъ наконецъ, отступая передъ пытливой стопой и мыслью человѣка, не отдѣлился отъ нея и, поднимаясь все выше и выше,

не слился съ небесными свѣтилами, которымъ этотъ сонмъ боговъ и понынѣ оставляетъ свои имена. Съ тѣхъ поръ божество древнихъ пребываетъ въ царствѣ вѣчнаго мира и порядка; тамъ нѣтъ ни бурь, ни страстей, тамъ—никакая „трагедія“ невозможна.

Три доступныхъ человѣку стихіи никогда не проникнутъ въ ту четвертую и не внесутъ въ нее свой разладъ, свои страданія, свою—жизнь; зато, четвертая стихія пребываетъ среди насъ съ тѣхъ поръ, какъ Прометей похитилъ частицу пламеннаго эѳира и принесъ ее людямъ. Съ этого времени частица божества обитаетъ въ нашихъ сердцахъ; живя одною жизнью съ нами, она претерпѣваетъ всѣ наши тревоги и страданія и, въ силу своей высшей природы, заставляетъ насъ претерпѣвать ихъ сильнѣе, мучительнѣе, чѣмъ какое бы то ни было одушевленное существо. Трагедія древняго божества невозможна; но трагедія древней вѣры, этой заронемной въ человѣческія сердца искры божества, вполнѣ возможна—это самая могучая, самая захватывающая изъ всѣхъ возможныхъ трагедій. Отдѣльные ея акты и сцены писали многіе—всѣ тѣ, въ чьей груди зароненная искра Прометеева огня давала болѣе сильное пламя, чѣмъ у обыкновенныхъ людей; они писали ихъ, одни—своимъ перомъ на хартіяхъ и пергаментахъ своихъ твореній; другіе—своими дѣйствіями на видимыхъ скрижаляхъ исторіи и невидимыхъ—на смутной, но живучей традиціи народнаго сознанія; третьи—своею кровью на языческихъ аренахъ и христіанскихъ плахахъ и кострахъ. Но возможно ли написать ее всю? Думаемъ, что нѣтъ; да и если бы народился когда-нибудь столь могучій умомъ и сердцемъ человѣкъ, который съумѣлъ бы перенести міровую „трагедію вѣры“ изъ области чаяній въ область ясныхъ представленій — онъ остался бы единственнымъ читателемъ собственнаго произведенія.

Но почему же, спросятъ, посвящаемъ мы свой трудъ попыткѣ, которая, по самому существу своему, должна остаться несовершенной? Потому, что успѣхъ, который работа мысли сулитъ исполнителю, состоитъ не въ одномъ только совершенствѣ отдѣльнаго результата. Имѣя выборъ между совершимостью малаго и величіемъ несовершимаго, духъ человѣка безустанно мечется между тѣмъ и другимъ. Если онъ настроенъ такъ, что въ первомъ случаѣ малость, а во второмъ несовершимость, отравляютъ ему работу, то онъ гибнетъ такъ, какъ гибнетъ герой въ „Потонувшемъ колоколѣ“ Гауптманна, когда его услужливые, но слабосильные работники-гномы, вмѣсто задуманнаго цѣлаго, созидаютъ ему превосходные, но частичные узоры; если онъ, во избѣжаніе этой гибели, отрекается отъ сво-

ихъ чаяній, довольствуясь мелкимъ и осуществимымъ, то онъ слишкомъ дорогой цѣной окупаетъ свое спасеніе, вырождаясь изъ творца въ ремесленника. Итакъ, что же дѣлать? Примиримся съ обоими изъянами, въ силу самой природы вещей присущими нашей работѣ—не съ одной только малостью совершимаго, но и съ несовершимостью великаго. Уподобимся созидающимъ живые острова въ тропическихъ моряхъ; будемъ терпѣливо, атомъ за атомомъ сооружать наше коралловое зданіе, но будемъ, время отъ времени, отрываясь отъ работы, заглядывать вверхъ, сквозь туманъ волнъ:—далеко ли до свѣта? Эти паузы, конечно, не двинутъ впередъ нашего труда, но дадутъ намъ, быть можетъ, свѣжесть и бодрость продолжать его.

Повторяемъ—примиримся съ тѣмъ, что намъ не удастся вполнѣ перенести міровую „трагедію вѣры“ изъ области чаяній въ область ясныхъ представленій; нашъ предметъ и такъ великъ, но свѣжесть духа, внушаемая его изученіемъ, вознаграждаетъ за такую работу: пусть она будетъ, такимъ образомъ, несовершенной, но не безуспѣшной, а мы, чтобы достигнуть подобнаго успѣха, должны поступить такъ, какъ поступаютъ всегда при научныхъ трудахъ: мы должны продолжать работу съ того мѣста, на которомъ оставилъ ее послѣдній крупный дѣятель на этомъ поприщѣ.

I.

Такимъ дѣятелемъ является нѣмецкій поэтъ т.-наз. „реакціонной“ эпохи, Карлъ Иммерманъ; его символическая драма „Мерлинъ“ [1]) дастъ намъ и точку отправленія, и въ значительной мѣрѣ—матеріалъ для нашихъ разсужденій. Едва ли имя Иммермана можетъ разсчитывать у насъ на то, чтобы возбудить полное представленіе о его дѣятельности; да и въ самой Германіи держится только память объ его „Oberhof“, этой прелестной повѣсти изъ народнаго быта, извлеченной изъ его могучаго сатирическаго романа: „Münchhausen“. Остальное и тамъ уже быльемъ поросло. А между тѣмъ, поэтъ Мерлина, другъ Гейне и Мендельсона, заслуживаетъ того, чтобы его творенія были спасены отъ несправедливаго вердикта потомства, обрекшаго ихъ, повидимому, на забвеніе. Пусть потонутъ въ волнахъ

[1]) Первое изданіе: Düsseldorf, 1832. Изъ позднѣйшихъ могутъ быть названы: изд. Hempel'я (Imm.'s Werke. Berlin 1878—82, J. XV); M. Koch'a (въ Deutsche Nationalliteratur, herausg. von Jos. Kürschner. J. 159), и Reclam'a (Universalbibliothek № 599, самое доступное).

времени его историческія и фантастическія драмы, его эпосы и мелкія стихотворенія; но его два крупныхъ романа: „Эпигоны“ и уже названный „Мюнхгаузенъ“, несмотря на шаблонность фабулы въ первомъ и ея причудливость во второмъ, достойны извѣстности и у насъ, какъ вѣрное зерцало эпохи тридцатыхъ годовъ въ Германіи, въ столь многихъ отношеніяхъ напоминающей время, переживаемое нынѣ нами. Да и изъ драмъ по крайней мѣрѣ одна можетъ разсчитывать на интересъ съ нашей стороны; это—трилогія: „Alexis“, посвященная участи царевича Алексѣя Петровича. Конечно, наши избалованные по части реализма глаза легко замѣтятъ въ этой трагедіи недостатокъ мѣстнаго колорита; но если мы такъ снисходительны въ этомъ отношеніи къ Мериме́ и другимъ французамъ, у которыхъ этотъ недостатокъ еще гораздо болѣе ощутителенъ, то мы не можемъ отказать въ своемъ участіи нѣмецкому поэту, добросовѣстно изучавшему русскую старину и знакомившему съ нею своихъ соотечественниковъ въ ту эпоху, когда ихъ свѣдѣнія о Россіи ограничивались общераспространенными розсказнями, а именно, что у насъ обыватели распиваютъ „Wuttki“, закусывая ее сальными огарками, поскольку этому времяпрепровожденію не препятствуетъ появленіе либо медвѣдя, либо страшнаго Kosack'a съ его неизмѣннымъ аттрибутомъ—Knute.

Но объ этомъ здѣсь говорить не приходится; насъ здѣсь интересуетъ исключительно его „Mythe“, какъ онъ назвалъ свою драму: „Мерлинъ“. Отличаясь въ этомъ отъ вышеназванныхъ произведеній, оно современниками такъ же мало было оцѣнено, какъ и потомствомъ; во всѣ времена оно имѣло немногихъ, но искреннихъ и восторженныхъ почитателей. Они смѣло приравнивали его къ величайшему произведенію нѣмецкой поэзіи, называя ее „Анти-Фаустомъ“ или „Вторымъ Фаустомъ“; но, за исключеніемъ этой небольшой горсти сильныхъ мыслью людей, публика довольно безучастно отнеслась къ этому глубокому по содержанію и чарующему по формѣ творенію. Поэтъ зналъ это и безъ труда мирился съ своей судьбою: „мой Мерлинъ,—говаривалъ онъ,—изнемогаетъ подъ тяжестью своей метафизической брони“. И все же онъ сознавалъ свое безсиліе дать своимъ идеямъ другую форму, и это безсиліе понятно: и мы въ свою очередь не видимъ лучшаго средства развить міровую „трагедію вѣры“, какъ пользуясь созданными нѣмецкимъ поэтомъ образами. Мы просимъ нашихъ читателей послѣдовать за нами прежде всего въ величественный храмъ Иммермана, въ надеждѣ, что намъ удастся открыть съ него еще болѣе ши-

рокій горизонтъ, чѣмъ какой представился утомленнымъ глазамъ его даровитаго зодчаго.

Итакъ, что такое „Мерлинъ“ Иммермана? Что такое, прежде всего, самъ Мерлинъ?

II.

Его образъ былъ заимствованъ поэтомъ изъ средневѣковыхъ преданій, которыя именно тогда, въ эпоху расцвѣта романтизма, дѣятельно разрабатывались представителями какъ литературы, такъ и науки; надобно, однако, сознаться, что его роль въ этихъ романахъ было довольно жалкая. Врядъ ли гдѣ-либо разладъ между грандіозностью первичной концепціи и слабостью исполненія чувствуется сильнѣе.

Согласно первой, Мерлинъ не болѣе и не менѣе, какъ антихристъ. Владыка ада, испуганный сошествіемъ Спасителя въ его мрачную обитель, рѣшаетъ слѣдовать примѣру своего великаго противника: овладѣвъ тѣломъ, но не душой, дѣвушки-христіанки, онъ дѣлаетъ ее матерью намѣченнаго имъ врага Христова, знаменосца адской рати на землѣ. Но его замыселъ не удается; его сынъ наслѣдуетъ отъ него только силу ума, въ остальномъ же рѣшительно становится на сторону своей матери, безвинно обезчещенной, скромной и богобоязненной дѣвы. Таково начало; но вызванныя имъ ожиданія не удовлетворяются дальнѣйшимъ ходомъ романа. Дѣятельность Мерлина сводится къ длинному ряду довольно наивныхъ и безцѣльныхъ чудесъ, которыя онъ творитъ при дворѣ англійскихъ королей, Утера и его сына Артуса; въ заключеніе онъ гибнетъ, благодаря бретонской красавицѣ Ниніанѣ, которая, влюбивъ его въ себя, выманиваетъ у него все его чудесное знаніе и окончательно приковываетъ его къ себѣ: всемогущій нѣкогда чародѣй кончаетъ свою жизнь безпомощнымъ и обезсиленнымъ, подъ чудеснымъ боярышникомъ въ бріонскомъ лѣсу. Таковъ романъ о „волшебникѣ Мерлинѣ“ (Merlin l'enchanteur); посмотримъ теперь, что изъ него сдѣлалъ нашъ поэтъ.

Отчаяніе владыки мрачнаго царства остается точкой отправленія и здѣсь; оно изображено въ первой сценѣ пролога, въ разговорѣ сатаны съ Люциферомъ, происходящемъ гдѣ-то въ горахъ на окраинѣ сирійской пустыни. Съ нихъ открывается видъ на плодородную равнину; тамъ живетъ богатый хозяинъ-христіанинъ съ своей молодой дочерью, Кандидой. Ея чистота прельщаетъ сатану; и дѣйствительно, въ своей безграничности ея

благочестіе идетъ на встрѣчу его планамъ. Не довольствуясь христіанской жизнью въ своей семьѣ, она идетъ къ отшельнику Плациду, чтобы провести ночь въ молитвѣ среди благоговѣйной тишины пустыни; здѣсь и совершается задуманное сатаною дѣло. Но помыслы дѣвы были чистые; звуки гимна: „O, sanctissima!“ — раздающіеся въ отдаленіи и носящіеся во время роковой ночи надъ „великимъ дѣяніемъ мрака“, говорятъ намъ, что въ концѣ концовъ сатана ошибется въ своихъ разсчетахъ.

Чудесное зачатіе Мерлина—содержаніе пролога; отмѣчу тутъ же, что въ его трехъ главныхъ лицахъ изображены представители трехъ различныхъ типовъ вѣры. Сатана — это античная, эллинская вѣра, пораженная, повидимому, на смерть появленіемъ Спасителя; отшельникъ Плацидъ—это первобытное, наивное христіанство, не тронутое еще богословіемъ и видящее въ смиренномъ обращеніи къ Христу залогъ отпущенія грѣховъ; что касается Кандиды, то она въ своей безгрѣшной дѣвственности предвосхищаетъ Мерлина. Но объ этомъ будетъ подробнѣе сказано ниже.

Дѣйствіе главной части трагедіи происходитъ въ Англіи; туда бѣжалъ съ малолѣтнимъ Мерлиномъ его воспитатель Плацидъ, спасаясь отъ преслѣдованія возбужденной противъ чуднаго отрока толпы. Кандиды уже нѣтъ: Мерлинъ почтилъ ее надгробнымъ памятникомъ и похоронилъ съ нею за-одно и первую эпоху своего земного бытія. Отрочество миновало, наступила пора зрѣлой дѣятельности—передъ нами возмужалый Мерлинъ.

Въ чемъ же его задача?

Постараемся описать ее словами самого поэта, насколько проза въ состояніи передать поэзію, да еще таинственную религіозную поэзію, для выраженія которой самъ поэтъ привлекъ средневѣковую „титурелеву“ строфу. Плацидъ все еще находится при Мерлинѣ, записывая его вѣщія слова о судьбѣ человѣчества, „каковой она была, а не каковой она казалась“; разсказъ былъ доведенъ до тѣхъ дней, когда Господь носилъ свой крестъ на землѣ. Теперь идетъ продолженіе.

„Въ ту ночь ужасовъ, которая видѣла предательство злодѣя, Онъ, взявъ чашу съ виномъ, сказалъ: эта Моя кровь избавитъ васъ отъ грѣха. Берите и пейте! оставляю вамъ новое наслѣдіе: что было, то стало прошлымъ, а все будущее сохранитъ память Вечери.

„Въ Моей крови течетъ полная двойная благодать: она служитъ общимъ достояніемъ для всѣхъ, но она же потечетъ и для

немногихъ. Васъ посылаю Я въ ширь и въ даль, но въ то же время Я готовлю скрытый отъ всѣхъ храмъ въ Монсальватѣ.

„Когда затѣмъ на горестномъ древѣ повисъ Царь добродѣтели, вдали былъ гордый Петръ, и лишь юный Іоаннъ плакалъ у креста. Тогда сотникъ, слуга Пилата, вонзилъ копье въ плоть Христа, и изъ Его бока полилась багряная кровь.

„Теперь внимай, какъ слабому была дана новая сила! Іосифъ изъ Аримаѳеи, не желавшій раньше показываться съ Христомъ, теперь подошелъ съ чашей отъ тайной вечери и въ грустномъ молчаніи принялъ въ нее струю съ креста.

„И вотъ любовь создала двойное царство: явно, въ проповѣдническомъ пылу, пошла къ язычникамъ вдохновенная горсть учениковъ, и въ то же время Іосифъ, съ радостной душой, сроднившись съ тайной, скрылся со своей чашею въ глубокой пещерѣ.

„Тѣ двѣнадцать испытывали страданія въ странахъ всѣхъ народовъ—помыслы Іосифа были направлены на внутреннее воспріятіе святости. Тѣ, въ оковахъ и темницахъ, выносили злобу насмѣшниковъ, завистниковъ, мучителей—онъ же сталъ первымъ стражемъ *Грааля*...

„И когда рука смерти его коснулась, легко и ласково, какъ въ цвѣтникѣ рука дѣвы касается розы, тогда великая святыня, озаренная собственнымъ свѣтомъ, поднялась къ небу и вернулась въ свою обитель.

„Но съ тѣхъ поръ она вторично опустилась на землю; въ искрахъ этой моей рѣчи пылаетъ, постигни это, *первое реченіе о Граалѣ*. Но близится уже прекрасное время *второго*; когда разольется, торжествуя, его свѣтъ, тогда я къ тебѣ вернусь и доскажу остальное“.

Въ чемъ состоитъ это „второе реченіе о Граалѣ“, этого Мерлинъ Плациду не сообщаетъ: мы узнаемъ это изъ его молитвы, которую онъ произноситъ уже по уходѣ своего вѣрнаго пѣстуна. Вотъ эта молитва:

„Ты рѣшилъ, о неисповѣдимый, таинственный, пройти черезъ всякій позоръ нашего міра; въ послѣдней, въ самой глубокой грязи остались прекрасные слѣды Твоего сладкаго пребыванія.

„Такъ Ты отдался рыбакамъ, мытарямъ, разбойнику, съ разбитыми голенями обѣщалъ Ты свое великое гостепріимство, темнымъ умамъ далъ Ты свой завѣтъ.

„И снова Ты, кроткій Богъ, силою Твоей воли плѣненъ въ Монсальватѣ: Тебя держитъ въ неволѣ темный Титурель со своей тупой, робкой братьей.

„Но теперь Твое нисхожденіе завершено! Вернуть Тебя на стезю духа—вотъ для чего Ты избралъ Мерлина. Онъ Тебя поведетъ, Ты это знаешь, по пути возвращенія, озаряемомъ Твоимъ пламенемъ.

„Я—тотъ, кому суждено увлечь царственныя души, увлечь главы, увѣнчанныя славой и любовью: рыцарей, дамъ, короля Артуса; святому Граалю я доставлю достойныхъ стражей".

Глубокій смыслъ того, въ чемъ Мерлинъ видитъ свое призваніе, будетъ разъясненъ въ свое время, здѣсь же мы не будемъ разрушать миѳической оболочки, скрывающей замыслы поэта.

Освободить святыню Грааля изъ недостойныхъ рукъ темнаго Титуреля, отдать ее доблестному Артусу и его паладинамъ, представителямъ всего лучшаго, что только создала земля—вотъ задача, которую себѣ поставилъ Мерлинъ. Тщетно хочетъ ему воспротивиться его отецъ, явившійся пріобщить его къ тѣмъ замысламъ, ради которыхъ онъ его создалъ,—Мерлинъ отрекается отъ сатаны и торжественно заявляетъ о своей рѣшимости служить одному только Богу. Но въ то время, какъ онъ направляется ко двору Артуса, ему преграждаетъ путь соперникъ и противникъ—волшебникъ Клингзоръ.

Этотъ соперникъ уже старъ. Всю свою жизнь онъ посвятилъ исканію въ природѣ того, что выше всякой природы; онъ стяжалъ славу великой, неземной мудрости, прослылъ богомъ среди людей, но не нашелъ ничего, чему онъ могъ бы поклоняться самъ. Теперь онъ видитъ, что у него собираются отнять и тотъ сосудъ безъ содержанія, которымъ онъ, за неимѣніемъ лучшаго, тѣшилъ себя до тѣхъ поръ,—поклоненіе людей: приближается новый пророкъ на смѣну старому. Клингзоръ рѣшается не допустить этого, но встрѣча съ Мерлиномъ имѣетъ другой, неожиданный для него исходъ. Въ душѣ вдохновеннаго юноши онъ находитъ то, чего онъ такъ долго тщетно искалъ; побѣжденный, но ликующій сердцемъ, идетъ онъ спокойно умирать въ своемъ „Замкѣ Чудесъ", Мерлинъ же продолжаетъ свой путь къ Артусу.

Тѣмъ временемъ и при дворѣ Артуса стали ждать Мерлина. Веселая жизнь рыцарей и дамъ, озаряемая свѣтомъ чести и свѣтомъ любви, давно уже не удовлетворяла короля, давно уже мысль о Граалѣ ему щемила сердце непонятной тоской. Въ своей тревогѣ онъ обратился къ Клингзору; старый волшебникъ понялъ, что короля устрашаетъ мысль о смерти, и зная, что только неимѣющее начала можетъ избѣгнуть конца, далъ ему насмѣшливый совѣтъ: „искать дитя, не имѣющее отца". Этимъ онъ, самъ

того не сознавая, подготовилъ почву для Мерлина. Пока этотъ послѣдній приближается, жизнь паладиновъ течетъ обычнымъ порядкомъ; въ рядѣ сценъ изображены волнующія ихъ заботы: проблема чести, о которой спорятъ первые рыцари двора—Эрекъ, Гавейнъ, Гарейсъ; проблема рыцарской любви, возбужденная новоприбывшимъ рыцаремъ Ланселотомъ, который, какъ спаситель королевы Джиневры, требуетъ права посвятить ей свою любовь, не зная того, что она—супруга его господина. Пѣсни менестреля веселятъ участниковъ этой беззаботной жизни; наконецъ, разноцвѣтные огни палатокъ потухаютъ; тихая ночь воцаряется надъ спящимъ дворомъ короля Артуса. Вотъ обстановка, въ которой его застаетъ Мерлинъ.

Но онъ застаетъ тамъ еще одно существо, встрѣча съ которымъ должна была оказаться для него роковой. Это—сестра королевы, красавица Ниніана. Вѣрная своему имени (означающему, якобы, по-халдейски: „я этого не сдѣлаю“), она бѣжала отъ сестры, когда та отправилась ее искать; теперь же она пришла сама и пришла съ подаркомъ, рубиновымъ кольцомъ, обладающимъ способностью показывать каждому предметъ его желаній. Кольцо свѣтится надъ палатками рыцарей, и передъ ихъ сонными глазами возникаетъ то, къ чему ихъ безсознательно влечетъ невѣдомая, непреоборимая сила—храмъ Монсальвата. Приходъ Мерлина разрушаетъ чары; Ниніана убѣгаетъ, Артусъ и паладины просыпаются; Мерлинъ вѣнчаетъ Артуса королемъ Грааля. Всѣ отправляются въ путь, отыскивать Монсальватъ. Но какъ, спрашивается, отнесется къ ихъ начинаніямъ самъ Монсальватъ и управляющая имъ неисповѣдимая воля?

Дѣйствіе переносится туда, въ „Землю Спасенія“ (Salva Terra), гдѣ подъ строгими сводами готическаго храма блистаетъ святая чаша, озаряя чудеснымъ свѣтомъ таинственный полумракъ обители и наполняя неземнымъ блаженствомъ души своихъ слугъ, рыцарей Грааля. Новый членъ удостоился пріобщенія къ избранной братьѣ: это—молодой Лоэнгринъ. Лишь на порогѣ святыни удастся ему постигнуть тайну Грааля, оставшуюся неизвѣстной Мерлину; но въ ту минуту, когда онъ готовится войти въ обитель, выходитъ Титурель и объявляетъ о послѣднемъ рѣшеніи божества. Грааль долженъ покинуть западъ, долженъ перенестись въ Индію и ея дремучіе лѣса; послѣдній пришелецъ, сподобившійся коснуться порога святыни, долженъ вернуться въ міръ и принести ему вѣсть о Граалѣ—„скорбящимъ въ утѣшеніе, злодѣямъ въ укоръ“.—Почему это?—„Меня изгоняетъ изъ освященныхъ мною мѣстъ антихристъ, стремящійся отравить родъ

человѣческій ужаснымъ грѣхомъ". Итакъ, Мерлинъ и его миссія отвергнуты.

Тѣмъ временемъ Артусъ, Джиневра и паладины блуждаютъ въ пустынѣ по указанному Мерлиномъ пути. Всѣ утомлены; Эрекъ въ изнеможеніи падаетъ. Король велитъ положить его на носилки, чтобы онъ хоть мертвымъ достигъ Монсальвата; раздаются голоса: „Ищите Мерлина!" Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ остался Мерлинъ? Онъ пожелалъ дать себѣ кратковременный отдыхъ въ бріонскомъ лѣсу: тамъ Ниніана съ дѣтски веселыми пѣснями удитъ рыбу въ свѣтломъ пруду; тамъ цвѣтетъ боярышникъ, маня подъ свою прохладную тѣнь усталыхъ и влюбленныхъ. Вороновъ, безпокоившихъ своимъ крикомъ Джиневру, прогнали, но мертвая тишина пустыни еще страшнѣе. Послѣдній хлѣбъ, послѣдняя вода розданы; король въ отчаяніи посылаетъ двоихъ паладиновъ искать путь на родину; изъ нихъ возвращается одинъ, другой поскользнулся и упалъ въ бездну,—это единственная дорога, ведущая домой. Теперь осталась одна только надежда: „Зовите Мерлина!" Снова раздаются крики: „Мерлинъ, Мерлинъ!" Ихъ слышно и подъ боярышникомъ, но неясно; Мерлинъ хочетъ уйти къ своимъ, но Ниніана его удерживаетъ: зачѣмъ? вѣдь это олени кричатъ въ лѣсу. Мерлинъ остается: надо утѣшить испуганную дѣвушку, оставить ей залогъ вѣрности. Но гдѣ этотъ залогъ? Гдѣ та сила, передъ которой остановилась бы власть Мерлина? Такая сила есть: „есть слово, страшное, глубокое, непреоборимое, которое, разъ будучи произнесено, навсегда приковало бы меня къ этому мѣсту... Не далѣе могъ бы я отойти, какъ жукъ, котораго мальчикъ привязалъ за ножку: здѣсь я просидѣлъ бы весну среди цвѣтовъ шафрана и поповника, здѣсь я считалъ бы плоды дикой сливы подъ Ивановъ-день, здѣсь дроздъ пѣлъ бы мнѣ свою осеннюю пѣсню, здѣсь мои ноги окоченѣли бы въ зимнемъ снѣгѣ. Вотъ какъ близко всемогущество соприкасается съ безпомощностью!"—Одно слово! Что же это за слово?.. Опять слышны крики: „Мерлинъ!"... „Нѣтъ, ты была права,—говоритъ Мерлинъ,—то олени кричатъ въ лѣсу". Страшное слово, еще не будучи произнесено, уже на половину очаровало его; его мысли кружатся вокругъ него, онъ не въ состояніи отказать Ниніанѣ, просящей его повѣрить ему свою тайну: „Не я говорю, она сама говоритъ во мнѣ, мученіе просится наружу". Онъ шепчетъ роковое слово на ухо подругѣ. „Я не разслышала",—отвѣчаетъ Ниніана,—и чтобы удостовѣриться, повторяетъ его. Въ мигъ Мерлинъ преобразованъ; ему кажется, что онъ въ цѣпяхъ, что онъ прикованъ къ стѣнѣ

желѣзной башни. Ниніана съ крикомъ спасается отъ его угрозъ; паладинамъ, отчаянные вопли которыхъ въ третій разъ оглашаютъ сцену, онъ громко отвѣчаетъ: „Я здѣсь! здѣсь, въ башнѣ!.. Я рву свои цѣпи—онѣ не слабѣютъ; я хочу расшатать столбы —они не уступаютъ. Я охотно прыгнулъ бы изъ окна, чтобы быть съ вами; но тамъ внизу чудовища шевелятъ пастью въ озерѣ крови. Не кричите же такъ жалобно, не мѣшайте мнѣ заснуть; развѣ я не страдаю невыносимо? развѣ нужно, чтобы я еще болѣе мучился?“...

Это—главная часть трагедіи, озаглавленная: „Грааль“; слѣдуетъ краткій эпилогъ: „Мерлинъ-страдалецъ“. На кладбищѣ встрѣтились трое: Плацидъ, отыскивавшій Мерлина, менестрель, отыскивавшій Артуса, и Лоэнгринъ, отправленный къ людямъ съ вѣстью о Граалѣ. Узнавъ отъ послѣдняго о безполезности поисковъ, менестрель разбиваетъ арфу, посвященную славѣ Артуса; Плацидъ разрываетъ пергаментъ съ записаннымъ на немъ „первымъ реченіемъ о Граалѣ“. Лоэнгринъ хочетъ ихъ утѣшить, но самъ утѣшенія не знаетъ. „На этой могилѣ,—говоритъ онъ,— обращенной къ солнцу, слабо свѣтящему черезъ цвѣтныя стекла окна, я спрашиваю тебя, Грааль: къ кому посылалъ ты меня? Твое слово не допустило меня во внутрь святыни; прости поэтому, что я еще не вполнѣ омертвѣлъ, что земныя чувства мнѣ еще волнуютъ грудь. Пылая пламенемъ твоей высокой воли, я пошелъ, какъ ты мнѣ приказалъ, помогать всѣмъ страждущимъ, всѣмъ несчастнымъ; и вотъ я нашелъ Клингзора бездыханнымъ подъ развалинами его замка, а Артуса, Джиневру и ихъ дружину—умершими въ пустынѣ, Мерлина—обезумѣвшимъ. Богатѣйшій умъ раздавленъ горемъ; любовь, честь, доблесть—обезображенные голодомъ трупы; благоговѣніе омрачено крыломъ помѣшательства. Что только было совершеннаго, прекраснаго, несравненнаго, то перешло въ ужасное тлѣніе; кому же, о, Боже, долженъ я подать помощь? мнѣ кажется, что земля—пустая, грустная, безжизненная степь, покрытая костьми, голая, необозримая, безплодная, и что черное знамя Уничтоженія развѣвается надъ нею“...

Это—итоги происшедшаго до сихъ поръ; но вотъ въ дѣйствіе вводится новый моментъ. Къ Мерлину, поющему безумныя пѣсни подъ боярышникомъ, является сатана. По его мановенію, „недостойное зрѣлище“ прекращается. „Гдѣ я?“—спрашиваетъ Мерлинъ. Скоро къ нему возвращается сознаніе; его второй вопросъ: „Гдѣ мои друзья?“—„У меня“,—отвѣчаетъ сатана.— „У тебя?“—„Да, среди великой общины въ аду, у меня“. Мер-

линъ въ отчаяніи ломаетъ руки; но собесѣдникъ его утѣшаетъ: „Ихъ не жарятъ, не жгутъ въ сѣрнистомъ огнѣ, не разбиваютъ, не гвоздятъ палицами и молотами, не бросаютъ нагими въ ледяную купель, не вплетаютъ въ кружащіяся колеса; все это—басни, о которыхъ лишь глупцы болтаютъ! Но *это* слово остается—слово великое, непреложное, грозное: имъ хотѣлось къ Нему,—а достались они мнѣ!“ Теперь Мерлинъ знаетъ, что Богъ его отвергъ; отвергъ — но за что? „Быть можетъ,—коварно спрашиваетъ его сатана,—ты совершилъ какое-нибудь прегрѣшеніе? Быть можетъ, преступное желаніе, нечистая похоть, дерзкое самомнѣніе, скрывались въ укромномъ уголкѣ твоего сердца? Подумай; если бы ты, сломленный, могъ покаяться, могъ, обратившись къ Нему, воспылать пламенной жаждой искупленія, — Онъ бы, пожалуй, протянулъ тебѣ руку, и я бы отталкающагося грѣшника отступился“.

Мерлинъ.—Мнѣ не въ чемъ каяться! Моя душа, одинъ сплошной вздохъ тоски и желанія, стремилась вверхъ къ Нему, чтобы въ порывѣ счастья Ему поклониться!

Сатана.—Далѣе: въ чемъ провинились тѣ, которыхъ ты велъ?

Мерлинъ.—О, невинные, о, бѣдные друзья! Я подносилъ васъ точно чашу, полную живительно-сочныхъ цвѣтовъ и плодовъ, хотѣлъ посвятить этотъ радостный даръ алтарю; зачѣмъ, мой Возлюбленный, зачѣмъ отвергъ Ты его?

Сатана.—Число его предостерегающихъ ангеловъ—легіонъ!

Мерлинъ.—И ни одного, ни одного не встрѣтили мы на своемъ пути.

Сатана.—Полагаютъ, затѣмъ, что Онъ говоритъ съ вами голосомъ вашей совѣсти!

Мерлинъ.—Наша совѣсть была нѣма!

Такимъ образомъ, почва подготовлена; сатана вторично—и на этотъ разъ съ полной надеждой на успѣхъ—пытается завладѣть своимъ непокорнымъ сыномъ.

Сатана.—Я готовъ принять тебя со всѣми твоими ранами, тебя, раздавленнаго бременемъ твоей непосильной ноши. Я хочу, чтобы ты выздоровѣлъ на моей широкой груди, вновь окрѣпъ, отдыхая подъ моей сѣнью. Достаточно уже заплатилъ ты за свое ученіе; пора, чтобы ты наконецъ позналъ себя; дай же мнѣ, ненавидящему болтовню и хвастовство, радостно освободить тебя отъ твоего позорнаго рабства. Вкуси хоть теперь свободу, мудрость, гармонію въ ея сладостной, восхитительной полнотѣ! Воспрянь, будь моимъ; сдѣлай три шага назадъ, отрекись отъ Него и увѣруй въ меня!

МЕРЛИНЪ.— НѢТЪ!

САТАНА.—НѢТЪ?

МЕРЛИНЪ.—Это — единственный звукъ, который остался моимъ.

САТАНА.—О, ты, смѣсь неразумія и упрямства!—Терпѣніе мое скоро истощится. Да развѣ есть хоть одна нить, которая бы вела отъ тебя къ Нему?

МЕРЛИНЪ.—Вся вѣчность, отдѣляющая меня отъ Его милости! Да, я вычеркнутъ изъ книги благодати, исключенъ изъ числа дѣтей-наслѣдниковъ; я—негодный черепокъ, мишень для насмѣшекъ сволочи въ притонахъ разврата; Онъ заперъ меня туда, куда вгоняютъ псовъ; и вотъ я лежу, съ изорваннымъ тѣломъ, обливаясь кровью,—и не могу отказаться отъ Него!

САТАНА.—Элоимы падаютъ ницъ передо мною; а ты—комъ грязи и кала...

МЕРЛИНЪ.—Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ...

САТАНА.—Негодное сѣмя Евы! Вонь тлѣнія уже исходитъ отъ тебя: ты созрѣлъ для погибели! (*Касается его.*)

МЕРЛИНЪ (*умирая*).—Да святится имя Твое!..

III.

Такъ-то, послѣ гибели однихъ и отчаянія—т.-е. интеллектуальной смерти—другихъ, остаются живыми только оба крайнихъ, непримиримыхъ принципа вѣры, олицетворенные въ двухъ символахъ—сатанѣ и Граалѣ. И пока живъ будетъ міръ, эти два принципа будутъ образовать оба полюса вѣры и отъ нихъ будутъ исходить тѣ враждебныя другъ другу теченія, которыя, встрѣтившись въ груди одного и того же человѣка, будутъ вызывать такой же конфликтъ, такую же трагедію, какъ и въ драмѣ о волшебникѣ Мерлинѣ. Выясненіе этихъ двухъ принциповъ, поэтому,—наша первая задача.

Начнемъ съ сатаны. Уже по пересказу драмы читатель могъ замѣтить, что передъ нимъ не дьяволъ, не отецъ зла и врагъ рода человѣческаго — дьяволъ уживался бы со всякимъ типомъ вѣры, будучи антитезисомъ божества, и не могъ быть носителемъ особой религіозной идеи. Нѣтъ; исходя изъ совершенно правильной мысли, что наша умственная и нравственная культура есть продолженіе античности, а не юдаизма, поэтъ представилъ въ своемъ сатанѣ именно античную религію, поскольку послѣдняя выражалась не въ культахъ, а въ сознаніи просвѣ-

щеннѣйшихъ мужей древности. И да не подумаетъ читатель, что поэтъ допустилъ анахронизмъ, воскрешая, будто бы, окончательно побѣжденную христіанствомъ и поэтому отжившую свой вѣкъ религію. Та религія античности, о которой идетъ рѣчь, была, правда, побѣждена христіанствомъ, но не уничтожена имъ; она всплываетъ наружу вездѣ тамъ, гдѣ свѣточъ христіанства тускнѣетъ, и если бы современной наукѣ о мірѣ, чиноначальникомъ которой признается Дарвинъ, удалось выработаться въ цѣльное интеллектуально-этическое міросозерцаніе, то имъ стала бы именно античная религія Иммермановскаго сатаны. Но почему же, спрашивается, поэтъ сдѣлалъ ея носителемъ библейскаго сатану, а не какого-нибудь эллинскаго бога? Ленау въ своемъ диѳирамбѣ, посвященномъ памяти Бетховена, говоритъ, что „при звукахъ его симфоній, шумящихъ точно ливни святой грозы, ему чудится, что на тучахъ приближается Зевсъ и цѣлуетъ обагренное кровью чело Христа“ — при чемъ онъ разумѣетъ такой же контрастъ, какъ и нашъ. Но Иммерманъ писалъ драму; драма предполагаетъ фабулу, а для Зевса нѣтъ общей фабулы съ христіанскимъ Олимпомъ. Къ тому же, историческая эволюція религій шла на встрѣчу символизаціи, избранной нашимъ поэтомъ: отцы церкви объявили языческихъ боговъ дьяволами — можно было, поэтому, безъ натяжки выставить сатану представителемъ языческой религіи. Это до того естественно, что современный итальянскій поэтъ Джозуэ Кардуччи пошелъ по тому же пути: нѣкоторыя строфы его знаменитаго „Inno a Satana“ производятъ впечатлѣніе, будто онѣ написаны подъ вліяніемъ „Мерлина“.

Для сатаны общая фабула съ христіанскимъ Богомъ, разумѣется, была; но для того, чтобы сатана могъ явиться въ требуемой роли представителя античной, т.-е. естественной религіи, ее нужно было нѣсколько видоизмѣнить, вводя въ нее новые элементы. Эти послѣдніе восходятъ къ Платону, допускавшему, что высшее божество поручило сотвореніе міра низшему духу, такъ называемому *деміургу*; отъ Платона они перешли къ гностикамъ, отожествившимъ этого деміурга съ сатаной: Иммерманъ, подчиняясь духу своего времени, воспроизводитъ ихъ съ примѣсью гегеліанства. Согласно этой фабулѣ, Богъ создалъ лишь матерію, какъ таковую, въ качествѣ отрицанія самого себя: но сатана—деміургъ, „полный пламеннаго состраданія, на крылахъ бури спустился къ отверженной — таково истинное преданіе о грѣхопаденіи ангеловъ!“ — „Я“—продолжаетъ онъ, стараясь вовлечь сына въ кругъ своихъ замысловъ,—„я отдѣлилъ твердую

землю отъ неба, отдѣлилъ свѣтъ отъ мрака, море отъ материка, зажегъ пламя рѣющихъ въ эѳирѣ свѣтилъ, призвалъ къ жизни все несмѣтное число животныхъ породъ. И вотъ онѣ были и двигались, жили той маленькой жизнью, которую моя любовь вселила въ каждую изъ нихъ; все прыгаетъ, мчится, ликуетъ; всякая тварь узнаетъ назначенную ей пищу по влеченію, которымъ я ее одарилъ. Къ шестому дню все было готово; тогда я, вдыхая благоуханіе міросданія, прошелся по саду и принялъ невинную, младенческую благодарность отъ тысячи породъ моей юной паствы“.

Мы безъ труда узнаемъ тутъ божество Природы, непосредственно реальную, видимую и ощутимую, хотя и глубоко таинственную жизненную силу, которою живетъ нашъ міръ и мы сами; но витализмъ, это—научная теорія, фундаментъ—если угодно—религій, но еще не религія. Для того, чтобы этой теоріи превратиться въ религію, нужно, чтобы къ физическому элементу присоединился нравственный; мыслима ли нравственность чистаго витализма? Сатана утверждаетъ, что—да. „Знаешь ли ты,—спрашиваетъ онъ Мерлина,—нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ мое зданіе? болѣе постоянное равновѣсіе расцвѣта и умиранія? болѣе чистый обмѣнъ рожденій и смертей? болѣе нѣжныя оттѣненія въ смѣшеніи радости и горя? Знаешь ли ты болѣе необходимую необходимость? болѣе законченный кругъ взаимно сцѣпленныхъ обязанностей? болѣе справедливое уничтоженіе вины? болѣе безусловное постоянство? Богачъ находитъ себѣ кару въ томъ самомъ, что̀ составляетъ предметъ его желаній; герой побѣждаетъ благодаря избытку силъ и черезъ него же гибнетъ; царь пьетъ наравнѣ со всѣми изъ чаши забвенія; народъ остается во мракѣ, но зато онъ неразрушимъ“.

Физическій принципъ поднятъ въ нравственную сферу; закону сохраненія матеріи и энергіи въ видимомъ мірѣ соотвѣтствуетъ столь же безусловный законъ *сохраненія нравственной силы*. Вся эволюція нравственной монады совершается внутри предѣловъ земной жизни; нѣтъ надобности, для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, прибѣгать къ гипотезѣ надземнаго міра: оно возстановляется здѣсь же, на землѣ, въ силу того же витализма, который царитъ и въ физической природѣ; „обмѣну“ же рожденій и смертей соотвѣтствуетъ столь же чистый обмѣнъ радостей и горестей. Но что̀ же сказать о явныхъ несправедливостяхъ нашей жизни? Ихъ нѣтъ; то, что̀ мы относимъ туда, столь же призрачно, какъ и кажущееся исчезновеніе матеріи, кажущаяся остановка движенія.—А неравномѣрное распредѣле-

ніе благъ земныхъ?—Оно существуетъ только для того, кто односторонне судитъ о предметахъ и, видя въ нихъ одни только плюсы или одни только минусы, скрываетъ отъ себя простой фактъ, что $+1000-1000$ и $+1-1$ — одинаковыя величины.—Но вотъ — счастливецъ, баловень природы и судьбы; вотъ, съ другой стороны,—больной или узникъ; неужели въ одномъ существованіи этихъ двухъ противоположностей нѣтъ вопіющей несправедливости?—Нѣтъ, такъ какъ оба они не одинаковой душой воспринимаютъ свои ощущенія; почему же вы, признающіе $^1/_2$ и $^{1000}/_{2000}$ за одинаковыя величины, въ данномъ случаѣ сравниваете только числители, упуская изъ виду неравенство знаменателей, т.-е. воспринимающихъ душъ? Примите во вниманіе и ихъ—тогда вы увидите, что моментъ высшаго упоенія счастливца представляетъ такую же величину, какъ и моменты отдыха больного или узника.—А смерть?—Она не ощутительна для особи, которая, не выработавъ еще индивидуальнаго самосознанія, живетъ одной общей жизнью съ своей породой; для той же, у которой это сознаніе выработалось, интенсивность индивидуальной жизни должна служить вознагражденіемъ за потерянную экстенсивность. Чего же вы ропщете? Откажитесь, если вамъ страшно, отъ „лжевѣры въ мнимое я“ (Ichwahn), и вы безъ труда, размышляя о „цѣнности жизни“, присоединитесь къ „героическому міросозерцанію“ реформатора нашихъ дней.—Углубитесь въ прелесть этого нравственнаго макрокосма, точный реверсъ физическаго, и вы увидите, что и здѣсь, не выходя изъ предѣловъ видимой жизни, „силы восходятъ и нисходятъ, взаимно подавая другъ другу золотые сосуды“.

Итакъ, живи во всю, живая тварь, развивай зародыши всѣхъ силъ, вложенныхъ въ тебя природой; въ этомъ—не только наслажденіе, но и заслуга. Разъ внѣ жизни нѣтъ ничего, то законъ жизни остается единственнымъ обязательнымъ для насъ закономъ, единственнымъ мѣриломъ, дающимъ намъ познать цѣнность всего, что̀ окружаетъ насъ; хорошо все то, что̀ способствуетъ осуществленію жизни. Хороша дѣятельность, но дѣятельность полная, всесторонняя, затрогивающая и призывающая къ жизни по возможности всѣ части нашего существа; хорошо напряженіе этой дѣятельности, дѣлающее человѣка героемъ, когда жизнь бурной волной разливается по жиламъ, когда чувствуешь, что все полно тобою и ты полонъ всѣмъ, когда все прошлое, все настоящее сливаются въ одинъ упоительный мигъ; хороши страсти, ведущія къ этому торжеству—и отвага, и гнѣвъ, и любовь... особенно любовь. Тутъ законъ жизни дѣйствуетъ

съ удвоенной силой; природа, озабоченная сохраненіемъ и развитіемъ породы и внѣ предѣловъ существованія особи, окружила всѣми чарами, которыя были въ ея власти, моментъ этой передачи, этой излучины жизни. Она хотѣла, чтобы всѣ стремились къ этому высшему наслажденію чувствъ, такъ какъ только при этомъ всеобщемъ стремленіи возможно всеобщее соревнованіе и побѣда совершеннѣйшихъ, при чемъ совершается передача достоинствъ, а съ этимъ—постепенное совершенствованіе породы, высшее осуществленіе закона жизни.

Такова религія сатаны.

И вдругъ золотая цѣпь, сдерживавшая въ предѣлахъ видимости нравственный макрокосмъ, разрывается; чья-то таинственная рука направляетъ ея отдѣленные другъ отъ друга концы куда-то внѣ пространства, въ невидимый, невѣдомый міръ; чье-то властное слово свергаетъ законъ жизни съ того престола, откуда сатана одинаково управлялъ и физической, и нравственной природой. Отнынѣ гармонія міроздания нарушена; нравственный макрокосмъ пересталъ быть реверсомъ физическаго; ихъ силы, дѣйствовавшія до тѣхъ поръ въ одномъ направленіи, отнынѣ обращены другъ противъ друга. Что прежде называлось жизнью, теперь было объявлено смертью, и ему была противопоставлена другая—истинная, настоящая жизнь; пути же къ достиженію этой новой жизни были прямо противоположны тѣмъ, по которымъ осуществлялась жизнь религіи витализма. Требовалась не дѣятельность, а созерцаніе; не пылкое стремленіе, а отреченіе и лишеніе; не страсть, а смиренная кротость; не любовь, а...

Любовь!.. что дѣлать, мы по неволѣ путаемся въ терминологіи, такъ какъ нашъ языкъ въ своей эволюціи не сопровождалъ перехода отъ религіи сатаны къ религіи Христа. Но древніе христіане знали, что дѣлали, когда они новому принципу *христіанской* любви, въ противоположность къ сверженному *amor*, дали имя *caritas*—и намъ ничего не остается, какъ послѣдовать за ними. Можемъ даже идти дальше, и, въ виду того, что это послѣднее понятіе получило свое наибольшее развитіе въ средніе вѣка,—принять и знаменующее его слово въ его средневѣковой формѣ. Кто видѣлъ въ Италіи, наканунѣ праздника св. Франциска, это слово: „Charitas“, пылающимъ огненными буквами на храмахъ этого восторженнаго проповѣдника христіанской любви, тотъ пойметъ и одобритъ предпочтеніе, которое ему отдается въ Италіи.

Amor выдѣляетъ и возвышаетъ однихъ на счетъ остальныхъ; *charitas* уравниваетъ всѣхъ, подводя ихъ подъ общее понятіе:

„ближній“. Дифференціація душъ, естественная въ обычной жизни, стала теперь немыслимой; было бы верхомъ нечестія допустить, что у труженика и страдальца душа менѣе чуткая, чѣмъ у какого-нибудь баловня природы и судьбы. А при равенствѣ знаменателей неравенство числителей оказалось явной и вопіющей несправедливостью: очевидно, нравственное равновѣсіе, нарушаемое *здѣсь*, возстановляется *тамъ*; очевидно, всякое горе, всякое лишеніе *здѣсь*—будетъ возмѣщено *тамъ*. Итакъ, бѣги отъ жизни и ея радостей, безсмертная душа: чѣмъ болѣе ты будешь смирять и карать себя *здѣсь*, тѣмъ богаче, тѣмъ роскошнѣе станетъ сокровище, которое тебѣ будетъ предоставлено *тамъ*.

А наслѣдственность, а порода?.. Но законъ жизни въ физическомъ мірѣ неумолимъ: при новыхъ условіяхъ, все это должно мельчать и слабѣть. Колесу эволюціи данъ обратный ходъ; мы должны вернуться къ началу, къ первобытному хаосу. Отецъ жизни, сатана, это знаетъ: въ провозглашеніи принципа *charitas*, въ сверженіи закона жизни, онъ видитъ замыселъ Всевышняго разрушить его твореніе, вернуть то, что̀ было раньше. „Въ теченіе трехъ тысячелѣтій,—говоритъ онъ,—таилъ Онъ свое недовольство; но теперь Онъ—въ гнѣвѣ за то, что моя любовь призвала къ бытію то, что̀ Онъ жестоко осудилъ на вѣчный сонъ,—разлилъ клокочущій варъ броженія на землю. Съ тѣхъ поръ какъ Онъ стоналъ и дрожалъ на Голгоѳѣ, червь точитъ плоды великаго дерева, чума разъѣдаетъ суставы крѣпко сложеннаго тѣла, мое безсмертное благочувствіе отравлено. Вѣдь очи моихъ людей—вотъ тѣ чаши, къ которымъ все живое поднимаетъ, съ жаждой освѣженія, свои высохшія уста; къ нимъ я направилъ всѣхъ гостей моей трапезы. А Онъ... заслонилъ туманомъ ясные, веселые взоры, съ тончайшимъ коварствомъ увлекая несчастныхъ въ безсущное, въ неизслѣдимое. Но къ чему нёбо, если ему нельзя услаждаться? Къ чему ухо среди поста молчанія? Какая польза въ рукѣ и ногѣ при вялой неподвижности? что̀ проку въ глазахъ, которыхъ не радуютъ цвѣта? И вотъ они, одаренные чувствами, нервами, кровью, духомъ—силятся презрѣть эти мои дары; о, нечестиво самоубійственное стремленіе! о, бѣшенство, разрушающее самый родникъ жизни! Дай имъ только, подъ властью безцѣльной тоски, изныть въ своихъ тщетныхъ заботахъ—и умретъ весна, осень, лѣто, вечеръ, утро, не вдохновляемыя болѣе хвалою людей; вся природа погаснетъ въ страданіяхъ смерти. Тогда Онъ достигнетъ того, чего хотѣлъ; овладѣетъ тѣмъ, что̀ мое—тогда Онъ опять съ хаосомъ наединѣ!“

Вотъ причина трагической грусти деміурга—той грусти, ко-

торая даже его ближайшимъ подданнымъ непонятна. Сладкое слово *charitas*, видно, глубоко запало въ душу человѣчеству, когда даже Люциферъ не можетъ противостоять его чарамъ.— „Да, это такъ,—говоритъ онъ,—таинственный вѣтерокъ ласкающаго разложенія проносится надъ землей; съ свѣжей, доброй, кроткой улыбкой заключаютъ они свой новый союзъ. Прежніе ликующіе напѣвы выростаютъ въ гимны торжественныхъ славословій; камни, и тѣ восчувствовали желаніе легко воспрянуть къ небесамъ. Порталъ вытягивается въ сводчатый проходъ, чтобы услышать исходящую свыше сладкую вѣсть; низкая колонна выростаетъ въ стройный стволъ и несетъ, точно дерево, гранитные цвѣты и плоды“... Но сатана недоступенъ этой чувствительности; раздающееся вдали церковное пѣніе звучитъ для него похоронной пѣснью всему тому, что онъ призвалъ къ жизни, всему прекрасному и сильному, что было при немъ и чему долѣе не бывать. „О, земля, дочь моего пламени, ты ли изольешь въ стонъ всю твою жизнь? О, юный пылъ, о, буйное веселье, о, нагія тѣла, о, дерзкое искусство, о, мощный кличъ богатырскаго гнѣва, о, прекрасная и въ смерти царственно-грозная отвага,—все изстрадалось въ безсмысленномъ плачѣ, въ тупо-святошескомъ унынiи!“

Вотъ обстановка, вотъ настроеніе, въ которомъ созрѣваетъ мысль—послѣдовать примѣру Всевышняго, и, ради спасенія закона жизни, дать гибнущему міру антихриста.

IV.

„Что такое Грааль?“—спрашиваетъ Плацидъ своего молодого учителя въ той сценѣ, гдѣ тотъ выясняетъ ему двойную сущность Крови Господней. И мы должны поставить здѣсь этотъ вопросъ,—но не съ тѣмъ, чтобы отвѣтить на него съ точки зрѣнія наивной легенды.

Въ то время, когда двери Монсальвата уже раскрылись передъ Лоэнгриномъ, въ его сердце закрадывается сомнѣніе, не дающее ему перешагнуть порогъ храма. „Подлинно ли я избранъ?“—спрашиваетъ онъ:—„вѣдь то, что во мнѣ есть—самое обычное дарованіе“. Но тотчасъ его умъ проясняется, ему совѣстно своихъ сомнѣній: „чѣмъ была бы святость, если бы до нея можно было дослужиться? чѣмъ была бы безконечность, если бы конечное могло достигнуть ея на крыльяхъ желанія? Нѣтъ, надо мною тяготѣетъ неотвратимость, стальныя цѣпи охватываютъ меня. Дѣяніе человѣка, единственно отличимое,

это—*сознавать себя въ состояніи избраннаго*".—„Да, Лоэнгринъ, —отвѣчаютъ ему:—жалкая хитрость (Schelmenlist), учащая, что можно купить высшее сокровище за грошъ, называемый добродѣтелью, у насъ въ загонѣ...: Но и это у насъ въ такой же мѣрѣ считается жалкою хитростью, какъ если бы кто думалъ, что путемъ отреченія и страданій онъ можетъ обрѣсть святой Грааль... Нѣтъ! Грааль — таинство, ниспосланный даръ. Теперь только, когда ему открылась сущность этого таинства, ему дозволяютъ прочесть надпись надъ порталомъ храма; она гласитъ: „Я основалъ себя по собственному праву; напрасно ищете вы меня. Тотъ путникъ, который находитъ мою обитель—того искалъ я".

По этимъ словамъ мы легко узнаемъ, что̀ такое Грааль и какая его роль въ трагедіи вѣры; Грааль, это—*благодать*, единственное условіе оправданія и спасенія для христіанина. Да, единственное; рядомъ съ нимъ нѣтъ другого; заслуга, какъ въ ея положительныхъ проявленіяхъ („добродѣтель"), такъ и въ отрицательныхъ („отреченіе и лишенія"), рѣшительно отвергается; цѣна ей—„грошъ", и только „жалкая хитрость" можетъ соображать, что за этотъ „грошъ" ей удастся купить спасеніе. — Но чѣмъ же можно удостоиться этой благодати? — Ничѣмъ; она всецѣло въ рукахъ Того, Кто ее ниспосылаетъ избраннымъ. Человѣкъ ничѣмъ не въ состояніи содѣйствовать достиженію этой благодати и, слѣдовательно,—своему спасенію; во-первыхъ, потому, что всѣ средства, которыми онъ располагаетъ, ничтожны въ сравненіи съ величіемъ предмета его желанія; во-вторыхъ, потому, что такая открытая человѣку возможность *заслужить* свое спасеніе была бы ограниченіемъ правъ Всевышняго—даровать его своимъ избранникамъ по своему собственному произволу. Нѣтъ, человѣкъ долженъ отказаться отъ всякой мысли о томъ, будто онъ своими дѣлами можетъ снискать расположеніе своего Творца; его единственное дѣло, это—„чувствовать себя въ состояніи избраннаго"; его оправдываетъ только вѣра—и болѣе ничего.

Ученіе о всемогущей и самодовлѣющей благодати, какъ извѣстно, едва было затронуто восточной церковью, занимавшеюся почти исключительно космогоническими и христологическими вопросами; зато на Западѣ, гдѣ еще жилъ юридическій духъ древняго Рима, отношеніе человѣка къ Творцу было главнымъ предметомъ всеобщаго вниманія. Всѣхъ волновало соотношеніе обоихъ путей, представляющихся къ спасенію: opera meritoria—со стороны человѣка, и gratia gratis data—со стороны Бога; первымъ, рѣшительно высказавшимся въ пользу исключительнаго значенія второго, былъ великій Августинъ; все это ученіе, потому,

носитъ названіе августинизма. Его послѣдствія были очень серьезны; вѣдь если человѣкъ никакими своими дѣяніями не можетъ измѣнить въ ту или другую сторону движеніе Божьей благодати, то это значитъ, что Богъ еще заранѣе, еще до ихъ рожденія, намѣтилъ и избранныхъ, и отверженныхъ (praedestinati); но если такъ, то гдѣ же справедливость?—Гдѣ справедливость? Справедливость требовала бы, чтобы вся человѣческая порода была обречена на гибель, такъ какъ она вся, какъ „massa perditionis“, заслуживаетъ ее; если же Богу въ его неисповѣдимой милости угодно добрую часть ея, по собственному выбору, спасти и удостоить высшаго блаженства, то кто осмѣлится видѣть тутъ нарушеніе справедливости?—Но гдѣ первый принципъ христіанской нравственности, гдѣ charitas? Въ чемъ ея смыслъ, если она не можетъ содѣйствовать спасенію ближняго отъ угрожающей ему гибели? — Charitas измѣняетъ свое направленіе; отъ существа она переносится на Творца, являясь заслуженною благодарностью Ему за дарованную благодать; она естественно сопровождаетъ то чувство, которое признается единственнымъ отличительнымъ дѣяніемъ избранника.

Ученіе Августина, признанное въ принципѣ церковью, неоднократно возобновлялось съ большей или меньшей послѣдовательностью въ теченіе среднихъ вѣковъ; окончательно его возстановила реформація—Лютеръ и особенно Кальвинъ. Иммерману, какъ протестанту, христіанство Лютера естественно должно было представляться самой чистой и высокой формой христіанства; и мы, съ извѣстной точки зрѣнія, имѣли бы право сказать, что религія Грааля—это христіанство, какъ его поняли и изобразили реформаторы. Дѣйствительно, когда собесѣдникъ Лоэнгрина, объявивъ человѣческую добродѣтель, какъ залогъ благодати, „жалкою хитростью“, продолжаетъ такимъ образомъ: „въ Монсальватѣ ты встрѣтишь бойкую, дерзкую молодежь; въ Монсальватѣ водятся отважные грѣшники (kühne Sünder)—Амфортасъ, Сигуна, отдающіеся суетнымъ страстямъ“,—то трудно не вспомнить о томъ афоризмѣ, въ которомъ католическая Германія сосредоточила этику Лютера: glaubt an Gott und sündigt tapfer! Все же нѣкоторыя оговорки необходимы—въ виду слѣдующей сцены, которую можно бы назвать „видѣніемъ Лоэнгрина“.

...„Вотъ храмъ наполняютъ небесные образы, рѣющіе подъ поясами сводовъ; архангелы, власти, начала, престолы спускаются на лучахъ вдоль колоннъ, вѣнчая голову Богоматери. Она, чистая, отдыхаетъ на золотомъ тронѣ, вся углубленная въ

Младенца, давящаго своей ручкой змѣя смерти. Со всѣхъ сторонъ подходятъ святые, радостно указывая на раны, которыми людскія пытки ихъ одарили; такъ, Севастьянъ—при высшемъ страданіи, въ нѣгѣ возрожденія!—вѣчно умираетъ сладкою смертью; о, онъ постигъ крайнюю глубину сладострастія! Маленькіе ангелы прилетаютъ и играютъ крестомъ, чашей, терніями, столбомъ и бичомъ, добывшимъ ту кровь. И какъ вѣтеръ съ запада шумитъ въ спѣломъ житѣ, такъ шумитъ, гремитъ, бушуетъ въ морѣ любви органъ съ страстными порывами своихъ звуковъ. Гдѣ же печаль? — Она умерла отъ блаженства любви! — Морщина? — Ее сгладила рука любви! — Тѣнь? — Ее разогналъ свѣтъ любви; да, въ радости, юности, ясности ликуетъ любовь!"

Это уже, конечно, не Лютеръ; да, по и не Августинъ. Мы узнаёмъ по этимъ чертамъ средневѣковой августинизмъ, отразившійся и на искусствѣ, которое, вѣроятно, ближайшимъ образомъ вдохновило поэта,—тотъ августинизмъ, проповѣдникомъ котораго былъ Augustinus redivivus двѣнадцатаго вѣка, св. Бернардъ, „отецъ средневѣковой созерцательности" (contemplatio), какъ его называютъ, съ ея лирической, почти чувственной экзальтаціей при углубленіи въ страданія и раны Христа и съ обусловленнымъ ею пышнымъ расцвѣтомъ „божьей любви". Быть можетъ, на нашего поэта тутъ оказали вліяніе и нѣкоторыя явленія внутри лютеранства его эпохи, близкія по своему характеру къ мистической экзальтаціи св. Бернарда (онъ самъ ихъ описалъ въ своихъ „Эпигонахъ"); быть можетъ, онъ думалъ и объ янсенистахъ съ ихъ мистическимъ августинизмомъ; какъ бы то ни было, мы благодарны ему, что онъ освободилъ религіозныя концепціи своей драмы отъ узкихъ рамокъ конфессіонализма.

Насъ здѣсь интересуетъ другой вопросъ: нетрудно замѣтить, что то христіанство, выразителемъ и символомъ котораго является Грааль, далеко не тожественно съ тѣмъ, которое вызвало гнѣвъ и отчаяніе сатаны и породило въ немъ желаніе создать антихриста. Дѣйствительно, тамъ требовались отреченія и лишенія, долженствующія добыть для христіанина, взамѣнъ пожертвованныхъ имъ земныхъ благъ, вѣчное сокровище въ небесахъ—здѣсь это отреченіе, эти лишенія являются „жалкой хитростью"; тамъ мы имѣемъ равенство людей, какъ ближнихъ, подъ цвѣтомъ всеобъемлющей charitas, побѣдившей дифференцирующій языческій amor—здѣсь сохранено лишь слово charitas, понимается же подъ нимъ любовь къ Богу, какъ благодарность за лично испытанную дифференцирующую благодать; тамъ „все изстрадалось въ безсильномъ плачѣ, въ тупомъ святошескомъ унынія"—здѣсь „въ

радости, юности, ясности ликуетъ любовь“. Отмѣтимъ здѣсь это несоотвѣтствіе—объяснять его еще не мѣсто, такъ какъ имъ главнымъ образомъ обусловливается эволюція вѣры въ душѣ самого Мерлина, о которой придется говорить ниже,—но установимъ вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, что христіанство Грааля не менѣе, а гораздо болѣе враждебно религіи сатаны, чѣмъ то, которое привело его въ ярость, когда онъ съ сирійскихъ скалъ смотрѣлъ на зачатіе новой вѣры въ долинѣ Іордана. То раннее христіанство—о немъ рѣчь будетъ тотчасъ—въ одномъ сходилось съ витализмомъ сатаны: оно признавало *дѣятельность* человѣка его главной заслугой, признавало соревнованіе въ этой дѣятельности. Положимъ, этой дѣятельности было указано другое и даже противоположное прежнему направленіе, колесу былъ данъ, какъ мы сказали выше, обратный ходъ; все-же, оно не было остановлено, движущаяся имъ сила не была разрушена, такъ что будущему поборнику замысловъ сатаны достаточно было вторично измѣнить направленіе движенія; это, спѣшимъ замѣтить, не конструкція, а прямой выводъ изъ неоспоримыхъ историческихъ фактовъ, какъ это подтвердитъ всякій, кто знакомъ съ исторіей церкви. Здѣсь не то. Вся дѣятельность, какова бы она ни была, объявлена безцѣльной и безплодной; пускай ученіе о предопредѣленіи войдетъ въ плоть и кровь вѣрующихъ—и результатомъ будетъ повсемѣстный квіетизмъ, ставящій чувства и настроенія на мѣсто дѣяній. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовать? Всѣ наши поступки лишены всякой цѣнности, поскольку они исходятъ не отъ Божьей благодати, а отъ нашей свободной воли. Да у насъ ея и нѣтъ, этой свободной воли — praedestinatio устраняетъ liberum arbitrium. Ты согрѣшилъ—не кручинься: во-первыхъ, ты не могъ не согрѣшить, и стало быть не отвѣтственъ; а во-вторыхъ, твой грѣхъ не вычеркнетъ тебя изъ книги благодати, если ты въ ней стоишь; а если не стоишь, то не все ли равно?

Никогда церковь не признавала ученія о самодовлѣющей благодати, о предопредѣленіи и объ отсутствіи свободной воли въ той строго послѣдовательной формѣ, въ которой оно по временамъ излагалось въ богословскихъ сочиненіяхъ; всегда требованія практической нравственности сглаживали рѣзкости теологической теоріи. Но въ „трагедіи вѣры“ движущіе принципы должны быть выставлены во всей своей неумолимой чистотѣ—и съ этой точки зрѣнія нашъ поэтъ вполнѣ правъ.

Мы видѣли, какъ у самаго порога Монсальвата внезапное открытіе истины вызвало въ душѣ Лоэнгрина то торжественное

настроеніе, въ которомъ всѣ страданія и несовершенства казались ему снесенными и залитыми могучимъ потокомъ Божьей любви; но вотъ за кратковременной экзальтаціей послѣдовали долгія скитанія по землѣ—и Лоэнгринъ извѣрился въ дѣйствительности той вѣсти о Граалѣ, которую онъ долженъ былъ принести людямъ. Онъ увидѣлъ во-очію всю ту „massa perditionis", въ отверженіи которой его религія приказываетъ ему видѣть актъ высшей божеской справедливости; и эта „massa perditionis" обнимала все, что только было „совершеннаго, прекраснаго, несравненнаго на землѣ". Такъ и Меланхтонъ, съ страстнымъ увлеченіемъ неофита примкнувшій къ Лютеру, отшатнулся отъ него въ вопросѣ о предопредѣленіи и „порабощеніи воли" (servum arbitrium).

Но иначе представляется религія Грааля тому, кто смотритъ на нее извнѣ глазами разума—иначе тому, кто (подобно Августину и нѣкоторымъ августинцамъ, съ Лютеромъ включительно) дошелъ до нея путемъ внутренняго переживанія, послѣ долгихъ и томительныхъ сомнѣній, кому она явилась непосредственной увѣренностью въ спасеніи, исполненіемъ августинской молитвы: dic animae meae: „salus tua Ego sum!" Носителемъ *этого* аспекта религіи Грааля поэтъ вывелъ Титуреля. Вотъ какъ поетъ о немъ менестрель при дворѣ короля Артуса (читатели легко найдутъ въ его пѣснѣ родственность настроенія съ однимъ очень извѣстнымъ стихотвореніемъ Лермонтова, но и помимо того справедливость требуетъ, чтобы въ изложеніи религіи Грааля не была забыта та ея сторона, въ которой заключается ея главная, ея лучшая сила):

„Нѣкогда въ Землѣ Спасенія (Salva Terra) услышалъ Периллъ чудные звуки; они раздавались не на землѣ—они раздавались съ небесныхъ высотъ.

„То не были слова, которыя можно бы было понять; Периллу стало грустно съ этой самой минуты.

„Онъ повѣрилъ эту вѣсть, умирая, своему сыну; тотъ качалъ на колѣняхъ прекраснаго, милаго младенца.

„И когда малолѣтній Титурель услышалъ изъ устъ дѣда о пѣснѣ въ Землѣ Спасенія—его умъ омрачился.

„Онъ спрыгнулъ внезапно съ колѣнъ отца и пустился бѣжать, томимый тоской, по всей землѣ.

„Онъ все прислушивался, не раздастся ли гдѣ-либо эта пѣснь, и вздыхалъ, что она все еще ему не звучитъ.

„Титурель уже выросъ изъ своего дѣтскаго платья; въ поискахъ обходитъ землю доблестный юноша.

„Уже сходятъ свѣжесть и румянецъ съ молодыхъ нѣкогда щекъ; въ поискахъ обходитъ землю старѣющій Титурель.

„Съ морщинами на челѣ, съ сѣдыми, рѣдѣющими волосами падаетъ въ отчаяніи среди пустыни старикъ.

„И вотъ спускаются съ неба четыре ясныхъ какъ серебро ангела, неся въ своихъ рукахъ святую чашу.

„И снова раздалось чудное пѣніе, нѣкогда услышанное дѣдомъ,—то пѣніе, ради котораго пошелъ странствовать благочестивый внукъ.

„И на чашѣ запылали огненными знаками письмена; вотъ что возвѣстилъ своимъ пламенемъ трижды священный Грааль:

„Тебя, Титурель, избралъ я своимъ пѣстуномъ; ты построишь мнѣ храмъ и назовешь его Монсальватомъ“.

Такъ и Августинъ, въ поискахъ за чудными звуками, заронеными въ его душу его благочестивою матерью Моникою, долго скитался по пустынямъ неоплатонизма и манихеизма, пока они ему не раздались вновь изъ устъ Амвросія; исповѣдь Августина—вотъ толкованіе символовъ, заключающихся въ краткой легендѣ о Титурелѣ. Только тотъ, кто путемъ внутренняго перерожденія проникся религіей Грааля, можетъ судить объ ея абсолютной цѣнности: остальные могутъ говорить объ ея культурномъ значеніи, но должны воздерживаться отъ всякихъ сужденій о томъ, чѣмъ она была и еще можетъ быть для своихъ адептовъ.

V.

Религія сатаны, т.-е. законъ жизни, и религія Грааля, т.-е. произволъ благодати, представляютъ собой оба полюса, между которыми и подъ вліяніемъ которыхъ движется олицетворенная въ Мерлинѣ религіозная идея. Но кромѣ этихъ двухъ концепцій возможны еще другія; ихъ носителями являются другія выступающія въ трагедіи лица—Плацидъ, Кандида, Артусъ, Клингзоръ. Всѣ они, будучи очень непохожи другъ на друга, составляютъ, тѣмъ не менѣе, одну группу, рѣзко отличную отъ тѣхъ двухъ принциповъ, о которыхъ рѣчь была выше: тѣ восторжествовали надъ Мерлиномъ, оставшись неприкосновенными послѣ его паденія—эти, напротивъ, такъ или иначе переходятъ въ Мерлина, подготовляя его и преклоняясь передъ нимъ.

Это касается, прежде всего, той формы христіанства, представителемъ которой выведенъ Плацидъ.

Мы встрѣчаемъ его впервые въ разговорѣ съ Кандидой—

разговорѣ, напоминающемъ отчасти сцену въ Чудовомъ монастырѣ у Пушкина. Только тутъ собесѣдники помѣнялись ролями. Стремленіе Кандиды къ отшельнической жизни не нравится Плациду. „Отчего же ты самъ, мой отецъ, посвятилъ себя строгому одиночеству?—спрашиваетъ та. Онъ отвѣчаетъ указаніемъ на ихъ различный возрастъ, и затѣмъ продолжаетъ:—„Старому воину добыли право на покой его раны, трудно поддававшіяся леченію; морщины на моемъ лбу—вотъ рубцы ранъ, полученныхъ мною во многихъ бояхъ“.—„Развѣ тебѣ жилось такъ дурно?—спрашиваетъ Кандида“.—„Оставь это, дитя мое,—отвѣчаетъ онъ,—это—дѣла прошлаго“. Но въ этомъ онъ ошибается: прошлое не хочетъ умирать. Въ ту тревожную ночь, во время которой совершается „великое дѣло мрака“, она опять навѣщаетъ Плацида. „Мой сонъ былъ неспокоенъ,—жалуется онъ на слѣдующее утро:—мнѣ снились горестныя событія моей молодости, и старая вина, давно поблекшая, грозно подняла руку противъ меня. Вотъ я и наказанъ; какъ строго бранилъ я эту бѣдную дѣвушку (объ этомъ ниже), вмѣсто того, чтобы въ духовной бесѣдѣ провести съ нею ночь и кротко возжечь въ ея сердцѣ кроткій свѣтъ покаянія! Да, вотъ каковы мы; мы радостно мнимъ себя уже на горѣ, а между тѣмъ наше высшее, наше лучшее дѣяніе—это постоянное, тяжелое восхожденіе“.

Какъ понятно, какъ близко намъ все это! Очевидно, мы имѣемъ здѣсь раннюю форму христіанства—ту самую, противъ которой такъ яростно возсталъ сатана. Сознаніе человѣкомъ своей грѣховности и жажда покаянія—вотъ первыя, самыя дѣйствительныя силы, создавшія христіанскія общины; „покайтесь и примите крещеніе, ибо царствіе Господне близится“,—таковъ былъ кличъ, уготовившій путь Господу. И нѣтъ возможности сомнѣваться, что религія покаянія, которую мы имѣемъ здѣсь—самая дѣйствительная, самая захватывающая форма откровенія человѣку высшаго нравственнаго начала, руководящаго его жизнью, а съ нимъ и Бога. Таковъ смыслъ притчи о блудномъ сынѣ; таковы много разъ повторяющіеся примѣры въ исторіи обращеній и религіозныхъ подвиговъ; таковы и выводы практической психологіи. Не на ясномъ голубомъ небѣ, нѣтъ—на мрачныхъ, грозовыхъ тучахъ появляется радуга, этотъ древній символъ примиренія Бога съ человѣкомъ; такъ и въ душевномъ мірѣ свѣтъ вѣры загорается на темномъ фонѣ грѣха. Не таинственную Божью благодать, не неописуемое райское блаженство сулили проповѣдники христіанства внимавшей имъ толпѣ: чарую-

щей силой, привлекавшей къ нимъ сердца, было „отпущеніе грѣховъ“.

Но чѣмъ очевиднѣе этотъ фактъ, тѣмъ двусмысленнѣе и соблазнительнѣе положеніе, занимаемое въ религіи покаянія грѣхомъ. Съ одной стороны, грѣхъ—зло, отдаляющее человѣческую душу отъ Творца; но, съ другой стороны, онъ—единственное условіе покаянія и, слѣдовательно, примиренія съ Творцомъ. Удивительно ли, что съ этой послѣдней точки зрѣнія грѣхъ показался однажды... выразимся осторожно: чѣмъ-то въ родѣ добра? Это не конструкція; Тертулліанъ, этотъ великій парадоксистъ среди христіанскихъ апологетовъ, имѣлъ смѣлость объявить грѣхъ заслугой: „peccando promeremur!“—сказалъ онъ съ той неподражаемой эффектной краткостью, которая свойственно его рѣчи; „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“, твердили, много вѣковъ спустя, ѳедосѣевцы. Положимъ, есть средство избѣгнуть этого соблазна,—и церковь не замедлила имъ воспользоваться. Нѣтъ надобности опасаться, какъ бы въ религіи покаянія грѣшникъ не оказался въ лучшемъ положеніи, чѣмъ нетронутый грѣхомъ человѣкъ: всѣ мы грѣшники. И дѣйствительно, въ области разсужденій затрудненіе устраняется довольно легко; но наша совѣсть дѣлаетъ строгое различіе между настоящими грѣхами, ложащимися на нее тяжелымъ бременемъ и взывающими о примиреніи, и такими, въ силу которыхъ мы всѣ безъ особаго безпокойства чувствуемъ или, вѣрнѣе, называемъ себя грѣшниками.

Въ этомъ заключается тайное противорѣчіе религіи Плацида и вмѣстѣ съ тѣмъ причина ея недолговѣчности. Покаяніе (мы говоримъ о настоящемъ покаяніи), пароксизмъ, мощное сотрясеніе нашего нравственнаго организма,—какъ финалъ жизни, оно безукоризненно и ничего болѣе не требуетъ. Но если оправданному грѣшнику говорятъ: „иди и не грѣши“,—то предстоящая ему дальнѣйшая жизнь, дальнѣйшія его отношенія къ Богу, уже не укладываются въ рамки религіи покаянія. Это касается не только отдѣльнаго человѣка, но и всего человѣчества; и для него наступило, послѣ первыхъ восторженныхъ десятилѣтій, время, когда оно извѣрилось въ непосредственно предстоящемъ концѣ міра и пришествія царствія Господня, когда религіей, облюбованной въ виду ожидаемой скорой смерти, пришлось воспользоваться какъ орудіемъ для жизни. Тогда и произошелъ кризисъ.

Плациду не суждено было обрѣсть покой въ пустынѣ, куда онъ, какъ кающійся, удалился, въ ожиданіи скорой кончины; его

увлекъ за собой Мерлинъ. „Гдѣ исходъ,—жалуется онъ,—изъ этого лабиринта? Гдѣ истина? Гдѣ начинается заблужденіе? Я думалъ, что нить моей жизни уже мирно доведена до конца; и вдругъ непонятное мнѣ чудо опять вырываетъ меня изъ полумрака моей обители на свѣтъ дня! Такъ птица вечеромъ скрывается подъ уступомъ стѣны, чтобы тамъ заснуть; но жестокая буря ее изгоняетъ изъ ея убѣжища и бросаетъ на встрѣчу порывамъ и ливнямъ грозы". Онъ и любитъ своего таинственнаго питомца, самъ не зная почему, и ненавидитъ его, какъ разрушившаго прежній идеалъ его жизни. „Мнѣ хочется подчасъ,—говоритъ онъ ему,—прогнать тебя суровымъ проклятіемъ; но я чувствую, что это было бы для меня величайшимъ горемъ. Ты стоилъ мнѣ многихъ заботъ и трудовъ; все-же, мнѣ было бы лучше, еслибы я умеръ, не увидѣвъ тебя".

Отнынѣ Плацида, какъ самостоятельнаго типа, уже нѣтъ; онъ перешелъ въ Мерлина и раздѣляетъ его судьбу. Религія покаянія растворилась въ другой, болѣе широкой и могучей; въ какой, именно,—это покажетъ дальнѣйшее.

VI.

„Что за новое зрѣлище! Къ старику подходитъ кроткая, молодая дѣва, прекраснѣйшая изъ всѣхъ, которыхъ я видѣлъ когда-либо въ своихъ странствованіяхъ. На ея челѣ такое сіяніе невинности, что мнѣ почти стыдно своего; золотыя кудри озаряютъ ласковымъ свѣтомъ ея свѣжее, румяное личико"... Таковы слова Люцифера при появленіи Кандиды, и сатана ихъ подтверждаетъ: „въ красотѣ съ нею ни одна не сравнится, но ея лучшее украшеніе—чистота: ни одно сновидѣніе еще не коснулось ея".

Итакъ, передъ нами невинная, безгрѣшная душа; чѣмъ можетъ быть для нея религія покаянія? что можетъ ей дать кающійся грѣшникъ Плацидъ, котораго она навѣщаетъ въ его пустынѣ? Тревожные вопросы, которые пришлось возбудить въ предъидущей главѣ, возникаютъ вторично по отношенію къ Кандидѣ, и успокоительнаго отвѣта на нихъ нѣтъ. Напротивъ, соблазнъ только усиливается; выходитъ, что какъ грѣхъ ведетъ къ покаянію и, слѣдовательно, къ спасенію, такъ чистота ведетъ къ гордынѣ и, слѣдовательно, къ гибели.

Да, Кандида чиста, и съ этой своей чистотой она носится какъ съ новымъ платьемъ: боясь испортить ее малѣйшимъ пят-

нышкомъ, она уходитъ изъ дому, въ пустыню. Ея отецъ созвалъ на этотъ вечеръ гостей; правда, это народъ хорошій, хотя и веселый, но она его не выноситъ; когда старикъ Плацидъ находитъ эту мнительность преувеличенною, она уподобляетъ себя улиткѣ, содрогающейся при малѣйшемъ прикосновеніи. По ея просьбѣ, онъ уходитъ въ сосѣднюю пещеру приготовить ей постель изъ мха и травы; она остается одна среди лилій его садика. „Ахъ, еслибы и я,—вздыхаетъ она,—колыхаясь на стебелькѣ легкимъ, воздушнымъ цвѣткомъ, могла прожить такъ, чтобы моя нога не попирала болѣе жесткой, кремнистой земли, чтобы мои очи болѣе не смотрѣли на забаву и боль, на радость и горе!“

Въ этомъ настроеніи ее застаетъ сатана и объявляетъ ей о своихъ замыслахъ. Она испугана его появленіемъ гораздо болѣе, чѣмъ его словами, которыхъ она, въ своей невинности, не поняла, но тотчасъ послѣ его ухода ее осѣняетъ мысль: „Такъ точно вѣдь и къ Іисусу Христу приходилъ искуситель!“ Все выше и выше уносится она въ своихъ мечтахъ, какъ чистая дѣва; „дѣвственница, — говоритъ она Плациду, — стоитъ подъ охраной вышнихъ силъ; вотъ что возбуждаетъ безсильную ярость предвѣчнаго зла. Пророчества исходятъ изъ устъ дѣвственницы; не тонетъ та ладья, что ее везетъ; грѣшникамъ, съ которыми говоритъ она, даруется прощеніе!“—„Молись лучше сама, чтобы Богъ тебя простилъ,—строго отвѣчаетъ ей Плацидъ:—все наше достояніе дано намъ въ пользованіе; если мы будемъ обращаться съ нимъ какъ со своей собственностью, то истинный собственникъ дастъ знать о себѣ“. Сатана ликуетъ: „Да,—говоритъ онъ, притворяясь на минуту библейскимъ сатаной:—грѣхи причиняютъ мнѣ не мало хлопотъ, зато чистѣйшая чистота—для меня лишь игрушка“. Этимъ парадоксъ еще разъ подтверждается.

Заключительную сцену пролога—сцену отчаянія Кандиды послѣ роковой ночи—приведемъ въ переводѣ цѣликомъ. По мнѣнію Кинкеля, ученаго и поэта, „эти стихи принадлежатъ къ самымъ сильнымъ, которые когда-либо написала рука стихотворца“; во всякомъ случаѣ это—одно изъ лучшихъ мѣстъ нашей трагедіи:

Плацидъ.—Что случилось?

Кандида.—Не знаю! Но ты, ты знай вотъ что: эта земля не изъ земли—эта почва изъ хрусталя, и я вижу все насквозь, до самой пропасти. И сидитъ тамъ могучій исполинъ на престолѣ, воздвигнутомъ изъ горестей, среди вѣчной поляны муче-

ній; и мрачные богатыри сидятъ кругомъ на креслахъ и скамьяхъ, и адъ поетъ своему царю торжественную хвалебную пѣснь. Я вижу: стѣна возвышается изъ тысячелѣтнихъ грѣховъ; тамъ вѣютъ несмѣтные вздохи, не смогшіе обрѣсть покоя. И рѣка ужасовъ окружаетъ эту роскошную обитель; а за нею разстилаются въ безконечность гнѣзда нерожденныхъ еще грѣховъ. Твои проступки, старый лицемѣръ, тоже обогащаютъ сокровищницу ада; я вижу ихъ, и ты долженъ мнѣ вѣрить; та, что тебѣ это говоритъ—сама уже падшая. Зачѣмъ несешь ты эти лиліи? Мертвенные лики фурій, вы смѣетесь надо мною! Я растопчу васъ; безжизненно строгіе судьи! (вырываетъ у него лиліи и топчетъ ихъ). Проклятіе небу! Проклятіе землѣ! Проклятіе всему, что̀ зовется жизнью! Ты одинъ, мой могучій женихъ, будь восхваленъ, будь прославленъ!

Плацидъ.—Предвѣчный, мои уста умолкаютъ. Тебѣ извѣстны Твои пути, и Ты знаешь, что̀ я въ нѣмомъ благоговѣніи повергаю себя къ Твоимъ стопамъ.

Кандида.—Я разбита моимъ отчаяніемъ; но, я чувствую, осколки вновь спаяются сладостью того, что̀ я испытала, и въ нѣгу обращается тоска. Владѣй я собою вновь, я бы вторично такъ же себя отдала; но еще болѣе желала бы я никогда не увидѣть свѣта. Неужели нѣтъ ничего, что̀ могло бы удержать меня въ широкомъ круговоротѣ времени?.. Ахъ, слеза! О, да, слеза—послѣдній другъ обреченныхъ. Теките же, мои слезы, изливайте, мои глаза, несказанное горе въ неизсякающій ручей! Расплывитесь, мои молодые члены! обратись въ слезы, плоть и кость! Ахъ, быть можетъ, эти воды опять станутъ прозрачны и чисты! И когда омытая ими душа погрузится въ пучину, я буду озеромъ, сверкающимъ въ долинѣ среди травъ, и его волны, робко взирая на голубое небо, спросятъ: „скоро ли пожелаешь ты увидѣть въ нашемъ зеркалѣ твой возлюбленный ликъ?“

Это противорѣчивое чувство, смѣсь восторга и отчаянія—прямое продолженіе столь же противорѣчиваго соединенія чистоты съ гордыней, которое мы нашли въ душѣ Кандиды еще до прихода къ ней сатаны. Ей такъ и не удалось найти исходъ изъ мучительнаго парадокса, образующаго самое ядро религіи чистоты; она умираетъ, передавъ сыну неразрѣшенное противорѣчіе, о которое разбилась ея жизнь. Но ея духъ „не нашелъ покоя въ той землѣ, которая видѣла ея позоръ“; не нашелъ онъ его и тогда, когда Мерлинъ перенесъ ея останки въ ту страну, которая стала полемъ его дѣятельности. Лишь тогда

могло наступить успокоеніе, когда было найдено разрѣшеніе мучительной загадки, какъ это покажетъ трагедія Мерлина.

VII.

Плацидъ и Кандида были отъ Бога; Артусъ и Клингзоръ—отъ сатаны. И справа, и слѣва текутъ притоки, имѣющіе слиться въ могучемъ руслѣ души Мерлина.

Осуществленіе жизни—таковъ законъ сатаны; осуществляется же она путемъ соревнованія достоинствъ и побѣды совершеннѣйшихъ. Доблесть и честь, красота и любовь, управляютъ міромъ дѣятельной жизни; все, что они создали лучшаго на землѣ, собралъ король Артусъ вокругъ своего „Круглаго-Стола“. Его паладины и дамы—великая братія сатаны.

Она могла бы остаться такой, и тогда Мерлинъ прошелъ бы непонятнымъ на фонѣ ея свѣтлой жизни,—и что бы случилось тогда—это говоритъ сатана въ послѣдней сценѣ эпилога: „Зачѣмъ ты ихъ не оставилъ въ ихъ палаткахъ веселящимися при свѣтѣ ихъ цвѣтныхъ лампъ! Тогда, по прошествіи утѣхъ и шутокъ, холодъ внезапной смерти унесъ бы ихъ души безбоязненными изъ земныхъ пространствъ; тогда бы безболѣзненно бродили по муравѣ Асфодэлова луга ихъ спокойно-сумрачныя тѣни, не зная ни желаній, ни страха, точно воспоминанія нашихъ сновъ!“

Но они не остались беззаботными приверженцами религіи сатаны: невѣдомая сила заронила въ ихъ душу искру смутнаго чаянія—и это чаяніе предало ихъ Мерлину.

„Въ тотъ праздникъ Троицы, подъ Кардвейлемъ, состоялся турниръ Круглаго-Стола — тотъ турниръ, который въ жизни его паладиновъ долженъ былъ быть тѣмъ же, чѣмъ они сами были для жизни міра: моментомъ высшаго расцвѣта, высшаго напряженія ихъ силъ и счастья. Зрѣлище было восхитительное: веселый трескъ лопающихся копій, среброволосые старцы, вновь чувствующіе себя молодыми, кружащіяся, пѣнистыя чаши вина, отроки, поднимающіе гербы побѣдителей! А тамъ—нѣжныя, бѣлыя груди красавицъ, волнуемыя чарующей силой любви; тамъ королева Джиневра на роскошномъ престолѣ, царица красоты среди такой свиты!“

И вотъ—„смѣется рыцарь, смѣется дама, но на рѣсницахъ короля сверкнула слеза“.

Что вызвало эту слезу, причину всего, что имѣло случиться потомъ—объ этомъ поэтъ молчитъ; этого и мы объяснить не

можемъ. Какъ загадочно зарожденіе организмовъ въ неорганическомъ мірѣ, зарожденіе сознанія—въ органическомъ, такъ загадочно и зарожденіе въ сознаніи живущихъ той силы, которая не даетъ имъ довольствоваться жизнью и ея благами и заставляетъ ихъ искать другой, таинственной точки опоры. И здѣсь мы должны сказать: ignoramus et ignorabimus!

„На рѣсницахъ короля сверкнула слеза".—„Окруженный весельемъ и роскошью, я внезапно почувствовалъ щемящій страхъ; мнѣ показалось, что смерть на чахломъ конѣ, голодъ съ вервіемъ вокругъ тощаго тѣла, моръ съ его ядовитыми стрѣлами, отчаяніе съ его пристальнымъ гложущимъ взоромъ,—что всѣ они готовы броситься на моихъ рыцарей и дамъ, именно за то, что они выступаютъ такъ царственно, такъ благородно"...

Такъ самъ король объясняетъ свое смущеніе. Въ этомъ чувствѣ ничего бы страннаго не было; это—дополнительный цвѣтъ грусти, окружающій мрачнымъ кольцомъ всякое яркое проявленіе радости, минорный тонъ второй темы вальса или мазурки. Такія настроенія быстро забываются; въ душѣ же короля осталась смутная тоска, которую онъ напрасно старается заглушить блескомъ празднествъ, службой чести и любви. Достаточно, чтобы среди этихъ празднествъ зазвучала пѣснь о Граалѣ—и его умъ омрачается: онъ бросаетъ дамъ, бросаетъ паладиновъ и уходитъ въ уединеніе. Его свита знаетъ за нимъ эту странность; „какъ же ты забылъ,—упрекаетъ Гавейнъ менестреля,—что эта пѣснь о Граалѣ Артусу причиняетъ мученіе? Отъ нея исходитъ таинственная волшебная сила, проникающая своей отравой его спокойную кровь".—„Быстро мчатся духи по воздушной мглѣ,—поясняетъ другой,—они коснутся людского чела,—и пѣна безумія вздымается въ мозгу".

Да, „таинственная волшебная сила", „прикосновеніе духовъ"—все это та же искра Прометеева огня, зароненная въ сердце человѣка,—третья великая загадка въ эволюціи жизни.

Клингзоръ, къ которому Артусъ обратился за разъясненіемъ своихъ сомнѣній, не оказался въ состояніи ему помочь: онъ не могъ ему дать того, чего не имѣлъ самъ. Но, самъ того не сознавая, онъ уготовилъ путь тому, кто былъ сильнѣе его; насмѣшливо-аллегорическій отвѣтъ: „ищите ребенка, не имѣющаго отца",—отдалъ Артуса во власть Мерлина. Отнынѣ онъ слѣдуетъ за нимъ; прежніе идеалы—доблесть и честь, красота и любовь—забыты: Мерлинъ снялъ съ Артуса вѣнецъ земной державы, вѣнчая его на царство Грааля; отверженіе Граалемъ Мерлина влечетъ за собою и отверженіе Артуса. И вотъ братья

Круглаго-Стола опять во власти сатаны; но тлѣющая у нихъ въ груди искра Прометеева огня не даетъ имъ успокоиться на „Асфодэловомъ лугу“, подобно прочимъ сумрачнымъ тѣнямъ античной обители Аида. „Теперь они изнываютъ отъ жажды по замурованномъ родникѣ,—и ни одна капля его влаги не орошаетъ ихъ устъ. Они чувствуютъ, что безъ небеснаго свѣта существовать невозможно,—и въ то же время холодная дрожь имъ говоритъ, что они отвержены; тщетно надѣются они быть уничтожены этимъ сознаніемъ—имъ лишь воскрешается ихъ сила переносить мученія. Видитъ несчастная дружина и Бога, и сонмъ святыхъ—но видитъ ихъ точно воздушное марево, точно безплотный сонъ.—Вотъ гдѣ безотрадность—вотъ гдѣ она!“

VIII.

Ко двору короля Артуса принадлежитъ и Клингзоръ; онъ дополняетъ его, какъ интеллектуальная сила дополняетъ волевую, какъ созерцательная жизнь дополняетъ дѣятельную. Мы встрѣчаемъ его и въ томъ „турнирѣ подъ Кардвейлемъ въ Троицынъ день“; но онъ „сидѣлъ поодаль и насмѣшливо улыбался“. Подобно Артусу, и онъ отъ сатаны; подобно ему, и онъ лелѣетъ въ своей груди искру Прометеева огня, но изъ гордости не хочетъ признаться въ этомъ передъ самимъ собою, пока не приходитъ тотъ, подъ чьимъ вліяніемъ эта искра разгорается въ бурное пламя,—то пламя, въ которомъ онъ гибнетъ.

Въ противоположность, однако, какъ Артусу, такъ и прочимъ личностямъ, о которыхъ была рѣчь до сихъ поръ, Клингзоръ—глубоко трагическая личность; трагедія Клингзора идетъ параллельно трагедіи Мерлина, нарушая—по мнѣнію одного критика—единство этой послѣдней. Но это нарушеніе было необходимо; представитель односторонняго интеллектуализма не могъ отсутствовать среди религіозныхъ типовъ „трагедіи вѣры“, а усугубленная сознательность, естественно присущая подобному типу, столь же естественно увеличиваетъ и трагизмъ его положенія.

Какъ было сказано выше, Клингзоръ внѣшнимъ образомъ принадлежитъ ко двору Артуса: веселый и придурковатый гофмаршалъ Кай, комическій персонажъ трагедіи, называетъ его „придворнымъ некромантомъ“—но въ душѣ своей онъ чувствуетъ себя чужимъ и одинокимъ среди витязей и красавицъ Круглаго-Стола. „Я не могу отдаться душой Артусу, но мнѣ хотѣлось бы быть такимъ же, какъ и тѣ: вѣчной зарей играетъ ихъ жизнь

въ палаткахъ на цвѣтистомъ лугу!" Въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ онъ природу, чтобы извлечь изъ нея представленіе о чемъ-нибудь высшемъ, о чемъ-нибудь такомъ, передъ чѣмъ онъ могъ бы преклониться; но во всей природѣ онъ не нашелъ ничего болѣе высокаго, болѣе совершеннаго, чѣмъ его собственный умъ, изучающій и одухотворяющій ее. „Горе тебѣ,—вздыхаетъ онъ, — если ты всей силой своего пламеннаго желанія погрузишься въ окружающій тебя міръ! Онъ оживляется ужасною жизнью, но изъ своихъ костей высасываетъ мозгъ".

Случилось обратное тому, на что онъ надѣялся; вмѣсто того, чтобы согрѣть себя на лонѣ желаннаго божества, онъ свою душу отдалъ обоготворенной имъ природѣ; онъ создалъ мощною силой своей мысли религію, въ которую увѣровали, преклоняясь предъ его умомъ, его современники,—но въ которую онъ самъ увѣровать не можетъ, такъ какъ знаетъ, что она создана имъ, что его божества—упыри, живущіе его душой, его кровью, его жизнью.

Этотъ типъ намъ не безъизвѣстенъ; во всѣ времена исторіи христіанства, начиная съ гностиковъ, продолжая схоластиками, номиналистами, затѣмъ—социніанцами, масонами и кончая, пока, Гегелемъ и Кантомъ—жили люди, пытавшіеся поставить „gnosis" на мѣсто „pistis", и сдѣлать, взамѣнъ откровенія и вѣры, разумъ и спекуляцію фундаментомъ религіи. Такимъ образомъ, не только теорія вѣры, но и исторія требовала введенія въ ея вѣру принципа, олицетвореннаго въ Клингзорѣ. И дѣйствительно, вырабатывая этотъ типъ, нашъ поэтъ позаимствовалъ его черты и у гностиковъ, и у Гегеля; и хорошо, если бы онъ этимъ удовольствовался. Но онъ не устоялъ противъ соблазна (которому поддался и Гёте въ „Фаустѣ") ввести въ свою трагедію элементъ литературной борьбы своей эпохи. Въ это время какъ разъ романтизмъ въ Германіи боролся съ неогуманизмомъ. Иммерману, сочувствовавшему романтикамъ, угодно было сдѣлать борьбу Клингзора съ Мерлиномъ отчасти отраженіемъ этой литературной борьбы и надѣлить перваго изъ нихъ чертами, заимствованными у великаго веймарскаго мудреца. Это было крупной близорукостью (Гёте можно сопоставлять только съ Мерлиномъ, но никакъ не съ Клингзоромъ), и мы имѣемъ полное право учесть эти черты, изучая роль Клингзора въ „трагедіи вѣры".

Мы—въ „Замкѣ-Чудесъ" (Castel-Merveil), причудливомъ дворцѣ, выстроенномъ Клингзоромъ, символѣ его мудрёной религіи; гностическій змѣй окружаетъ магическимъ кольцомъ обычное мѣстопребываніе волшебника. Клингзоръ чувствуетъ себя утомленнымъ;

восемьдесятъ лѣтъ отдалъ онъ на служеніе своему божеству, нещадно расточая свою богатую душу; но божество, все отъ него принявъ, ничего ему не дало. Теперь его время прошло; скоро настанетъ смерть,—а затѣмъ что?.. По его же приказанію его карликъ читаетъ ему изъ Экклесіаста; но провозглашеніе „суеты суетъ“ его возмутило. Лучшія силы его жизни протестуютъ противъ этого приговора. „Брось книгу въ огонь! Это—поддѣлка жида-барышника, а не исповѣдь царя, прославленнаго устами мудрецовъ. „Суета суетъ“!—такъ можетъ говорить только тупая посредственность. Отъ головы до ногъ насъ обуреваетъ духъ времени: все плотнѣе, все замкнутѣе становится кругъ, образуемый горой, рѣкой, кустомъ, животнымъ—а мы сами боимся разсѣяться, мы сами—точно безплотный дымъ!“ Но его пылъ быстро остываетъ.—Единство природы! сколько разъ искалъ онъ утѣшенія въ этомъ представленіи! „О, несчастное начинаніе—обоготворять природу! Да, она тебѣ покажетъ свою божественность — какъ ее показалъ Зевсъ въ смертоносной тучѣ преступному любопытству (Семелы)!“—Карликъ утѣшаетъ его вѣрою всѣхъ людей въ созданную имъ религію; по его мановенію, сходятъ съ постаментовъ его божества, раздается пѣснь любви и весны, пѣснь эллинскаго Олимпа, пѣснь растительныхъ душъ—но голосъ этихъ упырей еще болѣе его раздражаетъ. „Довольно! довольно!—кричитъ онъ, разгоняя видѣнія:—усталъ я все слушать самого себя. Ваши голоса ничему меня научить не могутъ, ваше сіяніе для меня поблекло. Мучительный пробѣлъ не заполняется, когда твореніе говоритъ съ своимъ творцомъ“. И все-таки онъ хочетъ еще разъ услышать свой собственный голосъ; онъ велитъ карлику спѣть ему пѣсню, нѣкогда имъ сложенную,—„пѣсню суровую, страшную, сильную, чтобы отъ ея ужаса проснулась моя отвага“. Тотъ поетъ ему пѣсню про смерть, про его собственное тлѣніе среди сорныхъ травъ у развалинъ башенъ, гдѣ дуютъ вѣтры и носятся ночные мотыльки; но эта пѣсня, созданіе его дерзновенной молодости, теперь ему невыносима. Наконецъ онъ подходитъ къ магическому змѣю, символу замкнутой цѣпи вращенія силъ въ макрокосмѣ, „глубокаго себялюбія“ бездушной природы: „Ты знаешь, чего я хочу; отвѣть и ты знакомъ, великимъ и безмолвнымъ“. Съ этими словами онъ касается змѣя волшебнымъ жезломъ; змѣй разсыпается въ прахъ.—Прахъ!—вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Вторая сцена—единоборство, если можно такъ выразиться, Клингзора съ Мерлиномъ. „Замокъ-Чудесъ“ опостылѣлъ вол-

шебнику. „Гнѣвъ, мой ретивый конь, понесъ меня по путямъ тревоги изъ дворца; прахъ змѣя безмолвенъ, а тамъ разъѣзжаетъ тотъ кудесникъ. Да, онъ кудесникъ, если не хуже; нѣтъ на землѣ того, кто былъ бы выше Клингзора... Слѣпая чернь окружаетъ его; теперь онъ на пути ко двору, чтобы и тамъ властвовать. Мнѣ людская сволочь давно опротивѣла, но я хочу, чтобы мои изреченія и пѣсни управляли ею, пока я живъ; а тамъ пусть себѣ летитъ въ хаосъ весь этотъ вздоръ". Окончательно извѣрившись въ себя, старый магъ хочетъ, однако, чтобы въ него вѣрили; этого требуетъ его гордость,—не единственное, но преобладающее его чувство.

Не единственное—живетъ въ немъ и другое, хотя онъ и считаетъ его погибшимъ. Еще въ „Замкѣ-Чудесъ" онъ, вспоминая о своихъ безплодныхъ поискахъ, съ горечью говорилъ: „Коснувшись края ея платья, я потерялъ тоску по прекрасной невѣстѣ"; но помимо его воли эта благородная, святая тоска живетъ въ его сердцѣ; она-то и является причиной, почему онъ не можетъ, подобно своему карлику, найти удовлетвореніе въ поклоненіи толпы. Но онъ насильственно заглушаетъ въ себѣ это хорошее чувство; въ мрачной злобѣ преграждаетъ онъ дорогу Мерлину, насмѣшливо привѣтствуя его, какъ ловкаго самозванца-пророка. Протестъ вдохновеннаго юноши его смѣшитъ: „а! ты вѣришь въ себя? что же, это полезно!"—и онъ проситъ его разрѣшить ему загадку. „Если загадка разрѣшится, то она не загадка",—отвѣчаетъ ему погруженный въ свои собственныя думы пророкъ; все же Клингзоръ настаиваетъ на своемъ и предлагаетъ ему свою загадку, ясный смыслъ которой, выражаясь современнымъ языкомъ,—„банкротство науки" въ ея трехъ коренныхъ дисциплинахъ (логикѣ, физикѣ и этикѣ) и тщетность ея попытокъ утолить жажду изучающаго ее человѣчества.

„Три мальчика силятся приносить намъ пищу въ своихъ ведрахъ; они наполняютъ ихъ изъ безконечныхъ запасовъ, они черпаютъ изъ бездоннаго моря.

„Они бѣгутъ и суетятся, они подносятъ ведра къ нашимъ устамъ; но лишь только мы пожелаемъ пить и ѣсть, какъ въ ведрахъ изсякаетъ пища.

„И снова они бѣгутъ къ запасамъ, и снова они мчатся къ морю; но нѣтъ утоленія голоду и жаждѣ, такъ какъ тѣ ведра, тѣ ведра—пусты".

Мерлинъ отвѣчаетъ:

„Все это будетъ такъ, пока сіяющая Дѣва не сойдетъ съ

неба на землю и съ блаженно-свѣтлыми очами не вступитъ въ кругъ трехъ мальчиковъ.

„Мальчики падаютъ ницъ; ведра, разбитыя, разлетаются; мирно улыбается Дѣва, и нашъ голодъ, наша жажда—утолены“.

„Разгадка темнѣе самой загадки“,—глумится Клингзоръ.

„Ты думаешь?—отвѣчаетъ Мерлинъ:—нѣтъ! ея черты потому только представляются тебѣ смутными, что Дѣва тебѣ никогда еще не являлась“.

Мы знаемъ эту дѣву, духъ которой вдохновляетъ юнаго пророка, даетъ ему силу и восторжествовать надъ сатаной, и сразиться съ умнѣйшимъ изъ смертныхъ, съ владѣльцемъ Замка-Чудесъ; ея имя—„Charitas“; узналъ ее и Клингзоръ, которому болѣзненный уколъ напомнилъ о давно погребенной „тоскѣ по прекрасной невѣстѣ“. Но онъ еще не сдается: если Мерлинъ—пророкъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ свой божественный даръ пророчествомъ.

Тутъ поэтъ съ большимъ искусствомъ воспользовался, осмысливая его, эпизодомъ изъ романа о Мерлинѣ, о которомъ рѣчь была выше. „Скажи мнѣ, — спрашиваетъ волшебникъ,—какая будетъ причина моей смерти?“—„Ты умрешь,—отвѣчаетъ Мерлинъ, — отъ великаго горя“. — „Ты, я вижу, держишь свои гроши наготовѣ; этотъ отвѣтъ найти было нетрудно“. Съ этими словами онъ уходитъ; затѣмъ, обернувшись юношей, возвращается и вторично задаетъ тотъ же вопросъ. „Ты умрешь,—отвѣчаетъ пророкъ,—отъ великаго блаженства“.

Этого только и добивался волшебникъ; вернувъ себѣ прежній видъ, онъ злорадно уличаетъ своего соперника, но тотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ разъясняетъ ему свою мысль: „Я хотѣлъ тебя почтить, Клингзоръ, своимъ двуликимъ пророчествомъ; я вѣрю въ твое благородное ядро, о, окутанная мглою блуждающая звѣзда; я предсказалъ тебѣ двоякую смерть—и мое слово сбудется еще до утренней зари“.

Эти слова и дальнѣйшія, слѣдующія за ними разъясненія окончательно, хотя и не вдругъ, воскрешаютъ въ Клингзорѣ то его лучшее чувство, которое онъ считалъ погребеннымъ; „прекрасная невѣста“, о которой онъ нѣкогда тосковалъ, предстаетъ его глазамъ, одѣтая не въ пестрый нарядъ себялюбивой природы, а въ бѣлое платье христіанской „charitas“. Пораженный на смерть въ своей гордости, но возрожденный въ своихъ лучшихъ упованіяхъ, возвращается онъ въ Замокъ-Чудесъ.

Ему осталось одно великое дѣло—первое и послѣднее, на

которое его вдохновила charitas—разрушить собственною рукой бездушную лжевѣру, которую онъ измыслилъ и навязалъ людямъ.

Третья сцена опять переноситъ насъ въ Замокъ-Чудесъ; ея краткость, удобопонятность и поэтичность позволяютъ намъ ограничиться однимъ переводомъ, — при чемъ мы просимъ читателя дополнить въ своемъ воображеніи тревожные, волнующіеся ритмы діалога и плавное, величавое теченіе баллады.

Карликъ.—Могу я остаться при тебѣ?

Клингзоръ.—Нѣтъ, войди въ замокъ; воспали отъ сандальнаго дерева благовонный огонь; брось дорогой бальзамъ въ гордое пламя; пусть горятъ всѣ свѣчи, пусть блистаетъ мраморъ лѣстницъ, пусть всѣ колонны украшаютъ вѣнки; все долженъ ты убрать въ сіяніе и роскошь....

Карликъ.—Властитель мой, а когда же празднество?

Клингзоръ.—Ты его увидишь.

(*Карликъ уходитъ въ замокъ*; *Клингзоръ беретъ арфу и опускается на сидѣніе изъ дерна.*)

Клингзоръ (*поетъ*). — Подъ старымъ королемъ Ротеромъ падаетъ конь, измученный въ бѣгствѣ съ поля брани. Мимо всѣ рыцари, мимо обозъ! вотъ онъ лежитъ среди пыльной мглы. Его голова свѣшивается, тускнѣютъ его глаза; нѣтъ никого при умирающемъ старцѣ, кто помогъ бы ему въ судорогахъ предсмертныхъ мученій.

Голосъ карлика (*изъ замка*).—Отъ напора твоихъ звуковъ трескаются стѣны, разбиваются стройныя колонны; умѣрь игру арфы, сжалься надъ твоимъ твореніемъ!

Клингзоръ (*поетъ еще громче*). — Нѣтъ никого при умирающемъ старцѣ; зато онъ самъ при себѣ остался; онъ обращаетъ померкнувшій взоръ къ милому свѣту солнца; вотъ юноша-побѣдитель рысью къ нему подъѣзжаетъ, но, подъѣхавъ, соскакиваетъ съ коня и хочетъ удалиться въ сторону, говоря: „не желаю омрачать твоей кончины“.

Голосъ карлика.—Или ты не слышишь, какъ звенятъ окна отъ порывовъ твоей пѣсни? Столбы и стропила скрипятъ, сотрясенныя тобою; сонмы бушующихъ духовъ воютъ, шипятъ и гудятъ повсюду, весь замокъ дрожитъ!

Клингзоръ (*поетъ, напрягая всѣ силы*).—Ты думаешь, мой сынъ, я умираю отъ горя, что боги такъ со мною порѣшили? О, милый! я умираю отъ блаженства, что ты, юноша, меня побѣдилъ. О, мой дорогой, мой ненаглядный! вѣдь въ этомъ и было

мое несчастіе, что я не находилъ того, кто выше меня—теперь, наконецъ, я сподобился его увидѣть!

(*Умираетъ. Замокъ-Чудесъ обрушивается.*)

IX.

„Есть Камусъ (или Ваалъ, или Перунъ — все равно); онъ требуетъ отъ меня, чтобы я его кормилъ и поилъ. Если я буду исполнять этотъ свой долгъ къ его удовольствію, то онъ дастъ мнѣ счастливую охоту и побѣду надъ врагомъ; если нѣтъ, то онъ пошлетъ мнѣ гибель отъ пасти звѣря или стрѣлы врага. А буду ли я говорить правду, уважать собственность моего сосѣда, помогать слабымъ и т. д.—до этого ему дѣла нѣтъ“... Съ этнологической точки зрѣнія мы и это грубое и первобытное міросозерцаніе называемъ религіей; но въ „трагедіи вѣры“ ему не мѣсто, такъ какъ никакое серьезное отношеніе къ нему для насъ невозможно. Лишь съ пріобщенія *нравственнаго* элемента начинается для насъ серьезная религія. Это не значитъ, однако, что нравственный элементъ—непремѣнная составная часть религіи: послѣ многихъ тысячелѣтій ея эволюція повела къ выдѣленію „морализма“ и къ обособленію религіи, какъ религіи, отъ нравственности; это—религія Грааля. При всемъ громадномъ различіи, впрочемъ, неоспоримо, что первый и послѣдній фазисы въ эволюціи религіи въ одномъ схожи между собой: оба они чужды нравственности.

Для „трагедіи религіи“ нужны другіе полюсы—такіе, которые подлинно дѣйствуютъ на магнитную стрѣлку нашего религіознаго чувства; ея точка отправленія поэтому—не божество безъ нравственности, а—нравственность безъ божества, нравственность, непосредственно вытекающая изъ закона жизни,—однимъ словомъ—религія сатаны. Для ея укрѣпленія среди людей созданъ Мерлинъ.

Въ его жилахъ течетъ кровь сатаны и Кандиды—бурная, страстная, безпокойная кровь; но его дѣтство протекло подъ опекой смиреннаго старца Плацида. Отрокъ Мерлинъ поэтому покорный послушникъ религіи покаянія; „бренная оболочка дитяти безъ отца, бѣдная сирота неба и земли, несчастная законченность, лишенная развитія (Unsel'ges Fertigsein und Nimmerwerden), не смягчаемая елеемъ слабости, не возбуждаемая любовью (въ смыслѣ, конечно, amor), не отталкиваемая ненавистью“—такъ онъ самъ себя характеризуетъ.

„Несчастная законченность, лишенная развитія“ — оно понятно; какое же дальнѣйшее развитіе возможно для того, кто чувствуетъ себя совершеннымъ? То же заявляло и раннее христіанство устами Тертулліана: „Намъ нечего болѣе искать, разъ у насъ есть Христосъ“. Зато какая разница между первыми апологетами и Климентомъ Александрійскимъ! Религія, считавшая себя раньше финаломъ міра, убѣдилась въ его жизненности и, превратившись въ первостепенную культурную силу, рѣшительно вступила на путь эволюціи. Мерлинъ сбрасываетъ оболочку отрока: „Ein männlich Wirken winkt, Mann will ich sein“—съ этими (трудно-переводимыми) словами онъ превращается въ юношу.

Его отецъ пришелъ заявить о своихъ правахъ на него. Мерлину сатана вполнѣ понятенъ: „Ты приходишь,—говоритъ онъ ему,—точно богъ весны черезъ ея чертоги; соловьи витаютъ вокругъ твоихъ плечъ, ты приносишь съ собою благоуханіе всѣхъ юныхъ цвѣтовъ; а въ той складкѣ, что съ мягкой грустью окаймляетъ твои уста, я узнаю въ то же время все обиліе благодатной осени. Красотой и величіемъ дышетъ твой ликъ; привѣтствую тебя, прекрасный царь земли!“ На краткое приказаніе своего отца: „верни людямъ здоровье! разбей почетъ, воздаваемый женственному, тупому, смутному завѣту!“—онъ отказывается все это исполнить. Напрасно сатана въ восторженныхъ словахъ —они приведены выше (гл. 3.)—развиваетъ ему свою религію; въ глазахъ Мерлина онъ—*не врагъ Бога, а часть божества*, и дѣло искупленія человѣчества — не разрушеніе, а возвышеніе и освященіе дѣла „прекраснаго царя земли“... „Ты въ своей тревогѣ считаешь свою землю обреченной на гибель тѣмъ, что Онъ, когда твоя работа была кончена, нѣжно приблизилъ ее къ себѣ и на устахъ роскошно убранной невѣсты запечатлѣлъ тотъ поцѣлуй, которому имя—Христосъ? О, знай, именно теперь она живетъ и не умретъ никогда!“

Въ чемъ же ошибка сатаны? Въ томъ, что онъ отожествляетъ религію покаянія съ христіанствомъ вообще. Конечно, только осуществленіе жизни обусловливало совершенствованіе; противодѣйствіе закону жизни ведетъ къ вырожденію и гибели; но Мерлинъ и не думаетъ ему противодѣйствовать. Мощной рукой юный богатырь вѣры сплочиваетъ воедино враждовавшія другъ съ другомъ начала; по ту сторону „пылающей стѣны мірозданія“ появляется небесная цѣпь, продолжающая и завершающая разорванную цѣпь земного макрокосма; то, что̀ казалось противорѣчивымъ здѣсь, примиряется тамъ. Нѣтъ, Богъ не проти-

вится осуществленію жизни; такъ казалось нѣкогда, но та пора миновала, „время нисхожденія прошло“; „прошло время пришибленной смиренной скорби; отнынѣ Онъ хочетъ видѣть радостный румянецъ на щекахъ людей, хочетъ ликовать вмѣстѣ съ ликующими“. Вѣра—изъ жизневраждебной силы должна превратиться въ жизнетворную, давая высшее освященіе всему тому, что̀ служитъ совершенствованію человѣчества; *воля Бога есть осуществленіе жизни*—вотъ сущность новаго ученія, возвѣщеннаго Мерлиномъ міру.

Легко понять, что это ученіе держится на соединеніи двухъ понятій—заслуги и благодати, изъ которыхъ первое принадлежитъ царству земли и земной жизни, второе — царству Бога, при чемъ разумѣется, конечно, не отрицательная заслуга религіи покаянія, а положительная, какъ высшее проявленіе закона жизни; легко понять, во-вторыхъ, что эта заслуга, условіе благодати, сама обусловливается полной свободой человѣческой воли; и столь же легко понять, въ-третьихъ, что всѣмъ этимъ рѣшительно исключаются представленія о принципіальной испорченности природы. Нѣтъ, природа чиста и безгрѣшна, и стремленія, которыя отъ нея получаетъ человѣческая душа, суть стремленія хорошія; человѣкъ можетъ, въ силу свободы своей воли, слѣдовать имъ и достигнуть, путемъ заслуги, спасенія — но онъ можетъ также, въ силу той же свободы своей воли, насилуя свою природу, впасть въ грѣхъ, ведущій къ гибели. Мы знаемъ это ученіе, прямо противоположное ученію Августина о „massa perditionis“, о предопредѣленіи и о произволѣ благодати; это—*пелагіанизмъ*. Мерлинъ въ этомъ фазисѣ своего развитія тожественъ съ молодымъ и рьянымъ противникомъ Августина, Юліаномъ Экланскимъ, самымъ пламеннымъ поборникомъ пелагіанизма.

Судьба пелагіанизма въ исторіи церкви извѣстна: будучи формально объявленъ ересью, онъ, тѣмъ не менѣе (въ болѣе смягченномъ видѣ такъ-называемаго полупелагіанизма), имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе ея догматовъ; всякое усиленіе августинизма было обостреніемъ борьбы съ пелагіанскими элементами католическаго ученія. Особенно это касается реформаціи Лютера; если мы, съ извѣстной точки зрѣнія, можемъ въ религіи Грааля видѣть аллегорическое изображеніе протестантизма, то мы имѣемъ такое же право назвать Мерлина представителемъ католичества. Но, повторяемъ, въ обоихъ случаяхъ нужны будутъ оговорки; поэтъ, какъ уже было сказано выше, вполнѣ справедливо освободилъ свою „трагедію вѣры“ отъ узкихъ рамокъ конфессіонализма, выводя въ нихъ лишь

чистые принципы, не затемненные тѣми компромиссами, которые неизбѣжны въ реальномъ, историческомъ развитіи практически осуществляемыхъ идей.

Но согласуемы ли тѣ коренныя понятія, на плотномъ сцѣпленіи которыхъ Мерлинъ воздвигъ свое новое зданіе религіи радости—заслуга и благодать? Онъ въ этомъ увѣренъ; сатана же, которому онъ показываетъ небесное продолженіе земной цѣпи, видитъ и то, чего онъ въ своемъ энтузіазмѣ не замѣчаетъ. „Въ ту ночь,—говоритъ онъ ему впослѣдствіи,—когда ты обнажилъ цѣломудренное лоно эмпирея—я увидѣлъ то, чего твои глаза навѣрное не видѣли; въ эту ночь Онъ навѣки тебя отвергъ". Мерлинъ этого не замѣчаетъ; красота его величественнаго зданія скрываетъ отъ его взора разладъ въ его фундаментѣ. Принципъ заслуги провозглашенъ: отнынѣ *она* ведетъ къ благодати. Раньше было иначе: слабый Іосифъ Аримаѳейскій, темный Титурель были награждены свыше мѣры. Но это было добровольнымъ самоуниженіемъ божества; теперь наступила новая эра: восхожденіе началось, а съ нимъ и царство заслуги. Заслуга же—это то, путемъ чего осуществляется жизнь; аллегорическимъ выраженіемъ новаго принципа будетъ поэтому вѣнчаніе Артуса на царство Грааля.

Но *какъ осуществляется жизнь*? По какимъ каналамъ протекала она для того, чтобы создать эти плоды совершенства, такъ плѣняющіе взоръ Мерлина въ лицѣ короля и паладиновъ Круглаго-Стола? Узнать это нужно; до сихъ поръ Мерлинъ болѣе вѣрилъ въ жизнь, чѣмъ зналъ ее, и эта вѣра была своего рода „fides implicita"; а для того, чтобы это узнать, путь одинъ—нужно самому ей отдаться. И Мерлинъ рѣшилъ отдаться жизни; его путь отъ могилы матери къ Артусу посвященъ ея прохожденію.

Народъ его окружаетъ, жаждетъ услышать отъ него слова откровенія; но Мерлинъ сознаетъ, что пока его призваніе не осуществлено, онъ долженъ не поучать народъ, а самъ у него учиться. „Прошу васъ,—говоритъ онъ,—идите, оставайтесь въ своихъ хижинахъ; благочестивые нравы вашихъ отцовъ, каждый день, проведенный въ работѣ, дадутъ вамъ болѣе, чѣмъ вся наука, которою располагаетъ Мерлинъ". Это пока совершенно въ духѣ христіанской „charitas"; такъ и Франциск Ассизскій посылалъ своихъ учениковъ въ народъ, велѣлъ имъ принимать участіе въ его работѣ, служить ему, чѣмъ кто могъ. Да, конечно, трудъ есть осуществленіе жизни, онъ же и заслуга—настоящій труженическій трудъ, а не безполезный созерцательный аскетизмъ; и все-таки Мерлину страшно: онъ боится даль-

нѣйшихъ откровеній на пути жизни. Когда Клингзоръ его останавливаетъ, онъ говоритъ самому себѣ: „сознайся, ты лукавишь передъ самимъ собой; эта задержка доставляетъ тебѣ удовольствіе; чѣмъ дальше тебя уносятъ впередъ твои ноги, тѣмъ сильнѣе влечетъ тебя обратно. Въ глухихъ ущельяхъ дикихъ скалъ—вотъ гдѣ твоя обитель; въ ней бы оставаться тебѣ. Къ чему мнѣ вторгаться въ общество людей, когда я человѣческой участи не раздѣляю?“ Онъ чувствуетъ, что ему чего-то недостаетъ для того, чтобы вполнѣ сродниться душою съ людьми, что пока онъ будетъ прежнимъ Мерлиномъ,—всегда будетъ какая-то стѣна между нимъ и жизнью; но вернуться для него уже невозможно. Онъ легко объясняетъ Клингзору загадку его жизни, зажигая въ его душѣ святой огонь той „charitas“, которая пылаетъ въ его собственной груди; но въ то же время онъ отказывается отвѣтить ему на вопросъ, что̀ такое онъ самъ.—„Смотри,—говоритъ онъ ему, — все то, что̀ живетъ и движется, и развивается согласно законамъ своей собственной природы—все это мнѣ гораздо ближе, чѣмъ моя собственная личность; великая, царственная душа короля,—нѣжная и скромная, какъ фіалка, вѣрность супруги (der Frauen sanfte Veilchentreue)—отвага рыцаря—стыдъ дѣвушки—бѣдный трудовой день маленькихъ людей—работа и невзгоды послѣдняго крестьянина — все это для меня цѣнно и важно, гораздо важнѣе, чѣмъ мое собственное, ничтожное „я“. А такъ какъ я весь отдался жизни, то и жизнь мощнымъ потокомъ влилась въ меня, и теперь во мнѣ зрѣютъ и увядаютъ уже не мои—нѣтъ!—а великія міровыя мысли. Онѣ величаво текутъ по своимъ строгимъ путямъ; я, точно перышко, вмѣстѣ съ ними уношусь къ океану; а тамъ онѣ, омытыя его волнами, въ своей священной жестокости разрушатъ мое *я*“.

До сихъ поръ внутренній покой Мерлина еще ничѣмъ не нарушенъ; цѣльность его всеобъемлющей личности, освѣщенной и согрѣтой пламенемъ христіанской „charitas“, побѣждаетъ и перерождаетъ Клингзора. Напрасно сатана глумится надъ позднимъ обращеніемъ стараго волшебника, стараясь его увѣрить, что предметъ его благоговѣнія—„самый малый изъ его малыхъ“, насмѣшливо утѣшая его тѣмъ, что его непокорный сынъ уже „выбитъ изъ колеи“; что онъ „уже схваченъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ противорѣчій: желаетъ ускользнуть отъ него и не можетъ“; что онъ „скоро изрыгнетъ ужаснѣйшее проклятіе, онъ, этотъ опутанный змѣями Лаокоонъ“. — Клингзоръ не даетъ исторгнуть у себя счастливую увѣренность, что онъ, наконецъ,

увидѣлъ того, предъ кѣмъ онъ можетъ преклониться. Этотъ моментъ—апогей дѣятельности Мерлина.

Но великая міровая мысль—мысль примиренія заслуги, осуществляющей жизнь, съ благодатью—течетъ дальше своимъ плавнымъ, строгимъ теченіемъ, унося съ собою Мерлина... и наконецъ показывается тотъ утесъ, о который ему суждено разбиться. Утесъ этотъ—Ниніана. Можетъ ли широкая, всеобъемлющая душа ґенія, вся отдавшаяся жизни, впустившая ее въ себя мощной, полной струей—можетъ ли она остаться чуждой тому чувству, которое является высшимъ осуществленіемъ жизни? И вотъ бѣлый свѣтъ христіанской „charitas“ какъ будто меркнетъ въ груди Мерлина; его затмеваетъ внезапно загорѣвшееся багровое пламя языческаго „amor“. „То утренняя звѣзда,—вздыхаетъ онъ, —запала въ грудь Мерлина; ею Мерлинъ измѣненъ, поддѣланъ, отравленъ; онъ уже болѣе не Мерлинъ!“ Но слабость продолжается лишь мгновеніе; какъ только багровое пламя объяло его всего—прежняя увѣренность къ нему возвращается. Нѣтъ, онъ все тотъ же Мерлинъ, но въ то же время его душа, принявъ въ себя этотъ новый элементъ, стала выше, совершеннѣе прежняго. Исчезло то препятствіе, въ силу котораго онъ, несмотря на все желаніе, не могъ сродниться съ людьми; теперь, съ этой новой страстью въ груди, онъ чувствуетъ себя ихъ братомъ. „Ты любишь!—говоритъ онъ самъ себѣ: — о, это ужасное слово, ввергающее въ бездну всѣ твои силы... О, нѣтъ, это слово сладко, какъ звукъ свирѣли; его шопотъ, подобный благоухающему весеннему вѣтерку, разбудитъ прахъ моей матери въ ея могилѣ; я чувствую, она выпрямляется въ своемъ саванѣ и тихо говоритъ мнѣ: „теперь ты—сынъ земли!“ Да, я—сынъ земли, вся ея боль стала моею; отъ легкаго ласкающаго вздоха мирной грусти до раздирающаго вопля страстнаго отчаянія — все, все стало моимъ! Довѣрьте груди Мерлина ваши жалобы, ликованія, сомнѣнія, все, что только могутъ сказать уста и измыслить сердце, вы, рабы земли, живущіе и имѣющіе жить; въ ней найдетъ откликъ каждое чувство. Какъ нѣкогда Богъ въ своихъ страданіяхъ все глубже и глубже погружался въ земное, такъ теперь земное, отрѣшившись отъ своей грубой оболочки, восходитъ въ мою божественность. Теперь только слову уготована нива; теперь искупленіе завершило свой кругъ“. Такъ-то „amor“ —земная, чувственная любовь—принятъ въ новую вѣру во всемъ томъ значеніи, которое онъ имѣлъ въ религіи жизни, — какъ первенствующая, неодолимая, перерождающая и возвышающая человѣка сила. Это послѣдовательно, правильно, необходимо;

безъ этого высшее осуществленіе жизни останется внѣ религіи Мерлина; сатана-деміургъ перестанетъ быть частью божества, какою его изображалъ Мерлинъ—онъ вновь станетъ его противникомъ, увлекая съ собою въ мятежъ и на гибель все, что только есть наиболѣе жизненнаго, наиболѣе смѣлаго, наиболѣе прекраснаго на землѣ. И здѣсь мы должны прибавить, что это не одна только конструкція: исторія религіи является на помощь ея теоріи. Такъ точно и пелагіанизмъ разбился объ утесъ чувственной любви. Самъ Пелагій робко отступилъ передъ послѣдствіями своего ученія, осуждая чувственность, какъ навожденіе дьявола; но его смѣлый ученикъ, Юліанъ Экланскій не задумался возстановить правду и послѣдовательность и въ этой части его ученія. Откуда же происходятъ „desideria carnis“, столь часто насилующія нашу волю, коль скоро наша природа хороша? Нѣтъ, чувственность сама по себѣ невинна; міръ, въ которомъ мы живемъ,—лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, а чувственная любовь составляетъ необходимое условіе его существованія. Церкви не трудно было осудить пелагіанизмъ; труднѣе было найти выходъ изъ того лабиринта, въ которомъ онъ погибъ. Супружество было возведено въ таинство, но то, безъ чего супружество въ физіологическомъ отношеніи не имѣетъ смысла, продолжало считаться грѣхомъ; ни Августинъ, ни Ѳома Аквинскій, ни тридентскій соборъ не могли разбить творенія природы, неразрывно связавшей „conjugium“ съ „concupiscentia“, не могли спасти перваго для Бога, предоставляя послѣднюю сатанѣ.

И какъ тогда ученіе Пелагія погибло, благодаря неумолимой послѣдовательности Юліана, такъ точно и въ новѣйшее время религія Сенъ-Симона рухнула, когда Анфантэнъ повелъ ее по тому же пути. Это послѣднее событіе произошло, къ слову сказать, какъ разъ въ эпоху Иммермана, и поэтъ сознается, что сенъ-симонизмъ не остался безъ вліянія на его „Мерлина“. Не этимъ ли объясняется и нѣсколько неожиданное обращеніе Мерлина къ Кандидѣ въ приведенномъ только-что отрывкѣ? Какъ извѣстно, апологія чувственной любви была изложена Анфантэномъ именно въ письмѣ къ матери.

Челнокъ Мерлина, впрочемъ, еще не разбился объ утесъ любви; толчкомъ вышибло только руль у кормчаго изъ рукъ, и челнокъ, завертѣвшись, поплылъ по теченію; но его гибель уже недалека. Еще теплится свѣточъ христіанской „charitas“; Мерлинъ подходитъ къ спящимъ паладинамъ. „О, мои люди“,—говоритъ онъ,—„мои величественные люди; вотъ каковъ ихъ видъ! Насыться, мое око, этимъ зрѣлищемъ; я вѣдь ужъ вашъ братъ.

Теперь только я сталъ жрецомъ, и моя рука, сама содрогающаяся отъ боли, можетъ облегчить вашу бодь". Братъ—жрецъ; нѣтъ, этого мало.

Только-что Мерлинъ говорилъ о своей божественности и ставилъ свое дѣло въ одинъ рядъ съ дѣломъ искупленія человѣчества, и это сознаніе въ немъ ростетъ и ростетъ. „Вотъ притча, —говоритъ онъ Артусу, вѣнчая его на царство:—имѣющій уши, да слышитъ. Тѣхъ, что свидѣтельствуютъ, трое; двое уже явились—одинъ въ жизни, другой въ смерти, третій былъ обѣщанъ. Здѣсь ли онъ—это вамъ скажетъ біеніе вашего сердца"! И, не довольствуясь этимъ яснымъ намекомъ, онъ восклицаетъ:—„за мною! вы знаете, кто съ вами идетъ; я—духъ! ведетъ васъ Параклитъ!"

Да, Кандида можетъ теперь спокойно отдыхать въ своей могилѣ; она вся возродилась въ своемъ сынѣ. Загадка, томившая ее, имъ рѣшена — рѣшена на почвѣ его новой религіи. Будетъ ли только долговѣчна эта религія, знаменосцемъ которой, вмѣсто „charitas", выступаетъ „amor"?

Уже Ниніана отвлекла Мерлина отъ того подвига, на который его вдохновляла „charitas"; онъ съ нею въ бріонскомъ лѣсу, хотя его мысли и витаютъ подчасъ у его друзей. Что касается Ниніаны, то, какъ представительница чувственной любви, она вся отъ сатаны; въ ней нѣтъ того внутренняго голоса, который напѣвалъ Артусу про блаженство въ Монсальватѣ и Клингзору про „тоску по прекрасной невѣстѣ". Въ своемъ женихѣ она отказывается видѣть что-нибудь особенное; онъ просто „ростомъ больше Петра да Ивана",—вотъ и все. Именно, этимъ она и властвуетъ надъ нимъ, отнимаетъ у него, одно за другимъ, его достоинства, замѣняя ихъ собою, любовью къ себѣ. Когда-то Мерлинъ не пожелалъ воспользоваться своей чудодѣйственной силой, чтобы почтить свою мать: „что установилъ Богъ, того не измѣнитъ Мерлинъ"; теперь онъ, чтобы понравиться Ниніанѣ, производитъ затмѣніе солнца — она смѣется. „Объ это легкомысліе разбивается сила деміурга!" — вздыхаетъ Мерлинъ:—„я подчиняю себѣ небесное свѣтило — для нея это лишь забава. Неужели это равнодушно-неразрушимое, скрывающееся въ ея пустой, дерзкой улыбкѣ—неужели оно-то и есть жизнь?" Вскорѣ потухаетъ и „Charitas"; Мерлинъ уже не слышитъ криковъ Артуса и его друзей, взывающихъ къ нему о помощи: побѣдоносно разливается багровое пламя факела, который зажегъ „amor". Много ли осталось отъ прежняго Мерлина? Осталось одно—та загадочная непрерываемость сознанія, въ силу которой человѣкъ—онъ самъ.

Ее Мерлинъ удерживаетъ въ видѣ таинственнаго слова; сказать его Ниніанѣ онъ долго не рѣшается, но, наконецъ, оно само просится наружу. Неизбѣжное совершается; часть разбитаго сознанія въ безумной гордынѣ возносится до небесъ: „Жирнѣе жертвы! не то — новый потопъ для всей живой твари! Вы не должны имѣть другихъ боговъ, кромѣ меня!“ — другая часть опускается ниже животнаго: Мерлинъ окончательно „подмѣненъ, поддѣланъ, отравленъ“, проводя дни и ночи въ безпомощномъ помѣшательствѣ подъ роковымъ боярышникомъ въ бріонскомъ лѣсу.

Противорѣчіе дало себя знать; оба враждебныя другъ другу начала, на которыхъ Мерлинъ воздвигъ зданіе своей вѣры, возстали другъ противъ друга и своею борьбой разрушили зданіе. Сатана это зналъ заранѣе; но одного онъ не зналъ: не зналъ того, что насколько противорѣчіе сильнѣе того духа, который пытался его устранить, настолько *потребность* его устраненія сильнѣе самаго противорѣчія. И въ этомъ заключается трагизмъ положенія Мерлина и его послѣдователей въ многовѣковой исторіи человѣчества. Пусть грубое прикосновеніе царя земли прервало святыя слова, въ которыхъ страдалецъ-пророкъ изливаетъ послѣднюю тоску своей души; она, тѣмъ не менѣе, живетъ въ душахъ тѣхъ, кто продолжаетъ слѣдовать по указанному имъ пути. И пока жива будетъ на свѣтѣ высокая любовь, стремящаяся охватить собою все возвышенное, лучшее, прекрасное въ области явленій и чаяній, пока люди съ ихъ пошлымъ самодовольствомъ еще не заполонили землю,—до тѣхъ поръ не прекратится борьба за вѣру Мерлина и за ея символъ: „воля Бога есть осуществленіе жизни“.

Ѳ. Зѣлинскій.

ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Владиміръ Дмитріевичъ Долоцкій уже минутъ двадцать сидѣлъ въ кабинетѣ Андрея Яковлевича Лавдовскаго, и все не могъ заговорить о томъ дѣлѣ, ради котораго онъ пріѣхалъ въ этотъ утренній часъ. Ему мѣшалъ другой посѣтитель, маленькій сѣденькій генералъ, съ крупными губами и выпуклыми глазами, горячо толковавшій съ хозяиномъ о какомъ-то новомъ акціонерномъ уставѣ, о какихъ-то акціяхъ и паяхъ. Надо было пересидѣть этого генерала, изрѣдка вставляя въ разговоръ незначительныя и ненужныя замѣчанія.

Наконецъ, генералъ поднялся и простился. Лавдовскій пошелъ проводить его.

Долоцкій всталъ, прошелся по комнатѣ и оглянулъ давно знакомую ему обстановку. Большой, высокій кабинетъ имѣлъ довольно внушительный видъ, и говорилъ о серьезности хозяина. Ничего наряднаго, но много дорогого. Скучный стиль empire соотвѣтствовалъ всему остальному.. Громадный письменный столъ былъ заваленъ бумагами и брошюрами всевозможныхъ форматовъ, заключавшими въ себѣ отчеты разныхъ промышленныхъ обществъ. Въ шкафахъ краснаго дерева стояли все большіе переплетенные томы, тоже дѣлового вида. Коверъ былъ порядочно истоптанъ, а кресла просижены.

Черезъ минуту Лавдовскій вернулся и, вторично пожавъ Долоцкому руку, сказалъ съ улыбкой, которой старался придать любезное выраженіе:

— Къ вашимъ услугамъ. Что хорошенькаго скажете?

Но Долоцкій не имѣлъ сказать ничего „хорошенькаго"; напротивъ, обстоятельство, по которому онъ сюда пріѣхалъ, было изъ самыхъ непріятныхъ. Поэтому онъ внутренно весь съёжился и проговорилъ съ дѣланнымъ безразличіемъ тона:

— Я заѣхалъ потолковать съ вами, Андрей Яковлевичъ, относительно моего векселя. Ему срокъ черезъ недѣлю.

Вся любезность мгновенно сбѣжала съ лица Лавдовскаго. Онъ быстро взглянулъ на посѣтителя и, покачнувшись всѣмъ тѣломъ впередъ, произнесъ съ дѣловою сухостью:

— Да, да, помню. Вы, конечно, заплатите?

Долоцкій въ этомъ тонѣ тотчасъ почувствовалъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Его внутренно покоробило.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я хочу просить васъ пересрочить,—сказалъ онъ, съ трудомъ выдерживая сухой, словно обиженный взглядъ кредитора.—У меня въ настоящее время столько затрудненій, что было бы очень трудно уплатить въ срокъ.

Лавдовскій вытянулъ углы губъ книзу.

— Но это не въ обычаѣ, помилуйте! Это совсѣмъ не въ обычаѣ,—сказалъ онъ.—И притомъ, вексель не у меня, онъ давно дисконтированъ, такъ что я совсѣмъ ничего не могу сдѣлать.

Долоцкій слегка поблѣднѣлъ. Онъ почувствовалъ, что ему откажутъ, а это имѣло для него большое значеніе.

— Я думалъ, что вы будете такъ любезны, позволите переписать вексель,—сказалъ онъ съ легкой хрипотой въ голосѣ.—Сумма незначительная, а между тѣмъ я именно въ настоящее время затрудняюсь...

— Нѣтъ, ужъ вы какъ-нибудь устройте это, я ничего не могу сдѣлать,—перебилъ его почти строго Лавдовскій.—Я вѣдь не дисконтёръ, всѣ мои деньги въ коммерческихъ дѣлахъ. Мнѣ очень пріятно было оказать вамъ услугу, когда вы ко мнѣ обратились, но будьте любезны, не поставьте меня въ затрудненіе.

Долоцкій, совершенно смущенный, отвѣтилъ неувѣреннымъ тономъ, что постарается уплатить, и всталъ. Лавдовскій его не удерживалъ и не возобновлялъ разговора: онъ хотѣлъ дать понять, что объ отсрочкѣ платежа и рѣчи быть не можетъ. И чтобъ придать себѣ еще больше дѣловой строгости, онъ не вспомнилъ о женѣ Владиміра Дмитріевича и не поручилъ передать ей поклонъ.

Это обстоятельство тоже смутило и оскорбило Долоцкаго. Въ невѣжливомъ умолчаніи о женѣ ему подозрѣвался тайный

смыслъ. Лавдовскій какъ будто боялся, чтобъ отъ него не потребовали снисхожденія, какъ отъ хорошаго знакомаго, бывающаго въ домѣ и отчасти даже поклоняющагося красотѣ Людмилы Павловны Долоцкой. Не вспомнивъ о ней, онъ какъ будто хотѣлъ показать, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ ихъ маленькому денежному дѣлу.

Владиміръ Дмитріевичъ, спустившись съ лѣстницы, взялъ извозчика и поѣхалъ въ свой департаментъ. Но какъ только санки тронулись, печальныя размышленія налегли на него съ такимъ гнетомъ, что онъ весь даже какъ-то погнулся, и ушедшіе въ глубину глаза его ничего не видѣли и не различали по дорогѣ, кромѣ грязной спины извозчичьяго кафтана.

Всѣ послѣдніе дни, подсчитывая въ умѣ свой активъ и пассивъ, Долоцкій каждый разъ приходилъ къ заключенію, что прежде всего необходимо отсрочить платежъ Лавдовскому. Ему казалось это не особенно труднымъ, такъ какъ Андрей Яковлевичъ былъ человѣкъ денежный, и взятая у него сумма—полторы тысячи—не могла стѣснить его. Когда, полгода назадъ, Долоцкій обратился къ нему, Лавдовскій, повидимому, охотно оказалъ ему услугу. Потомъ этотъ самый Лавдовскій нѣсколько разъ обращался къ его содѣйствію по какимъ-то дѣламъ въ департаментѣ, и Долоцкій старался быть ему полезнымъ. Поэтому онъ былъ почти увѣренъ, что ему не откажутъ обмѣнить вексель на новый. Но ему отказали. Это опрокидывало всѣ его разсчеты и лишало его всякой возможности распутать свои дѣла.

Онъ запутался понемножку, почти незамѣтно для себя, и до послѣдняго времени довольно благополучно изворачивался. Но на квартиру ему сильно надбавили, а обмѣнить ее на болѣе дешевую ему не удалось. Осенью пришлось болѣе обыкновеннаго истратить на разныя домашнія надобности. Жена схватила какую-то болѣзнь, докторъ двѣ недѣли ѣздилъ по два раза каждый день. Въ департаментѣ вычитали изъ жалованья за полученную награду, и частнымъ образомъ—на какія-то подписки. А въ довершеніе всего, ему уже нѣсколько мѣсяцевъ упорно не везло въ карты, въ маленькой не-клубной игрѣ, которую онъ велъ потому, что всѣ его знакомые не признавали другого препровожденія времени.

И вотъ, благодаря всѣмъ этимъ незадачамъ, онъ очутился въ положеніи человѣка запутавшагося. Это его совсѣмъ разстраивало, потому что, сколько онъ ни придумывалъ, гдѣ достать денегъ и какимъ образомъ извернуться, но придумать ничего не могъ.

„Какъ глупо: вѣдь всего какія-нибудь двѣ тысячи, и я сталъ бы на ноги,—думалъ онъ, механически перебирая лежавшія на его департаментскомъ столѣ бумаги.—И уплатить ихъ понемногу можно было бы почти нечувствительно. Вѣдь мы семь, восемь тысячъ въ годъ постоянно проживаемъ. Правда, нѣсколько тысячъ добавлялось изъ капитала жены. Вся бѣда въ томъ, что отъ этого капитала уже ничего не осталось. Но какъ было сдѣлать, чтобъ не трогать его? Дороговизна ростетъ, а доходы не увеличиваются. Положеніе совершенно ненормальное, и что-нибудь во всякомъ случаѣ придется сдѣлать. Да! что-нибудь“...

Но это „что-нибудь“ рисовалось Долоцкому до такой степени неясно, что не заключало въ себѣ ни утѣшенія, ни исхода.

II.

Дома, за обѣдомъ, Долоцкій старался скрыть свой разстроенный видъ, но это ему плохо удавалось. Жена поминутно на него взглядывала, онъ замѣчалъ эти взгляды, и еще болѣе терялся. Ему казалось, что его скверное настроеніе духа дѣйствовало на всѣхъ, что шестилѣтняя Ниночка сегодня меньше шалила, а ея бонна, швейцарка m-lle Амели, меньше разговаривала и строже произносила свои замѣчанія.

Прожевывая котлетку, Долоцкій думалъ все объ одномъ и томъ же. „Сократить расходы... но какимъ образомъ? Не могу же я сказать Людмилѣ, что намъ не по средствамъ три блюда за столомъ, что надо ѣсть обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Или предложить ей не дѣлать двухъ-трехъ новыхъ платьевъ, когда мода мѣняется чуть не каждый мѣсяцъ, и ни на комъ не увидишь ни прошлогднихъ рукавовъ, ни юбокъ. У мужчинъ это не такъ замѣтно, а женщинѣ невозможно обходиться безъ новыхъ туалетовъ. Или отказать m-lle Амели и взять русскую бонну? Но Ниночка уже такъ мило начала щебетать по-французски, что было бы варварствомъ прекратить все это...

„Нѣтъ, придется что-нибудь совсѣмъ другое. Надо обратить вниманіе на разныя мелочи, на которыя незамѣтно уходитъ масса денегъ. Извозчики, напримѣръ; я могъ бы иногда ѣздить въ „конкѣ“. И потомъ, карты: въ послѣднее время я постоянно проигрываю. Но тогда надо перемѣнить кругъ знакомыхъ, а это тоже невозможно. И притомъ, послѣ ряда проигрышей, должно же мнѣ, наконецъ, повезти.

„Но главное не въ этомъ, главное въ томъ, чтобъ извер-

нуться сейчасъ. Надо заплатить по векселю Лавдовскаго. Полторы тысячи... гдѣ я ихъ возьму?"

Послѣ обѣда Долоцкій ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, и закуривъ сигару (ихъ оставалось очень немного въ ящикѣ), протянулся съ ногами на оттоманкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла его жена, съ яблокомъ на тарелочкѣ, и, оглянувшись, сѣла подлѣ него на низенькомъ креслѣ.

Людмила Павловна была лѣтъ на восемь моложе его. Ей теперь шелъ двадцать-восьмой годъ—лучшій возрасть для женщинъ ея типа, не слишкомъ высокихъ, стройныхъ, безъ наклонности къ полнотѣ, слегка смуглыхъ, съ некрупными, изящными чертами лица и роскошью густыхъ темныхъ и тонкихъ волосъ, съ непослушными прядями надъ лбомъ и надъ маленькими, прижатыми ушами. Съ этой наружностью Людмила Павловна сохраняла всю свѣжесть первой молодости, не тронутую жизнью. Въ ея таліи прибавилось всего нѣсколько сантиметровъ, а нѣкоторая полнота въ плечахъ не портила ея фигуры. Только легкій темный пушокъ надъ верхней губой обозначался теперь сильнѣе, чѣмъ когда она была дѣвушкой. Но этотъ пушокъ, такъ хорошо оттѣнявшій ея розовато-смуглую кожу и яркую окраску губъ, придавалъ особенную прелесть ея лицу. И маленькая родинка надъ уголкомъ рта казалась посаженною такъ кстати, что безъ нея наружность Людмилы Павловны какъ будто потеряла бы въ своемъ общемъ обликѣ.

Владиміръ Дмитріевичъ свѣсилъ съ дивана ноги и поправилъ подушку подъ локтемъ. На него разомъ налетѣло безпокойное, нервное настроеніе. По необычному приходу жены и мелькомъ схваченному выраженію ея лица онъ тотчасъ догадался, что она заведетъ разговоръ именно о томъ, что̀ его волновало и мучило. Она въ послѣднее время, замѣчая признаки безденежья въ домѣ, нѣсколько разъ задавала ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ уклончиво, имѣя въ виду вывернуться изъ тисковъ и не желая посвящать ее въ свои непріятности. Но теперь онъ самъ не зналъ, можно ли продолжать скрывать отъ нея денежныя затрудненія.

— Ты сегодня какъ будто разстроенъ чѣмъ-то?—сказала Людмила Павловна, поставивъ тарелочку къ себѣ на колѣни и принимаясь тщательно очищать ножичкомъ яблоко.

— Можетъ быть... немножко...—отвѣтилъ Долоцкій.

— Что̀ такое? почему же ты не скажешь?—спросила съ мелькнувшимъ на лицѣ безпокойствомъ Людмила Павловна.—Что-нибудь по службѣ?

— Нѣтъ, по службѣ все благополучно. Такъ, маленькія затрудненія по финансовой части. У меня въ послѣднее время стало какъ-то недохватывать денегъ,—отвѣтилъ мужъ.

Людмила Павловна разрѣзала яблоко и надкусила половинку его бѣлыми, ровными зубками.

— То-есть, денегъ у насъ всегда недохватывало, но раньше можно было брать изъ моего маленькаго капитала...—сказала она.

— Ну да, ты сама знаешь,—подтвердилъ мужъ.

— А какъ ты изворачивался въ этомъ году, когда въ банкѣ уже ничего не было?—спросила Людмила Павловна.

— А въ этомъ году... пришлось въ долги войти,—объяснилъ съ маленькой запинкой Долоцкій.

— Ты у кого-нибудь занялъ?

— Весной пришлось взять подъ вексель.

— Много?

— Полторы тысячи.

— У кого?

— У Лавдовскаго.

Яблоко опять хрустнуло подъ бѣлыми зубками Людмилы Павловны.

— По векселю скоро платить нужно?—спросила она, бросивъ на мужа спокойный, какъ будто мимолетный взглядъ.

Долоцкому все тяжелѣе становилось вести этотъ разговоръ. Гдѣ-то около сердца онъ даже чувствовалъ боль. Но онъ рѣшился все сказать.

— Срокъ платежа черезъ недѣлю,—отвѣтилъ онъ. — Я заѣзжалъ сегодня къ Лавдовскому, просилъ нельзя ли отсрочить, но онъ отказалъ.

Людмила Павловна помолчала, опустивъ руки вмѣстѣ съ тарелочкой на колѣни. Долоцкій исподлобья взглянулъ на нее, желая видѣть выраженіе ея лица. Но лицо ея было спокойно и только болѣе обыкновеннаго серьезно.

— Ты напрасно обращался къ Лавдовскому; онъ, повидимому, дрянь,—сказала она.

И брови ея на минуту нахмурились больше прежняго. Она припоминала, что съ нѣкоторыхъ поръ Лавдовскій, этотъ противный господинъ съ большими губами и желтыми глазами, поглядывалъ на нее съ какою-то слащавостью и приставалъ съ своими любезностями пошловатаго тона.

— Я самъ сожалѣю,—сказалъ Долоцкій.

— Ему надо заплатить,—произнесла послѣ короткаго молчанія Людмила Павловна.—Полторы тысячи, я думаю, можно

собрать. За мое жемчужное колье въ ломбардѣ дадутъ тысячи двѣ.

Долоцкій быстро поднялъ голову.

— Какъ, ты хочешь заложить свое колье? свою любимую вещь?—переспросилъ онъ въ смущеніи.

— Но если это необходимо!—возразила молодая женщина, вставая.—Безъ колье я могу обойтись нѣкоторое время, и ты, пожалуйста, не смущайся. Но надо подумать о томъ, что нашихъ средствъ намъ, очевидно, не хватаетъ. Такъ нельзя продолжать, это ясно. Надо что-нибудь придумать.

— А развѣ я не думаю!—возразилъ Долоцкій.—Но я какъ-то не умѣю взяться.

Людмила Павловна посмотрѣла на него съ спокойною снисходительностью и, ничего не сказавъ, вышла изъ кабинета.

III.

Нѣсколько дней этотъ разговоръ не возобновлялся между мужемъ и женой. Владиміръ Дмитріевичъ чувствовалъ себя неловко, и положеніе дѣлъ его серьезно озабочивало. А Людмила Павловна казалась по прежнему спокойною и взглядывала на него ободряющими, ласковыми глазами.

— Я все думаю, какое бы мнѣ найти частное занятіе, чтобы пополнить свои доходы, — сказалъ разъ Владиміръ Дмитріевичъ.

Людмила Павловна на это усмѣхнулась съ маленькой гримаской.

— То-есть, какъ это: занятія?—переспросила она.—Переводы для журналовъ дѣлать, что ли?

— А хоть бы и это,—произнесъ мужъ.

Молодая женщина пожала плечами.

— Ты самъ знаешь, что это можетъ дать гроши, — сказала она.—Я бы поняла, еслибъ ты захотѣлъ заняться дѣлами...

— Аферами?—переспросилъ Долоцкій.

— Называй какъ хочешь. Такими дѣлами, которыя могутъ сразу дать тысячи, десятки тысячъ.

— Гдѣ же найти такія дѣла? Да я и не подготовленъ къ этому. Тутъ нужны особыя знанія, опытность...

— Какія же знанія хотя бы у Лавдовскаго?—возразила Людмила Павловна.—Или у Жамлина? или у Дощатовскаго? А между тѣмъ они имѣютъ по тридцати, по сорока тысячъ доходу.

— Да, но они имѣли какой-нибудь случай войти въ эту сферу; у нихъ подходящія связи, отношенія,—замѣтилъ Долоцкій.

— Вотъ и надо создать себѣ такой случай,—тономъ убѣжденія сказала молодая женщина. — По моему, кто хочетъ достигнуть, тотъ достигаетъ. Все дѣло въ томъ, что мы вращаемся въ кругу, который слишкомъ далекъ отъ этихъ сферъ. Наши знакомые очень милые люди, но вѣдь это все чиновники, или военные—они, разумѣется, безполезны для такихъ цѣлей. Надо бывать въ такомъ обществѣ, гдѣ встрѣчаются крупные дѣловые люди, капиталисты, директоры банковъ, вліятельные бюрократы...

— О!—произнесъ Долоцкій и пожалъ плечами.—Мы играли бы очень жалкую роль въ такомъ обществѣ.

— Ты думаешь?—переспросила Людмила Павловна тономъ, въ которомъ прозвучала почти надменная самоувѣренность.—Это зависѣло бы отъ насъ самихъ. Я никогда и нигдѣ не играла бы жалкой роли. И ты также, будь увѣренъ.

Долоцкій невольно улыбнулся: самоувѣренность жены ему нравилась, и какъ будто ободряла его самого.

— Я не знаю, почему мы никогда не бываемъ у Ивицкихъ?—продолжала Людмила Павловна.—Они оба всегда такъ любезны къ намъ. Не далѣе какъ сегодня я встрѣтила m-me Ивицкую въ магазинѣ, и она настойчиво просила быть у нихъ завтра.

Долоцкій слегка поморщился. Ивицкіе были извѣстны всему Петербургу, жили открыто, давали отличные маленькіе обѣды и большіе вечера, но общество у нихъ собиралось довольно смѣшанное, и тамъ велась большая игра. Въ нынѣшнюю зиму у нихъ появилась даже рулетка.

— Это совсѣмъ не нашъ кругъ,—сказалъ Владиміръ Дмитріевичъ.

— Но, именно, это такой домъ, гдѣ можно встрѣтить весь крупный дѣловой Петербургъ и завязать связи,—возразила Людмила Павловна.—Во всякомъ случаѣ, надо посмотрѣть, что тамъ можно сдѣлать. Я дала Варварѣ Николаевнѣ слово за себя и за тебя.

Долоцкій пожалъ плечами, какъ бы слагая съ себя отвѣтственность, и ничего не сказалъ.

Въ глубинѣ души онъ не особенно возставалъ противъ идеи жены. Конечно, если бы они сдѣлались постоянными гостями Ивицкихъ, это произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе въ кругу ихъ близкихъ знакомыхъ; но почему не бывать тамъ изрѣдка? И притомъ, этотъ близкій имъ кругъ, очень чопорный, но совсѣмъ не блестящій, порядочно надоѣлъ имъ обоимъ. Вла-

димiръ Дмитрiевичъ не разъ замѣчалъ, что жена тамъ скучаетъ за вѣчнымъ винтомъ по маленькой и за нескончаемыми разговорами о томъ, что̀ дѣлается въ другихъ, болѣе блестящихъ петербургскихъ кругахъ. А главное,—все это близкое имъ общество стояло совершенно въ сторонѣ отъ широкой волны жизни, пробавлялось департаментскими или полковыми интересами, и совсѣмъ не годилось для той цѣли, которая начинала смутно рисоваться въ воображенiи Владимiра Дмитрiевича.

Заняться дѣлами, и именно такими, о какихъ говорила жена,—дѣлами, которыя не требуютъ никакой спецiальной подготовки и при удачѣ даютъ десятки тысячъ премiи—это до очевидности заманчиво. Но какъ этого добиться, какъ начать? Жена права, для этого нужны прежде всего связи. Нужно постараться сблизиться съ какимъ-нибудь дѣловымъ человѣкомъ, съ однимъ изъ этихъ „фезёровъ“, которые придумываютъ какiя-то акцiонерныя общества, проводятъ какiе-то уставы, и при случаѣ предложить свои маленькiя услуги, въ родѣ секретарства или агентуры... Можно при этомъ воспользоваться кое-какими знакомствами въ бюрократическомъ мірѣ, взять на себя сношенiя съ канцелярiями. А тамъ—дальше, дальше, и чѣмъ длиннѣе будетъ радiусъ, тѣмъ обширнѣе будетъ описываемый имъ кругъ.

Мысли Людмилы Павловны тоже останавливались на этой темѣ, но онѣ были гораздо опредѣленнѣе и самоувѣреннѣе. Въ томъ мірѣ, куда они оба хотѣли заглянуть, несомнѣнно все основывалось на личномъ интересѣ и личныхъ отношенiяхъ. А въ личныхъ отношенiяхъ что̀ же можетъ быть сильнѣе женской красоты и женскаго кокетства? Десять самыхъ дѣльныхъ мужчинъ не добьются того, чего добьется хорошенькая женщина. „Серьезные люди, директоры, капиталисты?.. Знаю я ихъ!“—думала Людмила Павловна, и въ воображенiи ея рисовались нѣсколько знакомыя ей, внушительныя фигуры петербургскихъ „фезёровъ“, съ бѣгающими глазами и выраженiемъ запоздалой жизнерадостности на обрюзглыхъ лицахъ.—„Я возьмусь за нихъ“...

IV.

Петръ Корниловичъ Ивицкiй встрѣчалъ гостей въ первой, самой большой гостиной, съ тою до крайности привѣтливою любезностью, какою отличаются только очень плутоватые люди. Ему было лѣтъ сорокъ-пять, но его гладко выбритое лицо съ густыми, выхоленными усами и только-что начинающеюся лы-

синой блистало юношескимъ румянцемъ. Несмотря на свою совсѣмъ не регулярную жизнь, онъ имѣлъ видъ человѣка, никогда не выходившаго изъ условій мирнаго и безпечальнаго существованія, никогда не знавшаго ни страстей, ни потрясеній и не растрачивавшаго своихъ жизненныхъ запасовъ.

Знали о немъ, въ сущности, немного. Онъ былъ членомъ правленія въ нѣсколькихъ крупныхъ акціонерныхъ учрежденіяхъ, гдѣ получалъ немалые оклады. Предполагали, что у него есть гдѣ-то въ самарской губерніи большое имѣніе, служившее для него неистощимымъ источникомъ кредита и всякихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ. Проживалъ онъ несомнѣнно тысячъ пятьдесятъ въ годъ, да иногда столько же въ одну зиму проигрывалъ; но какъ укладывался и уравновѣшивался его балансъ—объ этомъ никто не могъ основательно судить.

Во второй гостиной, отдѣланной гобеленами и уставленной множествомъ художественныхъ предметовъ, такъ что она походила на маленькій музей, встрѣчала гостей m-me Ивицкая. Она тоже казалась моложе своихъ тридцати-пяти лѣтъ, тоже отличалась сохранившеюся здоровою свѣжестью, но, не обладая красотой, сосредоточила всѣ свои заботы на томъ, чтобы придать своей наружности и своему обращенію самую чарующую привѣтливость. Невозможно было улыбаться любезнѣе ея, и никакіе глаза не имѣли такого ласкающаго до приторности выраженія.

При видѣ Людмилы Павловны, она бросилась къ ней съ такимъ радостнымъ стремленіемъ, какъ будто весь успѣхъ вечера зависѣлъ отъ ея появленія.

— Вотъ кто меня совсѣмъ не хочетъ знать и кого я напрасно ждала столько времени!—воскликнула она, крѣпко сжимая руку Людмилы Павловны, но не забывая въ то же время окинуть всю ее тѣмъ быстрымъ взглядомъ, какимъ всякая женщина оглядываетъ другую женщину, когда та появляется въ большомъ туалетѣ.

А сегодняшній туалетъ Людмилы Павловны былъ очень милъ: она надѣла свое новое, пополамъ съ бархатомъ, платье цвѣта mauve, съ выписанной изъ Парижа, очень изящной отдѣлкой корсажа. Платье было безукоризненно сшито, и охватывало ея красивую фигуру, какъ перчатка. Полу-открытая, слегка смуглая шея Людмилы Павловны розовѣла подъ розоватымъ же жемчугомъ стариннаго колье—того самаго колье, которое сегодня въ послѣдній разъ красовалось на ней: на дняхъ его приходилось сдать въ ломбардъ. И хотя Людмила Павловна заставляла себя свыкнуться съ этой мыслью, тѣмъ не менѣе она раздражала ее.

— Садитесь здѣсь, подлѣ меня, и позвольте вамъ представить друзей нашего дома,—обратилась къ ней Варвара Николаевна.—Мосьё Пыхачевъ, мосьё Неровицкій, мосьё Кокоринъ...

Перваго изъ нихъ, Пыхачева, Людмила Павловна встрѣчала раньше. Она привѣтливо протянула ему руку, которую тотъ медленно пожалъ своими короткими, пухлыми пальцами, не сводя съ молодой женщины откровенно любующагося и, какъ у него всегда выходило, нѣсколько циническаго взгляда.

И въ то же время, мелькомъ вскидывая глазами на Неровицкаго и Кокорина, онъ говорилъ, продолжая начатый разговоръ:

— А все-таки это дѣло непропащее, совсѣмъ непропащее. У нихъ заводъ стоитъ на угольной залежи,—этого преимущества другіе не имѣютъ. И въ шестидесяти верстахъ руда, такъ что доставка обходится въ одну восьмидесятую съ пудо-версты. Ну, прибавьте нагрузку...

— Я не спорю, въ другихъ рукахъ дѣло могло бы совсѣмъ иначе пойти,—замѣтилъ Неровицкій;—но вѣдь вы знаете, тамъ всѣмъ ворочаетъ Мельхиседековъ, а извѣстно, что̀ онъ такое.

— Мельхиседековъ не на своемъ мѣстѣ,—отозвался Пыхачевъ.—Это отличный, исполнительный управляющій, но чтобъ стоять во главѣ большого дѣла, онъ не годится.

— Главная бѣда та, что у нихъ акціонерный капиталъ весь исчерпанъ,—вставилъ Кокоринъ.—Они сами знаютъ, что надо и то, и другое, да ухватиться нечѣмъ.

— А почему же они спятъ и не дѣлаютъ новаго выпуска акцій?—сказалъ Пыхачевъ.—Имъ давно слѣдовало къ этому обратиться.

— Я слышалъ, у нихъ этотъ вопросъ обсуждается,—замѣтилъ Неровицкій.

— Непремѣнно должны къ этому придти,—продолжалъ Пыхачевъ. — Жизнеспособность полная, условія мѣстонахожденія лучше, чѣмъ у кого-нибудь. Въ три, въ четыре года дѣло можетъ пойти блистательно. Но безъ денегъ нельзя. Имъ новая домна нужна, а по-моему, еще и собственная вѣтвь необходима.

— На соединеніе съ нижне-озерской?

— Непремѣнно. На Мостовищи, Дудуево, и оттуда прямо всунуться въ узелъ. Сто-десять верстъ. Считайте версту въ тридцать-четыре тысячи: выходитъ три милліона семьсотъ сорокъ тысячъ.... Дѣло окупится въ нѣсколько лѣтъ.

— Вы полагаете, выпускъ имѣлъ бы успѣхъ? — спросилъ Неровицкій.

Пыхачевъ со смѣхомъ повернулъ къ нему свое грузное туловище.

— Ну, это ужъ глядя по тому, какъ возьмутся за дѣло,— отвѣтилъ онъ. — Если попадетъ въ надлежащія руки, такъ и сдѣлается. Мы съ вами, кажется, знаемъ, какъ за эти вещи съ толкомъ браться.

Отрывистый, желудочный смѣхъ встряхнулъ его еще раза два, и затѣмъ онъ повернулся къ Людмилѣ Павловнѣ и произнесъ съ небрежно-любезной улыбкой:

— Простите, мы совсѣмъ неинтересный для васъ разговоръ ведемъ...

Людмила Павловна, слушавшая этотъ неинтересный разговоръ съ утомлявшимъ ее напряженіемъ, тоже улыбнулась.

— Напротивъ, я люблю дѣловые разговоры; я вѣдь сама дѣловая женщина,—сказала она.

— Да будто бы? — тономъ нескрываемаго сомнѣнія переспросилъ Пыхачевъ, и скосилъ глаза на вырѣзъ ея ворота.

— Увѣряю васъ. Вотъ попробуйте, возьмите меня въ какое-нибудь дѣло,—смѣло отвѣтила Долоцкая.

Пыхачевъ усмѣхнулся, ничего не сказавъ, только еще пристальнѣе уставился глазами на вырѣзъ ея корсажа.

Въ эту минуту Ивицкій дотронулся рукой до всѣхъ троихъ дѣловыхъ людей.

— Макао въ полномъ составѣ; не начать ли намъ?—сообщилъ онъ вполголоса.

Людмила Павловна встала и пошла взглянуть, что̀ дѣлается въ другихъ комнатахъ.

V.

Общество было уже въ полномъ сборѣ. Во всѣхъ углахъ стояли ломберные столы, и вездѣ шла крупная игра. Въ одной изъ партій винта участвовалъ Долоцкій. Людмила Павловна постояла минуту подлѣ него, заглянула въ его карты, улыбнулась ему своимъ ободряющимъ взглядомъ и прошла дальше.

Въ дверяхъ стоялъ Лавдовскій, а передъ нимъ маленькій господинъ съ усами, торчавшими какъ у одичалаго кота, и говорилъ необычайно громко, фыркающимъ и словно надругающимся тономъ:

— Вы только подумайте: раньше пудо-верста обходилась намъ одну-шестнадцатую, а теперь три-восьмыхъ. Вы понимаете, какой отсюда минусъ вытягивается?

Лавдовскій поклонился Людмилѣ Павловнѣ съ своею всегдашнею дѣланною улыбочкой. Она чуть-чуть кивнула головой, и не протянула руки.

„А я догадываюсь, что такое значитъ пудо-верста, — подумала она, улыбаясь сама себѣ.—Это значитъ плата за провозъ по желѣзной дорогѣ за версту съ пуда".

Она прошла дальше. Въ самой крайней комнатѣ, называвшейся „библіотечкой",—хотя вся библіотека состояла изъ двухъ низенькихъ шкафовъ съ разрозненными старыми журналами,—играли въ рулетку. Пухлый молодой блондинъ, съ отвислыми щеками и губами, держалъ банкъ. Онъ, очевидно, проигрывалъ, и маленькіе свѣтлые глаза его глядѣли злобно. Вокругъ было шумно; мужчины и дамы тѣснились кругомъ стола, разговаривали, смѣялись, разсчитывались. Двое знакомыхъ молодыхъ людей уступили мѣсто Людмилѣ Павловнѣ.

— Не хотите ли поставить?—предложили ей.

— Дайте прежде посмотрѣть, я не имѣю понятія о рулеткѣ,—сказала она.

— Штучка, заслуживающая вниманія,—отозвался одинъ изъ молодыхъ людей.

Игра продолжалась. Людмила Павловна смотрѣла молча, съ серьезнымъ видомъ, потомъ достала изъ кармана портмонне, вынула маленькую золотую монету и поставила на „красную". Она выиграла. Знакомые молодые люди захлопали въ ладоши.

— Отлично начато,—сказалъ одинъ.—Знаете, для перваго раза вы сегодня непремѣнно выиграете. Поставьте на номеръ.

Но Людмила Павловна не хотѣла рисковать en plein. Она поставила на „черную", и опять выиграла; повторила ставку, и съ такимъ же успѣхомъ.

— Вотъ теперь очень трудный вопросъ: черная или красная?—сказала она со смѣхомъ, позвякивая собранными въ руку монетами.—Я хочу все это на одинъ ударъ поставить. Ну, пусть будетъ красная.

И она бросила на столъ свою горсточку золота. Красная, дѣйствительно, выиграла. Банкометъ выплатилъ ей уже съ совсѣмъ злыми отъ продолжающагося проигрыша глазами.

— Поставьте же на номеръ! — убѣждалъ одинъ изъ молодыхъ людей.—Вѣдь вамъ чертовски везетъ.

Но Людмила Павловна не послушалась, и отсчитавъ пять золотыхъ, поставила ихъ на шесть нумеровъ. Счастье и на этотъ разъ не измѣнило ей. Она собрала выплаченное ей золото, запихала въ портмонне и опустила его въ карманъ.

— Довольно, нельзя злоупотреблять счастьемъ,—сказала она.

— Въ банкѣ ничего нѣтъ,—объявилъ банкометъ, и всталъ, весь красный, съ растерянными и злыми глазами.

— Браво, вы сорвали банкъ!—воскликнули въ одинъ голосъ молодые люди, и снова захлопали въ ладоши.

Людмила Павловна, улыбаясь, отошла отъ стола. Ей сдѣлалось необычайно весело. Выигрышъ имѣлъ не только матеріальное значеніе, но наполнялъ ее какимъ-то ощущеніемъ торжества.—„Мнѣ везетъ",—думала она, повертывая въ карманѣ такъ неожиданно наполнившееся золотомъ портмонне.

Въ одной изъ гостиныхъ ее окликнула Варвара Николаевна.

— Позвольте вамъ представить Виктора Александровича Галиновскаго,—сказала она.

Передъ Людмилой Павловной поднялся съ низенькаго кресла господинъ лѣтъ сорока-пяти, чрезвычайно приличнаго вида, темноволосый, съ небольшою лысиной и наружностью умнаго бюрократа. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно. На отлично сшитомъ фракѣ его блестѣли двѣ звѣзды: онъ пріѣхалъ прямо изъ засѣданія какой-то коммиссіи.

Людмила Павловна сто разъ раньше слышала эту фамилію. Галиновскій былъ восходящею или даже уже взошедшею звѣздою на петербургскомъ оффиціальномъ небосклонѣ. Онъ занималъ значительное мѣсто и пользовался громаднымъ вліяніемъ. За нимъ была упрочена репутація отличнаго дѣльца, и притомъ человѣка серьезно образованнаго и съ широкими взглядами.

Галиновскій подвинулъ кресло Людмилѣ Павловнѣ и, усѣвшись противъ нея, сейчасъ же, съ свободой очень привыкшаго къ обществу человѣка, началъ разговоръ,—незначительный, безъ притязанія на изобрѣтательность, но въ которомъ поминутно прорывались довольно злой сарказмъ и слегка ядовитая, надъ всѣмъ подсмѣивающаяся веселость. Умные, настойчивые, пытливые глаза его при этомъ почти не отрывались отъ молодой женщины, и въ нихъ все явственнѣе проступало сочувственное, любующееся выраженіе. Онъ замѣтилъ Людмилу Павловну еще раньше, когда она проходила въ „библіотечную", и тогда же съ большимъ интересомъ освѣдомился о ней у хозяина дома и просилъ непремѣнно представить его ей.

— Удачно играли?—спросилъ онъ, вспомнивъ о рулеткѣ и кивнувъ головой на портьеру, изъ-за которой доносился веселый шумъ игры.

— Почему вы думаете, что я непремѣнно играла? — переспросила Людмила Павловна.

— Ваше лицо выдаетъ васъ: я читаю на немъ выраженіе удовлетворенія, какое даетъ удачный рискъ, — отвѣтилъ Галиновскій.

— Неужели у меня такое предательское лицо?—засмѣялась Людмила Павловна.

— Я догадался бы, впрочемъ, просто потому, что всѣ молодыя женщины вообще любятъ рискъ, — продолжалъ Галиновскій.—Это у нихъ въ природѣ. Вѣдь вся жизнь женщины проходитъ въ томъ, что она рѣшаетъ вѣчный вопросъ: рискнуть, или не рисковать?

— Напримѣръ?—спросила Людмила Павловна.

— Да, напримѣръ, начинается это съ замужества, которое всегда представляетъ собою громадный рискъ, несравненно большій, чѣмъ для мужчины женитьба, потому что женщина теряетъ независимость, а мужчина ее сохраняетъ, — пояснилъ Галиновскій.—Затѣмъ, всякій романъ. Для женщины это почти всегда не что̀ иное, какъ вопросъ: рискнуть или нѣтъ?

Людмила Павловна прищурилась на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто собиралась обидѣться.

— И больше ничего?—спросила она.

— Но вѣдь я говорю о женщинахъ вообще, о самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ, у которыхъ и романы могутъ быть только самые обыкновенные, — оправдывался Галиновскій. — Какъ бы то ни было, женщины всегда больше расположены къ риску. Въ игрѣ—онѣ самыя азартныя; это я наблюдалъ въ заграничныхъ казино, гдѣ играютъ въ баккара или рулетку. Въ дѣлахъ тоже никто не спекулируетъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ женщины. Ужъ если онѣ пускаются въ аферы, то въ самыя рискованныя.

— Значитъ, я не похожа на другихъ женщинъ; на аферы у меня совсѣмъ противоположный взглядъ, — сказала Людмила Павловна.—Я признаю только такія дѣла, въ которыхъ можно выиграть навѣрняка, не рискуя ни одной копѣйкой.

Галиновскій посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— Что-жъ, и такія бываютъ дѣла, — сказалъ онъ. — Но будто вы прикосновенны къ этой области?

— Развѣ я ужъ такъ непохожа на дѣловую женщину?

— Откровенно говоря, не похожи.

Людмила Павловна сдѣлала серьезное лицо.

— Вотъ вы и ошиблись, — сказала она. — У меня голова переполнена дѣловыми соображеніями. Я только и мечтаю о томъ, чтобы сыграть роль въ какомъ-нибудь крупномъ финансо-

вомъ дѣлѣ, сорвать хорошій куртажъ и... и разбогатѣть, разумѣется.

Галиновскій продолжалъ улыбаться, но глаза его смотрѣли серьезнѣе.

— Вы не шутите со мной?—спросилъ онъ.

— Нисколько. Что тутъ невѣроятнаго? — воскликнула Людмила Павловна.—Вѣдь, вотъ, всѣ, кого вы здѣсь видите, дѣлаютъ то же или мечтаютъ о томъ же. Въ этихъ гостиныхъ почти весь денежный Петербургъ собрался. И все это—состоянія, нажитыя въ короткое время, и, конечно, не трудомъ, а спекуляціей. Все это—счастливцы, идущіе къ милліонамъ самымъ короткимъ путемъ. Ну, и я предпочитаю такой путь, хотя мой милліонъ—очень маленькій, у меня нѣтъ ненасытной жадности. Я хочу быть богатой въ самомъ буржуазномъ смыслѣ.

— А вѣдь считается, что это все не такъ просто и легко, какъ вы, можетъ быть, думаете,—сказалъ Галиновскій.

— И да, и нѣтъ, — возразила Людмила Павловна. — Все зависитъ отъ случая, отъ сцѣпленія обстоятельствъ, и немножко—отъ умѣнья. Развѣ можно сказать, что легко выиграть въ рулетку? А, вотъ, я выиграла.

Умные глаза Галиновскаго еще болѣе оживились.

— Я могу только сказать, что вы—очень интересный экземпляръ женщины,—произнесъ онъ.—Вы позволите мнѣ продолжать нашъ разговоръ?

— О, съ удовольствіемъ,—отвѣтила Людмила Павловна.

VI.

За нѣкоторыми столиками кончили играть. Большое макао тоже кончилось. Въ гостиныхъ стало оживленнѣе и шумнѣе. Въ ожиданіи ужина, гости сновали изъ комнаты въ комнату, разминаясь и пережевыя впечатлѣнія выигрыша и проигрыша. Пыхачевъ раза два прошелъ мимо Людмилы Павловны, пріостанавливаясь на своихъ толстыхъ ногахъ: его, повидимому, очень интересовало видѣть ее въ оживленномъ разговорѣ съ Галиновскимъ. Столкнувшись въ дверяхъ съ Неровицкимъ, онъ показалъ на нее глазами и произнесъ:

— Интересная бабенка; да кто она, собственно, такая?

Неровицкій, собравшій о ней раньше краткія свѣдѣнія отъ Варвары Николаевны, сообщилъ, что мужъ ея чиновникъ, служитъ тамъ-то и живутъ они скромно, но прилично.

— Викторъ-то Александровичъ совсѣмъ прилипъ къ ней,— замѣтилъ Пыхачевъ, снова покосившись на Долоцкую и Галиновскаго.—Баба съ толкомъ, повидимому.

Лавдовскій безпрестанно ходилъ взадъ и впередъ мимо Людмилы Павловны, обнаруживая даже признаки ажитаціи: его совсѣмъ озадачилъ этотъ долгій уединенный разговоръ ея съ Галиновскимъ. У него явилось сомнѣніе, не промахнулся ли онъ, отказавъ Долоцкому въ пересрочкѣ векселя. Столкнувшись съ Пыхачевымъ, онъ вдругъ съ странною озабоченностью спросилъ его:

— Вы, кажется, и раньше были знакомы съ m-me Долоцкой?

— Немножко. А Галиновскій-то, кажется, въ первый разъ видитъ ее сегодня? — въ свою очередь полюбопытствовалъ Пыхачевъ.

— О, нѣтъ, они давно знакомы; это давнишній флёртъ,— поспѣшно совралъ Лавдовскій.

Онъ и самъ, вѣроятно, не могъ бы объяснить, зачѣмъ ему понадобилось соврать; но у него это уже вошло въ привычку.

Галиновскій, между тѣмъ, всталъ и, наклонясь къ Людмилѣ Павловнѣ, сказалъ интимнымъ тономъ:

— Я избѣгаю оставаться здѣсь ужинать; это даже неудобно по дѣловымъ отношеніямъ. Но позвольте просить васъ познакомить меня съ вашимъ мужемъ и получить разрѣшеніе быть у васъ.

— Будемъ очень рады васъ видѣть,—отвѣтила съ очаровательной любезностью Людмила Павловна.—А мужа мы сейчасъ разыщемъ. Дайте мнѣ вашу руку.

И она прошла съ нимъ черезъ рядъ комнатъ, среди заинтересованной толпы, безцеремонно пожиравшей ее глазами.

Галиновскій пріостановился съ Долоцкимъ на нѣсколько минутъ, поговорилъ, внимательно оглядывая его своими пытливыми глазами, радушно и крѣпко пожалъ ему руку, и затѣмъ незамѣтно скрылся.

Ивицкій, торопливо обходя гостей, звалъ ужинать. Пыхачевъ изъ другого угла гостиной почти подбѣжалъ къ Людмилѣ Павловнѣ и подставилъ ей свою жирную руку.

— Викторъ Александровичъ отнималъ васъ у всѣхъ цѣлый вечеръ, а теперь ужъ я завладѣю вами, — сказалъ онъ своимъ грубовато-небрежнымъ тономъ.

Людмилу Павловну коробилъ этотъ тонъ; но она очень мило улыбнулась, просунула, словно подъ подушку, руку подъ пухлый

локоть Пыхачева и пошла съ нимъ. — „Подожди, мой милый, вѣдь я не даромъ тебѣ улыбаюсь и буду сидѣть подлѣ тебя за ужиномъ; у насъ еще будутъ счеты...“ —думала она, и на лицѣ ея лежало то самое выраженіе внутренняго торжества, съ какимъ она отошла отъ рулеточнаго стола.

Ужины у Ивицкихъ всегда отличались оживленіемъ. Многолюдная толпа, довольная собою и не очень чопорная, весело шумѣла. Дамы, молодыя и по большей части хорошенькія, громко хохотали, показывая бѣлые зубы и ямочки на щекахъ, и не отказывались отъ подливаемыхъ имъ бокаловъ.

Пыхачевъ, тыкая вилкой въ какую-то рыбу, допрашивалъ Людмилу Павловну, о чемъ она говорила съ Галиновскимъ.

— У насъ былъ дѣловой разговоръ,—отвѣтила Долоцкая.

— Будто? Ну, я его умнѣе считалъ,—отозвался Пыхачевъ съ своимъ желудочнымъ смѣхомъ.—О какихъ же дѣлахъ вы говорили?

— О многихъ. Я интересовалась узнать, напримѣръ, какъ онъ смотритъ на выпускъ новыхъ акцій заводомъ, находящимся въ упадкѣ...—объяснила Людмила Павловна.

— А васъ почему это можетъ интересовать?—удивился Пыхачевъ.

— Я же вамъ говорила, что я дѣловая женщина, и, притомъ, меня занялъ вашъ разговоръ съ Неровицкимъ и Кокоринымъ. Рѣчь шла, если вы помните, именно объ одномъ такомъ заводѣ...

— Нижне-озерскомъ?

— Да, нижне-озерскомъ.

— Такъ какого же мнѣнія Викторъ Александровичъ?—поинтересовался Пыхачевъ.

Людмила Павловна усмѣхнулась съ значительнымъ видомъ.

— Ну, я не такая болтушка, какъ вы думаете,—отвѣтила она.—Викторъ Александровичъ и не сталъ бы высказывать мнѣ свои мнѣнія, еслибъ считалъ меня способной тотчасъ разглашать ихъ.

— Вотъ вы какая!—протянулъ почти съ удивленіемъ Пыхачевъ.

— Совсѣмъ дѣловая! — повторила съ маленькимъ смѣхомъ Людмила Павловна, и подумала:—„Отчего не помистифицировать эту тушу? Галиновскій предпочелъ вести со мной болѣе интересный разговоръ, но это Пыхачева не касается“.

Толстякъ продолжалъ въ упоръ любоваться ею, прихлебывая изъ стаканчика.

— Вотъ вы лучше отвѣтьте мнѣ на дѣловой вопросъ,— сказала Людмила Павловна, переходя въ серьезный тонъ:—вамъ хотѣлось бы захватить въ свои руки новыя нижне-озерскія акціи?

— Объ этомъ еще только одинъ разговоръ идетъ, — отозвался Пыхачевъ.

— Но еслибъ дѣло было рѣшено?

Пыхачевъ пожалъ плечами.

— Они попробуютъ сами все сдѣлать. И наглупятъ, разумѣется,—сказалъ онъ.

— Вотъ и не надо допускать ихъ до этого, — возразила Людмила Павловна.

Пыхачевъ пытливо покосился на нее.

— У васъ тамъ есть, можетъ быть, свой человѣкъ?—спросилъ онъ недовѣрчиво.

Людмила Павловна опять усмѣхнулась.

— Можетъ быть. Но дѣловые люди не показываютъ раньше времени своихъ картъ,—сказала она.—А впрочемъ,—прибавила она тотчасъ,—заѣзжайте какъ-нибудь на-дняхъ ко мнѣ, мы потолкуемъ.

Пыхачевъ отвѣтилъ, что заѣдетъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

VII.

Людмила Павловна возвращалась домой радостно возбужденная, почти счастливая. Она точно сразу почувствовала подъ собою новую, твердую почву. Откинувшись въ уголъ кареты, она весело щурилась въ тусклую темноту петербургской ночи и немножко мечтала.

Всѣ эти люди, которыхъ она видѣла у Ивицкихъ, довольно противны. Одинъ Галиновскій не похожъ на другихъ: онъ хорошо образованъ, и въ немъ нѣтъ этой циничесой меркантильности, сосредоточивающей всѣ человѣческіе интересы на „пудоверстѣ“. Но остальные, въ родѣ Пыхачева, совсѣмъ не симпатичны. Что же дѣлать? Зато это—сила, и именно та, которая ей нужна. Надо только заставить эту силу служить ей.

И ей казалось, что это можно сдѣлать. Молодость и красота женщины—хорошее оружіе. А ума, повидимому, вовсе не такъ много требуется. Она сегодня имѣла успѣхъ, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Немножко женской ловкости, и они сами научатъ ее тому, что ей надо...

— Ты играла въ рулетку?—спросилъ мужъ.

— Да, и очень удачно: выиграла рублей четыреста,—отвѣтила, отрываясь отъ своихъ мечтаній, Людмила Павловна.— А ты?

— А я сорокъ. Но это отлично, что ты въ такомъ выигрышѣ, —произнесъ Долоцкій, и, отыскавъ ея руку, пожалъ ее.

Мысль Людмилы Павловны на минуту перескочила на мужа. Ей почему-то предсталъ вопросъ, какую роль онъ займетъ въ ея планахъ. Но она не остановилась на этомъ вопросѣ. „Онъ хорошій, добрый...“—неопредѣленно отвѣтила она сама себѣ.

На другой день, рано утромъ, къ Владиміру Дмитріевичу неожиданно заѣхалъ Лавдовскій. Какъ у всѣхъ людей этого склада, наружность и обращеніе его тотчасъ выразили, что онъ явился въ заискивающемъ настроеніи: въ походкѣ, въ манерахъ его сквозила какая-то пріятельская развязность, голосъ звучалъ съ несвойственной ему сладостью, желтоватые глаза искательно бѣгали и искрились. Послѣ минутнаго разговора, онъ сейчасъ же сталъ извиняться за свой отказъ пересрочить вексель.

— Но тогда, понимаете, я былъ стѣсненъ въ деньгахъ,— объяснилъ онъ;—а теперь мнѣ случилось получить значительный платежъ, и я нарочно заѣхалъ къ вамъ, чтобъ сообщить, что съ удовольствіемъ готовъ оказать вамъ эту маленькую услугу...

Долоцкій, удивленный, не зналъ, какъ отнестись къ такой неожиданной любезности. Возможность переписать вексель и избавить жену отъ необходимости закладывать колье очень его радовала. Но въ внезапной услужливости Лавдовскаго чувствовался какой-то подозрительный смыслъ, и Долоцкій подумалъ, что лучше всего было бы узнать мнѣніе жены. Извинившись, что на минуту оставляетъ посѣтителя одного, онъ прошелъ къ Людмилѣ Павловнѣ.

— Что за чудеса такія: Лавдовскій пріѣхалъ, лебезитъ и предлагаетъ переписать вексель,—объявилъ онъ.

Людмила Павловна, сидѣвшая передъ туалетнымъ столикомъ, быстро повернула къ мужу вспыхнувшее лицо.

— Ни подъ какимъ видомъ!—сказала она.—Передъ такими господами нельзя обязываться. Скажи ему, что не нуждаешься въ его одолженіяхъ, и что по векселю будетъ заплачено.

Долоцкій вернулся въ кабинетъ, и, повторивъ свои извиненія, объявилъ, что очень благодаренъ за любезность, но такъ какъ деньги уже приготовлены, то нѣтъ надобности въ отсрочкѣ платежа.

Лавдовскій удивился, даже растерялся въ первую минуту.

Но у него была очень толстая кожа, сквозь которую не легко проходили впечатлѣнія. Съ обычною безцеремонностью, онъ сейчасъ же перешелъ къ другому предмету. У него было дѣло въ томъ учрежденіи, на которое Галиновскій имѣлъ непосредственное вліяніе, и онъ рѣшился тутъ же просить Долоцкаго посодѣйствовать ему.

— Вѣдь вы, кажется, въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ,— замѣтилъ онъ.—Викторъ Александровичъ даже бываетъ у васъ въ домѣ, не правда ли?

— На какомъ же основаніи я сталъ бы просить за васъ? Вѣдь вы лицо для меня постороннее,—возразилъ Долоцкій, не сочтя нужнымъ отвѣтить на послѣдній вопросъ Лавдовскаго.

— Но что вамъ стоитъ? И Галиновскому тоже ничего не будетъ стоить, а для меня дѣло очень важное,—сказалъ тотъ.

Долоцкій на это сухо отвѣтилъ, что у каждаго могутъ быть свои важныя дѣла, и перемѣнилъ разговоръ.

Желтое лицо Лавдовскаго еще болѣе пожелтѣло. Онъ опять мысленно назвалъ себя дуракомъ за то, что отказалъ Долоцкому.—„Но кто же могъ знать! Простой чиновникъ, и съ очень маленькимъ состояніемъ, если не совсѣмъ безъ состоянія...“—пытался онъ оправдать себя.

Сгребя красными пальцами шапку, онъ, однако, рискнулъ сказать:

— Людмилу Павловну, конечно, нельзя такъ рано безпокоить? Передайте, пожалуйста, тысячу любезностей отъ меня; вѣдь я всегда былъ такимъ усерднымъ поклонникомъ вашей супруги. Вчера она была въ полномъ смыслѣ царицей вечера.

Лавдовскій наконецъ уѣхалъ, а черезъ часъ посыльный принесъ изъ магазина огромную корзину живыхъ цвѣтовъ съ его карточкой. Людмила Павловна пожала плечами...

VIII.

Спустя часа два, въ гостиную Людмилы Павловны вошелъ Пыхачевъ. Онъ только-что позавтракалъ въ ресторанѣ, и отъ него пахло виномъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, барынька...—привѣтствовалъ онъ хозяйку, поднося къ губамъ протянутую ему руку.

Людмилу Павловну опять покоробило и отъ этого тона, и отъ запаха вина, и отъ всей внѣшности Пыхачева; но она подумала, что еще не время его дисциплинировать.

Пыхачевъ грузно опустился на кресло и обвелъ глазами комнату.

— Довольны квартирой?—спросилъ онъ. — Теперь это насущный вопросъ. Сколько платите?

Людмила Павловна удовлетворила его любопытству.

— Ну, а сколько же вы вообще проживаете въ годъ? — продолжалъ Пыхачевъ. — Если это не секретъ. Тысячъ пять, шесть?

— Это не секретъ, но кому же какое дѣло до этого? — отвѣтила Людмила Павловна.—Если васъ интересуетъ, сколько мой мужъ получаетъ жалованья, справьтесь въ канцеляріи.

— Ну, и свое какое-нибудь состоянье есть?—все-таки продолжалъ Пыхачевъ, совсѣмъ не замѣчая маленькаго нервнаго подергиванья въ плечахъ хозяйки.—Тысяченокъ двадцать, тридцать, изъ приданаго, а?

Онъ эти разспросы дѣлалъ безъ всякой цѣли, просто потому, что человѣческая личность опредѣлялась для него прежде всего размѣрами капитала или дохода. Не зная денежной цѣнности человѣка, онъ какъ-то не умѣлъ о немъ судить, и вообще въ отношеніяхъ къ нему ощущалъ неясность. Въ его кругу, какъ только называли какое-нибудь новое имя, самъ собою сейчасъ же слѣдовалъ вопросъ: „а чѣмъ онъ живетъ?“—или: „а сколько онъ имѣетъ?“

Людмила Павловна догадалась, наконецъ, что на безсознательное невѣжество Пыхачева нельзя обращать вниманіе, и очень мило ему улыбнулась.

— Сколько у насъ теперь, это неинтересно,—сказала она; —я обѣщаю объявить вамъ первому, когда у насъ будетъ милліонъ.

Пыхачевъ повернулся въ креслѣ, точно почувствовалъ щекотку.

— Хе-хе!—засмѣялся онъ. — Милліонъ штука хитрая, до него шутя не дойдешь.

— А кто вамъ сказалъ, что я собираюсь шутить?—возразила совершенно серьезно Людмила Павловна. — Лучше всего, перейдемъ къ дѣлу, о которомъ вчера говорили. Я должна вамъ сказать, что дѣйствительно заинтересовалась имъ. Мнѣ кажется, что для нихъ, для нижне-озерскихъ заправилъ, безусловно необходимо остановиться на выпускѣ новыхъ акцій.

— Это и мое мнѣніе,—подтвердилъ Пыхачевъ. — Дѣло, въ сущности, солидное, но безъ капитала имъ не повернуться. Но бѣда въ томъ, что очень они сомнѣваются въ успѣхѣ выпуска.

Да и не напрасно, потому что сами они ничего не съумѣютъ сдѣлать.

— Вотъ потому-то и надо ихъ убѣдить не браться самимъ, а отдать дѣло въ надежныя руки,—сказала Людмила Павловна.

— Какъ ихъ убѣдить!—возразилъ Пыхачевъ.

Но затѣмъ онъ вдругъ, съ возможной для него живостью, повернулся къ молодой женщинѣ и спросилъ:

— Да вы скажите прямо: у васъ есть какія-нибудь зацѣпки въ этомъ случаѣ?

Людмила Павловна улыбнулась съ значительнымъ видомъ.

— Хотите вмѣстѣ со мной войти въ это дѣло? — спросила она вмѣсто отвѣта.

Пыхачевъ тоже осклабился.

— Какъ же не хотѣть, когда на лицо такой прелестный компаньонъ?—сказалъ онъ. — Но штука-то въ томъ, что пока это даже не дѣло. Надо, чтобъ они приступили, тогда видно будетъ.

— Напротивъ, тогда поздно будетъ, потому что они захотятъ попытаться сами все сдѣлать, — возразила Людмила Павловна. — Надо именно теперь вступить съ ними въ переговоры и убѣдить ихъ, что выгоднѣе всего было бы передать всю операцію въ ваши руки.

Пыхачевъ посмотрѣлъ на нее ободряющимъ и любующимся взглядомъ.

— А вѣдь вы, въ самомъ дѣлѣ, дѣловая барынька, какъ я вижу,—произнесъ онъ слащаво, и, взявъ ея руку, приложился губами.

— Разглядѣли, наконецъ?—отозвалась съ маленькимъ смѣхомъ Людмила Павловна. — Такъ какъ вы думаете, стоитъ похлопотать?

— Почему же не стоитъ? Эмиссіонная операція предвидится крупная,—отвѣтилъ Пыхачевъ.

— „Это называется: эмиссіонная операція; такъ и замѣтимъ“,—подумала Людмила Павловна.

— У меня, видите ли, какая мысль,—сказала она вслухъ:— я имѣю въ виду человѣка, котораго надо послать туда, и который отлично съумѣетъ повести тамъ переговоры.

— Кто же такой?—полюбопытствовалъ Пыхачевъ.

— Мой мужъ,—отвѣтила Людмила Павловна.— Васъ удивляетъ, потому что онъ неизвѣстенъ въ вашихъ сферахъ? Но я вамъ ручаюсь, что онъ сдѣлаетъ это лучше всякаго другого. Но, конечно, дешево онъ не возьмется.

И она взглянула на Пыхачева въ упоръ, слегка постукивая по мозаичному столику нервно подрагивавшими пальцами.

— Дѣло не въ условіяхъ, а въ томъ, чтобы дѣло было сдѣлано,—проговорилъ недовѣрчивымъ тономъ Пыхачевъ.

— Если мужъ не сдѣлаетъ, то никто не сдѣлаетъ,—отвѣтила совершенно увѣренно Людмила Павловна.

— Вашего супруга тамъ вѣдь не знаютъ совсѣмъ...—продолжалъ сомнѣваться Пыхачевъ.

— И не нужно этого, такъ какъ онъ явится съ личной рекомендаціей Галиновскаго.

— Ахъ, вотъ какъ! — произнесъ совсѣмъ другимъ тономъ Пыхачевъ.—Да, конечно... это надо принять въ соображеніе.

— Вотъ видите! Я наобумъ не стала бы вамъ предлагать, —сказала, внутренно вся оживляясь, Людмила Павловна.

Она замѣтила впечатлѣніе, произведенное именемъ Галиновскаго, и догадалась, что дѣло почти выиграно.

— Такъ вотъ, будемъ теперь говорить прямо,—продолжала она.—Если мой мужъ, недѣли черезъ двѣ, привезетъ положительный отвѣтъ—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—то въ какую сумму вы оцѣните его участіе?

Пыхачевъ поднялъ глаза къ потолку, потомъ пустилъ взглядъ по ковру и наконецъ отвѣтилъ:

— У насъ принято въ подобныхъ случаяхъ... пять процентовъ.

— Собственно за поѣздку? Лучше выразимъ это въ опредѣленной цифрѣ: десять тысячъ. Изъ нихъ три тысячи вы выдадите впередъ, а остальныя по возвращеніи, — сказала совершенно спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Людмила Павловна.—А затѣмъ, что касается нашего участія въ дѣлѣ, то это надо опредѣлить тоже заранѣе. Мои условія—пятая часть. Она будетъ выплачена вами мнѣ по окончаніи всей операціи наличными деньгами или акціями, смотря по тому, какъ мы условимся.

Пыхачевъ помолчалъ съ очень серьезнымъ видомъ. Дѣло представлялось ему чрезвычайно выгоднымъ. Притязаніе на пятую часть, въ сущности, не было чрезмѣрнымъ, такъ какъ вся аффера имѣла коммиссіонный характеръ и не требовала затраты капитала. Рисковалъ онъ только тремя тысячами, въ случаѣ если бы поѣздка Долоцкаго оказалась неуспѣшной. Но такой суммой можно было рискнуть.

— Давайте, попробуемъ,—сказалъ онъ наконецъ.—А въ условіяхъ сойдемся. Мы тоже люди дѣловые, понимаемъ, что даромъ ничего не дѣлается.

IX.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ по уходѣ Пыхачева, какъ Людмилѣ Павловнѣ доложили о Галиновскомъ. Онъ заѣхалъ со службы, въ вицмундирѣ, но, несмотря на этотъ оффиціальный нарядъ, держался гораздо проще, свободнѣе, чѣмъ вчера.

— Владиміръ Дмитріевичъ еще не вернулся изъ департамента?—любезно освѣдомился онъ.

Имя и отчество Долоцкаго ему не трудно было помнить, такъ какъ онъ прочелъ ихъ на дощечкѣ на дверяхъ.

— Такихъ маленькихъ чиновниковъ, какъ мой мужъ, не отпускаютъ рано,—отвѣтила Людмила Павловна, улыбаясь.—Можно предложить вамъ чаю?

Галиновскій не отказался. Онъ очень удобно усѣлся въ низенькомъ креслѣ, даже подушку забралъ подъ руку, и протянулъ по ковру обутыя въ безукоризненныя ботинки ноги.

— Довольны ли вы остались вчерашнимъ раутомъ? Какъ вы нашли общество нашихъ милліонеровъ и дѣльцовъ?—спросилъ онъ.

Людмила Павловна повела плечами съ маленькой гримаской.

— Мнѣ слѣдовало бы отнестись къ нимъ чрезвычайно снисходительно, потому что они были очень любезны ко мнѣ,—отвѣтила она;—но нельзя не сознаться, что ихъ свѣтскія качества стоятъ не на высокомъ уровнѣ. Одинъ изъ нихъ сейчасъ былъ у меня, и началъ съ того, что пожелалъ узнать, сколько я проживаю въ годъ, и есть ли у меня двадцать тысячъ въ банкѣ.

— Кто же это?—спросилъ, усмѣхнувшись, Галиновскій.

— Пыхачевъ.

— Ну, еще бы! Это одинъ изъ крупныхъ и характерныхъ представителей своего круга,—отозвался Галиновскій.—Пропитанъ насквозь безсознательнымъ плебействомъ, и чувство личнаго достоинства понимаетъ только въ формѣ наглости. Въ душѣ, разумѣется, кромѣ денегъ и денежныхъ разсчетовъ—ничего ровно.

— О, что до его души, я такъ далеко и не заглядываю,—сказала со смѣхомъ Людмила Павловна.—Но вѣдь существуетъ же умѣнье казаться немножко лучше, чѣмъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ. А онъ и этого труда не даетъ себѣ.

— При его состояніи зачѣмъ же!—подхватилъ Галиновскій.—Мелкіе людишки и такъ будутъ пресмыкаться передъ

нимъ, а другихъ ему не нужно, съ другими ему было бы не по себѣ.

— Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ быть любезными съ дамами,—сказала ироническимъ тономъ Людмила Павловна.—Вотъ эту корзину мнѣ преподнесъ другой экземпляръ въ такомъ же родѣ, нѣкто Лавдовскій.

— Ну, это уже совсѣмъ мелкій пройдоха,—отозвался Галиновскій.—Меня даже удивляетъ ваша снисходительность къ его любезностямъ!

— Прислалъ съ посыльнымъ—что же мнѣ было дѣлать? Отослать назадъ—значило бы поссориться; а развѣ все это стоитъ ссоры? Я смотрю на этихъ господъ исключительно съ практической стороны: какъ бы то ни было, а всѣ крупныя дѣла все-таки въ ихъ рукахъ. Вѣроятно, такъ же и вы смотрите.

— У меня съ ними обязательныя отношенія,—отвѣтилъ Галиновскій.—Мы, въ нѣкоторой степени, двѣ воюющія стороны, и между нами идетъ непрерывная борьба. Мы имъ немножко покровительствуемъ, а они совсѣмъ не немножко расширяютъ свои притязанія. Въ концѣ концовъ, обѣ стороны, кажется, остаются не очень довольными другъ другомъ.

— Но вы, во всякомъ случаѣ, побѣждаете?

— По крайней мѣрѣ, намъ такъ кажется. Они иногда проигрываютъ просто потому, что имъ недостаетъ образованности. Я не говорю обо всѣхъ,—есть и въ этомъ кругу блестящія исключенія. Но большинство лишено образованія и даже не замѣчаетъ этого. Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что по самымъ крупнымъ, многомилліоннымъ дѣламъ получаются записки, мнѣнія, ходатайства, въ которыхъ простая грамотность является рѣдкостью. Конечно, дѣло въ дѣлѣ, но нельзя же отрицать, что широкая образованность никакому дѣлу повредить не можетъ.

— Я думаю!—тономъ сочувствія подхватила Людмила Павловна.—И вы совершенно правы, что они ничего этого не сознаютъ. Сколько я замѣчала, они держатся чрезвычайно высокаго мнѣнія о своемъ умѣ. Имъ кажется, что такъ какъ они умѣютъ наживать деньги, а деньги для нихъ выше всего, то этимъ уже доказывается ихъ превосходство надъ остальнымъ человѣчествомъ.

— А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, деньги наживаются чрезвычайно рутиннымъ способомъ,—замѣтилъ Галиновскій.—Когда я близко ознакомился съ этими дѣлами, я былъ пораженъ, до чего тутъ все просто и шаблонно. Выработалась готовая организація, и вся задача только въ томъ, чтобы попасть въ нее.

Попалъ—и дальше уже все своимъ порядкомъ само дѣлается. А попадаютъ, разумѣется, не умомъ, а случаемъ и обстоятельствами. Затѣмъ, вся эта дѣловая махинація: куртажи, росписаніе акцій по льготной цѣнѣ, выборы въ правленіе, такъ называемое проведеніе уставовъ съ выговореннымъ долевымъ участіемъ, фиктивное учредительство, оплачиваемое наличными деньгами акціонеровъ, биржевая игра навѣрняка—все это уже само собою, по заведенному порядку. Все это, въ сущности, такъ просто, что если бы вмѣшался тутъ человѣкъ съ умомъ дѣйствительно необыкновеннымъ, то... я и не знаю, что тогда произошло бы: онъ прямо проглотилъ бы всѣхъ и все.

Лицо Людмилы Павловны выражало сосредоточенное, почти благоговѣйное вниманіе; она даже подалась всѣмъ корпусомъ слегка впередъ, чтобы быть ближе къ Галиновскому.

— Я слушаю васъ какъ музыку,—сказала она съ мелькнувшей на губахъ улыбкой восхищенія.—Вѣдь меня живо интересуютъ эти дѣловыя сферы, мой мужъ немножко самъ занимается дѣлами. И притомъ это такъ умно, такъ... сильно, все, что вы говорите; у васъ такое знаніе среды, такъ много наблюдательности...

Галиновскій чуть-чуть даже вспыхнулъ, даже какъ-то подозрительно поёжился отъ этой неожиданной, почти страстно высказанной похвалы. Онъ уже привыкъ къ выраженіямъ лести, и оставался равнодушенъ къ ней. Но въ звукѣ голоса Людмилы Павловны ему слышалась искренность, къ которой нельзя было отнестись безразлично.

— Вы слишкомъ любезны къ моимъ маленькимъ наблюденіямъ,—сказалъ онъ, обративъ къ ней неувѣренный взглядъ.

— Я привыкла цѣнить умъ выше всего,—отвѣтила серьезнымъ тономъ Людмила Павловна.—Я ставлю умъ выше молодости, красоты и даже доброты.

— Въ такомъ случаѣ вы составляете исключеніе между свѣтскими женщинами,—замѣтилъ Галиновскій.

— Какая же я свѣтская женщина?—возразила Людмила Павловна.—Я даже очень мало бываю въ свѣтѣ, и мнѣ тамъ совсѣмъ не весело. Должно быть, я раньше времени состарилась,—добавила она съ своей милой улыбкой.—Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я слишкомъ серьезна для свѣта. Я не понимаю удовольствія въ обществѣ людей, которые никакимъ образомъ не могутъ заинтересовать меня. Я предпочитаю читать, заниматься музыкой или просто мечтать... Развѣ это не старомодно?

И она посмотрѣла на Галиновскаго довѣрчиво, какъ будто

этотъ недолгій разговоръ уже сблизилъ ихъ, и какъ будто она не старалась даже скрыть, что отдѣляла его отъ всѣхъ тѣхъ, кого встрѣчала ежедневно и кто не могъ заинтересовать ее.

X.

Людмила Павловна обладала тѣмъ высшимъ искусствомъ кокетства и женской интриги, которое сразу находитъ пути для вкрадчиваго вторженія въ чужую душу. Галиновскій съ перваго раза обрисовался ей весь, съ своимъ громаднымъ самолюбіемъ, очень небольшимъ запасомъ опыта въ дѣлахъ сердца, неувѣренностью въ своихъ внѣшнихъ качествахъ и средствахъ и глубокозатаенною, почти безнадежною мечтою о какомъ-нибудь счастливомъ романѣ. Въ его наружности не было ничего непріятнаго, но онъ не былъ красивъ. Какъ умный человѣкъ и притомъ проведшій очень серьезную молодость, онъ долженъ былъ придти къ скептическому взгляду на свои внѣшнія данныя; но онъ, конечно, зналъ свою нравственную цѣну и подозрѣвалъ существованіе женщинъ, доступныхъ очарованію и вліянію мужского ума. И Людмила Павловна сразу поняла, что для вторженія въ эту самолюбивую и скептическую душу надо воплотить въ себѣ образъ именно такой женщины. Надо заставить его вѣрить, что его умъ производитъ обаяніе, начинаетъ дѣйствовать на воображеніе. Передъ увлеченіемъ, возникшимъ этимъ путемъ, его скептицизмъ не долженъ былъ устоять.

И Людмила Павловна очень искусно заставляла Галиновскаго говорить, придавая своему лицу все болѣе заинтересованное выраженіе. Онъ сразу на это попался, оживился, почувствовалъ желаніе блистать. Онъ и безъ того любилъ говорить и зналъ, что умѣетъ говорить. Его визитъ затянулся; ему было чрезвычайно пріятно въ этой скромно-хорошенькой гостиной, съ этой молодой, красивой и умной женщиной, которая его явно заслушивалась, и въ серьезно улыбающихся глазахъ которой и во всемъ невыразимо-миломъ обликѣ онъ чуялъ что-то увлекающееся и влекущее, раздражительно пробѣгавшее по его нервамъ.

Наконецъ, разговоръ перешелъ на болѣе близкія темы.

— Вы сказали, вашъ мужъ тоже занимается дѣлами?— спросилъ Галиновскій.

Людмила Павловна снисходительно усмѣхнулась.

— Именно немножко,—отвѣтила она.—Онъ вѣдь служитъ,

а частныя дѣла—это такъ, потому что надо же подумать о томъ, чтобы пріобрѣсти что-нибудь. Да, притомъ, вы совершенно вѣрно сказали, что самое трудное—войти въ эту организацію. Мужу вотъ только теперь представляется случай къ тому: на-дняхъ онъ уѣзжаетъ на нижне-озерскій заводъ, чтобы вести тамъ нѣкоторые переговоры.

— Онъ вступилъ съ кѣмъ-нибудь въ дѣло?—спросилъ Галиновскій.

— Это будетъ зависѣть отъ исхода переговоровъ,—отвѣтила Людмила Павловна.—Кстати, Викторъ Александровичъ, вы могли бы оказать мнѣ большую, большую услугу,—добавила она, обративъ на Галиновскаго полный самаго невиннаго кокетства взглядъ.

— Пожалуйста, что̀ прикажете?—вызвался Галиновскій.

— Дѣло въ томъ, что моего мужа тамъ никто не знаетъ, онъ точно съ луны свалится,—объяснила Людмила Павловна.—Что̀, еслибъ вы могли дать ему свою карточку? Это разомъ раскрыло бы ему всѣ двери.

Галиновскій внутренно слегка поморщился: онъ очень не любилъ давать рекомендаціи къ частнымъ лицамъ. Но невозможно было отказать въ такой незначительной по виду услугѣ. Онъ поспѣшно вынулъ изъ портфельчика карточку и подалъ молодой женщинѣ.

Людмила Павловна повертѣла карточку въ рукѣ, и обернувъ ее оборотной стороной, повела по ней розовымъ ногтемъ и сказала съ очаровательной улыбкой:

— А развѣ вы не черкнете здѣсь словечка? Иначе, пожалуй, подумаютъ, что мужъ просто вытащилъ эту карточку гдѣ-нибудь изъ вазы... Вотъ тамъ въ углу, на столикѣ, перо и чернила.

Галиновскій повиновался и надписалъ: „Рекомендую Владиміра Дмитріевича Долоцкаго, лично мнѣ извѣстнаго“.

— Ахъ, я вамъ очень, очень обязана!—поблагодарила Людмила Павловна.—Но вы уже уходите? Развѣ вы такъ торопитесь?

— Я и не подозрѣвалъ, что просидѣлъ у васъ почти два часа,—сказалъ Галиновскій.

— Да неужели!?—воскликнула Людмила Павловна.—Но какъ незамѣтно пробѣжало время! Надѣюсь, мы скоро увидимся? Когда мужъ уѣдетъ, я все буду сидѣть дома. Вы должны навѣщать меня.

И она почти дружески пожала ему руку и встала проводить его. Въ дверяхъ она опять повторила, словно не придя еще въ себя отъ изумленія:

— Но какъ съ вами незамѣтно прошло время! Вотъ что значитъ...

Она не договорила и какъ бы даже сконфузилась.

— Что же такое значитъ?—переспросилъ, глядя на нее въ упоръ, Галиновскій.

— Нѣтъ, не скажу,—отвѣтила Людмила Павловна, отвѣчая на этотъ взглядъ тоже смѣлымъ, почти задорнымъ взглядомъ.— Вы и безъ того, конечно, очень высокаго мнѣнія о себѣ; а это недостатокъ, котораго не слѣдуетъ поощрять.

XI.

Когда Долоцкій вернулся изъ своей канцеляріи, Людмила Павловна встрѣтила его загадочнымъ смѣхомъ, обыкновенно предвѣщавшимъ какую-нибудь хорошую новость.

— Что такое?—спросилъ Владиміръ Дмитріевичъ, цѣлуя ей руки.

— Твоя жена, не шутя, сдѣлалась дѣловою женщиной,— сказала она.—Я въ одинъ день столько сдѣлала... Во-первыхъ, скажи: вѣдь ты можешь взять двухнедѣльный отпускъ?

— Отпускъ? зачѣмъ? куда?—удивился Долоцкій.

— Во-вторыхъ, мое кольё не надо будетъ закладывать... Ахъ, вѣдь я изъ-за этого больше всего старалась... Но погоди, сядемъ, я тебѣ все объясню по порядку.

И она разсказала о своихъ переговорахъ съ Пыхачевымъ, и показала карточку Галиновскаго. Владиміръ Дмитріевичъ былъ озадаченъ и совершенною внезапностью, и серьезностью дѣла; ему представлялось очень смѣлымъ ѣхать по такому порученію, совсѣмъ не будучи къ нему подготовленнымъ. Онъ возражалъ и колебался.

— Пыхачевъ объяснитъ тебѣ все, что нужно, никакой премудрости во всемъ этомъ нѣтъ,—спокойно настаивала Людмила Павловна.—Ты только держи себя тамъ и говори съ аппломбомъ, не давай замѣтить въ себѣ новичка. Карточка Галиновскаго заставитъ слушать тебя.

— И все-таки моя поѣздка можетъ ни къ чему не привести,—сомнѣвался Долоцкій.

— Въ худшемъ случаѣ она приведетъ къ тому, что ты завтра же получишь три тысячи, — возразила съ новымъ смѣхомъ Людмила Павловна.—Самому тебѣ поѣздка обойдется не болѣе пятисотъ рублей; слѣдовательно, двѣ съ половиною тысячи

останутся у насъ въ карманѣ. Изъ этихъ денегъ мы заплатимъ по векселю Лавдовскому и поправимъ свои дѣла. А за всѣмъ тѣмъ, я все-таки думаю, что тебѣ удастся привести переговоры къ благопріятному концу, и тогда у меня въ рукахъ—цѣлое состояніе. Твоя жена будетъ богатая женщина!

Въ ушахъ Долоцкаго нѣсколько странно прозвучали слова жены, которыми она какъ бы заблаговременно выдѣляла себя, давала понять, что деньги будутъ принадлежать ей, а не обоимъ вмѣстѣ. Но онъ не остановился на этомъ. Да, въ сущности, развѣ она не права была въ этомъ случаѣ?

— Тутъ нельзя колебаться, Владиміръ,—сказала Людмила Павловна ободряющимъ и какъ будто властнымъ тономъ.

Долоцкій и не колебался уже. Послѣ денежныхъ затрудненій, преслѣдовавшихъ его въ этомъ году, ему было чрезвычайно пріятно хотя бы помечтать о тѣхъ перспективахъ, которыя открывала передъ нимъ жена. Онъ не раздѣлялъ ея увѣренности въ успѣхѣ, но ея тонъ ободрялъ, оживлялъ его. За обѣдомъ онъ былъ особенно разговорчивъ и поминутно бросалъ на жену любующіеся взгляды.

— Но какимъ образомъ тебѣ удалось все это устроить?—спрашивалъ онъ нѣсколько разъ.

Людмила Павловна поводила плечами и улыбалась торжествующей улыбкой.

— Такимъ, что я прямо шла къ цѣли,—отвѣчала она.

Утромъ на другой день Долоцкій заѣхалъ къ Пыхачеву, переговорилъ съ нимъ окончательно, получилъ чекъ на три тысячи, и потребовалъ письменнаго обязательства въ томъ, что, въ случаѣ благопріятнаго окончанія переговоровъ, Пыхачевъ уплачиваетъ ему остальныя семь тысячъ. Это требованіе, повидимому, подняло довѣріе Пыхачева къ дѣловитости своего новаго сотрудника.

Черезъ два дня Долоцкій уѣхалъ.

Пыхачевъ въ тотъ же вечеръ заѣхалъ къ Людмилѣ Павловнѣ, когда она только-что вернулась изъ вокзала, проводивъ мужа. Она не приняла бы его, еслибъ они не сошлись на лѣстницѣ. Тучный милліонеръ пріѣхалъ прямо съ обѣда, и отъ него опять сильно пахло виномъ.

— Проводили, барынька, муженька? И чудесно!—сказалъ онъ, грузно опускаясь въ кресло.

— Очень даже чудесно,—подтвердила Людмила Павловна,—если мужъ блистательно поведетъ тамъ наше дѣло.

— Ну, я не про то: дѣло мы и безъ него бы сдѣлали,—

возразилъ Пыхачевъ.—Я говорю: чудесно, потому что вы теперь, однѣ, повеселиться можете.

— Если бы вы могли сдѣлать дѣло безъ моего мужа, то вѣроятно не обязались бы уплатить ему десять тысячъ,—сказала спокойно Людмила Павловна, оставляя безъ вниманія послѣднее замѣчаніе.

— Экая вы, право, дѣловая какая, какъ посмотрю я на васъ!—укоризненно сказалъ Пыхачевъ.—Я, вотъ, говорю про то, что для васъ, молодой женщины, интересно въ первый разъ безъ мужа, свободной остаться.

— Я одинаково свободна, при мужѣ и безъ мужа,—возразила Людмила Павловна, и взглянула на Пыхачева невинно улыбающимися глазами.

Она рѣшила не оскорбляться его выходками, а напротивъ, осторожно приручать его, пока онъ былъ ей нуженъ.

— Неужели скучать собираетесь?—продолжалъ Пыхачевъ.—Теперь чудесно было бы за-городъ прокатиться, цыганъ послушать...

— Когда мужъ вернется, Алексѣй Степановичъ!—отвѣтила съ тѣмъ же невиннымъ взглядомъ Людмила Павловна.

— Ну вотъ, мужъ! — произнесъ разочарованнымъ тономъ Пыхачевъ, и даже почесалъ въ бородѣ, которая какъ-то странно заскрипѣла подъ его пальцами.—Къ тому времени, пожалуй, и снѣгъ сойдетъ. Что-жъ, такъ и будете все дома сидѣть?

— Не всегда. Но зачѣмъ я поѣду безъ мужа за-городъ? Чтобъ меня встрѣтили знакомые, и на другой день разславили бы по всему Петербургу? — возразила Людмила Павловна. — Это было бы совсѣмъ глупо, какъ всякая лишняя неосторожность.

— А вчера,—вдругъ вспомнилъ Пыхачевъ, — когда я отъ васъ ушелъ, я Галиновскаго подлѣ вашего подъѣзда встрѣтилъ; вѣдь это онъ къ вамъ ѣхалъ?

— Ко мнѣ.

— Ухаживаетъ, очевидное дѣло?

— Можетъ быть. Мнѣ бы это кстати: онъ человѣкъ чрезвычайно полезный для дѣла,—отвѣтила съ невиннымъ смѣхомъ Людмила Павловна.

— Ну, вотъ опять! — воскликнулъ почти съ комическимъ отчаяніемъ Пыхачевъ.—А я безполезенъ, что-ли?

— Но вѣдь вы не ухаживаете.

— Я-то?

— Я не замѣтила. Да вы, навѣрное, и не умѣете. Вотъ, вы предлагаете за-городъ ѣхать; на что же это похоже!

— Неосторожно?

— Разумѣется.

Пыхачевъ посмотрѣлъ на Людмилу Павловну какъ-то подозрительно, и вдругъ схватилъ ее за руку.

— Поѣдемте въ каретѣ, насъ никто не увидитъ...—проговорилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Людмила Павловна захохотала и отдернула руку.

— Не взять ли мнѣ съ собою маску, чтобъ и у цыганъ меня никто не увидѣлъ?—сказала она, и нажала электрическій звонокъ.

Явилась горничная.

— Подайте намъ сюда чай,—приказала Людмила Павловна.

Но Пыхачевъ покривился, насупился и, отказавшись отъ чаю, уѣхалъ.

XII.

Черезъ недѣлю по отъѣздѣ Владиміра Дмитріевича, отъ него пришло письмо. Оно заключало въ себѣ самыя радостныя для Людмилы Павловны извѣстія. Вопреки ожиданіямъ, почва оказалась достаточно подготовленною, и нижне-озерскіе дѣльцы не заставили убѣждать себя въ необходимости и своевременности новаго выпуска акцій. Существовали только сомнѣнія, можно ли ожидать успѣха. Долоцкій повелъ переговоры очень ловко, отчасти поддерживая сомнѣнія, отчасти наводя на мысль, что вѣрнѣе и проще всего—сдать всю операцію въ опытныя руки, людямъ, у которыхъ имѣются для этого и проторенные пути, и отношенія, и авторитетъ прежнихъ успѣховъ. Придется, конечно, заплатить крупный куртажъ, но это не имѣетъ значенія, потому что опытныя руки съумѣютъ добиться такихъ выгодныхъ условій для операціи, какихъ сами нижне-озерскіе дѣльцы никогда бы не достигли. Мельхиседековъ, управлявшій почти единолично всѣмъ дѣломъ, сталъ подаваться на этотъ планъ, и вмѣстѣ съ Долоцкимъ выработалъ главныя основанія новаго выпуска. Что же касается желѣзно-дорожной вѣтви на Мостовище и Дудуево, то, по мнѣнію Владиміра Дмитріевича, постройка эта была не подъ силу нижне-озерскому заводу, и ее слѣдовало бы разсматривать какъ самостоятельное предпріятіе, въ которомъ заводъ могъ бы участвовать въ качествѣ одного изъ учредителей. Такимъ образомъ имѣлось впереди новое дѣло, для котораго надо провести уставъ и создать акціонерное общество.

„Рѣшительно, мой Владиміръ становится такимъ же дѣловымъ человѣкомъ, какъ и я,—подумала Людмила Павловна.—Эти соображенія о желѣзной дорогѣ совсѣмъ не глупы, и современемъ ими надо будетъ воспользоваться".

Пыхачеву она сообщила только, что мужъ очень доволенъ ходомъ переговоровъ и не сомнѣвается въ успѣхѣ.

— Повѣрили теперь, что со мною можно дѣла дѣлать?—добавила она съ торжествующей улыбкой.

— Что̀ дѣла!—съ комическимъ отчаяніемъ махнулъ рукою Пыхачевъ.—Вы для меня прежде всего прелестная женщина, въ которую, вотъ ей-Богу же, до чертиковъ влюбиться можно.

— Что-жъ, попробуйте: это одно другому не мѣшаетъ,—отвѣтила со смѣхомъ Людмила Павловна.

— А смѣетесь-то зачѣмъ же?

— „Смѣяться, право, не грѣшно, надъ тѣмъ, что̀ кажется смѣшно",—продекламировала нараспѣвъ молодая женщина.

Но затѣмъ лицо ея тотчасъ приняло серьезное выраженіе. Она расположилась поудобнѣе на кушеткѣ, оправила платье, изъ-подъ котораго чуть-чуть выставлялись кончики ея туфель, и сказала дѣловымъ тономъ:

— А вѣдь намъ, Алексѣй Степановичъ, теперь надо формально опредѣлить наши взаимныя условія. Если мужъ привезетъ вамъ готовое дѣло, надо, чтобъ къ тому времени у меня въ рукахъ былъ документъ на мою пятую часть. Безъ этого я ему не разрѣшу и говорить съ вами.

Пыхачевъ слегка поморщился.

— Скажите, пожалуйста, документъ! — произнесъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—А слову моему развѣ не повѣрите?

— Повѣрю, Алексѣй Степановичъ, всегда повѣрю; но вѣдь слово живетъ, пока человѣкъ живъ, — возразила Людмила Павловна.—А у васъ, вотъ, шея короткая, и кутнуть вы любите шибко—долго ли до грѣха?—добавила она, и опять засмѣялась, но такимъ веселымъ, задорнымъ смѣхомъ, что у Пыхачева, несмотря на напоминаніе о короткой шеѣ, словно щекотка прошла по нервамъ.

— Дайте же хоть ручку поцѣловать!—взмолился онъ.

— Можете обѣ.

И Людмила Павловна протянула руки. Пыхачевъ, сопя и съ трудомъ нагибаясь, поцѣловалъ ихъ нѣсколько разъ. Молодая женщина вынула изъ кармана батистовый платокъ и спокойно обтерла имъ руки.

— Такъ вы, Алексѣй Степановичъ, приготовьте обязатель-

ство въ такомъ смыслѣ, что, по окончаніи эмиссіонной операціи, вы уплачиваете мнѣ пятую часть той суммы, которая составитъ вашъ заработокъ въ этомъ дѣлѣ,—сказала она.

Пыхачевъ поправился въ креслѣ и вобралъ въ себя необъятную струю воздуха.

— Это вѣдь составитъ, пожалуй, очень кругленькую сумму,—произнесъ онъ.

— Я такъ и разсчитываю.

— Тысячъ двадцать-пять, пожалуй.

— Около того.

— Да десять тысячъ Владиміру Дмитріевичу за поѣздку...

Людмила Павловна спокойно откинулась на спинку кушетки.

— Если вы думаете, что это слишкомъ много, я вѣдь не настаиваю,—сказала она.—Я могу отозвать мужа оттуда телеграммой.

— Вотъ, у васъ сейчасъ крайнія мѣры,—проворчалъ Пыхачевъ:—я вовсе не къ тому говорю.

— Хотите просто поторговаться?—сказала, улыбаясь, Людмила Павловна.—Но будемъ говорить серьезно. Вы сами понимаете, что въ такомъ дѣлѣ пятая часть—вовсе не много. Все дѣло я сама направила, и въ дальнѣйшемъ я опять буду нужна, чтобъ помочь благополучному прохожденію его черезъ всѣ препятствія. А кромѣ того, вы, какъ опытный человѣкъ, отлично понимаете, что послѣ этой операціи вы для нижне-озерскаго предпріятія сдѣлаетесь своимъ человѣкомъ, и не пройдетъ года, какъ сядете тамъ директоромъ. Слѣдовательно, о чемъ же толковать? Потерять все это вы не захотите, а свои условія я поставила.

— Да ужъ вы себя въ обиду не дадите, это что̀ и говорить,—произнесъ съ нѣкоторою даже унылостью Пыхачевъ.—Слушаемъ-съ, пусть будетъ по-вашему.

— Слѣдовательно, завтра завезете мнѣ документикъ?

— Завезу, завезу.

Онъ всталъ и погладилъ громадными, толстыми руками бока своего сюртука.

— Эхъ, барынька, и охота только вамъ, съ этакой красотой, да нашими скучными дѣлами заниматься!—проговорилъ онъ.—Захотѣли бы только, такъ эти десятки-тысячъ сами собою посыпались бы къ вашимъ ножкамъ.

— Чтожъ, когда я захотѣть не умѣю...—отозвалась опять со смѣхомъ Людмила Павловна.

XIII.

Галиновскій стѣснялся бывать слишкомъ часто у Людмилы Павловны. Въ немъ еще существовалъ остатокъ неувѣренности. Громадное самолюбіе его ставило иногда передъ нимъ вопросъ: „А не играю ли я смѣшную роль, увлекаясь женщиной, которой просто нескучно со мной разговаривать, безъ всякаго признака романическихъ отношеній?“

Людмила Павловна отлично понимала его сдержанность, которой такъ часто противорѣчилъ разгорающійся блескъ его глазъ и чуть примѣтно вспыхивающая краска лица. И улыбаясь втихомолку, она старалась опять вызывать этотъ блескъ и эту краску...

Ихъ разговоры, впрочемъ, принимали иногда и дѣловой характеръ.

— Имѣете ли вы понятіе, — спросила разъ Людмила Павловна, —о проектѣ какой-то желѣзно-дорожной вѣтви отъ нижнеозерскихъ заводовъ на Мостовищи и Дудуево?

Галиновскій постарался припомнить.

— О проектѣ я ничего не знаю, — сказалъ онъ, — но объ этой вѣтви иногда заходятъ разговоры, потому что она представляется до нѣкоторой степени необходимою.

— Не правда ли?—съ живостью подхватила Людмила Павловна.—Такъ что, если бы за это дѣло взялись серьезнымъ образомъ, въ вашихъ сферахъ взглянули бы на это благосклонно?

— Я думаю,—отвѣтилъ Галиновскій.—Но почему васъ можетъ это интересовать?

— Ахъ, почему! — протянула молодая женщина. — На это есть важныя причины. Если дѣло наладится, то я буду въ немъ участвовать. Что вы такіе удивленные глаза сдѣлали? Вамъ странно, какъ это я могу участвовать въ такомъ серьезномъ, крупномъ дѣлѣ?

— Согласитесь, что это не совсѣмъ обыкновенно.

— Соглашаюсь. Но, видите ли, мнѣ кажется, что я не очень... глупа, и почему же этимъ не воспользоваться? И въ особенности, когда я имѣю возможность обратиться иногда къ вамъ за добрымъ совѣтомъ.

Галиновскій любезно склонилъ голову.

— Всегда къ вашимъ услугамъ,—сказалъ онъ.

Людмила Павловна мило улыбнулась, встала, подошла къ роялю, и вдругъ заиграла страстную, яркую, надрывающуюся

симфонію очень мало извѣстнаго у насъ итальянскаго автора, Сгамбатти. Она играла мастерски, съ громадною силой и выразительностью. Галиновскій, большой любитель музыки, слушалъ ее какъ очарованный. Самый переходъ отъ прозы предъидущаго разговора къ этимъ волнующимъ, болѣзненно-страстнымъ звукамъ словно потрясъ его. Онъ подошелъ къ Людмилѣ Павловнѣ и стоялъ не шевелясь, съ какимъ-то новымъ ощущеніемъ вглядываясь въ ея наклоненную головку, полоску шеи надъ кружевнымъ воротомъ корсажа и мелкіе завитки волосъ, отдѣлявшіеся отъ ея прически. Что-то какъ будто тихо, тихо защемило въ немъ...

Наконецъ онъ сѣлъ, и когда Людмила Павловна, окончивъ играть, опустилась противъ него на кушетку, онъ продолжалъ молчать. Онъ сознавалъ, что необходимо что-нибудь сказать, и вмѣсто того какъ будто самъ ждалъ чего-то.

— Вамъ не понравилась моя игра? — спросила черезъ минуту Людмила Павловна, разсматривая свои розовые ногти.

— Какъ вы можете это предполагать!—протестовалъ Галиновскій.—Я, просто, еще не опомнился отъ впечатлѣнія.

— Музыка такъ сильно на васъ дѣйствуетъ?—продолжала Людмила Павловна.

Она не глядѣла на него, и въ ея пониженномъ голосѣ звучало что-то особенное, какъ будто въ немъ дрожало отраженіе только-что сыгранной симфоніи.

— Что это такое? чье это? и почему вамъ вздумалось именно это сыграть?—проговорилъ вмѣсто отвѣта Галиновскій.

Людмила Павловна назвала имя автора.

— Это одна изъ моихъ любимыхъ вещей,—добавила она.—Но какъ вы меня удивили! Я совсѣмъ не предполагала, чтобы музыка такъ сильно на васъ дѣйствовала.

— Да, иногда... такая какъ ваша...—проговорилъ Галиновскій.—Васъ надо такъ понять, что вы считаете меня сухимъ, черствымъ человѣкомъ, неспособнымъ чувствовать художественное наслажденіе? — вдругъ добавилъ онъ съ неожиданно зазвучавшею въ голосѣ горечью.

Людмила Павловна широко раскрыла удивленные глаза.

— Васъ, Викторъ Александровичъ? Васъ я считаю сухимъ, черствымъ человѣкомъ?—повторила она тономъ изумленія.

— Чиновникомъ... — добавилъ съ тою же горечью Галиновскій.

Лицо молодой женщины выразило еще большее изумленіе.

— Вы—чиновникъ? Да развѣ это правдоподобно?—проте-

стовала она.—Какой же вы чиновникъ, Викторъ Александровичъ? Вы—дѣятель, это я допускаю; но для чиновника вы слишкомъ крупны, у васъ слишкомъ много своего, личнаго... Нѣтъ, вы это не серьезно сказали? Вы не могли думать, чтобы я была способна составить себѣ о васъ такое пошлое представленіе...

Голосъ молодой женщины звучалъ почти обидой...

А волненіе Галиновскаго все больше возрастало. Людмила Павловна угадала правильно: онъ ничего такъ не боялся, какъ репутаціи чиновника. Это была самая больная его струна, потому что чиновника, хотя бы и особенно выдающагося, онъ все-таки сознавалъ въ себѣ.

Онъ быстро схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Пожалуйста, простите; это во мнѣ говоритъ иногда мое глупое самолюбіе,—сказалъ онъ.—Въ душѣ, я гораздо лучше цѣню ваше дорогое вниманіе.

Людмила Павловна не отнимала руки, и ея потупленные глаза не смотрѣли на него.

— Не самолюбіе, Викторъ Александровичъ, а недовѣріе къ людямъ,—возразила она.—И еще больше, можетъ быть,—недовѣріе къ женщинамъ. Я не знаю вашей интимной жизни, не знаю вашего прошлаго, но вы производите на меня впечатлѣніе человѣка, который много разъ разочаровывался, обманывался, и мало-по-малу привыкъ къ нравственному одиночеству. Вы, вѣроятно, никогда и ни въ комъ не встрѣчали правильной оцѣнки самому себѣ.

— Другими словами—меня не любили,—сказалъ Галиновскій.—Вы правы. Я и самъ не любилъ, и не былъ любимъ.

Онъ проговорилъ это горькимъ, ядовитымъ тономъ, и смуглое лицо его какъ будто еще болѣе потемнѣло.

— О, какъ я васъ отлично поняла съ перваго раза!—сказала Людмила Павловна, и ей стоило труда удержать улыбку—до такой степени это восклицаніе соотвѣтствовало дѣйствительности, только не той, которая такъ предательски волновала и дразнила Галиновскаго.

— Остается утѣшительное сознаніе, что теперь во всякомъ случаѣ уже поздно сожалѣть,—сказалъ онъ, усмѣхнувшись сухою, горькою усмѣшкой.

Людмила Павловна медленно подняла на него глаза.

— Почему поздно?—спросила она.

— Потому что молодость прошла, возможность прошла...—отвѣтилъ Галиновскій.

Она ничего не сказала и, серьезная, неподвижная, прижа-

лась къ спинкѣ кушетки. Прошло минуты двѣ—молчаніе не прерывалось. Галиновскому почувствовалось что-то жуткое въ этомъ напряженномъ безмолвіи.

— Вы о чемъ-то задумались?—сказалъ онъ наконецъ, вглядываясь въ странное, загадочное выраженіе ея лица.

— О вашихъ словахъ,—коротко, словно съ неохотой отвѣтила молодая женщина.

— Развѣ я не правъ?

— Я ничего не могу сказать, — произнесла тѣмъ же тономъ Людмила Павловна.

И она осталась такой же неразговорчивой, задумчивой, какъ будто озадаченной. Галиновскій, уходя, чувствовалъ, что и съ нимъ происходитъ что-то странное и совсѣмъ не шуточное...

А Людмила Павловна, проводивъ его, подошла къ зеркалу и съ минуту внимательно разсматривала свое лицо, принявшее обычное умное и спокойное выраженіе.

„Кажется, я недурно играю мою маленькую комедію?“—думала она, немножко любуясь собою.

„Боюсь, что Галиновскій отнесется къ ней слишкомъ серьезно, и тогда это уже не будетъ комедія. Но нѣтъ, пустяки. Баловство ненасытнаго самолюбія, и ничего больше. Когда будетъ нужно, я дамъ этому самолюбію маленькій щелчокъ, и все уляжется“.

XIV.

Заѣхавъ на другой день въ банкъ, чтобы заплатить по векселю Лавдовскаго, Людмила Павловна встрѣтила тамъ Пыхачева.

— Заготовили „документикъ“?—спросила она.

Пыхачевъ сталъ извиняться недосугомъ, и обѣщалъ завтра непремѣнно все сдѣлать.

— Только, барынька, ужъ какъ вы себѣ хотите, а я непремѣнное условіе ставлю: дѣло это мы должны вспрыснуть.

— Никакихъ условій!—отказалась, засмѣявшись, Людмила Павловна.

— Нѣтъ, ужъ какъ себѣ хотите, а я иначе не согласенъ,—настаивалъ Пыхачевъ.—И компаньоны мои тоже самое требуютъ.

— Какіе компаньоны?

— Неровицкій, Кокоринъ; я почти всѣ дѣла съ ними дѣлаю.—У Ивицкихъ на вечерѣ они оба такъ очаровались вами, что проходу мнѣ не даютъ: познакомь, да познакомь съ вами.

— Мы вѣдь познакомились.

— У насъ на завтрашній день заговоръ составленъ: мы устраиваемъ маленькій завтракъ въ ресторанѣ, съ блинами, и имѣемъ честь почтительнѣйше пригласить васъ, — настойчиво продолжалъ Пыхачевъ. — „Документикъ“ мы вамъ вручимъ торжественно, въ полномъ собраніи комитета, и сейчасъ же окропимъ.

— Окропить вы безъ меня можете, — возразила все тѣмъ же отшучивающимся тономъ Людмила Павловна. — Пригласите знакомыхъ пѣвичекъ, и вамъ съ ними гораздо веселѣе будетъ, чѣмъ со мной. Я отъ шампанскаго скучная дѣлаюсь.

— Безъ васъ ни за что въ свѣтѣ! — объявилъ почти сурово Пыхачевъ. — Какія тамъ пѣвички? Мы должны въ своей компаніи вспрыснуть дѣло. Вѣдь это первое съ вами дѣло, сами посудите. Неужели вы такъ горды, что не захотите чокнуться съ товарищами?

Людмила Павловна подумала и сказала:

— Чокнуться я буду очень рада. Но мы вотъ какъ сдѣлаемъ: пріѣзжайте завтракать ко мнѣ и привезите вашихъ друзей.

Пыхачевъ, понимавшій веселые вспрыски не иначе, какъ въ ресторанной обстановкѣ, пытался возражать, но Людмила Павловна не уступала.

Ей и у себя вовсе не хотѣлось принимать этихъ господъ; но уклониться не было возможности. Она понимала, что если ее въ самомъ дѣлѣ сочтутъ гордою, то станутъ всячески ей мстить и вредить.

„Взялась за крупное, такъ ужъ нечего смотрѣть на мелочи“, — думала она.

Неровицкій явился на другой день раньше всѣхъ, съ громаднымъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, громадной брилліантовой булавкой въ красномъ галстухѣ и преувеличенной свободою манеръ. Онъ очень мало вращался въ обществѣ и, сознавая за собою этотъ пробѣлъ, старался взять апломбомъ. Съ необычайной развязностью онъ сразу же, безъ приглашенія хозяйки, прошелся чуть не по всѣмъ комнатамъ, хотѣлъ заглянуть даже въ спальную, такъ что горничная должна была захлопнуть дверь передъ самымъ его носомъ, и наконецъ, вернувшись въ гостиную, сталъ разглядывать мебель и прочія вещи съ любознательностью присяжнаго оцѣнщика.

— Гдѣ у васъ застраховано? — спросилъ онъ.

Людмила Павловна удовлетворила его любопытству.

— И въ какой суммѣ?

Этотъ вопросъ уже разсердилъ хозяйку.

— Вы страховой агентъ, что-ли? — спросила она въ свою очередь.

За Пыхачевымъ швейцаръ втащилъ громадную корзину изъ фруктовой лавки.

— Это что же такое?—изумилась Людмила Павловна.

— А это флакончики для вспрысковъ, — объяснилъ Пыхачевъ.—И всякая тамъ дополнительная снѣдь.

Людмила Павловна, при всемъ своемъ самообладаніи, вспыхнула отъ досады.

— Мнѣ кажется, что я васъ пригласила завтракать, а не вы меня,—сказала она съ раздраженіемъ.

— Ужъ простите; гдѣ же дамѣ самой безпокоиться!—оправдывался тучный милліонеръ.

Людмила Павловна только повела плечами и закусила губу.

Кокоринъ явился съ очень изящной бонбоньеркой. Маленькій, толстоватый, съ подкрашеннымъ желтымъ пушкомъ на лысинѣ и сохранившимся румянцемъ на моложавомъ лицѣ, онъ походилъ на хорошо упитаннаго и хорошо хозяйничающаго помѣщика. Онъ былъ больше другихъ образованъ, зналъ себѣ цѣну и любилъ принимать нѣсколько таинственный видъ человѣка, дѣлающаго гдѣ-то тамъ колоссальныя дѣла, и потому ко всему текущему, наличному, относящагося пренебрежительно. Говорилъ онъ очень тихимъ голосомъ, глядя въ упоръ своими блестящими, свѣтлыми и недобрыми глазами. Когда эти глаза останавливались на молодой женщинѣ, то въ нихъ изъ-за плотояднаго выраженія сквозилъ вопросъ: „а на какую сумму пришлось бы подарить ей бриллiантовъ?“ И его жизнь слагалась такимъ образомъ, что очень часто женщины отвѣчали на этотъ вопросъ, и онъ дарилъ.

— Пожалуйте, господа, въ столовую!—поспѣшила пригласить Людмила Павловна.

XV.

Молодая хозяйка, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, устроила завтракъ съ большими претензіями. Готовилъ клубный поваръ, служили лакеи во фракахъ, а одинъ даже въ башмакахъ и шолковыхъ чулкахъ; шампанское стояло въ серебряныхъ холодильникахъ, взятыхъ тоже изъ клуба. Меню было составлено тонкое и длинное. Пыхачевъ ѣлъ съ жадностью, очень благопріятно дѣйствовавшею на аппетитъ остальныхъ. Неровицкій еще издали

внимательно осматривалъ каждое блюдо, желая оцѣнить, какъ оно подано, и, положивъ на тарелку кусокъ, долго его переворачивалъ и разглядывалъ. Кокоринъ бралъ мало, но затѣмъ расхваливалъ съ видомъ тонкаго знатока и соглашался взять еще. Разговоръ вращался больше около разныхъ ресторановъ, русскихъ и заграничныхъ; припоминались необыкновенные обѣды и ужины, гдѣ-то съѣденные, и еще болѣе необыкновенныя цѣны, за нихъ заплаченныя. Царствовала полная непринужденность, какъ всегда, когда мужчины принадлежатъ къ одному кружку.

Людмила Павловна хотѣла быть любезной до крайности.— „Ужъ если я рѣшилась ихъ приручать, то, по крайней мѣрѣ, надо достигнуть цѣли“,—думала она. И ея улыбки были такъ благосклонны, ея голосъ звучалъ такъ весело, что можно было подумать, будто завтракъ въ такомъ обществѣ доставлялъ ей огромное удовольствіе.

Пыхачевъ первый протянулъ къ ней свой бокалъ.

— За здоровье очаровательной хозяйки этого очаровательнаго банкета!—провозгласилъ онъ.

Тостъ былъ принятъ съ общимъ сочувствіемъ. Людмила Павловна, съ своей стороны, предложила выпить за здоровье гостей и за успѣхъ общаго дѣла. Кокоринъ, придавъ своимъ прозрачнымъ глазамъ замысловатое выраженіе, выразилъ пожеланіе, чтобы почаще случалось входить въ дѣла съ такими прелестными компаньонами, какъ хозяйка дома. Пыхачевъ протестовалъ, объявивъ, что никакихъ другихъ дамъ онъ не признаетъ, а поклоняется только одной Людмилѣ Павловнѣ. Неровицкій сказалъ какую-то запутанную рѣчь, изъ которой совсѣмъ ничего не вышло, и при этомъ уронилъ бутылку и облилъ Любовь Павловну шампанскимъ. Всѣ схватили салфетки и бросились вытирать ей платье. Она встала и объявила, что кофе будетъ поданъ въ гостиную.

Тамъ ее опять всѣ обступили. Разговоръ сдѣлался еще оживленнѣе и непринужденнѣе. Пыхачевъ, усѣвшись подлѣ Людмилы Павловны, уставился на нее уже не совсѣмъ трезвыми глазами, такъ что ей было даже неловко. Кокоринъ сначала нѣсколько отяжелѣлъ и, посапывая, только говорилъ, что приступаетъ къ дѣлу ради одной Людмилы Павловны, потому что дѣло, само по себѣ, грошовое. Неровицкій вертѣлъ въ рукѣ сигару, раздумывая, надо ли спросить позволенія хозяйки, или просто закурить, или совсѣмъ не курить. Онъ кончилъ, впрочемъ, тѣмъ, что подошелъ къ роялю и посмотрѣлъ, чьей фабрики.

Кокоринъ, преодолѣвъ первоначальную тяжесть пищеваренія,

пересѣлъ поближе къ Людмилѣ Павловнѣ и обратилъ вниманіе на ея кольца. Камни, по его мнѣнію, были нехороши.

— Хотя для такихъ прелестныхъ ручекъ брилліанты и не нужны,—сказалъ онъ, щуря свои свѣтлые глазки,—но если ужъ носить ихъ, то носить стоющіе.

— Вотъ, когда разбогатѣю, куплю другіе,—отвѣтила со смѣхомъ Людмила Павловна.

— Женщины никогда сами не покупаютъ брилліантовъ,—возразилъ Кокоринъ.—Это отнимало бы всякое удовольствіе носить ихъ. Драгоцѣнности должны быть дареныя.

— Мнѣ никто не дарилъ.

— У меня есть изумительный рубинъ для кольца, въ два сантиметра длиной, темный, чудной шлифовки,—продолжалъ Кокоринъ, взявъ въ руку пальчики Людмилы Павловны и осторожно пожимая ихъ.—Если изъ него сдѣлать кольцо, онъ бы занялъ мѣсто отсюда до сихъ поръ... Такого рубина нѣтъ во всемъ Петербургѣ; я случайно купилъ его въ Лондонѣ. Вы знаете, теперь рубины страшно дороги.

Людмила Павловна тихонько отняла свою руку и посмотрѣла на Кокорина ласково-смѣющимися глазами.

— Какой вы добрый, мосьё Кокоринъ!..—сказала она.—Вы изъ тѣхъ мужчинъ, которымъ доставляетъ наслажденіе дѣлать подарки женщинамъ.

— Прибавьте: крупные подарки! И прибавьте: хорошенькимъ женщинамъ!—поправилъ Кокоринъ, немножко рдѣя въ лицѣ.

— Да, разумѣется—хорошенькимъ женщинамъ,—повторила за нимъ Людмила Павловна. — Я очень люблю такихъ людей. Только я сама никогда не принимаю подарковъ...

Въ эту минуту слуга подалъ ей на подносикѣ карточку Галиновскаго. Ее слегка смутила эта неожиданность, но она тотчасъ оправилась и сказала спокойно:

— Просите Виктора Александровича!

Галиновскій вошелъ. Онъ тоже былъ смущенъ, заставъ у m-me Долоцкой цѣлое общество. Мысль, что онъ попалъ некстати, заставила его даже покраснѣть.

И гости Людмилы Павловны тоже какъ будто почувствовали стѣсненіе. Только сама хозяйка очень мило привѣтствовала новаго посѣтителя, усадила его подлѣ себя, и своимъ спокойнымъ самообладаніемъ тотчасъ устранила почувствованную всѣми неловкость.

Но общій разговоръ не налаживался. По стоявшимъ на столикахъ чашкамъ кофе и рюмкамъ ликеровъ Галиновскій дога-

дался, что здѣсь сейчасъ завтракали. Это почему-то казалось ему страннымъ. Его не пригласили, его держали въ сторонѣ отъ другихъ, какъ будто болѣе близкихъ знакомыхъ. Но кто же эти знакомые? Люди, о которыхъ еще на-дняхъ Людмила Павловна отзывалась чуть не съ презрѣніемъ...

Галиновскій непріятно недоумѣвалъ надъ этими соображеніями. А остальные догадывались, что ему неловко, и въ свою очередь задавали себѣ вопросъ: почему онъ такъ хмурится? Проще всего было—разойтись. Неровицкій, немножко боявшійся Галиновскаго, первый подалъ знакъ къ разъѣзду. Всѣ стали прощаться. Только Кокоринъ, желая показать Пыхачеву и Неровицкому, что можетъ имѣть серьезные разговоры съ Галиновскимъ, отвелъ послѣдняго въ сторону и продержалъ нѣсколько минутъ, толкуя о какомъ-то казенномъ заказѣ.

XVI.

Людмила Павловна, проводивъ гостей, съ видомъ облегченія опустилась на диванчикъ и указала Галиновскому мѣсто подлѣ себя.

— Вы, вѣроятно, одобрите мою политику, Викторъ Александровичъ,—сказала она, улыбаясь ему немножко усталыми глазами.—Мнѣ нужно было накормить этихъ господъ завтракомъ, потому что у моего мужа есть одно общее съ ними дѣло, но я разсудила не приглашать васъ, такъ какъ не предвидѣла для васъ особеннаго удовольствія отъ ихъ общества. Я разсудила правильно, не правда ли? Я не хотѣла быть эгоисткой и требовать, чтобы вы раздѣлили мое самопожертвованіе.

— А я, какъ на грѣхъ, явился незваный и распугалъ вашихъ гостей,—сказалъ Галиновскій.

— За эту случайность я вамъ очень благодарна; а то, пожалуй, они еще сидѣли бы тутъ,—отвѣтила Людмила Павловна.

Галиновскій оставался неразговорчивымъ. Онъ былъ сегодня очень нервно настроенъ, и потому всякое впечатлѣніе ложилось на него сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Когда онъ ѣхалъ сюда, ему казалось, что у него должно произойти объясненіе съ Людмилой Павловной. И ему почему-то казалось также, что у нея съ своей стороны должна явиться потребность высказаться, договориться. Онъ представлялъ ее себѣ непремѣнно въ такомъ же настроеніи, въ какомъ онъ самъ находился, погруженною въ тревожное раздумье, охваченною тѣмъ самымъ неразрѣшеннымъ

возбужденіемъ, какое онъ ощущалъ въ себѣ. И вдругъ онъ находитъ ее поглощенною совсѣмъ другими заботами и интересами, устраивающею какой-то глупый банкетъ какимъ-то совершенно постороннимъ людямъ... Это шло совсѣмъ наперекоръ его настроенію, и въ его голосѣ чувствовалось раздраженіе, когда онъ сказалъ ей:

— Я плохо понимаю, почему вы считаете необходимою особенную любезность съ этими господами? Неужели вамъ съ ними весело?

Людмила Павловна, заслышавъ что-то необычное въ его голосѣ, внутренно вся насторожилась и взглянула на него самыми добрыми и наивно-ясными глазами.

— Какъ это вы, дѣловой человѣкъ, гораздо больше дѣловой, чѣмъ всѣ они, эти случайные богачи и фэзёры, какъ вы можете не понимать, почему я за ними ухаживаю?—сказала она.—Вѣдь вы же знаете, что ни одно дѣло не дѣлается безъ хорошихъ отношеній.

— И какія это дѣла, я тоже плохо понимаю,—продолжалъ Галиновскій страннымъ, почти ворчливымъ тономъ.—Во всякомъ случаѣ, приглашать ихъ къ себѣ, устраивать для нихъ банкеты, да еще лично самой, въ отсутствіе мужа—простите меня, но мнѣ кажется, что это значитъ—слишкомъ мало цѣнить себя.

Людмила Павловна засмѣялась маленькимъ, задорнымъ смѣхомъ.

— Вы какъ будто сердитесь, Викторъ Александровичъ? И по какому поводу! Развѣ это не странно?—сказала она.

Смуглыя щеки Галиновскаго чуть замѣтно покраснѣли.

— Вы совершенно правы, я позволилъ себѣ вмѣшаться... самымъ неумѣстнымъ образомъ,—проговорилъ онъ.—Пожалуйста, простите меня.

— Прощать васъ совсѣмъ не за что, Викторъ Александровичъ,—сказала Людмила Павловна.—Ваше вмѣшательство доказало только, что у васъ есть... немножко дружескаго вниманія ко мнѣ.

— И вы придали бы цѣну такому вниманію? — спросилъ Галиновскій, и сбоку, подозрительно, взглянулъ на нее.

— Я думала, что такіе люди, какъ вы, сами знаютъ себѣ цѣну,—отвѣтила, улыбаясь, Людмила Павловна.

— Что говорить о нашей цѣнѣ! Мы перестаемъ принадлежать себѣ, когда начинается... вотъ эта одурь! — неожиданно возразилъ Галиновскій.

Людмила Павловна быстро взмахнула на него какъ будто испуганными глазами.

— Одурь?—повторила она напряженно.

— Да, конечно, одурь, или что-нибудь еще нелѣпѣе, въ мои годы, при моемъ обликѣ дѣловитаго чиновника...—проговорилъ Галиновскій.—Но все равно. Пусть это глупо, смѣшно, нелѣпо, но я не могу не сознавать, что я только теперь, въ первый разъ, встрѣтилъ женщину, которая... отняла меня у самого себя. Я, конечно, не шучу, если говорю это. Мнѣ не легко въ этомъ сознаваться при моихъ малыхъ надеждахъ на что-нибудь взаимное.

Людмила Павловна слушала его напряженно, какъ будто не дыша, и не отводя отъ него глазъ. Потомъ отвернулась, поставила локти на столъ и закрыла лицо руками. Это лицо безжалостно усмѣхалось...

Галиновскій слегка поблѣднѣлъ. Онъ не думалъ именно теперь, въ эту минуту, высказать свое признаніе; оно вырвалось само собою. Онъ былъ даже доволенъ формой, въ какой оно вылилось: не было произнесено полное слово „люблю“; голосъ его звучалъ искренностью. Но что̀ означало это длящееся молчаніе? Что̀ думала Людмила Павловна? Что̀ онъ услышитъ?

Молодая женщина наконецъ опустила руки; онѣ, какъ разбитыя, упали ей на колѣни. Когда она повернула къ Галиновскому лицо, въ глазахъ ея стояли слезы.

„Кажется, я дурно дѣлаю, что такъ хорошо играю свою маленькую комедію,—думала она въ это время.—Но ради чего я должна щадить его? Что̀ онъ мнѣ такое? И развѣ я виновата, что можно дурачить даже умныхъ мужчинъ? Во всякомъ случаѣ, я не имѣю намѣренія коварнымъ образомъ погубить его. Далеко я не допущу его зайти. Я дамъ ему пріятную иллюзію, которая украситъ его существованіе тайнаго совѣтника, а онъ будетъ расплачиваться со мною маленькими услугами, которыя ему ничего не стоютъ“...

— Вы меня совсѣмъ разстроили, Викторъ Александровичъ,—проговорила она, и на ея только-что насмѣхавшіяся губы набѣжала теперь какъ бы безпомощная улыбка.

Галиновскій схватилъ ея руку, и почувствовалъ ея слабое пожатіе.

— Вы не сердитесь? вы позволяете... любить васъ?—проговорилъ онъ, весь вспыхивая.

Она не отвѣчала. Глаза ея загадочно блуждали по потолку. Онъ цѣловалъ ея руку, которую она не отнимала у него. Наконецъ, она взглянула на него долгимъ, серьезнымъ взглядомъ.

— Я знаю, что вы не пустой, что вы честный человѣкъ,— произнесла она.—Я вамъ вѣрю.

— Да, вы можете вѣрить,—сказалъ Галиновскій какимъ-то сдавленнымъ голосомъ.

XVII.

Его волненіе все возрастало, къ смуглому лицу его кровь приливала пятнами. Никогда еще онъ не чувствовалъ себя въ такомъ напряженномъ и почти тяжеломъ состояніи. Онъ возбуждался и злобствовалъ. Годами накопляемая и подавляемая страстность бушевала въ немъ съ какой-то угрюмой свирѣпостью. Въ этомъ честолюбцѣ, въ этомъ бюрократѣ, создавшемъ себѣ культъ изъ особаго рода министерско-свѣтской корректности, пробуждался, негаданно для него самого, плотоядный хищникъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, удручающимъ образомъ въ немъ расширялось сознаніе своей совершенной неподготовленности къ новому и необычайному моменту жизни. Хищнику недоставало опыта и практики хищничества. Онъ чувствовалъ, что нашелъ свою добычу, но ему не случалось раньше дѣлать того прыжка, который необходимо сдѣлать, чтобы овладѣть ею. И онъ просто повиновался инстинкту энергіи, воспитанному въ немъ карьерой бюрократическаго дѣльца, привыкшаго одинаково брать наскокомъ и сложныя затрудненія народно-государственной жизни, и предательскіе барьеры канцелярской интриги.

Онъ быстро потянулся къ Людмилѣ Павловнѣ, и схватилъ ее обѣими руками за руки.

— Мнѣ тоже надо вѣрить вамъ, вѣрить, что это не игра, не кокетство!—сказалъ онъ какимъ-то почти угрожающимъ тономъ, до боли стискивая ея пальцы.

Глаза и все лицо молодой женщины выразили растерянность, граничащую съ испугомъ: она совсѣмъ не была приготовлена къ такой страстной вспышкѣ. А между тѣмъ Галиновскій, выпустивъ ея руки, обхватилъ ея талію и приблизилъ къ ней пылающее пятнами лицо, съ вспыхнувшими желтымъ блескомъ глазами. Но именно этотъ задоръ, въ которомъ, вопреки всему, своимъ чутьемъ женщины она почувствовала неувѣренность новичка, произвелъ на нее отрезвляющее дѣйствіе. Галиновскій сдѣлался ей совсѣмъ не страшенъ, а только забавенъ.

— Викторъ Александровичъ, я не узнаю васъ! — проговорила она съ насмѣшливой улыбкой, тихонько, безъ нервничанья,

однимъ рѣшительнымъ физическимъ усиліемъ отстраняя его.—Я не ожидала, чтобы вы захотѣли оскорбить меня.

Галиновскій тяжело дышалъ. Онъ чувствовалъ, что прыжокъ звѣря не удался ему; но онъ оставался въ напряженной позѣ хищника, продолжающаго сторожить добычу.

— Развѣ я могъ хотѣть оскорбить васъ?—проговорилъ онъ страстно и злобно.—Вы сказали, что вѣрите мнѣ. И мнѣ тоже нужно вѣрить. Но вѣра безъ дѣлъ мертва есть...

Лицо его странно мѣнялось: то блѣднѣло, то снова покрывалось желто-розовыми пятнами, въ которыхъ кровь сквозила вмѣстѣ съ желчью.—„А если я смѣшонъ, смѣшонъ въ эту минуту?“—проносилось у него въ головѣ и точно оставляло растлѣвающій ядъ въ мозгу.

— Гдѣ же ваше благоразуміе, Викторъ Александровичъ?—заговорила Людмила Павловна, вооружаясь своей наивно-милой улыбкой.—Вѣдь мы съ вами не дѣти. На что это будетъ похоже, если мы забудемъ всякую осторожность? Развѣ мы свободны? У меня есть мужъ, есть маленькое положеніе въ свѣтѣ. А вы... что до васъ касается, я никогда не простила бы себѣ, если бы черезъ меня вы сдѣлались предметомъ недостойныхъ сплетенъ, пересудовъ...

— Какое мнѣ дѣло до какихъ-то глупыхъ пересудовъ!—возразилъ Галиновскій:—я никогда не обращалъ на нихъ вниманія.

Людмила Павловна укоризненно покачала головой.

— Вы не имѣете права такъ разсуждать,—сказала она.—Вы человѣкъ, посвятившій себя государству, обществу. И вы, и я, мы оба должны считаться съ этимъ. Ваша репутація потому и стоитъ такъ высоко, что въ васъ никто не видѣлъ обыкновеннаго человѣка, съ его обыкновенными слабостями. И вы не должны разоблачаться предъ людьми, предъ свѣтомъ. Что скажутъ, если вдругъ узнаютъ о вашемъ романѣ? Развѣ это не повредитъ вашей репутаціи выдающагося дѣльца, государственнаго человѣка, будущаго министра?

— О, я не мѣчу такъ высоко,—перебилъ, съ краскою въ лицѣ, Галиновскій.

Людмила Павловна мило улыбнулась.

— Не знаю, слѣдуетъ ли вамъ вѣрить въ данномъ случаѣ,—сказала она;—мнѣ кажется, постъ министра—именно то, что должно видѣть передъ собою благородное честолюбіе человѣка съ вашими способностями и вашей карьерой. Но вы сами понимаете, что на этомъ пути не должна стоять заурядная рома-

ническая исторія... Это слишкомъ мелко, слишкомъ... не изъ того металла.

Выраженіе лица Галиновскаго измѣнилось; „звѣрь“ пропалъ въ немъ. Ему казалось, что онъ ее понимаетъ и внутренно соглашается съ нею. Въ сущности, то, что̀ она говорила, совершенно совпадало съ его понятіями о необычайной карьерѣ и знаніемъ бюрократическаго міра. Сдѣлаться героемъ слишкомъ громкаго романа теперь, въ его положеніи, было бы рискованно. Это значило бы утратить частицу своего вѣса при такихъ условіяхъ, когда каждый золотникъ принимается въ разсчетъ. Да, она права, тысячу разъ права.

— Какъ жизнь неумолимо подставляетъ намъ свои противорѣчія!—проговорилъ онъ задумчиво, съ невольнымъ ропотомъ еще не успокоеннаго порыва.—Это — наказаніе за слишкомъ поздно сказавшееся чувство.

Людмила Павловна чуть-чуть отвернулась, чтобъ скрыть улыбку, которую не могла подавить. Способность смотрѣть на Галиновскаго преимущественно съ забавной стороны все болѣе брала въ ней верхъ...

— Развѣ у насъ у обоихъ не найдется достаточно ума, чтобъ овладѣть противорѣчіями, какія создаетъ жизнь?—сказала она, немножко отодвигаясь отъ Галиновскаго и откидываясь на спинку дивана.

— Но... это не легко!—произнесъ Галиновскій, и на мгновеніе желтый блескъ опять вспыхнулъ въ его взглядѣ, медленно охватившемъ красивый поворотъ ея стройнаго тѣла.

— Да, не легко... — задумчиво подтвердила Людмила Павловна, но вѣдь то, что̀ легко, имѣло бы для насъ обоихъ очень небольшую цѣну.

„Однако, все это слишкомъ долго тянется; у меня уже въ виски начинаетъ стучать“, — подумала она. — „На сегодня довольно; я уже отбила такую аттаку, какой не могла даже ожидать“.

Она встала, сдѣлала нѣсколько маленькихъ шаговъ по ковру, остановилась и, наклонившись прямо передъ Галиновскимъ надъ столомъ, на который оперлась локтями, подняла лицо, озаренное веселой, немножко хитрой и ласкающей улыбкой.

— Ну, не будемъ теперь больше говорить обо всемъ этомъ,— сказала она.—У меня уже и такъ разыгрались нервы. Давайте болтать о пустякахъ, или, еще лучше—о дѣлахъ. Вы, кажется, спрашивали, какія у меня могутъ быть дѣла съ Пыхачевымъ и его друзьями? А вотъ, взгляните въ эту бумагу.

И она протянула ему лежавшій на столѣ листъ. Это было обязательство, подписанное Пыхачевымъ и привезенное имъ сегодня утромъ.

Галиновскій, нѣсколько разочарованный, не не отставшій отъ своихъ дѣловыхъ привычекъ, развернулъ листъ и медленно, внимательно прочелъ его.

— Дѣло довольно крупное,—сказалъ онъ, какъ будто даже удивленный содержаніемъ бумаги.

— Если состоится, — подхватила Людмила Павловна. — О, съ этимъ дѣломъ у меня связаны громадныя надежды и разсчеты. Вы видите, что я не даромъ вожусь съ господами Пыхачевыми. Если мнѣ удастся довести дѣло до конца, у меня будутъ свои маленькія средства, я буду почти независима... А какъ вы думаете, не встрѣтится препятствій?

— Я думаю, что нѣтъ. Нижне-озерскіе заводы поглотили уже столько денегъ, что ихъ нельзя оставить на произволъ судьбы.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула съ заискрившимися глазами Людмила Павловна.—Какъ я буду рада! Вѣдь, въ случаѣ чего-нибудь, вы не откажете мнѣ въ маленькомъ содѣйствіи?

Галиновскій любезно склонилъ голову.

— Располагайте мною,—сказалъ онъ.

— Я страшно, страшно вамъ признательна!—воскликнула Людмила Павловна, и черезъ столъ протянула Галиновскому обѣ руки, которыя онъ покрылъ поцѣлуями.—А кстати, такъ какъ рѣчь ужъ зашла о дѣлахъ,—продолжала она съ разомъ охватившимъ ее оживленіемъ,—помните, я вамъ говорила о вѣтви на Мостовищи и Дудуево...

— Помню, — произнесъ, любуясь ея дѣловымъ азартомъ, Галиновскій.

— Вѣдь уставъ акціонернаго общества не трудно будетъ провести? Вы поможете?

— Вы и тамъ принимаете участіе?

— Это только въ проектѣ, и подъ большимъ секретомъ. Объ этомъ теперь ни гу-гу. Но когда наладится, вы примете дѣло подъ свое покровительство?

— Если вы попросите? Какое же можетъ быть сомнѣніе!

— Ахъ, я знала, что вы милый, милый, милый! — трижды воскликнула Людмила Павловна, и еще разъ крѣпко пожала Галиновскому руку.

XVIII.

Долоцкій возвратился ровно черезъ двѣ недѣли послѣ своего отъѣзда. Онъ не только все устроилъ, но и привезъ съ собою Мельхиседекова, чтобы прямо приступить къ дѣлу.

Успѣшная поѣздка очень оживила Владиміра Дмитріевича. Онъ и поздоровѣлъ какъ будто, и повеселѣлъ, и набрался спокойной самоувѣренности дѣлового человѣка. Завтракая вдвоемъ съ женой въ самый день пріѣзда, онъ очень остроумно разсказывалъ о своихъ провинціальныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, и вообще обнаруживалъ радостное возбужденіе, на которое Людмила Павловна отвѣчала сочувственными, ласковыми взглядами. Мысль, что у нихъ опять есть деньги, и еще будутъ деньги, наполняла ихъ чувствомъ торжества. Этотъ завтракъ напоминалъ Долоцкому такой же завтракъ вдвоемъ, на другой день послѣ ихъ свадьбы. Онъ приглядывался къ женѣ, и ему казалось, что она даже похорошѣла съ тѣхъ поръ, что въ ея красотѣ теперь больше зрѣлой роскоши, а въ выраженіи лица—больше осмысленности.

— Но какъ ты удачно успѣла здѣсь все наладить и устроить!—повторялъ онъ нѣсколько разъ, весело щуря свои любующіеся глаза.—Пыхачевъ, я думаю, торговался какъ лавочникъ?

— Н...не особенно,—отвѣтила небрежнымъ тономъ Людмила Павловна. — Я должна была, впрочемъ, устроить имъ у себя маленькій банкетъ... Все вышло очень мило. Пыхачевъ привезъ, съ моего разрѣшенія, Неровицкаго и Кокорина. Тебѣ надо забросить къ нимъ карточки. Но что̀ это за типы! Они снимали съ меня допросъ, сколько мы проживаемъ въ годъ, а Кокоринъ прямо съ мѣста предлагалъ мнѣ какой-то необыкновенный рубинъ. Я посовѣтовала ему сдѣлать изъ него себѣ булавку для галстуха.

Владиміръ Дмитріевичъ слегка поморщился.

— Что за пошлое нахальство!—произнесъ онъ.

— Это у нихъ уже въ природѣ. Меня сначала коробило, но я рѣшила смѣяться и отшучиваться. Вотъ такъ, просто, буквально, захохотать въ глаза—это отлично на нихъ дѣйствуетъ,—пояснила Людмила Павловна.—У Пыхачева вся влюбленность тотчасъ осаживается, какъ послѣ стакана содовой воды.

— Онъ разыгрываетъ влюбленнаго?—спросилъ какъ-то сквозь зубы Долоцкій.

Ему какъ будто вдругъ жуткимъ показалось, что его жена будетъ теперь окружена милліонерами, привыкшими все на свѣтѣ считать предметомъ купли и продажи, избалованными и наглыми, можетъ-быть еще никогда не нарывавшимися на серьезное сопротивленіе...

— Они всѣ привыкли волочиться,—замѣтила небрежнымъ тономъ Людмила Павловна.—Но ихъ пугаетъ Галиновскій. При всей своей наглости, они отлично понимаютъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ передъ ними громадныя преимущества.

— Галиновскій тоже... пустился въ ухаживанье?—спросилъ Долоцкій.

— И очень кстати, — спокойно подтвердила молодая женщина.—Они его боятся, и для нихъ его благосклонность все-таки важнѣе вниманія самой хорошенькой женщины. Теперь они будутъ пресмыкаться предо мной, чтобъ угодить ему. А съ нимъ мнѣ гораздо удобнѣе ладить. Онъ только одинъ и умѣетъ разговаривать съ женщиной. Онъ очень симпатиченъ, право...

— Очень можетъ быть...—проговорилъ напряженнымъ тономъ Долоцкій.—Ты отзываешься о немъ съ такимъ сочувствіемъ... какъ будто онъ въ эти двѣ недѣли успѣлъ проявить всѣ свои блестящія качества...

Людмила Павловна посмотрѣла на мужа, усмѣхнулась и подвинула къ нему чашку кофе.

— Ты точно ревнуешь?—проговорила она шутливо.

Лицо Долоцкаго сохраняло напряженное выраженіе.

— Не ревную, а просто думаю о томъ, что твой кругъ знакомствъ разомъ совершенно перемѣнился, что ты теперь окружена другимъ обществомъ, и въ этомъ обществѣ совсѣмъ другія отношенія къ женщинѣ, другіе взгляды и нравы...—сказалъ онъ, глядя въ свой кофе.

— У меня достанетъ смысла, чтобъ умѣть поставить себя и въ этомъ обществѣ,—отвѣтила Людмила Павловна.

— И ты... ничего не боишься?—задалъ вопросъ Долоцкій, и исподлобья взглянулъ на жену.

Она разсмѣялась.

— Чего же, напримѣръ?—спросила она.

Долоцкій не сразу отвѣтилъ. Онъ допилъ свой кофе, пересѣлъ подлѣ жены и осторожно обнялъ ея талію.

— Мнѣ представляется, что среди этихъ господъ, съ ихъ милліонами, съ ихъ вліяніемъ и значеніемъ, твой мужъ сдѣлается для тебя очень, очень маленькимъ человѣчкомъ,—сказалъ онъ наконецъ, заглядывая ей въ глаза.

Людмила Павловна усмѣхнулась и положила руку въ руку мужа.

— Какіе пустяки!—возразила она.—Ты всегда останешься для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ. Я тебя знаю, и знаю, почему я ни на кого не промѣняла бы тебя.

— А мнѣ можно узнать, почему?—спросилъ Долоцкій, крѣпче обнимая талію жены.

— Потому что ты самъ—мой, безусловно мой,—отвѣтила Людмила Павловна, и въ ея голосѣ зазвучала сердечная ласка.—А это я цѣню выше всего на свѣтѣ. У меня очень развито чувство собственности... Но полно объ этомъ говорить. Еслибъ я не знала себя, не знала, что никакимъ опасеніямъ тутъ нѣтъ мѣста, я не разсказывала бы тебѣ объ ухаживаньяхъ биржевыхъ тузовъ или запоздалаго романтика въ вицмундирѣ. Люди хотятъ дурачиться—отчего же ихъ не подурачить? Давай лучше говорить о дѣлахъ. Прежде всего, конечно, Пыхачевъ долженъ выплатить тебѣ семь тысячъ за поѣздку. Это онъ заплатитъ, но, конечно, не сейчасъ, а постарается оттянуть хоть на нѣсколько дней. Пускай, дадимъ ему снисхожденіе. Затѣмъ, такъ какъ обязательство на мою пятую часть выдано, то можно прямо свести Мельхиседекова съ Пыхачевымъ, чтобъ они не теряли времени. А когда все будетъ подготовлено, я возьмусь за Галиновскаго.

Долоцкій всталъ.

— Да, да, надо сейчасъ же ѣхать,—сказалъ онъ, собираясь идти переодѣться.

— Подожди,—остановила его Людмила Павловна.—Помнишь, ты писалъ относительно вѣтви на Мостовищи? Твои соображенія очень вѣрны, я ими воспользовалась.

Долоцкій вопросительно взглянулъ на нее.

— Какимъ образомъ?

— Я говорила съ Галиновскимъ. Онъ находитъ эту вѣтвь прямо необходимой, и обѣщаетъ поддержку, если образуется акціонерное общество. Поэтому, не говори ни слова Пыхачеву и вообще никому. Хорошо было бы убѣдить Мельхиседекова тоже молчать до поры до времени. А потомъ, въ удобную минуту, мы все это пустимъ въ ходъ, и ты выступишь въ числѣ учредителей. Это будетъ уже совсѣмъ крупное дѣло.

— Еще бы!—воскликнулъ съ оживленіемъ Долоцкій.—Потребуется складочный капиталъ въ три съ половиной милліона, если не болѣе.

— Ты отлично сдѣлалъ, что привезъ Мельхиседекова,—продолжала Людмила Павловна.—Представь его мнѣ. Мы сначала

съ нимъ все это устроимъ, и потомъ обратимся къ нашимъ милліонерамъ съ готовымъ предложеніемъ, какъ хозяева дѣла.

— Чудесно!—торжествующимъ тономъ протянулъ Долоцкій.

— Я думаю, что недурно!—отозвалась Людмила Павловна.— Такія два дѣла для перваго начала—лучше и желать нельзя.

И она засмѣялась веселымъ, искреннимъ, полнымъ смѣхомъ, и прижавшись къ мужу, поцѣловала его крѣпко, отъ души...

Теперь Людмилѣ Павловнѣ уже за тридцать лѣтъ. Время очень осторожно касается ея красоты. Она почти такъ же хороша собою, только въ выраженіи ея глазъ явилась какая-то излишняя смѣлость, самоувѣренная и презрительная. Но кругъ ея знакомствъ очень расширился, и кругъ поклонниковъ также. Ее чрезвычайно цѣнятъ въ томъ обществѣ, которое продолжаетъ собираться у Ивицкихъ. И какъ кажется, вращаясь въ этомъ обществѣ, она немножко усвоила его тонъ.

Пыхачевъ и его пріятели все такъ же за нею ухаживаютъ, увѣряя себя и другъ друга, что ея часъ еще не насталъ. Только Галиновскій отказался отъ всѣхъ надеждъ, и по временамъ какъ будто затаенное злобное чувство къ ней встаетъ въ его душѣ; но Людмила Павловна умѣетъ заворожить его и возстановить нарушенное равновѣсіе...

В. Авсѣенко.

СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ

Экономическіе очерки изъ жизни края.

I.

Со времени устройства Новороссійскаго порта и проведенія къ нему желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой, владикавказской ж. д., Ростовъ-на-Дону занимаетъ нѣсколько неопредѣленное, точно выжидательное положеніе. Вначалѣ, предъ сооруженіемъ порта, ожидалась катастрофа въ торговой жизни Ростова, но катастрофы не произошло; настало лишь затишье, какое-то броженіе въ неизвѣстности относительно будущаго. У Ростова Новороссійскъ кое-что отнялъ, кое-что обезцѣнилъ, охладилъ нѣсколько коммерческую его страстность, вызвалъ нѣсколько банкротствъ, но все это еще не то, что̀ ожидалось. Причиной такого положенія дѣлъ служитъ то обстоятельство, что портъ въ Новороссійскѣ вышелъ изъ неудачныхъ: свирѣпствующій тамъ нордъ-остъ не былъ строителями принятъ во вниманіе или не побѣжденъ, вслѣдствіе чего и образовалась та неопредѣленность, въ которой пребываютъ какъ Новороссійскъ, такъ и естественный соперникъ его, Ростовъ-на-Дону. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ, свирѣпый нордъ-остъ—полный властелинъ Новороссійска: онъ рветъ крыши съ домовъ и складовъ, валитъ бунты зерна и выбрасываетъ изъ порта суда и даже пароходы; когда свирѣпствуетъ нордъ-остъ, Новороссійскій портъ считается закрытымъ. Тутъ ужъ предпріимчивость безсильна, и потому-то всѣ торгово-промышленныя фирмы края—въ полной нерѣшительности. Очевидно только одно: если съ нордъ-остомъ не съумѣютъ или не захотятъ поладить, Новороссійску предстоитъ забвенье, а вмѣстѣ,

значитъ, безплодно погибнутъ и тѣ милліоны, которые уже затрачены на это дѣло. Между тѣмъ, съ первыхъ же дней открытія дороги и порта, полезность и необходимость Новороссійска стала сказываться съ очевидностью для всѣхъ: хлѣбные грузы пошли со всѣхъ сторонъ на Новороссійскъ, и желѣзная дорога сразу оказалась несостоятельною въ своевременномъ подъемѣ всѣхъ грузовъ—успѣхъ явный. На Новороссійскъ стали направлять грузы не только производители сѣвернаго Кавказа, но и съ сѣвера—съ воронежской дороги, далеко выше Ростова, чего никто не ожидалъ. Въ нашей окраинѣ тѣсную связь съ хлѣбной операціей имѣютъ всѣ остальныя отрасли торговли: разъ гдѣ тверды обороты съ зерномъ, тамъ непремѣнно бойко развивается торговля другими производствами,—такова издавна руководящая роль хлѣба въ краѣ. Но въ данномъ случаѣ, если Новороссійскъ не представляетъ собою торговаго рынка, то исключительно по причинѣ неизвѣстности его будущаго. Почти десятилѣтній опытъ указалъ, однако, на то, что одной новороссійской вѣтвью далеко не исчерпываются задачи усовершенствованія путей сообщенія на сѣверномъ Кавказѣ, и что новороссійская вѣтвь явилась только пробнымъ опытомъ въ дѣлѣ избавленія этого богатаго края отъ экономической зависимости предъ торгово-промышленными центрами, играющими роль посредниковъ. Въ скорости начата была постройка петровской вѣтви (Владикавказъ-Петровскъ), проходящей по нефтеноснымъ пространствамъ терской области; вѣтвь эта, какъ равно и ставропольская и другія, проектируемыя пока, могутъ имѣть, впрочемъ, второстепенное значеніе въ судьбахъ края. Солидныя надежды возложены, главнымъ образомъ, на царицынско-тихорѣцкую вѣтвь, проходящую по самымъ хлѣбороднымъ мѣстамъ ставропольской губерніи и идущую на сѣверъ до берега Волги. Только съ устройствомъ этой дороги можно было ждать коренныхъ измѣненій къ лучшему экономическаго быта богатаго, но жестоко эксплуатируемаго сѣвернаго Кавказа. Тѣмъ не менѣе, здѣсь надо опять отмѣтить, что задача не вполнѣ еще будетъ выполнена, если нордъ-остъ въ Новороссійскѣ будетъ продолжать властвовать надъ судьбами экспорта и если къ борьбѣ съ нимъ не будутъ приняты какія-либо серьезныя мѣры.

Въ настоящее время весь сѣверный Кавказъ—только производитель, поставщикъ сырья и производитель безгласный, безправный, рабски подчиненный условіямъ, а очень часто и произволу эксплуатирующихъ его трудъ коммерческихъ центровъ. *Свои* дороги и *свой* портъ должны бы положить предѣлъ этому эко-

номическому рабству и, открывъ новые центры сбыта, придать производительнымъ силамъ и средствамъ края совершенно самостоятельный характеръ. Новороссійскъ, отправляя за границу производства своего края, тѣмъ самымъ избавилъ бы его отъ всей тяжести посредническихъ расходовъ, которые ложатся на него при экспортѣ товаровъ черезъ Ростовъ-на-Дону и Азовское море. Трудно даже приблизительно исчислить сумму ложившихся на кавказскую производительность расходовъ, обязанныхъ необходимости, по неимѣнію другого выхода, везти продукты для сбыта въ Ростовъ. Можно имѣть только нѣкоторое представленіе объ этихъ расходахъ, если взять во вниманіе полукопѣечный сборъ, взимаемый городами Ростовомъ, Азовомъ, Нахичеванью за всѣ отправляемые за границу товары, или, правильнѣе говоря, зерновой товаръ, такъ какъ главнѣйшій по количеству экспорта предметъ—зерно—даетъ доходу этимъ городамъ въ урожайные годы свыше 350 тысячъ рублей; если же мы примемъ во вниманіе, что около двухъ-третей всего количества отпускаемаго за границу товара поставляется этимъ городамъ Кавказомъ, то получимъ цифру болѣе 200.000 руб., отнимаемыхъ у кавказскаго производителя только этимъ *грошевымъ* налогомъ. На этого же самаго производителя ложится еще фрахтъ 30 милліоновъ пудовъ зерна за провозъ черезъ Донскія гирла, Азовское море и Керченскій проливъ,—затѣмъ перегрузка въ Ростовѣ и амбары. Если еще прибавить сюда массу другихъ побочныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ существующей постановкой дѣла, то окажется, что кавказскій хлѣбъ, прежде чѣмъ попадетъ на настоящій путь къ иностраннымъ рынкамъ, т.-е. на Черное море, теряетъ ежегодно въ своей цѣнности нѣсколько милліоновъ рублей. Эти милліоны извлекаются непосредственно изъ убогихъ кармановъ производителя, т.-е. обывателя станицы и села. Посредники-скупщики, перепродавцы, коммиссіонеры здѣсь не теряютъ ровно ничего; свой куртажъ они получаютъ съ существующей цѣны. Вотъ этихъ-то расходовъ, съ окончательнымъ устройствомъ Новороссійскаго порта (если этому суждено совершиться), и избавится сѣверный Кавказъ, такъ какъ тогда у него будетъ на Черномъ морѣ свой портъ, ведущій съ заграничными покупателями непосредственныя сношенія.

II.

Неразрывно съ измѣненіемъ условій сбыта сырья за границу для сѣвернаго Кавказа связанъ также вопросъ о новой формѣ труда и дѣятельности фабрично-заводской и промышленной. Этого рода дѣятельность, болѣе капитальная и обезпеченная, чѣмъ хлѣбопашество на Кавказѣ, почти отсутствуетъ, особенно фабрично-заводская. Это и понятно: отъ громаднаго, богатаго природными дарами края требовались только физическій трудъ и нехитрое воздѣлываніе матери сырой земли; вотъ и приналегли на эту самую мать сыру землю, и приналегли съ такой силой, что она совсѣмъ приблизилась къ полному истощенію. Необходимо дать ей отдыхъ, надо упорядочить это первобытное веденіе хозяйства, прекратить это огульное, безшабашное, словно озлобленное выжиманіе соковъ благодатнаго чернозема. Фабрично-заводская дѣятельность настолько незначительна на сѣверномъ Кавказѣ, что о ней можно бы безъ грѣха и не упоминать: она ограничивается нѣсколькими винокуренными (а гдѣ ихъ нѣтъ?) заводами, двумя-тремя ничтожными мукомольными мельницами и столькими же табачными фабриками (въ Екатеринодарѣ, Армавирѣ и Майкопѣ); этимъ заводамъ и фабрикамъ нельзя давать значенія самостоятельной отрасли дѣятельности: они далеко не удовлетворяютъ даже мѣстныхъ потребностей окружающаго ихъ района. Движеніе и жизнь фабрично-заводской дѣятельности можетъ дать сѣверному Кавказу лишь полное усовершенствованіе Новороссійскаго порта. Производство табачное за Кубанью, напримѣръ, имѣетъ блестящую будущность: благопріятная для табаководства гористая мѣстность и почва Закубанья давно уже, лѣтъ тридцать назадъ, обратила на себя вниманіе малоазіатскихъ плантаторовъ—грековъ и армянъ, переселившихся сюда и начавшихъ разводить табачныя плантаціи; но дѣло ведется безобразно, и о соблюденіи какихъ-либо, хотя примитивныхъ, требованій раціональнаго табаководства не имѣется ни малѣйшаго представленія. На лѣтніе мѣсяцы на плантаціи нанимаются, преимущественно изъ городовъ, партіи рабочихъ, главнымъ образомъ дѣвушекъ, начиная отъ двѣнадцатилѣтняго возраста; плантаціи находятся за предѣлами городовъ и станицъ, и потому стоятъ почти внѣ всякаго надзора. Между тѣмъ гигіеническія условія табаководства, рѣшительно игнорируемыя плантаторами, въ конецъ убиваютъ здоровье молодыхъ женщинъ, работающихъ здѣсь; но

плата заманчива—10 и до 20 руб. въ мѣсяцъ—и женская молодежь идетъ на приманку. Въ довершеніе картины должно отмѣтить царящій на плантаціяхъ развратъ самаго грязнаго свойства: дѣвушки живутъ здѣсь вдали отъ всякаго наблюденія и пользуются поэтому неограниченной свободой. Самое табаководство въ промышленномъ отношеніи стоитъ внѣ всякихъ разумно выработанныхъ правилъ или условій; покупка и продажа листового табаку производятся самымъ примитивнымъ способомъ, при посредствѣ „фактора“ — обыкновенно невѣжды въ дѣлѣ; необходимой выдержки и сушки нѣтъ: лишь бы продать! Складами закубанскаго листового табаку служатъ: Екатеринодаръ, Анапа и Новороссійскъ; отсюда-то, а часто и изъ самаго мѣста производства, снабжаются для фабрикаціи почти всѣ табачныя фабрики Россіи и выпускаются ими разные сорта табаку подъ маркой „турецкаго“. Закубанскій табакъ въ Россіи считается лучшимъ.

III.

Изъ другихъ промысловъ на сѣверномъ Кавказѣ обращаютъ на себя вниманіе рыболовство и винодѣліе. Какъ первое, такъ и второе ждутъ урегулированія и правильной постановки дѣла. Рыболовство въ устьяхъ Кубани производится самымъ непозволительнымъ образомъ; кубанское областное хозяйство раздѣлило рыболовныя мѣстности на семь участковъ, и въ каждомъ изъ нихъ существуетъ надзоръ; очевидно, надзоръ этотъ не удовлетворителенъ, что̀ можно заключить изъ того, что богатый промыселъ этотъ годъ отъ году падаетъ,—вѣрнѣе, истощается. Главныя рыболовныя мѣста въ кубанской области—агуевскіе и темрюкскіе промыслы; первые отдаются съ торговъ въ арендное содержаніе и даютъ среднимъ числомъ около 100 тыс. руб. дохода (иногда арендная плата доходитъ до 150 тыс. руб., но зато бываютъ годы, когда она понижается до 85 тыс. руб.); хотя контрагентъ и обязывается соблюдать извѣстныя правила при эксплуатаціи, направленныя къ сохраненію промысла, но обязательства эти пишутся болѣе для „проформы“, и контроля за исполненіемъ этихъ правилъ почти никогда не бываетъ; знаменитая, дѣйствительно, по качеству и вкусу „агуевская“ икра теперь далеко не заслуживаетъ пріобрѣтенной ею ранѣе репутаціи; теперь всѣ силы заводчиковъ направлены къ тому, чтобы побольше добыть икры и рыбы, а о качествѣ ихъ и раціональномъ веденіи дѣла заботятся очень мало. Еще болѣе замѣча-

тельна судьба темрюкскихъ рыбныхъ ловель. Тутъ, кромѣ безпоридка, въ промыслѣ важную роль играетъ замѣшавшееся въ дѣло „недоразумѣніе“. Снабдивъ городъ Темрюкъ общими городскими правами и землей, забыли утвердить за нимъ воду (Темрюкъ расположенъ у одного изъ гирлъ Кубани); такимъ образомъ, вода, а слѣдовательно и ловли остались за войсковой казной; въ результатѣ получилось то, что темрюкане, какъ населеніе рѣчного города, лишились главнѣйшаго своего естественнаго промысла—рыболовства. Но жизнь и ея дѣйствительность сильнѣе правъ и разграниченій: необходимость существованія вызвала въ горожанахъ незаконное рыболовство; несмотря на запретъ и противодѣйствія рѣчной казачьей полиціи, охраняющей интересы областного хозяйства, темрюкане выдѣлили изъ себя довольно многочисленный элементъ рыбаковъ-крючниковъ, производящихъ ловъ рыбы, преимущественно красной, въ запретныхъ мѣстахъ; отсюда пошли распри, преслѣдованіе крючниковъ, отбираніе крючьевъ и снастей; дѣло доходило до схватокъ на водѣ крючниковъ съ охраной, и, какъ случаи бывали, кончалось иногда убійствами. Права рѣчная полиція, охраняющая ввѣренные ей интересы, и правы, по-своему, рыболовы, побуждаемые къ незаконному лову рыбы у берега родного города борьбою за существованіе. Рѣка, устье ея и семиверстное разстояніе отъ берега въ глубь моря принадлежатъ войсковому хозяйству; Темрюкъ же, расположенный у устья Кубани, пользуется лишь правомъ брать воду для домашняго употребленія—и только. Городъ неоднократно возбуждалъ ходатайство по этому предмету, но безплодно; казаки твердо держатся убѣжденія: „Земля наша и вода наша“. Право—великое дѣло.

Нечего и говорить о томъ, что въ виду такого ненормальнаго положенія дѣла, и рыболовство у Темрюка, какъ контрабандное, производится весьма неправильно. Исключеніе составляютъ рыболовные заводы, существующіе съ вѣдома и разрѣшенія областного правленія; здѣсь уже наблюдается хотя относительно правильная форма рыболовства. На заводахъ этихъ работаетъ масса рабочихъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „забродчиковъ“. Эти забродчики—послѣдніе могикане той знаменитой плеяды непомнящихъ родства Ивановъ, которыми была полна, 50—100 лѣтъ назадъ, юго-восточная Русь, и которые—заслуга немалая—были первыми основателями многихъ изъ городовъ нашего юго-востока. Не такъ давно, лѣтъ 15—20 назадъ, ловъ рыбы на этихъ заводахъ производился на паяхъ: треть улова поступала въ пользу хозяина, а остальныя двѣ трети—въ распо-

ряженіе „ватаги“. Время измѣнило порядки: „долю“ замѣнила плата, а съ нею явились штрафы, вычеты—и образовался голодный и холодный безпаспортный пролетаріатъ.

IV.

Не блестяще также въ краѣ и состояніе винодѣлія. Въ кубанской области занимаются имъ въ незначительномъ размѣрѣ и крупнаго промышленнаго значенія оно тамъ почти не имѣетъ. Выдающееся положеніе винодѣліе занимаетъ въ терской области, гдѣ центрами производства вина могутъ быть названы Кизляръ и Моздокъ. Въ прежнее время, когда винодѣліе не представляло еще особенной доходной статьи, мѣстное вино, особенно „кизлярское“, славилось своимъ качествомъ; но теперь даже въ Ростовѣ и Таганрогѣ, какъ ближайшихъ пунктахъ, невозможно добыть натуральнаго кизлярскаго вина; правда, предлагаютъ какую-то жидкость съ маркой „кизлярское“, но это кизлярское оказывается какою-то подкрашенною дрянью. И въ винодѣліи, какъ и въ земледѣліи, преслѣдуется здѣсь также и единственная эксплуататорская цѣль: съ какимъ-то остервенѣніемъ стремятся побольше выжать соковъ, смѣшать съ водой и продать. Кромѣ мелкихъ винодѣловъ, въ области имѣется очень много крупныхъ промышленниковъ; эти послѣдніе или имѣютъ собственные сады, или скупаютъ виноградъ у казаковъ и поселянъ. Нѣсколько загадочно слѣдующее обстоятельство: терское вино, кромѣ кизлярскаго, да и то поддѣльнаго, пользуется незначительною извѣстностью, и едва ли его можно отыскать въ розничной продажѣ; между тѣмъ въ терской области производятся милліоны ведеръ вина. Куда же дѣвается это море сока? Мы знаемъ, что вино продается большими партіями на мѣстѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, на ярмаркѣ, но никто не знаетъ и не пьетъ этого вина. Оно, слѣдовательно, исчезаетъ. Вино въ Кизлярѣ и вообще на мѣстѣ производства продается партіями, разумѣется,—отъ 60-ти коп. ведро и до 2-хъ руб., а иногда, смотря по качеству, и дороже. Крупными же купцами этого вина являются агенты извѣстныхъ столичныхъ и провинціальныхъ виноторговцевъ. Скупленное въ громадномъ количествѣ вино это дѣлится на двѣ части: лучшія вина отправляются за границу, а болѣе дешевыя поступаютъ въ „химическія лабораторіи“ отечественныхъ винодѣловъ. „Заграница“ возвращаетъ намъ наше же вино, только искусно переработанное, подъ разными блестящими ярлыками, а наши, „ничто же сумня-

шеся", продѣлавъ тѣ же, но болѣе упрощенныя манипуляціи, рекомендуютъ потребителямъ терское вино, какъ лучшій хересъ, лафитъ или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Виноградство и винодѣліе въ послѣдніе годы стали развиваться и на черноморскомъ берегу сѣвернаго Кавказа—близъ Новороссійска и Анапы, гдѣ посадка французскихъ лозъ дала блестящіе результаты. По свойству почвы и успѣхамъ, добытымъ опытами виноградства, надо ожидать серьезную конкурренцію винамъ крымскимъ. Развитіе этой отрасли промышленности обязано частной иниціативѣ; такъ, близъ Анапы разсажены были виноградники генераломъ Пиленко, причемъ изъ разведенной имъ школы лозы выдавались желающимъ безплатно. Какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ назадъ, на этомъ клочкѣ черноморскаго побережья мѣста подъ виноградники продавались по 30—40 р. десятина; теперь она дошла до 400—500 р. Засаженная десятина черезъ два года на третій продается вдвое дороже. Въ послѣднее время правительствомъ раздаются участки земли близъ Новороссійска подъ виноградники, но условія нѣсколько невыгодны, почему, какъ говорятъ, охотниковъ на эти участки является мало. Во всякомъ случаѣ винодѣліе здѣсь имѣетъ несомнѣнно блестящую будущность.

V.

Есть въ терской области станицы: Шелкозаводская, Червленая, Бороздинская и др. Здѣсь когда-то населеніе занималось шелководствомъ, т.-е., правильнѣе говоря, кормкой шелковичныхъ червей и добываніемъ коконовъ; это свидѣтельствуется и старожилами, и до сихъ поръ сохранившимися плантаціями тутоваго дерева; но теперь отъ этого прекраснаго полезнаго промысла осталось одно лишь воспоминаніе. Въ Червленой станицѣ нынѣшнее населеніе не имѣетъ даже никакого представленія о шелковичномъ червѣ, о коконѣ, о шелководствѣ вообще; тутовицы вырубаются безпощаднымъ образомъ! Старожилы объясняютъ прекращеніе здѣсь шелководства его безвыгодностью, отсутствіемъ сбыта коконовъ и, наоборотъ, выгодностью винодѣлія; тѣмъ не менѣе, въ области есть мѣста, гдѣ любители все еще продолжаютъ заниматься кормленіемъ червей; будь, слѣдовательно, здѣсь постоянный спросъ на коконы—явилась бы въ краѣ цѣлая отрасль промышленности. Впрочемъ, шелководство въ При-азовскомъ краѣ имѣетъ прошлое; судя по сохранившимся по-днесь плантаціямъ тутоваго дерева (morus alba) въ окруж-

ностяхъ Таганрога и Нахичевани-на-Дону, а также—по устнымъ преданіямъ—шелководство здѣсь было нѣкогда въ большомъ распространеніи, и имъ занимались профессіонально. Въ предпослѣдніе годы своего существованія ростовское уѣздное земство энергично было-занялось вопросомъ о заведеніи въ уѣздѣ шелководства, въ виду благопріятныхъ условій, существующихъ здѣсь для этой цѣли. Къ послѣдней очередной сессіи приготовлены были матеріалы и проекты для разсмотрѣнія и утвержденія земскаго собранія, но распоряженіе высшей администраціи о присоединеніи ростовскаго уѣзда и таганрогскаго градоначальства къ донской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіи ростовскаго земства, положило конецъ поднятому-было вопросу о развитіи въ краѣ шелководства. Нѣсколько лѣтъ назадъ, близъ Ростова-на-Дону были попытки, по частной иниціативѣ, завести червокормленіе, и даже была устроена маленькая шелкоразмотная фабрика, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Извѣстно также, что коннозаводство и овцеводство на сѣверномъ Кавказѣ, а главнымъ образомъ въ кубанской области, занимаютъ видное мѣсто; первое сосредоточено въ рукахъ исключительно капиталистовъ, а второе—овцеводство—хотя и служитъ предметомъ эксплуатаціи крупныхъ хозяйствъ и промышленниковъ, тѣмъ не менѣе является также подспорьемъ для населенія станицъ и хуторовъ. Благодаря отдаленности центровъ сбыта овечьей шерсти и другихъ продуктовъ овцеводства, мелкимъ хозяевамъ попадаетъ очень небольшое вознагражденіе. Центральнымъ пунктомъ сбыта овечьей шерсти является все тотъ же Ростовъ, въ которомъ сосредоточены всѣ шерстомойные заводы, и вотъ, чуть ли не черезъ десятыя руки, грязная „черноморская“ и „испанская“ шерсть, перекочевывая сказочныя тридевять царствъ, попадаетъ наконецъ въ „первыя руки“, возрастая въ цѣнѣ вдвое противъ заплаченной производителю, не считая тѣхъ неизбѣжныхъ „обвѣса“ и „обмѣра“, которые какъ бы самимъ небомъ узаконены при процедурѣ „пріемки“ шерсти, льна и хлѣба тамъ, гдѣ-то въ глуши станицъ, селъ и хуторовъ, вдали отъ закона и общественнаго контроля.

Указывая на настоящее печальное положеніе хозяйства на сѣверномъ Кавказѣ, необходимо упомянуть здѣсь, что сооруженіе новыхъ путей сообщенія и появленіе новыхъ, чисто мѣстныхъ торгово-промышленныхъ центровъ должны оказать на экономическую жизнь края благодѣтельное вліяніе. До сихъ поръ сѣверный Кавказъ служитъ ареной грубыхъ эксплуататорскихъ махинацій; край переполненъ „пришлецами", нахлынувшими сюда, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, въ погонѣ за легкой наживой, млечными рѣками и просторомъ...

Само собою разумѣется, что новые пути—въ видѣ желѣзнодорожныхъ линій—создаютъ и новые торговые центры. Говоря о сѣверномъ Кавказѣ, надо замѣтить, что здѣсь такихъ центровъ очень мало. Существующіе города, чуждые даже зачатковъ какой-либо промышленной дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ насаждены были для централизаціи въ нихъ мѣстной администраціи, а не вызваны соображеніями промышленнаго или экономическаго свойства, устроены, словомъ, для порядка. Но съ проведеніемъ владикавказской желѣзной дороги, а теперь—вѣтви въ Новороссійскъ, дѣйствительность вызвала къ жизни нѣсколько бойкихъ торговыхъ пунктовъ; изъ нихъ селеніе Армавиръ и ст. Тихорѣцкая (откуда начинается новороссійская вѣтвь) обращаютъ на себя особенное вниманіе, какъ занявшіе сразу довольно видное положеніе въ торговомъ отношеніи. Армавиръ, напримѣръ, рѣшительно сдѣлался „вторымъ Ростовомъ", и въ немъ не только производятся громадныя хлѣбныя операціи, но и весьма замѣтны и солидны торговые обороты — даже проявляются признаки заводской дѣятельности. Армавирцы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, хлопочутъ о переименованіи своего селенія въ городъ, но пока безуспѣшно, хотя ихъ и не лишаютъ надеждъ. Что касается другого торговаго пункта, ст. Тихорѣцкой, то выгодность его становится очевидной уже въ виду того обстоятельства, что Тихорѣцкая является центромъ трехъ желѣзнодорожныхъ направленій — на Владикавказъ, Новороссійскъ и Ростовъ-на-Дону [1]). Особенное значеніе этотъ пунктъ, кромѣ создаваемаго ему расположеніемъ желѣзнодорожныхъ путей, пріобрѣтаетъ еще и потому, что онъ можетъ явиться ближайшимъ центромъ сбыта произведеній богатаго хлѣбопашествомъ медвѣжинскаго уѣзда, ставропольской губерніи и тихорѣцкаго округа. До Ростова отъ селенія Медвѣжьяго 220 верстъ, а до Тихорѣцкой—105; отъ другого земледѣльческаго пункта—Бѣлой

[1]) А въ недалекомъ будущемъ и на Царицынъ-на-Волгѣ.

Глины, тоже ставропольской губ., до Ростова—170 верстъ, а до Тихорѣцкой—65; приводимъ разстоянія потому, что прежде изъ обѣихъ названныхъ мѣстностей хлѣбъ свозился въ Ростовъ. Независимо выгоды въ разстояніяхъ, Тихорѣцкая передъ Ростовомъ имѣетъ и то преимущество, что отправленный отсюда въ Ростовъ хлѣбъ, слѣдуя за границу, долженъ нести на себѣ еще массу непроизводительныхъ расходовъ, заключающихся, какъ мы уже и говорили, въ перегрузкахъ и перевозкѣ по донскимъ гирламъ, Азовскому морю и Керченскому проливу, что, безъ сомнѣнія, понижаетъ цѣнность хлѣба, тогда какъ изъ Тихорѣцкой хлѣбъ черезъ 8 часовъ доставляется въ Новороссійскъ и отсюда безъ всякихъ перегрузокъ можетъ быть погруженъ на пароходы и отправленъ въ мѣста сбыта. Эта быстрота и упрощенность перевозки хлѣба черезъ Тихорѣцкую приносятъ производителю ту пользу, что они сбываютъ свой хлѣбъ по цѣнѣ значительно высшей, чѣмъ въ Ростовѣ; разница въ цѣнахъ между Ростовомъ и Новороссійскомъ доходитъ иногда до двухъ руб. на четверть. Это—разсчетъ. Тутъ не безъинтересно отмѣтить слѣдующее явленіе. Владикавказская дорога на всемъ своемъ семисотверстномъ разстояніи проходитъ мимо станицъ и селеній; но всѣ они оставлены на болѣе или менѣе дальнемъ разстояніи; поэтому почти у каждой желѣзнодорожной станціи ютятся амбары, склады и лавки, а поселенія-станицы, такимъ образомъ, оказываются въ довольно невыгодномъ положеніи—обойденныхъ и заброшенныхъ; но такъ какъ земля, прилегающая къ станціоннымъ строеніямъ, составляетъ собственность той или другой станицы, то станичные дѣльцы и додумались запретить, общественнымъ приговоромъ, сооруженія жилыхъ помѣщеній и торговыхъ складовъ близъ станціи жел. дор. Такой мѣрой станичники добились того, что хлѣбопромышленники волей-неволей перебрались въ станицы и тутъ стали „ссыпать“ покупаемый у земледѣльцевъ хлѣбъ; само собою разумѣется, что въ станицахъ поднялась цѣнность помѣщеній; складываемый здѣсь хлѣбъ приходится, однакоже, отправлять на станцію жел. дор., почему на него ложится новый расходъ—подвозка, что обходится по 14—16 к. съ мѣшка, а на четверть ложится иногда до 75 коп. Извозомъ занимаются обыватели этой же станицы; дѣло это, вызвавъ новый заработокъ, сослужило, однакоже, населенію плохую услугу; легкій заработокъ, извозный, уменьшилъ число честныхъ тружениковъ станицы, зато образовалъ новый классъ тунеядцевъ, пьяницъ; вмѣстѣ съ развитіемъ извознаго промысла, въ близлежащихъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ станицахъ размножилось также число кабаковъ и трактирныхъ за-

веденій. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить также и того, что нахожденіе торговыхъ складовъ въ станицахъ, помимо неудобствъ и излишнихъ расходовъ, сопряжено съ большимъ рискомъ, именно въ пожарномъ отношеніи. Казачья станица—это сплошная груда соломы, камышу и частью дерева; всѣ постройки сооружены исключительно изъ этихъ строительныхъ матеріаловъ, а слѣдовательно представляютъ собою очень благопріятную почву для пожаровъ. Дѣйствительно, пожары здѣсь уносятъ очень много. Горятъ нехитрыя постройки, а съ ними вмѣстѣ и сложенные въ нихъ товары и имущество. Случаи, когда сгорали десятки, а иногда и сотни дворовъ, довольно часты; такъ, еще не особенно давно въ ст. Новопокровской, куб. обл., выгорѣло до 160 дворовъ, а съ ними и до 20 тысячъ четвертей зернового товара. Пожары не мало пугаютъ коммерсантовъ, а слѣдовательно задерживаютъ правильное развитіе мѣстной торговли. Многіе изъ солидныхъ коммерческихъ домовъ, желавшіе завести непосредственныя сношенія съ производителями, должны были отказаться отъ своей мысли, исключительно изъ опасности въ пожарномъ отношеніи. Ведя рѣчь, въ данномъ случаѣ, о ст. Тихорѣцкой, надо замѣтить, что собственно *станица* Тихорѣцкая отстоитъ отъ станціи въ семи верстахъ. Поэтому и здѣшніе обыватели, по примѣру другихъ, въ свою очередь озаботились объ изданіи приговора, запрещающаго селиться близъ станціи; можно съ этими приговорами мириться еще, когда они дѣйствуютъ въ районѣ ничтожныхъ станицъ и станцій; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою образчикъ страшнаго злоупотребленія правомъ, произвола надъ вопросомъ, имѣющимъ глубоко важное значеніе, несравненно болѣе серьезное, чѣмъ грошевые интересы казаковъ Тихорѣцкой станицы. Станція Тихорѣцкая, какъ мы и сказали уже,—это довольно важный пунктъ для торговли и, находясь въ узлѣ трехъ желѣзнодорожныхъ направленій, можетъ играть въ судьбѣ сѣвернаго Кавказа очень серьезную роль, какъ Ростовъ, напримѣръ, для при-азовскаго края. Здѣсь нужно вмѣшаться въ дѣло высшей администраціи и, ради блага края, отбросить ничтожныя претензіи небольшой кучки обывателей станицы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пунктомъ крупнаго значенія.

Въ „Куб. Обл. Вѣд.“ рекомендованъ былъ уже проектъ образованія на мѣстѣ станціи Тихорѣцкой—*поселка*. Авторъ проекта, извѣстный знатокъ мѣстности, г. Садомцевъ, доказывая, что мѣста у станціи будутъ немедленно заняты чающими движенія торговцами и промышленниками, „даже многими крупными и солидными фирмами Ростова и Нахичевани-на-Дону,

предвидящими упадокъ торговли въ ихъ городахъ", приводитъ слѣдующія свои соображенія, весьма основательныя: „Мѣсто для будущаго поселка очень удобно для жизни; кромѣ того, оно близко къ Новороссійску, къ Дону, откуда прямо, безъ остановки въ Ростовѣ, будетъ слѣдовать къ тихорѣцкому вокзалу лѣсъ, желѣзо, чугунъ, гончарныя произведенія и пр. А самое главное—что у Тихорѣцкой станціи есть свой собственный, самый богатый и производительный хлѣбный рынокъ, медвѣжинскій уѣздъ, ставропольской губ., и самая богатая производительная часть кавказскаго уѣзда (кубанской обл.). Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ полное право надѣяться, что въ самомъ непродолжительномъ времени Тихорѣцкій поселокъ явится однимъ изъ цвѣтущихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ сѣвернаго Кавказа"...

Намъ кажется, однако, что не поселокъ нуженъ для такого центра, какъ Тихорѣцкая станція, а цѣлый городъ, городъ съ землею и со всѣми городскими правами на началахъ существующаго Городового Положенія. Никакія административныя соображенія не могутъ создать „живого" центра, кромѣ общества; общество—это тѣсно сплоченная масса, связанная съ мѣстомъ всѣмъ своимъ существованіемъ. Живя и дыша своею собственной жизнью, городское общество, само собою разумѣется, является самымъ бдительнымъ и безкорыстнымъ охранителемъ своихъ жизненныхъ интересовъ, интересовъ чисто „шкурныхъ". Посмотрите, напримѣръ, съ какою настойчивостью Ростовъ-на-Дону протестовалъ противъ сооруженія новороссійской желѣзно-дорожной вѣтви, усмотрѣвъ въ этомъ покушеніе на свое благосостояніе, и съ какою находчивостью выдвинулъ, какъ противовѣсъ угрожающей опасности, вопросъ о волго-донскомъ каналѣ! При учрежденіи же поселка на мѣстѣ Тихорѣцкой станціи, при условіи арендной отдачи плановыхъ мѣстъ, не будетъ даже и тѣни общественной цѣлости. Комитетъ или другое учрежденіе, вѣдающее судьбы поселка, будетъ относиться, какъ это не трудно предвидѣть, къ жизни поселка лишь формальнымъ образомъ, какъ начальство, заботящееся лишь о современномъ взысканіи и о водвореніи общественнаго „порядка и тишины". Примѣромъ можетъ служить г. Новочеркасскъ, которымъ правитъ комитетъ, и который, несмотря на то, что является центромъ всѣхъ административныхъ учрежденій громаднаго Донского края, представляетъ собою безжизненность и производитъ на свѣжаго человѣка какое-то тяжелое, мертвящее впечатлѣніе. Если Ростовъ развился до настоящаго своего положенія, то онъ обязанъ этимъ, главнымъ образомъ, своему городскому самоуправленію, стоявшему

всегда во главѣ всякихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ движеній на пути торгово-промышленнаго преуспѣянія. Поэтому мы въ правѣ ожидать, что кубанская областная администрація отнесется къ вопросу объ установленіи будущаго Тихорѣцкой станціи съ серьезностью, какой заслуживаетъ дѣло само по себѣ.

Упомянемъ хотя вскользь и о мѣстной печати. Исторія печати на сѣверномъ Кавказѣ очень бѣдна и немногосложна. Старѣйшая въ краѣ газета—„Куб. Обл. Вѣдомости“,—благодаря просвѣщенному взгляду на печатное слово мѣстныхъ областныхъ начальниковъ, въ настоящее время представляетъ собою довольно интересное ежедневное изданіе. „Вѣдомости“ когда-то издавались разъ въ недѣлю, но и тогда уже онѣ обратили вниманіе публики извѣстнымъ циркуляромъ бывшаго наказного атамана, ген. Кармалина, приглашавшимъ сообщать „Вѣдомостямъ“ обо всѣхъ фактахъ, имѣющихъ мѣсто въ предѣлахъ области, находя ихъ полезными какъ для публики, такъ и для мѣстной администраціи, которая не можетъ все знать, все видѣть и все вѣдать.

Частная печать на сѣверномъ Кавказѣ—дѣло совсѣмъ новое, не имѣющее за собою даже 20-ти лѣтъ (исключая сезоннаго „Листка Кавказскихъ минеральныхъ водъ“). Первая частная газета въ краѣ—„Владикавказскій Листокъ“, превратившійся потомъ въ „Терекъ“, газету, выходящую во Владикавказѣ три раза въ недѣлю. Газета пошла-было хорошо; затрогиваемые ею вопросы живо интересовали мѣстное общество, но существованію ея положенъ былъ предѣлъ перенесеніемъ цензуры ея—въ Тифлисъ! Въ восьмидесятыхъ годахъ эта мѣра, какъ карательная для провинціальныхъ изданій, практиковалась часто и имѣла рѣшительное дѣйствіе: подвергнутыя такой мѣрѣ „сокращенія“, газеты, само собою разумѣется, умирали, добровольно прекращая изданіе. Вслѣдъ за „Терекомъ“ появилась въ Екатеринодарѣ „Кубань“, выходившая 1—2 раза въ недѣлю. Будучи по характеру обличительной, „Кубань“ въ каждомъ нумерѣ выводила на всенародный судъ разныхъ смотрителей, кабатчиковъ, уѣздныхъ начальниковъ, станичныхъ атамановъ, станичныхъ писарей—имя имъ легіонъ—и пострадала! За поруганную газетой „честь“ и оскорбленное „доброе имя“ всѣ эти благодѣтели стали таскать газету по судамъ, а съ другой стороны донимать ее тѣми нечистыми путями, которые у насъ, въ провинціи, не только возможны, но и до сихъ поръ еще очень и очень опасны. „Кубань“ погибла.

На мѣсто „Терека“ и „Кубани“, имѣвшихъ очень скоротечную жизнь, появился „Сѣверный Кавказъ“—уже въ Ставро-

полѣ. Въ началѣ своего существованія газета пережила не мало лишеній и затрудненій. Болѣе десяти лѣтъ „Сѣверный Кавказъ“ былъ единственнымъ повременнымъ изданіемъ во всемъ краѣ, и только недавно во Владикавказѣ стала издаваться газета „Казбекъ“, выходящая три раза въ недѣлю. Эта газета пользуется симпатіей мѣстнаго общества.

Таковъ краткій обзоръ жизни одной изъ богатѣйшихъ нашихъ окраинъ, служившій до сихъ поръ ареной самой беззастѣнчивой эксплуатаціи. Надо надѣяться, что, съ окончательнымъ устройствомъ новыхъ путей сообщенія и собственныхъ рынковъ сбыта произведеній, сѣверный Кавказъ наконецъ отдохнетъ и станетъ на правильный путь экономическихъ и общественныхъ преуспѣяній.

И. Алексановъ.

ИСТОРІЯ
ОДНОЙ УЛИЦЫ

Изъ домашней жизни вѣднѣйшаго слоя лондонскаго населенія.

I.

Лондонская улица, обыкновенная, не-торговая улица, это—двѣ гряды каменныхъ стѣнъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ мостовой. Въ этихъ стѣнахъ черезъ одинаковые промежутки вырублены окна и двери. Каждая дверь, это—входъ въ отдѣльную квартиру, комнаты которой расположены въ нѣсколькихъ этажахъ. Позади квартиры имѣется площадка или дворикъ, такъ-называемый „back garden" (задній садикъ). Бываютъ „садики" и впереди дома, и тогда они называются „front garden". Иногда въ каждомъ изъ садиковъ дѣйствительно торчитъ по дереву или кусту.

Типы домовъ бываютъ, конечно, очень разнообразные и зависятъ отъ безпрестанно мѣняющихся вкусовъ населенія, отъ соціальнаго положенія обитателей, отъ условій мѣстности и т. д. Есть поэтому дома, т.-е. улицы съ домами, въ два этажа, въ три, въ четыре и больше этажей.

Въ послѣдніе годы стали распространяться постройки на континентальный образецъ, съ квартирами, расположенными по этажамъ съ общими лѣстницами. Такого рода множество зданій стало воздвигаться особенно въ центральныхъ частяхъ Лондона; при этомъ въ бѣдныхъ частяхъ они носятъ демократическое названіе „buildings", а въ богатыхъ—аристократическое „mansions".

Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра улицахъ „mansions“ строятся обыкновенно лишь на углахъ и перекресткахъ. Въ большинствѣ случаевъ эти дома состоятъ изъ семи-восьми этажей, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., у парка Сенъ-Джемса, доходятъ и до 13-ти или 14-этажной высоты. Но этого типа дома составляютъ здѣсь лишь нововведеніе, прививающееся довольно медленно и тонущее въ той массѣ домовъ, которые продолжаютъ строиться по-прежнему. Преобладающій типъ, особенно въ той полосѣ Лондона, которая лежитъ между центромъ и окраинными участками, являются дома въ три-четыре этажа, въ каждомъ изъ которыхъ имѣются по двѣ или по три комнаты. Кухня помѣщается въ нижнемъ, „подвальномъ“ этажѣ, называемомъ „basement“; въ первомъ этажѣ, называющемся „ground flo'or“, помѣщаются столовая и пріемная; во второмъ этажѣ, а по англійскому счету — первомъ — спальня, ванная, уборная; въ третьемъ — комнаты для дѣтей, въ четвертомъ — прислуга и запасныя комнаты. Такова, такъ сказать, схема дома средняго типа, разсчитаннаго для жильца средняго класса. Такъ какъ здѣсь каждая улица состоитъ обыкновенно изъ одного лишь типа домовъ, то и жители въ нихъ состоятъ изъ людей почти одного и того же общественнаго положенія. Къ такой-то улицѣ средняго класса принадлежала и та, о которой я хочу разсказать. Исторія ея, это — исторія десятковъ и сотенъ такихъ же улицъ, расположенныхъ на востокъ и западъ, на сѣверъ и югъ отъ нея, но исторія именно этой улицы мнѣ особенно близка и знакома. Я жилъ на этой улицѣ, я зналъ ее въ дни ея процвѣтанія, присутствовалъ при ея паденіи и видѣлъ ее въ тотъ скорбный день, когда... Но нѣтъ, зачѣмъ забѣгать впередъ!

II.

Первое мое знакомство съ этой улицей, носившей громкое имя Садовой-Террасы, произошло совершенно случайно: извозчикъ, везшій меня изъ Нотинггилла въ Фулгемъ, по привычкѣ, свойственной всѣмъ извозчикамъ въ Лондонѣ, пробираться по самымъ тихимъ и уединеннымъ улицамъ и закоулкамъ, будто бы для сокращенія пути, прокатилъ меня и черезъ Террасу. Первое впечатлѣніе ея на меня было самое подавляющее. Было нѣчто горделиво-торжественное въ ея тишинѣ, въ блескѣ ея чисто вымытыхъ оконъ и въ сверканіи мѣдныхъ ручекъ на дверяхъ ея домовъ. Чѣмъ-то таинственно-уединеннымъ и строго-цѣломудрен-

нымъ вѣяло отъ проволочныхъ сѣтокъ или отъ цвѣтныхъ и матовыхъ экрановъ, закрывавшихъ изнутри нижнія половинки оконъ въ первыхъ этажахъ, отъ простенькихъ парусиновыхъ занавѣсокъ въ верхнихъ этажахъ, отъ нѣжно-бѣлыхъ передниковъ и чепчиковъ изрѣдка перебѣгавшихъ улицу горничныхъ. Несомнѣнно, жители этой улицы принадлежали къ среднему, если не къ верхне-среднему классу, къ зажиточному, почтенному разряду англичанъ, понимающихъ толкъ въ комфортѣ и невозмутимомъ домашнемъ покоѣ и усиленно подражающихъ аристократіи. Проѣзжая къ себѣ по Садовой-Террасѣ, я былъ такъ охваченъ важностью момента и такъ былъ пораженъ „респектабельностью“ улицы, что чуть не снялъ шляпы и не извинился за лошадиный топотъ, такъ безцеремонно ворвавшійся въ эту чопорную тишину. Мнѣ такъ и казалось, что кто-нибудь крикнетъ во слѣдъ везшему меня кэбмену: „тсс!“—точно зрителю, опоздавшему къ представленію и пробирающемуся въ кресла на свое мѣсто.

Таково было мое первое знакомство. Прошелъ годъ-другой, и вдругъ я получаю приглашеніе отъ одного пріятеля посѣтить его на его новомъ мѣстожительствѣ. Я взглянулъ на адресъ—и глазамъ не повѣрилъ: мой пріятель поселился на Садовой-Террасѣ! Я зналъ его до сихъ поръ какъ человѣка бѣднаго и еле перебивавшагося. Онъ былъ художникомъ изъ нѣмцевъ, человѣкомъ не безъ таланта, но трудъ его какъ-то не цѣнился и оплачивался плохо. Заказчиками его состояли, главнымъ образомъ, мелкіе магазины, платившіе ему по пенсу или полтора за квадратный дюймъ холста. Писалъ онъ и пейзажи, и жанровыя картинки, размѣрами никогда не превышавшія 20—30 квадратныхъ дюймовъ. Иногда онъ получалъ заказы и на портреты, за которые брали отъ двухъ до трехъ фунтовъ. Полученіе заказа на портретъ считалось большимъ праздникомъ въ небольшой семьѣ художника, который тогда особенно оживлялся, видя въ такого рода заказахъ довѣріе къ его таланту.

— Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать портреты,—говорилъ онъ тогда, бывало, съ воодушевленіемъ:—помимо технической трудности уловить и передать на полотно человѣческую душу, вамъ еще приходится считаться съ тщеславіемъ и глупостью людской, особенно дамской. Какъ бы вы хорошо ни написали, „сюжету“ всегда покажется, что вы все еще недостаточно воспроизвели его красоту, его „симпатичныя черты“... Ахъ, эти симпатичныя черты,—онѣ мнѣ вотъ гдѣ сидятъ!.. Всякая особа, мужского или дамскаго пола, серьезно убѣждена, что она

обладаетъ какою-нибудь особенной пріятной черточкой, какой нѣтъ у другихъ. Носъ ли, глаза, лобъ, волоса, бедра, плечи, уши, ну, словомъ, что-нибудь ей одной принадлежащее. Попробуйте-ка не выдвинуть, не подчеркнуть въ портретѣ именно этой черты—и вся ваша работа швыряется вонъ, какъ негодная... Трудно жить нашему брату, художнику... Брошу эту профессію... Ну ее!—бывало, заканчиваетъ художникъ свои жалобы на судьбу и на заказчиковъ.

Но онъ все-таки не бросалъ своей профессіи и продолжалъ тянуть тяжелую лямку, продолжалъ терпѣть униженія, нужду; волновался и проклиналъ судьбу, а кисть все еще оставалась у него въ рукахъ. Бывало, въ иной годъ, когда у него оставалось свободнаго времени и нѣсколько свободныхъ денегъ, онъ затѣвалъ нѣчто большое, не по заказу, а на выставку, въ академію. Боже! сколько волненій, сколько трепета, сколько душевныхъ мукъ онъ переживалъ, пока не получалъ извѣщенія, что картина принята и допущена на выставку. И вотъ, она наконецъ на стѣнѣ, на виду у всѣхъ, среди сотенъ и тысячъ другихъ картинъ, среди произведеній художниковъ, имена которыхъ извѣстны всей Англіи, всему міру. Публика проходитъ мимо, замѣчаетъ ее, „не дурно“,—говоритъ. „Не дурно“,—отзывается и критика. Имя художника, нѣмецкое имя Шмидта, отмѣчено критикомъ и въ „Таймсѣ“,—правда, мелькомъ, въ родѣ того, что среди остальныхъ болѣе или менѣе сносныхъ картинъ не дурна, молъ, и картина нѣкоего Шмидта, „должно быть, начинающаго художника“... Начинающій художникъ! Сколько обиднаго, унизительнаго, ужаснаго для человѣка, покрытаго сѣдиной, измученнаго и истощеннаго страданіями! „Начинающій художникъ“! да вѣдь это смертный приговоръ всей прожитой до сихъ поръ жизни, всему прошлому,—а много ли осталось впереди? И бѣдный Шмидтъ уже и не радъ, что выставилъ картину, что ее замѣтили и не обошли молчаніемъ. Одно только утѣшеніе осталось впереди, что ее кто-нибудь облюбуетъ и купитъ. Въ семьѣ Шмидта уже даже разсчитали всякую копѣйку изъ будущихъ денегъ, и дыръ оказывается столько, столько нуждъ и долговъ, что нужно очень щедраго мецената, чтобы все это затянуть и уплатить. Но Шмидтъ—не модный художникъ, и никто даже не интересуется цѣною его работы. Проходитъ мѣсяцъ-другой, выставка закрывается, и Шмидтъ, чтобы хоть выручить расходы на краски, холстъ, раму и извозчиковъ, начинаетъ бѣгать по знакомымъ художественнымъ магазинамъ, съ предложеніемъ своей картины, тѣмъ болѣе, что деньги нужны до зарѣза, хоть сколько-

нибудь, хоть на какихъ угодно условіяхъ. Ему предлагаютъ, однако, что-то безобразно малое. Владѣльцы магазиновъ видятъ, съ кѣмъ дѣло имѣютъ, и стараются еще сильнѣе прижать бѣднаго человѣка. Все равно продастъ! Онъ долженъ продать, иначе съ голоду околѣетъ. Это не такая птица, чтобы увѣшивать свою мастерскую непродажными работами,—разсуждаютъ торговцы. Но они ошибаются: Шмидтъ не разстанется съ своей картиной за безцѣнокъ. Онъ вѣритъ въ нее, онъ знаетъ цѣну ея, хотя увѣренность его въ достоинствахъ ея значительно упала; но онъ все-таки скорѣе готовъ заложить ее въ кассѣ ссудъ, чѣмъ продать за предлагаемыя деньги. И въ сущности добрый нѣмецъ, гордый и далеко не безталантный, Шмидтъ, какъ воръ, крадется съ своей ношей къ закладчику. Здѣсь, въ кассѣ ссудъ, стоя рядомъ съ какой-то пьяной женщиной, принесшей пиджакъ мужа, Шмидтъ кладетъ на прилавокъ свою работу, и закладчикъ, снявъ бумажную обертку, раньше всего оглядываетъ раму.

— Гм... рама старовата... Сколько?

Шмидтъ боится запросить много. Онъ знаетъ, что закладчикъ, все одно, въ искусствѣ ничего не понимаетъ, и многаго не дастъ. Меньше одного фунта тоже взять нельзя. Закладчикъ согласенъ, и художникъ, съ золотымъ фунтомъ въ карманѣ и тяжелымъ камнемъ на сердцѣ, какимъ-то раздавленнымъ и уничтоженнымъ бѣжитъ вонъ на улицу. „Брошу эту проклятую кисть, ну ее!“—говоритъ онъ, скрежеща зубами. Но новый заказъ на портретъ въ цѣлыхъ три фунта опять поднимаетъ его, неудача быстро забывается, обида какъ будто залечена, и при первомъ же благопріятномъ случаѣ онъ опять пишетъ для какой-то выставки, опять волнуется, идетъ, разочаровывается, проклинаетъ свою профессію, и вѣчно все то же — нужда, нужда, нужда...

И вотъ этотъ-то вѣчно нуждающійся нѣмецъ оказывается вдругъ обывателемъ аристократической Садовой-Террасы. Не разбогатѣлъ ли онъ уже, не сталъ ли модным художникомъ?—подумалъ я. Во всякомъ случаѣ, нужно было его навѣстить, тѣмъ болѣе, что я его уже давно не видалъ. И я отправился въ Садовую-Террасу.

III.

Улица по-прежнему была опрятна и тиха; ступеньки на крыльцахъ были по-прежнему тщательно вымыты, дверныя ручки вычищены, окна вытерты. Но замѣчалось и пониженіе тона.

Какая-то мѣщанская, показная струйка прошла по всей улицѣ, начинавшей какъ будто менѣе бояться внѣшняго свѣта. На окнахъ появились какія-то ужъ очень чистыя, широкія кружевныя занавѣски, по краямъ которыхъ сквозили покрывавшія ихъ тяжелыя матерчатыя гардины; при этомъ занавѣси были повѣшаны такъ, чтобы не скрыть пестрыхъ цвѣточныхъ горшковъ, ни подножниковъ ихъ съ металлическими украшеніями, ни прочей комнатной обстановки. Кисейные чепчики на горничныхъ были словно немного помяты, да и черныя или ситцевыя платья ихъ оставляли желать многаго по части цѣлости и опрятности. На улицѣ встрѣчались и телѣжки уличнаго торговца-зеленщика, выкрикивавшаго свой товаръ: вѣрный признакъ, что иные изъ обитателей Террасы стали вести грошовое хозяйство, покупая провизію въ зависимости отъ предложенія, и что на кухняхъ распоряжаются и готовятъ обѣды сами хозяйки.

Когда я постучалъ въ домъ по указанному адресу, мнѣ открыла дверь горничная, одѣтая по всей формѣ—въ черное платье съ бѣлымъ передникомъ и лентами. Поднимавшаяся съ передней вверхъ лѣстница была покрыта ковромъ, прикрѣпленнымъ къ ступенькамъ сверкавшими мѣдными прутьями. Черезъ открытую въ гостиную дверь можно было замѣтить мягкую мебель, дорогую висячую газовую лампу, изящныя принадлежности камина, какъ расписной экранъ, ажурные щипчики, кокетливыя лопатки и т. под. Вся эта обстановка могла говорить о зажиточности, обезпеченности, богатствѣ, если бы я не зналъ, что тутъ живетъ Шмидтъ.

Горничная указала мнѣ наверхъ, въ третій, самый верхній этажъ. Здѣсь жилъ Шмидтъ съ женой и двумя дѣтьми.

— Вотъ, на какую аристократическую улицу переселился,— началъ я.—Разбогатѣлъ, должно быть?

— Да, держи карманъ, разбогатѣешь тутъ на живописи,— произнесъ Шмидтъ тѣмъ же мрачнымъ и брюзгливымъ тономъ, который онъ всегда принималъ въ минуты жизни трудныя. Очевидно было, что какой-нибудь магазинъ надулъ, денегъ не платитъ или картинъ взять не хочетъ.

— Однако, какъ же это вы попали сюда?—спрашиваю.

— Очень просто,—говоритъ онъ:—мнѣ съ старой квартиры нужно было съѣхать. Я и зашелъ къ агенту (квартирному посреднику), а онъ далъ мнѣ этотъ адресъ. Какъ видите, эти три комнаты, весь, значитъ, этотъ этажецъ, принадлежатъ намъ за восемь шиллинговъ въ недѣлю.

Восемь шиллинговъ въ недѣлю!.. Богатый человѣкъ, конечно,

не станетъ отдавать въ своемъ домѣ комнаты, чтобы выручать какихъ-нибудь восемь шиллинговъ въ недѣлю. Значитъ, на Террасѣ показался обыватель, который хотя и прислугу держитъ, и домъ прилично обставилъ,—далеко не изъ богатыхъ, если даже вовсе не бѣденъ. И дѣйствительно, хозяиномъ квартиры оказался какой-то коммиссіонеръ, который, хотя гдѣ-то и „контору“ имѣлъ, и въ Сити каждый день ѣздилъ, жилъ больше въ кредитъ, должая и лавочникамъ, и домовладѣльцу, и портному—рѣшительно всѣмъ. Въ Садовую-Террасу онъ переѣхалъ съ годъ тому назадъ, и за это время успѣлъ надѣлать столько долговъ, что ужъ началъ терять кредитъ; лавочники стали отказываться отпускать товаръ, прислуга требовала разсчета, а домовладѣлецъ угрожалъ выселеніемъ.

Когда, черезъ мѣсяца два-три, я опять посѣтилъ пріятеля, Садовая-Терраса опустилась еще ниже. У многихъ домовъ подъѣзды оказались неподметенными и окна запыленными. То тамъ, то тутъ можно было замѣтить, что ступеньки у наружныхъ дверей моютъ уже не горничныя въ бѣлыхъ чепчикахъ, а простыя рабочія дѣвушки, которыхъ нанимаютъ случайно за одинъ или два пенса. Такая же случайная работница, такъ называемая char-woman, мыла крыльцо и передъ квартирой, гдѣ жилъ Шмидтъ. Прислуга ушла. Хозяинъ взялъ другую, похуже, но и эта ушла. Она видѣла, что домъ—бѣдный, что платятъ съ трудомъ и что хозяева изъ кожи лѣзутъ, чтобы какъ-нибудь поддерживать видъ состоятельныхъ людей.

Спросъ вызываетъ предложеніе. Требованіе на случайный трудъ уличныхъ работницъ привлекло на Садовую-Террасу многихъ искательницъ работы, особенно въ тѣ дни недѣли, какъ суббота и среда, когда принято въ Лондонѣ чистить окна и крыльца. И такимъ образомъ на „аристократической“ улицѣ показались во множествѣ бѣдныя женщины, грязныя и въ лохмотьяхъ, останавливавшіяся у грязныхъ подъѣздовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Очевидно, гордая, чопорная улица переживала тяжелый кризисъ.

— Бѣднѣетъ Терраса! — сказалъ я Шмидту, усѣвшись въ его „студіи“, служившей и гостиной, и столовой.

— Бѣднѣетъ, бѣднѣетъ, — согласился онъ.—Богатые начинаютъ дезертировать, бѣжать во всѣ стороны. Имъ, видите ли, „неприлично“ жить рядомъ съ домомъ, гдѣ не держатъ прислуги, гдѣ крыльцо чиститъ какая-то „street-girl“,—прибавилъ

Шмидтъ съ легкимъ озлобленіемъ, какъ бы принимая за личную обиду это нежеланіе богатыхъ жить съ нимъ на одной улицѣ.

— Вотъ погодите, еще не то будетъ!—сказалъ онъ какъ-то злорадно.

И дѣйствительно, улица дѣлалась все хуже и хуже. Дома быстро пустѣли. Всѣ „хорошіе“ жильцы спѣшили выѣхать, словно ихъ всѣхъ охватила паника; новыхъ не являлось, и домовладѣльцы прибѣгнули къ посредству домоваго арендатора, house farmer'a, спеціальному типу предпринимателя, встрѣчающемуся, кажется, только въ Лондонѣ. Домовый арендаторъ сразу снимаетъ много домовъ и затѣмъ отдаетъ въ наймы части домовъ или даже отдѣльныя комнаты, прилаживая ихъ иногда къ нуждамъ семейныхъ жильцовъ. Такимъ образомъ, домъ о трехъ или четырехъ этажахъ, составлявшихъ раньше одно цѣлое, одну лишь квартиру, обращается въ нѣсколько вполнѣ самостоятельныхъ и другъ отъ друга независимыхъ помѣщеній. Въ каждый отдѣльный этажъ, такъ называемый flat, проводится вода, газъ, ставятся кухонныя плиточки и сооружаются полки, шкапчики, ящики для провизіи и посуды. Остаются только общими для всѣхъ жильцовъ лѣстница, ванная, ватеръ-клозетъ. И всѣ тѣ „униженные и оскорбленные“, которые не могутъ снимать цѣлый домъ и не хотятъ знать надъ собою власти квартирныхъ хозяевъ съ ихъ капризами, идутъ къ „домовому арендатору“ и наполняютъ его flat'ы, словно голубятни. Здѣсь каждый жилецъ ни отъ кого независимъ, каждый въ правѣ считать себя самостоятельнымъ хозяиномъ. Дома арендаторовъ поэтому никогда не пустуютъ и въ среднемъ даютъ ему сто на сто и даже больше чистаго дохода въ годъ.

Вскорѣ и домъ, въ которомъ жилъ Шмидтъ, перешелъ во владѣніе арендатора. Коммиссіонера-кватиросодержателя заставили выѣхать за неплатежъ денегъ; съ лѣстницы сняли коверъ, съ оконъ содрали занавѣси, вынесли цвѣты, отвинтили съ потолка бронзовую лампу—и домъ опустѣлъ, принявъ грязный и запыленный видъ. Шмидтъ, однако, остался въ верхнемъ этажѣ, упросивъ новаго хозяина-арендатора оставить за нимъ комнаты. Въ это время и мнѣ понадобилось помѣщеніе, и я воспользовался случаемъ и переѣхалъ сюда же, занявъ второй этажъ, какъ разъ подъ пріятелемъ. Теперь-то, какъ изъ оконъ моихъ комнатъ, такъ и внутри стѣнъ нашего дома, я могъ съ утра до вечера наблюдать за жизнью Террасы и близко изучать ея новыхъ обитателей.

IV.

Переходъ домовъ въ руки арендаторовъ рѣшилъ участь Садовой-Террасы. Въ улицу нахлынулъ новый жилецъ, такой же, какъ Шмидтъ, малообезпеченный, бѣдный, трудящійся и притомъ многодѣтный, которому особенно трудно было найти комнаты въ другихъ мѣстахъ изъ-за дѣтей. Улица, отличавшаяся раньше строгой тишиной, огласилась теперь голосами многочисленныхъ дѣтей, устроившихъ свои игры по-срединѣ ея, на мостовой и троттуарахъ. Садовая-Терраса какъ будто проснулась отъ долгаго и глубокаго сна. Все въ ней ожило. На троттуарахъ закипѣлъ народъ; раскрылись окна; застучали дверные молоты. Стукъ!.. одинъ разъ. Это—къ жильцу перваго этажа. Стукъ, стукъ!.. два раза. Это—во второй этажъ. Стукъ, стукъ стукъ!.. три раза. Это—къ жильцу въ третій этажъ. Стучитъ булочникъ, молочникъ; стучатъ дѣти, гости и сами жильцы. Терраса проснулась, но какой-то неумытой, всклокоченной, неряшливой. Троттуары и крыльца у домовъ не подметены; окна запылились; занавѣски—какія-то полинялыя, смятыя, ситцевыя, и въ разныхъ этажахъ разнаго цвѣта и фасона. Я прохожу по улицѣ, смотрю на ея окна и двери—и сердце у меня сжимается отъ тоски и боли. Куда дѣвалась былая торжественность и краса! Но все-таки еще не все потеряно, и Терраса все еще сохранила кое-какіе слѣды своего прошлаго. Еще не всѣ дома отдаются въ ней отдѣльными flat'ами, еще не все на ней обнищало и загрязнѣло. Нѣсколько домовъ еще заняты прежними жильцами, не успѣвшими еще переѣхать. На троттуарахъ по временамъ можно еще встрѣчать и горничную съ бѣлымъ передникомъ и развѣвающимися на спинѣ лентами. Но очевидно, что эти болѣе или менѣе богатыя семьи застряли здѣсь по какимъ-либо особеннымъ причинамъ и ждутъ-не-дождутся дня, когда имъ можно будетъ оставить опустившуюся Садовую-Террасу.

Упадокъ улицы, видно, повліялъ и на Шмидта. Эта нахлынувшая бѣднота, эта жизнь рядомъ съ четырьмя или пятью семьями сильно возмущали его и претили его художественному чувству. Онъ сталъ раздражителенъ, плохо работалъ и даже началъ запивать, и вскорѣ жена его съ дѣтьми уѣхала къ роднымъ, а онъ переселился ко мнѣ, устроивъ свою студію въ комнатѣ, выходившей окнами на улицу.

Не успѣлъ онъ очистить свой этажъ, какъ туда сейчасъ же поселилась молодая пара: почтальонъ съ женой, бывшей, до за-

мужества своего, горничной въ какомъ-то баронскомъ домѣ, куда онъ носилъ письма.

Какъ всѣ почтальоны въ Лондонѣ, и нашъ сосѣдъ былъ большимъ сердцеѣдомъ. Красный воротникъ его сюртука, красный кантъ на его штанахъ и мѣдныя пуговицы на его отличносшитомъ, франтоватомъ мундирѣ, не говоря уже о его шелковистыхъ усахъ и румяномъ личикѣ, не могли не оказать своего вліянія на податливое сердце безхитростной горничной. Она была побѣждена, и когда онъ предложилъ ей свою руку и сердце, то она приняла ихъ съ радостнымъ трепетомъ. Прошло, однако, три года раньше, чѣмъ бракъ состоялся. Спѣшить было незачѣмъ, мѣсто у нея было хорошее, а еженедѣльныя свиданія съ женихомъ (разъ въ недѣлю горничная обыкновенно получаетъ отпускъ), прогулки съ нимъ вдвоемъ и посѣщеніе театровъ и родныхъ были слишкомъ полны заманчивой прелести, чтобы скоро разстаться съ ними. Но нужно же было, наконецъ, и пожениться. И они обвѣнчались. Она оставила мѣсто горничной и поселилась съ мужемъ въ двухъ комнатахъ. Прошло около года. Молодая женщина должна была родить; хозяйка не хочетъ въ домѣ дѣтей, и молодымъ пришлось переѣхать. Куда? Взять цѣлый домъ, хотя и небольшой—рискованно. Можно, конечно, половину сдать жильцу, но всегда ли найдешь подходящаго,—а тутъ, между тѣмъ, роды приближаются, и почтальонъ идетъ къ домовому агенту, а послѣдній рекомендуетъ ему flat въ Садовой-Террасѣ. Flat, состоящій изъ трехъ комнатъ, одной задней и двухъ переднихъ, и идущій за шесть или шесть съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, подходитъ молодой парочкѣ. Она его беретъ—и теперь мы становимся невольными свидѣтелями радостей и скорбей молодыхъ супруговъ, невольными наблюдателями ихъ жизни и характеровъ.

Молодая женщина, не обладавшая особенной красотой, заявила себя сейчасъ большой любительницею чистоты и порядка. Несмотря на свое болѣе чѣмъ интересное положеніе, она, сейчасъ же по переселеніи въ нашъ домъ, принялась за чистку той части лѣстницы, которая вела отъ площадки второго этажа въ ея комнаты, и скоро запущенную лѣстницу нельзя было узнать. Она покрыла ее ковриками, вымыла ступеньки, балясины, перила, натерла какимъ-то глянцевитымъ составомъ обои, заблестѣвшіе точно зеркало; поскребла ванную, принадлежавшую всѣмъ намъ, и вообще привела наружную часть своей квартиры въ образцовый порядокъ. Внутри же квартирка была отлично

меблирована, съ комфортомъ и съ большими претензіями на изящество.

Видно было, что молодая хозяйка не даромъ провела свои дѣвичьи годы въ барской семьѣ. Одна комната, самая большая, была отведена подъ гостиную. Полъ въ ней былъ покрытъ сплошнымъ мягкимъ ковромъ, мебель обита краснымъ плюшемъ, стѣны увѣшаны картинами, въ родѣ тѣхъ, какія „создавалъ“ мой пріятель по пенсу за квадратный дюймъ; на карнизѣ камина возвышались мраморные часы, статуэтки и рамки съ фотографіями. Все было ново и свѣжо. Съ перваго раза видно было, что это обстановка новобрачныхъ, только-что обзаведшихся собственнымъ хозяйствомъ, и что тутъ если не все, то добрая часть — свадебные подарки.

Вторая комната, задняя, была столовой и кухней. Стоявшіе тутъ буфетъ и горка сверкали своими тарелками и тазиками, подставками и подносами, ложками и вилками. Самая меньшая комната, расположенная рядомъ съ гостиной и выходившая также на улицу, составляла спальню.

Казалось бы, что почтальонъ долженъ быть доволенъ своимъ гнѣздышкомъ, такъ уютно, такъ мило устроеннымъ любящей женой, и что счастье молодыхъ супруговъ должно быть полно въ той маленькой чашкѣ, изъ которой они пили. Однако, въ трехъ комнатахъ надъ нами не все обстояло благополучно, и всхлипыванія истерично-плачущей женщины часто доносились оттуда въ нашу обитель. Случалось это почти всегда, когда молодой мужъ, съ пустымъ холщевымъ мѣшкомъ черезъ плечо, въ какихъ въ Англіи разносятъ письма, возвращался домой поздней ночью.

Занятія почтальона начинались въ шестомъ часу утра и кончались въ девятомъ или десятомъ вечера, съ большими промежутками въ теченіе дня. Уходя изъ дому, нашъ почтальонъ, однако, рѣдко приходилъ домой обѣдать и еще рѣже возвращался въ девятомъ часу. Молодая и беременная жена его, при приближеніи времени обѣда, волновалась и безпокоилась словно передъ казнью. Мужъ не приходилъ къ завтраку... Придетъ ли онъ къ обѣду? Она приготовила самое любимое его блюдо, она поджарила ветчину на тминномъ соусѣ, а на второе блюдо у нея рисовая каша съ сахаромъ. Неужели все это должно остынуть, все это ненужно, все это выброшенный трудъ, выброшенное вниманіе? И молодая женщина смотритъ на часы, на мраморные часы, подаренные ей къ свадьбѣ бывшимъ ея сослуживцемъ, выѣзднымъ кучеромъ. Съ какой радостью она при-

нила этотъ подарокъ, сколько счастья, сколько сладостныхъ минутъ обѣщали эти превосходные часы! А теперь они словно ножемъ полоснули по ея сердцу, безхитростному и любящему сердцу, отчетливо пробивъ два часа. Два часа уже, а его еще нѣтъ!.. Не случилось ли съ нимъ чего-нибудь,—вѣдь онъ знаетъ, что сегодня ветчина съ тминнымъ соусомъ.... Что же это,—неужели онъ разлюбилъ тминный соусъ? И молодая женщина быстро накидываетъ на себя пальто, пришпиливаетъ второпяхъ шляпку и бѣжитъ искать мужа, который въ это время, забывъ все на свѣтѣ, стоитъ гдѣ-нибудь въ кабакѣ и угощается пріятелями или, въ свою очередь, угощаетъ ихъ.

Вечеромъ—та же исторія. Опять жарится ветчина или рыба; жена опять мечется, какъ угорѣлая, волнуется, не находитъ себѣ мѣста и тревожится о цѣлости корреспонденціи, порученной мужу для раздачи, боясь, чтобы онъ, съ пьяныхъ глазъ, что-нибудь не напуталъ и не попалъ бы еще подъ судъ. Въ своемъ безпокойствѣ она каждый разъ спускается внизъ, бѣжитъ къ двери на улицу, прислушивается, озирается по сторонамъ, не идетъ ли мужъ, и, съ переполненнымъ отъ горя сердцемъ, рада подѣлиться съ своими сосѣдями тоской и страхомъ, тревожащими ее.

— Ахъ, какое мученье!—говоритъ она сосѣдкѣ внизу:—кто могъ знать, что онъ пьетъ! Такой хорошій, такой добрый! Онъ никогда дурного слова не скажетъ—и вотъ, пьетъ .. Домой не идетъ, съ товарищами все, съ холостыми. Ахъ, эти товарищи, они его до добра не доведутъ; онъ и мѣсто потеряетъ, и въ тюрьму попадетъ... Что̀ дѣлать, что̀ дѣлать! — стонетъ она и, поднимаясь наверхъ къ себѣ, одѣвается и опять бѣжитъ искать мужа по кабакамъ.

На этотъ разъ ей посчастливилось. Она находитъ его, и мужъ и жена возвращаются домой вмѣстѣ. Онъ поднимается вверхъ, тяжело шагая и покачиваясь; она идетъ рядомъ, поддерживая его, съ платкомъ у глазъ... Вотъ они достигли своей площадки, вотъ щелкнулъ замокъ въ ихъ двери, и глухой, долго сдерживаемый женскій плачъ раздается свободно въ верхней части дома. Не слышно ни укоровъ, ни браннаго, рѣзкаго слова; одинъ только плачъ бередитъ нервы и щемитъ особенно сердце моего добраго нѣмца. Но скоро молодая женщина успокоивается; въ домѣ наступаетъ тишина, и всѣ засыпаютъ.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ. Бывало, день-два проходитъ благополучно; почтальонъ обѣдаетъ дома, вечеромъ уходитъ съ женой куда-нибудь въ гости и возвращается съ нею же трез-

вымъ; а тамъ опять—„сцена“ со слезами,—опить, значитъ, запилъ. А между тѣмъ время родовъ приближалось. Всѣ этажи дома ждали этого событія. Вотъ показалась и старушка-псвитуха, чистенькая старушка, съ добрымъ лицомъ, съ чепчикомъ изъ бѣлоснѣжнаго тюля. Нѣмецъ, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ. „Вѣдь это настоящій типъ старой бабушки, какія когда-то, въ прежнія добрыя времена, водились у насъ въ Баваріи!“—воскликнулъ онъ и упросилъ-таки ее „посидѣть“ для него съ полчаса, чтобы накинуть этюдецъ въ пятнадцать квадратныхъ дюймовъ. „Этюдецъ“ вышелъ не дуренъ, и Шмидтъ выручилъ на бабушкѣ полкроны.

Съ водвореніемъ въ его квартирѣ бабушки, почтальонъ какъ бы преобразился: сталъ себя соблюдать и нѣсколько дней подрядъ не только приходилъ своевременно къ обѣду, но забѣгалъ домой къ себѣ и въ разное другое время. Очевидно, предстоявшее семейное событіе сильно его занимало, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Наконецъ однажды, вечеромъ, сверху раздались стоны, ничѣмъ не похожіе на бывшіе раньше, и всѣ въ домѣ сверху до низу какъ-то притихли, все замерло въ ожиданіи. На этотъ разъ мы всѣ знали, что почтальонъ не пьянъ и что жена его не можетъ пожаловаться на холодность съ его стороны, и во всѣхъ этажахъ, у жившаго подъ нами столяра и въ самомъ низу, гдѣ жила семья слесаря, вездѣ стали говорить шопотомъ и чуть ли не съ какимъ-то благоговѣніемъ.

А сверху, то затихая, то возобновляясь еще съ большей силой, продолжали долетать хватавшіе за душу крики; слышалась возня съ мебелью во всѣхъ трехъ комнатахъ; что-то переносили, переставляли, передвигали. Почтальонъ на службу не пошелъ и то-и-дѣло спускался внизъ и бѣгалъ обратно вверхъ. Вотъ появился и изящно одѣтый господинъ, въ цилиндрѣ и перчаткахъ. Онъ быстро поднялся наверхъ, посидѣлъ тамъ минутъ съ пять или десять и ушелъ. Это былъ докторъ. Онъ ушелъ—значитъ, дѣло идетъ на ладъ, опасности нѣтъ, и мы всѣ рады.

Наступаетъ глубокая ночь. Всѣ уже спятъ въ домѣ; не спятъ только въ верхнихъ комнатахъ. Тамъ все еще возятся, и говорятъ, и охаютъ... Нѣмецъ переворачивается уже на другой бокъ, видя во снѣ какія-то волшебныя перспективы, полныя свѣта, дали, глубины... Онъ хватаетъ кисть, чтобы быстро наносить ихъ на широкое полотно и... не можетъ. Какое-то грязное пятно падаетъ съ кончика кисти и все заливаетъ... Тоска и негодованіе сжимаютъ его сердце, и онъ просыпается, убитый собственнымъ безсиліемъ, какой-то темной безнадежностью...

Кто-то вдругъ робко постучался въ дверь.

— Кто тамъ?—кричитъ Шмидтъ, недовольный, находясь еще подъ впечатлѣніемъ дурного сна.

— Я,—раздается голосъ почтальона:—жена мальчика только-что родила,—сообщаетъ онъ, съ широкой улыбкой счастья на лицѣ.

Черезъ плечо у него мѣшокъ—ато онъ отправляется на службу и по дорогѣ радъ былъ подѣлиться съ сосѣдомъ волновавшимъ его счастьемъ.

— А, поздравляю, поздравляю, отъ души!—бормочетъ и повеселѣвшій Шмидтъ, не разъ угощавшійся съ почтальономъ въ сосѣднемъ кабакѣ. — И мать, и ребенокъ — все благополучно?

— Какъ нельзя лучше,—отвѣчаетъ почтальонъ и, быстро спустившись внизъ, выбѣгаетъ на улицу, полный невыразимаго восторга, какой-то душевной легкости и даже внутренней гордости. „Я отецъ!“—какъ будто говоритъ каждый мускулъ на его лицѣ, каждое движеніе его тѣла. Съ какимъ, должно быть, доброжелательствомъ онъ разносилъ въ то утро письма! Какъ хотѣлось ему, вѣроятно, чтобы каждое письмо, просунутое имъ въ чужую дверь, оказалось вѣстникомъ счастья, радости, добра!

V.

Рожденіе сына сильно повліяло на почтальона. Компанія холостыхъ товарищей его теперь мало увлекала. Онъ пересталъ пить и все свободное время проводилъ дома. Вмѣсто плача, сверху стали долетать мягкія и нѣжныя слова, обращенныя къ ребенку. Лежавшая долгое время безъ употребленія, гармоника стала теперь часто выниматься изъ футляра и испускать тягучіе, полные звуки въ неопытныхъ рукахъ почтальона. Плохимъ музыкантомъ былъ этотъ почтальонъ и не любилъ онъ прежде упражняться на инструментѣ, который онъ пріобрѣлъ какъ-то не подумавши, благо лишній фунтъ или два оказались въ карманѣ. Но теперь что-то у него просилось наружу, что-то подмывало его взять гармонику и поиграть, и не только поиграть, но и попѣть. И пѣлъ-то онъ плохо, не лучше, чѣмъ игралъ; но кто въ Англіи не поетъ гимновъ, не знаетъ нѣсколько обыкновенныхъ церковныхъ мелодій? И почтальонъ, и жена его вдругъ стали распѣвать дуэты, особенно по воскреснымъ днямъ и въ компаніи зачастившихъ къ нимъ гостей. При этомъ гармоника служила вѣрную службу, выводя ноты, которыхъ не хватало у пѣвцовъ и значительно подсахаривая далеко не сладкіе голоса ихъ.

Вскорѣ были отпразднованы „крестины“, которыя, впрочемъ, были крестинами только по имени. Собралось много гостей и родныхъ; пили за здоровье новорожденнаго Джорджа, имя котораго уже было занесено достодолжнымъ образомъ въ регистратуру; пили и здоровье молодой матери; играли на гармоникѣ, пѣли и разошлись. Всѣ были трезвы, даже самъ хозяинъ. Крестины обошлись безъ духовенства, такъ какъ маленькій Джорджъ родился баптистомъ, и обрядъ крещенія ждалъ его въ будущемъ, когда выростетъ. Сейчасъ же послѣ „крестинъ“, въ прихожей нашего дома появилась легкая, щегольская колясочка, обитая свѣтлымъ сафьяномъ, со складнымъ верхомъ, съ мягкой шкурой дикой козы въ ногахъ, и молодая мать, кладя въ нее своего сына, отправлялась каждый день на прогулку.

Еще болѣе мирно и хорошо текла жизнь въ семьѣ столяра, жившаго подъ нами, въ первомъ этажѣ. Эта семья была изъ Уэльса и недавно переселилась въ Лондонъ. Жена была высокой и красивой молодой женщиной, съ парой глубокихъ темныхъ глазъ, служившей до замужества экономкой въ отелѣ.

Мужъ былъ столяромъ, веселымъ и бойкимъ молодымъ человѣкомъ, зарабатывавшимъ на мебельной фабрикѣ отъ двухъ до двухъ съ половиною фунтовъ въ недѣлю. Дѣтей у нихъ было всего двое—еще совсѣмъ маленькія двѣ дѣвочки, повидимому очень стѣснявшія мать, которая была немного лѣнива и любила по вечерамъ уходить куда-нибудь съ мужемъ.

Столяръ былъ страстнымъ спортсменомъ, большимъ любителемъ футбола, и, переселившись въ Лондонъ, первымъ дѣломъ записался въ одинъ изъ мѣстныхъ футболскихъ клубовъ. Занимался онъ спортомъ обыкновенно по субботамъ, когда работа въ мастерскихъ и на фабрикахъ вездѣ кончается въ полдень. Дома же онъ проводилъ время въ упражненіяхъ на 5-струнномъ банджо, которымъ владѣлъ мастерски. Къ сожалѣнію, музыкальный репертуаръ столяра былъ менѣе чѣмъ скуденъ: онъ состоялъ всего изъ одной пьесы; да послѣднюю даже и пьесой нельзя было назвать, такъ какъ это была просто діатоническая или хроматическая гамма, которую онъ повторялъ безконечное число разъ съ различной силой ударовъ по струнамъ. Но зато съ какой ловкостью онъ ударялъ по струнамъ, съ какой нѣжностью замирало его піаниссимо и съ какимъ бурнымъ порывомъ разражалось его „фортиссимо“ и „престо“!...

Читатель! если вы музыкантъ-спеціалистъ, то, сдѣлайте одолженіе, не читайте этихъ строкъ, т.-е., лучше сказать, забудьте о нихъ. Онѣ написаны не для васъ, и вы ихъ не поймете. Но

если вы не спеціалистъ, то вы меня поймете и также, какъ и я, простите нѣмца, который съ сентиментальностью, свойственною его великой расѣ, бывало, въ тысячу-первый разъ упивается безхитростной музыкой столяра, а этотъ только и дѣлалъ, что разсыпался мелкими, все быстрѣе и быстрѣе тающими аккордами, или же какъ будто все болѣе и болѣе собирался духомъ, ширился и росъ, пока не заканчивалъ громкимъ, отрывистымъ ударомъ. Одного только не любилъ Шмидтъ,—это когда нашъ сосѣдъ снизу начиналъ подпѣвать собственной музыкѣ.

— Вотъ этого-то ужъ не нужно, и такъ хорошо!—говорилъ онъ.

Но у столяра были свои личные вкусы, и нравилось ли нѣмцу или нѣтъ его пѣніе, онъ не спрашивалъ.

Такимъ образомъ, нашъ домъ можно было бы теперь назвать пріютомъ тишины и семейнаго мира, если бы не портила „ансамбля“ семья слесаря, жившая въ подвальномъ этажѣ и состоявшая изъ матери, отца и двухъ сыновей-мальчиковъ. Собственно говоря, семья была очень дружная. Отецъ былъ высокій, здоровенный и добродушный человѣкъ, работавшій гдѣ-то въ окрестностяхъ на механическомъ заводѣ. Онъ работалъ много и зарабатывалъ фунта два въ недѣлю. Мальчики были очень послушныя и шустрыя дѣти; младшій еще посѣщалъ школу, а старшій уже кое-что зарабатывалъ, состоя на посылкахъ у рыбника, торговавшаго на улицѣ рядомъ. Семья эта жила бы очень недурно, если бы мать не пьянствовала.

Это была уже немолодая женщина, лѣтъ 50 слишкомъ, сохранившая еще слѣды былой замѣчательной красоты. Когда она была трезва, она бывала и хорошей матерью, и хорошей хозяйкой. Въ комнатахъ у нея царствовала безукоризненная чистота; дѣти одѣвались прилично, въ чистые бѣлые воротнички и цѣлую, исправную одежду. Случается, проходитъ мѣсяцъ и даже больше, и она въ ротъ хмельного не беретъ. Все тогда въ ея семьѣ какъ будто выростаетъ, крѣпнетъ, консолидируется, словно молодой организмъ послѣ болѣзни. Но, вотъ, съ деньгами, полученными отъ мужа на хозяйство, она выходитъ вечеркомъ на улицу. Выходитъ она совершенно благообразной и съ самыми лучшими намѣреніями,—она идетъ за покупками, за провизіей, съ сумкой въ рукахъ и очевидно съ твердымъ рѣшеніемъ сейчасъ же возвратиться домой,—но по дорогѣ начинаетъ быстро терять власть надъ собою. Она пробуетъ бороться, старается призвать на помощь всѣ лучшіе инстинкты жены и матери, но ничто не помогаетъ,—бѣсъ оказывается сильнѣе ея, и, пройдя

мимо сверкающаго огнями кабака, мимо его зеркальныхъ оконъ и расписныхъ стеклянныхъ дверей, она отдается всецѣло, безвольно и безпомощно, охватывающей ее жаждѣ къ напиткамъ. Пьетъ она и джинъ, и вйски, и пиво, пьетъ одинъ стаканъ, другой, третій, пьетъ она одна и съ подругами, и съ случайными встрѣчными женщинами. Домой она возвращается поздно ночью или на другой день, безъ гроша въ карманѣ, растрепанной, испачканной. Мужъ выбранитъ ее двумя-тремя крѣпкими словами, облегчитъ этимъ свой гнѣвъ и проститъ. И опять начинается жизнь, не лишенная любви и даже нѣжности. Въ такіе мирные и спокойные періоды по воскреснымъ вечерамъ доносится снизу хоральное пѣніе. Это поетъ соборно вся семья слесаря. Слышенъ басъ отца, очевидно, руководящаго хоромъ, слышны дисканты мальчиковъ и нѣчто скрипучее и завывающее, вырывающееся изъ горла матери. Поютъ они церковные гимны, и, нужно полагать, съ большимъ наслажденіемъ, даже съ какимъ-то неистовствомъ, приводящимъ въ нервное, раздраженное состояніе художника.

— Ахъ, проклятые!.. Опять затянули!—кричитъ онъ, прячась въ другую комнату. Но тутъ его ждетъ еще нѣчто болѣе шумное. Комната выходитъ окнами на улицу, а улица наша въ послѣднее время совсѣмъ-таки пала, и то, что̀ прошлые обыватели ея считали бы совершенно невозможнымъ, теперь не только возможно, но даже стало обычнымъ явленіемъ. Да, на Садовой-Террасѣ въ воскресенье, по вечерамъ, теперь пляшутъ, барабанятъ на роялях, поютъ кафе-шантанные куплеты и хохочутъ, хохочутъ, точно громъ гремитъ. И все это у всѣхъ на виду, все это разносится изъ открытыхъ оконъ, изъ ярко-освѣщенныхъ, всѣмъ видныхъ комнатъ. Ушли, улетѣли, какъ спуганныя птицы, солидные обыватели, жившіе здѣсь адвокаты и врачи, биржевики и управляющіе разныхъ конторъ, такъ благоговѣйно охранявшіе воскресную тишину и наружное благочиніе, такъ старательно прятавшіеся отъ нескромнаго взора прохожихъ. Ихъ мѣсто заняли рабочіе, мелкіе приказчики, почтальоны, полисмены, пожарные служители и тому подобный людъ. Пять-шесть дней въ недѣлю тянутъ они трудовую лямку, ну, а въ седьмой день, въ воскресенье, они хотятъ повеселиться. Не ихъ вина, что театры закрыты. Въ свободный день имъ и такъ весело. И собираются они въ гости, и поютъ, и барабанятъ, и танцуютъ до поздней ночи. И напрасно нѣмецъ нервничаетъ: не передѣлать ему уже Садовой-Террасы! Одно только остается, это—послѣдовать за адвокатами и купцами и переѣхать. Но легко сказать: переѣхать! Тутъ ужъ, по близости, у нѣмца есть и за-

казчики, и кредитъ. Его знаютъ лавочники, и почтальоны, и сосѣди. Когда нѣмецъ выходитъ на улицу, то всѣ дѣти въ Садовой-Террасѣ говорятъ: „вотъ нѣмецъ идетъ!“ а иныя, побойчѣе, прибавляютъ еще: „нѣмецкая сосиска“ (german sausage)!

VI.

Оставленная своими богатыми обитателями, Садовая-Терраса уже не могла удержаться на одномъ уровнѣ и продолжала катиться по наклонной плоскости съ ошеломляющей быстротой. Жилецъ съ постояннымъ и обезпеченнымъ недѣльнымъ заработкомъ въ полтора-два фунта, не говоря уже о заработкѣ въ $2^1/_2$ или три фунта, сталъ вытѣсняться менѣе обезпеченнымъ, жившимъ какимъ-нибудь домашнимъ ремесломъ или другими случайными заработками. При наступленіи зимы, обѣднѣніе улицы стало еще замѣтнѣе; нужда выступила ярче, сильнѣе. Особенно это сказалось въ покупкѣ угля для топлива. Давно уже на Садовой-Террасѣ не покупали угля тоннами или полу-тоннами. Покупаютъ теперь все больше небольшими мѣшками въ полцентнера вѣсомъ. То-и-дѣло по улицѣ раздается громкій и протяжный крикъ угольщика: „Co-o-al-man!“ На крикъ этотъ, то тутъ, то тамъ, показывается у окна или у двери женское лицо и машетъ рукой. „Who-a!“—командуетъ лошади угольщикъ, и умное животное сразу останавливается. „Go back!“—слышна дальнѣйшая команда, потомъ раздается грохотъ угля, высыпаемаго угольщикомъ изъ мѣшка черезъ отверстіе, сдѣланное въ троттуарѣ, въ подвальчикъ внизу, или же прямо гдѣ-нибудь въ комнату, въ ящикъ. И грохотъ этотъ, долетающій до квартиры черезъ два дома, возбуждаетъ тамъ зависть и тоску. И тамъ нуженъ уголь, нечѣмъ топить, а денегъ нѣтъ, нѣтъ даже шести пенсовъ на полцентнера угля.

Вотъ до чего дошла Садовая-Терраса! Ея обыватели подчасъ не имѣютъ даже шести пенсовъ на уголь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Столяръ рѣшительно начинаетъ тяготиться своими сосѣдями справа и слѣва, а жена его, въ бесѣдахъ съ почтальоншей, прямо заявляетъ, что она на „этакой“ улицѣ жить не можетъ. „Помилуйте,—восклицаетъ она съ какой-то непонятной брезгливостью,—тутъ живетъ всякій сбродъ“. Почтальонша вполнѣ согласна съ нею и заявляетъ, что мужъ ея, почтальонъ, уже давно высматриваетъ себѣ подходящую квартирку. „Развѣ можно на такой улицѣ жить!“—говоритъ она въ свою очередь.

Конечно, въ этихъ разговорахъ сказывается не столько упадокъ улицы, сколько свойственная всѣмъ англичанамъ боязнь, что, храни Богъ, кто-нибудь еще можетъ смѣшивать ихъ съ толпой, съ тѣмъ, которые на одинъ мизинецъ стоятъ ниже ихъ. Начиная съ самаго низшаго слоя и кончая самымъ высшимъ, всѣ они переполнены этимъ страхомъ, этими опасеніями. Рабочій, работа котораго требуетъ хотя бы малѣйшаго навыка и ученичества, считаетъ себя выше того, который лишь „general labourer", простой поденщикъ, чернорабочій. Съ такимъ поденщикомъ онъ никогда не будетъ за-панибрата. И одеждой, и образомъ жизни онъ постарается непремѣнно отличиться отъ него, хотя бы послѣдній зарабатывалъ не хуже его, „механика", какъ вообще называютъ себя въ Англіи всѣ ремесленники, будь онъ портной или каменщикъ. Какъ извѣстно, сила и слабости англійскаго трэдъ-юніонизма кроются главнымъ образомъ въ этихъ далеко не демократическихъ чувствахъ англійскаго рабочаго. Не мудрено поэтому, что когда Садовая-Терраса стала заселяться болѣе простыми рабочими, то „аристократія труда", въ лицѣ столяра и почтальона, и особенно женъ ихъ, почувствовала себя такъ же уязвленной въ своей гордости, какъ и тѣ купцы и адвокаты, которые раньше не вынесли сосѣдства рабочихъ.

Даже въ самомъ низу, въ семьѣ слесаря, пошли теперь серьезные разговоры о переѣздѣ. Жена слесаря, несмотря на свой подбитый глазъ, а можетъ быть именно благодаря ему, особенно любитъ показать, что они „не изъ такихъ".

— We are a select people (мы не какіе-нибудь),—говоритъ она, бесѣдуя съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ сосѣдокъ.—Вы не смотрите, что мы теперь такъ живемъ. Когда я была молода, за меня сватался купецъ, но я не хотѣла выйти за него. Глупа была. Вотъ теперь и казнюсь.

Объ этомъ эпизодѣ изъ ея молодости она вообще вспоминала очень часто, особенно возвращаясь домой пьяною.

— Нужно очень было мнѣ выйти за тебя, нищаго!—говорила она тогда мужу въ отвѣтъ на его попреки.—Я бы теперь на собственныхъ лошадяхъ разъѣзжала, лэди была бы... А теперь что? Онъ еще недоволенъ!

Переѣхать, однако, ей пришлось вовсе не потому, что улица перестала нравиться, а просто потому, что они ужъ очень задолжали за квартиру, и хозяинъ больше не хотѣлъ ждать и заставилъ очистить комнаты.

И почтальонъ также выѣхалъ раньше, чѣмъ полагалъ, и по причинѣ, которую навряд-ли можно было предвидѣть, судя по

тому, какъ онъ велъ себя за послѣдніе мѣсяцы. Оказалось, что старый грѣхъ проснулся съ новой силой, и почтальонъ сталъ опять пить. Его уволили; это еще больше разнуздало его слабую натуру, и идиллія въ семьѣ его сразу оборвалась. Въ верхнемъ этажѣ опять послышались плачъ и стоны, и опять это были лишь жалобы бѣдной женщины, но не было ни ругани, ни дракъ. Но, вотъ, разъ, вечеромъ, вверху раздался крикъ, и сейчасъ же по лѣстницѣ быстро спустилась почтальонша съ ребенкомъ на рукахъ, блѣдная, съ посинѣвшими губами, и, шепча: „o, dear, dear!.. o, dear, dear!“—стремглавъ выбѣжала на улицу.

Оказалось, что мужъ ее ударилъ. Черезъ нѣсколько минутъ на квартиру явился ея отецъ, старикъ, жившій недалеко и работавшій на фабрикѣ, гдѣ выдѣлывались восковыя свѣчи для католическихъ церквей. Онъ быстро поднялся вверхъ и что-то долго бесѣдовалъ съ зятемъ, спокойно и тихо. По голосу почтальона, плаксивому и вкрадчивому, можно было догадаться, что онъ раскаявается и проситъ прощенія. Вскорѣ зять и тесть вышли вмѣстѣ, должно быть, съ цѣлью супружескаго примиренія. Однако, почтальонъ возвратился домой одинъ, и долго послѣ этого онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ. На другой день на квартиру пришла жена его.

— Прощайте,—сказала она, встрѣтивъ на лѣстницѣ жену столяра:—я переѣзжаю.

— Куда?

— Къ отцу, на время, пока не найду мѣста.

— Какъ мѣсто? — удивилась сосѣдка.—А мужъ-то, развѣ пуститъ?

— Мужъ? Послѣ того какъ онъ поднялъ руку на меня, онъ мнѣ больше не мужъ. Я была только-что у магистрата (полицейскаго судьи). Его заставятъ платить мнѣ на содержаніе ребенка, а самъ онъ мнѣ не нуженъ. Я ошиблась въ немъ. Думала, что исправится, а онъ еще хуже, и даже руку посмѣлъ поднять!—произнесла она, сверкнувъ черными глазами и принявъ гордый, вызывающій видъ, точно врагъ стоялъ передъ лицомъ.

— Куда же вы теперь!—спросила сосѣдка.

— А за мебелью. Мебель—моя, на мои деньги куплена. Пришла все уложить, а завтра перевезутъ,—отвѣтила она и смѣло поднялась къ себѣ наверхъ, откуда скоро стали доноситься мирные голоса разссорившихся супруговъ. Они говорили спокойно, дѣловымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чемъ-то самомъ обыденномъ и естественномъ, а не о самомъ интимномъ и важномъ въ ихъ жизни. Они дѣлились имуществомъ и хладнокровно

обсуждали, что̀ кому принадлежитъ. Стулья, обитые плюшемъ, мраморные часы и пр. принадлежали женѣ; желѣзная двуспальная кровать, гармоника—мужу; швейная машина, посуда—женѣ; двѣ фарфоровыя чашки, чернильница, сумка—мужу, и т. д.

Раздѣлъ совершился мирно и, повидимому, вполнѣ добросовѣстно, и жена, натянувъ перчатки, бросила мужу: „прощайте!“—и ушла.

— Прощайте!—протянулъ мужъ въ отвѣтъ плаксивымъ голосомъ, какъ будто надѣясь еще разжалобить ее, и вышелъ на площадку провожать ее; а когда та уже была внизу, онъ опять произнесъ: „прощайте!“—получивъ снизу въ отвѣтъ тоже бойкое: „прощайте!“. Послѣ чего онъ вошелъ обратно въ свои комнаты.

На слѣдующій день къ крыльцу присталъ крытый фургонъ, и два дюжихъ носильщика стали укладывать вещи, принадлежавшія женѣ почтальона, а еще черезъ день выѣхалъ и покинутый мужъ, и какъ камешки, брошенные въ море, оба эти лица затерялись для насъ навсегда въ этой человѣческой безднѣ, именуемой Лондономъ.

Выѣхали и столяръ, и слесарь, и также скрылись въ волнахъ того же человѣческаго моря. Исчезъ и мой пріятель Шмидтъ, и исчезъ онъ самымъ печальнымъ и загадочнымъ образомъ. Покончивъ портретъ одного стараго клэрка, сдѣланный по заказу его дочери, пожелавшей украсить свою гостиную „фамильными портретами“, Шмидтъ причесалъ свою посѣдѣлую бѣлокурую шевелюру, одѣлъ свое поношенное пальто, накинулъ на голову мягкую шляпу съ широкими полями и вышелъ, неся картину подъ-мышкой.

Я зналъ, что онъ ушелъ въ дурномъ расположеніи духа, что работа была грошовая, надъ которой онъ долго корпѣлъ, а удовлетворенія художественнаго никакого не испытывалъ.

Особенно не удавался ему носъ старика. Это былъ какой-то странный и совершенно нелѣпый носъ, походившій скорѣе на рельефное изображеніе горнаго кряжа, чѣмъ на человѣческій носъ. Горный кряжъ оканчивался огромнымъ плато, изрытымъ пропастями и усыпаннымъ холмиками и буграми, пестрѣвшими красно-фіолетовыми рудоносными жилами и жилками. Передать на полотно всѣ оттѣнки такого замѣчательнаго носа наврядъ-ли бы смогъ и болѣе крупный художникъ, чѣмъ мой добрый Шмидтъ; а тутъ еще заказчица, предвидя эффектъ, который картина могла бы производить въ ея гостиной, поставила условіемъ, чтобы носъ ея отца былъ воспроизведенъ такъ, „какъ онъ былъ

въ молодости". Напрасно Шмидтъ напрягалъ свою фантазію,— ничего не выходило.

— Пачкуномъ былъ и пачкуномъ умрешь! — ворчалъ про себя бѣдный художникъ, заворачивая въ оберточную бумагу свою работу.

На улицѣ стоялъ январьскій туманъ, густой и темный, было холодно, и я слышалъ, какъ Шмидтъ, хлопнувъ наружной дверью, кашлянулъ раза два. Это былъ какъ бы послѣдній товарищескій посылъ его ко мнѣ. Больше о Шмидтѣ я уже не слышалъ. Вечеромъ онъ не возвратился; не пришелъ онъ и на слѣдующій день. Недѣли черезъ двѣ, далеко за Гринвичемъ, изъ Темзы вытащили тѣло, плывшее съ какой-то размякшей рамой съ продыравленнымъ въ ней холстомъ, сквозь который торчала рука утопленника. Я поѣхалъ взглянуть, не Шмидтъ ли? Но лицо было уже неузнаваемо, платье снято, и слѣдствіе „коронера" ничего не обнаружило. Узналъ я только, что заказа отъ него не приняли.

Шмидтъ пропалъ навсегда, и я остался одинъ въ своихъ комнатахъ, а вверху и внизу домъ наполнился новыми людьми, еще менѣе обезпеченными, менѣе „аристократическими", чѣмъ прежніе. Вмѣсто почтальона поселился многосемейный портной, вмѣсто столяра—какія-то двѣ сестры неопредѣленныхъ занятій, а вмѣсто слесаря—такъ-называемый „carman", ломовикъ, служившій недалеко при складѣ сѣна.

VII.

Тотчасъ же по переѣздѣ къ намъ ломовика, въ окнахъ его квартиры появился билетикъ съ надписью: „Здѣсь катаютъ бѣлье". Очевидно, для увеличенія бюджета, жена его старалась тоже что-нибудь зарабатывать. Самъ ломовикъ былъ еще молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ блѣднолицую, изнѣженную жену, съ которою жилъ душа въ душу, и двухъ дѣтей, съ которыми постоянно возился, являясь домой къ обѣду. Кажется, только въ это время онъ и могъ возиться съ своими ребятишками, такъ какъ изъ дому уходилъ очень рано и возвращался съ работы поздно вечеромъ. Къ обѣду онъ всегда являлся съ огромнымъ возомъ сѣна, по пути отъ сѣннаго склада къ извозному двору, куда доставлялось сѣно. Заслышавъ шумъ тяжелыхъ колесъ и крикъ „Who-a!" (англійское „тпру!"), маленькая дѣвочка его быстро поднималась изъ подвальнаго помѣщенія на троттуаръ и

спѣшила ему на встрѣчу; какъ бы въ награду за ея привязанность, онъ, бывало, беретъ ее на руки и, осыпая поцѣлуями, несетъ на плечѣ внизъ, гдѣ другой ребенокъ, десятимѣсячный, ждетъ его на рукахъ матери.

Сцена эта во всѣхъ своихъ подробностяхъ повторялась каждый день, и я уже зналъ впередъ, что когда стрѣлка часовъ приблизится къ половинѣ перваго, внизу у рѣшетки нашего дома остановится тяжелый возъ, раздастся громкое „тпру!“, а за нимъ дѣтскій радостный крикъ: „dady!“ (папа!) и нѣжное воркованіе счастливаго отца. Въ воскресенье рабочій былъ свободенъ и работалъ у себя дома цѣлый день, устраивая въ „садикѣ“, принадлежавшемъ къ подвальному этажу, клѣтку для куръ и кроликовъ, раскапывая грядки, сажая цвѣты и овощи, или мастеря для своей дочки разныя игрушки, скамеечки, телѣжки, или же натягивая веревки для просушиванія бѣлья и вообще помогая женѣ по хозяйству. Это былъ человѣкъ домовитый, хозяйственный, собиравшійся, повидимому, обосноваться въ нашемъ домѣ надолго. Случилось, однако, нѣчто другое.

Не прошло мѣсяцевъ двухъ, какъ въ подвалъ опустился высокій молодой человѣкъ, въ цилиндрѣ и черномъ сюртукѣ. Это былъ докторъ одного страхового общества. Его паціенты состояли почти исключительно изъ рабочихъ, которые или составляли между собою „докторскіе клубы“, или же были кліентами страховыхъ обществъ. Члены докторскаго клуба обыкновенно вносятъ отъ одного до шести пенсовъ въ недѣлю, въ зависимости отъ семейнаго состава, и за эти деньги докторъ обязанъ являться по первому зову къ каждому изъ нихъ. Эти должности клубныхъ докторовъ очень распространены въ англійской провинціи, особенно въ каменноугольныхъ районахъ, гдѣ они составляютъ обычное явленіе. Каждая деревня, каждая шахта имѣетъ свой врачебный клубъ. Въ Лондонѣ еще болѣе развито среди рабочихъ классовъ пользованіе врачебной помощью посредствомъ взносовъ въ страховое общество, страхующее жизнь. Прибавляя лишнихъ полтора пенса къ еженедѣльной страховой преміи, страхователь пользуется безплатно медицинскимъ совѣтомъ и лекарствами; послѣднія, впрочемъ, отпускаются въ посудѣ, за которую приходится платить особо, если она не принадлежитъ самому паціенту. За акушерскую помощь полагается доктору лишній фунтъ.

Опустившійся къ нижнимъ жильцамъ, докторъ былъ мнѣ знакомъ, и я даже смотрѣлъ на него, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на соотечественника, такъ какъ онъ былъ сынъ остзейскаго нѣмца,

тоже врача, кончившаго въ Дерптѣ и переселившагося въ Англію лѣтъ 30—40 тому назадъ. Его отецъ въ разговорахъ со мною любилъ еще щегольнуть знаніемъ русскаго языка и, здороваясь со мною, бойко спрашивалъ: „какъ ви поживайтъ?“—и если погода стояла теплая, обязательно прибавлялъ: „сифоня ошень шаркò“.

Сынъ его, родившійся и воспитавшійся въ Англіи, уже былъ всецѣло англичаниномъ, но и въ немъ еще осталось какое-то смутное чувство привязанности къ родинѣ его отца. Наше знакомство поэтому хотя и не было близкимъ, но въ то же время не было лишено и той интимной струйки, которая всегда какъ бы чувствуется между людьми, имѣющими какое-то общее „свое“, какъ бы это свое ни было туманно и призрачно.

И теперь, встрѣтившись съ нимъ, я естественно спросилъ его о причинѣ его визита въ нашъ домъ.

— У ломовика младшій ребенокъ умираетъ, — отвѣтилъ онъ. — Это уже не первый визитъ мой.

Когда, черезъ нѣсколько дней, тяжелый возъ, нагруженный сѣномъ, остановился у дома, маленькая дѣвочка по-прежнему выбѣжала на встрѣчу отцу и громко сообщила, что „Бэнъ заснулъ и мама плачетъ“. Опущенная въ окнѣ стора досказала дальнѣйшее. Ребенокъ умеръ.

На другой день возъ у дома не остановился. Молодой ломовикъ, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ поселился у насъ, сбросилъ свой рабочій костюмъ, плисовые штаны съ жилеткой и шарфъ на шеѣ, и одѣлъ крахмальную бѣлую рубашку, черную пару и новую шляпу. Жена его, тоже пріодѣвшись, приняла благообразный видъ сонной и скучающей поэтессы. Вѣсть о смерти ребенка вскорѣ облетѣла всѣ этажи, и когда она достигла верхняго этажа, оттуда спустилась жена портного, и безъ всякихъ приглашеній и просьбъ съ чьей-либо стороны приняла сейчасъ же въ свои руки бразды правленія въ подвальномъ этажѣ. Отецъ же и мать умершаго ребенка отправились по дѣламъ. Они получили деньги изъ страхового общества, заказали гробикъ, сдѣлали нѣкоторыя покупки и затѣмъ возвратились къ себѣ домой.

Похоронивъ ребенка, ломовикъ, по совѣту доктора, не замедлилъ выѣхать отъ насъ совсѣмъ, убравъ съ собою свой куриный насѣстъ, свои цвѣточные горшки, веревки, стулья, скамейки и вообще всѣ хозяйственныя, декоративныя и игрушечныя принадлежности, которыми онъ разукрашивалъ и переполнялъ задній дворикъ въ часы своего досуга.

Не успѣлъ онъ выѣхать, какъ въ опустѣвшихъ комнатахъ поселился кэбменъ, легковой извозчикъ, съ большой семьей, состоявшей изъ жены, трехъ малолѣтнихъ дѣвочекъ и одной взрослой дочери отъ первой жены.

Дѣвочки у кэбмена были всѣ очень розовенькія, чистенькія и послушныя.

Всѣ трое ходили въ одну школу, и мать ихъ всѣхъ одѣвала въ одинаковыя платьица и шляпки. До замужества, жена кэбмена была горничной и ѣздила съ своей барыней въ Висбаденъ, такъ что кое-что знала и изъ за-граничной жизни, и этимъ своимъ знаніемъ очень гордилась и въ нѣкоторомъ родѣ импонировала имъ своему мужу, который, впрочемъ, былъ настолько тихъ и скроменъ, что ни въ какомъ импонированіи со стороны не нуждался.

Взрослая дочь кэбмена, лѣтъ 18-ти, служила въ одной изъ кофеенъ акціонернаго общества „Воздушнаго-хлѣба“ и содержала себя всецѣло.

Я долго стремился познакомиться съ кэбменомъ, но это мнѣ никакъ не удавалось, потому что встрѣчаться съ нимъ было чрезвычайно трудно. Уходилъ онъ рано, часовъ въ шесть утра, и возвращался часу въ девятомъ вечера. Но вскорѣ семья кэбмена перебралась изъ подвальнаго этажа въ самый верхній, на мѣсто портного, котораго выселили за неплатежъ денегъ. Теперь у меня оказалось больше шансовъ встрѣчаться съ новымъ жильцомъ и хотя бы узнать его въ лицо; но все-таки мое знакомство съ нимъ и его семьей все какъ-то долго не налаживалось. Но, вотъ, разъ, днемъ, когда въ домѣ почти никого не было, жена кэбмена, блѣдная и дрожащая, стукнулась ко мнѣ въ дверь.

— Мужчина!—проговорила она, указавъ рукой на лѣстницу внизъ, когда я выглянулъ на площадку.—Чужой мужчина, сама видѣла! — повторила она какъ въ лихорадкѣ.

— Воръ?—спросилъ я, не понявъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, мужчина, внизу, у дѣвицъ. Мужчина! сама видѣла.

Я уже давно догадывался, что сестры, поселившіяся въ первомъ этажѣ, подо мною, были проститутки. Онѣ выдавали себя за актрисъ, учительницъ танцевъ и вообще за представительницъ „свободныхъ профессій“. Днемъ онѣ сидѣли дома, а по вечерамъ уходили куда-то. Часто къ нимъ приходили какіе-то посѣтители, но, не обладая особенно увлекательной наружностью, сестры, должно полагать, не очень-то преуспѣвали и жили крайне бѣдно, вѣчно нуждаясь и живя впроголодь. Сидя

дома, онѣ вели себя тихо и даже скромно. Прятались отъ сосѣдей и старались придавать себѣ все-таки приличный видъ. Поэтому я мало обращалъ вниманія на то, чѣмъ онѣ живутъ. Иначе, однако, думала кэбменша. Съ перваго же дня, какъ она переѣхала въ нашъ домъ, она стала зорко слѣдить за сестрами и безъ труда открыла, что это самыя вольныя дѣвицы, промышляющія уличнымъ развратомъ. Сдѣлавъ это открытіе, она уже никакъ не могла успокоиться, и теперь, очевидно, тайкомъ прислушавшись къ тому, что происходило внизу, накрыла-таки дѣвицъ—flagrante delicto.

— Помилуйте,—говорила она, вся дрожа отъ гнѣва и переполненная какого-то гадливаго страха, словно мышь проскользнула ей въ рукавъ.—У меня дочь—невѣста (она называла падчерицу дочерью); у меня дѣти, всѣ мы употребляемъ общій ватерклозетъ... Еще зараза заведется. Я уже давно примѣчала и мужу сказала, но онъ у меня—тихоня. Вотъ вы теперь сами видите. Пожалуйста, когда лэндлордъ (хозяинъ) придетъ въ понедѣльникъ, поговорите съ нимъ. Я ему уже сказала про нихъ, но онъ не вѣритъ.

Я обѣщался. Нашъ хозяинъ, котораго мы всѣ называли „лэндлордомъ“, обходилъ всѣхъ своихъ жильцовъ по понедѣльникамъ, для сбора квартирныхъ денегъ. Это былъ довольно совѣстливый, снисходительный человѣкъ, не очень прижимавшій неаккуратныхъ плательщиковъ и обыкновенно вымещавшій всѣ свои убытки на новыхъ жильцахъ. Стоило кому-нибудь выѣхать, не заплативъ за квартиру, чтобы хозяинъ сейчасъ же накинулъ плату на нее, и такимъ образомъ какъ бы страховалъ себя отъ будущихъ недоимокъ. А такъ какъ жильцы, чѣмъ дальше, тѣмъ чаще мѣнялись и тѣмъ неаккуратнѣе дѣлались, то и цѣны на комнаты въ его домахъ возросли въ теченіе почти двухъ лѣтъ чуть ли не вдвое. Это поднятіе квартирной платы, однако, не мѣшало его домамъ быть постоянно переполненными и при этомъ все болѣе и болѣе бѣднымъ жильцомъ.

Однако, возвратимся къ нашему кэбмену. Вечеромъ, когда кэбменъ пришелъ домой, жена его опять постучалась ко мнѣ и спросила, можетъ ли ея мужъ зайти ко мнѣ. Я очень обрадовался случаю познакомиться съ нимъ, и сказалъ, что лучше поднимусь наверхъ къ нимъ.

Когда я вошелъ въ комнату, служившую у нихъ столовой и гостиной, кэбменъ сидѣлъ у стола, только-что поужинавъ, и держалъ въ рукахъ газету, а старшая дочь его, возвратившаяся изъ кофейни, вытирала посуду.

— Извините, пожалуйста,—началъ онъ,—жена тутъ безпокоитъ васъ. Конечно, женщина. Притомъ въ ея положеніи (кэбменша была въ послѣднемъ періодѣ беременности), всегда, знаете, нѣкоторая повышенная нервозность. Право, какъ-то совѣстно жаловаться хозяину. Вдругъ все это только кажется ей? Можетъ быть, честныя дѣвушки...

Вытиравшая посуду, дочь, красивая и стройная дѣвица, съ интеллигентнымъ лицомъ, хихикнула.

— У васъ, отецъ, всѣ честныя! — проговорила она съ какимъ-то снисхожденіемъ къ слабости отца.

— Конечно, честныя,—произнесъ онъ.—Мало что мужчины ходятъ. Вѣдь вотъ къ вамъ же ходитъ Джэкъ (Джэкъ былъ женихъ его дочери, служившій приказчикомъ въ магазинѣ платья). А кто не знаетъ, въ чемъ дѣло, можетъ подумать Богъ знаетъ что.

— Вздоръ!—вспылила жена его.—Тоже сравнилъ! Вѣдь вотъ мистеръ, — тутъ она кивнула головой въ мою сторону,—видѣлъ. Нужно быть такимъ простофилей, какъ вы, чтобы не отличить честную женщину отъ уличной.

— Да я что!—заговорилъ кэбменъ:—если увѣрены, то поступайте, какъ знаете... Конечно, если гулящія, то... само собою...

Кэбменъ былъ, видимо, не изъ бойкихъ, мало-разговорчивъ и застѣнчивъ. Онъ вообще мало подходилъ къ обычному представленію о кэбменѣ, рисующемся бойкимъ задирой, нахаломъ и сквернословомъ. Но стоило лишь завести съ нимъ рѣчь о его промыслѣ, чтобы онъ воодушевился и заговорилъ довольно оживленно. Кэбменъ собственныхъ лошадей не держалъ, а платилъ за пользованіе лошадью съ упряжью отъ 12 до 17 шиллинговъ въ день, въ зависимости отъ сезона, такъ что онъ самъ себѣ былъ хозяиномъ и могъ работать, когда и сколько хотѣлъ, мѣняя лишь лошадь разъ въ день.

Самымъ тихимъ временемъ въ Лондонѣ для извозчиковъ считается августъ, и въ этотъ мѣсяцъ нашъ кэбменъ всегда уѣзжалъ съ семьей на двѣ недѣли въ провинцію, къ роднымъ.

Мы съ нимъ заговорили о заработкахъ, которые, по словамъ кэбмена, день на день не похожи:—иной разъ выручишь фунтъ или полтора, а иной разъ и цѣлыхъ два фунта.

— Вы, можетъ быть, выручали бы и больше, если бы дамы не боялись васъ. Онѣ говорятъ, что вы ужъ очень нахальны съ ними,—сказалъ я шутливо.

— Не вѣрьте женщинамъ, онѣ дуры! — рѣшительно произнесъ кэбменъ.—Онѣ таксы никогда не знаютъ, и имъ все кажется, что ихъ надуваютъ и требуютъ отъ нихъ больше, чѣмъ

слѣдуетъ. Впрочемъ, есть и между ними очень хорошія, и есть между кэбменами дѣйствительно дурные люди. А все-таки мы не хуже другихъ. Вѣдь, вотъ, изъ 12.000 лондонскихъ кэбменовъ больше половины „титотлеровъ“ (ничего не пьющихъ). Я самъ „титотлеръ“, и сколько лѣтъ! А кто доставляетъ въ полицію столько находокъ, сколько кэбмены? То-и-дѣло въ кэбахъ у насъ оставляютъ, особенно дамы, узелки, пакеты, бумажники, зонтики, даже браслеты. И все это доставляется въ цѣлости въ „Скотландъ-ярдъ“ (главное полицейское правленіе Лондона). Конечно, дѣло не обходится и безъ утайки. Мы вѣдь не ангелы, а все-таки...

— Боятся сѣдоковъ,—сказалъ я:—тѣ могутъ нумера замѣтить и запомнить.

— Ну, какой тамъ сѣдокъ нумеръ помнитъ!—сказалъ кэбменъ, махнувъ рукой.—Ужъ если онъ свою вещь забываетъ, къ которой, можетъ, привыкъ или которую только-что купилъ, а вы хотите, чтобы онъ нумеръ помнилъ. Нѣтъ, извините, тутъ дѣло не въ страхѣ, а въ чести,—потому что мы знаемъ, что публика ждетъ отъ насъ честности. Вотъ вы говорите, что публика или дамы насъ не цѣнятъ. Нѣтъ! цѣнятъ и даже очень. У насъ больше благотворительныхъ учрежденій, чѣмъ у кого-либо изъ рабочихъ классовъ. Кто выстроилъ и завелъ всѣ эти „шелтеры“ (маленькія крытыя помѣщенія вблизи извозчичьихъ биржъ, гдѣ извозчики обѣдаютъ и пьютъ чай), водопои, пріюты для нашихъ вдовъ и сиротъ, рождественскіе вечера, лѣтнія прогулки и пр.? Все—публика. Нѣтъ, ужъ что ни говорите, а публика насъ цѣнитъ! — говорилъ кэбменъ, воодушевленный профессіональной гордостью.

— Вотъ и газеты, и тѣ отъ публики,—прибавилъ онъ, указавъ на кучу газетъ:—все сѣдокъ презентуетъ. Почитаетъ—и кэбмену отдаетъ. Иной разъ самъ купишь лишь вечернюю, а эти, вотъ, большія утреннія—все отъ публики.

Кэбменъ обыкновенно ложился спать въ 10 часовъ, и я его поэтому скоро оставилъ, пообѣщавъ поддерживать его жену передъ „лэндлордомъ“.

VIII.

Съ лэндлордомъ, однако, говорить не пришлось: жиличкѣ, все равно, должны были оставить квартиру, за которую имъ нечѣмъ было платить. „Переѣздъ“ ихъ состоялъ въ томъ, что одна взяла подъ-мышку тощій узелокъ, а другая взяла въ руки зонтикъ, и обѣ одновременно вышли, оставивъ въ распоряженіе хозяина

свою „мебель“: кровать, два стула и какую-то поломанную чашу. Когда, однако, хозяинъ сталъ разбирать желѣзную кровать, чтобы унести ее и продать, на квартиру явился господинъ съ книжечкой.

— Миссъ Патрикъ? — спросилъ онъ. Патрикъ—были „выѣхавшія“ только-что жилички.

Ему отвѣтили, что ихъ уже нѣтъ.

— Выѣхали? А мебель? — спросилъ человѣкъ съ книжкой.

— Какая мебель: кровать и стулья? Это мое, — сказалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не ваше. Мебель взята на выплату. Вотъ росписка самой миссъ Патрикъ, не угодно ли. Въ счетъ уплачено всего два шиллинга, а слѣдуетъ два съ половиною фунта. Кровать хорошая, проволочная сѣтка подъ матрацомъ,—началъ агентъ мебельной фирмы.

— Ну, мы еще посмотримъ, кому кровать достанется. Я своего не подарю!—сказалъ лэндлордъ рѣшительно.

— Куда же онѣ перебрались? — какъ-то безнадежно спросилъ агентъ.

— Да, вотъ, одна изъ нихъ только-что прошла,—отвѣтилъ лэндлордъ, кивнувъ головой въ окно.

Агентъ быстро повернулся и выбѣжалъ на улицу.

Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно, но лэндлордъ сейчасъ же накинулъ лишній шиллингъ на комнаты, которыя были сданы въ тотъ же день двумъ другимъ дѣвицамъ.

Эти новыя жилички назвали себя портнихами. Дѣйствительно, у нихъ оказались швейная машина и манекенъ дамскаго бюста. Какъ машина, такъ и манекенъ были поставлены въ одной изъ комнатъ какъ разъ противъ двери, такъ чтобы ихъ могли видѣть всѣ жильцы, проходя черезъ переднюю на улицу. Дверь въ эту комнату была всегда раскрыта, какъ бы приглашая каждаго изъ насъ убѣдиться въ трудолюбіи и добропорядочности вновь переѣхавшихъ къ намъ жиличекъ. Временами швейная машина издавала трескъ на весь домъ, и одна изъ портнихъ, съ ленточнымъ ярдомъ черезъ шею, съ наперсткомъ на среднемъ пальцѣ правой руки и съ ножницами въ лѣвой, сновала изъ комнаты въ комнату съ видомъ очень занятого человѣка. Но всѣ эти хитрости ни къ чему не служили: жена кэбмена зорко слѣдила за поведеніемъ дѣвицъ, и на второй же день ихъ переселенія открыла, что онѣ—вовсе не портнихи. Своимъ открытіемъ она поспѣшила подѣлиться съ самой нижней сосѣдкой, поселившейся недавно въ подвалѣ, съ женой сапожника, миссисъ Гринъ.

— Сама видѣла,—говорила она ей:—было около двѣнадцати

часовъ, я не спала. Слышу мужской голосъ у крыльца, потомъ щолкъ ключа въ двери, потомъ шаги... Я уже не могла заснуть... Мужа не хотѣла будить, но я была увѣрена, что внизу—чужой мужчина.

— Да, да, я тоже слышала, — подтвердила сапожница.— Мужъ нездоровъ, все кашляетъ. Я не могла заснуть... Слышу: кто-то поднимается съ улицы, а потомъ мужскіе шаги. Вѣдь, знаете, у насъ все слышно, что̀ дѣлается на улицѣ или наверху надъ нами.

— То-то и есть, вамъ лучше слышно,—произнесла жена извозчика, какъ бы польщенная тѣмъ, что она живетъ не въ подвальномъ, а въ верхнемъ этажѣ.—Я этого не оставлю,—прибавила она рѣшительно:—или онѣ выѣдутъ, или я. Съ *такими* жить въ одномъ домѣ не могу.

Послѣ этого жена извозчика почти вся обратилась въ слухъ. Она не спала, не ѣла и все подкарауливала, и каждое утро она бѣгала внизъ къ сапожницѣ и взволнованно спрашивала: „Слышали? Опять! Сама видѣла!“

Сапожница каждый разъ подтверждала наблюденія кэбменши, и послѣдняя съ трудомъ дождалась слѣдующаго понедѣльника, когда хозяинъ долженъ былъ явиться за квартирной платой.

— Вы опять Богъ знаетъ кого впустили!—накинулась она на него.

— А развѣ нехорошія? — съ видомъ невиннаго младенца спросилъ хозяинъ.

— Самая послѣдняя уличная дрянь!—отвѣтила кэбменша съ раздраженіемъ.—Какъ вы только можете пускать такихъ въ домъ, гдѣ живутъ приличныя семьи?

— Да кто ихъ знаетъ, кто онѣ такія,—оправдывался лэндлордъ.—Говоритъ: портниха, ну и думаешь—портниха, тѣмъ болѣе швейная машина, бюстъ, утюги... А вы увѣрены?—прибавилъ хозяинъ, который, очевидно, получилъ съ портнихи сполна за квартиру, и теперь ему жаль было терять такихъ аккуратныхъ и щедрыхъ жиличекъ, дѣлавшихся все рѣже и рѣже на Садовой-Террасѣ.

— Спросите хотя бы госпожу Гринъ, если мнѣ не вѣрите,—отвѣтила жена извозчика.

Хозяинъ презрительно махнулъ рукой. Грины были очень неаккуратные плательщики и стояли поэтому въ глазахъ лэндлорда на самомъ дурномъ счету.

— Пожалуй, Гринамъ придется раньше выѣзжать,—произнесъ онъ.

— Ну, все одно, если портнихи не выѣдутъ, то мы выѣзжаемъ,—произнесла сердито жена извозчика.—Мы бѣдные люди, для насъ переѣздъ много значитъ, но чѣмъ жить въ такомъ домѣ, лучше—на улицѣ или въ рабочемъ домѣ.

Какъ ни выгодно было удержать нижнихъ жиличекъ, но лэндлордъ долженъ былъ уступить. Ему менѣе всего хотѣлось, чтобы о его домахъ пошла въ околоткѣ дурная слава. Это окончательно уронило бы его въ глазахъ мѣстнаго приходскаго правленія, такъ-называемаго „vestry", которое непремѣнно начало бы его притѣснять разными ремонтами и санитарными выдумками, и, чего добраго, стало бы вчинать иски за содержаніе „неприличныхъ" домовъ, не говоря уже, конечно, о томъ, что мѣстный викарій, которому вѣдь тоже невыгодно терять приличныхъ прихожанъ, ему бы житья не давалъ своими увѣщеваніями, проповѣдями и разными шпильками, на которыя онъ былъ—даромъ что духовное лицо—великій мастеръ. Тутъ поэтому ничего не подѣлаешь, и какъ ни выгодно отдавать комнаты „портнихамъ", а приходится предпочесть извозчичью семью, которая платитъ меньше, но за то высоко держитъ знамя респектабельности.

— Нѣтъ, вы оставайтесь,—сказалъ онъ,—а ихъ я выселю.

И онъ дѣйствительно ихъ выселилъ. Но сохранить домъ въ предѣлахъ внѣшняго благочинія и благообразія уже почти не было возможности. Садовая-Терраса увязала все глубже и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе приближалась къ краю пропасти, извѣстной въ Лондонѣ подъ именемъ: slumdom. „Slum"—это уже не улица съ трудовымъ, хотя и бѣднымъ населеніемъ, а трущобы, гнѣзда низкаго разврата, притоны профессіональнаго воровства, непомѣрной грязи и пьянства. До такого состоянія Садовая-Терраса еще не дошла, но волны грязи, поднимаемыя со дна огромнаго города, все сильнѣе стали биться въ стѣны этой улицы и все больше и больше забрасывать ее своими брызгами. Того и гляди, она совершенно затонетъ въ нихъ. Пока же не было сомнѣнія, что ее продолжалъ населять въ большей части трудовой народъ. Каждое утро, въ пятомъ часу, улица переполняется стучаніемъ въ стекла и крикомъ: „пять часовъ!" Это стучитъ и кричитъ будильщикъ, человѣкъ, сдѣлавшій себѣ профессію изъ буженія рабочихъ, которымъ нужно рано вставать. Обыкновенно за свою услугу будильщикъ получаетъ по четыре пенса въ недѣлю съ лица. Онъ обходитъ свой районъ съ длинной и тонкой палкой въ рукахъ, такъ что легко достаетъ ею окна второго и даже третьяго этажа, и, постучавъ концомъ ея въ раму или стекло надлежащаго окна и выкрикнувъ при этомъ

требуемый часъ, идетъ дальше. И быстро поднимаются съ постели молочникъ, газетчикъ, зеленщикъ и другіе, служащіе у мѣстныхъ лавочниковъ; поднимаются кочегары, столяры, механики и прочіе, работающіе верстъ за 10—15 отъ дома; поднимаются они съ постели, быстро накидываютъ на себя свои рабочіе костюмы и съ мѣшочками, сумками, узелками спѣшатъ кто куда. Черезъ полчаса все успокаивается. Терраса опять погружается въ сонъ, но часовъ съ восьми она опять оживляется и начинаетъ переполняться звуками, не умолкающими во весь день. Это какіе-то отчаянные звуки, вылетающіе то изъ охрипшихъ глотокъ, то изъ широкихъ грудей, то изъ заложенныхъ и страдающихъ насморкомъ носовъ. Кричитъ молочникъ, зеленщикъ, тряпичникъ; кричитъ продавецъ керосина, точильщикъ ножей, продавецъ плетеной мебели; кричитъ цѣлый часъ, не переводя духа, продавецъ посуды, устраивающій даже аукціонъ посреди улицы. „Полдюжины ложекъ — шесть пенсовъ. Кто больше? Тарелки, отличныя тарелки — шесть пенсовъ дюжина. Кто больше?“ — взываетъ онъ къ обывательницамъ Террасы, и при этомъ бренчитъ ложками и стучитъ тарелками, показывая ихъ крѣпость и усиливая еще больше непрерывающійся шумъ.

Къ вечеру улица дѣлается особенно шумной. Выпущенныя изъ школы, дѣти обращаютъ мостовую въ поле битвы, въ площадь для крикета и футбола. Съ наступленіемъ ночи раздаются подчасъ и громкіе, пронзительные крики побитой пьяной женщины.

Терраса не только переполнилась теперь новыми звуками, но перемѣнился даже запахъ ея. Она уже давно потеряла свою свѣжесть, свой чистый, благоухающій воздухъ. Съ плохо содержимой мостовой и троттуаровъ поднимается зловонная пыль. Изъ домовъ несется запахъ жареной рыбы, сырого бѣлья и какой-то неопредѣленной тухлости, словно изъ долго запертаго шкафа, переполненнаго ношеннымъ платьемъ.

Но еще болѣе, чѣмъ звуки и запахи, перемѣнила Терраса свой внѣшній видъ. Кто бы узналъ въ этой грязной улицѣ прежнюю гордую аристократку? У многихъ домовъ поломаны чугунныя рѣшетки. Это дѣти, играя, постарались все расшатать и свалить, а хозяину-арендатору все одно: вѣдь не его дома. Во многихъ дверяхъ съ улицы разбиты верхнія стеклянныя половинки, въ которыхъ когда-то такъ красиво отражалась изнутри лампа, освѣщавшая переднюю и лѣстницу. Кучки плохо-одѣтыхъ, неряшливыхъ женщинъ, останавливающихся у дверей для сплетенъ, пересудовъ и перебранокъ; безцвѣтные, полинялые куски

матеріи въ окнахъ, замѣняющіе занавѣски; развѣшанныя въ заднихъ дворикахъ для просушки разныя тряпки—все это говоритъ о крайнемъ упадкѣ улицы, и если не о бѣдности обывателей, то о пьянствѣ ихъ, особенно о пьянствѣ женщинъ. Въ полдень, когда дѣти возвращаются изъ школы, ихъ можно видѣть быстро спѣшащими въ кабаки, съ кружками въ рукахъ, за пивомъ для матерей. Безъ пива англійская рабочая семья рѣдко обѣдаетъ, и даже жена извозчика, несмотря на то, что мужъ ея „teetotaler", обязательно посылаетъ каждый день старшую дѣвочку въ кабакъ съ кружкой за пивомъ.

Не посылаетъ за пивомъ только семья сапожника Грина, и не потому, чтобы жена его или онъ самъ не пили, а просто потому, что они уже очень бѣдны.

IX.

Бѣдность Грина была настоящая бѣдность,—бѣдность конца XIX-го вѣка, противъ которой трудолюбіемъ ничего не подѣлаешь, и изъ которой можетъ выручить только случай. Гринъ былъ бѣденъ именно потому, что жилъ въ наше время. Родись онъ 300 или 400 лѣтъ тому назадъ, онъ былъ бы вѣрно старшиной сапожнаго цеха,—если бы, впрочемъ, его не сожгли на кострѣ за вольнодумство,—имѣлъ бы собственный домъ и мастерскую, бражничалъ бы въ компаніи другихъ сапожниковъ на собраніяхъ цеха и воевалъ бы съ „королевской властью" и съ другими цехами и городами. Но Гринъ живетъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ, и у него ни кола, ни двора. Одно только у Грина, это—дѣти. Сколько ихъ—и сосчитать трудно. Есть у него и грудныя, и годовалыя, и двухъ- и трехъ-лѣтнія; есть дѣти и въ школѣ, и дома; ползаютъ они у него по полу, валяются въ кроваткахъ, бѣгаютъ и играютъ на улицѣ и въ „садикѣ". Я нѣсколько разъ пробовалъ сосчитать, и каждый разъ сбивался со счета, словно считалъ стаю воробьевъ. Къ тому еще, всѣ дѣти у Грина похожи другъ на друга, всѣ они черненькія, курчавыя и очень хорошенькія. У всѣхъ у нихъ какимъ-то совершенно непонятнымъ способомъ щечки красненькія. Откуда у нихъ румянецъ, у этихъ вѣчно полуголодныхъ дѣтишекъ? Самъ Гринъ смотритъ и удивляется.

— Это у нихъ по наслѣдству отъ матери,—наконецъ, рѣшаетъ онъ.

И дѣйствительно, мать ихъ, худая, отощалая и долговязая

женщина, которая, несмотря на свои молодые годы, потеряла уже всѣ зубы, все еще сохранила нѣжно-румяный цвѣтъ лица и щепетильную чистоплотность.

— Порода такая, англійская! — говоритъ Гринъ, улыбаясь.

И хорошо, что дѣти унаслѣдовали свою породу отъ матери, такъ какъ если бы пошли въ отца, то были бы блѣдны, кашляли и производили бы такое же жалкое впечатлѣніе, какъ и онъ. Что-то скорбное читается въ его глазахъ, усталое и измученное—въ его улыбкѣ и безнадежно-жалостное во всей его фигурѣ.

Нужно сказать, что Гринъ—англичанинъ лишь по имени. По рожденію же это былъ польско-русскій еврей, прибывшій въ Англію молодымъ человѣкомъ 18-ти лѣтъ. Спустя года два по переселеніи въ Англію, Гринъ влюбился въ англійскую дѣвушку, христіанку, и, встрѣтивъ взаимное чувство, женился на ней. И вотъ теперь, всего какихъ-нибудь 10—12 лѣтъ послѣ брака, онъ оказывается отцомъ кучи дѣтей и мужемъ долговязой, начинающей впадать въ ханжество, англичанки.

Какъ сапожникъ, Гринъ—великій артистъ своего дѣла. Онъ шьетъ дамскія ботинки на одинъ изъ самыхъ аристократическихъ магазиновъ Лондона. Въ окнахъ этого магазина его работы привлекаютъ на себя вниманіе модницъ и красуются подъ ярлычками съ надписью: „двѣ гинеи“. Каждую пару ботинокъ, сшитыхъ Гриномъ, магазинъ продаетъ по двѣ гинеи, т.-е. по 20 руб. Случается, что ему даютъ „спеціальный“ заказъ, и тогда цѣна ботинокъ повышается до $2^1/_2$ и больше гиней. Самъ же онъ получаетъ отъ магазина всего отъ 9 до 10 шиллинговъ за пару. Въ недѣлю онъ можетъ сработать четыре—пять паръ, но плохое здоровье часто не позволяетъ работать, да много времени отнимаютъ поѣздки въ магазинъ, которыя онъ обязательно совершаетъ два раза въ недѣлю.

— Вѣдь тамъ у нихъ не я одинъ, а 50 и больше человѣкъ. Всѣмъ нужно раздавать матеріалъ, у каждаго принимать исполненную работу, со всякимъ разсчитаться, вотъ полдня и пропало,—разсказываетъ Гринъ и рѣчь свою заканчиваетъ восклицаніемъ:—Эхъ, кабы собственная мастерская!

Собственная мастерская—вотъ идеалъ и мечты Грина.

— Въ собственной мастерской я бы тѣ же ботинки продалъ по одной гинеѣ, и, за вычетомъ матеріаловъ, мнѣ бы осталось шиллинговъ пятнадцать,—разсуждаетъ онъ.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— А рента? Нужно домъ нанимать, да на хорошемъ мѣстѣ. Я уже смотрѣлъ тутъ недалеко домъ. Можетъ быть, возьму.

— Да, мы смотрѣли, домъ хорошій; можетъ быть, возьмемъ; —повторяетъ за нимъ жена, которая весьма гордится искусствомъ своего мужа. Она беретъ въ руки пару только-что сдѣланныхъ имъ ботинокъ и не можетъ оторвать отъ нихъ глазъ.

— Онъ лучше всѣхъ работаетъ!—восклицаетъ она въ экстазѣ. —Взгляните на каблуки, на подъемъ, на эти носки. У него золотыя руки. Нужна только собственная мастерская...

Очевидно, мысль о собственной мастерской является главной опорой, главнымъ свѣтлымъ лучомъ въ жизни сапожника. Только говоря на эту тему о собственной мастерской, онъ и жена его оживляются, бодрѣютъ и начинаютъ свободно фантазировать. Всѣ заказчицы магазина, которыя живутъ недалеко отсюда, непремѣнно пойдутъ къ нему, увидѣвъ въ витринѣ его будущей мастерской тѣ же ботинки за гинею, за которыя онѣ теперь платятъ двѣ гинеи.

— Кому охота платить вдвое больше, когда можно купить за настоящую цѣну,—подтверждаетъ его жена.

Мысль о собственной мастерской даже разсѣиваетъ его скептицизмъ насчетъ существованія Бога. Въ обыкновенное время Гринъ отзывается очень пренебрежительно о религіи.

— Пустяки, все пустяки! — говоритъ онъ, какъ-то безнадежно махая рукой.—Вотъ, она вѣритъ,—прибавляетъ онъ, взглянувъ въ сторону жены съ снисходительностью взрослаго, говорящаго о шалостяхъ ребенка.

— Я вѣрю, — подтверждаетъ она. — Я всегда была протестанткой и мать моя была протестанткой, а отецъ принадлежалъ къ „высокой церкви“, — говоритъ она, давая этимъ понять, что со стороны отца она, въ нѣкоторомъ родѣ, аристократическаго происхожденія.

— И дѣтей тоже хочетъ дѣлать протестантами,—говоритъ мужъ съ легкимъ упрекомъ.—А все пустяки! Развѣ я бы такъ жилъ, еслибы дѣйствительно былъ Богъ?—восклицаетъ онъ уже съ какимъ-то раздраженіемъ и словно дѣлая дерзкій вызовъ Небу.

Религія, это — самое больное мѣсто въ супружеской жизни Грина. Дѣло въ томъ, что Гринъ только хорохорится, разыгрывая скептика и вольнодумца. На самомъ же дѣлѣ онъ очень труситъ, какъ бы ему за это вольнодумство не влетѣло на томъ свѣтѣ, и въ душѣ онъ остался заправскимъ вѣрующимъ евреемъ, лишь только съ чуть-чуть замѣтнымъ вольнымъ духомъ. И христіанство, или, лучше сказать, протестантство, въ которомъ жена

его старалась воспитывать дѣтей, ему, очевидно, не очень нравилось, но вовсе не съ точки зрѣнія скептицизма. И было просто удивительно, какъ цѣпко, какъ сильно еще держала его въ своихъ оковахъ старая религія, въ которой онъ выросъ, и противъ власти которой онъ такъ возставалъ. Разъ спускаюсь внизъ и вижу, что сапожникъ сидитъ, сложа руки, и ничего не дѣлаетъ.

— Нездоровится?—спрашиваю.

— Да, не совсѣмъ здоровъ,—отвѣчаетъ за него жена.

Самъ онъ какъ-то криво улыбается и смотритъ въ сторону, конфузясь.

— Что же съ вами?—спрашиваю дальше.

— Грудь, какъ всегда,—опять отвѣчаетъ за него жена.

— Грудь дѣйствительно болитъ,—произнесъ онъ наконецъ;—но не работаю потому, что просто не могу работать въ *этотъ* день. Все я забросилъ, никакихъ не соблюдаю ни субботъ, ни праздниковъ, и вообще ничего еврейскаго. А вотъ *этотъ* день, не знаю отчего, не могу нарушить.

— Что же это за день?—спросилъ я, не сообразивъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Неужели не знаете? Сегодня—„судный день“.

— Да, онъ сегодня еще ничего во рту не имѣлъ: постится со вчерашняго вечера, съ его здоровьемъ-то! — говоритъ его жена.

— Ничего не подѣлаешь. Привычка. Ни разу еще не нарушилъ этого дня. Все, все оставилъ, а „судный день“ не могу,—сказалъ вольнодумецъ какимъ-то виноватымъ тономъ.

Между тѣмъ время шло, „собственная мастерская“ все еще заставляла себя ждать, а недоимки хозяину за квартиру росли, и сапожникъ долженъ былъ выѣхать изъ дома со всей кучей дѣтей своихъ.

Вообще, неплатежъ за квартиру и принудительное выселеніе стали отличительной чертой всѣхъ новыхъ жильцовъ на Садовой-Террасѣ. Наученный горькимъ опытомъ, хозяинъ дѣлался требовательнѣе, долги пересталъ запускать, и какъ только недѣля прошла и жилецъ не платилъ, онъ сейчасъ же требовалъ очистить квартиру. Вслѣдствіе этого населеніе нашего дома, какъ вообще населеніе всей улицы, сдѣлалось чрезвычайно подвижнымъ и измѣнчивымъ, какъ текучая вода. То-и-дѣло въ домъ кто-нибудь переѣзжалъ и оттуда выѣзжалъ. Не успѣешь узнать, кто поселился, какъ онъ уже выселенъ. Панорама жильцовъ задвигалась слишкомъ быстро, и не только изучать ихъ харак-

теры и привычки, но просто разузнавать ихъ физіономіи оказалось уже невозможнымъ. Дольше оставаться въ этомъ домѣ стало не только тяжело и непріятно, но и безполезно даже съ точки зрѣнія наблюдателя окружающей жизни. И я тоже, наконецъ, разстался съ Садовой-Террасой.

По моемъ выѣздѣ, дѣла ея продолжали идти все по той же покатой плоскости. Улица начинала уже захлебываться все ближе и ближе подступавшими волнами трущобнаго населенія. Каждое улучшеніе, предпринимавшееся въ другихъ частяхъ города, еще болѣе способствовало загрязненію Террасы, куда огромный городъ какъ бы извергалъ изъ себя всю скверну. Все то, что не находило пріюта въ болѣе центральныхъ или въ болѣе отдаленныхъ частяхъ, все то, что экономически и морально вытѣснялось и выталкивалось изъ другихъ мѣстъ, все это приплывало сюда и временно осѣдало въ домахъ Садовой-Террасы.

Домовые арендаторы дѣлали все возможное, чтобы удержать улицу на болѣе или менѣе приличномъ уровнѣ и, такъ сказать, воздвигали плотины противъ наплыва нежелательныхъ квартирантовъ, но ихъ борьба кончилась ничѣмъ. Улица уже пріобрѣла себѣ дурную славу, хорошій квартирантъ обходилъ ее, и невольно приходилось отдавать flat'ы первому встрѣчному.

Но, съ ухудшеніемъ класса жильцовъ, рискъ отъ неплатежа квартирныхъ денегъ еще болѣе возросталъ, возня и хлопоты съ жильцами безмѣрно увеличились. Домовладѣльцы и жильцы сосѣднихъ улицъ стали роптать; приходское правленіе стало очень косо смотрѣть на Террасу и третировало ее какъ отверженную; въ газетахъ участились полицейски-судебные отчеты, въ которыхъ Терраса то-и-дѣло фигурировала, какъ мѣсто драки, нарушенія тишины и даже убійства. Это уже было слишкомъ. Еще немного, и Терраса стала бы „slum", но до такого положенія богатый собственникъ домовъ не могъ допустить. Быть хозяиномъ трущобъ, получать ренту съ „slum-property", съ трущобнаго недвижимаго имущества, считается для многихъ лэндлордовъ въ Англіи большимъ позоромъ, и чтобы положить конецъ печальной карьерѣ Садовой-Террасы, домовладѣлецъ рѣшилъ продать на сносъ всѣ старые дома, выстроенные когда-то для богатаго квартиранта, и взамѣнъ ихъ воздвигнуть небольшіе, двухъ-этажные, доступные для людей средняго достатка.

И вотъ, когда, года черезъ два, мнѣ опять пришлось взглянуть на давно знакомую улицу, я былъ пораженъ видомъ громаднаго облака пыли, окутывавшей ее. Уже снесены были крыши и верхніе этажи, и рабочіе, съ ломами въ рукахъ, стоя на облом-

кахъ стѣнъ, отбивали кирпичи и расшатывали желѣзныя балки. Вся улица была въ развалинахъ, обломкахъ и кускахъ штукатуры и гнилого дерева, которые, отваливаясь, поднимали столбы извести и песку. Терраса тутъ же, на глазахъ у меня, исчезала и таяла, а вмѣстѣ съ нею какъ бы исчезали и таяли давно знакомые образы жильцовъ ея, моихъ бывшихъ сосѣдей, съ ихъ маленькими радостями и большими печалями.

Было что-то скорбное и глубоко-грустное въ этомъ зрѣлищѣ разрушенія, слома и сноса улицы, на которой я такъ долго жилъ и которую я такъ хорошо зналъ. Но тутъ же рядомъ возвышались уже кучи кирпича, предназначавшіяся для новыхъ построекъ и предвѣщавшія собою новую Террасу, въ новомъ блескѣ, перерожденною, перестроенною, очищенною...

Новая улица пока еще не замѣнила старой, но кирпичи кладутся, и дома возводятся,—комфортабельные дома для будущихъ жильцовъ, которые, конечно, дадутъ улицѣ и болѣе счастливую дальнѣйшую исторію ея.

С. Р—тъ.

ИЗЪ
ПАРИЖСКИХЪ СКИТАНІЙ

ОЧЕРКИ.

I.

Всѣ собрались у меня, потому что моя мансардная комнатка подъ мшистою черепичною крышей стариннаго дома въ улицѣ Сенъ-Жака была просторнѣе другихъ.

Филибертъ Готьé праздновалъ свое возведеніе въ редакторы юной партійной газетки „Разсвѣтъ“ [1]). Гостями были: старикъ Мирбель—учитель рисованія, нажившій органическую особенность коситься вбокъ, точно рьяная пристяжная, потому что въ петличкѣ у него была фіолетовая ленточка; начинающій поэтъ Редаръ, проводившій ночи въ погонѣ за риѳмами, а дни—въ безплодныхъ набѣгахъ на редакціи; мѣстный букинистъ—шарообразный рèге-Ламбéръ, имѣвшій надъ полукруглою дверью своей подвальной норки широковѣщательную вывѣску: „Librairie Universelle“, безбожно отсчитывавшій „мансардѣ“ въ черные дни по десяти су за пятифранковыя изданія и теперь, ко всеобщему конфузу, явившійся во фракѣ, цилиндрѣ и перчаткахъ цвѣта варенаго рака...

---

[1]) Парижскія газеты имѣютъ обыкновеніе облекать званіемъ редактора каждаго болѣе или менѣе постояннаго сотрудника. De jure такой редакторъ считается какъ бы вѣдающимъ извѣстный отдѣлъ газеты или опредѣленный предметъ, а de facto пользуется только правомъ выставлять свое редакторское званіе на визитныхъ карточкахъ, не вмѣшиваясь ни во что редакціонное.

Все смотрѣло по праздничному. Близившееся къ полудню, ласковое майское солнце заливало яркимъ свѣтомъ восточную окраину Парижа и Латинскій-кварталъ, било искоса въ единственное окно, подъ которымъ разстилалась широкая верхушка столѣтняго вяза—единственнаго остатка отъ бывшаго когда-то сада, золотило на столѣ, накрытомъ чистенькою скатертью, добытую практическимъ Мирбелемъ и изжаренную въ булочной курицу на глиняномъ прòтивнѣ, доставленную изъ сосѣдней съѣстной лавочки, рыбу-соль, запеченную въ тѣстѣ, литръ франковаго фіолетоваго вина, салатникъ, полный нѣжнѣйшаго латука, и т п.

Еще праздничнѣе смотрѣла mademoiselle Тереза,—дочь лавочницы, явившаяся для услугъ,—въ сафьяновыхъ бронзированныхъ туфелькахъ, узорныхъ чулочкахъ и съ чайною розой у корсажа...

Самъ виновникъ торжества,—видный мужчина, съ добрыми карими глазами, съ закинутыми назадъ густыми космами волосъ, открывавшими умный, красивый лобъ, и съ привычною наивною полуулыбкой на крупныхъ румяныхъ губахъ, — прохаживался по комнатѣ, занимая неумѣло гостей и краснѣя безъ всякой причины...

— Дама спрашиваетъ васъ... — сообщила мнѣ вполголоса Тереза, вошедшая съ графиномъ холодной воды.

— Быть не можетъ! — усомнился я, не ожидая такого визита.

Тереза плутовски улыбнулась, хваля мысленно мою скромность въ столь щекотливыхъ дѣлахъ, и прибавила совсѣмъ уже тихо:

— Она тамъ, за дверью...

Я вышелъ.

Предо мною, въ полусумракѣ корридора, вырисовалась стройная фигура женщины подъ длинною вуалью. Она шагнула ко мнѣ и заговорила сдержаннымъ, но неспокойнымъ голосомъ:

— Вы не хотите... вы сердитесь... Ну вотъ я, сама...

Она уже протянула мнѣ узенькую ручку въ перчаткѣ, но, вглядѣвшись, отступила и сказала, принимая оффиціальный тонъ:

— Извините... Я хотѣла... Мнѣ надобно видѣть monsieur Готьé... Вѣдь онъ дома? это его голосъ?

Я тоже извинился и поспѣшилъ вызвать Готьé.

Столъ выдвинутъ былъ на средину. Толстякъ Ламберъ, сбросившій фракъ и оставшійся въ чистѣйшей коленкоровой ру-

башкѣ, искусно разрѣзалъ курицу, точа ножъ объ полъ изъ красной лещадки квадратиками (carreau) и разсыпая всякія прибаутки; Тереза на славу изготовила салатъ и старательно оскоблила клинушекъ зрѣлаго, пахучаго бри,—а Готьé все не возвращался. Слышались только шаги его по корридору да раздававшіеся порою сдержанные возгласы.

Онъ вошелъ совсѣмъ растерянный, улыбаясь какъ-то виновато, и не сразу попалъ въ свою колею хозяина...

Филибертъ Готьé представлялъ собою несовсѣмъ обычное для Парижа явленіе. На него смотрѣли съ завистливымъ удивленіемъ и товарищи его по редакціи, и знакомые, и завсегдатаи кафé „Франсуа I“, на бульварѣ Сенъ-Мишéль, гдѣ имѣлъ онъ свой дѣловыя свиданія. Его мѣшковатость, вѣчная наивная полуулыбка, точно нечаянно ронявшіяся, прямыя, твердыя мнѣнія, естественное, казавшееся даже какъ бы преднамѣреннымъ, небреженіе всѣмъ, на чемъ зиждется тонкая политичность парижанъ и что̀ составляетъ все замѣняющій общественный „лоскъ“, —все это приводило въ смущеніе и редактора, и парламентскихъ вожаковъ партіи, но и они, хотя и съ видомъ шутливаго панибратства, протягивали ему руки... Провинціалъ, безъ высшаго образованія, безъ связей, безъ франка въ карманѣ,—онъ въ какой-нибудь годъ завоевалъ себѣ званіе „редактора“, двѣсти франковъ въ мѣсяцъ опредѣленнаго заработка и вниманіе тѣхъ, на одинъ только подступъ къ кому не всегда находится протекція... Къ нему подбирался и осторожный рѐге-Ламберъ, цѣнившій обыкновенно всякій авторскій трудъ лишь въ томикахъ по случаю, а тутъ онъ бывалъ не прочь оцѣнить и рукопись...

Отецъ Филиберта Готьé былъ сборщикомъ пошлинъ въ одномъ изъ городковъ Бретани и умеръ давнымъ-давно. Всѣ говорили, что онъ оставилъ недурное состояніе, но вдова, Бригитта Готьé, выказывала совсѣмъ противное. Правда, она держала въ образцовомъ порядкѣ свой домикъ, съ садикомъ въ квадратную сажень, гдѣ каждый кустикъ и цвѣтокъ были какъ на картинкѣ, щеголяла цѣлой стѣной сверкавшихъ мѣдныхъ кострюль въ кухнѣ, но занималась этимъ самолично, при помощи подроставшихъ дѣтей: Филиберта, Жюля и дочери, Маргариты, а въ сверкавшихъ кострюляхъ готовила лишь супъ изъ пырея да зелени изъ собственнаго огородика... Какъ истинная француженка-скопидомка, имѣющая второю религіей законъ накопленія богатствъ, она извлекала пользу изъ хлѣбныхъ крошекъ, изъ старья и

лоскутковъ, рѣдко точила ножи—чтобы не истачивать ихъ. и даже вату для своихъ ушей имѣла сѣренькую, „не màркую“—чтобы ее меньше выходило...

Младшаго сына, Жюля, отличавшагося манерами и французскою бойкостью, Бригитта Готьé пустила въ науку, и онъ дотянулъ до мѣста товарища прокурора въ горной глуши департамента Варъ, гдѣ и застрялъ навсегда. Филибертъ, звавшійся „увальнемъ“, былъ назначенъ въ контористы и получилъ мѣсто въ родномъ городкѣ. Скромный труженикъ, какъ бы созданный для конторки или кабинета, но надѣленный природнымъ даромъ оріентироваться въ самой пестрой цѣпи обстоятельствъ, въ самой сложной путаницѣ взглядовъ и мнѣній, попадая легко и инстинктивно in medias res, онъ, погруженный въ свое дѣло, понималъ въ политикѣ больше, чѣмъ всѣ присяжные читатели парижскихъ газетъ, большихъ и малыхъ... Съ такою же легкостью, заинтересованный всякими горячими вопросами, онъ разрубалъ въ нихъ гордіевы узлы, посылая въ редакціи бойкія, коротенькія замѣтки... Онѣ охотно печатались, а одна изъ редакцій—только-что возникшій „Разсвѣтъ“—отнеслась даже къ автору съ просьбой о сотрудничествѣ, и лишь жалѣла, что дальность разстоянія мѣшаетъ неизбѣжнымъ иногда личнымъ объясненіямъ.

Филибертъ Готьé, не долго думая, покинулъ свою конторку и явился въ Парижъ. Со свойственнымъ ему даромъ, онъ быстро оріентировался и тутъ, оцѣнилъ по достоинству вычурное политиканство парижанъ, ложь мишурнаго блеска, возгласовъ и рѣчей, ложь въ служеніи долгу, сотканному изо лжи... Онъ сохранилъ свой видъ и манеры наивнаго провинціала, а съ ними и манеру не распускать въ своихъ статьяхъ туманную паутину условнаго краснорѣчія, а освѣщать вопросъ ясно и прямо, бить въ центръ... Въ первой же своей статьѣ онъ заявилъ, что установившееся выраженіе „парижанинъ“ наводитъ на глубокія размышленія, превращая Парижъ, не больше какъ городъ Франціи, во что-то особое, какъ бы иностранное; что всякій французъ, покидающій, ради Парижа, родной свой уголокъ и забывающій его, а нерѣдко даже и презирающій, становящійся какимъ-то парижскимъ гражданиномъ, есть жалкій безпочвенникъ,—недостойный, а часто и вредный космополитъ...

Въ видѣ опредѣленной работы, редакція предоставила Готьé разборъ программы противной партіи, выставлявшей какъ реформу улучшеніе положенія провинціальныхъ чиновниковъ, развитіе кредита для мелкихъ собственниковъ—въ обычномъ раз-

счетѣ на ихъ голоса,—и онъ въ цѣломъ рядѣ статей доказалъ, что всѣ такія реформы, приносящія благо страны въ жертву интересамъ того или другого сословія, есть не больше, какъ ветошь; что первая, дѣйствительно насущная реформа должна состоять въ уничтоженіи искусственнаго дѣленія Франціи на департаменты,—дѣленія, давящаго все, мертвящаго общественную жизнь; не отвѣчая никакой дѣйствительной надобности, оно идетъ въ разрѣзъ съ исторіей, даже географіей и смѣшиваетъ въ одно самые разнообразные интересы, не давая простора ни одному,—сказать короче: необходима *„децентрализація“*...

Это было новое слово, смутившее многихъ не въ одной только противной партіи, и если его не подхватили, не возвели на степень шумнаго вопроса, то именно потому, что размахъ былъ слишкомъ смѣлъ и широкъ, захватывалъ слишкомъ многое...

Какъ истинный кельтъ-бретонецъ—страстный, впечатлительный и упрямый,—Филибертъ Готьé весь ушелъ въ свою идею и, работая надъ нею, росъ и формировался самъ...

Мое знакомство съ нимъ, а затѣмъ и близость устроились совсѣмъ просто и неожиданно. Я зналъ, что рядомъ со мною поселился какой-то оригиналъ-журналистъ, слышалъ чрезъ стѣнку, какъ онъ разсуждаетъ по цѣлымъ часамъ самъ съ собою, вскакиваетъ по ночамъ съ кровати, осѣненный, очевидно, какою-то мыслью... Но такъ какъ знакомства вообще въ Парижѣ—скорѣе неизбѣжная тягота, чѣмъ желательное удовольствіе, то и наше было лишь шапочнымъ. Однимъ утромъ Готьé постучался ко мнѣ.

— Вы, кажется, всегда дома?—сказалъ онъ.—Могу я просить васъ передать вотъ эти корректуры, когда пришлютъ за ними изъ типографіи? Я оставилъ объ этомъ записку на двери. Главное, надо объяснить...

И онъ сталъ толковать, что̀ надо объяснить. Уходя, онъ взглянулъ на мое хозяйство и воскликнулъ:

— Ахъ, у васъ керосиновая кухня! Вы позволите мнѣ бифштексъ иногда зажарить на ней? Спиртовая лампочка жжетъ только...

— Сдѣлайте одолженіе.

И онъ въ тотъ же вечеръ явился со сковородкой и ломтикомъ говядины въ бумажкѣ. Отсутствіе стѣснительной французской щепетильности, добрый, изъ самой глубины свѣтившійся взглядъ—располагали къ нему невольно. Мы стали бывать другъ у друга, обѣдать сообща въ моей просторной комнатѣ. Когда прискучивало домашнее сухояденье, мы отправлялись „изучать“

ютящіеся вокругъ центральнаго рынка, своеобразные дешевые ресторанчики,—гдѣ можно быть сытымъ за одинъ франкъ, гдѣ такъ и стойтъ въ воздухѣ букетъ рагу или фритюра (смотря по спеціальности), гдѣ зимою царитъ удушливое тепло, а лѣтомъ бросаютъ „тѣнь“ два-три рододендрона въ кадкахъ, гдѣ странствующія собаки-нищенки трогаютъ лапой по колѣнкѣ, напоминая объ обязанностяхъ къ ближнему, и смиренно удаляются, получивъ подачку или отказъ... По праздникамъ мы навѣщали шумные загородные трактирчики въ Сюрени, Клиши, а не то, ѣхали съ собственною провизіей въ демократическій Венсенскій лѣсъ, гдѣ по воскресеньямъ такъ важно выступаютъ мелкіе парижскіе rentiers, поддерживая лѣвой рукой жену или дочку, а на правой неся сюртукъ...

Иногда, сидя у меня въ комнатѣ и пробѣгая задумчиво газету за газетой, Готьé вдругъ вскипалъ, вскакивалъ и начиналъ метать громы...

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ однажды, швырнувъ отъ себя почтенный парижскій органъ.—Для чего вся эта ежедневная громада печатной бумаги?! Чтобы туманить массу да вводить въ заблужденіе корреспондентовъ иностранныхъ газетъ?.. Проводятъ идею, что не жизнь тяжела, а мало энергіи у людей въ борьбѣ съ нею!.. Что такое борьба эта, взваленная на человѣчество? Она вся исчерпывается цѣлесообразнымъ напряженіемъ силъ и способностей, а онѣ такъ уже взвинчены, что безъ эѳира да морфія никто не обходится!.. А обманъ, обвѣсъ, обмѣръ, фальсификація, съѣдающія добрую половину этихъ силъ и способностей? Какъ съ ними бороться человѣку?.. Вернулись бы лучше къ „меркуріаліямъ“!.. [1])

Въ другой разъ, когда министерство, какъ выражаются французы, „поскользнулось на апельсинной коркѣ“, я спросилъ у Готьé, только-что вернувшагося изъ палаты, на какой новый составъ можно надѣяться?

— А развѣ это не все равно? — отозвался онъ, переворачивая старательно свой жарившійся бифштексъ.

— Какой вы странный! Какъ же можетъ быть все равно?

Онъ бросилъ вилку и шагнулъ взволнованно по комнатѣ.

— Это одинъ вопросъ у всѣхъ сегодня! Всѣ точно манны небесной ждутъ отъ перемѣны министерства!—заговорилъ онъ.—

---

[1]) Меркуріаліями назывались прежде годичныя рѣчи во французскомъ парламентѣ, въ которыхъ обсуждались злоупотребленія и упущенія въ государственномъ управленіи.

Но развѣ министерство мѣняется когда-нибудь? Мѣняются лица, мѣняются тонъ, пріемы, а вся машина съ тлетворною канцелярскою рутиной остается, какъ и была!... Не все ли равно, кто будетъ подписывать бумаги, плодить налоги, украшать орденами и пристраивать къ теплымъ мѣстечкамъ своихъ родственниковъ и друзей,—оппортунисты, радикалы, орлеанисты?.. Послѣдніе даже окажутся больше на своемъ мѣстѣ... Что общаго могутъ имѣть съ республиканизмомъ централизація, бюрократизмъ, гильотина, монополіи, косвенные мѣстные налоги, внутреннія таможни, кадастръ, мертвящій всю земледѣльческую Францію?..

Празднество наше завершилось поѣздкой въ сосѣдній Кламорскій лѣсъ и обѣдомъ въ деревенскомъ трактирчикѣ.

Было уже за полночь, когда на обратномъ пути мы съ Готьé добрались до бульвара Сенъ-Мишель. Тутъ только еще закипала ночная жизнь. Со стороны Обсерваторіи, послѣ веселаго латинокварталскаго бала въ Бюльé, спускались толпы распѣвавшихъ студентовъ и ихъ подругъ. Угольное студенческое кафе сіяло огнями; предъ нимъ, въ тѣни большихъ темныхъ каштановъ, толпились съ веселымъ гуломъ гризетки, цвѣточницы, торговки традиціонными лакомствами—орѣхами, пряженными аладьями, крошечными вареными улитками... Весь этотъ—также по традиціямъ—какъ бы семейный, не имѣющій ничего общаго съ заурядным разгуломъ, праздничный шумъ подъ кровомъ тихой, мягкой ночи съ едва мерцавшими звѣздочками на темномъ небѣ, невольно радовалъ, манилъ къ себѣ...

— Зайдемте пива выпить,—сказалъ я Готьé, любившему порою коротать тутъ вечера.

— Охъ, нѣтъ! Очень ужъ мы нагулялись сегодня! — отвѣтилъ онъ, встрепенувшись и точно приходя въ себя.

Дома, однако, онъ не скоро легъ спать. А ночью мнѣ было слышно, какъ онъ шаркалъ по стѣнѣ спичкой, закуривая трубку. Едва разсвѣтало, какъ онъ явился уже ко мнѣ, нахмуренный, посасывая трубку...

— Что съ вами? вы нездоровы?—спросилъ я, глядя на его истомленное, осунувшееся лицо.

— Нѣтъ... Спалъ плохо...—отвѣтилъ онъ, приглаживая свои космы и отчаянно пуская предъ собою клубы дыму. — Одинъ проклятый вопросъ не давалъ покоя... Вчера Тереза перепутала—вмѣсто меня, васъ къ дамѣ вызвала... Ну, эта дама... моя невѣста...

Это было такъ неожиданно, что я лишь молча посмотрѣлъ на него.

— А вопросъ,—продолжалъ онъ,—состоялъ въ томъ, быть ли ей моею женой, или нѣтъ?.. И пришлось рѣшить, что *нѣтъ*...

Мнѣ снова оставалось ограничиться молчаніемъ. Готьé потянулъ изъ трубки такъ, что она захрипѣла, и пустилъ самый чудовищный клубъ дыму.

— Судите, правъ ли я... — проговорилъ онъ изъ-за этого облака.

И онъ сталъ разсказывать.

— Дама эта—madame Дюранъ, вдова... Мужъ ея былъ чиновникъ-парижанинъ, насидѣвшій себѣ съ юношества чахотку въ бюро и успѣвшій оставить женѣ лишь самую крошечную ренту... Въ нашемъ городкѣ у нея есть родные, и каникулы она проводила обыкновенно у нихъ, гдѣ мы и подружились... Воздухъ въ Бретани совсѣмъ не такой, какъ въ Парижѣ... Тутъ онъ холодный, непривѣтливый... отъ него каждый прячется въ себя, какъ улитка въ скорлупу... А тамъ, напротивъ, онъ теплый, живительный, заставляющій открываться, сочувствія искать... У насъ, французовъ, какъ вы знаете, бракъ—карьера для мужчины... Стать депутатомъ, схватить на биржѣ шальной милліонъ или жениться выгодно — одно и то же... Я держался совсѣмъ другого взгляда, хотя въ городкѣ невѣсты съ приданымъ были и для меня... Я привязался къ m-me Дюранъ, и она видѣла и знала, что въ привязанности этой не рента ея убогая играетъ для меня роль... Словомъ, мы стали женихъ и невѣста по склонности, а слѣдующими каникулами должны были сдѣлаться мужемъ и женой... Но тою же осенью подоспѣло письмо изъ „Разсвѣта“, и я очутился въ Парижѣ...

Онъ выколотилъ задумчиво трубку о каблукъ башмака, набилъ ее снова, закурилъ и продолжалъ:

— Я и теперь еще мечтатель, фантазёръ, а тогда и совсѣмъ былъ нетронутый родникъ чувствъ, искренности, идеализма... Мнѣ предстояли борьба, холодъ жизни... всѣ сокровища мои были—трудъ да вѣрная подруга въ радостяхъ и горѣ... Вы поймете, что кипѣло во мнѣ, когда я явился къ m-me Дюранъ... Она знала все и встрѣтила меня холодно, чинно...—„Вы знаете, monsieur Готьé,—сказала она:—въ Парижѣ очень, очень трудно пробить себѣ дорогу, особенно тѣмъ, кто думаетъ существовать перомъ, и вы напрасно бросили ваше мѣсто“...—Все долго разсказывать... Свелось къ тому, что вопросъ о свадьбѣ отдалился... Казавшаяся такою теплою, сердечною, привязанность невѣсты

охладѣла... Въ свою очередь, и я сталъ дѣлать лишь рѣдкіе визиты, ограничиваться церемонными знаками вѣжливости... Потомъ, когда имя мое начали подхватывать газеты, когда для меня открылась возможность носить сюртукъ изъ магазина „Лувръ“ и аккуратно покупать къ обѣду бифштексъ, перемѣнилась вдругъ и m-me Дюранъ... Она начала слать мнѣ любезныя записки, упрекать меня въ холодности... А вчера, вотъ, пріѣхала звать на обѣдъ къ себѣ... Онъ на сегодня назначенъ... Но... я не буду на немъ...

Онъ умолкъ, опустивъ голову.

— Можно мнѣ сказать свое мнѣніе?—спросилъ я.

— Для этого я и разговоръ началъ.

— И вы не обидитесь?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Мнѣ кажется, что суть не столько въ обстоятельствахъ, сколько въ вашемъ собственномъ бретонскомъ упрямствѣ...—сказалъ я. — M-me Дюранъ, очевидно, опытнѣе васъ и выказала осторожность предъ неизвѣстностью... Вы же не хотите принять этого во вниманіе, предпочитаете разсуждать, вмѣсто того, чтобы чувствовать... забываете даже свое, французское: avec les femmes il faut pardonner ou ignorer...

Онъ взглянулъ на меня какъ бы съ упрекомъ.

— Я не разсудкомъ пришелъ къ рѣшенію... — возразилъ онъ.—Я перечувствовалъ, пережилъ... Осторожность, вы говорите... Она похвальна, но все ли можно приносить въ жертву ей? И гдѣ ручательство, что съ новою перемѣной счастья не перемѣнится вновь и m-me Дюранъ, не превратится изъ жены и друга въ обманутую надеждами страдалицу?.. Современный строй жизни безпощаденъ... всюду сотни, тысячи жертвъ... Это можетъ напугать и не m-me Дюранъ... я признаю... Но спасеніе отъ этого не въ рентѣ да осторожности, а именно въ честномъ дружескомъ единеніи, въ теплотѣ, искренности отношеній...

Прошло нѣсколько недѣль.

Заходя въ комнату нашей „concièrge“ за письмами, я нерѣдко видѣлъ адресованные Готьé красивенькіе конвертики съ готическою буквой „Д“, почему и заключалъ, что размолвка между женихомъ и невѣстой кончилась счастливо. Спрашивать Готьé о подробностяхъ мнѣ казалось неловкимъ, а самъ онъ не заводилъ рѣчи объ этомъ.

На-дняхъ, едва слышно постучавшись и тутъ же быстро

отворивъ дверь, вошелъ ко мнѣ какой-то мужчина, съ бойкими ястребиными глазами и непріятно-развязными манерами.

— Вы г. Готьé?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Значитъ, я дверью ошибся. Которая его комната?

— Вотъ, рядомъ. Но его дома нѣтъ.

— Можно мнѣ подождать у васъ?

Онъ рѣшительно не понравился мнѣ, и я сказалъ, что долженъ заниматься.

— О, я не помѣшаю вамъ!—отвѣтилъ незнакомецъ, пододвигая себѣ стулъ.

— Очень можетъ быть. Но всякому желательно находиться у себя,—замѣтилъ я.

Онъ вышелъ, не сказавъ мнѣ ни слова, и сталъ прохаживаться по корридору. Вскорѣ послышались еще чьи-то шаги. Дверь Готьé отпирали. Я вышелъ, надѣясь встрѣтить его, но наткнулся на совсѣмъ неожиданное: дверь была отворена; незнакомецъ и съ нимъ еще другой мужчина, постарше, складывали со стола бумаги въ мѣшокъ, выдвигали ящики...

Незнакомецъ постарше шмыгнулъ одна о другую ладонями, стирая съ нихъ пыль, и обратился ко мнѣ.

— Я полицейскій агентъ... Филибертъ Готьé часто не ночуетъ дома? Есть у него возлюбленная? Ссорятся они?.. — выговорилъ онъ сразу, точно по программѣ.

Я отозвался незнаніемъ, потому что дѣйствительно не зналъ за нимъ ничего подобнаго.

— Вы не можете не знать, — возразилъ незнакомецъ, — и должны говорить правду въ интересахъ правосудія.

— Это и сдѣлалъ я...

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но отвернулся и съ трескомъ отперъ отмычкой шифоньерку.

Я вернулся къ себѣ. Первою моею мыслью было, что интриги противной партіи припутали къ чему-то Готьé. Судя по времени, онъ могъ находиться еще въ редакціи, и я рѣшилъ отправиться туда, предупредить его о сдѣланномъ обыскѣ. Когда за управившимися незнакомцами хлопнула дверь подъѣзда, я тоже вышелъ.

На троттуарѣ, треща точно раззадоренная канарейка, стояла наша „concièrge“, окруженная товарками изъ сосѣднихъ домовъ.

— Monsieur Готьé арестовали!—крикнула она мнѣ.

— Какъ? Когда?!

— Съ часъ тому назадъ. Съ самаго утра сыщики у меня

въ ложѣ сидѣли. Какъ только показался онъ, такъ его взяли и отвезли къ полицейскому коммиссару...

— За что же арестовали?

— Да развѣ скажутъ *они*!

Поздно вечеромъ дверь моей комнаты распахнулась, и на порогѣ показался Готьé—блѣдный, какъ смерть, едва держащійся на ногахъ. Онъ молча опустился на диванчикъ и закрылъ руками лицо.

— Дать вамъ воды?—сказалъ я, подходя.

Онъ отнялъ руки отъ лица и проговорилъ, вмѣсто отвѣта:

— Madame Дюранъ умерла...

Мнѣ смутно почудилась связь этой вѣсти съ случившимся, но я не могъ разобраться въ мысляхъ, и лишь сказалъ:

— У васъ обыскъ былъ. Вы знаете?

— Какже... да... Я—убійца ея...

У меня руки опустились.

— Нравственный, если не физическій... Такъ, по крайней мѣрѣ, сочли меня...—добавилъ онъ.

— Какимъ образомъ?!

— Нашли ее мертвою въ постели... отравившеюся... На мое имя письмо оказалось—темное, неясное, только и позволяющее понять, что я—причина смерти... Слѣдователь убѣдился, кажется, что тутъ драма, а не преступленіе, и вотъ... отпустилъ меня... Но не все ли равно? Страшны не судъ, не тюремныя невзгоды... страшенъ вопросъ...

Онъ не кончилъ и снова закрылъ руками лицо.

— Я не знаю,—сказалъ онъ потомъ, вскинувъ вдругъ голову,—не могу въ душѣ, въ совѣсти опредѣлить ясно: привязанность ли ко мнѣ причиною тутъ, или другое... чего женщина не переноситъ, не прощаетъ никому: отвергнутая любовь, оскорбленное самолюбіе?..

Потянулось слѣдствіе. Готьé то-и-дѣло требовали на допросы, на очныя ставки. Ночи проводилъ онъ въ какомъ-то горячечномъ бреду, наполняя мансарду мучительными стонами, криками...

Спустя мѣсяцъ, слѣдствіе кончилось, и Готьé освободили отъ всякаго подозрѣнія. Изъ Латинскаго-квартала онъ перебрался на другую сторону Сены.

Мелькнулъ годъ, за нимъ—другой... Толстякъ père-Ламберъ расторговался, примкнулъ къ аристократіи букинистовъ Сенъ-Жерменскаго рынка и привольно раскинулъ свой товаръ на парапетѣ набережной Сены; старикъ Мирбель, много лѣтъ спасавшійся настоемъ ромашки отъ всевозможныхъ недуговъ, не выдержалъ и переселился на ближайшее, Монпарнасское, кладбище; поэтъ Редаръ, доведенный холодностью редакцій до совершеннаго авторскаго изступленія, умудрился выпустить на какія-то средства брошюрку, объявлявшую (не безъ основанія), что такъ превозносимыя красоты французской лиры есть только шумный звонъ (musique tintamaresque), и канулъ вмѣстѣ съ нею въ лету... Филиберта Готьé я совсѣмъ потерялъ изъ виду.

Въ одинъ пасмурный ноябрьскій день мнѣ случилось попасть въ Монмартрское предмѣстье—это историческое гнѣздо парижской прессы всѣхъ цвѣтовъ, фокусъ политики, пріютъ литературной богемы... Мнѣ надо было видѣть редактора одной газеты, къ которому имѣлъ я письмо отъ его друга-пріятеля, начинавшееся къ тому же словомъ: „Citoyen“...

По всей неопрятной деревянной лѣстницѣ, когда я отворилъ изнывшую, мокрую дверь подъѣзда, полулежали на ступенькахъ репортеры, случайные сотрудники, новички, ждавшіе каждый чего-нибудь изъ редакторскаго святилища... Наверху, у стѣнки, точно сторожа это покоившееся людское стадо, стоялъ, сложивъ руки по-наполеоновски, портьé въ фантастической истасканной ливреѣ. Я сталъ подниматься, пробираясь осторожно среди встрѣчавшихся рукъ, ногъ, головъ,—на одну, съ перепутанными сѣдоватыми космами, бывшую совсѣмъ на дорогѣ, я чуть-было не наступилъ.

Редакторъ принялъ меня немедленно. Дѣло касалось вопроса, поднятаго когда-то газетой и теперь забытаго, какъ забывается все, миновавшее свою стадію. Онъ, однако, припомнилъ, что могъ, разыскалъ даже нѣкоторые документы, а за остальнымъ адресовалъ меня къ сотруднику, черкнувъ на бланкѣ какія-то кабалистическія, по неразборчивости, слова.

Объ адресѣ сотрудника слѣдовало справиться у портьé, но онъ только улыбнулся при этомъ и посовѣтовалъ мнѣ отправиться въ кафé „Свиданіе журналистовъ“ (въ концѣ предмѣстья), гдѣ сотрудникъ „пьетъ свой абсэнтъ“...

Въ кафе, изъ самыхъ простенькихъ, усатый расторопный хозяинъ указалъ мнѣ столикъ, за которымъ сотрудникъ пишетъ обыкновенно свои статьи, но при этомъ замѣтилъ, что едва-ли явится онъ сегодня, такъ какъ окончилъ статью вчера. Я спро-

силъ себѣ кофе и сталъ присматриваться къ публикѣ. Она вся состояла изъ газетнаго люда. Одни писали, отхлебывая поминутно абсэнтъ изъ высокихъ стакановъ; другіе волновались и спорили... Противъ меня, спиною ко мнѣ, сидѣлъ человѣкъ, на голову котораго я наступилъ-было на лѣстницѣ: я узналъ его по оригинальнымъ сѣдоватымъ лохмамъ волосъ. Онъ бесѣдовалъ съ какою-то личностью, имѣвшею видъ просителя.

— Да это совсѣмъ не та дверь!—нетерпѣливо воскликнулъ онъ, тряхнувъ лохмами.

Эти слова проливали свѣтъ на всю бесѣду и на самую личность говорившаго. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ толкущимся въ предмѣстьѣ составителямъ бойкихъ замаскированныхъ рекламъ, ловкихъ объясненій, возраженій, для нуждающихся въ этомъ... Газеты берутъ за такія „сторонніе сообщенія“ десятки франковъ за строчку, отсчитывая сотруднику-доставителю копѣечный авторскій гонораръ, и, ради соблюденія редакціоннаго декорума, оперируютъ дѣйствительно черезъ „другую дверь“ въ конторѣ... Въ то же время, прозвучавшая въ хрипломъ, надорванномъ голосѣ какъ бы знакомая нотка напомнила мнѣ о чемъ-то... Я всталъ, взялъ съ сосѣдняго столика освободившуюся газету и взглянулъ въ лицо говорившему: предо мною былъ обрюзгшій и совсѣмъ неестественно состарѣвшійся Филибертъ Готьé.

— Monsieur Готьé! Вы ли это?—невольно вырвалось у меня.

Онъ отшатнулся на спинку стула, держа руки ладонями на столѣ, и пристально посмотрѣлъ на меня мутными, нездоровыми глазами.

— Боже мой! Какъ я радъ... какъ я радъ!..—проговорилъ онъ, откинувъ торопливо космы и сжимая мою руку обѣими руками.

Распростившись съ своимъ собесѣдникомъ, Готьé перешелъ со мною за столикъ въ уголкѣ и не безъ важности потребовалъ бутылку „запечатаннаго“ вина.

Отрепанное пальто съ когда-то бархатнымъ, совсѣмъ вытертымъ воротникомъ, дешевенькое кашнѣ, прикрывавшее, повидимому, отсутствіе бѣлья, показывали, что обстоятельства Готьé перемѣнились не къ лучшему... Перемѣнился онъ и самъ: характерно-мутный взглядъ, дрожавшія руки говорили о пристрастіи къ абсэнту; въ движеніяхъ, манерахъ виднѣлась какая-то неувѣренность, плохо-скрываемая подъ напускною развязностью парижанина.

— Какъ дѣла ваши?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Сотрудничаю, какъ и прежде.

— Все тамъ же?

— Гдѣ?—проговорилъ онъ, наморщивъ вдумчиво брови.

— Въ „Разсвѣтѣ“?

— Ахъ, да!.. Нѣтъ... Съ нимъ давно покончено... тогда же, послѣ этой несчастной исторіи... Я былъ оклеветанъ, осрамленъ... Противная партія выставила меня не только нравственнымъ убійцей, но „сутэнеромъ“ самымъ грязнымъ... Объявила, что я обобралъ *богачку* Дюранъ, довелъ ее до самоубійства... подтасовала каждое слово въ показаніяхъ моихъ... письмо покойницы жирнымъ шрифтомъ отпечатала на первой страницѣ...

— Но развѣ дѣло доходило до суда? Вѣдь оно у слѣдователя закончилось?—замѣтилъ я.

— Вы думаете, магистратура, почта, банкъ какой-нибудь далеки отъ партійныхъ интригъ?—грустно улыбнулся Готьé.— Стоитъ случаю на іоту какую-нибудь коснуться того, что пользуется силой въ данный моментъ, и нигдѣ никакихъ секретовъ не окажется: слѣдователь, судьи должны будутъ принять программу дѣйствій, списокъ правыхъ и виновныхъ лицъ—или выйти въ отставку.

— Положимъ... Но какое вліяніе могла имѣть клевета противной партіи на ваши отношенія къ редакціи? Вы вынуждены были бороться.

— Да, пока требовалось... Всякій вопросъ, всякая борьба интересуютъ каждую редакцію лишь постольку, поскольку пригодны они для главной цѣли... Мое дѣло было сдѣлано, программа противниковъ провалилась, и клевету обратили въ приличный предлогъ бросить меня, какъ выжатый лимонъ... Ну, да что объ этомъ!..—махнулъ онъ рукой.—Все это мишура, калейдоскопъ... милліоны мгновенныхъ, безслѣдныхъ комбинацій!.. Жизнь въ томъ и состоитъ, чтобы не задерживаться на нихъ, спѣшить къ новымъ и къ новымъ... Есть другое—что не повторяется, чего не забудешь, не замѣнишь ничѣмъ...

Онъ, морщась, опорожнилъ стаканъ, обвелъ безучастнымъ взглядомъ шумѣвшую вокругъ публику и облокотился на столикъ, приблизивъ ко мнѣ дергавшееся судорожно лицо.

— Я любилъ ее...—заговорилъ онъ,—люблю до этой минуты... первою, единственною любовью и... понимаю теперь... Да, теперь только!.. Кто-то сказалъ о Парижѣ, что это—рай чертей и адъ ангеловъ... Я скажу другое: это—пустыня съ трехмилліоннымъ безлюдьемъ!.. Надо родиться въ этой пустынѣ, пройти ее, какъ прошла *она*, вытерпѣть злость стихій, мертвя-

щій холодъ душевнаго сиротства,—и тогда рента станетъ Богомъ, осторожность—нравственнымъ кодексомъ!.. Вы понимаете меня? Да... товарищъ?!..

Онъ крѣпко сжалъ мою руку на холодномъ мраморномъ столикѣ. Въ глазахъ у него, сквозь ихъ добрый тусклый блескъ, мелькнуло что-то, болѣзненно-блѣдныя губы дрогнули... Но онъ пріосанился, откинулъ космы и принялъ равнодушный видъ.

— Пора мнѣ!—сказалъ онъ, постучавъ по столику двухфранковою монеткой.

Я хотѣлъ заплатить. Онъ остановилъ меня рѣшительнымъ жестомъ любезнаго парижанина, прибавивъ обычное: „Въ слѣдующій разъ".

— Когда же мы увидимся?—спросилъ я.

— О, я навѣщу васъ! Непремѣнно!

Солнце клонилось уже за зубчатую вершину Монъ-Валеріана, едва отражая на сгущавшемся сумракѣ слабый румянецъ. На большихъ бульварахъ закипало вечернее движеніе. Вспыхивали яркимъ свѣтомъ электрическіе фонари, стлались легкія, прозрачныя тѣни, надрывались разносчики вечернихъ газетъ; за столиками предъ кафе росло море шляпокъ и шляпъ. Готьé, надвинувъ на самыя брови свой старенькій, помятый цилиндръ и запустивъ глубоко руки въ карманы пальто, шелъ, погруженный въ думы. Въ концѣ Монмартрскаго бульвара онъ молча пожалъ мнѣ руку и исчезъ въ одной изъ темныхъ, узенькихъ улицъ.

Больше мы не встрѣчались.

II.

Въ дверь моей комнаты раздался стукъ.

— Войдите!—крикнулъ я, отрываясь отъ только-что начатой утренней газетки.

Но никто не вошелъ. Я отворилъ дверь. Въ корридорѣ, кутаясь заученнымъ пріемомъ въ моднѣйшее, несовсѣмъ приличнаго фасона манто, стояла молодая дѣвица, жившая чрезъ комнату отъ меня—моя соотечественница.

Принадлежа къ новому типу нашихъ за границей, она не столько училась, сколько старалась выигрывать всячески во мнѣніи профессоровъ, отличалась въ обращеніи самой безпощадной нецеремонностью и имѣла—если такъ можно выразиться—вывѣтрившійся внутренній міръ, основою въ которомъ была какая-

то безпричинная притаенность. При обуревавшемъ ее неудачномъ стремленіи казаться француженкой, она фатально улавливала, для подражанія, лишь образъ кокотки, въ чемъ новымъ шагомъ было эксцентричное манто, пріобрѣтенное въ одномъ изъ базаровъ Латинскаго-квартала.

Я освѣдомился, чѣмъ могу служить ей.

— Хотите помѣняться комнатою со мной?—сказала она, стягивая манто въ тальѣ и выпрямляя бюстъ.

— Чѣмъ такъ прельстила васъ моя комната, которую вы не видѣли даже?—спросилъ я.

— Это все равно!.. Мнѣ черезъ стѣнку всякіе разговоры приходится слушать.

— Какіе разговоры?

— Вотъ еще! Стану я повторять!

— Кто же такой вашъ сосѣдъ?

— Какая-то мастерица съ своимъ возлюбленнымъ.

Я согласился на мѣну, потому что всѣ квартирки въ коридорѣ поднебеснаго шестого этажа, такъ-называемыя „комната съ кухней", были совершенно одинаковы, выходили на одну и ту же коротенькую, тихую улочку Lhomond, за Пантеономъ, даже обои имѣли одинаковые.

— Вы только сегодня же, непремѣнно, очистите вашу комнату!—уже тономъ хозяйки распорядилась она.

Я обѣщалъ и это.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только затворилась дверь за возвратившеюся новою сосѣдкой моей, я услышалъ:

— Здравствуй, милочка, здравствуй!.. Ты скучалъ безъ меня? Да?..

Голосокъ былъ звонкій и мелодичный, позволявшій заключать о недурной наружности сосѣдки и нѣжномъ, привязчивомъ сердцѣ. „Возлюбленный", напротивъ, обрисовался предо мною какъ грубый, зачерствѣлый эгоистъ, потому что въ отвѣтъ на заискивающую ласковость сосѣдки я не услышалъ ни слова.

Утромъ, когда допосившійся отдаленный бой часовъ на колокольнѣ въ улицѣ Сенъ-Жака возвѣстилъ шесть, а въ окно смотрѣла еще осенняя, едва поблѣднѣвшая ночь, до меня донеслось нѣжное прощаніе сосѣдки, совѣтовавшей не скучать, быть умникомъ, на что̀ молчаливый возлюбленный также не отвѣтилъ ни слова. Онъ проспалъ, повидимому, и весь день, такъ какъ не выдалъ даже шорохомъ своего присутствія.

Начавшіяся вскорѣ занятія мои въ библіотекѣ св. Женевьевы

и обѣды внѣ дома отвлекли меня отъ дальнѣйшихъ наблюденій. Такъ протянулось съ недѣлю. Возвратившись однажды уже поздно вечеромъ, я былъ окликнутъ внизу вдовой Морò.

Дама лѣтъ пятидесяти, тучная не въ примѣръ даже самымъ благополучнымъ вдовамъ и съ почти мужскою бородкой, m-me Морò только снисходила къ своему званію, такъ какъ, по ея словамъ, была вдовой „почти чиновника“ и не получила пенсіонной табачной лавочки отъ правительства лишь потому, что съ внезапнымъ паденіемъ министерства не успѣло оформиться распоряженіе. Она ждала этого оформленія отъ каждаго новаго министра финансовъ, а пока прикрывала чернымъ стекляруснымъ токомъ верхушку жиденькой прически, носила пенснэ на румяномъ кончикѣ носа и вела знакомство съ людьми, стоявшими не ниже положенія кучера или нянюшки... Сидя теперь въ креслѣ передъ окошечкомъ своей ложи, она съ медлительною важностью выдвинула изъ него оставленную мнѣ связку книгъ.

— А это... — сказала она, прижимая къ своей красной, пышной щекѣ нѣсколько конвертиковъ, — это... Но я ужъ не знаю, просить ли васъ?..

— Что такое?

— Только-что получила съ послѣднею почтой письма въ вашъ этажъ... Но, вѣрите ли, двинуться не могу... Ноги какъ деревянныя... спину разломило совсѣмъ...

Подобные недуги случались съ вдовою Моро неизмѣнно при каждой необходимости подниматься наверхъ, особенно же по субботамъ, когда слѣдовало чистить и натирать лѣстницу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ выручала ее поденщица, а въ остальныхъ—покорность невзыскательныхъ жильцовъ...

— Напьюсь сейчасъ декокту и укутаюсь въ постели, — заключила вдова жалобнымъ голосомъ.

Доносившійся изъ ложи пріятный запахъ жарившихся бараньихъ котлетъ и виднѣвшійся на столѣ полный литръ вина свидѣтельствовали о совершенно другихъ намѣреніяхъ, но я покорился и взялся доставить письма.

Два-три письма, въ томъ числѣ и моей соотечественницѣ, я подсунулъ, какъ водится, подъ дверь, но одно заставило меня призадуматься: оно было адресовано Жаннѣ Дэвò, а рукописная карточка съ этимъ именемъ находилась на двери сосѣдки... Я рѣшилъ передать его лично.

Не дойдя еще до двери, я услышалъ уже голосокъ—на этотъ разъ строгій:

— Ахъ ты, дрянной! Говорятъ тебѣ, сиди смирно!

Я постучалъ.

— Entrez! — отвѣтилъ голосокъ.

Я вступилъ въ комнату, съ чистенькими занавѣсками на единственномъ окнѣ и съ корзинкой простенькихъ цвѣтовъ предъ нимъ. Налѣво, на столикѣ, горѣла керосиновая лампочка съ краснымъ самодѣльнымъ абажуромъ изъ папиросной бумаги, разливавшимъ таинственный полусвѣтъ; направо, у стѣны, стояла узенькая, точно дѣтская, желѣзная кровать подъ бѣлымъ вязанымъ покрываломъ. Меня встрѣтила дѣвушка—тоненькая, нѣжная, въ голубой шерстяной юбкѣ и домашней гофрированной кофточкѣ. Она была одна... по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ никого больше...

Я отрекомендовался какъ сосѣдъ и передалъ ей письмо. Она сконфуженно поблагодарила меня и сказала шутливо:

— M-me Моро опять больна? Бѣдная! Какъ она не похудѣетъ!..

Она засмѣялась, потомъ сдвинула вдумчиво тонкія бровки, взглянула на адресъ и съ недовольною миной бросила письмо на столикъ. Что-то живое, неугомонное кипѣло въ ней, несмотря на почти болѣзненную хрупкость маленькаго организма; впечатлѣнія, отвѣчая каждой мысли, такъ и скользили по ея блѣдному, необыкновенно миловидному личику.

— Это хозяйка пишетъ, — сказала она сумрачно: — вчера и сегодня я на работѣ не была... Я не могу, я устала совсѣмъ...

Она произнесла послѣднюю фразу какъ бы готовясь расплакаться, но тутъ же расцвѣла улыбкой и подвинула мнѣ соломенный стульчикъ.

— У васъ трудная работа? — спросилъ я.

Она съ комическою важностью надула губки, развела руками, не зная, что̀ отвѣтить.

— Вотъ моя работа,—указала она на бѣлый узорный кружочекъ подъ лампочкой.

Я принялъ его за вязанье, но, вглядѣвшись, увидѣлъ, что онъ—изъ бумаги.

— Какъ же вы это дѣлаете?

— Узоры есть—подушки такія изъ олова... На нихъ кладется бумага и надо бить деревянными молоточками... Вотъ такъ, вотъ такъ!..

Она показала кулачками на столѣ, какъ надо бить молоточками, и продолжала:

— Это для кондитерскихъ, конфеты въ коробкахъ покрывать, и надо очень хорошо дѣлать, чтобы каждый цвѣточекъ вырубился...

— И на сколько въ день можно сработать?

— О, франка на полтора, больше не сдѣлаешь въ день!.. За сотню только 50 сант. платятъ... И работать не трудно, когда привыкнешь, только руки не свои точно становятся потомъ и голова совсѣмъ, совсѣмъ пустая дѣлается... Ахъ, отстань! — почти крикнула она.

Я съ недоумѣніемъ обвелъ глазами комнату.

— Это я дружку моему,—сказала Жанна.—Онъ тутъ, на плечѣ, и за шею щиплетъ меня, противный!.. Пожалуйте сюда!—прибавила она, вытянувъ тоненькую, худую ручку.

Изъ-подъ шелковистыхъ каштановыхъ локоновъ выпорхнулъ чижикъ и сѣлъ, охорашиваясь, около кисти руки.

— Довольны теперь, что съ вами, а не съ другимъ говорятъ? — обратилась къ нему хозяйка.

Чижикъ пріятно пискнулъ.

— Онъ удивительно умный: каждое слово мое понимаетъ... Всегда у двери ждетъ меня... сейчасъ на плечо, раздѣться не дастъ...—стала разсказывать Жанна.—И онъ никого не боится... Вотъ, троньте его...

Я тронулъ. Чижикъ распустилъ отъ удовольствія крылышки и склонилъ на бокъ головку, уставивъ на меня бисерный глазокъ.

— Онъ различаетъ, грустна я или весела... — продолжала, воодушевляясь, Жанна.—Смотрите...

Она сдѣлала видъ, что плачетъ,—чижикъ запорхалъ предъ лицомъ у нея, пища жалобно. Она засмѣялась—онъ клюнулъ ее въ губы—поцѣловалъ...

Жанна занялась съ нимъ, какъ бы совсѣмъ забывъ обо мнѣ, усадила его на цвѣты, стала кормить хлѣбными крошками... Чижикъ пищалъ въ отвѣтъ на ласки... Жанна сіяла, хлопала въ ладоши, приплясывала передъ нимъ...

Я обратилъ вниманіе на обстановку. Изъ-подъ незатѣйливыхъ прикрасъ, созданныхъ любовью къ собственному уголку, смотрѣла вездѣ безотрадная бѣдность... Въ каминѣ не было огня; на стѣнѣ висѣла старенькая лѣтняя кофточка; въ „кухнѣ“, состоявшей изъ аршиннаго кафельнаго очага въ углу, не видѣлось даже сковородки и зеленѣла въ кружкѣ воды неполная головка салата—быть можетъ, единственное блюдо нѣсколькихъ дней... Но какою непреклонною бодростью, какимъ смѣлымъ

вызовомъ суровой судьбѣ звучали писк чижика, дѣтскій смѣхъ Жанны!..

— Какъ я рада, что нѣтъ больше этой сосѣдки-иностранки!— сказала Жанна, когда сталъ я прощаться.

— Почему рады?

— Ахъ, какая она, должно быть, нехорошая женщина!

— Вы ошибаетесь...

— Къ ней мужчины приходили по вечерамъ... — продолжала, не слушая меня, Жанна. — И если бы вы знали, о чемъ она говорила съ ними!.. Ужасно!..

— Она медицину изучаетъ, и къ ней товарищи приходятъ, —объяснилъ я.

Это объяснило ей все, какъ можно было замѣтить по мелькнувшему на лицѣ Жанны выраженію. Но съ вольностью хотя бы и медицинскихъ разговоровъ она все-таки не примирилась и воскликнула, закрывъ руками лицо:

— Ахъ, о чемъ они говорили!

III.

Въ старыхъ кварталахъ Парижа до сего времени существуетъ трогательный обычай скитальцевъ по меблированнымъ комнатамъ—оставлять будущему жильцу то, что̀ не надо въ данную минуту. Онъ такъ святъ, что его не нарушаютъ даже жадные содержатели нумеровъ, не всегда чистыя на руку консьержки, и не прикасаются ни къ чему въ комнатѣ, сколько бы она ни пустовала. Помню, какъ мнѣ, суровою зимой и при еще болѣе суровыхъ обстоятельствахъ, достались однажды такимъ образомъ въ наслѣдство—пара теплыхъ носковъ, лампочка, цѣлый мѣшокъ каменнаго угля, всякій скарбъ, не стоющій на видъ ничего, но безцѣнный для поселяющагося...

Теперь въ комнаткѣ крошечнаго отельчика въ улицѣ Buffon, близъ Ботаническаго сада, мнѣ досталось немногое — стѣнной календарь табличкой съ аккуратно отмѣченными днями скачекъ, сносный клеенчатый бюваръ, двѣ-три пришпиленныя къ стѣнѣ фотографіи каскадныхъ знаменитостей... Во многомъ теперь не было и надобности: въ воздухѣ вѣяло уже смутно-отраднымъ, куда-то влекущимъ запахомъ весны; Ботаническій садъ начиналъ „шептать“, осыпанный, точно пухомъ, яркою молоденькою листвой, и въ немъ истерично заливались птицы... А въ такое время

для парижанина, если его, какъ и волка, „ноги кормятъ“, комната почти роскошь...

Комнаты сосѣднія съ моею пустовали, и потому слѣдующею ночью я не безъ изумленія поднялся на постели, когда за стѣною раздались глухія рыданія... Рыдала, очевидно, женщина... Потомъ она стала ходить по комнатѣ...

Я не могъ больше заснуть. Когда начала закипать жизнь, я одѣлся и вышелъ.

Во дворѣ отельчика, представлявшемъ собою садикъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ чахлыхъ кустиковъ сирени да елокъ въ кадкахъ, хозяйка, вдова Бурдонъ, накачивала изъ насоса воду и заботливо поливала высаженные въ грунтъ около стѣны ноготки и анютины-глазки.

— Когда это успѣли вы отдать комнату? — обратился я къ ней.

— Она всегда была занята,—отвѣтила m-me Бурдонъ, выпрямляя свою коротенькую, шароподобную фигурку и косясь на раскрытыя жалюзи окна.—Только жилица *на дачу* отъѣзжала...— подчеркнула она съ недоброю улыбкой.

— Да? Но вѣдь совсѣмъ холодно еще.

— Изъ *депо* [1]) вчера вечеромъ вернулась... — шепнула m-me Бурдонъ, приставивъ щиткомъ пышную ручку къ красной, толстой щекѣ.

Въ тотъ же день я столкнулся съ сосѣдкой на лѣстницѣ, но она прошла совсѣмъ скорою походкой, опустивъ голову и одернувъ низко густую темную вуалетку, такъ что замѣтить можно было лишь высокій ростъ, при томъ изящно-тонкомъ сложеніи, которое характеризуется у французовъ непереводимымъ выраженіемъ „fausse-maigre“, да плавную, граціозную походку.

Я собрался-было разспросить m-me Бурдонъ подробнѣе о сосѣдкѣ, но передъ вечеромъ она сама постучалась и вошла ко мнѣ.

— Я... Анжелика Герѣнъ,—сказала она, останавливаясь у двери.—Моя комната рядомъ, а въ этой братъ мой жилъ... Я пришла... Я хочу спросить... Остались тутъ письма, карточки фотографическія?..

— Вотъ фотографическія карточки, — указалъ я на приколотыя къ стѣнѣ.

---

[1]) Dépôt—мѣсто предварительнаго заключенія, въ зданіи Conciergerie, на набережной L'Horloge.

— Нѣтъ,—отвернулась она, какъ бы съ брезгливостью отъ нихъ.—Семейныя карточки—моя, матери нашей...

— Не знаю... Впрочемъ, въ столѣ много разныхъ бумагъ; я не разбиралъ ихъ.

Она шагнула-было къ столу, но остановилась въ нерѣшительности, повертывая на пальцѣ ключъ отъ комнаты.

— Сдѣлайте одолженіе,—пригласилъ я, подвигая ей стулъ.—Пересмотрите, возьмите, что̀ угодно.

Она элегантно опустилась на стулъ, отодвинула ящикъ и стала выбирать на столъ листки, конверты, прикасаясь осторожно кончиками тонкихъ, красивыхъ пальцевъ, точно боясь пыли... Я смотрѣлъ на ея наклоненную, виднѣвшуюся мнѣ въ профиль, изящную головку съ совсѣмъ скромной, но старательной прической. На видъ, даже и при ея сумрачномъ настроеніи, ей нельзя было дать и двадцати лѣтъ. Мягкія губки, матовая блѣдность лица съ выраженіемъ какой-то нѣжной, тихой покорности, заплаканные большіе, прекрасные глаза,—все говорило объ искренней глубокой печали... Не вязались съ этимъ лишь грязненькіе нумера въ окраинной улицѣ, знакомство—быть можетъ, и не первое—съ „депо̀“... Но Парижъ богатъ всѣмъ; его неустанное колесо фортуны ежечасно тасуетъ сотни тысячъ существъ, вознося и свергая, расточая слѣпо славу и позоръ, ставя рядомъ порокъ и добродѣтель... послѣднюю даже и ниже порой...

— Вы говорите, вашъ братъ жилъ въ этой комнатѣ?—спросилъ я.

— Oui, monsieur...

Это былъ холодный, вѣжливый отвѣтъ, но онъ показывалъ, что сосѣдка и на общественной лѣстницѣ стоитъ выше окраинной публики. Дальнѣйшіе вопросы были бы уже назойливостью, и я, чтобъ не стѣснять гостью, взялся за газету.

— Вотъ его карточка,—раздался голосъ Анжелики.

Она протянула мнѣ лакированную альбомную карточку. Почти еще безусый юноша былъ разительно похожъ на Анжелику, отличаясь только мужественностью; такъ же прекрасны были глаза, та же тихая покорность виднѣлась въ чертахъ...

— Какое славное лицо!—невольно проговорилъ я.

По блѣднымъ щекамъ Анжелики разлилась краска. Она взглянула на меня довѣрчиво и какъ бы съ признательностью, потомъ отдалила отъ себя карточку брата и долго не сводила съ нея задумчивыхъ глазъ.

— Да, онъ и человѣкъ славный...—сказала она, вздохнувъ. —

Но его погубила игра... эта ужасная, всѣхъ, всѣхъ увлекающая въ Парижѣ игра.. Онъ игралъ на скачкахъ...

Я инстинктивно бросилъ взглядъ на размѣченный календарикъ на стѣнѣ.

— Онъ служилъ тутъ, въ винномъ портѣ, сейчасъ за Ботаническимъ садомъ, почему мы и жили въ этомъ краю.. Собственно мнѣ даже и нельзя было жить здѣсь... Я... (она замялась и снова вспыхнула)... Я была продавщицей въ магазинѣ на большихъ бульварахъ... Но ради брата... да и одной жить все равно было бы неудобно...

— Гдѣ же теперь вашъ братъ?

Въ глазахъ Анжелики мелькнулъ какъ бы испугъ. Она отклонилась на стулѣ и посмотрѣла на меня съ какою-то робкою пытливостью.

Я поспѣшилъ извиниться.

— Нѣтъ... я... Это невольно, и вы простите меня... мнѣ подумалось...—заговорила она, конфузясь совсѣмъ и едва сдерживая слезы.—Я именно не знаю, гдѣ мой братъ, и это сдѣлалось новымъ несчастіемъ для меня... Онъ уѣхалъ почти мѣсяцъ тому назадъ... Мнѣ онъ сказалъ, что отправляется на югъ, по дѣламъ, а въ бюро взялъ отпускъ на родину—въ Гавръ... Оказалось, что онъ проигрался на мартовскихъ скачкахъ въ Отёйлѣ, сдѣлалъ растрату въ бюро... Я узнала объ этомъ только недѣлю тому назадъ, когда меня вызвали къ слѣдователю... Я такъ и сказала на допросѣ, что не знаю, гдѣ мой братъ... Онъ игралъ на скачкахъ, нуждался въ деньгахъ... я отдала ему всѣ свои... Вотъ что я показала... Но мнѣ не повѣрили и... и...

Она закрыла руками лицо, потомъ торопливо достала платокъ и утерла слезы.

— Меня арестовали... да... Я чуть съ ума не сошла...

Искреннее, глубокое страданіе слышалось въ каждомъ ея словѣ. Она поблѣднѣла до мертвенности, сдерживая подступавшія къ горлу спазмы.

— Что-жъ особеннаго въ томъ, что васъ арестовали?—сказалъ я, стараясь утѣшить ее.—Это формальность,—правда, тяжкая, горькая... Но... зачѣмъ же грустить, разъ миновала бѣда?..

— Да, конечно... я понимаю...—отвѣтила Анжелика.—Но я безъ мѣста осталась... опозоренная... Здѣсь хозяйка не знаю чего наговорила посланному, а отъ слѣдователя сыщики были... Изъ Conciergerie я отправилась прямо въ магазинъ, а меня и до бюро не допустили...

— Напишите, объясните, что вы оправданы...

— Все равно... Мѣсто занято, надо другое искать...

Она встала, собравъ бумаги и прижавъ ихъ къ груди. Я, вопреки правиламъ французской вѣжливости, первый протянулъ ей руку; она подала мнѣ свою—холодную, дрожавшую...

Прошло съ мѣсяцъ. Каждое утро, едва начинала просыпаться улица, я слышалъ, какъ Анжелика уходитъ. Возвращалась она къ вечеру и запиралась у себя на ключъ.

Сходя однажды утромъ съ лѣстницы, я бросилъ взглядъ внизъ и увидѣлъ Анжелику: она стояла въ вестибюлѣ, у стѣны, одѣтая совсѣмъ бѣдно, исхудавшая; передъ нею m-me Бурдонъ, съ раздраженно пылавшими щеками, ревизовала небольшой чемоданчикъ, встряхивая и разглядывая на свѣтъ всякія принадлежности женскаго туалета... Я понялъ, что Анжелика не нашла мѣста, что ей отказано, за неплатежъ, отъ комнаты и берется ея имущество, служащее по закону обезпеченіемъ квартирной платы...

Проходя, я поклонился Анжеликѣ, но она не замѣтила этого, какъ, вѣроятно, не замѣчала и всего, совершавшагося передъ нею...

Когда я возвратился, m-me Бурдонъ наслаждалась уже въ креслѣ, у входа, весеннимъ воздухомъ, занятая чтеніемъ кровопролитнаго романа и окруженная всѣмъ своимъ штатомъ—облѣзшею канарейкой въ клѣткѣ, попугаемъ на стойкѣ, жирнымъ, вѣчно неподвижнымъ котомъ у ногъ.

— Съѣхала моя сосѣдка?—началъ я разговоръ.

— Еще бы, когда я congé дала ей!.. [1])—отозвалась m-me Бурдонъ, закрывъ книжечку и заложивъ пальцемъ страницу. — За двѣ недѣли должна осталась!

— Но вѣдь вы обезпечены?

Пышныя щеки m-me Бурдонъ запылали пожаромъ, коротенькія руки нервно стиснули книжечку.

— Обезпечена! —воскликнула она.—Посмотрѣли бы вы, что это за обезпеченіе!.. Тряпки,—старьевщикъ не позарится на нихъ! Все, все перетаскала да попродала!.. только въ юбкѣ да кофточкѣ осталась... Увѣряла, что въ пансіонѣ обѣдаетъ, мѣста съ часу на часъ ждетъ... А вышло, что отказы вездѣ получала, въ Ботаническомъ саду обѣденное время просиживала... Избави Богъ отъ такихъ жильцовъ!

---

[1]) Отказъ отъ квартиры, обязывающій выѣхать къ опредѣленному сроку.

Наступилъ іюнь. Садикъ отельчика, мало-по-малу опушившійся листвой, зеленѣлъ и благоухалъ. M-me Бурдонъ съ своимъ штатомъ и романами переселилась совсѣмъ подъ ближайшій кустикъ сирени и вела тамъ по утрамъ доносившіеся ко мнѣ черезъ окно, горячіе споры съ хлѣбникомъ, молочницей, мясникомъ, любимыя бесѣды съ сосѣдками, разносившими всякія вѣсти и новости...

Однажды послышался мнѣ какъ бы знакомый голосъ. Я подошелъ къ окну: предъ m-me Бурдонъ, чистившей у стола картофель и бросавшей его въ ведерко съ водой, стояла Анжелика, въ простой черной соломенной шляпкѣ съ полинявшими коленкоровыми цвѣтами и какомъ-то отрепанномъ подобіи накидки.

— ...Ну, меня и выписали, какъ выздоравливающую, а я совсѣмъ слаба, ходить почти не могу... — говорила она. — Въ мэріи мнѣ объяснили, что для выздоравливающихъ полагаются особые дома, за городомъ; но гдѣ они и какъ поступить туда, я ни отъ кого не могу добиться...

Картофелина булькнула въ воду. M-me Бурдонъ отерла ножикъ о бѣлый фартукъ, покрывавшій ея круглый животъ, и обратила глаза на говорившую.

— Все это очень печально, моя милая... очень печально...— проговорила она, приподнимая вздохомъ складки ночной кофты на пышной груди.—Но при чемъ, собственно, тутъ я?

— Вы ничего не потеряете, madame... Даю вамъ честное слово!.. Я заплачу за комнату... и за то время, когда не жила, заплачу...

— Чѣмъ же вы заплатите?

— Я мѣсто получу...

— Вы уже давно говорите это...

M-me Бурдонъ взяла со стола другую картофелину, дунула на нее для чего-то, потомъ шмыгнула ею по фартуку, и принялась чистить, спуская умѣло длинную, непрерывную ленточку кожи.

— На нѣсколько дней, madame... нѣсколько дней... пока я поправлюсь немного...—раздался дрогнувшій голосъ Анжелики.

— У меня не отдаются комнаты по днямъ.

— Вѣдь моя, все равно, пустуетъ...

— А къ вечеру можетъ быть занята.

— Боже мой!.. Что же мнѣ дѣлать?

— Идите въ другую больницу.

Все вниманіе m-me Бурдонъ сосредоточилось на картофелинѣ;

губы плотно и рѣшительно сжались. Анжелика постояла, подумала и побрела неровными шагами за ворота.

Въ предмѣстьѣ Сенъ Денй—налѣво, если ѣхать къ Сѣверному вокзалу,—находится огромное мрачное зданіе, окруженное высокою чугунною рѣшеткой и какъ-то зловѣще смотрящее своимъ чернымъ треугольнымъ фронтономъ... Это зданіе—тюрьма Сенъ Лазàръ, такъ называемая „Бастилія женщинъ". Туда же заключаются виновныя и отправляются для пользованія больныя проститутки.

Его населеніе, то-и-дѣло прибывающее и убывающее, никогда не бываетъ меньше тысячи человѣкъ. Каждый день—въ 9 ч. утра и 6 вечера—огромный закрытый фургонъ, запряженный парою мощныхъ, слонообразныхъ першероновъ, въѣзжаетъ за рѣшетку, доставляя новыхъ обитательницъ, а на встрѣчу ему выѣзжаетъ такой же фургонъ съ освобождаемыми.

Тѣ изъ падшихъ, которыя были въ отдѣленіи исправительномъ или призывались только для освидѣтельствованія, выпускаются черезъ особый ходъ. Ихъ обыкновенно встрѣчаютъ являющіеся къ тюремной рѣшеткѣ „друзья", извѣстные вообще подъ именемъ Альфонсовъ или сутэнеровъ,—типичные молодцы въ черныхъ шолковыхъ картузахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, и съ неразлучными коротенькими трубками въ зубахъ.

На одну изъ такихъ встрѣчъ натолкнулся свѣтлымъ осеннимъ утромъ и я, попавъ въ улицу Сенъ-Денй.

Отъ рѣшетки тюрьмы, черезъ площадку, тянулись парочки—то развязно-веселыя, то сумрачныя, съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ... Одна изъ нихъ обогнала меня. Высокую женщину, въ смятой шолковой юбкѣ цвѣта feuille-morte" и чудовищной шляпѣ съ топырившимся перомъ, велъ подъ-руку кряжистый, широкоспинный мужчина съ красною шеей и короткими завитками рыжихъ, напомаженныхъ волосъ. Они шли совсѣмъ близко передо мною, такъ что мнѣ чувствовался отвратительный запахъ дешеваго французскаго табаку изъ трубки...

— Пустите!.. Не пойду... не хочу!..—послышался хриплый, удушливый голосъ женщины.

Я взглянулъ на нихъ, и только тутъ замѣтилъ, что мужчина тащитъ женщину за собою, прижавъ къ себѣ локтемъ, точно тисками, ея руку.

Женщина рванулась, но локоть мужчины даже не дрогнулъ, и онъ продолжалъ шагать съ самымъ беззаботнымъ видомъ, бро-

сая лишь ей какія-то отрывочныя фразы да сплевывая въ сторону.

Передъ открытымъ пролетомъ одной дешевой кухмистерской, которыми такъ богата эта узкая и неопрятная улица, мужчина грозно прикрикнулъ на женщину и толкнулъ ее предъ собою туда. Она отскочила въ сторону и прижалась къ стѣнѣ.

Мужчина кинулся къ ней и схватилъ ее за руку. Его темное, точно бронзовое лицо исказилось, глаза загорѣлись, какъ у волка. Стараясь высвободить руку, женщина крикнула:

— Пустите!.. Знать васъ не хочу!

— Что вамъ надо отъ этой дамы? Почему вы пристаете къ ней?—вступился проходившій господинъ.

— Вамъ какое дѣло? Она должна идти со мною,—нагло отвѣтилъ мужчина.

Вокругъ мгновенно образовалась толпа. Съ противоположнаго троттуара двинулись двое полицейскихъ. Мужчина грубо выругался и исчезъ. Женщина растерянно озиралась, потирая руку.

— Что съ вами случилось?—обратился къ ней одинъ изъ полицейскихъ.

— Ничего...—отвѣтила она, стараясь принять бодрый видъ.

— Почему же толпа собралась?

— Я не знаю... я ни въ чемъ невиновата....

— Гдѣ вы живете?

— Я еще не успѣла... я...—начала женщина, вся дрожа.

Полицейскій окинулъ ее быстрымъ, привычнымъ взглядомъ, отстранилъ рукою лѣзшаго впередъ уличнаго мальчишку и двинулся съ своимъ товарищемъ дальше. Толпа такъ же мгновенно растаяла, какъ собралась. Женщина отдѣлилась отъ стѣны, потирая руку, и остановилась—не зная, видимо, въ какую сторону направиться. Я вглядѣлся въ нее. Большіе прекрасные глаза, выраженіе кроткой покорности на печальномъ, увядшемъ лицѣ напомнили мнѣ Анжелику...

— Вы mademoiselle Герѣнъ, если не ошибаюсь?—сказалъ я, подходя къ ней.

Она выпрямилась и внимательно посмотрѣла на меня, отводя медленно рукою прядь волосъ, выбившуюся изъ-подъ шляпы.

— Я не знаю васъ,—проговорила она.

— Вы жили въ улицѣ Buffon... были у меня, за бумагами брата...—напомнилъ я.

Она опустила глаза, подумала и проговорила тихимъ голосомъ:

— Я очень несчастна...

— Несчастныхъ всегда больше, чѣмъ счастливыхъ...—сказалъ я, стараясь быть привѣтливымъ.—Удивительнаго нѣтъ въ этомъ... Вы позволите мнѣ пройти немного съ вами? Вамъ въ какую сторону?

Она смущенно оглянулась, потерла снова руку и молча повернула въ коротенькій проходъ „Désir", ведущій къ бульвару Маджента.

На бульварѣ мнѣ попалась на глаза небольшая, чистенькая rôtisserie. Мнѣ нравился этотъ приличный типъ парижскихъ закусочныхъ—съ простотой обстановки, правильными цѣнами, съ пылающимъ тутъ же опрятнымъ очагомъ...

— Зайдемте,—обратился я къ Анжеликѣ.—Скоро уже полдень, мы позавтракаемъ, поговоримъ.

Блѣдное лицо ея зардѣлось. Она встряхнула свою пеказистую юбку, натянула потуже старенькія шолковыя перчатки и—какъ требуютъ этого приличія при входѣ дамы въ публичное мѣсто—взяла меня подъ-руку, принявъ тотъ степенный видъ, который зовется у французовъ: matrimonial.

Мы помѣстились наверху, въ одной изъ уютныхъ загородочекъ съ узорными матовыми стеклами, клеенчатыми скамьями и бѣлымъ мраморнымъ столикомъ. За 75 сант. намъ приготовили яичницу съ зеленью, дали за 1 фр. свѣжую рыбку подъ соусомъ и за такую же цѣну изжарили осьмушку жирнаго осенняго гуся.

Играя, по обычаю, роль хозяйки, Анжелика, съ умѣньемъ и веселостью истинной парижанки, распоряжалась за столикомъ, наливала вино, готовила салатъ... Ея оживившееся истомленное лицо рдѣло яркимъ на скулахъ, нехорошимъ румянцемъ, глаза лихорадочно искрились... Неожиданная смѣна впечатлѣній, видимо, волновала ее, и она какъ бы торопилась разсѣяться, упиться хотя бы минутнымъ забвеніемъ того, что̀ ждало ее за порогомъ уютной загородочки...

— А что̀ сталось съ вашимъ братомъ?—спросилъ я, когда подали намъ кофе.

Лицо Анжелики снова отуманилось.

— Я ничего не слыхала о немъ,—отвѣтила она.—Я... мои обстоятельства такъ сложились, что пришлось потерять изъ виду всѣхъ родныхъ... Послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись, я была больна, очень больна... и когда поправилась, — мнѣ не

на что было даже одѣться сносно, чтобъ идти искать мѣста... Надо было коротать гдѣ день, гдѣ ночь, думать только о кускѣ хлѣба... Ну... и я *сгорѣла*!..

Это былъ, очевидно, терминъ какого-то жаргона, но онъ такъ мѣтко, ярко охарактеризовывалъ судьбу не одной только Анжелики, что у меня пробѣжала дрожь по тѣлу...

— Хотите ликеру съ кофе?—сказалъ я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, благодарю... Я не... мнѣ не велѣно: у меня кашель по ночамъ...

Когда мы вышли, я сказалъ, прощаясь съ Анжеликой:

— Послушайте, возьмите у меня немного денегъ...

Она молча потупилась. Я взялъ ея руку и опустилъ за перчатку все, что̀ оставалось у меня отъ размѣненной десятифранковой монетки. Мы стояли подъ развѣсистымъ, уже пожелтѣвшимъ каштаномъ; Анжелика наклонилась, крѣпко пожала мнѣ руку и быстро, не оглядываясь, пошла по бульвару...

Но куда??..

Н. Сѣверовъ.

ВНѢШКОЛЬНОЕ
ПРОСВѢЩЕНІЕ НАРОДА
ВЪ
ГЕРМАНІИ

Очерки и замѣтки.

I.

Мы—въ Познани. Большой залъ въ „Apollo-Theater“ биткомъ набитъ. Здѣсь собрались учителя, пасторы, купцы, образованные горожане. По одеждѣ нѣкоторыхъ можно судить, что они пріѣхали изъ маленькихъ городовъ или деревень. Предсѣдательское мѣсто на трибунѣ занимаетъ депутатъ Риккертъ, популярный вожакъ свободомыслящихъ въ рейхстагѣ и ландтагѣ. Рядомъ съ нимъ—почетные гости: оберъ-президентъ провинціи Познани, баронъ фонъ-Виламовицъ-Меллендорфъ, мѣстный оберъ-бургомистръ Виттингъ, ректоръ Дрисперъ и другія лица. Хоръ, составленный изъ мѣстныхъ учителей, поетъ вступительную кантату. Наконецъ, предсѣдатель Риккертъ объявляетъ двадцать-девятый съѣздъ „Общества для распространенія въ народѣ просвѣщенія“ открытымъ. Въ своей вступительной рѣчи онъ упоминаетъ о томъ, что въ прошломъ году очередной съѣздъ также состоялся въ одномъ изъ городовъ восточныхъ провинцій, такъ какъ именно здѣсь въ послѣдніе годы насажденіе нѣмецкой куль-

туры ведется съ особой интенсивностью. Но государство не можетъ взять на себя всей культурной работы, предстоящей въ восточныхъ провинціяхъ, а потому на помощь ему должны придти всѣ образованныя и состоятельныя лица. Школа является, конечно, главнымъ разсадникомъ культуры; но кромѣ школы необходимы и другіе просвѣтительные институты, а ихъ организацію и учрежденіе беретъ на себя „Общество". Само собой разумѣется, „Общество" будетъ насаждать въ восточныхъ провинціяхъ нѣмецкую культуру, нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе обычаи, но „Общество" стоитъ въ сторонѣ отъ какой-либо политической или религіозной борьбы. Въ заключеніе, ораторъ въ краткихъ словахъ очерчиваетъ дѣятельность „Общества" за истекшій годъ.

Это „Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung" было основано еще въ 1871 г., вскорѣ по окончаніи франко-прусской войны, когда, послѣ быстрой смѣны одного военнаго тріумфа другимъ, нѣмцы были упоены своими военными успѣхами и своимъ объединеніемъ. Въ это время обратилась къ публикѣ группа ученыхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей съ горячо написаннымъ воззваніемъ, въ которомъ говорилось о необходимости дальнѣйшаго культурнаго развитія страны, о необходимости дать народу болѣе широкія познанія и свѣдѣнія, нежели тѣ, какія ему даетъ народная школа, и способствовать его умственному и нравственному развитію, дабы онъ могъ выполнить задачи, возложенныя на него новымъ государственнымъ строемъ. Эта же группа лицъ, среди которой находились профессора Вирховъ и Гнейстъ, д-ръ Гиршъ, д-ръ Гаммассеръ, Сименсъ, Шульце-Деличъ, Микель (нынѣшній министръ финансовъ) и нѣкоторые другіе, организовала названное выше Общество, выработала его статуты и такъ формулировала его цѣли и задачи: 1) оказаніе помощи отдѣльнымъ образовательнымъ „ферейнамъ" деньгами и совѣтами; 2) устройство народныхъ чтеній и публичныхъ курсовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи и отправка лекторовъ для чтенія ихъ; 3) устройство народныхъ библіотекъ, читаленъ и школъ для продолженія образованія; 4) изданіе образцовыхъ каталоговъ книгъ и печатнаго органа Общества; 5) разборъ относящихся къ народному образованію вопросовъ на публичныхъ собраніяхъ и ежегодныхъ съѣздахъ; 6) объединеніе „ферейновъ" и организацій, цѣлью которыхъ является подъемъ уровня народнаго образованія; 7) изданіе и распространеніе книгъ, могущихъ дать толчокъ умственному и нравственному развитію народа, и 8) пробужденіе интереса къ прогрессивному развитію народной школы и къ ея задачамъ.

„Образовательные ферейны“ (Bildungsvereine), о которыхъ говорится въ 1-омъ и 6-омъ пунктахъ, появились въ Германіи вскорѣ послѣ освободительныхъ войнъ 1814-го года, но дѣятельность ихъ была ничтожной, да и германскія правительства проявляли къ нимъ мало симпатіи. Начиная съ 1830 г., впервые появились въ Саксоніи, Ганноверѣ и Нассау такъ-называемые „Gewerbevereine“, которые въ слѣдующемъ десятилѣтіи распространились по всей сѣверной Германіи,—также подъ названіемъ „Handwerkervereine“. Число ферейновъ, преслѣдовавшихъ образовательныя цѣли, значительно увеличилось послѣ событій 1848 г. Они носили либерально-политическую окраску, и германскія правительства ставили имъ на пути рядъ непреодолимыхъ препятствій. Большой берлинскій „Handwerkerverein“ былъ даже распущенъ правительствомъ. Такъ-называемые „Arbeiterbildungsvereine“ пошли за Лассалемъ. „Гумбольдтовскіе“ ферейны, явившіеся слѣдствіемъ пропаганды „Космоса“, занимались исключительно естествовѣдѣніемъ и влачили жалкое существованіе. Это было въ шестидесятыхъ годахъ. Въ семидесятыхъ, уже послѣ основанія, въ 1871 г., „Общества“, образовательные ферейны существовали въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ, но дѣятельность ихъ всѣхъ стала особенно плодотворной только послѣ того, какъ они всѣ были объединены и руководились одними и тѣми же основными принципами. И какъ это ни странно, но объединяющее эти мелкіе ферейны „Общество“ сначала развивалось очень слабо. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ существованія „Общества“ число его членовъ было немногочисленно, и дѣятельность его была невелика. Въ 1887 году въ составъ „Общества“ входили уже 764 мелкихъ ферейна, кромѣ 2.830 отдѣльныхъ членовъ; чрезъ десять лѣтъ число мелкихъ ферейновъ увеличилось до 1.270, а число отдѣльныхъ членовъ—до 3.286. Въ своей вступительной рѣчи на послѣднемъ съѣздѣ депутатъ Риккертъ сопоставилъ цифры за 1889 г. и текущій: десять лѣтъ назадъ, къ организаціи принадлежали 792 мелкихъ ферейна, а теперь ихъ 1.543, при чемъ число рабочихъ ферейновъ повысилось съ 23 до 72, образовательныхъ—съ 91 до 264, купеческихъ—съ 43 до 83, учительскихъ—съ 11 до 107, ферейновъ чиновниковъ—съ 13 до 42, „Gewerkvereine“—съ 27 до 60 и, наконецъ, число магистратовъ, общинъ, школъ и церквей—съ 3 до 174. Число отдѣльныхъ членовъ увеличилось за тотъ же промежутокъ только лишь на триста человѣкъ. Что касается доходовъ „Общества“, то въ 1896 г. они составляли 40.600 мар., въ 1897 г.—50.500 мар. и въ 1898 г.—также свыше

пятидесяти тысячъ марокъ. Основной капиталъ „Общества“ достигъ теперь суммы въ 360.000 марокъ, главнымъ образомъ благодаря пожертвованію покойнаго берлинскаго рантьé Поля де-Куври. Наконецъ, когда, три года назадъ, „Общество“ праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія, правительство назначило ему ежегодную субсидію въ 3.000 мар. Расходы „Общества“ выразились, еще два года назадъ, суммой въ 36.000 мар., а въ прошломъ году истрачено было уже 67.000 мар.

II.

Переходя къ дѣятельности Общества, отмѣтимъ раньше всего, что ферейнами, входящими въ составъ его, устраивается въ послѣднее время ежегодно около 12.000 народныхъ чтеній. Число посѣтителей каждаго изъ народныхъ чтеній зависитъ, конечно, отъ числа членовъ мѣстнаго, устраивавшаго ихъ ферейна, и отъ интереса къ нимъ со стороны публики, но въ маленькихъ городахъ можно наблюдать сплошь и рядомъ такое явленіе: мѣстная аудиторія—большей частью, самый большой залъ при ресторанѣ—не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на народное чтеніе; въ деревняхъ происходитъ то же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ. Является, конечно, вопросъ: имѣютъ ли всѣ мелкіе ферейны достаточно средствъ для приглашенія опытнаго и даровитаго лектора, и находятся ли повсюду люди, берущіе на себя чтеніе лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ? Конечно, нѣтъ; но центральное „Общество“ приходитъ всегда на помощь мелкимъ ферейнамъ. Имъ организованъ особый институтъ такъ-называемыхъ „странствующихъ ораторовъ“ (Wanderredner), которые постоянно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто и читаютъ рефераты и лекціи. Конечно, приняты всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы лекторы находили готовую ихъ слушать аудиторію и чтобы ферейны могли приглашать того лектора, послушать котораго они желаютъ. Такъ, разсылкой лекторовъ завѣдуетъ не только центральное „Общество“, но и всѣ крупныя развѣтвленія его (ихъ тринадцать); издаются списки готовыхъ къ услугамъ ферейновъ лекторовъ и разработаны программы отдѣльныхъ народныхъ чтеній и цикловъ лекцій. Израсходовано было центральнымъ Обществомъ на устройство народныхъ чтеній въ 1896 г.—8.700 мар., въ 1897 г.—9.500 мар. и въ 1898 г.—около 10.000 мар., при чемъ въ теченіе послѣдняго года центральнымъ „Обществомъ“ покрыты

расходы по устройству только 170 народныхъ чтеній во всѣхъ частяхъ Германіи. Всѣ остальныя народныя чтенія были устроены мелкими ферейнами самостоятельно или на счетъ провинціальныхъ союзовъ (ихъ одиннадцать). Въ послѣдніе годы на ряду съ народными чтеніями устраиваются и музыкальные вечера, особенно часто въ деревняхъ и маленькихъ городахъ, гдѣ нѣтъ театра и гдѣ не бываетъ концертовъ. Центральное „Общество“ издало спеціальную, выдержавшую нѣсколько изданій, брошюру „Die Volksunterhaltungsabende“, въ которой разъясняетъ, какъ нужно устраивать подобные вечера и по какой программѣ, а также указываетъ руководителямъ ферейновъ на крупное значеніе этихъ вечеровъ для развитія народа. Опытъ показалъ, что музыкальные вечера привлекаютъ бо́льшій контингентъ слушателей, нежели предшествующія имъ народныя чтенія. Такъ или иначе, но д-ръ Польмейеръ, странствующій ораторъ „Общества“, передавалъ на прошлогоднемъ съѣздѣ, что онъ могъ констатировать всюду, гдѣ онъ ни бывалъ, повышеніе интереса къ народнымъ чтеніямъ со стороны мѣстнаго населенія.

Прекрасно поставлено также и дѣло устройства „Обществомъ“ народныхъ библіотекъ и читаленъ при нихъ. Такъ, за все время своей дѣятельности по 1896 г. „Общество“ устроило въ различныхъ мѣстахъ Германіи 382 народныхъ библіотеки съ 13.548 книгами въ нихъ, пріобрѣтенными за деньги или полученными въ даръ. Быстрый ростъ „Общества“ за послѣдніе три года привелъ къ тому, что въ 1896—97 гг. основаны были имъ 371 новая библіотека съ 17.256 книгами въ нихъ. Въ 1896 г. израсходовано было „Обществомъ“ на народныя библіотеки еще только 4.600 мар., въ 1897 г.—6.200 мар., а въ прошломъ году—уже 21.722 мар. Такое повышеніе расходовъ на библіотеки возможно было лишь потому, что императоръ, какъ сообщилъ на послѣднемъ съѣздѣ депутатъ Риккертъ, предоставилъ въ распоряженіе „Обществу“ 3.000 мар. изъ особыхъ фондовъ, а изъ государственныхъ фондовъ поступило 6.000 мар. Кромѣ того, депутатъ Зейффартъ пожертвовалъ „Обществу“ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ почти 43.000 мар. спеціально на устройство библіотекъ, а одинъ берлинскій издатель—1.500 мар. на устройство ихъ въ Познани. Изъ своихъ собственныхъ средствъ истратило „Общество“ на устройство библіотекъ въ прошломъ году 12.000 мар. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ „Обществу“ подарено было частными лицами 36.055 книгъ. Очень многіе нѣмецкіе книгопродавцы подарили и дарятъ теперь „Обществу“ большое число книгъ и изданій для народа; другіе

дѣлаютъ значительныя уступки или облегчаютъ „Обществу“, тѣмъ или инымъ путемъ, закупку необходимыхъ книгъ у издателей. Конечно, среди книгъ, получаемыхъ „Обществомъ“ въ даръ, имѣется очень много неумѣстныхъ для народной библіотеки. Секретари „Общества“ внимательно сортируютъ полученныя книги, часть которыхъ разсылается работящимъ молодымъ людямъ. Нѣкоторыя книги посылаются въ послѣднее время учителямъ при народныхъ или такъ-называемыхъ „дополнительныхъ“ (Fortbildungsschulen) школахъ; эти библіотечки предназначаются отчасти для учителей, отчасти для учениковъ, при чемъ учителя уже заботятся о толковомъ и болѣе или менѣе систематическомъ прочтеніи присланныхъ книгъ ихъ воспитанниками. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ „Общество“ разослало различнымъ образовательнымъ и просвѣтительнымъ институтамъ 41.622 книги. При устройствѣ народныхъ библіотекъ центральное „Общество“ придерживается того принципа, что успѣхъ библіотекъ и читаленъ заключается не въ большомъ числѣ ихъ, но въ степени интереса къ нимъ со стороны мѣстнаго населенія. Поэтому „Общество“ стремится по возможности рѣже посылать готовыя библіотечки народному учителю или мѣстному пастору. Наоборотъ, „Общество“ старается чрезъ своихъ агентовъ и членовъ, прежде всего, пробудить среди жителей данной мѣстности интересъ къ чтенію, вообще, и къ организаціи маленькаго читальнаго клуба, Lesevereiп'а. Какъ только подобный клубъ основанъ, „Общество“ присылаетъ библіотечку, которая передается въ вѣдѣніе общины или организовавшагося клуба. Въ деревни присылается, обыкновенно, пятьдесятъ книгъ, въ маленькіе города—сто томовъ. Опытъ показалъ, что читальные клубы относятся къ своимъ маленькимъ книжнымъ сокровищамъ весьма бережно и ревниво и заботятся объ увеличеніи и пополненіи ихъ; при этомъ ферейны обращаются не только къ книгопродавцамъ, но и къ центральному „Обществу“. Послѣднее выпустило образцовый, выдержавшій уже шесть изданій, каталогъ народныхъ библіотекъ и нѣсколько брошюръ, въ которыхъ имѣются правила организаціи народныхъ библіотекъ и управленія ими, а также указываются способы увеличенія книжнаго богатства. На основаніи указанныхъ правилъ, ферейны обращаются за книгами непосредственно къ центральному „Обществу“, которое высылаетъ заказанныя книги изъ своего обширнаго склада, на самыхъ льготныхъ условіяхъ, конечно. Обыкновенно, читальный клубъ вмѣстѣ съ сельской общиной тратитъ ежегодно отъ 12 до 25 мар. на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ, и въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ деревенская библіотечка увеличивается вдвое или втрое. То же самое замѣчается въ маленькихъ городахъ, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ среднихъ и большихъ городахъ „Общество“ не устраиваетъ народныхъ библіотекъ на свой счетъ, но приходитъ охотно на помощь—совѣтомъ и указаніями общинамъ и мѣстнымъ, входящимъ въ составъ „Общества“, ферейнамъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, поднятъ былъ вопросъ о передачѣ одной общественной библіотеки (въ г. Бромбергѣ) въ вѣдѣніе города, вслѣдствіе ея матеріальной необезпеченности. Но только при томъ условіи,—замѣтилъ на это депутатъ Рикертъ,—если въ кругу членовъ магистрата есть интересъ къ данной народной библіотекѣ, и если магистратъ готовъ охотно принять эту библіотеку подъ свое покровительство и заботиться о дальнѣйшемъ развитіи ея. Отъ недостаточно обезпеченныхъ библіотекъ и читаленъ поступаютъ въ „Общество“ постоянно просьбы о поддержкѣ, на ряду съ просьбами объ основаніи новыхъ библіотекъ, но „Общество“, стараясь по возможности удовлетворить всѣхъ, вынуждено было отвѣтить отказомъ за послѣднее время на 334 просьбы, какъ изъ-за недостатка средствъ, такъ и изъ нежеланія измѣнять разъ принятымъ принципамъ.

„Общество“ издаетъ свой спеціальный органъ: „Der Bildungsverein“ (29-й годъ изданія), съ особымъ, посвященнымъ спеціально нуждамъ народныхъ библіотекъ, приложеніемъ: „Die Volksbibliothek“, на столбцахъ котораго даются также отзывы о новыхъ книгахъ. Съѣзды „Общества“ устраиваются аккуратно ежегодно, и, въ видахъ пропаганды, каждый разъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни широка и плодотворна дѣятельность „Общества“, ему предстоитъ еще не мало поработать, пока каждый маленькій городокъ и каждая деревня будутъ имѣть свою библіотеку съ читальней, свою аудиторію и своего лектора. Остается еще не мало поработать и въ дѣлѣ объединенія всѣхъ безъ исключеній образовательныхъ ферейновъ. Тѣ ферейны, которые носятъ не только образовательный, но и политическій характеръ, не примыкаютъ къ центральному „Обществу“. Рабочіе образовательные ферейны въ Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ, цѣль которыхъ не только образованіе ихъ членовъ, но и взаимная поддержка, организовали свой особый союзъ. Рядъ другихъ ферейновъ объединился, въ 1879 г., въ „Германскій союзъ ферейновъ для народныхъ чтеній“; начало этому союзу положили въ 1876 году шесть купеческихъ ферейновъ, поставившіе своей задачей не только взаимопомощь, но и развитіе своихъ членовъ. Въ настоящее время этотъ союзъ объединяетъ уже свыше

200 ферейновъ, громадное большинство которыхъ—купеческіе (Kaufmännische Vereine), съ 110.000 членовъ въ нихъ. Союзъ устраиваетъ ежегодно генеральныя собранія, на которыхъ устанавливается, гдѣ, когда и кѣмъ за время отъ ближайшаго октября по апрѣль будутъ прочитаны публичныя лекціи; за все же время существованія „Союза“ было прочитано около 1.000 подобныхъ лекцій, главный контингентъ слушателей которыхъ были купцы, приказчики, служащіе въ магазинахъ и банкахъ и т. д.

III.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія. Въ то время какъ въ другихъ странахъ печать еще безпрестанно указываетъ на трудности, съ которыми сопряжена организація какого-либо общества съ просвѣтительными цѣлями, и на проволочки, коими сопровождается каждый разъ разрѣшеніе или, еще чаще, отказъ въ разрѣшеніи устроить въ томъ или другомъ мѣстѣ народныя чтенія,—въ Германіи достаточно одного письменнаго заявленія мѣстному органу полиціи о совершившейся уже организаціи образовательнаго ферейна или о предстоящемъ народномъ чтеніи. Не входя въ разсмотрѣніе, кто прочтетъ лекцію для народа и каково будетъ ея содержаніе, мѣстный органъ полиціи освѣдомляется лишь, достаточно ли обширна указанная въ заявленіи аудиторія и не представляетъ ли опасности скопленіе въ ней народа въ случаѣ пожара, а затѣмъ выдаетъ удостовѣреніе въ томъ, что извѣщеніе о предполагаемомъ народномъ чтеніи или объ организаціи образовательнаго ферейна имъ получено. Кромѣ того, въ то время какъ у насъ, въ Россіи, только въ самое послѣднее время стали смотрѣть на народныя чтенія какъ на способъ внесенія культуры въ народныя массы, въ Германіи идетъ уже рѣчь объ устройствѣ систематическихъ курсовъ, т.-е. народныхъ университетовъ. Въ Германіи не отрицаютъ и теперь пользы народныхъ чтеній и отдѣльныхъ лекцій для народа, готовы поддерживать и впредь эти полезные институты. Но многолѣтній опытъ показалъ, что чтеній и отдѣльныхъ лекцій уже недостаточно, ибо подобныя лекціи лишь возбуждаютъ въ слушателяхъ интересъ къ знаніямъ, но не даютъ ихъ. Необходимо поэтому устраивать для народа курсы по предметамъ какъ средняго, такъ и высшаго, университетскаго, образованія. Зародившееся одновременно въ Даніи и Англіи, охватившее весь материкъ и перешедшее за океанъ

въ Сѣверную Америку, движеніе „University-Extension“ пустило, наконецъ, нѣкоторые корни въ Германіи. Университетскіе профессора стали идти на встрѣчу стремленію къ просвѣщенію со стороны тѣхъ классовъ населенія, которымъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, прегражденъ доступъ въ высшіе разсадники культуры. Такъ, въ началѣ 1897 г., группа профессоровъ и доцентовъ берлинскаго университета, взявъ на себя инициативу, предложила академическому сенату (совѣту) учредить въ Берлинѣ сѣть народныхъ университетовъ по образцу только-что основанныхъ въ Мюнхенѣ. Въ петиціи, подписанной 202 членами университетскаго персонала, сенату предлагалось, для наиболѣе цѣлесообразнаго устройства будущихъ народныхъ университетовъ: во-первыхъ, войти по этому вопросу въ соглашеніе съ представителями другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Берлинѣ; во-вторыхъ, выхлопотать будущимъ народнымъ университетамъ субсидію отъ правительства, въ размѣрѣ 15.000 мар., и въ-третьихъ, взять будущіе народные университеты подъ свое покровительство, чтобы тѣмъ обезпечить ихъ существованіе и не ставить ихъ въ зависимость отъ частныхъ обществъ. Въ той же петиціи не только былъ вкратцѣ развитъ, составленный выдающимися профессорами берлинскаго университета, планъ устройства будущихъ народныхъ университетовъ, но и вчернѣ набросаны программы курсовъ и отдѣльныхъ лекцій; при этомъ ясно и опредѣленно указывалось, что изъ программы курсовъ „совершенно должны быть исключены лекціи по вопросамъ, касающимся современной религіозной, соціальной или политической борьбы, а также и по такимъ вопросамъ, которые могли бы дать поводъ къ какой-либо агитаціи“. Хотя эти слова были опубликованы, тѣмъ не менѣе, тотчасъ по ознакомленіи публики съ проектомъ будущихъ народныхъ университетовъ, берлинская консервативная и реакціонная печать начала чуть ли не формальный походъ противъ профессоровъ берлинскаго университета, которые яко бы собираются пропагандировать среди берлинскаго населенія всякаго рода революціонныя идеи. Часть этого рода печати, въ своемъ увлеченіи, даже усматривала въ демократизаціи науки и ея истинъ громадную опасность для германскаго государства и усердно предостерегала правительство отъ поддержки будущихъ народныхъ университетовъ. Ректоромъ въ томъ учебномъ году былъ избранъ извѣстный юристъ, профессоръ Бруннеръ, крайній реакціонеръ, высказывавшійся публично противъ допущенія въ университетъ женщинъ, противъ демократизаціи научныхъ истинъ и за сокращеніе границъ академиче-

ской свободы. Сенатъ берлинскаго университета (т.-н. „академическій сенатъ"), подъ явнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, реакціонной печати, а съ другой стороны ректора Брунера и университетскаго судьи Дауде, совершенно отклонилъ (впрочемъ, большинствомъ одного лишь голоса) принятіе предложенія группы профессоровъ и доцентовъ; отказъ былъ мотивированъ тѣмъ, что „сенатъ не можетъ и не желаетъ брать на себя отвѣтственности за веденіе среди слушателей будущихъ народныхъ университетовъ политической или религіозной агитаціи". Нечего и говорить, что подобное рѣшеніе подняло бурю восторговъ въ одной части берлинской печати и бурю негодованія—въ другой ея части. Иниціаторы же петиціи и лица, подписавшія ее, рѣшили не оставлять своего плана учрежденія сѣти народныхъ университетовъ, но отложить возобновленіе петиціи до слѣдующаго академическаго года; тогда же профессорами берлинскаго университета было частнымъ образомъ рѣшено избрать, ближайшимъ лѣтомъ, ректоромъ и деканами только тѣхъ лицъ, которыя сами подписались подъ петиціей. Ректоромъ на прошлый академическій годъ долженъ былъ быть избранъ, согласно установившемуся порядку, представитель медицинскаго факультета. Но совѣтъ университетскихъ профессоровъ, желая дать достойный отвѣтъ нападкамъ со стороны барона Штумма въ прусской палатѣ господъ на „каѳедрѣ" соціалистовъ, избралъ ректоромъ не въ очередь представителя философскаго факультета, извѣстнаго политико-экономa, профессора Шмоллера. Послѣдній—не только выдающійся ученый, но и въ высшей степени энергичный человѣкъ и общественный дѣятель; онъ доказалъ это уже тѣмъ, что разомъ порвалъ съ системой ограниченій, введенной въ университетъ его предшественникомъ. Черезъ нѣкоторое время по принятіи имъ на себя обязанностей ректора, петиція профессоровъ и доцентовъ объ учрежденіи народныхъ университетовъ была возобновлена, но и на этотъ разъ, ко всеобщему удивленію, снова отклонена академическимъ сенатомъ. Объ этомъ рѣшеніи сената проникли въ печать самыя краткія извѣстія, при чемъ мотивы его оставались нѣкоторое время публикѣ совершенно неизвѣстными. Позже выяснилось изъ рѣчи профессора Вирхова, произнесенной имъ въ прусскомъ ландтагѣ, что университетскій сенатъ мотивировалъ свой вторичный отказъ несимпатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу, задуманному группой профессоровъ и доцентовъ, и сильнымъ сомнѣніемъ, имѣетъ ли право университетъ, какъ самостоятельная и отдѣльная организація, устраивать курсы для народа, даютъ ли университетскіе

статуты право университетскому сенату оффиціально устраивать народные университеты и поддерживать ихъ? Возраженія знатоковъ-юристовъ были настолько вѣски, что дѣлу народныхъ университетовъ грозила почти полная гибель, если бы нѣкоторыми профессорами не былъ предложенъ способъ косвенной, неоффиціальной поддержки со стороны университетскаго сената, вмѣсто прямой и оффиціальной, какъ это предполагалось раньше. Профессорами же было рѣшено учредить народные университеты частнымъ образомъ, на собственный рискъ, и для разработки плана и программъ будущихъ народныхъ университетовъ, а также для завѣдыванія ими, избранъ былъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли: проф. Густавъ Шмоллеръ, избранный на ближайшій академическій годъ ректоромъ; извѣстный анатомъ, популярный и любимый студентами проф. Вальдейеръ; профессора Дильсъ и Эртманнъ; также проф. Максъ Дельбрюкъ, какъ представитель берлинскаго высшаго сельскохозяйственнаго института; проф. Виттъ, какъ представитель шарлоттенбургскаго политехникума, и д-ръ Постъ, видный общественный дѣятель, одинъ изъ руководителей въ „Centralstelle für Arbeiterwohlfartseinrichtungen“. Комитетъ этотъ обратился раньше всего къ прусскому правительству съ просьбой о единовременномъ пособіи въ 10.000 марокъ, но, узнавъ частнымъ образомъ, что скораго отвѣта ожидать не слѣдуетъ, приступилъ и къ разработкѣ плана организаціи перваго берлинскаго народнаго университета. Если вѣрить хорошо освѣдомленнымъ газетамъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія очень быстро занялись разсмотрѣніемъ просьбы профессоровъ, но министерство не разрѣшило этого вопроса и представило петицію на усмотрѣніе императора Вильгельма. Въ виду подобнаго сообщенія газетъ, въ академическихъ кружкахъ одно время съ нетерпѣніемъ ожидали того или иного рѣшенія императора: быть или не быть въ Берлинѣ народнымъ университетамъ? Но, въ сущности, профессора имѣли возможность и право организовать университетскіе курсы безъ разрѣшенія министерства. Они это и сдѣлали. Но они пожелали сразу обезпечить существованіе будущихъ народныхъ университетовъ и обратились въ министерство не за разрѣшеніемъ (кромѣ разрѣшенія читать курсы и въ казенныхъ зданіяхъ), но за поддержкой. А министерство, не желая, съ одной стороны, показаться слишкомъ реакціоннымъ, а съ другой, находясь подъ несомнѣннымъ вліяніемъ прусскихъ „юнкеровъ“, создало цѣлый принципіальный вопросъ и весьма хитроумно скрыло свою нерѣшительность за авторитетомъ импе-

ратора. И если комитету удалось, пока только въ ожиданіи отвѣта министерства, организовать университетскіе курсы, то слушатели послѣднихъ должны быть обязаны исключительно профессору Шмоллеру, который съ желѣзной энергіей поборолъ всѣ препятствія, тормазившія дѣятельность коммиссіи. Въ іюнѣ 1899 г., т.-е. черезъ полтора года, министерство отвѣтило комитету профессоровъ, что оно, относясь съ симпатіей къ идеѣ организаціи народныхъ университетовъ, все же не въ состояніи оказать имъ матеріальную поддержку, такъ какъ это создастъ прецедентъ, и министерство вынуждено будетъ удовлетворять просьбы и другихъ подобныхъ комитетовъ...

Пока въ министерствѣ еще рѣшали вопросъ, дать или не дать субсидію народному университету, и надѣялись отказомъ подкосить новое еще и непрочное дѣло, въ ноябрѣ прошлаго года начался первый циклъ курсовъ, каждый изъ шести лекцій въ опредѣленный заранѣе день недѣли. Прочитаны были слѣдующіе курсы: „О костяхъ и суставахъ въ человѣческомъ тѣлѣ“ (читалъ проф. Вальдейеръ); „Торговая политика крупнѣйшихъ культурныхъ государствъ въ XVIII и XIX вѣкахъ“ (проф. Шмоллеръ); „Художественные памятники въ Берлинѣ“ (проф. Альфредъ Мейеръ); „Германская имперская конституція“ (проф. Каль); „О способахъ добыванія желѣза“ (проф. Вединга), и „Естественное и искусственное вскармливаніе ребенка“ (проф. Гейбнеръ).

Передъ началомъ своей первой лекціи, проф. Шмоллеръ обратился къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ съ краткой рѣчью, въ которой изложилъ основные принципы и цѣли предпринятыхъ научно-популярныхъ курсовъ для народа. Задача лекторовъ—прежде всего сообщить широкимъ кругамъ народа результаты, добытые чистой наукой. Эта задача настолько обширна и выполненіе ея настолько трудно, что всѣ начатые до сихъ поръ опыты оканчивались почти полнымъ неуспѣхомъ. Руководители курсовъ надѣются повести успѣшно свое дѣло потому, что избрали для курсовъ такія темы, которыя могутъ быть разсмотрѣны и достаточно полно освѣщены въ теченіе шести лекцій. Руководители курсовъ также рѣшили ввести систему вопросовъ и отвѣтовъ по окончаніи каждой лекціи, дабы достигнуто было нѣкоторое единеніе между лекторомъ и его аудиторіей и дабы вызвать болѣе активный интересъ слушателей къ лекціямъ. Лекторы будутъ сообщать своимъ слушателямъ только неоспоримыя научныя истины и постараются, насколько это будетъ возможно, не касаться какихъ-либо политическихъ, соціальныхъ или рели-

гіозныхъ вопросовъ. Какъ Дизраэли высказалъ еще 50 лѣтъ назадъ, одну половину народа отдѣляетъ отъ другой столь крупное различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ, что оно гораздо опаснѣе для общей культуры человѣчества, нежели различіе по состоянію или доходамъ. Уменьшить хоть нѣсколько это различіе, приблизить по ихъ умственному развитію обѣ половины народа—такова задача курсовъ. Руководители ихъ надѣются привлечь къ нимъ рабочихъ; удастся ли это—покажетъ будущее. Успѣхъ новаго дѣла трудно предсказать, но руководители курсовъ смотрятъ на себя какъ на исполнителей обязанности, налагаемой на нихъ временемъ и современнымъ строемъ общества...

А затѣмъ проф. Шмоллеръ приступилъ къ чтенію своей лекціи. Актовый залъ одной изъ берлинскихъ гимназій, въ которомъ читались три изъ упомянутыхъ шести курсовъ, былъ переполненъ, и многимъ пришлось стоять. О составѣ публики трудно было судить по одному лишь внѣшнему виду ея, такъ какъ рабочіе и ремесленники могли явиться и не въ своихъ рабочихъ курткахъ, а въ своемъ праздничномъ платьѣ и черныхъ, хотя и скромныхъ, сюртукахъ. Дѣйствительно, въ то время какъ одна или другая газета писала, что на первой лекціи проф. Шмоллера были лишь студенты, воспитанники промышленныхъ школъ, купцы, офицеры, солдаты и дамы, а на первой лекціи проф. Вальдейера—лишь представители среднихъ классовъ и студенты, комитетъ установилъ, путемъ предварительнаго письменнаго опроса, что на первой лекціи проф. Вальдейера присутствовали изъ 278 мужчинъ—195 фабричныхъ рабочихъ и несамостоятельныхъ ремесленниковъ, 11 самостоятельныхъ ремесленниковъ, 19 приказчиковъ, 9 чиновниковъ, 8 народныхъ учителей, 18 служащихъ и только лишь 4 студента и 18 фабрикантовъ, купцовъ, офицеровъ, врачей и т. п.

Для статистическаго опроса примѣнена была та же система, которая дала, двумя годами раньше, какъ мы увидимъ ниже, прекрасные результаты въ Лейпцигѣ: къ каждому билету была привѣшена отнимаемая при входѣ въ залъ карточка съ рубриками: „Возрастъ“, „Званіе“, „Занятіе“, „Предварительное образованіе“ и т. п. Изъ 2.030 человѣкъ, посѣтившихъ курсы, 1.686 челов. (83%) заполнили своими отвѣтами всѣ рубрики; изъ нихъ 1.252 (74,3%) были мужчины и 434 (25,7%) — женщины. По роду занятій слушатели дѣлились такъ:

I. Мужчины:

Группа А.

1. Фабричные рабочіе, подмастерья, несамостоятельные ремесленники и т. д. 502
2. Самостоятельные ремесленники 29
3. Фабриканты 10

Группа В.

1. Приказчики, несамостоятельные торговцы, служащіе въ магазинахъ 220
2. Самостоятельные купцы . . . 27

Группа С.

1. Имперскіе, государственные и общинные чиновники 158
2. Народные учителя 60
3. Служащіе у частныхъ лицъ . . 72

Группа D.

1. Студенты и ученики 40
2. Офицеры, юристы, врачи, старшіе учителя, высшіе чиновники и т. д. 123
3. Рантье и лица безъ опред. занятій 11

II. Женщины:

A. Работницы, жены рабочихъ и ремесленниковъ 59

B. Учительницы, писательницы, художницы и т. п. 106

C. Продавщицы и служащія у частныхъ лицъ 23

D. Безъ опред. занятій 246

III. Не заполнили рубрикъ — 344, большей частью женщины. Тѣ, которыя заполнили, часто оставляли рубрику, въ которой предлагался вопросъ о занятіи мужа или отца,— пустою.

Итого. 2.030

Съ правомъ могъ проф. Шмоллеръ сказать, по окончаніи своей заключительной лекціи, что курсы привлекли ту публику, на которую иниціаторы курсовъ разсчитывали. Изъ числа посѣтителей-мужчинъ, 42,4% были рабочіе и ремесленники, 17,6%—приказчики, 12,6%—низшіе чиновники, 5,7% —служащіе, 4,8%—народные учителя, всего 83,1% [1]). Другія группы слушателей дали лишь 16,9%. Что касается слушательницъ-женщинъ, то дѣвушки и дамы безъ опредѣленныхъ занятій составили 56,7%; остальные 43,3% составили раньше всего учительницы, писательницы, художницы и т. п. (24,4%); затѣмъ только работницы и жены рабочихъ (13,6%) и, наконецъ, продавщицы etc.—5,3%.

Когда проф. Шмоллеръ окончилъ свою первую лекцію, публика устремилась къ выходу, такъ что лектору пришлось пригласить ее остаться, чтобы выслушать его отвѣты на вопросы, задаваемые слушателями. Обмѣнъ мнѣній былъ мало оживленъ, такъ какъ въ немъ приняло участіе лишь два лица. Но послѣ первой лекціи проф. Гейбнера „О естественномъ и искусственномъ вскармливаніи ребенка“, нѣкоторыя присутствовавшія дамы задали уже цѣлый рядъ вопросовъ охотно отвѣчавшему профессору. Въ первомъ отчетѣ коммиссіи (за 1898 г.)

[1]) Въ Вѣнѣ тѣ же классы населенія дали только 40% общаго числа слушателей университетскихъ курсовъ.

говорится, что слушатели охотно пользовались своимъ правомъ задавать вопросы (лекціи начинались въ $8^1/_2$ час. вечера; часъ уходилъ на лекцію и полчаса на дебаты), и хорошую службу сослужилъ ящикъ, куда бросали свои записки съ вопросами слушатели, не рѣшавшіеся говорить публично. По словамъ отчета, большинство вопросовъ было разумно и свидѣтельствовало о внимательности слушателей и о живомъ интересѣ ихъ; одному лектору пришлось однажды отвѣтить на двадцать слишкомъ вопросовъ. Другой лекторъ говорилъ, что ему вопросы предлагались лишь рабочими. Всѣ лекторы заявляли, что слушатели ихъ были всегда напряженно внимательны, даже при наиболѣе трудныхъ для пониманія мѣстахъ, какъ бы старались не проронить ни единаго слова. Лекторы усиливались читать по возможности популярно, и это имъ, по словамъ отчета, удалось; только проф. Мейеръ жаловался, что не могъ, конечно, избѣжать употребленія техническихъ выраженій, которыя оказались, однако, многимъ слушателямъ непонятными и сжатое объясненіе которыхъ представляло для него, лектора, нѣкоторыя трудности. Проф. Коль, при всемъ своемъ умѣньѣ говорить живо и увлекательно на сухую юридическую тему, не исчерпалъ своей задачи, посвятивъ слишкомъ много времени событіямъ, предшествовавшимъ объединенію Германіи, и позволивъ себѣ подѣлиться съ слушателями личными воспоминаніями объ осадѣ Парижа. И то, и другое имѣло мало общаго съ его основной темой—„Германской имперской конституціей“, и неудивительно, что ему былъ предложенъ кѣмъ-то, также имѣющій слабую связь съ темой, вопросъ о престолонаслѣдіи въ княжествѣ Липпе. Какъ патетическій тонъ воспоминаній „бывшаго офицера егерскаго батальона“, такъ и выраженіе о томъ, что „лекціи мои, надѣюсь, вызовутъ патріотическую любовь къ германской имперіи“, на курсахъ народнаго университета, по меньшей мѣрѣ, были неумѣстны. Но это было единственное, мелкое отступленіе отъ принятаго всѣми лекторами принципа—„избѣгать агитаціи въ пользу политическихъ, соціальныхъ или религіозныхъ идеаловъ партійнаго характера“. Трое изъ лекторовъ роздали своимъ слушателямъ, предъ началомъ своихъ курсовъ, сжатый компендіумъ послѣднихъ съ указаніемъ относящейся къ данному вопросу литературы и напоминаніемъ, что книги эти имѣются въ такихъ-то библіотекахъ и читальняхъ для народа. Руководители послѣднихъ, охотно пріобрѣвшіе, по указаніямъ комитета, необходимыя книги, сообщили той же коммиссіи, что могутъ констатировать большой спросъ на эти книги во все время курсовъ.

Плата за слушаніе каждаго курса взималась скромная — 1 марка; рабочія корпораціи имѣли право пріобрѣтать билеты по 60 пфенн. каждый. До начала курсовъ былъ отпечатанъ соотвѣтствующій проспектъ и разосланъ многочисленнымъ рабочимъ организаціямъ при посредничествѣ упомянутой выше „Centralstelle für Arbeiterwohlfartseinrichtungen“ и правленій ферейновъ, устраивающихъ спектакли для народа. Кромѣ того, о времени начала курсовъ и содержаніи ихъ возвѣщали афиши на колоннахъ и объявленія въ значительномъ числѣ газетъ. Билеты на всѣ курсы, за исключеніемъ курса проф. Гейбнера, были разобраны еще до начала курсовъ. Билеты на право слушанія курса проф. Веддинга были раскуплены исключительно рабочими, при чемъ лишь половина всего числа желающихъ могла быть удовлетворена. Точно также раскуплены были заблаговременно и билеты на право слушанія второго, состоявшагося въ январѣ и февралѣ 1899 г., цикла курсовъ, при чемъ значительный контингентъ слушателей привлекли не только лекціи проф. Варбурга: „Ученіе о теплотѣ“, но и болѣе спеціальный курсъ проф. Фрея: „О Рафаэлѣ и Микель-Анджело“. Отчетъ комитета о дѣятельности его за первую половину этого года еще не вышелъ. Особымъ циркуляромъ комитетъ извѣстилъ лишь всѣхъ лекторовъ берлинскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, что, въ виду отказа министерства дать комитету субсидію, въ недалекомъ будущемъ будетъ организовано особое общество по образцу функціонирующаго въ Мюнхенѣ „Общества для устройства народнаго университета“. На двухъ состоявшихся въ іюнѣ собраніяхъ профессоровъ и доцентовъ основанъ былъ „Verein für volkstümliche Kurse von Berliner Hochschüllehrern“ и утверждены статуты его. Веденіе дѣлъ и курсовъ поручено было комитету изъ десяти профессоровъ и доцентовъ (комитетъ пригласилъ еще четырехъ профессоровъ) и правленію, въ которое вошли: ректоръ проф. Вальдейеръ, какъ предсѣдатель, ректоръ ветеринарнаго института проф. Дикергофъ, какъ его замѣститель, профессора Эртманнъ, Шмоллеръ, Максъ Дельбрюкъ (ректоръ сельско-хозяйственнаго института) и Веддингъ (представитель политехникума), а также упомянутый выше д-ръ Постъ. Ближайшей зимой состоятся два цикла лекцій, одинъ въ шесть и другой въ десять курсовъ.

IV.

Названное уже выше Общество—Volkshochschülverein-München"—было основано въ концѣ 1896 года, и членами его, въ качествѣ руководителей курсовъ и лекторовъ, записались 76 профессоровъ и доцентовъ мюнхенскаго университета и мюнхенскаго политехникума, 8 литераторовъ и одинъ чиновникъ, всего 85 человѣкъ. Общіе мотивы, изъ которыхъ исходили основатели мюнхенскаго „народнаго университета", были изложены въ блестящей рѣчи, произнесенной на учредительномъ собраніи извѣстнымъ политико-экономомъ проф. Брентано, который былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ новаго Общества. Современное намъ общество демократично,—говорилъ тогда проф. Брентано, и доказывалъ, что эта демократичность общества является результатомъ общаго развитія человѣчества, слѣдствіемъ современнаго экономическаго и политическаго строя. Низшіе классы несутъ на себѣ почти всю тягость налоговъ и составляютъ кадры государственной арміи; а исторія показала, что тѣ именно классы, которые носили на себѣ государственное бремя, пріобрѣтали крупное вліяніе на ходъ дальнѣйшаго развитія страны. Проф. Брентано опасается, что когда низшіе классы уже пріобрѣтутъ подобное вліяніе, культура человѣчества будетъ, пожалуй, отодвинута на второй планъ. Поэтому необходимо заблаговременно познакомить низшіе классы народа съ благами просвѣщенія и европейской культуры...

Баварское министерство народнаго просвѣщенія отказало комитету Общества въ его просьбѣ предоставить безплатно въ пользованіе Общества университетскія аудиторіи. Изъ-за этого отказа курсы Общества начались не 7-го января, какъ предполагалось раньше, а лишь перваго февраля 1897 г., и то лишь потому, что магистратъ Мюнхена охотно уступилъ для курсовъ два принадлежащихъ городу помѣщенія. Продолжались курсы до 15-го апрѣля, и за это время прочтены были профессорами и доцентами 10 систематическихъ курсовъ. Профессоръ Гаузгоферъ читалъ „Объ исторіи экономическихъ идей", проф. Бюхнеръ—„О гигіенѣ", проф. Брентано—„О собственности и развитіи ея", проф. Дельманъ—„О перспективѣ", проф. Гюнтеръ—„О географіи Африки, вмѣстѣ съ введеніемъ къ изученію географіи", проф. Шмидтъ—„О всякаго рода увѣчьяхъ и первой помощи, подаваемой не-спеціалистами", проф. Ганъ—„Объ оспопрививаніи, исторіи и пользѣ его", проф. Зейсъ—„Объ искусственномъ и натураль-

номъ способахъ питанія дѣтей", д-ръ Шеферъ—„О водѣ", и д-ръ Мюнстербергъ—„О призрѣніи бѣдныхъ".

Плата за право слушанія взималась слѣдующая: за курсъ въ 4—6 лекцій—1 марка, за меньшій курсъ—50 пфенниговъ, за два или три курса—2 марки. Уплатившіе за годъ впередъ 5 марокъ могли слушать всѣ курсы въ теченіе года; для цѣлаго семейства выдавались билеты на весь годъ по 10 марокъ. Различные ферейны могли пріобрѣтать единовременнымъ взносомъ право для своихъ членовъ платить за слушаніе всѣхъ лекцій не по 5, но лишь по 2 марки. И вотъ, согласно отчету, прочитанному на первомъ общемъ собраніи всѣхъ членовъ общества 14-го іюня 1897 г. въ Мюнхенѣ, приняли участіе въ курсахъ 1.440 человѣкъ, записавшихся, въ общемъ, на 3.908 отдѣльныхъ курсовъ. По занятіямъ участники курсовъ распредѣлялись такъ: ремесленники и рабочіе составили 22,72% общаго числа слушателей, купцы и служащіе въ банкахъ — 15,7%, фабриканты и техники—7,03%, чиновники—5,77%, офицеры и солдаты—1,94%, лица, занимающіяся науками — 2,29%, художники и ихъ ученики—3,47%, писатели, редакторы и т. д.—1,81%, учителя—5,77%, студенты — 7,07%, рантье — 0,97% и, наконецъ, дамы безъ опредѣленнаго занятія — 17,72%. Въ общемъ, мужчины составили 82% всѣхъ слушателей, а дамы—только 18%. За нѣкоторыми исключеніями, говорилось въ томъ же отчетѣ, откуда заимствованы приведенныя цифры, всѣ имѣвшіяся въ аудиторіяхъ мѣста были постоянно заняты. Многимъ слушателямъ приходилось стоять, и, чтобы запастись мѣстомъ, нѣкоторые слушатели приходили за полчаса до начала лекціи. За словами лекторовъ всѣ слушатели слѣдили съ большимъ вниманіемъ; нѣкоторые лекторы даже говорили, что трудно желать болѣе внимательныхъ слушателей. Комитетъ Общества предложилъ особо составленнымъ циркуляромъ всѣмъ лекторамъ строго соблюдать слѣдующее: составлять лекціи сжато, популярно и вполнѣ общедоступно; читать лекціи никоимъ образомъ не изъ тетрадокъ; составлять по извѣстному образцу краткую программу лекцій и раздавать ее всѣмъ слушателямъ; ввести систему отвѣтовъ на вопросы, заданные слушателями устно или письменно; стараться, наконецъ, достигать возможно бо̀льшаго общенія со слушателями. Всего этого требовалъ опытъ другихъ странъ, гдѣ народные университеты были основаны раньше, а также мнѣнія авторитетныхъ лицъ; и опытъ, сдѣланный въ мюнхенскомъ народномъ университетѣ, только подкрѣпилъ цѣлесообразность принятыхъ комитетомъ Общества мѣръ. Особый успѣхъ имѣла си-

стема вопросовъ, предлагаемыхъ лекторомъ путемъ особаго ящичка и вызывавшихъ подчасъ оживленные дебаты среди слушателей, подъ руководствомъ лектора. Да и вообще, сказано было въ томъ же отчетѣ, всѣ возложенныя на курсы надежды оправдались, и руководители ихъ убѣдились, что Общество пришло на помощь дѣйствительной потребности народа въ подобныхъ курсахъ.

Что же касается финансовой стороны, то положеніе Общества было сначала довольно необезпеченное. Только 67 человѣкъ записались „покровительствующими“ (fördernde) членами и внесли всѣ вмѣстѣ 4,451 марку, при чемъ три тысячи марокъ внесены были тремя лицами. Этихъ денегъ, вмѣстѣ съ взносами слушателей, на покрытіе расходовъ еще не хватало, хотя почти всѣ лекторы отказались отъ гонорара за чтеніе курсовъ. Комитетъ Общества находилъ это явленіе ненормальнымъ и считалъ необходимымъ его устранить. Поэтому комитетъ, получивъ санкцію общаго собранія членовъ Общества, принялъ рядъ мѣръ для расширенія дѣятельности Общества и для увеличенія его доходовъ. Комитетъ нанялъ, прежде всего, для чтенія курсовъ особое помѣщеніе, разсчитанное на 500 человѣкъ. Нѣкоторыя лица взяли на себя часть расходовъ по этому найму, а магистратъ позаботился о томъ, чтобы въ нанятомъ Обществомъ помѣщеніи устроена была лабораторія и сдѣланы приспособленія для опытовъ и экспериментовъ. Благодаря этому, явилась возможность устраивать курсы по физикѣ, химіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Да и вообще, курсы по этимъ предметамъ поставлены были на прочное основаніе. Въ Мюнхенѣ уже давно существуетъ такъ называемое „Политехническое Общество“, цѣлью котораго является распространеніе среди рабочихъ и ремесленниковъ необходимыхъ имъ знаній по химіи, физикѣ и технологіи. Теперь это Общество примкнуло къ „Обществу народныхъ университетовъ“, поставивъ обязательнымъ условіемъ: курсы по физикѣ, химіи и технологіи должны читаться въ народномъ университетѣ *постоянно* по разработанной заранѣе программѣ и установленному плану.

Въ общемъ, въ теченіе второй зимы прочитано было 16 систематическихъ курсовъ (каждый въ шесть лекцій) по различнымъ отраслямъ естествознанія, литературѣ, гигіенѣ, этикѣ и законовѣдѣнію. Между прочимъ, проф. Гюнтеръ читалъ „Исторію образованія земли“, д-ръ Ланге—„О физическомъ уходѣ за дѣтьми и воспитаніи ихъ“, проф. Моритцъ—„О пищевыхъ продуктахъ“ и т. д. Комитетъ лекторовъ подраздѣлился на четыре

секціи: 1) естественно-историческую, 2) медицинско-гигіеническую, 3) техническую и 4) философскую. Въ отчетѣ комитета сказано было на этотъ разъ, что наибольшій контингентъ слушателей привлекали курсы по химіи и физикѣ, а также лекціи о новомъ, вступающемъ съ января 1900 года въ силу, гражданскомъ уложеніи, о биржѣ и объ основахъ этики. Всего посѣтило курсы и лекціи во вторую зиму 1.870 чел., изъ коихъ 1.357 были мужчины и 513—женщины, т.-е. 27,43% общаго числа слушателей. Интересно отмѣтить, что всѣ слушатели посѣтили, въ общей сложности, 4.462 полныхъ курса, при чемъ 513 дамъ прослушали только 837, т.-е. 18,76%. По занятіямъ слушатели дѣлились такъ: рабочіе и ремесленники — 15,53%, торговцы, служащіе въ банкахъ, фабриканты и т. п.—25,73%, литераторы, учителя, студенты, художники и т. п. — 32,31%, чиновники, офицеры и солдаты—11,67%, рантье—3,54% и, наконецъ, дамы, не имѣющія опредѣленнаго занятія—11,22%. Тотъ же отчетъ отмѣчаетъ, что финансовое положеніе дѣла въ теченіе второго года существованія курсовъ значительно улучшилось. Приходъ (свыше 7.000 мар.) превысилъ расходъ (свыше 6.000 мар.), такъ что около 750 мар. осталось въ кассѣ. Поэтому комитетъ Общества рѣшилъ на ближайшій годъ понизить для рабочихъ и ремесленниковъ плату за слушаніе отдѣльнаго курса до 60 пфенниговъ (меньше 30 коп.), а также расширить программу введеніемъ курсовъ по исторіи искусства и нѣмецкой литературы и по всеобщей и спеціально-германской исторіи. Дѣйствительно, зимой 1898 — 99 г. устроенъ былъ рядъ курсовъ по этимъ, какъ и по другимъ предметамъ, но отчетъ о дѣятельности мюнхенскаго Hochschulverein'a за третій годъ его дѣятельности появился только осенью, ко времени очередного общаго собранія.

V.

Въ теченіе неполныхъ трехъ мѣсяцевъ прочтены были въ 1897 г. профессорами лейпцигскаго университета слѣдующія 12 отдѣльныхъ публичныхъ лекцій: „Изобрѣтатели золота прежде и теперь“ (проф. Оствальдъ), „Возникновеніе горъ“ (проф. Эндъ-неръ), „Старыя и новыя описанія путешествій“ (проф. Ратзель), „Переселенія животныхъ“ (проф. Маршалль), „Начало нѣмецкаго театра“ (проф. Витковскій), „Начало всемірной политики въ Германіи“ (проф. Лампрехтъ), „Договоръ о наймѣ по новому гражданскому уложенію“ (проф. Зомъ), „Княжество Черногорія“

(проф. Гассертъ), „Буддизмъ на Цейлонѣ“ (проф. Шмидтъ), „Своеобразная организація Германской имперіи“ (проф. Виндингъ), „Сотвореніе міра и древнѣйшая исторія“ (проф. Люкіенъ) и „Національное міросозерцаніе Гёте“ (проф. Эстеръ). Комитетъ, организовавшій эти лекціи, придерживался того взгляда, что систематическіе курсы, несомнѣнно, полезнѣе для слушателей, нежели отрывочныя свѣдѣнія, получаемыя на отдѣльныхъ лекціяхъ; но систематическихъ курсовъ комитетъ, по разнымъ причинамъ (отсутствіе средствъ, отказъ профессоровъ, читающихъ въ университетѣ лекціи по медицинѣ и естественной исторіи, и т. п.), организовать еще не могъ. Поэтому рѣшено было устроить, въ видѣ опыта, лишь рядъ отдѣльныхъ научно-популярныхъ лекцій. Всѣ эти лекціи начинались каждый разъ ровно въ $8^1/_2$ час. вечера и продолжались, по меньшей мѣрѣ, 1 часъ, при чемъ нѣкоторые лекторы вынесли убѣжденіе, что подобныя публичныя лекціи, большинство слушателей которыхъ руководится лишь сознательнымъ стремленіемъ учиться, могутъ продолжаться $1^1/_4$ и даже $1^1/_2$ часа. На право посѣщенія всѣхъ двѣнадцати лекцій комитетомъ было выдано 650 билетовъ, каждый въ одну марку, а на право посѣщенія отдѣльныхъ лекцій распродано было: на 6-ю лекцію—850 билетовъ, на 10—12 лекціи по 550 билетовъ и на всѣ остальныя лекціи по 500 билетовъ, каждый цѣною въ 10 пфенниговъ. Билеты были отпечатаны въ видѣ статистическихъ карточекъ, съ особыми рубриками для подписанія каждымъ посѣтителемъ своего имени, званія, рода занятія, а также мѣстожительства. Послѣднимъ комитетъ желалъ точно установить: гдѣ, собственно, должны быть прочтены организованныя лекціи — въ той или другой части города, въ томъ или другомъ предмѣстьѣ. Громаднымъ большинствомъ посѣтителей лекцій всѣ рубрики на карточкахъ были заполнены весьма тщательно; только $3^0/_0$ мужчинъ и $10^0/_0$ женщинъ заполнили данныя рубрики лишь отчасти или совершенно не заполнили ихъ. Эти карточки, отбираемыя у слушателей лекцій при входѣ ихъ въ залъ, были, конечно, подсчитаны и тщательно разсортированы. Оказалось, что лекціи привлекли, въ общемъ, 10.546 слушателей, изъ которыхъ 8.078 чел. ($76{,}6^0/_0$) были мужчины, а 2.468 чел. ($23{,}4^0/_0$)-—женщины. Судя по отчету комитета, изъ общаго числа посѣтительницъ 907 ($8{,}6^0/_0$) были замужнія женщины или вдовы, а 1,651 ($14{,}8^0/_0$)—дѣвушки. Отчетъ даетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о родѣ занятія этихъ незамужнихъ слушательницъ: 360 изъ нихъ были учительницы, 80—телефонистки, 39 — ремесленныя ученицы, 33 — надзирательницы въ

дѣтскихъ садахъ, 30—швеи, 29—портнихи, 25—директриссы, 16—работницы (родъ занятія точнѣе не указанъ), 16—продавщицы и 794—дѣвушки, жившія у своихъ родителей. Что же касается посѣтителей-мужчинъ, то они по роду занятія дѣлились такъ: 2.937 чел. (22,8%)—рабочіе и ремесленники (главнымъ образомъ, переплетчики, слесаря и столяры), 1.127 чел. (10,7%)—наборщики, литографы, печатники и т. п., 1.927 чел. (18,7%)—купцы, приказчики, торговцы книгами, клэрки, страховые агенты, базарные торговцы и т. д., 425 чел. (4%)—почтовые, телеграфные и желѣзнодорожные чиновники и служащіе, 1.016 чел. (9,6%)—ученики, учителя, студенты, врачи, журналисты, редакторы и т. п., 528 чел. (5%) — чиновники, 330 чел. (3,1%) — люди безъ опредѣленнаго занятія или ремесла, 254 чел. (2,4%)—служащіе, писцы и т. п., и 29 чел. (0,3%) – служителя.

Итакъ, въ Лейпцигѣ посѣтило публичныя лекціи 2.397 + 1.127 рабочихъ и ремесленниковъ; наборщики, литографы и печатники выдѣлены были комитетомъ въ отдѣльную группу, такъ какъ Лейпцигъ въ отношеніи печатнаго дѣла крупнѣйшій городъ въ Германіи, но большинство изъ нихъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ рабочему классу. Къ сожалѣнію, комитетъ не установилъ точно, принадлежитъ ли большинство посѣтившихъ лекціи ремесленниковъ къ числу такъ называемыхъ самостоятельныхъ, или же напротивъ. Не указанъ также и возрастъ посѣтителей. Но зато отчетъ даетъ еще рядъ другихъ интересныхъ цифръ. Такъ, изъ отчета мы узнаемъ, что первую лекцію посѣтили лишь 259 человѣкъ, вторую и третью—свыше тысячи, четвертую и пятую—свыше девятисотъ пятидесяти, шестую—1.177 чел.; всѣ остальныя, за исключеніемъ одиннадцатой, — свыше или меньше восьмисотъ пятидесяти и, наконецъ, одиннадцатую—796 чел. Судя по этимъ цифрамъ, интересъ къ лекціямъ со стороны слушателей постепенно уменьшался; если мы сравнимъ число посѣтившихъ вторую лекцію съ числомъ лицъ, посѣтившихъ послѣднюю, то увидимъ, что число посѣтителей упало на 22,5%. Но отчетъ отмѣчаетъ, что женщины охотнѣе посѣщали послѣднія шесть лекцій, нежели первыя, и число посѣтительницъ увеличилось даже болѣе, нежели вдвое (52,9%). Не трудно, поэтому, вычислить, что въ то время какъ число посѣтителей, вообще, уменьшилось на 22%, число посѣтителей-мужчинъ уменьшилось на цѣлыхъ 38%. Является вопросъ: какая группа слушателей проявила наименьшій интересъ къ послѣднимъ шести лекціямъ? Отчетъ даетъ отвѣтъ и на этотъ

вопросъ: изъ 100 рабочихъ и ремесленниковъ, посѣтившихъ первыя шесть лекцій, явились на послѣднія шесть—лишь 35 человѣкъ. Затѣмъ, изъ ста лицъ, занимавшихся печатнымъ дѣломъ, проявили интересъ къ послѣднимъ шести лекціямъ лишь 52 человѣка. Каковы же были причины этого столь замѣтнаго упадка интереса къ лекціямъ со стороны рабочихъ и ремесленниковъ, въ то время какъ число посѣтителей изъ другихъ группъ уменьшилось, судя по тому же отчету, лишь отъ 9 до 26 человѣкъ на сто? Приведенныя выше цифры показали, что о томъ, будто рабочіе и ремесленники не хотятъ учиться, не можетъ быть и рѣчи. Можетъ быть, лейпцигскіе рабочіе и ремесленники не имѣли возможности оторваться отъ работы на цѣлыхъ 12 вечеровъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ? или они далеко не всѣ могли внести одну марку за право слушанія всѣхъ 12-ти лекцій? Думается, что не въ этомъ надо искать главную причину равнодушнаго отношенія многихъ рабочихъ и ремесленниковъ къ послѣдующимъ шести лекціямъ, разъ они столь охотно посѣщали первыя шесть, но въ чемъ-либо совершенно другомъ.

Человѣкъ, знакомый съ жизнью рабочихъ въ Германіи не только по книгамъ или газетнымъ статьямъ, но и по личному опыту, хорошо знакомый съ міросозерцаніемъ нѣмецкихъ рабочихъ, ихъ чувствами и степенью ихъ воспріимчивости, и потому могущій ихъ понять и оцѣнить, прекрасно знаетъ, какъ недовѣрчиво и осторожно относится нѣмецкій рабочій ко всему тому, что онъ, при существующихъ условіяхъ, долженъ принять въ какой бы то ни было формѣ изъ рукъ высшихъ классовъ. Нѣмецкій рабочій постоянно опасается потерять что-либо изъ своихъ правъ, которыхъ онъ добился только послѣ долголѣтней борьбы, и поэтому онъ во всемъ предлагаемомъ ему со стороны высшихъ классовъ видитъ тенденціозное желаніе повліять на него, обучать его, измѣнить складъ его мыслей и образъ его дѣйствій; онъ видитъ подчасъ подобное намѣреніе даже тамъ, гдѣ его нѣтъ совершенно. Всего этого не принялъ во вниманіе комитетъ, организовавшій лекціи, знавшій заранѣе, что главный контингентъ слушателей составляютъ рабочіе, но, тѣмъ не менѣе, предоставившій полную свободу гг. лекторамъ въ отношеніи выбора темы, формы лекціи и содержанія ея. Комитету, въ большинствѣ случаевъ, не пришлось раскаяваться въ своемъ поступкѣ, такъ какъ почти всѣ лекторы постарались придать своимъ лекціямъ часто научный характеръ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и могли легко перейти къ политической агитаціи. Шестой рефератъ, прочитанный проф. Лампрехтомъ, носилъ вполнѣ по-

литическій характеръ. Рѣчь проф. Лампрехта была, какъ передавали лица, слышавшія ее, сплошная хвалебная ода желѣзному канцлеру, князю Бисмарку, и его внѣшней политикѣ. Нѣкоторые слушатели были даже удивлены, когда проф. Лампрехтъ, противъ ихъ ожиданія, не закончилъ своей рѣчи „Hoch“ въ честь жившаго тогда отшельникомъ Бисмарка и не предложилъ слушателямъ послать ему привѣтственную телеграмму. Даже члены комитета высказывались, что проф. Лампрехтъ былъ нѣсколько невоздержанъ и что содержаніе его лекціи было неумѣстно. Очевидно, многіе рабочіе и ремесленники, слышавшіе эту лекцію проф. Лампрехта, были недовольны ея тенденціознымъ характеромъ, потому что именно послѣ этой лекціи они стали значительно рѣже посѣщать послѣдующія; къ тому же, нѣкоторыя изъ первыхъ шести лекцій были интереснѣе послѣдующихъ уже потому, что носили болѣе научный характеръ; вторая и третья лекціи привлекли значительно бо́льшее число слушателей, нежели лекціи на темы: „Буддизмъ на Цейлонѣ“ или „Національное міросозерцаніе Гёте“. Подобныя лекціи, какъ и лекція на тему: „Начало нѣмецкаго театра“, могутъ привлечь только лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ; рабочіе охотнѣе посѣщаютъ, какъ показалъ опытъ народныхъ университетовъ въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ, курсы и лекціи по медицинѣ, естественной исторіи и политической экономіи. Тема седьмой лекціи—„Договоръ о наймѣ по новому гражданскому уложенію“ — должна была и, несомнѣнно, привлекла бы значительное число рабочихъ и ремесленниковъ, если бы этой именно лекціи не предшествовалъ тенденціозный рефератъ проф. Лампрехта. Все это, конечно, лишь предположенія, которыя, будучи не лишены большой доли вѣроятности, все-таки не могутъ быть подтверждены фактическими данными. Можетъ быть, еслибы слушателямъ розданы были заблаговременно, какъ это дѣлалось раньше въ Мюнхенѣ, программы каждой отдѣльной лекціи, составъ слушателей въ аудиторіи (лекціи читались въ залахъ частныхъ театровъ) и численность ихъ были бы каждый разъ иные.

VI.

Выше было сказано, что комитетъ разсматривалъ организованныя имъ лекціи лишь какъ опытъ, какъ начало будущихъ университетскихъ курсовъ. Опытъ оказался довольно удачнымъ, но университетскіе курсы для народа въ Лейпцигѣ по сію пору

не открыты по причинамъ, въ печать не проникшимъ. Другіе же германскіе университеты,—а ихъ наберется еще свыше дюжины, — также не взяли на себя иниціативы устройства систематическихъ курсовъ для народа, и народные университеты, руководимые университетскими профессорами (принципъ: „университетскіе курсы для народа должны быть ведены исключительно университетскими профессорами“ выставленъ и проводится также въ Австріи, Англіи и др.), существуютъ пока лишь въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Правда, въ Іенѣ прочтены были, два года назадъ, мѣстными университетскими профессорами (между ними Штраубелемъ, Гертнеромъ и Деттмеромъ) четыре курса, по шести лекціи каждый, — по физикѣ, ботаникѣ, гигіенѣ и исторіи культуры, но организованы были эти курсы мѣстнымъ отдѣленіемъ общества имени Comenius'a. Лекціи читались по вечерамъ, отъ 8 до 9 час., два раза въ недѣлю, и число слушателей достигало иногда 200—250. Рабочіе и ремесленники составляли почти 75% общаго числа слушателей; остальную часть составляли студенты, купцы, учителя и дамы. Для популяризаціи среди населенія подготовлявшихся въ Іенѣ курсовъ и для постановки этого дѣла на прочныя основанія много сдѣлалъ д-ръ Пауль Бергеманнъ, а также членъ академіи наукъ проф. Аббе. Послѣдній добился, напримѣръ, того, что одна богатая фирма въ Іенѣ взяла на себя расходы по устройству упомянутыхъ курсовъ. Іенскій университетъ устраиваетъ ежегодно на каникулахъ курсы для учителей и учительницъ народныхъ школъ,— начиная съ 1889 г. не столь регулярно читаются подобные курсы для учителей и учительницъ въ Берлинѣ, Страсбургѣ, Франкфуртѣ, Геттингенѣ и Грейфсвальдѣ; въ послѣднемъ допускали сначала къ слушанію курсовъ только учителей среднихъ школъ, а съ недавняго времени стали допускать и народныхъ учителей и учительницъ. Темы курсовъ, конечно, болѣе или менѣе спеціальныя, напр.: „Построеніе и дѣятельность голосовыхъ органовъ“ (проф. Ландуа, 3 лекціи); „Главнѣйшіе отрывки изъ нѣмецкой грамматики“ (проф. Райффершейдъ, 8 лекцій); „Основы фонетики“ и т. п. На ряду съ спеціальными читаются и популярные курсы по различнымъ отраслямъ науки. Два года назадъ, посѣтило курсы 204 чел., изъ нихъ 135 нѣмцевъ, 28 шведовъ, 12 финляндцевъ, 10 норвежцевъ, 7 австрійцевъ, 5 датчанъ, 3 англичанина, 2 американца, 1 русскій и 1 французъ. Устроены были разновременно университетскіе курсы для народа и въ Страсбургѣ, Кёнигсбергѣ и Бреславлѣ, на тѣхъ же, въ общемъ,

основаніяхъ, что̀ и въ Іенѣ, но нигдѣ они не стали постояннымъ институтомъ.

Вотъ и всѣ опыты „University-Extension“, встрѣчающіеся въ университетскихъ городахъ Германіи. Не безъ натяжки могутъ быть причислены къ нимъ курсы по соціально-политическимъ и экономическимъ вопросамъ, устраиваемые періодически „Обществомъ соціальной политики“, отпраздновавшимъ уже двадцатипятилѣтній юбилей своего существованія. Послѣдніе курсы состоялись три года назадъ въ Берлинѣ; читали профессора: Вагнеръ — „О частной собственности и экономической свободѣ“; Шмоллеръ — „О раздѣленіи труда, образованіи классовъ и соціальной борьбѣ“; Зерингъ — „Объ аграрномъ вопросѣ настоящаго времени“; Бюхеръ — „О промышленныхъ формахъ“; Кнаппъ — „О деньгахъ и денежной валютѣ“; Конрадъ — „О населеніи, колоніи и выселеніяхъ“; Филипповичъ — „О новѣйшей торговой политикѣ средне-европейскихъ странъ“; Брентано — „О рабочемъ договорѣ и условіяхъ, опредѣляющихъ заработную плату“; Нейманнъ — „О величайшихъ финансовыхъ вопросахъ современности съ соціально-политической точки зрѣнія“; Эльстеръ — „О соціальныхъ задачахъ государства, церкви и высшихъ классовъ общества, въ связи съ вопросомъ о призрѣніи нищихъ и обезпеченіи рабочихъ“; Мясковскій — „Объ укрѣпленіи, сохраненіи и распространеніи нѣмецкаго крестьянства въ сѣверо-восточной части имперіи“, а также нѣкоторые приватъ-доценты. Хотя многія изъ этихъ лекцій носили спеціальный характеръ, тѣмъ не менѣе имена наиболѣе выдающихся экономистовъ Германіи и Австріи привлекли тогда въ Auditorium maximum берлинскаго университета значительное число слушателей, главный контингентъ которыхъ составляли учителя, чиновники, техники, лица духовнаго званія, отчасти фабриканты, вообще же лица, болѣе или менѣе подготовленныя къ пониманію и воспріятію читаемаго имъ съ каѳедры. Плата за слушаніе взималась слѣдующая: за полный циклъ въ теченіе двухъ недѣль — 25 марокъ, за полъ-цикла въ теченіе одной недѣли — 15 марокъ, за лекціи въ теченіе одного дня — 3 марки. И если нѣкоторыя лекціи привлекали лишь 200 слушателей, то другія — свыше 800, и многіе желающіе не могли попасть въ названную выше аудиторію.

VII.

Наконецъ, два года назадъ, устройствомъ университетскихъ курсовъ для народа рѣшилъ заняться кружокъ лицъ, стоящихъ вдали отъ университетскихъ круговъ. Въ Берлинѣ былъ организованъ временный комитетъ, который въ теченіе полугода дѣятельно вербовалъ членовъ и собиралъ средства для организаціи „Германскаго Общества высшаго народнаго образованія“ (Deutscher Volkshochschülverein). Цѣль общества была—устройство курсовъ и чтеніе отдѣльныхъ лекцій въ помѣщеніи общинныхъ школъ, съ предоставленіемъ права посѣщенія ихъ совершенно безплатно всѣмъ желающимъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Общество не будетъ преслѣдовать какихъ-либо политическихъ цѣлей,—говорилось въ опубликованномъ проспектѣ работъ комитета:—курсы и лекціи будутъ носить исключительно научный характеръ. Но такъ какъ отдѣльные лекторы станутъ, несомнѣнно, высказывать, при чтеніи лекцій по исторіи или политической экономіи, свои взгляды и политическія убѣжденія, то комитетъ предполагалъ позаботиться о томъ, чтобы по спорнымъ вопросамъ въ области исторіи или политической экономіи высказывались поочередно лекторы различныхъ партій и направленій. Далѣе, въ опубликованномъ проспектѣ сообщалось, что магистратъ Берлина не только согласился отдать помѣщенія общинныхъ школъ для чтенія лекцій совершенно безвозмездно, но и отказался отъ своего права цензировать содержаніе всего того, что будетъ прочтено въ стѣнахъ общинныхъ школъ. Правительство, съ своей стороны, признало существованіе комитета вполнѣ законнымъ, а многіе депутаты различныхъ партій обѣщали комитету свое содѣйствіе.

Этому временному комитету дѣйствительно удалось устроить въ прошломъ году зимой шесть безплатныхъ курсовъ для народа, каждый въ 6 — 24 лекціи, въ помѣщеніи нѣсколькихъ общинныхъ школъ. Но устроены были эти курсы во всѣхъ отношеніяхъ неудачно. Уже не говоря о томъ, что курсы совершенно не носили характера „университетскихъ“, комитетъ почему-то не позаботился о томъ, чтобы публика была извѣщена о началѣ курсовъ, ихъ программахъ и о времени и мѣстѣ чтенія лекцій. На лекціи собирались, главнымъ образомъ, учителя и учительницы тѣхъ школъ, въ помѣщеніи которыхъ курсы были устроены; заходили и нѣкоторые окрестные жители, случайно узнавшіе, что въ сосѣдней школѣ будутъ о чемъ-то читать, а

входъ безплатный. Затѣмъ, лекторами были приглашены лица совершенно неопытныя, да и темы были подобраны комитетомъ весьма неудачно. Д-ръ Августъ Вольфстингъ, библіотекарь прусской палаты депутатовъ, прочелъ курсъ объ эпохѣ великой французской революціи; д-ръ Александръ Глейхенъ, учитель гимназіи, прочелъ десять лекцій по физикѣ; г-жа Минна Кауфъ, учительница и извѣстная поборница женской эмансипаціи, читала рядъ лекцій по „исторіи женскаго развитія". Курсы же: „О школьной гигіенѣ" и „Объ уходѣ за ребенкомъ въ первые его годы" читались совершенно никому неизвѣстными лицами и далеко не спеціалистами.

Въ началѣ прошлаго года временный комитетъ объявилъ, наконецъ, въ газетахъ, что имъ созывается, для организаціи затѣваемаго Общества, народное собраніе. Но въ роскошномъ залѣ берлинской ратуши собралось всего лишь человѣкъ двѣсти. Собраніемъ руководилъ—нѣсколько неудачно—тотъ же временный комитетъ, предложившій присутствующимъ разсмотрѣть слѣдующіе три пункта, которые, по мнѣнію комитета, должны быть положены въ основу будущихъ университетскихъ курсовъ: 1) въ виду того, что чтеніе отдѣльныхъ лекцій, согласно имѣющемуся опыту, скорѣе приноситъ вредъ, нежели пользу для слушателей, организующееся Общество ставитъ своей задачей устройство лишь систематическихъ курсовъ; 2) Общество будетъ стремиться давать народу только тѣ знанія, которыя, главнымъ образомъ, народу необходимы, и 3) полагая дать возможность посѣщать курсы всѣмъ желающимъ, Общество организуетъ курсы совершенно безплатные. Противъ послѣдняго положенія возражалъ профессоръ Тренненбургъ. Кто знакомъ съ организаціей народныхъ университетовъ,—говорилъ онъ,—у кого имѣется запасъ наблюденій надъ слушателями подобныхъ симпатичныхъ учрежденій, тотъ хорошо знаетъ, что университетскіе курсы для народа не должны быть ни въ какомъ случаѣ безплатными. Если курсы платные,—слушать ихъ идутъ только лица, сознательно желающія учиться. И нѣтъ на свѣтѣ ни одного народнаго университета, въ которомъ не взималась бы за слушаніе курсовъ и лекцій хотя бы скромная плата. Надо знать характеръ нѣмецкаго рабочаго или ремесленника: онъ недовѣрчиво относится къ курсамъ или лекціямъ, если они безплатны; онъ думаетъ, что высшіе классы хотятъ этимъ путемъ вліять на него. Но тотъ же рабочій весьма доволенъ, если имѣетъ возможность учиться за свои трудовыя деньги. Д-ръ Эрнстъ Шульце, авторъ весьма дѣльной книги: „Volkshochschulen und Universitätsausdehnung-

Bewegung", вполнѣ соглашался съ предъидущимъ ораторомъ: нѣмецкій народъ не хочетъ принимать подарковъ отъ буржуазіи. Скажутъ:—а обученіе въ общинныхъ школахъ вѣдь безплатное! Да, но рабочіе, какъ и ремесленники и купцы, платятъ государственные и общинные налоги. Затѣмъ, будущіе университетскіе курсы должны вызвать нѣкоторые расходы, — неужели они будутъ покрыты частными пожертвованіями? Вотъ, въ Вѣнѣ университетскіе курсы получаютъ значительную субсидію отъ правительства; тѣмъ не менѣе, со слушателей лекцій и курсовъ все-таки взимается скромная по размѣрамъ, но опредѣленная плата.

Дальнѣйшіе дебаты касались, главнымъ образомъ, „Гумбольдтовской академіи" и вопроса о томъ, желательно ли и необходимо имѣть въ Берлинѣ еще одинъ подобный институтъ, какимъ, несомнѣнно, явился бы и проектируемый временнымъ комитетомъ народный университетъ. Гумбольдтовская академія основана свыше двадцати лѣтъ назадъ и названа такъ въ честь великаго ученаго Александра фонъ-Гумбольдта, который въ началѣ истекающаго столѣтія читалъ вмѣстѣ съ Фихте публичныя лекціи „о высшихъ проблемахъ жизни природы и человѣка". Съ самаго начала своего существованія Гумбольдтовская академія, получающая значительную субсидію отъ города, преслѣдовала лишь одну цѣль: способствовать дальнѣйшему образованію и развитію среднихъ классовъ населенія. Лица, руководившія академіей, задавались не разъ мыслью о подготовкѣ разносторонне-образованныхъ общественныхъ дѣятелей или даже объ организаціи второго берлинскаго университета; но опытъ показалъ, что академія можетъ лишь удовлетворить жаждѣ знаній у лицъ, которыя не прошли курса средне-учебныхъ заведеній и лишены возможности поступить въ университетъ. Въ Гумбольдтовскую академію поступали многія лица, свободныя лишь по вечерамъ; поступали дамы и дѣвушки, которымъ доступъ въ университетскія аудиторіи былъ совершенно прегражденъ. Контингентъ слушателей былъ въ академіи постоянно довольно большой, такъ что, по приблизительному подсчету, за все время существованія академіи около 1.400 цикловъ лекцій были прослушаны приблизительно 35.000 лицъ обоего пола, и съ начала девятидесятыхъ годовъ большей частью — женщинами. Необходимо тутъ же отмѣтить, что громадное большинство слушателей были представители или представительницы зажиточнаго класса, которые могли платить отъ 5 до 7 мар. и больше за прослушачіе курса въ 10—12 лекцій. Только въ самое послѣднее время,

когда значительное число слушательницъ академіи получили возможность посѣщать университетскія лекціи, приняты были нѣкоторыя мѣры къ постепенному преобразованію Гумбольдтовской академіи въ народный университетъ. Съ рабочихъ, ремесленниковъ, чиновниковъ, учительницъ и учащихся стали взимать по 3 марки за право слушанія одного курса (обыкновенно же взимается по 5 мар. за одинъ курсъ, по 4 марки—за каждый дальнѣйшій курсъ, и по 6—7 марокъ—за каждый двойной курсъ), и достаточно одного заявленія въ бюро академіи для того, чтобы плата совершенно не взималась съ заявившаго о своей нуждѣ слушателя. Но такъ какъ къ этому рѣшаются прибѣгнуть лишь немногіе и такъ какъ три марки—все еще слишкомъ высокая плата для берлинскихъ рабочихъ, то число слушателей академіи изъ среды рабочихъ почти не увеличилось. Но въ общемъ контингентъ слушателей съ пониженіемъ платы увеличился, и въ прошломъ году дирекціи пришлось озаботиться о наймѣ третьяго помѣщенія, именно большого зала Architekten-Haus'a, въ то время какъ раньше лекціи читались въ актовыхъ залахъ двухъ реальныхъ училищъ, въ центрѣ города. Съ прошлой осени дирекція наняла для чтенія лекцій еще два помѣщенія на окраинахъ города, ближе къ предмѣстьямъ; но даже и здѣсь, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, большинство слушателей составляли не рабочіе и ремесленники, а народные учителя и учительницы, мелкіе торговцы, служащіе и т. п. Учебный годъ въ Гумбольдтовской академіи дѣлится на четверти („кварталы"), и въ закончившейся къ прошлому Рождеству четверти 3.285 зарегистрованныхъ слушателей (на 735 чел. болѣе, нежели годомъ раньше) имѣли возможность прослушать 101 циклъ лекцій по самымъ разнообразнымъ предметамъ и научнымъ дисциплинамъ: естественной исторіи, философіи, исторіи литературы и искусствъ, политической экономіи и др. Въ слѣдующій кварталъ, 3.002 слушателя (на 642 чел. болѣе, нежели годомъ раньше) прослушали 94 цикла лекцій (на 13 болѣе, нежели зимой 1898 г.). Въ теченіе послѣдняго зимняго полугодія академія имѣла 6.287 слушателей, болѣе, чѣмъ годомъ раньше, на 1.377 чел., и 44-хъ доцентовъ, мужчинъ и дамъ, среди которыхъ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ лекторовъ берлинскаго университета. Наконецъ, въ послѣднемъ весеннемъ кварталѣ прочтено было 25 доцентами только 57 цикловъ лекцій, такъ какъ обѣ аудиторіи на окраинахъ города весною были закрыты.

Гумбольдтовская академія потому и имѣетъ значительный успѣхъ, что устраиваетъ только лишь систематическіе курсы,—

говорилъ д-ръ Эрнстъ Шульце на упомянутомъ выше народномъ собраніи:—кто не можетъ учиться въ берлинскомъ университетѣ, тотъ учится въ этой академіи. Но она не удовлетворяетъ потребностямъ всего берлинскаго населенія. Академію посѣщаетъ только среднее, зажиточное сословіе. Это происходитъ по тремъ причинамъ: лекціи приноровлены къ степени развитія слушателей изъ бюргерскаго сословія; часы чтенія лекцій весьма неудобны для рабочихъ, да и читаются лекціи очень далеко отъ рабочихъ кварталовъ; наконецъ, плата за слушаніе лекцій взимается въ академіи нѣсколько высокая. Даже теперь, когда плата за слушаніе отдѣльнаго курса уменьшена до 3-хъ марокъ, рабочіе еще не могутъ посѣщать Гумбольдтовскую академію. Говорятъ, что рабочіе не хотятъ учиться. Но почему же въ Вѣнѣ университетскіе курсы посѣщаются тысячами рабочихъ? Потому что тамъ лекціи читались по вечерамъ, а за право слушанія каждой лекціи взималось лишь 10 крейцеровъ.—Д-ру Шульце возражалъ д-ръ Максъ Гиршъ, одинъ изъ основателей и руководителей Гумбольдтовской академіи.—Да, плата взимается въ академіи нѣсколько высокая. Но при основаніи академіи рѣшено было въ принципѣ предназначить ее, именно, для средняго класса берлинскаго населенія; согласно этому, и плата взималась сравнительно высокая, да и лекціи были приноровлены къ пониманію слушателей изъ сравнительно достаточнаго сословія. Теперь руководителями академіи рѣшено привлечь къ слушанію курсовъ болѣе широкіе слои населенія. Это удалось, благодаря пониженію платы за посѣщеніе лекцій. Академію стали посѣщать сотни народныхъ учителей и учительницъ, которые прежде не имѣли возможности этого дѣлать. Въ принципѣ рѣшено, что и впредь плата за право слушанія курсовъ будетъ постепенно уменьшаема. Пока же, если кто-либо сообщаетъ правленію академіи, что онъ желаетъ учиться, но не имѣетъ возможности платить, онъ получаетъ разрѣшеніе посѣщать курсы и лекціи безплатно. Почему же рабочіе, которые не могутъ платить за слушаніе курсовъ, не воспользуются подобнымъ любезнымъ разрѣшеніемъ правленія академіи? Почему они до сихъ поръ составляютъ только три процента общаго числа слушателей? Очень просто: рабочіе не хотятъ учиться [1]). Вотъ, берлинскіе соціальдемократы имѣютъ свой народный университетъ (Arbeiter-Bildungsschule), но онъ не пользуется успѣхомъ, не имѣетъ слу-

[1]) Опытъ перваго берлинскаго народнаго университета, какъ мы видѣли это выше, доказалъ противное.

шателей; а слушателей у него нѣтъ потому, что рабочіе не имѣютъ ни времени, ни охоты учиться. Говорятъ, что рабочіе охотно учатся лишь тому, что̀ имѣетъ для нихъ практическую пользу, но именно этой потребности ихъ Гумбольдтовская академія не удовлетворяетъ. А между тѣмъ, въ академіи преподаются: физика, химія, математика, нѣмецкій языкъ и т. д.; слушателей знакомятъ и съ основами политической экономіи. Все это необходимо знать каждому рабочему. Наконецъ, говорятъ еще, что рабочіе не могутъ посѣщать лекцій Гумбольдтовской академіи потому, что лекторы не приноровливаются къ степени ихъ развитія. Да этого и не должно быть! Научныя истины излагаются лекторами академіи въ достаточно популярной формѣ; если рабочіе все же прослушанныхъ лекцій не понимаютъ, то это происходитъ лишь потому, что элементарное образованіе рабочихъ должно быть пополнено и расширено. Пусть эти рабочіе направляются въ такъ-называемыя „дополнительныя школы“ (Fortbildungsschulen), а Гумбольдтовская академія была и должна оставаться высшею школой. Подобной же высшей школою долженъ быть, несомнѣнно, и предполагаемый народный университетъ. Ораторъ, впрочемъ, полагаетъ, что Гумбольдтовская академія вполнѣ удовлетворяетъ въ данномъ отношеніи нуждамъ берлинскаго населенія, и что всѣ тѣ лица, которыя хотятъ организовать новую академію, сдѣлали бы гораздо лучше, если бы отдали свое время и свои силы на поддержку уже существующей академіи. Д-ру Максу Гиршу возражали нѣсколько лицъ; всѣ они доказывали, что одной Гумбольдтовской академіи еще недостаточно, что новая академія должна быть устроена, главнымъ образомъ, для рабочихъ, и что она будетъ конкуррировать съ Гумбольдтовской лишь въ стремленіи возможно шире и успѣшнѣе популяризировать знанія. Общее впечатлѣніе по окончаніи дебатовъ получилось такое: новый народный университетъ можетъ и долженъ быть основанъ. Главной цѣлью новаго народнаго университета должна быть популяризація „университетскихъ“ знаній. Всѣ курсы должны вестись систематически, по заранѣе выработанной цѣльной программѣ. Курсы, наконецъ, не должны быть ни въ какомъ случаѣ безплатными. Собраніе, большинствомъ голосовъ, приняло въ принципѣ рѣшеніе объ основаніи народнаго университета и тотчасъ выбрало изъ своей среды коммиссію для выработки устава общества. Но о дѣятельности этой коммиссіи по сію пору рѣшительно ничего не слышно.

VIII.

Имѣется ли raison d'être для открытія еще одного народнаго университета въ Берлинѣ или даже цѣлой сѣти университетовъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь вполнѣ утвердительно. Выше было показано, что Гумбольдтовская академія еще далеко не народный университетъ, и что университетскіе профессора, т.-е. представители систематически-разработанной, чистой науки составляютъ среди лекторовъ этой академіи лишь рѣдкое исключеніе. Гумбольдтовская академія даже не удовлетворяетъ вполнѣ нуждамъ бюргерскаго класса берлинскаго населенія, потому что на ряду съ ней процвѣтаетъ еще одна подобная академія, называющаяся лицеемъ имени Викторіи („Victoria-Lyceum"), но и этотъ лицей не можетъ замѣнить университета или играть роль высшаго учебнаго заведенія, хотя среди преподавателей его встрѣчаются имена профессоровъ: Эриха Шмидта (историкъ литературы), Вальдейера (анатомъ), Кекуле-фонъ-Страдонитца (знатокъ античнаго искусства), Блазіуса (естествоиспытатель), Ленца (историкъ) и др. Этотъ лицей отличается отъ Гумбольдтовской академіи прежде всего тѣмъ, что принимаются имъ исключительно слушательницы. Организованы систематическіе курсы въ этомъ лицеѣ такъ: утромъ—для дѣвушекъ, прошедшихъ лишь обязательный курсъ общинной школы (съ шестилѣтнимъ курсомъ, отъ 6 до 14 лѣтъ) или курсъ средней женской школы (Höhere Mädchen-Schule); послѣ обѣда—для желающихъ расширить свои знанія учительницъ. Вечернія же лекціи (за право слушанія каждой взимается 1 марка) предназначены для всѣхъ желающихъ ихъ слушать дамъ. Этотъ лицей, основанный уже тридцать лѣтъ назадъ, за послѣдніе годы сталъ терять многихъ слушательницъ, вслѣдствіе облегченія доступа женщинамъ въ берлинскій университетъ. Бывшихъ слушательницъ лицея привлекаютъ въ университетъ, конечно, какъ имена лекторовъ и прекрасно составленныя коллекціи университета, такъ и новизна для нихъ академической обстановки. По нѣкоторымъ признакамъ можно предположить, что въ лицеѣ имени Викторіи въ недалекомъ будущемъ будутъ устраиваться систематическіе курсы и для женщинъ-работницъ и ремесленницъ. Наконецъ, одно то обстоятельство, что, несмотря на существованіе Гумбольдтовской академіи и обрисованнаго лицея, университетскіе курсы, устроенные профессорами берлинскаго университета, привлекли значительный контингентъ слушателей, побиваетъ высказанное упомянутымъ выше ораторомъ мнѣніе,

будто одной Гумбольдтовской академіи достаточно. Если даже допустить, что оба лицея вполнѣ удовлетворяютъ нуждамъ *бюргерскаго* класса берлинскаго населенія, то вѣдь въ Берлинѣ живутъ еще нѣсколько сотъ тысячъ рабочихъ, для удовлетворенія нуждъ которыхъ одной „Arbeiter-Bildungsschule“ еще совершенно недостаточно. Это—высшая образовательная школа, основанная въ 1891 году рабочими на свои средства и пережившая за недолгое сравнительно время своего существованія серьезные кризисы. По плану основателей школы, въ ней должны были читаться систематическіе курсы по естественнымъ наукамъ, политической экономіи, исторіи, правовѣдѣнію и другимъ общеобразовательнымъ предметамъ. Но отсутствіе средствъ воспрепятствовало выполненію этой довольно обширной программы, и школа влачила весьма жалкое существованіе, пока ее не преобразовали, около трехъ лѣтъ назадъ, въ институтъ для подготовки рабочихъ-агитаторовъ и ораторовъ. Школа представляетъ теперь собою союзъ, и всѣ его платящіе члены имѣютъ право слушать читаемые курсы. Союзъ этотъ имѣлъ къ 1-му апрѣля того года 459 членовъ (412 мужчинъ, 47 женщинъ), но не всѣ они посѣщали въ прошломъ году читаемые въ школѣ курсы; наоборотъ, свыше 100 человѣкъ довольствовались лишь сознаніемъ того, что поддерживаютъ своими взносами школу. Наибольшій контингентъ слушателей-членовъ дали въ прошломъ году столяры, слесаря, фабричные рабочіе, швеи, приказчики, печатники, портные, сапожники, механики и т. д.; среди слушателей можно было встрѣтить одного журналиста, одного кандидата медицины и двухъ адвокатовъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ читались и читаются слѣдующіе немногочисленные курсы: „Основы политической экономіи (извѣстный публицистъ и общественный дѣятель д-ръ Конрадъ Шмидтъ; слушателей въ прошломъ году 87); „Развитіе идеи о возникновеніи міра“ (д-ръ Борхардтъ); „Исторія“ (д-ръ Бертольдъ, 44 слушателя); „Правовѣдѣніе“, „Торговая политика“ (депутатъ и публицистъ Шиппель) и др. Каждый курсъ состоитъ изъ десяти лекцій, читаемыхъ одинъ разъ въ недѣлю вечеромъ. Кромѣ того, слушатели школы подготовляются къ произнесенію публичныхъ рѣчей. Съ этой цѣлью они составляютъ и прочитываютъ время отъ времени рефераты по доступнымъ имъ экономическимъ вопросамъ; дебатами руководитъ писатель Рихардъ Кальверъ. Въ прошломъ году у него было 63 ученика. Школа обладаетъ и маленькой библіотекой въ 1.000 томовъ. Хотя и удалось, путемъ взиманія

членскихъ взносовъ, покрывать расходы по школѣ, тѣмъ не менѣе, существованіе ея совершенно не обезпечено.

IX.

Весьма широка и плодотворна дѣятельность берлинскаго акціонернаго общества „Уранія“, устраивающаго изо дня въ день въ собственномъ, превосходно обставленномъ помѣщеніи чтенія научно-популярныхъ лекцій, преимущественно по естественно-историческимъ наукамъ, и рефератовъ по научнымъ вопросамъ, имѣющимъ характеръ „злобы дня“. Такъ, по возвращеніи Нансена изъ его послѣдняго путешествія, въ научномъ театрѣ прочитана было нѣсколько десятковъ разъ лекція: „О борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса“; а раньше въ томъ же научномъ театрѣ имѣла и имѣетъ еще и теперь значительный успѣхъ лекція: „О рентгеновскихъ лучахъ“. На афишахъ можно встрѣтить и заглавія такихъ лекцій, какъ; „Первобытныя времена человѣчества“, или „Путешествіе по Австріи“ (Швейцаріи, Скандинавіи и др. странамъ); „Элементы атмосферы“ (читалъ англійскій профессоръ Рамсай); „По Востоку“ и т. д. Всѣ эти лекціи, читаемыя въ т.-н. „научномъ“ театрѣ, мало чѣмъ отличающемся отъ другихъ театровъ, сопровождаются иллюстраціями на экранѣ и экспериментами. Систематическихъ курсовъ берлинская „Уранія“ не устраиваетъ, но въ аудиторіи при новомъ, недавно отстроенномъ зданіи можно ежедневно прослушать отдѣльную лекцію по физикѣ или химіи (съ экспериментами), по геологіи (напр., о происхожденіи горъ); по астрономіи (напр., о Марсѣ, Юпитерѣ и Сатурнѣ); по технологіи (напр., о способахъ добыванія сахара), или же лекціи подъ заглавіями: „Клондайкъ“, „Фотографія естественными цвѣтами“ и т. п. Лекціи эти, изъ которыхъ каждая повторяется нѣсколько разъ въ теченіе опредѣленнаго времени, не имѣютъ непосредственной связи съ научнымъ театромъ, и посѣщеніе ихъ оплачивается особо, какъ и осмотръ коллекцій „Ураніи“ (въ новомъ зданіи) или посѣщеніе обсерваторіи (въ старомъ зданіи). Нѣсколько большихъ залъ отведено въ новомъ зданіи подъ физическій, химическій, технологическій, ботанико-зоологическій и др. кабинеты. Коллекціи не особенно богаты, но снабжены особыми приспособленіями, такъ что посѣтители имѣютъ возможность лично продѣлывать опыты, не прибѣгая къ помощи спеціалистовъ. Сюда часто приводятъ школьниковъ, и велика радость дѣтей, если они сами

могутъ привести въ движеніе локомобиль, переговариваться другъ съ другомъ по телефону, выкачивать воду изъ сосуда или воздухъ изъ стекляннаго шара и т. д. Время отъ времени, въ залахъ „Уранiи“ устраиваются разнаго рода выставки и пр. до-историческихъ предметовъ (оружіе, орудія, украшенія), моделей до-историческихъ животныхъ, хромоскоповъ и аппаратовъ, дающихъ цвѣтную фотографію, и т. п. За осмотръ коллекцій взимается 50 пфениговъ, за осмотръ обсерваторіи — столько же; въ научномъ театрѣ цѣны мѣстамъ различныя, но въ общемъ не высокія.

Д-ръ Мейеръ, основатель и долголѣтній директоръ „Уранiи“, вынужденъ былъ недавно отказаться отъ руководства этимъ институтомъ, и затѣмъ послѣдовало основаніе новаго интернаціональнаго научно-театральнаго общества, которое поставило себѣ задачей развивать любовь народа и всѣхъ образованныхъ людей къ природѣ путемъ научно-популярныхъ и художественно-обставленныхъ лекцій, и не только въ Германіи: въ нѣсколькихъ странахъ одновременно къ этому дѣлу привлечены уже многія выдающіяся силы.

X.

Таковы наиболѣе крупныя просвѣтительныя организаціи города Берлина. Что касается провинціи (если можно говорить о провинціи въ странѣ, бывшей всегда и остающейся децентрализованной), то на первомъ мѣстѣ приходится поставить институтъ „Freies Deutsches Hochstift“ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, основанный, по мысли геолога Отто Фольгера, 10-го ноября 1859 г., въ юбилейный день Шиллера. Организовавшійся тогда „ферейнъ“, во главѣ котораго сталъ тотъ же Фольгеръ, ограничивалъ первыя двадцать лѣтъ свою дѣятельность культомъ памяти Гёте, Шиллера и ихъ современниковъ, и даже пріобрѣлъ домъ, въ которомъ родился Гёте и въ которомъ помѣщается теперь институтъ. Въ 1878 г., мѣстный богачъ Теодоръ Мюллеръ завѣщалъ институту значительный капиталъ, благодаря чему институтъ значительно расширилъ свою просвѣтительную дѣятельность. Чтеніе лекцій и систематическихъ курсовъ, поддержка предпріятій и начинаній литературнаго, научнаго или художественнаго характера, пріобрѣтеніе и распространеніе научно-популярныхъ книгъ, учебныхъ пособій и т. п.,—такова въ настоящее время программа дѣятельности института. Экономическая секція его организовала въ началѣ девятидесятыхъ годовъ особый комитетъ

по устройству для народныхъ чтеній и пригласила въ качествѣ лекторовъ извѣстнаго химика Спифиціуса и извѣстнаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя мѣстнаго Gewerbegericht'a, д-ра Флеша. Послѣдній уже и раньше получалъ приглашенія прочитать лекцію или рефератъ по своей спеціальности, политической экономіи, на собраніи той или иной рабочей корпораціи; но эти лекціи были далеко не регулярны и доступны опять-таки не всѣмъ желавшимъ чему-либо научиться. Поэтому упомянутый комитетъ организовалъ постоянныя чтенія и нанялъ для нихъ залъ, вмѣщающій около 700 человѣкъ. Чтенія были объявлены безплатными и доступными для всѣхъ, и наплывъ слушателей всегда былъ и по сію пору таковъ, что далеко не всѣ желающіе могутъ въ иной вечеръ попасть въ залъ; многіе слушатели приходятъ поэтому уже за полчаса до начала чтенія.

Кромѣ института „Freies Deutsches Hochstift", даютъ деньги на поддержку этихъ чтеній какъ описанное выше „Общество для распространенія въ народѣ просвѣщенія", такъ и мѣстная масонская ложа и мѣстное „Политехническое Общество". Комитетъ даже получилъ возможность устраивать не только отдѣльныя чтенія, но и 12—15 цикловъ, въ 2—3 лекціи каждый, по естественной исторіи, медицинѣ, исторіи, законовѣдѣнію, технологіи, педагогикѣ и т. п. Вопреки опыту другихъ подобныхъ учрежденій, лекціи доступны и теперь всѣмъ безплатно, вслѣдствіе чего, на ряду съ приходящими учиться рабочими, ремесленниками, приказчиками, учителями и учительницами, встрѣчаются въ аудиторіи и случайные элементы. Наплывъ слушателей побудилъ комитетъ нанять еще два помѣщенія для чтенія отдѣльныхъ лекцій и курсовъ. Само собой разумѣется, что лекціи и курсы составляются по опредѣленнымъ, строго продуманнымъ программамъ и не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего, что могло бы подать поводъ къ религіозной или политической агитаціи. Два раза въ мѣсяцъ, по воскресеньямъ, одинъ изъ лекторовъ отправляется вмѣстѣ съ группой слушателей или съ очередной рабочей организаціей въ мѣстный музей или картинную галерею и тамъ объясняетъ слушателямъ художественное или культурно-историческое значеніе осматриваемыхъ ими предметовъ. Интересно еще отмѣтить, что комитетъ приглашаетъ на свои засѣданія представителей рабочихъ союзовъ или корпорацій мѣстныхъ ремесленниковъ. Изъ общенія съ этими лицами комитетъ узнаетъ о томъ, каково вліяніе устраиваемыхъ чтеній на слушателей и каковы запросы, предъявляемые послѣдними; тѣ же представители являются посредниками между комитетомъ

и слушателями и привлекаютъ послѣднихъ путемъ личной пропаганды все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Второе мѣсто въ ряду крупныхъ просвѣтительныхъ организацій въ провинціи принадлежитъ основанному въ 1885 г. институту имени Геэ (Gehe-Stiftung) въ Дрезденѣ. Институтъ названъ такъ по имени мѣстнаго богача Геэ (онъ торговалъ аптекарскимъ товаромъ en gros), завѣщавшаго на устройство института два милліона марокъ, съ тѣмъ чтобы руководители института преслѣдовали двоякую цѣль: 1) помощь съ соотвѣтствующей поддержкой лицамъ, готовящимся къ политической или общественной дѣятельности, и 2) поддержку лицъ, которыя посвятили себя общественной дѣятельности, но не съумѣли обезпечить себя лично. Въ виду того, что институтъ существуетъ лишь на проценты съ завѣщаннаго капитала, онъ осуществляетъ пока только первую изъ намѣченныхъ щедрымъ жертвователемъ цѣлей, откладывая изъ получаемыхъ ежегодно 70.000 марокъ около 15% на образованіе фонда для осуществленія и второй цѣли. Кромѣ того, 10% той же суммы идутъ на увеличеніе основного капитала; остальная же сумма уходитъ на содержаніе института, на постоянное пополненіе прекрасной и доступной всѣмъ желающимъ безплатно библіотеки института съ читальней при ней и на устройство народныхъ чтеній и курсовъ. Какъ и всюду въ Германіи, раньше институтъ, имени Геэ, устраивалъ лишь народныя чтенія, приглашая въ качествѣ лекторовъ какого-либо знаменитаго профессора одного изъ германскихъ, австрійскихъ или швейцарскихъ университетовъ, и нанимая для этой цѣли одинъ изъ большихъ залъ Дрездена. Народныя чтенія устраиваются и теперь, уже на ряду съ курсами, читаемыми въ помѣщеніи института, въ залѣ, разсчитанномъ на 100 человѣкъ. Изъ года въ годъ устраивается шесть курсовъ, каждый отъ шести до 20 лекцій, исключительно по такимъ отраслямъ науки, какъ торговое право, народное хозяйство, торговая политика, ученіе о налогахъ, народовѣдѣніе и т. п.; курсы эти читаются двумя состоящими при институтѣ доцентами, д-ромъ Шанце и д-ромъ Вуттке, или приглашаемыми профессорами лейпцигскаго и дрезденскаго высшихъ учебныхъ заведеній. Въ то время какъ устраиваемыя институтомъ народныя чтенія иногда привлекаютъ до 1.000 человѣкъ, курсы эти имѣли въ 1896—97 г. 516 слушателей и годомъ позже 423 слушателя; большинство слушателей—чиновники, купцы, фабриканты, пасторы и учителя. Рабочіе и ремесленники составляютъ меньшинство, объясняемое тѣмъ, что содержаніе курсовъ спеціальное и что на всемъ институтѣ

лежитъ отпечатокъ консервативнаго духа, хотя лекторы, надо отдать имъ справедливость, стараются тщательно избѣгать всего того, что̀ носило бы характеръ освѣщенія съ точки зрѣнія партійныхъ интересовъ. Изъ числа слушателей курсовъ образуется ежегодно болѣе тѣсный кружокъ, который собирается два раза въ мѣсяцъ, чтобы выслушать написанный кѣмъ-либо изъ участниковъ рефератъ по одной изъ отраслей общественныхъ наукъ и принять участіе въ дебатахъ, коими руководитъ одинъ изъ доцентовъ. Геэ при жизни не выработалъ статутовъ будущаго института, предоставивъ сдѣлать это своимъ душеприказчикамъ и выразивъ пожеланіе, чтобы статуты современемъ измѣнялись согласно требованіямъ времени. Описанная организація придана институту совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ представители магистратовъ Дрездена, Лейпцига и Оберъ-Лаузица, также представители мѣстнаго купечества и лейпцигскаго университета, упомянутые два доцента, директоръ института, д-ръ Петерманъ, личный другъ покойнаго Геэ, подавшій ему мысль объ основаніи института, и вице-директоръ: послѣдніе оба управляютъ институтомъ непосредственно. По неизмѣненнымъ пока, вопреки настоятельному требованію времени, первоначальнымъ статутамъ женщины не допускаются ни на чтенія, ни на курсы съ практическими занятіями, ни даже въ читальню при библіотекѣ.

Если мы познакомимся ближе съ многочисленными другими, болѣе или менѣе крупными просвѣтительными организаціями въ провинціи, то мы встрѣтимъ всюду организацію того или другого типа, который былъ уже описанъ выше. Напримѣръ, организація отдѣльныхъ лекцій и курсовъ, подобно устраиваемымъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, встрѣчается въ Грейфсвальдѣ, Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Гамбургѣ и Страсбургѣ; въ послѣднемъ городѣ, а равно и въ Гёттингенѣ, устраиваются лѣтомъ курсы для учительницъ среднихъ школъ. Въ Магдебургѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ уже приступили къ постройкѣ научнаго театра, подобнаго берлинской „Уранiи“. Д-ръ Вильгельмъ Мейеръ предпринялъ прошлымъ лѣтомъ поѣздку по городамъ южной Германіи и читалъ повсюду сопровождавшіяся туманными картинами лекціи „о борьбѣ за достиженіе сѣвернаго полюса“. Въ Лейпцигѣ также существуетъ и процвѣтаетъ „Arbeiterbildungsschule“. Особые курсы для женщинъ, организація которыхъ схожа съ организаціей берлинскаго лицея имени Викторіи, существуютъ въ Бреславлѣ, Кельнѣ и Лейпцигѣ, но характеръ ихъ всѣхъ неопредѣленный, нѣчто среднее между средней школой и университетомъ. Женскія прогрессивныя корпораціи употребили въ по-

слѣднее время много усилій, чтобы ознакомить нѣмецкихъ женщинъ съ ихъ общественнымъ и семейнымъ положеніемъ по новому гражданскому, вступающему вскорѣ въ силу, уложенію. Впрочемъ, какъ перечисленіе значительнаго числа болѣе мелкихъ просвѣтительныхъ организацій, созданныхъ по образцу той или другой изъ обрисованныхъ выше крупныхъ организацій, такъ и сжатая характеристика организацій, ведущихъ, путемъ чтенія рефератовъ и лекцій, политическую, религіозную или гуманистическую пропаганду, не входитъ въ программу настоящей статьи. Послѣднія организаціи представляютъ собой совершенно особую, широкую область, не имѣющую непосредственной связи съ областью внѣшкольнаго просвѣщенія массъ въ Германіи. Съ этой областью имѣетъ гораздо больше точекъ соприкосновенія область народныхъ развлеченій, въ границахъ которой также сдѣлано очень много и достигнуты плодотворные результаты; эта область настолько широка, что характеристикѣ и обрисовкѣ ея можно посвятить особую статью.

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СОНЕТЪ.

Безмолвенъ и угрюмъ, уснулъ дремучій боръ,
Обвѣянъ темнотой и сумрачными снами,
И только иногда таинственный уборъ
Отъ вѣтра зыблется прохладными волнами.

И съ пасмурныхъ небесъ созвѣздій ясный взоръ
Вдругъ упадетъ къ землѣ спокойными лучами,
И звѣзды озарятъ сквозь лиственный узоръ
Тревожно-спящій лѣсъ безстрастными очами.

И снова скроются въ туманѣ облаковъ...
А на землѣ, въ лѣсу,—мерцая робкимъ свѣтомъ,
Какъ будто устыдясь земныхъ своихъ оковъ,

Но жаждая небесъ и полные привѣтомъ—
Для сонма дальнихъ звѣздъ призывомъ и отвѣтомъ—
Дрожа, горятъ огни пигмеевъ-свѣтляковъ...

II.

СФИНКСЫ НАДЪ НЕВОЙ.

Изъ „Пѣсенъ о каменномъ городѣ".

Когда тревожно спитъ столица,
И только плѣнная царица—
Нева томится и груститъ,
И только трепетныя волны,
Тоской невѣдомою полны,
Со стономъ бьются о гранитъ,—

На берегу тогда не дремлютъ
Два сфинкса—и глядятъ, и внемлютъ:
Глядятъ на пышную Неву,
И внемлютъ плеску, внемлютъ шуму
И, погрузившись тихо въ думу,
Какъ будто грезятъ на-яву.

И край родной—родныя Ѳивы—
И Нила желтые извивы,
Пустыни властнаго царя,
И храмъ безмолвно-величавый
Со всей немеркнущею славой,
И жизни дивная заря—

Все передъ ними воскресаетъ...
Но ихъ подножія лобзаетъ
Не полновластная волна;
Не нѣжитъ ихъ горячей лаской,
Не тѣшитъ ихъ волшебной сказкой,
Тоски и холода полна.

Не здѣсь отчизна—ихъ святыня—
И раскаленная пустыня,
И необъятные пески...
Все спитъ... Не слышатъ вздоховъ люди...
И сжались каменныя груди
Отъ сожалѣнья и тоски...

Юрій Верховскій.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.

Въ 1852 году я въ первый разъ посѣтилъ Малороссію, воспользовавшись приглашеніемъ моего двоюроднаго дяди, Ип. Ив. Подчасскаго—погостить у него въ имѣніи подъ Полтавой. Жизнь въ деревнѣ такъ мнѣ понравилась, и я такъ полюбилъ малороссійскій народъ и его пѣсни, что на слѣдующее лѣто, едва началъ таять снѣгъ, я катилъ на перекладной къ моимъ друзьямъ Лизогубамъ въ м. Седневъ, подъ Черниговомъ, вмѣстѣ съ художникомъ Л. Ф. Лагоріо. Весною, слѣдующаго 1854 года, я отправился въ Малороссію одинъ и почти безвыѣздно прожилъ въ ней до конца 1855 года, ведя кочевую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, къ разнымъ помѣщикамъ, посѣщая Черниговъ, Кіевъ, Полтаву.

Живя въ Малороссіи, я старался изучить народъ, зачерчивалъ въ свои альбомы и записныя книжки пейзажи, типы, строенія, утварь; записывалъ пѣсни, сказки и все меня интересующее. Рисунки мои были изданы впослѣдствіи, въ 1861 и 1862 годахъ, въ альбомѣ „Живописная Украина“, который въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Равнымъ образомъ, небольшіе отрывки изъ моихъ воспоминаній того времени и часть собраннаго этнографическаго матеріала были напечатаны во второмъ томѣ „Записокъ о Южной Руси 1857 года“, изд. П. А. Кулиша, и въ журналѣ „Основа“ 1862 года.

I.

Наступила осень 1855 года. Севастопольская война была въ самомъ разгарѣ.. Я жилъ тогда въ полтавской губерніи, въ селѣ Липовицы, пирятинскаго уѣзда,—имѣніи гр. С. П. де-Бальмена.

Усадьба находилась версты полторы или двѣ отъ большой почтовой дороги, съ которой прямой поворотъ шелъ къ дому. Домъ былъ каменный, съ мезониномъ; по обѣ стороны его были каменные флигеля, и передъ ними—просторный круглый газонъ; каменная ограда, обросшая бѣлыми акаціями и пирамидальными тополями, полукругомъ охватывала флигеля и домъ.

Проснулся я какъ-то рано и смотрѣлъ въ отворенное окно; вдали была слышна пѣсня проходящихъ ополченцевъ. Скоро они прошли мимо воротъ въ село, гдѣ была назначена дневка. За ними, въ хвостѣ дружины, слѣдовалъ обозъ и въ концѣ его въ телѣгѣ лежалъ человѣкъ; надъ нимъ съ плачемъ громко причитывала баба. Я сошелъ внизъ и пошелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Время было холерное: везли въ телѣгѣ новобранца, котораго считали умершимъ; за нимъ шла и плакала его мать. Въ это время гостилъ у де-Бальмена и занимался съ его дѣтьми студентъ кіевскаго университета, по медицинскому факультету, Стуковенко [1]). Я позвалъ его, телѣгу предварительно остановилъ, хотя фельдшеръ, сопровождавшій ополченцевъ, сказалъ, что новобранецъ умеръ и мать сняла уже съ него крестъ; но я хорошо помнилъ холеру 1848 года въ Петербургѣ и наставленіе доктора—не терять надежды съ больнымъ и дѣлать все, что̀ возможно, чтобы человѣка согрѣть. Въ познаніе и опредѣленіе фельдшера я не вѣрилъ: больной былъ холоденъ и весь посинѣлъ, но пульсъ его еще оказывалъ признаки жизни. Стуковенко захватилъ съ собою лекарство, и мы больного вынесли въ первую свободную избу, раздѣли, положили на землю, покрывъ его межникомъ [2]); выгнали всѣхъ, кромѣ матери, и начали оттирать его перцовкой, нюхать давали что-то. Оттирали и возились около него шесть часовъ. Больной очнулся; мать обрадовалась, надѣла на него крестъ и насъ благодарила. Мы, съ разрѣшенія начальника, продержали его въ хатѣ еще сутки, потомъ доставили въ дружину, а что̀ было далѣе?... не знаю. Далѣе слѣдо-

[1]) Братъ двухъ докторовъ, изъ которыхъ недавно одинъ, профессоръ кіевскаго университета, скончался.

[2]) Большое теплое шерстяное одѣяло, которымъ снабжаютъ новобрачныхъ.

вало смотрѣть за нимъ и беречь его, а мы только обнялись дружески и порадовались...

Вечеромъ я самъ заболѣлъ холерическими припадками настолько сильно, что мой товарищъ Стуковенко не отходилъ отъ меня всю ночь, и я уже написалъ прощальное письмо къ отцу—однако выздоровѣлъ.

Я много работалъ въ Линовицѣ акварелей, начерчивалъ и записывалъ все, что̀ видѣлъ и могъ собрать. Отправляемые въ Петербургъ рисунки мои Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ продавалъ и высылалъ мнѣ деньги. Изъ картинъ писалъ я въ это время „Стадо овецъ“, эскизъ которой сдѣлалъ въ Туровкѣ, имѣніи милѣйшаго пріятеля моего, историка Николая Андреевича Марковича. Съ этой картиной у меня было непріятное приключеніе. Однажды, проработавъ цѣлое утро надъ небомъ, я, придя къ себѣ вечеромъ, увидѣлъ по всему небу, черезъ всю картину, проведенный слѣдъ пяти пальцевъ. Художники поймутъ мою досаду. Кто это сдѣлалъ—такъ и осталось неизвѣстно.

Жилъ я во флигелѣ совершенно одинъ. Флигель этотъ стоялъ одной стороной обращенный къ подъѣздному двору, а тремя остальными—въ садъ. Онъ имѣлъ нѣсколько комнатъ, зимній садикъ съ балкономъ и четыре выхода, считая и выходъ изъ садика. Во флигелѣ была старая библіотека и портреты фамильные умершихъ предковъ гр. де-Бальмена масляными красками. У прислуживающаго мнѣ мальчика Акимки находился ключъ отъ одной входной двери; отъ садика наружный—у садовника, а остальныя двѣ двери я запиралъ изнутри, оставляя ключи въ дверяхъ. Комната, въ которой я работалъ и спалъ, имѣла большое итальянское окно, и всѣ окна были настолько подняты отъ земли, что ни смотрѣть въ нихъ, ни влѣзть безъ лѣстницы или подставки было нельзя. Преданіе говорило, что во флигелѣ бываютъ слышны шаги съ шарканьемъ туфель, кашель, и случалось видѣть отца или дѣда Сергѣя Петровича де-Бальмена. Вообще, никто не любилъ и не желалъ тамъ квартировать. Считая все это за вздоръ, я охотно поселился тамъ и жилъ въ совершенной тишинѣ и покоѣ. Иногда мнѣ случалось, какъ будто, слышать шлепанье туфель, иногда кашель, и я совершенно къ этому привыкъ, не придавая тому значенія и объясняя себѣ все обманомъ слуха.

Однажды я долго ночью не спалъ, занявшись разсматриваніемъ разныхъ изданій. Я услышалъ яспо шаги, шарканье туфель и кашель. Мнѣ показалось, что непремѣнно кто-либо во-

шелъ изъ сада въ дверь, которую я могъ забыть запереть. Я спокойно всталъ, чтобы узнать, что надо, и со свѣчой пошелъ въ библіотеку. Портретъ покойнаго дѣда былъ на мѣстѣ; я—далѣе къ балкону, ведущему въ большой садъ,—никого, двери заперты, ключъ на мѣстѣ; обошелъ другія двери,—все въ порядкѣ. Я самъ себѣ не повѣрилъ, и подумалъ, ужъ не заснулъ ли я и все слышанное былъ сонъ. Болѣе я никогда не обращалъ вниманія на эти явленія.

Работавъ цѣлый день, я вечеромъ, послѣ обѣда и веселой болтовни, захотѣлъ еще разъ взглянуть, передъ темнотою, на свою работу, а уходя заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ, боясь повторенія ощупыванія картины. Каково же было мое удивленіе и даже испугъ, когда я увидѣлъ, что картина не на мѣстѣ, стулъ, на которомъ я работалъ, поваленъ, и въ комнатѣ все въ безпорядкѣ. Я заперъ дверь и ушелъ въ безпокойствѣ, предположивъ, что я просто не въ своемъ умѣ. Я посидѣлъ съ де-Бальменами, поговорилъ, и когда стемнѣло, рѣшился еще разъ пойти къ себѣ и провѣрить: дѣйствительно ли все это случилось. Вошелъ и вижу—то же. Я опять ушелъ, и тутъ только замѣтилъ переглядываніе дѣтей де-Бальмена, и догадался, что сыграна шутка. Дѣти, съ помощью матери и ея сестры, подставили стулъ къ окну, отворили его, влѣзли и все перетасовали.

Какъ-то у меня истощился запасъ красокъ, который слѣдовало пополнить въ Кіевѣ, куда я, не долго думая, собрался, уложивъ въ дорожную суму двѣ канаусовыя рубашки и кое-какое бѣлье. Плэдъ взялъ съ собою; болѣе ни въ чемъ я не нуждался, разсчитывая вернуться очень скоро.

Пріѣхавъ на перекладной въ Кіевъ, я отправился обѣдать къ знакомому уже мнѣ губернатору Гессе [1]), и къ удивленію встрѣтилъ товарища своего, по пажескому корпусу, Михаила Ростовцева. Мы сѣли рядомъ, и, разговорясь съ нимъ, я узналъ, что онъ ѣдетъ въ Севастополь, посланный туда военнымъ министромъ. Я высказалъ, — какъ онъ счастливъ, что увидитъ все происходящее въ Крыму, на мѣстѣ, а не такъ, какъ мы, узнаёмъ очень поздно и кое-что изъ газетъ. Ростовцевъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ; у него была коляска и курьерская подорожная по военной надобности. Значитъ, мы могли ѣхать быстро. Взявъ свою суму, я выѣхалъ съ нимъ тотчасъ послѣ

---

[1]) Бывшему черниговскому губернатору.

обѣда. Онъ хорошо покушалъ и, выпивъ хорошаго вина, подремливалъ, а я, вина не пившій, мечталъ о тѣхъ эскизахъ и картинахъ, которыя носились въ моемъ воображеніи, подъ вѣяніемъ ходившихъ разсказовъ и чтенія газетъ.

Ѣхали мы день и ночь, безъ остановки. Погода была прекрасная, теплая. По степи неслось такое множество птицъ, какого я никогда не видѣлъ; я бросалъ свою шляпу въ нихъ, не укорачивая бѣга лошадей, въ надеждѣ поймать ихъ, но ничего не поймалъ, выскакивалъ изъ экипажа, бралъ шляпу и опять садился. Эти стаи птицъ-благодѣтелей неслись за саранчой, которая, какъ облако, туманила солнце, распространяя вонь по всей степи. Эта саранча и птицы летѣли сотни верстъ.

Грустную картину представляли транспорты съ порохомъ, бомбами и ядрами, двигавшіеся на волахъ. На телѣгѣ лежало по пяти бомбъ, и волы медленнымъ шагомъ двигались, дѣлая въ сутки по 25 верстъ, тогда какъ министерство разсчитывало на быстроту чуть не 50 или 100 верстъ въ сутки на лошадяхъ. Подряды были сданы, и въ министерствѣ предполагали, что, по ихъ разсчету, въ Севастополѣ должно быть достаточное количество снарядовъ и пороху; а между тѣмъ часто волы не дѣлали иногда и 25 верстъ: сломается ось или колесо, выйдутъ и запасные, надо ѣхать куда-нибудь, отыскивать, гдѣ можно срубить или купить; а эти мѣста были далеко, ихъ не было и видно. Чтобы скотину напоить, надо было доѣхать до колодца, гдѣ ей придется по дорогѣ, да ведро воды достать чуть ли не съ того свѣта,—такая глубина,—а иногда и платить по 20 копѣекъ за ведро. Отъ недостатка въ порохѣ, бомбъ и ядеръ, гранатъ и проч. было сдѣлано секретное распоряженіе, чтобы на 50 выстрѣловъ непріятеля отвѣчали пятью.

По степи валялась масса труповъ лошадиныхъ и воловьихъ; мы, приближаясь къ Крыму, болѣе и болѣе встрѣчали раненыхъ, которыхъ везли какъ телятъ на убой; ихъ головы бились о телѣги, солнце пекло, они глотали пыль, изъ телѣгъ торчали ихъ руки и ноги, шинели бывали съ верху до низу въ крови. Меня все болѣе и болѣе охватывала жалость и досада, а планы фантастическіе о картинѣ—исчезали, и наконецъ не только исчезли, но и духъ мой былъ возмущенъ до крайности. Я вознегодовалъ и меня взяло отвращеніе отъ войны. Мѣняя лошадей въ Симферополѣ, слѣдовательно за шестьдесятъ верстъ отъ Севастополя, мы ясно слышали бомбардировку и видѣли множество тянувшихся подводъ съ ранеными изъ Севастополя.

Подъѣхали мы рано утромъ къ Севастополю и остановились

на Инкерманскихъ высотахъ, гдѣ находилась главная квартира главнокомандующаго князя Горчакова и его штаба. Михаилъ Ростовцевъ расположился въ палаткѣ своего брата Николая [1]), тоже моего однокашника по пажескому корпусу, храбраго, разумнаго и всѣми любимаго. Меня помѣстили въ землянкѣ Николая Ростовцева; кроватью служилъ на колышкахъ плетень. У потолка землянки подвѣшены были окорока, и ночью, когда я потушу свѣчу, по мнѣ начинали бѣгать крысы и лазить за провизіей; отъ нихъ я укрывался въ плэдъ съ головой и чувствовалъ нерѣдко, какъ шлепалась на меня упавшая сверху крыса. Ихъ грызня и визгъ продолжались до утра, или прекращались, когда я зажигалъ свѣчу.

Завтракали мы, живущіе въ главной квартирѣ, за общимъ столомъ; обѣдали тоже. Воды не было, и хотя до того времени я вина не пилъ, а жажда требовала питья, но пришлось удовлетворять ее, какъ и всѣ, виномъ. Это на меня дѣйствовало непріятно. Для чаю и умыванія привозили воду за нѣсколько верстъ съ Бальбека; вода была коричневая, и я умывался, наливъ на полотенце одеколону.

За завтракомъ и за обѣдомъ являлись новые куплеты къ пѣснѣ, сочиненной какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ, которая начиналась такъ:

Какъ восьмого сентября
Мы за вѣру, за Царя,
Отъ французъ ушли.
Меньщикъ умный енаралъ,
Суденышки потопилъ
Въ морѣ, въ пучинѣ.
Молвилъ: щастья вамъ желаю,
Самъ пошелъ къ Бахчисараю—
Ну васъ всѣхъ въ ....
Сенъ-Арно тамъ показался,
Онъ уштиво обращался —
Сзади обошелъ...

Пѣсня эта довольно свободно распѣвалась и даже иногда солдатами. Пѣли ее на напѣвъ: „Я цыганка молодая“...

Такъ какъ напѣвъ былъ общеизвѣстный и хорошо подошелъ къ пѣснѣ, то распространеніе ея шло быстро. Пѣсня эта—вполнѣ правдивая картина положенія нашего подъ Севастополемъ. Очень жаль, что всю ее привести тутъ не могу.

---

[1]) Полковника генеральнаго штаба. Оба брата—сыновья извѣстнаго Якова Ивановича Ростовцева, впослѣдствіи графы по заслугамъ отца.

Безпорядокъ былъ невообразимый. Главнокомандующій — человѣкъ ученый, храбрый, но почти безумный—до того былъ разсѣянъ. Онъ пришелъ однажды, мокрый отъ дождя, въ палатку начальника штаба Коцебу и легъ у него на постель съ ногами, въ мокрыхъ и грязныхъ сапогахъ. Коцебу пріоткрылъ входъ, желая войти, но, увидавъ главнокомандующаго лежащимъ на постели съ руками подъ голову, подумалъ, что онъ спитъ, и вышелъ. Главнокомандующій долго оставался въ такомъ положеніи; наконецъ, Коцебу понадобилось войти. „Что вамъ здѣсь нужно? Ступайте!“—закричалъ онъ на него.

Кромѣ двухъ Ростовцевыхъ, оказался тутъ мой однокашникъ по пажескому корпусу: Мусинъ-Пушкинъ; онъ былъ старше меня, но такъ какъ тоже рисовалъ тогда, то это насъ сблизило. Я перезнакомился со всѣми, и былъ единственный человѣкъ въ арміи въ штатскомъ платьѣ. На мнѣ, по обыкновенію, были: сѣрый пиджакъ, такой же жилетъ и штаны въ сапоги, и сѣрая, съ полями, пуховая шляпа, которыхъ такъ не любилъ покойный уже тогда императоръ Николай I. Меня уговаривали надѣть военную шинель и фуражку, но я не принялъ совѣта, имѣя къ нимъ непреодолимое отвращеніе [1]).

Армія наша отступила въ ночь съ 25-го на 26-е августа 1855 года. Мы пріѣхали рано утромъ, и я, взявъ лошадь и казака-проводника, тотчасъ отправился на горку, гдѣ былъ флагъ и откуда можно было видѣть кругомъ, а оттуда на берегъ бухты къ мосту—посмотрѣть кончавшееся уже отступленіе. Южная сторона была въ огнѣ; мѣстами были взрывы. Отступавшее войско было въ безпорядкѣ, какъ спутанное стадо барановъ. Взорвало меня негодованіе, когда я увидѣлъ упавшаго отъ безсилія солдата, котораго армейскій офицеръ ножнами своей сабли приводилъ въ чувство... У меня, у штатскаго, спрашивали: а гдѣ такой-то полкъ? и т. п. Мачты затопленныхъ нашихъ кораблей торчали изъ воды. Картина была тяжелая.

Начальникомъ штаба артиллеріи былъ генералъ Крыжановскій, котораго я встрѣчалъ не разъ по праздникамъ у моей тетушки Крыжановской [2]), въ Петергофѣ на дачѣ, во время кадетскихъ лагерей. Онъ очень былъ любезенъ со мною, прикомандировалъ ко

[1]) Гр. С. П. Де-Бальменъ былъ, по доносу, отправленъ въ Петербургъ, гдѣ просидѣлъ въ III отдѣленіи. По разрѣшеніи ему ѣхать обратно въ Малороссію, Дубельтъ, начальникъ III отд., посовѣтовалъ ему перемѣнить его сѣрую съ полями шляпу на цилиндръ и въ такой шляпѣ не попадаться на глаза императору.

[2]) М. А. Крыжановская, рожденная Перовская, родная сестра моей матери, была вдова коменданта спб. Петропавловской крѣпости, М. К. Крыжановскаго.

мнѣ казака верхового и лошадь. Этотъ донецъ всегда держался поодаль.

Проѣхалъ я однажды подальше и пожелалъ срѣзать камышъ около рѣчки, но сообразилъ, что дѣло не совсѣмъ ладно, и этому помогла мнѣ бывшая кадетская жизнь на маневрахъ и въ лагеряхъ. Увидѣлъ я за рѣчкой амбразуры, смотрящія на насъ, и вернулся, а донецъ давно отсталъ. Такъ мнѣ и не удалось добыть камышу для рисованія. Когда я вернулся къ Крыжановскому, онъ удивился, гдѣ я былъ и какъ никто меня не остановилъ, такъ какъ оказалось, что я проѣхалъ за наши батареи и форпосты и былъ у Черной рѣчки, въ мѣстѣ весьма опасномъ, гдѣ непріятель могъ подстрѣлить своими дальнобойными штуцерами.

Поѣхалъ я съ Ник. Ростовцевымъ къ бухтѣ, чтобы посмотрѣть, какъ взлетаютъ наши укрѣпленія и что тамъ дѣлается. Мы увидѣли въ бинокль—на томъ берегу ставятъ французы пушки, а на нашемъ — курскіе ополченцы дѣлаютъ кирками канавки, чтобы засѣсть тамъ съ ружьями, по чьему-то распоряженію. День былъ жаркій, и мы вздумали сдать лошадей донцу и выкупаться, расположась подъ самыми амбразурами нашего форта. Едва мы влѣзли въ воду и окунулись, какъ изъ амбразуры матросъ намъ закричалъ, чтобы мы уходили: „а то, вонъ, видишь, наши пустили въ него,—онъ намъ теперь задастъ“. Брошенная съ берегового форта въ корабль или пароходъ бомба, лопнувъ, обрисовала густое облачко на небѣ. Мы скорѣе выскочили изъ воды, схватили свое платье и бѣлье, забѣжали за уголъ форта и одѣлись; казакъ подалъ намъ лошадей, и едва мы успѣли на нихъ сѣсть и завернуть въ болѣе безопасное мѣсто, какъ грянула пушка съ того берега въ нашихъ ополченцевъ и перебила человѣкъ десять. Обмѣнявшись съ нами выстрѣлами, непріятель отвѣчалъ на нашъ одинъ безцѣльный выстрѣлъ нѣсколькими съ моря и суши; затѣмъ стрѣльба смолкла, и нашимъ было приказано не стрѣлять. Да и возможно ли было стрѣлять, дразнить и вызывать на бой намъ, которые находились въ хаотическомъ безпорядкѣ!—Надо замѣтить и то, что ополченцы устраивали на берегу канаву съ трудомъ, такъ какъ грунтъ былъ каменистый, и работали кирками; валъ былъ изъ щебня, и не мало перебило нашихъ не только выстрѣломъ французскаго полковника, но и разнесеннымъ щебнемъ.

Мнѣ, наконецъ, опостыла и опротивѣла тутъ глупая, праздная жизнь и безполезная трата силъ столькихъ тысячъ людей, безплодно обреченныхъ на смерть! Тягостно было видѣть утомлен-

ныхъ ополченцевъ, чистящихъ свои кремневыя ружья землей и пескомъ. На всѣхъ лицахъ выражалась апатія, все предоставлено было русскому „авось“. Я не могъ долѣе выносить этого, и горячо желалъ попасть куда-нибудь, хоть въ цлѣнъ, въ Константинополь, Италію, Францію или Англію, которыя всегда жаждалъ видѣть.

Я искалъ случая уѣхать, и когда Михаилъ Ростовцевъ предложилъ мнѣ остаться и участвовать въ какой-то экспедиціи около Евпаторіи, гдѣ будетъ и онъ, чтобы воспользоваться случаемъ получить орденъ, я разсмѣялся, отвѣтилъ отказомъ и еще настоятельнѣе искалъ возможности выѣхать изъ Севастополя. Я готовъ былъ выбраться хоть на верблюдѣ, на волахъ, уйти пѣшкомъ, лишь бы выбраться,—а лошадей взять почтовыхъ было совершенно невозможно.

Случай выбраться скоро представился. Полковникъ артиллерійскій Хлопонинъ, по случаю раны въ голову, былъ отпущенъ въ отпускъ и стремился въ Петербургъ, къ молодой, до безумія имъ любимой женѣ. Онъ нанялъ еврея, и мы, простившись съ Ростовцевыми и другими, благополучно выбрались изъ Инкермана, и чѣмъ далѣе отъ Севастополя, тѣмъ радостнѣе было на душѣ моего спутника и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ. Города Бахчисарай и Симферополь мнѣ очень нравились своею живописностью, но дорога отъ Севастополя до Симферополя была отвратительная,—и этотъ маленькій кусокъ полотна въ 60 верстъ мы не могли превратить въ хорошее шоссе!—тогда какъ пространство, занятое непріятелемъ, было изрѣзано прекраснымъ шоссе на 200 верстъ и имѣло желѣзную дорогу.

Въ Бахчисараѣ, вполнѣ восточномъ городѣ, я осмотрѣлъ дворецъ и ѣздилъ въ монастырь и Чуфутъ-Кале. Городъ чрезвычайно своеобразный, населенный караимами.

Однажды въ Бахчисараѣ я рано утромъ отправился по городу съ альбомомъ и рисовалъ; ко мнѣ подошелъ какой-то человѣкъ въ суконномъ, гороховаго цвѣта халатѣ, въ какой-то форменной фуражкѣ и, вырвавъ у меня изъ рукъ альбомъ, началъ его осматривать. Я взялъ альбомъ у него изъ рукъ, перевернулъ его какъ слѣдуетъ, такъ какъ онъ держалъ его вверхъ ногами, и ему отдалъ: „Вотъ такъ надо смотрѣть, а не вверхъ ногами“. Онъ началъ перелистывать альбомъ и, обратясь къ полицейскому, сказалъ:

— Отведи его къ коменданту!

Комендантъ жилъ во дворцѣ, и меня потѣшало, что̀ будетъ далѣе. Я шелъ съ полицейскимъ, который несъ мой альбомъ.

— Пожалуйста, не иди такъ скоро, я не поспѣваю, да чего добраго и убѣгу, а въ толпѣ и этой толкотнѣ ты меня и не найдешь.

Мы были уже недалеко отъ дворца, какъ повстрѣчался намъ другой полицейскій, остановилъ моего, что-то переговорили они по-татарски, оба сдѣлали мнѣ честь, отдали альбомъ, извинились и просили слѣдовать куда мнѣ угодно.

Почему меня задержали, кто и почему освободили—осталось для меня тайной. Но что бы не случилось еще чего-либо подобнаго, могущаго кончиться и не такъ скоро, и не такъ пріятно, я остальные дни ѣздилъ верхомъ; неоднократно встрѣчая полицейскія власти въ гороховомъ халатѣ, всегда имъ посылалъ рукою поцѣлуи, и, показывая на альбомъ, былъ увѣренъ, что въ случаѣ погони ускачу на станцію, гдѣ меня выручатъ.

Дѣлая, по условію съ евреемъ, по 50 верстъ въ сутки съ отдыхами, все-таки мы подвигались къ цѣли нашего путешествія, хотя и медленно.

Дорогой Хлопонинъ былъ до крайности возбужденъ: и долго ѣдутъ, и долго запрягаютъ!—и безпрестанно лѣзъ бить людей, такъ что мнѣ приходилось не одинъ разъ выручать его изъ непріятности. Воинъ былъ возбужденъ раной въ голову и нетерпѣніемъ увидѣть жену, о которой много говорилъ. Я разспрашивалъ его объ альмскомъ сраженіи, гдѣ мы были побиты и отступили. Хлопонинъ стоялъ тогда на лѣвомъ флангѣ и былъ увѣренъ, что флотъ подойти къ нему не можетъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла, и что впереди его, рѣчка—непроходимая для пѣхоты. Расположеніе нашей арміи было крѣпкое и позиція надежная. Что̀ же оказалось? Непріятельскій флотъ началъ обстрѣливать нашъ лѣвый флангъ и его батарею жестоко; черезъ рѣчку французы штуцерами били нашихъ артиллеристовъ; Сентъ-Арно, крикнувъ зуавамъ: „Allons, ma brave cavalerie!“—повелъ ихъ въ атаку; они перешли рѣчку, и орудіямъ нашимъ пришлось отступать съ перебитой прислугой. Самъ Хлопонинъ былъ раненъ. На мосту черезъ рѣку, гдѣ были англичане, происходила упорная борьба, кончившаяся нашимъ отступленіемъ. Въ арміи нашей произошелъ безпорядокъ, и главнокомандующій тогда кн. Меншиковъ бранилъ наши войска нецензурными словами. Поле битвы покрылось трупами, и ночью ихъ поѣдали волки и собаки, что̀ видѣли команды, посланныя на уборку тѣлъ.

Мы съ Хлопонинымъ наконецъ прибыли въ Полтаву, простились и поѣхали по разнымъ дорогамъ—онъ къ женѣ, я въ Линовицу, въ свое теплое гнѣздо. Сердце мое тоже начинало биться усиленно: что-то я тамъ увижу!

По всей дорогѣ отъ Севастополя до Днѣпра валялись трупы и остовы лошадей и быковъ; тянулись тѣ же обозы, войско и ополченцы. Ѣхалъ я туда же, гдѣ жилъ до моей поѣздки въ Севастополь; гдѣ сердце мое отдыхало: къ де-Бальменамъ, Лизогубамъ, Галаганамъ, Марковичамъ. Всѣхъ интересовало все происходившее въ Севастополѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій. Кромѣ безотраднаго о нашемъ положеніи, я ничего сказать не могъ. Упомянутая пѣсня о нашихъ битвахъ подъ Севастополемъ вызывала смѣхъ, и негодованіе, и тяжелое чувство безпомощности.

Мѣсяца черезъ три я получилъ извѣстіе отъ отца, а затѣмъ и брата Владиміра, который поступилъ въ только-что сформированный полкъ стрѣлковъ императорской фамиліи, что они идутъ въ Одессу и къ такому-то числу должны быть въ Ахтыркѣ. Я отправился на встрѣчу. Наступала зима, и я, въ черномъ малороссійскомъ бараньемъ полушубкѣ и такой же шапкѣ, съ палкою въ рукахъ, частёхонько выходилъ за городъ, поджидая полкъ, который наконецъ показался. Впереди шла кучка офицеровъ и подлѣ нихъ главный начальникъ, мой дядя Левъ Алексѣевичъ Перовскій, преобразившійся въ военнаго; тутъ же шелъ командиръ роты Его Величества гр. Алексѣй Павловичъ Бобринскій и прочіе, а двоюроднаго моего брата, обратившагося тоже въ военнаго маіора,—гр. Алексѣя Константиновича Толстого—не было. Оказалось, что онъ остался съ матерью въ Петербургѣ и долженъ былъ пріѣхать прямо въ Одессу.

Меня сначала не узнали, и конечно мы съ радостью и болью въ сердцѣ встрѣтились братски и расцѣловались.

Съ Ахтырки полкъ продолжалъ свой путь уже безъ Перовскаго; я шелъ съ ними двѣ недѣли; иногда ѣхалъ верхомъ на чудномъ башкирѣ Алексѣя Толстого, котораго ему подарилъ Василій Алексѣевичъ Перовскій. Оставляя полкъ, я уѣзжалъ впередъ, на отводимую для брата квартиру, для ночлега или дневки, и помогалъ устроить все нужное для ѣды и отдыха. Однажды случилось провести полкъ сокращеннымъ путемъ черезъ степь, по которой я зналъ дорогу. Полкъ былъ молодецкій и состоялъ изъ сибирскихъ стрѣлковъ, былъ вооруженъ не кремневыми

ружьями, какъ прочіе, а штуцерами, и одѣтъ, въ первый разъ, по-русски и со смысломъ, по наброскамъ Алексѣя Толстого и брата Владиміра.

Разставшись съ полкомъ, не безъ слезъ съ братомъ и прочими, я вновь вернулся въ свои гнѣзда и, на этотъ разъ, жилъ наиболѣе въ Васковцахъ у Михаила Андреевича Марковича, брата историка; съѣздилъ подъ Борзну въ хуторъ Матроновку, къ Пантелеймону Александровичу Кулишу, у котораго погостилъ съ недѣлю.

Осень 1855 года я провелъ въ Линовицѣ, и де-Бальмены собирались зимовать въ Кіевѣ. Я и тутъ собиралъ пѣсни, разсказы и сказки, и наконецъ, дождавшись зимы, задумалъ ѣхать въ Кіевъ. Мятель была страшная, крыльцо занесло по колѣно. Подъ звуки вѣтра и лая собакъ я заснулъ, и видѣлъ во снѣ стараго дѣда Чауса, у котораго особенно часто бывалъ и записывалъ сказки. Онъ, вижу я, караулитъ огородъ; никто не можетъ близко показаться; собаки бросаются, лаютъ, визжатъ и рвутъ; припершись къ забору, я обороняюсь своей палкой и кричу дѣда. Проснулся... ночь глухая, мятель воетъ, рвется въ ставни; глухой стонъ замираетъ вдали.

Собравъ свой маленькій багажъ въ сакъ, холсты и начатыя работы, я отправился на станцію Махновку, гдѣ мнѣ дали почтовыя сани, и оттуда на перекладной въ Кіевъ. Морозъ былъ жестокій вплоть до Кіева, и у меня не было ни наушниковъ, ни перчатокъ, которыхъ не ношу и до сего дня, ни калошъ или валенокъ, которыя теперь ношу, и о которыхъ немного жалѣлъ въ то время, что ими не запасся. Помню, какъ на одной станціи мнѣ совѣтовали переночевать, такъ какъ нападаютъ волки. Но это-то мнѣ и желательно было видѣть, и я отправился. Ночь была лунная, дорога хорошая, и дѣйствительно въ одной изъ лощинъ, окруженной кустами и камышами, насъ преслѣдовали пять волковъ, подбѣгая очень близко къ санямъ. Мы проѣхали благополучно. Всю дорогу я поджималъ ступни ногъ подъ себя, и отогрѣвалъ ихъ на станціяхъ, пока перепрягали лошадей.

Въ Кіевѣ я поселился въ квартирѣ П. А. Кулиша, который жилъ съ женой и братомъ ея. Квартира его была недалеко отъ Золотыхъ-Воротъ. П. А., какъ всегда, былъ за работой, и надо отдать ему справедливость, что такихъ работниковъ неутомимыхъ мало. Жена его, Александра Михайловна, помогала ему перепиской. Я былъ встрѣченъ съ радостью и дружески.

Кулишъ тотчасъ меня началъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ и весьма былъ обрадованъ, когда я ему все разсказалъ и передалъ ворохъ записанныхъ пѣсенъ и сказокъ. Онъ все выслушивалъ внимательно, и тутъ же записывалъ слышанное, какъ дѣлалъ всегда. Результатъ нашихъ бесѣдъ былъ помѣщенъ имъ во второмъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“.

Гр. де-Бальменъ поселился не помню на какой улицѣ, и недалеко отъ него жилъ Василій Васильевичъ Тарновскій, очень умный человѣкъ, которому дядя его, Григорій Степановичъ Тарновскій, умирая, передалъ свое значительное состояніе. Этотъ Тарновскій, бывшій прежде учителемъ, пріятель Григорія Павловича Галагана, принималъ участіе впослѣдствіи вмѣстѣ съ Галаганомъ въ коммиссіи по освобожденію крестьянъ [1]).—Григорій Павловичъ Галаганъ тоже поселился на зиму въ Кіевѣ, купивъ тамъ домъ, и жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Тутъ же жили съ нимъ, какъ и въ Сокиренцахъ, графъ и графиня Комаровскіе съ дѣтьми и одна изъ дочерей М. А. Марковича, Надежда Михайловна, вышедшая замужъ за брата жены Галагана, Василія Васильевича Кочубея.—Итакъ, у меня было достаточно знакомства, чтобы пріятно проводить зиму. Къ этому знакомству слѣдуетъ добавить профессора исторіи при университетѣ, Платона Васильевича Павлова, профессора анатоміи Вальтера, къ которому я приносилъ собираемые мною въ оврагахъ черепа и кости, вмѣсто визитныхъ карточекъ. Этотъ Вальтеръ имѣлъ злой языкъ; насмѣшливый, остроумный, онъ зналъ замѣчательно хорошо свой предметъ, былъ умомъ и лицомъ похожъ на Вольтѣра, какъ мы и прозвали его съ де-Бальменомъ.

Тогдашній попечитель университета, Юзефовичъ, былъ хорошо ко мнѣ расположенъ и дозволилъ заниматься въ залѣ университета, гдѣ стояли античныя статуи, и въ сосѣдней съ нею комнатѣ. Благодаря этому удобству, я тамъ кончалъ свою картину „Чумаки“, и, кромѣ того, открылъ художественный классъ, пользуясь живущими въ то время въ Кіевѣ художниками: А. А. Агинымъ и И. В. Штромомъ. Агинъ былъ тогда учителемъ рисованія въ кадетскомъ корпусѣ, а Штромъ строилъ Владимірскій соборъ.

Со Штромомъ у меня были частые разговоры и споры о народной архитектурѣ и особенно малороссійской, противъ ко-

---

[1]) Василій Васильевичъ Тарновскій—отецъ нынѣ живущаго Василія Васильевича Тарновскаго, любителя всего малороссійскаго и собирателя интересныхъ историческихъ и этнографическихъ малороссійскихъ сокровищъ.

торой онъ возражалъ; но наконецъ онъ согласился по моимъ наброскамъ составить планъ и фасадъ каменнаго малороссійскаго дома, который вышелъ удаченъ и оригиналенъ, и Штромъ примирился со мной. Эти чертежи были мною подарены С. П. Бальмену, такъ какъ ему приходилось дѣлиться въ Линовицѣ съ своимъ братомъ Александромъ, и въ части, которая отходила Александру, предполагалось строить домъ. Существуетъ ли домъ, построенный по этому проекту, сохранились ли чертежи—не знаю, прекративъ давно сношенія съ этимъ семействомъ.

Я просилъ профессора Вальтера читать намъ художественную анатомію, что̀ онъ исполнялъ безвозмездно, ясно, интересно и охотно, указывая мускулы при разныхъ движеніяхъ на голыхъ натурщикахъ и антикахъ. Лекціи посѣщались мной, Агинымъ, Штромомъ, де-Бальменомъ, а былъ ли кто еще—не помню. По вечерамъ, при особо нами приспособленной лампѣ, мы рисовали натурщиковъ въ костюмахъ карандашомъ, красками, кому чѣмъ было угодно. Жизнь шла тихо и прекрасно.

Александръ Алексѣевичъ Агинъ, съ которымъ я познакомился въ бытность мою въ академіи [1]), очутился въ Кіевѣ случайно. Его пригласилъ къ себѣ богачъ Мальцевъ, чтобы учить дѣтей его рисованію, русскому языку и ариѳметикѣ. Жилось Агину у него не по вкусу. Обращеніе Мальцева съ прислугой и самимъ Агинымъ ему не нравилось; а когда Мальцевъ снарядилъ свой пароходъ и отправился на немъ на югъ Россіи, то жизнь Агина на пароходѣ ему уже такъ опостыла въ этой компаніи, что онъ, нищій какъ есть, вышелъ на берегъ и болѣе не возвращался. — Я случайно узналъ объ его пребываніи въ Кіевѣ, и такъ какъ мы были большіе друзья, то тотчасъ же отправился его отыскивать и нашелъ въ маленькой комнаткѣ въ дрянномъ трактирѣ, сидящимъ на столѣ въ нижнемъ бѣльѣ и штопающимъ свои штаны. Объяснились и расцѣловались.

— Ну, что̀ же ты тутъ, другъ мой, дѣлаешь и какъ попалъ?

— Да что̀, братъ, какъ видишь, штопаю штаны: приходится сегодня кой-куда пойти.

Тутъ онъ вынулъ табакерку, взялъ медленно щепотку табаку, понюхалъ и продолжалъ свою работу.

— А какъ сюда попалъ?

— Такъ это, братъ, цѣлая исторія...

---

[1]) Съ его рисунковъ были сдѣланы гравюры Аѳанасьевымъ„—Ветхій Завѣтъ въ картинахъ“, изданныя Прянишниковымъ и Сапожниковымъ въ 1861 году. Съ его же рисунковъ были гравюры на деревѣ, исполненныя Бернардскимъ къ „Мертвымъ Душамъ“ Гоголя.

И вотъ онъ разсказалъ мнѣ свое житье у Мельцева и какъ онъ его бросилъ.

Агинъ былъ чрезвычайно лѣнивъ. Бывало, приду къ нему, а онъ опять, раздѣтый, въ одномъ бѣльѣ, сидитъ на столѣ и точитъ свой кинжалъ, или опять что-либо штопаетъ. Въ его судьбѣ приняли участіе И. В. Штромъ и Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ, и пристроили его учителемъ въ корпусъ.—Впослѣдствіи я его потерялъ изъ виду и узналъ, что онъ былъ помощникомъ начальника станціи на курско-кіевской желѣзной дорогѣ—и тамъ умеръ. Жаль его! Большой талантъ! При другихъ обстоятельствахъ жизни, былъ бы другой человѣкъ и имѣлъ бы серьезное значеніе въ исторіи нашего искусства. Къ сожалѣнію, письма его ко мнѣ, иногда весьма подробныя и интересныя, пропали.

Само собою разумѣется, что я безпрестанно бывалъ у Галагановъ, гдѣ обѣдалъ ежедневно и забавлялся съ сыномъ Григорія Павловича, Павлусемъ, уже бѣгавшимъ и говорившимъ; на него не могли достаточно нарадоваться родители, бабушка и всѣ, кому впослѣдствіи онъ причинилъ столько горя своею преждевременною смертью. Память о сынѣ, какъ извѣстно, освятилъ Галаганъ учрежденіемъ коллегіи его имени.

Кулишъ въ это время собиралъ матеріалъ для изданія второго тома „Записокъ о Южной Руси“. Александра Михайловна (его жена) очень характерно пѣла малороссійскія пѣсни, что дѣлалъ иногда и братъ ея. Тутъ у Кулиша я познакомился съ М. Грабовскимъ, къ которому мы обѣщали пріѣхать въ имѣніе, и который купилъ у меня моихъ „Чумаковъ“. Нерѣдко я бывалъ и у Вас. Вас. Тарновскаго—и помню, какъ меня просили спѣть, и я пропѣлъ двѣ-три пѣсни малороссійскія и былъ порадованъ тѣмъ, что у хозяина пробились одна за другой слезы, а я былъ осыпанъ похвалами.

Я ходилъ постоянно въ своемъ черномъ полушубкѣ и черной бараньей шапкѣ, съ палкой, и никогда на извозчикахъ или въ экипажахъ не ѣздилъ. Засиживался иногда до поздняго вечера, почти до ночи, и отправлялся на ночь въ квартиру Пантелеймона Александровича, въ свою комнату.

Я вышелъ разъ на улицу. Морозъ былъ жестокій, а мятель еще хуже. Пусто было на улицахъ, и я, опираясь на палку съ острымъ наконечникомъ, едва пробирался вдоль заборовъ; все было занесено по колѣни; пришлось идти противъ вѣтра; глаза и все лицо залѣпляло снѣгомъ, и я долженъ былъ останавли-

ваться и по временамъ поворачиваться спиной къ вѣтру, чтобы перевести духъ и собраться съ силами. Глушь, фонарей нѣтъ, и я слышу сквозь завыванья вѣтра стонъ, плачъ: подхожу ближе... Оказывается, что это растворились ворота и пищатъ на своихъ петляхъ.—Иду далѣе и встрѣчаю цѣпляющуюся по забору молодицу съ ребенкомъ грудным у груди подъ кожухомъ. Вотъ какія тогда были городскія сообщенія! Я едва дошелъ до Кулиша, едва достучался, по поясъ въ снѣгу, едва добрелъ до крылечка, и долго очищался отъ снѣга, покрывшаго меня густымъ слоемъ и залѣпившаго глаза.

Такъ я жилъ и прожилъ зиму; все шло хорошо и покойно, какъ вдругъ получаю письма отъ отца и тетки, графини Анны Алексѣевны Толстой; они меня просятъ поѣхать въ Одессу, гдѣ Алексѣй Толстой и братъ мой Владиміръ—въ тифѣ. Я тотчасъ же рѣшился ѣхать, но выѣхать было трудно. Чтобы получить подорожную, я отправился къ губернатору Гессе, своему знакомому, прося дать мнѣ подорожную *по казенной надобности*. Но тутъ друзья мои, овчарки, мнѣ подгадили; оказалось, что Гессе получалъ жалобы на мои проѣзды съ моими вѣрными, но злобными собаками, и въ настоящее время, при сильномъ разъѣздѣ по случаю войны,—когда съ подорожными явились разныя строгости,—онъ совершенно отказался отъ выдачи подорожной казенной, а съ частной не было никакой возможности выѣхать. По справкѣ оказалось, что на станціи накопилось до пятидесяти подорожныхъ и нѣтъ лошадей, что военные съ казенными подорожными ждутъ уже второй день своей участи. Какъ быть?!... Я разспросилъ у Гессе, нѣтъ ли тутъ въ Кіевѣ кого-либо изъ властныхъ военныхъ, и оказалось, что есть какой-то важный артиллерійскій генералъ, и я отправился къ нему. Это былъ старикъ, весьма представительный, бесѣдовавшій за кофе послѣ обѣда съ другимъ генераломъ и, къ счастью, съ моимъ знакомымъ, артиллерійскимъ же генераломъ, пріѣхавшимъ изъ дѣйствующей арміи на короткое время,—Крыжановскимъ. Моя просьба у старика генерала состояла, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы онъ выдалъ мнѣ до Николаева курьерскую подорожную въ дѣйствующую армію, такъ какъ сильнѣе такой подорожной могли быть подорожныя, выданныя съ тою же цѣлью военнымъ министромъ, или курьерская по высочайшему повелѣнію. Отъ этой моей просьбы у милаго воина вырвался хохотъ отъ души. Но такова сила молодости и горячности убѣжденій,

что онъ потомъ началъ колебаться, и наконецъ, хотя и не онъ, а Крыжановскій выдалъ мнѣ такую подорожную, подъ условіемъ, чтобы я, по пріѣздѣ въ Николаевъ, лично передалъ ее въ руки коменданту, который долженъ былъ удержать у себя эту подорожную и передать ее въ руки самому Крыжановскому, когда онъ будетъ возвращаться въ Севастополь. Я купилъ себѣ форменную артиллерійскую фуражку—и съ маленькимъ дорожнымъ мѣшкомъ и плэдомъ, въ томъ же своемъ неизмѣнномъ дорожномъ пиджакѣ и проч., въ шесть или семь часовъ вечера, на перекладной катилъ въ Николаевъ.

Я подъѣхалъ къ послѣдней станціи передъ Николаевомъ вечеромъ, и такъ какъ подорожную слѣдовало отдать лично въ руки коменданту, я остановился на ночлегъ. До этой станціи, съ такой серьезной подорожной, я ѣхалъ совершенно благополучно и безъ задержекъ, и на меня съ завистью смотрѣли выжидавшіе своей очереди офицеры. На ночлегѣ я расположился на диванѣ, положивъ подъ голову дорожный мѣшокъ и прикрывшись плэдомъ, а на столѣ передъ диваномъ, для важности, положилъ артиллерійскую фуражку, сказавъ смотрителю, чтобы лошади для меня были готовы, а пока отдохну. У самого же меня было желаніе переждать какого-нибудь подходящаго спутника съ надлежащей подорожной, такъ какъ я зналъ правила, прописки подорожныхъ у заставы при въѣздѣ въ городъ.

Свѣча горѣла на столѣ въ ожиданіи другихъ проѣзжихъ, и я, ѣхавши безостановочно отъ Кіева, заснулъ.

Ночью слышу колокольчикъ подъѣзжающаго проѣзжаго; притворясь спящимъ, я посматриваю—кто. Входитъ офицеръ-бурбонъ, видно—солдатъ, произведенный въ офицеры и посланный на службу въ гарнизонъ; фигура рослая, грубая, немолодая.

— Лошадей!—крикнулъ онъ.

Лошадей, конечно, не оказалось.

— Есть тройка, кормится для вотъ господина поручика, курьера, по казенной надобности ѣдущаго въ дѣйствующую армію.

Стоитъ бурбонъ, покачиваясь.

— Что это кирасиръ что-ли?—спрашиваетъ онъ смотрителя, указывая на меня. Моя фуражка, плэдъ, вѣроятно, сбивали его съ толку.—Водки!

Смотритель принесъ графинчикъ. Рюмкой за рюмкой, бурбонъ выдулъ графинчикъ, да какъ крикнетъ:

— Водки!

Смотритель принесъ еще немного.

— А болѣе нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Отчего нѣтъ?... А это кто, кирасиръ, что ли?—опять онъ спрашиваетъ, указывая на меня. Выпилъ еще что было, положилъ шинель на полъ, легъ и захрапѣлъ.

Я былъ доволенъ, что этимъ кончилось, и заснулъ. Слышенъ опять почтовый звонокъ: входятъ два молоденькихъ, только-что выпущенныхъ изъ дворянскаго полка, офицера. Лошадей, конечно, опять не было, и они усѣлись по обѣ стороны зеркала, что между окнами, на стулья. Свѣча горитъ у зеркальнаго столика; я притворяюсь опять спящимъ и слушаю ихъ воркованіе. Они говорятъ тихо, чтобы не разбудить насъ, и вотъ тутъ изъ разговора я и узнаю, откуда они выпущены, и что ѣдутъ подъ Севастополь.

Вдругъ бурбонъ вскакиваетъ, налетаетъ на нихъ:

— А вы куда, мальчишки?..

Начинается объясненіе, но объясненіе робкое, вѣжливое, а съ его стороны—ругательства. Онъ налетѣлъ особенно на одного, когда тотъ ему сказалъ, что они—такіе же офицеры, какъ и онъ.

— Что?!.. ахъ вы, мальчишки!.. Молчать! вотъ я тебѣ разобью зубы и губы!

Схватилъ стулъ и размахнулся на нихъ. Сердце мое закипѣло; я едва не вспрыгнулъ съ дивана и не бросился сзади на этого негодяя, но меня удерживала боязнь скандала, въ которомъ могъ быть очень непріятно замѣшанъ Крыжановскій. Но Богъ спасъ! Бурбонъ, обозвавъ ихъ сволочью, швырнулъ стулъ въ сторону, повернулся отъ нихъ къ своему углу, упалъ на шинель и захрапѣлъ. Отошла кровь у меня отъ сердца, я легъ опять и заснулъ.

Новый почтовый звонокъ разбудилъ меня; уже свѣтало. Вошелъ нѣмецъ, плохо говорящій по-русски, съ чемоданомъ, въ одеждѣ докторской; усѣлся скромно у двери, такъ какъ ему, какъ нѣмцу, лошадей не было и предстояло долго сидѣть здѣсь.

„Это мой! Его мнѣ и нужно“, — подумалъ я, всталъ, велѣлъ запрягать, и когда лошади были поданы, обратился къ доктору нѣмцу съ предложеніемъ подвезти его въ Николаевъ.

Аптекарь, какъ оказалось, радостно принялъ мою любезность, и мы отправились въ Николаевъ.

Подъѣзжая къ заставѣ, я снялъ свою военную фуражку, вы-

нулъ сѣрую шляпу и, обратясь къ своему спутнику, спросилъ у него подорожную; солдатъ принялъ, прописалъ и вернулъ.

„Подвысь!“ — раздалась команда, и мы покатили въ Николаевъ.

Было утро; я отправился къ коменданту и вручилъ ему подорожную, въ заранѣе приготовленномъ конвертѣ, который былъ мною запечатанъ. Итакъ, мое путешествіе до Николаева было безостановочно и кончилось, благодаря случайностямъ, благополучно. Но мнѣ предстояла еще длинная дорога, тоже наводненная проѣзжими съ военными и курьерскими подорожными. Что будетъ далѣе, какъ и когда я попаду въ Одессу? Это былъ вопросъ.

Бываютъ въ жизни счастливыя случайности, которыя какъ будто искусственно сплетены другъ съ другомъ; такъ было и теперь со мною. Нѣсколько часовъ я былъ въ раздумьѣ и, идя на станцію, выжидалъ, что будетъ?—и что же: является офицеръ гвардіи, и я его узнаю. Это былъ Бибиковъ, товарищъ моихъ братьевъ по университету и сынъ бывшаго кіевскаго губернатора. Мы поздоровались, дѣло объяснилось, и я отправился съ нимъ тотчасъ въ Одессу. Онъ тоже имѣлъ подорожную курьерскую и по военной надобности, но уже форменную, вполнѣ законную.

Благодаря Бибикову, я попалъ въ Одессу очень скоро и остановился въ домѣ Кандыбы, не помню, на какой улицѣ. Домъ, въ которомъ жили братъ и Толстой, былъ довольно большой, каменный, въ два этажа, съ просторнымъ дворомъ, посреди котораго была систерна. Въ то время Одесса была не то, что теперь. Пыль страшная; не было человѣка, который бы не болѣлъ глазами; у меня впослѣдствіи тоже заболѣли глаза отъ известковой пыли, которая неслась по всей Одессѣ. Домъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ нанятъ Толстымъ и Бобринскимъ, его давнишнимъ пріятелемъ.

Пріѣхавъ къ нимъ, я засталъ брата Владиміра уже выздоровѣвшимъ, обритымъ; Бобринскаго—также выздоровѣвшимъ и обритымъ; Алексѣя Толстого—лежащимъ въ кровати, въ тифѣ, около него—любимую имъ С. А. Миллеръ, жену полковника, на которой онъ впослѣдствіи женился. Въ другой комнатѣ еще лежалъ въ тифѣ офицеръ того же полка, Ермоловъ, бывшій мой товарищъ по пажескому корпусу и выздоравливающій отъ тифа поручикъ Алексѣевъ того же полка, помѣщикъ тульской губерніи. Болѣзнь шла обычнымъ ходомъ; народъ въ полку вымиралъ и

полкъ таялъ. Помнится, что осталось въ живыхъ не болѣе трети.

По мѣрѣ того, какъ Алексѣй Толстой поправлялся, С. А. постоянно была около него, также какъ и братъ Владиміръ и я. Столъ держали общій, и когда больные выздоровѣли, то мы завтракали и обѣдали вмѣстѣ. Часто очень посѣщалъ Толстого графъ Строгановъ, бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Это былъ весьма милый собесѣдникъ.

Здоровье Алексѣя Толстого становилось ежедневно лучше; онъ уже началъ выѣзжать, и помню, съ какимъ удовольствіемъ я усадилъ его въ коляску, въ первый разъ по выздоровленіи, еще не совершенно окрѣпшаго, и повезъ покататься къ морю; онъ былъ въ восторгѣ, вдыхалъ полною грудью воздухъ и утомился. Онъ скоро вполнѣ поправился, и я съ нимъ уже отправлялся гулять, а куда?.. Куда могла увлекать насъ безразсудная молодость?.. Въ каменоломни, гдѣ бывали грабежи. Онъ и я запаслись свѣчами, спичками, и такъ какъ я тамъ бывалъ и слышалъ о случавшихся несчастныхъ приключеніяхъ, то запасся револьверомъ, и Толстой, хотя не любившій того, также взялъ револьверъ, но надѣялся болѣе на охотничій ножъ, который, какъ онъ говорилъ, не измѣнитъ. Одно его смущало—что онъ не чувствовалъ въ себѣ той силы, которою обладалъ прежде. Подойдя къ пещерамъ каменоломенъ, мы зажгли свѣчи, вооружились и отправились внутрь. Но, увы! исходивъ пещеры въ разныхъ направленіяхъ, попадая то въ ямы, то въ лужи, мы ровно никого не нашли, и, пристыженные, разочарованные, съ досадой вернулись домой. Часто мы сидѣли у моря и мечтали; еще чаще сидѣлъ я одинъ и мечталъ, набрасывая впечатлѣнія, которыя охотно бы теперь пересмотрѣлъ и прочелъ, если бы они были цѣлы.

Въ Одессѣ я тоже, какъ и въ Кіевѣ, нашелъ лирника съ поводыремъ-хлопчикомъ малороссомъ, и отъ нихъ записалъ все, что можно было извлечь. Я всегда записывалъ съ величайшею точностью, предполагая, что рано или поздно, быть можетъ, записки мои пригодятся для справокъ. Здѣшнее нарѣчіе кое въ чемъ разнится съ рѣчью полтавской и тѣми мѣстами, въ которыхъ я жилъ. Лирникъ былъ старъ, память ему измѣнила, и онъ помнилъ хорошо только пѣсни священныя...

Вечеромъ я былъ въ тревожномъ состояніи... вышелъ гулять. Ночь была лунная; я шелъ тѣнистой стороной, какъ во снѣ. Все было покойно. Время отъ времени слышались дрожки, лай собакъ, и ничто около меня не показывало жизни. Все было

какъ очаровано, и я почти слышалъ стукъ своего сердца. Я подошелъ къ какому-то обрыву. Налѣво отъ меня возвышалось освѣщенное луною недостроенное зданіе въ родѣ замка; внизу—лодки и море; вправо море было залито серебристымъ луннымъ свѣтомъ, а на горѣ чернѣ рисовалась силуэтомъ колоннада, большой массой; за ней—другая каменная масса громаднаго строенія. Я былъ отдѣленъ канавами и узкими оврагами отъ жилья и видѣлъ морды собакъ, которыя поднялись и проснулись, одна за другой, съ боковъ, внизу, и залаяли... Но все это долетало до меня глухо; собаки были какъ во снѣ и тронуть меня не могли. Все это напоминало мнѣ какую-то фантастическую оперу или балетъ, или какое-то, не наше, лунное царство; дѣйствительность была похожа на сонъ.

Сегодня я записалъ отъ хлопчика-поводыря одну сказку и одинъ разсказъ о разбойникахъ, съ величайшей точностью, сохранивъ его выговоръ съ удареніями. Оно интересно также и по складу дѣтской рѣчи. Мальчику было лѣтъ двѣнадцать, не болѣе, и такъ какъ онъ жилъ въ городѣ, то и говоръ его былъ не вполнѣ деревенскій.

Кромѣ содержанія сказокъ, меня интересовало и то, какъ дитя, забывшись совершенно и принимая живое участіе въ событіяхъ, переносилось въ свою настоящую жизнь; изъ дворца онъ вдругъ на печи, или ходитъ по большимъ дорогамъ, считая версты; онъ все мѣритъ верстами. Какъ часто онъ не договариваетъ, кто и что; зная самъ и понимая дѣло, онъ думаетъ, что это и для меня понятно. Это я подмѣчалъ у всѣхъ разсказчиковъ изъ простонародья.

Дни шли за днями, и вдругъ... получилось свѣдѣніе о заключеніи мира. Сильно возмутились кругомъ меня всѣ. Что касается меня, то я былъ въ полной радости, что положенъ конецъ этому ужасному истребленію людей, которые доходили до озвѣрѣнія, такъ какъ нерѣдко случалось находить послѣ битвы людей, вцѣпившихся другъ въ друга даже зубами. Я былъ въ полномъ разочарованіи въ способности нашей вести борьбу съ Западомъ; видѣлъ всю неурядицу и военное безобразіе. Разговоры доходили нерѣдко до крупныхъ размѣровъ и были горячи не въ мѣру; я такъ однажды сцѣпился съ гр. А. П. Бобринскимъ и наговорилъ ему—не помню, что именно, но настолько его задѣвшее, что онъ вызвалъ меня на дуэль, которая, благодаря Алексѣю Толстому и брату Владиміру, не состоялась и кончилась мировой.

Встрѣтилъ я въ это время профессора кіевскаго университета, стараго знакомаго, доктора Мёринга, который былъ командированъ въ Константинополь для изученія военныхъ госпиталей.

— Ну, что тамъ, хорошо ли лечатъ?

— Тоже не хорошо, но разница та, что они даютъ больнымъ уменьшенную дозу, напр., хинина, потому что онъ дорогъ, а у насъ даютъ вмѣсто хинина березовую кору...

Здоровье брата и Алеши совершенно поправилось; наступала весна, и меня, какъ и журавлей, потянуло въ степи, на приволье. Я скоро снарядился, отказавшись отъ плана ѣхать съ Толстымъ, братомъ и С. А. въ Крымъ, и, найдя себѣ попутчика, генерала Копьева, отправился съ нимъ до Кременчуга, гдѣ, простившись, поѣхалъ въ Линовицу. Ѣхали мы опять-таки на долгихъ, т.-е. не на почтовыхъ, а на передаточныхъ ямщикахъ вольныхъ. Путь былъ пріятный, спутникъ покойный...

Согласно своему обѣщанію, я въ скоромъ времени отправился къ П. А. Кулишу, для чего слѣдовало ѣхать черезъ Пирятинъ, гдѣ, долго дожидаясь лошадей, я зашелъ къ исправнику, съ которымъ познакомился въ Линовицѣ у гр. де-Бальмена.

У открытаго окна исправникъ сидѣлъ и ковырялъ въ зубахъ; большіе усы, нѣсколько прикрывали его скверное занятіе; онъ былъ небольшого роста и толстенькій или, лучше сказать, полненькій. Только-что полученный манифестъ, по случаю коронаціи, лежалъ на столѣ; стоялъ подлѣ несчастный шутъ въ бумажномъ колпакѣ съ блестками, въ изношенномъ сюртукѣ, съ испитымъ лицомъ. Исправникъ далъ ему еще рюмку водки и заливался, поглядывая на меня, звонкимъ и нѣсколько сдобнымъ голосомъ.

Я ушелъ на станцію—нанимать евреевъ. Мимо прошла еврейская свадьба съ бубнами, скрипкой и віолончелью. Евреи—въ длиннополыхъ сюртукахъ, а еврейки—во французскихъ платьяхъ, дурно пошитыхъ.

Стемнѣло, и я выѣзжалъ изъ Пирятина; проѣхавъ до мельницы, я остановился и вышелъ. Круглая, теплая луна освѣщала романически картину; яркая звѣздочка была съ правой стороны; длинныя облачка были окаймлены ея свѣтомъ. Мальчишки соскочили сзади экипажа. Пройдясь нѣсколько, я сѣлъ въ экипажъ; луну скоро закрыли облака, и я, уснувъ, несся по дорогѣ.

Въ Савинцахъ я желалъ покормить лошадей и уснуть покойнѣе. Я видѣлъ, что еврей подъѣзжалъ къ давно мнѣ знако-

мому постоялому двору. Мнѣ было лѣнь его остановить, и я хотѣлъ видѣть, какъ кончится домогательство моего еврея дозволить намъ отдохнуть. Я нѣсколько разъ проѣзжалъ этотъ постоялый дворъ, и никогда не удавалось мнѣ въ немъ остановиться. Теперь, какъ еврей ни буянилъ и ни стращалъ паномъ (т.-е. мной), „который выйдетъ да поколотитъ", насъ все-таки выпроводили на всѣ четыре стороны, и я направился къ моему знакомому казаку. У него я нашелъ чистую хату и уснулъ, напившись чаю.

Пѣтушьи крики меня разбудили; голова болѣла. Я всталъ и искалъ старика, своего возницу, чтобы приказать запрягать. Мой еврей, надѣвъ покрывало, молился у окна предолго, и мнѣ пришлось ждать и смотрѣть на рождающееся утро.

Съ одной стороны, исчезла ночь, но мѣсяцъ былъ довольно высоко. Пѣтухи пѣли. Стадо быстро увеличивалось, какъ всегда; мычанье, блеянье, взвизгиванье и хрюканье; говоръ, смѣхъ и даже брань — сливались. Горизонтъ горѣлъ огнемъ; надъ нимъ, почти вплоть до земли, растянулось облако. Лучи солнца пробивались сквозь курчавыя облачка; ряды крестовъ—прямыхъ, кривыхъ и всякихъ, съ хустками и безъ хустокъ,—рисовались силуэтами по загорающемуся востоку близлежащаго кладбища [1]); еще ближе—дѣлились по небу мельницы съ балкончиками и ломаными крыльями.

Наконецъ, мой еврей кончилъ молиться, и я ѣхалъ по чернозему въ знакомый мнѣ хуторъ, отыскивая невольно глазами знакомые предметы.

Люблю я эту мѣстность. Хаты съ садиками, населенныя казаками, протянулись далеко по хребту, надъ болотами, покрытыми камышомъ, и всѣ смотрѣли въ широкую степь, гдѣ, бывало, мы съ Кулишемъ сиживали на могилахъ [2]), гдѣ мы гуляли ночью, гдѣ я считалъ степные колодцы съ высокими шестами, разбросанные до самаго горизонта, и гдѣ теперь торчала солома, или, какъ выразился поэтически Ив. Аксаковъ:

„Нива, сжатая серпомъ" —

а попросту—скучная и унылая стерня.

Но мнѣ тутъ было легко на душѣ; было съ кѣмъ поговорить, съ кѣмъ печаль и горе раздѣлить.

---

[1]) По обычаю, на крестахъ схороненныхъ казаковъ укрѣплялись небольшія знамена, чего у простого крестьянина не допускалось.

[2]) Такъ называются степные курганы.

И вотъ я опять въ Зàрогѣ. Опять хожу, брожу, начерчиваю и записываю. Иногда ровно ничего не дѣлаю—лежу около тына, что̀ подлѣ нашей хаты. Лежу у самой дороги, лицомъ къ землѣ. Погода жаркая, небо чисто, кое-гдѣ клочки облаковъ. Солнце печетъ по лѣтнему. Мошки жужжатъ въ воздухѣ; иногда октавой прожужжитъ жукъ, пролетая мимо; я ѣмъ свѣжіе грецкіе орѣхи или, по здѣшнему, волошскіе, которые тутъ рàстутъ. Конецъ селенія невдалекѣ и прилегаетъ къ дорогѣ. Освѣщено не эффектно,—сверху до низу облито солнцемъ. Вдали прокричали во всѣхъ хатахъ пѣтухи—и опять тишина. Одна птичка чирикаетъ на вербѣ да жужжатъ мухи. Близъ меня простая черная собака, которая не даетъ никому спокойно пройти или проѣхать: она, оскаливъ зубы, бросается на всѣхъ. Во дворѣ слышенъ плачъ дѣвчонки. — Степь вся выгорѣла. Вотъ все, что̀ передо мною. А въ хатѣ слышенъ голосъ Кулиша, который хлопочетъ, чтобы намъ былъ самоваръ и поспѣлъ скорѣе борщъ... Вотъ моя здѣшняя жизнь. Сойдясь, мы о многомъ говоримъ и многое создаемъ; не знаю, выполнится ли все это? А хорошо бы.

Въ это время Кулишъ устраивалъ здѣсь свою усадьбу. Строящаяся хата прилегала къ лѣсу, который спускался внизъ къ водѣ. Впереди хаты—степь. Около хаты, близъ воротъ—двѣ-три старыхъ, могучихъ вербы. Съ версту отъ него жила хозяйка земли (тысячи съ полторы десятинъ), Симонова, мать Номиса, малороссійскаго писателя, какъ впослѣдствіи, уже въ 1861 году, я это узналъ въ Петербургѣ. Верстахъ въ пяти растянулся казачій хуторъ Зàрогъ. Жили мы вполнѣ казаками; жена Кулиша хозяйничала и насъ кормила; П. А. писалъ; я бродилъ и рисовалъ.

Однажды Кулишъ мнѣ говоритъ, что хозяйка или, какъ ее всѣ называли, „бабуся“, зоветъ насъ къ обѣду, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что обѣдаетъ она въ девять часовъ утра, и потому чай должно пить пораньше и отправиться къ назначенному часу. — Такъ мы и сдѣлали. — Надо замѣтить и то, что поселилъ меня Кулишъ въ хатѣ у „бабушки“ въ усадьбѣ и прислуживала мнѣ ея дворовая дѣвушка; я же ее никогда не видѣлъ и у нея не былъ.

Къ назначенному часу мы явились. Высокая, здоровая, полная, „бабушка“ любезно съ нами поздоровалась и очень мнѣ понравилась, своею оригинальностью, вполнѣ старосвѣтскою. Показала намъ всѣ комнаты, которыя интересны были тѣмъ, что

на дверяхъ были крупно прописаны краской различные года, означающіе семейную хронику. Въ такомъ-то году родился ея сынъ Терентій, въ такомъ-то она вышла замужъ, и такъ вся родословная ея отца, дѣда, прадѣда. Въ углу стояла пика и висѣла сабля, и какъ она объяснила, оружіе ея мужа или отца, которое она беретъ, когда идетъ ночью дозоромъ вокругъ усадьбы, для того, чтобы справиться „со злодіемъ, якъ попадеця".

Обѣдъ былъ старосвѣтскій и національный, такъ что мнѣ пришлось поголодать, ибо сала и прочихъ жирныхъ блюдъ не ѣмъ, и любя въ Малороссіи все, не люблю ея кушанья. Однакоже, одно блюдо мнѣ понравилось и заинтересовало своею оригинальностью: это—„пироги въ кожухѣ". Приготовлялись какъ пироги, разсказать не умѣю, но подали большой пирогъ, и когда содрали съ него часть оболочки, т.-е. сняли кожухъ, то внутри его оказались пироги бѣлые съ начинкой, очень вкусные.

Я постоянно бродилъ по Зарогу и окрестностямъ, встрѣтилъ въ степи бредущаго съ поводыремъ кобзаря, отъ котораго записалъ кое-что, и, возвращаясь домой, истреблялъ съ П. А. и А. М. кавуны, бросая плохіе и лакомясь только лучшими. Живу я въ глуши, въ привольѣ, въ тишинѣ; казалось бы, чего лучше, но и тутъ дѣло вышло не ладно.

Однажды, рано утромъ, сижу я близъ Кулишевой хаты на валу и дѣлаю наброски; Кулишъ стоитъ у воротъ, низенькихъ, изъ перекладинъ, облокотясь на нихъ, и смотритъ вдаль. Вижу я, что, проходя мимо него изъ Зарога, казакъ подошелъ къ нему и довольно продолжительно съ нимъ разговариваетъ, показывая на меня. Затѣмъ, пошелъ казакъ далѣе, и, проходя мимо меня, смотритъ на меня очень значительно. Когда казакъ скрылся, Кулишъ подошелъ ко мнѣ.

— Что, вы знаете его?

— Нѣтъ.

— Вы были вчера въ Зарогѣ?

— Былъ.

— Пили тамъ въ хатѣ воду?

— Пилъ.

— Тамъ кто-либо былъ?

— Была молодица. Я у нея попросилъ напиться, и она дала мнѣ ковшъ; почерпнувъ воды изъ ведра, я ее выпилъ. А затѣмъ вышелъ и пошелъ далѣе по Зарогу, и вернулся къ вамъ.

— Ну, знаете ли, дѣло-то глупо. Этотъ казакъ меня знаетъ,

и хорошо, что онъ меня увидѣлъ. Онъ разсказалъ, что вы пришли въ хату, напились воды и ушли, а молодица, черезъ нѣсколько времени, ухватилась за сердце и упала; теперь лежитъ больная, и люди полагаютъ, что вы—англійскій, французскій или турецкій шпіонъ и отравили воду. Они хотятъ донести становому, взять васъ и доставить въ станъ. Хоть я и говорилъ, что вы—чиновникъ, посланный сюда министромъ, и я васъ знаю, но они говорятъ: пускай тамъ и разберутъ.

Что дѣлать? Народъ дикъ, могутъ избить,—холера была недавно,—а у меня ни паспорта, ни подорожной. Мы рѣшили выѣхать, и дѣйствительно выѣхали.

Мы съ Кулишемъ согласились съѣздить къ матери Гоголя, такъ какъ ему было очень интересно и полезно познакомиться съ нею и сестрами Гоголя, въ виду того, что онъ собиралъ тогда матеріалъ для своего изданія.

Наружности деревяннаго дома Н. В. Гоголя не помню, но помню хорошо комнату, въ которую мы вошли и гдѣ потомъ сидѣли съ матерью, тетушкой и сестрами Гоголя. Комната была довольно просторна, имѣла рядомъ три окна,—одно большое по серединѣ и два поменьше по сторонамъ! Вдоль стѣнъ размѣщены были стулья, по серединѣ стоялъ столъ. Изъ этой комнаты вели четыре двери, изъ которыхъ одна съ разноцвѣтными стеклами и одна со скрипомъ, такъ что я невольно вспомнилъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Столовая была выкрашена полосами желтыми и бѣлыми. Гостиная была голубая, полосами. Въ углу часы, выкрашенные желтой краской, громко стучали. По стѣнамъ, въ рамкахъ корельской березы, висѣли французскія картины и между ними канделябры о двухъ свѣчахъ. У правой стѣны отъ входа—фортепіано Георга Гильдебранта и надъ нимъ три портрета: въ серединѣ—Екатерины II, направо отъ нея—Потемкинъ, налѣво—Зубовъ. Въ углу, около фортепіано, этажерка съ нотами, и гдѣ только было мѣсто—помѣщались пѣсни малороссійскія, печатныя и рукописныя. Всѣ, конечно, помнятъ, что тетушка Н. В. пѣла очень характерно малороссійскія пѣсни, и мы попросили ее спѣть. Тетушка стоитъ храбро и не хочетъ пѣть, говоря, что уже два дня груститъ. Всѣ сидятъ молча вдоль стѣнъ; на столѣ—кружка, поднось съ вареньемъ изъ райскихъ яблочковъ и вишенъ; груши, яблоки, бергамоты и графинъ. Въ гостиной, надъ диваномъ, виситъ портретъ Николая Васильевича Гоголя. На этомъ диванѣ, въ правомъ его углу, любилъ сидѣть

Николай Васильевичъ, а сестра его, Ольга, около него. Мать Гоголя иногда часа два смотритъ на портретъ покойнаго. Всѣ находятъ, что онъ такъ похожъ, что только не говоритъ! Именно такъ онъ слушалъ, улыбаясь, когда ему разсказывали.

Кромѣ насъ, пріѣзжихъ, сидитъ сосѣдка старушка; около нея—Ольга Васильевна. Черезъ стулъ отъ нея—другая сосѣдка; черезъ стулъ отъ нея—женщина безъ голоса, что-то въ родѣ ключницы: это—больная, пріѣхавшая сюда лечить свое горло; она въ сапогахъ, и ей Ольга Васильевна подала яблоко. У другой стѣны сидитъ молодая рыжеватая дѣвушка, сложа руки. На стулѣ, въ корзинѣ—жолуди, собранные для Пантелеймона Александровича. Мимо оконъ проходятъ съ молочниками въ рукахъ—значитъ, мы скоро будемъ пить чай.

Ольга Васильевна бѣлокура, выраженіе лица чрезвычайно доброе и грустное, черты лица очень напоминаютъ брата ея, Николая Васильевича. На шеѣ черный платочекъ, самый простой, съ красными рѣдкими цвѣточками; все платье черное. По бокамъ углового окна столовой висѣло по зеркалу; у противоположной стѣны, по угламъ, гдѣ печи—вышитые, узорные гербы.

Въ саду Николай Васильевичъ старательно сажалъ деревья; въ немъ была пещера, чья-то могила—какъ нерѣдко случается встрѣчать ихъ въ родовыхъ усадьбахъ казаковъ; прудъ, заростающій камышомъ. Передъ окнами столовой—лужокъ, окруженный кленами, вязами, липой и акаціей.

Мальчикъ, въ нанковомъ сюртукѣ съ короткими рукавами и шараварахъ, накрылъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, скатертъ, поставилъ шкатулку изъ корельской березы, большой подносъ и передъ нимъ маленькій. Часы пробили шесть. Но потемнѣло еще болѣе отъ мелкаго дождя и тучъ. Начали скрипѣть басомъ шкафы, звонить серебро; скромно застучали старые стулья, двинувшись съ мѣстъ своихъ, и уставились вокругъ стола. Мы продолжали сидѣть въ полумракѣ; Кулишъ съ Ольгой Васильевной разговаривали о сельскомъ леченьѣ.

Скоро самоваръ закипѣлъ, началось чаепитіе и общій разговоръ. Сосѣдка разсказала, что ключникъ ея танцовалъ до того, что ноги его распухли, и, придя домой, онъ легъ и черезъ недѣлю сгорѣлъ, какъ свѣча. А былъ молодой, здоровый парень.

— Вѣдь вы знаете, какъ они пляшутъ навприсядки и перекидываются,—вотъ у него что-либо внутри и надорвалось.

Мать Гоголя, весьма милая и почтенная старушка, говорила, что все, что̀ дѣлается теперь хорошаго въ Россіи, дѣлается по

иниціативѣ Николая Васильевича. Проведеніе теперь желѣзныхъ дорогъ она приписываетъ его вліянію.

— Говорятъ,—разсказывала она,—теперь проведутъ желѣзную дорогу и черезъ Миргородъ.

Всѣ жители и особенно чиновники Миргорода сердиты на Николая Васильевича и говорятъ, что этого у нихъ никогда не было, чтобъ свинья вошла „въ присутствіе". Жители говорятъ: „На что было все это писать, чортъ зна що! Государь вѣдь это читалъ: какъ живутъ, да какъ соломою топятъ. Зачѣмъ это разсказывать? И что такое онъ хорошаго написалъ? О немъ не стоитъ и говорить, какъ о писателѣ; написалъ, что всякій знаетъ".

Разговоръ шелъ въ этомъ тонѣ, и уже два раза напоминали, что ужинъ готовъ. Во время ужина Ольга Васильевна стояла за стуломъ матери. Поужинавъ, отправились спать.

Я съ Кулишемъ и племянникомъ Гоголя, Трутковскимъ, пошли ночевать во флигель, въ которомъ жилъ Гоголь. Въ его кабинетѣ мнѣ была приготовлена постель. Племянникъ занялся съ Кулишемъ письмами Гоголя.

Утромъ въ семь часовъ я проснулся. Ночью шелъ дождь, небо сѣренькое, и дождь капаетъ съ неба мелко, рѣдко, какъ бы оплакиваетъ это мѣсто, не видя того, кто такъ его любилъ. Бѣлыя, старыя и очень простыя занавѣски шевелятся отъ вѣтерка сквозь щели; ставни сами собою хлопаютъ и дѣлаютъ комнату то темною, то свѣтлою. Въ комнатѣ одно окно и со стеклами дверь на крыльцо; въ углу—столикъ угловатый, на немъ чайникъ и чашка съ липовымъ цвѣтомъ для меня, а въ другой, меньшей чашкѣ—спиртъ изъ чаберу. Все очень старо, но чисто. Другая дверь выходитъ въ большую комнату. Въ комнатахъ полы деревянные, дощатые, некрашенные. Стѣны бѣленыя, какъ въ хатахъ. Маленькое зеркало, тоже въ рамѣ изъ корельской березы, со старымъ стекломъ, на которомъ мѣстами сошла ртуть, виситъ между этимъ маленькимъ окномъ и дверью.

Въ послѣднее время Гоголь закупилъ лѣсу, чтобы строить домъ; хотѣлъ тутъ прожить цѣлый годъ, но до постройки закупоривалъ всѣ щели, чтобы матери и сестрѣ было тепло.

Я немного заболѣлъ и пролежалъ сутки въ постели. Домикъ для меня вытопили, меня вытирали спиртомъ и поили липовымъ цвѣтомъ. Оправившись и придя въ домъ, я пѣлъ и слушалъ пѣсни старушки тетушки Николая Васильевича, получилъ въ подарокъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ на ноты, и мы выѣхали съ Кулишемъ, провожаемые самыми дружескими прощаніями и снабженные на дорогу провизіей.

Разставшись съ Кулишемъ, я нанялъ лошадей и фургонъ у еврея въ другую сторону, и пришлось мнѣ остановиться для ночлега въ хуторѣ Лазорки на постояломъ дворѣ. Какъ обыкновенно, изъ сѣней въ одну сторону былъ шинокъ, а въ другую сторону—чистая комната. Я отправился въ шинокъ; слыша тамъ веселый разговоръ, я расположился на скамьѣ у дверей, растянувшись и закутавшись.

Долго мнѣ не спалось, слушая разговоръ, а иногда и пѣсни; а потомъ затѣялся въ компаніи закладъ о поставкѣ кварты горѣлки въ пользу того, кто окажется лучшимъ разсказчикомъ. Разговоры были циничны и пересыпались бранью; побѣда едва не осталась за солдатомъ, но, вотъ, лѣтъ тридцати, чернобровый парень, сидѣвшій до сего времени молча, попивая чарку за чаркой, говоритъ:

— Ни, ще годи. Треба и мини сказать свое слово.

И парень началъ ругать пановъ, свое начальство, чиновниковъ, духовенство, церковь... И что̀ удивительно,—брань и кощунство шли складно, безъ запинки; видно было, что эта брань и кощунство сложились въ народѣ! Его начали останавливать, уговаривать, чтобы пересталъ, но онъ продолжалъ ругать складно отца и мать за то, что породили его на свѣтъ, и т. д. Сборище начало расходиться. Парень также всталъ и вышелъ на улицу, и пока онъ удалялся, его страшныя проклятія и ругательства были слышны; онъ выливалъ злобу на сложившуюся жизнь и на все.

Я получилъ извѣстіе отъ Алексѣя Толстого, что онъ возвращается изъ Крыма и будетъ меня ожидать въ Кіевѣ. Я тотчасъ же отправился въ Кіевъ, гдѣ и свидѣлся съ нимъ, Софьей Андреевной, Катериной Андреевной [1]) и барономъ Розеномъ.

Въ Кіевѣ мы провели нѣсколько дней, разсказывая другъ другу о прожитомъ за время нашей разлуки. Были чудные теплые дни и лунныя ночи; мы просиживали и дни, и ночи въ городскомъ саду, на берегу Днѣпра. Въ то время садъ этотъ не имѣлъ дворца, театра, какъ теперь; онъ былъ запущенъ и тѣмъ самымъ намъ нравился. Публики въ немъ, особенно ночью, не было.

Я зналъ въ Кіевѣ, не въ людномъ мѣстѣ, большой, каменный и заброшенный домъ, о которомъ говорили, что въ немъ живетъ нечистая сила, что туда боятся ходить, что домовые

---

[1]) Сестра мужа С. А., вышедшая замужъ за барона Розена.

бросаютъ въ любопытныхъ камнями и т. п. Алексѣй Толстой, я и Розенъ, затѣяли туда пойти въ самую полночь; а такъ какъ ночь была лунная, то намъ удобно было туда пробраться, частью по снаружи когда-то приставленной громадной деревянной лѣстницѣ, а затѣмъ и внутри, по разрушеннымъ лѣстницамъ и провалившимся поламъ. Мы разошлись по разнымъ частямъ дома и, притаившись, ждали появленія домового или мошенниковъ; на всякій случай, у насъ были пистолеты, и на выстрѣлъ мы должны были сходиться.

Долго мы ждали; вѣтеръ гудѣлъ въ перебитыя окна и трубы печныя, но гостей не было. Мы прождали до разсвѣта и тѣмъ же путемъ спустились во дворъ, очень опечаленные неудачей.

Вскорѣ я простился съ моими друзьями и далъ обѣщаніе Алексѣю Толстому пріѣхать къ нему въ Красный-Рогъ, гдѣ ожидала его мать, моя добрая тетушка Анна Алексѣевна.

На перекладной, по обыкновенію, я пріѣхалъ въ первый разъ въ с. Красный-Рогъ, черниговской губерніи. Прежде оно принадлежало послѣднему малороссійскому гетману, К. Г. Разумовскому. Меня очень интересовала усадьба, и я съ большимъ вниманіемъ туда въѣзжалъ. Домъ былъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ построекъ крестьянскихъ, и въѣздъ былъ черезъ посаженныя липовыя алеи гетманскихъ временъ. Между рядами посадокъ можно было свободно ѣхать въ большомъ экипажѣ шестерикомъ съ форейторомъ и поворачивать куда угодно. Я, въ своей телѣгѣ, подкатилъ къ панскому, когда-то гетманскому дому; онъ былъ окруженъ липовыми алеями, и къ нему прилегалъ садъ. Домъ былъ деревянный, какъ всѣ загородные дома гетманскіе. Это былъ его охотничій домъ, куда съѣзжалось не мало людей, и экипажи ихъ и собаки располагались въ липовыхъ аллеяхъ близъ дома, устроенныхъ въ видѣ залъ, такъ что пользовались чистымъ воздухомъ и тѣнью.

По серединѣ дома была столовая съ куполомъ, которая освѣщалась сверху; а надъ нею былъ устроенъ бельвѣдеръ, откуда открывался прекрасный и просторный во всѣ стороны видъ. Домъ этотъ, какъ и другіе дома гетмана, былъ выстроенъ по плану извѣстнаго архитектора графа Де-Растрелли, какъ онъ подписывался. Въ этомъ домѣ жила Анна Алексѣевна (мать Алексѣя Толстого) съ сыномъ, а я помѣстился въ одномъ изъ флигелей, тоже деревянномъ, въ которомъ находились: обширная библіотека, помѣщеніе для меня и баня, въ которую любила ходить Анна Алексѣевна. Все было устроено просто и удобно.

Анна Алексѣевна чрезвычайно любила нашу мать (сестру свою), и любовь ея перешла и на насъ. Много трогательныхъ случаевъ я помню, которые ярко характеризовали ея безпредѣльно доброе сердце и расположеніе къ намъ.

Она была очень рада меня видѣть и всею душою интересовалась узнать мое впечатлѣніе и мнѣніе о Софьѣ Андреевнѣ, съ которой сошелся ея сынъ, и къ которой серьезно и сильно привязался. Ея душа не только не сочувствовала такимъ отношеніямъ, но была возмущена и относилась съ полнымъ недовѣріемъ къ искренности С. А. Не разъ у меня съ нею, тайно отъ сына, были разговоры, и она, бѣдная, говорила, а слезы такъ и капали изъ глазъ ея. Меня она обвиняла болѣе всѣхъ, какъ болѣе всѣхъ любимаго ея сыномъ и раньше всѣхъ братьевъ познакомившагося съ С. А. Я стоялъ всею душою за С. А. и старался разубѣдить ее, но напрасно. Чутко материнское сердце!..

Что-жъ Алексѣй?.. Онъ грустилъ, душа его разрывалась на части: онъ любилъ обѣихъ. Никогда не забуду, какъ я сидѣлъ съ нимъ на травѣ, въ березнякѣ, имъ насаженномъ: онъ говорилъ, страдая и со слезами, о своемъ несчастіи. Сколько въ глазахъ его и словахъ выражалось любви къ С. А., которую онъ называлъ милой, талантливой, доброй, умной, образованной и съ прекрасной душой! Его глубоко огорчало, что мать безконечно груститъ, ревнуетъ и предубѣждена противъ С. А., несправедливо обвиняя ее во лживости и разсчетахъ. Такое обвиненіе, конечно, должно было перевернуть все существо добраго, честнаго и рыцарски благороднаго А. Толстого.

Пребываніе мое въ Красномъ-Рогу имѣло вліяніе на дальнѣйшую мою судьбу именно потому, что тетушка Анна Алексѣевна предложила мнѣ выдать тысячу рублей на поѣздку за границу; Толстой вполнѣ этому сочувствовалъ. Время было уже не лѣтнее, и задумавъ эту поѣздку, я простился съ милой, дорогой мнѣ и всѣмъ намъ Анной Алексѣевной, съ ея сыномъ, и выѣхалъ изъ Краснаго-Рога.

Я не зналъ тогда, что будетъ далѣе,—и что время жизни Анны Алексѣевны сочтено судьбою, и что смерть ея стоитъ наготовѣ!..

Левъ Жемчужниковъ.

АМЕРИКАНЕЦЪ

„David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott *).

VII [1]).

Едва успѣлъ удалиться конторщикъ Тимсонъ, какъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась фигура самого хозяина, Давида Гарума. Широкоплечій, гладко-выбритый, нѣсколько ниже средняго роста, онъ поражалъ своимъ полнымъ, красноватымъ лицомъ, на которомъ не было ни пятнышка,—только на линіи отъ носа къ углу рта небольшая бородавка, величиною съ горошинку. Его лысина, окруженная бахромкой красновато-рыжихъ волосъ, маленькіе глаза чисто-голубого цвѣта, толстый носъ, не поддающійся классификаціи, и широкій ротъ съ тонкими губами—все это придавало лицу добродушно-насмѣшливый оттѣнокъ. На немъ была „сѣрая пара", довольно старомодные стоячіе воротнички, опоясанные краснымъ галстухомъ, который схваченъ былъ узломъ подъ подбородкомъ; на головѣ—суконная шапка съ наушниками, а въ бѣлоснѣжномъ треугольникѣ крахмальной рубашки сверкала брилліантовая запонка въ два карата.

Онъ подошелъ къ Джону.

— Вы, вѣроятно, м-ръ Ленокъ? Какъ можете? Радъ васъ видѣть! — проговорилъ онъ, стаскивая съ пальцевъ грубую замшевую перчатку и подавая толстую, но мускулистую руку.

Джонъ отвѣтилъ рукопожатіемъ и выразилъ надежду, что м-ръ Гарумъ находится также въ добромъ здравіи.

— Такъ себѣ, понемногу справляюсь...—отозвался тотъ.

---

[1]) См. выше: октябрь, стр. 677.

— Вы пріѣхали еще съ вечера, я полагаю? Нашли кого-нибудь, чтобы васъ проводить сюда? Обыкновенно, въ это время года пріѣзжихъ у насъ не бываетъ.

Джонъ отвѣчалъ, что никакого безпокойства ему не случилось испытать, и что какой-то Робинсонъ довезъ его самого и багажъ до отеля.

— Гм! — произнесъ Давидъ, мотнувъ головой и становясь спиной къ огню.—Дикъ Робинсонъ! И что же? Онъ имѣлъ любезность занимать васъ разговоромъ?—усмѣхнулся онъ.

Въ отвѣтъ Джонъ только засмѣялся.

— Гдѣ вы остановились?—спросилъ Давидъ, и узналъ, что въ „Орлѣ".

Впрочемъ, утромъ онъ уже успѣлъ повидать Дика Ларраби и отъ него услышать исторію пріема, оказаннаго въ этой гостинницѣ пріѣзжему. Но онъ любилъ всякія свѣдѣнія получать изъ первоисточника.

— И что же? васъ тамъ устроили удобно?—отвернувшись, чтобы плюнуть въ каминъ, продолжалъ Давидъ.

— Принимая въ соображеніе наличныя условія, мнѣ было недурно.

Давидъ больше не настаивалъ.

— А какъ вы оставили генерала?—перемѣнилъ онъ тему.

— Повидимому, онъ здоровъ, и просилъ вамъ кланяться.

— Славный человѣкъ генералъ!—довольный его вниманіемъ, замѣтилъ Давидъ.—Какъ ни верти, славный онъ человѣкъ! Слово его крѣпко. Да, смѣю вамъ сказать, если онъ за кого ручается, тогда мнѣ все равно, посмотрю я на человѣка раньше или нѣтъ. А вы съ нимъ хорошо знакомы?

— Они съ отцомъ старые друзья, а ко мнѣ онъ былъ всегда добръ и ласковъ.

— Садитесь же, садитесь!—сказалъ Гарумъ, указывая Джону на стулъ, а самъ, усѣвшись, снялъ шапку и вмѣстѣ съ перчатками опустилъ ее на полъ.—Вы давно здѣсь, въ конторѣ?

— Пожалуй, съ полчаса.

— Я намѣревался быть уже здѣсь, когда вы придете; но мнѣ помѣшало одно дѣло... зашелъ посмотрѣть на лошадь... Я думаю, не запереть ли эту дверь?.. — прибавилъ онъ и привсталъ, чтобы подойти къ дверямъ въ контору.

— Позвольте, я запру,—предложилъ Джонъ и затворилъ.

— За-одно можете запереть и другую, если ужъ взялись,—замѣтилъ Давъ и прибавилъ:—благодарю васъ!—когда Джонъ сѣлъ на мѣсто.—Ничего особеннаго я не имѣю вамъ пока сказать,

а боюсь помѣшать Тимсону въ работѣ. Что онъ, познакомился уже съ вами?

— Да, мы оба представились другъ другу и даже побесѣдовали нѣсколько минутъ.

— Что-жъ, онъ вамъ приподнесъ всю свою біографію, со всею родословной на придачу?

— Нѣтъ; на это времени бы не хватило,—улыбаясь, возразилъ Ленокъсъ.

— Ну, такъ въ лоскъ отдѣлалъ меня и мой характеръ?

— Больше всего разговоръ вертѣлся на темѣ о его трудахъ и обязанностяхъ,—отвѣтилъ Джонъ, и Давъ подумалъ, что Ленокъсъ, очевидно, не хочетъ откровенничать больше, чѣмъ онъ то считаетъ нужнымъ.

— И что-жъ, онъ напустилъ на себя дружелюбіе? — продолжался допросъ.

— Поговоривъ немного, я высказалъ ему, какъ для меня отрадна мысль, что онъ не можетъ питать ко мнѣ враждебныхъ чувствъ, потому что самъ, по своей доброй волѣ, оставилъ это мѣсто.

Давидъ повернулся и посмотрѣлъ въ лицо Джону; въ глазахъ его пробѣжали искорки смѣха. Джонъ отвѣтилъ ему такимъ же взглядомъ и слегка улыбнулся. Давидъ открыто разсмѣялся.

— А вы, должно быть, видывали людей на своемъ вѣку...

— Не думаю, однако, чтобы мнѣ попадался кто-нибудь точно такой, какъ м-ръ Тимсонъ, — самъ слегка засмѣявшись, проговорилъ Джонъ.

— По счастію, типы такой породы рѣдкость, — сухо замѣтилъ Гарумъ и, подойдя къ конторкѣ, вынулъ и предложилъ Джону одну сигару, въ то время, какъ самъ закурилъ другую, усердно попыхивая въ продолженіе двухъ-трехъ минутъ, а между тѣмъ Джонъ успѣлъ не разъ пожалѣть, что и онъ принадлежитъ къ числу „курящихъ“. Наконецъ, Давидъ вынулъ изо рта горящій окурокъ и посмотрѣлъ на него глубокомысленно.

— Какъ вамъ нравятся эти сигары? — спросилъ онъ свою жертву.

— Горятъ онѣ прекрасно,—отвѣчалъ тотъ.

М-ръ Гарумъ не то кашлянулъ, не то усмѣхнулся и тотчасъ же опять умолкъ.

Но, вотъ, онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ съ любопытствомъ на своего собесѣдника и перевелъ свой пристальный взглядъ на огонь.

— Съ той минуты, какъ я увидѣлъ васъ,—началъ онъ,—я не перестаю спрашивать себя, какъ это такъ могло случиться, что вамъ вздумалось пріѣхать въ нашъ Гомвиль?—Васъ рекомендуетъ генералъ Вульсей, и я надѣюсь, что вы, такъ сказать, не считаете, что попались впросакъ... или что-нибудь въ этомъ родѣ... Генералъ ничего не говорилъ вамъ о моихъ дѣлахъ?

— Нѣтъ. Мнѣ кажется, онъ думалъ, что если вы захотите сообщить мнѣ дальнѣйшія подробности, то предпочтете это сдѣлать сами.

Со стороны человѣка, у котораго онъ долженъ былъ служить, Джонъ счелъ весьма естественнымъ и благоразумнымъ желаніе узнать поближе, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; поэтому онъ самъ передалъ Давиду все, что считалъ умѣстнымъ, изъ своей жизни. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что, при всей своей скрытности и подозрительности, Гарумъ былъ такой человѣкъ, на котораго можно было положиться, и разъ онъ кого подаритъ своимъ довѣріемъ, это довѣріе уже не поколеблется ничѣмъ, особенно если быть съ нимъ откровеннымъ.

Давидъ слушалъ, не перебивая, и только изрѣдка мычалъ:—Мм... м... Мм... м...

— Ну, вотъ и я весь!—заключилъ Ленокъ.

— Да, вотъ и вы! Это такъ, — повторилъ Давидъ. — Въ сущности, вы увидите, что есть мѣста и хуже нашего Гомвиля... когда привыкнете къ нему. Я вернулся сюда вотъ ужъ тринадцать-четырнадцать лѣтъ, да и то привыкалъ постепенно. Еслибъ не Полли, я бы не выдержалъ. Но она въ жизни своей не бывала дальше, какъ миляхъ въ десяти отсюда, и я не могъ бы огорчить ее. Полли моя сестра,—пояснилъ онъ.

— Ну, если это было такъ затруднительно для васъ, такъ я, пожалуй, вовсе не привыкну.

— Ну, положимъ, я обладаю способностью говорить притчами иной разъ, и надѣюсь, что все-таки современемъ—какъ вамъ ни будетъ трудно все это переварить—вы можете привыкнуть. Скажите-ка, еслибъ у васъ были лишнихъ тысячи двѣ долларовъ, вы предпочли бы продолжать изучать законы?

— Право, не знаю; но вѣроятнѣе всего—не продолжалъ бы. Генералъ Вульсей предлагалъ помочь мнѣ матеріально, если я чувствую призваніе къ этому дѣлу; но послѣ того, что я ему высказалъ по этому вопросу, онъ самъ мнѣ предложилъ вамъ написать.

— Онъ это предложилъ?

— Да, онъ. Послѣ всего того, что мнѣ пришлось претерпѣть за послѣднее время, я могъ только желать уѣхать.

— Что-жъ, еслибъ мнѣ случилось потерять все то немногое, что я теперь имѣю,—задумчиво проговорилъ Давидъ—и не жить больше, какъ я жилъ до сихъ поръ, я вѣроятно тоже пожелалъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ.—Онъ взглянулъ на часы и прибавилъ:—Ну, мнѣ теперь пора, а вы... Хотите сейчасъ начать свою работу?

— О, да! Пожалуйста!—съ живостью подхватилъ Джонъ.

— Прекрасно. Такъ потрудитесь сказать Тимсону, чтобъ онъ вамъ показалъ все, что надо; ему за это заплачено особо.

Въ тотъ моментъ, какъ Джонъ входилъ въ контору, Тимсонъ горячо ударилъ кулакомъ по конторкѣ и крикнулъ, горячо доказывая что-то стоявшему передъ нимъ субъекту:

— Нѣтъ, сэръ! Это неправда! Отъ слова до слова—голая неправда! Это я самъ сказалъ:—„Я этого не потерплю, ни отъ васъ, ни отъ кого другого!.. Мало того (говорю)“...

Выраженіе лица субъекта заставило Тимсона обернуться, а его слушатель въ это время скрылся.

— А! Ну, что же? Старикъ вытянулъ изъ васъ по косточкамъ все, что ему хотѣлось?

— Я думаю, на сегодня мы съ нимъ покончили, — съ улыбкою отвѣтилъ Джонъ,—и если вы готовы поучить меня, я, въ свою очередь, готовъ у васъ поучиться. М-ръ Гарумъ сказалъ, что вы будете такъ добры объяснить мнѣ все необходимое.

— Хорошо!—довольно милостиво согласился Тимсонъ, и на слѣдующій день оба рѣшили, чтобы Джонъ попробовалъ самостоятельно нести свои новыя обязанности.

— Ну, что?—спросилъ на утро Гарумъ, вызвавъ Джона въ пріемную.—Какъ вамъ удалось справиться вчера? Добились толку отъ нашего „молчальника“?

— О, да. Я думаю, еслибъ вы только разрѣшили мнѣ иногда обращаться къ вамъ за совѣтомъ, я могъ бы попробовать на свой страхъ вести это дѣло.

— Тѣмъ лучше; онъ можетъ уѣзжать хоть завтра. Я написалъ кой кому изъ моихъ знакомыхъ, чтобы его пристроить (онъ вѣдь человѣкъ безпомощный, даромъ что много и смѣло говоритъ). Такъ вотъ мнѣ пишутъ, чтобъ я его сейчасъ же выслалъ... Только вы ему ничего не говорите: я хочу посмотрѣть, сколько времени ему понадобится, чтобы разнести по всей де-

ревнѣ слухъ, что ему была сдѣлана масса предложеній, и онъ не зналъ, на чемъ остановиться?

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ?..

— Еще бы! У многихъ на это есть особый даръ... А! Дикъ! Ну, что?

— Я насчетъ лошади...

— Постойте, Джонъ! Сначала поздоровайтесь съ м-ромъ Ларраби.

— Мы уже видѣлись,—замѣтилъ послѣдній, пожимая руку Джона:—Я былъ въ „залѣ", когда вы пріѣхали въ „Орелъ",— и Дикъ смѣхомъ подтвердилъ свои слова.

Джонъ вспыхнулъ и довольно холодно сказалъ:

— Какже, я помню. Вы были такъ добры, что помогли мнѣ насчетъ багажа.

— Извините! Но я смѣялся не надъ вами,—замѣтивъ его тонъ, проговорилъ Дикъ.—То-есть, вѣрнѣе, не совсѣмъ... Я равнодушно не могъ видѣть вашего лица, когда Амъ принялся потчивать васъ пирогомъ вмѣсто бифштекса и яицъ.

— Закрой клапанъ!—съ досадою замѣтилъ Давъ.—Можетъ быть, все это и смѣшно, но когда у меня есть дѣло...

Въ эту минуту въ конторѣ появились новыхъ два субъекта, изъ которыхъ первый, волочащій ноги, невзрачный человѣчекъ, съ выраженіемъ отталкивающей угрюмости на лицѣ остановился въ десяти шагахъ отъ конторки Давида.

Тотъ посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова.

— Я получилъ вотъ это извѣщеніе, въ которомъ говорится, что завтра—срокъ моему платежу.

— Такъ что-жъ изъ этого?—заложивъ одну руку за спинку стула, а другую положивъ на конторку, произнесъ Давидъ.

— Да то же, что срокъ самъ по себѣ, а платежъ самъ по себѣ!

— Ты хочешь, можетъ быть, его отсрочить?—нагнувшись нѣсколько впередъ, спросилъ банкиръ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Я думаю, все можетъ по прежнему остаться.

— Вотъ какъ? Ну, что-жъ, я радъ, что наконецъ могу ознакомиться поближе съ вашими воззрѣніями. Конечно, все можетъ по прежнему остаться до завтра, до четырехъ часовъ. А тамъ вамъ ужъ придется имѣть дѣло съ нотаріусомъ Джонсономъ и съ шерифомъ.

Невзрачный человѣчекъ разразился презрительнымъ смѣхомъ.

— Я думаю, вамъ это дастся не легко,—замѣтилъ онъ.

Красно-желтыя густыя брови Гарума насупились.

— Послушай, Биль Монтэгъ!—произнесъ онъ внушительно. —Я тебя гораздо лучше понимаю, нежели ты воображаешь! Прекрасно знаю, что ты заранѣе задался мыслью меня надуть. Ты долженъ согласиться, что тебѣ хотѣлось ввести ростовщичество въ нашемъ мѣстечкѣ, и еслибъ это тебѣ не удалось,—ты разсчитывалъ уклониться отъ наказанія. Такъ или нѣтъ? Постой! Я, такъ и быть, самъ помогу тебѣ припомнить.

По выраженію лица Монтэга видно было, что самоувѣренность его слабѣетъ.

— Во-первыхъ,—началъ заимодавецъ:—*я не давалъ* тебѣ въ долгъ ни гроша. Я самъ для тебя занялъ у другихъ и—помнишь?—я указалъ тебѣ тогда, чтобы ты сдѣлалъ вексель съ оборотомъ на меня.

— Не помню. Никакой бумаги не подписывалъ,—угрюмо пробормоталъ тотъ.

— Ну, какъ угодно! Но въ то время ты думалъ только объ одномъ: какъ бы достать денегъ!

— А мнѣ все-таки хотѣлось бы видѣть эту бумагу.

— Придетъ пора, увидишь!—внушительно кивнувъ головою, замѣтилъ Дикъ и, разставивъ ноги, глубоко запустилъ руки въ карманы.

— Неужели ты воображаешь, Биль Монтэгъ, что я не подозрѣвалъ, съ кѣмъ имѣю дѣло?—продолжалъ онъ тономъ безграничнаго презрѣнія:—Не зналъ, какой ты низкій человѣкъ и наглый обманщикъ? Не зналъ, какъ защитить себя отъ такихъ скотовъ, какъ ты?.. Нѣтъ! Я это прекрасно зналъ и помнилъ, и прямо говорю тебѣ (онъ погрозилъ внушительно предмету своего гнѣва): *ты мнѣ уплатишь по этому векселю*, а не то... я тебя упеку туда, гдѣ ни одна собака тебя не укуситъ!..

Биль стоялъ молча передъ нимъ, и на его лицѣ яснѣе отразился отпечатокъ низкой злобы на то, что сорвалось.

— Я спрашиваю васъ, что вы еще имѣете сказать?—говорилъ Гарумъ.—Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

Но тотъ молчалъ.

— Я спрашиваю васъ: что вамъ еще угодно отъ меня?—повторилъ Давидъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, ничего!—пробормоталъ угрюмо Биль.

— Прекрасно! А такъ какъ у меня есть дѣло помимо болтовни съ такими негодными людишками, какъ вы,—я буду бла-

годаренъ вамъ, если вы удалитесь. Вотъ вамъ и порогъ!—заключилъ онъ, обязательно указывая на дверь.

— Хи-хи-хи! Ха-ха, ха-ха! Хо-хо-хо... о... о!..—залился Дикъ Ларраби.

Это было ужъ черезчуръ.

Биль (говоря деликатно) не разсчиталъ и замахнулся рукой на своего кредитора. Но Давидъ съ поразительной быстротой и ловкостью очутился подлѣ него и, ухвативъ его за шиворотъ, въ одно мгновеніе вышвырнулъ за дверь. Спутникъ м-ра Монтэга вздумалъ-было двинуться на защиту товарища, но не успѣлъ онъ оглянуться, какъ Леноксъ ухватилъ его за шиворотъ и такъ же точно выкинулъ за дверь, прибавивъ въ видѣ совѣта, что пусть „тѣ двое раздѣлаются сами“.

Давидъ вернулся, запыхавшись, но въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Фу! Давненько не случалось мнѣ такъ горячо подраться!

— Биль не очень ловокъ, да ему и не приходилось,—замѣтилъ Дикъ.

— Вотъ еще! Онъ весь вѣтромъ подбитъ и подлостью. А съ нимъ кто?

— Смитъ. То-то, я думаю, у него болитъ загривокъ!

— Чего такъ?

— А того, что онъ норовилъ броситься на тебя, да м-ръ Леноксъ помѣшалъ. Вы ему чуть что шею не свернули! Хи-хи-хи, ха-ха!

— Кажется, я, дѣйствительно, черезчуръ круто обошелся съ нимъ,—замѣтилъ сконфуженно ученикъ знаменитаго Уильямса.

— Весьма вамъ благодаренъ,—проговорилъ Давидъ.

— Не за что! Я очень весело провелъ это утро!—засмѣялся Джонъ.

— И въ самомъ дѣлѣ было превесело,—усмѣхнулся тотъ.— Но все-таки вы не должны разсчитывать на такое пріятное развлеченіе *каждое* утро.

VIII.

— Полли!—говорилъ въ тотъ же день вечеромъ Давидъ:— Я пригласилъ этого молодого человѣка къ намъ на чашку чаю. Пожалуйста, ужъ воздержись и не упоминай при немъ самаго названія „Орелъ“. Про всякихъ птицъ ты можешь говорить, сколько твоей душѣ угодно, но эту ты ужъ мнѣ оставь въ покоѣ! „Орловъ“ не трогай, помни!

— Ты что-нибудь да затѣваешь?—спросила Полли, но братецъ только засмѣялся и умолкъ.

Въ молчаніи прошелъ и самый чай. Джонъ пришелъ усталый и голодный. М-ръ Гарумъ былъ необыкновенно угрюмъ, молчаливъ, и м-съ Биксби, напуганная запрещеніемъ брата, не могла подыскать общаго предмета разговора.

Однако, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, Джонъ даже подружился съ этой доброй женщиной.

Прошло еще нѣсколько недѣль. Какъ-то разъ, послѣ чаю, тетя Полли, подрубляя полотенце, окликнула Давида, углубившагося въ свою газетную премудрость.

— Что ты мнѣ ничего не скажешь про свой банкъ? Справляется съ нимъ м-ръ Ленокскъ?

— Справляется, какъ только онъ можетъ лучше за такое короткое время,—вставилъ между строкъ Давидъ.

— Я думаю, ему очень тяжело живется одному?

Отвѣта не послѣдовало.

— Не правда ли?—прибавила она, погодя.

— Да что правда-то?—спросилъ ее братъ.

— Что ему страшно скучно одному,—повторила Полли.— Онъ здѣсь не знаетъ ни души, а живетъ въ такой ямѣ, какъ эта харчевня.

— Не вижу, почему ты именно должна жаловаться на это, если онъ доволенъ. (Давидъ мысленно пожелалъ, чтобъ только Полли откуда-нибудь не узнала, что онъ нарочно останавливалъ Джона, какъ только тотъ затѣвалъ устроиться получше.) А скучать ему некогда: Чэтъ Тимсонъ позаботился объ этомъ. Онъ не любилъ утруждать себя работой, и теперь Джону приходится исправлять его недосмотры.

— Стыдъ какой!—воскликнула тетя Полли.

— Зато Джонъ не скучаетъ!—съ усмѣшкою замѣтилъ братъ.

— Да у него нѣтъ времени на отдыхъ!..— негодовала м-съ Биксби.—И что жъ, ты имъ доволенъ?

— Я, кажется, ужъ говорилъ тебѣ сто тысячъ разъ, что онъ, по-моему, здѣсь уживется, а ты не хочешь вѣрить... Правда, сегодня мы съ нимъ немножко посчитались.

— Бранились?—тревожно воскликнула м-съ Биксби.

— Ну, *брани*, собственно говоря, между нами еще не бывало, а я такъ только сдѣлалъ маленькій опытъ.

— Гм! Смотри, какъ бы самому тебѣ на этомъ не попасться!

— Ну, не бойся: тебя-то я не трону,—засмѣялся Давидъ.

— Меня?! Ты то-и-дѣло меня дразнишь. Вотъ хоть бы сейчасъ: ужъ говорилъ бы прямо, что̀ ты такое сдѣлалъ?

— Да не Богъ вѣсть что̀! Я, видишь ли, прекрасно зналъ, что Джону труднѣе всего будетъ различать фальшивыя бумажки; такъ оно и вышло. Сегодня спрашиваю я его, не попадались ли онѣ ему?—Какъ же, говоритъ, даже цѣлыхъ двѣ: въ пять и въ десять фунтовъ.—„И что̀-жъ вы съ ними сдѣлали?“—спрашиваю я.—Да ничего не сдѣлалъ.—„Какъ же такъ?“—Моя вина: я просчиталъ и уплатилъ за фальшивыя, какъ за настоящія, значитъ, я и долженъ поплатиться.—„А гдѣ онѣ?“—Вонъ, въ этомъ ящикѣ. Все-таки для меня полезно ихъ изучить.—„Ну, это лишнее“,—говорю ему.—Вы хотите сказать, отчего я сразу ихъ не сжегъ?—„Нѣтъ, говорю, не то! Въ Нью-Іоркѣ, положимъ, ихъ опасно отсылать: тамъ легче разберутъ, что онѣ не такія; но здѣсь, въ провинціи, въ глуши, сошло бы преблагополучно... между настоящими другими. Если хотите ихъ записывать, запишите въ приходо-расходъ и баста! А я ихъ самъ возьму и пущу въ оборотъ“.

— Давидъ Гарумъ!—внушительно вознегодовала тетя Полли.—Надѣюсь, онъ не подумалъ, что ты говоришь серьезно.

Дарумъ сдѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе газеты.

— А вотъ въ Филадельфіи кого-то хоронили.

— Да онъ-то что̀ сказалъ?—настаивала тетя Полли.

— Онъ сказалъ, что не намѣренъ заставлять меня терпѣть ущербъ по его винѣ, вынулъ изъ ящика бумажки и, пройдя въ пріемную, швырнулъ ихъ въ огонь.

— И хорошо сдѣлалъ!—заявила тетя Полли.—Надѣюсь, и ты такъ думаешь?

— Гм! Съ его точки зрѣнія онъ прекрасно сдѣлалъ. Впрочемъ, и я, пожалуй, съ нимъ согласенъ,—прибавилъ онъ, потирая двумя пальцами подбородокъ.—Много лѣтъ я искалъ, не могъ доискаться честнаго человѣка; а теперь, кажется, нашелъ!

— Неужели ты такъ и не помѣшаешь ему лишиться его кровныхъ пятнадцати долларовъ?—какъ настоящій практичный человѣкъ, спросила м-съ Биксби.

— Что̀ съ нимъ подѣлаешь, когда онъ такое упрямое творенье?—съ короткимъ смѣхомъ отозвался братъ.

Полли сдѣлала нѣсколько стежковъ въ гробовомъ молчаніи.

— Мнѣ очень жаль, если ты именно такъ и поступилъ,—съ искреннимъ огорченіемъ сказала она.

— Что-жъ такое, если меня это забавляетъ?

Настало 23-е декабря.

Слуга только-что ушелъ изъ конторы, а Джонъ, покончивъ съ дѣлами, замыкалъ крышку своей кассы, когда позади него послышался голосъ Давида:—Вамъ никуда не надо торопиться?

— Нѣтъ;—отвѣтилъ онъ, и банкиръ, сосредоточенно поглядывая передъ собою, усѣлся на высокій стулъ передъ конторкой.

— Вы знаете вдову Кéлломъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ; я только вижу иногда, какъ она идетъ мимо: такая длинная, худая, съ погнувшейся спиной... Она такое производитъ впечатлѣніе, что вѣрно видывала лучшіе дни на своемъ вѣку.

— Вотъ именно!—подхватилъ Давидъ.—Она видывала много лучшихъ дней; но пришли худшіе—и ей пришлось испить до дна горькую чашу лишеній и нужды... чуть не тридцать лѣтъ подъ рядъ. Д-да! Было время, когда мнѣ Капитолій въ Вашингтонѣ представлялся чѣмъ-то въ родѣ самаго лучшаго изъ нашихъ мѣстныхъ зданій,—а оно принадлежало семейству Келломъ, и въ немъ-то, въ этомъ домѣ, роскошномъ, какъ дворецъ, жила тогда вдова съ своимъ мужемъ — Билли; и этотъ самый Билли представлялся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ самого президента...

Гарумъ досталъ изъ кармана табаку и набилъ себѣ за щеку изрядный запасъ „мелкой крошки“.

— Какъ же такъ вышло, что она вдругъ обѣднѣла? Вся семья вымерла?

— Почти-что вся. Остался только Чарли, ея сынъ, да и тотъ ушелъ на западъ, въ Калифорнію, искать счастья. Онъ помогаетъ матери платить по закладной за ту самую землю, или, вѣрнѣе, за клочокъ той земли, которая когда-то вся ей принадлежала.

— Но этотъ-то клочокъ ей удалось сохранить чистымъ отъ долговъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Она даже не подозрѣваетъ, какую цѣну имѣла бы въ ея рукахъ эта земля, еслибъ была совсѣмъ чиста. Да, можетъ быть, вамъ надоѣло слушать?

— Нѣтъ, сэръ, напротивъ! Мнѣ очень интересно...

— А! Ну, такъ послушайте: мнѣ надо, чтобъ вы доставили вдовѣ записку, приблизительно такого содержанія:—„что м-ръ Гарумъ поручилъ вамъ извѣстить ее,—въ виду того, что по его закладной она (постойте-ка! да—именно съ годъ!)... съ годъ уже не платитъ ни гроша процентовъ (не говоря о капиталѣ!)... что онъ свободнѣе всего утромъ, въ день Рождества Христова, и

просить ее непремѣнно пожаловать въ контору; ее, молъ, не задержать"... Понимаете? Что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Хорошо; понимаю, сэръ!—проговорилъ Джонъ, не особенно охотно.

— Ну, и прекрасно! — весело подхватилъ банкиръ. — Надѣюсь, вы живо разберетесь въ сюрпризахъ, которые окажутся у васъ въ рождественскомъ чулкѣ, и будете такъ добры явиться сюда ненадолго, пока я покончу съ м-съ Келломъ. Можетъ представиться необходимость подписать или засвидѣтельствовать кой-какія бумаги... И пускай Пелегъ здѣсь протопитъ, чтобы намъ не мерзнуть...

— Хорошо, сэръ,—произнесъ Джонъ, надѣясь, что можно будетъ удалиться.

Но старшій изъ собесѣдниковъ не думалъ уходить, и на лицѣ его застыло выраженіе лукаваго довольства.

— Я думаю, мнѣ не мѣшаетъ разсказать вамъ, какъ эта закладная попала въ мои руки. Это—одна минута! Потомъ вы можете пойти себѣ побѣгать, поиграть,—прибавилъ онъ, хихикая слегка.

— Надѣюсь, я не выказалъ нетерпѣнія? — довольно нелаково замѣтилъ Джонъ.—Мнѣ, право, очень интересно!

— О, нѣтъ! Не въ этомъ дѣло. Такіе старики, какъ я, имѣютъ привычку иногда по два раза говорить одно и то же. Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Когда подросъ Чарли Келломъ, какъ будто все пошло лучше; но онъ женился—и опять имъ труднѣе стало жить. Онъ убѣдилъ мать, чтобы она достала тысячу долларовъ подъ залогъ земли, и брался выплачивать проценты — навѣрное, а понемногу, можетъ, и весь капиталъ. Но Чарли обманулся самъ въ разсчетахъ на дальній западъ. Ну... когда ей понадобились деньги, вдова ко мнѣ не обратилась, потому что... Все равно, почему! Словомъ, закладную заполучилъ не кто иной, какъ Айзикъ Свинни. Въ первый годъ Чарли изъ той же тысячи выплатилъ проценты, а на второй... на второй саранча съѣла его жатву; на третій—опять что-то стряслось такое... Словомъ, въ концѣ пятаго года, когда истекалъ срокъ закладной, оказалось въ итогѣ, что за одинъ годъ взнесъ самъ Чарли, за другой—мать его, а за три года не плачено ни капитала, ни процентовъ. Пришла она ко мнѣ и говоритъ:—Сто-восемьдесятъ долларовъ однихъ процентовъ, а гдѣ я ихъ возьму, Богъ знаетъ!—„И знаетъ, да не скажетъ!"—говорю ей, шутя. (Конечно, я прекрасно зналъ, что подъ закладную далъ ей де-

негъ Свинни; да чѣмъ же лучше онъ меня? Я тоже точилъ зубы на этотъ лакомый кусочекъ)...

„Гдѣ падаль, тамъ и вороньё",—подумалъ Джонъ, съ негодованіемъ въ душѣ.

— Ну, вотъ, я ей и говорю,—продолжалъ банкиръ:—„Зайдите ко мнѣ завтра часовъ въ одиннадцать; можетъ быть, что-нибудь и удастся сдѣлать". Послалъ я въ мѣстное правленіе, досталъ выписку имѣнія, все приготовилъ для второй закладной и далъ ей утромъ подписать. А затѣмъ, говорю, вотъ вамъ деньги: ступайте, заплатите Свинни все сполна, да, чуръ, не проболтайтесь, что это я далъ деньги. А если спроситъ: „Это вамъ Давидъ Гарумъ далъ?"—такъ прямо и отрѣжьте:—Нѣтъ!—Понятно, Свинни, все равно, тотчасъ же провидѣлъ, что въ этомъ дѣлѣ *я* замѣшанъ, да только пикнуть не смѣлъ, пока я самъ не заблагоразсудилъ сказать ему объ этомъ. — Мнѣ вѣдь деньги не особенно нужны (сказалъ онъ), такъ пусть себѣ накопятся проценты, а закладная никогда отъ меня не уйдетъ.—„Конечно, а только какое тогда будетъ у *меня* обезпеченіе?" — говорю я. — То-есть, что это значитъ? — спрашиваетъ Свинни: — „А то, что у меня въ рукахъ *вторая* закладная, и если вы будете продавать землю съ молотка, такъ я тоже на торги явлюсь, чтобы не упустить свое!"

По мѣрѣ того, какъ Давидъ Гарумъ говорилъ, Джонъ слушалъ его съ возростающимъ вниманіемъ; наконецъ, онъ принесъ себѣ табуретку и взобрался на нее, чтобы слушать сидя. Давидъ хихикнулъ, сплюнулъ и принялся шарить въ жилетѣ и брюкахъ, но тщетно: спичекъ не оказалось, и только съ помощью услужливаго Джона ему удалось закурить, чиркнувъ спичкой по жилету, у самаго кармашка. На этотъ разъ Джонъ отказался отъ предложенной „сигары".

— Вотъ я и говорю ему: „Я тебѣ не совѣтую со мной тягаться: я, все равно, тебѣ не уступлю! Ужъ лучше ты мнѣ добровольно уступи и землю, и обѣ закладныя! А не то... я тебя такъ пройму, что ты самъ не радъ будешь. Или ты дашь мнѣ свою подпись, или я помогу вдовѣ преслѣдовать тебя за ростовщичество".—Это еще что значитъ?!—завопилъ онъ, вскакивая съ мѣста.—„А вотъ что (говорю): за первые полгода вдова просила подождать и дала тебѣ десять долларовъ не въ счетъ процентовъ, а въ слѣдующій разъ—пятнадцать; да такъ, по капелькѣ, ты и стянулъ съ нея лишнихъ шестьдесятъ долларовъ... не въ зачетъ процентовъ,—понимаешь?"—Она это ничѣмъ не можетъ доказать! (кричитъ). — „А что, если она присягой под-

твердитъ, все разскажетъ, и свои записи на судъ представитъ? Если я присягну, что ты и не подумалъ отрицать этотъ фактъ, когда я про него сказалъ? У насъ свободный судъ, и онъ по совѣсти тебя осудитъ... Что же для тебя лучше? Говори!"

— И что же? Онъ подписалъ?—спросилъ Леноксъ.

— О, Боже мой! Конечно. Ему не было другого исхода. Я предложилъ, что угощу его обѣдомъ, но онъ возразилъ (для виду только!), что ничего не цьетъ:—Это (говоритъ) противъ моихъ правилъ.—Его-то *правила*?! Хи-хи, хи-хи! Ха-ха, ха-ха, хо-хооо!..

Уходя изъ конторы, Джонъ долго еще слышалъ его могучій смѣхъ.

IX.

Пелегъ Гопкинсъ—банковый „служитель"—не могъ удержаться отъ ворчанья, что въ день Рождества Христова ему приказано было идти въ контору топить печи.

— И если въ Библіи нѣтъ на это прямого запрещенія, все-таки оно гдѣ-нибудь да есть, навѣрно!—горячился онъ.

Однако, утромъ, войдя въ контору съ занесенной снѣгомъ улицы, гдѣ моросило что-то въ родѣ дождя и бѣшено завывалъ вѣтеръ, Джонъ былъ пріятно пораженъ теплымъ воздухомъ натопленной комнаты.

Зайдя за конторку, онъ тотчасъ же на ней замѣтилъ небольшой плоскій сверточекъ въ бѣлой писчей бумагѣ, адресованный ему. Въ немъ оказался изящный бѣлый шерстяной чулокъ съ билетикомъ, на которомъ стояло: „Веселыхъ праздниковъ желаетъ тетя Полли", а изъ чулочка выпало что-то небольшое, но тяжелое, тоже съ надписью: „Веселыхъ праздниковъ желаетъ вашъ другъ, Давидъ Гарумъ".

Джонъ почувствовалъ, что краска бросилась ему въ лицо; когда онъ развернулъ эту бумажку, изъ нея выпали пять золотыхъ, по десяти долларовъ. Въ глазахъ онъ ощутилъ въ то же время какое-то странное щекотанье и въ мысляхъ у него пронеслось: — Не можетъ быть, чтобы рука, написавшая слова: „Вашъ другъ", поднялась обидѣть вдовъ или сиротъ!

Дверь отворилась и впустила высокую, согбенную женщину, занесенную бѣлымъ мокрымъ снѣгомъ, начиная съ потертаго капора и кончая подоломъ истрепанной, выцвѣвшей юбки.

— Вы м-съ Келломъ? Позвольте, я сначала смахну съ васъ снѣгъ и попрошу войти въ пріемную, согрѣться. Сейчасъ, я думаю, придетъ и м-ръ Гарумъ.

— Я очень опоздала? Ужъ такъ спѣшила, такъ спѣшила! Кажется, отъ роду не видывала я такой ужасной вьюги; а годы ужъ не тѣ,—стара я стала! Ну, вотъ я и спѣшу—а все будто ни съ мѣста.

— О, нѣтъ, ничуть не опоздали! Вы мнѣ позволите уйти, пока вы здѣсь устроитесь поудобнѣе? Я сейчасъ назадъ!

Но м-съ Келломъ, повидимому, ничего не слыхала и дрожала съ головы до ногъ, усталая и промокшая такъ, что хоть выжимай. Между тѣмъ, наскоро нахлобучивъ шапку, Джонъ духомъ перебѣжалъ дорожку, которая вела въ домъ, и испугалъ м-съ Биксби. Она поспѣшила отворить ему дверь веранды, заслыша, что онъ топаетъ ногами, сбивая налипшій на нихъ снѣгъ.

— Боже мой, Господи! Чего вы это летаете по такой погодѣ, да еще безъ пальто, какъ угорѣлый? Что случилось?

— Ничего серьезнаго; но я очень тороплюсь. Тамъ пришла м-съ Келломъ и насквозь промокла. Такъ я подумалъ, что, можетъ быть, вы захотите ей послать сухіе сапоги, чулки, какой-нибудь старый платокъ или одѣяло, чтобы оградить ея колѣни отъ промокшей юбки, и, можетъ быть, водки или чего-нибудь такого: она вся дрожитъ, и я боюсь, какъ бы она не простудилась.

— Конечно, конечно! — заспѣшила добрая женщина и мигомъ принесла ему цѣлый ворохъ вещей, приговаривая: — Вотъ спальныя туфли на овечьей шерсти и пара шерстяныхъ чулокъ; вотъ одѣяло и платокъ; вотъ юбка—не очень новая, но еще ничего, приличная, а главное—прочная и теплая. Водки я вамъ дамъ тоже, но... собственно говоря, никому неизвѣстно, что она водится у насъ въ домѣ... Хотя Давидъ рѣдко притрогивается къ ней, а все же требуетъ, чтобъ я ее держала подъ рукой.

— О, будьте покойны!—засмѣялся Джонъ.—Мы потребуемъ отъ м-съ Келломъ полной тайны, и она дастъ намъ торжественную клятву... Благодарю васъ, все готово. Мнѣ надо бы вамъ кое-что сказать еще, кромѣ простого: „Съ праздникомъ!“—но послѣ, послѣ!..

Когда. онъ вбѣжалъ въ пріемную, тамъ уже оказался Гарумъ.

— Это еще что за ворохъ?—добродушно воскликнулъ онъ.— И туфли, и платки, и платье? Какъ вижу, вы съ Полли дѣйствовали за-одно! А это что такое? Водка! Вотъ ужъ не ожидалъ бы отъ нея, чтобы она рѣшилась выдать ея существованіе въ домѣ... Да, да, м-съ Келломъ, непремѣнно одинъ глотокъ, чтобы согрѣться, чтобы кровь оживить. Мы съ м-ромъ Леноксомъ пройдемъ въ контору, пока вы тутъ устроитесь хорошенько.

— Признаться, я не ожидалъ, что она придетъ въ такую адскую погоду,—продолжалъ онъ уже въ конторѣ.—Я вышелъ провѣдать своего жеребца...

— А что? Очень ему плохо?—спросилъ Джонъ.

— Какъ будто у него плечо помято, и ѣстъ онъ нехотя; можетъ быть, что-нибудь себѣ стряхнулъ внутри. Я уже замѣтилъ: какъ переплачу за лошадь, такъ что-нибудь ужъ непремѣнно приключится. Впрочемъ, вѣдь надо дать нажиться и другимъ... Ну, м-съ Келломъ, какъ дѣла?—окликнулъ онъ вдову, не оглядываясь.

— Да, кажется, совсѣмъ пришла въ порядокъ!—отозвалась она, и Гарумъ медленно пошелъ въ пріемную, а Джонъ остался, досадуя на себя за то, что въ хлопотахъ о м-съ Келломъ упустилъ случай поблагодарить Давида за рождественскій подарокъ. Охотнѣе всего онъ предоставилъ бы ему покончить съ вдовою съ глазу на глазъ; но, памятуя просьбу своего начальства, онъ пошелъ и усѣлся въ конторѣ, чтобы быть подъ рукою, когда понадобится его вмѣшательство.

Между тѣмъ, Давидъ сѣлъ по другую сторону камина, напротивъ м-съ Келломъ, и добродушно обратился къ ней:

— Ну, что? Все теперь въ порядкѣ? Водка не вызоветъ въ васъ неприличныхъ поступковъ?

— Благодарю васъ! Теплыя вещи, дѣйствительно, такъ хороши и удобны! А водки я выпила не такъ много, чтобы захотѣть сорвать съ себя все платье. Въ васъ все-таки есть добрая черта, Давидъ Гарумъ, если вы прислали мнѣ эту записочку; но, я думаю, вы сами лучше знаете свое дѣло, а мнѣ пріятнѣе, чтобы земля моя досталась вамъ, а не Свинни... Хоть я, положимъ, безъ всякаго основанія надѣялась, что Чарли сдѣлаетъ больше для дѣла, чѣмъ это въ его силахъ.

— Посмотримъ-ка записочку,—круто прервалъ ее Давидъ: —Гм!.. Гм!.. „глубоко сожалѣю, что по порученію м-ра Гарума“... (положимъ, я и самъ съумѣлъ бы выразить сожалѣніе)... Ну, а тамъ дальше дѣловое... Конечно, это дѣло не изъ особенно пріятныхъ, я не спорю; но все же дѣло—дѣломъ.

Джонъ слышалъ, какъ банкиръ откашлялся, отплюнулся и огонь въ каминѣ зашипѣлъ.

— Такъ вотъ что, м-съ Келломъ. Я видѣлъ не сегодня, что если я не вмѣшаюсь,—вашей землею завладѣетъ Свинни. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ—нужна она мнѣ или нѣтъ, я, все равно, рѣшилъ ему не уступать. Когда-то онъ мнѣ торма-

зилъ колеса, я ему этого во вѣкъ не забуду!.. Нн-у, вы сами знаете, что я вамъ помогъ тогда вылѣзти изъ петли...

— Вы были до сихъ поръ добры ко мнѣ... — тихо проговорила м-съ Келломъ.

— Не говорите этого, не говорите!—перебилъ Давидъ.—Я бы, пожалуй, еще дольше оставилъ это дѣло въ прежнемъ видѣ, еслибы считалъ это полезнымъ. Но лучше выяснить это разъ и навсегда... Не такъ ли?

— Вамъ лучше знать, — тихо вставила вдова. — Я лично предпочла бы умереть сразу, нежели томиться, умирая постепенно.

— Ну, значитъ, и прекрасно! —весело подхватилъ Гарумъ.— Сигара вамъ не помѣшаетъ?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

— Прекрасно! Только мнѣ, для начала, необходимо разсказать вамъ маленькую повѣстушку. Я васъ недолго задержу, не безпокойтесь! Такъ вотъ что. м-съ Келломъ: вы когда-то были знакомы съ нашею семьей. Я родился и выросъ въ Бекстонъ-Гиллѣ; насъ было восьмеро, я девятый. Когда пошелъ мнѣ третій годъ, отецъ женился въ третій разъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ я не запомню ни отъ кого ласковаго слова, кромѣ Полли. Конечно, сельскому хозяину-фермеру, да еще не изъ крупныхъ, живется не красно, и меня частенько лизали то плетка, то простой ремень. Собственно говоря, всѣмъ намъ, мальчишкамъ, въ дѣтствѣ сильно доставалось, но мнѣ больше, чѣмъ другимъ; сестры и братья (кромѣ Полли) считали своимъ долгомъ обижать меньшого, но больше ихъ обижала меня мачиха: у нея не было своихъ дѣтей, а такой рыжій, весноватый поросенокъ, какимъ я былъ въ то время, не могъ внушать особеннаго чувства; но больше всего остального донималъ меня ея языкъ, и я такъ смекаю, что я былъ для нея чѣмъ-то хуже яда. Три года школили они меня, гоняя въ школу за двѣ мили отъ дома; и лѣтомъ, и зимою, я одинаково имѣлъ въ своемъ распоряженіи старые, рваные сапожонки, которые сдѣланы были, казалось, для того, чтобы вбирать въ себя снѣгъ и слякость, а не предохранять отъ нихъ, да двѣ пары такъ-называемыхъ шерстяныхъ носковъ, состоявшихъ исключительно изъ грубой штопки. Впрочемъ, я бѣгалъ босикомъ съ той минуты, какъ снѣгъ сходилъ съ полей, и вплоть до зимней стужи. Для меня было только два времени года: когда я отмораживалъ ноги или рѣзалъ ихъ о камни.

Давидъ умолкъ, глядя неподвижно на огонь; и вдругъ, повидимому, съ удивленіемъ замѣтилъ, что его сигара потухла. Съ

особымъ тщаніемъ, онъ нагнулся впередъ и зажегъ ее объ уголекъ, вынутый изъ камина.

— Да, фермеру тяжело живется!—замѣтила вдова, чувствуя, что и она должна содѣйствовать разговору.

— А все-таки, какъ оглянешься на прошлое, такъ хуже всего было, что я ни отъ кого не видѣлъ ласки... кромѣ Полли. Но вѣдь она сама была младшая изъ сестеръ, такъ и ей, тоже, не сладко приходилось.

— Да! Поразительно, до чего много горя приходится съ самаго дѣтства выносить человѣку,—продолжала Келломъ.—И никогда я не могла примириться съ тѣмъ, какъ много есть на свѣтѣ всего хорошаго, и какъ мало достается этого хорошаго на долю большинства людей. Давнымъ-давно я не была на митингѣ, потому-что у меня нѣтъ приличнаго платья, но я помню почти всѣ наставленія и проповѣди. Помню, что въ нихъ непремѣнно говорилось или о гнѣвѣ Божіемъ, или о милостяхъ и заботахъ Господа. Надѣюсь, я не хуже, чѣмъ другіе, а мнѣ порою нелегко вѣрить въ эти заботы, когда въ домѣ не только лишняго, но даже ржаной муки на хлѣбъ не хватаетъ.

— Вѣрно, вѣрно, м-съ Келломъ! И я ничуть васъ не осуждаю. „Сомнѣнія насъ сокрушаютъ и съ нами пребываютъ“!...—какъ поется въ гимнѣ, и мнѣ такъ кажется, что легче вѣрить въ благодать Божію, когда можешь питаться мясомъ и картофелемъ, а не одной мукой... Д-да! Такъ на чемъ я остановился? Надѣюсь, я васъ не очень утомилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я рада васъ послушать... только, глядя на васъ, никто бы не подумалъ, что вы когда-то были такимъ бѣднымъ, заброшеннымъ созданіемъ!

— Я именно такимъ и былъ, почти-что до четырнадцати лѣтъ. Въ тотъ годъ по всему Гомвилю были расклеены афиши, а на нихъ—объявленія о странствующемъ циркѣ и звѣринцѣ. Куда ни оглянись, на каждомъ шагу—дѣвицы, прыгающія сквозь обручи, затянутые бумагой; слоны, и тигры, и гиппопотамы, клоуны, стегающіе лошадей и другъ друга; наѣздники, гарцующіе безъ сѣдла, и т. п. А главное: „большое шествіе съ золоченными колесницами и аллегорическими библейскими картинами въ два часа пополудни. Плата за входъ 25 центовъ; дѣти платятъ половину“, и т. д.

— Кончивъ свои три года въ школѣ, я работалъ дома и дѣлалъ все, что только могъ, зачастую даже далеко отъ дома. На этотъ разъ мнѣ приходилось помогать чинить плетень, и я ничего не подозрѣвалъ о предстоящемъ событіи, но среди ночи

меня точно что̀ толкнуло. Я вскочилъ въ окно, освѣщенное яркой луной, вижу: мимо по дорогѣ тянется длинная вереница диковинныхъ людей и животныхъ,—слона, тигровъ и львовъ, заключенныхъ въ большія клѣтки,—наконецъ, цѣлыя повозки декорацій и картинъ. Позавтракавъ, я отправился на пашню, чинить свой плетень, и прихватилъ съ собой обѣдъ въ жестяномъ ведеркѣ, чтобы не терять времени на полдничанье: до дому было далеко. Такъ уже сложилось, что на этотъ разъ я былъ одинъ... и потянуло меня вдругъ неудержимо назадъ, въ Гомвиль, куда со всѣхъ сторонъ спѣшили толпы народа. Казалось, все наше ухарство двинулось разомъ на Гомвиль. И что̀ же? Я поспѣлъ во̀-время, чтобы увидать, какъ шествіе подходитъ! Увидѣлъ снова и слона, и колесницы, и боковыя декораціи къ палаткамъ,—и шагалъ, не отставая, рядомъ съ слономъ, пока всѣ эти диковинки не скрылись въ цирковой палаткѣ. Я подумалъ, что еще успѣю вернуться домой, и, признаться, безъ особаго опасенія думалъ о неизбѣжной расправѣ... даже махнулъ на нее рукой. Ну, такъ вотъ, стою я, слушаю себѣ музыку, да, разиня ротъ, глазѣю на разрисованныя стѣнки палатки, а на нихъ-то—и знаменитыя „Женщины-великанши“, и „Живые скелеты“, и „Человѣкъ съ острова Борнео“, и змѣи, обвивающія дѣвушекъ за шею... чудеса изъ чудесъ!.. И вдругъ я слышу за собою голосъ:—„Что̀, дитятко, о чемъ задумался?“—Я оглянулся, и какъ бы вы думали, кого увидѣлъ? Билли Келло̀мъ!.. (Я зналъ, кто онъ такой, да онъ-то не подозрѣвалъ, кто я). Д-да! Это былъ онъ самъ, да еще въ какомъ парадѣ!

Разсказчикъ остановился и, улыбаясь, смотрѣлъ прямо въ огонь.

— Мой мужъ?!—воскликнула вдова, и, всплеснувъ руками, вскочила и встала прямо передъ нимъ. — Какое на немъ было платье?

— Сколько я помню,—медленно, какъ бы собираясь съ мыслями, началъ Давидъ,—на немъ была синяя суконная куртка съ золотыми пуговицами, двойной бархатный клѣтчатый жилетъ; сѣрые гри-де-перлевые „панты“, выпущенные на лакированные сапоги, стоячій воротникъ съ торчащими высокими концами, голубой галстухъ, заколотый булавкой (помню, я мысленно задался вопросомъ: неужели она настоящаго золота?), и желтовато-бѣлая войлочная шляпа.

При описаніи каждой части мужнина наряда, м-съ Келломъ одобрительно качала головой, не спуская глазъ съ лица Давида, и, наконецъ, у нея вырвалось невольно:

— О, да!.. О, да!.. На немъ все это было въ тотъ самый вечеръ, какъ мы съ нимъ были въ циркѣ!—На лицѣ ея былъ написанъ почти страхъ, какъ будто передъ ней явилось видѣніе изъ могилы. Съ минуту было полное молчаніе.

— Ну, что же дальше?—прервала его вдова.—Что онъ вамъ сказалъ?

— Сейчасъ скажу, насколько помню точно, а помню я, дѣйствительно, довольно хорошо. Какъ я уже говорилъ, меня точно кто-то слегка дернулъ за волосы, сквозь мою продранную соломенную шляпу, и спросилъ:—„Ну, дитятко, о чемъ задумался?“ —Я былъ пугливъ, какъ мышь, а тутъ набрался храбрости, да вдругъ и говорю:—Не знаю; вѣрно о томъ, что съ меня довольно удовольствія чинить плетень на пашнѣ. — „Въ циркъ развѣ не пойдешь?“ (спрашиваетъ онъ).—У меня нѣтъ ни денегъ, ни... чего другого!—отвѣчаю, потирая одну босую пыльную ногу о другую.—„Чего же ты не ползешь подъ парусину?“... Ну, какъ пугливъ я ни былъ, а это меня оскорбило: — Я никогда не ползалъ (говорю), а если не могу идти смотрѣть на представленіе за деньги, какъ всѣ другіе, я лучше вовсе не пойду, какъ бы мнѣ этого ни хотѣлось!—Онъ на меня взглянулъ не то чтобы улыбаясь, а у него въ глазахъ было что-то такое...

— Боже мой!—со вздохомъ воскликнула вдова.—Какъ хорошо я помню этотъ взглядъ! Билли не то смѣялся, глядя на васъ, не то—нѣтъ, и рукой обнималъ васъ за шею!

Давидъ наклонилъ голову въ знакъ подтвержденія и провелъ ладонью по своей лысинѣ.

— Н-ну?—торопила его м-съ Келломъ.

— Н-ну, вотъ онъ и говоритъ: „Хочешь пойти въ циркъ?“— И въ эту минуту, только въ эту самую минуту я понялъ, что ничего въ жизни, никогда такъ горячо мнѣ не хотѣлось, какъ попасть туда, за парусину... Но мнѣ казалось это до того несбыточно, до того недоступно, что я въ искреннемъ недоумѣніи пролепеталъ:—Не знаю!—Впрочемъ, я думаю, что онъ самъ догадался по моему лицу, и, посмѣиваясь, предложилъ: „А какъ ты думаешь, съумѣлъ бы ты достать пару билетовъ, несмотря на толпу у кассы?“ (и самъ подаетъ мнѣ полъ-доллара). Я обѣщалъ, что попытаюсь, и, не жалѣя своихъ босыхъ подошвъ, посылалъ пыль въ носъ окружающимъ, спѣша, чтобы кто знакомый не увидалъ меня съ деньгами въ рукахъ и не подумалъ, что я ихъ гдѣ-нибудь стянулъ. Вернулся я съ билетами благополучно и ихъ торжественно вручилъ. Билль Келломъ двинулся впередъ, но

оглянулся: „Ты идешь съ нами?“—спросилъ онъ.—Съ *вами*?—переспросилъ я.—„Ну, да. Если тебѣ не будетъ пріятнѣе идти одному?“ Билль запустилъ руку въ жилетъ и подалъ мнѣ деньги. Боже мой! Какъ взглянулъ я на его лоснящіеся сапоги и—на мои грязныя, босыя ноги, на его праздничный нарядъ и—на мои лохмотья... „Полно, полно!—перебилъ онъ мое смущеніе:—мужчина не долженъ стыдиться своего трудового платья!“ И... будь я проклятъ, если онъ не повелъ меня за руку, рядомъ съ собой въ палатку!

— Какъ это на него похоже!.. Какъ на него похоже!—повторяла тихо м-съ Келломъ.

— Да, мэ'мъ! Я тоже думаю, что на него похоже!—кивнулъ головой Давидъ и продолжалъ: — Сначала я робѣлъ, мнѣ было стыдно рядомъ съ нимъ, но понемногу я пришелъ въ себя, и мы вмѣстѣ все обошли, все видѣли; кормили и слона, и тигровъ въ клѣткѣ,—то-есть, онъ купилъ корму, а мнѣ далъ кормить; потомъ мы достали себѣ мѣста, сѣли, и представленіе началось...

X.

Вдова не сводила съ разсказчика своихъ горящихъ глазъ.

Казалось, въ этотъ мигъ у нея изъ памяти все стерлось, что̀ ее всю жизнь терзало, угнетало; она опять переживала дни своей юности... О, да! она прекрасно помнила своего Билля,—умницу, смѣльчака, красавца! Какъ она имъ гордилась, когда въ тотъ вечеръ, сидя рядомъ съ нимъ, не могла не замѣтить, съ какою завистью поглядывали на нее ея односельчанки!

— Не буду вамъ разсказывать подробно про все представленіе,—продолжалъ Давидъ.—Только скажу, что мы продѣлали всю программу по порядку: и представленіе, и угощеніе. —Давъ, хочешь ѣсть?—спросилъ вдругъ Билль, и я уже смѣло отвѣчалъ:—„Конечно!“—Онъ купилъ два хлѣба и, когда я съѣлъ одинъ, подалъ мнѣ другой, прибавивъ: „А я ужъ отобѣдалъ“ (я лишь неясно могъ себѣ представить, что̀ такое *обѣдъ*,—*настоящій* обѣдъ!),—но ѣсть хотѣлъ ужасно (какъ вообще подростки) и съѣлъ также второй хлѣбъ. Затѣмъ, настала очередь пряниковъ, лимонада и розовой шипучки, орѣховъ и рожковъ, леденцовъ съ мятой, съ кардамономъ... И онъ платилъ за все, за все! Мнѣ думалось, онъ весь набитъ деньгами... Помню, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ обсуждали и представленіе, и звѣринецъ, и ѣзду верхомъ... Застѣнчивость мою какъ рукой сняло...

— Вижу васъ, какъ сейчасъ, обоихъ!—тихо приговаривала вдова.—Онъ всегда былъ такой! О, Боже мой! Боже мой!.. Давъ! Семь лѣтъ жили мы съ нимъ душа въ душу, и я ни разу грубаго слова отъ него не слыхала!..

— Ни чуточки не сомнѣваюсь,—просто сказалъ Давидъ и, нагнувшись надъ огнемъ, съ излишнимъ усердіемъ принялся поправлять его. Наконецъ, выпрямившись, онъ высморкался, какъ въ трубу, и продолжалъ:

— Н-ну, цирку пришелъ конецъ, и я вернулся на землю. Толпа бросилась вонъ изъ палатки, точно боялась, что вотъ-вотъ она рухнетъ и раздавитъ всѣхъ. Въ давкѣ кто-то пытался вырвать у меня мое ведерко,—или мнѣ только такъ показалось,—но меня оттерли отъ Билля; я потерялъ его изъ виду и никакъ не могъ опять его найти. Было ужъ пять часовъ; мнѣ оставалось только бѣжать домой, чтобы получить должную порку. Но какъ я ни былъ малъ, а чувствовалъ, что за такое удовольствіе стоитъ претерпѣть и муки. Я смѣло подошелъ къ отцу, который чуть не оторвалъ мнѣ ухо, набросившись на меня у порога. Онъ такъ и проволокъ меня до самаго сарая, гдѣ и состоялся допросъ: „Гдѣ былъ?“—Въ Гомвилѣ.—„Что ты тамъ дѣлалъ?“—Смотрѣлъ на представленье.—„Откуда денегъ взялъ?“—Мнѣ м-ръ Келломъ подарилъ.—„Врешь! Ты укралъ! Укралъ! Я выжму изъ тебя отвѣтъ, убью,—а выжму!..“

— Не буду мучить васъ этой картиной; только скажу, что въ этотъ разъ онъ слишкомъ постарался. Не помню ужъ, какъ я доползъ до своей кровати, и долго-долго больно было мнѣ лежать на спинѣ.

— Бѣдный ты крошка! Бѣдный!..—сочувственно вздохнула вдова.

— И стоило жалости, стоило, м-съ Келломъ!—подхватилъ Давидъ.—Но этотъ день былъ для меня самый счастливый, самый веселый день во всей моей жизни, и я этого не забылъ. Отъ трёпки понемногу я оправился и позабылъ, но этотъ циркъ я помнилъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Одно лишь меня мучило: никакъ не могъ я вспомнить,—успѣлъ ли я Биллю сказать: благодарю!? Съ тѣхъ поръ я больше его не видалъ.

— Какъ такъ?..

— А такъ, что я собралъ свои пожитки,—всѣ, какіе были,—и на другой же день Бекстонъ-Гилль на много лѣтъ не видалъ меня въ лицо...

Давидъ всталъ, зѣвнулъ, потянулся и сталъ спиной къ огню.

Вдова тревожно на него взглянула:

— Вотъ и все?

— Пожалуй, что все; а пожалуй, что и нѣтъ! Горевать надъ Гарумомъ я кончилъ; теперь займемся вашимъ дѣломъ, въ виду того, что я васъ вызвалъ для этого въ такое великое утро, какъ сегодня. Обыкновенно, я раньше кончу дѣло, а потомъ занимаюсь разговоромъ; сегодня же наоборотъ...

Онъ вынулъ изъ внутренняго кармана три бумаги и, какъ бы вновь ихъ изучая, принялся разглаживать ладонью одной руки на другой, слегка похлопывая ихъ и какъ бы не зная, съ чего начать. Вдова не сводила глазъ съ бумагъ, и ея тревожное напряженіе вызывало въ ней нервную дрожь.

— М-съ Келломъ! Обо мнѣ составилось такое мнѣніе, что я—черствый, алчный, лукавый человѣкъ. Можетъ быть, я такой и есть; можетъ быть, жизнь моя заставила меня быть именно такимъ. Положимъ, *дѣло дѣломъ*, но, въ силу житейскаго опыта, я пришелъ къ заключенію: „Дѣлай другому то, что̀ онъ самъ пожелалъ бы тебѣ сдѣлать, но сдѣлай это раньше, чѣмъ онъ успѣетъ“.—Конечно, если хотите, можно продолжить закладную еще на два, на три года... Только я вамъ сперва долженъ еще сказать два слова.

— Что-жъ, я думаю, и говорить не стоитъ: платить проценты, все равно, я не могу, и они будутъ все расти, расти...

— М-съ Келломъ! Я долженъ вамъ сперва сказать нѣчто такое, о чемъ вы и не подозрѣвали. У меня въ банкѣ хранится капиталъ вашего мужа, который за сорокъ минувшихъ лѣтъ разросся, благодаря процентамъ на проценты, которые нарастали, потому что онъ о нихъ забылъ...

Вдова, въ волненіи, приподнялась съ мѣста, но Давидъ рукой остановилъ ее и продолжалъ:

— Часть этого капитала пошла на циркъ, а остатокъ былъ основаніемъ той самой суммы, про которую я вамъ говорю и съ которой я началъ *свое* дѣло. Вотъ эти бумаги представляютъ *дивидендъ* съ того капитала, который я въ тотъ вечеръ получилъ отъ Билля; а это—вторая закладная, которая все равно, что погашена этимъ дивидендомъ, и ей одна дорога—въ печку! А это... это—свидѣтельство о погашеніи претензіи по закладной, и остается его только подписать... Джонъ! подите-ка сюда!

М-съ Келломъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на него, и вдругъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, вскочила на ноги, вспыхнула въ лицѣ и всплеснула руками съ громкимъ возгласомъ:

— О, Господи!.. Господи!.. Давъ!.. Давъ Гарумъ! Это правда?

Правда? Вы не смѣетесь надо мной, не шутите? Нѣтъ вы не стали бы шутить надъ бѣдной женщиной?.. Да неужели это правда? Неужели я ничего никому больше не должна? О, Давъ! Скажите мнѣ еще разъ: это правда? Правда? Нѣтъ, это слишкомъ большое счастье! Этого быть не можетъ! О, Боже! Вотъ я теперь реву, какъ малое дитя... и... и... гдѣ мой носовой платокъ?.. Благодарю васъ,—прибавила она, принимая отъ Джона его собственный:—я его простираю и завтра вамъ верну... О, зачѣмъ, зачѣмъ вы это сдѣлали,—скажите, Давъ?

— Прежде всего сядьте! Сядьте, успокойтесь... Сядьте и будьте покойны... Да,—подтвердилъ онъ Джону,—я подписалъ эту бумагу.

М-съ Келломъ сидѣла молча, отирая глаза платкомъ Ленокса.

— Да, м-съ Келломъ, это вѣрно! Вы спрашиваете, зачѣмъ я это сдѣлалъ? Да развѣ это само собой не видно изъ моего разсказа? Ну, такъ и быть, для васъ, я могу снова подвести итогъ.—Онъ всталъ передъ нею, одну руку запустивъ въ карманъ, а другою, въ минуты возбужденія, помахивая въ воздухѣ закладною.

— Я думаю, вы можете себѣ представить, какого рода воспитаніе довелось мнѣ получить, и какое я былъ жалкое, Богомъ забытое, несчастное, презрѣнное созданье. Съ утра и до ночи меня одолѣвали и до смерти терзали брань и колотушки; съ утра и до ночи мнѣ напѣвали все одно и то же: что такого ничтожнѣйшаго, никому ненужнаго и никуда негоднаго созданья, какъ я,—свѣтъ не производилъ!.. И я начиналъ уже вѣрить въ это... когда вдругъ повстрѣчался съ вашимъ мужемъ. Билль Паркеръ Келломъ первый обошелся со мной какъ съ человѣкомъ. Онъ потратился на меня и далъ мнѣ денегъ, чтобы я могъ самъ тратить; я, не имѣвшій никогда въ рукахъ ни цента для себя! Онъ не постыдился идти рука объ руку со мною; онъ говорилъ со мной, какъ будто я былъ ему равный, а не отбросъ земли,—какъ это мнѣ вбивали въ голову до той минуты. Если бы онъ тогда меня не ободрилъ, я никогда бы не подумалъ убѣжать... И съ тѣхъ поръ я рѣшилъ, что хоть отчасти заплачу ему за то чувство бодрости и вѣры въ себя, которое никогда во мнѣ бы не проснулось, если бы не онъ! Я не могу сдѣлать это по отношенію къ нему,—съ грустью произнесъ Давидъ,—такъ я радъ и тому, что хоть чѣмъ-нибудь въ состояніи отплатить за него хоть его вдовѣ.

— Онъ, можетъ быть, объ этомъ знаетъ,—сказала тихонько м-съ Келломъ.

— Да, можетъ быть,—тоже тихимъ голосомъ подтвердилъ Давидъ.

Водворилось умиленное молчаніе.

— Давидъ!—смиренно начала вдова.—Мнѣ нечѣмъ отблагодарить васъ за такое дѣло; но я буду за васъ молиться день и ночь... И знаете? То, что я сказала насчетъ милости Божіей... я бы хотѣла взять эти слова назадъ. О, я жду-не дождусь, чтобы написать объ этомъ Чарли!

— Я уже написалъ ему, чтобы онъ все распродалъ и вернулся домой, а я ему ссужу, сколько необходимо будетъ, чтобы устроиться въ родной землѣ. У меня здѣсь найдется для него что-нибудь повыгоднѣе, чѣмъ бороться съ засухами или съ „кобылкой“ въ Канзасѣ.

— Давидъ Гарумъ!—воскликнула вдова.—Ты рожденъ быть королемъ!

— Н-ну, королевствовать, пожалуй, мнѣ не особенно пристало!—съ усмѣшкой возразилъ Давидъ:—суконная шляпенка и хорошій бичъ,—вотъ что мнѣ къ лицу больше, чѣмъ драгоцѣнный скипетръ и корона!.. А теперь, послѣ того, какъ мы покончили съ дѣлами, не пройдете ли вы къ Полли? Она васъ ждетъ къ обѣду, и въ день Рождества Христова отказа мы не принимаемъ!

— Да мнѣ бы и самой хотѣлось!—сказала м-съ Келломъ.

— Вотъ и чудесно!—весело воскликнулъ банкиръ.—Дорожку на дворѣ успѣли вѣроятно ужъ расчистить... Кстати, я хочу сдѣлать вамъ нѣкоторое предложеніе и... не совсѣмъ обыденнаго свойства. Такъ какъ вы теперь проценты съ капитала получили, такъ, можетъ быть, вы согласитесь оставить у меня на храненіе его остатокъ? Хотите на него взглянуть?

М-съ Келломъ, озадаченная, удивленно выжидала.

Давидъ вынулъ изъ кармана свой большой бумажникъ, открылъ его и досталъ что-то такое маленькое, плоское, въ темной, потертой бумагѣ, и показалъ на своей жирной, широкой ладони серебряную монетку, почернѣвшую отъ времени.

— Вотъ этотъ капиталъ!

М-съ Келломъ не дала Джону помочь ей донести узелокъ съ ея вещами, и онъ вернулся къ Давиду.

— Придвиньте сюда стулъ и садитесь!—проговорилъ Давидъ, и Джонъ поспѣшилъ поблагодарить его за утренній подарокъ.

— Я глубоко цѣню ваше вниманіе,—прибавилъ онъ.—Но

мнѣ хотѣлось бы вамъ выразить искреннее мое сожалѣніе, что я... Въ сущности, я долженъ бы просить у васъ извиненія... въ томъ...

— Въ томъ, что вамъ жаль, что вы во мнѣ ошиблись?..— перебилъ Давидъ съ улыбкой и выразительнымъ движеніемъ руки. —Очень радъ, что вы довольны моимъ подаркомъ, а ошибиться вамъ было легко: очевидность была противъ меня.

— Тѣмъ не менѣе,—возразилъ Джонъ,—я долженъ былъ бы знать... Я долженъ понимать...

— Да какъ же вы могли что-нибудь понимать, когда я всеравно, что прямо высказалъ свое намѣреніе обобрать вдову?— перебилъ его Гарумъ. — Съ вашего лица хоть картину было писать въ тотъ моментъ, какъ я просилъ васъ послать ей записку!

— Вы были такъ щедры и великодушны во всѣхъ отношеніяхъ...

— Полноте! Я просто уплатилъ старый долгъ; а что касается моего подарка,—признаюсь, что эти деньги вы получили по заслугамъ,—если это признаніе облегчитъ вамъ возможность ихъ принять.

— Я не могу сказать, чтобъ я работалъ черезъ силу,— смѣясь, возразилъ Джонъ.

— Что-жъ, можетъ быть. Но выписать васъ сюда, уже само по себѣ, былъ своего рода опытъ съ моей стороны. Все время наблюдая за вами, я болѣе, чѣмъ доволенъ результатомъ своихъ наблюденій. Можетъ быть, Тимсонъ болѣе бойко сводилъ счеты, чѣмъ вы въ первое время; но во всемъ остальномъ онъ былъ величайшая въ мірѣ безмозглая дубина. Такта въ немъ было мало, вотъ что! Прежде всего мнѣ понравилось ваше письмо ко мнѣ, а потомъ, когда вы пріѣхали—ваша наружность. Наблюдая за вами, я до мелочей подмѣчалъ, какъ вы переносите суровую и тоскливую здѣшнюю жизнь послѣ столичной; я нарочно уговаривалъ васъ не уѣзжать изъ гостинницы „Орелъ", хотя самъ прекрасно зналъ, что лѣтомъ пребываніе въ ней—дѣло неприглядное, а зимой—такое, что хуже, кажется, и быть не можетъ! Но вы не дулись, не скучали и не раздражались: вы не искали веселья или развлеченій, и я, зная, что за мука жить въ „Орлѣ", рѣшилъ про себя, что это испытаніе будетъ для васъ послѣднимъ. Крутенько тамъ приходится постояльцамъ!

— Да, пожалуй! —согласился Джонъ.—Вдобавокъ, м-съ Эльрайтъ заболѣла, и я ужъ третій день, какъ вынужденъ питаться въ сухомятку, чѣмъ попало, и самъ себѣ что-нибудь покупаю въ лавкѣ.

— Такъ вы должны быть голодны!—воскликнулъ Давидъ.— Ну, сегодня вамъ не придется сидѣть на селедкѣ съ хлѣбомъ,— Полли и я, мы ждемъ васъ къ обѣду.

Во время разговора онъ раза два-три подходилъ къ окну и заглядывалъ во дворъ, какъ будто наблюдая за погодой. Наконецъ, вернувшись въ послѣдній разъ на мѣсто, онъ видимо былъ чѣмъ-то доволенъ и сказалъ Джону, глядя на часы:

— Мы обѣдаемъ въ часъ и будемъ васъ поджидать: не опоздайте! А я пойду, взгляну на своего буланенькаго жеребца. Лучше всего зайдите прямо къ намъ и тамъ приготовьтесь къ обѣду; а то въ „Орлѣ", пожалуй, у васъ отобьютъ аппетитъ...

Джонъ такъ и сдѣлалъ.

XI.

— Ну, право, какъ я рада васъ видѣть, м-съ Келломъ! — говорила м-съ Биксби, встрѣчая вдову.—Идите сюда прямо въ комнату, а я пока занесу въ кухню ваши вещи, посушить.— Въ одну минуту она ужъ вернулась оттуда и продолжала:— Какой у васъ хорошій видъ, хоть вы и измѣнились за послѣднее время; но сейчасъ вы больше, чѣмъ когда-нибудь напоминаете мнѣ прежнюю Цинтію Суитлэндъ. Только лицо... какъ будто бы вы плакали.

— Благодарю васъ; только врядъ ли я теперь очень на себя похожа; а что я плакала, такъ это отъ радости... Полли Гарумъ! — въ восторгѣ называя хозяйку дома ея дѣвичьимъ именемъ, воскликнула вдова.—Полли Гарумъ, вашъ братъ—просто ангелъ Божій!

— Ну, положимъ, до такого высокаго сана Давиду еще далеко; но что онъ хорошій *человѣкъ*, это неоспоримо. Я знаю, есть люди, которые считаютъ его алчнымъ и зачерствѣлымъ торгашомъ; конечно, у него, какъ у всякаго, есть свои замашки, но онъ добрый человѣкъ. Чего вы понадобились ему сегодня?

И вдова разсказала все, заливаясь слезами, и смѣясь, и улыбаясь въ перемежку,—и ей отрадно было переживать опять все случившееся передъ такимъ усерднымъ слушателемъ, какъ тетя Полли.

— Сказать вамъ не могу, до чего я за васъ рада! — проговорила та, цѣлуя ее.—Еслибъ я только знала, что у Давида ваша закладная, я бы давно васъ предупредила, что вамъ нечего безпокоиться: онъ никогда бы не отнялъ у васъ вашу

землю, чтобы самому нажиться. Удивительно, какъ человѣкъ всему придаетъ цѣну въ своемъ дѣтствѣ!.. Да вотъ хоть бы исторія съ братомъ Елисеемъ... Вы слышали, конечно?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Ну, тѣмъ лучше! Такъ слушайте. Лисей былъ мнѣ родной братъ, но такой злобный и такой безпощадный, что всѣмъ намъ отъ него доставалось; а Даву онъ просто проходу не давалъ! Бѣдный крошка до-смерти его боялся,—больше, чѣмъ отца... Я разскажу вамъ покороче,—мнѣ еще надо будетъ до обѣда заглянуть на кухню. Въ концѣ концовъ, Лисей поселился въ Уиткомбѣ...

— Онъ былъ женатъ?

— Какже! Даже на очень милой женщинѣ; мы еще удивлялись, какъ она рѣшилась выйти за такого звѣря. Н-ну, прожила она лѣтъ шесть-семь и бросила его—бѣжала...

— Съ другимъ?—испуганнымъ шопотомъ спросила вдова.

— Конечно! Да было у него еще два сына; такъ и тѣ, какъ подросли, не выдержали: бросили отца, ушли! И день ото дня, годъ отъ году все хуже, хуже было ему, брошенному, жить; онъ обѣднѣлъ до такой степени, что не осталось у него другого пристанища, какъ домъ призрѣнія бѣдныхъ... И вотъ тогда-то, чтобъ его спасти, не допустить до этого позора, Смитъ къ намъ и пришелъ, и говоритъ, что, такъ и такъ, надо бы ему помочь. „Спрашивали, говоритъ, его, нѣтъ ли у него зажиточныхъ родныхъ; такъ онъ назвалъ васъ, Давидъ Гарумъ, и прибавилъ:—Онъ человѣкъ состоятельный и не долженъ бы меня допустить до такого позора.—„Такъ онъ и сказалъ?“ спрашиваетъ Давъ.—Такъ и сказалъ.—„Вы его давно знаете?“—Ужь много лѣтъ...—„И что-жъ? Онъ добрый человѣкъ, извѣстный? Его всѣ любятъ, уважаютъ, ну и все такое?“—Гм! Не вполнѣ...—запнулся Смитъ, подергивая себя за бакенбарды и ёрзая на стулѣ. „Я такъ и думалъ!—подхватилъ Давидъ.—И гдѣ тотъ честный человѣкъ—мужчина, женщина или ребенокъ, который могъ бы по совѣсти назвать его хорошимъ? Не онъ ли вынудилъ свою жену бѣжать? Не отъ него ли бѣжали сыновья? Не онъ ли былъ всю жизнь свою примѣромъ позорнѣйшаго, безсердечнѣйшаго подлеца и негодяя?“ Противъ этого Смитъ ничего не нашелся возразить и только проговорилъ:—Полагаю, что мое порученіе кончено, и содержаніе вашего брата должно пасть на городъ Уиткомбъ; а я вѣдь приходилъ именно хлопотать за городское управленіе...—„Полли! Тебѣ хотѣлось бы взять его къ себѣ?..“—Давъ Гарумъ! Послѣ того, какъ онъ съ тобою обращался?!

(говорю).—„Ну такъ вотъ что (говоритъ Давидъ). Скажите ему отъ меня, что ни цента моего онъ не увидитъ; что домъ призрѣнія для него самое настоящее мѣсто, и что еслибъ было мѣсто еще хуже и бѣднѣе этого дома, и то было бы въ тысячу разъ лучше, чѣмъ онъ заслужилъ“...

— Боже! Вотъ ужъ никогда не ожидала бы я отъ него!— воскликнула вдова.

— Вѣдь я-жъ вамъ говорю, что братъ былъ особенно жестокъ съ Давидомъ... Такъ вотъ Давидъ и говоритъ: „Пусть его идетъ себѣ въ домъ призрѣнія бѣдныхъ; пусть онъ тамъ живетъ и получаетъ все сполна, что ему слѣдуетъ, по положенію. Когда умретъ, вы ему закажите самый узкій гробъ, чтобы онъ какъ можно меньше отнималъ у другихъ земли, и представьте мнѣ счетъ: я заплачу сполна! Чтобъ это осталось строго между нами! А не то—чуть что, не дамъ вамъ ни гроша, смотрите!“

— А знаете,—вставила свое словечко м-съ Келломъ.—Мнѣ кажется, онъ все-таки его жалѣлъ больше, чѣмъ ему хотѣлось показать.

— Вотъ и мнѣ тоже кажется, что онъ хотѣлъ поступить сурово, да не съумѣлъ; но онъ-то думаетъ, что такъ и надо было... Боже! Мнѣ пора на кухню. Ну, простите. Если вамъ что понадобится, пройдите ко мнѣ въ спальню. Я сію минуту!..

Минутъ за десять до часу Джонъ позвонилъ у крыльца. М-съ Биксби вышла ему отворить сама.

— Сара занята; я сама провожу васъ въ комнату, гдѣ вы могли бы поправиться передъ обѣдомъ,—сказала она и повела его въ такъ-называемую „парадную спальню“.

Нѣсколько мгновеній Джонъ мысленно протиралъ себѣ глаза; затѣмъ вдругъ обернулся и, схвативъ тетю Полли за обѣ руки, молча глядѣлъ на нее.

— Не знаю, какъ выразить вамъ, что я чувствую! — проговорилъ онъ. — Вы, вѣроятно, и вообразить себѣ не можете, до чего вы добры!

— Не говорите, пожалуйста, не говорите! Я за васъ страдала все время, пока вы жили въ этой отвратительной харчевнѣ.

— Вы и вашъ братъ сдѣлали то, что я сегодня веселѣе и счастливѣе встрѣчаю день Рождества Христова, чѣмъ за много, много лѣтъ.

— Очень, очень рада! — сердечно замѣтила тетя-Полли. — Надѣюсь; вамъ будетъ тутъ удобно и спокойно.

— Тетя-Пол... простите, м-съ Биксби!—поддаваясь внезапному порыву, воскликнулъ Джонъ Ленокcъ.—Какъ вамъ кажется, рѣ-

пились бы вы сдѣлать меня окончательно счастливымъ—поцѣловать меня? Сегодня вѣдь у насъ Рождество Христово!

Тетя-Полли зардѣлась до корня волосъ.

— Ну, что-жъ? — слегка посмѣиваясь, отозвалась она. — Я могла бы вамъ въ матери годиться, и ко мнѣ не пристанетъ...— Но, уходя (уже на лѣстницѣ), она тихонечко пальцами отерла себѣ губы.

Оглядываясь въ своемъ новомъ помѣщеніи, Джонъ понялъ, почему Давъ Гарумъ такъ часто поглядывалъ въ окно: онъ наблюдалъ за переноскою его вещей изъ „Орла“ къ нему въ домъ.

Вокругъ все было такъ уютно! Широкая кровать съ бѣлоснѣжнымъ покрываломъ; печка съ привѣтливымъ яркимъ огнемъ; письменный столъ и на каминѣ—его книги; конторка, зеркало; принадлежности туалета; нѣсколько чистыхъ *сухихъ* полотенецъ... все было подъ рукою. Джону не вѣрилось, что его пребываніе въ „Орлѣ“ прошло и не возобновится: ничего ужаснѣе этихъ нѣсколькихъ недѣль въ Гомвилѣ онъ не могъ себѣ представить. Въ конторѣ онъ былъ очень занятъ и всегда умѣлъ найти себѣ тамъ дѣло, чтобы провести время съ пользой, не скучая; но вечерніе часы, которыхъ некуда было дѣвать, вотъ что̀ его томило. Послѣ ужина, который оставлялъ его впроголодь, Джонъ долженъ былъ дрогнуть въ неуютной комнатѣ, на твердой постели; печка то раскалялась такъ, что дышать было нечѣмъ, то погасала и не грѣла.

Сидя въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ, Джонъ мысленно сравнивалъ свою новую обстановку съ прежней, и нельзя ему поставить въ вину, что глаза его наполнялись слезами благодарности и счастья...

За обѣденнымъ столомъ сидѣли четверо счастливцевъ, четверо людей, сіявшихъ настоящей праздничной радостью и даже праздничнымъ нарядомъ. Тетя-Полли принарядила вдову, облачивъ ее въ бѣлые рукавчики и воротникъ, и такъ ее вообще прихорошила, что Джонъ не узналъ въ ней утреннюю посѣтительницу своей конторы. Оживленное лицо и большіе темно-каріе сіяющіе глаза рѣшительно ее преобразили, и Джонъ подумалъ, что предпочтеніе, которое Билль оказалъ ей, деревенской дѣвушкѣ, вполнѣ понятно. Тетя-Полли имѣла видъ внушительный и великолѣпный въ своемъ черномъ шолковомъ платьѣ, съ большой брошкой-камеей, а на ея толстой рукѣ сверкало брилліантовое колечко.

— Говорила я Давиду,—какъ бы извиняясь, пояснила она,—что я и безъ того ему благодарна, что мнѣ брилліанты при-

стали такъ же, какъ кошкѣ знамя; но онъ сказалъ, что я могу продать кольцо, если придетъ нужда, чтобъ не попасть въ домъ призрѣнія бѣдныхъ.

Давидъ меньше другихъ измѣнилъ своему обычному наряду, но его круглое, чуть не до-крови выбритое лицо сіяло, рдѣя столько же отъ усерднаго мытья, сколько отъ удовольствія.

— Чего вамъ положить?—обратился онъ къ м-съ Келломъ:—Бѣлаго мяса? Чернаго мяса?

— Все равно, я не разборчива. Мнѣ кажется, какую ни возьмите часть индюшки—будетъ вкусно.

— „Все равно“ означаетъ: и того, и другого... Я всегда знаю, что̀ положить Полли, у нея свои вкусы. Джонъ, а вамъ? И того, и другого?

— И всего побольше,—засмѣялся тотъ.

Раздавъ жаркое, Давидъ вдругъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ вонъ изъ столовой.

— Куда ты? Что̀ съ тобой?—окликнула его сестра.

— Сидите вы, сидите смирно! Я позабылъ.

— Да Сара тебѣ принесетъ.

— Нѣтъ! Она что-нибудь попортитъ... Я сейчасъ!—и онъ исчезъ.

Но вотъ появилась Сара съ четырьмя стаканами, а за нею слѣдомъ самъ Давидъ, съ бутылкою въ рукахъ.

— Это что̀ такое?—воскликнула м-съ Биксби.

— „Вдова Клико“,—цѣлительное средство отъ всячесвихъ болѣстей и недуговъ. Оно излечиваетъ боль зубную и желудокъ, насморкъ и простуду, накожныя болѣзни и сердечныя, ну, словомъ, все на свѣтѣ!.. Хлопнъ!—и пробка выпалила такъ усердно, что дамы вскрикнули.

— Давидъ Гарумъ!—тономъ глубокой убѣжденности произнесла сестра.—Это шампанское навѣрно!

— А если нѣтъ, значитъ меня надули, и я даромъ погубилъ четыре шиллинга,—пошутилъ Давидъ.—Вотъ, не угодно ли?

— Нѣтъ, благодарю, я—другъ трезвости!.. Мнѣ кажется, онъ заплатилъ не меньше доллара!—обратилась Полли къ м-съ Келломъ; но Давидъ все слышалъ, и въ эту минуту бѣдняга, кажется, подавился, что̀ привлекло взглядъ тети-Полли, полный подозрѣнія.

— Я слышала, что это страшно дорогая штука,—замѣтила м-съ Келломъ.

— Позвольте вамъ налить?—предложилъ Джонъ.

— Попробуйте!—ободрилъ ее Давидъ.

— Пожалуй, одинъ только глоточекъ.

— Ну что̀, понравилось?

— Ничего, если къ нему не привыкать, конечно,—отвѣтила она, отирая платкомъ глаза, на которыхъ отъ игры шампанскаго проступили слезы.

На нѣсколько минутъ разговоръ прервался, и гости отдали должную честь „фруктовому пуддингу“, который пришелся Давиду особенно по вкусу. Онъ сдѣлался разговорчивъ.

— Вы всегда жили въ столицѣ, м-ръ Ленокcъ?—спросила вдова.

— Да, почти безвыѣздно.

— И бывали въ театрѣ?

— О, да, конечно.

— Вотъ и Полли тоже была въ театрѣ!—подхватилъ Давидъ.

— Давъ! Перестань!

— Мы съ нею вмѣстѣ поѣхали въ Нью-Іоркъ... Вотъ я и говорю:—Ты не была вѣдь никогда въ театрѣ, хочешь, пойдемъ?—и въ первомъ же кіоскѣ спрашиваю два билета.—„Въ театръ?“—Понятно, говорю.—Только и есть два мѣста,—говоритъ.—А тамъ прилично?—„Женѣ понравилось, а она у меня очень разборчива“.

— Да, именно разборчива!—вставила раздраженно м-съ Биксби.

— Вотъ мы пришли, усѣлись Оркестръ проигралъ, что̀ полагалось, и занавѣсъ взвился. На сцену въ припрыжку выскочила какая-то особа, запѣла, заплясала. На тѣлѣ у нея было не больше платья, какъ бумаги на почтовой маркѣ.

Джонъ взглянулъ украдкой на вдову; лицо ея выражало неподдѣльный ужасъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не стала вдаваться въ подробности,—посовѣтовала брату Полли.

Могучее тѣло Давида затряслось отъ сдавленнаго смѣха; онъ опустилъ глаза въ тарелку. Оправившись немного, онъ продолжалъ:

— Полли вздрогнула, точно ей брызнули въ лицо водой, и я не смѣлъ поднять на нее глаза. А на сцену вылетѣлъ ужъ цѣлый рой дѣвицъ, которыя, должно быть, позабыли свои платья гдѣ-нибудь въ сундукахъ или въ комодахъ. Полли сидѣла, плотно закрывъ глаза, и, двигая только уголками губъ, шепнула: „Если ты не выведешь меня сейчасъ отсюда, я уйду одна!“—Ты не потерпишь немножко еще? Можетъ быть, говорю, онѣ за платьями домой послали?—Вмѣсто отвѣта, она меня подтолкнула, чтобы

встать. А если Полли Биксби на чемъ твердой ногой встанетъ, то ужъ держись, ее ничѣмъ не сдвинешь. Я и сказалъ ей:—Хорошо! Прижми къ лицу платокъ, будто у тебя носомъ кровь идетъ.—Она прижала; мы протискались къ выходу и стали одѣваться.—„Что это съ вашей матушкою, дурно?“—говоритъ человѣкъ.—Да, ей чуть что не по характеру, сейчасъ же хлынетъ носомъ кровь!—говорю я.

— Давидъ Гарумъ!—сказала ему сестра:—вамъ, кажется, извѣстно, что я лишь на четыре года старше васъ.

— Видишь ли, Полли,—возразилъ съ невозмутимою серьезностью Давидъ:—онъ не принадлежалъ къ числу нашихъ знакомыхъ, и судилъ по тому, что видѣлъ.

— Кажется, онъ довольно... того... Какъ бы это сказать?—въ негодованіи обратилась Полли къ Джону.

— Не понимаю, какъ вы можете съ нимъ жить!—смѣясь, поддержалъ ее тотъ.

— Съ тѣхъ поръ театровъ вы, я думаю, не посѣщали?—освѣдомилась м-съ Келломъ.

— Конечно, мэ'мъ!—отвѣтила ей тетя-Полли.

Послѣ короткаго молчанія, Давидъ вдругъ фыркнулъ, не забывая поливать пудингъ сладкою приправою изъ сливокъ.

— Чего ты?

Давидъ уже открыто разсмѣялся.

— Я вспомнилъ, что Дикъ мнѣ говорилъ, будто Амри Шэплессъ теперь человѣкъ женатый!

— Неужели!—воскликнула сестра. — Ахъ, онъ негодный старикашка! Гдѣ онъ нашелъ такую, чтобы согласилась?

— Лизу Аннисъ осчастливилъ его выборъ,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Давидъ.

— Вотъ ужъ не ожидала!—вырвалось у вдовы.

— Вѣнчалъ ихъ дьяконъ Паркеръ, а его преподобіе от. Уайтъ и слышать не хотѣлъ.

— Все равно, Паркеру—и тому стыдно!—изрекла м-съ Биксби.

— Развѣ не слѣдуетъ облегчать дорогу истиннымъ влюбленнымъ?—съ оттѣнкомъ сантиментальности проговорилъ Давидъ.

— А что, если у этихъ ободранныхъ скелетовъ будутъ дѣти?

— Полли! Я за тебя краснѣю! Неужели въ тебѣ нѣтъ ни капли уваженія къ святому таинству брачнаго союза?

— Не больше, чѣмъ въ тебѣ, пожалуй!—нашлась тетя-Полли.—Но чего ради они вздумали жениться?

— Этотъ вопросъ задалъ жениху и самъ от. Уайтъ, когда

разъ вечеромъ Амри пришелъ просить, чтобъ онъ соединилъ его съ Элизою законнымъ бракомъ:—„Такъ надо!“—отвѣчалъ Амри.—*Надо* жениться?—спрашиваетъ тотъ, поглядывая на невѣсту и на жениха.—„Ну, то-есть, это не то, чтобы совсѣмъ *необходимо* (осклабившись, говоритъ Амри), а мы съ Элизой такъ подумали и порѣшили, что у нея нѣтъ ничего, и у меня тоже, такъ мы ужъ за компанію“.—Да есть у тебя средства, чтобы жениться?—спрашиваетъ от. Уайтъ:—ну, хоть что-нибудь? „Гм!—отвѣчаетъ Амри, опуская голову и почесывая пальцемъ въ ухѣ:—мнѣ обѣщали дать работу на нѣсколько дней на будущей недѣлѣ“. —Гм!—говоритъ от. Уайтъ:—а у васъ?—обращается онъ къ Лизѣ. — „Я должна получить девяносто центовъ за прошлую недѣлю“, — говоритъ Лиза и садится на диванъ. От. Уайтъ отошелъ на другой конецъ комнаты, и надо полагать, что только тамъ онъ могъ скрыть, что помираетъ со смѣху. Но, вотъ, онъ вернулся съ серьезнымъ лицомъ и опять къ допросу:—А сколько тебѣ лѣтъ?—спрашиваетъ онъ Ама.—„Да пятьдесятъ-восемь, говоритъ, а по веснѣ и всѣ пятьдесятъ-девять минетъ“.—А вамъ? — Помялась она немножко, помялась, да и говоритъ: „Я такъ полагаю, что мнѣ тридцать есть навѣрно!“

— Нѣтъ, какова?! — въ негодованіи воскликнула тетя-Полли:—да она почти однихъ лѣтъ со мной!

— Ну, тутъ ужъ Дикъ не выдержалъ,—продолжалъ Давидъ,—прыснулъ со смѣху; а от. Уайтъ такъ прямо и сказалъ: —Ищите вы другого, я васъ вѣнчать не стану. И какая вамъ надобность жениться, если у васъ ни у того, ни у другого нѣтъ ни цента за душой?—„Вотъ, въ томъ-то и штука,—говоритъ Шэплессъ,—ни у меня, ни у миссъ Аннисъ, ни кола, ни двора. Вотъ и надумали мы съ нею сообща зажить своимъ домкомъ“. Вышли они отъ от. Уайта носъ повѣся, только Амри и говоритъ дорогой Дику: „Еслибъ у меня сейчасъ было полъ-доллара, я бы попробовалъ попросить Паркера“. И Дикъ одолжилъ ему полсотни центовъ. Я ему говорю:—Только ты ихъ и видѣлъ, свои деньги!—„Не бѣда!—отвѣчаетъ Дикъ:—Ни за какія деньги не пропустилъ бы я такое развлеченье!“

XII.

Дня два-три спустя, Давидъ Гарумъ постучался къ Джону.

— Войдите!—откликнулся Джонъ и горячо привѣтствовалъ вошедшаго, который поспѣшилъ ему пояснить:

— Я пришелъ посмотрѣть, хорошо ли устроила васъ Полли, и провѣрить, достойна ли *корзинка* [1]) той драгоцѣнности, которую скрываетъ?—какъ говорится въ какомъ-то представленіи.

— Никогда въ жизни не жилось мнѣ такъ уютно! М-съ Биксби—воплощенная доброта. Позвольте предложить вамъ сигару?

— Гм!—закуривъ, проговорилъ Давидъ:—эта будетъ получше, чѣмъ мои.

— Это единственная роскошь, которую я себѣ позволяю,—какъ бы извиняясь за свою расточительность, произнесъ Джонъ.—Но я не всегда ихъ курю. Я вообще люблю хорошій табакъ.

— Вполнѣ васъ понимаю,—подхватилъ Давидъ.—Одинъ знакомый мой въ Серчестерѣ, Анди Браунъ, говаривалъ бывало: „Братцы! Сегодня живы мы, и завтра насъ ужъ нѣтъ, а въ саванѣ не полагается кармановъ". Какъ оглянусь я на прошлое время,—не денегъ жаль, а того веселья, которое могли бы онѣ мнѣ тогда доставить. Я думаю, Адамъ и Ева, когда ихъ выгнали изъ рая, грызли другъ друга за то, что они не успѣли очистить плодовъ со всего дерева познанія добра и зла.

Джонъ не могъ удержаться отъ смѣха и прибавилъ:—Что-жъ, очень можетъ быть!

— У меня была та бѣда, что я всю молодость свою провелъ безъ отдыха въ грубомъ трудѣ, безъ устали громя мостовую. Я думаю, съ вами было совсѣмъ наоборотъ,—и онъ оглянулся на серебряныя принадлежности туалета, которыя были аккуратно разложены вокругъ.

— Пожалуй,—согласился Джонъ:—Теперь я никогда бы не купилъ такихъ; но разъ, что онѣ есть, я даже очень радъ.

— Вотъ именно! Вотъ именно!—одобрилъ Гарумъ.—А я вотъ эту самую вещицу двадцать лѣтъ собирался купить,—и онъ показалъ свой серебряный портсигаръ:—я вѣдь и то ношу его не каждый день. Изъ году въ годъ я жилъ мечтами, что когда-нибудь у меня будетъ такой портсигаръ, и порой мнѣ начинаетъ казаться, что потому-то именно я и откладывалъ его покупку, что она такъ сильно меня привлекала. Я думаю, вы этого не можете понять?

— Мнѣ кажется, могу.

— И даже нѣтъ, не то! Можетъ быть, откладывалъ я просто оттого, что становится уже непривлекательнымъ то, чего достигаешь. Еще ребенкомъ я мечталъ, какъ бы прекрасно никогда

---

[1]) Англ. „basket", вмѣсто „casket"—шкатулка, ящикъ, о которой говорится у Шекспира.

не знать отказу въ сдобномъ пирогѣ; а теперь я ѣмъ его единственно изъ любезности къ Полли.

— Ну, а что̀ еще вы себѣ дозволили купить?

— Еще? Первую лошадь, которая мнѣ принадлежала: я заплатилъ за нее пятнадцать долларовъ. Въ ту пору я служилъ при шлюзѣ на каналѣ озера Эри, и все то время, которое оставалось у меня свободнымъ отъ пропуска судовъ, я посвящалъ своей старой, но благородной клячѣ: чистилъ я ее въ день разъ по шести, и даже вставалъ ночью, посмотрѣть, что̀ съ нею. Она была все равно что слѣпа,—не видѣла ни вдали, ни вблизи, и была скопищемъ всевозможныхъ лошадиныхъ пороковъ. Но я такъ ее отходилъ, такъ откормилъ, что она дѣйствительно стала тѣмъ, чѣмъ всегда была въ моихъ глазахъ,—т.-е. лошадью „чистой крови“, и даже начала лѣвымъ глазомъ различать кучки сѣна при дорогѣ Я ее продалъ—и взялъ пятнадцать долларовъ барыша. Затѣмъ сейча̀съ же пріобрѣлъ другую, но къ этой по ночамъ ужъ не вставалъ. Годика черезъ три—у меня было уже собственныхъ шестьдесятъ лошадей и муловъ; а къ тому времени, когда мнѣ минулъ двадцать-первый годъ, я получилъ возможность купить себѣ цѣлый табунъ и распрощаться навсегда съ каналомъ. Трудно тамъ было заработывать себѣ на хлѣбъ. Помню, однажды, какой-то капитанъ за что-то разсердился на меня, да и швырнулъ за бортъ. Ужъ было холодно, и вода подернулась тонкимъ слоемъ льда. Я выкарабкался съ грѣхомъ пополамъ; да если бы и утонулъ,—капитанъ врядъ ли пожалѣлъ бы о своемъ поступкѣ. Наши шлюзные рабочіе были народъ крутой, но все-таки обыкновенный: были между ними и черствые, и мягкіе, и глупые, и умные,—но этотъ капитанъ былъ изъ ряду вонъ. Тѣ, для которыхъ я работалъ, приподносили мнѣ подчасъ и колотушки; пища у насъ была почти такая же, какъ у отца моего, дома; но тамъ со мной были грубѣе и кормили если мясомъ, то единственно свинымъ: свинка вареная, свинка жареная, свиной ливеръ и печенка, и т. п.—до того, что мнѣ стыдно стало смотрѣть свиньѣ въ глаза. Но прокормить на маленькомъ участкѣ семью въ одиннадцать душъ—тоже вѣдь не легко.

— Мнѣ бы на вашемъ мѣстѣ больше понравилась жизнь на шлюзахъ,—замѣтилъ Джонъ Ленокъ.

— Вотъ и мнѣ тоже! И какъ бы мнѣ ни приходилось плохо, ни разу не случалось, чтобъ я пожелалъ вернуться въ Бекстонъ-Гилль. Бывало, размечтаюсь я, что выросту *большой*, и тогда куплю Полли на платье или пару новыхъ сапожекъ... но дальше

золотой булавки мои притязанія не шли. Объ остальныхъ домашнихъ я не вспоминалъ, и дорожилъ своей свободой, хотя начальство у меня и было, что называется, крутѣнько. Большинство моихъ сотоварищей по службѣ было грубовато, но не злобно, и я даже это глубоко цѣнилъ...

Давидъ отхлебнулъ изъ стакана грога, и продолжалъ:

— Кстати о каналахъ,—знаете, что я вспомнилъ? Вотъ какъ я познакомился на Эри съ нѣкіимъ м-ромъ Прайсомъ. Намъ надо было видѣться по дѣлу; онъ ѣхалъ въ Нью-Іоркъ, а оттуда—въ имѣніе, къ себѣ.

— Чтобъ времени не потерять, поѣдемъ ко мнѣ вмѣстѣ!—предложилъ онъ.

— А что на это скажетъ м-съ Прайсъ?—возразилъ я.—О, для нея это будетъ маленькое разнообразіе,—возразилъ мой знакомый; и я согласился. Пріѣхавъ на станцію, мы сѣли въ ожидавшій насъ экипажъ и покатили, при помощи одного господина въ мундирѣ, который насъ подсаживалъ на подножку, и другого, который правилъ лошадьми. Вскорѣ подъѣхали мы къ „коттэджу“ моего пріятеля, а этотъ коттэджъ оказался большимъ каменнымъ домомъ, лишь вдвое меньше отеля на Пятомъ-бульварѣ. Въ домѣ готовилось что-то парадное: онъ весь сіялъ огнями; до насъ доносилась музыка. Что тамъ такое?—спросилъ хозяинъ дома у слуги. — „М-ръ и м-съ такіе-то обѣдаютъ сегодня!“—Мм... Чортъ! а я и позабылъ! Проводите м-ра Гарума въ его комнату и накройте намъ у меня въ столовой, а затѣмъ проводите ко мнѣ.—Ну, въ этой комнатѣ столько было кружевъ и шелковъ, и зеркалъ, и всякихъ бездѣлушекъ, что, кажется, булавкѣ упасть было нѣгдѣ; а рядомъ—уборная и ванна. Я вымылся, одѣлся, и слуга проводилъ меня къ Прайсу, съ которымъ мы отлично поужинали и запили шампанскимъ. Ну, а на другое утро я проснулся, побрился, одѣлся, и тогда только вошелъ ко мнѣ все тотъ же слуга.—„Звонили, сэръ?“—Нѣтъ, говорю; я ожидалъ звонка.—„Благодарю васъ, сэръ! Прикажете подать вамъ завтракъ?“—Куда?—спрашиваю я.—„О, я принесу его сюда сію минуту!“ (и будто усмѣхнулся). Дѣйствительно, онъ скоро принесъ завтракъ на серебряномъ подносѣ, покрытомъ большущею салфеткой. Тутъ были двѣ длинныя булки, вареное яйцо, маленькій кофейникъ, формочка масла, серебряный ножикъ, колотый сахаръ на серебряномъ блюдцѣ, сливочникъ со сливками, двѣ точно игрушечныя серебряныя ложечки, серебряная перечница, солонка и одинъ апельсинъ; да еще къ чему-то странный, точно фарфоровый стаканчикъ. Человѣкъ поставилъ под-

носъ и спросилъ:—„Прикажете еще чего-нибудь, сэръ?“—Нѣтъ, говорю: тутъ всего такъ много, что мнѣ на два дня хватитъ. Онъ на минуту отвернулся въ сторону и опять проговорилъ:—„Благодарю васъ, сэръ!.. Второй завтракъ въ половинѣ перваго“,—и вышелъ вонъ. Ну, все оказалось прекрасно: только масло забыли посолить, а яйцо... вотъ тутъ-то стряслась бѣда! Я почему-то былъ увѣренъ, что оно сварено въ крутую, и со всего размаху его стукнулъ... Изъ него прыснуло чуть не полъведра жидкости, обрызгавшей все мое платье, а главное—брюки! Я до того былъ перепуганъ, что не сразу сообразилъ, что дѣлать. Потомъ бросился оттирать и отмывать злосчастныя пятна, и, успокоившись немного, рѣшилъ пойти подышать чистымъ воздухомъ, до прихода услужливаго лакея.—Съ добрымъ утромъ, Гарумъ!—окликнулъ меня Прайсъ, курившій въ садовой бесѣдкѣ. Мы пошли рядомъ, и я замѣтилъ, что онъ поглядываетъ на мой сюртукъ. (Это, видите ли, высыхая, яичныя пятна выступили наружу).—У васъ что-то тутъ пристало,—замѣтилъ онъ, а я принялся скоблить ногтемъ.—Хотите сигару?—„Нѣтъ, благодарю; испортитъ аппетитъ, а я его приберегаю на второй завтракъ“. Прайсъ расхохотался:—Простите!—произнесъ онъ наконецъ.—Я собирался завтракать съ вами вмѣстѣ, да проспалъ и забылъ. Я по старинному вѣдь завтракаю основательно сразу поутру, а жена и дочери—на европейскій ладъ,—и днемъ, и утромъ. Я вамъ велю сейчасъ подать; чего бы вамъ хотѣлось?—Но я рѣшительно отказался, и мы занялись дѣловой бесѣдой, которая окончилась только къ двѣнадцати часамъ. Прайсъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и проговорилъ:—Мы съ вами, кажется, одного роста? Я велю вамъ подать мое платье, а ваше вычистятъ и приведутъ въ порядокъ.—„Но супруга ваша? Что она скажетъ, если вдругъ замѣтитъ, что я разгуливаю въ вашемъ платьѣ?“

— Моя супруга?! — засмѣялся Прайсъ. — Да она знаетъ столько же, какія у меня платья, сколько вы.—Это мнѣ показалось очень страннымъ,—а какъ вамъ?

— Чрезвычайно!—не теряя серьезности, отозвался Джонъ.

— Послѣ завтрака въ общей столовой, — продолжалъ Давидъ,—Прайсъ предложилъ мнѣ покурить и почитать газеты: —Потомъ поѣдемъ покататься.—„А если лошади будутъ нужны женѣ?“—Какъ-нибудь обойдется,—усмѣхнулся онъ. Лошади оказались славныя; только приподнялъ я одну изъ переднихъ ногъ и говорю тихонько кучеру: „Больную заковали?“ да подмигнулъ ему, а онъ—мнѣ, чтобъ хозяинъ не замѣтилъ. Ну, прокатились мы прекрасно; а когда вернулись, Прайсъ и говоритъ:—„Вамъ

вѣдь случалось носить фракъ? Я предлагаю вамъ надѣть сегодня мой; мы ждемъ кое-кого къ обѣду, и намъ придется пріодѣться".— Ну, что вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?—спросилъ Давидъ Ленокса.

— Надѣлъ бы фракъ безъ дальнихъ размышленій: все равно, вашъ костюмъ не обратилъ бы на себя вниманія...—отвѣтилъ тотъ.

— Вѣрно сказано! Такъ оно и вышло: никто не обратилъ вниманія на то, что я въ чужомъ фракѣ. Слуга предложилъ было мнѣ помочь одѣться:—Нѣтъ, говорю: я, можетъ быть, и самъ съумѣю все это надѣть.—Дѣйствительно, надѣлось все благополучно: фракъ, и брюки, и жилетъ, и бѣлый галстухъ, и лакированные башмаки и шолковые чулки... И что-жъ я вамъ скажу? Пришелъ мой слуга, чтобы меня окончательно *подправить*, тутъ дернулъ, тамъ подтянулъ немножко... я взглянулъ въ зеркало и... и нашелъ, что все это совсѣмъ даже не дурно!.. А по пути домой я вывезъ себѣ изъ Нью-Іорка такой же точно костюмъ... Онъ цѣлъ еще до сихъ поръ...

— Въ Гомвилѣ, кажется, нѣтъ обыкновенія одѣваться къ обѣду?—съ улыбкой вставилъ Джонъ.

— Конечно, нѣтъ. Здѣсь какъ одѣнутся къ завтраку, такъ и остаются на весь день. Ну, вотъ, къ обѣду вышли мы въ столовую—хозяйка дома взяла меня подъ руку, и мы въ первой парѣ пошли къ столу. — М-ръ Прайсъ очень досадовалъ на вашъ завтракъ,—обратилась она ко мнѣ во время обѣда.—„Въ самомъ дѣлѣ? Я и самъ боялся, что онъ будетъ на меня сердиться".— Но за что же?—удивилась она.—„За салфетку, которую я испортилъ, говорю: ее, пожалуй, придется отдать въ стирку прежде, чѣмъ опять употреблять".—Право, м-ръ Гарумъ, я не понимаю, про что вы говорите,—съ улыбкою замѣтила она.—„Да неужели же никто вамъ ничего не сказалъ? Я, значитъ, долженъ самъ признаться: мнѣ подали къ завтраку яйцо, и я разбилъ его, чтобы очистить, а оно вдругъ возьми да и выпали какъ порохъ старика Мэйби!.. Какъ, вы не знаете, кто онъ былъ такой? Охотникъ, да, охотникъ, и съ нимъ случилось такое приключеніе!.. У него была ферма, а на ферму повадились ходить хорьки и таскать цыплятъ. Вотъ, настроилъ старикъ нѣсколько ловушекъ для хорьковъ и приготовился ихъ пристрѣлить,—да оказалось, что пороху у него не хватаетъ, а какой былъ, тотъ отсырѣлъ, и старикъ Мэйби разложилъ его на сковородѣ да и принялся помѣшивать его палочкой, чтобъ дѣло шло скорѣе. Только пришлось ему за это поплатиться: онъ очнулся весь въ перевязкахъ

и только говоритъ: — Вотъ штука-то! Вотъ штука!—„Что ты, отецъ?“—спрашиваетъ дочка:—Ахъ, этотъ порохъ, порохъ! Ужъ я ли не тихонько его шевелилъ, а онъ-то выпалилъ такъ, вдругъ! въ одну минуту!—Вотъ такъ же вдругъ выпалило и это яйцо!“—заключилъ я.—Дѣлать нѣчего (говоритъ со смѣхомъ м-съ Прайсъ). Придется ужъ не взыскивать за это яйцо, хоть ради старшины Мэйби,—и всѣ подхватили ея смѣхъ. Боже! Мы ѣли, ѣли... я думалъ, мы никогда не кончимъ! А винъ-то сколько, винъ!—„Хорошо вы прокатились, м-ръ Гарумъ?“—спросила меня хозяйка дома:—О, чудесно! (говорю). Я вижу, что у васъ здѣсь бѣдняки на рѣдкость; имъ надобно давать награды, если какой случайно найдется“... Однако, что-жъ это я такъ заболтался?—прибавилъ Гарумъ, глядя на часы:—пожалуй, теперь ужъ не стоитъ одѣваться къ обѣду?

Онъ повернулся, и ушелъ, но, не дойдя до порога, снова обернулся и, не дожидая отвѣта, на ходу спросилъ:

— А вѣдь вы, пожалуй, знали бы, какъ обойтись съ яйцомъ?

XIII.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что все населеніе Гомвиля состояло исключительно изъ такихъ лицъ, какъ упомянутые выше Гарумы, Ларраби, Эльрайты и тому подобные субъекты зажиточнаго класса; Давидъ, можетъ быть, преувеличенно судилъ о вліяніи и роскоши семейства Келломъ, но это дѣло было сорокъ лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ населеніе мѣстечка разрослось и, такъ сказать, облагородилось: явилось много образованныхъ и состоятельныхъ людей, къ которымъ лѣтомъ и на каникулы съѣзжалась интеллигентная учащаяся молодежь. Иные владѣльцы спеціально отдавали свои постройки дачникамъ въ наемъ, и на нѣсколько мѣсяцевъ въ году Гомвиль оживлялся пестрой толпой, вносившей съ собой свои нравы и привычки, свой особый колоритъ.

— Я съ ними и знакомъ, но нигдѣ не бываю,—говорилъ какъ-то Гарумъ.—Развѣ по дѣлу, да и то не часто; я вѣдь не здѣшній уроженецъ, а они или ихъ предки—здѣшніе старожилы. Полли—другое дѣло; она отсюда ни на шагъ, и церковь епископальную усердно посѣщаетъ; съ нею всѣ знакомы; женское поколѣніе изрѣдка заходитъ къ ней, ее вообще навѣщаютъ... Полли здѣсь очень популярна... А вы—тоже епископальный?

— Если я гдѣ бываю въ церкви, то въ епископальной

тоже,—съ улыбкой отвѣчалъ Ленокcъ.—У васъ, въ Гомвилѣ, я почти каждый праздникъ бывалъ въ церкви Сентъ-Джемса.

— И васъ замѣтили?

— М-ръ Юстонъ, ректоръ, заходилъ ко мнѣ и познакомилъ, послѣ службы, съ нѣкоторыми изъ своихъ прихожанъ; но дальше вѣжливаго обмѣна визитами я не пошелъ.

— Есть между ними и хуже моей Полли,—продолжалъ Давидъ:—вся разница состоитъ только въ томъ, что они ходятъ въ епископальную церковь и обѣдаютъ въ шесть часовъ. Вотъ, напримѣръ, Теодоръ Верджусъ. Предокъ его былъ, вѣроятно, *нѣмецъ* (Давидъ всѣхъ европейцевъ почему-то объединялъ подъ общимъ названіемъ „нѣмцевъ“, которое онъ употреблялъ какъ нарицательное). И всѣ они—Роджерсы, Свэйны и Верджусъ болѣе или менѣе состоятъ въ родствѣ. Альфъ Верджусъ,—старшій сынъ „нѣмца“, былъ въ Нью-Іоркѣ и служилъ въ Альбани юристомъ, но все-таки сохранилъ за собой свой старый домъ и помѣстье. Кромѣ того, дѣтей только и было, что Теодоръ и его незамужняя сестра. Старикъ все оставилъ старшему,—Альфу (Альфреду), и тотъ съумѣлъ не только сохранить, но даже увеличить состояніе отца; онъ два раза былъ избранъ на три срока въ мѣстный совѣтъ, а впослѣдствіи—въ члены конгресса; но его занятія политикой не повлекли за собою разоренія, и благосостояніе семьи все укрѣплялось.

— Онъ, кажется, довольно добродушный человѣкъ?—замѣтилъ Джонъ, которому это было, въ сущности, не очень интересно.

— Да, человѣкъ дѣльный,—довольно сдержанно подтвердилъ Давидъ.—И за женою (тоже здѣшней семьи Тѐнакеръ) онъ взялъ хорошее приданое. Есть у насъ здѣсь еще старая дѣва, миссъ Алиса, родственница Роджерсовъ,—такъ та, кажется, и двухъ недѣль не отлучалась во всю жизнь свою отсюда. Она всѣхъ знаетъ и всѣхъ старожиловъ называетъ „деревенскими“; но если у кого покойникъ въ домѣ,—она пойдетъ и всякому поможетъ, хоть чашки чаю не подумаетъ никогда предложить.

— Я думаю, вы слышали поговорку,—что „много разныхъ есть людей на свѣтѣ“?—съ улыбкой замѣтилъ Джонъ.

— Да, вотъ, и я не то, что Полли: она ни одной службы не пропуститъ, а я ей обѣщалъ ходить хоть разъ въ годъ, въ день освобожденія, да и не выдержалъ: за пять лѣтъ пропустилъ четыре раза...

Разговоръ вернулся опять къ тѣмъ же лицамъ.

— Да! Въ сущности Альфъ Верджусъ лучше другихъ,—замѣтилъ Гарумъ;—жена и дочери его зимой не живутъ дома, и хозяй-

ство ведетъ незамужняя сестра Альфа. Миссъ Верджусъ (старшая) особенно дружна съ отцомъ. Она очень мила, и миссъ Кларисса также. Послѣднюю какъ-то особенно всѣ любятъ. Я съ ними познакомился тому назадъ четыре года, когда пришлось продать имъ лошадь подъ дамское сѣдло.

— Какъ? Вы ее за дамскую и купили?—удивился Джонъ, зная, что это не его спеціальность.

— Положимъ,—не совсѣмъ. Вотъ какъ это случилось. Я пошелъ утромъ въ житницу и вижу—катитъ во дворъ ко мнѣ коляска Верджуса; въ ней сидитъ старшая миссъ Джулія; рядомъ, верхомъ, — младшая сестра. „Здравствуйте! — говоритъ она.—Вы вѣдь м-ръ Гарумъ?“—Здравствуйте,—отвѣчаю.—Вы, вѣроятно, миссъ Верджусъ?—Она слегка засмѣялась и кивнула головой на даму въ колескѣ:—„Вотъ миссъ Верджусъ; а я—миссъ Кларисса“.

Я снялъ шапку, поклонился, и старшая отвѣтила поклономъ. „Я слышала, что у васъ продается лошадь“, — начала младшая.—Но у васъ вѣдь есть своя и даже хорошая,—возражаю, кивая на ея скакуна. „Это не моя, а сестрина. Моя повредила себѣ ногу, да такъ сильно, что не знаю, поправится ли она за лѣто?“— У меня, — отвѣчаю, — есть такая лошадь, которая, говорятъ, ходила подъ сѣдломъ, но мнѣ самому не случалось видѣть.—„Вы сами ѣздите?“—Верхомъ?—„Понятно“.—Нѣтъ, не ѣзжу, если я и безъ того могу взять барыша.—Она усмѣхнулась и переглянулась съ сестрою.—Можно мнѣ ее видѣть?—спросила она.—„Конечно“. Но смотрѣть она долго не стала. Мигомъ соскочила съ своего сѣдла, сняла его съ своей лошади и надѣла на мою; подтянула подпруги и взвилась на сѣдло, при чемъ такъ ловко дала мнѣ себя подсадить, что я диву дался. Прошло двѣ-три минуты, она несется ужъ назадъ, и останавливаетъ лошадь прямо передо мной.—Не можете ли вы отослать домой лошадь сестры?—говоритъ она—а я хотѣла бы остаться на *своей*! Я скажу папá, чтобы онъ завтра къ вамъ заѣхалъ.—„А можетъ быть, въ цѣнѣ мы не сойдемся“,—говорю.—Ну, ужъ сойдетесь!—говоритъ.—А если и нѣтъ, такъ я не успѣю вамъ ее испортить.—Отъ роду не случалось мнѣ такъ быстро продавать!

— И что же? М-ръ Верджусъ былъ самъ у васъ на другой день?—освѣдомился Джонъ.

— Въ десять часовъ утра явился и спрашиваетъ, предварительно прочистивъ горло (какъ-то особенно покашлявъ):—Дочь моя угнала у васъ лошадь; я пришелъ расплатиться. Какая ей цѣна?—„А какъ вамъ кажется: что она можетъ стоить?“—спра-

шиваю я.—Право, не знаю; я этой лошади не видѣлъ, да, впрочемъ, и не нужно! Матеріально, это никакой разницы не составитъ: я готовъ заплатить, сколько угодно.—„Позвольте, м-ръ Верджусъ! Вы столько же попались въ этомъ, сколько и я: моя лошадь у вашей дочери въ рукахъ. Но вы имѣете дѣло не съ барышникомъ, хоть я и не отрицаю, что въ продажѣ беру барыши. Вы же, банкиръ, имѣете дѣло не съ продавцомъ, а съ Давидомъ Гарумомъ; про себя же я такъ считаю, что имѣю дѣло съ дамой или съ ея отцомъ, по ея порученію"... Банкиръ кашлянулъ опять.—Я не хотѣлъ обидѣть...—„Да я и не вижу никакой обиды,—возразилъ я.—Только вчера еще мнѣ предлагали за эту лошадь сто-семьдесятъ-пять долларовъ, а я сказалъ, что за *такую* цѣну не согласенъ, и съ васъ я не возьму ни цента меньше, какъ сто-семьдесятъ-*шесть*! И—по рукамъ!" Это совершенно озадачило его, и онъ, покашливая, проговорилъ смущенно: — Я думалъ заплатить не менѣе двухъ сотенъ...—„Хорошо! такъ я за лошадью пришлю. Моя цѣна—сто-семьдесятъ-*шесть* и ни цента больше или меньше".—Вы меня ставите въ неловкое положеніе, м-ръ Гарумъ; не могу же я дочери сказать, что не хотѣлъ купить ей эту лошадь потому, что вы не захотѣли взять бо́льшей цѣны, чѣмъ она сто́ила вамъ самому? Я... я думаю, что мнѣ придется согласиться на эту... милость съ вашей стороны.—„Никакой милости тутъ нѣтъ; есть только удовольствіе имѣть дѣло съ такимъ прелестнымъ покупателемъ, какъ ваша дочь,—говорю ему. — Вы меня извините, но она у васъ такая шустрая, и если хотите, можете такъ ей и сказать, что каждый разъ, какъ она вздумаетъ купить у меня лошадь, я не пожалѣю бросить двадцать-четыре доллара, только бы ей продать!" Боялся я, что онъ на меня взъѣстся за эти слова, но онъ и не подумалъ; а вмѣсто того, уходя, пожалъ мнѣ руку, о чемъ не догадался, когда пришелъ. А дочка иначе теперь меня и не встрѣчаетъ, какъ самымъ радушнымъ окликомъ:—Какъ ваше здоровье, м-ръ Гарумъ?—а я ей въ отвѣтъ:—„Еще не истрепался вашъ старый скакунъ? Когда же вы угоните у меня еще лошадь?"

Давидъ всталъ, зѣвнулъ и, подойдя къ окну, проговорилъ:

— Видѣли вы когда-нибудь болѣе глупую погоду? Ни на саняхъ, ни на колесахъ нѣтъ ѣзды. Вся моя конюшня истомилась безъ движенья. Я, кажется, и самъ готовъ заплеснѣть!..

Если бы Джонъ Ленокъсъ велъ дневникъ въ первый годъ своего пребыванія въ Гомвилѣ, почти сплошь его страницы ока-

зались бы пусты. Ежедневныя занятія въ конторѣ отнимали у него семь часовъ въ сутки, и по мѣрѣ того, какъ дни становились длиннѣе, оставалось все-таки много времени на прогулки пѣшкомъ, въ экипажѣ или на лодкѣ. Нерѣдко Гарумъ возилъ Джона кататься, и для послѣдняго было истиннымъ наслажденіемъ любоваться, какъ умѣло правитъ этотъ любитель и знатокъ лошадей. Когда ему случалось выѣзжать по дѣлу, онъ, какъ говорилъ самъ, „плелся“ на одномъ только „старикѣ-Джимѣ“, но ради удовольствія, для катанья, впрягалъ въ высокій шарабанчикъ пару „атласныхъ“ бѣлыхъ коньковъ.

— Понятно,—говорилъ онъ иногда,—я люблю ѣздить одинъ; но если есть возможность прокатиться вдвоемъ, это тоже пріятно. Вы знаете, я не болтливаго десятка... (Джонъ съ трудомъ могъ подавить улыбку), если меня не навести на разговоръ; но и мнѣ бываетъ иной разъ пріятно, если меня слушаютъ. Хотите прокатиться вмѣстѣ?

— Очень хочу.

— Бывало, я изрѣдка бралъ съ собою Полли; но она такъ боится, что даже сидитъ на кончикѣ, наготовѣ каждую минуту выскочить вонъ изъ экипажа; а возвращаясь домой цѣлой и невредимой, я увѣренъ, она возноситъ благодареніе Небу, что у нея всѣ кости цѣлы.

— Мнѣ кажется, ей нѣчего бояться, если возжи у васъ въ рукахъ?—замѣтилъ Джонъ.

— Разъ какъ-то такъ случилось, что она испугалась и вырвала у меня возжи... и знаете, что я вамъ скажу? Если я теперь ѣзжу, то лишь съ такими людьми, которые сами правятъ такъ же хорошо, какъ я, или даже лучше. А Полли я посовѣтовалъ ѣздить въ закрытой лодкѣ. Оттуда, по крайней мѣрѣ, не выпрыгнешь; да и возжей нѣтъ.

Такъ они вмѣстѣ проводили часы досуга, и надо отдать справедливость Давиду, что онъ былъ покладистый собесѣдникъ; разъ начавъ говорить, онъ не требовалъ отъ своего слушателя отвѣтовъ.

Въ тотъ годъ Джонъ не стремился заводить новыя знакомства, и любопытные могли узнать о немъ только отъ пастора Юстона, который единственно могъ засвидѣтельствовать, что м-ръ Ленокcъ—весьма благовоспитанный молодой человѣкъ, настоящій джентльменъ. Всѣмъ нужно было знать, какъ это такъ случилось, что м-ръ Ленокcъ попалъ въ Гомвиль и почему онъ живетъ съ Давидомъ и его смѣшной старушкой-сестрицей?

Ничего не могъ имъ сказать на это м-ръ Юстонъ.

— Онъ вообще милъ и любезенъ, но въ откровенности не пускается.—Вотъ все, что̀ отъ него узнали любопытные.

Вторая зима, которая застала Джона въ Гомвилѣ, начиналась для него при нѣсколько иныхъ условіяхъ. Теперь уже опредѣлилось, что Джонъ—общій любимецъ хозяина и хозяйки дома.

— Чортъ меня побери, если я говорю неправду!—увѣрялъ Давидъ своего стараго пріятеля, Дика Ларраби.—Но если мнѣ нужно что-нибудь отъ Полли, я раньше говорю объ этомъ Джону, и онъ уже все устроитъ. Полли няньчится съ нимъ, какъ корова съ теленкомъ.

Въ бесѣдѣ съ своей пріятельницей, Полли говорила:

— Для Давида онъ теперь все на свѣтѣ! Давиду почему-то кажется, что еслибъ его маленькій сынокъ былъ живъ, онъ былъ бы именно такимъ, какъ Джонъ. Я никогда не видѣла этого малютки, но со словъ брата я думаю, что онъ былъ, вѣроятно, рыжій. А вы развѣ не подозрѣвали, что онъ былъ женатъ? Еще бы! Даже нѣсколько лѣтъ. И кто бы, глядя на него, подумалъ, что онъ такъ любитъ дѣтей? Онъ теперь часто вспоминаетъ своего сыночка и любитъ говорить о томъ, какой вышелъ бы изъ него мужчина. Разъ какъ-то мы ѣздили съ нимъ далеко въ дилижансѣ. Ѣхала тамъ же и мать съ плачущимъ ребенкомъ. Давидъ взялъ у нея крошку и нѣжно прижалъ его къ своей широкой груди; ребенокъ не пикнулъ и, успокоившись у него на рукахъ, тихонько задремалъ... Д-да! У меня никогда не было дѣтей, и я не особенно объ этомъ горевала: Джимъ Биксби самъ мнѣ замѣнялъ ребенка, и *тогда* я думала, что съ меня и его одного довольно. Но теперь...

М-съ Биксби не кончила; поэтому трудно сказать, что̀ было у нея на умѣ въ эту минуту.

XIV.

За истекшій годъ, какъ онъ ни дологъ показался Джону, онъ успѣлъ обжиться въ новой обстановкѣ и примѣниться къ ея условіямъ.

Но до сихъ поръ видъ сѣдого старика каждый разъ напоминалъ ему о его потерѣ, и больно щемило тогда сердце у осиротѣлаго сына. Порою нападало на него страстное желаніе оживить хоть въ памяти лицо и голосъ, фигуру и походку дѣвушки, которая была ему такъ дорога и такъ безповоротно вырвана изъ его жизни—все равно, что рукою смерти.

Какъ это ни странно, но ему почему-то въ голову не приходило, что онъ можетъ ей написать на ея старый, нью-іоркскій адресъ, и что ей оттуда могутъ переслать письмо. И не разъ онъ порывался ей писать, когда ему, наконецъ, эта мысль пришла; но онъ тотчасъ же старался себя образумить и отвлечь отъ этого намѣренія,—и дальше этого дѣло пока не шло. Онъ говорилъ себѣ:

„Къ чему? Какая польза поддерживать въ себѣ стремленіе къ невозможному?.. Нѣтъ, лучше постараюсь все забыть. Люди умираютъ, но не отъ любви; и безъ нея многіе обходятся прекрасно. И я, можетъ быть, со временемъ, устроившись, женюсь на какой-нибудь деревенской дѣвушкѣ, и будетъ у насъ цѣлый выводокъ ребятъ“.

У Джона, очевидно, былъ несантиментальный, здравый умъ, и, сочувствуя ему, намъ не придется разстраивать себѣ нервы.

Благодаря замкнутому, дѣловому образу жизни, Джону некуда было дѣвать лишнія деньги, и книгъ у него прибавлялось все больше и больше. Водворяясь на жительство у Давида, онъ высказалъ ему свое желаніе нести часть хозяйственныхъ издержекъ; но Давидъ возразилъ, что это не его дѣло, и направилъ его къ м-съ Биксби; а та назначила неизмѣримо малую сумму и увѣряла, что даже эти гроши ей стыдно съ него брать. Послѣ книгъ, которыя не переставали появляться въ „парадной спальнѣ“, тамъ же вскорѣ появилось и небольшое піанино, съ полнаго согласія и одобренія тети-Полли.

— Не стоило и спрашивать меня,—сказала она.—Мнѣ все равно, лишь бы *вы* у насъ были. Я музыку люблю, и Давидъ также, хоть слуху у него ни капли! Я подпѣваю въ церкви, а въ молодости даже пѣла. По вечерамъ?.. Ну, да. Когда же вамъ и играть, какъ не по вечерамъ, а Давидъ, не бойтесь, ничего не услышитъ. Когда онъ храпитъ,—къ вамъ, я думаю, слышно?

— Не особенно, и не всегда. То-есть, слышно настолько, чтобы я догадался, что онъ спитъ.

— Ну, если къ вамъ не особенно слышно, такъ и ему не будетъ ваша музыка мѣшать.

Итакъ, піанино пріѣхало и повлекло за собою обычай сходиться по воскреснымъ днямъ въ комнатѣ у Джона. Онъ игралъ, а также и пѣлъ вмѣстѣ съ тетей-Полли нѣкоторыя изъ чувствительныхъ или духовныхъ пѣсенъ, которыя они съ Давидомъ любили, а Давидъ—слушалъ и поучался.

— А что, Дикъ? Я не говорилъ тебѣ, какъ еще отличился Джонъ?—спросилъ онъ однажды.

— Нѣтъ, что-то не припомню.

— Поѣхали мы какъ-то разъ кататься, — продолжалъ Давидъ.—Въ дышлѣ была парочка караковыхъ жеребцовъ. Вотъ я и говорю ему: „Вы правили когда-нибудь?“—Болѣе или менѣе,—говоритъ онъ.—„Хотите сами править?“—Если вы не боитесь мнѣ довѣрить возжи.—„Ну, говорю, вѣдь я тутъ буду!“—и даю ему править. Какъ только онъ взялъ въ руки возжи, я вижу, что ему это не впервые, и покатили мы по лѣсу до того мѣста, гдѣ дорога идетъ уже, и прямо врѣзались въ одну изъ этихъ проклятыхъ машинъ для прокладыванія пути. Долженъ тебѣ сказать, что жеребцамъ это пришлось сильно не по вкусу, и они зашалили, да чуть не повалили шарабанъ! Ужъ какъ же онъ ловко отдернулъ ихъ назадъ и осадилъ, и заставилъ сойти съ узкой дороги! Я *самъ* не могъ бы сдѣлать это умнѣе и проворнѣе, а другого такого ловкаго, какъ я, я не знаю!

— Вамъ-то, я думаю, это было жутко?—замѣтилъ Дикъ.

— Д-да! Была минута, но *ему* я съ удовольствіемъ растворю настежь всѣ мои конюшни!

Послѣ нѣкотораго молчанія, Гарумъ продолжалъ:

— Кажется, нѣтъ ничего такого, чего онъ не съумѣлъ бы сдѣлать. Послѣдняя у насъ новость—піанино. Да, сэръ! У меня теперь даются настоящіе концерты. Приходите! „Входъ безплатный; дѣти платятъ половину“. Нѣтъ, послушали бы вы, какъ они съ Полли распѣваютъ!

Между тѣмъ, знакомство Джона съ м-ромъ Юстономъ перешло почти въ дружбу и они часто видѣлись по вечерамъ: то Джонъ ходилъ къ ректору, то ректоръ заходилъ къ Джону—поболтать и выкурить сигару. Какъ-то разъ, осенью, м-ръ Юстонъ подошелъ къ піанино и началъ просматривать ноты, разложенныя на крышкѣ; въ томъ числѣ оказались два-три гимна.

— А вы человѣкъ музыкальный,—проговорилъ онъ.

— Въ весьма скромныхъ размѣрахъ,—былъ отвѣтъ.

— У меня весьма мало познаній въ музыкѣ и мнѣ очень жаль. Я люблю музыку, но желалъ бы ее лучше знать... Это главная мука въ моей жизни.

Джонъ вопросительно взглянулъ на него.

— Я говорю про то, что называется музыкой въ Сентъ-

Джемсѣ. Меня не удивляетъ, что вы улыбаетесь; но мнѣ не до смѣху!

— Простите, пожалуйста!

— Полноте, не извиняйтесь. Но право же... въ жизни священника не мало непріятнаго и удручающаго душу. Я все могу снести, но музыкальная сторона моего дѣла—вотъ что̀ свыше силъ моихъ! Это—неизсякаемый источникъ тревоги и заботъ, досады, огорченій... Я, кажется, больше трачу нервовъ на эту отрасль моихъ обязанностей, нежели на все остальное. Видите, мы не имѣемъ средствъ платить пѣвцамъ или пѣвицамъ, и даже нѣкоторые изъ моихъ прихожанъ считаютъ, что пятьдесятъ долларовъ—слишкомъ высокая цѣна для бѣдной миссъ Кнапъ, нашей органистки; остальные—любители, да и то почти насильно привлеченные въ нашъ хоръ. Такъ, считается, что у насъ будто бы есть два сопрано и два альта; но въ дѣйствительности бываетъ, напримѣръ, что ни одного сопрано не оказывается на лицо, потому что *каждая* думаетъ, что другая обойдется безъ нея. На тенора, м-ра Геббера, пожилого и очень набожнаго господина, еще можно положиться... въ размѣрѣ его силъ, но силы его небольшія, если принять въ разсчетъ, что онъ почти безъ голоса. А м-ръ Литль, нашъ басъ... Ну, чѣмъ меньше про него говорить, тѣмъ лучше.

— А органистка? Кажется, она очень хорошая музыкантша?

— Миссъ Кнапъ—единственное, всепримиряющее явленіе, но у нея нѣтъ смѣлости вмѣшаться: м-ръ Гебберъ номинально считается нашимъ регентомъ, но онъ въ музыкѣ мало свѣдущъ.

М-ръ Юстонъ печально усмѣхнулся.

— Да, это испытаніе довольно тяжкое въ обыкновенный праздникъ; но когда приходитъ Пасха или Рождество, когда *мои* лѣзутъ изъ кожи вонъ въ своемъ усердіи изобразить что-нибудь чрезвычайное, получается нѣчто отчаянное, невообразимое!

Джонъ не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться.

— Еще бы! Я думаю, это все не легко перенести.

— Эта забота меня гложетъ! — согласился м-ръ Юстонъ и нѣсколько минутъ курилъ молча, очевидно, углубившись въ созерцаніе своихъ тяжкихъ бѣдствій.

— Я слышалъ вашъ голосъ въ церкви,—произнесъ онъ наконецъ.

— Д-да?

— Да... и замѣтилъ, что вы поете, какъ человѣкъ опытный въ пѣніи и знающій церковную службу... Я сюда пришелъ не съ этой цѣлью, но ваше піанино и ваши ноты опять навели

меня на эту мысль... Вы не можете себѣ представить, какую услугу вы оказали бы мнѣ, если бы согласились. И не мнѣ одному, а всѣмъ прихожанамъ и самой церкви.

Джонъ задумчиво пощипывалъ усы и отвѣчалъ не сразу, а м-ръ Юстонъ глазъ съ него не сводилъ.

— Право, не знаю, что̀ сказать,—проговорилъ Джонъ наконецъ.—Боюсь, что вы слишкомъ на меня понадѣетесь и ошибетесь... не въ моемъ добромъ желаніи, конечно, а въ моемъ искусствѣ. Вы вѣдь, кажется, разсчитываете на меня, чтобы подтянуть вашъ хоръ?

— Да; просить васъ принять участіе также и въ пѣніи, пожалуй, слишкомъ много?

— Мнѣ не случалось быть регентомъ и управлять хоромъ, —возразилъ Джонъ,—но я неоднократно пѣлъ въ церковномъ хорѣ. Допустимъ, что я и въ этомъ дѣлѣ могу быть полезенъ; но какъ посмотрятъ на это остальные? Не принесетъ ли вамъ мое вмѣшательство больше вреда, чѣмъ пользы? Вы знаете, такіе люди склонны завидовать и ревновать.

— О, да; еще бы! Но въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, можно быть спокойнымъ. Ваше нью-іоркское происхожденіе придастъ вамъ особую цѣну въ ихъ глазахъ, а любопытство и новизна вашего появленія облегчатъ вамъ ваше начинаніе.

Въ дверь постучались, и м-ръ Гарумъ, заглянувъ, хотѣлъ скорѣе уйти.

— Не уходите! Вы знаете м-ра Юстона, конечно? — остановилъ его Ленокcъ.

— Радъ васъ видѣть! Вы говорите о дѣлахъ? — спросилъ гостя Гарумъ.

— Да, вотъ, пытаюсь убѣдить м-ра Ленокса, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ большое одолженіе.

— Ну, я думаю, онъ не потребуетъ такой массы убѣжденій, если въ состояніи исполнить вашу просьбу. Ну, чего онъ отъ васъ хочетъ?—обратился Давидъ къ Джону.

Джонъ объяснилъ, прибавивъ, что его особенно безпокоитъ, что это дѣло будетъ для него не столько хлопотливо, сколько неуспѣшно и для прочихъ непріятно.

— Ну, что касается самаго дѣла, для меня это пустяки, а насчетъ пѣнія вы можете привлечь хоть цѣлый амбаръ народу. Человѣкъ, который справился съ лошадьми на узкой дорогѣ, конечно, справится съ какимъ-нибудь пятькомъ женщинъ.

— Ну, *вы* такъ же хорошо, какъ я, съумѣли бы справиться съ лошадьми,—съ улыбкой возразилъ Ленокcъ.

— Да, да! На этомъ вы меня поймали,—проговорилъ Давидъ;—а все же...

М-ръ Юстонъ, видя, что Давидъ почему-то тянетъ на его сторону, поспѣшилъ проститься и предоставилъ имъ бесѣдовать наединѣ.

— Онъ очень милый человѣкъ, — замѣтилъ Гарумъ, когда Джонъ вернулся, проводивъ гостя:—Да, очень милый человѣкъ! И, кажется, единственный, съ которымъ вы свели знакомство. Но ничего, онъ къ намъ подходитъ. И, говорятъ, онъ хорошаго происхожденія... Какъ онъ вамъ кажется?

— Мнѣ кажется, что для меня его бесѣда пріятнѣе, чѣмъ его проповѣдь. Я его люблю, и онъ, повидимому, относится серьезно къ этому вопросу; но я не увѣренъ, могу ли въ самомъ дѣлѣ быть ему полезенъ, а между тѣмъ мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы попытаться...

— Я бы на вашемъ мѣстѣ попытался! Вреда отъ этого для васъ не будетъ, а можетъ быть будетъ и польза. Вамъ не мѣшаетъ сдѣлать лишнія знакомства, для начала...

— Знакомства съ „какими-нибудь тремя упряжками женщинъ", какъ вы говорите,—съ усмѣшкой подсказалъ Джонъ.

— Я не про пѣвчихъ говорю, а вообще. И это будетъ лучше, чѣмъ если бы м-ръ Юстонъ васъ представилъ, какъ будто вы его о томъ просили. И понемножку вы привыкнете, конечно; не все же вамъ сидѣть со мной и съ Полли. Какое мы для васъ общество? Вамъ не мѣшаетъ иной разъ перемѣнить кормъ. Если вамъ это пѣніе и не доставитъ больше ничего, какъ займетъ у васъ нѣсколько зимнихъ вечеровъ,—и то уже хорошо. Говорятъ, что собакѣ полезно, если у нея водится приличное количество блохъ: это не даетъ ей забывать, что она — собака...

— Можетъ быть, вы и правы,—сказалъ Джонъ.—Я даже не сомнѣваюсь, что вы правы, и послѣдую вашему совѣту.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Давидъ. — Положимъ, я не Соломонъ, а все-таки могу смекнуть: когда лошадь долго застоялась въ конюшнѣ, то это все равно, что человѣкъ, который засидѣлся...

Весьма возможно, что, призывая Джона къ себѣ на помощь, м-ръ Юстонъ не подозрѣвалъ, какое бремя онъ взваливаетъ на него; весьма возможно, что знай онъ заранѣе, какъ ему тяжело придется, онъ и самъ постарался бы ожесточить свое сердце противъ своей просьбы и противъ совѣтовъ Давида. Положимъ, м-ръ Гебберъ былъ радъ его вмѣшательству, и помогалъ ему усердно; дамы, не особенно податливыя сначала, тоже сдѣ-

лались привѣтливы и старательны; миссъ Кнапъ—органистка—все время была мила... Но басъ—м-ръ Литль—былъ признанъ безнадежнымъ и выключенъ изъ хора. Несмотря на то, что это не согласовалось съ его намѣреніями, Джонъ вынужденъ былъ взять на себя партію баса, чтобъ только спасти хоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и положенные на него труды.

Не входя въ подробности этихъ трудовъ и волненій, можно, однако, съ достовѣрностью сказать, что церковный хоръ оказалъ значительные успѣхи, къ великой радости самого м-ра Юстона и къ удовольствію его многолюдной паствы.

Да! По воскреснымъ днямъ собраніе вѣрующихъ теперь поражало своимъ многолюдствомъ и своимъ блескомъ. Дамы въ пестрыхъ нарядахъ, мужчины менѣе нарядные, но тоже въ собственныхъ экипажахъ, весело разъѣзжались по домамъ и расходились, дружно бесѣдуя между собою. М-ръ Юстонъ нàскоро снималъ свое церковное облаченіе и спѣшилъ смѣшаться съ толпою своихъ прихожанъ.

Въ одно изъ воскресеній, въ прекрасный лѣтній день, Джонъ Ленокcъ дольше обыкновеннаго оставался на хорахъ, занятый своимъ дѣломъ, и когда спустился съ церковнаго крыльца, то уже никого не нашелъ по близости: отставшіе виднѣлись на дорогѣ, и только у воротъ стояла небольшая группа бесѣдующихъ—ректоръ и двѣ дамы, въ которыхъ Джонъ узналъ обѣихъ миссъ Верджусъ. Онъ приподнялъ шляпу и хотѣлъ пройти мимо; но м-ръ Юстонъ остановилъ его.

— Постойте! Я васъ сейчасъ представлю миссъ Верджусъ!—окликнулъ его ректоръ, и старшая изъ сестеръ, одѣтая въ черное „кружевное“ (по мнѣнію Джона) платье, отвѣтила легкимъ наклоненіемъ головы и довольно равнодушнымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ. Младшая, синеокая дѣвушка, напротивъ, весело окинула Ленокса привѣтливымъ взглядомъ и открыто протянула ему руку, прибавивъ нѣсколько словъ обычнаго заявленія, что она „рада познакомиться“...

— Мы именно о васъ говорили...—замѣтилъ ректоръ.

— Вы здѣсь творите чудеса, — соблаговолила произнести темноокая.—Мы дня два какъ пріѣхали и сегодня въ первый разъ были въ церкви.

— Нѣтъ, право! Вы не можете себѣ представить, какая разница противъ прежняго!—подхватила Клара.— Намъ-то это пріятно, но для васъ была, должно быть, мука смертная!

— По временамъ, дѣйствительно, бывало трудновато,—со-

гласился Джонъ,—но теперь вы такъ добры, что мое дѣло начинаетъ мнѣ казаться самымъ заманчивымъ, пріятнымъ.

— Очень мило! Скажите: вы привыкли много говорить такихъ милыхъ словъ?

— У меня мало практики и нѣтъ случая...

— Вамъ нечего отчаяваться: хорошая выправка много значитъ, и вы скоро привыкнете опять.

— Благодарю за то, что меня ободрили; а то я совсѣмъ упалъ духомъ...—Миссъ Клара слегка засмѣялась.

— Въ прошломъ я много слышала про васъ отъ вашего большого друга... (Джонъ удивленно вскинулъ на нее глазами) м-съ Биксби. Ну, не восхитительная ли она старушка?

— О, да!

— И если у васъ уши не горѣли въ это время,—въ васъ, значитъ, нѣтъ ни капли чувства благодарности. А м-ръ Гарумъ? Вотъ забавникъ!

— Такъ я и зналъ!—смѣясь, подхватилъ Джонъ.—Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ одна молодая дама угнала у него лошадь...

— Онъ вамъ разсказывалъ? Ну, въ самомъ дѣлѣ?.. Что вы могли подумать обо мнѣ?

— То же, что думалъ м-ръ Гарумъ, вѣроятно.

— А именно?

— Простите, но мнѣ сегодня ужъ досталось...

Миссъ Клара засмѣялась.

— Мы съ м-ромъ Гарумомъ большія „милашки“,—какъ онъ говоритъ.—Хорошее это слово: „милашки“?—спросила она.

— Мнѣ кажется, что на его языкѣ это все равно, что „задушевные друзья“.

Въ разговорѣ они не замѣтили, какъ дошли до конца улицы, которая упиралась въ дорогу, огибавшую озеро.

— А, вонъ и самъ Давидъ!—воскликнула миссъ Клара.—Я его еще не видала. Здравствуйте, м-ръ Гарумъ! Какъ поживаете?

— А вы какъ, миссъ Кларисса? Я, слава Богу, здоровѣю съ каждымъ днемъ; да и васъ держатъ, видно, не на плохомъ корму. Съ каждымъ годомъ вы все хорошѣете. Я думаю, трудненько ограждать васъ отъ жениховъ. Какъ ваши всѣ?

— Благодарю, прекрасно. А м-съ Биксби?

— Очень она меня заботитъ; какъ будто не совсѣмъ хорошо. Вѣситъ, пожалуй, не больше, чѣмъ я самъ,—мрачно отозвался тотъ.

Клара не могла удержаться отъ смѣха.

— А что моя лошадка, Керби?

— Старикъ—все тотъ же: еще дышетъ; только слабъ и хилъ. Я думаю, придется мнѣ вамъ скоро пріискать другую, а пока... что-жъ, пожалуй, и Керби вамъ еще послужитъ. Я завтра утромъ вамъ его пришлю... А вотъ *его* гдѣ вы поймали? Пришлось вамъ гнаться за нимъ въ карьеръ, чтобы его нагнать?

— Нѣтъ, м-ръ Юстонъ для меня его словилъ, — слегка краснѣя и вызывая краску на лицѣ у Джона, возразила Клара. —Я думаю, мнѣ ужъ пора къ сестрѣ; а м-ръ Ленокcъ можетъ домой вернуться съ вами. До свиданія, м-ръ Гарумъ; буду рада своему Керби во всякое время, когда вамъ будетъ удобно къ намъ его прислать. М-ръ Ленокcъ!.. Мы будемъ рады видѣть васъ у себя, когда бы вамъ ни вздумалось къ намъ заглянуть. —Она взяла у Джона свой молитвенникъ и сборникъ гимновъ и ушла.

Джонъ пошелъ садиться въ телѣжку, а Давидъ обернулся—посмотрѣть ей вслѣдъ.

— Посмотрите, какъ она идетъ! Какова походка?

— Прелестная дѣвушка!—согласился Джонъ.

— Она та самая, что у меня угнала лошадь, а я зимой берегу ей Керби у себя на конюшнѣ.

— Знаю, знаю! Она ужъ говорила, и говорила также, что вы съ нею—большіе друзья.

— Ну? Въ самомъ дѣлѣ?... Да, сэръ, вотъ дѣвушка, такъ дѣвушка, и будь я... лѣтъ на тридцать моложе, она сбѣжала бы со мной такъ же просто, какъ съ лошадью тогда.

— Прелестная дѣвушка!—повторилъ Джонъ задумчиво.

— Мнѣ кажется, о дѣвушкахъ я не могу судить, какъ обо всемъ другомъ, — продолжалъ Давидъ, — но думаю, что съ ея стороны главныя условія для брака—„дружба и любовь“... Ну, ну, старушка! Шевелись!—прикрикнулъ онъ на Джинни и не больно, а почти ласково стегнулъ ее бичомъ.

Лошадка прибавила шагу. Еще нѣсколько минутъ—и они были дома.

А. Б.—г—.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

А. А. ФЕТЪ.

Ни одно изъ близкихъ знакомствъ И. С. Тургенева, за исключеніемъ отношеній его къ гр. Л. Н. Толстому, не возбуждаетъ столько вопросовъ, какъ долголѣтняя его дружба съ А. А. Фетомъ (Шеншинымъ).

Жрецъ чистой поэзіи, враждебный всякому сознательному творчеству въ дѣлѣ искусства, съ одной стороны,—и глубокій наблюдатель общественной жизни, ея, такъ сказать, психологіи —съ другой; человѣкъ, сомнительно и недовѣрчиво относившійся къ либеральнымъ реформамъ царствованія императора Александра II, и—въ противоположность ему—писатель, горячо „способствовавшій высокимъ предначертаніямъ“ своего государя, какъ выразился Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Царю-Освободителю. Что̀, казалось бы, могло соединять ихъ? Откуда взяться дружескимъ отношеніямъ между людьми, изъ которыхъ одинъ готовъ былъ радоваться, что своей настоящей родовой фамиліей (Шеншинъ) онъ не причастенъ литературѣ, а фигурируетъ въ ней лишь своей случайной фамиліей—Фетъ; другой же—такъ высоко ставилъ званіе литератора, что искренно скорбѣлъ о правительственныхъ карахъ, падавшихъ на органы печати, даже враждебно къ нему настроенные?

Какъ, наконецъ, объяснить взаимныя симпатіи двухъ нравственныхъ личностей, изъ которыхъ одна—полна безкорыстія самаго трогательнаго, а другая относилась къ матеріальнымъ

интересамъ — практически? Такіе вопросы невольно возникаютъ обыкновенно въ читателѣ при поверхностномъ, бѣгломъ знакомствѣ съ литературой воспоминаній и писемъ, относящихся къ знаменитому русскому роману. Эти вопросы остаются не вполнѣ разрѣшенными и съ установленіемъ того факта, что Иванъ Сергѣевичъ впослѣдствіи все-таки разошелся съ Фетомъ. До разрыва съ Фетомъ дружба ихъ продолжалась 20 лѣтъ, съ 1853 по 1874 годъ.

Въ предисловіи къ своимъ „Воспоминаніямъ“ Фетъ спрашивалъ себя: „Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: что же значитъ эта долголѣтняя жизнь?“ —и по отношенію къ себѣ даетъ такой отвѣтъ: „Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ, излагаются, напротивъ, тѣ сокровенные пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ *именемъ*, но и связаннымъ съ нимъ *достояніемъ* до самыхъ изумительныхъ подробностей“.

Даже при поверхностномъ чтеніи записокъ Фета легко можно увидѣть, что „имя“ и „достояніе“ понимаются имъ лишь въ узко-сословномъ и матеріальномъ смыслѣ. Въ его воспоминаніяхъ довольно часто и совсѣмъ некстати, безъ всякаго отношенія къ нити разсказа или характеристикѣ выводимыхъ лицъ, встрѣчаются упоминанія различныхъ болѣе или менѣе чиновныхъ лицъ. Читатель найдетъ у него не мало страницъ, гдѣ въ приподнятомъ тонѣ, съ замѣтнымъ подчеркиваніемъ говорится, что вотъ такой-то членъ его семьи хорошо объяснялся по-французски, а такой-то выѣзжалъ четверикомъ въ типичномъ помѣщичьемъ экипажѣ и т. д. Какъ будто никому неизвѣстно, что въ крѣпостное время помѣщикъ даже средней руки легко могъ говорить не на одномъ французскомъ языкѣ и выѣзжать не въ однихъ старомодныхъ экипажахъ, а и въ дорогихъ заграничныхъ. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ мы найдемъ не мало подробностей, рисующихъ всѣ перипетіи постепеннаго обогащенія автора и излагающихъ множество практическихъ совѣтовъ, какъ получше жить, обладая малыми средствами. Читая нѣкоторыя главы мемуаровъ Фета, можно подумать, что они составлены на основаніи домашнихъ его приходо-расходныхъ книгъ: до такой степени онъ точно помнитъ всякій расходъ, начиная отъ двугривеннаго или отъ двухъ

франковъ за границей, съ указаніемъ, когда и на что̀ именно они потрачены.

Вступая въ бракъ, Фетъ больше всего заботится, интересуется матеріальной стороной дѣла, съ любовью описывая свою новую карету, пару воейковскихъ вороныхъ лошадей и проч.,—холодно и безучастно касаясь сердечной, такъ сказать, стороны дѣла. Болѣзненно развитое влеченіе къ аристократизму, если можно такъ выразиться, и къ обогащенію стало основнымъ мотивомъ въ жизни Фета недаромъ. По его собственному признанію, всю свою „сознательную жизнь съ 14-лѣтняго возраста“ онъ „промучился“ мыслью, что онъ—Фетъ, а не Шеншинъ, тогда какъ весь, цѣликомъ принадлежалъ къ послѣдней фамиліи. Рожденный отъ брака по лютеранскому обряду, совершённому за границей, мальчикъ въ Россіи, неожиданно для семьи, оказался какъ бы незаконно-рожденнымъ, такъ какъ лишь послѣ появленія его на свѣтъ мать (нѣмка, еврейскаго происхожденія) приняла православіе и вторично повѣнчалась по обрядамъ нашей церкви. Ему часто и неловко напоминали странность появленія Фета въ семьѣ Шеншиныхъ; но какъ сюда замѣшался Фетъ и почему Фетъ родной братъ Шеншинымъ—никто не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить. И это печалило и мучило нашего поэта въ теченіе 38-ми лѣтъ сознательной его жизни, пока онъ случайно не напалъ на счастливую мысль и не испросилъ Высочайшаго соизволенія (1873 г.) на присвоеніе себѣ фамиліи Шеншина. Въ письмѣ, отъ 15-го января 1874 г., графъ Л. Толстой писалъ ему по поводу перемѣны фамиліи: „Я всегда замѣчалъ, что это (т.-е. фамилія „Фетъ“) мучило васъ, и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь“. Стремленіе къ обогащенію, къ матеріальнымъ благамъ, принимало у Фета излишне острый характеръ въ силу подобныхъ же случайностей. Напримѣръ, его дядя, П. Н. Шеншинъ, скоропостижно умеръ въ самый годъ окончанія курса своего племянника, не успѣвъ передать послѣднему ста тысячъ рублей, на которые Фетъ вполнѣ могъ разсчитывать, имѣя соотвѣтствующія устныя и письменныя увѣренія. Насколько подобныя неудачи вызывали излишнія заботы о деньгахъ—видимъ изъ письма даже столь доброжелательно относившагося къ нему гр. Л. Толстого (6-го апрѣля, 1878 г.): „Хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марѳа печется о многѣмъ, тогда какъ единое есть на потребу“. У васъ такъ много привязанности къ житей-

скому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо".

Случайно среди знакомыхъ Фета, строго избираемыхъ изъ людей хорошаго общества, оказались литераторы,—это благопріятно отозвалось на его талантѣ. Но онъ могъ сближаться съ Тургеневымъ, съ гр. Л. Толстымъ, и совершенно не понималъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ могъ быть знакомъ съ бывшимъ крѣпостнымъ крестьяниномъ—поэтомъ Шевченкой. Фетъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что, встрѣтивъ раза два „весьма неопрятную сѣрую смушковую шапку Шевченко" на окнѣ Тургеневской квартиры въ Петербургѣ, онъ готовъ былъ признать, что Иванъ Сергѣевичъ „n'était pas un enfant de bonne maison". Встрѣчаясь у того же Тургенева съ Писемскимъ, Фетъ ничего не нашелъ сообщить объ этомъ писателѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", какъ только то, что онъ, „плотно покушавши, дозволялъ себѣ громкую отрыжку". Несмотря на эту неумѣстную брезгливость, Фетъ до начала 60-хъ годовъ все же принадлежалъ скорѣе къ прогрессивному лагерю русскихъ писателей, чѣмъ къ представителямъ узкаго консерватизма. Въ 50-хъ годахъ его представительная фигура въ гвардейской уланской формѣ нерѣдко появлялась въ кружкахъ наиболѣе богатыхъ литераторовъ: Тургенева, Панаева, гр. Кушелева-Безбородко, кн. Одоевскаго и другихъ. Съ этими литературными дѣятелями сводилъ его главнымъ образомъ Тургеневъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго Фетъ находился въ то время. Иванъ Сергѣевичъ не давалъ проявляться одностороннимъ влеченіямъ своего друга, всячески сдерживалъ его, и Фетъ, подъ вліяніемъ искренняго участія Тургенева и къ его таланту, и къ его матеріальнымъ невзгодамъ въ то время, подъ обаяніемъ, наконецъ, привлекательной свѣтскости Ивана Сергѣевича, какъ бы стыдился идти въ разрѣзъ съ мнѣніями своего друга, какъ будто рѣшился таить свое про себя. „Современникъ" и „Отечественныя Записки" платили хорошія деньги за стихотворенія Фета. Такъ Некрасовъ давалъ по 25 руб. за каждое стихотвореніе; Краевскій, за помѣщеніе въ своемъ журналѣ перевода Одъ Горація, далъ Фету 1.000 руб. и 500 отдѣльныхъ оттисковъ. Уже этотъ одинъ фактъ обязывалъ нашего поэта къ сдержанности и осторожности.

Совсѣмъ не то сталъ проявлять Фетъ съ начала 60-хъ годовъ. Скрытые до сихъ поръ матеріальные и отчасти ретроградные инстинкты съ этого времени стали все сильнѣе и сильнѣе выбиваться наружу. Фетъ въ своихъ взглядахъ пересталъ стѣсняться; въ тонѣ его рѣчей появилась самоувѣренность; свои по-

ступки онъ готовъ былъ рекомендовать какъ образцы житейской мудрости. Что благопріятствовало этому? Женившись на дѣвушкѣ изъ состоятельной купеческой семьи Боткиныхъ въ 1857 г., Фетъ этимъ самымъ положилъ начало своему постепенному обогащенію. Ставъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ сказать, на свои ноги, онъ пересталъ нуждаться въ связяхъ съ литературными кружками, оказывавшими ему иногда довольно сильную денежную поддержку. Несмотря на то, что слава его, какъ поэта, достигла къ тому времени наибольшей высоты,—что въ свою очередь не могло не вліять на развитіе въ немъ извѣстной самоувѣренности,— несмотря на это, повторяемъ, въ литературной дѣятельности его скоро наступаетъ перерывъ. До 1877 г. онъ почти ничего не пишетъ, погруженный въ чисто практическія дѣла по сельскому хозяйству и по должности мирового судьи. На пробужденіе односторонникъ симпатій у Фета не мало вліялъ и Василій Боткинъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Съ 1863 г. въ воззрѣніяхъ автора „Писемъ объ Испаніи“ произошелъ довольно крутой переломъ, заставившій Тургенева выразиться въ письмѣ къ Анненкову, написанномъ послѣ смерти В. П. Боткина 5-го ноября (24-го октября) 1869 г., такъ: „Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любого прусскаго Junker'a или николаевскаго генерала... Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта“. Родственная связь его съ Фетомъ, перешедшая и въ тѣсныя дружескія отношенія, сильно содѣйствовала развитію узкаго консерватизма и матеріальныхъ влеченій нашего поэта. Сдерживающее вліяніе Тургенева исчезло послѣ того, какъ Фетъ неловко и неделикатно вмѣшался (1866 г.) въ распрю Ивана Сергѣевича съ его дядей — управляющимъ, о чемъ еще будемъ говорить дальше. Сближеніе Фета съ Катковымъ съ начала 70-хъ годовъ довершило дѣло. Какъ нарочно, изъ писателей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ и другихъ теченій, онъ въ серединѣ 60-хъ годовъ близко сошелся съ гр. Л. Толстымъ, который очень симпатично относился къ Фету. „Вы человѣкъ, — писалъ ему гр. Толстой 7-го ноября 1866 г.,—котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ *единаго* будетъ сытъ человѣкъ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 27-го іюня 1867 г., онъ писалъ Фету по поводу Тургеневскаго „Дыма“, ему не совсѣмъ понравившагося: „Еще одинъ кончилъ (т.-е. Тургеневъ). Желаю и надѣюсь, что никогда не

придетъ мой чередъ. И о васъ то же думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды — силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ и, ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса". Приведенныя строки тѣмъ большее имѣютъ значеніе, что написаны въ виду начавшагося перерыва въ литературной дѣятельности Фета. Тѣ же похвалы раздавались много и позднѣе. Въ письмѣ отъ 29-го апрѣля 1876 г., гр. Толстой называетъ, напр., Фета „рѣдкимъ, *настоящимъ* человѣкомъ".

Чтобы лучше уяснить себѣ послѣ всего вышеизложеннаго причину искренняго и продолжительнаго расположенія Толстого къ Фету, необходимо коснуться одной еще особенности въ характерѣ послѣдняго. Авторъ „Войны и Мира" высказалъ какъ-то разъ Фету: „Есть люди, которые на словахъ живутъ гораздо выше своей практической морали; но есть и такіе, которые живутъ ниже этого уровня; вы же до такой степени боитесь, чтобы проповѣдь ваша не была выше вашей практики, что вы преднамѣренно заноситесь съ нею гораздо ниже этого уровня". Даже въ самой манерѣ воспроизведенія прошлаго въ „Воспоминаніяхъ" Фета проскальзываетъ это не то невольное, не то предумышленное стремленіе, которое заставляетъ въ концѣ концовъ думать о человѣкѣ гораздо лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Это своего рода заигрываніе облекалось иногда въ чрезмѣрно наивныя формы, въ претензію выставить себя чуть ли не невиннымъ мальчикомъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ нему Тургенева (26-го февраля 1872 г.) читаемъ: „Прочтя ваше изумительное изреченіе, что „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ",—я воспылалъ лирическимъ паѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

Рѣшено! Ура! Виватъ!
Я—Шешковскій; Фетъ—Маратъ!
Я—презрѣнный вольтерьянецъ...
Фетъ—возвышенный спартанецъ!
Я—буржуй и доктринеръ;
Фетъ—ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста!"

Какъ бы то ни было, но подобная черта въ характерѣ Фета, его будто-бы преднамѣренное стремленіе развѣнчать свои достоин-

ства на словахъ или высказать по поводу этихъ достоинствъ наивность, въ родѣ шутливо воспѣтой Тургеневымъ, долго держала въ заблужденіи людей дѣйствительно простыхъ и чистыхъ душой, какими были его друзья: Тургеневъ, гр. Л. Толстой, умный и глубоко симпатичный братъ романиста—гр. Н. Н. Толстой, рано умершій отъ чахотки. Послѣдній, напр., усердно уговаривалъ Фета „окунуться съ головой въ практичность“ [1]), находя въ немъ недостатокъ въ послѣдней. Что тутъ сказать: Фетъ и непрактичность! Впрочемъ, и Тургеневъ, такой же мало-практичный человѣкъ, какъ и гр. Н. Н. Толстой, тоже долго былъ того же мнѣнія, даже шелъ дальше,—воображалъ, что онъ, И. С. Тургеневъ, практичнѣе Фета. Вотъ какъ онъ, напр., описывалъ Анненкову этотъ мнимый недостатокъ Фета по поводу перевода денегъ Ивану Сергѣевичу за границу (19-го ноября 1863 г.):

„Любезный П. В., плачевная исторія съ моими деньгами разыгралась, наконецъ, хотя не безъ значительнаго ущерба моимъ бокамъ. А именно: лирическій поэтъ Фетъ, получивъ деньги отъ моего дяди (3.500 р.), долгое время не посылалъ ихъ, все размышляя, какъ бы получше доставить ихъ въ Баденъ—такъ какъ *прямо* на Баденъ банкировъ нѣтъ (это историческое изреченіе принадлежитъ глубокомысленной конторѣ Боткиныхъ въ Москвѣ). Дѣйствительно, на Баденъ нѣтъ банкировъ, но въ Баденѣ есть ихъ цѣлая дюжина, которая съ жадностью караулитъ каждый вексель, будь онъ на Вальпарайзо, не только на Парижъ. Въ разсужденіяхъ своихъ, доходившихъ до Гордіева узла и до Сезострисса (собственныя слова его письма, которое я вамъ покажу), онъ остановился-было на Франкфуртѣ... но тамъ флорины... это, молъ, Тургеневу можетъ быть непріятно... (ей-Богу!). Такъ проходили дни—я изнывалъ, а въ Петербургѣ курсъ возьми да лопни. Тогда лирическій поэтъ Фетъ, совершенно потерявъ голову, бросился къ какому-то банкиру—по имени Воганъ или Вогау (на обоихъ векселяхъ написано разно)—и, павъ ему въ ноги, умолилъ его взять 100 рублей въ 350 франковъ (такой курсъ не былъ и въ крымскую войну!), на что тотъ согласился, такъ какъ въ то самое мгновеніе Ахенбахъ и другіе банкиры давали по 367-ми, и послалъ мнѣ деньги à trois mois de date, назвавъ меня при томъ Фюргюхеневымъ (m-r Furguheneff). Результатомъ всѣхъ этихъ Сезострисовыхъ соображеній была чистая потеря. Все это было бы смѣшно, когда бы не стоило денегъ.

[1]) „Воспоминанія“ Фета. I, 333.

Впередъ наука—не поручать денежныхъ дѣлъ лирическимъ поэтамъ"...

Бѣдный поэтъ, принужденный возиться съ презрѣннымъ металломъ!—подумаешь вмѣстѣ съ Тургеневымъ. А въ дѣйствительности вся бѣда вышла изъ-за непростительной небрежности Фета, какъ это обнаруживается изъ его „Воспоминаній". Другое дѣло В. П. Боткинъ; этотъ, какъ самъ весьма практичный и осторожный въ денежныхъ дѣлахъ человѣкъ, легко разбиралъ эти качества въ другихъ: Тургенева онъ иной разъ отъ души, до цинизма готовъ былъ презирать за его непрактичность, и безпрестанно, въ письмахъ своихъ къ Фету, восхвалялъ „практическій смыслъ" послѣдняго. Гр. Л. Толстой, кажется, до самаго 1878 года не замѣчалъ матеріализма Фета, поддаваясь мнимому старанію поэта развѣнчать свои достоинства въ своихъ „проповѣдяхъ". Мало того, въ практичности Фета онъ готовъ былъ видѣть даже нѣчто поэтическое: восхваляя, напр., одно изъ присланныхъ ему стихотвореній, гр. Толстой писалъ, между прочимъ, Фету (7-го декабря 1876 г.): „Хорошо тоже, что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 копѣекъ. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта".

Но главная причина продолжительной дружбы Ивана Сергѣевича съ Фетомъ заключалась не въ томъ обманчивомъ впечатлѣніи, о которомъ мы говорили выше, а въ поэтическомъ талантѣ послѣдняго. Несомнѣнный даръ художественнаго творчества, глубокій и въ то же время свѣтлый лиризмъ Фета—вотъ что въ сильной степени привлекало къ нему Тургенева. Трудно перечислить стихотворенія Фета, возбуждавшія особенное сочувствіе Ивана Сергѣевича. Достаточно указать на тотъ фактъ, что Тургеневъ съумѣлъ настолько заинтересовать Віардо поэзіей своего друга, что знаменитая пѣвица одно время не иначе называла Фета, какъ „c'est mon poète", и положила на музыку нѣсколько его стихотвореній: „Шопотъ, робкое дыханье"; „Тихая звѣздная ночь"; „Я долго стоялъ неподвижно"—и нѣкоторыя другія. „Что вы мнѣ пишете о Гейне,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева къ Фету (1856 г.),—вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его".

Любовь и уваженіе ко всякому литературному таланту сказывались у Тургенева прежде всего въ стремленіи возможно сильнѣе распространить въ публикѣ произведенія любимаго автора, затѣмъ въ возможномъ поощреніи, возбужденіи послѣдняго къ творчеству и, наконецъ, въ стараніи очистить произведенія этого

автора отъ недостатковъ безпристрастнымъ и внимательнымъ разборомъ ихъ. Первое, т.-е. возможно широкое ознакомленіе образованнаго общества съ произведеніями того или другого изъ любимыхъ авторовъ, удавалось Ивану Сергѣевичу чаще всего. Благодаря его стараніямъ, появились въ печати стихотворенія Тютчева; благодаря его усиленнымъ рекомендаціямъ, обратилъ на себя вниманіе западной Европы гр. Л. Толстой и другіе его современники. Поощрять, возбуждать къ дѣятельности Тургеневу удавалось сравнительно рѣже, но и тутъ можно указать на такіе блестящіе примѣры, какъ на „Семейную Хронику“ С. Аксакова, „Былое и думы“ Герцена; эти мемуары едва ли бы доведены были до конца безъ горячихъ поощреній и просьбъ со стороны Тургенева. Не всякій могъ выслушивать спокойно подробный и безпристрастный разборъ своихъ произведеній, и въ области дружественной критики Тургеневу везло меньше всего. Несмотря на значительную свою самоувѣренность, Фетъ допускалъ критическое отношеніе къ своимъ произведеніямъ, и Тургеневъ могъ проявлять свои симпатіи и уваженіе къ таланту Фета и въ этой области.

Съ первыхъ дней знакомства съ поэтомъ (іюнь 1853 г.), Тургеневъ проявилъ горячій интересъ къ его произведеніямъ, конечно, раньше еще ему извѣстнымъ. Въ то лѣто новые знакомые особенно много толковали и спорили о переводѣ Горація, предпринятомъ Фетомъ. Иванъ Сергѣевичъ, прекрасно знакомый съ латинскимъ языкомъ и римской литературой, въ общемъ ободрялъ переводъ, но нападалъ на устарѣлыя слова, употребляемыя Фетомъ, въ родѣ „перси“; особенно же доставалось Фету за такія выдумки, какъ „завой“ (завитокъ), „ухàніе“ (запахъ) и т. д. Иванъ Сергѣевичъ всячески старался ему доказать, что „ухàніе“ такъ же дико для слуха, какъ, напр., „получіе“ (отъ благополучія) [1]).

Провѣривъ изъ строки въ строку переводъ Горація, Тургеневъ всячески заботился о появленіи его въ печати. Такъ какъ къ серединѣ 50-хъ годовъ стихотворенія Фета, изданныя въ Москвѣ въ 1850 году, разошлись до послѣдняго экземпляра, Иванъ Сергѣевичъ сталъ настаивать на новомъ собраніи его стихотвореній. Онъ взялся за редакцію, пригласилъ къ себѣ въ сотрудники весь тогдашній литературный ареопагъ, и, благодаря такому дружному содѣйствію, въ 1856 году была вновь издана въ Петербургѣ книга стихотвореній Фета. „Почти каж-

[1]) См. переписку Тургенева съ Аксаковыми.

дую недѣлю стали приходить ко мнѣ (въ полкъ) письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій",—писалъ Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". „Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ",—вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло настолько же очищеннымъ, насколько и *изувѣченнымъ*". Послѣднее замѣчаніе Фета остается вполнѣ голословнымъ, особенно послѣ споровъ о такихъ словахъ, какъ „ухàніе", „завой" и т. д. Фетъ не приводитъ ни одного примѣра, гдѣ бы измѣненія въ его текстѣ портили, по его мнѣнію, то или другое стихотвореніе. Правда, онъ пробуетъ подтвердить свое мнѣніе ссылкой на тотъ, напр., фактъ, что многіе литераторы того времени невѣрно понимали его прелестное стихотвореніе:

„О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ"...

Но какъ разъ изъ этой ссылки Фета, изъ его словъ видно, что замѣчаніе это совсѣмъ не могло относиться къ Тургеневу. Да и помимо того, невѣрное объясненіе этого стихотворенія не повлекло же за собой попытку его „изувѣчить".

Въ подтвержденіе же того факта, что Тургеневъ дѣйствительно много способствовалъ очищенію и выправленію произведеній Фета, мы найдемъ въ „Воспоминаніяхъ" послѣдняго не мало данныхъ. 27-го декабря 1858 года, Иванъ Сергѣевичъ писалъ, напр., Фету: „Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ (изъ Шенье), но пускай меня „на площади трехвостникомъ дерутъ" —не могу признать хорошими стиховъ вродѣ:

Иль тотъ, кто зародясь плѣнять богинь собою
Изъ нѣдра Мирры шелъ, одѣтаго корою,

и предлагаю уже кстати прибавить къ нимъ слѣдующіе два въ томъ же родѣ:

Въ чей, пріосанясь зракъ,—видъ устъ принявъ живой,
Прелестницъ,—взоръ полнъ нѣгъ—игривъ вперяетъ рой".

Или, напримѣръ, въ письмѣ своемъ, отъ 25-го января 1864 года, онъ настаиваетъ, чтобы въ стихотвореніи Фета на смерть Дружинина былъ исправленъ стихъ:

„Ты чистымъ донесенъ въ могилу",

такъ какъ доносятъ *до*, а не *въ*. И въ позднѣйшихъ изданіяхъ мы читаемъ этотъ стихъ уже такъ:

„Ты чистымъ унесенъ въ могилу".

Точно такъ же Фетъ исправилъ послѣднюю строфу своего стихотворенія: „Тополь“, по указанію Ивана Сергѣевича, гдѣ первоначально были „сиротки риѳмы“, по выраженію Тургенева: „споря“ и „не увялъ“. Мы, конечно, приводимъ здѣсь лишь немногіе примѣры, взятые на удачу. Но Тургеневъ вліялъ не столько, впрочемъ, на отдѣлку стиха, на чистоту и правильность языка Фета, сколько на выборъ имъ сюжетовъ для поэтическихъ работъ. Иванъ Сергѣевичъ не только настоялъ, чтобы *весь* Горацій былъ переведенъ Фетомъ,—онъ рекомендовалъ ему Проперція, Катулла, Тибулла (письма 5-го ноября 1860 г. и 2-го января 1861 г.), переводомъ которыхъ Фетъ и занялся впослѣдствіи. Не пропала также рекомендація Тургенева Энеиды Виргилія. „Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Виргиліѣ“,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ Фету 13-го сентября 1873 года.—„Постройки, характеры и проч. его Энеиды не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ,—онъ не только поэтъ, но смѣлый новаторъ и романтикъ“. Фетъ переводилъ по указаніямъ Тургенева и позднѣйшихъ поэтовъ: Гафиза, Шекспира. Книжку стихотвореній Гафиза, напр., Иванъ Сергѣевичъ подарилъ Фету въ 1859 году и, получивъ отъ него переводъ 35 стихотвореній, вмѣстѣ съ Анненковымъ и Дружининымъ подробно занялся разборомъ перевода. Результатомъ было помѣщеніе 24 стихотвореній въ „Русскомъ Словѣ“ 1866 г. (книга 2-ая). Но не одинъ поэтическій талантъ Фета привлекалъ къ себѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что талантъ этотъ, въ глазахъ Ивана Сергѣевича, померкъ съ конца 60-хъ годовъ. „Фетъ очень умно поступитъ, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и броситъ писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“... „Фетъ выдохся до послѣдней степени“,—вотъ что̀ читаемъ, напр., въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ Полонскому 1868 года.

Фетъ былъ страстный охотникъ и въ каждый пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Спасское былъ неизмѣннымъ его товарищемъ во всякихъ охотничьихъ экскурсіяхъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ поэтъ удѣляетъ много страницъ описанію совмѣстныхъ охотъ съ Тургеневымъ, и эти страницы являются лучшими, по теплотѣ чувства, въ его мемуарахъ. Понятно, какъ сильно эта страсть Фета подкупала Ивана Сергѣевича, какъ ко многому заставляла быть снисходительнѣе; письма Тургенева къ Фету на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ этомъ. Въ охотничьи мѣсяцы Иванъ Сергѣевичъ подробно пишетъ Фету о своихъ успѣхахъ, о количествѣ убитой дичи и т. д. „Я успѣлъ быть до болѣзни

семь разъ на охотѣ,—пишетъ онъ, напр., изъ Бадена въ письмѣ отъ 24-го августа 1866 года;—въ 1-ый разъ ухлопалъ три куропатки и 2 зайца; во 2-ой разъ—6 куропатокъ и 5 зайцевъ; въ 3-ій—8 куропатокъ и 3 зайца; въ 4-ый—11 куропатокъ, 5 зайцевъ и 1 перепела; въ 6-ой—9 куропатокъ; въ 7-ой—14 куропатокъ, 4 фазановъ, 4 зайцевъ и 1 перепела=81 штука. Это неогромно, но и не дурно. Что-то будетъ дальше? Охота только-что начинается. Песъ у меня все тотъ же, превосходнѣйшій; ружье я себѣ завелъ новое, отличное, и сталъ я стрѣлять чрезвычайно удовлетворительно,—рѣдко даю промахъ. Проклятая болѣзнь лишила меня по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ хорошихъ охотъ. Мы съ Віардо наняли очень порядочную новую охоту". Но еще съ бо́льшимъ сочувствіемъ вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ письмахъ къ Фету различные эпизоды и моменты охотничьихъ экскурсій на родинѣ. „Сегодня Петровъ день, любезнѣйшій А. А.,—писалъ Тургеневъ изъ Содена въ 1860 году,—Петровъ день и я не на охотѣ! Воображаю себѣ васъ съ Борисовымъ, съ Аѳанасіемъ, со Снобомъ, Весной и Дон-Даномъ на охотѣ въ Полѣсьѣ. Вотъ поднимается черныш̀ъ изъ куста—трахъ! закувыркается̀ о-земь краснобровый... или удираетъ вдаль къ синѣющему лѣсу, рѣзко дробя крыльями, и глядитъ ему вслѣдъ и стрѣлокъ, и собака... не упадетъ ли, не свихнется ли... Нѣтъ, чешетъ, разбойникъ, все далѣе и далѣе, закатился за лѣсъ,—прощай!" Въ другомъ письмѣ читаемъ, напр.: „А взлетъ вальдшнеповъ въ почти уже голой осиновой рощицѣ... Ей Богу, даже досада беретъ! Здѣсь я охотился скверно, да и, вообще, что за охота во Франціи!? Но вы насмо́тритесь на меня и на моего Фламбо будущею весной въ болотѣ на дупелей или на бекасовъ.—Тубо!.. Тубо!.. А самъ безъ нужды бѣжишь и едва духъ переводишь. Тубо! ну, теперь близко... фррр... екъ! екъ! бацъ! бацъ!—и подлецъ бекасъ, замѣнившій степного дупеля, валится мгновенно, бѣлѣя брюшкомъ"...

Какое рѣшающее значеніе ни имѣли бы для Тургенева поэтическій даръ и страсть къ охотѣ, не нужно забывать, что сочувствіе къ Фету, сердечное участіе къ нему вызывалось у Ивана Сергѣевича и тѣмъ нѣсколько ложнымъ положеніемъ, какое занималъ его другъ въ семьѣ и въ обществѣ. Единственный, можетъ быть, художникъ, такъ тонко понимавшій психологію незаконнорожденныхъ (вспомнимъ „Асю", „Сонъ", Нежданова), Тургеневъ не могъ не относиться съ особенной теплотой къ Фету. Къ сожалѣнію, противоположность натуръ, непримиримость симпатій должны были сказаться, несмотря на все это, несмотря,

конечно, и на то, что отъ „проповѣдей“ Фета получалось такое впечатлѣніе, будто онъ умышленно развѣнчиваетъ свои достоинства.

Главный и безконечный, хотя въ общемъ и безобидный споръ происходилъ между друзьями по поводу сознательнаго и безсознательнаго творчества. Фетъ въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, по его признанію, „мало цѣнилъ разумъ въ сравненіи съ безсознательнымъ инстинктомъ (вдохновеніемъ), пружины котораго для насъ скрыты“. Онъ „никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо помимо красоты“, т.-е. чтобы оно могло интересоваться современностью, текущими явленіями общественной жизни и т. д. Всякое участіе разума въ художественномъ творчествѣ только понижало, такъ сказать, результаты послѣдняго, лишало произведеніе искусства той поэзіи и красоты, которыя составляютъ его необходимую принадлежность. Если, наконецъ, искусство начнетъ интересоваться чѣмъ-либо помимо красоты, оно переходитъ въ политику, превращается въ публицистику. Болѣе подробно Фетъ не излагаетъ своей теоріи, да и едва ли бы съумѣлъ сдѣлать это, несмотря на неоднократныя свои заявленія, что въ дѣлѣ „формальнаго, математическаго и философскаго ума“ онъ во многомъ превосходитъ своего антагониста Тургенева, несмотря на способность свою къ смѣлымъ обобщеніямъ, въ родѣ изложенныхъ на страницѣ 160-й перваго тома его воспоминаній, гдѣ читаемъ: „Не даромъ Фаустъ, объясняя Маргаритѣ сущность міроздания, говоритъ: „Чувство—все“. Это чувство присуще даже неодушевленнымъ предметамъ. Серебро чернѣетъ, чувствуя приближеніе сѣры, магнитъ чувствуетъ близость желѣза и т. д.“. Какъ бы то ни было, эстетическая теорія Фета гораздо болѣе выясняется намъ изъ писемъ Тургенева, чѣмъ изъ собственныхъ признаній поэта. Къ письмамъ мы и должны прежде всего обратиться, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ прекрасно можно увидать и необходимые намъ взгляды Ивана Сергѣевича на тотъ же вопросъ.

Въ письмѣ Тургенева, отъ 4-го февраля 1862 г., читаемъ: „Я говорю, что художество—такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „Здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только

себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче; а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! Маршъ! стой, ровняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, ровняйсь!“—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно“. Въ письмѣ, отъ 5 марта того же года, Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ: „Я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно однихъ и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычайвсякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

„C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau“.

„Вотъ и *Мининъ* [1]) не вытанцовался по причинѣ ума, а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садись?* А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ,—умъ могъ бы помѣшать этому, а ужъ никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтеніи моей новой повѣсти („Отцы и Дѣти“), которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишете уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ“.

Иванъ Сергѣевичъ не ошибся: Фету новая повѣсть Тургенева дѣйствительно не понравилась, и ея недостатки онъ приписалъ „тенденціи, рефлексіи, уму, однимъ словомъ“, какъ читаемъ въ отвѣтномъ письмѣ романиста на критику Фета. „Скажу вамъ одно,—отвѣчалъ Тургеневъ:—что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы и странно, и смѣшно“. 10-го октября 1865 г., Тургеневъ писалъ Фету изъ Бадена: „Повторяю вамъ мою старую пѣсню: „Поэтъ, будь свободенъ! Зачѣмъ ты относишься подозрительно и чуть не презрительно къ одной изъ неотъемлемыхъ способностей человѣческаго мозга, называя ее *ковыряніемъ*, раз-

[1]) Драма Островскаго.

судительностью, отрицаніемъ,—критикѣ? Я бы понималъ тебя, еслибъ ты былъ ортодоксъ, или фанатикъ, или славянофильствующій народолюбецъ,—но ты поэтъ, ты вольная птица, и твоему гармоническому носу неприлично свистать въ эту старую, Жанъ-Жакъ-Руссовскую, лженатуральную и всякими пошлыми слюнями загаженную дудку. Ты чувствуешь потребность лирическихъ изліяній и дѣтской радостной вѣры—качай! Ты желаешь подъ каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, какъ орѣхъ—валяй! Главное, будь правдивъ съ самимъ собою и не давай никакой, даже собственнымъ иждивеніемъ произведенной системѣ осѣдлать твой благородный затылокъ! Повѣрь: въ постоянной боязни *разсудительности* гораздо больше именно этой разсудительности, передъ которой ты такъ трепещешь, чѣмъ всякаго другого чувства. Пора перестать хвалить Шекспира за то, что онъ, молъ, дуракъ; это такой же вздоръ, какъ утверждать, что россійскій крестьянинъ между двумя рыготинами сказалъ, какъ бы во снѣ, послѣднее слово цивилизаціи. „Das ist eitel Larifari!“ —говорятъ мои друзья нѣмцы. Вотъ вамъ, душа моя, profession de foi,—для васъ, впрочемъ, не новая, дѣлайте изъ нея, что̀ хотите“.

Въ письмахъ послѣдующихъ годовъ затрагивается этотъ вопросъ съ неменьшей энергіей фразы и съ неменьшей фактической убѣдительностью, но „старый споръ“ не подвинулся въ своемъ рѣшеніи ни на волосъ. Прекрасное résumé этихъ безконечныхъ преній даетъ Тургеневъ въ своемъ предисловіи къ изданію своихъ романовъ 1880 года (Изд. „Нивы“, т. II).

„Не могу кстати не высказать своего мнѣнія о „безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ“, о „предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ“, о „пользѣ объективности, непосредственности и наивности“, обо всѣхъ этихъ „жалкихъ“ словахъ, которыя, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они ни исходили, всегда казались мнѣ общими мѣстами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишкомъ многіе принимаютъ за настоящую. Всякій писатель, не лишенный таланта (это, конечно, первое условіе), всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни; всякій читатель имѣетъ право судить, насколько онъ въ этомъ успѣлъ, и гдѣ ошибся; но кто имѣетъ право указывать ему, какія именно впечатлѣнія годятся въ литературу, и какія нѣтъ? Коли онъ правдивъ—значитъ онъ правъ; а коли у него нѣтъ таланта—никакая „объективность“ ему не поможетъ. У насъ

теперь развелись сочинители, которые сами почитаютъ себя „безсознательными творцами“—и выбираютъ все жизненные сюжеты, а между тѣмъ насквозь проникнуты именно этой злополучной „тенденціей“. Всѣмъ извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ образами*; это изреченіе совершенно неоспоримо и вѣрно,—но на какомъ основаніи? Вы, его критикъ и судья, дозволяете ему образно воспроизводить картину природы, что ли, народную жизнь, цѣльную натуру (вотъ еще *жалкое* слово!); а коснись онъ чего-нибудь смутнаго, психологически-сложнаго, даже болѣзненнаго, особенно если это не частный фактъ, а выдвинуто изъ глубины нѣдръ своихъ тою же самой народной, общественной жизнью,—вы кричите: стой! это никуда не годится; это—рефлексія, предвзятая идея, это—политика! публицистика! Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ—глазами поэта. Въ дѣлѣ искусства вопросъ: какъ?—важнѣе вопроса: что? Если все отвергаемое вами—*образомъ*, замѣтьте: *образомъ*—ложится въ душу писателя—то съ какой стати вы заподозриваете его намѣренія, почему выталкиваете его вонъ изъ того храма, гдѣ на разубранныхъ алтаряхъ возсѣдаютъ жрецы „безсознательнаго“ искусства, на алтаряхъ, передъ которыми курится ѳиміамъ, часто зажженный собственными руками этихъ самыхъ жрецовъ? Повѣрьте: талантъ настоящій—никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе—онъ является ея *сосредоточеннымъ отраженіемъ*; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ концовъ—это ниже его. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу—могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ“.

Несмотря на то, что споры о сознательномъ и безсознательномъ творчествѣ принимали между Тургеневымъ и Фетомъ иной разъ довольно рѣзкую форму, они не заключали въ себѣ ничего разобщающаго, были въ сущности довольно безобидны. Разойтись пріятелямъ пришлось вслѣдствіе столкновеній по другимъ вопросамъ,—по вопросамъ, разрѣшавшимся главнымъ образомъ реформами царствованія императора Александра II. Насколько къ послѣднимъ горячо и сочувственно относился Тургеневъ, настолько несимпатично—Фетъ. Съ 1861 года Фетъ, какъ будто, спѣшилъ вознаградить себя за продолжительную

сдержанность по вопросамъ общественнымъ и иной разъ съ непріятнымъ упорствомъ затрагивалъ наиболѣе чувствительныя стороны Тургеневскаго міровоззрѣнія. Съ момента крестьянской реформы и начинаются разочарованія Ивана Сергѣевича въ своемъ другѣ. Наканунѣ реформы Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: „Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ". А Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" признается, что ограничился тогда „совершенно дѣтскимъ любопытствомъ", не касаясь вовсе тѣхъ вопросовъ насчетъ „всенароднаго значенія событія", какіе волновали другихъ. Можетъ быть, недовольство реформой лишь скрывалось Фетомъ подъ маской младенческаго невѣдѣнія добра и зла, а можетъ быть онъ говоритъ и совершенную правду. Во всякомъ случаѣ, Тургеневу не могло быть по сердцу такое пассивное отношеніе къ великой реформѣ.

Достаточно извѣстно, какое рѣшающее значеніе придавалъ Тургеневъ народному образованію, какъ горячо хлопоталъ онъ для этого, напр., о распространеніи и практическомъ осуществленіи обширнаго своего проекта обученія грамотѣ народа, составленнаго имъ въ 1860 году вмѣстѣ съ гр. Н. Ростовцевымъ, гр. А. Толстымъ, Мордвиновымъ, В. П. Боткинымъ и др. на островѣ Уайтѣ. Понятно, поэтому, какъ обидно было слышать ему, въ отвѣтъ на свои мысли, разсужденія Фета, что, молъ, воздѣйствовать на народную массу, грамотностью—все равно, что „буравить ее первымъ попавшимся въ руку гвоздемъ", или равносильно тому, чтобы „гнать всѣхъ поголовно отъ сохи" [1]). Не удивительно, что послѣ такихъ споровъ Тургеневъ, въ письмѣ отъ 30-го августа 1862 года, полушутливо назвалъ его „закоренѣлымъ и остервенѣлымъ крѣпостникомъ, консерваторомъ и поручикомъ стариннаго закала". Никакъ не могли столковаться пріятели и о многихъ сторонахъ крестьянскаго быта и хозяйства, съ которыми Фетъ сталкивался въ качествѣ мирового судьи и помѣщика въ 60-хъ годахъ. „Вотъ вы,—писалъ Тургеневъ ему, 29-го ноября 1869 года,—изъ того факта, что вы хотите заключать контракты только съ міромъ, а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука вещи прелестныя... Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука очень выгодны *для помѣщика*, для власти, для другого, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ субъектовъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! Оказывается, что

[1]) „Воспоминанія", I ч., стр. 398—9.

больно невыгодны, да такъ, что, разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ*". Черезъ мѣсяцъ онъ писалъ Фету по поводу тѣхъ же вопросовъ: „На васъ не дѣйствуютъ жестокія слова: „Европа, пистолетъ, цивилизація"; зато дѣйствуютъ другія: „Русь, гашникъ, ерунда"; у всякаго свой вкусъ. Душевно радуюсь преуспѣянію вашего крестьянскаго быта, о которомъ вы повѣствуете, и ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ *паръ*, который, по-вашему, такъ необходимъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ, и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или въ прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь".

Еще болѣе чувствовалъ Тургеневъ свою рознь съ Фетомъ по вопросамъ о значеніи литературы и литераторовъ въ Россіи. Фету не нравилось званіе литератора; онъ радовался, что настоящее его имя (Шеншинъ) устранено отъ соприкосновенія съ литературой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не существуетъ бѣдныхъ, нуждающихся литераторовъ, онъ вышелъ изъ „Литературнаго Фонда", членомъ-учредителемъ котораго числился, пока считалъ нужнымъ скрывать истинныя свои симпатіи. Все это обижало Тургенева, и онъ возражалъ ему въ письмахъ: „Что вамъ не нравится званіе „литераторъ", это вашъ конекъ, а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему, „литераторъ" такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ „сапожникъ" или „пирожникъ". Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже"... „Вы напрасно благодарите судьбу, — писалъ ему Иванъ Сергѣевичъ въ другой разъ,—устранившую ваше имя отъ соприкосновенія съ нынѣшней литературой; ваши опасенія лишены основанія: какъ Фетъ, вы имѣли имя; какъ Шеншинъ, вы имѣете только фамилію"... „Ваши отзывы о нашихъ собратьяхъ русскихъ литераторахъ,— читаемъ въ письмѣ Тургенева, отъ 4-го февраля 1870 года,—о нашемъ бѣдномъ Обществѣ, говоря безъ прикрасъ, возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, если бы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ!.." Пререканія по поводу „Литературнаго Фонда" между Тургеневымъ и Фетомъ были особенно остры. Всѣмъ извѣстно, какъ безкорыстно и много потрудился Иванъ Сергѣевичъ на пользу „Общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ"; онъ не могъ поэтому оставлять безъ возраженій несправедливыя и раздражительныя сужденія Фета объ этомъ учрежденіи. „Вы пишете, что, „не шутя, не

знаете ни одного бѣднаго литератора",—читаемъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Фету, отъ 8-го января 1872 года.—„Это происходитъ отъ того, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аѳанасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутся мракомъ забвенія. Вотъ на какіе случаи и полезенъ нашъ бѣдный, вами столь презираемый, фондъ"... Въ письмѣ, отъ 29-го марта того же года, Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ: „Что касается до Аѳанасьева, то позвольте вамъ замѣтить, что вы не довольно ясно даете себѣ отчетъ о подраздѣленіяхъ литературы на такъ-называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что̀ еще вѣрнѣе, вы сознаете это подраздѣленіе, но цѣните одну беллетристику, да еще какую—поэзію! Но наше общество основано именно для литераторовъ, пользу которыхъ вы съ трудомъ признаете, и безъ которыхъ пришлось бы плохо дѣлу просвѣщенія. Вотъ отъ того-то мы и заботимся объ обезпеченіи этихъ самыхъ литераторовъ отъ голода, холода и прочихъ гадостей"... Но Иванъ Сергѣевичъ совершенно напрасно старался доказывать необходимость матеріальной поддержки бѣднымъ литераторамъ, доказывать человѣку, убѣжденному, что современную ему литературу нужно скорѣе всячески обуздывать, чѣмъ поощрять. Фетъ признается, что въ Спасскомъ, въ томъ самомъ Спасскомъ, куда сосланъ былъ Иванъ Сергѣевичъ, какъ литераторъ, на вопросъ гостившаго у Тургенева въ 1870 году англичанина Ральстона,—строга ли наша цензура?—преспокойно отвѣчалъ: „цензура наша существуетъ только по имени, и дозволяется печатать все, что̀ придетъ въ голову" [1]). Что это не было краснымъ словцомъ со стороны Фета, можно видѣть хоть изъ слѣдующихъ строкъ Тургеневскаго письма къ нему, отъ 21-го августа 1873 года: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возъимѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы" получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ". Всѣ эти странности Фета Иванъ Сергѣевичъ приписывалъ главнымъ образомъ вліянію Каткова, о чемъ и высказывалъ поэту иной разъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ. „Я однако выпесъ убѣжденіе изъ всей пѣны и хлюпанья вашихъ рѣчей, — пишетъ онъ, напримѣръ, въ одномъ

[1]) „Воспоминанія", II, 217.

письмѣ 1870 года,—что М. Н. Катковъ заслуживаетъ бронзовой статуи. „Ну и пущай!“—какъ говоритъ одинъ герой Островскаго“.

Но какъ бы ни разнились взгляды и симпатіи Фета и Тургенева, послѣдній до тѣхъ поръ не порывалъ связей съ поэтомъ, пока не замѣтилъ явнаго недоброжелательства къ себѣ со стороны поэта. Это недоброжелательство поднялось послѣ разрыва Ивана Сергѣевича съ дядей-управляющимъ, въ 1866 году. Фетъ, вѣроятно, не вѣдая всей неопрятности поступковъ дяди, или изъ страннаго упрямства, которое на него находило иногда, не желая замѣчать того, горой сталъ на сторону Ник. Ник. Тургенева, не обнаруживая, впрочемъ, передъ племянникомъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, истинныхъ своихъ симпатій. По поводу распри дяди съ племянникомъ Фетъ устроивалъ третейскіе суды, впутывалъ въ дѣло постороннихъ лицъ и т. д., старательно, впрочемъ, скрывая отъ Ивана Сергѣевича свою *активную* роль въ этомъ дѣлѣ. Фетъ не скоро бросилъ старика Николая Николаевича, и бросилъ лишь тогда, когда замѣтилъ, что рѣшительно всѣ, даже люди недружелюбно относившіеся къ Ивану Сергѣевичу, признали неодобрительность поведенія дяди-управляющаго. Иванъ Сергѣевичъ не узналъ всей неблаговидной роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ Фетъ, но послѣдній съ той поры началъ питать къ Тургеневу тайную вражду, вполнѣ обнаружившуюся значительно позднѣе.

Въ концѣ 1874 года, Фетъ получилъ отъ Тургенева письмо изъ Парижа, помѣченное 29-мъ числомъ ноября, слѣдующаго содержанія:

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо ((Я. П.) Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ: „Фетъ (Шеншинъ) распустилъ про тебя, будто ты въ свой послѣдній пріѣздъ говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, порученными надзору и попеченію Ф. Ш.) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича у кн. М—каго тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ тою же ссылкой на Ф. Ш.“ Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ и Петей [1]) и зная вашу охоту къ преувеличенію и прочія привычки, говорю вамъ безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произ-

[1]) Борисовымъ, сыномъ близкаго пріятеля Ивана Сергѣевича.

несли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ raison d'être.

„Откланиваюсь вамъ не безъ нѣкотораго чувства печали, которое относится, впрочемъ, исключительно къ прошедшему, желаю вамъ всѣхъ возможнымъ благъ и преуспѣянія въ обществѣ гг. Маркевичей, Катковыхъ и т. п.“.

Въ отвѣтъ на это письмо Фетъ разразился цѣлыми обвиненіями, воспроизведенными дословно Тургеневымъ позднѣе въ „Нови“ въ слѣдующихъ словахъ Паклина: „Былъ у меня пріятель, и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... „Представьте“, кричитъ,—„какую о васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной — и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды. — Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить! И что же? Годъ спустя, разссорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!..“ и т. д. и т. д. Вотъ каковы пріятели!“

Въ этомъ дословномъ воспроизведеніи отвѣтнаго письма Фета Тургеневъ пропустилъ еще два обвиненія: будто Иванъ Сергѣевичъ швырялъ оскорбленіями въ лицо гр. Толстому и отличался „позорнымъ искательствомъ“ передъ молодежью. Въ подтвержденіе послѣдней истины Фетъ написалъ Тургеневу, какъ Кетчеръ встрѣтилъ однажды поэта „своимъ громогласнымъ „ха-ха-ха!“ и восклицаньемъ: „два раза издавалъ я сочиненія Тургенева и два раза вычеркивалъ ему его постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ. Нѣтъ-таки, напечаталъ, и съ той поры ко мнѣ не является: знаетъ, что обругаю“. Все это Фетъ объяснялъ самой позорной слабохарактерностью Тургенева. Фетъ не объяснилъ, впрочемъ, что собственно вычеркнулъ Кетчеръ, и что все же, будто бы, Тургеневъ напечаталъ. Объ этомъ настоящую правду узнаёмъ изъ слѣдующихъ строкъ письма Тургенева къ Анненкову отъ $^{4}/_{16}$ декабря 1869 года, по поводу послѣдняго изданія повѣстей Ивана Сергѣевича. „Самая непріятная опечатка стоитъ на стр. XCIV, строка 8-я сверху: вмѣсто „я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія“ (Базарова), стоитъ: „я раздѣляю почти его убѣжденія“. Я подозрѣваю, что Кетчеръ (корректоръ) съ

умысломъ, „меня жалѣючи“, пропустилъ *всѣ*, и вышла безграмотная фраза, падъ которой гг. Антоновичи будутъ, пожалуй, точить свои зубки: „И тутъ, молъ, сробѣлъ!“ Но Фету нужно же было хорошенько напасть на Тургенева!

Что касается факта, приводимаго письмомъ Я. Полонскаго, то нашъ поэтъ въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что Тургеневъ выдумалъ эти строки, такъ какъ, молъ, Полонскій позднѣе говорилъ ему, Фету, будто онъ и не думалъ писать Ивану Сергѣевичу ничего подобнаго; о разговорѣ же Тургенева съ молодыми людьми Фетъ говорилъ лишь у Каткова такъ, что Иванъ Сергѣевичъ обратился къ нимъ съ рѣчью: „Je vous félicite, messieurs, en votre qualité de lycéens [1]). Le gouvernement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts“.

Послѣ вышеприведеннаго нами отвѣта Тургенева на письмо Фета, послѣ черезчуръ смѣлыхъ обвиненій Ивана Сергѣевича въ „постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ“, не трудно вмѣстѣ съ Тургеневымъ повѣрить, что Фетъ „дѣйствительно произнесъ слова, которыя ему приписываютъ“.

Четыре года спустя послѣ ссоры Фета съ Иваномъ Сергѣевичемъ, послѣдній получилъ отъ гр. Л. Н. Толстого письмо съ просьбой примириться и забыть происшедшее между двумя представителями русскаго романа. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на Фета, который тоже послалъ извинительное письмо Ивану Сергѣевичу, „очень милое“, какъ сообщалъ Тургеневъ, „хоть и не совсѣмъ ясное, съ цитатами изъ Канта“. Дружескія отношенія вновь завязались, но это была уже не прежняя дружба. Иванъ Сергѣевичъ тщательно избѣгалъ затрагивать всѣ тѣ струнки, всѣ тѣ вопросы, которые повели въ свое время къ разрыву. Сдержанное, мягкое, по возможности ласковое обращеніе съ прежнимъ другомъ, проявившееся-было въ первое время послѣ примиренія, вскорѣ замѣнилось холодностью. Въ письмахъ къ друзьямъ появились довольно рѣзкія замѣчанія по адресу Фета: „Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ, — и съ пользой для литературы; а Фетъ Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіи, что только пузыри пускаетъ — и пузыри неблаговонные“... Такъ писалъ Тургеневъ Полонскому 16-го сентября 1879 года, а 26-го января 1881 года онъ писалъ ему же: „Меня не удивляетъ то, что Фетъ тебя не посѣтилъ. Да и вообще Фета давно на свѣтѣ

[1]) Каткова.

нѣтъ, а остался какой-то кисляй, по прозвищу Шеншинъ, которому только и жить, что на славянофильскихъ заднихъ дворахъ".

Не скоро найдется въ обширной литературѣ мемуаровъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ болѣе раздражительное, недоброжелательное отношеніе къ Тургеневу, чѣмъ то, какое представляютъ въ себѣ „Воспоминанія" Фета.

Н. Гутьяръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Разсвѣта нѣжная пора...
Такъ мягокъ воздухъ, краски свѣжи...
Пустынныхъ заводей Днѣпра
Отлогій берегъ; лодки, мрежи...
Вокругъ чарующій просторъ,
Съ прозрачнымъ небомъ дали слиты;
Оттѣнена лазурь озеръ
Цвѣтами, зеленью ракиты.
Въ туманѣ легкомъ голубомъ
Еще луга и рощи тонутъ.
Все тихо; только надъ Днѣпромъ,
Объятымъ дрёмой, чайки стонутъ.
Въ ихъ стонахъ—горькая печаль,
И скорби въ ихъ рыданьяхъ много...
О чемъ? Былого ли имъ жаль?
Иль о грядущемъ ихъ тревога—
Когда одни лишь небеса
Сіять здѣсь будутъ беззаботно,
Но сгибнетъ дикая краса
Земли и водъ безповоротно?
И тишину заглушатъ гулъ
И свистъ отъ дымныхъ зданій, башенъ,
И осквернитъ ее разгулъ,—
Неукротимъ и безшабашенъ?
Утратятъ чайки свой пріютъ,
Гдѣ царство мира и отрады,
Гдѣ въ водахъ шумно заснуютъ
Судовъ угрюмыя громады?..

И чайки плачутъ... Но давно
Судьбой поставлено рѣшенье,
Что созиданью суждено
Нести съ собою разрушенье...

ПЛОВЕЦЪ.

— Прибило къ берегу твой челнъ...
Сѣдой морякъ, чела не хмурь:
Здѣсь ты вдали отъ грозныхъ бурь,
Отъ ненасытной стаи волнъ
И надъ тобой ясна лазурь.

На землю твердую сойди,
Она зыбучихъ водъ вѣрнѣй.
Довольно грозъ, ненастныхъ дней;
Твоей истерзанной груди
Вздохнуть дай шире и полнѣй!

Коварно море! Сколько разъ
Вступалъ ты съ нимъ въ неравный бой;
Зіяла бездна подъ тобой,
Стояла смерть у самыхъ глазъ—
И падалъ ницъ ты предъ судьбой...

Уже ветха твоя ладья,
Измѣнчивъ ложный твой кумиръ...
Пора извѣдать жизни пиръ.
Душа мятежная твоя
Пусть обрѣтетъ отрадный миръ...

Но ты суровъ, но ты угрюмъ,
Какъ въ океанѣ бурномъ ночь;
Не въ силахъ муки превозмочь
И подъ наитьемъ гордыхъ думъ,—
Безумецъ!—ты уходишь прочь!

Зачѣмъ бѣжишь отъ счастья ты?..—
Но властно онъ махнулъ рукой
Съ улыбкой, дышущей тоской:

— Нѣтъ! счастья чужды мнѣ мечты,
Презрѣлъ я мертвенный покой.

Пускай я старъ, пускай я сѣдъ,
Но въ жаркомъ сердцѣ пышетъ кровь,
Еще сильна къ борьбѣ любовь;
Я жажду бѣдъ, я жду побѣдъ—
И поплыву отважно вновь...

И буду плыть я до конца...
Впередъ, мой челнъ! Спѣши, спѣши!
Мнѣ ненавистна жизнь въ тиши,
Какъ ненавистны для пѣвца
И мысли плѣнъ, и сонъ души...

ОЖИДАНІЕ.

Напитанъ сокрытой, но жгучей бѣдой
Удушливый воздухъ, густой, раскаленный;
Встревоженный чѣмъ, въ листвѣ молодой
Не слышится шопотъ влюбленный.

Недобрымъ предчувствіемъ въ мигъ смущены,
Напѣвъ свой прервали веселыя птицы,
И царство настало нѣмой тишины,
Владычество злой чаровницы.

И жизнь, что̀ кипѣла, застыла въ лѣсу,
И самъ онъ туманится думой глубокой;
Онъ сильно страшится утратить красу—
Подарокъ весны-свѣтлоокой...

Какъ будто бы къ небу онъ вѣтви простеръ,
Прося на тревожныя думы отвѣта,—
Но лютъ небеса, запылавъ, какъ костеръ,
Потоки зловѣщаго свѣта.

Все глухо. Невѣдомый трепетъ кругомъ;
Испугомъ подавленнымъ дышетъ и поле—

И вѣжды предъ тайно грядущимъ врагомъ
Природа сомкнула въ неволѣ.

А зной все властнѣе... За мертвой рѣкой
Закутались горы дымящейся мглою...
И мнится,—оттуда съ простертой рукой
Врагъ смотритъ съ улыбкою злою.

И небо, и воды, и поле, и лѣсъ,
Какъ воинъ, предвидящій жаркую битву,
Какъ вѣры заступникъ, просящій чудесъ,
Беззвучную шепчутъ молитву:

„Пусть недругъ жестокій нагрянетъ скорѣй,
Затмитъ небеса безпросвѣтною тучей,
Распуститъ крылатые змѣи огней,
Свободу дастъ бурѣ летучей;

Пусть вихрь ненасытный и мечетъ, и рветъ,
Губительной жаждою власти объятый;
Ударятъ съ далекихъ небесныхъ высотъ
Немолчнаго грома раскаты,—

И ливень обрушится съ шумомъ на насъ...
И пусть онъ сорветъ ненавистныя путы!
Не страшенъ намъ смерти рѣшительный часъ—
Страшнѣй ожиданья минуты...“

П. Быковъ.

ВОЙНА

и

ИДЕЯ МИРА

I.

Вслѣдъ за Гаагскою конференціею мира, возбудившею столько смѣлыхъ мечтаній и надеждъ, загорѣлась жестокая война,— какъ бы въ насмѣшку надъ оптимистами, возвѣщавшими наступленіе новой мирной эпохи въ исторіи человѣчества. Война Англіи съ Трансваалемъ — типическая въ своемъ родѣ, и она только по недоразумѣнію можетъ вызывать протесты тѣхъ, которые вообще признаютъ и одобряютъ войну при современныхъ условіяхъ культурной жизни. Сильнѣйшая сторона желаетъ уничтожить слабѣйшую, чтобы воспользоваться ея владѣніями для блага и величія своей имперіи; а слабые самоотверженно бросаются на сильныхъ, защищая независимость своей родины. Старая исторія, но она всегда остается новою! Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Трансвааля англичане имѣютъ за себя политическую практику, освященную вѣками, и было бы непослѣдовательно упрекать ихъ съ точки зрѣнія традиціонныхъ понятій и обычаевъ, примѣняемыхъ повсемѣстно съ большею или меньшею откровенностью. То, что̀ принято называть эгоизмомъ и корыстолюбіемъ британской политики, составляетъ положительный національный интересъ, безъ котораго немыслима никакая разумная дипломатія; всякое правительство обязано быть разсчетливымъ, т.-е. эгоистическимъ, когда дѣло идетъ о такомъ страшномъ и дорого

стоющемъ предпріятіи, какъ война. Если другія державы позволяли себѣ иногда роскошь безцѣльныхъ и безполезныхъ войнъ, подъ предлогомъ великодушія или стремленія къ славѣ, то это были въ сущности преступленія противъ государства и народа,— ибо проявлять возвышенныя чувства на чужой счетъ, цѣною жизни солдатъ и въ ущербъ государственнымъ пользамъ, равносильно измѣнѣ. Англичанамъ чужды также увлеченія другого рода: они рѣшаются воевать только съ противниками, съ которыми могутъ справиться безъ особеннаго риска. Походъ въ Трансвааль имѣетъ опредѣленную цѣль и долженъ принести Англіи весьма крупныя выгоды; онъ доставитъ ей господство надъ богатѣйшими областями южной Африки и создастъ сплошную полосу британскихъ владѣній на всемъ пространствѣ материка отъ Капштадта до Каира. Энтузіазмъ англійскихъ патріотовъ въ борьбѣ противъ боэровъ, ставшихъ имъ поперекъ дороги, имѣетъ свою вполнѣ реальную основу, и нападки континентальной печати на поведеніе Англіи означаютъ въ сущности отрицаніе и осужденіе военной предпріимчивости вообще.

На примѣрѣ трансваальской борьбы легко провѣрить обычные теоретическіе доводы, приводимые для доказательства необходимости и благотворности войнъ. Мюнхенскій профессоръ, баронъ Штенгель, передъ своимъ назначеніемъ въ делегаты на Гаагскую конференцію мира, выпустилъ брошюрку въ защиту войны [1]), и въ его безъискусственныхъ аргументахъ воспроизводятся взгляды значительной части военнаго класса въ Германіи и въ Европѣ. Баронъ Штенгель ссылается прежде всего на Священное писаніе и особенно на Ветхій завѣтъ, не только допускающій, но и поощряющій кровавую расправу съ чужими народами; и дѣйствительно, трансваальскіе вожди тоже говорятъ о войнѣ языкомъ Библіи и взываютъ къ Богу битвъ. Неизвѣстно только, какой народъ можетъ теперь играть роль богоизбраннаго Израиля и разсчитывать на исключительную милость Всевышняго; затрудненіе усиливается еще существованіемъ христіанства, къ которому одинаково принадлежатъ англичане и голландскіе боэры. Помня о Ветхомъ завѣтѣ, неловко забывать и объ Евангеліи. Впрочемъ, авторъ брошюры не настаиваетъ на религіозномъ освященіи войнъ, а выдвигаетъ на первый планъ культурно-историческую важность военныхъ событій.

По мнѣнію профессора Штенгеля, „особенно важно и благодѣтельно вліяніе войны на искусство во всѣхъ его областяхъ.

[1]) „Der ewige Friede“, von Karl Freiherr von Stengel. München, 1899.

Для поэзіи, живописи, скульптуры и архитектуры были бы невозможны многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ твореній; всѣ они были бы ограничены болѣе тѣснымъ кругозоромъ, были бы односторонни и отстали бы въ своемъ развитіи безъ войны. Поэтому въ высшей степени неблагодарно поступилъ извѣстный художникъ, изобразившій войну въ столь отвратительномъ видѣ, съ устраненіемъ ея идеальныхъ, примиряющихъ сторонъ". Для поэтовъ и художниковъ возникаютъ новые эффектные сюжеты: картина атаки англичанъ противъ боэровъ, засѣвшихъ на скалистыхъ холмахъ; во главѣ генералъ Саймонсъ, пораженный пулею въ животъ и красиво падающій съ коня; потомъ, въ разнообразныхъ положеніяхъ, сотни изуродованныхъ человѣческихъ тѣлъ или истекающихъ кровью раненыхъ. Краткое телеграфное извѣстіе передаетъ, что, послѣ взятія непріятельской позиціи при Эландслаагтэ, „нѣсколько сотъ боэровъ, обратившихся въ бѣгство, были затоптаны уланами". Какая роскошная тема для живописца—это топтаніе бѣгущихъ людей, уже побѣжденныхъ и отказавшихся отъ сопротивленія! Бѣда только въ томъ, что художники рѣдко присутствуютъ при военныхъ дѣйствіяхъ и большею частью только издали, заочно, вдохновляются ими, сидя въ своихъ мастерскихъ; а кому случалось непосредственно наблюдать войну со всѣми ея ужасами, тотъ всегда изобразитъ ее такъ, какъ изображаетъ Верещагинъ. „Идеальныя, примиряющія стороны" войны пропущены Верещагинымъ именно потому, что онъ видѣлъ и наблюдалъ войну въ реальности, и эта правдивость личныхъ наблюденій ставится ему въ упрекъ профессоромъ Штенгелемъ. Идеализировать лучше издали, чѣмъ вблизи, и художникамъ нужны лишь представленія о войнѣ, а не дѣйствительныя войны;—они съ успѣхомъ могутъ рисовать битвы, которыхъ никогда не видали, и описанія прошлыхъ войнъ даютъ имъ достаточный матеріалъ для творчества въ батальномъ стилѣ. Въ благодарность за обиліе сюжетовъ, доставляемыхъ войною, художники должны, будто бы, прикрашивать ее и признавать пользу кровавыхъ событій не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ,—какъ думаетъ Штенгель. Несомнѣнно, что успѣхи культуры были въ свое время многимъ обязаны рабству, и что самыя совершенныя произведенія искусства были созданы подъ вліяніемъ языческой миѳологіи; слѣдуетъ ли отсюда, что надо изъ чувства благодарности стоять за сохраненіе рабства и языческихъ вѣрованій? Самая мысль о пользѣ войны для искусства могла быть высказана только вслѣдствіе замѣны мыслей и понятій пустыми словами и звуками. Для искусства полезны сотни и тысячи убитыхъ

и раненыхъ, полезно топтаніе бѣгущихъ людей побѣдоносной конницею! Предметомъ художественнаго вдохновенія и изображенія могутъ быть и грандіозные пожары, и наводненія; но никто не станетъ говорить о пользѣ этихъ бѣдствій для развитія живописи и поэзіи. Однимъ изъ лучшихъ созданій Пушкинскаго генія, „Мѣднымъ Всадникомъ", мы обязаны наводненію 1824 года; это не побуждаетъ насъ, однако, считать наводненія полезными для литературы. Гибель Помпеи дала Брюллову сюжетъ для его знаменитой картины; но для цѣли художника было безразлично, произошла ли катастрофа на самомъ дѣлѣ, или о ней образовалась только легенда, сохранившаяся до нашихъ дней. Подвигъ англійской кавалеріи, затоптавшей нѣсколько сотъ боэровъ, могъ быть изображенъ на полотнѣ или въ стихахъ, хотя бы даже впослѣдствіи и оказалось, что онъ выдуманъ усернымъ корреспондентомъ, сообщившимъ о немъ по телеграфу. Любознательный англійскій путешественникъ, отдавшій негритянскую дѣвушку на съѣденіе людоѣдамъ и присутствовавшій при процессѣ жертвоприношенія, желалъ только принести пользу наукѣ; быть можетъ, онъ обогатилъ свѣдѣнія объ антропофагіи своими точными описаніями и рисунками, и тѣмъ не менѣе его поступокъ вызвалъ негодованіе въ Англіи. Если, однако, избіеніе сотенъ и тысячъ людей можетъ быть оправдываемо соображеніями объ интересахъ искусства, то почему нельзя пожертвовать какой-нибудь негритянкою для пользы науки? Очевидно, нравственное чувство не позволяетъ примѣшивать утилитарные мотивы къ факту простого убійства—и тѣмъ болѣе убійства массоваго. Что касается торговли и промышленности, то въ прежнія времена военные походы открывали для нихъ новые пути и значительно способствовали расширенію торговыхъ связей; въ новѣйшую эпоху европейцы получили доступъ въ Китай и Японію только при помощи оружія. Но примѣнимо ли это къ современнымъ войнамъ и въ частности къ трансваальской войнѣ? При первыхъ симптомахъ разрыва, промышленность въ Трансваалѣ остановилась; золотые рудники, брилліантовыя и каменноугольныя копи внутри страны и въ прилегающихъ британскихъ владѣніяхъ закрылись, множество поселенцевъ осталось безъ работы, и во всей южной Африкѣ обнаружился острый экономическій кризисъ. Природныя богатства Трансвааля почти цѣликомъ находились въ рукахъ англійскихъ предпринимателей; промышленность свободно развивалась и процвѣтала, обогащая англичанъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ охраны и покровительства со стороны Англіи. Война была предпринята не во имя промышлен-

ныхъ правъ британскихъ поселенцевъ,—правъ, никѣмъ не отрицаемыхъ въ Трансваалѣ,—а во имя доставленія этимъ поселенцамъ политическаго господства, которое превратило бы южноафриканскую республику въ принадлежность Капской колоніи.

Наука почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ—продолжаетъ профессоръ фонъ-Штенгель—искони поощрялась войною; „это вѣрно относительно различныхъ техническихъ наукъ, также медицины и особенно хирургіи“... Польза войны для хирургіи, повидимому, безспорна: тяжелыя, сложныя и легкія раны, причиняемыя холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, даютъ обильный и незамѣнимый матеріалъ для врачей. Но такъ какъ медицина существуетъ для людей, а не люди — для медицины, то умноженіе числа калѣкъ не можетъ составлять ея задачу. Баронъ Штенгель смотритъ на причиненіе людямъ ранъ и увѣчій—какъ на полезную для науки вивисекцію; но вивисекція давала поводъ къ протестамъ, когда относилась только къ животнымъ, и никогда еще не предлагалась въ примѣненіи къ человѣку; если же допускать ее въ принципѣ, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы придать ей болѣе удобныя формы и устранить ея излишества, неизбѣжныя на полѣ сраженія. Сколько раненыхъ на войнѣ гибнетъ прежде чѣмъ дождется врачебной помощи! Самая помощь доставляется второпяхъ, осмотры и изслѣдованія производятся при тяжелой, ужасающей обстановкѣ; врачи теряются среди груды окровавленныхъ тѣлъ и не имѣютъ физической возможности думать о наукѣ, даже если бы обладали желѣзными нервами и сверхъ-человѣческимъ самообладаніемъ. Не лучше ли было бы ограничиться хирургическими изученіями и операціями въ клиникахъ, спеціально устроенныхъ для пользы науки? Легко себѣ представить безотрадное состояніе медицинской части на театрѣ войны въ южной Африкѣ. Когда телеграфъ приноситъ лаконическое извѣстіе, что англичане и боэры потеряли въ битвѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, то это равносильно сообщенію о сотняхъ кровавыхъ трагедій, подробности которыхъ останутся навсегда неизвѣстными. Очень немногіе изъ раненыхъ попадаютъ своевременно на перевязочные пункты; легкія раны становятся тяжелыми отъ потери крови; стоны страждущихъ заглушаются трескомъ выстрѣловъ; живые и здоровые — если они не вынуждены бѣжать отъ непріятеля — поднимаютъ павшихъ и помогаютъ раненымъ какъ умѣютъ, и изъ послѣднихъ только счастливцы находятъ себѣ помѣщеніе въ лазаретѣ. Нужно особое бездушное филистерство, чтобы припутывать къ этимъ кровавымъ

ужасамъ какія-то жалкія разсужденія о пользѣ науки и искусства, торговли и промышленности.

II.

„Отвращеніе къ войнѣ — говоритъ далѣе фонъ-Штенгель— происходитъ часто отъ мысли, что многіе люди теряютъ жизнь въ сраженіяхъ или дѣлаются калѣками; но какъ ни естественно такое отношеніе къ военнымъ бѣдствіямъ, оно все-таки ложно, ибо чрезмѣрно индивидуалистично. Конечно, общество и государство должны заботиться объ охранѣ и благосостояніи отдѣльныхъ личностей; но когда вопросъ касается интересовъ цѣлаго, то благо отдѣльнаго лица отступаетъ на задній планъ, и личность должна при извѣстныхъ обстоятельствахъ пожертвовать собою для цѣлаго“. Все дѣло, однако, въ томъ, кто и какъ рѣшаетъ отъ имени цѣлаго, что отдѣльнымъ лицамъ пора принести себя въ жертву для общей пользы. Со стороны боэровъ моментъ самоотверженія былъ совершенно ясенъ, въ виду грозныхъ и торопливыхъ военныхъ приготовленій англичанъ; всѣ до единаго знали въ Трансваалѣ, что надо бороться съ оружіемъ въ рукахъ для защиты отъ великой опасности, во имя жизненныхъ интересовъ цѣлаго. Но можно ли то же самое сказать объ Англіи? Министръ колоній Чемберлэнъ рѣшилъ, что благо общества и государства требуетъ уничтоженія независимости Трансвааля и захвата его территоріи, согласно домогательствамъ дѣльцовъ привилегированной южно-африканской компаніи, во главѣ которой стоитъ извѣстный Сесиль Родесъ; а многіе добросовѣстные англичане совершенно иначе понимаютъ интересы цѣлаго и возстаютъ противъ завоевательной политики, не оправдываемой обстоятельствами. Массѣ отдѣльныхъ лицъ приходится жертвовать собою во имя соображеній, которыя по меньшей мѣрѣ представляются спорными. Будь министромъ сэръ Гаркортъ или Джонъ Морлей, война не была бы предпринята, и никому не пришлось бы погибать ради осуществленія плановъ Сесиля Родеса и его единомышленниковъ. Народы не нуждаются въ указаніяхъ, какіе интересы важнѣе—общіе или личные—въ минуты національныхъ невзгодъ, когда ставится вопросъ объ оборонѣ отъ внѣшняго врага. Мининъ и Пожарскій спасали отечество, не дожидаясь поученій теоретиковъ въ родѣ Штенгеля; но огромное большинство войнъ имѣетъ мало общаго съ сознательнымъ самоотверженіемъ для блага общества и государства.

„Какъ гроза очищаетъ воздухъ и опрокидываетъ деревья, прогнившія внутри, а здоровый и крѣпкій дубъ переживаетъ сильнѣйшія бури, — говоритъ далѣе фонъ-Штенгель, — такъ и война есть пробный камень для испытанія политическихъ, физическихъ и умственныхъ качествъ народа или государства. Не степень культуры и цивилизаціи, достигнутая народомъ, рѣшаетъ въ концѣ концовъ его судьбу, а то, что онъ въ состояніи сдѣлать на войнѣ".

Роль прогнившихъ насквозь деревьевъ выпадаетъ на долю боэровъ — здороваго и крѣпкаго народа голландскаго корня,— такъ какъ они имѣютъ всѣ шансы быть окончательно сломленными Англіею. Боэры не въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ идти безстрашно на встрѣчу смерти, и никакой народъ не въ состояніи сдѣлать ничего больше; а исходъ борьбы долженъ оказаться для нихъ печальнымъ, ибо противъ нихъ—усовершенствованныя орудія Максима, могущество и богатство первостепенной великой державы. Еслибы Голландія заступилась за Трансвааль, она несомнѣнно тоже была бы побѣждена и очутилась бы такъ же точно въ положеніи гнилого дерева, опрокинутаго бурею,—хотя она обладаетъ всѣми качествами здороваго и крѣпкаго организма. Нѣтъ ничего хуже и зловреднѣе произвольныхъ аллегорій, сбивающихъ мысль съ реальной почвы. Зачѣмъ говорить объ испытаніи внутреннихъ достоинствъ націй, когда дѣло идетъ о взаимномъ истребленіи? При войнѣ равносильныхъ народовъ лучшіе люди обѣихъ воюющихъ сторонъ докажутъ свое превосходство тѣмъ, что умрутъ, убивая другъ друга, и высокія нравственныя качества будутъ схоронены въ могилѣ. Подобный „экзаменъ" имѣетъ столько же смысла, какъ битье посуды для испытанія ея твердости. Такъ-называемыя полезныя, оздоравливающія войны возможны лишь при ненормальныхъ условіяхъ жизни отдѣльныхъ государствъ, когда нѣтъ законнаго способа избавиться отъ устарѣлыхъ внутреннихъ порядковъ и вывести страну изъ безнадежнаго, мертвеннаго застоя; внѣшнее столкновеніе, кончающееся неудачей, даетъ сильную встряску всему правительственному строю и открываетъ путь къ спасительнымъ необходимымъ реформамъ. Такова была для насъ крымская война; она косвенно принесла намъ громадную пользу, разоблачивъ несостоятельность системы, прикрывавшей внутреннюю гниль и бѣдность внѣшнимъ обманчивымъ блескомъ и самодовольствомъ. Но эта война имѣла для насъ полезные результаты только потому, что она не была доведена врагами до конца, вслѣдствіе ихъ собственной недостаточной подготовленности и въ силу вза-

имныхъ между ними разногласій; катастрофа для правительственнаго строя могла бы превратиться въ катастрофу для самой Россіи, еслибы непріятели рѣшились продолжать войну послѣ паденія Севастополя, при помощи свѣжихъ армій Пруссіи и Австро-Венгріи. Внѣшняя война — слишкомъ сильное и рискованное средство для внутреннихъ перемѣнъ, и нельзя считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ общество вынуждено возлагать свои надежды на военные удары, способные сломить неумѣлую и неудачную, но всемогущую внутри правительственную власть. Франція испытала это на себѣ, когда седанскій погромъ освободилъ ее отъ затхлаго режима второй имперіи; передовая часть французскаго общества была бы довольна нѣмецкими побѣдами, еслибы онѣ привели только къ паденію Наполеона III; но нѣмцы пошли дальше, съ цѣлью надолго обезсилить самую націю и низвести ее съ занимаемаго ею мѣста въ Европѣ, а потому тяжелыя послѣдствія этой національной борьбы понынѣ угнетаютъ Францію и ея общественное мнѣніе, безъ различія партій.

Война „очищаетъ воздухъ“ отъ накопившагося электричества и разрѣшаетъ трудные, безъисходные внѣшніе кризисы; но въ атмосферѣ международной политики электричество накопляется и кризисы создаются при усердномъ участіи руководящихъ дѣятелей и нерѣдко всецѣло и исключительно по ихъ желанію. Чемберлэнъ велъ долгіе и сложные переговоры съ Трансваалемъ, добиваясь уступокъ въ пользу британскихъ поселенцевъ; трансваальское правительство постепенно уступало, шагъ за шагомъ, вырабатывая новые законы и предлагая извѣстные компромиссы для удовлетворенія англичанъ, и нѣсколько разъ лондонскія газеты возвѣщали о благополучномъ улаженіи спора. Но каждая уступка Трансвааля вызывала новыя требованія Чемберлэна; а когда наконецъ президентъ Крюгеръ готовъ былъ согласиться на все, лишь бы только спасти независимость республики на будущее время, англійскій министръ оборвалъ переговоры и высказался рѣзко противъ самой независимости Трансвааля. Вопросъ, находившійся на пути къ мирной развязкѣ, искусственно превращался въ кризисъ и постепенно доведенъ былъ до такого остраго состоянія, когда ни англичанамъ, ни боэрамъ, не оставалось другого выхода, кромѣ войны. Благодаря стараніямъ лондонской дипломатіи, электричество накопилось, и потребовалось „очистить воздухъ“. Въ устройствѣ такихъ кризисовъ, кажущихся публикѣ стихійными и неотвратимыми, былъ великимъ

мастеромъ покойный Бисмаркъ. Пока онъ стоялъ во главѣ германскаго правительства, грозные кризисы возникали одинъ за другимъ; отношенія съ Франціею и Россіею періодически принимали оттѣнокъ, предвѣщавшій страшныя кровавыя бури въ близкомъ будущемъ. Рѣчи и намеки канцлера, какъ и заявленія его оффиціозной прессы, повсюду внушали убѣжденіе, что предстоитъ неминуемая борьба между двумя сосѣдними народами—русскимъ и германскимъ; такое же убѣжденіе господствовало и у насъ. Политическая атмосфера была часто тяжелая, удушливая, и рано или поздно насталъ бы моментъ, когда рѣшимость покончить съ кризисомъ привела бы къ роковому взрыву. Князь Бисмаркъ сошелъ со сцены, и всѣхъ этихъ мнимо-стихійныхъ и неотвратимыхъ кризисовъ какъ не бывало; газеты перестали говорить о предстоящихъ войнахъ, и международная атмосфера сама собою очистилась отъ нездоровыхъ элементовъ, поддерживавшихъ хроническую тревогу въ Европѣ. Многочисленные поклонники Бисмарка, воинственные нѣмецкіе патріоты, къ которымъ принадлежитъ и фонъ-Штенгель, пробавляются до сихъ поръ его идеями и находятъ великую мудрость въ его изреченіяхъ; но ихъ шовинизмъ выражается лишь въ невинныхъ формахъ патріотическаго самовосхваленія и нисколько не вліяетъ на практическую политику Германіи [1]). Чемберлэнъ дѣйствуетъ

---

[1]) Брошюрка Штенгеля не заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, и о ней даже вовсе не стоило бы говорить, еслибъ авторъ ея не былъ делегатомъ Германіи на Гаагской конференціи мира; но мы не можемъ не указать здѣсь на необыкновенную поверхностность и отрывочность его разсужденій, и на отсутствіе въ нихъ всякаго подобія доказательствъ и иногда даже здраваго смысла. Такъ, въ концѣ брошюрки (стр. 27), упомянувъ мимоходомъ объ Америкѣ и приписавъ ей стремленіе „диктовать законы старѣющей Европѣ“, авторъ внезапно восклицаетъ: „Должна ли германская имперія, при возможной будущей борьбѣ между Америкою и Европою (!), мирно держаться въ сторонѣ и покорно склониться предъ Америкою? Конечно, нѣтъ! Это уже потому невозможно, что политическое господство есть въ то же время и экономическое господство, и что Германія должна быть могущественна въ политическомъ и военномъ отношеніи, если она не желаетъ подвергнуться хозяйственному упадку“. Оттого проповѣдь мира въ Германіи и попытки отнять у нѣмецкаго народа „радостно-воинственный духъ“ являются или „сумасшествіемъ, или преступленіемъ“. Откуда взялась и на чемъ основана эта дикая мысль, что Европа, какъ цѣлое, должна будетъ отбиваться отъ нападенія Америки,—неизвѣстно; авторъ даже не замѣчаетъ несообразности того предположенія, что Англія, Россія, Франція и Германія будутъ дѣйствовать заодно: онъ просто назвалъ Европу, какъ часть свѣта, только потому, что Соединенные-Штаты названы имъ раньше Америкою. Этотъ образчикъ характеризуетъ первобытный способъ мышленія фонъ-Штенгеля. Авторъ серьёзно говоритъ о вредѣ идей мира, мирныхъ конгрессовъ и конференцій (въ томъ числѣ особенно Гаагской), такъ какъ эти идеи (отождествляемыя почему-то съ „космополи-

не по рецептамъ Бисмарка и не по какимъ-либо общимъ политическимъ принципамъ, а по спеціально-англійскимъ соображеніямъ и разсчетамъ, какъ отвѣтственный руководитель колоніальной предпріимчивости Англіи; онъ сообщилъ трансваальскому вопросу то направленіе, какое считалъ наиболѣе выгоднымъ для страны, и затѣмъ, подготовивъ войну, предоставилъ самому Трансваалю начать военныя дѣйствія. Ловкость Чемберлэна превозносится въ англійской печати; въ немъ видятъ будущаго Биконсфильда, и популярность его ростетъ и крѣпнетъ, вопреки всѣмъ нападкамъ либеральной оппозиціи. Что война не вызывалась необходимостью и легко могла быть избѣгнута, что она есть вполнѣ дѣло рукъ Чемберлэна,—въ этомъ едва ли кто серьезно сомнѣвается въ самой Англіи. Большинство хорошо понимаетъ, что республика малокультурныхъ боэровъ, при непрерывномъ мирномъ наплывѣ энергическихъ британскихъ пришельцевъ, фактически перешла бы, во всякомъ случаѣ, во власть англичанъ, хотя бы съ сохраненіемъ номинальной независимости; но желаніе ускорить этотъ естественный ходъ вещей насиліемъ вообще одобряется народной массой и господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ англичанъ.

Въ пользу идеи мира, столь рѣзко отброшенной въ сторону британской колоніальной политикою, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ только фактъ единодушнаго осужденія трансваальской войны во всей почти европейской печати. Какъ ни различны мотивы этого осужденія въ разныхъ странахъ, но оно прямо или косвенно указываетъ на отрицательное отношеніе къ военнымъ расправамъ между народами. Идея прочнаго и постояннаго мира съ трудомъ пробиваетъ себѣ путь въ общее сознаніе; но она находитъ твердую опору въ существующихъ условіяхъ международнаго общенія и во всемъ характерѣ современнаго быта. Въ предѣлахъ густо населенныхъ культурныхъ странъ война давно перестала быть средствомъ пріобрѣтенія для государствъ, а сдѣлалась источникомъ разоренія даже въ случаѣ

тическими мечтаніями") могутъ ослабить боевыя качества, воинственную бодрость (Kampfesfreudigkeit) и мужество нѣмцевъ; постановленіе баденской палаты объ исключеніи „шовинистскихъ примѣсей" изъ школьныхъ учебниковъ есть, по Штенгелю, „позорная глупость"; протесты противъ рѣчи какой-то воинственной дамы о войнѣ „возмутительны"; поведеніе германскаго имперскаго сейма въ вопросѣ объ увеличеніи военнаго флота „постыдно" и „самоубійственно" и т. п. Вообще брошюрка Штенгеля до того ничтожна по содержанію и написана до того бездарно, что возбуждаетъ даже недоумѣніе—какъ могъ авторъ сдѣлаться профессоромъ въ ученой Германіи.

удачи, такъ какъ захватъ чужихъ владѣній не сопровождается уже отнятіемъ земель и имуществъ у непріятельскихъ подданныхъ и обязываетъ лишь къ дальнѣйшимъ усиліямъ и затратамъ для удержанія владычества надъ занятою областью и для предупрежденія попытокъ возмездія со стороны побѣжденныхъ. Мирныя завоеванія съ успѣхомъ замѣняютъ собою военныя предпріятія, и даже раздѣлъ территорій въ далекихъ краяхъ Африки и Азіи могъ совершиться безъ кровавыхъ конфликтовъ, путемъ мирныхъ соглашеній. Защитники военныхъ насилій могутъ легко почерпать убѣдительные аргументы изъ далекаго прошлаго, но эти аргументы ничего не доказываютъ относительно настоящаго и будущаго. Политическія учрежденія, нравы и способы дѣйствія мѣняются съ теченіемъ времени, и то, что имѣло смыслъ при извѣстныхъ условіяхъ, могло утратить значеніе съ перемѣною этихъ условій. Войны рѣдко предпринимаются во имя дѣйствительнаго права, или для обузданія и ограниченія зла; а если онѣ возникаютъ изъ мотивовъ человѣколюбія, то шансы побѣды и торжества часто оказываются именно на сторонѣ тѣхъ, которыхъ надлежало обуздать и ограничить. Стремленіе остановить беззаконіе далеко не всегда совпадаетъ съ превосходствомъ силы; послѣднее, напротивъ, само по себѣ соблазняетъ на путь беззаконій, и въ большей части войнъ сильный подавляетъ слабаго, независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ.

Почему же, однако, при такомъ общественномъ настроеніи въ Европѣ, не сдѣлано было ни малѣйшей попытки повліять на Англію въ смыслѣ предупрежденія кровопролитія? Многіе думаютъ, что подобный шагъ въ защиту мира могъ быть съ пользою сдѣланъ только тою великою державою, которая приняла на себя иниціативу въ созваніи Гаагской конференціи; но наша дипломатія держалась въ сторонѣ,—быть можетъ потому, что не была увѣрена въ достаточной авторитетности своего голоса для Англіи,—хотя эта пассивность не совсѣмъ соотвѣтствовала идеямъ и принципамъ, возвѣщеннымъ дипломатіею въ Гаагѣ.

III.

Наша т.-наз. патріотическая печать не разъ съ гордостью указывала на спокойный и въ то же время необыкновенно быстрый ростъ политическаго вліянія и авторитета Россіи въ современной Европѣ; но причины и условія этого роста остаются для многихъ не совсѣмъ ясными. Фактъ самъ по себѣ несомнѣнно

вѣренъ: за послѣднія 15—20 лѣтъ совершился рѣзкій поворотъ въ нашемъ общемъ международномъ положеніи. Всякій, кто слѣдилъ за иностранною печатью съ начала восьмидесятыхъ годовъ до настоящаго времени, долженъ былъ замѣтить огромную перемѣну въ тонѣ и характерѣ заграничныхъ сужденій о русскомъ государствѣ и народѣ. Прежде Россія представлялась иностранцамъ только грубою стихійной силою, противъ которой должны быть предпринимаемы внѣшнія охранительныя и предупредительныя мѣры; на нее смотрѣли какъ на постоянную угрозу общему спокойствію и миру культурнаго Запада, и единственнымъ способомъ для обезпеченія Европы отъ „казацкаго“ нашествія считалось привлеченіе Россіи къ союзу съ другими великими державами, преимущественно съ Германіею и Австро-Венгріею. Враждебное недовѣріе лежало въ основѣ этихъ политическихъ комбинацій; оно сопутствовало оффиціальной дружбѣ и съ неизмѣнною настойчивостью выражалось въ печати и въ общественномъ мнѣніи странъ, даже находившихся съ нами въ союзѣ. Наша дипломатія, при всемъ своемъ стараніи пріобрѣсть расположеніе Европы, встрѣчала повсюду скрытую или явную непріязнь и не пользовалась вообще никакимъ самостоятельнымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Теперь мы видимъ совершенно другую картину: передовыя культурныя націи не только признаютъ Россію вполнѣ равноправною, но приписываютъ ей особую, исключительную роль, въ высшей степени лестную для нашего національнаго самолюбія.

Наглядымъ примѣромъ и доказательствомъ этого новаго отношенія иностранцевъ къ Россіи можетъ служить недавняя Гаагская конференція. Въ былое время русская иниціатива въ созывѣ такой конференціи возбудила бы недоумѣніе и дала бы поводъ къ недоброжелательнымъ комментаріямъ; державы вѣжливо отклонили бы проектъ, какъ несвоевременный и нецѣлесообразный, а печать подняла бы цѣлый рядъ щекотливыхъ вопросовъ, касающихся внѣшней и внутренней политики самой Россіи. Между тѣмъ августовскій циркуляръ прошлаго года вызвалъ сочувственное общественное движеніе во всѣхъ краяхъ міра и принятъ былъ правительствами и народами, какъ шагъ глубоко серьезный и значительный, отвѣчающій надеждамъ и стремленіямъ лучшей части человѣчества; Европа и Америка послѣдовали русскому призыву, и никто не усомнился въ нравственномъ правѣ Россіи играть руководящую роль въ подобномъ дѣлѣ.

Чѣмъ объяснить эту поразительную перемѣну? Гдѣ источникъ этого новаго взгляда на Россію, какъ на представитель-

ницу нравственныхъ идей? Чему обязаны мы уваженіемъ и сочувствіемъ просвѣщеннаго Запада? Стихійная сила, зависящая отъ численности населенія и отъ внушительной военной организаціи, существовала и раньше, и слѣдовательно не могла быть причиной указаннаго поворота; напротивъ, она именно и оправдывала вражду и подозрительность иностранныхъ націй и служила обычнымъ мотивомъ для непріязненныхъ коалицій. Наша внѣшняя политика, насколько она была направлена къ сохраненію мира, не измѣнялась со времени крымской войны; въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ она была даже болѣе проникнута духомъ солидарности съ Европою, чѣмъ въ позднѣйшіе годы, а усилившееся у насъ сознаніе національныхъ интересовъ никакъ не могло способствовать ослабленію прежняго антагонизма и недовѣрія по отношенію къ Россіи. Внутреннія наши обстоятельства за послѣднія два десятилѣтія также не приводятъ къ пониманію совершившейся перемѣны.

Репутація Россіи, какъ культурной державы, выросла и утвердилась въ мірѣ преимущественно благодаря воздѣйствію русской литературы, которое на нашихъ глазахъ стало виднымъ и прочнымъ элементомъ умственнаго движенія на Западѣ. Знакомство съ русской литературой распространилось въ Европѣ именно въ послѣднія 10—15 лѣтъ, и оно замѣтно отражается во всѣхъ разсужденіяхъ и отзывахъ иностранной печати о Россіи. Отдѣльные русскіе писатели были и прежде извѣстны за границей, какъ, напр., Тургеневъ, но дѣятельность ихъ связывалась съ западно-европейскимъ вліяніемъ, которое имѣло за себя и извѣстныя внѣшнія данныя. Русская литература въ цѣломъ, какъ вполнѣ самостоятельное порожденіе русскаго національнаго творчества, открылась Европѣ сравнительно недавно и сразу заняла равноправное и выдающееся мѣсто въ ряду старыхъ европейскихъ литературъ. Европа неожиданно получила новый и богатый матеріалъ для сужденій о русскомъ народѣ и обществѣ, и этотъ матеріалъ былъ таковъ, что долженъ былъ перевернуть всѣ прежнія понятія о Россіи. Великую литературу можетъ имѣть только великій народъ, призванный къ великой творческой роли въ мірѣ, — этотъ первый естественный выводъ напрашивался самъ собою. То, что̀ прежде было источникомъ опасеній и безпокойства, — стихійная, численная сила русскаго народа, — увеличивало и укрѣпляло теперь общую увѣренность въ великой культурной будущности Россіи. Русская литература, съ ея безпощаднымъ исканіемъ жизненной правды, съ ея чут-

костью къ высшимъ человѣческимъ идеаламъ и стремленіямъ, внушила иностранцамъ новый взглядъ на характеръ русскаго народа, на его чувства, мечтанія и порывы. Призраки варварства и казачества, отдѣлявшіе Россію отъ остальной Европы, незамѣтно разсѣялись. Скрытый психологическій процессъ, вызванный включеніемъ русской литературы въ общее умственное движеніе Запада, повліялъ неотразимо на международное положеніе Россіи и измѣнилъ кореннымъ образомъ ея общую репутацію въ культурномъ мірѣ. Русская литература, которая въ отечествѣ кажется многимъ непріятною, достойною лишь ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, является въ дѣйствительности элементомъ политическаго вліянія и могущества Россіи. Русскій починъ въ дѣлѣ разоруженія никого не удивилъ за границей и ни въ комъ не возбудилъ подозрѣній относительно своей искренности, потому что онъ соотвѣтствовалъ общему тону впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ новѣйшею русскою литературою. Вездѣ чувствовалось и отчасти прямо высказывалось убѣжденіе, что идея о конференціи мира могла придти только изъ страны, гдѣ писалъ Достоевскій и гдѣ раздается нравственная проповѣдь Льва Толстого. Къ голосу Россіи прислушиваются съ сочувственнымъ вниманіемъ потому, что это голосъ не только первостепенной могущественной державы, но и великой націи, доказавшей свое право на моральное вліяніе и авторитетъ въ лицѣ своихъ великихъ писателей. Наша литература, независимо отъ ея различныхъ направленій, сыграла крупную политическую роль, несомнѣнно благотворную для государства, и этотъ фактъ долженъ въ свою очередь отразиться на внутреннемъ положеніи у насъ литературы. Литература, наука и печать переросли у насъ старыя полицейскія рамки, задерживавшія ихъ развитіе, и способствовали возвышенію Россіи въ глазахъ Европы гораздо больше, чѣмъ малоизвѣстная за границей оффиціальная дѣятельность бюрократіи.

Noblesse oblige, — и принятая на себя Россіею почетная роль защитницы правового порядка въ международныхъ отношеніяхъ налагаетъ на насъ извѣстныя обязательства, отъ которыхъ мы уже уклоняться не можемъ. Возставъ противъ безправія внѣшнихъ войнъ и противъ тягостей вооруженнаго мира, мы этимъ самымъ отвергли принципъ господства силы надъ правомъ и опредѣлили тотъ путь, котораго будетъ держаться Россія въ дальнѣйшемъ ходѣ своей политической и общественной жизни. Къ несчастію, духъ войны питается чувствами и инстинктами,

обладающими чрезвычайной живучестью и далеко еще не обезоруженными даже въ сферѣ обычныхъ житейскихъ отношеній между различными элементами и классами населенія отдѣльныхъ государствъ. И мы какъ будто поколебались въ своемъ призваніи отстаивать идею справедливости въ международной политикѣ, когда разыгралась печальная трансваальская исторія...

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

Права и составъ Государственнаго Совѣта.—Двѣ системы отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. — Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла. — Земство и противопожарныя мѣры. — Еще о земскихъ ходатайствахъ. — Пересмотръ Городового Положенія.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ юристовъ, Н. М. Коркуновъ, напечаталъ недавно въ „Новомъ Времени“ (№ 8468) любопытную статью: „О дѣйствующемъ учрежденіи Государственнаго Совѣта“. Указавъ на то, что членамъ Государственнаго Совѣта не принадлежитъ право законодательнаго почина, авторъ напоминаетъ, что этимъ правомъ пользовался Государственный Совѣтъ, существовавшій въ первыя девять лѣтъ царствованія императора Александра I-го. За силою наказа, даннаго Совѣту 5-го апрѣля 1801 года, на его разсмотрѣніе поступали дѣла либо по повелѣніямъ императора, либо по предложеніямъ членовъ Совѣта: каждый членъ Совѣта могъ „предложить на его уваженіе всякаго рода дѣла для постановленія лучшаго, для пресѣченія какого-либо зла и для отвращенія злоупотребленій“. Н. М. Коркуновъ приводитъ и примѣры пользованія этимъ правомъ. Особенно интересенъ слѣдующій случай: въ самомъ первомъ засѣданіи Совѣта, при обсужденіи разныхъ мѣръ, которыми предполагалось ознаменовать начало новаго царствованія, членами Совѣта было замѣчено, что ни одно изъ нихъ не касается поселянъ, которые составляютъ большинство обитателей государства, крайне отягощены различнаго рода налогами и податями и потому заслуживаютъ „особливаго уваженія“. Въ виду этихъ обстоятельствъ и съ цѣлью показать, что и земледѣльцы „пользуются неограниченнымъ къ нимъ милосердіемъ Его Величества“, Совѣтъ полагалъ дополнить всемилостивѣйшую грамоту народу постановленіемъ объ отмѣнѣ установленнаго въ 1797 г. сбора съ каждой ревизской души 26 копѣекъ на содержаніе подъемныхъ и артиллерій-

скихъ лошадей. „Полезно было бы“ — таково заключеніе г. Коркунова—„возстановить и теперь право законодательнаго почина за членами Государственнаго Совѣта, такъ какъ нерѣдко бываетъ, что министръ, занятый текущими дѣлами, не замѣчаетъ настоятельно необходимыхъ измѣненій дѣйствующаго законодательства. При непредоставленіи никому больше въ настоящее время права законодательнаго почина, никто другой не можетъ помочь ему въ этомъ. Еслибы право, принадлежавшее въ началѣ столѣтія членамъ Государственнаго Совѣта, было возстановлено, то уже самый фактъ этотъ заставилъ бы нашихъ министровъ быть болѣе чуткими къ запросамъ общественной жизни, чтобы не оказаться опережаемыми членами Государственнаго Совѣта“.

Мнѣніе Н. М. Коркунова кажется намъ совершенно правильнымъ. Текущія дѣла управленія и общія государственныя задачи, разрѣшимыя лишь путемъ законодательной дѣятельности—это двѣ сферы настолько различныя между собою, что переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой сопряженъ съ большими затрудненіями и одновременное завѣдываніе обѣими почти неизбѣжно влечетъ за собою серьезныя неудобства. Вниманіе администратора невольно сосредоточивается на настоящемъ; взоръ законодателя долженъ проникать по возможности далеко въ будущее. Съ точки зрѣнія управленія всего важнѣе устраненіе или уменьшеніе препятствій, встрѣчаемыхъ административными мѣропріятіями въ правахъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій; съ точки зрѣнія законодательства эти права требуютъ охраны отнюдь не меньшей, чѣмъ свобода дѣйствій администраціи. Предоставленіе законодательнаго почина однимъ министрамъ отражается какъ на порядкѣ, въ какомъ ставятся, одинъ за другимъ, законодательные вопросы, такъ и на самомъ способѣ ихъ разрѣшенія. Откладывается sine die все то, что̀ должно съузить область административнаго усмотрѣнія (напр. пересмотръ законовъ о печати, пересмотръ правилъ объ административной ссылкѣ и о полицейскомъ надзорѣ); усиленно двигается впередъ все то, что̀ должно ее расширить. Образцомъ вліянія, оказываемаго способомъ составленія законопроектовъ на самое ихъ существо, можетъ служить проектъ новаго продовольственнаго устава. Нѣкоторымъ противовѣсомъ этому порядку явилось бы, безспорно, рекомендуемое Н. М. Коркуновымъ расширеніе правъ, принадлежащихъ членамъ Государственнаго Совѣта. Нельзя, однако, возлагать на него слишкомъ большія надежды, какъ потому, что члены Государственнаго Совѣта назначаются, бо̀льшею частью, изъ среды тѣхъ же высшихъ административныхъ сферъ, такъ и потому, что на сторонѣ представителей административной власти оставалось бы вліяніе, свойственное ихъ оффиціальному положенію. На долю законопроектовъ, состав-

ленныхъ членами Государственнаго Совѣта, успѣхъ выпадалъ бы, по всей вѣроятности, только тогда, когда содержаніе ихъ было бы лишено принципіальнаго характера и не шло бы въ разрѣзъ съ господствующими теченіями. Восполнить пробѣлы текущаго законодательства, усилить въ немъ элементы, давно оттѣсненные на задній планъ, измѣнить общее его направленіе инціатива членовъ Государственнаго Совѣта едва ли оказалась бы въ состояніи. Это былъ бы только палліативъ, но палліативъ далеко не безполезный.

Возвысить значеніе Государственнаго Совѣта, возвратить ему то положеніе, которое онъ имѣлъ и долженъ былъ имѣть по мысли его учредителя, могло бы, кромѣ расширенія правъ отдѣльныхъ членовъ Совѣта, болѣе точное соблюденіе постановленій, опредѣляющихъ его призваніе и его кругъ дѣйствій. На основаніи ст. 1-й учрежденія Государственнаго Совѣта, „въ порядкѣ государственныхъ установленій Совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія, въ главныхъ отношеніяхъ ихъ къ законодательству, соображаются и чрезъ него восходятъ къ верховной императорской власти". За силою ст. 22-й того же учрежденія, „въ порядкѣ государственныхъ дѣлъ, отъ разрѣшенія и утвержденія верховной императорской власти зависящихъ, на предварительное уваженіе Государственнаго Совѣта поступаютъ, между прочимъ: 1) всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія; 2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній; 3) дѣла, требующія въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла; 4) мѣры и распоряженія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, и 5) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя". Изъ этого перечня видно, что предварительному обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ подлежатъ не только всѣ законопроекты, не только все направленное къ измѣненію, дополненію, отмѣнѣ или автентичному толкованію дѣйствующихъ законовъ, но и *общія* мѣры, обезпечивающія исполненіе закона, не исключая даже тѣхъ, которыя принимаются въ *чрезвычайныхъ случаяхъ*. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ совершенно точно разграничиваются сферы дѣйствій Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Въ вѣдомство Комитета входятъ чрезвычайныя мѣры *частнаго* характера, касающіяся отдѣльныхъ мѣстностей, лицъ, обществъ или учрежденій; но какъ только чрезвычайная мѣра распространяется или можетъ распространиться на все государство, какъ только она вызывается общими причинами, она должна быть предварительно разсмотрѣна Государственнымъ Совѣтомъ. Возьмемъ, для примѣра, положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ: Комитетъ министровъ компетентенъ въ вопросѣ о томъ, гдѣ

должно быть введено или продолжено его дѣйствіе, но самое положеніе, какъ *общая* мѣра законодательнаго свойства, требовало обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, т.-е. должно было пройти (но не прошло) черезъ Государственный Совѣтъ. Глубокое значеніе правила, выраженнаго въ пун. 5 ст. 22-ой учрежденія Госуд. Совѣта, становится еще болѣе яснымъ, если припомнить, что мѣры, принимаемыя подъ именемъ чрезвычайныхъ или временныхъ, сплошь и рядомъ обращаются въ постоянныя, ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, всякій законъ, хотя и безсрочный по названію и формѣ, издается, въ сущности, только на время; съ наступленіемъ новыхъ условій онъ неизбѣжно подвергается болѣе или менѣе рѣшительнымъ перемѣнамъ. *Временною* въ тѣсномъ смыслѣ слова общегосударственная мѣра можетъ, собственно говоря, быть признаваема только тогда, когда она принимается на опредѣленный — и притомъ короткій—срокъ. Въ послѣднія два десятилѣтія установился обычай, въ силу котораго существенно важные вопросы государственной жизни разрѣшаются такъ называемыми временными, но безсрочными правилами, издаваемыми помимо Государственнаго Совѣта. Этотъ обычай не согласуется не только съ дѣйствительнымъ значеніемъ понятія о *временной* мѣрѣ, но и съ прямымъ требованіемъ законодательства: такія временныя правила, какъ, напр. правила 1882 г. о печати — если и разсматривать ихъ не какъ законы, а какъ „общія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя“,—несомнѣнно входятъ въ сферу вѣденія Государственнаго Совѣта. Иногда наименованіе правилъ „временными“ ведетъ къ тому, что они не вносятся даже на обсужденіе Комитета министровъ; такъ напр., временныя правила 29-го іюля нынѣшняго года (объ отвѣтственности за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ)—законодательный характеръ которыхъ доказывается уже тѣмъ, что они *ограничиваютъ* дѣйствіе льготъ, установленныхъ закономъ о воинской повинности (ср. пун. 2 ст. 22-ой учрежд. Госуд. Совѣта),—были предварительно разсмотрѣны только особымъ совѣщаніемъ не всѣхъ, а нѣкоторыхъ министровъ. Минуютъ иногда Государственный Совѣтъ и автентичныя толкованія законовъ — напр. разъясненіе Положенія объ усиленной охранѣ, состоявшееся, въ декабрѣ 1895 года, по всеподданнѣйшему докладу министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ... Излишне было бы объяснять значеніе гарантіи, представляемой предварительнымъ обсужденіемъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ: достаточно указать на то, что она закрѣплена даже основными законами. Компетенція высшаго государственнаго установленія опредѣлена не случайно: пока она не измѣнена, она должна оставаться неприкосновенною. Что̀ можетъ, притомъ, мѣшать соблюденію порядка, предписаннаго закономъ? Медленность законодательной работы? Но,

во-первыхъ, между различными „временными“ правилами немного найдется такихъ, изданіе которыхъ представлялось неотложнымъ; вѣдь нельзя же утверждать, напримѣръ, что осенью 1882 года наша періодическая печать грозила опасностью государственному порядку и для обузданія ея были безсильны средства, предоставленныя администраціи закономъ 6-го апрѣля. Если, во-вторыхъ, и было periculum in mora, то почему же поспѣшно изданныя правила не были затѣмъ облечены въ форму законопроекта и внесены на обсужденіе Государственнаго Совѣта? Времени для этого было достаточно, потому что дѣйствіе многихъ „временныхъ“ правилъ измѣряется годами и даже десятилѣтіями. Опытъ удостовѣряетъ, въ-третьихъ, что въ случаѣ надобности всѣ стадіи законодательной работы могутъ быть пройдены весьма быстро; такъ напр., изъятіе нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, вызванное оправданіемъ, 31-го марта 1878 г., Вѣры Засуличъ, состоялось 9-го мая того же года. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость „общей чрезвычайной мѣры“ возникаетъ лѣтомъ, въ вакантное время, созывъ Государственнаго Совѣта замедлилъ бы ея осуществленіе развѣ на двѣ-три недѣли.

Важность соблюденія порядка, установленнаго для законодательныхъ мѣропріятій, сознавалась у насъ даже тогда, когда понятіе о законности было развито и распространено гораздо меньше чѣмъ въ настоящее время. Чрезвычайно характерны и интересны, съ этой точки зрѣнія, факты, сообщаемые въ „Запискахъ“ барона М. А. Корфа („Русская Старина“, августъ и сентябрь 1899 г.). По словамъ бар. Корфа, бывшаго въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ государственнымъ секретаремъ, тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта, кн. Васильчиковъ (отецъ извѣстнаго писателя и земскаго дѣятеля, кн. А. И. Васильчикова) всегда являлся горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ правъ и значенія Совѣта и всегда энергично выступалъ противъ всѣхъ шаговъ, которые тотъ или другой министръ дѣлали для обхода вліянія Совѣта. На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта было внесено, въ 1841 г., дѣло о неправильномъ переселеніи оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ Перовскимъ казенныхъ крестьянъ въ калмыцкія степи, вопреки указу Сената. Военный министръ, гр. Чернышевъ, вмѣсто представленія по этому дѣлу объясненій въ Государственный Совѣтъ, сдѣлалъ его предметомъ непосредственнаго всеподданнѣйшаго доклада и испросилъ Высочайшее повелѣніе, которымъ дѣло разрѣшалось окончательно. Когда увѣдомленіе о томъ было получено въ Государственномъ Совѣтѣ, кн. Васильчиковъ пришелъ въ страшное негодованіе. Изъ всегда добраго, кроткаго и незлобиваго онъ превратился въ разъяреннаго льва. „Я никогда не позволялъ себѣ,—говорилъ онъ—присвоивать своему лицу вліянія на рѣшенія Государя по совѣтскимъ

дѣламъ, но гдѣ идетъ рѣчь объ охраненіи неприкосновенности собственной Его воли и правъ Совѣта, дѣйствующаго Его именемъ, тамъ я долженъ вступиться всѣми своими силами или все бросить и уйти"! На другой день Васильчиковъ поѣхалъ къ Государю и возвратился въ полномъ торжествѣ: послѣ его объясненій Государь повелѣлъ дать дѣлу прежній ходъ. Въ томъ же году на очередь поставленъ былъ вопросъ о дворовыхъ людяхъ. Государь, очень желавшій принять мѣры для обезпеченія дворовыхъ и для уменьшенія ихъ числа, повелѣлъ статсъ-секретарю Блудову составить проектъ указа, съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ былъ обсужденъ на совѣщаніи Блудова съ Дашковымъ и кн. Васильчиковымъ и послѣднимъ представленъ затѣмъ для утвержденія. Васильчиковъ не рѣшился буквально исполнить сообщенную ему волю Государя. Онъ доложилъ, что совершеніе такой важной мѣры помимо Государственнаго Совѣта уронитъ послѣдній въ общемъ мнѣніи, что обсужденіе этого дѣла за нѣсколько дней до обнародованія закона не представляетъ никакой опасности, что предполагаемая мѣра навѣрное будетъ одобрена огромнымъ большинствомъ Совѣта, наконецъ, что обсужденіе ея въ Совѣтѣ уменьшитъ противодѣйствіе ей на практикѣ со стороны аристократіи. „Да неужели же,— возразилъ съ своей стороны Государь,—когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благодѣтельною, мнѣ непремѣнно надо спрашивать на нее сперва согласія Совѣта"? „Не *согласія*,—отвѣтилъ Васильчиковъ,—но *мнѣнія*—непремѣнно, потому что Совѣтъ для этого и существуетъ; или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который вы сами для него издали". Послѣ этихъ объясненій для обсужденія вопроса о дворовыхъ повелѣно было образовать особую коммиссію при Государственномъ Совѣтѣ... Отвѣтъ кн. Васильчикова— составляющій, въ сущности, парафразу извѣстныхъ словъ Петра Великаго: „всуе законы писать, коли ихъ не исполнять",— сохраняетъ все свое значеніе и для настоящаго времени. Законъ всегда можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ, но пока онъ существуетъ, онъ долженъ быть исполняемъ—и особенно важно точное его исполненіе въ высшихъ сферахъ государственнаго управленія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что *теперь* проведеніе *всѣхъ* законодательныхъ вопросовъ черезъ Государственный Совѣтъ съ одной стороны еще удобнѣе, съ другой— еще важнѣе, чѣмъ полъ-вѣка тому назадъ: удобнѣе — потому, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ законопроекты уже не хранятся въ тайнѣ и оглашеніе ихъ даже путемъ печати никому не кажется опаснымъ; важнѣе—потому, что задачи законодательства значительно усложнились, интересы, съ которыми ему приходится считаться, сдѣлались несравненно болѣе многочисленными и разнообразными.

Статья Н. М. Коркунова, упомянутая нами выше, заканчивается

указаніемъ на одно „странное ограниченіе состава Государственнаго Совѣта". „Не было ни одного случая"—говоритъ г. Коркуновъ,—„чтобы въ составъ Государственнаго Совѣта былъ включенъ какой-нибудь выдающійся іерархъ нашей первенствующей православной церкви. Присутствіе его по многимъ вопросамъ могло бы, однако, оказаться безспорно существенно полезнымъ". Намъ кажется, что мнимая странность объясняется очень просто. Хотя между предметами вѣдомства Государственнаго Совѣта (по департаменту гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ) и упомянуты дѣла духовнаго управленія (учр. Госуд. Совѣта ст. 25 прим. 3), но въ дѣйствительности вопросы, относящіеся къ православной церкви, восходятъ на разрѣшеніе верховной власти черезъ святѣйшій синодъ, даже тогда, когда они имѣютъ общегосударственное значеніе: правила о церковно-приходскихъ школахъ, напримѣръ, не были проведены черезъ Государственный Совѣтъ. Вѣдомство православнаго исповѣданія представлено, притомъ, въ Государственномъ Совѣтѣ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Составъ Государственнаго Совѣта отличается другою особенностью, гораздо болѣе важною, чѣмъ отмѣченная г. Коркуновымъ: это—почти безусловная его однородность. Членами Государственнаго Совѣта назначаются почти исключительно лица, достигшія высшихъ административныхъ или судебныхъ должностей: бывшіе министры, товарищи министра, генералъ-губернаторы, сенаторы (въ исключительныхъ случаяхъ—и губернаторы). Лѣтъ пятнадцать тому назадъ было допущено отступленіе отъ этой практики: въ Государственный Совѣтъ почти одновременно были призваны гр. Бобринскій, московскій губ. предводитель дворянства, и Г. П. Галаганъ, извѣстный своею общественною дѣятельностью, но никогда не занимавшій крупнаго служебнаго поста, а нѣсколько позже—И. А. Вышнеградскій, бывшій до тѣхъ поръ только профессоромъ, директоромъ разныхъ акціонерныхъ обществъ и, недолго, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ подобныя назначенія не повторялись. Между тѣмъ, давно прошло то время, когда опытность и знанія, необходимыя для членовъ высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, могли быть пріобрѣтены только на государственной службѣ. Если лица, выдвинувшіяся своими способностями на поприщахъ не-служебныхъ, назначаются иногда прямо на высшія административныя должности, то тѣмъ менѣе препятствій, повидимому, представлялъ бы призывъ ихъ въ Государственный Совѣтъ. Если бы въ послѣднемъ, рядомъ съ бывшими администраторами и судьями, заняли мѣсто представители разныхъ отраслей общественной дѣятельности, то, конечно, было бы удовлетворено и пожеланіе Н. М. Коркунова: въ Государственный Совѣтъ призваны были бы и іерархи православной церкви, послѣ чего са-

мал сила вещей привела бы и ко внесенію въ Государственный Совѣтъ всѣхъ „дѣлъ духовнаго управленія", одинаково близко касающихся церкви и государства. Государственному Совѣту, соединяющему въ своей средѣ множество разнообразныхъ силъ, легче было бы сдѣлаться въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по буквѣ закона: средоточіемъ *всей* законодательной дѣятельности, въ полномъ ея объемѣ, безъ различія между правилами временными и постоянными, чрезвычайными и обыкновенными.

Мы говорили, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объ опротестованіи тверскимъ губернаторомъ раскладокъ земскаго сбора по всѣмъ, за исключеніемъ одного, уѣздамъ тверской губерніи. Тверское губернское земское собраніе отклонило протестъ губернатора, который опротестовалъ какъ это постановленіе губернскаго собранія, такъ и всѣ новые расходы, введенные собраніемъ въ губернскую смѣту. Если вѣрить тверскому корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 258), протестъ губернатора, поддержанный министромъ внутреннихъ дѣлъ, уваженъ Комитетомъ министровъ: губернская смѣта уменьшена на всю сумму, на которую она была увеличена губернскимъ собраніемъ (67.233 руб.), а изъ десяти уѣздныхъ смѣтъ исключено расходовъ на 41.944 руб. „Итакъ,—восклицаетъ, ликуя, корреспондентъ московской газеты („старый земецъ"),—теперь положенъ предѣлъ непомѣрному увеличенію въ тверской губерніи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, лежащихъ тяжелымъ бременемъ на населеніи, положенъ предѣлъ дѣятельности нашихъ либеральныхъ *друзей народа* въ этомъ направленіи... Мы увѣрены, что принятіе подъ свою защиту истинныхъ интересовъ населенія тверскимъ губернаторомъ будетъ встрѣчено полнымъ сочувствіемъ и благодарностью населенія тверской губерніи". Не слишкомъ ли смѣла, однако, эта увѣренность? Земскія собранія состоятъ не изъ какихъ-то пришельцевъ, чуждыхъ данной мѣстности и равнодушно или враждебно относящихся къ ея интересамъ. Они представляютъ собою населеніе, конечно—не съ полною точностью, вслѣдствіе недостатковъ избирательной системы, но во всякомъ случаѣ гораздо больше и лучше, чѣмъ разные „старые земцы", самозванные истолкователи его чувствъ и взглядовъ. Случайно, по отдѣльнымъ вопросамъ, уполномоченные могутъ разойтись съ своими довѣрителями, но такое разногласіе никогда не бываетъ ни повсемѣстнымъ, ни продолжительнымъ. Нельзя предположить, что всѣ уѣздныя собранія губерніи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду [1]), систематически

[1]) Увеличеніе расходовъ состоялось, если мы не ошибаемся, и въ томъ уѣздѣ (тверскомъ), раскладка котораго не была опротестована губернаторомъ. Ростъ зем-

шли въ разрѣзъ съ населеніемъ, увеличивали, вопреки его желанію и безъ особой нужды, земское обложеніе... Ликуетъ, вмѣстѣ съ своимъ корреспондентомъ, и редакція мнимо-охранительной газеты, приводя, по этому поводу, болѣе чѣмъ странныя мысли. Подчеркивая исключеніе изъ губернской смѣты *всей* суммы, на которую она была увеличена въ послѣдней сессіи собранія, „Московскія Вѣдомости" видятъ въ этомъ „важный прецедентъ для дальнѣйшей борьбы администраціи съ непомѣрными расходами земскихъ учрежденій". „До сихъ поръ"—читаемъ мы дальше,—„нѣкоторые начальники губерній, имѣя въ виду нѣсколько поумѣрить пылъ земскихъ тратъ, брали на себя оцѣнку сравнительной полезности и необходимости тѣхъ или другихъ земскихъ расходовъ и заявляли свои протесты противъ тѣхъ статей этихъ расходовъ, которыя представлялись имъ наименѣе производительными. А такъ какъ бо́льшая или меньшая степень производительности каждаго общественнаго расхода является всегда болѣе или менѣе спорною, то выборъ статей земскихъ смѣтъ всегда представлялъ собою самое слабое мѣсто губернаторскихъ протестовъ. Въ настоящее время начальники губерній могутъ дѣйствовать прямѣе. Повидимому, по мнѣнію высшаго правительства вполнѣ достаточно установить обременительность для мѣстнаго населенія существующихъ земскихъ сборовъ, для того чтобы признано было необходимымъ остановить дальнѣйшее ихъ возрастаніе. Такой порядокъ несомнѣнно предпочтительнѣе и съ точки зрѣнія земскихъ учрежденій, такъ какъ правительство, не вмѣшиваясь въ вопросы о томъ, на что именно расходуютъ земскія учрежденія, въ предѣлахъ закона, свои средства, требуетъ лишь одного—чтобы при собираніи этихъ средствъ съ населенія послѣднее не обременялось чрезмѣрно". Все это разсужденіе—длинный рядъ ошибокъ. Отмѣна цѣлой группы новыхъ расходовъ, какъ обременительныхъ для населенія, вовсе не исключаетъ собою, во-первыхъ, отмѣну отдѣльныхъ смѣтныхъ назначеній, какъ непроизводительныхъ или излишнихъ: именно въ данномъ случаѣ, судя по свѣденіямъ, сообщаемымъ самою московскою газетою, имѣло мѣсто одновременно и то, и другое. Первоначально протестъ тверского губернатора былъ направленъ противъ уѣздныхъ *раскладокъ*, т.-е. противъ увеличенія расходовъ, независимо отъ ихъ назначенія; но затѣмъ, когда этотъ протестъ былъ отклоненъ губернскимъ собраніемъ, губернаторъ, по словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей", „былъ вынужденъ войти въ разсмотрѣніе уѣздныхъ *смѣтъ* и намѣтить къ исключенію всѣ *непроизводительные* расходы". Новый про-

---

скихъ смѣтъ по тверской губерніи (какъ и по всѣмъ или почти всѣмъ остальнымъ) —явленіе не случайное, а повторяющееся изъ года въ годъ.

тесть, насколько онъ касался уѣздныхъ земствъ, получилъ, такимъ образомъ, совершенно другой видъ [1]), и въ *этомъ* видѣ былъ уваженъ Комитетомъ министровъ. „Предпочтительнѣе“ для земскихъ учрежденій система, восхваляемая „Московскими Вѣдомостями“, не можетъ быть, слѣдовательно, признаваема уже потому, что рядомъ съ нею по прежнему—или съ еще бо̀льшей силой, чѣмъ прежде—дѣйствуетъ и другая система, т.-е. контролируется не только *размѣръ*, но и *предметъ* расходовъ. Столь же неосновательны и доводы, приводимые московской газетой въ защиту огульной отмѣны новыхъ расходовъ. Постепенный ростъ расходовъ—неизбѣжная принадлежность всякаго общественнаго хозяйства: государственнаго, городского, земскаго, сословнаго. Возникаютъ новыя потребности, расширяются прежнія, болѣе дорогимъ становится ихъ удовлетвореніе. Замыкать общественное дѣло въ рамки однажды установленнаго бюджета значитъ обрекать его не только на застой, но на регрессъ. Каково было бы положеніе государства, если бы оно должно было отказаться, хотя бы на время, отъ повышенія своихъ расходовъ? Сколько важныхъ задачъ осталось бы непоставленными, сколько полезныхъ дѣлъ не было бы доведено до конца! Конечно, не всѣ расходы, вновь включаемые въ государственную смѣту, одинаково неотложны, одинаково производительны; но отсюда вытекаетъ только необходимость осмотрительности въ увеличеніи податного бремени, а не признаніе его чѣмъ-то неизмѣннымъ и неподвижнымъ. Непроизводство расхода, въ которомъ назрѣла надобность, можетъ обойтись государству гораздо дороже, чѣмъ обошелся бы самый расходъ. Все это вполнѣ примѣнимо и къ земству: наложеніе абсолютнаго veto на всякое повышеніе земской смѣты, парализуя земскую инціативу, несовмѣстимо съ нормальнымъ развитіемъ земской дѣятельности. Мы не принадлежимъ, конечно, къ числу сторонниковъ административнаго контроля надъ цѣлесообразностью земскихъ постановленій вообще и земскихъ расходовъ въ особенности; но это не мѣшаетъ намъ находить, что протесты, направленные противъ опредѣленныхъ смѣтныхъ назначеній, менѣе опасны, чѣмъ протесты противъ *всякаго* новаго назначенія, повышающаго об-

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что такое измѣненіе *содержанія* протеста едва ли согласно съ духомъ закона. Губернское земское собраніе, по отношенію къ протестамъ, приносимымъ на собранія уѣздныя, есть первая инстанція; если оно отклоняетъ протестъ, онъ можетъ быть повторенъ только на прежнихъ основаніяхъ—иначе высшая инстанція будетъ разсматривать совсѣмъ не то, что̀ обсуждала первая, и вопросъ, вопреки намѣренію законодателя, будетъ разрѣшенъ только *одною* инстанціею. Еслибы тверской губернаторъ опротестовалъ съ самаго начала не уѣздныя раскладки, а отдѣльныя статьи уѣздныхъ смѣтъ, то губернское собраніе могло бы иначе отнестись къ его протесту и въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла могло бы не оказаться надобности.

щую цифру смѣты. Въ первомъ случаѣ протестъ долженъ доказать *явную* непроизводительность расхода, что̀, какъ сознаютъ и „Московскія Вѣдомости“, вовсе не легко; во второмъ случаѣ расходы производительные и непроизводительные смѣшиваются въ одно цѣлое и отвергаются во имя простой ариѳметической истины, что прибавка одного или нѣсколькихъ слагаемыхъ увеличиваетъ сумму. Обременительность расходовъ для мѣстнаго населенія—понятіе относительное, съ трудомъ поддающееся точному опредѣленію. Въ настоящемъ случаѣ она установлена, повидимому, только на основаніи одного факта —быстраго роста расходовъ; по крайней мѣрѣ въ корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ не говорится ни о чемъ другомъ. Между тѣмъ, важенъ не ростъ расходовъ, который, самъ по себѣ, можетъ и не имѣть рѣшающаго значенія (напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда быстрому росту предшествовалъ продолжительный застой, и нужно спѣшить, чтобы нагнать потерянное время): важно, съ одной стороны, назначеніе, т.-е. цѣль новыхъ расходовъ, съ другой—отношеніе общей суммы земскаго сбора къ цѣнности и доходности облагаемыхъ имъ имуществъ. Между бюджетами государства и земства есть не только сходство, указанное нами выше, но и различіе: государство ничѣмъ (юридически) не связано въ пріисканіи новыхъ источниковъ дохода и въ повышеніи существующихъ налоговъ—а земство располагаетъ только немногими доходными статьями, и нѣкоторыми изъ нихъ располагаетъ только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Естественный выходъ изъ этого положенія, разъ что оно затрудняетъ дѣятельность земства—включеніе въ кругъ земскаго обложенія предметовъ, до сихъ поръ изъ него изъятыхъ, или предоставленіе земству доли участія въ нѣкоторыхъ государственныхъ доходахъ. И то, и другое несравненно болѣе справедливо, чѣмъ искусственное ограниченіе земскихъ расходовъ—болѣе справедливо уже потому, что задачи, исполняемыя земствомъ, во многомъ не отличаются, по своему характеру, отъ задачъ, исполняемыхъ государствомъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 258) напечатана недавно интересная программа мѣропріятій, которыя могли бы улучшить положеніе земскаго дѣла—программа, составленная группой губернскихъ гласныхъ одной изъ южныхъ губерній. Она не представляетъ собою ничего существенно новаго, да составители ея, очевидно, и не гнались за новизною: они хотѣли только объединить мысли, давно носящіяся въ земской атмосферѣ. Главные пункты программы, судя по изложенію „Русскихъ Вѣдомостей“, заключаются въ слѣдующемъ: несовмѣстимость должности земскаго начальника съ званіемъ гласнаго;

избираемость на земскія должности не только землевладѣльцевъ, обладающихъ полнымъ цензомъ, но и мелкихъ собственниковъ; возстановленіе порядка избранія гласныхъ, существовавшаго при дѣйствіи Положенія 1864 г.; право замѣщать земскія должности безъ утвержденія губернатора; освобожденіе земскихъ изданій отъ губернаторской цензуры и выпускъ ихъ подъ отвѣтственностью предсѣдателя управы; учрежденіе, въ качествѣ мелкой земской единицы, всесословной волости, органически связанной съ земствомъ и поставленной въ одинаковыя съ нимъ условія дѣятельности; отмѣна натуральныхъ повинностей; расширеніе программъ обученія въ начальныхъ земскихъ школахъ; дарованіе окончившимъ въ нихъ курсъ льготы третьяго разряда по воинской повинности и предоставленіе земству права открывать двухклассныя училища; передача всего продовольственнаго дѣла въ вѣденіе земства, при чемъ въ основаніе его организаціи должны быть положены концентрированіе хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ денежныхъ капиталовъ, мобилизація запаснаго хлѣба, веденіе дѣла на началахъ взаимности, широкое развитіе мелкихъ кредитныхъ учрежденій; участіе земства въ упорядоченіи переселеній и въ регулированіи отхожихъ промысловъ; упорядоченіе земскаго обложенія и привлеченіе къ нему промышленныхъ предпріятій по ихъ производительности; предоставленіе земству, по отношенію къ ходатайствамъ передъ Государемъ Императоромъ, такихъ же правъ, какія принадлежатъ дворянству; допущеніе представителей отъ земскихъ собраній къ участію въ разсмотрѣніи дѣлъ, вносимыхъ въ Комитетъ министровъ на основаніи ст. 91 Полож. о земск. учрежд. (т.-е. представленій объ отмѣнѣ постановленій, признаваемыхъ администраціею явно нарушающими интересы мѣстнаго населенія); разрѣшеніе областныхъ съѣздовъ земскихъ представителей нѣсколькихъ сосѣднихъ губерній, для объединенія земскихъ экономическихъ мѣропріятій.

Само собою разумѣется, что мы вполнѣ сочувствуемъ этой программѣ; немного найдется въ ней пожеланій, которыя не высказывалъ бы и нашъ журналъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе, своевременно ли составленіе подобныхъ программъ, когда нѣтъ никакихъ поводовъ разсчитывать на перемѣну къ лучшему въ положеніи земскаго дѣла и даже, наоборотъ, существуетъ основаніе ожидать новыхъ ограниченій круга дѣйствій земскихъ учрежденій (напр. въ области продовольственнаго дѣла). Мы не раздѣляемъ этого сомнѣнія. Убѣжденные друзья земства всегда имѣютъ право—или, лучше сказать, всегда обязаны—работать надъ вопросомъ объ условіяхъ, при которыхъ возможна успѣшная дѣятельность земскихъ учрежденій. Рано или поздно этотъ вопросъ будетъ поставленъ на очередь и въ оффиціальныхъ сферахъ—и чѣмъ больше разрѣшеніе его будетъ подготовлено въ печати и въ земскихъ

собраніяхъ, тѣмъ меньше оно встрѣтитъ затрудненій въ дѣйствительности...

Изъ вступленія къ программѣ, мотивирующаго ея положенія, „Русскія Вѣдомости“ приводятъ только одно указаніе, справедливо признавая его весьма важнымъ: „отъ земскаго дѣла совершенно отворачивается громадное большинство образованной молодежи изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Нисколько не интересуясь развитіемъ земскаго дѣла, эта молодежь толпами стремится въ суды и разныя канцеляріи, и во многихъ уѣздахъ съ каждымъ трехлѣтіемъ становится все труднѣе пополнять ряды земскихъ гласныхъ“. „Было бы крайне желательно изслѣдовать“—говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“,—„составляетъ ли уклоненіе молодежи отъ земской дѣятельности лишь мѣстное явленіе въ той губерніи, гдѣ оно замѣчено, или оно наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ. A priori можно утверждать, что все усиливающійся со стороны правительства спросъ на интеллигентныя силы не можетъ не отвлекать молодежь отъ земской работы, съ внѣшней стороны представляющей менѣе привлекательности, нежели государственная служба“. Если бы въ настоящее время существовалъ обще-земскій органъ, проектированный московской губернской земской управой, одною изъ первыхъ его задачъ послужило бы, по всей вѣроятности, собраніе по возможности полныхъ свѣденій о составѣ избирательныхъ съѣздовъ и собраній, т.-е. объ отношеніи общаго числа избирателей къ числу лицъ, дѣйствительно пользующихся своимъ избирательнымъ правомъ, и о распредѣленіи тѣхъ и другихъ по степени образованія и по общественному положенію. Быть можетъ, такую работу предприметъ и „Вѣстникъ“, основываемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: она представляетъ интересъ не только для земства, но и для администраціи. Пока не собраны числовыя данныя, возможны только догадки—какъ о самомъ существованіи явленія, такъ и о его причинахъ. Что государственная служба отвлекаетъ часть молодежи отъ земской работы—это безспорно, но только по отношенію къ одному виду этой работы: по отношенію къ земской *службѣ*, т.-е. къ занятію земскихъ исполнительныхъ должностей (предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ). Избраніе въ *гласные* вполнѣ совмѣстимо съ государственной службой: мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что во всякомъ земскомъ собраніи найдется немало лицъ, занимающихъ тѣ или другія правительственныя должности. Между тѣмъ, составители программы говорятъ о постоянно увеличивающейся трудности пополнять ряды земскихъ *гласныхъ*. Здѣсь, слѣдовательно, должны дѣйствовать какія-нибудь другія причины, независящія отъ стремленія образованной молодежи на государственную службу. Одна изъ нихъ указана мимо-

ходомъ въ вступленіи къ программѣ: это—отсутствіе интереса къ развитію земскаго дѣла. Оно можетъ исходить изъ двухъ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ источниковъ: изъ равнодушія къ общественной жизни, ко всему не касающемуся „собственной рубашки"—или, наоборотъ, изъ горячей преданности общественнымъ задачамъ. Что значительная часть современной молодежи несвободна отъ индифферентизма—это, къ несчастію, не подлежитъ сомнѣнію; въ выборѣ профессіи и занятій она расположена руководствоваться соображеніями чисто личнаго свойства—а эти соображенія говорятъ не только не въ пользу земской службы, но и не въ пользу участія въ избирательныхъ и земскихъ собраніяхъ, какъ непроизводительной потери времени, сопряженной съ непроизводительными расходами. Молодымъ людямъ, не поглощеннымъ всецѣло заботой о личной выгодѣ, земская дѣятельность можетъ показаться непроизводительною въ другомъ смыслѣ—поставленною въ слишкомъ тѣсные предѣлы, ограниченною слишкомъ тяжелыми стѣсненіями. Конечно, и въ настоящее время земскія учрежденія могутъ кое-что сдѣлать для народа: но способность удовлетворяться немногимъ всего менѣе свойственна именно лучшимъ представителямъ молодого поколѣнія. Ожидать болѣе широкаго и энергичнаго участія молодежи въ земскомъ дѣлѣ можно будетъ, поэтому, лишь тогда, когда раздвинутся его рамки и увеличится его жизненность—а такъ какъ это, въ свою очередь, предполагаетъ общую перемѣну настроенія, то въ ряды активныхъ земскихъ дѣятелей перейдутъ тогда и многіе изъ нынѣшнихъ индифферентовъ. Что касается спеціально земскихъ *должностей*, то увеличить число кандидатовъ на эти должности могло бы, больше всего, возстановленіе ихъ самостоятельности. Только она одна могла бы уравновѣсить выгоды, представляемыя государственной службой, и поднять уровень силъ, всецѣло посвящающихъ себя земству.

Въ то самое время, когда между земскими дѣятелями все болѣе и болѣе крѣпнетъ мысль о необходимости перемѣны къ лучшему въ положеніи земскаго дѣла, реакціоная печать выбивается изъ силъ, рекомендуя, прямо или косвенно, перемѣны противоположнаго свойства, совокупность которыхъ была бы равносильна упраздненію земства. Усиленнымъ нападеніямъ подвергается, между прочимъ, дѣятельность земскихъ учрежденій по взаимному страхованію и тѣсно связаннымъ съ нимъ противопожарнымъ мѣропріятіямъ. „Кто знаетъ въ деревнѣ"—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости"—„о какихъ-либо противопожарныхъ правилахъ, а если и знаетъ, то кто ихъ исполняетъ и кто слѣдитъ за ихъ исполненіемъ? Кто знаетъ относящіяся къ дере-

венскому житью статьи строительнаго и пожарнаго уставовъ? Во многихъ ли деревняхъ имѣются пожарные обозы, ночные караулы? Правда, въ настоящее время земства стали снабжать деревни, въ кредитъ и разсрочку, пожарными трубами и другими инструментами; но какъ бы хороши ни были эти инструменты, практически полезное ихъ дѣйствіе возможно лишь при условіи правильнаго и умѣлаго пользованія ими. Этого въ деревнѣ, однако, не видно, а земства на эту сторону дѣла не обратили никакого вниманія". Почти одновременно съ этой статьей мы прочли въ „Новомъ Времени" (№ 8478) циркуляръ, разосланный черниговской губернской земской управой землевладѣльцамъ, священникамъ, учителямъ земскихъ сельскихъ школъ, земскимъ врачамъ, фельдшерамъ, волостнымъ и сельскимъ начальствамъ. Земство, какъ видно изъ этого циркуляра, беретъ на себя доставку сельскимъ обществамъ пожарныхъ трубъ за *одну треть* ихъ стоимости, разсрочивая ее, притомъ, на три года, безъ процентовъ. Испорченныя трубы чинятся на счетъ земства. При недостаткѣ воды въ селеніи, земство возмѣщаетъ половину расходовъ на устройство запруды, въ размѣрѣ до 100 руб. на селеніе. На расширеніе колодцевъ и приспособленіе ихъ къ пожарнымъ нуждамъ выдается пособіе въ размѣрѣ до 25 рублей. Такое же пособіе выдается на устройство колодца при выселеніи на новое мѣсто не менѣе трехъ дворовъ. Установляются разныя преміи въ пользу лицъ, способствовавшихъ тушенію пожара. Для устройства огнеупорныхъ крышъ земство посылаетъ на свой счетъ мастеровъ. Крестьянамъ рекомендуется устройство пожарныхъ дружинъ, подъ руководствомъ опытнаго руководителя, при чемъ дружинѣ обѣщается помощь отъ земства въ размѣрѣ до 150 рублей. Въ этихъ мѣрахъ черниговскаго земства нѣтъ ничего новаго, небывалаго; многія земства—напр. петербургское — уже гораздо раньше снабжали селенія пожарными трубами по сильно уменьшенной цѣнѣ (а не просто въ кредитъ, какъ говорятъ „Московскія Вѣдомости"), заботились о распространеніи огнеупорныхъ крышъ, способствовали устройству пожарныхъ дружинъ или пожарныхъ обществъ и т. п. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ земскихъ губерніяхъ сдѣлано и дѣлается гораздо больше, чѣмъ въ не-земскихъ. Идти еще дальше земству крайне трудно, какъ потому, что у него нѣтъ ни исполнительной власти, ни органовъ на мѣстахъ, такъ и потому, что наиболѣе радикальныя противопожарныя мѣры возможны только при особыхъ условіяхъ: такъ напримѣръ, перестройка селеній по заранѣе составленнымъ планамъ, съ достаточною шириною улицъ и достаточными разстояніями между домами, можетъ быть предпринята лишь послѣ большого пожара... Вопросамъ, задаваемымъ московской газетой, съ гораздо бо̀льшимъ правомъ можно противопоставить цѣлый рядъ другихъ. Если въ селеніяхъ не исполняются требованія уста-

вовъ строительнаго и пожарнаго, то почему не настаиваютъ на исполненіи ихъ земскіе начальники, непосредственно и черезъ подчиненныя имъ волостныя и сельскія власти? Почему они не заботятся объ устройствѣ пожарныхъ обозовъ и ночныхъ карауловъ? Почему они не стараются пріучить крестьянъ къ умѣлому пользованію пожарными трубами и другими инструментами, гдѣ такіе инструменты есть на лицо? Почему они не совѣтуютъ сельскимъ обществамъ, не имѣющимъ пожарныхъ трубъ, пріобрѣсти ихъ съ помощью земства? Вмѣсто того, чтобы во всемъ обвинять земство, не лучше ли было бы дать себѣ ясный отчетъ въ размѣрѣ его средствъ и правъ и въ распредѣленіи отвѣтственности между всесильной администраціей и безсильнымъ хозяйственнымъ управленіемъ?

Говоря о принадлежащемъ земству правѣ ходатайства, мы неоднократно указывали на то, что въ высшихъ административныхъ сферахъ понятіе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ толковалось и толкуется не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой старается придать ему реакціонная печать. Подтвержденіемъ нашего мнѣнія служитъ отвѣтъ, данный недавно на ходатайство нижегородскаго губернскаго земскаго собранія о включеніи въ составъ губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія одного представителя отъ земства, въ видахъ защиты интересовъ земскихъ плательщиковъ, служащихъ на фабрикахъ и заводахъ. Съ точки зрѣнія, поддерживаемой мнимо-охранительными газетами, это ходатайство должно было быть оставлено *безъ разсмотрѣнія*, потому что оно было направлено къ дополненію *общаго* закона—а за земствомъ признается право просить только о томъ, что̀ касается исключительно интересовъ данной *мѣстности*. Не такъ, однако, поступилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ: онъ разсмотрѣлъ ходатайство по существу и призналъ его не подлежащимъ удовлетворенію, потому что въ составъ фабричнаго присутствія представители земства, какъ постоянные члены, закономъ не включены, но въ засѣданія присутствія могутъ быть приглашаемы свѣдущія лица, а слѣдовательно и представители отъ земствъ, въ случаѣ разсмотрѣнія дѣлъ, касающихся интересовъ земства. Съ формальной стороны этотъ отвѣтъ едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ отклоненіе земскихъ ходатайствъ зависитъ, по закону, отъ Комитета министровъ; со стороны содержанія онъ представляется неполнымъ, такъ какъ не указываетъ причинъ, препятствующихъ дополненію закона въ желанномъ для земства смыслѣ; но во всякомъ случаѣ онъ еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ принципѣ* ходатайства о дополненіи (или измѣненіи) закона не считаются выходящими изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій.

Узкое толкованіе права ходатайствъ встрѣчается, къ сожалѣнію, не только въ печати, но и въ самихъ земскихъ собраніяхъ, со стороны ихъ предсѣдателей. Разсмотрѣнію новгородскаго губернскаго земскаго собранія, въ послѣдней очередной его сессіи, подлежали доклады губернской управы о двухъ ходатайствахъ, возбужденныхъ бѣлозерскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и имѣвшихъ предметомъ измѣненіе нѣкоторыхъ статей устава о воинской повинности. Предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства кн. Б. А. Васильчиковъ, заявилъ, что онъ признаетъ подобные вопросы не подлежащими разсмотрѣнію земскаго собранія и считаетъ необходимымъ снять оба ходатайства съ очереди. Противъ этого распоряженія протестовалъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей, и оно, вѣроятно, будетъ обжаловано въ сенатъ. Неправильность его вытекаетъ не только изъ общихъ соображеній, приведенныхъ нами выше, но и изъ особыхъ обстоятельствъ даннаго случая, какъ нельзя лучше разъясненныхъ „Русскими Вѣдомостями“. На основаніи правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ общественныхъ собраніяхъ, *предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ*, которое предсѣдатель признаетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, это правило касается тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются тутъ же, въ собраніи, а не докладовъ, изготовленныхъ заранѣе и прошедшихъ извѣстныя предварительныя стадіи обсужденія и цензуры. Докладъ управы—не „предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ“, о которомъ говорится въ вышеприведенномъ постановленіи закона. Еще менѣе это постановленіе можетъ относиться къ тѣмъ вопросамъ, которые перенесены въ губернское собраніе по рѣшенію уѣзднаго земскаго собранія; здѣсь уже внѣ всякаго сомнѣнія имѣется не „предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ“, а представленіе независимаго учрежденія. Сенатъ — продолжаютъ „Русскія Вѣдомости“—„неоднократно разъяснялъ, что земское ходатайство, независимо отъ своего содержанія, не можетъ быть признано постановленіемъ, несогласнымъ съ закономъ, такъ какъ оно не вызываетъ такихъ дѣйствій, которыя должны быть предупреждены. Земскаго постановленія о возбужденіи ходатайства передъ высшимъ правительствомъ не можетъ остановить губернаторъ, не можетъ своею властью отклонить министръ; отказъ въ ходатайствѣ можетъ послѣдовать только черезъ Комитетъ министровъ. Предсѣдателю земскаго собранія отнюдь не можетъ, слѣдовательно, принадлежать право снимать съ обсужденія предложеніе о ходатайствѣ передъ правительствомъ, потому что иначе у него оказалась бы власть бо̀льшая, чѣмъ у губернатора и даже у министра“.

Хотя новое Городовое Положеніе издано два года спустя послѣ земскаго, оно, повидимому, ближе къ пересмотру, имѣющему коснуться нѣкоторыхъ изъ главныхъ его основаній. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, какъ извѣстно, коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о передачѣ въ пользу городовъ государственнаго квартирнаго налога. Этотъ вопросъ оказался неразрѣшимымъ безъ постановки и обсужденія многихъ другихъ, существенно важныхъ. Признано необходимымъ опредѣлить, прежде всего, долженъ ли платежъ квартирнаго налога служить основаніемъ избирательнаго права, и если долженъ, то при какой именно минимальной суммѣ платежа. Съ увеличеніемъ числа избирателей тѣсно связано увеличеніе числа гласныхъ, также включенное въ кругъ занятій коммиссіи. Она коснется, затѣмъ, и цѣлесообразности другихъ реформъ—напр., ежегоднаго, по частямъ, обновленія городской думы и децентрализаціи управленія крупными городами, путемъ раздѣленія города на участки. Данныя для работъ коммиссіи получаются ею какъ отъ губернаторовъ, такъ и отъ городскихъ управленій. Если вѣрить „Гражданину", большинство послѣднихъ высказалось противъ обязательнаго установленія городского квартирнаго налога. Основаніемъ къ такому заключенію послужило то, что хотя средства городовъ вообще и очень недостаточны, но установленіе городского квартирнаго налога, по незначительности его суммы, не можетъ имѣть сколько-нибудь существеннаго значенія для улучшенія городскихъ бюджетовъ, а между тѣмъ вызоветъ новые расходы по опредѣленію размѣровъ налога и самому его взиманію и будетъ обременительно какъ для домовладѣльцевъ, такъ и для квартиронанимателей. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ города, постоянно и не безъ основанія сѣтующіе на недостаточность своихъ средствъ, отказываются отъ увеличенія городскихъ доходовъ. Эта странность объясняется очень просто: отказъ идетъ не отъ городского *населенія*, а отъ городского *управленія*. Представляя собою весьма небольшую часть городскихъ жителей, городскія думы заинтересованы въ сохраненіи дѣйствующей избирательной системы—а она не можетъ остаться неизмѣнной, разъ что квартиронаниматели сдѣлаются плательщиками *городского* сбора. Поставить введеніе городского квартирнаго налога въ зависимость отъ усмотрѣнія городскихъ думъ значило бы, поэтому, отсрочить на неопредѣленное время реформу, въ высокой степени настоятельную. Уступить городамъ одинъ изъ своихъ доходовъ государство можетъ именно потому, что съ этой уступкой связана перемѣна къ лучшему въ городскомъ хозяйствѣ. Сосредоточеніе его въ рукахъ домовладѣльцевъ и купцовъ даетъ крайне нежелательные результаты: необходимо освѣжить его притокомъ новыхъ силъ, которыя могутъ найтись только

въ средѣ квартиронанимателей. Мы думаемъ, что избирательное право безъ всякихъ затрудненій могло бы быть предоставлено всѣмъ плательщикамъ квартирнаго налога: вѣдь наиболѣе дешевыя квартиры освобождены отъ налога, и слѣдовательно самый фактъ его уплаты является уже самъ по себѣ—имущественнымъ цензомъ. Опасаться многочисленности избирателей нѣтъ причины, потому что они могутъ быть распредѣлены по частямъ города: не слѣдуетъ только ограничивать *пассивное* избирательное право, обязывая жителей даннаго участка избирать гласныхъ непремѣнно изъ ихъ собственной среды. Въ городахъ самые близкіе сосѣди очень часто не знаютъ другъ друга; районъ извѣстности, напримѣръ, городского жителя обусловливается, сплошь и рядомъ, не тѣмъ, гдѣ онъ квартируетъ, а тѣмъ, гдѣ, главнымъ образомъ, проявляется его дѣятельность. Выборы по участкамъ должны имѣть въ виду не группировку гласныхъ по мѣсту жительства, а исключительно удобство избирательной процедуры. Едва ли, съ другой стороны, желательно образованіе чего-то въ родѣ участковыхъ управъ, конкуррирующихъ съ центральнымъ городскимъ управленіемъ. Весьма полезны, безспорно, мѣстныя попечительства по разнымъ отраслямъ городского хозяйства—но они вполнѣ возможны и на почвѣ дѣйствующаго Городового Положенія: припомнимъ, напримѣръ, благотворительныя попечительства въ Москвѣ. Столь же возможно и распредѣленіе занятій между членами управы и исполнительныхъ коммиссій не по предметамъ — или не только по предметамъ, — а, въ бо̀льшей или меньшей степени, и по частямъ города. Дальнѣйшее дробленіе функцій могло бы привести къ усложненію городского хозяйства, не уравновѣшиваемому болѣе успѣшнымъ его развитіемъ... Упомянемъ, въ заключеніе, объ оригинальной мысли, заявленной многими городскими управленіями: они находятъ, что въ случаѣ передачи квартирнаго налога въ пользу городовъ, отъ него должны быть освобождены квартиры домохозяевъ, такъ какъ послѣдніе уплачиваютъ уже въ городскія кассы оцѣночный сборъ. Но вѣдь теперь, когда квартирный налогъ идетъ въ пользу государства, платятъ же его домохозяева, хотя на нихъ и лежитъ государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ? На какомъ же основаніи льгота, оказываемая городамъ, должна обратиться въ льготу домовладѣльцамъ? На какомъ основаніи домовладѣлецъ, живущій въ собственномъ домѣ, долженъ быть поставленъ въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ домовладѣлецъ, живущій въ чужомъ домѣ и, слѣдовательно, входящій въ разрядъ квартиронанимателей?.. Ничего подобнаго, очевидно, не могли бы предложить городскія думы, если бы въ ихъ составѣ не преобладали до такой степени домовладѣльцы!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

Трансваальская война.—Исторія „южно-африканской республики“ и ея отношеній къ англичанамъ.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ.—Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка.—Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи.

Трансваальскіе „боэры“, т.-е. земледѣльцы или фермеры голландскаго и частью французскаго происхожденія, занимающіе въ южной Африкѣ область по ту сторону Вааля, притока Оранжевой рѣки, уже не въ первый разъ берутся за оружіе для защиты отъ англійскихъ посягательствъ; но никогда они еще не возбуждали такого общаго интереса и сочувствія въ Европѣ, какъ въ настоящее время. Судьба республики боэровъ поставлена теперь на карту, и новое „имперіалистское“ направленіе британской политики, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣдніе годы, должно принести свои первые крупные плоды.

Трансвааль, какъ самостоятельное государство, существуетъ съ 1852 года. Потомки голландскихъ поселенцевъ и французскихъ гугенотовъ, основавшихъ въ XVII вѣкѣ Капскую колонію, подпали подъ власть Англіи въ началѣ текущаго столѣтія; но не всѣ подчинились англичанамъ: въ тридцатыхъ годахъ, часть выселилась къ сѣверу на свободныя земли, и послѣ долгой борьбы съ кафрами и зулусами утвердилась въ долинахъ Вааля и Оранжевой рѣки; англичане объявили новыя поселенія подвластными капскому правительству; боэры, подъ предводительствомъ Преторіуса, передвинулись дальше на сѣверъ и образовали республику по ту сторону Вааля (отсюда Trans-Vaal); англійскія прокламаціи слѣдовали за ними, и только возстаніе кафровъ въ 1851 году убѣдило англичанъ въ необходимости мирнаго сближенія и союза бѣлыхъ, чтобы держать въ повиновеніи воинственныя туземныя племена. Поселенцамъ Оранжевой рѣки и Трансвааля предоставлено было пользоваться политическою независимостью; въ этомъ смыслѣ заключена была конвенція 17 января 1852 года между делегатами трансваальскихъ боэровъ и уполномоченными британскаго правительства. Частыя столкновенія съ туземцами и внутреннія междоусобія не давали, однако, упрочиться южно-африканской или трансваальской республикѣ; тѣмъ временемъ въ занятыхъ ею земляхъ открылись богатые золотые рудники, привлекшіе англійскихъ предпринимателей, и англичане не могли уже относиться равнодушно къ самостоятель-

ному существованію Трансвааля. Неудачи боэровъ въ борьбѣ съ зулусами послужили для Англіи поводомъ вмѣшаться и провозгласить въ 1877 году присоединеніе Трансвааля къ Капской области. Боэрамъ опять пришлось отбиваться отъ англичанъ; въ 1881 году, подъ руководствомъ нынѣшняго президента Крюгера, они одержали нѣсколько побѣдъ, которыя завершились пораженіемъ англійскаго отряда при Маюбѣ или Маюба-гиллѣ. Министерство Гладстона рѣшило тогда отказаться отъ завоевательныхъ плановъ, и конвенціею, подписанною въ Преторіи 3 августа 1881 года, была вновь подтверждена независимость южно-африканской республики. Впослѣдствіи договоръ этотъ подвергся пересмотру, и положеніе Трансвааля опредѣлено болѣе точно лондонскою конвенціею 27 февраля 1884 года, которая и является окончательною формальной основою внѣшней самостоятельности боэровъ. Такъ какъ области племенъ Бечуановъ, Грикуа и Матабеле, прилегающія къ Трансваалю съ запада и съ сѣвера, находятся теперь подъ англійскимъ протекторатомъ, то территорія республики не можетъ уже расширяться дальнѣйшимъ занятіемъ свободныхъ земель; почти со всѣхъ сторонъ она тѣсно охвачена кольцомъ британскихъ владѣній, и только на югѣ она граничитъ съ родственнымъ „вольнымъ государствомъ“ Оранжевой рѣки, а на западѣ—съ остатками португальскихъ колоній. На пространствѣ въ 308.560 квадратныхъ километровъ живетъ, по новѣйшимъ даннымъ, 288 тысячъ бѣлыхъ и около 650 тысячъ негровъ; разнородные пришлые элементы составляютъ двѣ трети бѣлаго населенія; число англичанъ доходитъ до 50 тысячъ. Людей, способныхъ носить оружіе и обязанныхъ явиться по призыву въ ряды войска, считается отъ 25 до 30 тысячъ, въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ; каждый долженъ имѣть свое вооруженіе, лошадь, боевые и съѣстные припасы. По конституціи 13 февраля 1858 года, пересмотрѣнной въ 1890 году, всѣ общія государственныя дѣла рѣшаются представительнымъ народнымъ собраніемъ (Volksraad) изъ двухъ палатъ: первая избирается полноправными гражданами на три года; она назначаетъ президента республики на пять лѣтъ, а также главнокомандующаго и правительственнаго секретаря или статсъ-секретаря; эти три сановника, вмѣстѣ съ двумя прибавочными выборными членами, образуютъ исполнительный совѣтъ, на которомъ лежитъ отвѣтственность за управленіе страною. Второй „раадъ“ избирается при участіи иностранныхъ поселенцевъ, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, касающихся промышленности и торговли, и въ частности рудниковъ и пріисковъ. Въ силу особыхъ полномочій, даваемыхъ первымъ народнымъ собраніемъ, президентъ фактически сосредоточиваетъ правительственную власть въ своихъ рукахъ. Знаменитый нынѣ Стефанъ-Іоганнъ-Пауль Крюгеръ („Oom Paul“) стоитъ во главѣ государства съ 1883 г.

и, слѣдовательно, исполняетъ свои функціи уже четвертое пятилѣтіе; онъ родился въ Капской области въ 1825 году, такъ что ему теперь 74 года. Страна особенно богата золотомъ, разработка котораго началась со второй половины шестидесятыхъ годовъ и получила громадное развитіе въ послѣдніе годы; вывозъ золота превышаетъ теперь 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Государственные доходы и расходы опредѣляются приблизительно въ $4^1/_2$ милліоновъ фунтовъ въ годъ. Иностранцы преобладаютъ въ золотопромышленныхъ округахъ и имѣютъ свой центръ въ Іоганнесбургѣ,—крупнѣйшемъ и красивѣйшемъ городѣ Трансвааля, выросшемъ въ поразительно короткій срокъ одного десятилѣтія [1]). Въ 1887 году, на мѣстѣ Іоганнесбурга было еще небольшое поселеніе изъ временныхъ бараковъ; а теперь тамъ цѣлый европейскій городъ, съ 85 тысячами жителей, съ массою роскошныхъ зданій. Сравнительно съ этимъ новенькимъ, лихорадочно оживленнымъ городомъ, отстоящая отъ него на 70 километровъ столица, Преторія, кажется лишь жалкой деревушкой. Изъ Іоганнесбурга идетъ все враждебное движеніе противъ боэровъ; тамъ требуются реформы въ пользу иностранныхъ поселенцевъ, „уитлэндеровъ“, лишенныхъ права голоса при избраніи членовъ перваго „раада“ и не имѣющихъ поэтому возможности непосредственно вліять на законодательство и управленіе. Въ Іоганнесбургѣ задуманъ и подготовленъ былъ планъ набѣга Джемсона, въ концѣ 1895 года; оттуда идутъ настойчивыя жалобы, обращаемыя въ Лондонъ и въ Капштадтъ, по поводу мнимыхъ притѣсненій и обидъ со стороны правительства. „Уитлэндеры“, проживающіе въ Трансваалѣ большею частью только временно, съ цѣлью обогащенія, добиваются политической равноправности съ коренными боэрами. а боэры ставятъ для этого только одно условіе—постоянное пребываніе въ странѣ въ продолженіе извѣстнаго срока послѣ натурализаціи, съ отказомъ отъ иноземнаго подданства. Всякій „уитлэндеръ“ могъ натурализоваться въ Трансваалѣ; черезъ два года ему принадлежитъ уже право голоса при выборахъ во второй „раадъ“, еще черезъ два года—быть избираемымъ въ члены этого собранія, а еще черезъ восемь лѣтъ—участвовать въ избраніи перваго „раада“ и въ назначеніи президента республики. Такимъ образомъ черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ натурализаціи „уитлэндеръ“ становился полноправнымъ гражданиномъ, наравнѣ съ исконными обитателями страны. Англичане находили эти условія совершенно фиктивными и неосуществимыми, такъ какъ весьма немногіе изъ „уитлэндеровъ“ могли дождаться вступленія въ число „бюргеровъ“, и огромное большинство

[1]) Интересныя свѣдѣнія о промышленномъ ростѣ Трансвааля приведены въ книгѣ Пьера Леруа-Больё, изданной и въ русскомъ переводѣ: „Новыя англо-саксонскія общества“, Спб., 1898, стр. 193—263.

иностранныхъ поселенцевъ оставалось бы по прежнему безправнымъ, т.-е. устраненнымъ отъ участія въ законодательствѣ и управленіи. Разумѣется само собою, что немедленное признаніе за „уитлэндерами" всѣхъ правъ гражданства—на чемъ настаиваютъ англичане—было бы равносильно передачѣ Трансвааля въ распоряженіе англійскихъ выходцевъ, ибо послѣднихъ значительно больше, чѣмъ гражданъ-боэровъ. Одинъ Іоганнесбургъ съ окрестностями доставилъ бы около 30 тысячъ избирателей, тогда какъ число всѣхъ взрослыхъ боэровъ, обладающихъ правомъ голоса, едва доходитъ до 25 тысячъ. Поэтому-то боэры, съ своимъ президентомъ Крюгеромъ, такъ упорно возстаютъ противъ британскихъ домогательствъ; они борются на этой почвѣ за свое существованіе.

Оффиціальное заступничество Англіи за британскихъ „уитлэндеровъ" Трансвааля было постоянною угрозою для республики и причиняло сильнѣйшія затрудненія ея правительству. Дѣятельность лондонской дипломатіи въ этомъ направленіи временно пріостановилась послѣ неудавшейся попытки Джемсона, разбитаго и взятаго въ плѣнъ съ своимъ отрядомъ при Крюгерсдорпѣ, 1 января 1896 года; планъ внезапнаго насильственнаго захвата страны пользовался поддержкою всемогущаго тогда въ южной Африкѣ Сесиля Родеса, бывшаго первымъ министромъ Капской области, и косвенное участіе въ этомъ дѣлѣ приписывалось также самому главѣ британскаго колоніальнаго вѣдомства, Чемберлэну. Такъ какъ отрядъ Джемсона составленъ былъ изъ лицъ, находившихся на службѣ привилегированной южно-африканской компаніи, руководимой Родесомъ, то денежная отвѣтственность этой компаніи за причиненные набѣгомъ убытки признавалась и Англіею; тѣмъ не менѣе, обязательство уплаты вознагражденія Трансваалю оттягивалось подъ разными предлогами въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ и не было исполнено до сихъ поръ. Нѣкоторое затишье въ трансваальскомъ вопросѣ продолжалось до весны настоящаго года, когда черезъ англійскаго агента въ Преторіи, Конингема Грина, представлена была высшему коммиссару или губернатору Капской колоніи, сэру Альфреду Мильнеру, петиція на имя королевы Викторіи съ подписями 21 тысячи британскихъ подданныхъ въ Трансваалѣ; въ этой петиціи подробно изложены причины неудовольствія „уитлэндеровъ" и высказана просьба оказать имъ покровительство, произвести разслѣдованіе для провѣрки ихъ жалобъ, обезпечить исполненіе требуемыхъ ими реформъ и добиться отъ трансваальскаго правительства дѣйствительныхъ гарантій для устраненія злоупотребленій и признанія правъ англійскихъ поселенцевъ. Англія возобновила переговоры въ болѣе настойчивомъ тонѣ, и рѣшительнымъ переходнымъ моментомъ было совѣщаніе между капскимъ правителемъ, сэромъ Мильне-

ромъ и президентомъ Крюгеромъ, въ Блумфонтейнѣ, столицѣ Оранжевой республики, въ началѣ іюня. Британскій „высшій коммиссаръ" формулировалъ свои предложенія въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ назначается пятилѣтній срокъ пребыванія въ странѣ, и это правило должно имѣть обратное дѣйствіе; натурализація даетъ немедленно полное право голоса при выборахъ; новому населенію должно быть обезпечено соотвѣтственное представительство; текстъ присяги для вступленія въ граждане долженъ быть измѣненъ (т.-е. слова объ отказѣ отъ чужого подданства должны быть исключены). Президентъ Крюгеръ съ своей стороны предложилъ: установить для натурализаціи двухлѣтній срокъ пребыванія, а для пріобрѣтенія полныхъ избирательныхъ правъ — пятилѣтній срокъ со времени натурализаціи, т.-е. всего семь лѣтъ; предоставить черезъ два года всѣ гражданскія права лицамъ, поселившимся въ странѣ ранѣе 1890 года; обезпечить болѣе широкое представительство населенію пріисковъ и рудниковъ; назначить извѣстный имущественный цензъ, какъ необходимое условіе натурализаціи, и, наконецъ, держаться текста присяги, принятаго въ Оранжевой республикѣ. Эти существенныя уступки президентъ Крюгеръ ставилъ въ зависимость отъ принятія британскимъ правительствомъ принципа третейскаго суда для разрѣшенія споровъ и разногласій между обѣими странами; но затѣмъ онъ взялся провести свои предложенія во всякомъ случаѣ, не связывая ихъ съ требованіемъ арбитража. Сэръ Альфредъ Мильнеръ нашелъ предложенія объ избирательномъ правѣ недостаточными, и совѣщаніе въ Блумфонтейнѣ не привело къ желанному миру. Новый избирательный законъ былъ внесенъ въ первый раадъ и принятъ съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями. Чемберлэнъ требовалъ присылки ему копіи законопроекта и пріостановки его обсужденія въ раадѣ, пока онъ не ознакомится съ точнымъ его содержаніемъ; трансваальское правительство отвѣтило, что начавшееся обсужденіе не можетъ быть остановлено, и что, впрочемъ, всякія дружественныя указанія будутъ приняты во вниманіе. По новому закону, семь лѣтъ пребыванія вполнѣ уравниваютъ „уитлэндеровъ" съ „бюргерами", безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій; дѣйствительные поселенцы Трансвааля получаютъ полное право голоса или немедленно, или черезъ извѣстный срокъ, смотря по продолжительности своего пребыванія въ странѣ. Сэръ Мильнеръ требовалъ меньшаго срока, но, очевидно, разница на два года не представляетъ существеннаго значенія и интереса въ вопросѣ о натурализаціи. Въ Лондонѣ думали, что дѣло кончено, и „Times", въ нумерѣ отъ 19-го іюля, объявлялъ, что „кризисъ въ отношеніяхъ между Англіею и Трансваалемъ можетъ считаться разрѣшившимся" благополучно. Не

того, однако, желали англичане-„уитлэндеры“ и ихъ единомышленники въ Капской области; они съ негодованіемъ протестовали противъ уступчивости и слабости правительства, указывая на то, что новый законъ не доставитъ преобладанія поселенцамъ, въ виду непостоянства мѣстожительства многихъ изъ нихъ, и что поэтому боэры будутъ по прежнему угнетать бѣдныхъ англичанъ. Когда Чемберлэнъ потребовалъ затѣмъ назначенія „соединенной коммиссіи“, для изученія дѣйствія новаго закона на мѣстѣ, то это показалось уже прямымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Трансвааля, и между боэрами окончательно утвердилось убѣжденіе, что англичане хотятъ войны. О томъ, чтобы допустить британскихъ делегатовъ къ контролю надъ постановленіями мѣстнаго раада, или вообще къ разсмотрѣнію и рѣшенію вопросовъ внутренняго законодательства,—не могло быть и рѣчи; самая мысль объ этомъ возмущала боэровъ, тѣмъ болѣе, что она вносила въ переговоры совершенно новый элементъ, о которомъ вовсе не упоминалъ сэръ Мильнеръ во время совѣщаній въ Блумфонтейнѣ. „Соединенная коммиссія“ имѣла цѣлью провѣрить, можетъ ли новый законъ привести къ полному удовлетворенію „уитлэндеровъ“, а такъ какъ стремленія послѣднихъ хорошо извѣстны боэрамъ, то нельзя было сомнѣваться въ результатахъ предположеннаго совмѣстнаго „изслѣдованія“. Президентъ Крюгеръ сдѣлалъ послѣднюю попытку для избѣжанія разрыва: онъ предложилъ принять пятилѣтній срокъ для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ, какъ того требовалъ сэръ Альфредъ Мильнеръ, и соглашался заранѣе на дальнѣйшія разумныя предложенія по спорнымъ вопросамъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Англія отказалась на будущее время отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Трансвааля и чтобы возможныя разногласія рѣшались третейскимъ судомъ.

Въ то же время (въ августѣ) второй сановникъ Трансвааля, генералъ Жуберъ, обратился къ королевѣ Викторіи съ трогательнымъ воззваніемъ, которое заключалось словами: „Допуститъ ли ваше величество, чтобы маленькое, слабое государство, старавшееся всегда жить въ мирѣ съ народомъ и правительствомъ вашего величества, было раздавлено всемірно-извѣстнымъ могуществомъ британской имперіи, единственно благодаря лживымъ сообщеніямъ недобросовѣстныхъ людей, возбудившихъ и поддерживающихъ эту агитацію?“ Жуберъ горячо нападаетъ на коварныхъ дѣльцовъ, добывающихъ себѣ богатство въ Трансваалѣ и стремящихся отплатить за гостепріимство отнятіемъ у народа драгоцѣннѣйшихъ его благъ; эти дѣльцы-интриганы ввели въ заблужденіе британское правительство, представивъ ему петицію съ 21 тысячею подписей, большею частью завѣдомо фальшивыхъ: изъ подписанныхъ именъ многія принадлежатъ лицамъ,

не видавшимъ вовсе этой петиціи, или давно уже умершимъ. Жуберъ заклинаетъ королеву не вѣрить Чемберлэну и его союзникамъ и вспомнить великаго Гладстона, который прекратилъ несправедливую войну съ боэрами дарованіемъ имъ независимости и этимъ возстановилъ честь Великобританіи. Золото, найденное въ Трансваалѣ, было для него несчастіемъ; оно не нужно скромнымъ и честнымъ земледѣльцамъ, боэрамъ, и пусть оно забирается англичанами, но послѣдніе не должны отбирать за это свободу у туземнаго населенія. Доводы и просьбы трансваальскаго главнокомандующаго дали только поводъ къ насмѣшкамъ въ англійской печати, а „новый планъ президента Крюгера", почти цѣликомъ уже осуществлявшій первоначальныя британскія требованія, отвергнутъ Чемберлэномъ, какъ запоздалый и связанный, притомъ, съ отрицаніемъ верховенства Англіи надъ Трансваалемъ. Лондонскій кабинетъ настаивалъ на своемъ правѣ вмѣшательства для защиты англійскихъ подданныхъ и не допускалъ уклоненія отъ вопроса о „соединенной коммиссіи". Усиленная отправка войскъ въ южную Африку не оставляла уже никакихъ сомнѣній насчетъ истинныхъ намѣреній англичанъ. Проектъ „соединенной коммиссіи" мотивировался недостаточностью или неясностью закона, предложеннаго Крюгеромъ, и слѣдовательно отпадалъ самъ собою съ измѣненіемъ этого закона въ духѣ англійскихъ требованій; но такая точка зрѣнія не соотвѣтствовала интересамъ лицъ, подготовлявшихъ военную экспедицію противъ Трансвааля.

Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 2 сентября, трансваальское правительство соглашается уже на все—и на назначеніе коммиссіи, и на дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ „уитлэндеровъ", особенно въ золотопромышленныхъ округахъ; оно робко высказываетъ надежду на мирное соглашеніе безъ ущерба для государственныхъ правъ, обезпеченныхъ за Трансваалемъ конвенціею 1884 года. Крайне миролюбивый и даже уничижительный тонъ этой депеши произвелъ совершенно неожиданное дѣйствіе на англійскихъ патріотовъ: онъ вывелъ ихъ наконецъ изъ терпѣнія и ускорилъ печальную развязку. Англичане какъ будто испугались возможности мирнаго исхода и поспѣшили принять мѣры, чтобы задуманное предпріятіе на этотъ разъ доведено было до конца. Президентъ Крюгеръ предчувствовалъ это, когда говорилъ въ засѣданіи раада, 7 сентября, по поводу непріязненныхъ плановъ „уитлэндеровъ" и ихъ могущественныхъ заступниковъ. „Сила не есть право,—заявлялъ онъ,—а напротивъ, право есть сила. Дѣло Трансвааля справедливо. Уитлэндерамъ нужны не избирательныя права, а нужно обладаніе страною. Трансвааль отдалъ уже очень много, и ему не остается ничего уступать, кромѣ своей независимости. Богъ рѣшитъ, на чьей сторонѣ право". Чемберлэнъ отвѣ-

тилъ на новыя уступки Крюгера категорической и рѣзкою нотою (отъ 8 сентября), которая, по свидѣтельству „Times“, представляла собою ультиматумъ; къ прежнимъ требованіямъ прибавлены были новыя,— равноправность англійскаго и голландскаго языковъ въ раадѣ, равное участіе новыхъ и старыхъ гражданъ въ президентскихъ и прочихъ выборахъ, предоставленіе промышленнымъ округамъ четвертой части всего числа мѣстъ въ первомъ народномъ собраніи. Для окончательнаго принятія этихъ предложеній назначенъ былъ срокъ въ 48 часовъ; въ случаѣ неудовлетворительнаго или неопредѣленнаго отвѣта, британское правительство оставляло за собою право „разсмотрѣть положеніе вновь и формулировать свои собственныя предложенія, для надлежащаго окончанія дѣла“. Впрочемъ, условіе относительно срока было затѣмъ смягчено, и Англія позволила Трансваалю обдумать и обсудить рѣшеніе. Дипломатія боэровъ не могла уловить руководящую нить въ объясненіяхъ и замѣчаніяхъ Чемберлэна; и она была не въ силахъ далѣе слѣдовать за нимъ. Въ депешѣ, отъ 16 сентября, указывается на противорѣчивость и непослѣдовательность англійскихъ заявленій, причемъ опять выражается согласіе Трансвааля на назначеніе „соединенной коммиссіи“; другія же требованія не вытекаютъ изъ хода переговоровъ и представляются сами по себѣ неосуществимыми или безцѣльными. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставляется на видъ то обстоятельство, что новыя предложенія трансваальскаго правительства были отчасти внушены британскимъ агентомъ въ Преторіи, въ видахъ обоюднаго мирнаго соглашенія; такимъ образомъ, Трансвааль былъ введенъ въ ошибку и напрасно дѣлалъ существенныя уступки, которыя въ дѣйствительности не требовались.

Наконецъ, Чемберлэнъ закончилъ дипломатическую переписку двумя нотами, отъ 22-го сентября; въ первой онъ съ грустью приходитъ къ выводу, который долженъ поразить всѣхъ, слѣдившихъ за ходомъ переговоровъ со времени блумфонтейнскихъ совѣщаній,—что будто бы Трансвааль отказался удовлетворить справедливыя требованія „уитлэндеровъ“; поэтому Англія обязана теперь сама придумать способы для „окончательнаго разрѣшенія затрудненій, созданныхъ политикою, которой постоянно, въ теченіе многихъ лѣтъ, придерживалось правительство южно-африканской республики“. О результатахъ своихъ совѣщаній лондонскій кабинетъ „сообщитъ въ позднѣйшей депешѣ“. Вторая нота имѣетъ полемическій характеръ; въ ней опровергаются или, вѣрнѣе, отвергаются намеки на умышленную недобросовѣстность британскаго агента въ Преторіи и на перемѣнчивость взглядовъ и требованій британской дипломатіи вообще, по отношеніи къ Трансваалю. Съ этого момента дипломатическая дѣятельность по трансваальскому вопросу прекращается и всецѣло уступаетъ мѣсто лихорадочнымъ

военнымъ приготовленіямъ. Въ Трансваалѣ ждали обѣщанныхъ сообщеній о заключительныхъ резолюціяхъ британскаго колоніальнаго вѣдомства; но прошло двѣ недѣли, и никакой новой депеши не было получено отъ Чемберлэна. Приходили только извѣстія о полкахъ, непрерывно отправляемыхъ въ южную Африку и провожаемыхъ патріотическими восторгами англійскаго населенія. Боэрамъ грозило нашествіе многочисленной британской арміи, сосредоточиваемой въ Наталѣ, и дальнѣйшее ихъ бездѣйствіе могло бы оказаться роковымъ для Трансвааля. Чтобы выйти изъ невыносимаго положенія, боэры осмѣлились въ свою очередь предъявить Англіи свой ультиматумъ: въ нотѣ 9 октября они опять становятся на почву своихъ законныхъ правъ, подтвержденныхъ конвенціею 1884 года, и рѣшительно отрицаютъ легальность англійскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Трансвааля; они требуютъ не только удаленія британскихъ войскъ отъ границъ южно-африканской республики, но и отозванія всѣхъ отрядовъ, присланныхъ въ южную Африку съ начала іюня или находящихся еще въ пути. Подобная дерзость была бы безуміемъ, если бы она не была простымъ констатированіемъ факта войны, возвѣщеннаго нотами Чемберлэна, отъ 22 сентября, и подготовленнаго энергическими сборами англійскихъ войскъ. Британскій ультиматумъ 8 сентября означалъ уже разрывъ, и послѣдовавшій затѣмъ обмѣнъ депешъ былъ только предисловіемъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Открытіе кампаніи откладывалось Англіею до тѣхъ поръ, пока всѣ войска не прибудутъ къ мѣсту своего назначенія; а допустить безпрепятственное окончаніе этихъ приготовительныхъ операцій было бы равносильно самоубійству со стороны Трансвааля.

Англичане прониклись чувствомъ глубоко оскорбленной національной гордости, когда ничтожные боэры бросили имъ смѣлый вызовъ; англійская печать дѣлала видъ, что Трансвааль первый вздумалъ напасть на Англію, и что послѣдняя по неволѣ должна защищаться. Заодно съ Трансваалемъ выступила противъ англичанъ и Оранжевая республика, въ силу существующаго между ними оборонительнаго и наступательнаго союза; оба государства боэровъ вполнѣ солидарны между собою, и президентъ Штейнъ безусловно раздѣляетъ взгляды и чувства президента Крюгера. Боэры обѣихъ республикъ имѣютъ одно важное преимущество передъ своими могущественными противниками; они воюютъ у себя дома, во имя своей свободы и независимости, тогда какъ англичане борются въ качествѣ пришельцевъ, при чуждыхъ и неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ, руководствуясь побужденіями, не имѣющими въ себѣ ничего возвышеннаго. Въ одномъ изъ Тургеневскихъ „Стихотвореній въ прозѣ“ маленькій, безсильный воробей успѣшно спасаетъ своего дѣтеныша отъ грознаго пса, оста-

навливая его нападеніе своимъ самоотверженнымъ отчаяніемъ; такъ и силы боэровъ увеличиваются сознаніемъ необходимой обороны, а вдохновляющая ихъ рѣшимость борьбы за существованіе какъ будто уравниваетъ шансы успѣха для обѣихъ сторонъ, вопреки огромному различію ихъ средствъ. Ироническое отношеніе англійской печати къ боэрамъ должно было измѣниться подъ вліяніемъ первыхъ серьезныхъ неудачъ, испытанныхъ британскими войсками на театрѣ войны въ Наталѣ; небольшой народъ, защищающій свою родину и дѣйствующій при этомъ какъ одинъ человѣкъ, съ глубокою вѣрою въ свою правоту, опасенъ даже для такой державы, какъ Англія, и во всякомъ случаѣ онъ не заслуживалъ тѣхъ надменныхъ выходокъ и насмѣшекъ, какія расточались по его адресу британскими „патріотами". Первый фазисъ войны окончился безусловно въ пользу боэровъ, и пораженіе арміи генерала Уайта при Лэдисмитѣ — пораженіе, котораго никто не ожидалъ, — есть тяжелый и справедливый урокъ для англичанъ, увлекшихся воинственными идеалами „имперіализма". Потребуется слишкомъ много жертвъ и усилій, чтобы справиться съ Трансваалемъ и заглушить возростающее броженіе среди голландскихъ элементовъ Капской области и прилегающихъ къ ней земель; и возможная въ будущемъ побѣда Англіи будетъ достигнута лишь цѣною разоренія тѣхъ промышленныхъ мѣстностей, интересы которыхъ были наиболѣе близки трансваальскимъ „уитлэндерамъ". Первые виновники этихъ кровавыхъ событій, англійскіе поселенцы Іоганнесбурга и его окрестностей, едва ли довольны теперь дѣломъ рукъ своихъ; поощрявшіе ихъ англійскіе дѣятели, съ Чемберлэномъ во главѣ, рискуютъ потерять свою популярность, и положеніе всего кабинета можетъ пошатнуться подъ вліяніемъ военныхъ случайностей; которыхъ нельзя было предвидѣть. Торжество надъ боэрами не покроетъ Англіи новой славою, и исторія британской націи не украсится новымъ блескомъ при переходѣ отъ XIX къ XX вѣку.

Новѣйшіе успѣхи воинственнаго патріотизма въ такихъ культурно-промышленныхъ странахъ, какъ Англія и Соединенные-Штаты, даютъ обильный матеріалъ для пессимистическаго настроенія. Если передовыя націи, не имѣющія постоянныхъ армій и не знающія спеціальныхъ особенностей милитаризма, такъ легко заражаются духомъ войны, то можно ли надѣяться на прочность идеи мира въ континентальной Европѣ? Слѣдуетъ ли придавать серьезное значеніе проектамъ международнаго третейскаго суда, которые съ наибольшею энергіею отстаивались въ Гаагѣ представителями Англіи и Сѣверной Америки? Соединенные-Штаты отвергли принципъ третейскаго разбирательства въ

примѣненіи къ своему спору съ Испаніею; британское правительство рѣшительно отклоняло настойчивыя просьбы Трансвааля о третейскомъ судѣ для устраненія возникшихъ или могущихъ возникнуть разногласій. Было бы, однако, ошибочно дѣлать отсюда выводъ, что каждая держава готова предлагать реформы международнаго права только для другихъ; несправедливо было бы также приписывать американцамъ и англичанамъ недостатокъ сочувствія къ идеѣ арбитража въ международныхъ отношеніяхъ; напротивъ, оба эти народа не разъ доказывали на дѣлѣ свою готовность отдавать на разсмотрѣніе третейскаго трибунала значительные спорные вопросы внѣшней политики. Всѣмъ памятно Алабамское дѣло, долго волновавшее Англію и Сѣверную Америку и разрѣшенное третейскимъ судомъ въ 1872 г.; недавно окончилась такимъ же мирнымъ способомъ старинная распря между Англіею и Венецуэлою, причемъ предсѣдателемъ трибунала былъ нашъ извѣстный спеціалистъ по международному праву, профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ. Объ этомъ интересномъ процессѣ напечатано было въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующее сообщеніе:

„Парижскій третейскій трибуналъ по англо-венецуэльскому спору подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Мартенса, окончилъ свои занятія произнесеніемъ третейскаго рѣшенія 21-го сентября (3-го октября). Въ продолженіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, съ 3-го (15-го) іюня, почти ежедневно происходили засѣданія. Представители-адвокаты, числомъ 8 (по 4 съ каждой стороны), произносили свои рѣчи ежедневно не менѣе 4 часовъ. Первый представитель Англіи, сэръ Ричардъ Уэбстеръ, говорилъ 20 дней, и первый представитель Венецуэлы, генералъ Гарриссонъ, бывшій президентъ Соединенныхъ Штатовъ, говорилъ, вмѣстѣ со своими помощниками, 31 день. Все дѣлопроизводство трибунала и всѣ рѣчи происходили на англійскомъ языкѣ. Самыя засѣданія были публичными. Въ среду, 16-го (28-го) сентября, кончились пренія сторонъ и немедленно начались совѣщанія арбитровъ при закрытыхъ дверяхъ. Во вторникъ, 23-го сентября (3-го октября), происходило торжественное публичное засѣданіе трибунала, въ которомъ было прочитано третейское рѣшеніе, на англійскомъ и французскомъ языкахъ. По экземпляру этого рѣшенія, подписаннаго всѣми членами трибунала, безъ всякихъ оговорокъ, тутъ же были вручены агентамъ Англіи и Венецуэльскихъ Штатовъ, аккредитованнымъ при трибуналѣ. Одинъ экземпляръ рѣшенія, также на пергаментѣ, былъ сданъ въ архивъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Парижскимъ третейскимъ рѣшеніемъ, имѣющимъ окончательную законную силу, окончѣнъ пограничный споръ, продолжавшійся четыре вѣка, въ отношеніи территоріальныхъ границъ въ Гвіанѣ. Объектомъ спора была область въ 55.000 квадратныхъ миль между рѣками Ориноко и Эсоквибо. Въ силу рѣшенія парижскаго трибу-

нала, Англія должна признать рѣку Ориноко исключительною собственностью Венецуэльской республики и снять свой военно-полицейскій постъ въ устьяхъ этой громадной рѣки, въ такъ называемый Barima Point. Съ другой стороны, Венецуэла должна признать значительную часть претензій Англіи на спорную территорію. Новая пограничная линія начинается съ мыса Palaya и идетъ во внутрь страны до рѣки Куюни. Въ рѣчи, произнесенной на англійскомъ и французскомъ языкахъ въ торжественномъ засѣданіи трибунала, предсѣдатель обратилъ вниманіе на двѣ отличительныя особенности постановленнаго рѣшенія: во-первыхъ, оно принято единогласно всѣми арбитрами, безъ всякихъ оговорокъ, чего до сихъ поръ не бывало при рѣшеніи серьезныхъ международныхъ споровъ, и, во-вторыхъ, все судопроизводство парижскаго трибунала было основано на примѣненіи одобренныхъ арбитрами „Правилъ“ (Rules), составляющихъ маленькій уставъ третейскаго разбирательства международныхъ столкновеній. Эти самыя „Правила“ вошли впослѣдствіи въ составъ международной конвенціи объ арбитражѣ, подписанной въ іюлѣ на гаагской конференціи мира“.

Въ Австро-Венгріи процессъ политическаго разложенія подвигается быстро впередъ, усложняясь цѣлымъ рядомъ непримиримыхъ внутреннихъ антагонизмовъ — національныхъ, племенныхъ, религіозныхъ и общественныхъ. Венгрія обладаетъ еще элементами устойчивости, и ея мадьярское ядро способно пока поддерживать внѣшнее государственное единство Транслейтаніи; парламентскія неурядицы, вызванныя неудачною тактикою министерства Банфи, прекратились съ переходомъ правительственной власти въ руки популярнаго и осторожнаго Коломана Селля. Но въ цислейтанской половинѣ имперіи тяжелый внутренній кризисъ давно уже сдѣлался хроническимъ, отражаясь непосредственно на общемъ положеніи монархіи; различныя народности, занимающія одну и ту же государственную территорію, никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ, и споры объ употребленіи того или другого языка въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ настолько возбуждаютъ страсти, что дѣло доходитъ до уличныхъ кровавыхъ стычекъ. Одно министерство смѣняетъ другое, одни законопроекты уступаютъ мѣсто другимъ, и кризисъ не только не смягчается, но становится все болѣе острымъ и глубокимъ. Кабинетъ графа Туна, просуществовавшій съ марта прошлаго года, долженъ былъ выйти въ отставку, послѣ долгой и сложной парламентской путаницы, доходившей до грубыхъ личныхъ столкновеній между представителями враждебныхъ партій. Новое министерство графа Клари перемѣнило прежнюю программу: вмѣсто того, чтобы выдерживать нападенія нѣмцевъ и пользоваться содѣйствіемъ чеховъ, оно, напротивъ, будетъ воевать съ чехами и опираться на нѣмцевъ. Результаты этой перемѣны фронта оказываются, однако, мало утѣшительными; то, что продѣлывали прежде

нѣмецкіе патріоты, производится еще съ большею энергіею чешскими дѣятелями. Безцеремонная отмѣна постановленій о равноправности языковъ удовлетворила нѣмцевъ, но вызвала ожесточенную бурю среди славянскаго и именно чешскаго населенія. Поляки дѣйствуютъ теперь за-одно съ нѣмцами, и хаосъ усилился, достигнувъ небывалыхъ размѣровъ, прежде чѣмъ новое министерство успѣло выяснить свои намѣренія и предположенія относительно ближайшаго будущаго. Престарѣлый императоръ не можетъ также способствовать облегченію кризиса, и выходъ изъ этого печальнаго состоянія пока еще не найденъ...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1899.

— С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время). Спб. 1899.

Смутное время привлекало въ послѣдніе годы особенное вниманіе историковъ. Ему посвящается трудъ гр. С. Д. Шереметева, еще неизданный и, кажется, еще не конченный, о великомъ интересѣ котораго говорятъ изданныя недавно письма, писанныя по этому поводу Бестужевымъ-Рюминымъ: здѣсь идетъ рѣчь въ особенности о самой личности Самозванца. Съ другой точки зрѣнія изслѣдуетъ тотъ же вопросъ Е. Н. Щепкинъ въ трудѣ, изданіе котораго еще не окончено. О. Пирлингъ сообщилъ впервые подлинное письмо Самозванца къ папѣ Клименту, не оставляющее сомнѣнія, что писавшій былъ человѣкъ московскій. Недавно явилось новое изданіе книги г. Забѣлина о Смутномъ времени. Польскій историкъ Гиршбергъ сдѣлалъ изслѣдованіе опять о Самозванцѣ, съ новыми соображеніями объ его личности и приключеніяхъ, и издалъ любопытный польскій дневникъ Немоевскаго (путешествіе и пріѣздъ Марины въ Москву, пріемы и банкеты при дворѣ, катастрофа и т. д.). С. Ѳ. Платоновъ давно посвятилъ свои труды изученію Смутнаго времени и ему принадлежитъ цѣнное изслѣдованіе и изданіе исторической литературы междуцарствія. Его настоящій трудъ есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ изысканій объ этой эпохѣ, какія были въ нашей исторической литературѣ.

Въ предисловіи г. Платоновъ такъ опредѣляетъ свою задачу. Онъ— „желалъ изучить тѣ вопросы въ исторіи Смутной эпохи, которые обыкновенно стоятъ на второмъ планѣ не только у прежнихъ, но и у новыхъ повѣствователей. Богатая литература о Смутѣ позволила автору совершенно обойти много разъ описанныя, всѣмъ извѣстныя внѣшнія подробности событій и сосредоточить все свое вниманіе на

изображеніи дѣятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикѣ массовыхъ движеній въ Смутное время".

Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой, какъ въ подготовительномъ очеркѣ, авторъ указываетъ историческую обстановку, въ которой совершалось дѣйствіе смуты, именно даетъ характеристику областей московскаго государства и изображеніе „кризиса второй половины XVI вѣка", именно условій государственнаго быта въ царствованіе Ивана Грознаго. Вторая и главная часть книги посвящена исторіи Смуты,—какъ сказано, со стороны ея внутренняго процесса. Авторъ видитъ въ этомъ процессѣ три періода: борьбу за московскій престолъ (до воцаренія Шуйскаго); разрушеніе государственнаго порядка (царствованіе и низложеніе Шуйскаго); попытки возстановленія порядка, закончившіяся избраніемъ царя Михаила Ѳедоровича. Въ этихъ главныхъ движеніяхъ авторъ указываетъ частные эпизоды общественныхъ и народныхъ настроеній, такъ что получается обстоятельное изображеніе волненій, охватывавшихъ народную жизнь и наконецъ грозившихъ самому государству въ Смутное время.

Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, какъ важно было представить исторію Смутнаго времени со стороны его внутреннихъ отношеній; внѣшняя исторія Смуты, которую нѣкогда изображали только какъ рядъ анекдотическихъ событій, разыгрывалась на подкладкѣ историческихъ и бытовыхъ явленій, и изъ послѣднихъ развивались движенія массовыя, которыхъ невозможно объяснить, не принявъ въ соображеніе этихъ бытовыхъ мотивовъ. Условія, въ которыхъ развивалась Смута, даны были предъидущей эпохой, и авторъ начинаетъ со временъ Грознаго. Общую мысль свою авторъ высказываетъ такъ: „Мы слѣдуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что Смута начала XVII вѣка имѣла корни въ московской жизни, а не была сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству польскими „кознями" и папской „интригою". Разумѣется, мы назвали бы политику Рѣчи-Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла во-время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, чтобы эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и могла поднять народныя массы другъ на друга безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ, значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе Смуты и правильно объяснить ея происхожденіе" (стр. 122).

Московскіе люди, жившіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ созрѣвала Смута, чувствовали ея приближеніе. „Безъ привычки къ свободному и простому изложенію наблюденій и впечатлѣній, они въ своихъ

писаніяхъ оставили намъ не ясно выраженныя опасенія и предчувствія бѣдъ, но намеки, смутные и тревожные, смыслъ которыхъ, однако, остается внѣ сомнѣній". Одинъ писатель, еще во времена Грознаго, пророчествуетъ, что „царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися начнутъ"; Курбскій писалъ Грозному въ 1579 г., что тѣ „не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія", и грозилъ царю скорою погибелью „со всѣмъ домомъ" за то, что онъ „пустошитъ землю свою и губитъ подручныхъ". Англичанинъ Флетчеръ въ концѣ столѣтія изъ своихъ наблюденій и разспросовъ вывелъ заключеніе, что въ русской жизни происходитъ тяжелый переломъ. Кризисъ состоялъ въ крайнемъ развитіи двухъ противорѣчій, лежавшихъ въ основѣ московскаго государства: одно было политическое—въ томъ, что, по опредѣленію г. Ключевскаго, „московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи"; другое было соціальное—въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства интересы промышленнаго и земледѣльческаго населенія приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Отсюда, во-первыхъ, произошло во второй половинѣ XVI вѣка открытое столкновеніе власти съ родовитымъ боярствомъ, и, во-вторыхъ, недовольство тяглой народной массы.

Власть московскихъ государей сложилась изъ удѣльныхъ вотчинныхъ понятій и правъ, и съ усиленіемъ московскаго княжества эта полнота вотчиннаго владѣнія была перенесена на всю русскую землю, которой Москва становилась представительницей, какъ въ эпоху освобожденія отъ татарскаго ига,—была переносима даже на тѣ русскія земли, какими Москва еще не владѣла, но надѣялась владѣть (земли княжества литовскаго). Новая политическая теорія, наконецъ, провозгласила московскаго государя единственнымъ царемъ православія; народная масса видѣла въ царѣ выразителя народнаго единства и государственной независимости, и естественно было, что при этомъ значеніи власть должна была быть независима отъ какихъ-нибудь частныхъ авторитетовъ въ странѣ. Съ другой стороны боярство, вышедшее изъ независимыхъ нѣкогда удѣльныхъ князей, которые въ своихъ княженіяхъ имѣли такую же государскую власть, не хотѣло забыть своего родового значенія, считало себя правящимъ классомъ и свысока смотрѣло на неродовитыхъ бояръ изъ старыхъ слугъ московскихъ князей. Отношенія къ великокняжеской (даже потомъ царской) власти стали натянутыя и неопредѣленныя. Князья признавали „самодержавство" великаго князя, а онъ раздѣлялъ ихъ понятія о родовой чести. „Но бояре иногда держали себя не такъ, какъ хотѣ-

лось ихъ монарху, а монархъ дѣйствовалъ не всегда такъ, какъ пріятно было боярамъ. Возникали временныя и частныя недоразумѣнія, исходъ которыхъ, однако, не измѣнялъ установившагося порядка. Боярство роптало и пробовало „отъѣзжать"; государи „опалялись", наказывали за ропотъ и отъѣздъ; но ни та, ни другая сторона не думала о коренной реформѣ отношеній" (стр. 136—137). Въ концѣ концовъ эти невыясненныя отношенія должны были тѣмъ или другимъ образомъ кончиться, и кризисъ наступилъ въ царствованіе Грознаго, который такъ или иначе, хорошими или дурными средствами, рѣшилъ уничтожить всякое политическое значеніе боярства.

Это значеніе различно оцѣнивали наши историки, и въ связи съ этимъ различно оцѣнивали способъ дѣйствій Грознаго и его личность. Одни считали боярство политически слабымъ, и гоненія Грознаго, сопровождавшіяся страшными казнями, представлялись безсмысленнымъ тиранствомъ; такъ думалъ еще Карамзинъ. Другіе, напротивъ, видѣли въ боярствѣ опасную олигархію, стремившуюся къ господству въ государствѣ, такъ что преслѣдованія Грознаго имѣли полное основаніе: историки, державшіеся этого взгляда, пытались даже представлять разсказы о тиранствѣ Грознаго чуть не выдумкой враговъ царя, изъ боярской партіи. Г. Платоновъ держится средняго мнѣнія: нельзя отрицать политическихъ притязаній боярства, но его столкновенія съ властью вовсе не имѣли размѣровъ настоящей политической борьбы. Дѣйствительно, самъ Грозный не могъ обвинить бояръ въ какомъ-либо открытомъ политическомъ дѣйствіи: онъ обвиняетъ ихъ только въ интригѣ,—которая была безсильна противъ прямого заявленія его воли,—или въ „отъѣздѣ", который былъ только бѣгствомъ отъ его тиранства.

Въ изложеніи борьбы Грознаго противъ не столько заявляемыхъ, сколько предполагаемыхъ притязаній боярства, г. Платоновъ впервые даетъ объясненіе опричнины, которое если еще не раскрываетъ всѣхъ ея подробностей, то повидимому вѣрно указываетъ ея основную мысль. Опричнина долго оставалась загадкой для историковъ: многимъ казалось нелѣпостью это раздѣленіе государства на опричнину и земщину, въ которомъ видѣли причуду робкаго тирана. Соловьевъ предполагалъ въ ней попытку Грознаго отдѣлиться отъ подозрительнаго ему боярства, при чемъ новый дворъ, окружившій царя, сдѣлался орудіемъ террора. Бестужевъ-Рюминъ и затѣмъ другіе стали уже придавать опричинѣ большой политическій смыслъ, а именно, что она была направлена противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Г. Платоновъ, отдавая справедливость правильности этой догадки, находитъ ее, однако, недовольно опредѣленной и развиваетъ цѣлое объясненіе, которое является цѣннымъ вкладомъ въ исторію той эпохи. Учреждая особый

дворъ, отдѣльный отъ стараго московскаго двора, Грозный предпринималъ не „наборъ тѣлохранителей въ родѣ турецкихъ янычаръ“, какъ говорилъ одинъ историкъ, а цѣлую реформу, которая длилась многіе годы и въ концѣ концовъ произвела полный переворотъ въ положеніи удѣльно-княжескаго боярства и въ земельныхъ отношеніяхъ. Средствомъ былъ „пересмотръ землевладѣнія“. Мало-по-малу Грозный перевелъ въ „опричнину“ почти всѣ старыя удѣльныя земли, владѣльцы которыхъ возбуждали его подозрѣнія и гнѣвъ. „Однихъ изъ этихъ владѣльцевъ Грозный сорвалъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, другихъ ввелъ въ новую опричную службу и поставилъ подъ строгій непосредственный свой надзоръ“. Еще Флетчеръ отмѣтилъ произведенный Грознымъ обмѣнъ земель: отнявъ у князей старыя наслѣдственныя земли, Грозный далъ имъ помѣстья въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ они были неизвѣстны, не имѣли ни любви народной, ни вліянія. „Съ опричниною,— замѣчаетъ г. Платоновъ,—должны были исчезнуть „воинства“, въ нѣсколько тысячъ слугъ, съ которыми князья раньше приходили на государеву службу, какъ должны были искорениться и всѣ прочіе слѣды старыхъ удѣльныхъ обычаевъ и вольностей въ области служебныхъ отношеній“. Авторъ не думаетъ умалчивать о „непонятномъ ожесточеніи“ и звѣрствахъ, которыя хотѣлось скрыть или умалить нѣкоторымъ историкамъ, почитателямъ Грознаго; но онъ думаетъ, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ занимавшія, закрывали будничную работу и смыслъ происходившаго преобразованія, закрывали и отъ современниковъ, и отъ самихъ историковъ. Современники „не оставили намъ полной картины того, какъ царь Иванъ Васильевичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, помимо „земскихъ“ бояръ, распоряженіе доходнѣйшими мѣстами государства и его торговыми путями и, располагая своею опричною казною и опричными слугами, постепенно „перебиралъ“ служилыхъ „людишекъ“, отрывалъ ихъ отъ той почвы, которая питала ихъ неудобныя политическія воспоминанія и притязанія, и сажалъ на новыя мѣста, или же вовсе губилъ ихъ въ припадкахъ своей подозрительной ярости“ (стр. 153).

Остается, однако, вопросъ о цѣлесообразности и нравственномъ качествѣ ломки, произведенной опричниною. Если даже согласиться съ государственной необходимостью переворота, который разъ навсегда устранилъ бы старыя удѣльныя преданія, то можно сомнѣваться, нужно ли было это коварство и насиліе, которыя были обыкновеннымъ способомъ дѣйствій Грознаго. „Униженіе“ боярства, отмѣченное Флетчеромъ, не вызвало со стороны боярства никакого сознательнаго сопротивленія: очевидно, оно было слабо и политически неразвито; слѣдовательно, вопросъ можно было поставить безъ ухищре

ній и звѣрства, и слова о „робкомъ тиранѣ“ не были лишены справедливости. А звѣрства оставляли, безъ сомнѣнія, самый плачевный нравственно-политическій результатъ: нравственное извращеніе самого Ивана Грознаго, еще при пособіи его „кромѣшниковъ“, приносило испорченность и въ самую общественную среду. Если, по выводамъ историка, смута имѣла свои источники во второй половинѣ XVI вѣка и если она выражалась не только внѣшнимъ народно-общественнымъ разбродомъ, но и нравственною порчею, все это долженъ отмѣтить историкъ Ивана Грознаго. Когда современники выводили, что царь въ ярости на подданныхъ раздѣлилъ государство на двѣ части, и своей части (опричнинѣ) предоставилъ „оную часть людей насиловати и смерти предавати“, этотъ выводъ былъ только непониманіемъ цѣлаго переворота, но служилъ указаніемъ на яркую черту политической безнравственности, именно и оставившей печальные плоды для послѣдующей исторіи;—и опять не лишены справедливости и согласны съ мнѣніемъ современниковъ слова о томъ, что Иванъ Грозный устроивалъ государство въ государствѣ.

Этотъ пріемъ изученія и составляетъ цѣнную особенность труда г. Платонова. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что вторая, главная, часть книги слѣдуетъ этому плану изслѣдованія и представляетъ исторію смуты со стороны внутреннихъ отношеній народной и общественной жизни, какія были подготовлены предъидущимъ временемъ. Авторъ отмѣчаетъ главныя явленія смуты, объясняя, какъ въ разные моменты ея складывались боярскія партіи и народныя настроенія и какая подкладка понятій и интересовъ ихъ опредѣляла. И здѣсь, какъ въ оцѣнкѣ опричнины, для полноты историческаго опредѣленія эпохи было бы важно отмѣтить нравственное состояніе общества, воспитаннаго XVI-мъ вѣкомъ,—правда, это потребовало бы особыхъ изслѣдованій, которыя, однако, были бы очень важны и желательны. Наконецъ, авторъ указываетъ, какъ въ концѣ междуцарствія сложилось новое государство съ новыми правительственными и общественными элементами, эпоха земскихъ соборовъ, которая при царѣ Алексѣѣ уступила опять иному направленію.

Трудъ г. Платонова есть первый, широко проведенный опытъ соціологической исторіи Смутнаго времени, исполненный съ внимательнымъ изученіемъ явленій; это—одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній нашей историографіи за послѣднее время. Въ конецъ книги отнесены примѣчанія, гдѣ сообщены обширныя указанія на литературу предмета.

— Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. 1—20 августа 1899 г. Кіевъ, 1899.

— К. Михальчукъ. Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ, 1899.

Наши археологическіе съѣзды были созданіемъ гр. А. С. Уварова. Съ его юныхъ лѣтъ увлеченный археологическими изслѣдованіями, онъ остался имъ вѣренъ до конца жизни; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ основалъ въ Москвѣ Археологическое Общество, которое съ тѣхъ поръ и донынѣ ревностно работаетъ по изученію и сохраненію русской древности и, быть можетъ, больше, чѣмъ какое-нибудь другое учрежденіе подобнаго рода, содѣйствовало у насъ успѣхамъ этой отрасли науки. Кромѣ основанія спеціальнаго Общества, другой великой заслугой гр. Уварова было, опять имъ же впервые задуманное и исполненное, устройство періодическихъ съѣздовъ, которые собирали бы спеціалистовъ и любителей археологической науки для совмѣстной работы.

Мысль и практика „съѣздовъ" имѣютъ своихъ противниковъ; говорятъ о неудобствѣ торопливаго, по необходимости, обсужденія трудныхъ научныхъ вопросовъ, а также о медленности изданія работъ, заявляемыхъ на съѣздахъ (этимъ отличился, напр., казанскій съѣздъ: онъ происходилъ въ 1877 году, и закончилъ изданіе своихъ „Трудовъ" въ 1891),—но при всѣхъ подобныхъ неудобствахъ съѣзды несомнѣнно способны оказывать свою великую пользу, и въ особенности въ нашей научной жизни, которая еще чрезвычайно нуждается въ опорахъ. Періодическіе, впередъ организуемые съѣзды различнымъ образомъ способствуютъ жизни науки: они ставятъ вопросы, вызываемые ходомъ изслѣдованій, приводятъ въ извѣстность работы, предпринимаемыя съ разныхъ сторонъ единичными изыскателями, и доставляютъ имъ помощь другихъ спеціалистовъ и, собирая разсѣянныхъ тружениковъ (особливо на великихъ пространствахъ нашего отечества), даютъ имъ чувство солидарности, которое можетъ становиться великой нравственной поддержкой, когда. притомъ, общее обсужденіе предмета можетъ немало помочь и болѣе многосторонней постановкѣ самаго изслѣдованія.

Въ этомъ смыслѣ археологическіе съѣзды, вмѣстѣ съ дѣятельностью устроивающаго ихъ московскаго Общества, уже теперь составляютъ важный историческій фактъ въ развитіи науки о нашей древности. По смерти гр. А. С. Уварова (въ 1884), предсѣдательство въ московскомъ Обществѣ перешло къ графинѣ П. С. Уваровой; дѣло продолжалось съ тою же преданностью наукѣ и съ тою же энергіей; съѣзды продолжали собираться періодически, въ столицахъ и въ провин-

ціальныхъ городахъ. Были съѣзды, послѣ Москвы и Петербурга, въ Кіевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Казани, Ростовѣ (древнемъ, ярославскомъ), Ригѣ. Нынѣшній съѣздъ собрался во второй разъ въ Кіевѣ.

Замѣчено было, что настоящій съѣздъ былъ не такъ многолюденъ, какъ предъидущій; высказаны были порицанія по поводу разныхъ недостатковъ во внѣшнемъ устройствѣ съѣзда („Итоги XI съѣзда археологовъ въ Кіевѣ", „Спб. Вѣдом." № 231, 233); быть можетъ,—хотя намъ представляется, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ должны быть отнесены на счетъ обычныхъ условій нашей общественной жизни, какъ, напр., отмѣченное равнодушіе къ собранію ученыхъ гостей со стороны общественнаго управленія города Кіева, или тотъ странный эпизодъ относительно участія въ съѣздѣ галицко-русскихъ ученыхъ, о которомъ упомянемъ далѣе. Какъ бы то ни было, но итоги съѣзда, излагаемые въ „Извѣстіяхъ" и потомъ резюмированные въ заключительномъ докладѣ гр. П. С. Уваровой (онъ напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ" 1899, сентябрь), эти итоги представляютъ большую массу матеріала, который сдѣлаетъ будущее изданіе „Трудовъ" съѣзда чрезвычайно интереснымъ: въ „Извѣстіяхъ" онъ намѣченъ, конечно, только въ общихъ чертахъ, въ видѣ протокола. Рефераты касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ археологіи: древности первобытныя; древности историко-географическія и этнографическія; памятники искусства и ремесла, и нумизматика; бытъ домашній, юридическій, общественный и военный; древности церковныя; памятники языка и письма; древности классическія; южно-славянскія; восточныя; памятники археографическіе.

По всѣмъ этимъ предметамъ на съѣздѣ представлена была цѣлая масса рефератовъ (до 135), которые касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ археологіи, отъ изслѣдованій о каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ въ предѣлахъ Россіи, особливо южной Россіи, до предметовъ древности скиѳской, русской, славянской и восточной. Между прочимъ, подняты были вопросы существенной важности для русской исторической и археологической науки. Такъ, напр., былъ снова поднятъ давній, до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ о сохраненіи еще уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины. Этотъ вопросъ и нелегко разрѣшить: чтобы предотвратить уничтоженіе памятниковъ, нужно прежде всего, чтобы то или другое вѣдомство или общество (напр., Археологическая Коммиссія при Имп. Эрмитажѣ или московское Археологическое Общество), которыя могли бы быть уполномочены, и частію уже уполномочены, принимать мѣры по сохраненію памятниковъ, имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ свѣдѣнія по крайней мѣрѣ о главнѣйшихъ изъ подобныхъ памятниковъ, важныхъ для науки и требующихъ сохраненія, — понятно, что одно составленіе такого инвентаря

составило бы огромный трудъ, который, однако, былъ бы необходимъ; далѣе, были бы нужны мѣры къ тому, чтобы памятники были обезпечены отъ „усмотрѣнія", т.-е. произвола мѣстныхъ властей, крупныхъ и даже мелкихъ, которыя обыкновенно являются распорядителями ихъ судьбы. Всего чаще любители древности и даже спеціальныя учрежденія, посвященныя археологіи, узнаютъ о гибели или порчѣ памятниковъ, когда дѣло уже сдѣлано. Очевидно, что для сохраненія памятниковъ древности, кромѣ учено-административныхъ мѣропріятій, или даже больше, чѣмъ эти мѣропріятія, нужно еще нѣчто иное, что уже не находится въ возможности археологическихъ коммиссій и обществъ, а именно: такое распространеніе и повышеніе образованія (хотя бы довольно элементарнаго), которое научало бы уваженію къ старинѣ и пониманію ея значенія для собственной исторіи. Отсутствіе этого уваженія и пониманія въ громадномъ большинствѣ нашего общества,—не говоря о массѣ народной, которой не до археологіи,—есть одинъ изъ признаковъ (при множествѣ другихъ) малой культурности нашего общества. Къ сожалѣнію, сама исторія мало способствовала и мало научала сохраненію древности. Русская земля переносила страшные погромы, стиравшіе съ лица земли города и цѣлыя населенія; въ громадномъ большинствѣ старая архитектура была деревянная, сама по себѣ недолговѣчная и погибавшая еще больше отъ пожаровъ, чѣмъ отъ нашествій иноплеменниковъ; крутые переломы въ самой внутренней жизни не давали мѣста сохраненію старыхъ преданій, съ которымъ соединяется и сохраненіе древнихъ памятниковъ,—таково было нѣкогда истребленіе удѣловъ и стараго Новгорода; такова была во времена Петра Великаго упорная борьба противъ старыхъ преданій; таково было въ первой половинѣ нашего столѣтія стремленіе къ канцелярской и казарменной однообразности. Въ результатѣ, отъ нашей древности уцѣлѣли почти только памятники церковнаго характера (храмы, живопись, книги), почти не осталось памятниковъ бытовыхъ; въ параллель къ этому не сохранились даже памятники народной поэзіи—въ той формѣ, какую имѣли они въ старыя времена. Характеръ новѣйшей русской жизни, выше намѣченный, не способствовалъ опять развитію мѣстныхъ интересовъ, которое побуждало бы къ сбереженію мѣстной старины; взамѣнъ развивалось полное равнодушіе, и охрана древности можетъ быть внушена только школой.

Рядомъ съ этимъ можно упомянуть другой вопросъ, поднятый на съѣздѣ—о сохраненіи и раціональномъ устройствѣ нашихъ архивовъ. Этотъ вопросъ вызвалъ оживленные споры,—потому что и въ самомъ дѣлѣ нелегко было подступиться къ этому сложному дѣлу; но можно думать, что споры, веденные въ засѣданіяхъ съѣзда, послужатъ къ разъясненію предмета.

Въ заключеніе съѣзда, его совѣтъ постановилъ нѣсколько рѣшеній относительно ходатайствъ передъ правительствомъ по различнымъ предметамъ русской археологической науки. Упомянемъ изъ нихъ слѣдующія: всеподданнѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтоби проектъ этой организаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого, и въ виду того, что реорганизація архивовъ потребуетъ немало времени, съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію харьковскаго историческаго архива въ „Центральный историческій архивъ". Въ связи съ этимъ съѣздъ ходатайствуетъ объ изданіи немедленно циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учрежденій. „Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, съѣздъ проситъ Имп. моск. Археол. Общество возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія этого Общества";—„ходатайствуетъ объ учрежденіи въ университетахъ каѳедры до-исторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра"; — „постановилъ довести до свѣдѣнія Импер. Академіи наукъ, что на съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности: а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи, и б) изданій въ оригиналѣ и переводахъ отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи";—„по поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи русской археологической коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ просить Импер. моск. Археологическое Общество снестись съ русскимъ посломъ при итальянскомъ дворѣ, Алекс. Иван. Нелидовымъ".

Къ кіевскому съѣзду пріурочено нѣсколько замѣчательныхъ археологическихъ изданій. Такъ Ю. А. Кулаковскій издалъ съ объясненіями „Карту европейской Сарматіи по Птолемею"; И. М. Каманинъ, извѣстный знатокъ южно-русской исторіи и палеографіи, приготовилъ „Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв." (первый выпускъ), изданный кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ; той же коммиссіей изданъ первый выпускъ „Матеріаловъ по исторіи русской картографіи", В. А.

Кордта; каталоги археологическихъ собраній В. В. Тарновскаго и гг. Ханенко; „Церковно-археологическіе очерки“ г. Лашкарева и проч. Къ печати приготовлены—археологическая карта волынской губерніи В. Б. Антоновича, такая же карта Подоліи свящ. Сѣцинскаго и др. На время съѣзда устроены были разнородныя археологическія выставки.

Наконецъ, на приглашенія къ кіевскому съѣзду отозвались и славянскіе ученые, которые приняли участіе въ работахъ съѣзда и своими рефератами, какъ, напримѣръ: извѣстный археологъ, профессоръ пражскаго университета Нидерле, гг. Хёрманъ и Трухелька изъ Босніи, представитель краковской академіи г. Копера; были депутаты отъ высшей школы въ Софіи, въ Болгаріи—гг. Милетичъ, Шишмановъ, Цоневъ и др. Но, какъ читаемъ въ заключительномъ докладѣ гр. Уваровой, на съѣздѣ „остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, *по извѣстнымъ съѣзду причинамъ*, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда“. По свидѣтельству гр. Уваровой, эти рефераты, числомъ 23, были весьма разнообразны и касались вопросовъ, „одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично“.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ весьма серьезному вопросу. „Причины, извѣстныя съѣзду“, сколько мы знаемъ, не были изложены самимъ съѣздомъ въ печати; но еще до начала съѣзда въ газетахъ разсказанъ былъ споръ, возникшій въ предварительномъ комитетѣ относительно допущенія на съѣздѣ докладовъ на малорусскомъ, собственно галицко-русскомъ, языкѣ. Такъ какъ на съѣздѣ ожидалось присутствіе галицко-русскихъ ученыхъ, то московское Археологическое Общество разрѣшало кіевскому съѣзду чтеніе докладовъ и пренія кромѣ другихъ славянскихъ нарѣчій, и на галицко-русскомъ; но затѣмъ въ газетахъ сообщено было, что представители университета св. Владиміра, профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Флоринскій, и ректоръ университета, г. Фортинскій, высказались противъ рѣшенія Императорскаго московскаго Археологическаго Общества. И г. Флоринскій, и г. Фортинскій утверждали, что чтеніе докладовъ на галицко-украинскомъ языкѣ, называемомъ ими „жаргономъ“, будто бы „противорѣчитъ здравому смыслу“ („учено-деликатное отношеніе къ рѣшенію почтеннаго Императорскаго московскаго Археологическаго Общества!“—замѣчали газеты), и они возстали противъ подобной „затѣи украинофиловъ“. Не довольствуясь собственнымъ протестомъ, они, какъ сообщали газеты, обратились за содѣйствіемъ къ высшей административной власти, и въ результатѣ русскіе галичане отсутствовали на съѣздѣ и взяли упомянутые 23 реферата обратно. Въ „Извѣстіяхъ“ читаемъ, что 31-го іюля, наканунѣ открытія съѣзда,

профессоръ Флоринскій сложилъ съ себя званіе депутата кіевскаго университета на предстоявшій съѣздъ...

Судя по газетнымъ отчетамъ, этотъ эпизодъ произвелъ вообще весьма непріятное впечатлѣніе. Два профессора кіевскаго университета высказались противъ допущенія на съѣздѣ галицко-русской или малорусской рѣчи. „Но въ то же время,—пишетъ очевидецъ,—съѣздъ по неволѣ долженъ былъ слушать тотъ же самый малорусскій языкъ, въ видѣ цитатъ и текстовъ изъ древнихъ документовъ,—ибо безъ этого даже нельзя было обойтись при докладахъ, напр., „О ростѣ и паденіи дома Вишневецкихъ“ (одинъ изъ лучшихъ) и пр. Тотъ же малорусскій говоръ слышался иногда у дверей аудиторій, на площадкахъ, а иногда проникалъ и въ самый актовый залъ университета,—ибо нельзя же людямъ было зажать ротъ наглухо и въ частномъ разговорѣ! Съ малорусской сцены онъ слышится постоянно, встрѣчаетъ еще больше сочувствія и пользуется оффиціальнымъ разрѣшеніемъ. Значитъ, только одна спокойная, безпристрастная наука потерпѣла гоненіе за малорусскій языкъ?“ („Новое Время“ № 8337; „Спб. Вѣдомости“ № 189, 231, 233 и др.).

Гр. П. С. Уварова въ своемъ заключительномъ докладѣ упомянула, что на съѣздъ пріѣхало значительное число иностранцевъ, и при этомъ замѣтила: „пріѣхало бы и больше, если бы неожиданно поднятый вопросъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ“. Понятно, что гр. Уварова говорила объ этой опасности несерьезно.

Въ чемъ же заключалась опасность? Не будемъ говорить объ административныхъ мѣрахъ, которыя измѣнчивы и опредѣляются, такъ или иначе, временными обстоятельствами, и скажемъ только о научной и литературной сторонѣ дѣла. Первая состоитъ въ различныхъ взглядахъ въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ относительно большей или меньшей „самостоятельности“ малорусскаго языка или нарѣчія: одни приписывали ему бо́льшую степень „самостоятельности“, другіе—меньшую; г. Флоринскій держался послѣдняго взгляда и счелъ возможнымъ, на этомъ основаніи, очень рѣзко выступить противъ разрѣшенія на съѣздѣ галицко-русскихъ рефератовъ, постановленнаго московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ желаніи галицко-русскихъ ученыхъ читать на своемъ привычномъ языкѣ увидѣли „затѣю украинофиловъ“, и очевидно, что филологическіе взгляды г. Флоринскаго искали себѣ практической почвы въ мѣстныхъ интересахъ — или дрязгахъ... Какъ будто предвидя это нападеніе, журналъ „Кіевская Старина“, посвященный малорусской исторіи и этнографіи, помѣстилъ въ августовской книжкѣ

статью г. К. Михальчука: „Что̀ такое малорусская (южно-русская) рѣчь?“—вышедшую также въ отдѣльномъ оттискѣ,—которая заключаетъ обстоятельное объясненіе общей стороны вопроса, и именно указываетъ условность понятій: языкъ, нарѣчіе, „самостоятельный языкъ“ и т. п. Между прочимъ, авторъ оспариваетъ взгляды, высказанные раньше по этому предмету г. Флоринскимъ, и объяснялъ, какъ популярное употребленіе упомянутыхъ словъ не совпадаетъ съ научными требованіями... Но въ данномъ случаѣ (быть или не быть галицко-русскимъ рефератамъ на кіевскомъ съѣздѣ?), каковы бы ни были филологическіе взгляды на галицко-русскую рѣчь („языкъ“, „нарѣчіе“, даже „говоръ“), вопросъ долженъ былъ рѣшаться на другихъ основаніяхъ, а именно—основаніяхъ литературныхъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на наше „украинофильство“, которое недоброжелательно приплетаютъ къ этому вопросу, есть фактъ существованія галицко-русской литературы—*внѣ* предѣловъ Россіи и *внѣ* условій русской литературы. Галицкая отрасль русскаго (южно-русскаго) племени съ XIV в. оторвана отъ національнаго цѣлаго; цѣлые вѣка она вела тяжелую историческую жизнь: сначала подъ польскимъ, потомъ подъ польско-австрійскимъ владычествомъ, понесла при этомъ много потерь (она потеряла старое православіе съ уніатствомъ, потеряла свои высшіе, т.-е. болѣе богатые и культурные классы населенія, которые ополячились), и за послѣднее время состояла изъ одного низшаго класса, частію мѣщанъ, частію до крайности угнетеннаго крестьянства. Оторванная, какъ сказано, отъ жизни русскаго народа, создавшаго, между тѣмъ, московское царство и имперію, эта галицко-русская отрасль влачила самое бѣдственное существованіе, не получая никакой помощи, матеріальной, умственной и нравственной, отъ могущественнаго собрата. Зачатки славянскаго возрожденія съ конца прошлаго столѣтія и въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія отразились и въ Галиціи проблесками народнаго самосознанія, и понятно, что въ условіяхъ галицкой жизни эти проблески только съ великими усиліями пробивались въ жизнь. Образовательные и литературные интересы были очень слабы и держались въ небольшомъ кружкѣ патріотовъ; къ нимъ проникали нѣкоторыя воздѣйствія русской литературы, которая, напримѣръ, въ своихъ историческихъ изысканіяхъ напоминала о древнемъ единствѣ, въ первые вѣка исторіи, напоминала объ извѣстной нравственной связи, открывшейся опять въ XVI—XVII в., въ эпоху львовскихъ школъ и типографій;—но, какъ ни были цѣнны эти воспоминанія, онѣ были слишкомъ архаическія, чтобы могла на нихъ опереться литература, которая должна была служить новой жизни съ ея интересами и запросами. Когда возникавшая галицкая литература ставила себѣ вопросъ о своемъ существѣ и условіяхъ,

когда здѣсь, какъ во всемъ славянскомъ возрожденіи, былъ поставленъ вопросъ о народѣ, то естественно вспоминалось ближайшее родство, общность многихъ историческихъ воспоминаній, наконецъ общность народной поэзіи и обычая съ нашими малоруссами; галицкіе русскіе сознали себя однимъ племенемъ съ нашими южно-руссами. Съ тѣхъ поръ, какъ это сознаніе было пріобрѣтено въ галицкой литературѣ, это народное, южно-русское направленіе взяло верхъ надъ попытками другой стороны, которая стремилась основать „обще-русское“ единство, на основѣ нашего литературнаго языка. Но это послѣднее было слишкомъ далеко и отвлеченно; гораздо ближе были связи южно-русскія, и было очень естественно, что эти послѣднія возобладали. Было бы долго объяснять, насколько галицкое движеніе нашло себѣ опору въ нашей малорусской литературѣ; но несомнѣнно, что оно возросло съ тѣхъ поръ, какъ у насъ поднялись толки о такъ называемомъ малорусскомъ сепаратизмѣ; представленіе о южно-русской особенности отъ этого только усилилось; при стѣсненіяхъ малорусской литературы у насъ, нѣкотораго рода центромъ становился Львовъ. Литературная производительность повысилась, и небольшая литература укрѣплялась тѣмъ болѣе, что уже вскорѣ стала ревностно работать для образовательныхъ и экономическихъ интересовъ своего народа. Въ концѣ концовъ стала складываться серьезная научная дѣятельность по галицко-русской исторіи, археологіи, этнографіи и т. д. „Товарищество имени Шевченка“ въ своихъ „Трудахъ“ и другихъ изданіяхъ собрало уже не мало подобнаго научнаго матеріала; журналы, какъ „Житье и Слово“ и подобныя изданія нерѣдко доставляютъ серьезные научные трактаты, заслуживающіе вниманія; возростаетъ популярная и школьная литература. Все это создается въ средѣ бѣднаго матеріально народа, самоотверженными усиліями небольшого, но все возростающаго круга патріотовъ, и ведется на томъ галицко-русскомъ, близкомъ къ нашему малорусскому, если не однородному съ нимъ, языкѣ, который выработывается въ галицкой литературѣ при естественномъ желаніи сдѣлать книжный языкъ непосредственно близкимъ къ народной рѣчи (любопытствующимъ укажемъ статью „Галицко-русская литература“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона). Въ общемъ ходѣ славянскаго возрожденія это явленіе представляется вполнѣ естественнымъ. Весь смыслъ возрожденія заключался въ томъ, чтобы пробудить самосознаніе въ массахъ, основать литературу на преданіяхъ, интересахъ и на языкѣ народа, и въ этомъ отношеніи литература галицко-русская не уступаетъ многимъ народностямъ, которыя въ подобныхъ условіяхъ основывали свою литературу. Если мы готовы признавать небольшую литературу словацкую (въ отдѣльности отъ чешской), литературу сло-

винскую, маленькую литературу лужицкихъ сербовъ, то должны признать такое же право и за литературой галицко-русской, и не имѣемъ права на основаніи филологической теоріи (не всѣми, въ этой формѣ, раздѣляемой) бросать камнемъ въ эту литературу, скромную по размѣрамъ, но выросшую безъ нашего участія, въ другомъ государствѣ, и служащую по мѣрѣ силъ интересамъ своего народа. Въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ „братскихъ“ чувствахъ къ славянству, какія насъ обуреваютъ, мы ничего не сдѣлали для этой литературы, всего чаще находили для нея только слова тенденціознаго осужденія и на основаніи „науки“ закрыли передъ нею дверь ученаго съѣзда, гдѣ были даже представители мадьяръ (не особенныхъ друзей славянства). Думаемъ, что истинная наука должна бы научить не этому отношенію къ славянскимъ братьямъ, особенно къ ближайшимъ единоплеменникамъ.

Наконецъ, ссылки на „затѣи украинофиловъ“ подобали бы не людямъ науки, а развѣ только спеціальному полицейскому вѣдомству, если бы послѣднему было дано подобное порученіе. Рѣчь, главнымъ образомъ, идетъ о литературномъ языкѣ въ *чужой* (политически) странѣ, гдѣ мы вовсе не призваны судить и рядить — и приговоры нашихъ „людей науки“ получаютъ очень странный видъ. Если бы наши ученые противники галицко-русскаго литературнаго языка достойнымъ образомъ отнеслись къ дѣлу, передъ ними открытъ очень простой образъ дѣйствій. Въ самой Галиціи вопросъ о литературномъ языкѣ еще вызываетъ споры: издавна среди галичанъ есть приверженцы мнѣнія, что этотъ языкъ долженъ быть нашъ литературный языкъ, и въ настоящее время издается во Львовѣ журналъ г. Яворскаго („Живое Слово“) на нашемъ литературномъ языкѣ и проповѣдующій необходимость этого языка для литературы галицкой, — такимъ образомъ, есть литературная почва для веденія спора,—и одна эта почва была бы прилична для людей науки.—Т.

Въ теченіе октября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю.—Пушкинъ, какъ воспитатель. Эскизъ. М. 99. Стр. 20.

Альбрехтъ, д-ръ.—Дешевыя квартиры въ Германіи и самопомощь въ ихъ устройствѣ. О жилыхъ домахъ для рабочаго люда. Съ 4 чертеж. и 12 планами. Стр. 78. Спб. 99. Ц. 2 р. 75 к.

Аннинскій, Александръ.—Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Од. 99. Стр. 133. Ц. 1 р. 20 к.

Аспоровъ, П.—Дѣти подмостковъ. Спб. 99. Стр. 21.

Базаровъ, В.—Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность Спб. 99. Стр. 51. Ц. 40 к.

——— Краткій курсъ экономической науки. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Бартъ, Пауль.—Философія исторіи какъ соціологія. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть первая. Введеніе и критическій обзоръ. Спб. 1900. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. XIV—424. Ц. 1 р. 75 к.

Березинъ, Александръ.—Одинокій трудъ. Статьи и стихи. М. 99. Стр. 59. Ц. 40 к.

Божеряновъ, И.—Искусство и культура. Этюдъ для художниковъ. Вып. I. Спб. 99. Стр. 77. Ц. 50 к.

Бѣжецкій, А. Н.—На пути. Разсказы и очерки. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 399. Ц. 1 р. 50 к.

——— Медвѣжьи углы. Повѣсти и очерки. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 404. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлоконскій, И.—Деревенскія впечатлѣнія. Изъ записокъ земскаго статистика. Спб. 1900. Стр. 333. Ц. 1 р. 50 к.

Вернеръ, Э.—Сила воли. (Княгиня Баратовская—Vincta). Съ нѣм. Ф. Васильевой. М. 99. Стр. 384. Ц. 1 р. 50 к.

——— У орлиной скалы (св. Михаилъ—St. Michael). Романъ Съ нѣм. А. Перелыгиной. М. 99. Стр. 456. Ц. 1 р. 50 к.

Воиновъ, А.—Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Съ приложеніемъ задачъ, рѣшаемыхъ при помощи тригонометріи. 2-е изд. М. 99. Стр. 146. Ц. 75 к.

Гаппушкинъ, М.—Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. М. 99. Стр. 56.

Герккеръ, Г.—Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Перев. съ 2-го нѣм. изд. Спб. 99. Стр. 512. Ц. 3 р.

Гиляровъ, А. Н.—Что такое философія, и что она можетъ, и чего не можетъ дать. Кіевъ. 99. Стр. 30.

Глинка, Ѳ.—Нѣсколько данныхъ объ эксплуатаціи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. Кіевъ. 99. Стр. 81.

Гольцманъ, Оскаръ.—Паденіе Іудейскаго государства. Перев. съ нѣмецкаго. М. 99.

Гопъ, Антони.—На скользкомъ пути. Ром. Съ англ. М. 99. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

Горацій Флаккъ.—Оды, кн. II. Перев. въ стихъ. П. Порфирова. Спб. 99. Стр. 35. Ц. 40 к.

Готье, А.—Алкалоиды жира тресковой печени. Перев. съ франц. К. Рябинина. Спб. 99. Стр. 42.

Гошé, Г.—Леченіе сифилиса. Перев. съ франц. д-ра Е. Ротмана, п. р. В. И. Зарубина. Харьк. 1900. Стр. 48.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 99. Стр. 624. Ц. 3 р. За 8 томовъ по подпискѣ—15 р.

Грачевъ, А. Ф.—Въ люди вышелъ. Разсказъ. Переславль-Залѣсскій. 99. Стр. 47. Ц. 50 к.

Гриневская, И.—Огоньки. Разсказы, стихотворенія, пьесы. Спб. 1900. Стр. 337. Ц. 1 руб.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. II: Поперекъ Бэй-Шаня и Нань-Шаня, въ долину Желтой рѣки. Съ картой, 29 фототип., 1 гравюрой и 10 цинкограф. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 445. in 4°.

Гумилевскій, Ст.—Международная торговля птицей и птичьими продуктами. Спб., 99. Стр. 199.

Гюго, В.—Марія Тюдоръ. Драма. Перев. М. Саарбекова. М. 99. Стр. 178. Ц. 60 к.

Демолэнъ, Э.—Отъ чего зависитъ превосходство англо-саксонской расы. Перев. А. Баханова. Од. 99. Стр. 232. Ц. 1 р.

Дриль, Дм. — Преступность и преступники. Уголовно-психологическіе этюды. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 293. Ц. 1. р. 20 к.

Дымчевскій, А.—Думки. Стихотворенія, Ростовъ-на-Д. 99. Стр. 62. Ц. 70 к.

Дюбуа-Реймонъ, Э.—Германъ ф.-Гельмгольцъ. Характеристика. Перев. съ нѣм. З. Батя, п. р. прив.-доц. Б. П. Вейнберга. Спб. 1900. Стр. 70. Ц. 30 к.

Ежъ.—На разсвѣтѣ. Перев. съ польскаго. Спб. 99. Стр. 208. Ц. 60 к.

Ержемскій, А. К.—Самоучитель фотографіи. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 268.

Жоржъ Зандъ.—Индіана. Спб. 99. Стр. 318. Ц. 60 к.

——— Похожденіе Грибуля. Съ рис. Т. Михайлова. Спб. 99. Стр. 130.

Заринъ, Ф.—Стихотворенія. Спб. 99. Стр. 173. Ц. 1 р.

Зиминъ, Н. П.—Объ очищеніи воды при помощи механическихъ фильтровъ, въ связи съ коагюлированіемъ. М. 99. Стр. 24.

Зимницкій, В. Г.—Способы и пріемы обученія правописанію. М. 99. Стр. 161. Ц. 40 к.

Зубаревъ, Ѳ.—XX-ый вѣкъ. Человѣчество на пути къ истинѣ. Варшава. 99. Стр. 48. Ц. 40 к.

Иверсенъ, В. Э.—Полная сельско-хозяйственная зоологія. Настольная книга для народныхъ учителей и практическихъ сельскихъ хозяевъ. 2-е изд. Т. II: Безпозвоночныя. Съ 200 рис. въ текстѣ. Спб. 99 Стр. 286. Ц. 2 р. 40 к.

Казанцевъ, П. В.—Повѣсти и разсказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ Мамина-Сибиряка. Спб. 99. Стр. 715. Ц. 2 р.

Камаровскій, гр. П. А., и *Богаевскій*, П. М.—Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Сборникъ статей. Вып. 2-й. М. 99. Стр. 321—545. Ц. 1 р.

Карамзинъ, Д.—Вредныя насѣкомыя для сада, огорода и оранжерей и способы ихъ истребленія. Со многими рисунками. Спб. 99. Стр. 84. Ц. 40 к.

Карѣевъ, Н.—Курсъ новой исторіи. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ въ имп. Александровскомъ Лицеѣ. Ч. I: Исторія XVII и XVIII вѣковъ. Спб. 99. Стр. 475.

——— Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. II: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Изд. 2-е. Спб. 99. Вып. VI: стр. 271—642. Ц. 2 р.

Кедролинъ, Ал. О.—Искры. Очерки и разсказы. М. 99. Стр. 285. Ц. 1 р.

Клей, В.—Чахотка, какъ соціальное явленіе. Перев. А. Яроцкаго. Спб. 99. Стр. 117. Ц. 50 к.

Клейнъ, Германъ.—Чудеса Земного Шара. Общедоступныя бесѣды по землевѣдѣнію. Съ 93 рис. Перев. съ нѣм. М. Чепинской, п. р. Н. Березина. Спб. 1900. Стр. 374. Ц. 1 р.

Крандіевская, А. Р. — „То было раннею весной“ и другіе разсказы. М. 1900. Стр. 363. Ц. 1 р.

Крицкій, Маркъ.—Цвѣты репейника. Разсказы для взрослыхъ. М. 99. Стр. 145. Ц. 90 к.

Круковскій, Адр.—Къ столѣтней годовщинѣ рожденія А. С. Пушкина. Очеркъ жизни и дѣятельности поэта. Поневѣжъ. 99. Стр. 39.

Крупковъ, А.—Стихотворенія. Кн. 1-я. Од. 99. Стр. 106.

Лазаревскій, Борисъ.—Забытые люди. Очерки и разсказы. Од. 99. Стр. 197. Ц. 60 к.

Левенстимъ, А.—Профессіональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки. Спб. 1900. Стр. 160. Ц. 1 р.

Леманнъ, д-ръ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 99. Изданіе магазина „Книжное дѣло". 3 вып., стр. 1—128. Ц. безъ доставки въ Москвѣ—3 р., съ доставкой и пересылкой—4 р.

Линдеманъ, К. З.—Основы сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ. Съ 289 рис. Спб. 1900. Стр. 686. Ц. 3 р. 50 к.

Лоранъ, Эм.—Тюремный міръ. Типы и характеристики. Перев. съ франц. С. Шкляверa. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 368. Ц. 1 р. 60 к.

Луговой, А.—Сочиненія. Т. IV: Романы, повѣсти, разсказы. Спб. 1900. Стр. 574. Ц. 2 р.

Лютовъ, М.—Жизнь и труды Гиббона, съ его портретомъ и факсимиле. Изд. 2-е. Спб. 1900. Стр. 112. Ц. 75 к.

Ляпуновъ, Б. М.—Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи. Вып. 1. Введеніе. Ч. I: Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 99. Стр. 289.

Мазаракій, В.—Указатель сообщеній, сдѣланныхъ на общихъ собраніяхъ Русскаго Энтомологическаго Общества. 1859—1894 гг. Спб. 99. Стр. 58.

Мейеръ, Эд.—Рабство въ древности. Перев. съ нѣм. Е. Каменецкой, п. р. В. Дэна. Спб. 99. Стр. 48. Ц. 40 к.

——— Рабство въ древнемъ мирѣ. Перев. съ нѣм. А. Вихерскаго. Стр. 58. Ц. 30 к.

Мижуевъ, П. Г.—Народное образованіе въ главнѣйшихъ государствахъ и его финансовая постановка. Спб. 96. Стр. 148.

Миллъ, Д. С.—Система логики. Перев. съ англ. п. р. В. Ивановскаго. Вып. VII (послѣдній). М. 99. Стр. 781 и XXX. Ц. за 7 вып. 5 р.

Михайловскій, Г. В.—Къ вопросу объ уголовномъ судьѣ. По поводу предстоящей судебной реформы. Нѣжинъ, 99. Стр. 92 (вмѣсто рукописи).

Михальчукъ, К.—Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? Кіевъ. 99. Стр. 61.

Мигулинъ, П. П.—Русскій государственный кредитъ. (1769—1899). Т. I. Харьк. 99. Стр. 606. Ц. 2 р.

Мончаловскій, О. А.—Житье и дѣятельность Ивана Наумовича. Львовъ. 99. Стр. 112. Ц. 50 крейц.

Муръ, Ф.—Милліонеры. Ром. Съ англ. М. 99. Стр. 156. Ц. 1 р.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Вып. 2-й. Спб. 99. Стр. 221.

Мышенковъ, М. М.— Руководство къ хмѣлеводству. Спб. 99. Стр. 79. Ц. 30 к.

Надеждинъ, П. П.—Какъ читать словесныя произведенія. Практическое руководство для начинающихъ изучать словесныя произведенія, учительскихъ семинарій, воспитанниковъ старшаго возраста городскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ. 2-е изд. Тула. 1900. Стр. 148.

Ольшамовскій, М.—О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы. Каз. 99. Стр. 20. Ц. 12 к.

Осадчаго, Т. II.—Земля и земледѣльцы въ юго-западномъ краѣ (на Украйнѣ, Подоліи и Волыни). Кіевъ. 99. Стр. 126. Ц. 80 к.

Осиповъ, Е., *Поповъ*, И., *Куркинъ*, П.—Русская земская медицина. Обзоръ

развитія земской медицины въ Россіи вообще и отдѣльно въ Московской губерніи, съ краткимъ статистическимъ очеркомъ страны и ея состоянія. Съ картами, планами и діаграммами. М. 99. Стр. 340. Ц. 3 р.

Остроумовъ, Н.—Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. К. П. ф. Кауфманъ, устроитель Туркестанскаго края. Личныя воспоминанія. Ташкентъ. 99. Стр. 282. Ц. 1 р. 50 к.

Оржешко, Элиза.—Хамъ. Романъ. Перев. Ф. Домбровскаго. Спб. 99. Стр. 262. Ц. 75 к.

——— Bene nati. Романъ. Переводъ Ф. Домбровскаго. Спб. 99. Стр. 210. Ц. 75 к.

Павлищевъ, Левъ, племянникъ А. С. Пушкина. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Спб. 99. Стр. 103. Ц. 50 к.

Палаузовъ, Б. Н.—Вопросъ о миссіи присяжныхъ засѣдателей. Од. 99. Стр. 75.

Петерсонъ, О. — Пѣсни моря. Разсказы и преданія. Спб. 99. Стр. 152. Ц. 75 к.

Пименова, Э.—Море и его обитатели. Составл. по Брэму, Келлеру и др. Спб. 98. Стр. 204.

Пироговъ, Н. И.—Сочиненія. Т. I и II. Спб. 1900. 2-е изд. Стр. 554 и 525. Ц. по 3 р., за оба тома 5 р.

Позняковъ, Н. И.—Соловьиный садъ и другіе разсказы. Спб. 1900. Стр. 275. Ц. 1 р.

Покровская, М. И., женщ.-вр.—Какъ вести бѣдное хозяйство, чтобы сохранить здоровье. Примѣненіе гигіены къ жизни бѣдныхъ людей. Спб. 1900. Стр. 170. Ц. 60 к.

Поншетъ-де-Сандожъ, Б. Б.—Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Митава. 99. Стр. 93.

Посадскій, П. В.—Изслѣдованіе воздуха и опредѣленіе коэффиціента вентиляціи въ Кіевской 1-й гимназіи. Кіевъ. 99. Стр. 62.

Потапенко, И. Н.—Черезъ любовь. Ром. М. 99. Стр. 248. Ц. 1 р.

Потебня, А. А.—Записки по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Изданіе М. В. Потебни. Харьковъ. 99. V. Стр. 663. Ц. 6 р.

*Пресс*ъ, Арк.—Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Стр. 242. Ц. 1 р.

Пушкинъ, А. С.—Евгеній Онѣгинъ. 1799—1899. Художественно-иллюстрированное юбилейное изданіе, подъ покровительствомъ 1-го Дамскаго Художественнаго Кружка. Спб. 99. Стр. 312. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтлингеръ, Н. А.—Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи. Спб. 99. Стр. 228. Ц. 4 р.

Реклю, Элизе́.—Земля и люди. Вып. V. Британскіе острова. Перев. съ франц. п. р. Д. А. Коропчевскаго. Съ 91 иллюстрац. Спб. 99. Стр. 424 и 70. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н.—Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 99. IV, 511 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Розенцвейгъ, Г. О.—Изъ залы суда. Судебные очерки и картинки. Спб. 1900. Стр. 581.

Ройтманъ, Дм.—Евгеній Дюрингъ какъ литературный критикъ и его новый критическій пріемъ. (Е. Дюрингъ. „Великіе люди въ литературѣ“. Переводъ Ю. М. Антоновскаго. 1897). Спб. 99. Стр. 43. Ц. 30 к.

Руновъ, д-ръ Н. В. — Руководство къ культурѣ розана. Спб. 99. Стр. 157. Ц. 80 к.

Сеньебосъ, Ш.—Политическая исторія современной Европы. 1814—1898 гг. 2-е изд., п. р. В. Поссе. Т. I и II. Спб. 99. Стр. 593. Ц. 3 р.

Саловъ, И. А.—Мелочи жизни. Разсказы. М. 99. Стр. 369. Ц. 1 р. 25 к.

Серафимовъ, М. С.—Стихотворенія. М. 99. Стр. 192. Ц. 1 р.

Сиднеи и Беатриса *Веббъ*.—Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма (Industriel Democracy). Съ англ. Влад. Ильинъ. Т. I. Спб. 1900. Стр. 366. Ц. 2 р. 50 к.

Симоновичъ, М.—По поводу книги Б. А. Шпаковскаго: „На судъ общественный". Спб. 99. Стр. 45.

Скаржинскій, А. Б.—Борьба съ алкоголизмомъ. Варшава. 99. Стр. 31.

Старковъ, А. П.—Причины наводненій въ Петербургѣ и средства борьбы съ ними. Спб. 99. Стр. 31.

Степовичъ, А. — Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Октябрь 1898—1899 г. Кіевъ. 99. Стр. 253.

Суворовъ, П.—Разсказы изъ далекаго прошлаго. М. 99. Стр. 284. Ц. 1 р.

Трачевскій, Александръ.—Учебникъ русской исторіи. Ч. I. Древняя Россія. 2-е изд., съ 25 рис. Стр. 304. Ц 1 р. 25 к. Ч. II. Новая Россія 2 изд., съ 47 рис. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.

Терпигоревъ, С. Н.—Собраніе сочиненій (С. Атава). Ред. С. Н. Шубинскаго. Т. т. IV, V и VI. Въ шести томахъ, съ портретомъ автора и біографич. очеркомъ, составл. П. В. Быковымъ. Спб. 1900. Стр. 572 + 558 + 640. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб. 50 к., въ перепл. 11 р.

Турчиновичъ-Вижыкевичъ, В.—О современномъ состояніи предохранительныхъ прививокъ чумы рогатаго скота. Спб. 99. Стр. 169.

Фальберкъ, Г., *Чарнолусскій*, В. — Настольная книга по народному образованію. Въ двухъ томахъ Т. I. Спб. 99. Стр. 713.

Фаресовъ, А. И.—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чествованіе его памяти. Спб. 99. Стр. 64. Ц. 60 к.

Фойницкій, И. Я.—На досугѣ. Сборникъ критическихъ статей и изслѣдованій, съ 1870 г. Т. II. Спб. 1900. Стр. 567. Ц. 3 р. 50 к.

Фолькельтъ, І., проф. Лейпцигскаго университета.—Современные вопросы эстетики. Переводъ съ нѣмец. Н. Штрупа. Спб. 99. Изд. редакціи журнала „Образованіе". VIII, 237 стр. Ц. 75 к.

Хомяковъ, А. С.—Димитрій Самозванецъ. Трагедія въ 5 д. Спб. 99. Стр. 224. Ц. 1 р.

Цвѣтковъ, Н.—Рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ, составляющихъ курсъ начальной ариѳметики и новая систематизація ихъ. Спб. 99. Стр. 75. Ц. 35 к.

——— Методическій сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ, расположенныхъ по новой системѣ. 1-й, 2-й, 3-ій годъ обученія. Спб 99. Ц. 50 к.

Череповъ, А.—I. Что̀ долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ.—Выборъ молочной коровы.—II. Кормленіе по нормамъ. Спб. 99. Стр. 13. Ц. 20 к.

Череповъ, Н. — Гдѣ выходъ? Съ предисловіемъ С. Шарапова. Спб. 99. Стр. 70.

Чудновская, Л.—English Grammar. Англійская грамматика. Письма, прозаическія статьи и стихотворенія для русскихъ учебныхъ заведеній. Од. 1900. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Шантепи-де-ла-Соссей, Д. П.—Иллюстрированная исторія религій. Перев.

съ нѣм. изд. Вып. 10 и 11. Подъ ред. В. Н. Линдъ. М. 99. Стр. 369–546. По подпискѣ 3 р. за 2 тома.

Шарковъ.—Календарь земледѣльца на 1900 годъ. Спб. 99. Стр. 128. Ц. 6 к.

Шахтъ, А. А.—Трудъ, собственность и капиталъ подъ охраной страхованія. Спб. 99. Стр. 79+XXVII. Ц. 1 р.

Шершневичъ, Г. — Учебникъ торговаго права. Каз. 99. Стр. 343. Ц. 2 р. 50 коп.

——— Курсъ торговаго права. Каз. 99. Стр. 879. Ц. 6 р.

Шиповъ, Д. Н.—Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. М. 99. Стр. 61.

Шмурло, Е.—Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. Юрьевъ. 99. Стр. 416.

Шпаковскій, Б. А.—Быль—трава, Небылѣ—вода. Спб. 99. Стр. 50.

Щегловитовъ, А. Т.—Кулики своихъ болотъ. Орелъ. 99. Стр. 265. Ц. 1 р.

Яковлева, З.—Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Стр. 398. Ц. 1 р. 50 к.

Ячевскій, А. А.—Таблицы главнѣйшихъ грибныхъ паразитныхъ болѣзней винограда. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Им. Департ. Земледѣлія. Спб. 99.

*Ярилов*ъ, А.—Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. II. Мелецкіе инородцы. Юрьевъ. 99. Стр. 150 и LXIV. Ц. 2 р.

Andler, Charles. Le prince de Bismarck. Paris. 1899. Стр. X+402. Ц. 3 фр. 50 сант.

Bełza, Stanisław.—Na łagunach. Варш. 99. Стр. 320.

Chenisse, le docteur Léon.—La tuberculose et le Congrés de Berlin. Par. 99. Стр. 29.

Flachs, Ad.—Rumänische Hochzeits- und Totengebräuche. Berlin. 99. Стр. 68.

Funck-Brentano, Frantz.—Le Drame des Poisons. Etudes sur la société du XVII-e siécle et plus particulièrement de la Cour de Louis XIV d'aprés les Archives de la Bastille. Paris, 99. Стр. 307. Ц. 3 фр.

Lowenstimm, August. Der Fanatismus als Quelle der Verbrechen. Berl. 99. Стр. 44.

Lupus, d-r Aexis.—Aus Alexander Puschkin's Dichtungen. 2-te Auflage. Leipz. 99. Стр. 13.

——— Eugén Onégin, Rom. in Versen v. A. S. Puschkin. Erster Gesang. Leipz. 99.

——— Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und Kritiker. Leipz. 99. Стр. 35.

Turpin, Eugène, inventeur de la mélinite. Requête à M-rs les Présidents et Membres de la Conférence de la paix à la Haye. Paris 99. Стр. 14.

— Библіотека „Всходовъ“: 1) Воздушныя путешествія, Э. Пименова; 2) Дитя горъ, І. Спири; 3) Потѣшные люди, А. Заринъ; 4) Школьные годы Тома Брауна, Т. Гюгсъ; 5) Безъ призора, Прессансе; 6) Фритіофъ Нансенъ, А. Анненской; 7) Михаилъ Фарадей, ея же; 8) Жаворонокъ, историч. повѣсть; 9) Мюнхгезангъ, Спартакъ; 10) Роже, Ж., Вампрэхъ, человѣкъ каменнаго вѣка; 11) Личингъ, Л., Вдали отъ фонтана. Спб. 98. Ц. по 25 к.

— Библіотечка дѣтскаго чтенія: 1) А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ, О чемъ мурлыкалъ Котъ Мурлыка. М. 98. Стр. 112. Ц. 25 к. 2) Ивановъ, Ив. Ив., Изъ исторіи Москвы. М. 99. Ц. 10 к. 3) Дружининъ, Н. П., Обновленіе одного

города, разск. М. 99. Стр. 52. Ц. 10 к. 4) Линдеманъ, К., О червяхъ, опустошающихъ наши лѣса. Съ 16 рис. М. 99. Стр. 32. Ц. 5 к. 5) Очерки и разсказы В. Н. Немировича-Данченко: „Что было и что есть". М. 1900. Стр. 83. Ц. 25 к. 6) Его же, „По волѣ Божіей". М. 1900. Стр. 207. Ц. 75 к. 7) Его же, „О чемъ разсказывалъ вѣтеръ". М. 99. Стр. 130. Ц. 50 к. 8) Невѣжина, П. М., Милые шалуны. М. 1900. Стр. 212. Ц. 60 к.

— Библіотека общеполезныхъ свѣдѣній. Молоко и молочные продукты. кумысъ, кефиръ, значеніе ихъ и польза, д-ра Н. Вакуловскаго. Спб. 99. Ц. 40 к.

— Волшебный фонарь. Журналъ, спеціально посвященный всѣмъ вопросамъ устройства и постановки народныхъ чтеній въ Россіи, организаціи чтеній для учащихся. Выходитъ въ годъ 4 нумерами, по 2 нумера за разъ, въ январѣ и августѣ. Годъ первый. Августъ. 99. № 1 и 2. Въ годъ съ пересылкой—1 р.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи сибирской желѣзной дороги. Вып. XIII. Спб. 99. Стр. 52, съ картами.

— Дешевая Библіотека: № 205 и 206. Несторъ Кукольникъ, Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ. Ч. I, II, III и IV. Спб. 99. Стр. 385. Ц. 50 к. № 207. Сочиненія кн. А. А. Шаховского. Спб. 99. Стр. 222. Ц. 20 к.

— Дешевая дѣтская библіотечка: Друзья. Разсказы Н. Соловьева. Несмѣлова. М. 99. Ц. 5 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Сезонъ 1897—1898 гг. Восьмой годъ изданія, п. р. А. Е. Молчанова. Спб. 99. Стр. 453. Съ приложеніями: Кн. 2.

— Изданіе журнала „Игрушечка". Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 99. Стр. 97. Ц. 60 к.

— Изданіе М. Дорошенка: 1) Короленко, В. Г. Сонъ Макара; 2) его же Лѣсъ шумитъ; 3) Мериме, Пр., Маттео Фальконе. Спб. 99. Ц. 19 к.

— Изданія Московскаго Общества грамотности. Ермиловъ, В., Святитель. Тихонъ Задонскій. М. 99. Стр. 32. Ц. 5 к.

— Изданія О. Н. Поповой: 1) Зембартъ, Очерки промышленнаго развитія Германіи. I. Германія наканунѣ экономическаго переворота; 2) Мопассанъ, Пышка; 3) Франко, Къ свѣту; 4) Потапенко, Остроумно! 5) Гейфстамъ, Погибшая жизнь, пов.; 6) Мопассанъ, Потѣхи войны. Спб. 99.

— Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства мин. нар. просвѣщенія. По 1 января 1899 г. Спб. 99. Стр. 199 Ц. 40 к.

— Книжки для деревни: № 1. Лечебникъ домашнихъ животныхъ. Состав. для сельскаго населенія. М. 99. Ц. 15 к.; № 3. Борьба съ пожарами въ деревнѣ. М. 99. Ц. 10 к.; № 6. Стельная корова. М. 99. Ц. 7 к.

— „Кольцовская Библіотека". № 1. Задушевныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Н. Н. Иванова. Воронѣ., 99. Стр. 30. Ц. 25 к

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1897—98 г. Спб. 99. Стр. 324. Ц. 50 к.

— Маленькая Библіотека. Бѣлоусова, Ив. А., Птичья стойка. Разсказы и стихотворенія. М. 1900. Стр. 46 Ц. 10 к.

— Малый Энциклопедическій Словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ.

Вып. II, III и IV. Брай-Гебгардъ. Стр. 302—1232. Съ приложеніями. (Всего будетъ 3 тома, въ 12 выпускахъ, цѣна 18 руб.).

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій имп. Маріи за 1896—97 г. Спб. 99. Стр. 376.

— Народная Библіотека В. Н. Маракуева: 1) Гётте, А., Зоологія, наука о животныхъ. Од. 99. Ц. 50 к. 2) Робинзонъ Крузо, его жизнь и приключенія. Од. 99. Ц. 10 к. 3) Ж. Зандъ, Крылья мужества. Од. 99. Ц. 15 к.

— Научно-образовательная Библіотека: 1) Гетчинсонъ, Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. 2) Тьерри, Ог., Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. М. 99.

— Новая Библіотека: Озорникъ, разск. Мамина-Сибиряка. Спб. 99. Ц. 8 к.

— Отчетъ о дѣятельности Симферопольскаго Общества исправительныхъ пріютовъ, за 1896—98 гг. Стр. 237.

— Программы домашняго чтенія, на 1-й годъ, систематическаго курса. М. 1900. Стр. 237. Ц. 35 к.

— Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 99. Стр. 139.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. X. Изд. п. р. Н. Дубровина. Спб. 99. Стр. 496.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ 2-й. Вып. V. Спб. 99. Стр. 365—455.

— Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вып. VI. М. 99. Стр. 546 и LXXXI-CDLXXIV. Ц. 3 р.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1896—97 г. Съ 10 картограммами и 7 діаграммами. Орелъ. 98. Стр. 200, съ приложеніями.

Сборникъ ученo-литературнаго Общества при Импер. Юрьевскомъ университетѣ. Томъ II. Юрьевъ. 99. XXXVII и 204 стр. Ц. 2 р.

— Стенографическій отчетъ Тверского губернскаго земскаго собранія, сессіи 1898 г., засѣданій 8—23 января 1899 г. Тв. 99. Стр. 396.

— Уставы. Лѣсной, со включеніемъ положенія о сохраненіи и сбереженіи лѣсовъ, и о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ. Состав. В Семеновъ. Спб. 99. Стр. 213. Ц. 50 к.

— Этико-художественная Библіотека. Вып. 5: И. И. Янжулъ, Сосѣдскія гильдіи. М. 99. Ц. 20 к. Вып. 6: Р. Киплингъ, Чудо Пурѣнъ-Багата. Лагерлевъ, легенды объ отшельникѣ. М. 99. Ц. 15 к. Вып. 7: Больтонъ Голлъ, Истинная жизнь. М. 99. Ц, 20 к. Вып. 8: И. Потапенко, Забытый пономарь. М. 99. Ц. 25 к. Вып. 9: М. Меньшиковъ, Дѣти. М. 99. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Anatole France. Pierre Nozière. Paris, 1899, стр. 326.

Романы и повѣсти Анатоля Франса большей частью пишутся серіями: одинъ и тотъ же герой проходитъ черезъ нѣсколько книгъ, при чемъ событія въ каждой книгѣ совершенно иныя. Не фабула объединяетъ книги, а центральная личность, — она же не столько дѣйствуетъ, сколько размышляетъ о ходѣ событій. Этимъ создается около нея особая атмосфера, и субъективность автора выигрываетъ въ яркости. Творчество Франса, его выдумка и воображеніе—направлены на обрисовку его излюбленнаго героя. Видно, что онъ особенно дорогъ сердцу художника, и что тотъ, который въ одномъ случаѣ носитъ имя Жерома Коньяра, въ другомъ—Сильвестра Боннара, въ третьемъ—профессора Бержере, если и не вполнѣ самъ Анатоль Франсъ, то во всякомъ случаѣ выразитель его мыслей. Въ этомъ книжникѣ, который усвоилъ себѣ полуснисходительное, полупрезрительное отношеніе къ людямъ и полюбилъ ихъ именно за ихъ слабости и несовершенства, Анатоль Франсъ воплотилъ философію, составляющую смѣсь скептицизма, идеализма и жажды любви.

Но снисходительный мудрецъ Франса воплощаетъ лишь одну сторону отношенія къ дѣйствительности. Онъ интеллектуаленъ, и его наивное доброжелательство къ людямъ не исчерпываетъ душевной полноты самого художника. Чтобы воплотить свое свѣтлое и безмятежное чувство къ людямъ и къ природѣ, чтобы показать, какъ всѣ подробности жизни будятъ радостный откликъ въ его душѣ, Франсу понадобилось дополнить типъ идеальнаго, наивнаго и лишеннаго всякаго педантизма мудреца, другимъ, казалось бы противоположнымъ, но въ сущности несомнѣнно родственнымъ типомъ невиннаго ребенка, достигающаго своей непосредственностью той мудрости, которая разлита во всемъ міроздавіи и не нуждается для своего проявленія въ изощреніяхъ ума. Этотъ типъ мудраго, какъ все въ природѣ, ребенка Анатоль Франсъ уже намѣтилъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ произведеній: „Le livre de mon ami“. Тамъ выступаетъ впервые Пьеръ Нозьеръ, разсказывающій по воспоминаніямъ своего дѣтства. Въ этихъ воспоминаніяхъ воплощена внутренняя поэзія дѣтской души, не по-

черпнутая изъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, а напротивъ того, исходящая изъ родника души и оттуда изливающаяся на внѣшній міръ. Самымъ дорогимъ подаркомъ, о которомъ Нозьеръ сохранилъ память на всю жизнь, была роза на обояхъ въ гостиной. Мать указала ему на нее съ улыбкой и сказала: „я тебѣ ее дарю!“ Это невещественное обладаніе наполнило душу ребенка великою радостью. Изъ такихъ чертъ слагалась поэзія всей жизни ребенка. Воображеніе и дѣйствительность имѣли для него совершенно одинаковое значеніе. Фигуры его иллюстрированной Библіи жили въ его сердцѣ наравнѣ съ членами семьи, а маленькія фигурки разнообразныхъ звѣрей, населявшихъ подаренный ему Ноевъ ковчегъ, были друзьями, привычки и особенности которыхъ онъ хорошо зналъ.

То, что въ „Livre de mon ami“ намѣчено бѣглыми чертами, восполнено въ вышедшей недавно книгѣ Франса: „Pierre Nozière“. Тутъ фигура маленькаго Пьера получаетъ законченный образъ; онъ становится носителемъ душевныхъ идеаловъ автора, такъ же, какъ профессоръ Бержере рисуетъ отношеніе Франса къ жизни общественной и частной. Жизнь маленькаго Нозьера полна совершенно особаго рода любви къ природѣ. Для того, чтобы любить красоту внѣшняго міра, т.-е. воспринимать душою проявляющееся въ немъ божественное начало, нѣтъ надобности жить среди широкихъ полей, лѣсовъ и горъ. Кварталъ стараго города, набережная мутной рѣки, верхушки церквей вдали, садъ, до котораго полчаса ходьбы—этого достаточно, чтобы пробудить въ чуткой душѣ любовь къ природѣ и понятіе о безконечности мірозданія. Франсъ разсказываетъ устами своего маленькаго героя, какъ въ душѣ его сложилось представленіе о вселенной подъ вліяніемъ тѣхъ небольшихъ прогулокъ, которыя онъ могъ совершать пѣшкомъ въ обществѣ своей старой няни. „Вселенная заканчивалась для меня немногимъ далѣе набережной „Малакэ“. Я съ упоеніемъ вдыхалъ воздухъ, наполняющій этотъ пріютъ изящества и славы,—Тюльери, Лувръ, дворецъ Мазарини. Достигнувъ возраста пяти лѣтъ, я еще мало изслѣдовалъ части вселенной, лежащія за Лувромъ, на правомъ берегу Сены. Лѣвый берегъ я зналъ лучше, потому, что тамъ жилъ. Я дошелъ по улицѣ „Petits Augustins“ до самаго ея конца, и мнѣ казалось, что тамъ кончается міръ... Съ западной стороны я тоже видѣлъ предѣлы вселенной. Холмистыя высоты Шальо, долина Трокадеро, тогда еще пустынная и усыпанная ароматными бѣлыми цвѣтами мяты, конецъ свѣта, край пропасти, гдѣ одноногій человѣкъ, прыгаетъ совершенно нагишомъ, гдѣ живетъ человѣкъ-рыба и человѣкъ безъ головы съ лицомъ на груди... Но лучше всего я зналъ и любилъ берегъ Сены; моя старая няня Нанэттъ водила меня гулять туда каждый день. Тамъ былъ Ноевъ ковчегъ; я его

зналъ по картинкѣ въ Библіи. Я не сомнѣвался, что купальня на Сенѣ, „Samaritane", была именно Ноевымъ ковчегомъ. Изъ середины ея возвышалась гигантская пальма, и изъ нея выходилъ тонкій черный дымъ. Для меня метаморфоза ковчега была очень понятна. Такъ какъ потопа больше не бываетъ, то ковчегъ превратили въ купальню. Съ восточной стороны я доходилъ до „Jardin des Plantes", по Сенѣ, до Аустерлицкаго моста. Это было для меня крайнимъ предѣломъ. Самые смѣлые изслѣдователи природы всегда доходятъ до того пункта, далѣе котораго идти не могутъ. Для меня тоже невозможно было идти дальше Аустерлицкаго моста. Для этого у меня были слишкомъ маленькія ножки, а у няни моей Нанэттъ—слишкомъ старыя. Что же было за этими предѣлами? Какъ и ученые, мнѣ оставалось дѣлать только предположенія на этотъ счетъ. У меня составилась въ умѣ гипотеза, которая мнѣ казалась почти достовѣрной. Я думалъ, что за Аустерлицкимъ мостомъ начинаются волшебныя библейскія земли. На правомъ берегу Сены я видѣлъ издали холмъ, несомнѣнно такой же, какъ въ моей иллюстрированной Библіи. И согласно съ этимъ я былъ убѣжденъ, что „Jardin des Plantes" и есть именно земной рай; о немъ мнѣ много разсказывала мать".

Воображеніе, питающееся не далекими горизонтами, а напротивъ того, узкими предѣлами улицъ и мостовъ, удивительно художественно изображено Франсомъ. Источникъ поэзіи сосредоточенъ въ глубинѣ души; все внѣшнее имъ окрашивается и становится значительнымъ. Воображеніе дѣтской души, воспитанной на картинкахъ Библіи, создаетъ то, въ чемъ ему отказали обстоятельства жизни, создаетъ природу и всѣ тѣ мысли о величіи вселенной, которыя внушаются величественными зрѣлищами природы. Показать творческую силу наивной души, въ которую вложено лишь одно, но самое могущественное начало жизни—любовь, въ этомъ основная задача Франса.

Гуляя съ няней, маленькій Пьеръ создалъ для себя природу. Точно такъ же онъ какъ бы создаетъ для себя людей, т.-е. чутьемъ и любовнымъ интересомъ проникаетъ въ душевный міръ цѣлаго ряда людей, совершенно незамѣтныхъ въ жизни, но открывающихъ передъ нимъ свои сложныя ощущенія и мысли. Жизнь Пьера такимъ образомъ чрезвычайно полна. Что таковъ именно вѣрный путь къ общенію съ людьми, Франсъ доказываетъ на примѣрѣ своего маленькаго героя. Старая экономка м-мъ Матіасъ—источникъ множества впечатлѣній и мыслей для мальчика, между тѣмъ какъ отецъ его, докторъ Нозьеръ, совершенно не замѣчаетъ этой скромной экономки, имѣющей трагическій видъ человѣка, который „многое пережилъ въ жизни"... „Въ восемь лѣтъ я лучше понялъ эту душу, чѣмъ мой отецъ въ сорокъ, хотя отецъ мой склоненъ къ размышленію, достаточно наблю-

дателенъ для идеалиста и обладаетъ нѣкоторыми знаніями по физіономикѣ, почерпнутыми у Лафатера. Я помню, какъ онъ часто и долго разсуждалъ по поводу маски Наполеона, вывезенной съ острова Святой Елены докторомъ Антомарки. Гипсовый слѣпокъ этой маски, висѣвшій въ кабинетѣ, наводилъ на меня въ дѣтствѣ постоянный ужасъ. А между тѣмъ у меня было большое преимущество: я любилъ м-мъ Матіасъ, и м-мъ Матіасъ любила меня. Мною руководила привязанность, отцомъ же моимъ—только знаніе". Такимъ образомъ эта невѣдомая его отцу м-мъ Матіасъ послужила маленькому Пьеру источникомъ для изученія людей. Онъ понялъ самое главное. Онъ понялъ, что эта суровая, гордая м-мъ Матіасъ, наводившая ужасъ даже на „маму" своимъ взглядомъ загнанной волчицы, имѣла свои слабости. Онъ почувствовалъ къ ней большую близость и на этомъ основана была ихъ дружба. М-мъ Матіасъ рѣшилась даже повести мальчика къ своему мужу, существованіе котораго она тщательно скрывала отъ всѣхъ другихъ, именно потому, что любила его и отдавала ему все, что̀ имѣла, а онъ ее безсовѣстно обиралъ и пренебрежительно съ ней обходился,—съ ней, которая внушала всѣмъ страхъ и уваженіе.

Цѣлый рядъ другихъ типовъ, выхваченныхъ изъ тихой жизни, гдѣ никакихъ особенныхъ событій не происходило, наполняютъ страницы воспоминаній Нозьера. Въ этой тишинѣ ростетъ и укрѣпляется чистая душа, сталкиваясь со слабостями людей и уясняя себѣ эти слабости, вмѣсто того чтобы судить ихъ. О томъ, что Пьеръ Нозьеръ состоитъ въ духовномъ родствѣ съ ученымъ героемъ прежнихъ книгъ Франса, можно заключить изъ его особой нѣжности къ букинистамъ, занимающимъ своими витринами всю длину лѣвой набережной Сены по Quai Voltaire. Нозьеръ говоритъ о нѣсколькихъ особенно любимыхъ имъ букинистахъ, съ которыми его связывали частыя бесѣды; въ особенности любилъ онъ нѣкоего m-r Desbas, благороднаго любителя книгъ и ненавистника Наполеона III. Одинъ изъ его вѣрныхъ кліентовъ и друзей сдѣлалъ ему комплиментъ, построенный на каламбурѣ: „Въ васъ нѣтъ ничего низкаго (rien de bas) кромѣ вашего имени, m-r Desbas". Когда его спрашивали, какъ идутъ дѣла, онъ отвѣчалъ: „такъ себѣ. Только что не чувствуешь себя въ безопасности! Всему виной образъ правленія",—и онъ возмущеннымъ жестомъ указывалъ вдаль, на Тюльери. Франсъ по этому поводу не можетъ удержаться, чтобы не поговорить вообще объ излюбленныхъ имъ старыхъ книгахъ. Онъ даетъ ученыя справки о букинистахъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, и говоритъ о томъ, какъ теперь трудно напасть невзначай на какую-нибудь рѣдкостную книгу въ витринахъ на набережной. „Теперь уже не найдешь больше въ витринѣ книгъ по два су", жалуется ему одинъ любитель". А между тѣмъ,—говоритъ Франсъ,— именно эти витрины

книгъ по два су драгоцѣнны для меня. Я не нашелъ тамъ ни разу какого-нибудь перваго изданія Мольера и Расина, но нашелъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ какое-нибудь in-quarto Расиновской „Athalie"—я нашелъ урокъ мудрости. Вся эта печатная бумага научила меня суетности успѣха. Я не могу рыться въ книгахъ по два су, не чувствуя въ душѣ мирной и тихой печали, и не говоря себѣ:—зачѣмъ прибавлять еще нѣсколько страницъ ко всей этой бумагѣ; не лучше ли не писать совсѣмъ".

Еще нѣсколько типовъ,—портной, который шьетъ ученикамъ лицея мундиры съ „вышитыми" и съ „нашитыми" гербами; два художника, изъ которыхъ одинъ пишетъ геніальныя картины въ умѣ, а другой достигаетъ успѣха скромнымъ ремесленнымъ трудомъ: старый солдатъ Наполеоновскаго времени; продавецъ синихъ очковъ, и нѣкоторые другіе—дополняютъ галерею друзей дѣтства Нозьера. Интересъ книги—какъ въ этихъ жизненныхъ фигурахъ, изображенныхъ снисходительнымъ созерцателемъ, такъ и, главнымъ образомъ, въ психологіи ребенка, мудрость котораго—въ непосредственности его отношенія къ зрѣлищамъ жизни. Вторая часть книги состоитъ въ описаніи различныхъ мѣстъ замковъ и деревень во Франціи. Пьеръ Нозьеръ путешествуетъ по своей родинѣ и описываетъ свои впечатлѣнія. Какъ всегда въ описаніяхъ Франса, въ нихъ много знанія и художественнаго чувства.

II.

Emile Zola. Les quatres évangiles. Fécondité. Paris, 1899, Стр. 750.

Романъ Золà: „Fécondité"—начало новой серіи, объединенной однимъ общимъ замысломъ. Послѣ „Ругонъ-Макаровъ", имѣвшихъ пессимистически-обличительный характеръ, Золá пересталъ быть безстрастнымъ историкомъ общественныхъ явленій и началъ постепенно входить въ роль проповѣдника. Въ „Ругонъ-Макарахъ" его интересовали самыя условія жизни и создаваемые имъ нравы и характеры. Затѣмъ онъ перешелъ къ болѣе отвлеченному замыслу—къ изученію тѣхъ основныхъ силъ, которыя создаютъ извѣстное состояніе общества. Исторія трехъ городовъ—„Лурдъ", „Римъ" и „Парижъ"—выдвигаетъ психологическую основу общественныхъ явленій. Золà рисуетъ переходъ отъ традиціонныхъ формъ вѣры къ новымъ упованіямъ, создаваемымъ матеріальнымъ развитіемъ культуры. Выводы Золà вполнѣ соотвѣтствуютъ его позитивному міросозерцанію. Проявленія религіознаго духа въ жизни Франціи онъ сводитъ къ безсодержательному суевѣрію, поддерживаемому нервнымъ истощеніемъ націи. Онъ изображаетъ без-

силіе католицизма, далекаго въ своемъ теперешнемъ видѣ отъ чистоты намѣреній первобытной церкви, а въ „Парижѣ“ указываетъ исходъ изъ безплодныхъ переживаній. Спасеніе разлагающейся Франціи, по убѣжденію Золà, въ переходѣ отъ мертваго, какъ ему кажется, ученія церкви къ живой и плодотворной религіи человѣчества, неразрывно связанной съ культомъ труда. Аббатъ Фроманъ—центральное лицо въ трехъ романахъ серіи городовъ—кончаетъ тѣмъ, что, разувѣрившись въ чудесахъ Лурда и въ спасительности папства, сбрасываетъ рясу, женится и становится родоначальникомъ семьи энергичныхъ работниковъ. Онъ вѣритъ въ спасительность неустаннаго созиданія жизни и въ святость труда, обогащающаго жизнь и человѣчество. Послѣдній романъ серіи „Ругонъ-Макаровъ“, „Докторъ Паскаль“, заканчивается гимномъ вѣчному обновленію человѣчества и воззваніемъ къ людямъ, забывшимъ, что ихъ самый священный долгъ — продолженіе рода человѣческаго. „Парижъ“ заканчивается рожденіемъ сына у бывшаго аббата Пьера. Та же проповѣдь служенія цѣлямъ природы снова раздается и здѣсь,—еще болѣе увѣренная, она стала изъ научно-матеріалистической территоріи почти религіознымъ ученіемъ. Золà самъ себѣ кажется идеалистомъ, потому что, отрекаясь отъ пессимизма своихъ обличительныхъ романовъ, онъ нашелъ возможность обнадежить человѣчество, создать вѣру въ жизнь. Но, конечно, идеализмъ этотъ—только кажущійся, болѣе намѣренный, чѣмъ искренній. Золà—чуткій художникъ и не можетъ оставаться чуждымъ духу, воцарившемуся въ современной литературѣ. Но онъ не можетъ измѣнить основамъ своего міросозерцанія—и это было бы менѣе всего желательно для цѣльности его писательской личности. Поэтому, стремясь быть идеалистомъ, онъ пришелъ скорѣе къ оптимизму, еще болѣе выдвигающему его позитивную философію.

Отъ психологической серіи Зола захотѣлъ подняться въ область чистой проповѣди, чтобы завершить миссію учителя, которую онъ началъ какъ безстрастный анатомъ и продолжалъ какъ психологъ. Свою новую серію онъ поэтому коротко и смѣло называетъ „евангеліемъ“. У аббата Фромана были четыре сына, названные по имени евангелистовъ: Матѳеемъ, Маркомъ, Лукой и Іоанномъ. Каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ одного изъ евангелій. Первая изъ предполагаемыхъ четырехъ частей—les quatres évangiles—и вышла подъ заглавіемъ: „Fécondité“. Это—евангеліе отъ Матѳея; въ центрѣ проповѣди стоитъ Матѳей, сынъ Пьера Фромана, и вся его жизнь—проповѣдь, которую Золà ведетъ отъ его лица.

Съ такими приготовленіями, считая свою проповѣдь достаточно высокой, чтобы назвать ее евангеліемъ—„благою вѣстью“,—Золà приступаетъ къ изложенію своей новой правды. Оказывается однако, къ

удивленію читателя, что эта новая правда—полное повтореніе прежней. Здѣсь, какъ и въ „Докторѣ Паскалѣ", Зола хочетъ вмѣнить въ обязанность каждому человѣку принимать участіе въ продолженіи рода человѣческаго. Вся разница въ томъ, что въ „Докторѣ Паскалѣ" и въ „Парижѣ", гдѣ тоже отчасти проводится та же мысль, Зола оставался объективнымъ и выводилъ поученіе изъ наблюденій надъ жизнью. Въ „Fécondité", въ качествѣ евангелиста, онъ считаетъ своимъ долгомъ говорить практически и показывать примѣрами исполненія и неисполненія своего завѣта—въ чемъ заключается долгъ человѣка, какія блага ожидаютъ его при исполненіи этого завѣта, какія тяжкія кары—при уклоненіи отъ него. Съ перваго взгляда кажется, что для проповѣди чисто практическаго свойства нечего впадать въ евангельскій тонъ. Слишкомъ хорошо извѣстно, что Франція страдаетъ отъ систематическаго уменьшенія народонаселенія. Противъ этого борется правительство, борется законъ, принимаются различныя мѣры, объ этомъ говорятъ и радѣютъ представители общественныхъ наукъ и практическіе дѣятели. Можетъ, конечно, и романистъ направлять доступными ему средствами своихъ соотечественниковъ на путь спасенія. Но онъ долженъ при этомъ помнить, что проповѣдь его относится къ дѣламъ людскимъ, и не видѣть въ ней истину, обобщающую духовную жизнь человѣка и его земные интересы. Думу и заботу о благахъ человѣческихъ и мірскихъ нельзя возводить въ религію. Зола же это дѣлаетъ, и въ этомъ неотдѣленіи временныхъ цѣлей отъ вѣчныхъ—его основная ошибка.

Но, оставляя въ сторонѣ неумѣстность евангельскаго тона въ изложеніи практическихъ истинъ, мы видимъ тутъ еще одно коренное несоотвѣтствіе въ романѣ Зола. Предполагая даже, что вопросъ о „fécondité" имѣетъ высшій евангельскій смыслъ, нужно,—для того, чтобы вразумить читателя, для того, чтобы исполнить миссію проповѣдника,—нужно освѣтить самую проповѣдь новымъ, убѣдительнымъ—въ виду важности проповѣди, даже ослѣпительнымъ свѣтомъ. Нужно показать людямъ въ жизни то, чего они не знали и не видѣли, указать соотношеніе проповѣдуемой истины съ явленіями, которыя прежде объяснялись совершенно иными причинами. Всего этого, однако, читатель, при всемъ желаніи, не найдетъ въ романѣ Зола. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что огромный романъ въ 750 страницъ наполненъ лишь фактами и наблюденіями, уже въ значительной степени использованными во всѣхъ предшествующихъ романахъ Зола, да и въ другихъ романахъ, рисующихъ нравы изъ жизни Парижа. Никакихъ новыхъ наблюденій Зола не сдѣлалъ для подкрѣпленія своей проповѣди, и его романъ представляется галереею давно знакомыхъ, по его же описаніямъ, лицъ, носящихъ только другія имена и постав-

ленныхъ въ нѣсколько измѣненныя взаимныя отношенія. Чѣмъ же романъ отличается отъ другихъ? Только тѣмъ, что добрая его половина наполнена сухимъ повтореніемъ словъ: „Размножайтесь, и да будетъ вамъ благо“. Эти слова именно повторяются, а не доказываются, и только иногда, чувствуя неубѣдительность своего голословнаго увѣщеванія, Зола̀ пишетъ длинныя страницы то экономическихъ, то сельско-хозяйственныхъ разсужденій, тоже чрезвычайно извѣстныхъ, хотя бы по газетнымъ статьямъ. Эти страницы отягчаютъ ненужнымъ балластомъ романъ, и безъ того чрезвычайно растянутый, но въ нихъ Зола̀ нуждается, чтобы придать своей проповѣди научный характеръ, или вѣрнѣе, чтобы оправдаться передъ самимъ собою научностью, хотя бы и взятой изъ вторыхъ рукъ. Внѣ этихъ отступленій, проповѣдь fécondité сводится къ повторенію однихъ и тѣхъ же словъ, уснащенныхъ придуманными ad hoc примѣрами.

Все содержаніе романа представляетъ именно рядъ примѣровъ, положительныхъ и отрицательныхъ, подтверждающихъ истинность проповѣдуемаго евангелія. Ни одно явленіе не взято въ своей цѣлости, а обращено къ свѣту только одной своей стороной—тѣмъ, что̀ относится къ вопросу о размноженіи рода человѣческаго. При такомъ искусственномъ и преднамѣренномъ освѣщеніи теряется, очевидно, всякая психологическая правда, и получается чрезвычайно условная картина жизни, даже нѣкоторый комизмъ. Читатель выноситъ довольно странное впечатлѣніе о томъ, въ чемъ состоитъ жизнь современной Франціи. Оказывается, что всѣ французы, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какова бы ни была ихъ профессія, ихъ умственные интересы—всѣ они заняты однимъ вопросомъ—о томъ, нужны или нѣтъ дѣти въ семьѣ, и какъ избавиться отъ возможности имѣть дѣтей. Возможно и весьма вѣроятно, что во французскихъ семьяхъ—это вопросъ весьма насущный, но нельзя себя представить, что всѣ мысли и всѣ интересы цѣлой націи сводятся исключительно къ этому пункту. А между тѣмъ въ романѣ Зола̀ сто̀итъ сойтись двумъ людямъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькимъ, чтобы моментально зашла рѣчь или о кормилицахъ, если собесѣдники люди нравственные, или объ акушеркахъ, если они хотятъ, по выраженію романиста, „обманывать природу“, или еще о другихъ подробностяхъ семейной жизни, которыя романистъ обобщаетъ подъ общимъ словомъ—fraudes. Служащій приходитъ къ своему патрону,—онъ застаетъ его на фабрикѣ откровенно любезничающимъ съ красивой работницей—и тотчасъ же начинается особаго рода разговоръ: богатый фабрикантъ объясняетъ, что ему нужны легко доступныя работницы для того, чтобы въ его собственной семьѣ все накопленное богатство перешло къ одному только сыну. Добродѣтельный подчиненный вздыхаетъ по этому по-

воду о вредѣ, наносимомъ росту народонаселенія. При этомъ въ умѣ его носятся образы всѣхъ тѣхъ покинутыхъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ въ какомъ-то родильномъ домѣ: всѣ онѣ бросали на произволъ судьбы своихъ случайныхъ дѣтей. И всякій разъ, когда заходитъ разговоръ о дѣторожденіи—а заходитъ онъ настолько часто, что дѣйствующія лица романа кажутся маніаками — передъ взоромъ единственно добродѣтельнаго отца семейства возникаютъ всѣ тѣ же перечисляемыя имъ женщины родильнаго пріюта. Какая-то пружинка открывается у него въ умѣ, и тѣ же лица выскакиваютъ съ точностью автоматовъ. Пріемъ этого „выскакиванія“ доведенъ до комизма, и читателю начинаютъ надоѣдать силуэты четырехъ различныхъ женщинъ, которыя вѣчно представляются „умственному взору“ проповѣдника fecondité. Для того, чтобы освѣжить свою память, Матѳей отъ времени до времени снова, по волѣ автора, попадаетъ въ тотъ же пріютъ и вспоминаетъ тѣхъ, кого видѣлъ при первомъ посѣщеніи. Мало того, Зола̀ придумалъ, по его мнѣнію, символическую, но на самомъ дѣлѣ комическую фигуру плоской, сухой и безцвѣтной англичанки, которую Матѳей Фроманъ встрѣчаетъ каждый разъ, попадая приблизительно ежегодно въ занимающій его пріютъ. Оказывается, что она почти ежегодно пріѣзжаетъ изъ Англіи на недѣлю — съ обратнымъ билетомъ въ карманѣ, — исполняетъ долгъ матери, отдаетъ ребенка въ воспитательный домъ, складываетъ свой всегда одинъ и тотъ же маленькій чемоданъ, и безъ слова сожалѣнія возвращается на родину: она даже не разговариваетъ ни съ кѣмъ, потому что во время своихъ короткихъ пріѣздовъ съ опредѣленной цѣлью не успѣла научиться по-французски. Англичанка Ами, такъ безсердечно относящаяся къ материнству, кажется Матѳею самымъ ужасающимъ примѣромъ растлѣннаго человѣчества, забывшаго о своемъ долгѣ. Но это регулярное возвращеніе сухой англичанки производитъ своей нелѣпостью истинно комическое впечатлѣніе.

Всѣ дѣйствующія лица въ романѣ Зола̀ раздѣлены на двѣ категоріи. Одну, свято исполняющую завѣтъ fécondité, составляетъ только одна семья—Матѳей Фроманъ и его веселая, здоровая жена Маріанна. Они женятся, не имѣя почти никакихъ денегъ. Онъ получаетъ очень скромное мѣсто рисовальщика у богатаго кузена своей жены и долженъ долгіе годы довольствоваться чрезвычайно скуднымъ содержаніемъ. Въ этихъ условіяхъ во Франціи считается грѣхомъ имѣть семью; но Матѳей и Маріанна, любящіе другъ друга молодой и здоровой любовью, пренебрегаютъ буржуазной мудростью. У нихъ семья быстро ростетъ, не смотря на то, что всѣ вокругъ нихъ твердятъ имъ о безуміи, о томъ, что имъ грозитъ нужда. И судьба или, вѣрнѣе, авторъ вознаграждаетъ ихъ за добродѣтельное слѣдованіе природѣ. Ихъ семья

ростетъ, но ростетъ и благосостояніе супруговъ. Стараясь выдержать отчасти проповѣдническій тонъ, Зола говоритъ о жизни семьи Матѳея библейскимъ языкомъ. Черезъ каждыя нѣсколько главъ, новая глава начинается словами: „Прошло два года. И въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ у Матѳея и Маріанны родился еще одинъ ребенокъ". Такъ какъ въ романѣ 750 страницъ, и такъ какъ эта начальная фраза стоитъ во главѣ очень многихъ главъ, то самый добросовѣстный читатель теряетъ счетъ дѣтямъ добродѣтельной четы. Шесть или восемь дѣтей можно еще насчитать, а затѣмъ уже приходится только предполагать безконечное наростаніе семьи. При этомъ Матѳей изъ служащаго на фабрикѣ своего кузена превращается въ землевладѣльца. Въ романѣ не сказано, что Матѳей читалъ Толстого и заимствовалъ у него любовь къ землѣ. Но, читая его восторженныя слова о единственной спасительности земледѣльческаго труда, нельзя не подумать, что если онъ самъ незнакомъ съ ученіемъ нашего романиста, — зато его авторъ прекрасно освѣдомленъ на этотъ счетъ. И земля отплачиваетъ сторицей увѣровавшему въ нее Матѳею. Онъ становится богатъ, и возрастаніе семьи—уже не тягость, а благословеніе.

Категорія добродѣтельныхъ отцовъ семейства представлена однимъ только Матѳеемъ. Зато галерея нарушителей священнаго долга чрезвычайно обширна. Въ ней мелькаютъ всѣ давно извѣстные типы. Вотъ богатый фабрикантъ Бошенъ съ его трезвой и практичной супругой. Она рѣшила, что ея первенецъ Морисъ будетъ единственнымъ наслѣдникомъ, и для этого испортила себѣ всю жизнь. Мужъ сочувствуетъ ея цѣлямъ и покоряется ей, но семья разрушена. Мужъ ведетъ порочную жизнь внѣ дома; единственный сынъ своей болѣзненностью постоянно грозитъ полнымъ вырожденіемъ семьи, и въ концѣ концовъ Бошенъ, бывшій энергичнымъ работникомъ при вступленіи въ бракъ, становится вялымъ, потрепаннымъ жизнью человѣкомъ, состарившимся раньше времени; онъ не умѣетъ даже вести дѣла, т.-е. идти къ той практической цѣли, ради которой принесено было въ жертву семейное счастье. Другая разновидность растлѣнія семьи—Сегены. Мужъ и жена слѣдуютъ моднымъ вѣяніямъ въ литературѣ и въ искусствѣ, и ведутъ жизнь утонченныхъ артистовъ, нуждающихся лишь въ изысканныхъ ощущеніяхъ. Но такъ какъ они по существу совершенно не имѣютъ тѣхъ потребностей, которыя считаютъ долгомъ имѣть, то ничего кромѣ разстроенной семьи изъ ихъ образа жизни не выходитъ. До того, какъ они прониклись модными вкусами, у нихъ было двое дѣтей, на которыхъ легкомысленная Валентина Сегенъ совершенно не обращаетъ вниманіе. Но ея „изысканности" наноситъ тяжелый ударъ, когда, не смотря на всю ея осмотрительность, у нея оказывается еще одинъ ребенокъ. На ея при-

мѣрѣ Золя хочетъ показать, что семья вырождается не только потому, что женщины уклоняются отъ материнскихъ обязанностей, но и потому, что онѣ не умѣютъ быть матерями. По поводу ребенка Валентины, Золя вводитъ въ ея семейную жизнь своего апостола Матѳея; при его посредствѣ и поднимается нескончаемый вопросъ о кормилицахъ и о томъ, что̀ бываетъ, когда мать не сама кормитъ ребенка. Этимъ Золя пользуется для того, чтобы нарисовать довольно интересную бытовую картину. На сцену выступаетъ „meneuse"—т.-е, женщина, привозящая кормилицъ изъ провинціи и увозящая въ провинцію дѣтей, отъ которыхъ матери хотятъ освободиться. Отъѣздъ и пріѣздъ такой meneuse съ грузомъ новорожденныхъ младенцевъ—одно изъ самыхъ удачныхъ мѣстъ въ романѣ. Матѳей отъ лица Золя возмущается при этомъ столь святотатственной систематической гибелью младенцевъ — почти всѣ отданныя meneuse дѣти погибаютъ, и матери это отлично знаютъ.

Послѣ матерей, не умѣющихъ справиться съ своимъ материнствомъ, Золя рисуетъ печальную картину женщинъ, рискующихъ своей жизнью для того, чтобы убить возможность материнства. Въ романѣ выведена трагическая исторія семьи Моранжъ, заканчивающаяся смертью въ одинаковыхъ условіяхъ матери и взрослой дочери: обѣ онѣ, одна за другой, такъ глубоко боялись материнства, которое лишило бы ихъ возможности богатой, веселой, удовлетворяющей ихъ тщеславію жизни, что спокойно идутъ подъ ножъ оператора, и обѣ погибаютъ, оставляя въ тупомъ отчаяніи мужа и отца. Для того, чтобы выдвинуть страшную опасность, грозящую странѣ именно благодаря такимъ détraquées, ненавидящимъ материнство, Золя рисуетъ цѣлый рядъ нервныхъ женщинъ, внушающихъ ужасъ и отвращеніе; а затѣмъ на фонѣ картины выступаютъ доктора и мнимые люди науки, которые потворствуютъ растлѣнію нравовъ своими изобрѣтеніями и своей хирургической ловкостью. Спускаясь изъ интеллигентныхъ классовъ въ народную среду, Золя находитъ и тамъ отчасти такіе же нравы, въ особенности среди соблазненныхъ женщинъ рабочаго класса. Все-таки видно, что Золя видитъ источникъ спасенія въ рабочей средѣ, гдѣ, вопреки требованіямъ благоразумія, семьи ростутъ. Но очевидно исходъ изъ городской культуры, извратившей чувства людей, Золя видитъ въ спасительной жизни полей. Счастливая семейная жизнь Матѳея составляетъ заключительный аккордъ перваго „евангелія".—З. В.

III.

Homenaje a Menendez y Pelayo en el ano vigesimo de su profesorado. Estudios de erudicion espanola. Con un prologo de D. Juan Valera. T. I (869 c.). T. II (953 c.). Съ портретомъ и нѣсколькими иллюстраціями. Madrid. 1899. Изд. Victoriano Suarez.

Замѣчательное изданіе, заглавіе котораго мы выписали—сборникъ статей, составленный испанскими учеными, преимущественно историками литературы, съ цѣлью почтить двадцатилѣтіе профессорской дѣятельности уважаемаго историка литературы, нынѣ директора мадридской Національной Библіотеки, Менендеса-и-Пелайо. Проф. М.-и-П. состоитъ кромѣ этого и членомъ королевской академіи наукъ. Въ литературныхъ кружкахъ Мадрида профессоръ пользуется не только громкой извѣстностью, но и глубокими симпатіями. Его имя популярно и внѣ предѣловъ Испаніи, а его монографіи читаются повсюду, гдѣ слышится испанская рѣчь. „Don Marcelino sabe fado“,—говорятъ ученики о своемъ учителѣ. Эта фраза, конечно, преувеличеніе; донъ-Марселинъ (такъ зовутъ друзья проф. Менендеса) не претендуетъ на званіе всезнайки, но во всякомъ случаѣ въ знаніи исторіи литературы, особенно испанской, онъ не знаетъ себѣ равнаго. Онъ стоитъ внѣ конкурса въ Испаніи такъ же, какъ у насъ въ той же области акад. А. Н. Веселовскій...

„El Homenaje“—состоитъ изъ 57 статей, принадлежащихъ перу столькихъ же авторовъ, не только испанцевъ, но и итальянцевъ, португальцевъ, нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. Мы встрѣчаемъ въ числѣ иностранныхъ авторовъ такія имена, какъ Pio Rajna, Fitzmaurice Kelly, de Vasconcellos, Morel Fatio, Rouanet, Wulff, Haan. Рядъ испанскихъ авторовъ открываетъ маститый романистъ и критикъ Хуанъ Валера, и заключаетъ знаменитый романистъ, по таланту сродный Гоголю, Переда. Каждый изъ авторовъ далъ статью оригинальную, въ большинствѣ случаевъ на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, и потому сборникъ, являясь замѣчательнымъ историко-литературнымъ явленіемъ, сохранитъ надолго свою цѣну, какъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій по первоисточникамъ. Въ обширномъ предисловіи (34 с.) Хуанъ Валера даетъ обстоятельный критическій очеркъ дѣятельности Менендеса-и-Пелайо. Не ограничиваясь перечнемъ и характеристикою главнѣйшихъ трудовъ юбиляра, Валера указываетъ на ихъ значеніе для національнаго самосознанія Испаніи, особенно въ эпоху полнаго политическаго разгрома. Объединяя, обобщая историко-литературныя явленія, вызывая изъ забвенія старые, неизвѣстные или малоизвѣстные факты, или освѣщая извѣстные, Менендесъ-и-Пелайо

наглядно показалъ, чѣмъ была нѣкогда испанская нація, какъ велико ея духовное наслѣдіе, и какъ умѣстны ея надежды на будущее возрожденіе. Издавая одни памятники, комментируя другіе, посвящая изслѣдованія цѣлому циклу произведеній, онъ распространяетъ не только между испанской интеллигенціей, но и за границей критическое знаніе литературы. Онъ первый изъ испанскихъ историковъ литературы оцѣнилъ по достоинству сравнительный методъ. Его „Historia de las ideas esteticas en Espana" изобилуетъ сопоставленіями и сравненіями испанской литературы съ другими европейскими, раскрывая особенности и преимущества первой. „Historia de las heterodosos" способствуетъ установленію того положенія, что ни въ одинъ періодъ своей исторіи Испанія не переставала такъ или иначе бороться съ фанатизмомъ и ретроградствомъ, и что свободная мысль никогда не потухала въ этой странѣ.

Этюды Менендеса—„Horacio en Espana", „Calderon y su teatro", изданія древнихъ лириковъ, поэтовъ испано-американскихъ (Antologia de poetas hispano-americanos) высоко цѣнятся по достоинству спеціалистами. Послѣдній монументальный трудъ юбиляра—изданіе сочиненій Лопе-де-Веги, предпринятое мадридской академіей наукъ; въ немъ каждый томъ снабженъ обширными введеніями и комментаріями издателя, а нѣкоторыя пьесы напечатаны въ первый разъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, почти всѣ статьи разсматриваемаго сборника посвящены литературнымъ и историческимъ вопросамъ. Чрезвычайное разнообразіе содержанія исключаетъ возможность какой-либо классификаціи. Каждая статья представляетъ вполнѣ самостоятельный трудъ, страничку изъ излюбленной авторомъ темы—и почти всегда на основаніи неизданнаго матеріала. Среди корифеевъ испанской литературы больше всего статей пришлось на долю Сервантеса. Такъ, Arraiz, въ статьѣ „Curiasidades Cervantinos" разсматриваетъ автографы Сервантеса и нѣкоторыя приписываемыя ему произведенія; Orvee, въ статьѣ „Due illustrazioni al viaje al Parnaso", говоритъ объ отношеніи Чезаро Капорали и его поэмы—къ Сервантесу и о его „Путешествіяхъ на Парнасъ", изданныхъ въ Италіи послѣ „Vioje al Parnaso" Сервантеса; Egin las y Janguas даетъ любопытныя этимологическія замѣтки къ „Донъ-Кихоту"; Rodriguez Marin сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи осунскаго университета, осмѣяннаго въ „Донъ-Кихотѣ", и наконецъ Serrano y Sanz печатаетъ два стихотворенія Сервантеса, остававшіяся неизвѣстными.

Изъ другихъ авторовъ особенное вниманіе привлекаетъ знаменитый поэтъ и теологъ Luis de Leon. Blanco Garcia даетъ новыя данныя къ его біографіи, а Cuervo разсматриваетъ отношенія Luis Leon къ

инквизиціи. Лопе де-Вегѣ посвящены интересныя замѣтки Peres Pactor.

Иностраннымъ авторамъ въ испанскихъ переводахъ посвящены статьи: Cotarelo y Mori, Traductores castellanos de Moliere; E. Aerlich, Poésias liricas de Schiller traducidas, Schitt, La première traduction espagnole de la Divine Comédie (автору удалось найти первый переводъ на испанскій языкъ Божественной Комедіи).

Изъ историко-культурныхъ статей особенное вниманіе привлекаютъ слѣдующія: Gectoso y Perez, Las industrias artisticas antiquas en Sevilla; Garcia, Antiquedades montanesas; Hinojosa, El derecho en el Poema del Cid; Haan, Picaros y Ganapanes (въ этой статьѣ авторъ разсматриваетъ интересный вопросъ о положеніи воровского сословія въ Испаніи, породившаго интересную отрасль романа—novela picaresca); Berlanga, Hiberis; Rajna, A Roncisvalle (топографія ронсевалльскаго ущелья и долины); Rubio, La lengua y la cultura catalanas en Greciaen el siglo XIV; Roca, Origines de la Real Academia de Cuneios exertas; Lomba, El Rey D. Pedro en el teatro.

Статьи историческія заключаютъ много неизданнаго и любопытнаго матеріала. Таковы: Bofarull y Sans, Alfonso V de Aragon en Napoles; Böhmer, Alfonsi Valdesii litterae X. K. ineditae; Hazanas, El analista Zuniga; Morel Fatio, Cartos eruditas del Marquès de Mondejar; Rodriguez Villu, D.-Francisco de Mendoza, Almirante de Hragon.

Мы привели заглавія статей, представляющихся намъ наиболѣе цѣнными. Списокъ могъ бы быть значительно увеличенъ; точнѣе: въ сборникѣ всѣ статьи имѣютъ интересъ и цѣну. Много впервые изданнаго матеріала послужитъ точкой отправленія для историковъ литературы, культуры и политической исторіи. Всѣ они поблагодарятъ авторовъ, безкорыстно потрудившихся надъ составленіемъ цѣннаго дара одному изъ талантливѣйшихъ своихъ собратьевъ. „El Homenaje“—дѣлаетъ честь и авторамъ, и издателямъ, и испанской образованности.—Л. Ш.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1899.

Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ. — Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ"?

Одинъ изъ пріемовъ, широко практикуемыхъ въ послѣднее время нѣкоторыми органами печати, заключается въ возведенія личнаго мнѣнія на степень взгляда, раздѣляемаго крупной общественной группой, или цѣлымъ обществомъ, большинствомъ „истинно-русскихъ людей", или всѣмъ народомъ. Доказательства, при этомъ, признаются излишними; общераспространенность мнѣнія считается гарантіей его правильности, а самый фактъ общераспространенности представляется стоящимъ внѣ всякаго спора. Съ такимъ же точно правомъ, конечно, можно было бы выставить и прямо противоположный тезисъ, т.-е. провозгласить общераспространеннымъ прямо противоположное мнѣніе: но смѣлость, граничащая съ беззастѣнчивостью, дана не всѣмъ, и модное полемическое орудіе остается монополіей газетныхъ „охранителей". Лучшимъ отпоромъ противъ обобщеній, висящихъ на воздухѣ, служатъ *факты*; но собрать достаточное ихъ число не всегда возможно. У насъ труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, узнать, что̀ думаетъ и чувствуетъ народная масса. Бываютъ, однако, случаи, когда въ область, мало доступную для изученія, проникаетъ лучъ свѣта—и освѣщаетъ, обыкновенно, совсѣмъ не то, въ существованіе чего насъ заставляли вѣрить. Приведемъ этому примѣръ, весьма характеристичный. Крестьянамъ приписывается, какъ извѣстно, особое сочувствіе начальной школѣ, состоящей въ вѣдѣніи духовенства—и, соотвѣтственно этому, холодность или равнодушіе къ земской школѣ. Много разъ были приводимы отдѣльныя данныя, идущія въ разрѣзъ съ этимъ тезисомъ; но противъ нихъ всегда можно было возразить, что исключеніями не опровергается правило. Такое же возраженіе можетъ быть сдѣлано, пожалуй, и противъ систематически собранныхъ отзывовъ, обнимающихъ собою цѣлую губернію—но для того, чтобы уничтожить ихъ значеніе, нужно нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое отрицаніе. Вотъ почему мы придаемъ большую важность изслѣдованію, произведенному недавно воронежскими земскими статистиками съ цѣлью уяснить отношеніе крестьянъ къ начальному образованію и начальной школѣ [1]). За образованіе вы-

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости", №№ 221 и 228

сказалось громадное большинство спрошенныхъ крестьянъ (болѣе 88%), между тѣмъ какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ той же губерніи, 60 или 70 крестьянъ изъ ста категорически заявляли, что школа имъ не нужна, что это дѣло барское и для крестьянина не подходящее. Признавая пользу *образованія*, воронежскіе крестьяне далеко не всегда похвально отзываются о *школѣ*. Всего менѣе они симпатизируютъ школамъ грамоты; одобрительный отзывъ былъ данъ только объ *одной* изъ нихъ. Недовольны крестьяне и условіями пріема въ эти школы, и преподаваніемъ, и преподавателями. Указывается на то, что въ школы грамоты принимаются предпочтительно дѣти, уже нѣсколько учившіяся дома, а вовсе необученныхъ отсылаютъ назадъ. Учителя въ школахъ грамоты „сами мало смыслятъ“ и мало учатъ: „яка тамъ грамота“— говорятъ крестьяне, — „часъ-два; ни якого діла“. А о результатахъ обученія въ школѣ грамоты крестьяне выражаются такъ: „читать читаемъ, но пониманія нѣтъ“. Даже отъ „вольныхъ учителей“, находящихся въ полномъ распоряженіи родителей, требуется теперь обученіе „по граждански“, на свѣтскій манеръ. Что̀ еще 10 - 15 лѣтъ тому назадъ считалось въ крестьянской средѣ верхомъ образованности, то третируется теперь уже насмѣшливо. „Какой онъ грамотный“—часто слышалось во время изслѣдованія,—„его и писать (т.-е. записывать) не слѣдуетъ: псалтырь читаетъ, а что до письма, самъ не разбираетъ, что̀ напишетъ; *такихъ*-то много грамотеевъ“! Церковно-приходскую школу крестьяне считаютъ неустойчивою и обыкновенно противопоставляютъ ей земскую, гдѣ и „учитель настоящій“, и ученіе идетъ правильно и регулярно. Есть, конечно, и недовольные земскою школой, но самые мотивы недовольства убѣждаютъ въ прочности симпатій, ею заслуженныхъ. Недовольны иногда крестьяне тѣмъ, что ихъ дѣтей не принимаютъ въ школу за тѣснотою. Подвергаютъ они критикѣ кое-гдѣ еще господствующее утрированное объяснительное чтеніе. Мало пользуется ихъ сочувствіемъ введенное въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ преподаваніе военной гимнастики. Прямо враждебно относятся они ко всѣмъ новымъ „затѣямъ“, отклоняющимъ начальную школу отъ ея прямой задачи — дать народу грамоту, подъ которой крестьяне, по свидѣтельству изслѣдователей, разумѣютъ не одно только умѣнье читать и писать, но и образованіе въ болѣе широкомъ смыслѣ. Всѣ попытки смѣшенія въ начальной школѣ профессіональныхъ задачъ съ общеобразовательными — школьные сады и огороды, опытныя поля,—рѣзко отвергались стариками, а молодыми слегка вышучивались. Такое же отношеніе обнаружили крестьяне и къ устройству при начальныхъ училищахъ мастерскихъ. „Однимъ дѣломъ нужно заниматься,—говорили они; одно дѣло—грамотѣ учиться, другое — мастерству. Этакъ-то ни одного зайца не поймаешь“. Замѣчательно,

что по вопросу о главной задачѣ начальной школы крестьяне приходятъ къ тому же заключенію, какъ и наиболѣе опытные педагоги, также возстающіе противъ смѣшенія общеобразовательныхъ цѣлей съ профессіональными. Это свидѣтельствуетъ о большой ясности и трезвости взгляда и невольно увеличиваетъ довѣріе къ отзывамъ крестьянъ о различныхъ видахъ школы — отзывамъ, подтверждаемымъ и многими другими фактами. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишетъ „Волынь“ о церковно-приходскихъ школахъ юго-западнаго края, гдѣ онѣ соперничаютъ не съ земскими, а съ министерскими училищами: „можно назвать села, гдѣ священники въ школѣ (церковно-приходской) бываютъ два-три раза въ годъ, и села, гдѣ они не бываютъ въ школѣ въ теченіе года ни разу, и гдѣ все воспитаніе и обученіе дѣтей въ духѣ православія всецѣло передано въ руки какого-нибудь полуграмотнаго дьячка или полуграмотнаго учителя, который учитъ какъ и когда ему вздумается“. По словамъ газеты, въ министерскихъ школахъ никакъ не могло бы произойти то, что̀ имѣло мѣсто въ одномъ изъ уѣздовъ волынской губерніи: „во время поѣздки ревизора по церковно-приходскимъ школамъ дѣтей одной школы, гдѣ обученіе было поставлено хорошо, изобрѣтательные завѣдывающіе школами, по взаимному между собою уговору, раздѣлили дѣтей на партіи и на подводахъ перевозили ихъ изъ села въ село, именно туда, гдѣ имѣлъ быть ревизоръ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ были ученики министерскихъ училищъ, ихъ пригласили къ пріѣзду ревизора въ церковно-приходскую школу и выдали ихъ за ея учениковъ, предложивъ ревизору проэкзаменовать ихъ. Въ одномъ селѣ учитель, зная напередъ о затѣваемой продѣлкѣ, строжайше воспретилъ своимъ ученикамъ идти въ церковно-приходскую школу, благодаря чему затѣя не удалась“ [1]). Неудивительно, затѣмъ, что въ волынской губерніи завѣдывающіе церковно-приходскими школами и ихъ учителя жалуются на родителей, неохотно посылающихъ туда своихъ дѣтей, и обращаются къ мировымъ посредникамъ съ просьбами о понудительныхъ мѣрахъ. Это напоминаетъ до-реформенную эпоху, когда вѣдомству государственныхъ имуществъ приходилось силою загонять дѣтей въ устраиваемыя имъ школы. Вся разница въ томъ, что тогда въ народъ еще не проникала мысль о пользѣ грамотности, и обойтись безъ искусственнаго „воздѣйствія“ едва ли было возможно, — а теперь крестьяне всюду добровольно и охотно наполняютъ школы, сколько-нибудь удовлетворяющія своему назначенію. Въ той же волынской губерніи, по свидѣтельству „Волыни“, крестьянскія общества часто хлопочутъ о преобразованіи существующихъ

[1]) Мы припоминаемъ, что нѣчто подобное сообщалось въ газетахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, объ одной изъ церковно-приходскихъ школъ калужской епархіи.

одноклассныхъ министерскихъ училищъ въ двухклассныя, т.-е. сознаютъ необходимость образованія болѣе широкаго, чѣмъ получаемое въ начальной школѣ... О положеніи школъ духовнаго вѣдомства въ юго-западномъ краѣ имѣются, впрочемъ, и оффиціальныя свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Весьма характерно уже и то, что, при предварительномъ разсмотрѣніи земскихъ смѣтъ на трехлѣтіе 1899-1901 гг., губернскія начальства (кромѣ кіевскаго) высказались за уменьшеніе суммъ, которыхъ требовали епархіальныя власти (въ подольской губерніи — съ 160 тысячъ до 78, въ волынской — съ 90 тысячъ до 50). Особое совѣщаніе при министерствѣ финансовъ предполагало, наоборотъ, значительно повысить ассигновки на церковныя школы — въ общей сложности, по тремъ губерніямъ, до 382 тыс., вмѣсто 340, о которыхъ просили епархіальныя начальства, и 219, за которыя высказывались губернскія власти; но Государственный Совѣтъ уменьшилъ ихъ на 71 тыс. противъ высшей изъ этихъ трехъ цифръ, назначивъ всего 311 тыс. рублей. „Прежде, нежели приступать къ повсемѣстному увеличенію числа церковныхъ школъ въ не-земскихъ губерніяхъ,—сказано въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта,—надлежитъ усовершенствовать постановку учебнаго дѣла въ существующихъ уже училищахъ этого типа, сохранить въ нихъ наиболѣе способныхъ и опытныхъ преподавателей и постепенно замѣнить неправоспособныхъ учителей, число коихъ нынѣ весьма велико, лицами, спеціально къ тому подготовленными и обладающими надлежащимъ образовательнымъ и нравственнымъ цензомъ. Задачи распространенія народнаго образованія путемъ улучшенія преподавательскаго персонала будутъ, несомнѣнно, скорѣе достигнуты, нежели увеличеніемъ числа школъ, страдающихъ указаннымъ недостаткомъ, такъ какъ подобныя школы не только не могутъ принести дѣйствительной пользы, но даже могутъ привести къ отрицательнымъ результатамъ, подрывая довѣріе населенія и ослабляя его готовность удѣлять изъ своихъ скудныхъ достатковъ средства на ихъ содержаніе“. Въ заключеніе Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ „вновь подтвердить, что земскіе сборы не могутъ быть разсматриваемы какъ постоянный источникъ для пособія епархіальнымъ начальнымъ народнымъ училищамъ и что вѣдомство православнаго исповѣданія не можетъ почитать себя освобожденнымъ отъ обязанности воздерживаться отъ всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, которыя дѣлали бы неизбѣжнымъ дальнѣйшее отягченіе плательщиковъ земскихъ сборовъ“.

О степени сочувствія народа къ разнымъ видамъ начальной школы незачѣмъ было бы спорить, если бы они всѣ были поставлены въ одинаковыя условія: лучшимъ показателемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ являлась бы тогда самая ихъ распространенность. Къ со-

жалѣнію, равенство условій на самомъ дѣлѣ не существуетъ: росту церковно-приходской школы обстоятельства чисто внѣшняго свойства благопріятствуютъ гораздо больше, чѣмъ росту школы земской или министерской. Затраты государства на начальныя училища духовнаго вѣдомства увеличиваются чуть не съ каждымъ годомъ. Къ школамъ грамоты и обыкновеннымъ церковно-приходскимъ школамъ присоединяются все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ такъ называемыя второклассныя школы, назначеніе которыхъ — подготовка учителей для школъ грамоты. Панегиристы второклассной школы спѣшатъ провозгласить ее явленіемъ совершенно новымъ, не имѣющимъ исторіи. Это невѣрно: основная ея мысль возникла на земской почвѣ. Какъ только за школами грамоты было оффиціально признано право на существованіе (распоряженіемъ бар. Николаи, состоявшимся въ 1882 г.), въ разныхъ мѣстахъ Россіи начались попытки сгруппировать небольшія крестьянскія школки около земской школы, какъ около центра, соединеннаго съ ними неоффиціальной, но тѣмъ болѣе глубокой нравственною связью. Изъ числа учениковъ и учениць, окончившихъ курсъ въ земской школѣ, учащій въ этой школѣ избиралъ наиболѣе способныхъ и склонныхъ къ учительству, занимался ихъ дальнѣйшей подготовкой и затѣмъ распредѣлялъ ихъ между сосѣдними школками, открытыми раньше или вновь устроенными по его совѣту. Съ теченіемъ времени эта организація могла охватить собою всѣ земскія губерніи и быстро подвинуть впередъ дѣло начальнаго обученія; но развитіе ея скоро было прервано передачей школъ грамоты въ духовное вѣдомство (въ 1884 г.). На цѣлое десятилѣтіе школы грамоты были предоставлены собственной судьбѣ, часто существуя только по имени, еще чаще представляя собою какъ бы пародію на школу. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что возобновленію заботы о школахъ грамоты способствовала дѣятельность А. А. Штевенъ, примѣнившей, въ арзамасскомъ уѣздѣ, раньше выработанную систему школы-матери и школъ-дочерей и открывшей, для приготовленія учителей въ эти послѣднія школы, нѣчто въ родѣ педагогическихъ курсовъ. Сходныя съ прежними попытками по цѣли, второклассныя церковно-приходскія школы существенно отличаются отъ нихъ по способу ея достиженія. На устройство особыхъ учительскихъ школъ земства не имѣли ни средствъ, ни даже права: извѣстно, что имъ не разрѣшено, несмотря на неоднократныя ходатайства, даже открытіе двухклассныхъ училищъ, которыя легко было бы приспособить къ подготовкѣ учителей для школъ грамоты. Второклассныя церковно-приходскія школы — это почти тѣ же двухклассныя училища, съ нѣсколько болѣе продолжительнымъ учебнымъ курсомъ (три года вмѣсто двухъ) и нѣсколько болѣе обширною программой. Нельзя не замѣтить, однако, что цѣлe

начальнаго обученія стоитъ теперь далеко не такъ, какъ стояло въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Тогда большимъ шагомъ впередъ было бы и быстрое распространеніе школъ грамоты, сколько-нибудь заслуживающихъ названія школы, т.-е. обладающихъ преподавателями если и не очень знающими, то добросовѣстными и преданными своему дѣлу; теперь требованія отъ начальной школы значительно возросли, даже въ средѣ самихъ крестьянъ, и удовлетворить имъ школа грамоты, даже поставленная сравнительно хорошо, уже не въ силахъ. Допустимъ, что въ короткое время всѣ школы грамоты будутъ снабжены преподавателями, окончившими курсъ въ второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Это будутъ, въ огромномъ большинствѣ, почти дѣти, потому что наименьшій возрастъ для вступленія въ второклассную школу опредѣленъ въ тринадцать лѣтъ, а крестьяне привыкли отдавать своихъ дѣтей въ школу какъ можно раньше. Возрастъ, въ которомъ будутъ оканчивать курсъ въ второклассной школѣ, совпадетъ, слѣдовательно, съ возрастомъ, раньше котораго нельзя поступить въ учительскую семинарію. Между тѣмъ, въ полу-дѣтскіе годы свѣдѣнія и навыки воспринимаются, обыкновенно, чисто внѣшнимъ образомъ; примѣненіе и развитіе ихъ зависитъ всецѣло отъ условій, при которыхъ происходитъ позднѣйшая дѣятельность. Для учителя школы грамоты эти условія будутъ какъ нельзя менѣе благопріятны. Чрезвычайно тяжело у насъ положеніе учителя и въ правильно организованной начальной школѣ—но еще тяжелѣе будетъ положеніе учащаго въ школѣ грамоты, какъ вслѣдствіе усиленной зависимости, въ которую онъ будетъ поставленъ (кромѣ различныхъ школьныхъ властей, имъ будутъ распоряжаться и крестьяне), такъ и вслѣдствіе крайне ограниченнаго круга дѣйствій самой школы. Пока существуетъ школа грамоты, какъ особый, низшій типъ начальнаго училища, она непремѣнно должна давать меньше свѣдѣній, чѣмъ настоящая, нормальная школа—а свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднею, при нынѣ дѣйствующихъ программахъ безъ того уже доведены почти до минимума. Малѣйшая попытка учителя школы грамоты развить своихъ учениковъ можетъ быть вмѣнена ему чуть не въ преступленіе, какъ выходящая за предѣлы его призванія. Безъ того уже непрочныя знанія, пріобрѣтенныя имъ въ второклассной школѣ, слишкомъ легко могутъ, такимъ образомъ, заглохнуть и испариться, и онъ или обратится въ автомата, обучающаго грамотѣ, или поспѣшитъ промѣнять неблагодарную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность на какую-нибудь другую. Намъ кажется, что въ настоящее время важно не подготовленіе учителей для школъ грамоты, а важна замѣна этихъ школъ другими, болѣе соотвѣтствующими своей цѣли, какъ это и предполагается во всѣхъ планахъ перехода къ всеобщему обученію, составляемыхъ зем-

ствами. Распространеніе второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, если ихъ удастся поставить на надлежащую высоту, желательно, въ нашихъ глазахъ, не потому, что онѣ будутъ служить разсадниками учащихъ въ школахъ грамоты, а потому, что онѣ вообще могутъ поднять крайне низкій уровень народнаго образованія.

Мы говорили недавно, что въ письмѣ, полученномъ нами въ защиту книги г. Глинки-Янчевскаго, въ числѣ доказательствъ упадка нашего судебнаго сословія было приведено опредѣленіе Сената о приписке потомственнаго дворянина-еврея къ одному изъ губернскихъ дворянскихъ обществъ. Теперь даже газеты, наиболѣе нерасположенныя къ евреямъ, признаютъ, что Сенатъ, на основаніи закона, не могъ поступить иначе [1]). Кампанія, вызванная сенатскимъ рѣшеніемъ, этимъ, конечно, не закончилась—только рѣчь идетъ теперь уже не о необходимости поправить ошибку Сената, а о необходимости пополнить законъ запрещеніемъ евреямъ приписываться къ дворянскимъ обществамъ или разрѣшеніемъ дворянскому обществу отказывать въ такой приписке. Для достиженія этой цѣли пускаются въ ходъ самые разнообразные доводы, апеллирующіе то къ разсудку, то къ чувству, обращающіеся то къ прошедшему, то къ будущему. „Основное право всякой корпораціи, всякаго сословія, всякаго общества“—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 8482)—„состоитъ въ возможности для него принять или не принять въ свою среду новаго сочлена: если же безъ вѣдома и даже вопреки желанію корпораціи множествомъ путей можно въ нее войти, то всякій смыслъ ея обособленности исчезаетъ, сословная роль ея подрывается въ конецъ, члены ея — просто носители нѣкоего почетнаго званія, да и самая цѣнность права принадлежать къ корпораціи падаетъ. Между тѣмъ, правомъ выбора по отношенію къ своимъ членамъ пользуются всѣ корпораціи въ Россіи, кромѣ русскихъ дворянскихъ обществъ“.

Въ этомъ разсужденіи смѣшиваются совершенно различныя понятія сословія, общества, корпораціи. Наши *сословія* вовсе не облечены правомъ принятія или непринятія въ свою среду: они установлены государствомъ, въ государственныхъ видахъ, и принадлежность къ тому или другому обусловливается единственно требованіями закона, опредѣляющаго способы пріобрѣтенія сословныхъ правъ. *Корпорація*—слово, употребляемое въ различныхъ значеніяхъ: иногда—въ смыслѣ юридическаго лица, иногда — въ смыслѣ совокупности лицъ, соединенныхъ между собою общностью призванія и занятій.

---

[1]) См., напр., статью г. Молчанова въ „Новомъ Времени“.

Въ первомъ случаѣ порядокъ пополненія ея опредѣляется ея уставомъ, и опредѣляется весьма разнообразно; во второмъ случаѣ вступленіе въ ея составъ далеко не всегда требуетъ согласія ея членовъ или учрежденія, завѣдующаго ея дѣлами (назовемъ, для примѣра, корпорацію врачей, корпорацію профессоровъ того или другого учебнаго заведенія). Между *обществами*, наконецъ, одни обязаны своимъ существованіемъ исключительно доброй волѣ составляющихъ ихъ лицъ, заручившихся разрѣшеніемъ надлежащей власти; другія, схожія съ первыми только по названію, существуютъ въ силу предписанія закона, въ тѣсной связи съ сословными подраздѣленіями. Таковы общества сельскія, мѣщанскія, дворянскія. Согласіе самихъ обществъ на принятіе новыхъ членовъ требуется здѣсь только тогда, когда общество беретъ на себя по отношенію къ принимаемымъ извѣстныя обязанности, болѣе или менѣе обременительныя (надѣлъ землею, круговая порука, призрѣніе больныхъ и безпомощныхъ). И это требованіе, впрочемъ, не безусловно: есть города, гдѣ приписка къ мѣщанскому обществу не нуждается въ его согласіи. Никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ сочленамъ дворянское общество не несетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ нему есть сословное право, вытекающее изъ самого обладанія дворянскимъ достоинствомъ. Въ этихъ двухъ фактахъ—достаточное объясненіе и оправданіе тому, что въ припискѣ къ дворянскому обществу потомственному дворянину отказано быть не можетъ. Полученіе дворянства пріурочено, по нашимъ законамъ, къ такимъ событіямъ, которыя вполнѣ зависятъ отъ правительственной власти. Наступленіе этихъ событій—производство въ чинъ, пожалованіе ордена—показываетъ, само по себѣ, что извѣстное лицо признается достойнымъ дворянскаго званія и должно пользоваться всѣми сопряженными съ нимъ правами. Рѣшающій голосъ правительство, такимъ образомъ, сохраняетъ исключительно за собою. Нѣтъ, затѣмъ, никакихъ политическихъ или правовыхъ основаній для пересмотра этого рѣшенія, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, тѣмъ или другимъ дворянскимъ обществомъ. Если признавать санкцію дворянскаго общества необходимой для вступленія въ его среду, то ея слѣдуетъ требовать, очевидно, не для однихъ только евреевъ, а для всѣхъ вновь получающихъ дворянство, что̀ едва-ли было бы совмѣстно съ господствующимъ взглядомъ на дворянство, какъ на государственное сословіе.

За аргументами юридическими слѣдуютъ аргументы сантиментальные. Смоленское дворянство (случай, дошедшій до Сената, имѣлъ мѣсто въ смоленской губерніи) не можетъ—говорятъ намъ—принять въ свою среду „еврея-пришельца“, такъ какъ еще въ сороковыхъ годахъ въ Смоленскѣ жило всего одно только еврейское семейство,

и ни въ борьбѣ съ поляками, ни въ войнѣ 1812-го года евреи смоленскому дворянству ничѣмъ не помогли. Не можетъ оно поставить имя еврея-талмудиста рядомъ съ именемъ Суворова и Нахимова, не можетъ сопричислить его къ своимъ традиціямъ, между которыми играетъ такую важную роль служба въ первыхъ рядахъ арміи: вѣдь еврей, по русскимъ законамъ, не въ правѣ быть офицеромъ. Дальше идутъ устрашающія картины возможнаго будущаго. Еврей-дворянинъ и все его быстро плодящееся потомство „будутъ безпрекословно повиноваться главарямъ еврейскаго талмудическаго братства, какъ покорныя орудія въ его рукахъ". Они „пробьютъ брешь, черезъ которую проникнетъ (въ дворянское общество) рука всероссійской тѣсно сплоченной корпораціи евреевъ". Фактически правами дворянства надѣляется, въ лицѣ одного еврея, вся еврейская корпорація. Попавъ въ члены дворянскаго общества, еврей можетъ попасть и въ предводители дворянства и, въ этомъ званіи, „широко отворить ворота еврейскому вторженію и содѣйствовать кабалѣ русскаго населенія". Онъ окажется занозой, которая, „попавъ въ тѣло дворянскаго общества, произведетъ воспаленіе, нагноеніе, быть можетъ гангрену"... Расходившаяся фантазія газеты не знаетъ мѣры и забываетъ самые общеизвѣстные, самые несомнѣнные факты. Солидарность между дворянскимъ обществомъ и новыми его членами у насъ, вообще говоря, вовсе не существуетъ. Приписка къ тому или другому обществу имѣетъ чисто случайный характеръ, находясь въ связи съ мѣстомъ жительства или съ мѣстомъ владѣнія имуществомъ, а не съ предшествующею дѣятельностью на пользу данной губерніи или хотя бы просто въ ея предѣлахъ. Если предки кого-либо изъ приписывающихся къ дворянству смоленской губерніи участвовали, въ XVII в., въ осадѣ Смоленска или, въ XIX-мъ, въ защитѣ его противъ французовъ, то это— чистая случайность, которая, по всей вѣроятности, неизвѣстна ни приписывающемуся, ни приписывающимъ. Само собою разумѣется, притомъ, что такое участіе не можетъ быть названо помощью *дворянству*, такъ какъ не дворянство же воевало съ поляками или французами, и не ему служили русскіе воины царя Михаила или императора Александра I-го. Не по русскимъ законамъ, но по обычаю, въ послѣднее время соблюдаемому весьма строго, евреи не могутъ быть офицерами въ русскомъ войскѣ; но они входятъ въ его составъ какъ солдаты— а воинская честь не составляетъ исключительную принадлежность офицерскаго чина. Подвергаются опасности на войнѣ евреи и въ качествѣ военныхъ врачей; именно этимъ путемъ заслужилъ дворянство г. Гринкругъ, изъ-за котораго завязалась газетная полемика (онъ получилъ на Шипкѣ орденъ св. Владиміра *съ мечами*). Служба военнаго врача въ военное время требуетъ отнюдь не меньше мужества

и самоотверженія, чѣмъ служба офицера... Наше дворянство не имѣетъ, впрочемъ, ничего общаго съ рыцарствомъ. Для пріобрѣтенія его, въ большинствѣ случаевъ, не нужно никакихъ доблестей; *выслуга* играетъ здѣсь бо́льшую роль, чѣмъ *заслуга*, терпѣніе и усидчивость—бо́льшую роль, чѣмъ храбрость. Чинъ, дающій потомственное дворянство, является естественнымъ завершеніемъ долговременнаго служебнаго поприща, удостовѣряя, какъ говорится въ формулярномъ спискѣ, что его носитель „взысканіямъ не подвергался и къ продолженію службы аттестовался способнымъ и достойнымъ", но нисколько не гарантируя его душевныхъ качествъ, его истиннаго „благородства". То же самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда чинъ — или орденъ— является наградой не-служебной, напр., за крупное пожертвованіе, за благотворительную дѣятельность. И никому до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что дворянское общество должно, прежде включенія въ свою среду новаго дворянина, повѣрить его нравственный цензъ—не приходило какъ потому, что возведеніе въ дворянское званіе, со всѣми его правами и преимуществами, всецѣло зависитъ отъ государственной власти, такъ и потому, что наше дворянство не составляетъ чего-то въ родѣ средневѣковаго братства, съ избранными имъ самимъ и имъ же охраняемыми девизами.

Остается еще одинъ вопросъ, которому наши юдофобы придаютъ особенную важность. Какъ бы мало ни былъ достоинъ дворянскаго званія русскій по происхожденію или вообще христіанинъ, его недостатки составляютъ его личное свойство и потому сравнительно неопасны; они могутъ и не перейти къ его потомству, и во всякомъ случаѣ ихъ не раздѣляетъ цѣлый легіонъ, невидимо, но реально вмѣстѣ съ нимъ проникающій въ дворянство. Другое дѣло—съ точки зрѣнія, противъ которой мы возражаемъ,—еврей, специфическія черты котораго сохраняются въ его потомкахъ, и въ лицѣ котораго воплощается вся еврейская корпорація. Пугало получается, такимъ образомъ, довольно внушительное—но это именно *пугало*, страшное лишь для тѣхъ, кто въ него вѣритъ. Получить дворянство можетъ только образованный еврей, всю жизнь вращавшійся среди христіанъ, близкій къ нимъ по занятіямъ и привычкамъ. Каково бы ни было вообще вліяніе кагала, отъ него ускользаютъ всѣ возвысившіеся надъ массой, всѣ освободившіе свою мысль изъ-подъ бремени традиціонныхъ путъ, поддерживаемыхъ замкнутостью или невѣжествомъ. Если они и остаются евреями, потому что не хотятъ измѣнить вѣрѣ предковъ, то они не подчиняются предразсудкамъ, относящимся къ религіи какъ наросты къ живому тѣлу. Это показываетъ примѣръ западной Европы, объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ каждаго, кому случалось сходиться, безъ предубѣжденій, съ евреями, живущими и дѣйствующими въ рус-

скомъ образованномъ обществѣ. Орудіемъ „всероссійской корпораціи евреевъ"—если такая корпорація и существуетъ — еврей-дворянинъ не сдѣлается уже потому, что зависимость его отъ нея порвана первыми шагами по дорогѣ, приведшей его къ дворянству. Допустимъ, однако, что опасность, сигнализируемая юдофобскими газетами, вымышлена не вполнѣ: во всякомъ случаѣ ея размѣры совершенно ничтожны. Въ послѣднія два десятилѣтія евреи, de facto, почти вовсе не допускаются на государственную службу и не могутъ, слѣдовательно, пріобрѣсти дворянство обычнымъ путемъ; да и раньше служащихъ и повышающихся по службѣ между ними было весьма немного. Евреи-дворяне возможны, поэтому, лишь въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія—и нужно быть уже очень невысокаго мнѣнія о нашемъ дворянствѣ, чтобы бояться воздѣйствія на него со стороны этихъ исключеній. Предположимъ нѣчто при современныхъ условіяхъ совершенно невѣроятное: предположимъ, что еврей избранъ въ предводители дворянства и утвержденъ въ этомъ званіи. Одно изъ двухъ: или поводомъ къ избранію послужили дѣйствительныя заслуги избраннаго, или оно состоялось вслѣдствіе происковъ, интригъ, прямого или косвеннаго подкупа. Въ первомъ случаѣ предводитель будетъ, очевидно, идеально хорошій, потому что нужно совсѣмъ особое сочетаніе достоинствъ, чтобы преодолѣть общераспространенное предубѣжденіе противъ евреевъ; во второмъ случаѣ собраніе пожнетъ только то, что само посѣяло, и получитъ представителя соотвѣтствующаго его нравственному уровню. Происки и подкупы не составляютъ монополію евреевъ... Власть предводителя безспорно велика, вліяніе его—еще больше: но все-таки для насъ неясно, какимъ образомъ онъ можетъ „отворить ворота еврейскому вторженію", „содѣйствовать кабалѣ русскаго населенія" (подразумѣвается, конечно, кабальная зависимость отъ евреевъ). Покупкѣ имѣній черезъ подставныхъ лицъ предводитель не можетъ ни способствовать, ни помѣшать; примѣръ западнаго края удостовѣряетъ, вдобавокъ, что для обхода закона, отстраняющаго евреевъ отъ земли, евреи легко находятъ союзниковъ въ русскихъ, въ христіанахъ. Тамъ, гдѣ крестьянство всего чаще попадаетъ въ экономическое рабство къ евреямъ, предводители дворянства не выбираются, а назначаются правительствомъ. Кабала нееврейская, такъ сильно, къ несчастію, распространенная въ центральной Россіи, ничѣмъ, притомъ, не лучше еврейской... Заключеніе наше таково: вопіять объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ вступленіемъ евреевъ въ среду дворянскихъ обществъ, значитъ поднимать много шуму изъ ничего. Настанетъ, быть можетъ, время, когда обстоятельства сложатся иначе—но прежде должно про-

изойти измѣненіе во взглядахъ правительства и общества, а это измѣненіе упразднитъ самый вопросъ, поднятый юдофобскою печатью.

Кто много читалъ или слышалъ восторженныхъ отзывовъ о красотѣ извѣстной мѣстности, тотъ обыкновенно испытываетъ разочарованіе, когда видитъ ее въ первый разъ—и это разочарованіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ преувеличеннѣе были восторги. То же самое можно сказать и о книгѣ. Представимъ себѣ, что ее рекомендуютъ слѣдующимъ образомъ: „у насъ такъ много пишется и говорится мелкаго, узкаго и пустого, и такъ ничтожно мало широкаго, творческаго, важнаго. Произведеніе (такого-то) несомнѣнно принадлежитъ къ рѣдкому второму роду". Чтобы оказаться на высотѣ ожиданій, возбуждаемыхъ такою похвалою, книга должна быть дѣйствительно выходящей изъ ряда; въ противномъ случаѣ даже лучшія ея страницы неизбѣжно покажутся ординарными и блѣдными. Плохую услугу, поэтому, оказалъ г. Шараповъ брошюрѣ г. Черепова: „Гдѣ выходъ", предпославъ ей предисловіе, начинающееся вышеприведенными словами. Именно *творческаго* въ брошюрѣ нѣтъ и слѣда. Авторъ хорошо характеризуетъ крѣпостную эпоху, совершенно правильно осуждаетъ попытки замѣнить помѣщичью власть „сѣтью судебно-административныхъ мѣръ", основательно признаетъ больнымъ мѣстомъ нашей соціально-экономической жизни недостатокъ интеллигентныхъ силъ въ средѣ крестьянства, основательно видитъ основу благосостоянія во всеобщемъ просвѣщеніи и массовой культурности—но вѣдь во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего новаго. Можно согласиться съ г. Череповымъ и тогда, когда онъ утверждаетъ, что каждому должна быть обезпечена возможность удовлетворять, съ минимальной затратой труда, основнымъ потребностямъ, которыми обусловливается его существованіе,—и тогда, когда главнымъ источникомъ этого обезпеченія онъ провозглашаетъ обладаніе земельнымъ участкомъ: но вѣдь не станетъ же онъ предъявлять авторское право на эти мысли, давно пущенныя въ оборотъ (напр. Генри Джорджемъ) съ такою послѣдовательностью и силой, которыхъ напрасно было бы искать въ трудѣ г. Черепова. Переходя къ болѣе опредѣленной темѣ—къ защитѣ общиннаго землевладѣнія, какъ организаціи, допускающей нормальное устройство земельныхъ отношеній,—г. Череповъ идетъ по стопамъ нашихъ экономистовъ-народниковъ, ничего существеннаго къ выработаннымъ имъ положеніямъ не прибавляя. Онъ указываетъ необходимость *преобразованія* общины, въ смыслѣ замѣны обветшалыхъ формъ землепользованія другими, болѣе пригодными для современныхъ условій; но вѣдь именно возможность такой замѣны многочисленные предшественники

г. Черепова и считали важнѣйшимъ преимуществомъ общиннаго строя. Г. Череповъ предлагаетъ равномѣрное распредѣленіе участковъ земли замѣнить такимъ же распредѣленіемъ ея продуктовъ — другими словами, единичную работу отдѣльныхъ общинниковъ замѣнить совмѣстною, съ примѣненіемъ наиболѣе совершенныхъ пріемовъ культурнаго, интенсивнаго хозяйства. А вотъ что говорилъ *семнадцать* лѣтъ тому назадъ А. Н. Энгельгардтъ, въ своихъ извѣстныхъ письмахъ изъ деревни: „хозяйство можетъ истинно прогрессировать только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща. Раціональность въ агрономіи состоитъ въ томъ, чтобы, истративъ меньшее количество пудофутовъ работы, извлечь наибольшее количество силы изъ солнечнаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща; когда люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство, неминуемо перейдутъ въ ихъ руки". Одинаково съ Энгельгардтомъ смотрѣла и смотритъ на дѣло цѣлая группа писателей, игравшихъ и играющихъ видную роль въ нашей литературѣ. Америка, открытіе которой ставится въ заслугу г. Черепову, открыта, въ сущности, почти полвѣка тому назадъ, еще во время первой полемики объ общинномъ землевладѣніи.

Старая мысль можетъ быть обновлена указаніемъ такого пути къ ея осуществленію, до котораго не додумывался еще никто. И съ этой точки зрѣнія въ брошюрѣ г. Черепова не оказывается ни одной искры творчества. Авторъ наивно вѣритъ, что преобразованіе общины не встрѣтитъ серьезныхъ затрудненій, если только будетъ сознана его необходимость и неотложность. Онъ разсчитываетъ на наглядный примѣръ, данный какимъ-нибудь землевладѣльцемъ или управляющимъ имѣніемъ—примѣръ, который убѣдилъ бы крестьянъ въ выгодности коллективнаго хозяйства. Большія надежды онъ возлагаетъ также на сочувствіе земства и въ особенности правительства, могущаго устранить всѣ преграды для успѣшнаго проведенія реформы. Съ другой стороны, онъ находитъ нужнымъ, чтобы во главѣ преобразованной общины стояли образованный управляющій и свѣдущій бухгалтеръ, получающіе за свой трудъ опредѣленное вознагражденіе изъ продуктовъ общиннаго хозяйства—и этимъ самымъ затрудняетъ преобразованіе, связывая его съ значительными расходами. Вся эта часть труда г. Черепова до крайности поверхностна. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить ее съ интересной книгой Н. А. Каблукова: „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи"— позднѣйшимъ, по времени, выраженіемъ того направленія въ нашей литературѣ, о которомъ мы уже упоминали выше. Въ одномъ

изъ отдѣловъ этой книги, озаглавленномъ: „Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ значеніе“, собрано множество данныхъ, показывающихъ, что переходъ къ коллективной обработкѣ земли не только давно поставленъ на очередь, но даже кое-гдѣ совершился на самомъ дѣлѣ. Особенно любопытенъ приговоръ объ общемъ землепользованіи, составленный нѣсколькими переселившимися въ самарскую губернію изъ смоленской крестьянскими семьями. Если бы гг. Череповъ и Шараповъ были болѣе знакомы съ литературой занимающаго ихъ вопроса, то первый не сталъ бы ломиться въ открытую дверь, а второй не усмотрѣлъ бы въ этой ломкѣ признаковъ творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, въ предисловіи, о возможности болѣе интенсивнаго хозяйства даже при современномъ устройствѣ общины, г. Шараповъ не упустилъ бы изъ виду, что ее доказывали побѣдоносно еще А. С. Посниковъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, а затѣмъ В. П. Воронцовъ (В. В.) и многіе другіе...

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Объ изданіи Календаря „Синяго Креста", на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ.

Съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества, предприняло изданіе Календаря на 1900-й годъ подъ названіемъ Календарь „Синяго Креста", сборъ съ коего поступаетъ на усиленіе средствъ Общества. Календарь „Синяго Креста" на 1900-й годъ выйдетъ въ декабрѣ 1899 г., въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, и явится подробнымъ справочнымъ изданіемъ, необходимымъ для каждаго.

Въ настоящее время Общество попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны, открыло подписку на Календарь „Синяго Креста", цѣною по 2 р. за экземпляръ, а равно и пріемъ объявленій отъ казенныхъ и частныхъ учрежденій.

II.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стран.	24	строка	18 св.:	соображать	воображать
„	26	„	6 сн.:	цвѣтомъ	свѣтомъ
„	35	„	10 сн.:	лопающихся	ломающихся
„	38	„	21 св.:	Кантомъ	Контомъ
„	—	„	24 св.:	въ ея вѣру	въ „трагедію вѣры“
„	40	„	24 „	разрѣшится	разрѣшима
„	43	„	20 „	впрочемъ	во всемъ прочемъ
„	48	„	10 сн.	рабы	рожденіе

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ западный Китай. Т. II. Поперекъ Бей-Шаня и Нанъ-Шаня въ долину Желтой-рѣки. Съ картой, 29 фототипіями, 1 гравюрой и 10 цинкогр. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 445 in 4°.

Первоначальное предположеніе автора—ограничиться двумя томами, вслѣдствіе накопленія матеріала, нынѣ измѣнено: настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ только половину всего матеріала, а потому за нимъ послѣдуетъ еще третій томъ. Зато, во второй томъ вошла, сверхъ хроники путешествія, весьма важная новая сторона дѣла, обращавшая до сихъ поръ мало вниманія европейскихъ ученыхъ, изучавшихъ территорію Средней Азіи, а именно, ея историческое прошлое. Болѣе трети настоящаго тома и посвящено именно исторической географіи Средней Азіи, представляющей и до сихъ поръ весьма много запутанныхъ этнографическихъ вопросовъ, которые авторъ пытается разрѣшить въ особой главѣ вышедшаго нынѣ въ свѣтъ тома.

Карѣевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. 2-я: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Вып. VI. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 271—642.

——— Курсъ Новой исторіи. Ч. I: Исторія XVII и XVIII вв. Спб. 99. Стр. 475.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается томъ третій западно-европейской исторіи XVIII вѣка, а именно второй его половины—вѣка Маріи Терезіи, Фридриха II и Іосифа II, смѣнившагося заключительною эпохою XVIII-го вѣка—эпохою большой французской революціи. Рядомъ съ вторымъ изданіемъ своего обширнаго труда, состоящаго изъ пяти томовъ, гдѣ исторія Западной Европы доводится до 70-хъ годовъ истекавшаго нынѣ вѣка, авторъ приступилъ къ особому изданію этого труда, въ сокращенномъ видѣ, съ цѣлью дать руководство при преподаваніи имъ исторіи въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній—въ Александровскомъ Лицеѣ. Такимъ образомъ, въ составъ вышедшей нынѣ первой части могло войти содержаніе первыхъ трехъ томовъ вышеупомянутаго полнаго изданія въ пяти томахъ.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. VI. Съ біографіей и портретомъ автора. Спб., 99. Стр. 580+124. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящимъ томомъ закончены прозаическія сочиненія Гейне; въ немъ помѣщены „Признанія“, „Донъ-Кихотъ“, „Мысли и замѣтки“, статьи смѣшаннаго характера, рецензіи и „мемуары“; къ концѣ приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ (124 стр.). Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь въ первый разъ въ русскомъ переводѣ; возстановлены также многіе пропуски отдѣльныхъ мѣстъ въ прежнемъ русскомъ изданіи, и теперь мы имѣемъ наконецъ полный, старательно провѣренный переводъ всѣхъ сочиненій знаменитаго нѣмецкаго поэта, подъ редакціей такого опытнаго и свѣдущаго литератора, какъ П. И. Вейнбергъ. Слѣдующіе два тома, VII-ой и VIII-ой, будутъ заключать въ себѣ стихотворенія Гейне и закончатъ все изданіе.

Малый энциклопедическій словарь. Т. I: А—Гебгардъ. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 99. Стр. 1244. Съ приложеніями. Ц. 6 р.

Особенность этого словаря заключается въ томъ, что, кромѣ обычныхъ научныхъ и справочныхъ свѣдѣній, онъ даетъ еще цѣлый рядъ небольшихъ руководствъ и обзоровъ по разнымъ отдѣламъ знаній, а также словари иностранныхъ языковъ. Такихъ особыхъ приложеній помѣщено въ первомъ томѣ—14, и изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить обзоръ „Гражданскихъ законовъ“, извѣстнаго юриста-практика, члена московской судебной палаты, Г. Л. Верблюжскаго, и очеркъ законовъ о государственномъ устройствѣ и управленіи, проф. В. В. Ивановскаго. Эти краткіе, общедоступные очерки дѣйствующаго законодательства пополняютъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ и могутъ принести большую пользу читателямъ, въ виду малой распространенности у насъ свѣдѣній о русскихъ законахъ, которые долженъ былъ бы, однако, знать всякій обыватель. Изъ другихъ „приложеній“ обращаютъ на себя вниманіе: „Анатомія“, проф. Лесгафта и д-ра Бурцева, „Астрономія“ Фламмаріона подъ редакціею проф. Витковскаго, „Ботаника“ сэра Гукера съ добавленіями проф. А. Н. Бекетова, „Геологія“ приватъ-доцента В. К. Агафонова и др. Приложенія снабжены многими иллюстраціями, рисунками, картами.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе товарищества „Знаніе“. Вып. I—II. Спб. 99. Стр. 221.

Книга проф. Мутера займетъ несомнѣнно видное мѣсто въ ряду роскошныхъ литературно-художественныхъ изданій, предпринятыхъ у насъ въ послѣднее время. Сочиненіе само по себѣ пользуется достаточною извѣстностью въ Европѣ; это, въ сущности, единственная исчерпывающая исторія современной живописи. Живыя, яркія характеристики отдѣльныхъ художниковъ дѣлаютъ чтеніе книги въ высшей степени занимательнымъ, а талантливая группировка различныхъ школъ и направленій, въ связи съ указаніемъ ихъ взаимной исторической связи, представляетъ интересъ не только для публики вообще, но и для знатоковъ исторіи искусства. Множество иллюстрацій, украшающихъ это изданіе, исполнено съ изяществомъ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. III. Спб. 99. Стр. 624. Ц. 3 р.

Въ этотъ томъ вошли этюды и очерки, касающіеся политическихъ теорій и соціальныхъ движеній современной Европы—статьи о „государствѣ и прогрессѣ“, о политической философіи Гегеля, о французскомъ парламентаризмѣ, о революціонной эпохѣ во Франціи, о натурализмѣ въ исторіи (по поводу Тэна), о системѣ Меттерниха, о консерватизмѣ, о „соціализмѣ на западѣ Европы и въ Россіи“. Свойственная автору обстоятельность изложенія и критики придаетъ этимъ очеркамъ цѣнность и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ.

II.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стран.	24	строка	18 св.:	соображать	воображать
„	26	„	6 сн.:	цвѣтомъ	свѣтомъ
„	35	„	10 сн.:	ломающихся	ломающихся
„	38	„	21 св.:	Кантомъ	Контомъ
„	—	„	24 св.:	въ ея вѣру	въ „трагедію вѣры“
„	40	„	24 „	разрѣшится	разрѣшима
„	43	„	20 „	впрочемъ	во всемъ прочемъ
„	48	„	10 сн.	рабы	рожденіе

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ западный Китай. Т. II. Поперекъ Бей-Шанъ и Нань-Шанъ въ долину Желтой-рѣки. Съ картой, 29 фототипіями, 1 гравюрой и 10 цинкогр. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 445 in 4°.

Первоначальное предположеніе автора—ограничиться двумя томами, вслѣдствіе накопленія матеріала, нынѣ измѣнено: настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ только половину всего матеріала, а потому за нимъ послѣдуетъ еще третій томъ. Зато, во второй томъ вошла, сверхъ хроники путешествія, весьма важная новая сторона дѣла, обращавшая до сихъ поръ мало вниманія европейскихъ ученыхъ, изучавшихъ территорію Средней Азіи, а именно, ея историческое прошлое. Болѣе трети настоящаго тома и посвящено именно исторической географіи Средней Азіи, представляющей и до сихъ поръ весьма много запутанныхъ этнографическихъ вопросовъ, которые авторъ пытается разрѣшить въ особой главѣ вышедшаго нынѣ въ свѣтъ тома.

Карѣевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. 2-я: Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція. Вып. VI. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 271—642.

——— Курсъ Новой исторіи. Ч. I: Исторія XVII и XVIII вв. Спб. 99. Стр. 475.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается томъ третій западно-европейской исторіи XVIII вѣка, а именно второй его половины—вѣка Маріи Терезіи, Фридриха II и Іосифа II, смѣнившагося заключительною эпохою XVIII-го вѣка—эпохою большой французской революціи. Рядомъ съ вторымъ изданіемъ своего обширнаго труда, состоящаго изъ пяти томовъ, гдѣ исторія Западной Европы доводится до 70-хъ годовъ истекающаго нынѣ вѣка, авторъ приступилъ къ особому изданію этого труда, въ сокращенномъ видѣ, съ цѣлью дать руководство при преподаваніи имъ исторіи въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній—въ Александровскомъ Лицеѣ. Такимъ образомъ, въ составъ вышедшей нынѣ первой части могло войти содержаніе первыхъ трехъ томовъ вышеупомянутаго полнаго изданія въ пяти томахъ.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. VI. Съ біографіей и портретомъ автора. Спб., 99. Стр. 580+124. Ц. 1 р. 75 к.

Настоящимъ томомъ закончены прозаическія сочиненія Гейне; въ немъ помѣщены „Признанія“, „Донъ-Кихотъ“, „Мысли и замѣтки“, статьи смѣшаннаго характера, рецензіи и „мемуары“; въ концѣ приложенъ обстоятельный біографическій очеркъ (124 стр.). Нѣкоторыя статьи появляются здѣсь въ первый разъ въ русскомъ переводѣ; возстановлены также многіе пропуски отдѣльныхъ мѣстъ въ прежнемъ русскомъ изданіи, и теперь мы имѣемъ наконецъ полный, старательно провѣренный переводъ всѣхъ сочиненій знаменитаго нѣмецкаго поэта, подъ редакціей такого опытнаго и свѣдущаго литератора, какъ П. И. Вейнбергъ. Слѣдующіе два тома, VII-ой и VIII-ой, будутъ заключать въ себѣ стихотворенія Гейне и закончатъ все изданіе.

Малый энциклопедическій словарь. Т. I: А—Гебгардъ. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 99. Стр. 1244. Съ приложеніями. Ц. 6 р.

Особенность этого словаря заключается въ томъ, что, кромѣ обычныхъ научныхъ и справочныхъ свѣдѣній, онъ даетъ еще цѣлый рядъ небольшихъ руководствъ и обзоровъ по разнымъ отдѣламъ знаній, а также словари иностранныхъ языковъ. Такихъ особыхъ приложеній помѣщено въ первомъ томѣ—14, и изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить обзоръ „Гражданскихъ законовъ“, извѣстнаго юриста-практика, члена московской судебной палаты, Г. Л. Верблювскаго, и очеркъ законовъ о государственномъ устройствѣ и управленіи, проф. В. В. Ивановскаго. Эти краткіе, общедоступные очерки дѣйствующаго законодательства пополнятъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ и могутъ принести большую пользу читателямъ, въ виду малой распространенности у насъ свѣдѣній о русскихъ законахъ, которые долженъ былъ бы, однако, знать всякій обыватель. Изъ другихъ „приложеній“ обращаютъ на себя вниманіе: „Анатомія“, проф. Лесгафта и д-ра Бурцева, „Астрономія“ Фламмаріона подъ редакціею проф. Витковскаго, „Ботаника“ сэра Гукера съ добавленіями проф. А. Н. Бекетова, „Геологія“ приватъ-доцента В. К. Агафонова и др. Приложенія снабжены многими иллюстраціями, рисунками, картами.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Переводъ З. Венгеровой. Изданіе товарищества „Знаніе“. Вып. I—II. Спб. 99. Стр. 221.

Книга проф. Мутера займетъ несомнѣнно видное мѣсто въ ряду роскошныхъ литературно-художественныхъ изданій, предпринятыхъ у насъ въ послѣднее время. Сочиненіе само по себѣ пользуется достаточною извѣстностью въ Европѣ; это, въ сущности, единственная исчерпывающая исторія современной живописи. Живыя, яркія характеристики отдѣльныхъ художниковъ дѣлаютъ чтеніе книги въ высшей степени занимательнымъ, а талантливая группировка различныхъ школъ и направленій, въ связи съ указаніемъ ихъ взаимной исторической связи, представляетъ интересъ не только для публики вообще, но и для знатоковъ исторіи искусства. Множество иллюстрацій, украшающихъ это изданіе, исполнено съ изяществомъ.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. III. Спб. 99. Стр. 621. Ц. 3 р.

Въ этотъ томъ вошли этюды и очерки, касающіеся политическихъ теорій и соціальныхъ движеній современной Европы—статьи о „государствѣ и прогрессѣ“, о политической философіи Гегеля, о французскомъ парламентаризмѣ, о революціонной эпохѣ во Франціи, о натурализмѣ въ исторіи (по поводу Тэна), о системѣ Меттерниха, о консерватизмѣ, о „соціализмѣ на западѣ Европы и въ Россіи“. Свойственная автору обстоятельность изложенія и критики придаетъ этимъ очеркамъ цѣнность и для тѣхъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 20 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель", Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. Н. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли" и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и жительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Бланки* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или заграничныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 12-Я.

ДЕКАБРЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

и съ аппетитомъ поѣлъ куринаго супа, который былъ для меня заказанъ, какъ для больного.

Не видя ничего серьезнаго въ моемъ недомоганіи, Каролина Карловна усѣлась въ дѣтской писать письма въ Ригу, къ своимъ роднымъ, а мнѣ предоставила свободу расхаживать гдѣ угодно.

Домъ былъ пустъ. Маленькіе братья и сестра помѣщались въ дальнихъ комнатахъ, а отецъ съ матушкой вотъ уже недѣлю какъ гостили у сосѣда-помѣщика, Ивана Ивановича Малинникова; его усадьба отстояла отъ нашей всего въ какихъ-нибудь трехъ или четырехъ верстахъ.

Въ тѣ времена въ гости не ѣздили на нѣсколько часовъ, а забирались на нѣсколько дней. Такъ было и на этотъ разъ. Но дѣло въ томъ, что стоялъ уже конецъ марта; въ тотъ же день, какъ наши уѣхали, полилъ дождь, стало сразу тепло, и въ троечетверо сутокъ не только снѣгъ почти исчезъ, но нашу плотину у мельницы прорвало, а вода въ рѣкѣ стала быстро разливаться.

Изъ оконъ парадныхъ комнатъ дома виднѣлся цвѣтникъ, съ засохшими прошлогодними стеблями цвѣтовъ; появились, изъподъ исчезнувшихъ сугробовъ снѣга, кустарники, мелкіе присадки. А за цвѣтникомъ, окруженнымъ невысокой рѣшеткой, въ полуверстѣ, ясно можно было видѣть мельницу, разломанный мостъ и развороченную плотину, черезъ которую съ ревомъ неслась рѣка. То-и-дѣло сверкали льдины, налетавшія на изломанныя перила моста; онѣ съ глухимъ трескомъ вскидывались на нихъ и, медленно перевернувшись, исчезали по другую сторону. Иногда ледъ нагромождался въ высокую кучу и грозилъ сорвать даже мельницу.

Поэтому-то съ ранняго утра около нея стояла огромная толпа крестьянъ съ баграми, шестами и веревками; они не давали льду застаиваться и хлопотливо отпихивали его въ самое стремя, которое все больше и больше расширялось, разрушая камни, хворостъ и навозъ, составлявшіе насыпь плотины.

Всю работу я наблюдалъ изъ оконъ диванной.

Комната эта совсѣмъ преобразилась, благодаря отсутствію господъ. Здѣсь, на длинныхъ, мягкихъ диванахъ безъ спинокъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ, сидѣли моя няня, ключница Анфиса Давидьевна и еще нѣсколько сѣнныхъ дѣвушекъ. Онѣ громко разговаривали, передавали слухи, толковали о томъ, какъ переѣдутъ наши черезъ уничтоженную плотину. Однимъ словомъ, судачили напропалую.

Центромъ группы была ключница,—маленькаго роста, красивая, полная, съ сросшимися бровями надъ быстрыми сѣрыми глазками. Одѣтая чисто и аккуратно, она сознавала свое преимущество и говорила съ аппломбомъ. Вся дворня ее побаивалась, а матушка очень любила и довѣряла. Съ дѣвушками, которыя служили въ комнатахъ или плели кружева, она расправлялась энергично и сурово, никакихъ ссоръ не допускала и наказывала тумаками одинаково какъ обидѣвшую, такъ и обиженную. Особенно вся женская прислуга трепетала, когда Анфиса Давидьевна должна была готовить горчицу; такъ какъ хорошая горчица должна быть зла, то ключница съ самаго ранняго утра заставляла себя быть не только злою, но злющею, колотила дѣвчонокъ и таскала ихъ за волосы, изъ-за самыхъ малыхъ причинъ. И никто не протестовалъ, потому что всѣ знали, что сегодня приготовляется горчица.

Нѣкоторую долю уваженія питала Анфиса только къ моей нянѣ Матренѣ, во-первыхъ, какъ къ старшей годами, а во-вторыхъ, потому, что старуха вела себя дѣйствительно съ большимъ тактомъ...

На кругломъ массивномъ столѣ краснаго дерева навалена груда бѣлья, которое пересматриваютъ и чинятъ. Столъ этотъ я очень любилъ. Въ немъ были четыре ящика, которые украшались головами бронзовыхъ львовъ, изъ пасти которыхъ висѣло по кольцу. Взглядъ этихъ страшныхъ звѣрей приводилъ меня въ трепетъ—до такой степени онъ былъ суровъ, въ особенности когда я оставался одинъ въ комнатѣ и пристально приглядывался къ нимъ, желая разсмотрѣть тонкую работу. Между изогнутыми толстыми корками внизу помѣщалось широкое, плоское деревянное кольцо, которое предназначалось для того, чтобы въ него можно было съ удобствомъ упереть ноги; но мнѣ казалось, что это не что̀ иное, какъ гигантское гнѣздо какой-то сказочной птицы. И не безъ трепета забирался я въ него и долго размышлялъ: можно ли спать здѣсь ночью, и не очень ли страшно въ темнотѣ?

За этимъ-то столомъ помѣщались сегодня женщины. Въ углу, поближе къ окну, стояли пяльцы, и за ними сидѣла, вышивая, хорошенькая Груша, камеристка матушки. Она трудилась надъ огромной картиной, воспроизводя ее гарусомъ и бисеромъ. Представлено было похищеніе какой-то дѣвицы какими-то рыцарями: вдали на горѣ пылаетъ замокъ, а на первомъ планѣ мчатся два воина—одинъ на бѣлой, другой на вороной лошади; у перваго поперекъ сѣдла лежитъ въ обморокѣ похищенная обита-

тельница замка съ развѣвающимся покрываломъ. Особенно мнѣ нравился очень красный огонь пожара и черезчуръ черный дымъ, клубами поднимающійся къ небу.

Всѣ металлическія детали картины, какъ-то: стремена, оружіе, удила—вышивались мелкимъ стальнымъ бисеромъ. Помню, въ общемъ картина была очень эффектна.

На стѣнахъ въ диванной висѣли фамильные портреты въ тяжелыхъ золотыхъ рамахъ, а на самомъ видномъ мѣстѣ красовалась очень распространенная въ то время гравюра Крюгера, изображающаго Государя Николая I верхомъ со свитой.

Безучастно смотрѣлъ я на всѣхъ—и не могъ уловить главной темы разговора. Правда, темы эти мѣнялись быстро, но все-таки мое душевное настроеніе было таково, что сообразить что-нибудь быстро никакъ не удавалось.

Забившись въ уголъ и погрузившись въ мягкія диванныя подушки, я занимался тѣмъ, что наблюдалъ за выраженіемъ лицъ своей няни, Анфисы и другихъ собесѣдницъ.

Обо мнѣ какъ будто забыли, а я не напоминалъ о своемъ существованіи.

Солнце стало садиться. Кровавая заря охватила почти все небо. Мелкія облачка на западѣ сверкали золотомъ и пурпуромъ. Надъ мельницей и разрушенной плотиной поднимался густой туманъ, въ которомъ то исчезали, то опять показывались мужики, лошади съ санями и верховые, занятые исправленіемъ пути, по которому должны были пріѣхать наши.

А разговоръ не умолкалъ. Наконецъ, моя няня оглянулась на меня.

— Ахъ, батюшки!—всплеснула она руками.—Что же это мы про молодого барина забыли! Вотъ грѣхъ-то! Вѣдь пора и чай пить! Анфиса Давидьевна, вы бы хоть распорядились насчетъ самовара.

— Не безпокойтесь, Матрена Савишна. Все въ свое время будетъ. У меня всякій знаетъ, когда и что требуется. А вотъ Парашу-чужую къ барину надо послать. Пусть поиграетъ да позабавитъ. Къ тому же темно становится, довольно кружева плести... Вотъ я пойду позову.

И Анфиса съ достоинствомъ встала изъ-за стола и скрылась.

II.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ комнату вошла стройная и высокая дѣвушка съ свѣтлыми густыми волосами, заплетенными въ длинную косу. Лицо ея было очень симпатично, а въ голубыхъ большихъ глазахъ виднѣлись не то робость, не то испугъ. Костюмъ ничѣмъ не отличался отъ костюма остальныхъ горничныхъ—темное платье изъ грубой домашней матеріи и бѣлый фартукъ. Это и была Параша-чужая.

Я и дѣвушка находились въ большой дружбѣ. Никто такъ не умѣлъ разсказать сказку, никто не въ состояніи былъ нарисовать на грифельной доскѣ такихъ дамскихъ профилей, обращенныхъ постоянно въ лѣвую сторону, никто такъ живо не передавалъ эпизоды изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ. Даже гулять Парашу отпускали со мной, несмотря на то, что она была необходима въ кружевной, гдѣ работало подъ ея руководствомъ много ученицъ.

Матушка особенно цѣнила въ Парашѣ эту мягкость, съ которой она относилась ко мнѣ, и къ праздникамъ дѣлала ей за это подарки, не въ примѣръ прочимъ.

Съ приходомъ дѣвушки мнѣ какъ будто стало веселѣе. Она взяла меня за руку, и мы отправились въ смежную гостиную, озаренную потухающимъ закатомъ. Усѣвшись на подоконникъ, я съ большимъ интересомъ сталъ разсматривать и мельницу, и рабочихъ, и прорванную плотину.

Я очень хорошо помню, что Параша въ этотъ вечеръ очень много разсказывала мнѣ о томъ, какъ послѣ зимы всегда наступаетъ теплая весна, а за нею слѣдуетъ хлопотливое для хозяина лѣто, а потомъ надвигается угрюмая сѣрая осень и, наконецъ, снова выпадаетъ снѣгъ, начинаются морозы, и зима сковываетъ всякую жизнь.

Этотъ порядокъ, эта законность, эта послѣдовательность показались мнѣ, помню, чрезвычайно интересными, мудрыми. Въ разговорахъ быстро прошло время, и въ комнатѣ сдѣлалось темно. Но изъ-за горизонта показалась полная луна, трепетнымъ свѣтомъ облившая всю нашу усадьбу съ окрестностью и заглянувшая въ гостиную. Было такъ пріятно и уютно сидѣть и слушать, слушать безъ конца.

— А вотъ, милый баринъ,—сказала Параша:—какъ-то переѣдутъ наши господа черезъ плотину. Хоть тамъ и заваливаютъ

прорванное мѣсто, да вода больно сильна, такъ и рветъ, такъ и рветъ.

Я задумался и сталъ соображать: какъ же помочь горю?

— Впрочемъ,—продолжала дѣвушка:—можетъ, они поѣдутъ дальней дорогой на Кочетовку; тамъ нѣтъ мостовъ. Только вмѣсто четырехъ верстъ выйдетъ всѣ двадцать-четыре. А знаете, скучно безъ нихъ. Особенно безъ барыни,—точно чего-то не хватаетъ. Вы рады будете, когда господа вернутся?

— Еще бы. Вѣдь я люблю и папу, и маму. Они добрые и ничего дурного не дѣлаютъ. Вѣдь правда?

Параша какъ будто запнулась, но затѣмъ быстро проговорила:

— Конечно, конечно-съ. Они очень добрые. Ихъ вамъ надо любить: вѣдь они родители.

— А у тебя была мама?—спросилъ я Парашу.

Она улыбнулась.

— Да, милый баринъ, не только была, но и есть. И какъ я ее любила! какая она добрая да хорошая!

Дѣвушка опустила голову, и мнѣ показалось, что слезы блеснули у нея на глазахъ.

— Гдѣ же она?—допытывался я.

— Далеко отсюда.

— Отчего же она не живетъ съ тобою?

— Меня продали Груздевымъ, а матушку господа не хотѣли продать, потому куфарка она хорошая, все равно какъ поваръ.

— Кто же продалъ?

— А наши помѣщики—въ харьковской губерніи живутъ. Вѣра Ивановна искала мастерицу кружева плести. Кто-то ей меня расхвалилъ. Ну, она написала къ нашимъ: дескать, нѣтъ ли у васъ такой-то, а если есть, то не продадите ли всей семьи? Наши отвѣчали, что семьи не уступятъ, а что дѣвчонку отдадутъ только за хорошую плату, потому какъ хорошо работаетъ. Переговоры шли долго, чуть не цѣлый годъ; но, въ концѣ концовъ, Вѣра Ивановна выслала деньги и подводу за мной. Такъ меня и оторвали отъ семьи! И что теперь дѣлается съ матушкой, съ братьями, съ сестрами?—не знаю. Хоть бы глазкомъ однимъ взглянуть, хоть бы минуточку пробыть съ ними! а тамъ—хоть и умирать! Какая моя жизнь на чужбинѣ? Никого-то близкаго, никого-то знакомаго, кто бы тебя приголубилъ, приласкалъ. Настанетъ праздникъ, всѣмъ весело, у всѣхъ есть съ кѣмъ слово перемолвить, а я—всѣмъ чужая! такъ и прозвали—Параша-чужая!.. Эхъ, горе мое, горе!

Дѣвушка закрыла лицо руками. Тихія, сдавленныя рыданія до такой степени поразили меня, что я самъ горько заплакалъ и кинулся на шею бѣдной Парашѣ. Я утѣшалъ ее, какъ умѣлъ, сказалъ, что буду просить и маму, и папу, чтобы отпустили ее въ гости къ своимъ, и гладилъ ее по густымъ волосамъ.

Дѣвушка опомнилась. Она поспѣшно отерла передникомъ глаза и, силясь улыбнуться, посадила меня къ себѣ на колѣни.

— Простите, милый баринъ... Ради Бога, не говорите никому, что̀ я вамъ разсказала; да и не просите за меня—все равно ничего изъ этого не выйдетъ. Вѣдь мы, холопы, для того и родились на свѣтъ, чтобы господамъ работать и покоряться. А развѣ господамъ надо разсуждать: пріятно ли намъ или нѣтъ покидать семью? Захотѣли и сдѣлали. Вѣдь всѣ такъ поступаютъ, ну и наши господа не хуже другихъ. Господь положилъ каждому свой предѣлъ. Знать на то Его святая воля. Будете большимъ, тоже станете продавать и покупать людей. Это даже и въ грѣхъ не ставится. Спасибо вамъ на добромъ словѣ. Только, пожалуйста, не говорите никому ничего.

Я совсѣмъ растерялся. Я чувствовалъ, что отрывать дитя отъ доброй мамы не хорошо, что дѣлать это могутъ только люди злые, но Параша такъ хладнокровно смотрѣла на подобные безчеловѣчные поступки и такъ безпрекословно покорялась своей участи, что меня брало раздумье: можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ такъ надо?

Тѣмъ не менѣе, тяжелое, гнетущее чувство легло у меня камнемъ на сердце, и я, не понимая, инстинктивно чуялъ, что здѣсь кроется что-то неладное.

— Параша, что вы тамъ въ темнотѣ-то сидите съ бариномъ? —послышался голосъ няни изъ диванной.—Идите-ка сюда. Скоро ихъ спать укладывать надо, ужъ десятый часъ.

— Пойдемте, а то няня сердиться будетъ...—заторопилась дѣвушка, спустила меня съ колѣнъ, встала, взяла за руку и направилась вмѣстѣ въ освѣщенную комнату.

III.

Недалеко отъ нашей деревни жила помѣщица Вѣра Ивановна Груздева, у которой мы часто останавливались, когда переѣзжали изъ деревни въ городъ (на зиму) или обратно.

Жила она въ очень живописномъ мѣстѣ. На высокомъ холмѣ стоялъ барскій домъ съ мезониномъ, балкономъ, колоннами и

зеленой крышей. Со всѣхъ сторонъ усадьбу обступали высокія деревья стараго сада, и издалека виднѣлись пирамидальные тополи, посаженные вдоль аллеи, ведущей къ подъѣзду.

Груздева жила одна. Мужъ ея исчезъ скоро послѣ свадьбы, бросивъ на произволъ судьбы молодую жену. Ходилъ даже слухъ, будто недавно его убили гдѣ-то на дуэли, но оффиціальнаго извѣщенія объ этой катастрофѣ пока не получалось.

Вѣра Ивановна воспитывалась въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ. По окончаніи курса, ее, круглую сироту, пріютила одна изъ дальнихъ родственницъ, живущая въ столицѣ постоянно и оттуда распоряжавшаяся имуществомъ молодой дѣвушки въ качествѣ опекунши.

Въ первую же зиму, чуть ли не на первомъ же балѣ въ дворянскомъ собраніи, неопытное сердце институтки было побѣждено статнымъ, но пожилымъ офицеромъ—Груздевымъ.

Услышавъ, что барышня имѣетъ порядочное состояніе, онъ смекнулъ, что женитьба нисколько не будетъ для него лишнею. И вотъ, Груздевъ сталъ видѣться все чаще и чаще съ Вѣрой Ивановной и, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ ей предложеніе.

Опекунша очень обрадовалась возможности отдѣлаться отъ своей родственницы, которая все-таки доставляла ей нѣкоторыя хлопоты, и—свадьба состоялась.

Первое лѣто молодые провели въ своей деревнѣ. Но такому человѣку, какъ Груздевъ, она показалась хуже тюрьмы. Здѣсь не было никакихъ удовольствій, ни загородныхъ веселыхъ убѣжищъ, ни кафе-шантановъ, ни театровъ: слѣдовательно, и жить въ такомъ захолустьѣ было невыносимо. И вотъ, однажды, увѣривъ Вѣру Ивановну, что ѣдетъ на самое короткое время въ Петербургъ по экстренному дѣлу, Груздевъ исчезъ, чтобы уже никогда не возвращаться на глаза своей супругѣ.

Слышно было, что, вернувшись въ столицу, молодой мужъ вышелъ въ отставку; но куда онъ дѣвался и съ какой цѣлью скрылся—такъ и осталось невыясненнымъ.

Сначала такой поступокъ Груздева глубоко огорчилъ Вѣру Ивановну, но время взяло свое, и мало-по-малу она начала привыкать къ положенію „соломенной вдовы“.

Окрестные помѣщики съ семьями навѣщали ее и широко открывали ей свои гостепріимныя двери. Устроивались катанья, пикники, костюмированные вечера и домашніе спектакли. Однимъ словомъ, всѣ жили какъ одна семья и веселились, какъ умѣли веселиться въ то доброе старое время.

Оказалось, что Вѣра Ивановна обладаетъ нѣкоторымъ дра-

матическимъ талантомъ, и поэтому она бывала вездѣ persona grata. Ставила на сценѣ драмы, комедіи, водевили, съ бенгальскимъ огнемъ, провалами и всякими превращеніями.

Молодая женщина старалась забыть свою грустную дѣйствительность и, кромѣ увеселеній, погрузилась въ хозяйство. Велось оно по изстари заведенному порядку; новшествъ никто не допускалъ, машинъ никто не заводилъ, да и дороги онѣ были въ то время.

Доходъ, и довольно значительный, приносили кружева, которыя плелись у всѣхъ помѣщиковъ; но у Вѣры Ивановны товаръ этотъ былъ особенно хорошъ и славился по всей губерніи. Лучшею мастерицей слыла молодая дѣвушка лѣтъ не болѣе 20, Параша. Она не только превосходно плела, но, главное, сочиняла узоры. Никто не хотѣлъ вѣрить, что это—фантазія, иногда даже очень запутанная фантазія необразованной, неграмотной дѣвушки. А между тѣмъ это было такъ. Какое-то вдохновеніе сходило на Парашу, и она безсознательно чертила на бумагѣ и вырисовывала такія хитроумныя сочетанія тонкихъ паутинокъ, что всѣ удивлялись, а Вѣра Ивановна—гордилась.

Случилось какъ-то, что моя матушка заѣхала въ живописную обитель „соломенной вдовы“ и осталась тамъ ночевать. Конечно, весь вечеръ прошелъ въ томъ, что были показаны кружевныя драгоцѣнности всевозможной длины, ширины и самыхъ затѣйливыхъ рисунковъ.

Матушка таяла отъ восторга. У насъ тоже плели кружева, но нельзя было и сравнить работу нашихъ дѣвушекъ съ тѣмъ, что вынималось и раскладывалось здѣсь.

Цѣлую ночь грезились матушкѣ,—какъ она сама разсказывала,—фестоны, зубчики, круглыя и овальныя отверстія, затянутыя тончайшими, какъ паутина, нитями.

Все это такъ восхитительно, такъ оригинально! Узоры затѣйливые, изумительные!.. восторгъ!

Подъ утро было рѣшено сдѣлать смѣлое предложеніе обладательницѣ такой кружевницы, которая въ состояніи изобрѣтать такія чудеса. Авось выгоритъ!

За чаемъ матушка повела очень тонкій дипломатическій разговоръ, и какъ-то, будто случайно, вскользь, сказала:

— А что, милая Вѣра Ивановна, не продадите ли вы мнѣ Парашу?

Груздева совсѣмъ опѣшила отъ неожиданности. Она никогда и не думала, чтобы можно было разстаться съ своей лучшей работницей; но денежныя обстоятельства, какъ на грѣхъ, были

въ томъ году плохи; слѣдовало поправить водяную мельницу, прикупить скотъ, покрыть нѣкоторыя надворныя постройки,—а хлѣбъ лежалъ въ амбарахъ непроданнымъ. Какъ тутъ быть?

Думала, думала Вѣра Ивановна и уступила Парашу намъ, только по знакомству, за триста рублей.

Можно себѣ представить, какъ тяжело было несчастной дѣвушкѣ покинуть насиженное мѣсто, съ какимъ страхомъ и трепетомъ думала она о новыхъ господахъ, незнакомыхъ товарищахъ и вообще о предстоящей жизни.

Торгъ былъ совершенъ законнымъ порядкомъ, и Параша стала неотъемлемой собственностью моей матушки.

Только для отличія отъ другихъ дворовыхъ Парашъ, ее назвали: „Параша-чужая“.

Вѣра Ивановна не могла назваться злою. Она не прочь была даже помочь своимъ крестьянамъ; иногда дарила лошадь, иногда корову, иногда овцу обѣднѣвшей семьѣ; иногда навѣщала больныхъ и давала пить то какую-нибудь травку, то настойку; то приносила горчицы и требовала поставить хворающимъ непремѣнно на указанное мѣсто.

Но рядомъ съ этимъ, въ случаѣ нужды, она не задумывалась продать мужика, бабу, даже несовершеннолѣтнюю дѣвочку, если къ тому представлялся случай, и если цѣну давали хорошую. Провинившійся въ чемъ-нибудь крѣпостной, все равно былъ ли это старикъ или молодой, мужикъ или баба, отправлялись на конюшню, гдѣ наказывались розгами. И, говорятъ, Вѣра Ивановна при такихъ экзекуціяхъ присутствовала часто сама, боясь послабленія со стороны добровольныхъ палачей.

Такіе случаи повторялись нерѣдко, также какъ и у другихъ помѣщиковъ-сосѣдей, но за послѣдніе года крестьянамъ стало особенно плохо—ихъ все чаще и чаще стегали кнутами. Такая перемѣна произошла по простой причинѣ.

Поѣхала какъ-то Вѣра Ивановна въ ближайшій уѣздный городъ для закупокъ чая, сахара и другихъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства. Случилось такъ, что тамъ въ это время давали концертъ какіе-то странствующіе музыканты неизвѣстной національности.

Понятно, что въ концертѣ Вѣра Ивановна сидѣла въ первомъ ряду креселъ и не спускала своего лорнета съ высокаго, плотнаго мужчины, игравшаго на скрипкѣ. Артистъ былъ довольно красивъ, но лицо имѣлъ глупое; рыжіе усы, рыжеватые всклокоченные волосы и безцвѣтные глаза, большая родинка на

правой щекѣ—таковъ портретъ Августа Францевича, игравшаго жалобныя мелодіи на эстрадѣ передъ городской публикой. Мелодіи запали въ сердце Вѣры Ивановны, и исполнитель въ ея глазахъ сразу превратился въ красавца, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ. Правда, скрипачъ сильно хромалъ на лѣвую ногу, что̀ нѣсколько не гармонировало съ воображаемымъ идеаломъ, но вѣдь это замѣтно было только тогда, когда Августъ Францевичъ ходитъ, а когда сидитъ — онъ положительно Аполлонъ! Какъ бы то ни было, но скоро странствующій музыкантъ промѣнялъ бурную, невѣрную, полную случайностей жизнь на болѣе спокойную и вѣрную: онъ пріѣхалъ въ деревню къ Вѣрѣ Ивановнѣ и поселился въ кабинетѣ исчезнувшаго супруга.

Теперь одиночества не существовало. Груздева расцвѣла, повеселѣла, и вмѣсто того, чтобы расправляться съ крѣпостными на конюшнѣ, занялась музыкой. Цѣлый день до глубокой ночи раздавались звуки фортепіано и скрипки, дуэтъ замѣнялся дуэтомъ...

Сначала Августъ Францевичъ исполнялъ прихоти гостепріимной хозяйки и не отказывался проявлять свое искусство; но мало-по-малу дуэты становились все рѣже и рѣже, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились.

Весь день Августъ Францевичъ или спалъ, нагрузившись наливками домашняго приготовленія, или объѣзжалъ верхомъ поля, на которыхъ производилась работа. Здѣсь незванный хозяинъ распекалъ лѣнивыхъ, бранился съ приказчикомъ и старостой, и даже пускалъ въ ходъ нагайку.

Возвратившись къ обѣду домой, музыкантъ усаживался молча за столъ. Вѣра Ивановна съ собачьей покорностью и сладкою предупредительностью заглядывала ему въ глаза, подливала вино, выбирала любимые кусочки. Все это Августъ Францевичъ принималъ какъ должное и почти ничего не говорилъ, пока хмель не забирался въ голову. Тогда начинались придирки, насмѣшки, колкости. Послѣ пирожнаго оба расходились по своимъ комнатамъ, и наступало время послѣобѣденнаго отдыха.

Вечеръ. Въ открытый балконъ врывается чудный ароматъ скошенной травы; соловей трещитъ свою страстную пѣсню; дергачъ кричитъ въ камышахъ за мельницей.

Вѣра Ивановна, въ бѣлой блузѣ, усаживается около мрачнаго Августа Францевича. Ей видимо хочется что-то сказать, о чемъ-то спросить, но она боится. Наконецъ... рѣшается.

— Милый Августъ Францевичъ, — шепчетъ сладкій голосокъ, — какъ вы давно не играли! Еслибъ вы вздумали меня

утѣшить! Вы только скажите — я сама вамъ и скрипку вынесу и смычокъ наканифолю. У васъ вѣдь большой талантъ!

Музыкантъ молчитъ.

— Ну, милый, добрый Августъ Францевичъ, сыграйте что-нибудь.

— Нечего играть,—огрызается онъ.

— Какъ нечего? Сыграемте вмѣстѣ сонату Бетховена.

— Съ кѣмъ? ужъ не съ вами ли?

— Ну да! вѣдь мы же играли... когда-то!

— Благодарю васъ. Я забыть не могу этой игры. Одна мука, истязаніе! Такія вещи играютъ съ людьми понимающими, ну, а вы? Что вы понимаете? вѣдь въ музыкѣ вы полнѣйшая невѣжда! развѣ не правда?

— Однакоже... прежде вы хвалили.

— А вы и вѣрили!.. напрасно!.. Нѣтъ, ужъ играть съ вами не пожелаю своему злѣйшему врагу. И, пожалуйста, знайте разъ навсегда, что я не могу исполнять что-нибудь подъ вашъ аккомпаниментъ, и никогда не буду. Меня всегда глубоко возмущаетъ, когда вы начинаете даже разсуждать о музыкѣ! Въ ней вы смыслите столько же, сколько... въ апельсинахъ.

Вѣра Ивановна умолкаетъ. Она уничтожена, убита. Быстро поднимается огорченная женщина съ своего мѣста и уходитъ въ другую комнату, гдѣ кидается на первое попавшееся кресло и рыдаетъ, зажавъ себѣ ротъ платкомъ и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

Когда Августъ Францевичъ забралъ хозяйку въ руки, то жизнь крѣпостныхъ, какъ сказано, стала куда хуже. Не проходило дня, чтобы на конюшнѣ не раздавались крики и стоны—то странствующій музыкантъ внушалъ почтеніе и уваженіе къ своей особѣ.

Я забылъ еще сказать, что Вѣра Ивановна чувствовала какую-то особенную любовь къ собакамъ. Ихъ у нея было больше десяти штукъ; за ними ходила особая женщина, имъ готовился особый обѣдъ, съ ними гуляли по саду спеціально для этого приставленныя дѣвчонки.

Когда не было Августа Францевича, всѣ четвероногіе пенсіонеры свободно расхаживали по всему дому, располагались на всѣхъ креслахъ и диванахъ, кусали всякаго, кто являлся къ хозяйкѣ. Съ водвореніемъ музыканта, кругъ дѣятельности собакъ постепенно сталъ съуживаться, и, въ концѣ концовъ, былъ объявленъ ultimatum такого рода, что если Вѣрѣ Ивановнѣ

угодно держать такую псарню, то чтобы всѣ собаки сидѣли въ особой, отведенной для этого, комнатѣ, чтобы онѣ отнюдь не смѣли шляться по всему дому и чтобы не было слышно ни визга, ни лая. Буде же эти требованія не станутъ исполняться, вся псарня исчезнетъ съ лица земли—всѣхъ собакъ повѣсятъ.

Бѣдная помѣщица какъ-то съёжилась и покорилась судьбѣ.

IV.

Я отлично помню Вѣру Ивановну.

Какъ сейчасъ вижу ея усадьбу, освѣщенную сентябрьскимъ солнцемъ. Наша карета шагомъ поднимается на крутой пригорокъ, на которомъ стоятъ обветшалыя ворота.

Матушка спѣшно приводитъ въ порядокъ свой костюмъ, чтобы предстать въ болѣе изящномъ видѣ предъ лицо помѣщицы. Груша развязываетъ узелки, вынимаетъ изъ баульчиковъ, которыхъ множество въ стѣнкахъ кареты, чистые воротнички и рукавчики, приготовляетъ зеркало.

Наконецъ, туалетъ оконченъ. Матушка оглядываетъ себя въ послѣдній разъ и слегка вытираетъ руки какими-то духами. Распространяется знакомый пріятный запахъ.

Обдернули костюмъ и на мнѣ, смахнули пыль съ моей соломенный шляпы, украшенной широкой коричневой лентой.

Все готово. Остается еще нѣсколько шаговъ до воротъ.

Въ это время со звономъ бубенцовъ и колокольчика обгоняетъ насъ тройка отца, который всегда ѣздилъ въ тарантасѣ сзади; промчавшись впередъ, тройка подняла такое густое облако пыли, что надо было скорѣе закрыть окно.

Мягко покатились колеса нашей кареты по аллеѣ. Лошади фыркаютъ и бѣгутъ весело; правая пристяжная завилась въ кольцо и все сильнѣе и сильнѣе натягиваетъ постромки. Кучеръ Грицко доволенъ, улыбается, слегка перебираетъ возжи и о чемъ-то переговаривается съ выѣзднымъ лакеемъ Петромъ; а тотъ, сидя рядомъ съ нимъ на козлахъ, тоже поправляетъ картузъ и встряхиваетъ пыльную шинель съ капюшономъ.

Дворовыя собаки съ лаемъ встрѣчаютъ и бѣгутъ рядомъ съ колесами.

Наконецъ, лошади лихо остановлены у самаго крыльца, на которомъ видна сама помѣщица, въ бѣлой, расшитой блузѣ, мой отецъ, утиравшій лицо, и нѣсколько человѣкъ прислуги.

Конечно, тутъ происходитъ умилительная встрѣча. Звуки по-

цѣлуевъ, ахи, охи—смѣняются одни другими. Наконецъ, обращено вниманіе и на меня.

— Ахъ, какъ онъ выросъ!—восклицаетъ Вѣра Ивановна и ласково разглядываетъ мое лицо. — Онъ у васъ совсѣмъ уже взрослый!.. Ну, однако, пойдемте въ комнаты. Вы, я думаю, устали и проголодались.

Входимъ въ большой залъ, наполненный зеленоватымъ свѣтомъ. Дверь въ садъ отворена; видна большая терраса, густо обсаженная акаціей, цвѣтники, бѣлая Венера съ отбитой рукой... Прохладно и уютно.

Черезъ полчаса сидимъ за столомъ въ столовой. Лакей, въ бѣлыхъ перчаткахъ и измятомъ черномъ сюртукѣ, подаетъ кушанья, и особенно взмахиваетъ блюдомъ, поднося его намъ.

Хозяйка очень любезна, хохочетъ, занимаетъ гостей и чувствуетъ себя въ своей сферѣ.

Конченъ обѣдъ. Кофе подаютъ на террасу. Довольно ветхая мебель совсѣмъ почти развалилась, а въ одномъ углу, прислонившись безпомощно къ стѣнѣ, грустно выглядываетъ бѣлое рѣшетчатое кресло на трехъ ножкахъ. Его убрали подальше.

Разговоръ—самый гостинный: разсуждаютъ обо всемъ, перескакиваютъ съ одного предмета на другой, касаются политики, шопотомъ толкуютъ о томъ, что предполагается всѣхъ крѣпостныхъ отпустить на волю.

— Это невозможно!—рѣшаетъ отецъ.—Это невѣроятно! Такое распоряженіе ни съ чѣмъ несообразно. Представьте себѣ, что я завожу столярныя, экипажныя, слесарныя заведенія у себя, скупаю хорошихъ ремесленниковъ, отдаю мальчишекъ въ ученье,—словомъ, трачу огромныя деньги,—и вдругъ, все это отъ меня отнимаютъ. Кто возвратитъ затраченный капиталъ? Нѣтъ, воля ваша! Здѣсь просто мутятъ англичане, желая произвести недовольство между дворянами. Я ничему подобному не вѣрю. Царь не захочетъ насъ разорить.

Отецъ пускаетъ огромное облако дыма и усиленно сосетъ длинный чубукъ трубки.

Вѣра Ивановна видитъ, что подобная тема для разговора неумѣстна, и она такъ ловко съумѣла вывернуться, что черезъ полчаса опять всѣ веселы и толкуютъ объ искусствахъ.

— Ну, а какъ ваши спектакли?—спросила матушка у хозяйки?

— Все продолжаются у генерала Бѣлокопытова. Семья вся съ талантами; съѣзжается довольно много народу по субботамъ.

Почему вы никогда не завернете? Генералъ нѣсколько разъ вспоминалъ о васъ и даже, между нами, какъ будто сердится.

— Далеко немного. Вѣдь шутка ли? верстъ двадцать. Пріѣдешь, надо оставаться ночевать; а если всѣ будутъ ночевать, то пожалуй и генералу мѣста не останется.

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, помѣщеніе всегда найдется, — продолжала Вѣра Ивановна.—Вѣдь флигель, всегда готовый для гостей, имѣетъ комнатъ пятнадцать.

— Непремѣнно, непремѣнно соберемся.

— Знаете что̀, моя дорогая!—оживленно заговорила хозяйка и поближе подвинулась къ матушкѣ.—Пріѣзжайте десятаго октября. Я у нихъ на сценѣ ставлю свою драму.

— Неужели? Это должно быть очень интересно.

— Да. И сама играю главную роль. Репетиціи идутъ очень удачно.

— А какъ же называется ваше произведеніе? — спросилъ отецъ.

— „Пронзенный насквозь, или смерть за жизнь“—драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ.

— Разскажите, если можно, сюжетъ.

— Извольте. Дѣло заключается въ томъ, что на сценѣ выведена молодая женщина, которую бросилъ мужъ. Онъ—неизвѣстно гдѣ. Проходятъ годы, молодость исчезаетъ быстро; сердце женщины жаждетъ любви, взаимности... Наконецъ, случайно она сталкивается съ благороднымъ молодымъ человѣкомъ, которому также не посчастливилось. Разбитыя сердца сразу почувствовали влеченіе другъ къ другу, вспыхнула страсть, страсть пламенная, всесокрушающая... Началась жизнь, жизнь хорошая, осмысленная... И вотъ, когда мечты о томъ, какъ бы связать себя на вѣки, зародились въ головѣ влюбленныхъ, вдругъ возвращается мужъ! Все рухнуло сразу, все пошло прахомъ!.. (Тутъ очень патетическая сцена). Бѣдная женщина рѣшилась на послѣднее свиданіе съ своимъ героемъ и объявила ему, что надо разстаться, что она не можетъ скинуть оковъ, наложенныхъ на нее судьбой, что она никогда не должна забывать своего долга. Герой—въ отчаяніи; онъ кидается на колѣни, осыпаетъ руки ея страстными, безумными поцѣлуями, умоляетъ уйти, скрыться... И вдругъ, въ этотъ самый моментъ, изъ-за кулисы выходитъ мужъ. Онъ, закутанный въ плащъ, все слышалъ, все видѣлъ, спрятавшись за скалу.—„Умри же, негодяй!“— раздается бѣшеный голосъ, и, пронзенный насквозь, молодой человѣкъ па-

даетъ у ногъ несчастной женщины, съ кинжаломъ въ груди. Смертоносное оружіе вошло все въ трепещущее тѣло, и только бѣлая костяная рукоятка рѣзко выдѣляется на кровавомъ пятнѣ. Секунду героиня стоитъ какъ окаменѣлая; потомъ окидываетъ мужа взглядомъ, полнымъ презрѣнія и ненависти, вырываетъ кинжалъ изъ груди своего возлюбленнаго и съ дикимъ хохотомъ поражаетъ себя въ сердце. Тутъ слѣдуетъ предсмертный монологъ—и занавѣсъ опускается.

— Это, должно быть, очень эффектная сцена,—сказала матушка.

— Да. Такихъ мѣстъ въ драмѣ очень много. Я порядкомъ потрудилась надъ нею. Притомъ, излагая канву пьесы, я не могла воспроизводить монологи, а въ нихъ вся сила. Вотъ, вечеромъ, если угодно и если вы будете такъ снисходительны къ моимъ слабымъ силамъ, я прочту заключительную сцену такъ, какъ она написана.

Всѣ были въ восторгѣ, и я, никогда не видавшій никакихъ театральныхъ представленій, съ замираніемъ сердца сталъ ждать ощущеній мнѣ невѣдомыхъ.

А пока ходили по саду, смотрѣли скотъ, посѣтили ригу, гдѣ шла усиленная молотьба.

Издали мы видѣли пріѣхавшаго Августа Францевича; но онъ, замѣтивъ наши экипажи у каретнаго сарая, поспѣшно слѣзъ съ сѣдла и заковылялъ въ контору.

Дверь, ведущая изъ гостиной въ столовую, завѣшана плотными, тяжелыми портьерами. Отсюда должна была появиться Вѣра Ивановна въ соотвѣтствующемъ костюмѣ.

Половина комнаты очищена отъ мебели; на полу стоятъ нѣсколько банокъ съ цвѣтами,—это изображаетъ лѣсъ. Между горшками съ растеніями горятъ свѣчи.

Сцена достаточно освѣщена.

Принесенный изъ сада старый деревянный диванчикъ стоитъ по срединѣ. Другая половина гостиной предоставлена для зрителей, которые состояли изъ насъ да нѣсколькихъ горничныхъ, съ Грушей во главѣ, толпившихся у дверей.

Раздался дребезжащій звонокъ за портьерами. Мое сердце сжалось. Потомъ — другой, третій. Занавѣски раздвинулись, и Вѣра Ивановна, въ темномъ платьѣ, съ распущенными волосами и съ головой, покрытой черной кружевной шалью, быстро вышла

на сцену. Она задыхается, прижимаетъ руки къ сердцу, обводитъ блуждающимъ взоромъ вокругъ себя.

— Его еще нѣтъ!—шепчетъ она.—О, какъ сильно сердце бьется! кровь стучитъ въ вискахъ!.. его нѣтъ!.. Что же это? Зачѣмъ онъ запоздалъ?.. каждая минута дорога!.. вѣдь это послѣднее... понимаете ли! послѣднее свиданіе! (Она падаетъ на диванчикъ и закрываетъ лицо руками.) Къ чему слезы? къ чему терзанія? вѣдь теперь все кончено! (Медленно:) Все кончено! Я не должна любить, я не должна вспоминать, я не должна принадлежать ему!.. Все кончено! Зачѣмъ я назначила свиданіе? къ чему оно поведетъ? лучше бы было не простившись разстаться! легче бы было... Но... я не могу... (Скороговоркой:) я не могу забыть его! нѣтъ силъ предать забвенію это чудное время...

Лай собакъ и колокольчикъ раздались въ это время подъ окнами. Но артистка ничего не слыхала, она все забыла...

— Ты придешь, ты долженъ придти! ты не забылъ меня!.. Вѣдь это я, которую ты называлъ царицей души своей!.. Боже, онъ идетъ! О, радость! (Всматривается въ даль.) Тамъ какъ будто мелькнула чья-то тѣнь!.. Да, это онъ! Сердце никогда не обманываетъ меня!.. Приди же... приди, мой дорогой!.. Летятъ минуты, бѣжитъ неумолимое время!.. спѣши!

Вѣра Ивановна протягиваетъ впередъ обѣ руки и быстрыми шагами идетъ по направленію къ двери прихожей.

Въ это время вся публика раздвинулась, и становой Петръ Петровичъ Свиргибузъ появился во всемъ грузномъ величіи. Онъ—въ бѣломъ измятомъ китель, высокихъ сапогахъ и съ необъятнымъ животомъ. Лицо совсѣмъ заплыло жиромъ; усы, подстриженные и нафабренные, торчатъ комично подъ огромнымъ краснымъ носомъ.

— Добрѣйшей Вѣрѣ Ивановнѣ свидѣтельствую свое почтеніе! —говоритъ онъ громко, сиплымъ басомъ, но вдругъ останавливается, удивленный какъ всей необычайной обстановкой, такъ и костюмомъ хозяйки.

— Ба, ба, ба!.. — ударилъ онъ себя по лбу. — Да я какъ разъ на интересную пьесу попалъ. О ней всѣ говорятъ, всѣ ждутъ, всѣ заранѣе очарованы. Мое почтенье-съ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! какъ я рада васъ видѣть!—проговорила Вѣра Ивановна, но на лицѣ замѣтно было совершенно обратное.—А я вотъ занимаю своихъ дорогихъ гостей... репетирую роль... Ну, господа, простите!—заключила она, улыбаясь:—по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, спектакль отмѣняется.

— Что̀ вы, что̀ вы!—засуетился становой.—Да будь я проклятъ, если допущу до этого. Нѣтъ, Вѣра Ивановна, не огорчайте меня! Ради Бога, продолжайте! не лишайте и меня удовольствія видѣть васъ на сценѣ. Да будь я анаѳема, если я прощу себѣ, въ случаѣ отказа съ вашей стороны! Да будь я...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Петровичъ! выслушайте меня: окончить я не могу, потому что вы прервали монологъ въ самомъ критическомъ моментѣ; начинать же сначала силъ не хватитъ... Я не играю, а переживаю всѣ тѣ мученія, которыя испытываетъ героиня... Неужели вы хотите, чтобы я опять съизнова страдала? Баста! Спектакль оконченъ!.. Эй, кто тамъ въ передней? Поскорѣе ужинать!

Становой клялся и божился, что убьетъ себя, что повѣсится, что онъ анаѳема, но—вечеръ былъ испорченъ.

Всѣ сожалѣли объ этомъ, но болѣе всѣхъ, конечно, я. Не видя никогда ничего подобнаго, не слыша такихъ фразъ, такихъ словъ, мнѣ казалось, что я гдѣ-то въ сказочномъ мірѣ, что люди тамъ не такіе, какъ мы, и что чувствуютъ они совсѣмъ иначе. Помня изъ разсказа Вѣры Ивановны, что здѣсь должно было совершиться двойное убійство, я съ нетерпѣніемъ ждалъ именно этой развязки... Она была, судя по монологу, уже недалека... и вдругъ этотъ противный становой!..

Я готовъ былъ заплакать, и убѣдившись, что больше ничего интереснаго въ этотъ вечеръ не предвидится, попрощался и ушелъ въ отведенную намъ комнату, гдѣ Груша уложила меня въ мягкую, свѣжую постель. Но и ночью мнѣ снилась Вѣра Ивановна съ распущенными волосами и слышался ея голосъ...

V.

Наступила Страстная недѣля.

Весна стояла теплая, чудная, какія бываютъ только въ Малороссіи. Чистый, ароматный воздухъ такъ и нѣжитъ; мягкій вѣтерокъ ласкаетъ и любовно охватываетъ мое дѣтское тѣло. Я въ саду; дремлю въ колясочкѣ, въ которой мнѣ уже становится коротко лежать. Но, кое-какъ скорчившись и положивъ голову на подушку, пріятно не шевелиться съ закрытыми глазами. Колясочку катитъ, подталкивая сзади, Параша-чужая. Она напѣваетъ пѣсенку и изрѣдка сгоняетъ докучныхъ мухъ съ моего лица. Подъ колесами шуршитъ песокъ, изрѣдка встряхивается

весь кузовъ моего убѣжища, попадая на какую-нибудь неровность почвы, но это еще болѣе укачиваетъ, убаюкиваетъ.

Въ саду тихо. Стоитъ полуденный жаръ, и все какъ будто притихло, присмирѣло. Иногда надо мной съ жужжаніемъ пчела или синяя муха съ налета стукнетъ по лбу, присядетъ на мгновеніе и умчится дальше, издавая характерный металлическій звукъ.

Колясочка катится по тѣнистой аллеѣ все дальше и дальше внизъ къ пруду. Тамъ разбиваютъ новый плодовый питомникъ и работаетъ садовникъ Костя.

Костя—парень лѣтъ двадцати, красивый, атлетическаго сложенія и страшной силы. Онъ попалъ къ намъ въ числѣ нѣсколькихъ семействъ, взятыхъ въ приданое за матушкой. Но, будучи Геркулесомъ, для котораго ничего не стоило сломать желѣзный шкворень или разогнуть подкову, Костя отличался замѣчательно добрымъ и уступчивымъ характеромъ. Всѣ это знали и эксплуатировали бѣднаго малаго при всякомъ случаѣ.

Да и стоило лишь взглянуть на бѣлобрысое лицо съ кроткими голубыми глазами и свѣтлыми кудрями на большой головѣ, чтобы сразу догадаться, какая золотая душа гнѣздится въ этомъ крѣпко сшитомъ тѣлѣ.

Другая особенность его была та, что онъ никогда не осмѣливался высказывать свое мнѣніе передъ старшими, а исполнялъ все, что̀ ни приказывали, безъ всякаго возраженія. Конечно, и это было на руку всѣмъ, кто только хотѣлъ или кому было не лѣнь воспользоваться услугами садовника.

Колясочка остановилась. Откуда-то послышался трескъ ломаемыхъ сухихъ сучьевъ и тяжелые шаги. Я догадался, что это лѣзетъ Костя.

— Здравствуй, Костя!—сказала Параша вполголоса.

— Здравствуй.

— Работаешь?

— Работаю.

— Небось, жарко?

— Жарко.

— Ну... помогай Богъ!.. А мы поѣдемъ дальше.

Колясочка качнулась и медленно проѣхала нѣсколько шаговъ.

— Параша... погоди-ка на минуточку!—запинаясь, проговорилъ Костя.

— Что̀ надо?

Мы опять остановились. Тяжелые шаги приближались.

— Я хотѣлъ тебѣ... хотѣлъ тебѣ... сказать...

— Говори.

Молчаніе. Слышно сопѣніе и тяжелое дыханіе.

— Говори же, Костя, что̀ тебѣ отъ меня надо?

— Да я... собственно... какъ бы сказать... думалъ... А впрочемъ, можетъ, это и не надо!.. посовѣтуй, какъ поступить?

— Скажи прежде... тогда и посовѣтую.

— Видишь ли, Параша... Вотъ скоро Красная-горка... вѣнчать начнутъ. Ну, я хотѣлъ-было спросить... какъ ты насчетъ... насчетъ того... Вѣдь ты сама знаешь, что я всегда съ удовольствіемъ разговариваю съ тобой... Даже, можно сказать, ты мнѣ оченно ндравишься... Что̀ намъ съ тобой?.. вѣдь мы оба, почитай, сироты—ни у тебя, ни у меня никого... Попросимъ господъ; они, може, позволятъ пожениться—какъ думаешь?

Параша молчала.

— Такъ какъ же, Параша?.. я все какъ слѣдоваетъ, честь честью... хочу...

— Да я, Костя, право, не знаю.

— Ты вѣдь хорошая дѣвушка. Ты изъ всѣхъ самая скромная... а ужъ красавица какая!

— Ну, полно тебѣ, Костя!—ты это только такъ.

— Ей Богу, правду говорю... Ты еще съ прошлаго года... съ самой Святой недѣли... какъ мы въ хороводѣ были... съ тѣхъ самыхъ поръ мнѣ ндравишься... Безъ тебя я совсѣмъ посохну...

— Полно, полно... не говори такъ.

— Нѣтъ, что̀ же!—я все честь честью... Потому какъ Красная-горка близко... Ну, думаю, какъ увижу, такъ сейчасъ и скажу... Мочи моей больше нѣтъ... Какъ же, Параша,—согласна?.. или я тебѣ противенъ?

— Ахъ, нѣтъ, Костя, что̀ ты?.. всѣ тебя любятъ, всѣ хвалятъ... даже господа.

— Такъ, значитъ, по рукамъ?

Параша молчитъ.

— Скажи же хоть слово. Завтра возьму пѣтуха да курицу и съ тобой пойдемъ къ господамъ... Доложимъ: такъ и такъ, молъ [1])...

Параша радостно и тихо засмѣялась. Послышался поцѣлуй—робкій, несмѣлый.

— Только знаешь ли что̀, Костя? Баринъ любитъ черныхъ пѣтуховъ: ты такого и принеси, а то, пожалуй, не согласится.

---

[1]) Желающіе вступить въ бракъ обыкновенно являлись къ помѣщикамъ за позволеніемъ и приносили въ подарокъ пѣтуха, курицу и десятокъ яицъ. Обычай этотъ практиковался повсюду.

И дѣвушка захохотала. И опять столько счастья послышалось въ этомъ смѣхѣ!

— Спасибо, что сказала!—засмѣялся и Костя.—А неужто не разрѣшилъ бы, еслибъ я ненарокомъ принесъ не чернаго пѣтуха?

— А какъ же! Развѣ не помнишь, какъ кружевница Аксютка съ бариновымъ лакеемъ Егоромъ приходили проситься. Имъ наотрѣзъ отказали. А я сама слышала, какъ вечеромъ въ разговорѣ баринъ сказалъ: „Дуракъ, принесъ пестраго пѣтуха. На что онъ мнѣ нуженъ?—я держу только черныхъ куръ". Ей Богу, правда. Сама слышала. Такъ смотри же, не забудь.

— Ладно. Буду помнить. Безпремѣнно чернаго отыщу... Ну, а когда же пойдемъ проситься?

— Когда? Теперь у насъ Страстная — неловко. На Святой понаѣдетъ гостей много—не до того господамъ будетъ... а вотъ на Красной-горкѣ можно.

— Ладно. На Красной, такъ на Красной. Дольше ждалъ, а ужъ двѣ недѣльки куда ни шло!

— А теперь прощай, Костя! Ступай, работай, а мы поѣдемъ.

— Прощай, Параша... Спасибо тебѣ... Ей Богу, не ожидалъ... Думалъ—откажешь. Значитъ, ты теперь моя нареченная, Богомъ данная... Теперь можно еще разъ поцѣловаться.

Раздался опять поцѣлуй, но болѣе продолжительный и смѣлый.

— Ну, тебя... оставь!—видишь, вонъ, спитъ... пожалуй, проснется.

— Ладно. А вечеромъ выходи сюда въ садъ,—огурчиковъ изъ парниковъ принесу.

— Хорошо, хорошо. Отстань... обрадовался!

Колясочка покатилась, но рядомъ съ ней шелъ и Костя. Онъ что-то тихо, шопотомъ говорилъ Парашѣ, но что?—разслышать я не могъ.

Наконецъ, счастливый парень ушелъ.

Параша свободно, глубоко вздохнула и громко, всей облегченной грудью запѣла какую-то пѣсню, гдѣ говорилось и про солнышко ясное, и про весну красную, и про сердце счастливое. И я тоже радовался за бѣдную дѣвушку, и мнѣ почему-то стало тоже весело въ своей колясочкѣ.

VI.

Пе́рвый день Пасхи.

Нашъ огромный дворъ переполненъ крестьянами въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ и поддёвки, тутъ и зипуны, и просто красныя рубахи. Картузы снуютъ между хохлацкими шапками; высокія войлочныя шляпы толкаются между зимними треухами. Женскія расшитыя рубахи бѣлѣютъ и пестрятъ толпу, а клѣтчатыя понёвы и безрукавки красиво обрисовываютъ стройныя фигуры хохлушекъ. Большинство дѣвушекъ въ вѣнкахъ; въ длинныя косы вплетено множество лентъ всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Говоръ, шумъ, хохотъ. Звуки гармоники и балалайки раздаются повсюду.

Кедровые орѣхи, подсолнухи, пряники продаются на лоткахъ пришлыми торговками, которымъ мой отецъ позволилъ разложить свои товары на дворѣ въ первые три дня праздниковъ.

Особенно оживлена толпа у высокихъ качелей. Здѣсь съ визгомъ и хохотомъ взлетаютъ и низвергаются точно въ пропасть дѣвушки и женщины. Ленты и платки такъ и развѣваются по вѣтру.

Недалеко отъ каретнаго сарая выстроены еще качели, только круглыя. Деревянныя качающіяся кресла вертятъ сидящія пары. Мнѣ казалось, что все это очень хитроумная машина, которою управлять чрезвычайно мудрено. А качаться я не согласился бы ни за какія блага въ мірѣ. Вѣдь взбрасываютъ какъ высоко!— пожалуй, оттуда и Москву увидишь!

Посреди двора стоитъ высокая мачта съ краснымъ флагомъ наверху. У самаго флагштока висятъ серебряные часы, пожертвованные отцомъ, кисетъ съ табакомъ и трубкой, нарядный шерстяной поясъ и новый картузъ съ сверкающимъ козырькомъ. Около мачты стоитъ приказчикъ Иванъ и объясняетъ окружающимъ, что каждый добравшійся до вещей можетъ взять только что-нибудь одно.

Конечно, попробовать счастья явилось охотниковъ много.

Кузнецъ Миронъ, ловкій и статный молодой парень, первый выразилъ желаніе испытать свою ловкость. Онъ снялъ шапку, свитку, разулся, перекрестился, поплевалъ себѣ на ладони и полѣзъ. Толпа, молча и замирая, слѣдила за смѣльчакомъ.

Въ началѣ все шло хорошо. Миронъ хотя съ большими усиліями, но добрался до средины; но здѣсь случилось нѣчто странное: какъ ни старался онъ захватить мачту, руки сколь-

зили, и кузнецъ держался все на одномъ мѣстѣ. Еще и еще хлопочетъ онъ вскарабкаться дальше, но все тщетно! А между тѣмъ мускулы слабѣютъ, силы оставляютъ... Въ толпѣ кто-то фыркнулъ, другой захохоталъ, и вся масса народа, слѣдившая за Мирономъ, заревѣла отъ смѣха. Послышались плоскія остроты, насмѣшки... и кузнецъ быстро скатился на землю, схватилъ свою одёжу и, преслѣдуемый криками, исчезъ въ каретномъ сараѣ.

Другой парень пробовалъ взобраться съ тѣмъ же успѣхомъ, третій — тоже. И несмотря на это, желающіе добраться до соблазнительныхъ призовъ не переставали подходить.

Оказалось, какъ объяснилъ мнѣ потомъ приказчикъ, что вся верхняя половина мачты была обмазана мыломъ и саломъ, такъ что не было никакой физической возможности достигнуть флагштока. Дѣлалось это, какъ онъ выразился, для смѣха и для веселья, а на третій день всѣ сюрпризы предполагалось раздать по жребію.

Недалеко отъ конюшни забавлялъ публику раёшникъ. Около него раскинулъ палатку купецъ съ разными дешевыми ситцами, бусами, лубочными картинами и всякой мелочью.

Все это, по изстари заведенному обычаю, устроивалъ мой отецъ для своихъ крестьянъ на Пасху. Понятно, что и изъ сосѣднихъ деревень приходило много народа повеселиться и потолкаться.

Мы всѣ съ гостями сидѣли на широкой, просторной террасѣ и смотрѣли на эту интересную пеструю картину.

А гостей было достаточно.

Еще въ Страстную субботу пріѣхала Вѣра Ивановна въ каретѣ шестерикомъ, съ кучеромъ, форейторомъ, горничной и лакеемъ.

Сегодня утромъ, прямо изъ церкви, забрался сѣденькій старичокъ, очаковскій герой, Никодимъ Ивановичъ. Онъ былъ очень комиченъ съ своими сѣдыми маленькими усами, завитыми въ колечки, и съ „кокомъ“ на лбу. Слѣдомъ за нимъ явился становой Свиргибузъ, на котораго я до сихъ поръ смотрѣлъ какъ на злого человѣка, потому что онъ помѣшалъ мнѣ когда-то дослушать монологъ изъ „Пронзеннаго насквозь“.

Были еще нѣсколько человѣкъ мелкопомѣстныхъ дворянъ съ ихъ женами, но они всѣ казались очень странными—все улыбались, молчали, изрѣдка поддакивали всему, съ чѣмъ бы къ нимъ ни обращались, и не переставая курили изъ трубокъ. Старомодные, измятые фраки и сюртуки стѣсняли этихъ бѣдняковъ

ужасно, а высокіе и острые, туго накрахмаленные воротнички рубашекъ рѣзали шею.

Ихъ супруги разрядились въ пухъ и въ прахъ. Огромные чепцы и наколки, желтыя, красныя и зеленыя шали, радужныя плотныя платья казались даже для меня смѣшными, а запахъ „пачули“ разносился отъ нихъ по всей террасѣ.

Всѣ уже сидѣли за столомъ и съ аппетитомъ приступили къ уничтоженію пироговъ, ветчины, пасхи и куличей, какъ на крыльцо террасы большими шагами взошелъ высокій, сутуловатый субъектъ. На головѣ его неуклюже сидѣла черная шляпа-цилиндръ, украшенная вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и длинной красной лентой. Одѣтъ онъ былъ въ широкій нанковый темно-сѣрый сюртукъ и штаны, а огромныя ступни ногъ еле помѣщались въ непомѣрно большіе, порыжѣлые сапоги.

Въ одной рукѣ этотъ странный господинъ держалъ узелокъ, а въ другой—довольно толстую, суковатую палку.

Блѣдное, желтоватое лицо въ морщинахъ и гладко выбритое выражало что-то дѣтское, наивное, даже скорѣе—глупое. Новый гость снялъ шляпу, и мнѣ бросились въ глаза нѣсколько большихъ голыхъ шишекъ тѣлеснаго цвѣта, расположенныхъ на головѣ; двѣ изъ нихъ симметрично торчали по обѣимъ сторонамъ лба, на подобіе роговъ, а остальныя выглядывали изъ щетинистыхъ волосъ, точно кончики пальцевъ.

— Христосъ воскресе, честнòй компаніи!—закричалъ пришедшій и направился прежде всѣхъ къ отцу.

— Во истину воскресе!—отвѣчалъ тотъ и три раза похристосовался.

— А со мной, Андрюша? или ты не хочешь?—шутилъ Никодимъ Ивановичъ.

— И съ вами буду, и съ другими-прочими буду, и съ барынями буду—со всѣми буду!

И Андрюша сталъ по очереди лобызаться. Только у моей матушки онъ почтительно поцѣловалъ руку, съ остальными же нисколько не стѣснялся. Одна помѣщица въ желтой шали хотѣла было отдѣлаться, но вновь прибывшій гость, несмотря на присутствіе мужа, охватилъ ея шею своими длинными руками и насильно запечатлѣлъ на румяныхъ ланитахъ протестующей три сладкихъ поцѣлуя.

Кругомъ всѣ хохотали. Бѣдная дама должна была выйти изъ-за стола, чтобы поправить чепчикъ съ желтыми лентами и букли—все приняло очень плачевный видъ въ объятіяхъ Андрюши.

Субъектъ этотъ былъ неопредѣленнаго званія, неопредѣленныхъ лѣтъ и неопредѣленныхъ занятій.

Обыкновенно онъ являлся къ какому-нибудь помѣщику и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока не надоѣдалъ и пока его безъ церемоніи не выпроваживали за ворота. Собравъ свой багажъ въ небольшой узелокъ, Андрюша перекочевывалъ въ другую усадьбу, гдѣ также занималъ всѣхъ своими пѣсенками и прибаутками или переписывалъ акаѳисты. Писалъ онъ по-славянски красиво и крупно, что особенно нравилось богомольнымъ старикамъ и старушкамъ; заглавныя буквы выводилъ красными чернилами и украшалъ ихъ фантастическими цвѣтами и звѣрями.

Откуда взялся Андрюша—никто хорошенько не зналъ. Всѣ привыкли видѣть его шутовскую фигуру на торжественныхъ сборищахъ, праздникахъ, именинахъ, и никто не желалъ отыскать его родословнаго древа.

Странныя шишки на головѣ подавали поводъ къ безчисленнымъ глумленіямъ и издѣвательствамъ надъ бѣднякомъ. Иногда шутки выходили изъ границъ и задѣвали Андрюшу за живое. Ну, тогда онъ свирѣпѣлъ, бранился какъ сапожникъ и готовъ былъ драться.

Конечно, въ такихъ случаяхъ являлась цѣлая толпа лакеевъ, и обиженный становился виноватымъ, его связывали и уносили куда-нибудь въ отдаленный чуланъ, гдѣ предоставляли кричать и биться сколько угодно, пока усталость не брала верхъ и пока Андрюша не засыпалъ. Проснувшись, онъ всякую обиду быстро забывалъ.

Таковъ былъ бродячій субъектъ, извѣстный подъ названіемъ Андрюши-Шишковатаго или Андрюшки-Юродиваго.

Съ приходомъ его, бесѣда оживилась еще больше. Сидя въ углу террасы, около Каролины Карловны, я могъ все прекрасно слышать и наблюдать.

VII.

Худой помѣщикъ, съ бритой физіономіей и гладко выстриженный, продолжалъ разсказывать о какомъ-то окружномъ начальникѣ и ядовито комментировалъ всѣ сплетни.

— По этому поводу даже сочинили стихи. Вы ихъ не слыхали, Василій Ивановичъ?—спросилъ онъ моего отца.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Начинаются они во вкусѣ Жуковскаго:

Надъ быстрою рѣкой Псломъ,
Надъ страшною стремниной,
Сидѣлъ однажды окружной
Съ своей бѣдой-кручиной.

Ну, дальше описывается обстановка: ночь, вдали заснувшій городъ. Окружной пришелъ топиться, потому что дѣла его плохи. И въ рѣшительную минуту вдругъ изъ омута появляется душа умершаго секретаря. Окружной испуганъ, но призракъ его успокоиваетъ:

Я—вѣрный другъ, защитникъ твой,
Бѣляевъ предъ тобой...

Затѣмъ слѣдуютъ другія успокоительныя рѣчи. Стихъ здѣсь мѣстами очень силенъ, какъ напримѣръ:

Забудь о Богѣ, мнѣ молись,
Мои вѣрнѣй награды...

— Александръ Ивановичъ,—перебила матушка.—Поставьте здѣсь точку. Вѣдь вы всѣмъ извѣстный вольтеріанецъ,—не смущайте наше смиренное общество...

— Какъ прикажете! — отвѣчалъ худой помѣщикъ, видимо польщенный названіемъ: „вольтеріанецъ“.—Стихи очѣнь сильны, повторяю.

— Вѣроятно, они вами же и сочинены!—улыбнулся отецъ.

Александръ Ивановичъ покраснѣлъ и задвигался на стулѣ.

— Что вы? что вы? куда мнѣ!

— Да ужъ вѣрно такъ.

Въ это время черезъ толпу тихо пробирались крытыя дрожки, запряженныя парой сѣрыхъ. Лошади были замѣчательно красивы; высоко взбрасывая передними ногами, круто загнувъ длинныя шеи и распустивъ пышный хвостъ „по вѣтру“, они представляли собою дѣйствительно картину.

Такъ какъ у всѣхъ помѣщиковъ были свои конные заводы, то не мудрено, что появленіе чудной пары заставило всѣхъ выскочить изъ-за стола. У моего отца глаза разгорѣлись.

— Кто же это ѣдетъ? У кого такіе орлы?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Дрожки подъѣхали къ крыльцу, и изъ нихъ, самодовольно улыбаясь, вышелъ Иванъ Ивановичъ Малинниковъ.

Онъ остановился около своей пары и, глядя на отца, съ гордостью потрепалъ по крутой шеѣ лѣваго дышлового.

— А? Василій Ивановичъ, что скажете? каковы?.. Вы взгля-

ните на глазъ, на грудь, на поставъ шеи, на бабки... Вѣдь такой пары во всей губерніи нѣтъ. Не правда ли?

— Правда, правда. Лошади красавцы.

Всѣ мужчины сошли съ террасы, окружили сѣрыхъ, гладили ихъ, заглядывали въ зубы.

— Гдѣ вы ихъ достали?—спросилъ отецъ.

— Въ городѣ, съ недѣлю тому назадъ, продавали лишнихъ лошадей, приведенныхъ ремонтеромъ для артиллеріи. Генералъ уступилъ ихъ мнѣ. Къ счастью, до меня никто лошадокъ не видалъ, а то бы цѣну набили страшную... Нѣтъ, вы посмотрите, ножки-то каковы? а? Ѳедоръ, проѣзжай шагомъ мимо насъ.

Кучеръ Ѳедоръ попустилъ возжи и чмокнулъ.

Лошади затанцовали на мѣстѣ; лѣвый замялся-было, но въ ту же минуту кокетливо поднялся на заднія ноги и скачкомъ дернулъ съ мѣста. Легко и весело выступая, пара сдѣлала небольшой кругъ передъ крыльцомъ и стала опять на прежнее мѣсто, грызя удила и оглядывая всѣхъ черными глазами на выкатѣ.

— Вы мнѣ ихъ уступите!—заявилъ отецъ.

— Ни за что на свѣтѣ! радъ, что для себя такихъ красавцевъ подобралъ, и вдругъ—„уступите“. Нѣтъ-съ, слуга покорный... Однакоже, пойдемте къ барынямъ. Я еще ни съ кѣмъ не христосовался...

Всѣ взошли на террасу. Малинниковъ, одѣтый въ пестрый бархатный жилетъ, элегантно поздоровался съ дамами, передалъ матушкѣ поклонъ отъ сестрицы Надежды Ивановны, узналъ о здоровьѣ всѣхъ присутствующихъ, пожелалъ всего лучшаго и только тогда усѣлся за приготовленный для него приборъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга.

Онъ издали слѣдилъ, какъ экипажъ его отъѣхалъ къ каретному сараю и какъ тамъ собрались кучера и дворня. Сердце Ивана Ивановича радовалось, и онъ, по всей вѣроятности, считалъ себя теперь счастливѣе всѣхъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ.

Зато отецъ мой сидѣлъ мраченъ. Онъ пересталъ шутить и равнодушно оглядывалъ гостей; бровь надъ лѣвымъ глазомъ приподнималась все выше и выше, что дѣлалось только въ минуты крайняго раздраженія.

Матушка со страхомъ замѣчала эти признаки, и, чтобы избѣжать вспышки, тихонько подозвала юродиваго.

— Андрюша, голубчикъ,—сказала она ему на ухо,—вотъ тебѣ серебряный рубль—развесели барина.

Андрюша поцѣловалъ руку и буквально подпрыгнулъ отъ радости.

— Господа, честна́я компанія! — громко заговорилъ онъ, становясь по срединѣ террасы.—Меня Богъ создалъ для того, чтобы потѣшать господъ. Когда маменька произвела меня на свѣтъ, то сказала: „Андрюшка мерзавецъ, ты будешь дуракъ, ты ничего не съумѣешь сдѣлать, ты не съумѣешь даже на собакъ брехать. Стало быть, тебѣ остается или умереть съ голоду, или веселить нашихъ баръ“. Сказала это, да волею Божіею и помре. Остался я одинъ-одинёшенекъ лежать въ какой-то корзинѣ и заплакалъ. Поплакалъ, поплакалъ, да и заснулъ. Долго, коротко ли я спалъ—сказать не могу. Можетъ быть, нѣсколько минутъ, а можетъ быть, нѣсколько лѣтъ. Проснулся, глядь,— я въ пещерѣ съ какими-то звѣрями; у нихъ длинные, пушистые хвосты, сами всѣ шерстью покрыты, а глаза, какъ у волковъ, свѣтятся... Я привсталъ и сѣлъ. Замѣтилъ тутъ меня самый крупный звѣрь, подходитъ и говоритъ: „Андрюшка, говоритъ, ты питался моимъ молокомъ, стало быть, ты мнѣ какъ бы сынъ. Я лисица, зовутъ меня Патрикѣевна, и я всему лѣсу голова. Не хочу я, чтобы ты горе мыкалъ и потому выучу тебя разнымъ штукамъ, пѣсенкамъ, да фокусамъ и пущу на всѣ четыре стороны, чтобы могъ исполнить приказаніе своей родной матери —забавлять другихъ. Ты будешь передъ ними свое искусство показывать, а тебя за это кормить будутъ. Ну, и выучила меня моя благодѣтельница кое-чему. Когда мнѣ надо было разстаться съ учительницей и съ лисенятами, т.-е. братцами и сестрицами, то мнѣ грустно стало и я заплакалъ. Поплакалъ, поплакалъ, да и заснулъ. Вдругъ гдѣ-то недалеко какъ захлопаетъ что-то, да какъ закричитъ: „кукуреку!“—я и проснулся. Смотрю—лежу на перепутьи. Какъ разъ гдѣ сходятся всѣ дороги, врытъ столбъ, на столбѣ доски прибиты, а на нихъ написаны фамиліи помѣщиковъ. Я пошелъ по той, которая меня и привела сюда, къ честно́й компаніи. Здравствуйте, хозяинъ со хозяюшкой и именитые бояре съ боярынями-красавицами. Это присказка, а теперь начнемъ и сказочку...

— Разскажу вамъ сначала про воробья. Повадился воробей на поповъ огородъ. Клюетъ все, что̀ ни попадется. Попъ прикрылъ что̀ подороже соломой и сѣнцомъ. Какъ вдругъ (Андрюша запѣлъ густымъ басомъ):

Поповы коровы
Прожорливы были.
Солому поѣли,
Сѣнцо подобрали.

Опять началъ воробей тревожить огородъ. Тогда попъ обратился ко мнѣ, чтобы я справился съ неугомонной птицей (поетъ):

А я тому воробью
Шестомъ ноги перебью,
На тарелку положу,
Хозяину поднесу...

Тутъ Андрюша взялъ пустую тарелку, подошелъ къ отцу, сталъ передъ нимъ на колѣно и сдѣлалъ видъ, что подноситъ птицу. Рожу при этомъ сдѣлалъ такую уморительную и дурацкую, что не только всѣ гости, но даже отецъ улыбнулся и положилъ какую-то монету. Его примѣру послѣдовали и другіе, и скоро на тарелкѣ собралось довольно много мелочи.

— Молодецъ, Андрюша!—восхищался больше всѣхъ очаковскій герой.—Хоть кого разсмѣшитъ!

— Что тутъ смѣшного? — процѣдилъ сквозь зубы вольтеріанецъ.—Глупое издѣвательство надъ человѣкомъ... Идіотство, позоръ...

— Ну, хорошо, хорошо!—остановилъ его Малинниковъ.—Мы вашу свободу мыслей знаемъ... Ужъ попадетесь когда-нибудь.

— Никогда не скрывалъ своихъ убѣжденій и не стану.

— Хорошо, хорошо! Попадетесь!

— Пожалуйста, Александръ Ивановичъ,—закричалъ съ другого конца террасы становой,—не подумайте, что я слушаю... или подслушиваю... Будь я проклятъ, если до меня долетѣло хоть одно словечко... Я занятъ милыми дамами и хочу поиграть съ ними въ ералашъ.

— Да я ничего... ей Богу, ничего!—мялся вольтеріанецъ.

Вечеромъ того же дня въ залѣ готовилось новое развлеченіе. Вѣра Ивановна обѣщала прочесть въ костюмѣ монологъ изъ своей новой драмы подъ заглавіемъ: „Ревнивый князь, или окровавленный кинжалъ".

Къ глубокому моему огорченію, Каролина Карловна, узнавъ содержаніе отрывка, нашла, что это для меня пока не годится слушать, и увела внизъ, въ дѣтскую.

На другое утро, когда все было по прежнему, т.-е. на дворѣ стояла толпа, а у насъ веселились,—страшная новость поразила меня.

Умытый и причесанный, я готовъ былъ идти наверхъ, чтобы

пожелать всѣмъ добраго утра, какъ въ комнату вбѣжала Параша-чужая и съ рыданіями упала передо мной на колѣни.

На нее было страшно взглянуть—полное отчаяніе искривило миловидныя черты, а въ глазахъ виднѣлся такой ужасъ, что меня покоробило, и я попятился.

— Баринъ, голубчикъ!—кричала она.—Заступитесь! можетъ быть, ваша просьба подѣйствуетъ... Ради Бога!.. вамъ Царица Небесная счастье пошлетъ въ жизни!.. Спасите меня!

— Да въ чемъ дѣло?

— Меня отдали... отдали Малинникову Ивану Ивановичу... Ужъ сегодня къ вечеру приказали подводу снарядить, чтобы увезти...

— Какъ отдали?

— Да такъ. Отдали... промѣняли на пару сѣрыхъ жеребцовъ. О, Господи! Баринъ, голубчикъ!.. попросите барыню... Можетъ, васъ послушаютъ.

— Не можетъ быть... Ни папа, ни мама, этого не сдѣлаютъ! — рѣшительно заявилъ я, а у самого изъ глазъ лились слезы и перехватывало горло.

— Вѣрно говорю. Сейчасъ мнѣ это самъ баринъ объявилъ и бумаги какія-то Ивану Ивановичу передали.

Дѣвушка упала на полъ и билась головою о коверъ.

Не помня себя, побѣжалъ я наверхъ. Горничныя не хотѣли было меня выпускать къ гостямъ, видя мои красные глаза, но я такъ рѣшительно отбивался, что преодолѣлъ всѣ препятствія и вбѣжалъ въ спальню.

Матушкѣ Груша причесывала голову.

— Мама, дорогая мама! — кричалъ я, захлебываясь слезами. — Не надо... не надо отдавать Парашу-чужую... Я не хочу... Попроси папу. Вѣдь онъ добрый, онъ никогда этого не сдѣлаетъ... Мнѣ будетъ безъ нея скучно, а она умретъ съ горя.

Матушка поцѣловала меня, и у нея на глазахъ показались тоже слезы.

— Ну, перестань, будь умница, не плачь!—говорила она, гладя меня по головѣ.—Это, можетъ быть, все еще уладится. Только ты къ папѣ самъ не лѣзь съ своими просьбами. Онъ скажетъ, что это не твое дѣло.

— Такъ что, можетъ быть, Параша останется?

— Можетъ быть.

— Ахъ, милая мама, я пойду, ее утѣшу. Скажу, что ты обѣщала уговорить папу.

Вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ ходатайства, я стремглавъ ки-

нулся назадъ въ дѣтскую. Тамъ сидѣли няня, Параша-чужая и нѣсколько горничныхъ.

— Параша, Параша! мама сказала, что она попроситъ папу и что ты, можетъ быть, останешься!—кричалъ я, вбѣгая.

— Нѣтъ, баринъ, дѣло уже кончено,—отвѣтила дѣвушка.— Барыня, говорятъ, цѣлую ночь плакала и упрашивала, но ничего не вышло. Груша разсказывала. Баринъ даже разсердился, хлопнулъ дверью и ушелъ изъ комнаты.

Я былъ совсѣмъ уничтоженъ, и не зналъ, что̀ дѣлать. На верхъ не хотѣлось идти и что-то враждебное противъ такого произвола наполняло сердце.

Параша ушла собираться.

Послѣ обѣда Каролина Карловна вошла въ дѣтскую и объявила мнѣ, что я поѣду кататься съ матушкой и Вѣрой Ивановной.

Когда на дворѣ стало прохладнѣе, меня дѣйствительно одѣли и вывели на крыльцо. Въ новую нашу четырехмѣстную коляску, на лежачихъ рессорахъ, впряжена была пара сѣрыхъ. У Грицка они казались еще красивѣе, а голубыя розетки, вплетенныя въ челки и гривы, придавали конямъ какую-то сказочную прелесть.

Сѣли въ коляску отецъ, матушка, Вѣра Ивановна и я. Гости остались развлекаться шутками Андрюши.

Я никогда не видѣлъ отца въ такомъ восторженномъ настроеніи духа. Онъ не спускалъ глазъ съ лошадей, велъ самый непонятный для меня разговоръ съ Грицкомъ и, казалось, совсѣмъ забылъ, что онъ сидитъ не одинъ.

Катались мы долго. Пробовали въѣзжать на крутые подъемы, осторожно и шагомъ спускались съ горъ, заставляли сѣрыхъ летѣть во всю рысь—и все оказалось безукоризненно.

Съ торжествомъ и успокоенный, вернулся отецъ, вполнѣ довольный пріобрѣтеніемъ.

Меня задержала Вѣра Ивановна наверху, разсказывая какую-то исторію и показывая книгу съ картинками. Но я рвался въ дѣтскую—узнать объ участи Параши. Потомъ уже я догадался, что катанье и разговоры Вѣры Ивановны были устроены нарочно, чтобы я не могъ болѣе видѣться съ увозимой дѣвушкой. Наконецъ, пришла Каролина Карловна и объявила, что уже 10 часовъ и пора ложиться спать.

Въ дѣтской напрасно я старался вывѣдать отъ няни, гдѣ Параша-чужая. Она или отмалчивалась, или говорила о чемъ-нибудь другомъ.

Я рѣшилъ завтра утромъ обойти весь домъ и поискать хорошенько, или же поговорить прямо съ отцомъ.

На другое утро я замѣтилъ на лицахъ няни, горничныхъ и Каролины Карловны какое-то смущеніе и испугъ; говорили о чемъ-то шопотомъ, меня наверхъ не пустили, нѣкоторые гости уѣхали. Повидимому, случилось нѣчто необычайное.

Наконецъ, отъ маленькой кружевницы Стеши я узналъ слѣдующее.

Парашу посадили на возъ, когда совсѣмъ стемнѣло, и повезли не черезъ деревню, а по какой-то кружной дорогѣ. На границѣ владѣній нашихъ и Малинниковскихъ протекаетъ ручей, черезъ который перекинутъ живой мостикъ. Кругомъ мостика разрослись высокія старыя ракиты, а густая ольха и гигантскій камышъ со всѣхъ сторонъ обступили русло.

Въ то самое время, какъ возъ съ дѣвушкой въѣхалъ на деревянную шаткую настилку, изъ камышей вышелъ садовникъ Костя и загородилъ дорогу.

Зная его силу, мужикъ, погонявшій лошадь, натянулъ возжи.

Сама Параша отъ неожиданности сначала испугалась, но испугъ моментально перешелъ въ радость, когда она узнала Костю. Молча, обливаясь горькими слезами, обхватила бѣдная дѣвушка шею жениха и зарыдала на его широкой груди.

Долго бесѣдовали обойденные судьбою. Костя не утѣшалъ и не высказывалъ никакихъ предположеній и плановъ; онъ рѣшилъ, что противъ судьбы не пойдешь и что надо покориться. Такъ же разсуждала и Параша.

Но... все-таки надо было разстаться.

Мужикъ, присутствующій при этомъ, разсказывалъ потомъ, что даже его проняла слеза.

Заскрипѣли колеса, и, покачиваясь по рытвинамъ и кочкамъ, исчезла между кустами телѣга, увозя лежащую безъ чувствъ Парашу.

На зарѣ черезъ тотъ же мостикъ ѣхалъ верхомъ нашъ приказчикъ. Вдругъ лошадь захрапѣла и остановилась.

— Что за притча?—подумалъ онъ.—Кто-то тамъ есть.

Слѣзъ съ сѣдла, привязалъ къ периламъ коня и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону—на большомъ и толстомъ сукѣ дерева, у самой дороги, висѣлъ Костя.

VIII.

Зиму мы провели въ г. Б. Этотъ маленькій, чистенькій городокъ былъ очень оживленъ въ тотъ годъ. Здѣсь стояла кавалерія.

Офицерство танцовало въ клубѣ, въ семейныхъ домахъ, жуировало и веселилось напропалую.

Отецъ моей матушки командовалъ гусарскимъ полкомъ, и поэтому у насъ почти ежедневно обѣдалъ и дѣдушка, и много его сослуживцевъ. Все это были молодцы, здоровые, красивые, а расшитая ихъ форма со всѣми затѣйливыми принадлежностями приводила меня въ восторгъ.

Нечего и говорить, что мы бывали очень часто и на маневрахъ, и на простыхъ ученьяхъ, когда пушки оглушали своими выстрѣлами, густой дымъ носился облаками надъ полемъ, и эскадроны драгунъ, уланъ и гусаръ мчались въ аттаку на чудныхъ сѣрыхъ, вороныхъ и рыжихъ коняхъ.

Жизнь текла веселая, беззаботная; мы вертѣлись въ какомъ-то вихрѣ удовольствій, что̀ очень нравилось матушкѣ.

Меня всѣ офицеры баловали и буквально носили на рукахъ, а дѣдъ сулилъ военную карьеру и совѣтовалъ поскорѣе учиться ѣздить верхомъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этой минуты, изучилъ всѣ сигналы, и при звукѣ ихъ, не слушая команды, зналъ, что̀ будетъ дѣлать эскадронъ и какое требуется построеніе.

Однажды, въ началѣ весны, когда снѣгъ началъ уже таять, а на улицахъ появились потоки воды, стояло чудное, ясно утро. Солнце сильно пригрѣвало. Небо прозрачнымъ голубымъ куполомъ прикрыло городъ. Изъ монастыря несся торжественный звонъ колокола.

Совершенно неожиданно къ намъ пріѣхала Вѣра Ивановна, и вмѣсто того, чтобы уйти въ отдѣльную комнату и принарядиться, какъ бывало прежде, она кинулась къ матушкѣ на шею и заплакала. Затѣмъ, что-то шопотомъ стала быстро разсказывать и опять зарыдала. Ее увели въ диванную, и двери закрылись.

Между тѣмъ въ кабинетѣ у отца собралось нѣсколько человѣкъ офицеровъ, и въ томъ числѣ одинъ очень симпатичный военный врачъ съ огромнымъ водолазомъ. Всѣ любовались собакой; она добродушно заглядывала каждому въ глаза, давала гладить свою черную курчавую шерсть и грузно ложилась на коверъ, когда ей надоѣдали ласки. Улегшись поудобнѣе, она гордо поднимала умную голову съ бѣлой продольной полоской на лбу, важно

выставляла широкую бѣлоснѣжную грудь и свысока смотрѣла на окружающихъ.

Докторъ много разсказывалъ о сообразительности своего четвероногаго друга и передавалъ факты, доказывающіе, какъ великолѣпно плаваетъ въ водѣ животное.

— Съ нимъ купаться невозможно,—смѣялся молодой врачъ.— Чуть нырнешь, ужъ ему кажется, что я тону,—онъ кидается за мной въ глубину и выноситъ наверхъ, несмотря ни на какіе протесты. Въ Одессѣ моего Плутона знали всѣ, кто только купался.

Отецъ очень ласкалъ собаку и угощалъ всѣмъ, что̀ попадалось подъ руку.

— А вѣдь безъ воды собака заскучаетъ,—сказалъ онъ.— Какъ вы съ нимъ будете жить здѣсь?

— Я на дняхъ ѣду въ отпускъ, — отвѣчалъ докторъ, — къ отцу на Волгу. Надѣюсь, мы тамъ накупаемся вдоволь.

— А вашъ батюшка любитъ собакъ?

— Не особенно. Онъ весь погруженъ въ свой конный заводъ. Съ утра до вечера сидитъ тамъ и никуда не показывается. Впрочемъ, можетъ быть, Плутонъ и понравится. Бѣда только ѣхать на перекладной съ такой крупной животиной. Повѣрите, всѣ сани занимаетъ, а мнѣ оставляетъ такъ мало мѣста, что, того и гляди, вылетишь гдѣ-нибудь на ухабѣ.

— Ну, однако, вы меня простите, господа, — извинился отецъ.—У насъ сегодня съѣздъ дворянъ, и мнѣ надо туда спѣшить. Сейчасъ выйдетъ жена, а обѣдать, надѣюсь, вы останетесь у насъ. Слѣдовательно, еще увидимся. До свиданія.

Черезъ пять минутъ, отецъ, облеченный въ узкій дворянскій мундиръ, трехуголку, и при шпагѣ стоялъ въ передней. Ему надѣвали шинель.

— Вамъ, докторъ,—сказалъ онъ,—совѣтую посмотрѣть на моихъ сѣрыхъ. Въ окно видно будетъ, какъ я поѣду. Вотъ красавцы! Такихъ во всей губерніи нѣтъ.

— Посмотрю, посмотрю.

Отецъ съ гордостью вышелъ на крыльцо. Въ небольшія городскія сани, съ медвѣжьей полостью, заложены были сѣрые. Они совсѣмъ преобразились, сдѣлались щеголеватѣе, чище и бѣлѣе. Грицко сидѣлъ истуканомъ и, вытянувши обѣ руки, держалъ синія возжи. Оба коня прикрывались прелестной голубой сѣткой съ кистями по краямъ. Выѣздъ представлялъ, дѣйствительно, картину.

Горячо взяла пара съ мѣста и стрѣлою понеслась по прямой улицѣ. Комки талаго снѣга разлетались въ разныя стороны.

Тѣмъ временемъ гости перебрались въ гостиную. Матушка ввела туда и пріодѣвшуюся Вѣру Ивановну, на лицѣ которой все-таки лежала глубокая грусть.

Раздался звонокъ, и черезъ минуту грузною походкой ввалился огромный и толстый генералъ Писаревъ. Онъ былъ чрезвычайно тученъ и отдувался за каждой фразой.

— А-а! матушка-родная! — заоралъ онъ. — Здравствуйте!.. фу!.. давно васъ не видалъ, вотъ и собрался!.. фу!.. Мое почтеніе-съ, господа!—обратился онъ къ офицерамъ и доктору.— Садитесь, пожалуйста, мы здѣсь не на ученьѣ.

— Да, давненько вы насъ не навѣщали, — отвѣчала матушка.—Я ужъ думала, не въ претензіи ли за что-нибудь?

— Какое въ претензіи, матушка-родная!.. фу!.. все на лошади провожу время!.. фу!.. съ моей-то комплекціей, а?... можете себѣ представить, какъ это для меня легко!.. фу!

— Видѣла я васъ на конѣ,—такой молодецъ, что и молодого за поясъ заткнете!

— Это, матушка-родная... привычка только въ сѣдлѣ держитъ, а иначе и двухъ шаговъ съ моей корпуленціей не проѣдешь!.. фу! Вашего супруга сейчасъ встрѣтилъ,—летитъ на своихъ коняхъ.

— Да, онъ поѣхалъ по дѣламъ.

Не успѣли напиться кофе, какъ раздался рѣзкій, властный звонокъ. Такъ звонилъ только отецъ.

Матушка встревожилась и испуганно встала съ мѣста. Въ переднюю, стуча калошами, быстро вбѣжалъ отецъ.

— Черти... дьяволы! — кричалъ онъ. — Застрѣлю, застрѣлю сейчасъ! собственными руками зарѣжу!.. Осрамился... теперь на всю губернію осрамился!.. Давайте сюда мои пистолеты!

Матушка забыла гостей и выбѣжала въ прихожую. Всѣ послѣдовали за нею.

На порогѣ въ залъ стоялъ отецъ, блѣдный какъ полотно. Лѣвая бровь двигалась зловѣще вверхъ и внизъ, лицо передергивала судорога.

Матушка робко взяла его за руку.

— Нѣтъ, каковъ срамъ!.. Убью, сейчасъ убью!

— Кого это, батюшка-родной? — храбро выступилъ генералъ.—Кого стрѣлять хотите... а?.. фу!

— Лошадей своихъ!.. чтобъ чортъ ихъ взялъ!..

— Ого!.. чѣмъ онѣ провинились, батюшка-родной?

— Да помилуйте! Вы только посудите: выѣхали мы на площадь; брызги летятъ... Я говорю: „Грицко, поѣзжай шагомъ“. Ѣдемъ. Только какъ разъ около Георгіевской церкви стоитъ лужа воды. Тихонько пробираемся черезъ нее, и едва въѣхали въ середину, мои лошади—стопъ!.. остановились. Грицко ударилъ возжами—ни съ мѣста. „Кнутомъ ихъ хорошенько!“—говорю. А Грицко не любитъ кнута, у него слова слушаться должны. Чмокаетъ—ни туда, ни сюда. Наконецъ, вынулъ кнутъ, да какъ началъ хлестать и праваго, и лѣваго, только свистъ стоитъ. И что же?.. жмутся, но ни на шагъ впередъ! какъ будто околдовалъ кто. Но и это еще ничего! Представьте себѣ, вдругъ лѣвый подгибаетъ колѣна и ложится прямо въ воду; правый посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и тоже послѣдовалъ его примѣру. А! каково? лежатъ себѣ въ лужѣ и—кончено! Сбѣжался народъ. Кто хохочетъ, кто подтруниваетъ, кто подъ уздцы тянетъ, — дышло переломили, сбрую изорвали, а коней не вытащили. Подъѣхалъ знакомый частный приставъ, взялъ меня въ сани и довезъ до дома... Что вы скажете? развѣ это не взбѣситъ? Нѣтъ, какъ хотите, а срама такого не перенесу! Пусть только Грицко приведетъ ихъ—сейчасъ же или застрѣлю, или зарѣжу, или просто обухомъ убью.

Отецъ въ сильномъ гнѣвѣ ходилъ по залѣ и нервно передвигалъ стулья, стоявшіе у стѣны. Гости толпились въ углу.

— Я вамъ вотъ что скажу, батюшка-родной,—заговорилъ генералъ. — Вѣдь этихъ лошадей я самъ лично продалъ помѣщику Малинникову. Онѣ потому и проданы, что въ артиллерію не годятся, а не годятся именно изъ-за странной и глупой привычки—не могутъ видѣть равнодушно большой лужи воды: сейчасъ остановятся и лягутъ. Фу!.. Вѣдь вамъ бы я ни за что не продалъ этакихъ одровъ, а г. Малинникова я видѣлъ первый разъ въ жизни, хотя тоже предварялъ его. Но на это мнѣ онъ сказалъ, что въ дождь и грязь на нихъ ѣздить не будетъ. Я и успокоился. Какъ вдругъ, смотрю, вы на нихъ зиму катаетесь. И сколько разъ хотѣлось предупредить, да все забывалъ... Фу-у!

— А вѣдь правда! — сказалъ отецъ, нѣсколько успокаиваясь.—Сколько я припоминаю, и я ни разу въ дурную погоду на нихъ не ѣздилъ, все берегъ. Но все-таки держать не стану! сбуду первому барышнику.

— Ха-ха-ха! — захохоталъ генералъ. — Стоитъ того горячиться!.. фу! Конечно, сбыть лучше, чѣмъ застрѣлить... А вы дорого дали за нихъ?

— Н-н-нѣтъ...—промычалъ отецъ.—Не дорого.

— Однако? сколько карбованцевъ?

— Я промѣнялъ ихъ на крѣпостную дѣвку.

— Ну, такъ объ этомъ и говорить не стоитъ... фу!.. развѣ ужъ очень хорошенькая была?.. а?.. ха-ха-ха.

Въ это время докторъ, все время молчавшій, рѣшился подойти къ отцу.

— Извините,—скромно заявилъ онъ.—Но позвольте сдѣлать вамъ одно маленькое предложеніе.

— Какое?

— Продайте мнѣ вашихъ сѣрыхъ. Я отведу ихъ къ отцу.

— Сдѣлайте одолженіе. Вотъ обяжете!.. На заводъ они годятся, а ѣздить—нѣтъ!.. Я бы оставилъ ихъ съ этою же цѣлью у себя, да у меня есть два призовыхъ жеребца.

— Я буду очень радъ пріобрѣсти... Конечно, если цѣна окажется по моему карману.

— Помилуйте! что вы?—я дорожиться не намѣренъ. Они, проклятые, такъ меня разозлили, что до сихъ поръ придти въ себя не могу... И видѣть не хочу...

Въ это время Плутонъ важно вышелъ изъ сосѣдней комнаты и лизнулъ руку отца.

— Вотъ прекрасная мысль! отдайте мнѣ Плутона, а себѣ возьмите пару сѣрыхъ!—съ живостью сказалъ отецъ.

Докторъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Право. Серьезно. Отдайте собаку.

— Вы не шутите?

— Да говорю же вамъ, что нѣтъ. Честное слово.

— Извольте. По рукамъ?

— По рукамъ.

Обмѣнъ совершился. Генералъ хохоталъ и прибавилъ еще, что сѣрые одинъ разъ легли въ лужу, заложенные въ пушку, и, несмотря на нагайки, кнуты и палки, не захотѣли встать. Такъ ихъ и бросили среди поля. Поснимали хомуты, уздечки и оставили лежать, сколько имъ угодно.

Всѣ, кромѣ матушки и Вѣры Ивановны, развеселились.

За обѣдомъ выпили шампанскаго, а вечеромъ докторъ увелъ лошадей на квартиру, оставивши намъ собаку.

Улегшись вечеромъ въ свою постельку, я долго не могъ заснуть. Припомнилась мнѣ Параша, припомнилось, какъ ее, бѣдную, промѣняли на лошадей, и какъ теперь этихъ лошадей отдали за собаку.

— Значитъ, дѣвушку отдали за Плутона!—вывелъ я свое заключеніе и закрылся одѣяломъ.

Но недалеко отъ меня, при свѣтѣ лампадки, вполголоса разговаривала няня съ горничной Вѣры Ивановны. Бесѣда ихъ показалась мнѣ очень интересной, и я прислушался.

— Стало быть, милая дѣвушка, ваша барыня судиться станетъ?—спрашивала Матрена.

— Говоритъ, что безпремѣнно.

— На кого же она больше всего подозрѣніе имѣетъ?

— Какъ вамъ сказать! по-моему, здѣсь виновную нельзя указать, потому какъ вся громада била, всѣ бабы, которыя молотили.

— Вотъ грѣхъ-то!

— Ахъ, милая нянюшка! Сколько я ужастевъ пережила, и сказать вамъ не могу. Я, значитъ, приготовила все къ вечернему чаю, поставила самоваръ и жду, когда Августъ Францевичъ пріѣдетъ. А уѣхалъ онъ еще утромъ въ бѣговыхъ санкахъ, смотрѣть, какъ хлѣбъ бабы молотить станутъ. Ну, милая моя, сижу я на кухнѣ и жду. Вдругъ, слышу, на дворѣ крикъ, шумъ, гамъ. Я глядь въ одно—да такъ и обмерла. Вижу, сидитъ баба въ санкахъ и лошадью управляетъ, а сзади по землѣ волочится какое-то тѣло, привязанное за ноги. Тѣло тащится, а его всѣ бабы цѣпами молотятъ, какъ по снопу, кровь такъ и хлещетъ. А дѣвки-то, какъ звѣри какіе—растрепались, платки съ головъ послетали... Хохочутъ, кричатъ, и бьютъ, и бьютъ. Я ничего сначала не поняла. Санки подъѣхали къ крыльцу... Гляжу, а на землѣ—связанный Августъ Францевичъ... избитый, искалѣченный... ни одного сустава живымъ не оставили... Голова какъ тѣсто... красное, кровяное. Стали бабы подъ окнами и кричатъ: „Барыня, а, барыня! глянь-ко, каковъ твой сударикъ!.. Пилъ нашу кровь—вотъ мы ему и отплатили. Вели убрать". Повернулись, засмѣялись и убѣжали. Какъ увидѣла барыня музыканта въ такомъ видѣ, такъ и грохнулась безъ памяти. Насилу отходили. Тѣмъ временемъ становой пріѣхалъ, дохтуръ. Ну, конечно, рѣзали его... нутро все разсматривали. Да что тутъ анатомію дѣлать, когда весь искалѣченъ,—говорю, живого мѣста не осталось. Говорятъ, послѣднее время Августъ Францевичъ ужъ очень ласковъ къ нашимъ бабамъ сталъ. А если какая, бывало, заартачится—сейчасъ пороть. Въ послѣдній свой день онъ къ кузнецовой женѣ подмазывался, звалъ на снопы, въ овинъ... Ну, она развернулась да прямо ему въ морду... Онъ осерчалъ, началъ арапникомъ стегать. Бабы заступились. Кто-то крикнулъ: „бей его! чего на

него глядѣть!..“ Кинулись, сшибли съ ногъ, шубу сняли, привязали къ санкамъ, да и давай молотить... Такъ до самаго дома и молотили.

— Вотъ грѣхъ-то!—шептала няня, крестясь и охая.

Я не могъ дольше выносить и вскочилъ на кровати. Меня трясло какъ въ лихорадкѣ, зубы стучали... Я не могъ плакать...

Няня испуганно подбѣжала, начала нашептывать молитву, крестить, успокаивать... Горничная исчезла.

Меня душили слезы... Образъ окровавленнаго трупа виднѣлся повсюду.

Я закрывалъ глаза, и снова передо мной изъ темноты выплывало изуродованное тѣло...

Въ такихъ страхахъ и ужасахъ провелъ я всю ночь до утра.

Узкая полоса свѣта начала обозначаться между затворенными ставнями, и мебель въ комнатѣ можно было уже различить—только тогда мои нервы нѣсколько успокоились, и я могъ забыться тяжелымъ сномъ.

IX.

Вѣра Ивановна затѣяла процессъ и на нѣкоторое время поселилась у насъ въ домѣ. Съ ранняго утра къ ней начали являться ходатаи по дѣламъ, предлагая свои услуги. Какіе типы можно было наблюдать! Такихъ уже нигдѣ не найдешь.

Между тѣмъ, на одномъ изъ пикниковъ, матушка простудилась и серьезно захворала. Домашнія средства, въ родѣ мяты, бузины, ромашки и майскаго бальзама, не дѣйствовали. Ее уложили въ постель и рѣшились послать за докторомъ.

Хуже всего было то, что отецъ въ то время находился въ деревнѣ.

Ему послали письмо съ нарочнымъ и ждали пріѣзда со дня на день.

— Какъ пріѣдетъ, тогда и за докторомъ пошлю,—говорила больная.—Не люблю я этихъ господъ, не вѣрю въ ихъ знанія. Подожду пока. Только вотъ голова сильно болитъ, да жаръ изнуряетъ.

Конечно, Вѣра Ивановна сидѣла около матушки и употребляла всѣ извѣстныя ей средства, чтобы утишить боль и вообще помочь чѣмъ-нибудь. Къ вечеру, однако, стало хуже—больная бредила, горѣла вся какъ въ огнѣ и металась.

Совѣтъ, состоявшій изъ Вѣры Ивановны, няни и ключницы Аѳоисы, порѣшилъ послать немедленно за докторомъ.

Въ гостиной горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, распространяя по комнатѣ скучный, зловѣщій полусвѣтъ. Большой залъ стоялъ неосвѣщеннымъ; въ передней горѣла на стѣнѣ лампочка съ рефлекторомъ въ видѣ звѣзды.

Плутонъ расхаживалъ по комнатамъ и точно не находилъ себѣ мѣста; онъ то ложился, то вставалъ, то усаживался передо мной въ темномъ углу и съ недоумѣніемъ поглядывалъ большими глазами.

Я старался его утѣшить, гладилъ, давалъ кусочки булки, но мнѣ самому было жутко.

А отца все не было.

Наконецъ, пріѣхалъ докторъ—важный, сѣдой. Вся фигура, начиная отъ глазъ, прикрытыхъ темными очками, была крайне непріятная, просто отталкивающая. Едва онъ вошелъ въ гостиную, какъ Плутонъ поднялся съ ковра и глухо зарычалъ.

Всѣ были удивлены, потому что собака все время была крайне добродушна и никогда ни на кого не бросалась.

— Пожалуйста, уберите собаку! — забрюзжалъ докторъ. — Нельзя же такъ. Приглашаютъ въ домъ, и держатъ такихъ уродовъ, которые готовы разорвать человѣка. Повторяю—уберите собаку!

Я безъ труда повелъ Плутона въ кабинетъ и притворилъ за нимъ дверь.

Докторъ серьезно осмотрѣлъ матушку, подумалъ и вышелъ въ гостиную, писать рецептъ. Вѣра Ивановна участливо разспросила о болѣзни и сунула въ руку три рубля.

— Дѣло серьезное... очень серьезное, — процѣдилъ сквозь зубы эскулапъ. — Поражено правое легкое... Надо немедленно послать въ аптеку. А впрочемъ, организмъ крѣпкій. Вы идите къ больной, а я сяду и пропишу.

Вѣра Ивановна ушла.

Докторъ, покончивъ свои дѣла и не видя никого въ комнатѣ, взялъ шапку и направился черезъ темный залъ въ переднюю. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ раздалось громкое рычаніе, и Плутонъ сталъ на дорогѣ. Испуганный старикъ хотѣлъ-было вернуться въ гостиную, но при малѣйшемъ движеніи собака рычала и готова была броситься. Докторъ крикнулъ, зовя на помощь, но по близости не оказалось ни души, а крикъ этотъ еще больше раздражилъ Плутона, и онъ сдѣлалъ даже шагъ ближе къ своей жертвѣ.

Положеніе становилось критическимъ. Врачъ и собака стояли одинъ противъ другого среди темной комнаты и съ ненавистью смотрѣли другъ другу въ глаза.

Наконецъ, Вѣра Ивановна зачѣмъ-то вошла въ гостиную.

— Ради Бога, уберите собаку! — послышался скорбный голосъ изъ залы.

Нѣсколько удивленная, она вошла въ темноту, присмотрѣлась и тогда только замѣтила двѣ фигуры.

— Что же, наконецъ, уберете ли вы эту проклятую тварь? —уже совсѣмъ сердито закричалъ докторъ.—И передайте больной, что я больше ѣздить къ ней не желаю... Пріѣдешь, а тебя затравятъ собаками! Слуга покорный!.. Можете обращаться къ другимъ медикамъ,—я не одинъ.

Едва отъѣхалъ отъ крыльца раздраженный старикъ, какъ явился отецъ и прошелъ прямо къ больной.

Когда онъ нѣсколько успокоился, то-есть, когда ему было сообщено, что опасности особенной нѣтъ, и что можно разсчитывать на крѣпость организма, въ столовую былъ поданъ самоваръ.

За стаканомъ ароматнаго чая и съ трубкой въ зубахъ отецъ разговорился съ Вѣрой Ивановной, которая, замѣняя матушку, сидѣла на хозяйкиномъ мѣстѣ.

— А какой вашъ Плутонъ умный! — восторженно заявила она.—Вы знаете, что онъ сейчасъ сдѣлалъ?

И послѣдовалъ самый подробный разсказъ о подвигѣ водолаза.

— Ну, стало быть, я его держать не буду!—мрачно заключилъ отецъ.

— За что же? вѣдь, по всей вѣроятности, онъ нарочно такъ выдрессированъ... По-моему, это не собака, а золото... самый вѣрный сторожъ, котораго не подкупишь...

— Нѣтъ, такого пса нельзя держать въ домѣ, онъ опасенъ... У меня дѣти маленькія.

— Но... позвольте! На вашихъ дѣтей Плутонъ не кинется. Онъ настолько уменъ, что понимаетъ все, какъ человѣкъ.

— Вы можете разсуждать какъ угодно, а я его отдамъ.

— Право, не понимаю, чѣмъ онъ, бѣдный, провинился?

— Перестаньте объ этомъ говорить, Вѣра Ивановна. Я вамъ сказалъ, какъ я поступлю... и своему слову не измѣню. Что сказано, то свято. Могу же я распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ мнѣ хочется,—какъ вы думаете?

Молчаніе. Отецъ пускаетъ дымъ кольцами; Вѣра Ивановна смотрится въ ярко вычищенный самоваръ; я съ ожесточеніемъ

дую на остывшій чай, налитый въ блюдце, и дрожу за участь Плутона.

— Знаете ли что? — сказала, наконецъ, наша временная хозяйка:—вамъ вѣдь все равно, кому отдать собаку?

— Конечно. Хоть чорту.

— Отдайте лучше мнѣ. Въ деревнѣ я буду съ нимъ неразлучна, и увѣрена, что онъ постоитъ за меня.

— Берите хоть сейчасъ. Очень буду радъ, если вы возьмете.

— Вотъ спасибо. Только я не хочу быть въ долгу. Помните ли, у меня въ этажеркѣ, что стоитъ въ диванной, красуется настоящая пѣнковая большая трубка съ длиннымъ чубукомъ и огромнымъ янтаремъ. Вещь эта принадлежала еще моему дѣду и вывезена изъ Константинополя. Возьмите ее вмѣсто собаки и берегите на память обо мнѣ.

— О, съ большимъ удовольствіемъ! Трубка мнѣ давно нравится... Буду хранить ее, какъ зеницу ока.

Отецъ былъ такъ доволенъ, что даже руку поцѣловалъ у Вѣры Ивановны.

Въ это время наши стѣнные часы медленно пробили десять.

— Спать!—лаконично сказалъ мнѣ родитель.

Пришлось проститься и уйти въ дѣтскую.

X.

Моя матушка скоро оправилась, и жизнь вошла въ свою колею.

Вѣра Ивановна уѣхала къ себѣ въ деревню и увезла Плутона, съ которымъ я прощался очень трогательно и нѣжно.

Наступила осень. Помѣщики всѣ очутились на своихъ мѣстахъ, въ деревнѣ, гдѣ шла усиленная молотьба, продажа хлѣба и другія хозяйственныя дѣла.

Отцу надо было тоже отправиться. Изъ каретнаго сарая выдвинули тарантасъ; кучера подмазывали колеса, чистили сбрую, а отцовскій лакей Егоръ укладывалъ всякіе баулы и баульчики на свои мѣста.

Родитель былъ почему-то въ очень хорошемъ настроеніи духа, шутилъ съ дѣдомъ, офицерами и разсказывалъ много анекдотовъ.

— А что, Коля, — обратился онъ ко мнѣ, — хочешь прокатиться въ деревню? Ночи теперь лунныя, теплыя — отлично доѣдемъ.

Конечно, я съ восторгомъ согласился. Маленькій чемоданчикъ матушки моментально заполнился бѣльемъ и книжками, а вечеромъ, когда огромный мѣсяцъ всплылъ на небесный просторъ и отъ домовъ легли на землю длинныя голубыя тѣни, мы выѣхали.

Я въ первый разъ уѣзжалъ безъ гувернантки и чувствовалъ себя совсѣмъ большимъ. Стараясь занять, по возможности, мало мѣста, чтобы не безпокоить отца, я, тѣмъ не менѣе, важно развалился на кожаныхъ подушкахъ и съ любопытствомъ оглядывался по сторонамъ.

Миновали большую площадь, гдѣ осрамились сѣрые кони, проѣхали два каменныхъ остроконечныхъ столба, украшенныхъ наверху золотыми орлами, и очутились за чертой города.

Вправо мелькнуло еще кладбище съ бѣлой высокой церковью, и мы выѣхали, наконецъ, на просторъ,—на насъ пахнуло ароматомъ степи.

Ровная и безконечная равнина раскинулась вправо и влѣво.

Нигдѣ ни деревца, ни кустика. Только вдали чернѣются, какъ точки, хутора, да далеко-далеко мигаетъ огонекъ.

Все тонетъ въ голубоватомъ свѣтѣ южной ночи.

Звонъ валдайскаго колокольчика, веселый топотъ копытъ и удалое посвистываніе кучера заставляли мое сердце усиленно биться и наполняли его радостью.

Я чувствовалъ свободу, полную свободу въ этой необъятной степи, среди торжественной и тихой лунной ночи. Я вдыхалъ всею грудью теплый, чистый воздухъ. Я подставлялъ разгоряченное лицо ночному вѣтерку. Мнѣ было такъ хорошо!

— Егоръ, трубку!—скомандовалъ отецъ.

Тройка остановилась. Лакей вынулъ изъ особеннаго кармана, подвѣшеннаго къ прутьямъ козелъ, длинный чубукъ съ янтаремъ и большой трубкой—подарокъ Вѣры Ивановны.

Когда табакъ раскурился, и знакомый запахъ жукова ударилъ мнѣ въ носъ, тарантасъ покатилъ дальше.

Скоро стали спускаться въ глубокую балку. На днѣ ея блестѣлъ прудъ, подернутый густымъ туманомъ; кругомъ высились старыя ракиты; вправо хлопотливо шумѣла водяная мельница.

Сырость и холодъ сразу охватили насъ.

Осторожно въѣхали мы на мягкую плотину,—деревянный мостъ прогремѣлъ подъ колесами,—и, поднявшись на противоположную горку, опять очутились въ степи.

Было уже поздно. Луна спускалась все ниже и ниже.

Я почувствовалъ непреодолимую дремоту и, что̀ называется, клевалъ отчаянно носомъ.

Отецъ расправилъ мягкую подушку въ дорожномъ чехлѣ, устроилъ мнѣ постель, и я сладко заснулъ на свѣжемъ ночномъ воздухѣ. Топотъ копытъ и звонъ колокольчика куда-то уходили все дальше и дальше. Картины несвязныя, неправдоподобныя, мѣнялись въ моей головѣ съ поразительной быстротой. Представлялась мнѣ и плачущая Параша-чужая, и Плутонъ, и сѣрые жеребцы, и противный докторъ. Они о чемъ-то мнѣ толковали, старались въ чемъ-то увѣрить, и я ничего не могъ понять; сладкая истома охватывала меня все больше и больше. Вдругъ громкій крикъ пѣтуха раздался чуть не надъ самымъ моимъ ухомъ и разбудилъ меня.

Мы въѣзжали въ какую-то деревню. Солнце всходило. Было очень прохладно. Пахло дымкомъ и печенымъ хлѣбомъ. Скрипѣли ворота, изъ которыхъ лѣниво выходилъ скотъ. Слышались звонкіе голоса бабъ, мычаніе коровъ.

Отецъ спалъ. Егоръ раскачивался изъ стороны въ сторону, не будучи въ состояніи превозмочь дремоту. Кучеръ осторожно лавировалъ между овцами и телятами.

Я повернулся на другой бокъ и опять сладко-сладко заснулъ.

Въ деревнѣ я былъ предоставленъ самому себѣ. Отецъ съ утра уѣзжалъ верхомъ съ приказчикомъ и старостой, а меня занимала бесѣдой древняя старуха Архипьевна, изъ дворовыхъ, которая обыкновенно, въ наше отсутствіе, присматривала за порядкомъ въ домѣ.

Конечно, такая свобода мнѣ очень нравилась. Старуха еле поспѣвала за мной, когда я гулялъ по саду и вспоминалъ Парашу. На мѣсто Кости, за парниками, оранжереями и питомникомъ, назначенъ былъ другой парень, но онъ мнѣ не нравился.

Дома, по большей части, я сиживалъ въ той диванной, гдѣ стоялъ круглый столъ со львами, и разсматривалъ въ сотый разъ развѣшенные портреты родственниковъ. Обѣдать и пить вечерній чай приходилось тоже одному, потому что дѣла задерживали отца иногда до поздняго вечера, когда я уже спалъ.

Наконецъ, насталъ день обратнаго отъѣзда. Передъ крыльцомъ уже стояла тройка и происходила обычная суматоха укладыванія.

— Егоръ, трубку!—кричитъ отецъ.

Егоръ спѣшитъ въ кабинетъ, чтобы приготовить все необходимое.

Проходитъ пять минутъ, но лакей не показывается.

— Егоръ, тебѣ говорятъ, трубку!—раздается во второй разъ.

— Сейчасъ... сейчасъ.

Проходятъ еще томительныхъ пять минутъ—Егора нѣтъ.

— Что ты тамъ пропалъ, скотина этакая!—сердито спрашиваетъ отецъ.—Коля, поди узнай!

Я вхожу въ кабинетъ и вижу, что Егоръ стоитъ блѣдный и хруститъ пальцами рукъ.

— Что же ты не несешь трубки?—спрашиваю я вполголоса.

— Пропала трубка... Вотъ здѣсь стояла, а теперь нѣтъ!.. Не знаю, что̀ и дѣлать.

— Какъ пропала?

— Не могимъ знать... а пропала.

Раздаются шаги отца. Мы съ Егоромъ одинаково трепещемъ.

— Тебѣ сто разъ надо повторять, болванъ?—кричитъ отецъ. —Гдѣ же трубка?.. чего стоишь дуракомъ? хочешь, чтобъ морду побилъ?

— Да, баринъ... трубку кто-то стащилъ-съ... Ей Богу, я не виноватъ.

— Какъ стащилъ? кто смѣлъ стащить? Да ты никакъ одурѣлъ!.. Никогда ничего не пропадало—и вдругъ... извольте видѣть!.. Чтобъ сейчасъ была трубка, а не то—маршъ на конюшню! Я тебѣ покажу!..

Тѣмъ не менѣе, самъ отецъ принялся шарить по всѣмъ угламъ вмѣстѣ съ нами, но трубка—какъ въ воду канула. Смотрѣли въ шкафахъ, комодахъ, столахъ—нигдѣ нѣтъ!

А между тѣмъ отецъ, не дальше какъ полчаса тому назадъ, курилъ и самъ поставилъ ее на особый столикъ, гдѣ собрана была цѣлая коллекція трубокъ съ чубуками разнаго дерева.

Наконецъ, пришлось взять другую. Отецъ самъ набилъ и закурилъ ее, а оставить дѣла не хотѣлъ.

— Иванъ!

Вошелъ приказчикъ.

— У меня сейчасъ украли трубку. Изъ кабинета утащили. Этого я допустить не могу. Если будетъ такъ продолжаться, пожалуй и все растащатъ. Ты тутъ безъ насъ переверни все вверхъ дномъ, а вещь чтобы была найдена. А теперь возьми Егора, отведи на конюшню и дай ему двадцать-пять горячихъ... Будетъ, мерзавецъ, помнить.

Егоръ, продолжавшій рыться въ кабинетѣ, услышалъ свой приговоръ и опустилъ безпомощно руки.

Иванъ подошелъ къ нему.

— Пойдемъ, Егоръ!

Тотъ молча повиновался. Только брови сдвинулись, да видно было, какъ онъ стиснулъ зубы.

Я кинулся къ отцу, хотѣлъ-было попросить за бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго лакея, но отецъ взглянулъ на меня такъ, что у меня языкъ точно окаменѣлъ.

— Тебѣ что̀ надо?—крикнулъ онъ.—Это что̀ за новость! Убирайся отсюда и будь готовъ; черезъ полчаса мы ѣдемъ.

Я опрометью побѣжалъ въ диванную, гдѣ около печки, подперши щеку рукою, стояла Архипьевна и горестно качала своей сѣдой головой.

— Ахъ, баринъ, баринъ!—шамкала она.—За что драть повелѣлъ? Вѣдь здѣсь дѣло нечисто. Ей Богу, право. Это сдѣлано кѣмъ-нибудь противъ Егора. Здѣсь колдовство... все нарочно устроено... Сегодня не даромъ ночью я видѣла, какъ по небу летѣлъ огненный змѣй... Летѣлъ, летѣлъ, да и разсыпался надъ нашей деревней. Должно, кто-нибудь заклинаніе дѣлалъ, чорта призывалъ, чтобы Егора подвести... Бѣдный парень!

Я не зналъ, вѣрить ли мнѣ словамъ старухи, или нѣтъ. Все казалось до такой степени непонятнымъ, что оставалось только развести руками.

Черезъ часъ мы мчались полями. Народъ еще работалъ.

Приказчикъ скакалъ верхомъ около тарантаса и получалъ послѣднія приказанія.

Рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ несчастный Егоръ, потупивъ голову, а въ кожаной сумкѣ, прикрѣпленной къ козламъ, лежала другая трубка.

Подарокъ Вѣры Ивановны исчезъ безвозвратно.

XI.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Какъ-то я съ матушкой, въ маленькой двухмѣстной кареткѣ, ѣхали къ роднымъ.

Дорога шла лѣсомъ. Коренья столѣтнихъ дубовъ не позволяли двигаться скоро, и лошади тащили легкій экипажъ шагомъ.

Было душно. Вдали гремѣлъ громъ. Овода и слѣпни цѣлыми роями носились надъ четверней. Солнце закатывалось.

Наконецъ, стало свѣтлѣть, и мы выѣхали на небольшую площадку, застроенную зданіями женскаго монастыря.

Игуменья была уже давно знакома съ нами, и мы иногда заѣзжали къ ней.

Грицко остановилъ лошадей и повернулся къ намъ.

— Барыня,—сказалъ онъ,—не заночевать ли намъ здѣсь? Гроза заходитъ, дорога скверная... Если что сломается, и починить негдѣ.

— Хорошо, заѣзжай.

Четверня дружно подкатила экипажъ къ входнымъ воротамъ, продѣланнымъ въ видѣ арки подъ высокой колокольней.

Насъ встрѣтила пожилая монашка.

— Что, мать игуменья дома?—спросила матушка.

— Дома, сударыня, дома. Пожалуйте... Христосъ надъ вами.

— А можно у васъ переночевать?

— Можно, сударыня, можно... Милости просимъ. Пойду, распоряжусь, чтобъ и лошадкамъ хорошо было.

Я съ Грушей пошли въ келью, предназначенную для пріѣзжихъ, а матушка направилась къ игуменьѣ.

Отъ воротъ до самой церкви шелъ узкій дощатый помостъ. По бокамъ высились старыя липы и раскинулись цвѣтники. Зданія келій, выбѣленныя и чистенькія, привѣтливо смотрѣли своими высокими окнами.

Едва мы вошли въ келью, какъ въ нее, совсѣмъ не по монашески, а съ шумомъ, влетѣла черничка. Она съ восторгомъ кинулась цѣловать меня и Грушу и заплакала отъ радости.

Я сразу узналъ—Парашу. Тѣ же добрые глаза, тѣ же волосы, даже тотъ румянецъ. Черное платье, стянутое кожанымъ поясомъ, и шапочка очень шли къ дѣвушкѣ.

— Господи! Царица Небесная!—говорила она, захлебываясь. —Какъ же я рада васъ видѣть! Гляжу, Грицко съ каретой отъѣзжаетъ отъ воротъ, а я воду несла. Все кинула, да прибѣжала. Баринъ, голубчикъ, какой же вы большой стали, и все худенькій!

Насилу Параша успокоилась, насилу усѣлась съ нами.

— Какъ же ты попала сюда?—спросилъ я.

— Ахъ, милый баринъ, я такъ рада, что ушла отъ міра. Дай Богъ здоровья Надеждѣ Ивановнѣ Малинниковой. Когда меня привезли, она сейчасъ взяла къ себѣ и отняла отъ брата, Ивана Ивановича. Хотѣла, чтобы и у нихъ кружева плели. А я, какъ узнала о смерти Кости (царство ему небесное!), стала проситься отпустить меня въ монастырь. Баринъ сначала и слышать не хотѣлъ. Барышня-то меньше противилась, говорила, что, значитъ, у меня потребность такая, призваніе. Иванъ Ивановичъ шумѣлъ, кричалъ, даже пригрозилъ, что на конюшнѣ самъ собственноручно выпоретъ... Но, слава тебѣ, Господи, я до такого срама не дожила, хотя была готова на все. Долго

я упрашивала господъ,—насилу-насилу уговорила. И вотъ уже другой годъ послушницей. Работа хоть и трудная, да, по крайней мѣрѣ, ни о чемъ житейскомъ не думаешь. Только молишь Царицу Небесную, чтобы достигла я своей цѣли и чтобы постригли поскорѣе.

Мнѣ было грустно смотрѣть на Парашу. Столько было въ ней жизни, столько энергіи—и пришлось закопать себя заживо и умереть для міра.

Пришла матушка. Опять на глазахъ монашенки засверкали слезы радости, опять пришлось ей разсказывать, разспрашивать, окунуться въ ту жизнь, отъ которой она добровольно отказалась.

Мы долго сидѣли и бесѣдовали.

Вдругъ протяжный гулъ колокола раздался надъ нами.

Параша встала, перекрестилась и начала прощаться.

— Спаси васъ Царица Небесная, милые господа!—сказала она и ушла ко всенощной.

Когда на другое утро мы уѣзжали, я долго ждалъ—когда же придетъ проститься послушница?..

Но почему-то она не явилась.

Больше я ничего не слышалъ о Парашѣ-чужой. Что съ ней? умерла ли она въ тихой пристани, которую такъ искала, или же, быть можетъ, и до сихъ поръ жива, молясь о чужихъ грѣхахъ и вспоминая ужасы крѣпостного права—для нашего времени баснословныя?..

Н. Сорокинъ.

Ялта, 1899 г.

НА КРАЮ НЕДОРОДА

Бытовой очеркъ.

Солнце садилось, озаряя западный горизонтъ пурпуровымъ, золотистымъ заревомъ. Почтовая тройка подкатила меня къ моей деревенской усадьбѣ, утопавшей въ яркой іюньской зелени; изъ сада меня обдало запахомъ сирени и жасмина. На церковной колокольнѣ сторожъ заунывно отбивалъ девять часовъ, и церковный звонъ задорно и страстно старался заглушить своею пѣснею соловей, капризно помѣстившійся въ густой и темной группѣ стройныхъ елокъ у самаго подъѣзда моего дома, выстроеннаго въ русскомъ стилѣ. Традиціонное „тпру“ ямщика заставило меня выйти изъ раздумья; я нехотя вылѣзъ изъ своей коляски и вошелъ въ свой старинный помѣщичій домъ... Обычная встрѣча, долго неподаваемый самоваръ, разговоры о погодѣ, дорогѣ, городскихъ новостяхъ... все это меня мало интересовало. Я пріѣхалъ въ страну недорода, народной нужды и эпидеміи; впередъ уже сердце мое невольно сжималось отъ тяжелаго предчувствія — жить и видѣть воочію весь ужасъ страданій низшей братіи. Конечно, къ этому больному и тревожащему мое любопытство вопросу я какъ можно скорѣе и обратился. „Что голодъ, что народъ, какъ цинга и тифъ?“... Къ немалому удивленію моему мнѣ покойно и безстрастно отвѣтили обычнымъ нашимъ: „ничего, все слава Богу“...—„То-есть, какъ слава Богу?“—волновался я; мнѣ было бы жутко узнать истину, а между тѣмъ, какъ бы противъ желанія, я добивался узнать все, все безъ утайки, безъ умаленія постигшаго народъ страшнаго бѣдствія. Однако мнѣ повторили тоже „ничего“ тѣмъ же, поражавшимъ меня, спокойнымъ то-

номъ. Но я продолжалъ настаивать на своемъ: „сильна ли нужда, есть ли у народа хлѣбъ, сколько у насъ цинготныхъ, не было ли случаевъ смерти?“ Всѣ эти быстро сыпавшіеся вопросы видимо вызывали саркастическую улыбку и опять-таки совершенно успокоительный отвѣтъ: „Что вы, батюшка! всѣ, слава Богу, сыты и здоровы. Правда, тяжеловато было зимой, да ничего, справились“.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, пытливо всматривался въ глаза окружающимъ, внутренно увѣренный, что они меня обманываютъ, желая скрыть истинный ужасъ горькой дѣйствительности. Но мало-по-малу подробные и обстоятельные разсказы о всемъ томъ, что происходило въ окружающей насъ мѣстности, успокаивали меня, съ одной стороны, и заставляли, съ другой, съ довѣріемъ относиться къ моимъ собесѣдникамъ. Картина получалась слѣдующая. Къ обычной скудной жизни нашего крестьянина вообще, обусловливаемой небрежнымъ общиннымъ трудомъ, малоземельемъ, отсутствіемъ подспорныхъ промысловъ, поголовною задолженностью—присоединился на этотъ разъ прошлогодній полнѣйшій неурожай хлѣбовъ и кормовыхъ продуктовъ. Крестьяне, да и землевладѣльцы вообще, остались какъ раки на мели — безъ сѣмянъ, безъ продовольствія, безъ корма для скота. Впереди морозная зима—безъ пищи, и незасѣянныя поля къ будущему лѣту; о сбереженіи скотины и думать было нечего. И въ обыкновенные годы половина нашего крестьянства къ веснѣ оставалась безъ зерна запаснаго хлѣба и существовала поденнымъ заработкомъ, а тутъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ наступилъ почти для всѣхъ полный хлѣбный кризисъ. Оставалась одна надежда на земскую ссуду, да на помощь свыше. Но не такъ-то скоро все это подоспѣло. Несмотря на то, что о полномъ неурожаѣ во всемъ краѣ было уже всѣмъ извѣстно съ іюля прошлаго года и были своевременно созваны губернскія земскія собранія и продовольственныя совѣщанія, но параллельно съ этимъ повторились наши обычные порядки: купленный казною хлѣбъ для продовольствія въ недородной мѣстности въ началѣ осени замерзъ на Волгѣ; весь мѣстный скупленный купцами хлѣбъ успѣли увезти въ торговые порты, гдѣ цѣна на хлѣбъ стояла всю зиму и весну дешевле, чѣмъ на мѣстахъ его произростанія; въ хлѣбныхъ магазинахъ оказывался недочетъ или порча хлѣба, либо онъ безтолково разобранъ былъ „міромъ“; земство просило нѣсколько милліоновъ въ ссуду, а губернское продовольственное совѣщаніе сократило ее на добрую треть; земство, вычисляя нужду, руководилось требованіями уѣздныхъ

управъ, а совѣщаніе — подсчетомъ земскихъ начальниковъ. Въ ожиданіи благъ свыше крестьянство успѣло съѣсть свой послѣдній хлѣбъ, а скотину пришлось—либо продать за безцѣнокъ, либо переколоть, чтобы кормиться ею зимой, такъ какъ не было ни сѣна, ни соломы. А тутъ, какъ на грѣхъ, наступила оттепель, и портящееся мясо было съѣдено народомъ; вслѣдствіе такой недоброкачественной пищи и недостаточнаго питанія появилась всюду цинга, цинга эпидемическая, поражающая не одну полость рта, но и весь организмъ. Эпидемія эта была обнаружена лишь тогда, когда въ нѣкоторыхъ деревняхъ было уже по сту и болѣе больныхъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ было зарегистрировано въ одномъ спасскомъ уѣздѣ, казанской губерніи, болѣе двухъ тысячъ цинготныхъ, и тогда начались совѣщанія съ научными заключеніями о скорѣйшей необходимости послать на мѣста эпидеміи, то-есть, за сотню верстъ: клюкву, лимоны, овощи и даже барбарисъ. Морозъ достигалъ до 20 градусовъ; въ пораженныхъ мѣстностяхъ не было желѣзныхъ дорогъ, и всѣ эти антицинготныя средства доставлять по назначенію не было никакой возможности. Пришлось ограничиться посылкою нѣсколькихъ возовъ съ клюквою, съ капустою и лимонами, въ то время, когда въ губерніи уже насчитывалось около двадцати-тысячъ цинготныхъ. Зимою наступилъ обильный приливъ денегъ въ недородныя мѣстности, но цѣлесообразно расходовать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ помощь была неорганизована, а главное—*не объединена*. Созданный въ губернскомъ городѣ губернскій благотворительный комитетъ, вслѣдствіе своей недостаточной популярности, почти не привлекалъ къ себѣ пожертвованій, и, насчитывая всю зиму въ своей кассѣ какихъ-нибудь 3 или 4 тысячи рублей, разсылалъ сторублевыя пособія по случайнымъ просьбамъ, безъ программы и системы, да и былъ безсиленъ съ своими грошами. Мѣстный отдѣлъ Краснаго-Креста собирался приступить къ работѣ, но былъ замѣненъ особымъ уполномоченнымъ отъ Главнаго Управленія, присланнымъ для организаціи помощи съ десятью помощниками. Отстраненное отъ закупки хлѣба, отъ опредѣленія степени нужды и распредѣленія хлѣба, земство должно было стушеваться и остаться постороннимъ зрителемъ. Работали одни представители Краснаго-Креста, но что они одни могли сдѣлать среди неравномѣрной борьбы съ обширной нуждою и прогрессирующей эпидеміей цинги?

Тогда наступилъ второй періодъ въ исторіи послѣдняго недорода—періодъ *мѣстной, частной благотворительной помощи.*

Съ легкой руки нѣсколькихъ дамъ-патронессъ, проживавшихъ въ деревнѣ, сдѣлавшихъ жалобныя воззванія въ столичныхъ газетахъ о голодѣ и получившихъ обильныя пожертвованія, всякій обладающій способностью кое-какъ написать письмо въ газеты, проживая въ числящихся недородными мѣстностяхъ, берется за перо и пишетъ слезницу въ первую попавшуюся ему на глаза редакцію о томъ, что онъ окруженъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, что населеніе чуть не поголовно страдаетъ отъ эпидемическихъ болѣзней, что помощи ни откуда не получается: помогите, люди добрые! Пишетъ землевладѣлица-филантропка, пишетъ мѣстный священникъ, дьяконъ, дьячокъ, земскій начальникъ, адвокатъ, пишетъ всякъ, умѣющій писать кое-какъ. Газеты печатаютъ и перепечатываютъ эти воззванія, и деньги для несчастныхъ текутъ въ редакціи и по выставленнымъ адресамъ широкою рѣкой. Деньги въ такомъ изобиліи посыпались со всей Руси великой въ мѣста недорода, что завалили мѣстныя почтовыя конторы. Въ Лаишевѣ, напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ не хватило бланокъ на денежныя повѣстки... Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моего имѣнія, священникъ села Елани, по скорбному воззванію въ газетахъ, могъ получить до 60 тысячъ рублей, и какъ щедро ни раздавалъ пособія, все-же у него осталось свободныхъ 19 тысячъ рублей, которыя онъ пожертвовалъ на устройство деревенскихъ яслей въ казанской губерніи. Одна дѣвица устроила лавину и получила свыше 10 тысячъ рублей... Можно указать на множество фактовъ собиранія массы денегъ въ тѣхъ и другихъ счастливыхъ пунктахъ недородныхъ мѣстностей, тогда какъ рядомъ продолжалась жестокая нужда и эпидемія. Столовыя въ счастливыхъ мѣстностяхъ выростали какъ грибы; тутъ одновременно существовали столовыя для дѣтей, для взрослыхъ, для учащихся, и тутъ же раздавали даромъ скотину, чай, сахаръ и одежду; а за какую-нибудь версту получался скудный мѣсячный паёкъ въ 35 фунтовъ хлѣба на цѣлую семью и—больше ничего! Ко всему этому надо прибавить, что лошади, розданныя заимообразно казною, на половину были присланы настолько изнуренными голодомъ и страдающими сапомъ, что множество ихъ пало въ вагонахъ и на пути къ мѣстамъ раздачи.

— Какъ обошлось дѣло у насъ? — спросилъ я, не мало удивленный всѣмъ прослушаннымъ.

— У насъ тоже нашелся такой дьячокъ. Молодецъ, ужъ больно жалобно написалъ въ газетѣ про наше село. Такъ жалобно, что другія газеты перепечатали, причемъ одна при-

бавила:—„нельзя безъ содроганія читать эти строчки, прописанныя слезами". Онъ намъ самъ потомъ читалъ газету. Въ концѣ пишетъ: „говорятъ, что много жертвуютъ голодающимъ, только до насъ ничего не доходитъ; видно, мы въ большой глуши живемъ"... Тутъ мы ему посмѣялись,—говоримъ: „что ты, батюшка, развѣ до насъ мало-то жертвованій дошло... да и въ какой же мы глуши живемъ, когда наше село на самой почтовой дорогѣ, въ 50 верстахъ отъ губернскаго города". А онъ смѣется,—говоритъ: „ничего, здоровѣе будетъ!" Этакой шутникъ, подумаешь!..

— Да развѣ вы тутъ дѣйствительно испытывали ту ужасающую нужду, какую въ газетахъ описалъ дьячокъ?—спросилъ я.

— Какое тамъ, Боже избави! У насъ и столовая отъ Краснаго-Креста всю зиму была, и хлѣбную ссуду получали, да и скотину многимъ роздали.

— Зачѣмъ же онъ все это написалъ?

— Да такъ, просто. Похвасталъ передъ стариками на сходѣ,—говоритъ: „постойте, ребята, не всѣ деньги къ еланскому попу пойдутъ, и мнѣ перепадетъ не одна сотня рублей". Взялъ да и написалъ, и послалъ въ Питеръ, въ газету. Смотри, черезъ недѣли двѣ и пошли катать ему денежки-то. Что ни почта—ему повѣстка, то на сотню, а иной разъ и побольше. Самому справляться стало не подъ силу, теперь онъ секретаря завелъ: некогда ему квитки писать да посылать. Самъ онъ ѣздитъ да благодѣйствуетъ.

— Кому же онъ помогаетъ?

— Кому захочетъ—тому помогаетъ. Кому лошадь, кому корову, кому чаю съ сахаромъ. Большой онъ нонѣ человѣкъ сталъ,—всѣ ему, значитъ, теперь въ ноги кланяются...

Далѣе я изъ разговоровъ узналъ, что крестьяне въ нашей мѣстности поголовно не работаютъ; ни за какія деньги нельзя найти поденщиковъ. Всѣ отъ мала до велика ходятъ отъ земскаго къ становому, отъ станового—къ учительницѣ, отъ учительницы къ священнику, къ дьякону, къ дьячку и всюду кланяются и просятъ, просятъ и кланяются. Съ утра, на другой день моего пріѣзда, мой подъѣздъ осаждали сотни крестьянъ; на мой вопросъ: почему они собрались,—приказчикъ мой съ усмѣшкою отвѣтилъ: „пришли узнать, не привезли ли имъ какой помощи, или не будете ли раздавать безплатно хлѣба, либо скотины. А вчерась звалъ навозъ вывозить на нашихъ лошадяхъ со скотнаго двора, такъ ни одинъ не пошевелился, кричатъ: „хоть по рублю давай—не пойдемъ; вотъ народъ какой"!

Черезъ два дня былъ праздникъ Троицы. Вся церковная

ограда была переполнена нарядными мальчиками и дѣвочками; всѣ играли, шумѣли, пронзительно пищали въ стручки акаціи; все это смѣшивалось, въ открытыя двери церкви, съ богослуженіемъ. Въ церкви множество разодѣтыхъ, въ шолковыхъ платкахъ женщинъ, немного ветхихъ старцевъ и ни одного крестьянина рабочаго возраста. Староста собиралъ на тарелку, громко произнося: „на церковь Божью!“ Почти не было такихъ, которые не положили—кто копѣйку, кто двѣ. На клиросѣ, немилосердно торопясь, пѣлъ одинъ дьячокъ, тотъ самый корреспондентъ-филантропъ, которому теперь всѣ низко кланялись. Обѣдня скоро отошла, и всѣ дѣти направились въ столовую; я побрелъ изъ любопытства за ними. На дворѣ земской школы, на партахъ, тѣсно сидѣло человѣкъ 50 мальчиковъ и дѣвочекъ. Столько же стояло вокругъ, ожидая второй смѣны. Передъ каждой группой въ пять дѣтей стояла большая деревянная миска съ жирными щами, изъ которой съ жадностью дѣти хлебали деревянными ложками. Въ рукѣ у каждаго было по большому ломтю чернаго хлѣба. Попробовалъ я щей и хлѣба и нашелъ ихъ превкусными. Дѣти ѣли всласть; когда заканчивали свою миску, то молча одинъ изъ группы шелъ къ котлу и, получивъ новую порцію, снова ставилъ ее среди товарищей, и ѣда продолжалась тѣми же лицами до отвала. Наѣвшійся до сыта, вытиралъ потное лицо руками, крестился и скороговоркою произносилъ: „Благодарю покорно, Анна Петровна“. Эти слова шли по адресу тутъ стоявшей учительницы, завѣдывавшей столовою по уполномочію Краснаго Креста. Среди дѣтей я замѣтилъ не мало нарядно одѣтыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Учительница объяснила мнѣ, что всѣ поголовно присылаютъ сюда своихъ дѣтей.

Послѣ обѣдни зашелъ ко мнѣ напиться чаю нашъ священникъ. Онъ очень добродушно относился къ предпріимчивости своего дьячка и вполнѣ чистосердечно увѣрялъ меня, что нынче его прихожанамъ такая лафа, какой онъ давно не запомнитъ. Ругу всю до зерна отдали; сборъ во время крестныхъ ходовъ превышаетъ противъ прежнихъ лѣтъ; всюду—полное довольство; одно не хорошо: лѣнятся очень, не работаютъ, въ храмъ Божій мужики не ходятъ, да пьянствуютъ. „А за требы платятъ хорошо, жалобиться не стану“. Такъ какъ священникъ, по порученію земскаго начальника, выдавалъ въ нашемъ селѣ такъ называемую земскую ссуду, по 35 фунтовъ на ѣдока въ мѣсяцъ, то я спросилъ его: — Что, батюшка, всѣмъ выдаете ссуду, или только бѣднѣйшимъ и нуждающимся? — Всѣмъ даю поголовно, — отвѣчалъ онъ. — Да и нельзя давать по выбору.

Есть такіе—иной по четыре лошади имѣетъ, живетъ зажиточно, а за ссудою приходитъ, клянчитъ хуже бѣдняка. А попробуй ему не дать—вѣдь онъ тебѣ же потомъ насолитъ: либо ругу не отдастъ, либо требой обидитъ.

Между прочимъ, я спросилъ у священника: — Почему это, батюшка, у васъ дѣти изъ школы не поютъ за обѣдней?

— Да видите-ли: у учительницы ни слуха, ни голоса нѣтъ; мнѣ самому некогда, все со ссудами вожусь, а дьячку теперь не до этого!

На чудесной тройкѣ, передъ обѣдомъ, прилетѣлъ ко мнѣ, съ малиновымъ звономъ и бубенцами, нашъ становой приставъ. Оказалось, что вскорѣ долженъ былъ пріѣхать въ мою усадьбу офицеръ, командированный для провѣрки конской переписи, и становой условился съ нимъ съѣхаться у меня. Становой жаловался на неимовѣрную тяжесть службы: въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго-Креста, онъ ежедневно долженъ самолично выдавать нуждающимся вѣсомъ муку, и кромѣ того онъ завѣдуетъ тремя столовыми. „Вѣрите ли, дышать некогда“, распинался онъ предо мной, широко разглаживая свои лихіе усы. Какъ ни старался я узнать отъ станового—гдѣ истинная нужда и гдѣ бы я могъ посмотрѣть на цинготныхъ больныхъ, все же не могъ добиться опредѣленнаго отвѣта. Въ разговорахъ проходило время, а обѣщанный офицеръ не пріѣзжалъ. Когда мы сѣли обѣдать, то становой высказалъ мнѣ свое предположеніе, что офицеръ, вѣроятно, остался обѣдать въ Мульнѣ у Серебрянаго.—Кто это Серебряный?—полюбопытствовалъ я.

— Это мульнинскій волостной писарь, хлѣбосолъ замѣчательный, живетъ бариномъ — ѣстъ и пьетъ отлично. Ну, отъ него,—добавилъ приставъ:—господинъ офицеръ не скоро выскочитъ. Серебряный накормитъ его на славу.

Хлѣбосольствомъ Серебрянаго пользовались всѣ мѣстные, уѣздные чиновники, останавливаясь у него для отдыха и игры въ карты. Его полная чаша въ квартирѣ волостного правленія была олицетвореніемъ пира среди чумы. Серебряный пировалъ и благоденствовалъ среди общаго недорода, цинги и безкормицы. Предположеніе станового оправдалось: офицеръ пріѣхалъ поздно вечеромъ и восхищался любезнымъ пріемомъ Серебрянаго.

На слѣдующій день былъ базаръ въ большомъ сосѣднемъ отъ меня селѣ. Мимо моихъ оконъ, послѣ обѣда, сплошною вереницей потянулись сотни крестьянскихъ возовъ съ купленнымъ на базарѣ лѣсомъ и всякаго рода товаромъ; большинство возвращавшихся было хорошо одѣто и сильно „выпивши“. Непре-

рывная веселая русская пѣсня, пересыпаемая крикомъ и бранью, на разные лады и тоны широко разливалась по большой дорогѣ, замирая въ цвѣтущихъ лугахъ и зеленѣющей нивѣ...

Поѣхалъ я смотрѣть свои поля. Густая и высокая рожь колосилась; овесъ какъ бархатъ сплошь застилалъ яровое поле. На крестьянскомъ надѣлѣ урожай былъ далеко хуже моего. Поздно выданное для посѣва, либо дурно всхожее зерно дало рѣдкій и тощій колосъ. Въ яровомъ на каждомъ шагу попадались незасѣянныя крестьянскія полосы, сплошь покрытыя сорными травами; яровыхъ сѣмянъ многимъ не досталось на посѣвъ. Въ общемъ же предвидѣлся тучный и богатый урожай; вмѣстѣ съ пріятнымъ чувствомъ онъ наводилъ на грустное сомнѣніе—найдетъ ли этотъ урожай достаточно могучихъ, нравственно не подорванныхъ силъ для своего сбора?

Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ деревню, ко мнѣ пріѣхалъ, провѣдать меня, нашъ земскій начальникъ. Я зналъ его въ былыя времена въ Петербургѣ гвардейскимъ офицеромъ, молодымъ, беззаботнымъ танцоромъ и весельчакомъ. Дорогая столичная жизнь довела его до необходимости пойти въ земскіе начальники, во имя чего онъ переселился въ сосѣднее съ моимъ имѣніемъ большое село, откуда онъ судилъ, рядилъ и командовалъ своимъ участкомъ. Не сойдясь по воспитанію и выдержкѣ съ мелкимъ чиновничествомъ, онъ велъ жизнь уединенную, разбиралъ дѣла массами, не становясь ни передъ чѣмъ въ тупикъ, рѣшеній своихъ никогда не мотивировалъ и писалъ съ военнымъ лаконизмомъ. Единственнымъ развлеченіемъ его было раскладываніе пассіансовъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. По умственному кругозору онъ олицетворялъ собой идею абсолютной благонадежности.

За обѣдомъ, мы вспомнили петербургское былое; не обошлось безъ упоминаній о золотоволосой Сюзетъ, о черномазой Кадуджѣ, и о многомъ другомъ въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда, мы вооружились сигарами и за чашкою кофе, комфортабельно усѣлись въ тѣни балкона, окруженнаго зеленью.

— Скажите мнѣ,—обратился я къ земскому начальнику,—отчего за послѣднее время у насъ на Руси появляются постоянныя, перемежающіяся голодовки?

— Очень просто,—залпомъ отвѣчалъ онъ мнѣ: земство набаловало крестьянъ; они не удобряютъ и плохо обработываютъ почву и не собираютъ хлѣбъ въ запасные магазины.

— Чѣмъ же виновато земство въ продовольственномъ вопросѣ? —допытывался я.

— Помилуйте!—безъ запинки отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ:—земство кругомъ виновато! Оно съ небреженіемъ всегда относилось къ запаснымъ магазинамъ, въ большинствѣ случаевъ замѣняло ихъ денежнымъ сборомъ. Кромѣ того, земство могло серьезно обставить продовольственное дѣло, имѣя возможность регулировать его своими обязательными постановленіями; однакожъ за 29 лѣтъ своего существованія, ни одно земство не подвинуло этого дѣла ни на шагъ...

Не желая оспаривать установившихся воззрѣній земскаго начальника, я только вскользь замѣтилъ ему, что земства, при ихъ ограниченныхъ средствахъ и при отсутствіи исполнительной власти, поставлены были въ невозможность чѣмъ-либо помочь въ продовольственномъ дѣлѣ въ первый разъ въ 1892 году, а затѣмъ это дѣло всецѣло перешло въ руки правительства.

Но земскій начальникъ не унимался; онъ громилъ земскія учрежденія, указывалъ на необходимость передачи всего продовольственнаго дѣла въ руки одного сильнаго администратора, могущаго, по мановенію руки, передвигать хлѣбъ изъ всѣхъ сельскихъ магазиновъ имперіи въ то мѣсто, гдѣ обнаружится голодовка. Онъ трактовалъ о необходимости сосредоточить въ провинціяхъ продовольственные вопросы въ рукахъ губернаторовъ и въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. Въ концѣ концовъ выходило, что сельскіе продовольственные магазины и общественныя запашки должны были спасти Россію отъ голодовокъ.

Зная на практикѣ, что̀ такое сельскіе общественные магазины, я волей-неволей долженъ былъ раскрыть глаза моему увлекающемуся собесѣднику.—Знаете ли, въ какомъ видѣ,—сказалъ я,—земство застало сельскіе продовольственные магазины? Большинство ихъ состояло изъ старыхъ, дырявыхъ зданій, съ текущими крышами и полами, зданій, наполненныхъ тысячами крысъ и мышей. Запасы числились лишь по записямъ, а если и былъ тамъ хлѣбъ—то негодный и невсхожій. Суды были переполнены дѣлами о растратахъ хлѣба изъ магазиновъ, совершенныхъ смотрителями магазиновъ, старостами и старшинами.

— Однако,—возражалъ мнѣ земскій начальникъ:—благодаря позднѣйшимъ мѣропріятіямъ со стороны администраціи, теперь въ Россіи числится такихъ магазиновъ на 46 милліоновъ рублей. Съ этимъ нельзя не считаться!..

— Если пользу существованія и дальнѣйшаго распространенія магазиновъ вы будете доказывать ихъ денежной стоимостью,—отвѣчалъ я:—то при подобной аргументаціи едва ли намъ стоитъ

дальше говорить объ этомъ... Скажу лишь одно: если есть хорошіе магазины, то ихъ всегда можно продать съ небольшой скидкою; если же они плохи, то лучше всего продать ихъ на дрова...

— Вы забываете, что продовольственные магазины особенно необходимы,—сказалъ мнѣ земскій начальникъ:—на первое время нужды, когда нѣтъ еще помощи свыше.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—такая помощь вовсе не нужна, такъ какъ недородъ и голодовка всегда извѣстны въ серединѣ лѣта, когда имѣются частные запасы хлѣба, и когда передвиженія его возможно сдѣлать быстро, какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и по судоходнымъ рѣкамъ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы о нашихъ неурожаяхъ своевременно знали тѣ, кому вѣдать это надлежитъ...

— Значитъ, вы совсѣмъ отрицаете пользу сельскихъ общественныхъ магазиновъ? — съ ужасомъ, вперивъ въ меня глаза, воскликнулъ земскій начальникъ.

— Представьте себѣ,—безусловно отрицаю. Прежде всего потому, что сборъ хлѣба въ общественныхъ магазинахъ есть подневольная работа. Хлѣбъ, собранный сюда, всегда дурного качества, такъ какъ крестьянинъ, отдавая чуть не изъ подъ палки свое добро, всегда руководствуется поговоркой: „на тебѣ, Боже,—что мнѣ негоже“. Сберегать хлѣбъ въ общественныхъ магазинахъ невозможно — прежде всего потому, что некому его беречь и некому его провѣтривать и просушивать. При первомъ удобномъ случаѣ, изъ магазина, провертѣвъ дыру въ полу, воруютъ хлѣбъ крестьянскій жуликъ и пропойца. При общей нуждѣ въ хлѣбѣ, весь міръ предпринимаетъ походъ на магазинъ и, взявъ пожарные багры, вмѣстѣ съ сотскими и десятскими, разбиваетъ ворота общественнаго амбара и по душамъ разбираетъ хлѣбъ, считая его за собственный запасный рессурсъ. Въ результатѣ—масса уголовныхъ процессовъ, дорого стоющихъ казнѣ и ничѣмъ не оканчивающихся для обвиняемыхъ. Я понимаю продовольственные магазины, основанные на подобіе элеваторовъ, въ мѣстностяхъ обширнаго хлѣбнаго сбора, на хлѣбныхъ пристаняхъ и узлахъ желѣзныхъ дорогъ. Сборъ хлѣба въ подобные районные магазины долженъ быть основанъ на принципѣ свободной торговли, а не на подневольномъ трудѣ. Правительство или земства могли бы открывать подобные магазины и, скупая при обширныхъ урожаяхъ и низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ дешевое зерно, продавали бы его или ссужали по своей цѣнѣ нуждающимся. Тогда правительство и земство, затративъ большія сред-

ства на покупку хлѣба, очевидно озаботились бы, чтобы зданія магазиновъ были надлежащимъ образомъ выстроены и во-время ремонтированы, чтобы хлѣбъ былъ сухимъ и чисто подсѣяннымъ, во-время провѣтриваемъ и подсушиваемъ, и чтобы магазины были охраняемы отъ всякихъ посягательствъ и хищеній. Такіе районные магазины были бы дѣйствительно полезны для правительства и земства, такъ какъ, регулируя цѣны на хлѣбъ, они давали бы возможность правительству имѣть имперскій продовольственный запасъ въ натурѣ, причемъ этотъ запасъ могъ быть всегда направляемъ своевременно въ мѣстности недорода хлѣба и служилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ для цѣлей интендантства.

— Разъ вы отрицаете подневольный трудъ — вставилъ разгорячившійся земскій начальникъ: — вы должны идти дальше и должны отрицать общинное владѣніе, круговую поруку и даже общественныя запашки?

— Вы совершенно правы, — спокойно отвѣтилъ я. — Я отрицаю всякую опеку надъ крестьянствомъ, такъ какъ знаю, что всѣ донынѣ исторически существовавшія опеки надъ крестьянскимъ сословіемъ повели къ очень печальнымъ результатамъ. Не даромъ составители „Положеній 19 февраля“ допускали лишь на первыхъ порахъ особыя формы гражданско-правовыхъ отношеній и самоуправленія крестьянъ. Затѣмъ, предвѣщали они, въ силу естественнаго хода вещей, путемъ постепенныхъ законодательныхъ мѣропріятій, должна быть устранена изолированность крестьянскаго сословія, и оно должно слиться со всѣми другими сословіями въ государствѣ — на почвѣ общихъ административныхъ учрежденій и общихъ гражданскихъ законовъ. Но, однако, какъ глубоко ошиблись государственные умы того времени, допустивъ для крестьянства возможность имѣть до извѣстной поры общинное владѣніе и круговую поруку въ области податныхъ законовъ. Разъ эта ошибка произошла, то, какъ ошибка при сооруженіи фундамента отражается на неправильности постройки всего зданія, такъ и эта коренная ошибка отразилась на всей постановкѣ крестьянскаго быта въ нашемъ отечествѣ. Общинное владѣніе повлекло за собою дурную обработку полей, а круговая порука — убила всякую охоту крестьянина къ земледѣлію. Онъ не унаваживаетъ своей полосы, зная, что черезъ нѣсколько лѣтъ эта полоса отойдетъ по передѣлу другому; ему нѣтъ охоты выбиваться изъ силъ и обработывать урожай, такъ какъ — за недоимки съ его пьянаго и лѣниваго односельца — результаты трудовъ его будутъ проданы съ молотка. Крестьянинъ, просто-напросто, пересталъ любить землю, такъ какъ земля эта — не его,

а мірскаи. Иное дѣло подворный владѣлецъ: онъ и теперь, будучи стѣсненъ въ административномъ и судебномъ своемъ строѣ, все-таки сравнительно благоденствуетъ передъ общинникомъ. При такомъ положеніи вещей, вы толкуете объ общественныхъ запашкахъ—вѣдь это, по меньшей мѣрѣ, наивно. Гдѣ вы найдете свободныя земли для общественной пашни, а главное, гдѣ вы найдете достаточныя силы, чтобы заставить крестьянъ работать. Повторится обычная исторія: цѣлыя общества придется привлекать къ уголовной отвѣтственности за сопротивленіе властямъ, или будутъ, изнывая отъ труда, работать одни лишь тихіе труженики, а лѣнтяи и міроѣды всегда уклонятся отъ работы. Вмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами облегчить переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, вы рекомендуете общественныя запашки; а знаете ли, что ваша общественная запашка есть не болѣе какъ одна изъ заплатокъ на плохомъ кафтанѣ нашего своеобразнаго крестьянскаго управленія!..

Желая поставить меня въ тупикъ, земскій начальникъ съ торжествующимъ видомъ поставилъ мнѣ въ упоръ вопросъ:—Какіе же продовольственные законы и мѣры рекомендовали бы вы?

— Я могъ бы вамъ отвѣтить, что никакихъ законовъ тутъ не нужно; это экономически торговый пріемъ, легко выполнимый нашимъ министерствомъ финансовъ:—купить дешевый хлѣбъ, вовремя доставить въ неурожайную мѣстность и продавать его за деньги, или подъ поручительство земства, неимущимъ—вотъ и все; но я лучше отвѣчу вамъ словами одного рязанскаго губернскаго гласнаго изъ крестьянъ. Когда въ рязанскомъ губернскомъ собраніи обсуждался рядъ мѣръ, могущихъ служить къ поднятію благосостоянія крестьянскаго сословія, то, послѣ очень продолжительныхъ преній, всталъ съ мѣста этотъ гласный и просилъ слова. Въ залѣ водворилась полная тишина, всѣ навострили уши. Тогда онъ низко поклонился и произнесъ приблизительно слѣдующее:—„Великое вамъ, господа, спасибо, что вы такъ милостивы къ намъ—крестьянамъ. Ужъ такъ много вы о насъ заботитесь и хлопочете, что мы, право, не знаемъ, чѣмъ заслужили вашу доброту и какъ намъ благодарить васъ. Видно, что вы насъ больно любите,—дай вамъ Богъ за это здоровья и многолѣтія... Только мы, крестьяне, просимъ васъ объ одномъ: оставьте насъ въ покоѣ, дайте намъ самимъ вести свои дѣла; мы думаемъ, что если вы меньше о насъ будете думать и хлопотать—намъ будетъ все-таки лучше, чѣмъ теперь!“

— Вотъ вамъ и благодарность отъ народа, за который вы такъ ратуете!—вставилъ свою реплику мой собесѣдникъ.

— Милый другъ, въ словахъ гласнаго-крестьянина—цѣльная народная логика и программа для правильнаго разрѣшенія тѣхъ запутанныхъ вопросовъ, съ которыми такъ трудно справляются въ Петербургѣ, въ департаментскихъ кабинетахъ. Со времени введенія „Крестьянскаго Положенія“ сколько потрачено ума, труда, времени и бумаги на правильную постановку крестьянскаго управленія, на улучшеніе быта крестьянъ, на созданіе лучшаго административнаго и судебнаго крестьянскаго порядка, на выработку новаго продовольственнаго закона для крестьянъ, и пр., и пр.—а между тѣмъ положеніе крестьянъ изъ года въ годъ становится все хуже и хуже; онъ не знаетъ, гдѣ найти ему начальство, гдѣ найти правосудіе; онъ весь запутанъ, какъ въ лѣсу, среди своей и общей полиціи, среди волостныхъ порядковъ и судовъ и земскихъ начальниковъ, губернскихъ присутствій и т. д. Въ этой мутной водѣ одинъ ближайшій совѣтникъ и руководитель—это волостной писарь, это—тотъ Серебряный, который благоденствуетъ въ вашемъ мульнинскомъ волостномъ правленіи. Снимите съ крестьянина опеку, перестаньте водить его на помочахъ, оставьте его въ покоѣ, и вы не замедлите увидѣть, какими быстрыми шагами онъ пойдетъ впередъ...

— Какъ это возможно сдѣлать?—поражался земскій начальникъ.

— Да очень просто. Крестьянинъ—такой же человѣкъ, какъ и мы съ вами; сравняйте его съ прочими сословіями, надѣлите его собственнымъ участкомъ земли, сдѣлайте всѣхъ подворными владѣльцами, дайте ему одинаковое административное и судебное управленіе со всѣми прочими гражданами—и вы убѣдитесь, что онъ самъ станетъ заботиться о себѣ и о своей семьѣ; онъ отлично обработаетъ свою пашню; онъ снова полюбитъ свою землю; онъ уплатитъ всѣ повинности; онъ обойдется безъ ссудныхъ продовольственныхъ подачекъ и филантропическихъ кормёжекъ.

— Никогда!—запальчиво прервалъ меня земскій начальникъ. —Если хотите знать правду, такъ я вамъ скажу: крестьяне такъ деморализированы даровыми подачками, безвозвратными ссудами и широкимъ подаяніемъ, что заставить ихъ работать нѣтъ никакой возможности. Вся эта такъ называемая „трудовая помощь“ есть идеализація—и больше ничего. Я заваленъ жалобами на то, что крестьяне не работаютъ по условіямъ. Кругомъ всѣ землевладѣльцы жаждутъ рабочихъ, предлагаютъ двойную, тройную поденную плату—но никто работать нейдетъ. Зачѣмъ за-

трачивать деньги на общественныя работы, когда они не хотятъ работать, и безъ труда на нихъ сыплется манна небесная!

— Вы совершенно правы,—замѣтилъ я ему.—Крестьянство своимъ общиннымъ владѣніемъ, круговой порукой, отдѣльнымъ административнымъ и судебнымъ управленіемъ и, наконецъ, даровыми подачками—деморализировано въ конецъ, дальше идти некуда... Вотъ почему пора, наконецъ, бросить старый ложный путь и пойти по пути, намѣченному, какъ я уже говорилъ вамъ, составителями „Положенія 19 февраля", то-есть, по пути полнаго уравненія крестьянъ съ прочими сословіями.

— Иначе говоря, — не безъ юмора произнесъ земскій начальникъ:—надо похерить насъ, земскихъ начальниковъ?

— Зачѣмъ васъ херить,—васъ надо преобразить, по моему мнѣнію, въ выборныхъ всесословныхъ волостныхъ старшинъ.

— Нѣтъ ужъ, слуга покорный, я въ волостные старшины не пойду. Извините...

— Напрасно! Если волость будетъ первой низшей, земской единицей, въ коей сосредоточиваться будутъ всѣ интересы землевладѣльцевъ всѣхъ сословій—по крайней мѣрѣ трехъ теперешнихъ волостей, то почему же порядочнымъ людямъ не баллотироваться въ всесословные старшины, тѣмъ болѣе, что они могутъ быть оплачиваемы не меньше того, что̀ вы получаете теперь. Чѣмъ кормить разныхъ Серебряныхъ, всякій волостной сходъ охотнѣе заплатитъ честному и образованному старшинѣ. Земство же съ охотою снова возьметъ на себя содержаніе мировыхъ судей—только бы снова добиться до правильнаго правосудія, равноправнаго для всѣхъ.

На этомъ разговоръ нашъ былъ прерванъ вошедшимъ слугою, доложившимъ, что ужинъ поданъ. Бесѣда наша затянулась, незамѣтно для насъ обоихъ, до полуночи. Кругомъ наступила свѣтлая іюньская ночь, тихая, ароматическая, полная свѣжести.

За ужиномъ, языкъ земскаго начальника развязался; онъ пообавилъ своей благонадежности и сталъ даже, по русскому обычаю, бранить нѣкоторые порядки.—Помилуйте!—не безъ пафоса говорилъ онъ мнѣ:—полный недородъ хлѣбовъ и травъ былъ всѣмъ извѣстенъ до начала іюля прошлаго года, а хлѣбъ стали доставлять въ октябрѣ—по неволѣ онъ замерзъ на Волгѣ. Лошадей прислали такихъ, что, видимо, не кормили ихъ всю дорогу; онѣ и дохли, не дойдя до мѣста назначенія. Много было сапатыхъ... Губернское совѣщаніе строжайше требуетъ съ насъ опредѣленія степени нужды по наличному составу населенія въ началѣ сентября, а потомъ чуть не привлекаютъ насъ къ отвѣтственности

за то, что не были включены нами тѣ, которые въ октябрѣ вернулись изъ отхожихъ промысловъ. Да и что это за губернское совѣщаніе—одни чиновники, живущіе въ городѣ. Что могутъ они знать про нужду крестьянъ!..—Сильно подтрунивалъ земскій начальникъ надъ частной благотворительностью. — Тутъ, —говорилъ онъ,—кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Въ одной деревнѣ, пришедшейся по вкусу благотворителю, а особенно дамѣ-благотворительницѣ, кормили всѣхъ до отвалу, дарили безъ разбору лошадьми и коровами, поили въ накладку чаемъ, надѣляли кофтами и пиджаками, а рядомъ не было никакой помощи.—Нѣтъ, —кончилъ онъ,—такіе порядки невозможны! Тутъ надо было дѣйствовать по нашему, по военному. Все надобно было поручить одному широко уполномоченному лицу, съ огромными правами, подчинивъ ему всѣ мѣстные органы и всю благотворительность; тогда борьба съ недородомъ обошлась бы безъ жертвъ, безъ злоупотребленій и не стоила бы правительству и народу такъ дорого.

Мы разстались поздно; уже утренняя заря вступила въ свои права; вся природа какъ бы проснулась; запѣли птички; ярко зеленѣли деревья; дышалось отрадно полною грудью. Издали доносилось дребезжаніе колокольчика удалявшагося земскаго начальника.

Утомленный до крайности продолжительнымъ разговоромъ, я поспѣшилъ лечь спать. Но не тутъ-то было,—сонъ не давался мнѣ, и меня душилъ какой-то кошмаръ. Я сознавалъ, что я не сплю, а между тѣмъ мысли мои путались, одолѣвая меня ложными представленіями. То чудилось мнѣ, что я—предсѣдатель земской управы и что у меня отобраны всѣ земскія дѣла и обязанности. Школы перешли къ дьячкамъ, медицина—къ врачебному инспектору, пути сообщенія—къ инженерамъ, продовольственное дѣло—къ исправнику. Я пріѣзжаю, будто, каждое 20-е число въ управу, а въ остальное время занимаюсь писаніемъ адресовъ на пакетахъ; но оказывается, что и 20-го числа пріѣзжать въ управу не стоитъ, такъ какъ касса управы давно пуста, и жалованья платить нечѣмъ. То мерещилось мнѣ, что я—крестьянинъ, и строгій земскій начальникъ тащитъ меня работать на общественной запашкѣ; я волнуюсь, сопротивляюсь, но земскій начальникъ созываетъ волостной судъ, который приговариваетъ меня къ 20-ти ударамъ розогъ или къ угощенію міра 6-ю ведрами водки. У меня нѣтъ денегъ на водку, и меня торжественно раскладываютъ; взвивается розга... и я просыпаюсь весь въ холодномъ поту, съ судорожно сжатымъ горломъ...

Въ деревнѣ я прожилъ еще три недѣли. Насколько радовала меня окружающая чудная природа съ роскошнымъ урожаемъ, настолько выводила изъ терпѣнія вся остальная деревенская обстановка съ ея новыми порядками. Годовые рабочіе, вопреки условію, разошлись отъ меня по домамъ. Прошеніе моего приказчика о нарушеніи рабочими договора назначено къ слушанію только въ декабрѣ мѣсяцѣ. Навозъ изъ скотнаго двора остался невывезеннымъ, такъ какъ поденщиковъ ни за какія деньги не нашли. Сѣнокосъ пришлось сдать исполу. Дьячокъ продолжалъ „благодѣйствовать“ и подарилъ прекрасную лошадь сельскому кузнецу, который, „за ненадобностью“, промѣнялъ ее на водку нашему цѣловальнику. Въ Петровъ-день кругомъ было такое повальное пьянство, что я порѣшилъ скорѣе бросить все и бѣжать изъ деревни. Провожающій меня приказчикъ съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ: „Кто-то у насъ хлѣбъ соберетъ, баринъ!..“

На роскошномъ пароходѣ плылъ я внизъ по широкой Волгѣ; всюду на пристаняхъ, точно во время войны и холеры, мнѣ попадались врачи, санитарные отряды, сестры милосердія съ ихъ красными крестами на бѣлыхъ фартухахъ. Въ Симбирскѣ сѣлъ къ намъ на пароходъ гвардейскій кавалерійскій офицеръ, загорѣлый, утомленный, весь покрытый пылью. Видимо, что онъ давно не ѣлъ, такъ какъ, тотчасъ по своемъ приходѣ, заказалъ себѣ нѣсколько порцій кушанья, которыя онъ глоталъ съ изумительнымъ аппетитомъ. Простой въ обращеніи и общительный, онъ самъ познакомился со мной, причемъ изъ разговора я узналъ, что онъ былъ уполномоченный Краснаго-Креста, для оказанія помощи въ самарской и уфимской губерніяхъ. Бесѣдуя съ нимъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ, я убѣдился, что имѣю дѣло съ человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ, практичнымъ и гуманнымъ. Лучшаго организатора благотворительной помощи для народа едва ли можно было бы найти. Въ каждомъ его словѣ дышала сердечная, неподдѣльная нота любви и жалости къ нашему крестьянину. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своихъ помощниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ организовали правильную сѣть благотворительныхъ учрежденій по всему ввѣренному имъ району. Сѣть эта стягивалась къ центру — именно къ городу Самарѣ, откуда мой новый знакомый, какъ опытный командиръ руководилъ всѣмъ дѣломъ, объединялъ всю помощь въ своихъ мощныхъ и разумныхъ рукахъ. Благодаря своей твердой и неуклонной волѣ, онъ повернулъ обѣ губерніи на свой ладъ, не давая никому вмѣшиваться въ излюбленное и порученное ему дѣло. Теперь онъ разъѣзжалъ по всему своему району для провѣрки

хода дѣла, что онъ производилъ ежемѣсячно, и въ зимнюю стужу, и въ весеннюю распутицу, и въ знойное и пыльное лѣто...

Свѣтало. Восходящее солнце изъ-за волжскихъ луговъ золотило своими лучами верхушки вѣковыхъ сосенъ грандіознаго обрывистаго берега знаменитыхъ Жигулевскихъ горъ. Зеркально спокойную и величавую Волгу мѣрно и шумно разбивали колеса нашего парохода, оставляя за собой длинный хвостъ пѣнящихся и бушующихъ волнъ. Я открылъ окно своей каюты и, жадно вдыхая свѣжесть утренняго воздуха, любовался на причудливые узоры известковыхъ обрывовъ „Жигулей", сплошь поросшихъ всевозможными породами лѣса. Волны отъ нашего парохода нарушали торжественный покой великой русской рѣки. Широко разливаясь по песчаному берегу, одна волна за другой быстро набѣгали валами и разбивались, съ шумомъ и брызгами, о каменистые утесы обрывистаго берега...

С. В. Д—ко.

Казань.—1899 г.

ЖИЛИЩА РАБОЧИХЪ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ

къ ихъ улучшенію.

Въ очень давнія времена господствовало воззрѣніе, что гигіена существуетъ только для богатыхъ и достаточныхъ людей, и что объ ея существованіи для бѣдныхъ не можетъ быть и рѣчи. Но мало-по-малу въ культурныхъ странахъ началò возникать сознаніе, что подобный взглядъ ведетъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, которыя могутъ погубить цѣлый народъ и довести его до вырожденія. Тогда чувство самохраненія заставило изыскивать средства для улучшенія положенія бѣднаго населенія въ гигіеническомъ отношеніи. Разработка научныхъ вопросовъ, касающихся народнаго здравія, показала, что прежнее воззрѣніе—доступность гигіены только богатымъ и достаточнымъ—далеко не соотвѣтствуетъ истинѣ; что роскошный столъ и великолѣпныя палаты вовсе не представляются необходимыми для сохраненія здоровья, такъ какъ, обладая скромными средствами, можно обставить свою жизнь удовлетворительно въ гигіеническомъ отношеніи.

Разъ въ общество проникла подобная мысль, и оно начало дѣлать попытки улучшить положеніе бѣднаго населенія при помощи разныхъ мѣръ,—появилась и потребность въ законахъ, стремящихся охранять народное здравіе отъ различныхъ вредныхъ условій. Наука, постепенно развиваясь, открываетъ новыя истины,

разрушаетъ прежнія воззрѣнія и указываетъ на необходимость иныхъ мѣропріятій для охраненія народнаго здравія, на необходимость изданія новыхъ законовъ. Потому правительствамъ время отъ времени приходится отмѣнять прежнія свои постановленія и издавать новыя, болѣе соотвѣтствующія современнымъ требованіямъ науки.

Вопросъ о жилищѣ въ разныя времена разсматривался неодинаково. Прежде, если бѣднота селилась въ какихъ-нибудь конурахъ, въ подвалахъ, находящихся глубоко въ землѣ, лишенныхъ свѣта и воздуха, то это считалось совершенно нормальнымъ:—гдѣ же бѣднотѣ и жить, какъ не въ глубокой норѣ? Потому на устройство жилищъ, особенно предназначенныхъ для неимущихъ классовъ, не обращалось никакого вниманія, и каждый строилъ домъ по своему усмотрѣнію. Теперь въ культурныхъ странахъ это сдѣлалось немыслимымъ, и при возведеніи зданій необходимо выполненіе извѣстныхъ требованій. Общегосударственные законы и мѣстныя обязательныя постановленія регулируютъ постройку домовъ, которые должны удовлетворять существующимъ воззрѣніямъ на санитарныя условія. Регулируется освѣщеніе жилыхъ помѣщеній дневнымъ свѣтомъ, ширина улицъ, водоснабженіе, удаленіе нечистотъ и домашнихъ отбросовъ, устройство жилыхъ подваловъ и т. д. Такимъ образомъ достигается улучшеніе жилищъ не только достаточныхъ людей, но и бѣднаго населенія. Если сравнить, напр., подвалъ, который прежде считался пригоднымъ для жилья, съ тѣмъ, который обязательно строить теперь, то мы найдемъ между ними громадную разницу. Въ очень недавнія времена отсутствіе свѣта и воздуха въ жиломъ подвалѣ разсматривалось какъ необходимая принадлежность. Въ настоящее же время въ разныхъ странахъ законъ ставитъ обязательнымъ требованіемъ, чтобы свѣтъ и воздухъ попадали туда въ достаточномъ количествѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія, для приложенія законовъ къ жизни необходимо, чтобы само общество прониклось сознаніемъ ихъ полезности. Но, съ другой стороны, самый законъ можетъ служить способомъ, пробуждающимъ общественное сознаніе, и облегчать населенію дѣятельность въ извѣстномъ направленіи. Потому своевременное изданіе законовъ, стремящихся къ охраненію народнаго здравія, имѣетъ важное значеніе въ практическомъ отношеніи.

I.

Вопросъ объ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія особенно новъ въ Россіи. Онъ началъ обращать на себя вниманіе только за послѣднее время, но, несмотря на это, онъ возбуждаетъ у насъ живой интересъ.

Въ разныхъ русскихъ городахъ производятся попытки какъ выяснить существующее положеніе жилищъ бѣдноты, такъ и способы, при помощи которыхъ можно улучшить ихъ. Не говоря уже о такихъ большихъ центрахъ, какъ Петербургъ и Москва, даже небольшіе, какъ Черниговъ (27.000 жителей), занялись вопросомъ объ улучшеніи жилищъ. Изслѣдованія показываютъ, что состояніе жилищъ бѣдноты въ провинціи представляется очень печальнымъ и вопросъ объ улучшеніи—очень жгучимъ.

За послѣднее время, въ Черниговѣ было произведено изслѣдованіе жилыхъ подваловъ. Найденные факты показываютъ, что тамъ существуетъ много помѣщеній, которыя могутъ перещеголять столицы своими антисанитарными условіями.

Изслѣдованіе черниговскихъ подваловъ было сдѣлано во время переоцѣнки недвижимости. При помощи особыхъ карточекъ переписчики собирали о нихъ свѣдѣнія. Тамъ нашлось 252 жилыхъ подвала, 105 каменныхъ и 47 деревянныхъ. 72-а изъ нихъ были заняты кухнями, 138—квартирами, 9—мастерскими. Остальные имѣли смѣшанный характеръ, и были заняты мастерскими, кухнями и квартирами. 33-и подвала пустовали. Въ остальныхъ помѣщались 1.159 чел. Въ Черниговѣ считается около 27.000 жителей, слѣдовательно 4,2% всего населенія живетъ въ подвалахъ,—приблизительно столько же, какъ въ Петербургѣ (5,1% —по переписи 1890 г.).

Въ 36 черниговскихъ подвалахъ окна были расположены ниже уровня улицъ. Пятнадцать подваловъ первоначально были устроены для погребовъ, но затѣмъ превратились въ жилища. Въ дѣйствительности подобныхъ подваловъ было гораздо больше, но хозяева и квартиранты скрыли это. Въ одномъ подвалѣ полъ оказался асфальтовымъ, въ одномъ—бетоннымъ, въ 33—каменнымъ, въ 203—деревяннымъ и въ 14—земляннымъ.

Переписчики отмѣтили 145 подвальныхъ помѣщеній удовлетворительными, 92—неудовлетворительными, и 15—совсѣмъ негодными для жилья. По поводу подобныхъ отмѣтокъ общество черниговскихъ врачей, которое занималось вопросомъ о подвалахъ, замѣчаетъ, что найденную удовлетворительность надо понимать

весьма относительно. Одинъ подвалъ при еврейской молельной школѣ отмѣченъ удовлетворительнымъ. Между тѣмъ тамъ существуетъ шесть квартиръ, съ населеніемъ въ 29 челов., которыя расположены по обѣ стороны темнаго, сырого, съ земляннымъ поломъ корридора. 2—3 года тому назадъ, городская санитарная коммиссія осматривала этотъ подвалъ и одну квартиру признала совсѣмъ непригодною для жилья. Несмотря на это, въ ней живутъ до сихъ поръ. Переписчики отмѣтили данный подвалъ удовлетворительнымъ на основаніи свидѣтельства большинства квартирантовъ, которые заявили, что они живутъ тамъ давно и довольны своимъ помѣщеніемъ. Другой подвалъ, деревянный, съ насквозь прогнившими стѣнами, былъ отмѣченъ невполнѣ удовлетворительнымъ. Два года тому назадъ, по постановленію мирового судьи и уѣзднаго съѣзда, онъ былъ закрытъ для жилья. Но въ немъ живутъ до сихъ поръ.

111 черниговскихъ подваловъ были углублены въ землю болѣе, нежели на два аршина. Изъ нихъ 39—болѣе нежели на 3 аршина; иными словами, жилища находились совсѣмъ въ землѣ.

По отношенію къ сухости, большинство подваловъ оказалось неудовлетворительнымъ.

Подобнаго рода факты показываютъ, что необходимы общегосударственныя мѣры, которыя способствовали бы улучшенію жилищъ во всей Россіи. За границей мы находимъ вездѣ соотвѣтственные законы.

II.

Во Франціи, въ 1894 г., былъ изданъ законъ, который въ каждомъ департаментѣ создаетъ одинъ или болѣе комитетовъ дешевыхъ жилищъ. Комитеты должны поощрять постройку дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ отдѣльными лицами или компаніями, съ цѣлью продавать или сдавать ихъ рабочимъ и служащимъ, не имѣющимъ своихъ собственныхъ домовъ и существующимъ исключительно только своимъ заработкомъ, или помогать имъ въ постройкѣ ихъ для личнаго ихъ употребленія.

Комитеты имѣютъ право производить изслѣдованія, устанавливать архитектурные конкурсы, выдавать награды за порядокъ и чистоту и вообще употреблять различныя средства, чтобы побудить частную инициативу къ постройкѣ и улучшенію дешевыхъ жилищъ.

Въ связи съ министерствомъ промышленности и торговли

законъ учредилъ высшій совѣтъ дешевыхъ жилищъ, въ вѣдѣніи котораго находится все, относящееся къ нимъ.

Бельгійскій законъ 1889 г. также учреждаетъ въ каждомъ правительственномъ округѣ одинъ или болѣе попечительныхъ комитетовъ, которые обязаны: 1) Способствовать постройкѣ, продажѣ или сдачѣ внаймы рабочимъ здоровыхъ жилищъ за наличныя деньги или за ежегодный взносъ. 2) Изучать все то, что относится къ санитарному положенію домовъ, занятыхъ рабочими, и кварталовъ, населенныхъ преимущественно ими. 3) Способствовать развитію ссудосберегательныхъ кассъ, кассъ взаимной помощи и пенсіоннаго фонда.

Мѣстные комитеты выдаютъ преміи за чистоту и порядокъ въ жилищахъ и бережливость. Для этой цѣли они имѣютъ право принимать пожертвованія отъ различныхъ лицъ или по завѣщанію, а также и субсидіи отъ городскихъ властей. Комитеты имѣютъ право наблюдать за санитарнымъ положеніемъ жилищъ рабочихъ и тѣхъ кварталовъ, гдѣ послѣдніе живутъ въ большомъ количествѣ. Они занимаются статистикой, выясняющей условія, существующія въ жилищахъ рабочихъ, и указываютъ средства для ихъ улучшенія. Они могутъ производить изслѣдованія жилищъ рабочихъ съ согласія ихъ обитателей. Если при изслѣдованіи окажется, что помѣщеніе находится въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, члены комитета имѣютъ право давать квартирантамъ, арендатору или домовладѣльцу, совѣты и указанія, что надо сдѣлать для ихъ устраненія. Въ случаѣ невозможности улучшить жилище подобными мѣрами, комитеты обращаютъ на него вниманіе мѣстныхъ властей. Попечительные комитеты предлагаютъ общиннымъ или провинціальнымъ властямъ, а также и правительству, различныя мѣры, которыя признаются ими необходимыми для улучшенія жилищъ рабочихъ. Правительство спрашиваетъ ихъ мнѣніе всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ объ экспропріаціи кварталовъ, населенныхъ рабочими. Они разсматриваютъ планы домовъ для рабочихъ, которые представляются на ихъ разсмотрѣніе властями, компаніями и частными лицами, и предлагаютъ строителямъ типичные планы домовъ, выработанные сообразно съ программой высшаго санитарнаго совѣта.

Оба вышеупомянутыхъ закона стремятся обезпечить дешевый кредитъ лицамъ и обществамъ, занимающимся постройкой дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ. Бельгійскій законъ 1889 года разрѣшаетъ главной сберегательной кассѣ, имѣющей правительственную гарантію, за небольшой процентъ давать деньги взаймы различнымъ обществамъ, которыя занимаются постройкой дише-

выхъ жилищъ или ссужаютъ деньгами для той же цѣли. Съ послѣднихъ касса беретъ 2,5% въ годъ, а со строительныхъ— по 3%. Кредитное общество, желающее получить отъ нея ссуду, не должно носить спекулятивнаго характера и обязано ограничивать свой дивидендъ 3%. Ссуду оно получаетъ только тогда, если мѣстный попечительный комитетъ дастъ о немъ благопріятный отзывъ. Кредитныя общества образованы исключительно для выдачи денегъ взаймы, и не имѣютъ права строить, продавать или сдавать дома внаймы. Послѣднее дѣлается строительными компаніями, которыя въ правѣ не ограничивать своего дивиденда извѣстнымъ процентомъ. Строительныя или кредитныя компаніи, для полученія ссуды изъ главной вспомогательной кассы, должны подчиняться извѣстнымъ правиламъ, ставящимъ ихъ подъ ея контроль, и обязаны представлять ей ежегодные отчеты о своей дѣятельности.

Французскій законъ 1894 г. позволяетъ сберегательной кассѣ давать взаймы пятую часть своего запаснаго капитала строительнымъ обществамъ и кредитнымъ, которыя снабжаютъ деньгами строительныя компаніи и отдѣльныхъ лицъ за умѣренный процентъ. Касса беретъ съ нихъ всего 3%. За послѣднее время министръ торговли Бушé учредилъ сберегательную кассу, средства которой предназначены исключительно для строительныхъ цѣлей. По французскому закону, благотворительныя общества, госпитали, пріюты, съ разрѣшенія префекта, часть своего капитала, не болѣе одной пятой, могутъ употреблять на постройку дешевыхъ жилищъ или давать деньги взаймы строительнымъ и кредитнымъ обществамъ для той же цѣли.

Бельгійскій законъ 1889 года облегчаетъ возможность самимъ рабочимъ строить жилище для своего личнаго употребленія. Кредитныя общества, имѣющія право на заемъ денегъ у главной сберегательной кассы, даютъ имъ для этого необходимыя средства. Рабочій самъ можетъ выбрать себѣ мѣсто и строить домъ по своему вкусу. Кредитное общество, ссужающее его деньгами, при этомъ играетъ роль совѣтника и даетъ ему необходимыя указанія. Рабочій, желающій сдѣлать у него заемъ, долженъ сначала обратиться въ мѣстный попечительный комитетъ. Послѣдній наводитъ о немъ справки и, если онъ окажется честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, выдаетъ ему удостовѣреніе, которое присоединяется къ условію, заключенному имъ съ кредитнымъ обществомъ. Стоимость дома, который строится и покупается робочимъ при подобныхъ условіяхъ, не должна превышать 5.500 фр. Онъ самъ долженъ уплатить десятую часть его

стоимости, а если желаетъ, то и больше. Кредитное общество даетъ ему три-десятыхъ, а главная сберегательная касса—остальныя. Уплата его долга кредитному обществу и главной сберегательной кассѣ разсрочивается на десять, пятнадцать, двадцать и двадцать-пять лѣтъ. Рабочій можетъ производить уплату долга еженедѣльно, черезъ двѣ недѣли, помѣсячно, вообще, какъ для него оказывается удобнѣе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ кредитныхъ обществъ, рабочій можетъ сдѣлать заемъ у главной сберегательной кассы при помощи поручителя.

Бельгійскій законъ 1891 года соединяетъ страхованіе жизни съ постройкой или покупкой дома. Послѣ его изданія главная сберегательная касса присоединила страхованіе жизни къ займамъ, дѣлаемымъ съ цѣлью постройки жилищъ. Она имѣетъ право застраховать жизнь своего заемщика, чтобы обезпечить возвратъ долга въ случаѣ его смерти. Законъ допускаетъ страхованіе лицъ въ возрастѣ 21—55 л. Періодъ страхованія равняется 10—25 годамъ.

Французскій законъ 1894 года, дающій возможность неимущимъ классамъ пріобрѣтать свое собственное жилище, также соединяетъ страхованіе жизни съ покупкой или постройкой дома. Бюро для страхованія жизни, созданное закономъ 1868 г., имѣетъ право страховать жизнь покупщика или строителя на извѣстный періодъ времени, который долженъ окончиться не позже 65-лѣтняго возраста страхуемаго, разсрочивая уплату на извѣстное число лѣтъ.

Большое значеніе для постройки дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ самими рабочими имѣетъ освобожденіе ихъ отъ налоговъ. Бельгійскій законъ 1893 года, служащій дополненіемъ закона 1889 г., освобождаетъ домъ рабочаго или бывшаго рабочаго, который почему-либо оказывается неспособнымъ къ труду, отъ личнаго налога, налога на окна, двери и движимость, а также и отъ поземельныхъ платежей, государственныхъ и общественныхъ. Такой льготой пользуются не только тѣ дома, въ которыхъ живутъ сами рабочіе-собственники, но и такіе, которые даются имъ въ наемъ. Ежегодный доходъ подобнаго дома не долженъ превышать 72—171 фр., смотря по числу жителей данной мѣстности. Законъ не освобождаетъ отъ налоговъ тѣхъ рабочихъ, которые имѣютъ больше, нежели одного жильца, или владѣютъ своимъ собственнымъ и обработываемымъ ими самими участкомъ земли величиною болѣе 50 аръ.

Подобное облегченіе налоговъ для дешевыхъ жилищъ мы находимъ и во французскомъ законѣ 1894 года.

Бельгійскій законъ 1889 г. оказалъ большое вліяніе на образованіе строительныхъ обществъ. Послѣ его изданія, въ королевствѣ создалось много строительныхъ компаній, которыя занялись исключительно устройствомъ дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ. Во многихъ округахъ образовались попечительные комитеты, которые занимаются изслѣдованіемъ жилищъ бѣднаго населенія, создаютъ строительныя и кредитныя общества, вырабатываютъ планы дешевыхъ жилищъ и помогаютъ рабочимъ строить для себя дома. Законъ побудилъ самихъ рабочихъ пользоваться тѣми льготами, которыя онъ имъ предоставляетъ, и они начинаютъ все чаще и чаще строить дома для самихъ себя. Мѣстные комитеты оказываютъ имъ большую помощь, входя въ положеніе рабочаго, производя изслѣдованія и выясняя необходимость улучшенія существующихъ помѣщеній.

Дешевый кредитъ, который обезпечивается закономъ, много способствуетъ постройкѣ дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ. Какъ мы уже выше видѣли, французскій и бельгійскій законы позволяютъ помѣщать въ подобнаго рода предпріятія народныя сбереженія. Надо сознаться, что нельзя сдѣлать лучшаго употребленія изъ грошей, откладываемыхъ бѣднотой про черный день, какъ устроивая дешевые и здоровые дома, которые сохраняютъ ей силы, столь необходимыя для производства полезнаго труда.

Въ Англіи и Германіи также обращено большое вниманіе на доставленіе кредита съ умѣреннымъ процентомъ строителямъ дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ. Въ Англіи давно уже существуютъ кредитныя общества (Public works loan commissions), которыя даютъ взаймы компаніямъ и городскимъ управленіямъ, занимающимся постройкой домовъ для рабочихъ, необходимую сумму по 3—3,5%, съ разсрочкой уплаты долга на длинный періодъ времени, 50 лѣтъ максимумъ. Многія англійскія строительныя общества пользовались отъ нихъ ссудой. Столичная ассоціація сдѣлала у нихъ заемъ въ 60.579 фунт., по 3—3,5%; four per cent—66.000 фунт. по 3,5%; опека домовъ Пибоди—390.000 фунт. по 3,5%, и многія другія ассоціаціи.

Въ Германіи за послѣднее время образуются инвалидныя страховыя общества, которыя обязаны затрачивать четвертую часть капитала на недвижимость. До 1896 года ими было издержано на постройку домовъ для рабочихъ: въ Вюртембергѣ—873.170 мар., въ Брауншвейгѣ—555.960 мар. Въ Гессенъ-Нассау для этой цѣли предназначено 400.000 мар. изъ ежегоднаго дохода. Рейнское инвалидное общество съ тремя мил-

ліонами марокъ образовано исключительно для постройки дешевыхъ жилищъ.

III.

У насъ въ Россіи очень мало строительныхъ обществъ. Только за послѣднее время появилась нѣкоторая наклонность создавать ихъ. Между тѣмъ, нужда въ жилищахъ повсюду очень велика, особенно въ жилищахъ для бѣднаго населенія. Въ виду этого, было бы очень желательно изданіе закона, который поощрялъ бы и облегчалъ образованіе строительныхъ обществъ, давая имъ извѣстныя льготы и облегчая кредитъ. Было бы также очень желательно побуждать бѣдное населеніе къ постройкѣ жилищъ для своего личнаго употребленія, при помощи тѣхъ же самыхъ мѣръ. Мы не говоримъ здѣсь, что петербургскій или московскій рабочій можетъ строить себѣ домъ, пользуясь дешевымъ кредитомъ и извѣстными льготами. Дороговизна земли въ нашихъ столицахъ служитъ большимъ препятствіемъ для постройки маленькихъ домиковъ, въ которыхъ могла бы помѣститься только одна семья рабочая. Но для сравнительно небольшихъ провинціальныхъ городовъ, въ родѣ Чернигова, это было бы возможно. Тамъ существуетъ много ремесленниковъ и другого рабочаго люда, который въ настоящее время принужденъ ютиться въ помѣщеніяхъ въ родѣ вышеупомянутыхъ подваловъ. Дешевый кредитъ и освобожденіе отъ налоговъ дали бы имъ возможность затрачивать свои маленькія сбереженія на улучшеніе своего жилища. Подобная мѣра могла бы даже послужить побудительной причиной къ мелкимъ сбереженіямъ. Мысль, что на старости лѣтъ будетъ свой собственный уголъ, значительно могла бы облегчить тяжелую жизнь и разныя лишенія.

Изслѣдованія показываютъ, что рабочее населеніе стремится жить какъ можно ближе къ мѣсту своихъ занятій. Въ Лондонѣ, въ одномъ изъ домовъ Пибоди были собраны свѣдѣнія относительно разстоянія мѣста работы жильцовъ. Оказалось, что 22 рабочихъ имѣли занятія въ самомъ домѣ; 72 жили на разстояніи менѣе четверти мили отъ мѣста своихъ занятій; 342 чел. —отъ четверти до одной мили; 74—отъ одной до двухъ; 9—дальше двухъ миль. Слѣдовательно, только незначительное число жило на сравнительно далекомъ разстояніи отъ мѣста своей работы.

То же самое замѣчается и у насъ. На Выборгской-Сторонѣ, напримѣръ, вблизи заводовъ Гофмарка, Розенкранца, фабрики

Штиглица и проч., а также и казенныхъ учрежденій, квартиры дороги, густо населены и рѣдко пустуютъ. Въ болѣе отдаленныхъ отъ подобныхъ заведеній мѣстахъ квартиры дешевле, и на нихъ нѣтъ такого большого спроса.

Фабрики и заводы, особенно большіе, очень часто находятся на окраинахъ или за городомъ. Постройка домовъ въ подобныхъ мѣстностяхъ, населенныхъ преимущественно бѣднотой, представляетъ мало интереса для частныхъ предпринимателей-капиталистовъ, которые обыкновенно ищутъ хорошаго дохода, соединеннаго съ малой затратой труда. Хотя вообще дома, обитаемые рабочими, даютъ хорошую прибыль, для капиталистовъ они представляютъ мало привлекательнаго, такъ какъ грубые и невѣжественные жильцы часто доставляютъ много хлопотъ. Вслѣдствіе этого постройкой домовъ въ подобныхъ мѣстностяхъ занимаются преимущественно мелкіе спекулянты, въ родѣ кабатчиковъ, трактирщиковъ и мелочныхъ торговцевъ. Подобнаго рода предприниматели строятъ дома изъ плохого матеріала, на скорую руку и дурно въ санитарномъ отношеніи. Затѣмъ пускаютъ жильцовъ. Необходимые расходы и ремонтъ они сводятъ до минимума. Домъ постепенно приходитъ въ невозможное положеніе, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ 15—20% и болѣе чистаго барыша своему владѣльцу.

У насъ въ Петербургѣ, за Нарвской заставой, вблизи одного большого металлическаго завода намъ приходилось видѣть подобные дома. Въ одномъ изъ нихъ помѣщались бѣднѣйшіе рабочіе, чернорабочіе, получающіе 18—25 р. въ мѣсяцъ. Въ домѣ было десять квартиръ съ населеніемъ 173 чел., преимущественно мужчинъ (118 чел.). Всѣ квартиры въ этомъ домѣ устроены по одному типу: одна большая комната раздѣлена перегородкой, не доходящей до потолка, на три клѣтушки-комнаты, кухню и крошечный корридоръ. Въ среднемъ, на каждаго человѣка, живущаго въ этомъ домѣ, приходится всего 0,7 куб. саж. Во всѣхъ квартирахъ господствуетъ грязь, тѣснота и духота. Вездѣ грязные и оборванные обои, грязные потолки, одна кровать на двоихъ. Отхожія мѣста грязны и зловонны. Нечистоты спускаются въ ближайшую канаву. Водопровода нѣтъ, лѣстница узкая, крутая и съ неудобными ступенями. За такую квартиру въ среднемъ плата была 16 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Домовладѣлецъ получалъ приблизительно 17 р. въ годъ за одну кубическую сажень помѣщенія. Такъ какъ при постройкѣ хорошаго деревяннаго дома въ настоящее время одна кубическая сажень обходится 40 р., то можно представить себѣ, какой процентъ получаетъ владѣлецъ

съ этого стараго и невозможнаго въ санитарномъ отношеніи дома.

Въ виду подобныхъ фактовъ, вопросъ объ улучшеніи жилищъ вблизи большихъ промышленныхъ заведеній, гдѣ находятъ занятіе тысячи рабочихъ, имѣетъ большое значеніе. Антисанитарныя условія такихъ домовъ и чрезмѣрная скученность въ нихъ могутъ быть устранены только при помощи постройки дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ, содержимыхъ въ порядкѣ. Какъ мы уже замѣтили выше, постройка домовъ въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ центра или загородныхъ, представляетъ для капиталистовъ мало привлекательнаго. Строительныя общества у насъ находятся въ зародышѣ и пока не могутъ оказать здѣсь большой услуги. Въ виду этого, невольно приходишь къ заключенію, что владѣльцы большихъ фабрикъ и заводовъ должны принять участіе въ улучшеніи жилищъ своихъ рабочихъ.

За-границей очень многія промышленныя заведенія доставляютъ помѣщенія своимъ рабочимъ. Заграничные фабриканты не только сдаютъ квартиры своимъ рабочимъ, но и поощряютъ ихъ пріобрѣтать дома въ свою собственность. Warren and C^0 (Америка) даютъ деньги по 4% тѣмъ своимъ рабочимъ, которые желаютъ строить свой домъ. Анзинская минная компанія (Франція) строитъ дома и затѣмъ сдаетъ ихъ или продаетъ своимъ рабочимъ. Она также даетъ имъ деньги взаймы для постройки дома. Въ 1889 г., у нея было 2.628 домовъ, отдаваемыхъ внаймы рабочимъ; 741 домъ былъ выстроенъ послѣдними. „Vielle montagne compagnie“ (Бельгія) поощряетъ своихъ рабочихъ и помогаетъ имъ пріобрѣтать въ свою собственность дома, въ которыхъ они живутъ. Для достиженія данной цѣли она употребляетъ слѣдующія средства: 1) Небольшой участокъ земли продается рабочему по пониженной цѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ даются деньги для постройки дома; долгъ уплачивается въ продолженіе длиннаго періода времени. 2) Рабочій самъ можетъ выбрать и купить землю, а компанія даетъ ему строительный матеріалъ по своей цѣнѣ. 3) Дома строятся самой компаніей и затѣмъ продаются рабочимъ. 4) Поощряются мѣстныя строительныя компаніи.—Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у общества было 1.180 рабочихъ, обладающихъ своими собственными домами.

Веллерой и Боҳъ (Германія) продаютъ дома своимъ рабочимъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Земля продается по своей цѣнѣ въ долгъ. 2) Взимается 5% стоимости земли и дома: 3% на капиталъ и 2% погашенія, и въ такомъ случаѣ покупка обходится на 5% дешевле, нежели стоитъ покупка дома въ сосѣд-

ней мѣстности. 3) Въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ домъ считается собственностью фирмы, которая можетъ удалить жильца, если онъ уходитъ съ ея службы или плохо платитъ. 4) Въ концѣ десятилѣтняго періода жилецъ можетъ отказаться отъ дома и получить обратно процентъ погашенія (2%) за весь періодъ времени; если же, наоборотъ, онъ желаетъ продолжать уплату долга и пріобрѣсти домъ въ собственность, то устанавливается минимумъ ежегоднаго взноса, который онъ можетъ дѣлать. 5) Домъ долженъ служить исключительно для самого покупателя. 6) Въ первыя десять лѣтъ фирма платитъ за страхованіе и обыкновенный ремонтъ. Жилецъ платитъ только за ту порчу, которая произошла по его винѣ. Если онъ желаетъ, то въ постройкѣ могутъ быть произведены нѣкоторыя измѣненія и добавленія на счетъ фирмы. Издержки причисляются къ покупной цѣнѣ.

Знаменитый Крупповскій заводъ, гдѣ въ 1892 г. считалось 25.200 рабочихъ и болѣе 62.000 ихъ семей, также занимается продажей домовъ своимъ рабочимъ. Тамъ въ своихъ собственныхъ домахъ живетъ 15.300 челов., а въ наемныхъ отъ завода—25.000 чел. Для постройки дома заводъ даетъ ссуду своимъ рабочимъ, желающимъ строиться, и береть съ нихъ 3%. Кромѣ того, онъ доставляетъ ему даромъ техника. Заемщикъ можетъ строить домъ, какой ему нравится, но не имѣетъ права нарушать правила, установленныя для построекъ. При займѣ ставится условіемъ, что первая уплата будетъ не менѣе 300 мар., а остальная сумма будетъ вноситься въ продолженіе 25 лѣтъ. Заемщикъ долженъ находиться на службѣ фирмы не менѣе трехъ лѣтъ, долженъ имѣть семью, отбыть опредѣленный срокъ военной службы и имѣть возрастъ между 25—50 годами.

Очень многіе заграничные фабриканты не продаютъ домовъ своимъ рабочимъ, а только сдаютъ внаймы. При этомъ они принимаютъ въ соображеніе то обстоятельство, что рабочій можетъ умереть или продать свой домъ, и тогда послѣдній попадетъ въ чужія руки, а надзоръ за нимъ сдѣлается очень затруднительнымъ. Въ такомъ случаѣ, домъ въ санитарномъ отношеніи можетъ придти въ очень дурное положеніе, и фирма не будетъ въ состояніи что-либо сдѣлать. При сдачѣ квартиръ обыкновенно руководствуются тѣмъ, что предпочтеніе отдается наилучшимъ рабочимъ или такимъ, которые давно находятся на службѣ.

IV.

У насъ въ Россіи также существуютъ фирмы, доставляющія жилища своимъ рабочимъ. Около Москвы находится Раменская мануфактура, которая строитъ дома для этой цѣли. У нея есть десять каменныхъ корпусовъ, содержащихъ 953 комнаты, предназначенныя для семейныхъ. Въ нихъ помѣщается 5.400 чел. Кромѣ того, тамъ выстроенъ домъ для одинокихъ мужчинъ, гдѣ живетъ 600 чел.; три ночлежныхъ дома для случайныхъ рабочихъ-мужчинъ (въ каждомъ можетъ помѣститься 100—160 чел.), и одинъ ночлежный домъ для женщинъ, на 400 чел. Слѣдовательно, фирма даетъ помѣщенія приблизительно 600—700 чел.,— цифра довольно почтенная. Дома не приносятъ ей никакой денежной выгоды, но хорошее помѣщеніе заставляетъ рабочихъ дорожить фабрикой и хорошо вести себя. Раменская мануфактура не строитъ домовъ для рабочихъ съ цѣлью ихъ продажи.

Около Петербурга, при Обуховскомъ заводѣ, есть дома для рабочихъ, также сдаваемые только внаймы, и въ настоящее время правленіе завода занимается расширеніемъ предпріятія. Губбартъ и К°, Невская ниточная мануфактура, также устроили дома для небольшого числа своихъ рабочихъ.

Эти факты показываютъ, что въ средѣ русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ есть зародышъ сознанія, что они должны позаботиться объ улучшеніи положенія своихъ рабочихъ. Но постройкой жилищъ для послѣднихъ занимается очень малое количество фирмъ. Есть очень богатыя изъ нихъ, которыя не хотятъ ничего дѣлать для доставленія хорошихъ помѣщеній своимъ рабочимъ, какъ, напр., тотъ богатый металлическій заводъ за Нарвской заставой, описаніе жилищъ рабочихъ котораго мы привели выше. На немъ находятъ занятіе тысячи рабочихъ, какъ пришлыхъ, такъ и постоянно живущихъ въ Петербургѣ. Квартиры въ той мѣстности дороже, нежели въ самомъ городѣ, тѣснота страшная. Но ко всему этому правленіе завода относится совершенно равнодушно и не дѣлаетъ даже попытокъ для улучшенія жилищъ своихъ рабочихъ. И такихъ промышленныхъ учрежденій въ Россіи—большинство.

Принимая это въ соображеніе, невольно начинаешь думать, что необходимъ законъ, обязывающій большіе фабрики и заводы доставлять удовлетворительныя помѣщенія хотя бы части своихъ рабочихъ. Фабричные законы стремятся оградить рабочій людъ отъ различныхъ травматическихъ поврежденій, регулируютъ

періодъ рабочаго дня, работу женщинъ и дѣтей, стремятся улучшить санитарныя условія самихъ фабрикъ и заводовъ, заставляютъ строить школы и больницы. Почему же нельзя при помощи подобныхъ же мѣръ улучшить положеніе жилищъ? Положимъ, это будетъ лишней заботой для фабрикантовъ; но вѣдь школы и больницы составляютъ для нихъ также лишнюю заботу. Въ больницу часто идутъ благодаря пагубному вліянію дурного жилища на здоровье. Потому уничтоженіе причины заслуживаетъ не мѣньшаго вниманія, нежели леченіе.

Улучшеніе жилищъ фабричнаго населенія при помощи соотвѣтственныхъ законодательныхъ мѣръ представляется весьма важнымъ въ виду массы фактовъ, доказывающихъ пагубное вліяніе подобнаго рода труда на здоровье рабочихъ. Вырожденіе фабричныхъ — это общепризнанная истина, которой причина кроется не только въ дурныхъ условіяхъ самихъ помѣщеній, гдѣ они работаютъ, но и въ тѣхъ, которыя они находятъ дома. Привлечь лицъ, эксплуатирующихъ ихъ трудъ, къ улучшенію ихъ жилищъ представляется настолько же цѣлесообразнымъ, какъ заставить выстроить школу или больницу.

Мы не беремся здѣсь рѣшать вопросъ о томъ, будетъ ли изданіе закона, требующаго отъ большихъ фабрикъ и заводовъ устройства удовлетворительныхъ жилищъ для части своихъ рабочихъ, служить тормазомъ развитію русской промышленности. Но думаемъ, что тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ тысячи рабочихъ, не понесутъ отъ этого матеріальныхъ потерь. Опытъ заграничныхъ фирмъ показываетъ, что жилища, доставляемыя ими своимъ рабочимъ, могутъ приносить порядочный процентъ.

Имѣя прямую выгоду въ томъ, чтобы привлечь и удержать на своей службѣ лучшихъ рабочихъ, многіе заграничные фабриканты обращаютъ мало вниманія на доходъ и ограничиваются очень малымъ процентомъ съ капитала, затрачиваемаго ими на постройку домовъ для своихъ рабочихъ. Такъ, Меньé (Нуазьяль) устроилъ 295 квартиръ для своихъ рабочихъ, не преслѣдуя никакихъ коммерческихъ цѣлей, но руководствуясь соображеніемъ, что улучшеніе положенія рабочихъ представляетъ явную выгоду для него самого. Бланзинская минная компанія совсѣмъ не получаетъ никакой прибыли со своихъ домовъ, и квартирная плата тамъ только-что покрываетъ всѣ издержки. Но многія заграничныя фирмы получаютъ небольшой процентъ (2 — 3%) съ домовъ, выстроенныхъ ими для своихъ рабочихъ. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фабриканты имѣютъ 4—5% съ подобнаго рода учрежденій. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ про-

центъ, получаемый съ домовъ, устроиваемыхъ заграничными фирмами для своихъ рабочихъ:

	Чистая прибыль:
Warren and C⁰	5%
Willimantic linen company	3%
М. Меньé	1½%
Анзинская минная компанія	3%
Круппъ	2,1—2,58%
Веллерой и Бохъ	3%
Howland mills corporation	6%
Общество желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій (Бельгія)	4%

Эти цифры намъ показываютъ, что фабриканты могутъ даже получать прибыль съ домовъ, устроиваемыхъ ими для своихъ рабочихъ. Иногда она бываетъ не ниже процента, получаемаго разными строительными компаніями съ домовъ, выстроенныхъ ими для рабочихъ въ большихъ городахъ. Возьмемъ, напр., Америку. Тамъ Warren and C⁰ получаетъ съ домовъ, выстроенныхъ имъ для своихъ рабочихъ, 5% чистой прибыли, а компанія улучшенія жилищъ въ Бостонѣ—5¼—5½%.

На основаніи подобныхъ данныхъ, мы можемъ сказать, что наши фабриканты не будутъ въ убыткѣ отъ постройки домовъ для своихъ рабочихъ. Послѣдніе же много выиграютъ, живя въ благоустроенномъ помѣщеніи и сохраняя такимъ образомъ свое здоровье.

V.

Вопросъ объ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія въ большихъ городахъ оказывается настолько обширнымъ и трудно разрѣшимымъ, что за-границей постройкой домовъ съ дешевыми квартирами занимаются и городскія власти. Починъ здѣсь принадлежитъ англійскимъ муниципалитетамъ.

Законъ 1890 года (Howking of work classes act of 1890) даетъ право англійскимъ муниципалитетамъ отчуждать дома и цѣлые городскіе участки, находящіеся въ условіяхъ, угрожающихъ общественному здравію, и принимать различныя мѣры для ихъ оздоровленія: разрушать никуда негодные дома, прокладывать новыя улицы, устроивать канализацію, парки и проч. При очисткѣ нездоровой мѣстности законъ ставитъ условіемъ, что на ней должны быть устроены дома для извѣстной части рабочихъ, живущихъ тамъ во время отчужденія. Въ Лондонѣ городскія власти

обязаны выстроить помѣщенія для половины смѣщеннаго населенія, а въ провинціи число опредѣляетъ local government board. Муниципалитеты не обязательно сами должны строить дома для рабочихъ на городскомъ участкѣ, подвергшемся экспропріаціи съ санитарными цѣлями. Они могутъ заключить условіе съ лицами, которыя согласятся заняться постройкой и эксплуатаціей домовъ, подчиняясь ихъ требованіямъ.

Многіе англійскіе муниципалитеты воспользовались правами, данными имъ закономъ 1890 года, и занялись сами постройкой домовъ для бѣднаго населенія на городскихъ участкахъ, подвергшихся очисткѣ. За послѣднее время въ Лондонѣ былъ подвергнутъ экспропріаціи довольно большой участокъ (около 15 акровъ) въ одномъ изъ приходовъ, и городскія власти выстроили тамъ дома для рабочихъ. Въ настоящее время тамъ производится очистка другого городского участка и предполагается сдѣлать на немъ то же самое. Въ общемъ, лондонское городское управленіе устроило помѣщенія, приблизительно, на 6.500 чел. Ливерпуль, Гласго и другіе англійскіе города также строили дома для рабочихъ на землѣ, отчужденной съ санитарными цѣлями. Но до сихъ поръ все это дѣлалось въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, нужда въ жилищахъ для бѣднаго населенія въ Англіи всюду такъ велика, что на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій представителей различныхъ лондонскихъ округовъ, назначенномъ для обсужденія вопроса объ улучшеніи жилищъ, было рѣшено, что городскія власти должны строить дома не только на землѣ, отчуждаемой съ санитарными цѣлями, но и на участкахъ, принадлежащихъ городу или покупаемыхъ ими для этой цѣли.

Въ настоящее время въ Германіи замѣчается наклонность идти въ томъ же направленіи. Городскія власти въ Линдау ассигновали 100.000 марокъ для постройки дешевыхъ жилищъ. Въ Пфортсгеймѣ городское управленіе рѣшило выстроить домъ для рабочихъ, служащихъ на газовомъ заводѣ. Въ Карлсруэ городъ уже выстроилъ нѣсколько домовъ для рабочихъ, въ Пфортсгеймѣ—пять домовъ.

Когда городскія власти занимаются постройкой дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для бѣднаго населенія, то невольно возникаетъ слѣдующій вопросъ. Должны ли онѣ стремиться къ полученію извѣстнаго дохода со своихъ домовъ и строить ихъ для той части бѣднаго населенія, которая представляется и болѣе обезпеченной, или ограничиваться доставленіемъ удовлетворительныхъ помѣщеній бѣднѣйшей части населенія, не гонялись за

прибылью, но преслѣдуя исключительно санитарныя цѣли, въ родѣ того, какъ строятся больницы, предназначенныя для заразныхъ больныхъ.

Англійскіе муниципалитеты, которые больше всего занимались постройкой дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для бѣднаго населенія, рѣшали эту задачу такъ или иначе.

Ливерпульское городское управленіе построило дома, которые приносятъ ему 2,5—4% чистаго дохода. Дома предназначаются частью для сравнительно достаточныхъ рабочихъ, которые могутъ занимать двѣ-три комнаты. Но у него устроены также однокомнатныя квартиры, которыя отдаются преимущественно женщинамъ: вдовамъ и прядильщицамъ, рѣдко могущимъ платить за квартиру болѣе двухъ шиллинговъ въ недѣлю. Въ Глазго городскія власти, начавъ постройку своихъ домовъ на Соляномъ рынкѣ, предназначали ихъ для бѣднѣйшаго населенія. Затѣмъ, благодаря сравнительной дороговизнѣ постройки, ихъ намѣреніе измѣнилось, и, чтобы не терпѣть убытка, они начали сдавать квартиры въ своихъ первыхъ домахъ сравнительно достаточнымъ ремесленникамъ, имѣющимъ порядочный заработокъ. Но за послѣднее время глазгоскій муниципалитетъ началъ строить болѣе дешевыя жилища для низшаго класса населенія. Въ 1896 году онъ окончилъ постройку такъ называемаго семейнаго дома, который предназначается исключительно для бѣдныхъ вдовцовъ и вдовъ. Его постройка обошлась городу въ 13.000 фунт. Всѣ квартиры состоятъ всего изъ одной комнаты. Въ нихъ могутъ помѣститься одинъ взрослый и двое-трое дѣтей. Домъ отопляется горячей водой и освѣщается электричествомъ. Въ немъ устроена кухня, столовая и общая комната, гдѣ жильцы могутъ проводить свободное время. Есть няньки для присмотра за дѣтьми и площадка для дѣтскихъ игръ. Вдова съ однимъ-тремя дѣтьми платитъ за квартиру, со всѣми вышеперечисленными принадлежностями, 3 шилл. 2 пенса — 4 ш. въ недѣлю, а вдовецъ — однимъ шиллингомъ дороже. Желающіе могутъ получить въ домѣ обѣдъ и завтракъ за дешевую цѣну. Семейный домъ былъ выстроенъ не съ благотворительной цѣлью, но глазгоскій муниципалитетъ не ожидаетъ отъ него прибыли. Онъ выстроенъ съ цѣлью дать возможность вдовцамъ и вдовамъ, отправляясь на работу, оставить дѣтей подъ надежнымъ присмотромъ. Кромѣ квартиръ для семейныхъ, городъ устроилъ нѣсколько ночлежныхъ домовъ, которые приносятъ ему 5% чистой прибыли.

Сравнительно небольшой англійскій городъ (около полутораста тысячъ жителей), Гуддерсфильдъ принадлежитъ къ числу первыхъ,

гдѣ муниципалитетъ занимается постройкой домовъ для рабочихъ. Квартиры для семейныхъ даютъ ему небольшую прибыль, а ночлежные дома—въ противоположность Гласго—никакой.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что англійскіе муниципалитеты не всегда стремятся только къ улучшенію жилищъ бѣднаго населенія, но иногда получаютъ со своихъ домовъ порядочный доходъ. Можетъ быть, въ практическомъ отношеніи выгоднѣе поступать подобно имъ и устроивать городскіе дома частью для болѣе достаточнаго рабочаго населенія, чтобы получать извѣстный доходъ, частью для бѣднѣйшихъ, которые, пользуясь порядочнымъ жилищемъ, не въ состояніи столько платить. Такимъ образомъ существуетъ возможность сводить концы съ концами и не терпѣть убытковъ, улучшая въ то же время санитарное положеніе бѣднаго населенія.

М. И. Покровская.

ЖЕНСКОЕ ПРАВОСУДІЕ

ЭСКИЗЪ

по роману: „Justice de femme“, par Daniel Lesueur.

I.

Особенный успѣхъ за первую половину парижскаго театральнаго сезона выпалъ въ этомъ году на долю оперетки: „Романъ принцессы“, шедшей на сценѣ театра „Лирическихъ Фантазій“. Либретто ея принадлежало перу Жана д'Эсперакъ, свѣтскаго молодого человѣка, имѣвшаго уже нѣкоторую извѣстность въ своемъ кругу, въ качествѣ передѣлывателя сантиментально-мечтательныхъ произведеній англійскихъ поэтовъ, которыя онъ передавалъ весьма изящными стихами. По своему происхожденію, д'Эсперакъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ семей Сенъ-Жерменскаго фобурга. Прекрасно образованный, воспитанный строгой матерью въ духѣ стараго аристократизма, д'Эсперакъ отличался изысканными манерами и вкусами. Онъ рано остался круглымъ сиротой и владѣльцемъ крупнаго состоянія, что̀ доставляло ему полную независимость. Поэзія давно уже влекла его къ себѣ, но, превосходно владѣя стихомъ, онъ былъ совершенно лишенъ оригинальности и неспособенъ къ самостоятельному творчеству, почему и принялся „приспособлять“ излюбленныхъ имъ англійскихъ поэтовъ. Либретто оперетки было цѣликомъ заимствовано имъ изъ „Принцессы“ Теннисона.

Музыка оперетки была написана композиторомъ Рожѐ Мервилемъ; его многочисленные романсы и мелодіи уже давно пріобрѣли ему довольно громкую извѣстность. И музыка эта была

прямо прелестна, отличаясь какой-то особенной чистотой, неуловимой, граціозной поэзіей и оригинальностью; публика невольно поддалась ея очарованію, не спрашивая себя, слѣдуетъ ли этимъ восхищаться по кодексу „шика“, или нѣтъ. Для Рожé Мервиля, почти уже знаменитаго, успѣхъ этотъ былъ настоящимъ тріумфомъ, къ которому прибавилась и удача матеріальная: „Романъ Принцессы“ давался каждый вечеръ при полныхъ сборахъ. Д'Эсперакъ же, богатый самъ по себѣ, пріобрѣлъ теперь славу настоящаго поэта, что̀ приводило его въ восторгъ. „Наконецъ-то про меня перестанутъ говорить:—Ахъ, да,—это тотъ самый молодой человѣкъ, который такъ божественно дирижируетъ котильономъ и такъ мило пишетъ стихи!..“ — повторялъ онъ, вздыхая съ комической радостью.

Д'Эсперакъ было 26 лѣтъ. Атлетическаго роста и крѣпкаго сложенія, онъ былъ чрезвычайно красивъ со своими большими темно-синими глазами, темными волосами и густыми рыжеватыми усами. Изящный, элегантный, сдержанный въ своихъ движеніяхъ, онъ представлялъ собою типъ сильной, мужественной красоты. Сила и здоровье кипѣли въ немъ, просились наружу, и вотъ онъ изливалъ ихъ въ стихахъ, которые давались ему легко. Впрочемъ, онъ былъ чуждъ какихъ бы то ни было претензій и отнюдь не мнилъ себя геніемъ.

Сотрудникъ и другъ его, композиторъ Рожé Мервиль, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, худощавый, уже начинавшій немного горбиться; черезчуръ удлиненное, слишкомъ блѣдное и нервное лицо его освѣщалось огромными черными, горящими огнемъ вдохновенія, глазами; волосы начинали рѣдѣть. Онъ былъ женатъ уже девять лѣтъ на очаровательной двадцатипятилѣтней женщинѣ. Симона Мервиль была нѣжная блондинка, съ пушистыми, вьющимися волосами, изсиня-сѣрыми, прекрасными глазами, съ удивительно тонкою, прозрачною кожей. Весь ея обликъ поразительно напоминалъ мадонну прерафаэлистской школы. Исторія этого брака была настоящимъ романомъ: 12-ти лѣтъ Симона влюбилась въ Рожѐ Мервиля со всею пылкостью дѣтскаго сердечка, покорнымъ, чистымъ, преданнымъ обожаніемъ. Молодой, начинающій композиторъ часто бывалъ въ домѣ ея родителей, и дѣвочка заслушивалась его импровизацій, которымъ онъ подпѣвалъ своимъ захватывающимъ, грознымъ голосомъ. Она тщательно скрывала свою любовь, и никто не разгадалъ ея тайны. Но когда, годъ спустя, Мервиль получилъ на конкурсѣ первую награду, дававшую ему право на поѣздку въ Римъ на казенный счетъ, и пришелъ проститься съ ея родителями наканунѣ своего

отъѣзда въ Италію,—то дѣвочку нашли распростертою безъ чувствъ въ ея комнаткѣ послѣ его ухода. Она опасно захворала, а оправившись, жила одной мыслью объ отсутствующемъ. Четыре года она нѣжно и цѣломудренно мечтала о Рожé и ждала его возвращенія съ терпѣніемъ, свойственнымъ первой молодости, знающей, что передъ нею еще цѣлая, долгая жизнь. Она была убѣждена, что Мервиль будетъ ея мужемъ. Такъ оно и вышло, безъ осложненій и борьбы. Когда композиторъ вернулся,—онъ полюбилъ эту очаровательную семнадцатилѣтнюю дѣвушку, такъ давно любившую его, и хотя ему было уже болѣе 30-ти лѣтъ и онъ не имѣлъ ничего, кромѣ таланта, а у Симоны было хорошее приданое, родители ея согласились на этотъ бракъ, потому что деньги не имѣли особой важности въ ихъ глазахъ.

Черезъ годъ у новобрачныхъ родилась дочка Полетта, и цѣлыхъ девять лѣтъ супруги Мервиль прожили душа въ душу, такъ что ихъ приводили примѣромъ супружескаго счастія и вѣрности.

Въ данную минуту все обстояло благополучно: Рожé любилъ попрежнему Симону, а Симона любила Рожé. Но тогда какъ сорокапятилѣтній музыкантъ, прежде всего фанатикъ своего искусства, мало чѣмъ отличался отъ того начинающаго музыканта, въ которомъ, на порогѣ брачной жизни, этотъ же самый фанатизмъ замѣнялъ всѣ иллюзіи молодости,—между молоденькой дѣвушкой, воспитанной въ строгой средѣ, вдали отъ свѣта, и двадцатишестилѣтней парижанкой—образовалась цѣлая бездна. Нынѣшняя Симона была такъ же способна любить, какъ и прежняя, но самое слово *любовь* пріобрѣтало уже другой смыслъ въ ея глазахъ. Наивная экзальтація молодости прошла, и вотъ смутно, неясно для нея самой, въ ней заговорила потребность въ иной любви, а не въ безмятежной супружеской привязанности.

Въ этомъ смутномъ настроеніи засталъ ее „Романъ Принцессы“. Она такъ искренно наслаждалась новымъ успѣхомъ мужа, такъ дѣтски радовалась росту его славы, что искренно воображала себя влюбленной въ него попрежнему. Жизнь ея походила на сказку; мужъ баловалъ ее, какъ только могъ. У нихъ былъ уже свой небольшой, прехорошенькій особнячокъ въ улицѣ Анпéръ, но по мѣрѣ того, какъ успѣхъ композитора возросталъ, ихъ благосостояніе увеличивалось. Мервиль давно уже обѣщалъ подарить женѣ, какъ только средства позволятъ, двухмѣстную карету и лошадь, и теперь сдержалъ свое обѣщаніе, благодаря сборамъ „Романа Принцессы“.

Сегодня она собиралась обновить свой экипажъ и сдѣлать

нѣсколько визитовъ; но ее задержалъ д'Эсперакъ, явившійся какъ разъ тогда, когда она собиралась уйти, и теперь она стояла въ гостиной, въ шляпкѣ и перчаткахъ, болтая съ гостемъ. Мервиля не было дома. Д'Эсперакъ объяснялъ Симонѣ, что пришелъ предложить композитору передѣлать нѣкоторыя строки одного романса, словами котораго онъ недоволенъ. Симона удивилась и замѣтила, что публика апплодируетъ каждому нумеру. Но д'Эсперакъ возразилъ, что успѣхъ этотъ слѣдуетъ всецѣло приписать музыкѣ, потому что музыка Рожé—одно очарованіе. Но словами своими въ иныхъ мѣстахъ онъ недоволенъ. Похвалы по адресу мужа вызвали краску удовольствія на лицѣ Симоны. Она предложила д'Эсперакy подождать ея мужа и исправить, пока, непріятные ему недочеты въ либретто. Когда ея мужъ недоволенъ написаннымъ,—вотъ какъ онъ поступаетъ! И Симона показала гостю листки нотной бумаги, испещренные крупными крестами и помарками.—Ну, если онъ обращается съ женою такъ же, какъ со своими партитурами!.. И д'Эсперакъ—улыбнулся.

— О! мужъ мой—добрѣйшій изъ людей!—вскричала Симона.

— Несомнѣнно! Но все-же манеры у него крутыя и рѣзкія. Кромѣ того...

— Кромѣ того?.. — повторила она, широко открывая свои ясные глаза.

Д'Эсперакъ только усмѣхнулся; а Симона—разсердилась какъ ребенокъ.

— Какой вы злой!.. Я отлично понимаю, что̀ вы хотите сказать! Вы желаете увѣрить меня, что Рожé любитъ музыку больше, чѣмъ меня...

На этотъ разъ д'Эсперакъ откровенно расхохотался удивительно-заразительнымъ, музыкальнымъ, почти женскимъ смѣхомъ, составлявшимъ обаятельный контрастъ съ его мужественной наружностью. Разсмѣялась и Симона.

— Ну, къ музыкѣ я не ревную. Пусть ужъ лучше она будетъ моей соперницей, чѣмъ...

— Чѣмъ... женщины?

Симона приняла воинственный видъ, брови ея нахмурились, глаза сверкнули, подбородокъ задорно поднялся вверхъ. Д'Эсперакъ заинтересовался.

— Вотъ какъ! А позвольте спросить, что̀ бы вы ему сдѣлали, если бы онъ вамъ измѣнилъ?

— Не спрашивайте лучше.

— Убили бы его, да?

— О, нѣтъ! я черезчуръ его люблю...

— Такъ вы убили бы его сообщницу?

— Фи! Это мнѣ было бы такъ же противно, какъ раздавить жабу. А для нея было бы слишкомъ много чести.

— Если такъ... Вы отплатили бы ему тою же монетой?..

— Сію же минуту!.. Око за око, зубъ за зубъ!

— Браво! И скоро, и справедливо. И безъ всякой кровавой развязки. Мнѣ остается, въ интересѣ моихъ современниковъ, пожелать, чтобы Мервиль вамъ измѣнилъ.

— Какой вы гадкій! Прощайте. Рожé былъ бы недоволенъ, что я такъ долго разговариваю съ такимъ повѣсой, какъ вы. Кромѣ того, я ѣду съ визитами и обновляю сегодня свою карету.

— Ахъ, да, правда. Я же ее и заказывалъ. Въ англійскомъ стилѣ, темно-синяя; внутри, въ футлярѣ—зеркало, небольшіе часики, а передъ кучеромъ—другіе часы... Надѣюсь, что я ничего не забылъ.

— Какъ?..

— Ну, да... Развѣ бѣдняга Мервиль смыслитъ что-нибудь во всемъ этомъ? Онъ и обратился ко мнѣ за совѣтомъ, а я свелъ его къ своему каретнику.

Все оживленіе Симоны внезапно исчезло; она пролепетала какую-то несвязную благодарность, быстро пожала руку д'Эсперaку и ушла. Д'Эсперакъ простоялъ съ минуту неподвижно, ошеломленный и удивленный, спрашивая себя, что могло разсердить ее? „Развѣ ей непріятно, что экипажъ выбиралъ я? Вотъ курьёзная бабенка! Интересно бы раскусить ее!“

Тѣмъ временемъ Симона ѣхала въ своей нарядной кареткѣ. Не разъ уже вынимала она зеркальце изъ футляра, надавливала пружинку отдѣленія для пудреницы и булавокъ, взглядывала на часы и забрасывала кучера противорѣчивыми приказаніями, потому что ее забавляло говорить въ акустическую трубу. Но характеръ у Симоны былъ дѣтски-измѣнчивъ: пока ей чего-нибудь хотѣлось, она напропалую мечтала объ этомъ; но стоило ей получить предметъ своего вожделѣнія, какъ она къ нему охладѣвала. Такъ и теперь! Вмѣсто того, чтобы радоваться, она нервничала. Очень нужно было признаваться д'Эсперaку, что выбиралъ ея карету—онъ. Мужъ представлялся ей теперь въ смѣшномъ свѣтѣ оттого, что не умѣлъ сдѣлать этого самъ. Она забывала на мгновеніе и его огромный талантъ, и успѣхъ,—оставалось только это смѣшное неумѣнье... Этотъ д'Эсперакъ, родъ котораго всегда разъѣзжалъ въ собственныхъ экипажахъ, долженъ былъ считать его теперь какимъ-то выскочкой... Впрочемъ, это ли вы-

зывало досаду Симоны? Выбери ея экипажъ кто-нибудь другой, а не д'Эсперакъ,—она и вниманія не обратила бы на эту подробность. Но съ нѣкоторыхъ поръ особа д'Эсперака какъ-то невольно ее занимала, и ей казалось теперь, что всякій разъ, какъ она сядетъ въ свою карету, ей будетъ чудиться, что и онъ сѣлъ съ нею рядомъ... Симона была одною изъ тѣхъ сложныхъ современныхъ натуръ, въ которыхъ соединяются суетность и глубина—продуктъ цѣлыхъ вѣковъ утонченностей, скептицизма и роскоши. Она была способна истерзаться душой во имя какого-нибудь высокаго чувства, а въ то же время могла не спать цѣлую ночь изъ-за мысли объ испорченномъ портнихой бальномъ платьѣ. Сама безупречно честная,—она чувствовала безграничное снисхожденіе къ преступной любви. Въ ней говорило безсознательное любопытство къ запретному плоду...

Но, вотъ, за послѣднее время, красивый д'Эсперакъ что-то слишкомъ сильно занималъ ея воображеніе. Сама не отдавая себѣ въ этомъ отчета, она смутно надѣялась, что давно ожидаемый подарокъ мужа возбудитъ въ ней восторженную благодарность и оживитъ остывающую—неясно чувствовалось ей—любовь къ мужу, переходившую мало-по-малу въ однообразную привычку. Впрочемъ, Симона не рылась такъ подробно въ своей душѣ, потому что самый анализъ подобныхъ чувствъ показался бы ей опаснымъ, если только не прямо преступнымъ.

Однако, фактъ былъ на-лицо; ей было досадно, что д'Эсперакъ принималъ участіе въ выборѣ такъ давно обѣщаннаго ей мужемъ подарка... И досада эта была въ ней настолько сильна, что когда она внезапно увидала на троттуарѣ фигуру мужа, шагавшаго крупными шагами, съ озабоченнымъ видомъ, она злорадно отмѣтила про себя и его начинавшую горбиться спину, и немодную шляпу. Она остановила кучера и окликнула мужа. Тотъ поднялъ голову, узналъ жену и вскричалъ, что она восхитительна въ своей каретѣ; но Симона, шесть недѣль подъ-рядъ бредившая этимъ экипажемъ, не заикнулась теперь о немъ ни словомъ, а только сообщила, что д'Эсперакъ ждетъ его у нихъ, и спросила мужа, домой ли онъ идетъ?—Нѣтъ. Но если она согласна довезти бѣднаго музыканта въ своемъ изящномъ экипажѣ, то онъ согласенъ вернуться. Симона отвѣчала очень сухо, что не кончила своихъ визитовъ. А Мервиль даже не замѣтилъ, что она дуется. Симона вовсе не была злой женщиной, но теперь она разозлилась на то, что на ея досаду не обращаютъ вниманія, а потому удержала собиравшагося уже отойти мужа и сказала:

— Знаешь, карета слишкомъ тяжела... Или лошадь не выѣзжена... Словомъ, что-то не такъ.

Мервиль отступилъ на шагъ и окинулъ встревоженнымъ взглядомъ экипажъ, лошадь и упряжь; но все это было такъ безукоризненно изящно, а тонкая, хорошенькая головка его жены такъ мило выдѣлялась на темно-синемъ фонѣ обивки, что онъ пришелъ въ искреннее восхищеніе и сказалъ съ добродушно-довольнымъ видомъ:

— Знаешь, милочка, ты очень ужъ требовательна. Все это прелестно.

— Много самъ-то ты смыслишь въ этомъ!—возразила она ему, приказывая кучеру ѣхать дальше.

Но почти тотчасъ же она пожалѣла, что такъ обошлась съ мужемъ. Что это она придирается къ нему нынче изъ-за пустяковъ? Или она его разлюбила? Неправда, она любитъ его... Но что̀ значатъ тогда эти неясныя грёзы, и что̀ за образъ носится иногда передъ нею?.. Откуда эта непонятная тоска, о чемъ груститъ и даже скучаетъ она порой? Чего не хватаетъ ей? Вѣдь у нея есть все, чтобы быть счастливой. Она ли не мечтала о славѣ и богатствѣ для любимаго мужа! И вотъ теперь сбылись ея мечты: геній мужа, въ который она такъ вѣрила, признанъ всѣми; явилось и богатство! Почему же она не удовлетворена? И куда дѣвалась наивная, восторженная любовь ея юношескихъ лѣтъ?..

II.

Симона приберегла къ концу визитъ своей подругѣ дѣтства, Жизели Шанбертьé, которую она очень любила, но мужъ которой ея не жаловалъ. Жизель была женщина 28-ми лѣтъ, высокая, тонкая, на первый взглядъ почти черезчуръ худощавая, но въ сущности гибкая и стройная. Корсета она никогда не носила. Она обладала роскошными черными волосами, которымъ придавала искусственно рыжій оттѣнокъ, тонкимъ какъ камея лицомъ, нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и огромными темными глазами, манящими и загадочными. Красавица эта была женою безцвѣтнѣйшаго, ничтожнѣйшаго человѣка, за котораго ее выдали замужъ потому, что онъ былъ богатъ. Эдуардъ Шанбертьé, это—массивный толстякъ лѣтъ 35 — 38, высокій, неловкій и безотвѣтный; у него отростало уже брюшко, а голова начинала лысѣть. Онъ внушалъ съ перваго взгляда симпатію своимъ открытымъ и добродушнымъ видомъ, но скоро его банальность пре-

пятствовала дальнѣйшему развитію этой симпатіи. Ума онъ былъ лишенъ совершенно, и если занималъ положеніе предсѣдателя одного большого страхового общества, такъ это потому, что онъ внесъ въ это общество огромный капиталъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ безцвѣтнымъ людямъ, у которыхъ нѣтъ ни друзей, ни враговъ, которые не внушаютъ ни любопытства, ни страха, ни привязанности,—словомъ, вовсе не идутъ въ счетъ. Онъ былъ весьма общителенъ, но съ нимъ было невыносимо скучно. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ лишенъ нѣкоторой дѣловой смѣтки и осторожности, и никому не удавалось эксплуатировать его. Женился онъ на Жизели по страстной любви и въ началѣ не удивлялся явному пренебреженію къ нему этой красавицы, довольствуясь положеніемъ ея слуги и банкира, и считая ее какимъ-то высшимъ существомъ. Потомъ въ немъ зашевелилось неясное, гнетущее чувство, но возмущаться или ревновать ему не приходило въ голову, потому что онъ былъ умственно неповоротливъ и лишенъ воображенія, а это дѣлало его неспособнымъ на подозрѣнія. Стоило Жизели пожать нѣсколько разъ плечами, упоминая о мужчинахъ, имѣвшихъ дерзость ухаживать за нею, и мужъ ея рѣшилъ, что никогда ни одинъ мужчина не добьется у нея успѣха. Никто, впрочемъ, не раздѣлялъ такого убѣжденія Шанбертьé, и всѣ, знавшіе Жизель давно твердили, что, рано или поздно, она измѣнитъ своему мужу.

Когда Симона вошла въ гостиную Жизели, тамъ были три дамы, которыя скоро ушли. Оставшись вдвоемъ съ подругой, Симона глубоко вздохнула, промолвивъ:

— Какъ жизнь глупа!

— Да, если смотрѣть на нее съ твоей точки зрѣнія,—возразила Жизель низкимъ, въ душу проникающимъ голосомъ, котораго такъ бы и заслушался.

— Ты точно такъ же смотришь на жизнь, какъ и я,—сказала съ живостью Симона.—Ты вѣдь, въ сущности, милѣйшая женщина, хотя и любишь представлять изъ себя какого-то сфинкса и зачастую рискуешь своей репутаціей, лишь бы не отказываться отъ своихъ парадоксовъ.

— Не пытайся оправдывать меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я отлично знаю, что не сегодня-завтра мы поссоримся съ тобою на-смерть...

Симона протестовала. Но Жизель возразила, что Мервиль недоволенъ ихъ дружбой и не любитъ, чтобы онѣ видѣлись часто.—А откуда она это знаетъ?—Да сама угадала,—очень просто. И это весьма понятно: между ними лежитъ такая глубокая раз-

ница! Мервиль вѣдь способенъ пожалуй утверждать, что Жизель даетъ Симонѣ пагубные совѣты...

— Ты хочешь знать, въ чемъ мы съ тобою различны? — воскликнула Жизель. — Видишь ли, милочка: я вѣчно культивирую свое *я*, какъ выражаются мужчины, но исключительную привилегію на это выраженіе я не желаю имъ предоставлять. Ты же поддерживаешь въ себѣ массу старыхъ, отжившихъ предразсудковъ: мнѣніе общества, узкую мораль, супружескій кодексъ, созданный и навязанный намъ господами мужчинами для ихъ вящшаго благополучія. Ты преклоняешься передъ разными обязанностями, даже не обсуждая ихъ. Ты боишься и думать, и жить. Ты боишься копаться въ своей душѣ, опасаешься ея запросовъ и отвѣтовъ. Ты, невиннѣйшее дитя, мнишь себя какимъ-то чудовищемъ, которое необходимо вѣчно обуздывать... А мнѣ все равно, добра я или зла! Я стремлюсь только удовлетворять своимъ душевнымъ потребностямъ. Я изучаю себя, чтобы понять, чего я именно хочу; а когда я узнала, чего мнѣ нужно, я доставляю себѣ это. Чѣмъ могутъ помочь мнѣ другіе? Что знаютъ они о тайникахъ моей души? И развѣ это ихъ волнуетъ? Открой я въ себѣ порокъ,—я не стану терять время на дознаніе о причинѣ его проявленія, а просто постараюсь дать ему требуемую пищу.

— Ну, завела свою машину!.. Хорошо еще, что я тебя знаю. Послушай, сумасбродка,—вѣдь у тебя же нѣтъ пороковъ!

— Ничего! проявятся еще, — разсмѣялась Жизель. — Скоро мнѣ стукнетъ тридцать лѣтъ, а вѣдь говорятъ, это—возрастъ всѣхъ пороковъ.

Въ эту минуту лакей доложилъ о г-нѣ д'Эсперакъ. Непонятная тоска сжала сердце Симоны, такая же непонятная, какъ ея недавнія нервность и томленіе. Развѣ д'Эсперакъ здѣсь часто бываетъ?.. И мысль эта была ей непріятна, неизвѣстно почему. Зато д'Эсперакъ былъ въ восторгѣ, что засталъ обѣихъ подругъ вдвоемъ, и между ними завязалась оживленная свѣтская болтовня. Д'Эсперакъ интересовался обѣими подругами, причемъ къ Симонѣ его влекло какое-то смутное предчувствіе родственной души, а Жизель просто нравилась ему какъ женщина. Симону онъ считалъ идеаломъ прамоты, простоты и цѣломудрія, едва лишь сознавая въ себѣ эту духовную симпатію, тогда какъ сознательно сердился на себя за свое грубое влеченіе къ г-жѣ Шанбертьé. „Когда чувствуешь подобную страсть къ женщинѣ хорошаго круга,—думалъ онъ про себя,—то самое лучшее—бѣжать отъ нея. Или она заслуживаетъ иного,—и никто тогда не имѣетъ права

предлагать ей оскорбительную страсть,—или наоборотъ... И тогда стоитъ ли волноваться изъ-за такихъ пустяковъ, зная заранѣе, что кромѣ омерзѣнія изъ подобныхъ приключеній ничего не вынесешь". Къ тому же ему претило обманывать такого слѣпого и до глупости добродушнаго человѣка, какъ Шанбертьé.

Между тѣмъ, посѣтители все прибывали и, наконецъ, въ гостиную вошелъ самъ хозяинъ. Симона пожалѣла, что не ушла раньше, потому что съ нѣкоторыхъ поръ этотъ толстякъ ставилъ ее въ неловкое и даже пугавшее ее положеніе. Онъ избралъ ее въ свои повѣренныя, и все приставалъ къ ней, чтобы слышать еще и еще разъ ея успокоительныя увѣренія, что хотя Жизель и рѣзка съ нимъ, все-же она его любитъ. Сначала, жалѣя Шанбертьé, стремясь утѣшить его и питая къ тому же нѣкоторыя иллюзіи, Симона приняла на себя роль повѣренной. Она умѣла такъ легко и нѣжно прикасаться къ душевнымъ ранамъ, что ея утѣшенія казались чѣмъ-то новымъ, удивительно пріятнымъ этому глупому, но чувствительному человѣку. И теперь бѣдная Симона, совершенно неспособная на какую-нибудь жестокость, не знала, какъ ей отдѣлаться отъ своего назойливаго паціента. Со дня на день положеніе ея становилось щекотливѣе. Шанбертьé или отводилъ ее въ сторону, или являлся къ ней на домъ тайкомъ и неожиданно, чтобы поговорить о Жизели; а та уже не скрывала отъ подруги своего полнаго презрѣнія къ мужу. Прямая и искренняя по природѣ, Симона была теперь вынуждена секретничать съ обоими супругами, и это тревожило ея щепетильность.

Сегодня появленіе Шанбертьé особенно раздосадовало ее, потому что она разсчитывала уйти одновременно съ д'Эсперакомъ, а теперь поняла, что ей не отдѣлаться отъ проводовъ Шанбертьé. Такъ оно и вышло. Д'Эсперакъ поспѣшно откланялся, когда вошелъ этотъ скучный мужъ, и ушелъ. Симона осталась, чтобы не выдать своего желанія выбѣжать вслѣдъ за нимъ, и разсѣянно поддерживала какой-то безсодержательный разговоръ, мысленно повторяя одну фразу, только-что вскользь произнесенную д'Эсперакомъ, и объясненія которой она и хотѣла спросить у него, разсчитывая выйти изъ этого дома съ нимъ. Д'Эсперакъ сказалъ ей только-что: „Я не остался ждать у васъ Мервиля, потому что вспомнилъ, что ему сегодня надо быть на репетиціи. Въ „Романѣ Принцессы" всѣ роли розданы дублёрамъ, и его безпокоитъ новая примадонна, которой поручена трудная роль Иды,—знаете, та молодая пѣвица, которую онъ почти навязалъ нашему директору". Симона этого не знала, но

не сказала ни слова, чтобы не выдать своего невѣдѣнія по поводу новой пѣвицы, интересовавшей ея мужа. Но головка ея усиленно работала. Почему Рожé не заикнулся ей ни о чемъ? Почему навязалъ онъ эту женщину директору, если не увѣренъ въ ея талантѣ и боится за нее? Она надѣялась выпытать все это у д'Эсперака, но появленіе увальня Шанбертьé разстроило всѣ ея планы.

Нервы Симоны, уже взвинченные сегодня, окончательно расходились; ноги ея похолодѣли, голова пылала, и, ссылаясь на внезапную головную боль, она торопливо расцѣловалась съ Жизелью и вышла. Подъ предлогомъ проводить ее до подъѣзда, за нею увязался Шанбертьé, умоляя ее почаще бывать у жены, на которую она имѣетъ такое хорошее вліяніе. За послѣдній мѣсяцъ ему нѣтъ житья. Всякое слово его выводитъ изъ себя его жену. Конечно, онъ хорошо знаетъ, что виновата не она, а ея нервы... Вѣроятно, и онъ не умѣетъ съ нею обращаться... Въ сущности, онъ совсѣмъ не знаетъ женщинъ. Онъ не Донъ-Жуанъ и не умѣетъ объясняться съ ними. Не въ силахъ отвѣчать ему, Симона только крѣпко пожала ему руку и уѣхала.

По мѣрѣ того, какъ карета ея катилась, Симона успокаивалась. Дѣло было передъ Рождествомъ, и повсюду, какъ въ витринахъ роскошныхъ магазиновъ, такъ и въ уличныхъ ларяхъ, красовались дѣтскія игрушки. Видъ всѣхъ этихъ игрушекъ напомнилъ Симонѣ ея Полетту, хорошенькую, здоровую дѣвочку восьми лѣтъ. Полетта... Рожé... И вдругъ все волненіе Симоны разрѣшилось приливомъ безконечной нѣжности къ этимъ двумъ существамъ. И чего это она нервничаетъ. Она ли несчастлива!.. У нея мужъ, ребенокъ... Они любятъ ее... А какъ она-то любитъ ихъ!..

Симона приказала кучеру везти себя къ театру „Лирическихъ Фантазій", намѣреваясь вызвать мужа, если онъ еще тамъ, и вернуться съ нимъ домой... Она такъ рѣзко обошлась съ нимъ сегодня... Что же касается этой актрисы, такъ она прямо спроситъ у него, въ чемъ дѣло, потому что онъ, очевидно, просто позабылъ ей это разсказать. „Подумаешь, какой интересъ! Какая-то дублёрша!"

Но когда, подъѣзжая къ театру, Симона опустила стекло дверцы и выглянула на улицу, ее внезапно охватила сильная дрожь, вызванная вовсе не свѣжестью пахнувшаго на нее воздуха. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея кареты, незамѣтной въ общемъ скопленіи экипажей, изъ актерскаго подъѣзда театра вышелъ Мервиль, въ сопровожденіи какой-то дамы, закутанной

въ великолѣпную котиковую шубу, и въ маленькой блестящей шляпкѣ на рыжихъ волосахъ. Они подошли къ стоявшему у троттуара нарядному экипажу, дверцу котораго уже отворилъ было выѣздной лакей, но Рожé махнулъ отрицательно рукой и подозвалъ проѣзжавшій фіакръ. Экипажъ уѣхалъ пустой, а Рожé и незнакомка сѣли въ фіакръ и уѣхали.

Симона была уничтожена и не могла пошевельнуться. Въ головѣ она ощущала странную пустоту, а въ сердцѣ—безумную, острую боль, отъ которой готова была кричать. Но она справилась съ собою, вышла съ трудомъ изъ кареты и вошла къ портьеркѣ театра. И вдругъ, при видѣ всей этой знакомой обстановки и привѣтливой улыбки хорошо знавшей ее старой портьерки, Симонѣ почудилось, что она ошиблась, и что ей отвѣтятъ, что мужъ ея еще въ театрѣ. Но ей отвѣтили, что г. Мервиль только-что ушелъ. Сдерживая дрожь своихъ губъ, Симона спросила, не вышелъ ли ея мужъ съ директоромъ, г-номъ Фурньеръ? Внезапное недовѣріе шевельнулось въ бывалой портьеркѣ, и она не сказала, съ кѣмъ именно вышелъ г. Мервиль; что же касалось директора, то она сочла возможнымъ отвѣтить, что онъ сегодня вовсе не былъ въ театрѣ.

А вернувшись домой, Симона получила отъ мужа телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Пообѣдай сегодня безъ меня, дружокъ, вдвоемъ съ нашей милой Полеттой. Фурньеръ, послѣ репетиціи, пригласилъ меня на весь вечеръ, чтобы переговорить со мной о кое-какихъ дѣлахъ. Извини меня, дорогая моя.—Твой Рожé“.

Прочтя эти лживыя строки, Симона, уже раздѣвшись и сойдя въ гостиную, поднялась вновь наверхъ, въ спальню, и снова надѣла шляпку и шубу. Ей хотѣлось бѣжать, поскорѣе... Но куда?.. Все равно! Куда-нибудь подальше, чтобы онъ нашелъ домъ пустымъ, когда вернется. Но на лѣстницѣ, на площадку которой она уже вышла, послышались рѣшительные шаги, и веселый дѣтскій голосокъ прокричалъ:

— Мамà, мамà!.. Идемъ обѣдать? Сегодня у насъ пирожки съ креветками!.. Каково! Пирожки съ креветками, вотъ вкусно-то!

И хорошенькая дѣвочка съ длинными темно-рыжими кудрями очутилась въ два прыжка подлѣ матери и повисла у нея на шеѣ, восклицая:

— Какъ! ты опять въ шляпкѣ! Развѣ ты обѣдаешь въ гостяхъ?

Симона такъ нервно обняла дѣвочку и изъ глазъ ея такъ часто закапали слезы на лицо Полетты, что та почти испугалась и стала вырываться.

— Что съ тобой, мама? О! не плачь такъ!.. Не плачь, прошу тебя!.. Что тебѣ сдѣлали, скажи?..

— Ничего! ничего...

— Ничего... Ну, такъ вытри свои глазки. А теперь улыбнись. Ну-съ, мама, улыбнитесь... Улыбнитесь, мама, золотая моя!...

Симона невольно улыбнулась. Ласки дочери, а также пролитыя слезы такъ внезапно облегчили ее, что она чувствовала себя почти хорошо. Полетта прыгала отъ радости, повторяя:

— Я такъ и знала, что утѣшу тебя. Тебя обидѣли, а? Какіе злые!.. обидѣли тебя... Мама, а ты не обращай на нихъ вниманія,—вотъ и все!

И дѣвочка добавила:

— Мама, идемъ внизъ, а то пирожки съ креветками простынутъ.

III.

Мервиль никогда еще не измѣнялъ женѣ. По крайней мѣрѣ, онъ не считалъ измѣной одинъ трехнедѣльный капризъ къ какой-то испанской пѣвицѣ въ Мадридѣ, куда онъ ѣздилъ ставить свою оперетку. Чтобы сознавать, что онъ измѣняетъ женѣ, ему нужно было бы настолько увлечься другою женщиной, чтобы пожелать соединить съ нею навсегда свою жизнь. Но пока его сердце и мысли всецѣло принадлежали его дорогой женѣ, дѣлившей съ нимъ всѣ жизненныя радости и печали, заботы, хлопоты и привычки, пока онъ не представлялъ себѣ другой женщины на ея мѣстѣ, пока будущая жизнь не рисовалась ему иначе какъ рука объ руку съ нею,—какъ могъ онъ считать, что измѣняетъ ей? Подобно большинству мужчинъ, онъ не придавалъ ни малѣйшаго значенія мимолетной любовной прихоти. И если бы кто-нибудь назвалъ его прихоть супружеской измѣной, онъ чистосердечно пожалъ бы плечами.

Тѣмъ не менѣе, онъ не разъ воздерживался отъ частыхъ соблазновъ театральной среды, изъ боязни глупой случайности, могущей открыть глаза Симонѣ и возбудить ея ревность, несправедливую, по его мнѣнію, но мучительную для нея. Удерживала его также перспектива неизбѣжной лжи, отвращеніе ко всякому обману. Но съ годами его супружеская щекотливость и деликатность какъ-то притупились, и на любовное приключеніе съ актрисой онъ смотрѣлъ теперь какъ на такой пустякъ, о которомъ и говорить не стоитъ. Отнынѣ мысль о возможной, со стороны Симоны, ревности, вызвала бы въ немъ лишь нетерпѣ-

ніе и досаду, какъ нѣчто условное, искусственное, несоразмѣрное съ ничтожествомъ самаго факта.

Итакъ, Мервиль не считалъ, что измѣняетъ женѣ, даже и сегодня, садясь въ фіакръ съ Нетти Давидсонъ, красивой еврейкой съ рыжими волосами и зелеными глазами, родившейся въ какой-то лондонской трущобѣ, а теперь имѣвшей въ Парижѣ собственный домъ, лошадей и чудные брилліанты. Но всего этого ей было мало; она мечтала объ артистической славѣ, и, непремѣнно желая добиться дебюта, хотя бы въ качествѣ „дублёрши", изощряла съ нѣкоторыхъ поръ надъ Мервилемъ свои чары, въ неотразимости которыхъ не имѣла повода сомнѣваться.

Она добилась своей цѣли безъ особаго труда, и хотя Мервиль досадовалъ на себя за свою унизительную слабость, онъ вынудилъ-таки согласіе Фурньера и д'Эсперака на дебютъ Нетти въ роли Иды въ качествѣ „дублёрши". Но когда онъ услыхалъ ея жидкій, еле слышный голосъ, ея безцвѣтное, бездушное пѣніе, вызывавшее иронически-покорныя судьбѣ улыбки директора и либреттиста, онъ разозлился на нее до того, что готовъ былъ ее побить. Къ счастью, создательница роли Иды пользовалась такимъ цвѣтущимъ здоровьемъ и такой неутомимостью, что надобности въ ея замѣнѣ другою не предвидѣлось, и Мервиль скоро успокоился.

Какъ ни была Нетти красива и соблазнительна, она ему скоро надоѣла, и онъ смертельно скучалъ съ нею. Но, предпочитая вернуться домой позднѣе и застать Симону уже спящею, онъ нарочно повезъ Нетти ужинать въ ресторанъ.

Но Симона не спала. Послѣ первой вспышки горя и полубезумнаго смятенія, успокоенная ласками дочери, она съ недоумѣніемъ разбиралась въ себѣ, вовсе не понимая, почему ей было такъ больно, и стыдясь того, что чуть, было, не выбѣжала на улицу и не выкинула чего-нибудь наивнаго и безполезнаго. Но теперь въ ней проснулось жгучее негодованіе на мужа, которому она не могла простить только-что пережитаго безумнаго отчаянія, унизительной, нестерпимой муки. Теперь уже въ ней говорила злобная, оскорбленная гордость.—Такъ вотъ что̀ такое жизнь!.. Гдѣ теперь ея мужъ и эта женщина?.. А гдѣ она сама будетъ завтра и что̀ станетъ дѣлать?—И ей казалось, что вся любовь ея сразу умерла въ ней; она только удивлялась, что ей не такъ уже больно отъ этого... Должно быть, любовь не сразу умерла, а исчезъ теперь только ея послѣдній призракъ! Что̀ почувствовала бы она, случись то же самое года четыре тому назадъ? И

она поняла, что тогда она умерла бы, или... простила бы. А сегодня она ясно сознавала, что не умретъ... но и не проститъ.

И, лежа въ постели, Симона поджидала возвращенія мужа, спрашивая себя, съ какимъ лицомъ онъ войдетъ теперь сюда? А когда онъ, наконецъ, вошелъ, около часу ночи, она крайне удивилась тому, что лицо у него такое же, какъ всегда. Ей все казалось, что у него будетъ или пристыженное, или торжествующее выраженіе. И она притворялась, что спитъ, чтобы лучше слѣдить за нимъ... Но онъ просто казался немного не въ духѣ. Бросивъ на спящую жену быстрый взглядъ, не выражавшій ничего особеннаго, онъ сталъ поспѣшно раздѣваться, очевидно мечтая поскорѣе растянуться на мягкой постели.

Все это было такъ обыденно, такъ безотрадно просто, что передъ этимъ новымъ, для Симоны, жизненнымъ явленіемъ въ ней пропали и недавнее отчаяніе, и уязвленная гордость, и заговорила въ ней лишь насмѣшливая досада на этого, уже немолодого, человѣка, измѣняющаго любящей и вѣрящей въ него женѣ изъ-за продажныхъ женщинъ, бѣгающихъ за нимъ ради ролей въ его пьесахъ. Какъ онъ этого не понимаетъ!..

Ей захотѣлось заговорить съ нимъ, чтобы посмотрѣть, станетъ ли онъ ей лгать, или нѣтъ? Мервиль нечаянно задѣлъ за стулъ и уронилъ его; она сейчасъ же притворилась, что проснулась, и открыла кроткіе, удивленные глаза. Мервиль нагнулся поцѣловать жену. Какъ!.. онъ цѣлуетъ ее послѣ *той*!.. И Симонѣ чудилось, что все это неправда, не наяву. Супруги обмѣнялись нѣсколькими ничтожными фразами.—Какъ онъ долго засидѣлся съ Фурньеромъ!..—Да, они обсуждали планъ новой пьесы. —А гдѣ же они обѣдали: у Фурньера, или въ ресторанѣ?—Въ ресторанѣ.—Въ какомъ же?—Она этого ресторана не знаетъ... Да не пора ли спать? — Но Симона не утерпѣла и рѣшилась, наконецъ, поставить вертѣвшійся у нея на языкѣ вопросъ:

— Какъ зовутъ ту актрису, которая будетъ дублировать роль Иды?

Мервиль смущенно засмѣялся. Разспросы эти раздражали его; Нетти ему опротивѣла окончательно, и вспоминать о ней ему было непріятно.

— Никакъ не зовутъ... Такія особы не существуютъ... Она просто невыносимая дура,—ну ее къ чорту! Душа моя, я совсѣмъ сплю. Страшно усталъ.

Какъ онъ умѣетъ лгать! Должно быть, не впервые! А она-то, дурочка, вѣрила до сей поры каждому его слову!..

Никакого объясненія между супругами не произошло, по-

тому что въ Симонѣ не было уже настолько любви къ мужу, чтобы не внять голосу своей гордости, совѣтовавшей ей промолчать. Она скрыла случившееся съ нею отъ всѣхъ. Жизнь ея текла какъ будто попрежнему, но она чувствовала въ себѣ огромную перемѣну, удивляясь сама тому, что весь міръ преобразился теперь въ ея глазахъ. Все представлялось ей въ иномъ свѣтѣ, и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ мужа она подозрѣвала отнынѣ обманъ и считала каждаго мужа такимъ же измѣнникомъ, какъ Рожé. Теперь она перестала жалѣть Шанбертьé, стала одобрять эксцентричности Жизели, и когда Мервиль упрекалъ ее за эту тѣсную дружбу съ такой сумасбродной женщиной, Симона восклицала:

— Вотъ кто умѣетъ смотрѣть на жизнь какъ слѣдуетъ и кто судитъ мужчинъ по ихъ настоящему достоинству! Какъ бы мнѣ хотѣлось, подобно ей, отдѣлаться отъ всякихъ предразсудковъ!

Парадоксъ этотъ вызывалъ строгое, а подчасъ и рѣзкое возраженіе со стороны ея мужа. Бывало, прежде, Симона прощала ему его нервныя выходки при первой его ласкѣ, но теперь было не такъ, и каждое обидное слово его врѣзывалось ей въ память. Точно въ этомъ женскомъ сердцѣ образовалась какая-то трещина, совсѣмъ маленькая, но черезъ которую, капля по каплѣ, уходила наполнявшая его прежде любовь. Несмотря на свой ново-пріобрѣтенный скептицизмъ, Симона глубоко страдала отъ этой внутренней раны, тогда какъ мужъ ея ничего не замѣчалъ. Всѣ небольшіе недостатки Мервиля, искупавшіеся прежде въ глазахъ влюбленной Симоны его прямодушіемъ и обаяніемъ его таланта, разрослись теперь до чудовищныхъ размѣровъ. А между тѣмъ никогда Рожé не цѣнилъ такъ, какъ теперь, прелесть интимной супружеской жизни и не понималъ такъ ясно, что счастье его всецѣло—въ маленькихъ ручкахъ его чистой Симоны, въ которую онъ вѣрилъ безусловно. Чувство омерзѣнія, вызванное въ немъ мимолетною связью съ Нетти Давидсонъ, только сильнѣе приковывало его къ женѣ. И онъ вздохнулъ свободно, когда Нетти, видя, что ей не добиться успѣха на сценѣ, приняла предложеніе одного обезьяноподобнаго, но невѣроятно богатаго перувіанца сопровождать его въ Америку, и уѣхала съ нимъ. „Слава Богу!—подумалъ Мервиль:—туда ей и дорога. Въ другой разъ не попадусь!“ Еслибы Симона могла это слышать, еслибы она знала, къ чему она ревнуетъ мужа, глупой, но не утихающей ревностью, которая отравляетъ ей жизнь все болѣе и болѣе!

Но если Мервиль не подозрѣвалъ того, что̀ совершается въ тайникѣ души его жены,—зато другой это замѣчалъ, и этотъ другой былъ Жанъ д'Эсперакъ. Скоро ему пришлось убѣдиться въ вѣрности своихъ предположеній. Сидя разъ вечеромъ въ гостиной Мервилей, у которыхъ онъ въ тотъ день обѣдалъ, Жанъ замѣтилъ, когда Полетту увели спать, что дѣвочка обѣщаетъ стать со временемъ настоящей красавицей и покорительницей сердецъ. Симона возразила со вздохомъ, что это не помѣшаетъ бѣдняжкѣ быть такой же несчастной, какъ другія женщины. Слова эти вызвали искреннее недоумѣніе со стороны Мервиля, тогда какъ д'Эсперакъ отлично понялъ настроеніе Симоны, но, желая заставить ее высказаться яснѣе, онъ сталъ утверждать, что мужчины терпятъ гораздо болѣе отъ женщинъ, чѣмъ женщины отъ мужчинъ.

— Какъ!—протестовала Симона.—Мужчины предоставляютъ себѣ право измѣнять намъ, причемъ иногда сами намъ же въ этомъ признаются. Во всякомъ случаѣ, они ни мало не скрываютъ, что до женитьбы на насъ они уже не разъ любили! А вы говорите, что мы ихъ мучимъ! Тѣ гадкія женщины, съ которыми они знаются,—очень можетъ быть... И тѣмъ лучше, по дѣломъ имъ! Впрочемъ, объ этихъ особахъ я предпочитаю вовсе не говорить,—это не женщины!

— А что̀ же онѣ такое? Если онѣ не женщины, то почему вы такъ страшно ревнуете къ нимъ?—спросилъ Мервиль.

— Ревнуемъ! Вовсе нѣтъ. Мы просто презираемъ мужчинъ, бросающихъ насъ для того, чтобы стать посмѣшищемъ этихъ особъ.

— Ну, братъ, дѣло дрянь!—Мервиль усмѣхнулся:—достанется сейчасъ намъ съ тобою.

— Тебѣ—возможное дѣло, но не мнѣ: я совершенно раздѣляю мнѣніе твоей жены и не гонюсь за тѣмъ, что̀ и мой лавочникъ можетъ имѣть за ту же цѣну, какъ и я.

— Браво!—сказала ему Симона съ прелестной улыбкой.

— Каковъ хитрецъ!—вскричалъ Мервиль.

Чувствуя за послѣднее время какую-то глухую враждебность въ женѣ, ему захотѣлось подразнить ее, и вотъ онъ принялся развивать самую нестерпимую для нея теорію.

— А я утверждаю, что мужская измѣна не можетъ быть приравнена къ женской, ни въ принципѣ, ни по результатамъ. Мужъ можетъ обожать свою жену—и поддаться мимолетному соблазну; женщина же отдается другому только по любви, или,

по крайней мѣрѣ, убѣждаетъ себя потомъ, что страстно влюблена. Наконецъ, нельзя забывать и послѣдствія.

— Послѣдствія!—подхватила съ живостью Симона:—то-есть, ребенокъ... Ну, по нынѣшнимъ временамъ, дѣти—не большая помѣха. У насъ, во Франціи, такъ мало теперь рожденій! Но развѣ измѣна мужа не имѣетъ послѣдствій? Развѣ она не можетъ разочаровать жену, привести ее въ отчаяніе, толкнуть на путь возмездія, развратить ее?

— Ma chère!—Мервиль усмѣхнулся:—если изъ мести женщина, какъ ты говоришь, впадаетъ въ развратъ, значитъ ей просто не удалось начать первой. Женщины—существа низшія, уступающія просто инстинктамъ; онѣ не принимаютъ во вниманіе ни разума, ни обстоятельствъ. Если инстинкты у нихъ хорошіе, онѣ насъ любятъ и умѣютъ смиряться передъ тѣмъ, что неизбѣжно; въ противномъ же случаѣ, онѣ насъ обманываютъ, и это значитъ, что обманули бы неминуемо. Я добавлю, что онѣ насъ тѣмъ больше обманываютъ, чѣмъ сильнѣе въ насъ увѣрены. Вѣрностью мы ничего не выиграли бы.

— Слышите, monsieur д'Эсперакъ?—сказала Симона такимъ тономъ, который заставилъ бы призадуматься менѣе довѣрчиваго и неловкаго мужа, чѣмъ Рожé Мервиль. Но, подобно столькимъ, подобно всѣмъ мужчинамъ, онъ составилъ себѣ разъ навсегда извѣстное мнѣніе о натурѣ и характерѣ жены, и до такой степени утратилъ всякую наблюдательность, что не замѣтилъ страшной блѣдности Симоны. Д'Эсперакъ имѣлъ, впрочемъ, основанія быть проницательнымъ, а потому понялъ то, чего не понималъ мужъ, и волненіе Симоны внезапно передалось ему. Эта трепещущая отъ сдерживаемаго гнѣва хорошенькая женщина, которую онъ считалъ до сихъ поръ холодной и равнодушной, произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ вдругъ понялъ то, что въ немъ самомъ происходило... „Да я отъ нея безъ ума!“—подумалъ онъ и бросилъ на нее такой краснорѣчивый взглядъ, что она вся заалѣла.

— Не вѣрьте вашему мужу; онъ вовсе не думаетъ того, что говоритъ,—сказалъ онъ совершенно просто.

Черезъ минуту Мервиль зачѣмъ-то вышелъ изъ гостиной, и—самъ не зная какъ—д'Эсперакъ сказалъ ей, что она имѣетъ въ немъ самаго преданнаго, самаго вѣрнаго друга.—Вѣритъ ли она ему?—О, да, она ему вѣритъ. Онъ такъ непохожъ на остальныхъ, такъ деликатенъ и прямъ!—Но когда онъ вздумалъ заступиться за Мервиля, говоря, что его слова не что иное какъ парадоксъ, Симона вскричала, сверкая глазами:

— Да, парадоксъ, который онъ примѣняетъ на практикѣ! Это д'Эсперакъ немного уже подозрѣвалъ, и если теперь не защищалъ болѣе друга, такъ извиненіе его состояло въ томъ, что онъ считалъ его гораздо виновнѣе, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

IV.

Съ этой минуты Жанъ д'Эсперакъ всячески давалъ понять Симонѣ, что увлеченъ ею; хотя она и поддавалась вредному упоенію его страсти, но все-же ей не вѣрилось, чтобы она любила другого. Въ ней преобладало надо всѣмъ острое, жгучее сожалѣніе о прошломъ, о своей погибшей мечтѣ молодости, о потерѣ вѣры въ единственную, вѣчную любовь къ мужу—и только къ мужу. Любить Рожé, любить только его одного, любить сильнѣе и сильнѣе, а главное, чувствовать себя любимою имъ! Минутами ей казалось, что отъ нея зависитъ вернуть своé прошлое счастье, и въ эти минуты она ненавидѣла этого красиваго д'Эсперака, думая про себя: „Какъ можешь ты воображать, что можешь занять его мѣсто въ моемъ сердцѣ! Да развѣ ты не знаешь, что это невозможно!.. Развѣ ты можешь сравниться съ нимъ, этимъ великимъ артистомъ! Да развѣ ты не знаешь, что я сто разъ отдамъ твою жизнь за одинъ лишь часъ его жизни!“ И еслибы Мервиль съумѣлъ понять ея настроеніе и сталъ бы обращаться съ нею нѣжнѣе, Симона страстно привязалась бы вновь къ нему, забыла бы и свою ревность, и свою уязвленную гордость, и даже Нетти Давидсонъ. Но Мервиль пребывалъ невозмутимо спокойнымъ мужемъ, увѣреннымъ въ привязанности жены, и порой Симонѣ казалось, что отплати она ему тою же монетой—она почувствуетъ себя до того преступной, что забудетъ его вину. Ужъ если терзаться, такъ ужъ лучше отъ своей собственной измѣны, чѣмъ отъ измѣны мужа...

Въ февралѣ супруги Шанбертьé давали большой балъ, и вечеру этому было суждено врѣзаться навсегда въ память Симоны. Она танцовала котильонъ съ д'Эсперакомъ и вся трепетала подъ его пламенными взорами, еще безсознательно, но несомнѣнно влюбленная въ него. Никогда не была она еще такъ прелестна. Д'Эсперакъ, рѣшительно увлеченный ею, положилъ добиться сегодня во что̀ бы то ни стало, чтобы она назначила ему свиданіе. Помогъ ему случай. Скучая на балу, Мервиль уѣхалъ, обѣщая вернуться за женой къ ужину. Кстати, онъ хотѣлъ взглянуть дома на Полетту, у которой была сегодня легкая ли-

хорадка. Но, вотъ, когда котильонъ кончился, и Симона собиралась уже идти ужинать со своимъ кавалеромъ, къ ней подошелъ Шанбертьé и сообщилъ съ встревоженнымъ лицомъ, что сейчасъ его вызывалъ къ телефону Мервиль, и сказалъ, что не можетъ пріѣхать за женой, потому что Полеттѣ стало хуже, и онъ ждетъ доктора. Не слушая увѣреній Шанбертьé, что опасности никакой нѣтъ, Симона поблѣднѣла и бросилась внизъ. Такъ какъ она приказала своему кучеру пріѣхать только въ четыре часа, то ей пришлось принять предложеніе д'Эсперака довезти ее въ своемъ экипажѣ. Очутившись съ нею вдвоемъ въ темнотѣ кареты, д'Эсперакъ не утерпѣлъ, обнялъ ее, какъ обнимаютъ огорченнаго ребенка, и прошепталъ:

— Какъ она дрожитъ, бѣдняжка!..

Симона, не сопротивляясь, скрыла лицо на его плечѣ и, рыдая, простонала:

— Я наказана! О, какъ я наказана!

— Какъ наказана! За что?

— Вы знаете...—прошептала она.

— Симона! Симона... Значитъ, вы меня любите?.. Люб...— Онъ не договорилъ—отъ душившей его радости, продолжая обнимать ее. Но теперь она вырывалась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставьте меня, Жанъ... Я люблю васъ... Это безуміе... Но пожалѣйте меня!.. Полетта... Моя бѣдная крошка!..

Ей казалось, что любовь ея должна принести несчастіе ея ребенку. Эта мысль придала ей силы, и она рѣшительно вырвалась изъ рукъ д'Эсперака и забилась въ уголъ экипажа. Молодой человѣкъ нѣжно взялъ ея маленькую, дрожащую ручку въ свою руку, и такъ они доѣхали до дома Мервилей. Симона бросилась наверхъ, а д'Эсперакъ прошелъ въ гостиную, куда къ нему почти сейчасъ же вышелъ Мервиль. Д'Эсперакъ смутился при видѣ своего друга, котораго онъ такъ искренно любилъ, но на жену котораго, однако, посягалъ. Мервиль сообщилъ ему, что дѣло обошлось, къ счастію, благополучно, но что онъ было-опасался крупа. Успокоенный, д'Эсперакъ тотчасъ же уѣхалъ, а Мервиль вернулся наверхъ, гдѣ очень изумился, заставъ Полетту въ слезахъ. Симона стояла какъ вкопанная подлѣ постели дочери, вся блѣдная, и глядѣла на плачущую дѣвочку, не пытаясь утѣшать ее.

— Да что съ нею? Плакать ей вредно. Что ты ей сказала?

— Я?.. Я ничего ей не говорила, — отвѣчала Симона съ

мрачнымъ видомъ. Вѣдь ты же видѣлъ самъ, что она расплакалась, когда я вошла сюда.

— Какъ! Это она съ тѣхъ поръ плачетъ? Да что это значитъ? Что съ тобой, Лелетта? Ну, скажи папочкѣ, въ чемъ дѣло?.. Что съ тобой, моя крошка? Болитъ у тебя что-нибудь?

— Она не отвѣчаетъ на мои вопросы, — отвѣчала Симона, перепуганная и огорченная.

— Отчего ты не отвѣчаешь мамѣ? — ласково допрашивалъ отецъ, обнимая дѣвочку. Та произнесла, наконецъ, серьезно и тихо:

— Мама меня больше не любитъ. Съ сегодняшняго вечера, да...

— О, Полетта!—пролепетала Симона. Въ словахъ дочери ей почудились и предчувствіе, и предупрежденіе, и урокъ; еще помраченная всѣмъ только-что случившимся, преисполненная печали, она упала на колѣни подлѣ ея кроватки и зарыдала, восклицая:—О! если бы я могла умереть!..

Отецъ передалъ дѣвочку матери, и обѣ онѣ теперь плакали, обнимаясь. Ревнивая, болѣзненно чуткая, Полетта прошептала Симонѣ на ухо:

— Ты не поѣдешь больше танцовать, когда я нездорова?.. И никого, никого не будешь любить больше, чѣмъ меня?.. Никого, да?

— Нѣтъ, нѣтъ, никого... — лепетала ея мать, тогда какъ Мервиль нѣжно обнималъ ихъ обѣихъ.

V.

Несмотря на всѣ настоянія д'Эсперака, Симона долго и упорно отказывала ему въ свиданіи, но не утерпѣла и сказала какъ-то вскользь, что часто ѣздитъ въ Бель-вю, въ одинъ дѣтскій пріютъ, гдѣ состоитъ вице-директрисой. Уступая его мольбамъ, она сказала, когда именно думаетъ съѣздить туда. Въ назначенный день и часъ она нашла на желѣзнодорожной платформѣ д'Эсперака, который предупредительно усадилъ ее въ свободное отдѣленіе вагона. Вышло такъ, что къ нимъ никто не сѣлъ, и когда поѣздъ тронулся, они такъ и остались вдвоемъ. И странное дѣло! Симона ощущала полное спокойствіе совѣсти и не чувствовала ничего, кромѣ любопытства. Что-то теперь скажетъ ей Жанъ? Что же могъ онъ ей сказать? Онъ повторялъ ей на всѣ лады, что любитъ ее, и спрашивалъ,—любитъ ли его она?..

Но на первой же станціи въ ихъ отдѣленіе сѣли какой-то старый господинъ и какая-то старая дама. Господинъ сейчасъ же погрузился въ чтеніе газеты, но дама недружелюбно осматривала эту, по ея мнѣнію, черезчуръ молодую и красивую парочку. Симона покраснѣла и прошептала своему спутнику:

— А что мы сказали бы, если бы сюда вошелъ кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ?

— Сказали бы, что встрѣтились случайно,—вотъ и все. Вы ѣдете въ свой пріютъ, а я—въ Мёдонъ, къ одному своему пріятелю нотаріусу, который долженъ показать мнѣ продающуюся тамъ виллу. Владѣлецъ этой виллы уѣхалъ въ Тонкинъ.

— А развѣ... вилла дѣйствительно существуетъ? — наивно спросила Симона.

— Еще бы! И нотаріусъ, и владѣлецъ виллы, и даже Тонкинъ—дѣйствительно существуютъ!—отвѣчалъ съ веселой улыбкой д'Эсперакъ.—Если хотите, мы осмотримъ виллу вмѣстѣ. Можетъ быть, она вамъ понравится, и вы захотите купить ее.

Но Симона отвѣчала, краснѣя, что сегодня не успѣетъ, а д'Эсперакъ, въ карманѣ у котораго въ самомъ дѣлѣ лежали ключи отъ пустовавшей виллы въ Мёдонѣ, понялъ, что сегодня онъ ничего не добьется, и предложилъ просто прогуляться въ лѣсу, когда она покончитъ свои дѣла въ пріютѣ. Симона согласилась, но странное дѣло!—послѣ, гуляя по лѣсу, они не знали, что имъ сказать другъ другу. Симона впервые сознавала, что паденіе ея неминуемо; хотя она и любила этого человѣка, хотя ее влекла къ нему неудержимая сила, — но онъ все-же казался ей чужимъ. До сихъ поръ они видѣлись только при Мервилѣ, и тотъ служилъ между ними связующимъ звеномъ. Но теперь, когда нельзя же имъ было говорить о немъ, они рѣшительно не находили предмета для бесѣды, и чувствовали себя какими-то посторонними. И вдругъ Симону охватило предчувствіе, что человѣкъ этотъ будетъ со временемъ причиной ея несчастія... Онъ такъ молодъ! Что онъ думаетъ о ней? А вдругъ она будетъ для него лишь минутною прихотью!..

Но, вотъ, Жанъ сталъ умолять ее зайти сегодня же съ нимъ въ ту виллу, о которой онъ ей говорилъ. Симона пришла въ негодованіе и объявила, что не пойдетъ туда ни сегодня и никогда, никогда, никогда!... Но онъ выказалъ такое отчаяніе, что ей же пришлось его успокаивать... Сегодня поздно! ей пора домой...—Значитъ, въ другой разъ, да?.. Она увидитъ, какъ тамъ мило!—Онъ приготовитъ тогда для нея закуску, ея любимыхъ конфектъ, цвѣтовъ...

И нѣжно лаская, уговаривая ее, какъ ребенка, онъ смѣялся теперь своимъ чуднымъ, обаятельнымъ смѣхомъ, такимъ заразительнымъ и чистымъ. „Если бы птицы умѣли смѣяться, то онѣ смѣялись бы какъ д'Эсперакъ“, — говаривалъ Мервиль. И композиторъ переложилъ этотъ смѣхъ на ноты, въ минорномъ тонѣ, и сдѣлалъ изъ него Leitmotiv монастырскихъ пансіонерокъ въ своей опереткѣ: „Романъ Принцессы“.

Поддаваясь невольно этой обаятельной веселости, Симона не находила уже желаемаго имъ свиданія такимъ страшнымъ. Отнѣкивалась она уже только изъ принципа. Помимо самаго влеченія къ д'Эспераку, ее влекла еще къ нему неотразимая прелесть этой новости для нея,—первое преступное свиданіе,— что̀ такъ соблазнительно для любопытства дщерей Евы. А потомъ въ театрѣ, во время какой-нибудь скабрёзной сцены, или читая самыя страстныя страницы какого-нибудь романа, и она будетъ говорить себѣ: „Я тоже была разъ на свиданіи“,—причемъ скроетъ подъ платкомъ или за вѣеромъ загадочную улыбку на губахъ. Какъ это казалось заманчиво! Это удовлетворяло той смутной потребности въ чемъ-то романтическомъ, которую литература влагаетъ въ сердца женщинъ, особенно въ Парижѣ... И ей представлялось, что и опасности-то тутъ нѣтъ никакой... такъ себѣ, маленькая неосторожность... Вѣдь Жанъ обѣщаетъ держать себя почтительно и покорно... Отчего ей не довѣриться ему?..

А недѣлю спустя, возвращаясь подъ вечеръ изъ Мёдона, Симона Мервиль забилась въ самый темный уголъ вагона. Пристально и безсознательно глядя передъ собою изъ-подъ опущенной вуалетки, она сидѣла неподвижно, даже не замѣчая, что слезы безостановочно катятся по ея лицу, только спрашивая себя, отчего такъ болитъ теперь ея душа, и что̀ именно она въ данную минуту чувствуетъ?

И не разъ задавала она себѣ этотъ вопросъ въ послѣдующіе дни. Глядя на спящую Полетту, она удивлялась, что не испытываетъ того тяжелаго чувства, которое должна испытывать преступная мать, созерцая невинный, чистый сонъ дочери. Не понимая, что съ нею творится, Симона напрягала свое воображеніе, чтобы убѣдить себя, что она совершила нѣчто непоправимое. Она представляла себѣ этотъ грѣхъ какой-то смѣсью безумныхъ наслажденій и мучительныхъ угрызеній совѣсти, а на дѣлѣ переживала лишь дни возбужденія, часы разочарованія и минуты отвращенія. Ясно сознавала она только одно: ей ни-

какъ не удавалось прѣдставить себѣ наглядно смыслъ совершеннаго ею проступка и осудить себя за него, какъ осудила бы она любую героиню романа,—прочти она подобную исторію. Удивляло ее еще то, что̀ ея собственная измѣна не смягчала въ ея глазахъ измѣны мужа. Месть не принесла ей ожидаемаго исцѣленія и не заживила раны ея ревности.

Выходя какъ-то вечеромъ изъ комнаты Полетты, Симона услыхала надъ головой удивительно чистые и нѣжные звуки музыки. Сердце ея сладко сжалось. Игралъ ея мужъ, но она не знала, что̀ онъ играетъ. Мелодія была ей совершенно незнакома. Крайне заинтересованная, она тихонько поднялась по лѣстницѣ и прокралась въ рабочій кабинетъ Мервиля. Какъ ни тихо затворила она за собою дверь, композиторъ, при ея входѣ, поднялъ на нее свои большіе глаза, пылавшіе огнемъ вдохновенія, и едва замѣтнымъ движеніемъ вѣкъ далъ знакъ не прерывать его. Симона прилегла на диванъ, оперлась подбородкомъ на руку и стала наблюдать за мужемъ. Какъ бы убаюкиваемый исполняемой имъ мелодіей, онъ покачивался въ тактъ ритму, взоръ его былъ подернутъ дымкой экстаза, губы улыбались, плечи вздрагивали. Онъ игралъ всѣмъ своимъ существомъ. Давно не видала его Симона въ такомъ припадкѣ вдохновенія. Впрочемъ, въ эту минуту она невольно смотрѣла на него новыми, или, скорѣе, „обновленными“ глазами. Она понимала, почему онъ казался ей такимъ красивымъ, когда, будучи еще дѣвочкой, она такъ заслушивалась его игрой...

Между тѣмъ, чарующая мелодія становилась все прекраснѣе, и вотъ, въ ту минуту, какъ она достигла своего апогея, Мервиль бросилъ на жену одинъ изъ тѣхъ чудныхъ, долгихъ и нѣжныхъ взглядовъ, въ которыхъ когда-то она прочла обѣщаніе невозможнаго: безконечности въ человѣческой любви, — чему она тогда и повѣрила...

Она отвернулась. Скоро онъ пересталъ играть, подошелъ къ ней и удивился, увидя ее въ слезахъ.

— Моя Симона! — заговорилъ онъ измѣнившимся, мягкимъ голосомъ:—какъ ты трогаешь меня! Значитъ, тебѣ еще не совсѣмъ надоѣли музыкальныя бредни твоего мужа?

Симона вздрогнула и вскричала:

— Какъ, это твоя музыка? Но когда же ты это сочинилъ?

— Я импровизировалъ.

— Импровизировалъ?.. Да это нѣчто удивительное, и ты никогда не сочинялъ ничего прекраснѣе. И эта вещь не записана? И ты не можешь записать? Какая жалость!

— Записать не трудно; ты вѣдь знаешь, что у меня прекрасная музыкальная память...

Вся блѣдная, Симона смотрѣла на мужа со слезами на глазахъ и съ такимъ страннымъ выраженіемъ, что тотъ, наконецъ, встревожился. Онъ сѣлъ подлѣ жены, привлекъ ее къ себѣ и спросилъ съ участіемъ:

— Что случилось? Развѣ ты чѣмъ-нибудь огорчена?

Симона закрыла лицо руками и вскричала, рыдая:

— Зачѣмъ ты не говоришь со мною всегда такъ? За что ты разлюбилъ меня?

Онъ нервно всталъ, скрывая, какъ всегда, свое раздраженіе подъ маской ледяного спокойствія.—„А если это сцена?!..“—Симона встала тоже, отерла рѣшительно слезы, подошла близко къ Рожé, положила руки къ нему на плечи и заговорила, глядя ему прямо въ глаза и подавляя дрожь своего голоса:—Нѣтъ это не сцена, но пусть онъ ее выслушаетъ. Имъ необходимо объясниться.—Хорошо, но дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ съ нею не сговоришься! Малѣйшее его слово обижаетъ ее, онъ просто не знаетъ, какъ быть. Она парализуетъ его...—Симона внезапно вскипѣла гнѣвомъ и вскричала:

— Вотъ какъ ты говоришь со мною, ты, который первый провинился передо мною! Хорошо же! Такова, очевидно, вся суть супружеской жизни. Будемъ же подражать другимъ. Monsieur пусть ужинаетъ съ актрисами, а Madame пусть заводитъ себѣ любовника. Не понимаю, изъ-за чего мнѣ терзаться, разъ все это въ порядкѣ вещей!

У Мервиля вырвался такой болѣзненный крикъ, точно ему нанесли внезапно ужасную рану.

— Симона!.. Не ты, не ты!.. Не говори такихъ вещей!

Его тонъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на Симону. То угрызеніе совѣсти, которое она напрасно старалась пробудить въ себѣ съ минуты ея недавняго паденія, пронизало ее внезапно, точно стрѣлой. Невыносимое отвращеніе къ себѣ пробудилось въ ней, и впервые она ясно почувствовала, что ему простить—она можетъ, тогда какъ себѣ самой никогда не проститъ. Но въ то же время ее такъ и подмывало высказаться при немъ вслухъ о томъ, въ чемъ признаться немыслимо, и она сказала холодно, со странною смѣсью удовольствія, отчаянія и страха:

— Значитъ, ты очень огорчился бы, еслибы узналъ, что у меня есть любовникъ?

Отъ одного звука этихъ трехъ словъ въ ея устахъ, Рожé поблѣднѣлъ, но спокойно возразилъ:

— Берегись, Симона. Съ нѣкоторыхъ поръ ты стала говорить престранныя вещи! Честная женщина не должна ни дѣлать иныхъ предположеній, ни наводить на нихъ мужа... Къ чему ты пытаешься принудить меня представлять себѣ такія вещи, вмѣстить которыя мой умъ отказывается? Ты, Симона!.. Твоя чистота такъ же несомнѣнна для меня, какъ чистота Полетты.

Онъ нѣжно заглядывалъ ей въ лицо, начиная смутно понимать, что ея слезы и гнѣвъ означаютъ что-то иное, а не просто задорную вспышку. Онъ почувствовалъ себя виновнымъ передъ нею. Но вина, которую онъ за собою чувствовалъ, заключалась совсѣмъ не въ его невѣрности женѣ,—объ этомъ онъ и не думалъ, потому что все сердце его принадлежало всецѣло Симонѣ,—а въ его неровномъ обращеніи съ молодой женщиной. Онъ упрекалъ себя за то, что даетъ волю своему рѣзкому характеру, когда она ждетъ отъ него нѣжной ласки. Онъ положилъ руку на пушистые волосы Симоны и сказалъ другимъ, взволнованно-шутливымъ голосомъ:

— Какая злая у меня жена! никакой терпимости къ своему увальню-мужу! Грозитъ ему измѣной только за то, что онъ умѣетъ только марать нотную бумагу и вовсе не умѣетъ показывать, какъ онъ ее любитъ!..

— Ты меня любишь?.. О!

— Можешь ли ты сомнѣваться въ этомъ?—продолжалъ онъ серьезно.

Какъ ни далеки были эти слова отъ любовной риторики д'Эсперака, Симона повѣрила имъ больше, чѣмъ всѣмъ увѣреніямъ поэта. Неужели она, дѣйствительно, могла въ этомъ сомнѣваться! Но вдругъ ей вспомнилась та минута, когда она увидала мужа выходящимъ изъ театра съ рыжей Нетти Давидсонъ (имя ея она узнала отъ д'Эсперака), и въ ней заговорили вновь и ревность, и подозрѣніе, и гнѣвъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я больше не вѣрю тебѣ. Наше счастье разбито, любовь наша умерла. И ты самъ все это погубилъ. Ты мнѣ измѣнилъ, и я это знаю!

— Я тебѣ измѣнилъ! Да ты съ ума сошла! Гдѣ? Когда? Съ кѣмъ?

Между мужемъ и женой происходило нѣчто весьма странное, но глубоко человѣчное. Каждый изъ нихъ такъ безраздѣльно владѣлъ сердцемъ другого, девять лѣтъ любви создали

между ними такую крѣпкую, неразрывную, хотя и неощутимую связь, всѣ внѣшнія обстоятельства имѣли для нихъ такъ мало значенія, что каждый изъ нихъ вполнѣ добросовѣстно забывалъ о своей собственной измѣнѣ, какъ о чемъ-то до него не касающемся. Однако, Мервиль, тотчасъ же мысленно воскликнулъ, когда Симона упомянула о его измѣнѣ: „Это она о Нетти! Чортъ бы побралъ эту проклятую каботинку!“ — Но, желая успокоить жену, онъ притворился, что принимаетъ ея слова за одно воображеніе, и пусть она повѣдаетъ ему плоды своего воображенія!

— Это не воображеніе. *Я... тебя... видѣла...*

— Но когда же?.. Гдѣ?.. Для тебя вѣдь довольно, чтобы я заговорилъ съ другой женщиной... Ты видѣла, быть можетъ, какъ я выходилъ изъ театра съ какой-нибудь актрисой... Это бываетъ. Но если это доказательство, по-твоему?..

Слегка пожимая плечами и не спуская съ мужа пристальнаго взгляда, Симона качала головой, но молчала. Она безсознательно боялась, что произнесеніемъ имени Нетти Давидсонъ она воздвигнетъ между мужемъ и собою такую преграду, которая все разрушитъ, тогда какъ, несмотря ни на что, она не переставала любить мужа. Что будетъ, если она заговоритъ? Онъ или разсердится,—что ее еще болѣе разсердитъ и вызоветъ ужасную сцену,—или солжетъ,—что будетъ еще хуже,—или сознается... Послѣднее страшило ее болѣе всего. И Симона молчала, движимая удивительнымъ чутьемъ женщины, не желающей убивать въ себѣ любви. Мервиль заключилъ изъ ея молчанія, что она напала на вѣрный слѣдъ, но, въ сущности, не знаетъ ничего опредѣленнаго, и, слѣдовательно, все можетъ еще быть спасено. Онъ почувствовалъ облегченіе, потому что опасался было потерять навсегда свою дорогую Симону. И изъ-за кого? Изъ-за какой-то Нетти Давидсонъ!..

— Ахъ, Симона,—заговорилъ онъ задушевнымъ тономъ:—знай и будь увѣрена, что внѣшность обманчива, и что, несмотря ни на что,—даже на заблужденія,—такой женщинѣ, какъ ты—не измѣняютъ. Отдать другой то, что въ сердцѣ моемъ принадлежитъ тебѣ,—это невозможно, потому что ты же сама вложила это въ мое сердце. Нѣжность, довѣріе, вѣрность, дружная, счастливая жизнь, все это не можетъ существовать само по себѣ, внѣ тебя, и я не могу искать этого подлѣ другой, потому что все это—ты сама. *До* тебя я этого не зналъ, и *безъ* тебя представить себѣ этого не могу. Когда я слышу: „*Такой-то* счастливъ“, для меня это не болѣе какъ пустая, лишенная смысла формула,

ничего не говорящая воображенію. Но когда я говорю себѣ: „*Я* счастливъ“,—какой-то внутренній голосъ шепчетъ мнѣ: „Симона!“—и твой дорогой образъ встаетъ тотчасъ же передо мною. Будь же увѣрена, моя любимая: когда въ глазахъ мужчины женщина совмѣщаетъ все это въ себѣ,—она никогда не должна ревновать его, несмотря ни на какія опасенія, воображенія и даже открытія. Конечно, я знаю, что всѣ мы—люди, ничего болѣе, какъ самые обыкновенные люди, подверженные такимъ слабостямъ, за которыя потомъ сами краснѣемъ... Увѣряю тебя, что мы и не думаемъ гордиться этимъ... Но, Симона, когда мы клянемся, что не впадемъ больше въ подобную ошибку, когда мы молимъ васъ о помилованіи, отъ котораго зависитъ все наше счастіе на этомъ свѣтѣ... Тогда вы, обожаемыя существа, лучшія, чѣмъ мы, вы должны... нагнись ко мнѣ поближе, чтобы я могъ шепнуть тебѣ это на ухо,—вы должны... простить намъ.

Мервиль скользнулъ на колѣни передъ женой. Сильное внутреннее волненіе придавало его голосу и жестамъ краснорѣчіе страсти, тѣмъ болѣе увлекательное, чѣмъ оно рѣже проявлялось въ этомъ человѣкѣ холодной внѣшности и сосредоточеннаго характера. Даже въ первые годы супружества Симона не встрѣчала къ себѣ такой нѣжности въ Рожé. А когда она заглянула мужу въ лицо и замѣтила слезы въ его глазахъ, она совсѣмъ ослабѣла и только могла проговорить:

— Ахъ!.. Рожé!..

Душа ея разрывалась отъ такой мýки, что плакать она не могла. И противъ этого человѣка она могла раздражиться до презрѣнія, до ненависти, до несмываемаго позора измѣны!.. Она лгала ему вчера, лжетъ сегодня и отнынѣ будетъ принуждена лгать до конца, до самой могилы! А онъ продолжалъ:

— Какъ можно огорчать такое доброе созданіе, какъ ты, моя Симона! Я, просто, грубый, гадкій мужъ. Ты вѣдь такая деликатная и нѣжная... Съ тобой надо обращаться какъ можно осторожнѣе. А я, просто, неуклюжій медвѣдь. Я обращаюсь съ тобой какъ со старымъ товарищемъ, поддразниваю тебя... и частенько хватаю черезъ край. Мнѣ слѣдуетъ постоянно поклоняться своей маленькой мадоннѣ, а я веду себя какъ изувѣръ.

— Довольно!—сказала она кротко:—я вся разбита. Знаешь что? сядь опять за рояль и поиграй еще. Но играй тихо, тихо,—я такъ это люблю...

Онъ повиновался ей и заигралъ свою импровизацію подъ сурдинку, а Симона думала, слушая его: „Порвать... да, порвать необходимо... Но какъ?.. *Тотъ* такъ тѣсно связанъ съ моей

жизнью!.. А если я не оттолкну его тотчасъ же,—я погибла! Господи! неужели я не могу безъ него жить?!"

VI.

Прошло нѣсколько дней. Симона терзалась и ломала себѣ голову, измышляя предлогъ для разрыва съ д'Эсперакомъ. Какъ ей быть? Подъ какимъ предлогомъ удалить ей д'Эсперака, или удалиться отъ него самой? Что бы ей изобрѣсти, чтобы навсегда оттолкнуть этого человѣка, искренно въ нее влюбленнаго? А вдругъ, съ горя, онъ рѣшится на какую-нибудь крайность? И ей становилось жаль его, и сейчасъ же она упрекала себя за то, что жалѣетъ и мужа, и его!.. Какъ удивительно сложно человѣческое сердце! Что за таинственный рокъ тяготѣетъ надъ человѣческой жизнью!..

Симона сказалась больной, и не выходила изъ своей комнаты нѣсколько дней. Ея блѣдность и убитый видъ встревожили Мервиля; онъ нѣжно ухаживалъ за нею, и только удивлялся, что чѣмъ нѣжнѣе онъ о ней заботился, тѣмъ она становилась грустнѣе.

Д'Эсперакъ ежедневно заходилъ справляться о ея здоровьѣ, но при первой его просьбѣ принять его, Симона отказала ему въ томъ, ссылаясь на головную боль. Онъ начиналъ волноваться, тѣмъ болѣе, что не получилъ отъ нея ни малѣйшей записки. Но тревога его превратилась въ удивленіе, испугъ и даже бѣшенство, когда въ серединѣ марта Мервиль сообщилъ ему, что Симона уѣхала недѣли на три на югъ, гдѣ у супруговъ Шанбертьé имѣлась великолѣпная вилла, цѣлый замокъ, въ живописномъ мѣстечкѣ Гіеръ. Хотя онъ и не очень одобряетъ дружбу Симоны съ Жизелью, но отпустилъ ее туда погостить, потому что ей очевидно необходимы перемѣна воздуха и развлеченіе. Д'Эсперакъ былъ внѣ себя, отлично понимая, что стоитъ Симонѣ захотѣть, и она станетъ для него недосягаема.

Тѣмъ временемъ Симона, окруженная чудной природой и всѣмъ комфортомъ роскоши, отдыхала душой. Она часто и нѣжно переписывалась съ мужемъ. Съ Жизелью она сошлась еще тѣснѣе, и подруги теперь почти не разставались. Пройдя черезъ всѣ недавнія треволненія и испытанія, Симона привязалась глубже къ Жизели, лучше понимая теперь ея мечты и жажду необыкновенныхъ ощущеній. И Симона говорила себѣ, что эта эксцентричная, по внѣшности, женщина, была чище ея самой, коррект-

ной Симоны Мервиль, съ ея безукоризненной репутаціей. Въ безупречности г-жи Шанбертьé она не могла сомнѣваться, потому что та призналась бы ей во всемъ, какъ признавалась, что не остановится ни передъ чѣмъ, если полюбитъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на брачныя узы. Бракъ былъ, по ея мнѣнію, возмутительнѣйшимъ, чудовищно лицемѣрнымъ учрежденіемъ. Когда родители выдали ее замужъ за богатаго Шанбертьé, она не знала, что̀ дѣлаетъ, и покорно пошла за него, потому что ее убѣдили, что для женщины нѣтъ ни счастья, ни добродѣтели внѣ брака... Когда же Симона возражала ей, что она также не знаетъ, что̀ можетъ принести ей преступная любовь, она говорила, что тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Когда она просила передъ свадьбой мать и замужнихъ подругъ объяснить ей, что̀ такое бракъ, она не добилась никакого толка: ей отвѣчали или банальности, или чепуху. А теперь ей и спрашивать некого, потому что всѣ солгутъ. Одна Симона сказала бы ей правду,— но что̀ она можетъ знать объ этомъ, эта чистая овечка? И ея исключительная любовь къ мужу такъ понятна,—ея Рожé обладаетъ такимъ чуднымъ талантомъ! Любовью къ такому человѣку можно гордиться! Но Шанбертьé! Она увѣрена, что и Симона не осталась бы вѣрна такому человѣку! Неужели же вся жизнь ея такъ и пройдетъ, и когда, передъ смертью, она оглянется назадъ и спроситъ себя, что̀ она дѣлала на свѣтѣ, ей придется отвѣтить: „Наряжалась въ новые туалеты, соотвѣтственно сезону, давала веселые балы и осчастливила г-на Эдуарда Шанбертьé". О, она предпочла бы умереть сейчасъ, не живи въ ней смутная надежда на что-то лучшее...

Но скоро душевное спокойствіе Симоны было нарушено.

Въ одно прекрасное утро, читая послѣ завтрака мѣстную газету, Шанбертьé возвѣстилъ дамамъ, что прочелъ въ спискѣ пріѣзжихъ имя д'Эсперака. Сердце Симоны болѣзненно сжалось; она поблѣднѣла, и на вискахъ ея проступили капли пота. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? И заранѣе страшила ее встрѣча съ нимъ. А состоялась эта встрѣча въ тотъ же день и принесла Симонѣ совершенно неожиданный сюрпризъ. Послѣ завтрака предположена была дальняя прогулка въ экипажѣ, въ которой должны были принять участіе всѣ обитатели виллы, т.-е. Симона, супруги Шанбертьé и старая г-жа Шанбертьé, мать Эдуарда. И вотъ, къ концу этой прогулки, имъ повстрѣчался д'Эсперакъ, верхомъ на очень скверной клячѣ, очевидно—взятой въ гостинницѣ. Онъ сообщилъ, что былъ съ визитомъ, но у Шанбертьé ему сказали, что всѣ уѣхали кататься, указали цѣль этой прогулки, и онъ рѣ-

шилъ присоединиться къ нимъ, увѣренный, что догонитъ ихъ, что̀ ему и удалось. Вернулись они всѣ вмѣстѣ. Всю дорогу д'Эсперакъ шутилъ и смѣялся, почти не обращая вниманія на Симону и обращаясь исключительно къ Жизели. Продѣлывалъ онъ это нарочно, но хитрость его осталась непонятною для Симоны, которая совсѣмъ не умѣла хитрить, и, видя его равнодушіе къ ней, рѣшила, что онъ относится ко всему ихъ прошлому какъ къ забавному водевилю. Подобная уловка была до того непонятна ей, что ей не пришло даже въ голову, что д'Эсперакъ пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть ее.

Иначе отнеслась ко всему этому Жизель. Д'Эсперакъ явился въ такую минуту, когда мечты Жизели, подъ впечатлѣніемъ окружавшей ее поэтической обстановки, такъ заполонили ея душу, что неожиданное появленіе такого человѣка, какъ д'Эсперакъ, не могло не взволновать ее. Она была въ томъ возбужденномъ состояніи, когда всякая вспышка возможна. Она вышла изъ своего обычнаго, лѣниваго безучастія, и въ ея бархатныхъ темныхъ глазахъ зажглись огоньки. Симона сейчасъ же почувствовала перемѣну въ подругѣ, и внезапная, жгучая ревность закралась ей въ сердце, гдѣ воцарился теперь настоящій хаосъ. Украдкой она слѣдила за оживленнымъ д'Эсперакомъ, желая минутами его смерти, а иногда стремясь къ нему всѣмъ существомъ. И эти противорѣчивыя ощущенія терзали ее... Игра не равна, думалось ей; для мужчинъ любовь,—не что̀ иное какъ наслажденіе безъ послѣдствій, цвѣтущая тропинка, гдѣ они разсѣянно гуляютъ, тогда какъ для женщинъ—это терновый путь, гдѣ сердце ихъ исходитъ кровью...

Дня черезъ три, Симонѣ случилось очутиться вдвоемъ съ д'Эсперакомъ. Дѣло было утромъ, и д'Эсперакъ явился по приглашенію самого Шанбертье́; но тотъ экстренно уѣхалъ по какимъ-то дѣламъ въ Тулонъ, а Жизель заспалась и не была готова. Она прислала горничную попросить Симону принять д'Эсперака и показать ему все имѣніе, а главное, не забыть свести на вершину того утеса, откуда открывается такой чудный видъ на море и далекія горы. Не желая выдавать своего волненія передъ горничной, Симона отправилась въ путь. Д'Эсперакъ заговорилъ только тогда, когда они отошли довольно далеко. Симона первая храбро взглянула ему прямо въ глаза, и онъ ей сказалъ:

— Что̀ же, вы очень довольны тѣмъ, что причинили мнѣ такое горе?

На его несчастіе, она ему не вѣрила. Если бы его теперешній *флёртъ* съ Жизелью былъ только уловкой оскорбленнаго

человѣка, черезчуръ гордаго для того, чтобы ныть, онъ хоть разъ, хоть чѣмъ-нибудь далъ бы понять Симонѣ, что только играетъ извѣстную роль. Но за эти три дня онъ былъ до такой степени именно тѣмъ человѣкомъ, какимъ она его знала, т.-е. свѣтскимъ обольстителемъ, увлекательнымъ и увлекающимся, увѣреннымъ въ своей неотразимости и видящимъ въ каждомъ новомъ женскомъ типѣ лишь новую рифму для любовной поэмы, что она никакъ не могла представить его себѣ человѣкомъ, котораго ея бѣгство привело въ отчаяніе, и который бросился за нею, очертя голову. Она замѣтила ему съ горечью, что жалѣть его не можетъ, и что принимать его теперь за несчастнаго человѣка—немыслимо.

— Никогда не подумалъ бы я, Симона, что вы—кокетка.

Она протестовала. Она именно боялась прослыть въ его глазахъ за легкомысленную женщину, тогда какъ она такъ дорого расплачивалась за кратковременное увлеченіе. А д'Эсперакъ осыпалъ ее теперь яростными упреками, потому что въ немъ внезапно проснулось вновь и уязвленное самолюбіе, и искреннее разочарованіе, внесшія за послѣднее время такую горечь въ его жизнь. Правда, что здѣсь, между угрюмой Симоной и возбужденной Жизелью, эта горечь въ немъ улеглась, и ухаживать за Жизелью ему казалось интереснѣе, чѣмъ разгадывать загадку молчаливой Симоны; онъ былъ уже теперь почти всецѣло во власти упоительныхъ чаръ красавицы Жизели.

— Какое уваженіе можемъ мы сохранять къ женщинамъ, когда тѣ, кого мы ставили превыше всѣхъ, поступаютъ такъ, какъ вы?—говорилъ онъ.—Ваша любовь преображала меня, Симона... Я вѣрилъ въ васъ, я былъ вамъ благодаренъ за приносимую вами жертву... Жертва!.. Когда люди покупаютъ что-нибудь такою цѣной, они дорожатъ этимъ и не швыряютъ это прочь черезъ какія-нибудь двѣ недѣли...

— Значитъ, вы думаете?..—сказала Симона, вся блѣдная.

— Я думаю, что когда честная женщина рѣшилась на подобный шагъ, она должна быть честна и съ тѣмъ человѣкомъ, которому принесла въ жертву свою добродѣтель, а также, что эта добродѣтель не должна служить орудіемъ кокетства!

— Какой ужасъ!—вскричала Симона.—Я уже говорила себѣ то же самое.

Д'Эсперакъ опѣшилъ. Онъ ожидалъ взрыва негодованія, что позволило бы ему обойтись съ нею еще рѣзче. Его злоба все разросталась, потому что Симона не оправдывалась, не объяснялась, не возмущалась, когда онъ говорилъ о ихъ любви, какъ о

чемъ-то покончennомъ. Ему хотѣлось грубо оскорбить ее: его выводила изъ себя мысль, что эта женщина, единственная изъ всѣхъ побѣжденныхъ имъ женщинъ, внушала ему уваженіе,— и она же, безъ церемоніи, *бросала* его... его!..

Желая положить конецъ этой сценѣ, Симона стала взбираться на утесъ, и такъ спѣшила, что скоро споткнулась и неминуемо сорвалась бы внизъ, если бы д'Эсперакъ не схватилъ ее вовремя въ свои объятія. Онъ страстно прошепталъ:

— Какая ты злая!.. Зачѣмъ ты на меня дулась?.. Вотъ и пришли мнѣ въ голову гадкія мысли... Прости меня, я не помнилъ себя! Но скажи, что ты меня любишь!

Симона не вырывалась, а только смотрѣла на него расширенными глазами. Слезы навернулись у нея на глаза, и она сказала съ глубокимъ вздохомъ:

— Какая это ужасная вещь—жизнь, другъ мой!.. Жестокая и ужасная!

— Потому что ты не умѣешь съ нею обращаться, глупенькая! Жизнь такъ проста, и совсѣмъ не такъ сложна, какъ ты думаешь! Ты сама ее усложняешь!

Онъ говорилъ шутливо-ласковымъ тономъ, и она поняла, какъ далекъ онъ отъ пониманія того, что терзаетъ ее. Если бы онъ могъ читать въ ея душѣ, онъ навѣрное улыбнулся бы отъ жалости. Его сердце было нечувствительно къ тому, что такъ мучило ее. Этотъ здоровый, счастливый человѣкъ могъ безмятежно обманывать своего лучшаго друга и любить безъ муки. Въ этомъ-то, вѣроятно, и кроется мужское превосходство; а она, Симона,—не что иное, какъ нервная женщина, неспособная вносить спокойствіе ни въ добродѣтель, ни въ преступную любовь.

— Да, вы правы,—сказала она съ иронiей:—у меня дурной характеръ. Если не умѣешь относиться мужественно къ совершившемуся факту, то не слѣдуетъ идти на преступленіе.

Преступленіе! Какое страшное слово! И охота ей такъ терзать себя изъ-за того, что непоправимо. Не лучше ли пользоваться жизнью?.. Но Симона только упорно качала головой и просила его оставить ее. Жесткое выраженіе появилось въ глазахъ д'Эсперака. Онъ понялъ, что женщина эта не принадлежитъ ему болѣе, и что онъ ничего отъ нея не добьется,—она истерзается, но не сдастся. Онъ молча слѣдовалъ теперь за нею. Наверху передъ ними открылся, дѣйствительно, поразительный видъ, которымъ они молча полюбовались, и стали спускаться обратно.

Д'Эсперакъ чувствовалъ теперь холодную вражду къ этой

женщинѣ, такъ безцеремонно оттолкнувшей его отъ себя,—его, неотразимаго побѣдителя сердецъ... Ну, пусть!.. Развѣ перевелись на свѣтѣ женщины?! Не она, такъ другая...

Вернувшись къ дому, и найдя въ саду Жизель, онъ охотно принялъ ея приглашеніе остаться завтракать и тотчасъ же принялся любезничать съ Жизелью, удивительно прекрасной и оживленной въ это утро. Сама Симона поразилась этой блистательной красотой, тогда какъ Жизель поражалась ея страшной блѣдностью.

Несмотря на суевѣрное убѣжденіе, что она можетъ принести этимъ несчастіе дочери, Симона отвѣчала, что получила отъ мужа письмо съ извѣстіемъ о томъ, что Полетта захворала...

И съ первымъ же поѣздомъ Симона уѣхала къ мужу.

VII.

По возвращеніи въ Парижъ, она совсѣмъ упала духомъ. Ей казалось, что всякій жизненный горизонтъ отнынѣ закрытъ передъ нею. Отнынѣ она была неспособна ожидать слѣдующаго дня, что̀ такъ заставляетъ спѣшить и волноваться всѣхъ людей, въ надеждѣ, что завтрашній день принесетъ больше, чѣмъ сегодняшній. Въ 27-мь лѣтъ ей прискучили и люди, и событія; ничто ее не интересовало, ничего ей не хотѣлось.

Мужа и дочь она любила несомнѣнно, но простилась бы съ ними почти безъ сожалѣнія, если бы могла теперь умереть, какъ она о томъ мечтала. Глядя на нихъ, она чувствовала любопытство и удивленіе. Мужъ ея все работалъ, переходя отъ восторга къ отчаянію,—обычный удѣлъ истинныхъ художниковъ,—а для Полетты дни представляли изъ себя непрерывную цѣпь бурныхъ радостей и не менѣе бурныхъ печалей изъ-за тѣхъ пустяковъ, изъ которыхъ соткана жизнь дѣтей. Этой дѣвочкѣ все давалось безъ всякаго труда, за исключеніемъ того self-control, что̀ пыталась преподать ей ея гувернантка-англичанка; въ ученье, какъ и въ игры, она вносила необыкновенную страстность. Симона, пытавшаяся прежде обуздать ея почти мальчишескія выходки, предоставляла ей теперь полную свободу, потому что этотъ жизнерадостный ребенокъ развлекалъ ее. Когда до нея доносился веселый смѣхъ Полетты, когда глаза дѣвочки сверкали счастьемъ отъ малѣйшаго обѣщанія, молодой матери становилось легче на душѣ. Эта душевная нетронутость, эта способность надѣяться, эта полнота ощущеній, казались ей чѣмъ-то удивительнымъ и

трогательнымъ. Когда-то и она обладала всѣмъ этимъ, а потомъ лишилась, какъ лишится со временемъ и ея Полетта... Увы, какая это печальная ловушка—жизнь!

Весною она предложила мужу перебраться пораньше на дачу, отчего тотъ пришелъ въ восторгъ. Какъ! она отказывается сама отъ обычныхъ весеннихъ удовольствій? О, да, и весьма охотно! Если бы онъ зналъ, до чего ей все это надоѣло! Хотя собственно ея цѣль была покинуть Парижъ, она все-же не лгала: дѣйствительно, ей опротивѣли всѣ эти свѣтскія развлеченія...

Добрая и кроткая по натурѣ, Симона не обвиняла въ своемъ несчастіи никого, даже судьбу, а только одну себя. Она чувствовала снисхожденіе ко всему міру. Недостатки мужа сглаживались теперь въ ея глазахъ, и хотя мысль о его измѣнѣ попрежнему терзала ее, она не позволяла болѣе себѣ ни одной изъ тѣхъ выходокъ, что̀ такъ недавно отравляли ихъ супружескую жизнь. Всякій разъ, какъ Мервиль бывалъ не въ духѣ и придирался къ ней, она приписывала это его творческимъ терзаніямъ, и отвѣчала ему шуткой или даже лаской, сама удивляясь потомъ тому, какъ легко ей это давалось. И сердце ея сладко билось, когда мужъ переставалъ хмуриться и говорилъ ей, смягчая свой немного рѣзкій голосъ:

— Ты лучше меня, Симонетта, ты очаровательная женщина... Ты лишаешь меня даже развлеченія подразнить тебя.—Въ другой разъ онъ шутливо добавилъ, что ея мягкость внушаетъ ему нѣкоторое опасеніе. Ужъ не больна ли она?.. Или не задумала ли уже она измѣнить своему бѣднягѣ Рожé?

И онъ скорчилъ при этомъ такую забавно-жалкую мину, что Симона разсмѣялась.

Но что̀ ее несказанно удивляло, такъ это непостижимая для нея сложность ея внутренняго механизма, гдѣ разнообразнѣйшія пружины вертѣлись какъ-то сами собой, дѣлая непосредственно свое дѣло, помимо ея воли и разсудка, и совершенно притомъ иначе, чѣмъ она предполагала. И эти пружины дѣйствовали часто наперекоръ другъ другу, такъ что ей казалось иногда, что вся машина испортилась. Понемногу, однако, въ этомъ хаосѣ обрисовалась опредѣленная линія поведенія. Бывали минуты, что сознаніе ея измѣны мужу вселяло въ ея душѣ недобрый задоръ и какую-то горделивую радость, тогда какъ въ другія минуты она чувствовала къ самой себѣ такое омерзѣніе и отвращеніе, что скажи только Рожé слово, — и она призналась бы ему во всемъ. Къ счастію онъ не произносилъ такого

слова. И вотъ эти люди, сначала любившіе другъ друга, потомъ другъ другу измѣнившіе, опять любили одинъ другого,—пожалуй, Рожé сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Неподалеку отъ Парижа, въ живописномъ дачномъ уголкѣ, Мервиль нанялъ прекрасную виллу съ паркомъ. Переселившись туда съ семьей, Мервиль блаженствовалъ и все благодарилъ жену за то, что ей пришла такая благая мысль. Было рѣшено, что они проживутъ здѣсь до глубокой осени. Мервиль достигъ теперь всего,—и знаменитости, и богатства, и ему не было отнынѣ надобности пребывать вѣчно на виду у публики.

Раздолье здѣсь было и для Полетты, но шалила она на просторѣ до того, что англичанка ея приходила въ отчаяніе. У Симоны былѣ соломенный шарабанъ, запрягавшійся прехорошенькимъ шотландскимъ пони, и дѣвочка вбила себѣ въ голову прокатиться на этомъ пони верхомъ. И вотъ разъ утромъ, найдя пони пасущимся на лужайкѣ, и улучивъ минуту, когда гувернантка ея смотрѣла въ другую сторону, дѣвочка вскарабкалась на лошадку. Но усидѣла она на ней, конечно, недолго, и когда гувернантка подоспѣла къ ней, она лежала уже на травѣ. Гувернантка схватила ее за руку и повела къ отцу, въ кабинетъ, куда входъ былъ обыкновенно запрещенъ. Но обстоятельство было такой огромной важности...

Мервиль выслушалъ всю исторію съ важнымъ видомъ судьи и приказалъ немедленно уложить дѣвочку въ постель и запретить ей всякіе разговоры. Вѣдь, падая, она ушибла себѣ руку, и теперь ей необходимъ покой, чтобы не открылась лихорадка. И несмотря на всѣ увѣренія дѣвочки, что у нея только ничтожная царапина, ее немедленно уложили въ постель, хотя было всего девять часовъ утра. Полетта, замѣтивъ, со свойственной дѣтямъ проницательностью, что мать съ нѣкоторыхъ поръ перестала ее наказывать, стала требовать, чтобы ее пустили „къ мамà“. Но англичанка возразила, что мать ея еще спитъ, и будить ее не станутъ. Полетта не повѣрила:—Никогда мамà не спитъ такъ поздно.—Положимъ, но дѣло въ томъ, что сегодня она ждетъ изъ Парижа доктора.—Доктора! мамà больна?..—Дерзкій голосокъ дѣвочки оборвался, и скоро она зарыдала и поблѣднѣла. Тронутая гувернантка, знавшая болѣзненную привязанность дѣвочки къ матери, поспѣшила успокоить ее:—Нѣтъ, нѣтъ, мамà только за послѣднее время немного утомлена.—Полетта потребовала, чтобы ей поклялись, что мамà не больна, послѣ чего затихла и задумалась. А когда къ дому подъѣхалъ экипажъ доктора и до нея донесся стукъ колесъ, она тихонько

заплакала. Дѣвочка видѣла передъ собою красивое личико ея мамà, ея сѣрые кроткіе глаза, и вспомнилось ей, что за послѣднее время это милое лицо поблѣднѣло, а въ глазахъ иногда блестѣли слезы. „Должно быть, мамà очень больна, и это отъ меня скрываютъ. А я-то еще вчера такъ раскричалась, когда она хотѣла стричь мнѣ волосы! Боже мой, сдѣлай такъ, чтобы мамà не умерла, а я больше никогда не буду злиться, никогда!..“

Дома совѣщалась съ докторомъ г-жа Мервиль, и мужъ ея не былъ допущенъ на это совѣщаніе. Впрочемъ, здоровье жены не внушало ему опасеній, потому что небольшое малокровіе, появившееся у нея къ концу утомительнаго зимняго сезона, замѣтно проходило здѣсь, на чистомъ воздухѣ. Сонъ и аппетитъ уже вернулись къ ней. Все-же Симона пожелала, чтобы докторъ осмотрѣлъ ее. И теперь Мервиль спокойно ждалъ внизу этого доктора, покуривая папиросу. Докторъ вышелъ и сообщилъ ему, улыбаясь, что серьезнаго ничего нѣтъ, что онъ сообщилъ свои предписанія г-жѣ Мервиль, которая сама повторитъ мужу его діагнозъ. И докторъ поспѣшно вскочилъ въ свой экипажъ, отказываясь позавтракать, пожалъ Мервилю руку и велѣлъ кучеру ѣхать. Экипажъ уже покатился, когда докторъ, обернувшись, весело крикнулъ:

— А что ваша музыка, дорогой маэстро? Готовите ли вы намъ еще новый шедѣвръ?

Немного озабоченный лаконизмомъ доктора и его нѣсколько страннымъ видомъ, Мервиль поспѣшно взбѣжалъ по лѣстницѣ въ спальню, присѣлъ прямо на кровать и нагнулся къ женѣ, заглядывая ей въ глаза, которые смотрѣли какъ-то печально.

— Ну, въ чемъ же дѣло?

Видя, что она не отвѣчаетъ сразу, онъ обнялъ ее за плечи и шутливо, чтобы подразнить жену, сказалъ:

— Дѣло серьезно, а?.. Скоро я овдовѣю?

— Нѣтъ, но ты скоро будешь вторично отцомъ...

И Симона устремила на мужа тотъ глубокій взглядъ, какимъ женщины глядятъ на любимаго человѣка, сообщая ему эту вѣсть. И она могла убѣдиться, что слова ея—счастіе для ея мужа. Пораженный и удивленный въ первую минуту, онъ не могъ говорить отъ душившаго его радостнаго волненія. Потомъ какой-то трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу, онъ глубоко перевелъ дыханіе, схватилъ обѣ руки Симоны и прильнулъ къ нимъ губами, лепеча:

— Я счастливъ!.. Счастливъ!.. Счастливъ!..

— Другъ мой! — только и могла она промолвить съ глубо-

кой нѣжностью, прижимаясь губами къ его лбу, на который скатились двѣ тяжелыя слезы изъ ея глазъ, слезы сожалѣнія, стыда и сомнѣнія...

— Отчего ты плачешь?

— Оттого, что ты такой добрый, и оттого, что я такъ тебя люблю!..

— Но ты рада? Ты рада, дорогая моя? И ты не боишься, скажи?

Чего же ей бояться? И она засмѣялась. Развѣ онъ не помнитъ, какъ все обошлось благополучно съ Полеттой.

— Ахъ, ты, Боже мой!—вскричалъ онъ:—а о Полеттѣ-то я и забылъ. Она наказана, бѣдняжка. Да вѣдь ты не знаешь... представь, какая шалунья! на пони влѣзла!

Мервиль выбѣжалъ изъ спальни, чуть не прыгая, какъ школьникъ. Скоро онъ вернулся, неся дѣвочку на рукахъ; ея длинная ночная рубашка закрывала ей ноги, а сама она улыбалась сквозь непросохшія еще слезы.

— Мама, ты не больна, правда? ты не умрешь, скажи?

Теперь всѣ трое нѣжно обнимались и цѣловались. Дѣвочка сказала отцу:

— Я обѣщаю тебѣ, папа, не ѣздить болѣе верхомъ на пони.

— Напротивъ... но только при мнѣ... Я закажу тебѣ дѣтское сѣдло и буду учить тебя ѣздить верхомъ.

Дѣвочка захлопала въ ладоши, прыгая по кровати, но отецъ остановилъ ее:

— Тише, не ушиби твою мама.

— Послушай, Лелетта,—сказала Симона:—обрадовалась ли бы ты, если бы Господь Богъ послалъ тебѣ маленькаго братца... или сестрицу?

Полетта притихла, немного озадаченная этимъ вопросомъ. Мысль эта никогда не приходила ей въ голову и, очевидно, не улыбалась ей.

— Ну, вотъ еще! — сказала она небрежно: — мой пони лучше.

VIII.

Поздней осенью Мервили вернулись въ Парижъ, и въ одинъ сѣренькій ноябрьскій день у Симоны родился сынъ Гюгъ, къ великой радости родителей, страстно желавшихъ именно сына. Правда, не разъ съ тоской и сердечной тревогой Симона спрашивала себя:—кто настоящій отецъ ея будущаго ребенка? Но

она всячески отгоняла отъ себя эту мучительную мысль; ей казалось, что то мимолетное увлеченіе, за которое она ежечасно укоряла себя, не могло, не должно было повлечь за собой такое грозное послѣдствіе. Неужели этотъ краткій сонъ, разсѣявшійся какъ дымъ, могъ оставить за собой такую страшную дѣйствительность? Но когда этотъ ребенокъ родился, и она увидѣла его на рукахъ сіяющаго отъ радости Мервиля, она окончательно убѣдила себя, что страхи ея ошибочны, и что материнскій инстинктъ ея не могъ ошибиться.

Мервиль радостно суетился. Онъ хотѣлъ непремѣнно тотчасъ же извѣстить объ этомъ радостномъ событіи д'Эсперака, бывшаго въ то время въ Италіи. Но Симона воспротивилась: какое дѣло этому молодому человѣку до новорожденнаго младенца?! Мервиль добродушно согласился съ нею. Она права! и д'Эсперакъ не стоитъ того, чтобы о немъ думали. Вотъ ужъ полгода, какъ онъ не подаетъ о себѣ вѣсти. И навѣрное онъ даже не работаетъ, и стихи свои забросилъ. А знаетъ ли Симона, кто въ этомъ виноватъ?—Симона поблѣднѣла и слабо возразила, что не знаетъ...

— Да твоя пріятельница, Жизель! Я подозрѣваю, что на этотъ разъ онъ влюбленъ серьезно. Попался, голубчикъ!

— Почему ты это думаешь?

— Вѣдь ты же знаешь, что онъ не разстается теперь съ супругами Шанбертьé. Сначала онъ поѣхалъ за ними въ Гіеръ, потомъ въ Санъ-Морицъ, оттуда въ Трувиль, а теперь вотъ въ Италію. И будь увѣрена, что онъ вернется въ Парижъ не раньше, чѣмъ вернутся они.

— Не понимаю, Рожé,—вскричала съ живостью Симона:—какъ можешь ты говорить на вѣтеръ о такихъ серьезныхъ вещахъ! Предоставь подобныя сплетни женщинамъ.

Боясь разволновать ее, онъ попытался обратить все въ шутку, но Симона упорно возвращалась къ этому вопросу. Если г-нъ д'Эсперакъ, дѣйствительно, скомпрометтировалъ ея подругу, то это возмутительно съ его стороны, и мужъ ея долженъ тогда перестать его принимать. Мервиль сталъ успокоивать ее: со стороны Жизели это, должно быть, не болѣе какъ легкій „флёртъ“, потому что она слишкомъ умна и ловка, чтобы идти на публичный скандалъ. Но говорилъ онъ такъ только для успокоенія Симоны, очевидно не допускавшей даже подозрѣній по адресу любимой подруги; въ глубинѣ же души онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своей догадки, потому что до него дошли извѣстные слухи, не оставлявшіе сомнѣній. Къ тому же онъ слишкомъ

хорошо зналъ д'Эсперака, чтобы считать его способнымъ на продолжительное платоническое ухаживанье. Принимая въ разсчетъ именно дружбу его жены съ Жизелью, онъ весьма досадовалъ на всю эту исторію.

Между тѣмъ, Симона быстро оправлялась, и въ декабрѣ была уже совсѣмъ на ногахъ, радуясь, что ей удастся присутствовать на первомъ представленіи новаго произведенія ея мужа. Въ концѣ декабря должна была идти комическая опера сочиненія Мервиля, на этотъ разъ прямо на сценѣ Комической-Оперы, что̀ составляло для композитора событіе огромной важности. Пока Мервиль работалъ надъ новой партитурой, перспектива исполненія ея на второй лирической сценѣ Франціи представлялась имъ такой далекой, что они говорили объ этомъ, какъ о чемъ-то неосуществимомъ. Но съ тѣхъ поръ какъ опера была принята, и директоръ театра громко говорилъ, что смотритъ на нее какъ на капитальнѣйшую вещь сезона, съ тѣхъ поръ какъ начались репетиціи, газеты стали предсказывать заранѣе успѣхъ, а репортеры принялись *интервьюировать* Мервиля. Мужъ и жена были въ лихорадочномъ состояніи. Съ удивленіемъ замѣчала Симона, что она никогда не волновалась такъ изъ-за произведеній мужа, и поражалась тѣмъ, что въ ней пробудились вновь и любовь къ мужу, и жажда жизни, и интересъ къ завтрашнему дню, и способность радоваться...

Всего живѣе Симона чувствовала свое возрожденіе у колыбели сына. Глядя на это невинное дѣтское личико, держа въ своихъ рукахъ эту крошечную пухленькую ручку, Симона чувствовала, что миръ нисходитъ къ ней въ душу. Та странная ревность къ Жизели, которая шевельнулась въ ней вскорѣ послѣ рожденія мальчика, теперь безслѣдно прошла, и отнынѣ она не думала о Жизели иначе, какъ съ состраданіемъ, а о д'Эсперакѣ—почти съ равнодушіемъ. Цѣлуя своего крошку, она говорила себѣ, что бѣдная Жизель не можетъ быть такъ счастлива, какъ она. И она обнимала это хрупкое существо съ такой страстной нѣжностью, что Полетта глядѣла на нее съ гнѣвнымъ недоумѣніемъ, отъ котораго еще темнѣли ея темные, почти уже трагическіе глаза.

— Мама́, ты любишь Бебе́ больше, чѣмъ меня!..

Напрасно протестовала Симона. У дѣвочки было то природное чутье, что̀ свойственно слишкомъ живымъ, воспріимчивымъ натурамъ. И она порывисто говорила матери:

— Я была на свѣтѣ раньше его, я уже вышила тебѣ саше́

къ дню твоего рожденія, а къ Новому году хотѣла даже выучить тебѣ цѣлую басню. А что же сдѣлалъ для тебя Бебé?

Что онъ сдѣлалъ для Симоны?! Вотъ чего никогда не угадаетъ Полетта, даже потомъ, когда сама пройдетъ черезъ жизненныя испытанія, черезъ любовь и даже черезъ угрызенія совѣсти. Ибо всѣмъ дѣтямъ свойственно надѣлять свою мать какой-то сверхчеловѣческой душевной ясностью, которой не могутъ коснуться никакія искушенія. Симона, дѣйствительно, предпочитала своего крошку-Гюга Полеттѣ, потому что та родилась, когда ей было только 18-ть лѣтъ, и когда она не умѣла цѣнить радостей жизни, тогда какъ сынъ ея замѣнялъ теперь ей все: онъ принесъ неожиданное счастье въ такую минуту, когда казалось, что и жить-то не стоитъ...

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ день перваго представленія его оперы все приближался, Мервиль все болѣе и болѣе удивлялся тому, что о возвращеніи его друга д'Эсперака ничего не слышно. Отсутствіе стараго товарища въ такую минуту огорчало его, хотя на этотъ разъ д'Эсперакъ и не былъ его либреттистомъ. Мервиль заимствовалъ сценаріумъ своей оперы изъ пьесы Мольера: „Психея", написанной, какъ извѣстно, въ сотрудничествѣ съ Корнелемъ и Кино. Называлась опера Мервиля: „Скорбь Эрота".

Дня за два до этого спектакля, когда мужъ ея ушелъ на репетицію, а дѣтей увели гулять, Симона сидѣла у себя одна, когда лакей подалъ ей визитную карточку г-жи Жизель Шанбертьé. Симона быстро спустилась въ гостиную, и подруги, не видавшіяся цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, крѣпко обнялись, расточая другъ другу самые нѣжные эпитеты.

Симона упрекала Жизель за ея рѣдкія письма, а та возражала, что не ея вина, если Симона не отвѣтила ей на цѣлыхъ два письма. — Ну, вотъ, она не отвѣчала потому, что на ея длинныя письма Жизель отвѣчала едва нѣсколькими строчками.— Но вѣдь при постоянныхъ переѣздахъ такъ трудно писать!.. Тогда какъ Симонѣ и дѣлать было нечего.—Симона разсмѣялась:—А развѣ произвести на свѣтъ бебé—пустяки?—Да, правда! —И Жизель горячо ее поздравила, а потомъ сейчасъ же перешла на „Скорбь Эрота", говоря, что пріѣхали они сюда собственно изъ-за оперы Мервиля, а то непремѣнно остались бы въ Сициліи. Говорятъ, оперу Мервиля ждетъ блестящій успѣхъ; въ Парижѣ только и разговору, что о ней.

Но, отвѣчая на восклицанія и разспросы подруги, Симона все ждала, ждала съ тревогой и болѣзненнымъ любопытствомъ, когда Жизель заговоритъ о д'Эсперакѣ. Неужели она умолчитъ о немъ? Неужели она не осмѣлится сознаться въ томъ, что̀ такъ давно бросалось въ глаза другимъ? Пока Жизель болтала, Симона любовалась ею, потому что подруга ея за это время несомнѣнно еще похорошѣла и пріобрѣла какую-то новую, неизъяснимую прелесть. Наконецъ, Симона высказала вслухъ свои наблюденія.

— Ты повеселилась, и это замѣтно. Никогда не была ты такъ свѣжа и прелестна!

— Повеселилась?..—И Жизель повторила два раза это слово, съ такой интонаціей и съ такимъ взглядомъ, что Симона почувствовала, что тотчасъ, тотчасъ Жизель повѣритъ ей свою тайну. И какую тайну!.. Сердце ея заранѣе мучительно сжалось.

— Повеселилась? Нѣтъ, это выраженіе неподходящее... Еслибы ты знала, дорогая! Еслибы ты знала... Я такъ счастлива, такъ глубоко, такъ безусловно счастлива! Я должна признаться тебѣ во всемъ, я такъ давно мечтаю объ этомъ. Только одной тебѣ на всемъ свѣтѣ я довѣряю настолько, чтобы признаться въ *этомъ*. Наконецъ, я не могу дольше молчать... Сердце мое переполнено... Я и не представляла себѣ ничего подобнаго. Ты, Симона, осудишь меня. Но у меня вѣдь нѣтъ ничего, что̀ есть у тебя: нѣтъ ни такого мужа, какъ твой, ни дѣтей... Впрочемъ, знаешь... ничто не остановило бы меня, ни мужъ, ни дѣти... Любовь—это сильнѣе всего, выше всего.... Даже подъ страхомъ смерти я не отказалась бы отъ нея...

— Итакъ, ты любишь?.. Скажи же мнѣ все, все!..

Прижимаясь головой къ плечу Симоны, съ пылающими отъ страсти глазами, Жизель стала разсказывать ей, какъ она полюбила д'Эсперака, и какъ безумно они любятъ другъ друга. Началось это еще тогда, весной...

Весной! Довольно спокойно слушавшая ее до этой минуты, Симона вся вздрогнула. Весной! такъ скоро! Сейчасъ же послѣ нея!.. И внезапно въ ней шевельнулась бѣшеная ненависть къ Жизели. Но въ ту же минуту ее пронизало сознаніе собственной несправедливости. Не она ли сама оттолкнула тогда этого человѣка! Что̀ съ ней? Откуда эта ревность? Не чудовищное ли тщеславіе говоритъ въ ней? Да не она ли первая уязвила самолюбіе д'Эсперака! Что̀ же удивительнаго, что онъ сталъ искать немедленнаго утѣшенія и обрѣлъ его подлѣ этой блистательной

красавицы! Но, несмотря на всѣ эти доводы, Симона чувствовала въ себѣ приливъ невѣроятной ревности, за которую она презирала себя, отчаянно презирала. Какъ! Она ревновала мужа, измѣняя ему, а теперь ревнуетъ того, кого сама отъ себя оттолкнула!.. Но это безуміе! Изъ какихъ нечистыхъ нѣдръ зарождаются подобныя чувства, надъ которыми безсиленъ разумъ?

— Что съ тобой? Какъ ты блѣдна!—замѣтила Жизель.

Еще минута, и Симона забылась бы; она выдала бы себя какой-нибудь неосторожностью, если бы въ корридорѣ не раздались вдругъ шаги и смѣхъ.

— Мои дѣти!—вскричала Симона, внезапно облегченная.— Она бросилась къ нимъ на встрѣчу съ какимъ-то почти безумнымъ порывомъ, и съ перваго же взгляда на нихъ тихій миръ снизошелъ въ ея смятенную душу. Она взяла мальчика изъ рукъ мамки, велѣла Полеттѣ слѣдовать за нею въ гостиную, и тамъ, протягивая съ достоинствомъ своего новорожденнаго ребенка бездѣтной подругѣ, сказала ей:

— Вотъ мой сынъ!

IX.

Свидѣлась Симона съ д'Эсперакомъ только на первомъ представленіи „Скорби Эрота“. Вернулся д'Эсперакъ въ Парижъ наканунѣ вечеромъ и зашелъ въ день спектакля въ театръ, повидаться съ Мервилемъ, который, конечно, несказанно ему обрадовался, и сейчасъ же предложилъ ему мѣсто въ бенуарѣ жены, гдѣ самъ онъ будетъ только урывками. Д'Эсперакъ отнѣкивался.

— Развѣ Симона будетъ въ ложѣ одна? Вѣдь съ нею могутъ быть родственники, друзья... наконецъ, супруги Шанбертьé.

— Нѣтъ. Родственниковъ у насъ почти не осталось никакихъ, а что касается до парочки Шанбертьé... Неужели ты воображаешь, что прекрасная Жизель согласится сидѣть въ темномъ бенуарѣ, да еще на такомъ „сенсаціонномъ“ первомъ представленіи? Послѣ такого долгаго отсутствія... Нѣтъ, нѣтъ, она заблистаетъ вновь на парижскомъ небосклонѣ не иначе, какъ въ средней ложѣ бель-этажа...

Когда Симона узнала, что проведетъ сегодняшній вечеръ въ театрѣ почти въ непрерывномъ tête-à-tête съ д'Эсперакомъ, она сейчасъ же рѣшила взять съ собою Полетту. Съ большой ловкостью, она ввернула, между прочимъ, въ разговорѣ, что Полетта уже не маленькая, и можно бы ее свезти на „первое представленіе“ пьесы отца.

— Полеттѣ скоро исполнится девять лѣтъ, и ей можно еще, пока, слышать такія вещи, которыхъ въ шестнадцать лѣтъ ей слушать будетъ нельзя.

— Я совсѣмъ не говорю, что моя пьеса неприлична... Только она не высидитъ, заснетъ.

— Заснетъ! Она!.. Вотъ увидишь! Я вовсе не нахожу, что ее слѣдуетъ возить въ театръ; но когда дѣло идетъ о твоей оперѣ!..

Когда на Поллетту надѣли ея платье изъ сюра „кремъ“ и сказали, что она узнаетъ, куда ее везутъ, только послѣ того, какъ она съѣстъ тарелку супу и кусокъ мяса, дѣвочка затрепетала отъ радости и сейчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло. Заставить ее пообѣдать не было никакой возможности, а въ каретѣ она до того вертѣлась, что поминутно наступала на черное бархатное платье матери. Симона и Рожé были такъ взволнованы, что ѣхали молча, рука въ руку. Внезапно Полетта вскричала:

— Вотъ было бы славно, папà, еслибы сегодня случился провалъ!

Родители ея вздрогнули. „Провалъ“! Откуда знала дѣвочка это закулисное театральное словечко? Полетта продолжала:

— Ну, да, потому что мы выпили бы тогда шампанскаго. Ты не помнишь, мамà? Еще ты была разъ такая печальная, а папà сказалъ тебѣ: „Ну, что-жъ, провалъ такъ провалъ! Не плакать же намъ изъ-за этого. Выпьемъ-ка лучше шампанскаго“. И папà велѣлъ принести бутылку шампанскаго.

— Правда,—разсмѣялся Мервиль.—Это было на другой день того перваго представленія, помнишь? той глупѣйшей пантомимы, къ которой мнѣ была заказана музыка...

Они подъѣхали къ театру. На зеленыхъ афишахъ, ярко освѣщенныхъ газовыми рожками, выступали огромныя черныя буквы двухъ словъ: „Скорбь Эрота“. И Мервилю съ женой казалось, что эти два слова—животрепещущія частицы ихъ самихъ. Эти выставленныя на показъ толпѣ слова заключали въ себѣ страданія и радость, тревоги и надежды; эти два слова разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ, заслоняли время и пространство, низводили всю вселенную до ничтожества. Никогда не посмѣли бы они признаться, какъ мало значили теперь для нихъ всѣ человѣческія слезы и мольбы этой минуты—въ сравненіи вотъ съ этими двумя словами!

Усадивъ жену въ ложѣ и поцѣловавъ ее точно передъ сраженіемъ, Мервиль вышелъ, а въ бенуаръ Симоны почти тотчасъ же вошелъ д'Эсперакъ. И сладко, и больно стало на сердцѣ Си-

моны... Она испугалась... Неужели она любила его сильнѣе, чѣмъ думала, неужели любитъ и теперь? И страшный хаосъ воцарился на мгновеніе въ ея душѣ; но манеры д'Эсперака сейчасъ же ее, впрочемъ, успокоили и глубоко тронули. Въ его голосѣ, жестахъ и взглядахъ было какое-то серьезное волненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, большая простота. Онъ какъ бы говорилъ ей, что ея воля будетъ для него закономъ.

Но не манеры д'Эсперака, и не присутствіе Полетты, окончательно отрезвили, успокоили Симону и избавили ее навсегда отъ новаго припадка пагубнаго навожденія. Спасли Симону—геній Рожé, властное обаяніе его музыки, гордость его успѣха. Личность ея мужа, наполнявшая собою всю эту залу, совершенно овладѣла ея душой, заслонила ее отъ всякихъ искушеній, внушила ей непобѣдимую гордость... Тѣмъ не менѣе, въ ту самую минуту, когда, среди грома апплодисментовъ, вся душа ея устремилась къ этому генію, она внезапно, съ тайной грустью поняла, что не можетъ болѣе предаться мужу всѣмъ существомъ, и что никакой долгъ, никакой сердечный порывъ, никакое поклоненіе таланту—не могутъ вновь зажечь въ ней искорку любви, —этотъ блуждающій, случайный огонекъ, это вѣчное заблужденіе, эту вѣчную чару сердца.

Съ финала второго акта стало ясно, что тріумфъ Мервиля будетъ полный. Три раза поднимался занавѣсъ, и публика съ восторгомъ привѣтствовала исполнительницъ ролей двухъ соперницъ, Венеры и Психеи, богини и смертной. Къ счастію, обѣ исполнительницы были одинаково красивы и талантливы. Пока публика пробиралась изъ партера къ выходамъ, до Симоны ясно долетѣло, изъ кучки людей, пробиравшихся мимо ея ложи, громкое восклицаніе одного вліятельнаго критика:

— Чортъ побери! Да вѣдь это настоящая музыка!.. Крупнѣйшее произведеніе! Но кто же, кромѣ меня, ожидалъ подобной штуки отъ этого молодчика!..

— Онъ правъ, — прошепталъ Симонѣ д'Эсперакъ. — Всѣ остальные непремѣнно хотѣли обречь его навсегда опереткѣ. Вы довольны, надѣюсь?

Въ эту минуту въ ложу вошелъ Мервиль и заговорилъ:

— Что скажете? Дѣло идетъ на ладъ, а?

— На ладъ!—вскричалъ д'Эсперакъ.—Критики, братецъ мой, толкуютъ о „настоящей музыкѣ". Отнынѣ тебѣ ужъ потребуется „настоящая поэзія", и риѳмоплета д'Эсперака, значитъ, по боку!

— Ты несешь сущій вздоръ, старина!

— Помилуй, ты прямо за Мольера взялся... А кто выкроилъ

тебѣ этотъ сценаріумъ? Взято вѣдь не все, и сдѣлано очень ловко.

— Самъ выкроилъ.

— Да ну!..

— Штука не трудная. Понабралъ вырѣзокъ, вотъ и готово.

— Закрой дверь, Рожé!—сказала Симона:—а то къ намъ вторгнутся журналисты.

— Правда, мы вѣдь сегодня не показываемся публикѣ...

Въ эту минуту Полетта, сидѣвшая у барьера ложи, крикнула такимъ забавнымъ тономъ, что нѣсколько мужчинъ въ партерѣ обернулись и засмѣялись:

— Такъ это не провалъ, папà?

— Шш! молчи!—отвѣчалъ ей отецъ:—но шампанскаго ты, все-таки, получишь!

На третій актъ Мервиль остался въ ложѣ жены, и его присутствіе окончательно разогнало неясное смущеніе Симоны, тяготившейся близкимъ сосѣдствомъ д'Эсперака въ этой темной, тѣсной ложѣ. Теперь она могла разговаривать съ нимъ самымъ естественнымъ образомъ. Отнынѣ парижская жизнь, вѣчно замаскированная, снова всецѣло завладѣла ими, и привычные къ свѣту Симона и д'Эсперакъ скоро вошли въ свою роль, никогда болѣе не забывая ея потомъ, даже наединѣ.

Третій актъ „Скорби Эрота“ заключалъ въ себѣ настоящіе перлы, и зрители слушали въ нѣмомъ экстазѣ, не шевелясь, не издавая ни одного „браво“, почти не дыша. Когда „клàка“ вздумала было подчеркнуть одно особенно красивое мѣсто, послышалось сердитое шиканье. Симона поблѣднѣла и прошептала:

— Какъ!.. Ужъ если этому не апплодировать!..

Еле дыша, мужъ сдѣлалъ ей знакъ замолчать, а д'Эсперакъ поспѣшно прошепталъ:

— Не бойтесь... Они просто въ экстазѣ.

И дѣйствительно, когда, черезъ минуту, теноръ, пѣвшій Эрота, запѣлъ потрясающимъ, скорбнымъ голосомъ въ отвѣтъ на настоянія Психеи, по залѣ пробѣжалъ такой трепетъ, что волненіе и восторгъ на этотъ разъ не могли не прорваться. Раздались неистовые апплодисменты и громкіе крики: „Браво!.. браво!..“ Пѣвецъ остановился. И вотъ по залѣ прокатился громъ апплодисментовъ, потомъ затихъ и возобновился вдругъ опять съ такою силой, что Симона, плача отъ счастья, обернулась, охватила обѣими руками шею мужа и порывисто поцѣловала его въ лобъ.

Тѣмъ временемъ пѣвецъ невозмутимо ждалъ, и, наконецъ,

чуть-чуть опустилъ вѣки, давая тѣмъ знакъ капельмейстеру. Казалось, никогда не улечься этому волненію цѣлой залы; но стòило, однако, тенору открыть ротъ, какъ все мгновенно стихло и замерло вновь въ экстазѣ. И божественная скорбь Эрота полилась чудной мелодіей...

Опера кончалась такъ, какъ кончается сама древняя басня, имѣющая такой глубокій философскій смыслъ. Мервиль не взялъ развязки Мольера, у котораго Венера смѣняетъ гнѣвъ на милость, а Юпитеръ вступается, возвращаетъ Психеѣ ея возлюбленнаго, а ее пріобщаетъ къ сонму боговъ. Въ либретто Мервиля было такъ: когда Психея удовлетворила своему любопытству, ея возлюбленный исчезъ навсегда изъ ея глазъ; чудный садъ, окружавшій ее, превратился въ пустыню, полную терній, пепла и камней; а она осталась одна. Когда занавѣсъ упалъ, д'Эсперакъ сказалъ Симонѣ:

— Знаете ли, что вашъ великій мужъ положилъ на музыку цѣлую нравственную диссертацію. Это значитъ, что никогда не слѣдуетъ слишкомъ близко всматриваться въ свое счастье, изъ опасенія его лишиться. Не слѣдуетъ его черезчуръ анализировать, а надо брать его—какъ оно есть. Иначе же отъ него остается груда сорныхъ травъ, пепелъ и камни.

Симона отлично поняла его слова и вся захолодѣла, но справилась съ собой; но то, что̀ послѣдовало, окончательно потопило ея грусть въ потокѣ радости. Послѣ многократныхъ вызововъ по адресу актеровъ, занавѣсъ упалъ и, повидимому, въ послѣдній разъ; но публика толпилась передъ рампой и требовала имени композитора. На сцену вышелъ режиссеръ и произнесъ это имя. И вотъ, Мервиль, какъ и Симона, даже и маленькая Полетта—пережили ту минуту упоенія, когда тѣло и душа упиваются кликами успѣха. Обнявшись въ глубинѣ ложи, они слушали стоя эти клики. И то было неслыханное счастье, выпадающее на долю лишь немногимъ избранникамъ: одна человѣческая личность владѣетъ сотнями человѣческихъ существъ, владѣетъ силою своей мысли, своего творчества, мечты художника,—и власть эта воплощается въ волненіе толпы, апплодисменты тысячи рукъ, привѣтственные крики... Какой опьяняющій, упоительный шумъ!..

— Ну, старина,—сказалъ д'Эсперакъ, въ глазахъ котораго блестѣли слезы искренней радости:—поздравляю! Вотъ настоящій, вполнѣ заслуженный успѣхъ!

Мужчины пожали другъ другу руку, а Симона гордымъ и внезапнымъ жестомъ протянула руку д'Эспераку. Она уже прежде протянула ему ее, когда онъ вошелъ въ ложу въ началѣ ве-

чера, но то было банальное движеніе, лишенное всякаго значенія. Теперь же онъ понялъ, что жестъ этотъ что-то означаетъ, только не разобралъ, что̀ именно. Онъ чувствовалъ въ этомъ какой-то искренній, честный союзъ, желаніе стереть навсегда самое воспоминаніе о постыдномъ прошломъ, нѣчто въ родѣ дружескаго примиренія передъ самымъ лицомъ геніальнаго художника. То было безсознательнымъ воззваніемъ къ лучшимъ струнамъ его души. Онъ былъ и удивленъ, и потрясенъ. И, пожимая маленькую ручку Симоны, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ пробуждается что-то искреннее, хорошее, великодушное, унаслѣдованное отъ цѣлыхъ поколѣній предковъ и обыкновенно заглушаемое въ немъ легкомысленностью и циничными вожделѣніями свѣтскаго парижанина...

X.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такого мирнаго счастья, какого еще не знала доселѣ Симона. Конечно, она была безгранично счастлива въ первые годы замужества; но, не пройдя тогда еще ни черезъ какія испытанія, она не умѣла цѣнить своего блаженства. Теперь же было не то.

Къ тому же ей было теперь тридцать лѣтъ, и она вступала въ тотъ возрастъ, когда женщины начинаютъ находить, что время идетъ слишкомъ быстро, когда онѣ дорожатъ каждымъ часомъ. Отнынѣ она отгоняла отъ себя всякія химеры и рѣшила наслаждаться своимъ счастьемъ, не мудрствуя.

Извѣстность и богатство Мервиля росли со дня на день. Окрыленный успѣхомъ, Мервиль сталъ увѣреннѣе въ себѣ; то недовѣріе къ своему таланту, что̀ терзаетъ иныхъ артистовъ, даже когда они достигли славы, мало-по-малу проходило въ немъ. И характеръ его дѣлался все ровнѣе и ровнѣе; онъ былъ менѣе нервенъ и насмѣшливъ, и такъ тепло, такъ мягко относился ко всѣмъ окружающимъ, что всѣ какъ-то расцвѣтали. Но всего сильнѣе чувствовала эту доброту Симона.

Маленькій Гюгъ подросталъ и превращался въ прелестнаго ребенка. Что̀ всего болѣе восхищало въ немъ его родителей, такъ это огромные, удивленно-восторженные глаза, особенно выступавшіе на этомъ крохотномъ личикѣ. Мервиль твердилъ Симонѣ чуть не каждый день, что глаза у ребенка будутъ синіе. Но она возражала, что это вздоръ, потому что ни у кого въ семьѣ нѣтъ такихъ глазъ, синяго тона; у нея глаза свѣтлые, да

и то сѣрые, а у Рожé черные. У всѣхъ новорожденныхъ глаза бываютъ этого неопредѣленно-голубого цвѣта, а потомъ это проходитъ. И у Гюга глаза будутъ черные, отцовскіе. Но какъ-то утромъ, играя съ ребенкомъ, Мервиль поднесъ его внезапно къ окну, подозвалъ мамку и спросилъ у нея, какого цвѣта глаза у мальчика? Та не могла не подтвердить очевиднаго факта—глаза были синіе. Въ эту минуту въ дѣтскую вошла Симона, и Мервиль обратился къ ней:

— Смотри, глаза у него синіе, темно-синіе. Знаешь ли, Симона, что я знаю только пару подобныхъ глазъ,—и это глаза д'Эсперака. Вотъ умора!.. У Бебé совершенно глаза Жана.

Слова эти ударили Симону въ самое сердце, и она схватилась за грудь, не имѣя силъ вымолвить ни слова. Между тѣмъ, Мервиль добродушно шутилъ, ничего не замѣчая. Онъ одобрялъ выборъ мальчугана,—ибо красивѣе глазъ Жана онъ и не видывалъ. Выходитъ, что его супруга черезчуръ засматривалась на сафирныя очи ихъ друга д'Эсперака... Слушая шутку мужа, Симона вся холодѣла.

И вотъ она начала пристально всматриваться въ темно-синіе глаза сына, но послѣ нѣсколькихъ дней тоски и тревоги она понемногу привыкла къ нимъ, какъ привыкли уже всѣ окружающіе. Никому не приходило теперь въ голову сравнивать ихъ съ глазами д'Эсперака. И скоро Симона успокоилась.

Мало выѣзжая этой зимой и не принимая у себя, она только изрѣдка встрѣчалась съ Жизелью и д'Эсперакомъ, совершенно равнодушная уже къ ихъ близости. Д'Эсперакъ писалъ новое либретто для Мервиля, но дѣло подвигалось туго, а бывалъ онъ у Мервиля все рѣже и рѣже; а Жизель все такъ же вертѣлась въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій; у нея не было времени навѣщать пріятельницу. Теперь, когда она любила, она вся какъ-то ожила, жаждала движенія, свѣта, суеты. И вела она себя такъ, что про связь ея съ д'Эсперакомъ знали теперь всѣ, кромѣ, разумѣется, самого Шанбертьé.

Д'Эсперакъ, всегда деликатному и осторожному съ женщинами, поведеніе ея не нравилось. Въ отвѣтъ на его упреки, она вспылила. И она была такъ чудно хороша въ своемъ гнѣвѣ, что д'Эсперакъ былъ побѣжденъ, но не надолго. И вотъ, понемногу, въ немъ зародилось презрѣніе къ ней, а Жизель ничего не замѣчала и только все больше и больше раздражала его безтактными выходками, обычными насмѣшками надъ бракомъ вообще и надъ своимъ мужемъ въ частности. И несмотря на красоту и явную страсть Жизели, онъ скоро ею пресытился...

Какъ-то утромъ горничная Симоны доложила ей, что ее настоятельно желаетъ видѣть какая-то дама, очень хорошо одѣтая и не похожая на просительницу. Симона накинула поспѣшно пеньюаръ, сошла въ гостиную и изумленно вскрикнула: передъ нею стояла старая г-жа Шанбертьé, почти безвыѣздно жившая зимой въ своемъ провансальскомъ замкѣ. Она сказала Симонѣ, что пріѣхала къ ней по чрезвычайно важному дѣлу, и проситъ сохранить ея посѣщеніе въ полной тайнѣ. И лицо ея было такъ печальчо и сурово, что непонятная тревога закралась въ душу Симоны.

— Я пришла къ вамъ, дорогое дитя мое, во имя дружбы, существующей между вами и моей невѣсткой, разсчитывая на вашу прямоту и доброе сердце.

Старая дама вынула изъ кармана небольшой бумажникъ, достала изъ него сложенную бумажку и протянула ее Симонѣ.

— Знакомъ ли вамъ этотъ почеркъ?

Глаза Симоны удивленно раскрылись, ибо она съ перваго же взгляда узнала почеркъ д'Эсперака. Она смутилась, потеряла на мгновеніе способность разсуждать и, забывая, что собственноручно уничтожила всѣ его записки, вообразила, что одна изъ нихъ какимъ-то чудомъ попала къ матери Шанбертьé... Она пролепетала въ замѣшательствѣ, что почеркъ ей незнакомъ. Но старая дама недовѣрчиво улыбнулась. Какъ можетъ Симона не знать этого почерка, когда это почеркъ г. д'Эсперака, друга и сотрудника ея мужа, въ рукахъ котораго она должна была видѣть не разъ письма отъ г. д'Эсперака.

— Вы краснѣете, дитя мое, и тѣмъ выдаете себя... Значитъ, вамъ все извѣстно... Вы не можете не знать о томъ, что Жизель—любовница этого молодого человѣка,—добавила старая дама, понижая голосъ.

Теперь Симона поняла, въ чемъ дѣло, и упрекнула себя за то, что, въ страхѣ за себя, выдала Жизель. И она горячо заступилась за подругу.—Нѣтъ, она ничего не знаетъ, потому что и знать нечего.—Г-жа Шанбертьé кротко ее остановила.

— Мы тратимъ время понапрасну. Если вы этого не знаете, прочтите это письмо, прочтите его въ интересахъ Жизели. Я пришла къ вамъ, какъ къ ея лучшему, единственному другу, имѣющему на нее благотворное вліяніе. Сыну я ничего не скажу; съ невѣсткой говорить объ этомъ не мыслимо. Но мы съ вами должны предупредить возможную катастрофу.

Симона прочла письмо. Судьба была къ ней неумолима, и далеко не конченъ былъ для нея этотъ тернистый путь!..

— Какое счастіе, что это письмо попало въ мои руки, а не въ руки моего сына,—продолжала старая дама.—Онъ убилъ бы ихъ обоихъ. Вы не вѣрите? Напрасно! Онъ убилъ бы ихъ. И хотите знать—почему? Потому что это носится въ воздухѣ, потому что теперь принято убивать невѣрную жену, или ея любовника, или даже обоихъ; потому что это такъ дѣлается вокругъ насъ, въ нашей средѣ. И именно въ силу своей мягкости, рутинности и отсутствія собственнаго образа мыслей, онъ способенъ въ первую минуту поступить точно такъ же, какъ другіе.

Симона испугалась. Но что же она-то можетъ сдѣлать?—Она можетъ предупредить и образумить Жизель.—Симону трогало это материнское отчаяніе, и она обѣщала поговорить съ Жизелью, отлично понимая въ душѣ, что такой страстной женщины, какъ ея пріятельница, ничѣмъ не остановить. Но она намѣревалась посовѣтовать ей быть крайне осторожной. Она навѣстила Жизель въ тотъ же день, но та отнеслась ко всей этой исторіи весьма легко. Надъ свекровью она только посмѣялась; а когда услыхала, что мужъ можетъ убить ее, то неудержимо расхохоталась. Вотъ вздоръ-то! Да онъ до глупости ее любитъ и вѣритъ ей. Это даже досадно, и ослѣпленіе его мѣшаетъ ей. Напрасно мать его воображаетъ, что она таится отъ мужа. Да она нарочно не прячетъ своихъ писемъ. Удивительно, что онъ ничего не замѣчаетъ!..

Симона была поражена. Какъ! Она хочетъ открыть мужу глаза? Но къ чему же?—Да потому, что ей надоѣло влачить эту жизнь съ Шанбертьé! А тутъ еще вмѣшательство свекрови!—На что она надѣется? На разводъ?—Разумѣется...—Но если такъ, то ей тѣмъ болѣе слѣдуетъ скрываться, потому что законъ не допускаетъ брака сообщниковъ.—Все это вздоръ! Она убѣдитъ Шанбертьé поступить по-рыцарски и взять вину на себя.—И ничего болѣе Симона отъ нея не добилась. Оставалось отдаться на волю судьбы.

XI.

Наступилъ іюнь. Несмотря на чудную погоду, несмотря на свою ненависть къ Парижу, старая г-жа Шанбертьé не уѣзжала, воображая, что ея присутствіе можетъ чему-то помѣшать. Теперь она боялась самоубійства со стороны сына и жила въ вѣчной тревогѣ. Но съ Жизелью она держалась такъ, что той, не взирая на все ея желаніе, не къ чему было придраться.

Наконецъ, какъ-то около двухъ часовъ дня, старая дама

вторично явилась къ Симонѣ, лепеча какія-то безсвязныя слова: „Анонимное письмо... свиданіе... Скорѣе туда... Катастрофа... Мёдонъ“... Послѣднее слово поразило Симону. Что такое? Свиданіе назначено въ Мёдонѣ?..—Да, да, но какъ ихъ тамъ найти?..

Симона поблѣднѣла и молчала. Никогда не подумала бы она, что Жанъ способенъ ввести Жизель въ тотъ самый домъ, гдѣ... Но рыданія старой дамы заставили ее опомниться, и она прошептала, что, кажется, знаетъ, какъ ихъ найти... Но для этого ей надо ѣхать туда самой, потому что г-жа Шанбертьé такъ взволнована, что не найдетъ дома... Но въ чемъ же собственно дѣло?

— Я увѣрена, что за послѣднее время Эдуардъ кое-что подозрѣвалъ... Онъ получалъ анонимныя письма, грустилъ... Сегодня онъ вышелъ изъ-за стола, не кончивъ завтракать, и ушелъ къ себѣ. Я пошла за нимъ и подкралась къ нему сзади... Онъ сидѣлъ у стола, а передъ нимъ лежало раскрытое письмо... безъ подписи... очень крупно написанное. Я успѣла разобрать *ихъ* имена... слово „Мёдонъ“ и еще одно слово: *сегодня*, сильно подчеркнутое. Въ эту минуту Эдуардъ поднялъ голову... Онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ!.. Я стала увѣщевать его, но онъ сказалъ мнѣ сурово: „Значитъ, и вы тоже знали? На этотъ разъ чаша переполнена, и сегодня же всѣ узнаютъ, какъ Шанбертьé мститъ за свою поруганную честь!“ И онъ вышелъ изъ комнаты...

— А Жизель вы не предупредили?

— Жизель? Несчастная!.. ея не было уже дома.

Не думая долго, Симона уговорила г-жу Шанбертьé вернуться домой, а сама поѣхала въ своей каретѣ въ Мёдонъ, безсознательно увлекаясь предстоявшей ей ролью великодушной спасительницы. Но, выйдя изъ кареты неподалеку отъ памятной ей виллы и дойдя до нея пѣшкомъ, она почувствовала, что это не такъ легко, какъ казалось ей въ первую минуту. Жгучія воспоминанія поднимались въ ней. Но медлить было немыслимо... Дойдя до виллы, она взялась за ручку калитки, съ удивленіемъ замѣчая, что она не заперта изнутри. Она вошла въ садъ, задвинула за собой задвижку и прошла къ дому. Дверь въ сѣни открылась такъ же легко. За стѣной, ведшей въ комнаты, послышался смѣхъ и голосъ Жизели... Симона стала стучать въ дверь, окликая Жизель задыхающимся голосомъ. За стѣною Жизель просила кого-то не двигаться съ мѣста, потому что она знаетъ, въ чемъ дѣло, и пойдетъ туда сама. И Жизель вышла въ сѣни... Но при видѣ Симоны ей стало такъ смѣшно, что она

прислонилась спиной къ косяку двери.—Симона здѣсь!.. Ужъ не спасать ли ее она пріѣхала! Только этого не хватало!..—Но Симона умоляла ее не смѣяться... Сейчасъ явится ея мужъ, поклявшійся убить ее!..—Не можетъ быть! Симона не такъ поняла!

— Жизель, ты сумасшедшая!.. Спасайся!.. Удали поскорѣе г-на д'Эсперака... Не то онъ убьетъ васъ обоихъ. А тебя я увезу.

— Вздоръ! Иди за мной. Ты, дурочка, ровно ничего не понимаешь.

И она увела Симону въ переднюю, незнакомую ей комнату, гдѣ окна были закрыты ставнями, за исключеніемъ одного, изъ котораго былъ виденъ весь садъ. Симона лихорадочно допрашивала Жизель. Вѣрные ли тутъ привратники? Еще счастье, что она, Симона, догадалась запереть калитку на задвижку! Но, узнавъ это, Жизель была раздосадована. Къ чему она это сдѣлала? Куда она суется? Пойти открыть теперь эту калитку она не можетъ, потому что Жанъ увидитъ ее изъ окна, а она не хочетъ, чтобы онъ зналъ.

— Ну, что ты такъ смотришь на меня?—сказала Жизель, цѣлуя Симону:—милочка, неужели ты ничего не поняла, когда Шанбертьé показалъ тебѣ анонимныя письма?

Но, узнавъ отъ Симоны, какъ и отъ кого она все узнала, Жизель вся поблѣднѣла отъ внезапнаго бѣшенства.

— Опять моя свекровь!.. Она будетъ причиной того, что я возненавижу ея сына, котораго безъ нея только презирала бы.

— Перестань!.. Послушайся лучше меня и помѣшай г-ну д'Эсперaку встрѣтиться съ твоимъ мужемъ. Иначе будетъ бѣда.

— Пустяки. Точно я не знаю своего Шанбертьé! Никого онъ не убьетъ... Пошумитъ, покричитъ, погрозитъ, да и угомонится. А потомъ я заставлю его просить развода, подъ предлогомъ *несоотвѣтствія характеровъ*. А такъ какъ я потеряю такимъ образомъ имя и положеніе изъ-за Жана, а онъ человѣкъ порядочный... Понимаешь?..

Симона поблѣднѣла, и смутное, некрасивое подозрѣніе шевельнулось въ ней.—Значитъ, это—нарочно открытая калитка?.. И, пожалуй, эти анонимныя письма?..—Жизель засмѣялась...

— Наконецъ-то!.. Развѣ ты не понимаешь, въ чемъ дѣло?.. Да, разумѣется, я—авторъ этихъ писемъ... И, Боже мой, какъ приходилось ему все разжевывать, чтобы онъ понялъ... Но сегодня онъ, значитъ, явится? ты увѣрена, а?

— Жизель, ты совершила ужасный поступокъ. Пусти меня, я не могу здѣсь дольше оставаться... Какой ужасъ!.. Пусти меня!..

Симона вырвала свои руки и бросилась къ дверямъ, но вдругъ вернулась назадъ, восклицая:

— Нѣтъ, мнѣ жаль тебя!.. Увѣряю, увѣряю тебя, что мужъ твой хочетъ убить васъ обоихъ!.. Спасай же себя и его!

Жизель перестала смѣяться, потрясенная тономъ Симоны. Въ ту же минуту у калитки яростно задребезжалъ звонокъ. Жизель подбѣжала къ окну; но то, что она увидѣла, привело ее, очевидно, въ бѣшенство, потому что она топнула ногой и, къ удивленію Симоны, разразилась проклятіями. Какая низость!.. низость... Этого она отъ него не ожидала... И вдругъ она обняла Симону и стала умолять ее жалобнымъ, плачущимъ голосомъ:

— Спаси меня, спаси меня, Симона!.. Я погибла!.. Погибла!.. Придумай что-нибудь, дорогая!.. Спаси меня!..

Она увлекла недоумѣвающую Симону въ темный корридоръ. И вотъ внезапно ихъ осѣнила одна и та же мысль: Симона могла замѣнить собою Жизель!.. Стремительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющимъ жестомъ Жизель стала толкать подругу къ той комнатѣ, гдѣ находился д'Эсперакъ. Симона сопротивлялась. Она готова была отдать свою жизнь, но никакъ не свою честь!.. Да минуетъ ее этотъ срамъ!..

Но было уже поздно: въ сѣняхъ послышались шаги и шумъ. Въ глазахъ Жизели отразился такой испугъ, что Симонѣ представилась уже сцена кровавой расправы. Она поспѣшно толкнула подругу къ лѣстницѣ, ведшей въ верхній этажъ, а сама бросилась въ ту комнату, гдѣ былъ д'Эсперакъ, который такъ и замеръ на мѣстѣ отъ изумленія при видѣ ея. Лихорадочно срывая съ себя шляпку и перчатки, Симона лепетала съ краской въ лицѣ: „Это я, а не она... понимаете?.. Тамъ ея мужъ... Слѣдовательно, это я!..“ Потрясенный, охваченный восторженнымъ уваженіемъ къ ней и мучительнымъ стыдомъ за себя, онъ смотрѣлъ на нее, не шевелясь, смущенный и полный раскаянія.

— Откройте же ему!—сказала Симона:—пусть онъ войдетъ. Иначе онъ способенъ пробраться на верхъ и найти Жизель.

Д'Эсперакъ вышелъ въ корридоръ, но, къ ея удивленію, оттуда послышался теперь его негодующій голосъ. Ее удивлялъ этотъ тонъ д'Эсперака по адресу оскорбленнаго мужа, защищающаго свои попранныя права. Но скоро до нея долетѣли такія слова, которыя отнимали все значеніе отъ приносимой ею жертвы, потому что весь трагизмъ положенія исчезъ, и оста-

лась только водевильная тривіальность. И на душѣ ея стало горько и скверно.

— Этому нѣтъ названія, милостивый государь!—громилъ д'Эсперакъ:—и сейчасъ вамъ придется сознаться въ своей низости передъ господиномъ полицейскимъ коммиссаромъ, потому что вы ему заявите, что вашей жены тутъ нѣтъ.

„Полицейскій коммиссаръ!.. Онъ привелъ полицейскаго коммиссара! Такъ вотъ какъ мститъ Шанбертье!...“

И Симонѣ стали понятны испугъ и бѣшенство Жизели. Эта полицейская процедура влекла за собою позоръ, разводъ въ пользу ея мужа, невозможность выйти замужъ за ея сообщника, потерю свѣтскаго положенія. То было самое страшное наказаніе для гордой Жизели, — Шанбертьé, быть можетъ, это понималъ, — наказаніе худшее, нежели самая смерть, а потому испугавшее ее больше, чѣмъ всякое появленіе мужа съ револьверомъ въ рукахъ.

Услыша, что дверь отворяется, Симона закрыла лицо руками, предполагая, что по волосамъ ея узнаютъ, что это не Жизель, а кто именно—могутъ не разобрать. И лицо ея, дѣйствительно, осталось тайной для полицейскаго коммиссара, но у Шанбертьé вырвалось такое восклицаніе, что она поняла, — онъ ее узналъ. Онъ взглянулъ на нее всего разъ—и кинулся поспѣшно вонъ. Присутствіе г-жи Мервиль было для него убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ невинности Жизель, ибо ничего не было правдоподобнѣе и естественнѣе, какъ связь между женой Мервиля и его сотрудникомъ! Какъ онъ раньше этого не угадалъ! Вотъ вамъ и наружность чистой мадонны!..

— Милостивый государь!—кричалъ ему вслѣдъ д'Эсперакъ:—если вы думаете, что имѣете право безнаказанно врываться ко мнѣ, то вы сильно заблуждаетесь. Я заставлю васъ дать мнѣ удовлетвореніе!

Полицейскій коммиссаръ разсыпался передъ нимъ въ извиненіяхъ и поспѣшилъ улизнуть.

Д'Эсперакъ вернулся въ комнату, чувствуя, что готовъ убить Шанбертьé. И не за Жизель волновался онъ, а изъ-за этой бѣдной Симоны, подвергшейся такому униженію... Вся душа его разрывалась отъ жалости къ ней, и теперь онъ ясно понималъ, что онъ потерялъ, лишившись ея, и какую пустоту она оставила въ его сердцѣ.

Симону онъ засталъ уже въ шляпкѣ и застегивающую перчатки. Безмолвно упалъ онъ передъ ней на колѣни, взялъ конецъ ея платья и прикоснулся къ нему губами; но она брезгливо

отдернула платье, собираясь уйти. Онъ пытался удержать ее; а она качнула головой съ неизъяснимымъ презрѣніемъ и сказала:

— А вы забыли о той, что спрятана тамъ, наверху?.. Пустите меня... Я полагаю, что комедія кончена, и у васъ не имѣется въ ней болѣе роли для меня.

Слезы подступили къ глазамъ д'Эсперака. Онъ чувствовалъ, что въ этой женщинѣ омерзѣніе взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, и что тутъ не можетъ быть и рѣчи ни объ умиротвореніи, ни объ уврачеваніи, ни о прощеніи. Онъ отстранился и склонился передъ ней съ безграничнымъ благоговѣніемъ. Даже не глядя на него, Симона прошла мимо него, какъ мимо неодушевленнаго предмета.

XII.

О дуэли д'Эсперака съ Шанбертьé Парижъ толковалъ и смѣялся нѣсколько дней подъ-рядъ. Особенно забавляли ея ничтожные оффиціальные поводы, шедшіе въ разрѣзъ съ поведеніемъ Жизели, ничуть не скрывавшей своей связи. Всѣ смѣялись, когда Шанбертьé намекалъ съ лукавымъ видомъ, что въ исторіи этой „замѣшана женщина“, но что д'Эсперакъ и онъ— черезчуръ порядочные люди, чтобы оглашать настоящую причину ихъ дуэли. Все обошлось благополучно, и Шанбертьé чрезвычайно гордился этимъ поединкомъ съ однимъ изъ моднѣйшихъ молодыхъ людей Парижа, слывшимъ за отличнаго стрѣлка и фехтовальщика. Противники обмѣнялись двумя пулями безъ всякаго результата, причемъ д'Эсперакъ, досадуя на себя за этотъ нелѣпый вызовъ, стрѣлялъ нарочно поверхъ головы противника. А когда онъ убѣдился, что эта глупѣйшая исторія будетъ еще долго служить предметомъ пересудовъ, онъ взбѣсился, окончательно рѣшилъ порвать съ Жизелью и уѣхалъ въ Гавръ, гдѣ, подъ предлогомъ внезапной страсти къ морскому спорту, заказалъ себѣ яхту и принялся слѣдить за ея сооруженіемъ.

Но Жизель не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя только смиренно оплакиваютъ утраченное счастье. Она любила д'Эсперака со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры, и видя, что рискуетъ потерять его, забыла обо всемъ на свѣтѣ и послѣдовала за нимъ. По ея желанію, докторъ отправилъ ее къ морю, и она поселилась въ лучшей гостинницѣ Гавра, запретивъ мужу сопровождать ее, подъ предлогомъ, что присутствіе его будетъ ее только раздражать.

Мервили проводили лѣто въ ихъ прошлогоднемъ дачномъ уголкѣ, гдѣ жизнь ихъ текла мирно и спокойно, когда, въ концѣ августа, композиторъ получилъ телеграмму, содержаніе которой его изумило и взволновало: Симоны не было въ эту минуту подлѣ него. Онъ сейчасъ же сжегъ телеграмму и отправился разыскивать жену. Найдя ее въ паркѣ съ дѣтьми, онъ отвелъ ее въ сторону и сообщилъ, что д'Эсперакъ вызываетъ его въ Гавръ, потому что съ г-жей Шанбертьé случилось какое-то серьезное несчастіе. Что̀ именно — въ телеграммѣ не говорится; но случилось это на морѣ. Должно быть, произошло это на яхтѣ д'Эсперака, и тотъ потерялъ голову, почему и зоветъ на помощь его, Мервиля. Раздраженная тѣмъ, что никакъ не можетъ отдѣлаться отъ этой несчастной исторіи, въ которую теперь впутывали и ея мужа, Симона убѣждала его, что ѣхать ему безполезно.

Но Мервиль отвѣчалъ, что не можетъ не откликнуться на зовъ своего лучшаго друга, и уѣхалъ. Пробылъ онъ въ отлучкѣ два дня, а когда вернулся,—принужденъ былъ сообщить женѣ то, что̀ зналъ уже изъ телеграммы, а именно,—что Жизель умерла!..

Умерла! Жизель! Это невозможно! Такая молодая, жизнерадостная и прекрасная... Никогда не повѣрила бы Симона, что извѣстіе это можетъ такъ ее потрясти. Ея Жизели не было на свѣтѣ! О, теперь она прощала ей все, все!.. Но какъ же это случилось?

Мервиль разсказалъ ей все то, что̀ д'Эсперакъ повѣдалъ ему, въ минуту скорби и, быть можетъ, угрызеній совѣсти. Онъ признался другу въ своей связи съ Жизелью, но прибавилъ, что съ нѣкоторыхъ поръ разлюбилъ ее и даже почти возненавидѣлъ. Симона удивилась:—Возненавидѣлъ? За что?

— Ну, да, она причинила ему тьму непріятностей... Эта глупѣйшая дуэль съ ея мужемъ... А что̀ всего хуже,—насколько я понялъ,—она причинила какое-то крупное огорченіе, чуть ли даже не униженіе другой женщинѣ, которой Жанъ поклоняется... и, повидимому, безнадежно.

— Онъ тебѣ это сказалъ?

— Приблизительно. Я, конечно, не настаивалъ.

— Продолжай.

Вотъ что̀ Мервиль разсказалъ женѣ: — д'Эсперакъ уѣхалъ въ Гавръ, но Жизель послѣдовала за нимъ. Онъ выстроилъ себѣ яхту, а она ему объявила, что приметъ участіе въ его экскурсіи къ Средиземному морю! На его увѣщанія не поднимать такого скандала,—она возражала, что ни за что не вернется болѣе къ Шанбертьé. И если ей не удастся добиться выгоднаго раз-

вода, она станетъ жить съ Жаномъ, не выходя за него замужъ. Отношенія между ними обострились, и хотя д'Эсперакъ велъ себя сдержанно, Жизель почуяла его охлажденіе. Начались бурныя сцены. Между тѣмъ, яхта была готова, и д'Эсперакъ собирался уѣхать, но брать Жизель съ собою не хотѣлъ,—а она и слышать не хотѣла о разлукѣ. Онъ не зналъ, какъ быть, потому что все-таки жалѣлъ ее. Но вдругъ, послѣ одной особенно бурной сцены, Жизель внезапно смирилась: пусть будетъ по его желанію, она и такъ видитъ, что все кончено. И хотя онъ пытался разувѣрить ее,—она ему не вѣрила и повторяла, что бороться больше не будетъ, потому, что все кончено... И она стала необыкновенно тиха и покорна, что дѣлало ее особенно прелестной. Но, не желая вновь подпасть подъ ея чары, д'Эсперакъ спѣшилъ съ приготовленіями. Наканунѣ его отъѣзда, Жизель такъ кротко попросила его пригласить ее пообѣдать на его яхтѣ, что онъ не имѣлъ силы отказать ей. Во время обѣда она была грустна, и все повторяла:—„Мнѣ теперь кажется, что мы ужъ въ открытомъ морѣ, вдвоемъ, навсегда"... Послѣ обѣда, д'Эсперакъ отвезъ ее домой, и на ея вопросъ, ночуетъ ли онъ на яхтѣ, — отвѣчалъ, что ночуетъ въ городѣ. Она простилась съ нимъ спокойно; а когда онъ пріѣхалъ на другое утро на яхту, его лоцманъ, какъ-то заминаясь и запинаясь, сообщилъ ему, что молодая дама, обѣдавшая на яхтѣ, предложила ему крупную сумму за разрѣшеніе переночевать на яхтѣ, куда она прибудетъ вечеромъ, и уѣдетъ обратно, утромъ, до пріѣзда владѣльца яхты. Онъ соблазнился крупной суммой,—для дамы постлали постель въ парадной каютѣ... Но дѣло въ томъ, что она вовсе не уѣхала,—должно быть, заспалась. Къ ней стучались, но она не откликалась... Д'Эсперакъ принялъ это за уловку съ ея стороны, съ цѣлью заставить его взять ее съ собою. Онъ освѣдомился, былъ ли съ нею багажъ; но лоцманъ отвѣчалъ, что она привезла съ собой только одинъ чемоданчикъ удивительной легкости. Д'Эсперакъ сталъ стучаться въ каюту, но не добился никакого отвѣта, а дверь оказалась запертой изнутри на ключъ. Онъ встревожился и приказалъ взломать дверь... Жизель лежала на постели, посреди массы крупныхъ бѣлыхъ лилій... Она была мертва... Д'Эсперакъ телеграфировалъ немедленно Мервилю: „Она умерла у меня, изъ-за меня. Пріѣзжай, умоляю тебя". Пріѣхавъ въ Гавръ, Мервиль узналъ, что тѣло г-жи Шанбертьé было уже перевезено д'Эсперакомъ въ ея гостинницу, гдѣ ее положили на постель и воспроизвели сцену самоубійства посреди цвѣтовъ, чтобы скрыть правду отъ мужа, котораго вызвали въ Гавръ. Недоумѣвающій и безутѣшный,

бѣдняга повезъ тѣло жены въ Гіеръ, чтобы предать его землѣ на берегу чуднаго моря, посреди роскошной растительности.

XIII.

Прошли мѣсяцы и годы. Извѣстность и богатство Мервиля все росли. Онъ жилъ съ женой душа въ душу, гордясь ея свѣтскими успѣхами, тогда какъ она больше его гордилась его славой. Она казалась все той же мадонной, несмотря на свои 35-ть лѣтъ, а репутаціи ея не коснулась никогда ни малѣйшая сплетня.

Въ довершеніе всего, д'Эсперакъ окружалъ ее издали какимъ-то почтительнымъ культомъ, что было удивительно со стороны этого повѣсы. Симона видѣлась съ нимъ какъ могла рѣже, но ничего, кромѣ умиленія и покорности, не читала она никогда въ его когда-то гордыхъ, влюбленно-властныхъ глазахъ. Понемногу въ его жизни произошли перемѣны, и она смутно чувствовала, что она—причина этихъ перемѣнъ. Казалось, онъ непремѣнно хочетъ возстановить свою честь въ ея глазахъ. Онъ велъ менѣе разсѣянную жизнь, писалъ уже серьезные лирическіе стихи, не имѣлъ скандальныхъ связей. Конечно, Симону, совершенно исцѣлившуюся отъ своей мимолетной ошибки, все это не могло трогать серьезно, но еще льстило ея гордости. Но что было ей всего пріятнѣе, такъ это то, что д'Эсперакъ не навязывался, бывалъ у нихъ въ домѣ зимой только тогда, когда этого требовала его дружба съ Мервилемъ, а лѣтомъ уѣзжалъ всегда куда-нибудь подальше отъ мѣстопребыванія Мервилей.

Тѣмъ болѣе удивилась разъ лѣтомъ Симона, возвращаясь съ прогулки по морскому берегу домой, когда изъ сада ея виллы до нея донесся музыкальный смѣхъ д'Эсперака. Это внезапное посѣщеніе было ей тѣмъ болѣе непріятно, что мужъ ея былъ въ Парижѣ, и она ждала его только на другой день. Она вошла въ садъ, и дѣти ея бросились ей на встрѣчу. Полетта была теперь совсѣмъ молодая красавица, ростомъ гораздо выше матери, превосходно сложенная, съ великолѣпными черными бархатными глазами съ весьма измѣнчивымъ выраженіемъ. Гюгъ былъ прехорошенькій мальчуганъ восьми лѣтъ съ чудными синими глазами. Когда онъ подбѣжалъ къ матери, у него былъ въ рукахъ воланъ. Расцѣловавъ дѣтей, Симона спросила, гдѣ monsieur д'Эсперакъ; но ея дѣти съ удивленіемъ переглянулись и отвѣчали, что онъ не пріѣзжалъ. Симона засмѣялась: они дурачатся,—она сама

слышала издали смѣхъ д'Эсперака. Но Полетта, крайне изумленная, повторила, что д'Эсперака они не видали, а Гюгъ подбросилъ воланъ въ воздухъ, утверждая, что „вотъ летитъ monsieur д'Эсперакъ". И мальчуганъ звонко расхохотался. Симона застыла на мѣстѣ, вперивъ въ ребенка испуганные глаза... Постоявъ такъ съ минуту, она повернулась и вошла въ домъ, поднялась къ себѣ въ комнату и стала слѣдить изъ окна за дѣтьми. И при каждомъ новомъ взрывѣ смѣха сына, она судорожно стискивала руки. Какъ могла она не замѣтить *этого* до сихъ поръ? Вѣроятно, потому, что никогда не слышала смѣха ребенка издали, а вблизи видъ этого дѣтскаго личика придавалъ другое значеніе этому смѣху... Но теперь сомнѣнія не было: то былъ смѣхъ д'Эсперака... тѣ же ноты, хотя немного болѣе крикливыя, та же характерная модуляція, изъ которой Мервиль сдѣлалъ какъ-то Leitmotiv одного изъ своихъ произведеній. У Гюга были смѣхъ и глаза д'Эсперака... Къ глазамъ этимъ она давно уже привыкла и видѣла въ этомъ сходствѣ не болѣе какъ случайное совпаденіе. Но этотъ смѣхъ... И чего этотъ ребенокъ вѣчно смѣется!.. Она перегнулась въ окно и замѣтила мальчику, что онъ черезчуръ расшалился. У нея даже голова разболѣлась отъ его смѣха. Довольно... О, какъ часто долженъ былъ слышать отнынѣ маленькій Гюгъ эту фразу: „Не смѣйся!"—То у мамы болѣла голова, то она увѣряла его, что смѣяться такъ громко—неприлично, то говорила, что папа занимается, и онъ можетъ ему помѣшать...

Да, не смѣйся, маленькій Гюгъ! Вѣдь и другіе могутъ открыть въ твоемъ смѣхѣ то же самое, что открыла твоя мать. Тотъ человѣкъ, чье знаменитое имя ты носишь, работаетъ тутъ, рядомъ, въ своемъ кабинетѣ; и его музыкальный геній, превратившій *тотъ* смѣхъ въ Leitmotiv веселья, не станетъ вѣчно заблуждаться и можетъ превратить твой смѣхъ въ Leitmotiv сомнѣнія, ужаса и отчаянія. Не смѣйся же, маленькій Гюгъ!..

Съ этой минуты Симона только носила маску счастья, чтобы обмануть всѣхъ окружающихъ. Бѣдняжка не знала болѣе ни минуты покоя. Ей все казалось, что мужъ ея замѣтилъ то же самое, что и она,—и она истерзалась, наконецъ, до того, что добилась отъ мужа отдачи мальчика въ закрытое учебное заведеніе, и даже не въ Парижѣ, а въ провинціи, чтобы рѣже брать его домой. Съ чисто женскимъ терпѣніемъ, ловкостью и настойчивостью, она убѣдила мужа, что ничего не можетъ быть полезнѣе для ребенка, какъ школьная жизнь на вольномъ воздухѣ.

И девятилѣтняго мальчика, никогда не разлучавшагося съ матерью и страстно ею любимаго, отвезли въ Парижъ. Въ вагонѣ бѣдной женщинѣ, задыхавшейся отъ слезъ, не приходилось говорить мальчику: „Не смѣйся!“—ибо Гюгъ такъ горько плакалъ, что даже глаза его покраснѣли и выцвѣли отъ слезъ, ничѣмъ не напоминая теперь собою сафирныя очи Жана д'Эсперака.

По возвращеніи изъ Парижа, Симона расхворалась; а когда оправилась, то только и говорила, что помышляетъ о смерти. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ждало ее въ будущемъ? Теперь она знала, что Гюгъ выростетъ живымъ портретомъ д'Эсперака,—и каково будетъ тогда ея положеніе между мужемъ и д'Эсперакомъ, когда у обоихъ откроются глаза?...

Симона такъ худѣла, блѣднѣла и тосковала, что Мервиль встревожился. Подъ тѣмъ предлогомъ, что пора вывозить Полетту, онъ убѣдилъ жену почаще выѣзжать.

Разъ вечеромъ, въ циркѣ, замѣтя въ креслахъ д'Эсперака, Мервиль зна́комъ позвалъ его въ свою ложу. Д'Эсперакъ давно не встрѣчался съ Симоной, и поразился теперь происшедшей въ ней перемѣной. У него защемило на сердцѣ при видѣ этого похудѣвшаго, осунувшагося личика, съ какимъ-то скорбнымъ и растерянным выраженіемъ. Зато Полетта такъ и сіяла красотой и цвѣтущимъ здоровьемъ. Поймавъ взглядъ д'Эсперака на себѣ, а потомъ на дочери, Симона почувствовала что-то смутно мучительное, еще неясное. Желая стряхнуть съ себя грустное впечатлѣніе, д'Эсперакъ сталъ дразнить Полетту.

— Знаете ли вы, что директоръ цирка собирается предъявить къ вашему отцу искъ за убытки? Вся публика только на васъ и смотритъ, а всѣ актеры потеряли голову. Непозволительно быть такой красавицей. Одинъ клоунъ, говорятъ, собирается уже застрѣлиться.

— А что же вы сами? — спросила спокойно Полетта, поднимая на него свои огромные глаза.

— Я!—И Жанъ совсѣмъ опѣшилъ.

— Браво!—вскричалъ со смѣхомъ Мервиль.—Вотъ что̀ называется припереть къ стѣнѣ!.. Признайся уже, что и ты влюбленъ въ нее, какъ и всѣ!

— Да никогда!—вскричалъ шутливо д'Эсперакъ.—Она черезчуръ мнѣ насолила, когда была дѣвочкой. Да и годы мои не тѣ, чтобы ухаживать за молодыми дѣвушками.

Полетта улыбнулась ему лукаво и кокетливо, а Симона поняла, почему ей стало больно, когда д'Эсперакъ взглянулъ на ея

дочь восхищеннымъ взглядомъ. Да, отнынѣ Полетта—взрослая красавица, которую могутъ полюбить, и которая тоже можетъ полюбить. Вдругъ Полетта влюбится въ д'Эсперака!.. Вдругъ она полюбитъ этого все еще молодого и обаятельнаго человѣка, такъ же, какъ она въ шестнадцать лѣтъ полюбила Рожé, тоже значительно старше ея! Вдругъ она полюбитъ его до того, что умретъ отъ любви къ нему,—и тогда она, Симона, будетъ виновницей гибели дочери!..

Между тѣмъ, представленіе шло своимъ чередомъ. Какая-то особа, сильно намазанная, но, видимо, не первой молодости, облеченная въ сиреневое трико съ блѣдно-желтыми бантами, обрисовывавшее уже отяжелѣвшія формы, показывала ученыхъ бѣлыхъ крысъ, что̀ нимало не занимало публику. Внезапно д'Эсперакъ ахнулъ, мелькомъ взглянувъ на особу въ сиреневомъ трико, нагнулся къ уху Мервиля и что-то шепнулъ ему. Композиторъ присмотрѣлся къ особѣ съ крысами и заявилъ другу, что онъ ошибается; но д'Эсперакъ стоялъ на своемъ. Полетта сердилась, что мужчины шепчутся, а Симона спросила небрежно, въ чемъ дѣло? Или ей тоже не полагается знать?.. Д'Эсперакъ вопросительно взглянулъ на Мервиля, а тотъ отвѣчалъ:

— Конечно, скажи! Есть изъ-за чего разсуждать!

Нагнувшись къ Симонѣ, д'Эсперакъ прошепталъ:

— Знаете, кто эта особа съ крысами?.. Нетти Давидсонъ, давнишній *флертъ* нашего друга Рожé.

Нетти Давидсонъ!.. И сердце Симоны больно сжалось. Какъ! она ревновала мужа къ этой вульгарной толстухѣ? Эта женщина перевернула всю ея жизнь! изъ-за этой-то женщины она рѣшилась на измѣну изъ мести!..

Симона посмотрѣла на мужа. Что̀ чувствовалъ онъ, глядя на эту женщину, изъ-за которой когда-то такъ опрометчиво рисковалъ миромъ домашняго очага, счастьемъ и честью ихъ обоихъ? Но, очевидно, Рожé ровно ничего не чувствовалъ. Ни имя Нетти Давидсонъ, ни видъ этой особы въ сиреневомъ трико—не пробуждали никакого отзвука подъ накрахмаленной грудью его сорочки. Онъ только пожималъ плечами, совершенно равнодушный. Очень возможно, что это она, но что̀ тутъ интереснаго?

Итакъ, ни малѣйшаго слѣда не осталось въ Рожé отъ его прошлой измѣны! А между тѣмъ она, Симона, будетъ носить до конца бремя своей вины. А развѣ она провинилась сильнѣе, чѣмъ онъ? Мимолетное увлеченіе у него,—мимолетное увлеченіе у нея,—вотъ и все. И онъ первый началъ,—тогда какъ ее извиняли сердечная рана и ревность! А между тѣмъ она тяжко

искупала свою вину, тогда какъ онъ пожималъ плечами и не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь?.. И вотъ тутъ, въ этомъ циркѣ, подъ звуки банальной музыки, она ясно поняла то, чего не понимала съ той далекой минуты, какъ увидала мужа подлѣ этой женщины. Она поняла, что месть несправедливѣе прощенія, и что тамъ, гдѣ замѣшана любовь, правосудіе между существами различныхъ половъ — немыслимо. Природа и общество создали слишкомъ глубокую пропасть между мужчиной и женщиной; слишкомъ различны ихъ права, ихъ долгъ, ихъ отвѣтственность, и нельзя вѣсить ихъ дѣйствій на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ. Невѣрность ихъ влечетъ за собою равную душевную скорбь, но радикально неравна съ точки зрѣнія послѣдствій. Между тѣмъ,—скорбь проходитъ, а послѣдствія остаются.

Ясно понимала теперь это Симона. Давно уже зажила въ ней рана невѣрности Рожé, но заживетъ ли въ ней когда-нибудь рана ея самосуда?..

XIV.

Маленькій Гюгъ не привыкалъ къ школѣ. Онъ такъ плакалъ каждый разъ, когда его туда отвозили послѣ отпуска, что Мервиль уговаривалъ жену хоть помѣстить его въ какое-нибудь парижское училище. Но Симона утверждала, что ребенокъ привыкнетъ.—Нѣтъ, онъ не привыкнетъ. И видъ у него сталъ какой-то нехорошій, и веселость пропала. Даже дома его такъ преслѣдуетъ мысль о возвращеніи въ училище, что онъ задумывается... И онъ больше не смѣется!..

Онъ больше не смѣется!.. О, какъ терзалась Симона. Она убила смѣхъ въ своемъ ребенкѣ... И отчаяніе сломило ея упорство. Да будетъ воля Божія, но пусть неповинное существо не страдаетъ. И между супругами было рѣшено взять мальчика обратно, если, по истеченіи полугодія, онъ не привыкнетъ къ школѣ. До этого срока оставалось еще два мѣсяца, а Гюгъ умолялъ взять его раньше, увѣряя Симону, что ему не выждать такъ долго.

Мать нѣжно пошутила надъ нимъ; но когда, два дня спустя, она получила отъ директора училища извѣстіе, что ребенокъ прихворнулъ, на нее напалъ суевѣрный ужасъ. Она немедленно поѣхала въ Шартръ. У Гюга была легкая корь. Увидя мать, онъ подумалъ, что она пріѣхала взять его домой; но ему объяснили, что это нельзя, потому что простуда для него—самая опасная вещь. Симона обѣщала ему взять его, какъ только онъ

поправится; но когда вечеромъ она должна была уйти изъ училищнаго лазарета, больной ребенокъ вообразилъ, что она его обманываетъ, и уѣзжаетъ совсѣмъ. Съ трудомъ успокоила его Симона, но вдругъ ребенокъ спросилъ ее:

— Мамà, если я простужусь, я буду очень боленъ, да?

— Да, голубчикъ.

— И если я буду очень, очень боленъ,—ты возьмешь меня домой, да?

— Не говори такъ, мое сокровище.—Если сынокъ ея расхворается, мамà будетъ очень огорчена.

Ночь прошла хорошо. Гюгъ дремалъ и сильно вспотѣлъ, что было отличнымъ признакомъ. Сидѣлка хорошенько его закрыла, а такъ какъ ребенокъ былъ спокоенъ, то около восьми часовъ утра она прилегла на сосѣднюю кровать и задремала сама...

А когда Симона вошла утромъ въ лазаретъ, она нашла сына въ бреду. Мальчикъ бился въ рукахъ доктора и сидѣлки, щеки его пылали, глаза были расширены. Увидя мать, онъ заговорилъ скоро-скоро:

— Мамà, мамà, ты пришла?.. Значитъ, мы уѣдемъ?.. Скорѣе одѣваться... Мы ѣдемъ въ Парижъ, къ папà и Лелеттѣ... Знаешь... все это глупости... простудиться вовсе не вредно... Напротивъ... мнѣ теперь лучше... Я простудился... открылъ окно... чтобы хорошенько захворать и чтобы меня взяли домой... А между тѣмъ я совсѣмъ теперь здоровъ... потому что я открылъ окно... открылъ окно...

— Какое окно?—спросила Симона, вся дрожа.

— Замолчите, Гюгъ!..—шептала сидѣлка.

— Да, я открылъ окно... Стало такъ свѣжо... и хорошо! И теперь я здоровъ, здоровъ!..

И онъ разсмѣялся тѣмъ самымъ веселымъ смѣхомъ, что послужилъ какъ-то Leitmotiv'омъ Мервилю. Даже въ эту ужасную минуту мать замѣтила снова необыкновенное сходство его смѣха со смѣхомъ д'Эсперака...

А два дня спустя, стоя у окна своего парижскаго дома, Симона слѣдила глазами за погребальной процессіей сына. Когда процессія завернула за уголъ и скрылась изъ виду, у нея вырвался крикъ такой ужасной физической боли, и она такъ зашаталась, что упала бы, если бы Полетта не успѣла принять ее въ свои объятія, расточая ей самыя нѣжныя ласки. И у Симоны вырвались въ эту минуту страшныя слова, къ счастію не понятыя ея дочерью:

— И рожденіе его... и смерть... два преступленія!..

Но чаша страданій была переполнена! Человѣческая природа требовала отдыха, покоя... Симона лишилась чувствъ...

XV.

Мать пережила своего сына только на два года. Она медленно угасала. Сначала развилась у нея изнурительная болѣзнь, а потомъ чахотка, развившаяся со страшной быстротой въ этомъ ослабѣвшемъ организмѣ. Но она боролась съ болѣзнью, чтобы избавить Рожé отъ огорченія потерять ее, какъ потерялъ онъ уже, по ея винѣ, сына. Къ тому же необходимо было предохранить Полетту отъ возможнаго несчастнаго увлеченія. Это ей удалось. Не будь ея стараній, Полетта влюбилась бы въ д'Эсперака, предметъ ея давнишнихъ дѣтскихъ мечтаній. Но Симона такъ ловко удаляла отъ него дочь, такъ, шагъ за шагомъ, развѣнчивала его въ ея глазахъ, что скоро неуспѣвшее вспыхнуть пламя совсѣмъ потухло въ сердцѣ ея дочери. Но и этого было мало Симонѣ. Чувствуя, что смерть близка, она непремѣнно захотѣла выдать дочь замужъ, боясь того, что могло случиться послѣ ея смерти. И вотъ Полетта вышла замужъ, безъ особеннаго увлеченія, но съ нѣкоторымъ удовольствіемъ,—потому что замужество казалось ей заманчивымъ,—за молодого офицера, менѣе богатаго, чѣмъ она, но почти такого же красавца, какъ д'Эсперавъ, и съ не менѣе громкимъ аристократическимъ именемъ. Съ души Симоны спала давившая ее тяжесть, но все же, любуясь на Полетту въ подвѣнечномъ туалетѣ, она съ грустью думала о томъ, что ее ждетъ, какъ велики обязанности замужнихъ женщинъ, и какъ хрупко ихъ счастье.

Послѣ свадьбы Полетты, слѣдуя совѣту знаменитостей, Мервиль увезъ жену на югъ. Она выбрала Гіеръ. Мервиль боялся, что на нее дурно подѣйствуетъ близость могилы Жизели; но Симонѣ на первыхъ порахъ стало значительно лучше. Она каталась всего чаще по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывала нѣкогда съ Жизелью, и все происшедшее тутъ казалось ей такимъ далекимъ, неправдоподобнымъ!.. А между тѣмъ она отъ этого-то и умирала!..

Но скоро ей стало опять хуже, и теперь она не сходила по цѣлымъ днямъ со своей кушетки, любуясь панорамой моря. Наконецъ, она попросила мужа вызвать Полетту, съ которой ей необходимо поговорить. Мервиль бросился на телеграфъ, и, вернувшись, поразился невѣроятной, внезапной перемѣной въ лицѣ жены. Она взглянула на него глубокимъ, безконечнымъ взглядомъ, и онъ понялъ, что она чувствуетъ близость конца.

Онъ сталъ на колѣни передъ ея кушеткой и обнялъ жену съ той безмѣрной тоской, съ какой мы обнимаемъ дорогихъ, безповоротно уходящихъ отъ насъ существъ. Симона прижалась къ мужу, и вдругъ онъ почувствовалъ на шеѣ горячую слезу, тогда какъ голосъ жены прошепталъ ему на ухо поразившее его слово: „Прости!“

— Ты, Симона, просишь прощенія, ты, радость всей моей жизни! Но за что же, Боже мой? Простить тебя, лучшую, чистѣйшую изъ женщинъ!

Она устремила на него сквозь слезы тотъ же безконечный взглядъ и повторила: „Прости!“

— Да за что же ты просишь прощенія, дорогая моя?

— За то, что покидаю тебя, прошептала она,—глядя на него загадочнымъ взглядомъ...

Полетта пріѣхала на другой же день. Симона была такъ слаба, что еле могла говорить, но все-же попыталась приподняться въ постели. Рожé догадался, что она хочетъ остаться наединѣ съ дочерью, и самъ вышелъ изъ спальни. Полеттѣ же показалось, что ея матери лучше, потому что Симона собрала всѣ свои силы, лицо ея ожило, на немъ появилась легкая краска, и оно стало чудно прекрасно, въ ореолѣ ея бѣлокурыхъ, пушистыхъ волосъ, съ пылающими огнемъ молодости глазами.

— Дорогая, дорогая моя,—прошептала она на ухо дочери:—выслушай мой послѣдній завѣтъ. Постарайся припомнить мои слова, когда тебя посѣтитъ горе. Если тебѣ придется пережить сердечную рану,—если мужъ твой огорчитъ тебя, даже если онъ тебѣ измѣнитъ,—не мсти!.. О, Полетта! не измѣняй ему никогда! Видишь ли, мы, женщины, не имѣемъ права поступать дурно... Наша добродѣтель и честь,—это добродѣтель и честь семьи, добродѣтель и честь отечества... Когда мы падаемъ, рушится все... Наши проступки никогда не могутъ быть маловажными... Мы должны держаться на самой вершинѣ; иначе мы неминуемо скатимся внизъ. И въ паденіи своемъ мы увлекаемъ за собою все. Знай же это, дочь моя, и помни, и вѣрь послѣднимъ словамъ твоей умирающей матери...

Къ вечеру Симона умерла, какъ бы заснула. Рука ея лежала въ рукѣ Рожé. И навсегда унесла она съ собою тайну своего проступка и скорбь своего раскаянія.

Ю. З—а.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ГЕРОИ

Очерки съ натуры.

I.

Съ начала „открытія воли“, въ Подпольной волости былъ старшиною Калистратъ Иванычъ. Онъ происходилъ изъ самой незначительной и бѣдной семьи. Отецъ его назывался у крестьянъ не иначе, какъ Ванька Гмыра, а самъ Калистратъ до тридцати лѣтъ тёрся гдѣ-то въ городѣ, на фабрикѣ, ни въ чемъ не обнаруживъ своихъ талантовъ.

Старшиной его выбрали только потому, что онъ былъ грамотный, а грамотныхъ въ то время было очень мало, и въ этихъ случаяхъ имъ отдавалось исключительное предпочтеніе.

Оказалось, что Калистратъ Гмыра былъ человѣкъ очень способный и попалъ, по тогдашнему времени, какъ разъ на свое мѣсто. Черезъ годъ онъ сталъ вдвое толще, чѣмъ былъ, живя на фабрикѣ, а еще черезъ годъ—уже одинъ его животъ навѣрное могъ бы равняться вѣсомъ со всѣмъ прежнимъ Калистратомъ. Пріобрѣлась и соотвѣтствующая званію осанка, умѣнье держать себя. Начальство замѣтило его и оцѣнило; мужики стали говорить, что „ёнъ—человѣкъ грамотѣйный, и знаетъ, какъ дѣломъ править“.

Въ уѣздномъ присутствіи, начиная съ самыхъ высшихъ чиновниковъ и кончая самыми низшими писцами и сторожами, всѣ были ему хорошо знакомы и довольны имъ, потому что онъ ко всѣмъ умѣлъ поддѣлаться, ублажить льстивымъ словомъ и какимъ-нибудь деревенскимъ гостинцемъ: масломъ, яйцами, яго-

дами и тому подобнымъ. Онъ обладалъ особеннымъ талантомъ уловлять желанія и вкусы своего начальства и безошибочно „потрафлять“ на нихъ: и ужъ тѣмъ чиновникамъ, которымъ нужно было привозить, по крайней мѣрѣ, сотню яицъ, не привозилъ какихъ-нибудь ягодъ, а ужъ непремѣнно сотню яицъ; а тѣмъ, которымъ нужно было давать пять фунтовъ масла, ужъ онъ никакъ не давалъ два или три фунта, а непремѣнно пять, и такъ далѣе...

Начальство пріѣзжало къ нему въ правленіе всегда какъ въ гости; онъ не скупился достать и вина хорошаго, и закуски, послѣ чего, конечно, всѣ дѣла Подпольной волости оказывались въ такомъ порядкѣ, лучше какого и требовать нельзя.

Разумѣется, всѣ эти даянія и расходы на пріемы начальства старшина возмѣщалъ съ лихвою на крестьянахъ. По его иниціативѣ были начаты на мірскія суммы общественныя постройки—хлѣбозапаснаго магазина, земской школы,—которыя строились уже нѣсколько лѣтъ и все не достроивались, за недостаткомъ денегъ, хотя ихъ и собирали съ крестьянъ каждый годъ.

Волостной старшина не имѣлъ, конечно, права брать подряды по постройкѣ общественныхъ зданій; но, очевидно, ни ему, ни начальству, ни тѣмъ болѣе крестьянамъ, и въ голову не приходило примѣнять къ дѣлу какія-нибудь правила и законы, и старшина, уполномоченный приговорами волостныхъ сходовъ на безотчетное веденіе дѣлъ по подрядамъ и сдѣлкамъ, дѣйствовалъ совершенно свободно.

„Вся штука въ томъ, что нужно умѣть, какъ оформить дѣло“,—часто говаривалъ Калистратъ Иванычъ, поглаживая свое пятипудовое брюхо, но безъ грубаго самохвальства и хвастовства, какъ дѣлаютъ это ограниченные, зажирѣвшіе люди, а съ видомъ дѣловымъ, убѣжденнымъ и простодушнымъ, какъ будто въ этомъ онъ видѣлъ свое высшее призваніе и произносилъ точно какое-нибудь евангельское изреченіе или молитву...

Несмотря на то, что былъ женатымъ и семейнымъ человѣкомъ, Калистратъ Иванычъ имѣлъ влеченіе къ недурнымъ особамъ женскаго пола. Въ Подпольѣ, у старушки-вдовы были двѣ дочери, молодыя и красивыя дѣвушки. Онѣ только иногда на лѣто пріѣзжали домой, а въ остальное время жили въ городѣ, и на тѣ средства, которыя добывали въ услуженіи, кормили свою старушку-мать. Эти обѣ сиротки пробудили въ Калистратѣ Иванычѣ необузданную страсть и стали его жертвами. Онъ такъ тонко съумѣлъ обдѣлать это, что вначалѣ никто и не по-

дозрѣвалъ о случившемся. Но потомъ, когда дѣвушки перестали ѣздить въ городъ и у нихъ стали рождаться дѣти, тогда связь ихъ съ Калистратомъ Иванычемъ обнаружилась.

Да онъ и не старался скрывать этого: купилъ для нихъ отдѣльныя избы и давалъ средства къ существованію изъ своихъ доходовъ.

Выборъ его палъ на сиротокъ, вѣроятно, потому, что онѣ были беззащитны, и, какъ видно, ему не казалось предосудительнымъ, а можетъ быть имѣло даже особенную прелесть то обстоятельство, что онѣ были сестры...

И таково было вліяніе Калистрата Иваныча въ деревнѣ, что этотъ позорный грѣхъ, за который другому бы, обыкновенному человѣку, проходу ни въ чемъ не дало общественное мнѣніе, ему почему-то—по крайней мѣрѣ, открыто—не ставилось въ вину, какъ будто этому такъ и слѣдовало быть.

Тѣхъ крестьянъ, которые на волостныхъ и сельскихъ сходахъ были понастойчивѣе и поголосистѣе, Калистратъ Иванычъ старался привлечь на свою сторону, и вскорѣ окружилъ себя толпою приспѣшниковъ и поклонниковъ, готовыхъ подавать голоса за всякое затѣянное имъ дѣло.

Были, впрочемъ, изъ настойчивыхъ и такіе, которымъ совѣсть не позволяла служить ему, и которые ненавидѣли его всей душой,—но они были слабыми его противниками; онъ зналъ ихъ наперечетъ и мстилъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уже были, подъ разными предлогами, подвергнуты тѣлесному наказанію и, какъ опозоренные, уже не имѣли права занимать общественныя должности... Однимъ изъ такихъ его противниковъ былъ крестьянинъ Осипъ Егоровъ, о которомъ будетъ сказано послѣ.

Сельскіе старосты, десятскіе, волостные судьи и даже сотскіе,—всѣ были избираемы по желанію и вкусу Калистрата Иваныча, и всѣ они служили ему, а не крестьянамъ.

Словомъ, онъ былъ полнымъ властелиномъ въ волости. Всѣ его боялись; нѣкоторые суевѣрные говорили, что онъ продалъ душу нечистому, и когда бывалъ въ церкви, у обѣдни, то всегда передъ тѣмъ, какъ нужно пѣть херувимскую пѣснь — уходилъ вонъ...

Въ началѣ своего поприща, какъ бы предвидя ту роль, которую долженъ былъ разыграть, Калистратъ Иванычъ и прозвище свое, столь негромкое, перемѣнилъ и выдумалъ себѣ соотвѣтствующую фамилію: *Тихомиринъ*.

II.

Изъ самыхъ близкихъ и преданныхъ приспѣшниковъ Калистрата Иваныча были два подпольные мужика — Тихонъ и Захаръ. Онъ давно избралъ ихъ и приблизилъ. Они занимали должности сторожей общественнаго хлѣбозапаснаго магазина. Когда случилась покража хлѣба и сторожамъ грозила тяжелая отвѣтственность, Калистратъ Иванычъ съумѣлъ выгородить ихъ отъ опасности; онъ воспользовался тѣмъ случаемъ, что третій сторожъ умеръ,—и всю вину свалили на него. Но окончательно приблизило и привязало къ Тихомирину Тихона и Захара одно обстоятельство, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Въ селѣ Подпольѣ было имѣніе помѣщика Пеклюева,—имѣніе прежде богатое и любимое имъ, а теперь запустѣвшее и обѣднѣвшее. Какъ только крестьяне вышли на волю, Пеклюевъ уѣхалъ куда-то на югъ, въ свои богатыя имѣнія, и сюда никогда уже не возвращался, а здѣсь былъ управляющимъ какой-то нѣмецъ. Этотъ нѣмецъ былъ аккуратенъ, какъ нѣмецъ, очень заботливъ и хлопотливъ, но въ сельскомъ хозяйствѣ мало смыслилъ. Плуги, вѣяльныя, молотильныя и сушильныя машины у него всегда были въ лучшемъ видѣ, а земли много стояло въ пустыряхъ, за недостаткомъ удобренія, котораго онъ не зналъ, гдѣ взять. Несмотря на его заботы и аккуратность, имѣніе не приносило пользы никакой. Тихомиринъ давно точилъ зубы на его мѣсто, и при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ помѣщику подробно о всѣхъ безпорядкахъ и неумѣлости нѣмца, намѣреваясь выжить его и самому стать управляющимъ. И, наконецъ, онъ добился того, что въ Подполье пріѣхалъ какой-то родственникъ Пеклюева, ревизовать имѣніе, послѣ чего нѣмецъ былъ отстраненъ. Но Тихомиринъ не достигъ своей цѣли: на мѣсто нѣмца поставили чухонца, который въ отношеніи аккуратности не уступалъ своему предшественнику, а кромѣ того оказался хорошимъ работникомъ. Онъ увеличилъ количество домашнихъ животныхъ,—что легко было сдѣлать, потому что имѣлись прекрасные пастбища и покосы,—распахалъ много заброшенной земли, нашелъ возможность увеличить плату на сѣнокосныя пустоши, арендуемыя крестьянами—и дѣла у него поправились настолько, что имѣніе стало приносить доходъ.

Калистратъ Иванычъ пріунылъ, понявъ, что къ этому чухонцу было трудно подкопаться, а оклеветать напрасно чело-

вѣка не всегда было возможно, несмотря даже на всѣ способности и таланты Калистрата Иваныча.

Но, на его счастье, у чухонца оказалась одна слабость, которая впослѣдствіи и погубила его, — онъ пилъ запоемъ. Въ то время, когда у него это начинало проявляться, его старались не выпускать изъ дома; но однажды случилось такъ, что не усмотрѣли, и онъ ушелъ въ кабакъ, который былъ почти рядомъ съ помѣщичьимъ домомъ и отдѣлялся отъ него только садомъ. Судьба, какъ говорится, улыбнулась Тихомирину: въ этомъ кабакѣ приверженцы его, Тихонъ и Захаръ, вступили съ чухонцемъ въ драку и поколотили его такъ, что хотя на лицѣ его и царапинки не было, но бѣдный чухонецъ, весь почернѣвшій и распухшій, въ тотъ же день былъ отправленъ въ уѣздную больницу, гдѣ вскорѣ и умеръ, сказавъ передъ смертью, что его убили въ кабакѣ подпольные мужики, Тихонъ и Захаръ.

Молва объ этомъ убійствѣ быстро распространилась въ народѣ. Говорили, что, будто бы, самъ кабатчикъ объяснялъ, какъ началась въ кабакѣ драка, и чухонца били шибко, а потомъ, во избѣжаніе свидѣтелей, его, уже безчувственнаго, выволокли за кабакъ и тамъ, въ Пеклюевскомъ саду, продолжали бить пивными бутылками, колѣнками и каблуками, съ очевиднымъ намѣреніемъ совсѣмъ *рѣшить*.—Было назначено слѣдствіе по этому дѣлу.

Тихонъ и Захаръ испугались, понявъ угрожающую имъ опасность. Только у нихъ и было надежды, что благодѣтель ихъ, Калистратъ Иванычъ, какъ-нибудь защититъ.

Тихомиринъ, несмотря на то, что для него же люди старались, однако и виду не показалъ, что принимаетъ въ нихъ участіе. Онъ, какъ бы желая напугать ихъ еще болѣе, растолковалъ имъ, что дѣло ихъ пахнетъ Сибирью, и, можетъ быть, не видать имъ своей стороны, когда все разъяснится. Но все-же обѣщался постараться „оформить“ дѣло въ ихъ пользу.

Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Пеклюевскаго управляющаго обнаружило, что подпольные крестьяне Тихонъ и Захаръ хотя и были въ кабакѣ, но раньше драки. Съ чухонцемъ же вовсе не дрались, а только перекорялись на словахъ, по поводу когда-то случившейся протравы въ Пеклюевской пустоши. Потомъ они ушли домой. И уже послѣ съ чухонцемъ разодрались прохожіе поляки-землекопы, случайно зашедшіе выпить... Отыскались даже два свидѣтеля—оба преданные Тихомирину подпольные мужики,—подтвердившіе все это.

Вся вина за нанесеніе побоевъ Пеклюевскому управляющему была свалена на прохожихъ поляковъ-землекоповъ (которые оста-

лись неразысканными), а главной причиной, вызвавшей смерть его, было выставлено его болѣзненное состояніе отъ ненормальнаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Гроза прошла мимо—и Тихонъ съ Захаромъ были оправданы.

Зато уже они послѣ служили Калистрату Иванычу съ такою преданностью, съ какою служатъ вѣрные псы своему строгому хозяину, и за него были готовы на все.

На этотъ разъ Тихомиринъ достигъ своей цѣли: Пеклюевъ сдѣлалъ его управляющимъ своего имѣнія. Захаръ съ Тихономъ заняли должности лѣсничаго и старосты и вскорѣ были избраны въ волостные судьи.

III.

Подпольное волостное правленіе помѣщалось въ деревянномъ двухъ-этажномъ домикѣ, раздѣленномъ на двѣ половины широкими сѣнями, на которыя съ улицы вела деревянная, некрашенная лѣстница, съ деревянными и тоже некрашенными перилами. Этотъ домъ отличался отъ крестьянскихъ избъ, какъ иногда отличается на сходкѣ широкоплечій и высокаго роста староста отъ тщедушныхъ и малорослыхъ мужиковъ.

Снаружи стѣны его были круглыя, бревенчатыя и безъ всякихъ украшеній, кромѣ, впрочемъ, двухъ вывѣсокъ—одной на верхнемъ этажѣ, съ надписью по бѣлой крашеной доскѣ черными буквами: „Подпольное Волостное Правленіе и Волостной крестьянскій судъ“, а пониже: „Подпольная Земская школа“.

Низъ въ домѣ занималъ учитель со своею школою, а верхъ—самъ Калистратъ Иванычъ. Впрочемъ, онъ рѣдко здѣсь находился—все больше жилъ на Пеклюевской мызѣ. Такъ что помѣщеніе правленія съ вывѣскою оставалось иногда по цѣлымъ недѣлямъ и больше пустымъ, а за разными надобностями крестьяне ходили къ Тихомирину на мызу, гдѣ онъ принималъ ихъ весьма чинно, заставляя по нѣсколько часовъ дежурить въ передней, пока онъ подписывалъ паспортъ или какую иную бумагу. Все это, конечно, дѣлалось для того, чтобы внушить мужикамъ особенное почтеніе къ власти, а Тихомирину придать больше вѣсу.

Контора волостного правленія занимала просторную комнату такого вида, какъ бываютъ вообще крестьянскія избы.

Нѣсколько небольшихъ оконъ—здѣсь, впрочемъ, сдѣланныхъ на-распашку, — вдоль стѣнъ лавки и въ правомъ углу образъ Николая Чудотворца съ лампадою, которая—уже не могу ска-

зать — часто ли затепливалась, потому что сторожъ конторы, Захаръ, вообще ко всякой святости относился довольно равнодушно и больше имѣлъ склонности къ выпивкѣ и разнымъ житейскимъ спорамъ и пересудамъ, гдѣ онъ могъ и побраниться, и покричать. На стѣнѣ, прямо противъ входа, между оконъ, висѣлъ царскій портретъ, работы какой-то московской хромолитографіи, въ дешевой рамкѣ; противъ него стоялъ столъ, покрытый старымъ краснымъ сукномъ, которое было все испятнано чернилами, прожжено папиросами и замазано какимъ-то клеемъ. Подъ столомъ стояли три некрашенные табурета. Ниже портрета Государя была приклеена бумажка, на которой волостнымъ писаремъ, пятнадцати-лѣтнимъ сыномъ Тихомирина, было написано крупными буквами: „здѣсь курить строго воспрещается". На другихъ стѣнахъ, и даже на дверяхъ, сплошь были наклеены и даже прибиты гвоздями разныя объявленія, предписанія, приказы, циркуляры и постановленія по крестьянскимъ дѣламъ. У двери по одну сторону помѣщался большой шкафъ, въ которомъ хранились канцелярскія принадлежности и разныя „дѣла", а по другую сторону висѣли часы съ большимъ цвѣтистымъ циферблатомъ и кукушкою. Эти часы Тихомиринъ заводилъ только тогда, какъ въ контору пріѣзжало какое-нибудь важное начальство; но когда оно уѣзжало — гири часовъ опускались до самаго пола, маятникъ переставалъ двигаться, и они останавливались на неопредѣленный срокъ. Только десятилѣтняя дѣвочка, дочь Захара, не знавшая, что̀ такое время, часовыя стрѣлки и цифры, когда подметала здѣсь полъ, иногда поднимала гири и, для забавы, пускала маятникъ, разсуждая: „чево-жъ, пускай онъ хоть почикаетъ!" И часы ходили по своему усмотрѣнію, такъ что иногда около четырехъ часовъ кукушка выскакивала въ раскрывающіяся дверцы и куковала двѣнадцать разъ, а около девяти — два или три раза. Рядомъ съ конторою была еще небольшая комнатка, съ круглою печкой, въ родѣ кабинета, гдѣ иногда занимался дѣлами Калистратъ Иванычъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней,—еще обѣдня не отошла въ приходской церкви,—въ контору явились главные судьи—Тихонъ и Захаръ, а вслѣдъ за ними прошелъ молодой парень, осторожно неся что-то подъ полой, и всѣ ушли въ маленькую комнатку.

Черезъ нѣкоторое время парень уходилъ куда-то изъ комнатки и снова возвращался сюда съ оттопырившимся карманомъ штановъ, откуда высовывалось запечатанное горло бутылки. Послѣ этого судьи сдѣлались веселѣе; разговоръ ихъ сталъ оживленнѣе

и голосистѣе; руки размахивались шире, когда требовалось объяснить что-нибудь выразительное.

— Такъ, пожалуйста, братцы, постарайтесь!—просилъ судей парень.

— Ладно, ладно, Родя!—успокоивалъ его Захаръ:—ничего тебѣ не будетъ; не бойся. Только на сторону объ этомъ не болтай.

— Ну, зачѣмъ же пустяковину-то болтать!—согласился Родя.

Въ это время послышался стукъ въ дверь. Родя выскочилъ изъ комнаты и встрѣтился съ Тихомиринымъ.

— Здравствуйте, Калистратъ Иванычъ!—произнесъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь?—спросилъ его Тихомиринъ.

— Да, вотъ, на судбище пришелъ.

Тихонъ и Захаръ, услыша голосъ Тихомирина, поспѣшили выйти изъ комнатки.

— Калистрату Иванычу!—сказали они оба, кланяясь.

Тихомиринъ кивнулъ имъ головой, не давая руки, и спросилъ:

— Что, сегодня судъ будетъ?

— Точно такъ, судъ,—отвѣчалъ Захаръ.

— Объ чемъ?

— Объ дракѣ. Вотъ молодцы-то,—кивнулъ онъ на Родю,—онъ, да еще изъ ихней деревни Макаръ да Ѳеогней—пощипались о праздникѣ съ залѣсскимъ Микифоромъ да Тимошкой, Осипа Егорова сыномъ.

— Кто же кого побилъ?—спросилъ Тихомиринъ, хотя самъ уже раньше зналъ все подробно объ этой дракѣ.

У Захара на лицѣ появилось многозначительное выраженіе; видно, онъ подумалъ: „Уменъ ты и хитеръ! Вишь, дурака валяешь какого: знаешь обо всемъ лучше насъ, а спрашиваешь!“

— Да кто жъ ихъ вѣдаетъ, кто кого побилъ! Жалиться-то приходилъ Тимошка Осиповъ.

— С-скоты! — съ негодованіемъ произнесъ Тихомиринъ.— Другъ друга бьютъ, да и жаловаться приходятъ!

— Я и то говорю, Калистратъ Иванычъ:—Тимошка, поди, тоже навѣрно шею подъ кулаки не подставлялъ, а тутъ же одинаково дрался. А вотъ, говорятъ, Оська его подучаетъ, чтобы не мирился дешево. Такой хлопотной мужичонко, что брось!— заключилъ онъ, махнувъ рукою.

— Какъ есть одинаково дрались! Какъ есть одинаково!— началъ-было разсуждать Родя. Но Тихомиринъ презрительно взглянулъ на него, а все время молчавшій Тихонъ перебилъ:

— Ну, ладно; увидимъ тамъ... разсудимъ!

И при этомъ онъ улыбнулся очень своеобразной улыбкой.

Тихомиринъ, мелькомъ, но пристально взглянувшій на него, замѣтилъ эту улыбку и одобрительно кивнулъ головой, какъ бы убѣдившись въ томъ, что судьи вполнѣ сознаютъ свои обязанности, и больше имъ не нужно давать наставленій—разсудятъ *какъ слѣдуетъ*.

Онъ, любопытствуя знать, какъ будутъ судить, прошелъ въ свой „кабинетъ", чтобы подписать и написать нужныя бумаги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть невидимымъ слушателемъ судбища.

IV.

Скоро пришелъ и третій судья, Антипъ Ѳоминъ, человѣкъ хотя и безграмотный, но трезвый, степенный, совѣстливый и притомъ зажиточный домохозяинъ. Онъ въ душѣ не былъ сторонникомъ Тихомирина, но подчинялся ему наружно, разсудивъ, что „коли этакъ вкоренился въ свое дѣло человѣкъ, то сразу съ нимъ ничего не подѣлаешь; пусть живетъ, пока Богъ грѣхамъ евонымъ терпитъ".

И Тихомиринъ далъ ему почетную должность судьи съ разсчетомъ, чтобы имѣть, хотя часто невольнымъ, сторонникомъ и такого человѣка, котораго міръ считаетъ хорошимъ мужикомъ.

Послѣ Антипа Ѳомина въ контору стали являться, одинъ за другимъ, въ качествѣ свидѣтелей, молодые парни и дѣвушки. Пришелъ Тимоѳей и принесъ съ собою, въ узелкѣ, платье, разорванное на немъ въ дракѣ. Лицо его, распухшее, съ кровавыми подтеками, было обвязано платкомъ.

Вмѣстѣ съ нимъ пришелъ отецъ его, Осипъ Егоровъ, непримиримый врагъ Тихомирина, мужикъ вспыльчивый и настойчивый, рѣшившійся кончить дѣло не иначе, какъ тѣмъ, чтобы виновные, поколотившіе его сына, были выпороты.

Послѣ всѣхъ явились Макаръ и Ѳеогней.

Они остановились въ сѣняхъ и не рѣшались открыть дверь въ контору. Къ нимъ вышелъ Родя.

— Что-жъ вы не идете? — сказалъ онъ имъ. — Васъ дожидаются.

— Да бо́язно, братъ! Стыда куча: и дѣвки тутъ пришли... Что̀ какъ отпорютъ?.. — съ растерянным видомъ говорилъ Ѳеогней.

— Я не лягу подъ розги! — твердо произнесъ Макаръ. —

Все одно, пусть силкомъ кладутъ. Да и я зато кому-нибудь рыло на сторону сворочу!

— Дураки вы, какъ я погляжу, ребята! Вотъ что́ значитъ дѣло-то небывалое! А я вотъ не боюсь: купилъ судьямъ вина— ну, значитъ, все тутъ и тухло!

Ребята подивились ловкости Роди и, ободренные, вошли въ контору.

Тамъ уже всѣ свидѣтели были въ сборѣ и размѣстились кто по лавкамъ, кто стоя въ сторонѣ. Судьи усѣлись на свои мѣста, за столъ, и нѣкоторое время всѣ молчали, какъ бы собираясь съ духомъ.

— Ну, что-жъ, ребята,—первый заговорилъ Антипъ Ѳоминъ, разглаживая и безъ того ровно причесанные, густые, съ просѣдью волосы, съ прямымъ проборомъ: — какъ же мы теперя станемъ васъ разбирать? Я располагаю, что, перво-на́перво, разузнать надо-ть, какъ у васъ было дѣло: изъ чего́ драка зашла, значитъ, и который первый зачиналъ?

— Я думаю, — заговорилъ крикливымъ, тоненькимъ голоскомъ Захаръ, выставивъ впередъ клинъ своей рыжей бороды и еще выше поднявъ и безъ того всегда поднятыя брови, точно онъ всегда напряженно прислушивался и внималъ чему то:—я думаю, свидѣтелевъ про это дѣло спросить надо и по порядку разузнать, что́ они говорить станутъ? А тамъ уже и разобрать.

Но Тихонъ, спокойно выслушавъ ихъ, неодобрительно взглянулъ на Захара своими маленькими черными глазами, свѣтящимися изъ-подъ нависшихъ бровей, и, недовольно тряхнувъ головою, покрытою цѣлой копной курчавыхъ черныхъ волосъ, тихо, но убѣжденно произнесъ:

— Что-жъ свидѣтелевъ? Свидѣтелевъ опосля можно спросить. А сперва надо допросъ снять съ тѣхъ, которые дрались, а потомъ послѣ того и свидѣтелевъ—тогда оно и видно будетъ: правду они говорятъ, али врутъ?

— Ну, такъ та́къ, — согласился Антипъ Ѳоминъ.—Что-жъ вы, — обратился онъ въ ту сторону гдѣ стояли Родя, Ѳеогней и Макаръ: — выходи́те сюда, осерёдъ избы, да разсказывайте: какъ у васъ дѣло было?

Но Макаръ не двигался съ мѣста. Ѳеогней еще ниже опустилъ голову, совсѣмъ потерявъ способность соображать, что́ ему требовалось дѣлать, а Родя довольно спокойно стоялъ и не выходилъ, какъ будто чего-то выжидая.

— Что-жъ? выходите который-нибудь! — сурово произнесъ Тихонъ.

— Выходи, Ѳинька, ты!—толкнулъ Ѳеогнея Макаръ.

Тотъ сдѣлалъ впередъ одинъ шагъ и, на мгновенье взглянувъ на судей, остановился и опять опустилъ голову внизъ, перебирая въ рукахъ шапку.

— А, тутъ такъ струсилъ, небось! — вскрикнулъ на него Осипъ Егоровъ.—Это, видно, не лежачаго бить впятеромъ одного!

Но Тихонъ строго взглянулъ на Осипа.

— Ты, Осипъ, тутъ не кричи безъ толку: безъ этого дѣло разберется,—резонно замѣтилъ онъ.—Дай человѣку говорить.

Но „человѣкъ“ словно онѣмѣлъ и стоялъ неподвижно.

— Ну, что-жъ ты, и вправду, стоишь и молчишь, какъ пень? Говори, какъ было дѣло: ты драку завелъ, что-ли? — сурово спросилъ Тихонъ.

— Нѣтъ, я драки не заводилъ,—произнесъ наконецъ Ѳеогней, запинаясь на каждомъ словѣ.

— Не ты,—такъ кто жъ?

Ѳеогней молчалъ.

— Съ чего жъ дѣло-то у васъ зашло?

— Да съ чего? Мы гуляли, значитъ, такъ... у качели, у тёткиной Таниной избы, всѣ собравши... дѣвки и ребята... праздничнымъ дѣломъ...

Ѳеогней спутался и замолкъ.

Почти всѣ въ конторѣ засмѣялись.

— Да мы про то и сами знаемъ, безъ тебя, что вы праздничнымъ дѣломъ гуляли съ дѣвками у качели!—сказалъ Антипъ Ѳоминъ.—А ты намъ разсказывай по порядку: съ чего у васъ драка-то зашла?

Даже въ такую минуту насмѣшка задѣла за живое самолюбиваго Ѳеогнея; онъ вдругъ покраснѣлъ, какъ кумачъ, поднялъ голову и хотя еще нерѣшительно, но съ отчаянной смѣлостью поглядѣлъ на судей.

— Съ чего драка зашла?!—заговорилъ онъ съ досадой. — Мы собравши были гулять у качели. А раньше того выпивши были. Потомъ пришли на гулянье къ намъ залѣсскіе ребята... Я былъ совсѣмъ опьянѣвши—мало и помню. Кто сперва зачалъ драться—я не видалъ. Помню только, что съ Тимоѳеемъ кто-то зашумѣлъ, потомъ Микифоръ сбилъ Родю съ ногъ, а потомъ и Тимоѳея кто-то сбилъ... Ну, я хотѣлъ-было разнять ихъ, чтобы не дрались, да то-жъ—вѣдь я не то что скрываюсь, а самъ винюсь и прямо говорю — сгоряча-то, да подъ пьяную руку, тутъ какъ-то ногой слегка и потолкнулъ Тимоѳея Осипова...

— Да, „потолкнулъ“! — вскрикнулъ опять Осипъ Егоровъ,

вскакивая съ лавки.—Онъ „потолкнулъ“—а у парня и по сейчасъ синяки на бокахъ не прошли, и, что подушка, бокъ былъ распухши!.. Это онъ такъ „потолкнулъ“!

— Со всего маху, какъ мочь, носкомъ въ бокъ поддѣлъ!—твердо произнесъ Никифоръ.—Я самъ видѣлъ: съ разбѣгу носкомъ и ударилъ лежачаго!

— Да сиди ты, Осипъ, на своемъ мѣстѣ, да молчи!—грубо крикнулъ Тихонъ, не слушая словъ Никифора.

— Какъ „молчи“? Знать, не твоимъ бокамъ больно?..

— Такъ что-жъ? изъ-за этого и кричать тутъ будешь всѣхъ больше?—задорно прокричалъ Захаръ.—Ты, братъ, не гораздо крыльё-то распускай! Разошелся! князь какой! Умнѣе тебя тутъ и нѣтъ никого. Ты и пришелъ-то сюда не для чего: потому—не находился при ихнемъ дѣлѣ и ничего не понимаешь.

— А ты понимаешь!

— Бросьте, ребята, спориться,.— внушительно произнесъ Антипъ Ѳоминъ. — Въ спорахъ толку мало, а можно и потихоньку все разобрать. Только говорить парню не даете... Ну, а дальше у васъ что же было?—обратился онъ къ Ѳеогнею, когда возстановилась тишина.

Но Ѳеогней молчалъ, не зная, что больше говорить.

— Да вотъ что, міряны,—выскочилъ вдругъ къ самому столу Родя:—дайте я вамъ все по порядку разскажу,—я знаю, съ чего и драка зашла, и все.

Всѣ замолкли. Осипъ Егоровъ опять сѣлъ на лавку. Никифоръ съ обиженнымъ видомъ и досадой поглядывалъ на судей, кусая губы.

— Я хоть это и вѣрно,—надо говорить правду, братцы,—и выпивши былъ маленько, да только-что все хорошо помню, — безъ всякой робости и запинки началъ разсказывать Родя.—Гуляли мы всѣ, значитъ, вмѣстѣ—и наши ребята, и залѣсскіе—по хорошему, а не токмо чтобы какъ; мы и слова-то худого промежъ себя не сказали, не только чтобы драться, али что. Ну, вотъ такъ, значитъ, и гуляли. Играли тутъ, на гуляньѣ, плясали да хороводы водили; я еще пѣсни разныя пѣлъ...

— Да, озорныя пѣсни пѣлъ! — съ негодованіемъ вставилъ слово Никифоръ.

Родя поглядѣлъ на него, потомъ на судей съ такимъ видомъ, что дескать: „что же это онъ мѣшаетъ мнѣ говорить?“... Тихонъ поворотилъ къ Никифору свое суровое и упрямое лицо.

— Никифоръ! не суйся ты, куда не надо. Дай говорить человѣку.

— Ой, народецъ! Хоть ты имъ колъ на головѣ теши,—имъ все одно!—повторилъ за нимъ Захаръ.

Никифоръ опять замолчалъ.

— Ну, вотъ, значитъ, такъ мы и гуляли, — продолжалъ Родя.—Гуляемъ это мы, а тутъ кто-то и заигралъ на гармоніи подъ пляску. Мнѣ что-то и вздумалось поплясать идти. Потому, что-жъ, братцы, въ пляскѣ вѣдь ничего же худого нѣтъ? Отчего жъ молодымъ людямъ праздничнымъ дѣломъ и не поплясать при гуляньѣ?.. Ну, я тогда, значитъ, какъ захотѣлъ поплясать-то, и думаю: кого жъ бы это попросить, чтобы со мной поплясалъ?.. Дай, думаю, попрошу Тимошку Осипова. Такъ я, значитъ, подумалъ самъ-то съ собой, потому и подхожу къ нему —не съ того намѣренья, чтобы тамъ драку завесть, али что, а такъ только, по чести попросить, по-товарищески, чтобы со мной поплясалъ. Ну, подошелъ я это къ нему и говорю, такъ, вродѣ какъ шутя:—Ну, пойдемъ, что-ли, попляшемъ.

— А Тимошка и плясать не знаетъ! — вырвалось у одной изъ дѣвушекъ-свидѣтельницъ. Послѣ чего она покраснѣла и потупилась, какъ виноватая.

— А я почемъ зналъ: знаетъ ли онъ плясать, али нѣтъ!— съ неудовольствіемъ сказалъ Родя.

Судьи взглянули въ ту сторону, откуда былъ голосъ, но слова свидѣтельницы пропустили мимо ушей.

Родя продолжалъ.

— Ну, значитъ, какъ я это сталъ его, значитъ, просить плясать идти, а самъ-то его и взялъ этакъ за руку, какъ обыкновенно дѣвокъ выводятъ плясать. Только, значитъ, я за руку-то его взялъ, онъ какъ пихнетъ меня отъ себя въ грудь — я чуть съ ногъ не слетѣлъ...

— Да вѣдь врешь же ты, собака! Вѣдь ты ему сперва рубаху разорвалъ и по уху ударилъ! — не удержавшись, вдругъ крикнулъ на всю комнату Никифоръ.

Родя ужасно обрадовался такой неловкости и несдержанности своего противника.

— Ну вотъ: слышите, міряны?—съ торжествующей улыбкой обратился онъ къ окружающимъ. — Слышите, какъ онъ лается, что собака?.. Что-жъ, послѣ того такому человѣку можно повѣрить?..

— Да ты, парень, ошалѣлъ что-ли?—спросилъ Никифора Тихонъ.

— А что же онъ вретъ? Вѣдь онъ, ей-Богу, все вретъ!— горячо и искренно отвѣтилъ Никифоръ.

— Да, а всячески ругаться тута не велѣно.

— Такъ докажи же: кто ему лицо-то эво-нъ какъ изуродовалъ?—подступилъ къ Родѣ Осипъ Егоровъ, указывая на обвязанное лицо сына.

— А почемъ я знаю!—злобно окрысился на него Родя. — Что ты, и взаправду, присталъ-то ко мнѣ, словно листъ банный! Чтò я тебя боюсь, что-ли?..

— Да какой Микифоръ свидѣтель? Какой онъ свидѣтель!—кричалъ всѣхъ громче Захаръ:—онъ самъ, можетъ, больше всѣхъ дрался, да тута и ругается! Его вонъ отсель выгнать надо. Вотъ съ нимъ чтò надо сдѣлать!

— А! тò и вонъ! — заступился Осипъ Егоровъ, оставляя Родю и набрасываясь на Захара.—Тò и вонъ! Какъ парень правду говоритъ, такъ его и вонъ, а какъ Родя съ пьяныхъ глазъ тутъ вретъ, такъ тò—ничего!

— Да и тебя-то со своимъ свидѣтелемъ вмѣстѣ! Ни за чѣмъ ты сюда и пришелъ!

— Стойте, ребята, стойте!—произнесъ увѣщевательно Антипъ Ѳоминъ.—Помолчите-ко хоша маленько: дайте слово одно сказать. Ну, чтò вы, братцы, дѣлаете?—сталъ онъ урезонивать кричавшихъ, когда они смолкли.—Къ чему это вы такъ кричите и бранитесь? Что мы сюда собрались, значитъ, покричать, нешто, да поспориться промежъ себя? Вѣдь мы не за тѣмъ сюда собрались. Тутъ не кабакъ; тутъ вѣдь, вонъ, царскій патретъ на стѣну прибитъ! Вы бы это только поняли!

Съ этимъ словомъ Антипъ Ѳоминъ поднялся съ лавки и выразительно указалъ пальцемъ на портретъ Государя.

На мгновеніе слабое сознаніе того, что они находятся дѣйствительно не въ кабакѣ, а на судбищѣ, мелькнуло у всѣхъ. Всѣ слушали Антипа Ѳомина молчаливо и почтительно.

— Такъ вотъ это-то вы бы поняли, братцы!—продолжалъ онъ.—Что-жъ, вѣдь этакъ ежели мы станемъ другъ на дружку кричать, что воронъ, да одинъ другого всячески обзывать,—у насъ ничего хорошаго не выйдетъ. А спорамъ нашимъ и конца-краю не будетъ. Надо все дѣлать безъ крику лишняго, да по хорошему,—какъ сказано въ Писаніи Божіемъ: „во многоглаголаніи нѣту спасенья“.

— Антипъ Ѳомичъ! вѣдь противъ этого я и не говорю ни слова,—почтительно произнесъ Осипъ Егоровъ.—Вѣдь я и самъ тоже про это знаю, что тутъ не кабакъ, а судбище, и царскій патретъ не для смѣху тутъ виситъ. Такъ вѣдь нельзя же человѣка понапрасну изобижать! Надо по правдѣ судить, а не по

кривдѣ! А какіе жъ они судьи, коли все на кривую сторону руку держатъ, а не на прямую?.. Что-жъ это: били, били парня при всемъ народѣ, при гуляньѣ, изорвали всего, какъ хуже быть нельзя, да на нихъ и управы никакой не найти! Я—отецъ родной, да и то никогда руки своей не накладáлъ на сына, за волосы ни разу не оттаскалъ, а они при всей *фубликѣ* этакъ били, да они и правы! Да, вдобавокъ того, еще и судьи праведные,—съ ядовитымъ презрѣніемъ кивнулъ онъ на Тихона и Захара,—вдобавокъ еще и они подъ царскимъ патретомъ сидятъ и за виноватыхъ руку держатъ!..

— Ишь вѣдь ты стерва какая!—злобно прорычалъ на Осипа Егорова Тихонъ. — Да какое ты имѣешь полное право насъ пьяными обзывать? Ты поилъ насъ?..

— Я не поилъ, а другіе напоили!..

— Да что̀ ихъ слушать? Гнать ихъ вонъ отсель!—закричалъ опять Захаръ.—Никакого имъ нѣту суда: они одинаково били другъ дружку!

— А! вонъ гнать! Вонъ гнать! Ты только и знаешь, что вонъ гнать! — съ ненавистью набросился на него Осипъ Егоровъ.—Судья! Не въ судьяхъ тебѣ сидѣть, а мірской хлѣбъ воровать изъ магазеи!..

Въ это время дверь изъ „кабинета“ отворилась, и на порогѣ показался самъ Калистратъ Иванычъ. Онъ былъ одѣтъ въ красной кумачевой рубашкѣ; огромный животъ его обтягивала русская жилетка такихъ размѣровъ, что ею легко можно было бы обтянуть животъ порядочнаго быка. Онъ съ порога комнаты грозно глянулъ на всѣхъ своими маленькими, заплывшими жиромъ глазками и величественной походкой пошелъ прямо на Осипа Егорова, такъ что тотъ долженъ былъ нѣсколько попятиться назадъ, чтобы не столкнуться съ нимъ носъ въ носу.

— Какъ ты смѣлъ, болванъ, здѣсь ссору заводить?—грозно крикнулъ онъ на Осипа Егорова.—Какъ ты смѣлъ, я тебя спрашиваю?.. Да ты знаешь ли, что я тебя за это подъ судъ отдамъ?!.. Сейчасъ же велю арестовать тебя и въ станъ отправлю, какъ возмутителя, какъ нарушителя закона! Сейчасъ объ тебѣ отношеніе напишу и отправлю! Да ты знаешь ли, гдѣ ты находишься? Здѣсь — присутственное мѣсто; портретъ Государя Императора на стѣнѣ: это все равно, что онъ самолично тутъ присутствуетъ, а ты тутъ возмущеніе дѣлаешь—ворами честныхъ и почетныхъ людей обзываешь. Болванъ ты этакой! С-сей-ча-съ же велю тебя арестовать и въ станъ отправлю. Ты у меня и скиснешь въ тюрьмѣ, за такія слова!..

Калистратъ Иванычъ задыхался отъ волненія, и на лицѣ его выступилъ потъ. Онъ раскипѣлся, какъ самоваръ, который долго не закипаетъ, несмотря на то, что въ трубу его накладено до верха горячихъ угольевъ, но потомъ вдругъ закипитъ съ неудержимой силой, пары сердито вырываются изъ него во всѣ отверстія, и весь онъ, какъ какое-нибудь чудовище, кипитъ и клокочетъ, и обливается горячимъ кипяткомъ...

Слова его: „присутственное мѣсто“, „возмущеніе“, „отношеніе“—сильно подѣйствовали на всѣхъ присутствующихъ въ конторѣ. Всѣмъ невольно пришло на память, какъ, по милости этихъ „отношеній“ Калистрата Иваныча, уже не одинъ мужикъ былъ наказанъ розгами. И всѣ замолкли, притаивъ даже дыханіе; такъ что когда Тихомиринъ кончилъ говорить, въ конторѣ воцарилась такая тишина, что слышно было, какъ тараканъ-прусакъ, бѣгая гдѣ-то по стѣнѣ, зашуршалъ объявленіемъ, наклееннымъ сверху, да назойливая муха жужжала, кружась передъ самымъ носомъ Тихомирина, очевидно намѣреваясь сѣсть на его жирное, вспотѣвшее лицо, надѣясь отыскать на немъ что-нибудь пригодное себѣ въ пищу.

Тихомиринъ сердито отмахнулъ отъ себя муху, и въ эту минуту вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то странную неловкость, и подумалъ: „Напрасно я ввязался въ это дурацкое дѣло! Пусть бы сами собой разсуждали, и хоть бы волосами вязались между собой—не слѣдовало мнѣ горячиться. Въ прежнее бы время это было, когда былъ такой хорошій мировой посредникъ, что все позволялъ дѣлать, такъ выдрать бы его, подлеца, можно! Оно, понятно, и теперь на мужика нельзя не покричать волостному старшинѣ, для внушенія страха и почтенія, но нужно знать, въ какое время. А съ этимъ Оськой—и подавно не стоило бы браниться: мужичонко занозистый и настойчивый, старое зло еще помнитъ; разсердится да, пожалуй, начнетъ шляться по разнымъ судамъ съ прошеньями—только надѣлаетъ мнѣ лишняго расходу на взятки чиновникамъ!“

Всѣ эти мысли отчетливо и ясно промелькнули въ головѣ Калистрата Иваныча. И только боясь кончить сцену какъ-нибудь невыгодно для себя, онъ сохранилъ серьезный видъ и, устремивъ перстъ на лицо Осипа Егорова, произнесъ:

— Я тебя, голубчика, буду имѣть въ виду. Я о тебѣ высшему начальству отнесусь: что ты возмутитель, на волостномъ судѣ возмущеніе и безчинство поднялъ, шумъ и брань завелъ!

И сказавъ эти слова, Тихомиринъ оборотилъ свой животъ къ

выходу. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повернулся назадъ и въ послѣдній разъ грозно крикнулъ:

— Ты у меня будешь въ тюрьмѣ сидѣть!—и вышелъ изъ конторы.

По уходѣ его, судьи нѣсколько минутъ молчали, будучи какъ бы не въ силахъ опомниться. Наконецъ, погладивъ бороду и кашлянувъ, Антипъ Ѳоминъ заговорилъ:

— Ну, какъ же, ребята, дѣлаться-то мы будемъ?

— Что „какъ дѣлаться будемъ"? — заголосилъ Захаръ.— Вотъ мы какъ дѣлаться будемъ: взять его, возмутителя, да связать, да предписанье (онъ не зналъ, что нужно было сказать: „отношеніе")—предписанье написать, да его въ станъ и отправить! Вотъ съ нимъ что надо сдѣлать!

Но Тихонъ неодобрительно мотнулъ головой.

— Это что жъ! Про это Калистратъ Иванычъ самъ знаетъ: онъ его проучитъ. А мы теперя ихнее-то дѣло доложны прикончить.

— А это ихнее дѣло,—не унимался Захаръ:—плюнуть да растереть! Вотъ что. Они другъ дружку одинаково били,—ну и пусть къ чорту отсель убираются!

— Нѣтъ, погодите!—сказалъ судьямъ Антипъ Ѳоминъ, и потомъ обратился къ судившимся:—А я вотъ что скажу вамъ: помириться вамъ надо. Самое оно лучшее дѣло будетъ. Что-жъ, мало ль тамъ бываетъ, что выпивши когда и поковыряются промежъ себя холостяки? Ну, кому попало тамъ разъ-другой и побольнѣе, такъ вѣдь что-жъ дѣлать? Какъ желаете, а только бы я совѣтовалъ помириться.

— Ни за что! Ни за какія блага не помирюсь!—рѣшительно произнесъ Осипъ Егоровъ.—И сынъ мой не помирится. Тогда только помиримся, когда виноватыхъ розгами выпорютъ.

— О-о?.. Эво ты какъ прытокъ!—занозисто и насмѣшливо взвизгнулъ Захаръ.—По твоему все и будетъ? держи карманъ!..

— Что-жъ, по эфтому выходитъ,—сказалъ Тихонъ Осипу Егорову:—что не мы здѣсь судьи, а ты судья; что, значитъ, такъ присуждаешь по своему уму.

— Я не судья, а хочу, чтобы по правилу было.

— По правилу? А по правилу-то ты и кричать тута не доложенъ. Ты и пришелъ-то сюда ни за чѣмъ. Что ты—свидѣтелемъ былъ при ихномъ дѣлѣ, али тебя били? Вѣдь не тебя били?

— Все одно—сына моего били!

— Сына да не тебя! Сына били—ну и пущай онъ взыски-

ваетъ и разговоры здѣсь держитъ. А твое дѣло—молчать, больше ничего.

Послѣ такого разсужденія, произнесеннаго убѣжденнымъ и суровымъ голосомъ Тихона, Осипъ Егоровъ на минуту смѣшался, но потомъ окончательно вышелъ изъ себя. Онъ быстро подскочилъ къ самому столу и, сверкая глазами и размахивая руками, заговорилъ, почти задыхаясь:

— Такъ вы не хотите по правилу судить? Ну, ладно: хорошо! Я другой судъ найду. Я въ уѣздное присутствіе прошенье подамъ. Я на васъ прошенье подамъ!..

— Да подавай!—ядовито засмѣялся Захаръ.—Хоть за уѣздно присутство подавай,—не гораздо тебя испугались: не велика ты шишка по здѣшнему мѣсту!..

— Въ уѣздное подамъ!—кричалъ Осипъ Егоровъ. Я недоволенъ вашимъ судомъ! Какой вашъ судъ? Вашъ неправедный судъ! И за глаза, и въ глаза завсегда всѣмъ скажу, вотъ какъ передъ Истиннымъ Богомъ,—онъ вдругъ повернулся къ большому углу и, навѣрное самъ не сознавая, для чего это дѣлалъ, перекрестился на образъ: — вотъ какъ передъ Истиннымъ Богомъ, всѣмъ скажу: пропойцы вы, а не судьи! Свиньи вы безчувственныя!.. Больше у меня и словъ нѣту другихъ для васъ!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ горькимъ упрекомъ и чуть не со слезами. И, кинувъ на судей грозный взглядъ, не хуже самого Тихомирина, быстро вышелъ вонъ.

Захаръ выскочилъ изъ-за стола и бросился за нимъ вслѣдъ. Всѣ такъ и думали, что онъ догонитъ его на дорогѣ и вцѣпится ему въ волосы... Но онъ остановился у порога и, повернувшись назадъ, завопилъ:

— Чего-жъ мы глядимъ? Чего-жъ мы, какъ дураки, сидимъ и глядимъ, и даемъ ему себя такъ обзывать?.. Во хлѣвъ его посадить! Связать и во хлѣвъ посадить!..

Антипъ Ѳоминъ молчалъ, потирая лобъ и закрывая ладонью глаза отъ стыда. Но Тихонъ былъ безстрастенъ и спокоенъ.

— Ладно, Захаръ,—произнесъ онъ съ философской невозмутимостью:—брось; пусть лается, наплевать: собака и на солнце лаетъ. А надо-жъ намъ дѣло-то кончать.

— Да, братцы. Кончайте же, Бога ради, поскорѣй!—съ нетерпѣніемъ и досадой проговорилъ Антипъ Ѳоминъ. Мириться—такъ миритесь, а не мириться—такъ какъ хотите.

— Помирись, Тимошка!—предложилъ ему Тихонъ.

Лицо Тимоѳея дрогнуло. Онъ, какъ и отецъ, сдѣлалъ нѣ-

сколько шаговъ къ большому углу и, перекрестившись на образъ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Пускай Богъ намъ будетъ судьей!

И, сказавъ это, повернулся къ двери, надѣлъ шапку на голову и, держа подъ мышкою узелокъ, въ которомъ было завязано его разорванное въ дракѣ платье, вышелъ изъ конторы.

Тѣмъ судъ и кончился.

V.

Осипъ Егоровъ былъ давнишнимъ недругомъ Тихомирина. Онъ, какъ человѣкъ смышлёный, бойкій и отличный домохозяинъ, былъ отмѣченъ Тихомиринымъ отъ другихъ и избранъ на должность сельскаго старосты. Но Калистратъ Иванычъ скоро убѣдился въ полной невозможности сдѣлать его своимъ сторонникомъ и подчинить своему вліянію; въ натурѣ Осипа Егорова было слишкомъ много добросовѣстности и стремленія къ справедливости. Часто на волостныхъ сходахъ, когда крестьяне соглашались на какое-нибудь нелѣпое предложеніе Тихомирина,—какъ, напримѣръ, на безотчетное веденіе дѣлъ по общественнымъ постройкамъ,—онъ протестовалъ противъ всей волости, утверждая, что мужики слушаютъ старшину—и дѣлаютъ не по-божески. Случалось, что, обиженный и разсерженный, онъ одинъ уходилъ со схода, даже отказываясь отъ угощеній, на которыя Калистратъ Иванычъ былъ не скупъ.

Слагая съ себя должность старосты, Осипъ Егоровъ во всеуслышаніе объявилъ крестьянамъ на сходѣ, что нѣтъ у нихъ правды ни въ чемъ, и все дѣлается недобросовѣстно. „Слава Богу, что ухожу отъ должности; радъ бы міру служить, да, вѣрно, не мимо сказано: одинъ камень не много воды нагрѣетъ!“— заключилъ онъ рѣчь свою.

Тихомиринъ въ лицѣ перемѣнился отъ злости. Однако, показалъ видъ, что не разслышалъ словъ Осипа Егорова.

Вскорѣ послѣ этого съ крестьянъ собирали, для пополненія недоимокъ, овесъ, по два гарнца съ души. Недѣлю спустя, вновь стали собирать по гарнцу съ души еще въ какое-то дополненіе. Крестьяне чуяли, что тутъ неладное творится, однако безъ пререкословій отсыпали овесъ. Осипъ Егоровъ не утерпѣлъ, чтобы не потребовать объясненія о второмъ сборѣ овса. Онъ, не избранный десятидворнымъ, пришелъ на волостной сходъ и сталъ спрашивать мирового посредника: для чего во второй разъ собирали съ крестьянъ овесъ? И при этомъ жаловался на то, что съ нихъ

собираютъ каждый годъ на постройку общественныхъ зданій и овсомъ, и деньгами,—въ голодный годъ и весь запасный хлѣбъ былъ проданъ на это дѣло,—а зданія не строятся; и что уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбозапасный магазинъ былъ обворованъ, а въ другой разъ провѣрки ему не дѣлается,—а въ народѣ идетъ слухъ, что хлѣба мірского опять много не хватаетъ.

Посредникъ, не много думая, и, конечно, не давая никакихъ объясненій, распорядился наказать розгами жалобщика, что̀ и было исполнено немедленно, тутъ же при сходѣ. Въ штрафномъ журналѣ правленія записали, что: „крестьянинъ Осипъ Егоровъ подверженъ наказанію розгами за возмущеніе на волостномъ сходѣ, въ примѣръ другимъ“...

Осипъ Егоровъ былъ обиженъ до глубины души. Но что̀ ему было дѣлать? Гдѣ искать правосудія?—онъ не зналъ. Куда пойдешь цросить, коли самъ посредникъ приказалъ отпороть!..

Нѣкоторые изъ десятидворныхъ еще надъ нимъ же и посмѣялись:—Что̀, братъ, наскочилъ?.. Мы—выборные, да и то боимся слово сказать, а ты не выборный да сунулся!

Пришлось Осипу Егорову утѣшаться вѣчными въ несчастіяхъ мужика словами: „Богъ съ ними! Пусть Богу за это отвѣтятъ. Видно, одинъ въ полѣ—не воинъ“. Но этого всенароднаго позора онъ никогда не могъ забыть.

Теперь, послѣ того, какъ волостной судъ разсудилъ такъ несправедливо его сына, негодованіе Осипа Егорова перешло границы. Онъ рѣшился непремѣнно подать куда-нибудь прошеніе на Тихомирина. Все затрудненіе состояло только въ томъ, что написать прошеніе было некому, и онъ не зналъ, куда было нужно подавать его. Но препятствіе это было, наконецъ, устранено—ему представился случай осуществить свое желаніе.

Осипъ Егоровъ былъ очень странноприименъ; ни у кого въ деревнѣ не ночевало и не обѣдало столько разныхъ странниковъ и нищихъ, какъ у него. Разговорившись съ однимъ изъ странниковъ, онъ разсказалъ ему о своей враждѣ съ Тихомиринымъ.

— А ты бы начальству на него пожаловался, — посовѣтовалъ ему странникъ.

— Да куда же я, милый человѣкъ, пойду? Кому буду жаловаться? Вѣдь начальство-то наше взятки любитъ; у него вездѣ засовано. Да и кто жъ мнѣ эту жалобу-то напишетъ?..

— Жаловаться надо самому начальнику губерніи. А написать—что-жъ, пожалуй хоть и я напишу.

Осипъ Егоровъ былъ въ восторгѣ, что нашелся добрый и такой способный человѣкъ.

— Будь отецъ родной—напиши!

Достали чернилъ и бумаги, и странникъ усѣлся сочинять прошеніе. Два дня онъ прожилъ у Осипа Егорова—все сочинялъ, писалъ и переписывалъ; на третій день онъ прочиталъ ему прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Его Превосходительству, Господину —му Губернатору

„Прошеніе.

„Имѣю честь прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Превосходительства съ всепокорнѣйшимъ и нижающимъ прошеньемъ на своего волостного старшину Калистрата Иванова Тихомирина, исправляющаго должность въ —скомъ уѣздѣ, въ Подпольной волости, въ селѣ Подпольѣ, за то, что онъ, волостной старшина,—есть беззаконникъ и несправедливый человѣкъ. А именно потому онъ есть беззаконникъ и несправедливый человѣкъ, что самъ женатый и семейный, а состоитъ въ сожительствѣ съ двумя молодыми дѣвицами, которыя есть между собою родныя сестры, дочери одной вдовы, проживающей въ селѣ Подпольѣ. Коихъ дѣвицъ онъ, Тихомиринъ, когда онѣ, въ разное время, приходили къ нему брать паспорта, чтобы ѣхать въ городъ на жительство, соблазнилъ прелестными словами, напоилъ сладкой водкой съ соннымъ порошкомъ и потомъ склонилъ ко грѣхопаденію, въ чемъ онѣ послѣ сами же неоднократно со слезами сознавались многимъ людямъ, когда находились въ праздничное время выпивши... У нихъ въ настоящее время имѣются отъ Калистрата нѣсколько штукъ дѣтей.

„А такъ какъ, по закону, такого человѣка за прелюбодѣяніе слѣдуетъ сослать на покаяніе въ монастырь, то всепокорнѣйше прошу отрѣшить его отъ должности. Окромѣ того, онъ дѣлаетъ еще разныя беззаконныя и безсовѣстныя дѣла: въ 188— году собирали съ насъ по два гарнца овса съ души, за недоимку. Послѣ еще, вдругорядъ, по гарнцу собирали неизвѣстно за что, навѣрно въ свою пользу. Потомъ еще, раньше того, разворовали магазею, гдѣ былъ засыпанъ мірской хлѣбъ, больше чѣмъ на тысячу рублей, такъ что теперь и концовъ не найти, а провѣрки магазеи не дѣлается уже много времени.

„Еще, втискался онъ къ помѣщику Пеклюеву въ управляющіе. Имѣнье его все разворовалъ. На что яблони изъ помѣщицкаго саду—и тѣ пересадилъ по садамъ къ себѣ и къ своимъ полюбовницамъ.

„И взялся онъ строить дома подъ училище и подъ новую

хлѣбную магазею. Когда былъ голодный годъ, въ тотъ годъ онъ продалъ мірской хлѣбъ на постройку, и каждый годъ съ насъ собираютъ и деньгами, и овсомъ, а дома не строятся, и деньги наши, и овесъ—пропадаютъ. Мужиковъ онъ притѣсняетъ,—чуть на котораго разсердится, сейчасъ и выпоретъ розгами. А жаловаться на него идти намъ некуда, потому что все начальство у него запоено и закуплено. Только тѣхъ онъ и не обижаетъ мужиковъ, которые за него руку держатъ и на сходкахъ дѣлаютъ, что онъ заставляетъ. У него и подобраны все больше такіе прохвосты, которые за вино рады душу продать. И на исповѣдь онъ никогда не ходитъ.

„Поэтому нельзя ли Вашему Превосходительству прислать сюда къ намъ хорошаго человѣка, и, разузнавъ происходящіе порядки, отогнать Калистрата Тихомирина отъ должности и, по правилу, отдать его подъ строгій арестъ и подъ судъ, за всѣ его беззаконныя дѣла“.

Странникъ посовѣтовалъ Осипу Егорову не подписывать на прошеніи своего имени.—И такъ подѣйствуетъ!—съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ онъ.

Осипъ Егоровъ былъ самъ не свой отъ радости, что удалось написать такое дѣльное прошеніе.

Почти насильно втискавъ страннику за пазуху двугривенный, онъ, не мѣшкая ни минуты, отправился въ уѣздный городъ на почту и отослалъ прошеніе губернатору.

VI.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ того, какъ Осипъ Егоровъ отослалъ прошеніе, въ Подполье пріѣхали какой-то чиновникъ изъ уѣзднаго присутствія и становой приставъ. Вѣроятно, цѣлью ихъ пріѣзда было какое-нибудь важное порученіе, потому что они собирали на Пеклюевскую мызу нѣсколькихъ мужиковъ, отобрали отъ нихъ какія-то свѣдѣнія и, угостившись у Тихомирина, какъ слѣдуетъ, отправились обратно.

Такое, повидимому, ничтожное обстоятельство, какъ пріѣздъ чиновника и пристава къ Тихомирину, произвело, однако, въ народѣ чрезвычайное впечатлѣніе и вызвало множество различныхъ толковъ и предположеній: кто говорилъ, что это пріѣзжалъ „ревизоръ“, провѣрять правленіе,—но провѣрки не было, потому что старшина подкупилъ его; кто утверждалъ, что, навѣрное, кто-

нибудь пожаловался высшему начальству на Калистрата, и пріѣзжали съ него допросъ снимать...

Но всѣ были такого мнѣнія, что этотъ пріѣздъ не обошелся для Тихомирина даромъ, а вскочилъ ему въ копѣйку.

Осипъ Егоровъ съ жаднымъ любопытствомъ ловилъ эти слухи. Какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что пріѣздъ чиновника былъ слѣдствіемъ его прошенія. Это настолько придало ему духу, что онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, подать еще прошеніе губернатору на Тихомирина. Но опять явилось роковое препятствіе: некому было написать прошенія. (Богъ его знаетъ, гдѣ находился теперь тотъ добрый странникъ!) Осипъ Егоровъ долго соображалъ, какъ ему сдѣлать, и, наконецъ, сообразилъ: онъ накрутилъ возъ сѣна и повезъ его въ уѣздный городъ на рынокъ, продавать, имѣя намѣреніе, между прочимъ, поразнюхать,— нельзя ли подыскать тамъ такого способнаго человѣка, который бы сочинилъ ему прошеніе?

Продавъ свой товаръ, онъ отправился на постоялый дворъ, самый обширный въ городѣ, гдѣ было всегдашнее пристанище такъ называемыхъ „золоторотцевъ“, то-есть, всякаго рода лохмотниковъ, христарадниковъ и калѣкъ.

Рѣшившись вести дѣло осторожно, онъ нарочно выбралъ самую отдаленную комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ и пилъ чай одинъ только какой-то незнакомый человѣкъ, довольно порядочно одѣтый, а у топящейся печки грѣлась (такъ какъ это было ранней весной) цѣлая толпа посинѣвшихъ отъ холода лохмотниковъ.

Осипъ Егоровъ сѣлъ къ столу противъ незнакомца, и, заказавъ чаю, сталъ разсматривать грѣвшихся у печки людей, придумывая, какъ бы выспросить у кого изъ нихъ—нѣтъ ли между ними такого ловкача, который написалъ бы ему прошеніе? Но въ этомъ ему не пришлось много затрудняться: не успѣлъ онъ выпить чашки чаю, какъ одинъ изъ золоторотцевъ подошелъ къ его столу и, отвѣсивъ низкій поклонъ, попросилъ табаку на папиросу. Осипъ Егоровъ былъ некурящій, и на этотъ разъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ отказать просившему покурить. Но онъ тотчасъ же нашелся и предложилъ ему выпить чашку чаю.

Тотъ принялъ его предложеніе съ охотою.

— А что, милый человѣкъ, — вкрадчиво заговорилъ Осипъ Егоровъ: — я полагаю, и между васъ, пожалуй, иной разъ попадаются порядочные люди?

— Всякихъ есть! — отвѣчалъ тотъ, нисколько не обижаясь наивностью вопроса.

— Такъ, къ примѣру, и грамотные есть?

— Да у насъ и все больше грамотные. Есть способные ребята, изъ хорошихъ мастеровыхъ, да спустившись, такъ что сразу нѣту средствъ на ноги подняться, чтобы на хорошее мѣсто стать. Вотъ теперь хотя бы и я: могъ бы жить и на порядочномъ мѣстѣ, а куда пойдешь въ такомъ нарядѣ?

Говоря это, онъ указалъ на свои жалкія лохмотья.

— Это вѣрно, милый человѣкъ! Что дѣлать! А я къ тому такъ спросилъ, что, можетъ быть, ты знаешь, нѣтъ ли тутъ у васъ такого, чтобы прошенье могъ написать?

Послѣднія слова Осипъ Егоровъ произнесъ шопотомъ, склонившись къ самому лицу собесѣдника и какъ бы боясь, чтобы стѣны его не подслушали.

— А что же: тебѣ прошенье, что-ли, надо написать?—спросилъ тотъ довольно громко.

— Нѣтъ! Я не къ тому сказалъ! — испугавшись и косясь на сидѣвшаго напротивъ незнакомца, проговорилъ Осипъ Егоровъ. И опять шопотомъ попросилъ его говорить тише.

— Мнѣ, милый человѣкъ, по правдѣ сказать, такъ это и вѣрно, что прошеньице надо бы написать. Да вотъ некому! Умѣлыхъ такихъ людей не найдешь.

— Сколько угодно! У насъ есть одинъ такой,—чорта съѣлъ на этихъ дѣлахъ!

— А онъ изъ какихъ же будетъ?

— Изъ какихъ-то прогорѣлыхъ чиновниковъ. Башка! И фамилія ему Деруновъ. Вотъ тотъ напишетъ.

— Къ примѣру, и губернатору можетъ написать?

— А хоть къ мериканскому королю! Не токма-что къ губернатору.

Осипъ Егоровъ обрадовался тому, что дѣла его пошли такъ удачно. Онъ, однако, рѣшилъ не слишкомъ торопиться и, выпивъ чашку-другую, поразмыслилъ съ собою: ловко ли будетъ просить такого человѣка написать прошеніе? Заключивъ, что опаснаго тутъ ничего нѣтъ, онъ обратился опять къ своему собесѣднику:

— А что, дорогой, нельзя ли, къ примѣру, этого самаго Дергунова сюда привесть? Я бы заплатилъ, что слѣдуетъ.

— Можно-то—можно, да онъ на другомъ постояломъ находится. Ежели не спитъ гдѣ-нибудь пьяный, такъ можно бы его растарабанить.

— Пожалуйста, родной, похлопочи! Я тебѣ за это заплачу, что слѣдуетъ

— Можно,—согласился тотъ. И всталъ изъ-за стола. По-

томъ, переминаясь съ ноги на ногу, онъ откашлянулся и какимъ-то неестественнымъ, сдавленнымъ голосомъ спросилъ:—А ты дай-ко мнѣ пятачокъ; я дорогой бы табачишку взялъ.

Осипъ Егоровъ далъ ему пятачокъ и снова просилъ постараться привесть „писаря", обѣщая заплатить, сколько слѣдуетъ, за всѣ хлопоты.

— Я и тебѣ тогда еще приплачу, только устрой!—сказалъ онъ, сильно побаиваясь, какъ бы его новый знакомый не удралъ съ пятачкомъ, не сдѣлавши дѣла.

Въ ожиданіи, онъ сталъ глядѣть на оборванцевъ, пріютившихся у топящейся печки, и скоро былъ развлеченъ слѣдующею сценой.

Одинъ изъ нихъ, желая бросить выпавшій изъ печки уголь обратно, обжегъ себѣ руку и, долго махая ею въ воздухѣ, шипѣлъ и морщился, страшно ругаясь. Товарищи его весело смѣялись надъ нимъ.

— У насъ и печки не истопишь безъ того, чтобы руки не ошпарить! — съ презрительнымъ негодованіемъ сказалъ пострадавшій.—А вона въ заграницѣ: тамъ въ двадцать этажовъ дома стоятъ, а ни въ одной комнатѣ и печки нѣтъ.

— А изъ чего же тепло-то берется зимой? — спросилъ его одинъ изъ золоторотцевъ.

— Паромъ отопляется снизу. Душники устроены: сколько тебѣ нужно тепла, столько въ душникъ и напустишь.

— А неспособно такіе дома; это если только два-три раза въ день придется внизъ спуститься съ такой каланчи, такъ и то—ноги прочь.

— А машины-то на что? Тамъ машины и поднимаютъ, и опускаютъ людей. Да не народомъ кверху тянутъ, а тоже машиной съ электричествомъ. Электричество—вотъ что на телеграфахъ устроено—силу большую имѣетъ; что хотятъ, то имъ и дѣлаютъ.

Оборванцы уже не смѣялись, а съ любопытствомъ слушали слова своего товарища. Осипъ Егоровъ и сидѣвшій противъ него незнакомецъ тоже прислушивались къ его разсужденіямъ.

— А вонъ въ Америкѣ, — продолжалъ оборванецъ, одушевляясь все болѣе и болѣе:—такъ тамъ одинъ механикъ машину такую устроиваетъ, которая изъ земли кушанье разное готовить будетъ.

— Какъ же такъ, изъ земли?..—спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— А такъ. Съ одного конца въ машину будутъ землю сы-

пать—ящики, стало быть, такіе будутъ пристроены,—а потомъ она и пойдетъ по разнымъ другимъ препаратамъ очищаться, промываться, молоться и перевариваться, и съ другого конца изъ машины выходитъ готовое кушанье. Какое хочешь: жаркое, супъ, хлѣбъ разный...

— Это-то хорошо бы! Да только ты, пожалуй, навѣрно совралъ!

— Что? „совралъ“? Нѣтъ, не совралъ.

— А вѣдь, вотъ, устроили же говорильную машину?

— Какую говорильную машину?

— А вотъ разговоры она можетъ передавать. Поставить ее хоть бы здѣсь, въ комнатѣ—и все, что мы между собой говоримъ, она перейметъ въ себя. Потомъ послѣ, хоть черезъ пять лѣтъ или больше, только пусти ее въ ходъ, пружинку тамъ натисни—она и заговоритъ разными голосами. Всѣ наши рѣчи и перескажетъ.

Это свѣдѣніе было встрѣчено полнымъ недовѣріемъ.

— Ты, братъ, любишь читать все, что тебѣ на глаза попадется; на мусорной ямѣ лоскутокъ газеты найдешь—и то его пять разъ перечитаешь, потому и знаешь много кой-чего, это вѣрно. А только, должно, и врать любишь!

— Въ этотъ разъ совралъ навѣрно!—засмѣявшись, произнесъ его товарищъ.

Остальные тоже улыбались. Ораторъ обидѣлся.

— Дураки вы, больше ничего! — произнесъ онъ, презрительно отвернувшись.—Когда я въ газетахъ вчера-сь же объ этомъ читалъ въ трактирѣ!.. Что смѣшного? Ей Богу, тамъ объ этомъ все подробно написано.

„Стало, вѣрно, про машиниста говоритъ,—разсуждалъ про себя Осипъ Егоровъ. — Какой ему разсчетъ понапрасну божиться?“—И, глубоко вздохнувъ и утеревъ съ лица потъ, онъ подумалъ: „Господи, Боже мой! этакія машины! Дастся же человѣку такая умственность! Вотъ такой-то да и схватился бы съ кѣмъ-нибудь судиться!..“

Богъ знаетъ, до какихъ бы выводовъ дошелъ онъ, слушая разговоры золоторотцевъ, но мысли его приняли другое направленіе, когда въ комнату вошелъ посланный имъ оборванецъ, ведя за собою „писаря“.

И писарь былъ почти такой же оборванецъ, только лохмотья его были нѣсколько иного характера. Поверхъ истоптанныхъ и дырявыхъ сапоговъ его были выпущены обтрепанные, на манеръ бахромы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ заплатанные и зашто-

панные брюки; изъ-подъ разорваннаго подъ мышками сюртука, безъ пуговицъ и безъ одного борта, торчали грязные остатки нѣкогда крахмаленной сорочки, а подъ шеей висѣлъ до того засаленный галстухъ, что невозможно было разобрать, какого онъ былъ цвѣта и матеріи.

Прежде всего Осипу Егорову бросилась въ глаза огромная голова писаря, на которой стояли дыбомъ бѣлокурые клочки волосъ, и на опухшемъ лицѣ, между щетиною давно небритой бороды,—столько накопившейся грязи, что она имѣла видъ какого-то комка темнаго цвѣта, подвязаннаго къ щекамъ. Отъ него разило водкой, какъ отъ разбитой винной бочки.

Писарь, не дожидаясь приглашенія и ничего не говоря, сѣлъ къ столу и поглядѣлъ на Осипа Егорова сбоку, потому что былъ косъ.

— Ты что же? прошеніе хочешь написать?—спросилъ онъ, наконецъ, Осипа Егорова голосомъ, который былъ похожъ на такой звукъ, какой могъ бы произвесть разбитый чугунный котелъ, еслибы по немъ ударили палкою.

Осипъ Егоровъ началъ подробно излагать ему свое дѣло.

Деруновъ, нахмурясь и молча, слушалъ его довольно долго, но потомъ вдругъ рѣзко перебилъ:

— У меня голова съ похмелья трещитъ; въ такомъ состояніи я не могу не только прошенія писать, но и говорить. Мнѣ нужно опохмелиться.

Осипъ Егоровъ потребовалъ водки. Деруновъ выпилъ и повеселѣлъ. Языкъ его развязался.

— Вы всѣ тамъ, съ позволенья сказать, болваны собравшись! Зато у васъ такъ все и выходитъ, — съ убѣжденіемъ произнесъ онъ.—Вамъ даны обширныя права, послѣ освобожденія, а вы не умѣете ими пользоваться. Между вами появится какой-нибудь грамотный мерзавецъ, который только и умѣетъ, что грабить народъ да служить начальству, какъ собака на заднихъ лапкахъ,—тотъ и царствуетъ надъ вами.

— Это вѣрно. Что вѣрно, то вѣрно! — согласился Осипъ Егоровъ.

— Развѣ я не знаю? Я самъ служилъ въ нашемъ уѣздѣ, и я всѣхъ ихъ наперечетъ знаю, подлецовъ! Всѣ они норовятъ съ мужика семь шкуръ содрать. Ты раньше подавалъ прошенія?

— Подавалъ.

— Какъ же ты писалъ: анонимно?

— Не знаю хорошенько, милый человѣкъ, не могу на-

вѣрно сказать. Только думаю, что должно быть такъ: вотъ *оно мимо* и вышло, а потому—настоящаго толку все еще нѣтъ...

— Э, да я не про то! Ты не подписывалъ своего имени на томъ прошеніи, которое подавалъ?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь это не вранье, что ты мнѣ сейчасъ разсказывалъ, а факты? Вѣдь вѣрно то, что старшина развратничаетъ, беретъ подряды по постройкамъ общественныхъ зданій, что самовольно облагаетъ крестьянъ податями въ свою пользу, что разворовалъ общественный хлѣбозапасный магазинъ, и что состоитъ управляющимъ у помѣщика Пеклюева?

— Все—истинная правда!

— Ну, такъ надо писать открыто — скорѣе разберутъ. Я напишу губернатору, и вашего старшину выгонятъ. Больше ничего.

— Вотъ того-то мы и хотимъ, милый ты мой! Того-то мы и хотимъ всѣ, весь міръ, чтобы его выгнали изъ старшинъ! Вѣдь онъ кровь нашу пьетъ!.. Напиши ты хорошенько, пожалуйста; заставь за себя вѣчно Бога молить!

— Ну, это—какъ хочешь, хоть молись, хоть нѣтъ. А заплатить нужно.

— Я—съ удовольствомъ. Сколько нужно?

Деруновъ оглянулъ Осипа Егорова съ ногъ до головы своимъ пристальнымъ, косымъ взглядомъ, какъ бы соображаясь, сколько можно съ него запросить? Потомъ проговорилъ:

— Полтора рубля.

— Кормилецъ, хоть сколько угодно! Хоть три возьми—только дѣло сдѣлай.

Видя такую готовность мужика заплатить „сколько угодно“, Деруновъ пожалѣлъ, что запросилъ мало. Поковырявъ у себя въ носу мизинцемъ, онъ глубокомысленно задумался и, снова оглядѣвъ Осипа Егорова съ ногъ до головы, произнесъ:

— Я упустилъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство: нужно вѣдь будетъ въ прошеніи излагать все подробно и личную характеристику старшины, и выставить его какъ общественнаго дѣятеля,—то-есть, грабителя?

— Да, ужъ нужно все въ подробности.

— Ну, если такъ, тебѣ придется приплатить.

— А сколько же прикажешь?

Деруновъ опять обмѣрилъ его своими косыми глазами и сказалъ:

— Полтинникъ.

Осипъ Егоровъ согласился доплатить.

Нужно было достать канцелярскія принадлежности. Тотчасъ многознающій оборванецъ, говорившій о машинахъ, не дожидаясь, когда его попросятъ, вызвался сбѣгать въ лавку за всѣмъ, что̀ нужно. Онъ, повидимому, чувствовалъ особенное почтеніе къ Дерунову, какъ хорошему составителю прошеній, и считалъ за честь услужить ему, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь и себѣ заработать на стаканчикъ. Но первый знакомый Осипа Егорова, подозрѣвая тутъ коварство товарища, довольно невѣжливо объявилъ ему, что его не просятъ соваться не въ свое дѣло. И самъ принесъ изъ лавки чернила, перо и бумагу.

— У тебя нѣтъ ли при себѣ черновика съ того прошенія, что̀ раньше подавалъ?—спросилъ Деруновъ Осипа Егорова.

Тотъ вынулъ изъ-за пазухи черновую и передалъ ему. Деруновъ прочиталъ, улыбнулся и спросилъ:

— Это какой же болванъ тебѣ сочинялъ?

— А это одинъ прохожій... странникъ.

— Прохожій! Развѣ можетъ прохожій какъ слѣдуетъ написать?.. Такое прошеніе не губернатору, а только какой-нибудь деревенской бабѣ безграмотной можно подавать!

Однако, онъ воспользовался почти цѣликомъ всѣмъ содержаніемъ странникова прошенія, только передалъ его въ иныхъ, общепринятыхъ въ этихъ случаяхъ выраженіяхъ.

Черезъ часъ прошеніе было готово.

Такъ какъ Осипъ Егоровъ былъ неграмотенъ, то за него расписался одинъ изъ оборванцевъ, назвавъ себя мѣщаниномъ и кончивъ росчеркъ красивою, хотя и не совсѣмъ ровною закорючкою. Деруновъ прочиталъ потомъ прошеніе вслухъ.

Хотя Осипу Егорову оно было и не такъ понятно, какъ то прошеніе, которое сочинилъ ему странникъ, но все было, кажется, хорошо, складно выписано.

Получивъ деньги, Деруновъ простился съ Осипомъ Егоровымъ и, сказавъ, что, въ случаѣ надобности, его всегда можно разыскать на этомъ постояломъ дворѣ, вышелъ вонъ.

Сидѣвшій напротивъ незнакомый мужчина съ видимымъ любопытствомъ слушалъ прошеніе и объясненія Осипа Егорова съ Деруновымъ. Когда Деруновъ ушелъ, получивъ деньги, онъ обратился къ Осипу Егорову.

— А, какъ видно, порядки-то у васъ въ земствѣ „аховые“?— спросилъ онъ его.

Осипъ Егоровъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на незнакомца.

— Что̀ подѣлать! на все, видно, Божья воля,—уклончиво отвѣтилъ онъ—и вздохнулъ. Незнакомецъ разсмѣялся.

— Ну, это, голубчикъ, не резонъ: мы будемъ дѣлать глупости, да и валить все на Бога, да на Божью волю!

— Что̀ жъ подѣлаешь!—коротко отвѣтилъ Осипъ Егоровъ.

— Подѣлать-то и можно, да народъ-то вы темный—вотъ въ чемъ горе. Надо мнѣ своему барину разсказать объ этомъ—пусть онъ хоть въ газетахъ, можетъ быть, пропечатаетъ ваши порядки.

Сказавъ это, онъ позвалъ слугу и сталъ расплачиваться за чай. Когда слуга, получивъ деньги и взявъ со стола подносъ съ посудою, вышелъ, Осипъ Егоровъ, насмѣлившись, спросилъ незнакомца:

— А кто будетъ, примѣрно, твой баринъ?

— А мой баринъ—хорошій господинъ; мы ѣздимъ съ нимъ по Россіи, по разнымъ мѣстамъ. Вотъ и собираетъ разныя такія исторіи, вродѣ вашего происшествія со старшиной, и, кромѣ того, еще статистику разную составляетъ и очерки... А потомъ книжки печатаетъ. Онъ не „шишъ-ворона“, а въ городъ куда пріѣдетъ—прямо къ исправнику или предсѣдателю земской управы идетъ.

— Да, оно и вѣрно надо полагать, что онъ хорошій господинъ,—согласился Осипъ Егоровъ, соображая, что ничего опаснаго для него не предвидится, и все-таки еще съ сердечною тревогою относясь къ незнакомымъ словамъ: „статистика“, „очерки“ и пр.

— Мой баринъ,—сказалъ незнакомецъ, одѣвая пальто,—мнѣ самъ говорилъ, что такихъ дурацкихъ порядковъ онъ еще нигдѣ не находилъ, какъ у васъ. Въ другихъ уѣздахъ и школы открываются, и дороги въ порядкѣ, и народъ не такъ бѣдствуетъ; а здѣсь—ничего нѣтъ, никакого толку. Словно воля-то у васъ только-что вчера открылась. Ну, прощай!—кивнулъ онъ Осипу Егорову и, одѣвъ фуражку, взялъ изъ-подъ стола чемоданъ и какія-то дорожныя вещи и вышелъ вонъ.

По уходѣ его, Осипомъ Егоровымъ вдругъ овладѣло сильнѣйшее безпокойство: что̀ это за человѣкъ? Откуда? Можетъ быть, выспросилъ да вывѣдалъ, а потомъ и разскажетъ кому-нибудь изъ начальства,—а тамъ его, Осипа Егорова, за такія дѣла, схватятъ и, можетъ быть, въ тюрьму засадятъ!—кружилось въ головѣ мужика.

— Ну, что̀ Богъ дастъ, то пусть и будетъ; я ни въ чемъ не повиненъ,—сказалъ онъ самому себѣ. И почувствовалъ,

какъ, съ этими словами, какая-то холодная струя пробѣгаетъ по его спинѣ, что-то горячее приступаетъ къ сердцу, и необычайное одушевленіе и непоколебимая отвага овладѣваютъ всѣмъ его существомъ...

Онъ отправился на почту и отослалъ прошеніе.

VII.

Прошеніе, написанное Деруновымъ, произвело свое дѣйствіе. Черезъ недѣлю, Подпольное волостное правленіе получило предписаніе отъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія немедленно собрать волостной сходъ.

Осипъ Егоровъ былъ потребованъ на сходъ особою повѣсткою. Овъ понялъ, что зовутъ его по дѣлу съ Тихомиринымъ, и ему стало жутко. Затѣялъ онъ дѣло серьезное—одинъ-одинёшенекъ противъ начальства пошелъ! Но его утѣшало сознаніе того, что дѣло его правое, да и Господь не безъ милости.

„Что-то будетъ? Что-то будетъ?“—задавалъ онъ самъ себѣ вопросы, когда шелъ на сходъ.

Десятидворные, десятскіе, на сходѣ были уже подготовлены Тихомиринымъ надлежащимъ образомъ; имъ было объяснено, что Оська подавалъ прошеніе, и было внушено, что Калистрата Иваныча нужно отстоять передъ начальствомъ.

На сходъ пріѣхалъ опять становой приставъ и непремѣнный членъ присутствія (не тотъ, который раньше пріѣзжалъ, а другой, что̀, впрочемъ, было все равно, потому что всѣ они одинаково отлично знались съ Подпольнымъ старшиною).

Въ конторѣ правленія Осипу Егорову стало еще болѣе жутко: приверженцы Тихомирина со всѣхъ сторонъ глядѣли на него, какъ волки на ягненка.

Непремѣнный членъ и приставъ сидѣли за столомъ. Тутъ стоялъ рядомъ съ ними и Калистратъ Иванычъ. Лицо его было величественно и важно; въ петлицахъ его кафтана изъ чернаго сукна, сшитаго по покрою малороссійской свитки, блестѣли медали за „безпорочную“ двадцатипятилѣтнюю службу.

— Здѣсь Осипъ Егоровъ?—спросилъ членъ.

„Ну, Господи благослови!“—подумалъ Осипъ Егоровъ и подошелъ къ столу.

— Ты Осипъ Егоровъ?

— Я самый,—твердо отвѣчалъ онъ.

— На Подпольнаго волостного старшину, Калистрата Ива-

нова Тихомирина, были поданы губернатору два прошенія, въ которыхъ волостной старшина обвиняется просителемъ въ разныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Отвѣчай по правдѣ: ты подавалъ на Тихомирина оба прошенія?

— Такъ точно, я подавалъ на Калистрата!—смѣло и бойко отвѣтилъ Осипъ Егоровъ.

— Ага, хорошо, — спокойно произнесъ членъ. И сталъ что-то писать.

Въ конторѣ была необыкновенная тишина,—только слышно было, какъ слегка поскрипывало перо, быстро бѣгающее въ рукѣ чиновника.

„Что-то будетъ? Что-то будетъ?“—снова думалъ про себя Осипъ Егоровъ.

Черезъ нѣсколько времени чиновникъ пересталъ писать.

— На вашего волостного старшину,—обратился онъ къ десятидворнымъ:—были подаваемы прошенія слѣдующаго содержанія:

Онъ вычиталъ прошеніе, написанное Деруновымъ.

— Правда ли то, что̀ написано въ этомъ прошеніи, и то, въ чемъ обвиняется волостной старшина?

Такъ прямо поставленный вопросъ смутилъ даже приверженцевъ Тихомирина. Они не могли сразу отвѣтить и переглядывались другъ съ другомъ, выжидая, кто первый скажетъ слово за Тихомирина, то-есть, явную ложь.

Тихонъ и Захаръ заговорили первые:

— Невѣрно, ваше благородіе! Какая тутъ вѣрность!

За ними заговорили еще нѣсколько голосовъ:

— Невѣрно!

— Все наврано на Калистрата Иваныча!

— Мы за всяко время довольны Калистратомъ Иванычемъ!

Потомъ Тихонъ подошелъ къ столу и обратился къ члену:

— Ваше благородіе! Это все одно какъ говорится пословица: „попадется одна паршивая корова въ стадо—и все стадо загадитъ“; такъ и Осипъ: всѣ старшиной довольны, потому онъ всѣ дѣла по порядку дѣлаетъ, а онъ только одинъ и недоволенъ. И все обчество смущаетъ.

За Тихономъ подошелъ Захаръ.

— Ваше благородье! сдѣлайте божескую милость—избавьте вы насъ отъ этого возмутителя! Сошлите его куда-нибудь изъ нашего обчества; пусть онъ и народъ понапрасну не смущаетъ.

— Онъ уже былъ подверженъ тѣлесному наказанію за возмущеніе на волостномъ сходѣ,—скромно и мягко вставилъ слово

Тихомиринъ, дѣлая шагъ къ столу и съ достоинствомъ держа одну руку за бортомъ своей свитки, а другою слегка опираясь на столъ.

Членъ глубокомысленно помолчалъ, что-то соображая, и вопросительно посмотрѣлъ на пристава, какъ бы ожидая отъ него совѣта, что̀ тутъ слѣдуетъ сдѣлать.

— Да, дѣла!—съ улыбкою произнесъ приставъ, понявъ его взглядъ. И, не желая высказываться категорически, онъ предоставилъ ему рѣшать дѣло, а самъ досталъ портсигаръ и предложилъ члену папиросу.

— Непріятныя дѣла,—сказалъ членъ, закуривая отъ спички, любезно предложенной ему приставомъ.—Ужасныя это вещи—сутяжничество и кляузы! — съ грустью прибавилъ онъ. Потомъ обратился къ десятидворнымъ:

— Такъ вы всѣ отказываетесь отъ Осипа Егорова и соглашаетесь съ тѣмъ, что онъ возмутитель—слѣдовательно, вредный членъ общества — и что онъ напрасно оклеветалъ волостного старшину?

— Возмутитель онъ и есть!

— Какъ есть неправильно жалуется!

— За-напрасно обклеветалъ!—загалдѣли мужики.

Колѣни Осипа Егорова подогнулись. Онъ поглядѣлъ на мужиковъ:—хоть бы одинъ былъ за него! Хоть бы одинъ сказалъ за него какое-нибудь слово!

— Отказываемся, — говорятъ, — всѣ отъ него отказываемся и признаемъ, что онъ возмутитель!..

— Братцы! — дрожащимъ голосомъ заговорилъ Осипъ Егоровъ:—братцы! что̀ же вы дѣлаете?.. Бога вы не боитесь: вѣдь для васъ же я старался и хлопоталъ, а вы отъ меня отрекаетесь!..

На мгновеніе всѣ смолкли. Изъ толпы послышался, откуда-то изъ заднихъ рядовъ, одинъ тяжелый вздохъ—и опять настало молчаніе.

Потомъ Тихонъ и Захаръ заговорили, перебивая другъ друга:

— Мы тебя не просили хлопотать! Мы никакихъ хлопотъ не хотѣли!

Чиновникъ велѣлъ имъ замолчать.

— Я думаю,—обратился чиновникъ къ приставу съ такимъ видомъ, какъ будто онъ и не желалъ принимать крутыхъ и строгихъ мѣръ, но обязанъ былъ сдѣлать это изъ уваженія къ справедливости и долгу своей службы:—я думаю, что общая просьба

волости въ данномъ случаѣ вполнѣ законна и должна быть исполнена?

— О, несомнѣнно! — рѣшительно проговорилъ приставъ, выпустивъ изо рта густое облако дыма.—Несомнѣнно,—прибавилъ онъ серьезно и строго:—иначе что же будетъ здѣсь?..

Чиновникъ затянулся папиросою и, посмотрѣвъ на столъ и не найдя на немъ пепельницы, осторожно положилъ папиросу на край стола и принялся писать.

Черезъ полчаса онъ кончилъ и торжественно обратился къ десятидворнымъ:—Слушайте!

Всѣ десятидворные мгновенно повскакали съ лавокъ и толпою стѣснились у рѣшетки, раздѣляющей комнату. Чиновникъ вычиталъ приговоръ волостного схода, гласящій, что—„веденіе дѣлъ въ Подпольномъ Волостномъ Правленіи идетъ весьма удовлетворительно. Жалобы же крестьянина Осипа Егорова, обвиняющаго волостного старшину, Тихомирина, въ противозаконныхъ поступкахъ, есть не что иное, какъ злостная клевета, которую слѣдуетъ приписать личной враждѣ Егорова къ волостному старшинѣ, возникшей, какъ надо полагать, съ 188—го года, когда на волостномъ сходѣ Егоровъ, не избранный въ десятидворные, произвелъ шумъ и возмущеніе, за что и былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію по личному приказанію господина мирового посредника“.

Потомъ былъ составленъ особый актъ, въ которомъ излагалось, что „сельскія общества Подпольной волости, въ лицѣ своихъ представителей, десятидворныхъ выборныхъ, находясь въ полномъ составѣ на волостномъ сходѣ, ходатайствуютъ объ удаленіи изъ Подпольной волости крестьянина Осипа Егорова, какъ крайне сомнительнаго, безпокойнаго и вреднаго члена общества; ибо онъ, Егоровъ, подстрекаетъ и возмущаетъ крестьянъ къ явному нарушенію законовъ, а именно, къ неповиновенію и противодѣйствію властямъ“...

Во все время, пока это совершалось, Осипъ Егоровъ стоялъ прислонившись къ рѣшеткѣ, блѣдный, съ безнадежнымъ видомъ и опущенною головою. Когда чиновникъ вычиталъ первую бумагу, онъ, нервно перебирая въ рукахъ шапку, поднялъ-было голову и глаза его засверкали — онъ хотѣлъ высказать что-то, но вдругъ осѣкся и только выговорилъ, задыхаясь отъ волненія:—Богъ съ вами!—и замолчалъ.

Десятидворные сторонились отъ него, словно боялись подходить къ нему близко. Нѣкоторые сострадательно поглядывали на него и тотчасъ же отворачивались въ сторону.

Когда обѣ бумаги были подписаны всѣми десятидворными, непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія распустилъ сходъ.

Прежде чѣмъ Осипъ Егоровъ вышелъ изъ конторы, въ сѣни забѣжали впередъ его Тихонъ и Захаръ и—Боже!—какъ они посмѣялись надъ нимъ!..

— Ну, что, Осипъ Егорычъ, взялъ свое?!...

— Вотъ рѣшатъ родной стороны да заплютъ, молодца, на поселенье,—тогда будешь знать, какъ прошенья подавать!..

И они хохотали вслѣдъ удаляющемуся Осипу Егорову...

VIII.

Осипъ Егоровъ былъ сраженъ. Вся его сила характера, вся твердость духа, вся до сихъ поръ непреклонная вѣра въ Божью волю и торжество правды—все это вдругъ рухнуло и придавило его своими обломками.

Когда услышалъ онъ, что міръ, для пользы котораго онъ старался, за который готовъ былъ положить душу свою, этотъ міръ отрекся отъ него, сердце его сжалось какъ въ тискахъ, и какъ вышелъ онъ изъ конторы, какъ шелъ потомъ домой—онъ ничего не сознавалъ и не помнилъ. Помнилъ только одно то, что онъ—отверженный обществомъ человѣкъ, и что придется ему разстаться съ родимой стороной на вѣки!

Была ночь. Жена ждала его ужинать; уже на столъ было собрано, и она сидѣла у окна, поглядывая на дорогу и качая ногою ребенка въ люлькѣ. Тимоѳея не было дома; онъ былъ отправленъ въ городъ на промыселъ.

Осипъ Егоровъ вошелъ въ избу; снявъ шапку, онъ положилъ ее на полку и, не снимая съ себя кафтана, безсильно, въ какомъ-то забытьѣ, опустился на лавку и устремилъ въ сторону свой неподвижный взглядъ.

— Осипъ, что съ тобой?...—въ испугѣ подошла къ нему жена.

— Такъ, ничего... — произнесъ онъ, странно улыбнувшись.

— Да что ты: вѣдь на тебѣ лица нѣтъ! Занемогъ ты, али случилось что?.. Да говори же ты!

— Я не занемогъ, а только ты приготовляйся со мной вмѣстѣ, если хочешь, на поселенье идти!

— Да ты—бредишь?!

— Нѣтъ, баба! Я не брежу. Я въ своемъ умѣ!—съ горечью сказалъ онъ, серьезно и печально взглянувъ на жену:—а я

вѣрно тебѣ говорю: придется разстаться мнѣ съ родимой сторонушкой—все обчество на волостномъ сходу сосчитало меня возмутителемъ и отреклось отъ меня за то, что я подалъ прошенье на Калистрата.

Баба теперь поняла, въ чемъ дѣло.

Нѣсколько времени они оба молчали.

Ночникъ, стоявшій на столѣ, свѣтилъ какимъ-то унылымъ, колеблющимся свѣтомъ; ребенокъ, впросонкахъ, заворочался и застоналъ въ люлькѣ, потомъ опять смолкъ; кошка, спрыгнувъ съ лежанки, вскочила на лавку и, ласкаясь, стала тереться о рукавъ кафтана Осипа Егорова, мурлыкая свою задумчивую пѣсню и не подозрѣвая того, что хозяину было не до ласкъ и не до пѣсенъ.

— Словно сердце мое чувствовало,—заговорила баба:—что не быть тебѣ добра съ этимъ прошеньемъ! Сколько разъ я и раньше тебѣ говорила, чтобы ты не ходилъ въ судъ на него. Гдѣ же съ нимъ судиться, коли за него все начальство заступается? Коли они всѣ у него запоены и закуплены?.. Что же мы теперь заведемъ дѣлать: сына пораньше отпустили въ городъ—женить нынче ладились, и солодъ срощенъ на свадьбу, а теперь—на!.. Ахъ, Осипъ, Осипъ! не жалѣлъ ты самъ себя, да не жалѣлъ ты и родной семьи, зато и дѣлалъ такъ!..

При этихъ жестокихъ словахъ жены, Осипъ Егоровъ вдругъ вскочилъ съ лавки и, ударивъ кулакомъ по столу, грозно крикнулъ на жену:

— Молчи, баба! Ты мнѣ не говори такихъ словъ: — я за правду стоялъ!.. Ежели они, подлецы, меня продали и отреклись отъ меня, такъ пусть насъ Господь на страшномъ судѣ разсудитъ за это!..

И слезы, долго сдерживаемыя имъ, такъ и брызнули изъ глазъ его.

— Все одно, я приму свою муку... Господь и не такъ еще страдалъ...—говорилъ мужикъ, глотая слезы.

И, не взглянувъ на столъ, гдѣ былъ собранъ ужинъ, онъ снялъ кафтанъ и легъ на постель, убитый горемъ.

IX.

Всю ночь продумалъ Осипъ Егоровъ, какъ бы помочь своей бѣдѣ,—и не могъ придумать ничего утѣшительнаго.

Плачъ ребенка и оханье жены еще больше надрывали ему сердце...

Наконецъ, онъ остановился на мысли—отправиться къ Дерунову за совѣтомъ. „Да, онъ—одинъ только онъ—и поможетъ; и совѣтъ дастъ, и научитъ, что̀ дѣлать“, — рѣшилъ Осипъ Егоровъ.

Теперь онъ надѣялся на Дерунова, какъ на благодѣтеля, отъ котораго зависѣла его судьба.

Онъ разыскалъ его опять на томъ постояломъ дворѣ, гдѣ было написано прошеніе.

Выпивъ порядочный стаканъ водки и узнавъ, въ чемъ дѣло, Деруновъ, дѣйствительно, успокоилъ его: онъ выругалъ чиновниковъ, назвавъ ихъ „безсовѣстными дармоѣдами“, и написалъ прошеніе къ губернатору. Онъ просилъ въ прошеніи назначить вновь строгое слѣдствіе, утверждая, что предъидущее было произведено неправильно, потому что составъ десятидворныхъ на волостномъ сходѣ состоялъ изъ приверженцевъ Тихомирина, ибо десятидворные избирались старшиною по подложнымъ приговорамъ сельскихъ сходовъ, чего на послѣднемъ разбирательствѣ вовсе не касались... Было упомянуто и о томъ, что послѣ волостного схода десятидворные выборные, согласившіеся на ссылку Осипа Егорова, получили отъ старшины на водку и пропьянствовали въ кабакѣ всю ночь.

— Ты такъ въ своемъ сермяжномъ кафтанѣ и валяй лично къ губернатору. Не бойся: тамъ тебя не съѣдятъ и прошеніе примутъ,—убѣжденно совѣтовалъ Деруновъ.

Осипъ Егоровъ послѣдовалъ его совѣту.

X.

Въ губернскомъ городѣ онъ остановился у своего земляка, который жилъ тамъ въ дворникахъ. Узнавъ подробно, гдѣ помѣщалось губернское присутствіе, онъ отправился туда съ прошеніемъ за пазухой и съ робкимъ намѣреніемъ увидѣть губернатора лично.

Но онъ не дошелъ нѣсколькихъ саженъ до подъѣзда—парадной лѣстницы, по которой нужно было входить въ присутственныя мѣста, и остановился. Робость напала на него: въ подъѣздъ входили и выходили изъ него все какіе-то „господа“, важные люди.

„Куда я пойду, мужикъ сиволапый? Не примутъ тамъ меня; прогонятъ и съ прошеньемъ!“—думалось ему.

Онъ такъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, что привлекъ вни-

маніе городового.—Эй!—крикнулъ тотъ ему:—что стоишь-то на одномъ мѣстѣ? Проходи куда-нибудь—стоять тутъ не полагается!

Осипъ Егоровъ, опустивъ голову, прошелъ мимо подъѣзда.

„Лучше уже въ другой разъ, если Богъ поможетъ, схожу“,—рѣшилъ онъ.

Землякъ не одобрилъ его робости.

— За чѣмъ пріѣхалъ, то и надо исполнять,—говорилъ онъ. —Тамъ тебя не повѣсятъ. Пришелъ, подалъ—и шабашъ. Ежели что спросятъ—сказалъ все по порядку, по правдѣ.

Осипъ Егоровъ устыдился своей нерѣшимости.

На другой день онъ передъ тѣмъ, какъ идти къ страшному подъѣзду, зашелъ прежде въ церковь. Поставивъ Богу свѣчку, онъ долго и горячо молился, чтобы Господь смиловался надъ нимъ и избавилъ его отъ грозящей напасти.

На этотъ разъ онъ, не останавливаясь, прямо прошелъ въ подъѣздъ.

Но только-что онъ вошелъ въ дверь, съ нимъ, носъ къ носу, столкнулся какой-то баринъ. Осипъ Егоровъ, въ испугѣ, прижался къ стѣнѣ, чтобы пропустить его.

— Ты что тутъ?—спросилъ его баринъ.

— Да я... значитъ, вотъ, пришелъ къ самому... къ нему... къ губернатору, значитъ, съ прошеньемъ.

— А-а!

И баринъ хотѣлъ пройти мимо.

— Хорошій господинъ, — насмѣлившись, остановилъ его Осипъ Егоровъ: — а какъ бы мнѣ попасть къ самому-то? Дѣло наше небывалое...

— Иди во второй этажъ, въ пріемную. Да вотъ швейцаръ разскажетъ. Растолкуйте ему! — сказалъ онъ швейцару. И скрылся за дверью.

Швейцаръ, напередъ выспросивъ обо всемъ подробно, зачѣмъ пришелъ мужикъ, сказалъ ему, какъ нужно пройти въ пріемную.

Осипъ Егоровъ не упомнилъ, какъ онъ ему толковалъ. Поднявшись по широкой лѣстницѣ вверхъ, онъ открылъ какія-то двери и вошелъ въ большую и свѣтлую комнату, съ блестящимъ поломъ.

Въ комнатѣ было много столовъ; за столами сидѣли какіе-то „писаря“ и писали.

Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ вошедшаго мужика, обратился къ нему съ вопросомъ:—Что нужно?

— Да, вотъ, я, значитъ, къ самому, къ нему... — запинаясь, началъ объяснять Осипъ Егоровъ.

„Писарь“ сдѣлалъ суровое и строгое лицо, очевидно намѣреваясь сказать ему, чтобы онъ убирался вонъ; но вдругъ выраженіе лица его перемѣнилось: мимо, изъ другой комнаты, проходилъ какой-то высокій господинъ во фракѣ со свѣтлыми пуговицами.

Высокій господинъ, увидѣвъ мужика съ прошеніемъ въ рукахъ, подошелъ къ нему.

— Ты что, мужичокъ?—спросилъ онъ Осипа Егорова.

— Да, вотъ, прошенье надо-ть бы подать.

Высокій господинъ взялъ отъ него прошеніе и сталъ читать его про себя. Прочитавъ, онъ ласково обратился къ Осипу Егорову:

— Ты, голубчикъ, завтра приди сюда, въ это же время.

И сказавъ это, онъ ушелъ въ другую комнату, унося прошеніе съ собою.

Кто былъ этотъ высокій господинъ, взявшій прошеніе—Осипъ Егоровъ не зналъ. Но послѣ того, какъ онъ отдалъ прошеніе, у него словно гора съ плечъ свалилась. Онъ веселый спустился съ лѣстницы.

— Слава Богу, прошенье приняли и завтра за отвѣтомъ велѣли приходить! — объяснилъ онъ швейцару съ такой откровенностью, какъ будто имѣлъ дѣло съ самымъ задушевнымъ другомъ.

— Ну, слава Богу—лучше всего,—съ улыбкою сказалъ ему швейцаръ, пропуская его въ дверь подъѣзда.

XI.

На другой день Осипъ Егоровъ пришелъ опять въ ту же комнату.

Къ нему вышелъ вчерашній высокій господинъ и повелъ его куда-то, мимо столовъ и писарей, по блестящему полу.

Осипъ Егоровъ старался не ступать на каблуки, чтобы не слишкомъ гремѣли его огромные, неуклюжіе сапоги.

Наконецъ, они вошли въ кабинетъ губернатора.

При входѣ, Осипу Егорову бросился въ глаза большой, во весь ростъ, портретъ Государя, въ золоченой рамѣ и съ короною наверху, потомъ письменный столъ, за которымъ сидѣлъ самъ губернаторъ, съ сѣдыми баками и усами и въ военной формѣ.

Какъ только они вошли, губернаторъ поднялъ на мужика свои быстрые глаза и велѣлъ ему подойти къ столу.

— Ты крестьянинъ Осипъ Егоровъ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, я самый.

— Ты подавалъ на Подпольнаго волостного старшину прошеніе безъ подписи своего имени?

— Я.

— А второе прошеніе, съ подписью, тоже ты подавалъ?

— Я.

Лицо губернатора сдѣлалось строго и серьезно.

— Вотъ что я тебѣ скажу: твое дѣло будетъ разслѣдовано. Ежели ты писалъ правду, виновные будутъ наказаны; но ежели ты налгалъ,—смотри, тебѣ худо будетъ!

Осипъ Егоровъ никогда и послѣ не могъ позабыть этой минуты: робость его вдругъ исчезла; явилось такое самообладаніе и присутствіе духа, что въ этомъ состояніи онъ не побоялся бы предстать передъ лицо всѣхъ губернаторовъ, какіе только существуютъ на свѣтѣ.

Онъ ступилъ шагъ впередъ и, смѣло взглянувъ въ глаза губернатору, твердо и горячо произнесъ:

— Ваше превосходительство! говорю, какъ передъ Истиннымъ Богомъ: все, что написано въ прошеньяхъ—есть правда!

И вдругъ накипѣвшее чувство обиды горячей волной хлынуло къ его сердцу, дыханіе сперлось въ горлѣ, глаза заморгали и слезы закапали на его сермяжный кафтанъ...

— Ладно,—произнесъ губернаторъ:—иди съ Богомъ домой. Обѣщаю тебѣ разобрать твое дѣло. Ежели тамъ тебя будутъ обижать и притѣснять, ты пиши мнѣ сюда обо всемъ подробно.

XII.

На этотъ разъ слѣдствіе по дѣлу Подпольнаго волостного старшины было назначено серьезное.

Пріѣхалъ отъ губернатора чиновникъ особыхъ порученій; съ нимъ—уѣздный предводитель дворянства, полковникъ, по отзывамъ людей, близко его знавшихъ, человѣкъ очень честный и правдивый, недавно поступившій на должность и не отравившійся атмосферою уѣзднаго чиновничества. Пріѣхалъ исправникъ и съ нимъ два урядника.

Не въ обычное время, во второй разъ назначенный сходъ произвелъ въ народѣ сильное впечатлѣніе. Крестьянамъ будто кто-нибудь въ уши нашепталъ, что дѣло будетъ не шуточное. И, словно нарочно, пришлось такъ, что сходъ былъ назначенъ

какъ разъ въ праздничный день. Не только десятидворные, но многіе посторонніе мужики, старые и молодые, и даже бабы—стали толпами стекаться въ Подполье къ волостному правленію.

Такое необычайное народное движеніе непріятно подѣйствовало на Тихомирина. Однако онъ не растерялся: десятидворнымъ, т.-е. его сторонникамъ, были сдѣланы наставленія, какъ нужно дѣйствовать, и обѣщана хорошая выпивка послѣ схода.

Предстояла рѣшительная битва крестьянъ съ волостнымъ старшиною.

Замѣчательно, что въ эту роковую минуту многіе изъ сторонниковъ Калистрата Иваныча, и изъ людей самыхъ смирныхъ, вдругъ перешли на сторону Осипа Егорова.

Судья, Антипъ Ѳоминъ, какъ бы раскаиваясь въ томъ, что такъ долго молчаніемъ своимъ потворствовалъ творящимся въ правленіи гадостямъ, первый сталъ горячо, рѣзко и сильно нападать на Тихомирина:

— Прочь его! Какъ можно, нужно стараться, чтобы прочь его и евону шайку! Ежели мы этимъ разомъ не сверзимъ его, тогда онъ всегда будетъ сидѣть у насъ на шеѣ!—говорилъ онъ мужикамъ.

Всѣ обиженные Тихомиринымъ и ненавидящіе его—а такихъ было-таки порядочно много—одушевились и приготовились выдержать сильную борьбу.

— Вотъ онъ заманитъ начальство-то въ контору, а туда, въ тѣсноту, намъ не попасть, да и сотскіе да урядники не пропустятъ—опять евоно возьметъ!—стали раздаваться тревожные голоса между крестьянами.

— Двери вонъ высаживай! Урядниковъ и сотскихъ прочь гони! — рѣшительно говорилъ Антипъ Ѳоминъ. — Пусть насъ всѣхъ судятъ! Мы за правду стоимъ!..

И эти рѣчи сѣдого старика, уважаемаго въ обществѣ, дѣйствовали на сердца мужиковъ, какъ дѣйствуетъ огонь на какой-нибудь скоро воспламеняющійся горючій матеріалъ.

— Только, братцы, до поры до время не кричите! — уговаривалъ ихъ Осипъ Егоровъ:—а придетъ пора, тогда и стойте крѣпче.

Тихомиринъ, дѣйствительно, такъ и хотѣлъ сдѣлать, чтобы не пустить въ контору постороннихъ. Захаръ и Тихонъ, сотскіе и урядники—охраняли входъ въ контору, энергически отстраняя постороннихъ, пуская въ дѣйствіе кулаки и плечи. Но когда толпа стала напирать на нихъ стѣною, и поднялся громкій

шумъ, дверь конторы отворилась, и на порогѣ показался въ вицъ-мундирѣ чиновникъ особыхъ порученій.

Увидѣвъ шумящую огромную толпу народа, онъ какъ будто понялъ, въ чемъ тутъ дѣло.

— Господа,—обратился онъ къ исправнику и предводителю дворянства:—не угодно ли вамъ будетъ открыть засѣданіе во дворѣ? Здѣсь тѣсно и душно, а тамъ будетъ свободнѣе и на свѣжемъ воздухѣ.

Его предложеніе не встрѣтило противорѣчій, и было отдано распоряженіе, чтобы вынести на дворъ столы.

Дворъ правленія былъ такъ обширенъ, что въ немъ могли свободно помѣститься до тысячи человѣкъ. Была прекрасная августовская погода.

Мужики, противники Тихомирина, которые были посмѣтливѣе и понастойчивѣе, пользуясь тѣмъ временемъ, пока десятидворные выходили изъ конторы во дворъ, тотчасъ же заняли мѣста у столовъ, какъ только ихъ поставили во дворѣ. Сотскіе опять пытались отогнать ихъ и окружить столы десятидворными, но не тутъ-то было: мужики готовы были скорѣй вступить въ драку, чѣмъ уступать мѣста. Но это волненіе продолжалось не долго—начальство скоро вышло изъ конторы во дворъ и, усѣвшись за столами, открыло засѣданіе. Калистратъ Иванычъ стоялъ тутъ же, у столовъ, въ черномъ суконномъ кафтанѣ, сшитомъ по покрою малороссійской свитки, со знакомъ волостного старшины на шеѣ и съ медалями на груди, за выслугу лѣтъ.

— Ваше благородье!—раздался изъ толпы чей-то голосъ:—нельзя ли Калистрата-то отсюда услать? А то онъ своихъ-то молодцовъ будетъ тутъ подбодрять!

— Начальство безъ тебя знаетъ, что̀ нужно дѣлать!—протестовалъ Захаръ.—Ты не суйся, куда тебя не просятъ!

Тихомиринъ неодобрительно и съ безпокойствомъ поглядѣлъ на Захара.

— Да что̀ тутъ Захарка-то галдитъ больше всѣхъ!—послышалось изъ толпы нѣсколько недовольныхъ голосовъ.—Кто хуже всѣхъ, тотъ и говоритъ тутъ больше всѣхъ!

— Міроѣды!

— Магазею съ хлѣбомъ разворовали!—кричали изъ толпы.

Полковникъ приказалъ Тихомирину удалиться.

Проходя мимо десятидворныхъ, понуро стоявшихъ кучкою, Калистратъ Иванычъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать имъ нѣсколько наставленій:

— Вы что же, какъ болваны, стоите и молчите?.. Надо

говорить, а вы—молчите!! — отчаяннымъ шопотомъ говорилъ онъ имъ.

— Ваше благородіе!—раздалось опять изъ толпы:—гляди-кось, звонъ, онъ своихъ-то прохвостовъ какъ подтравляетъ!

Послѣ этого Тихомиринъ поспѣшилъ удалиться.

Видно, не даромъ сказано, что „на всякаго мудреца довольно простоты“,—на этотъ разъ дѣла Калистрата Иваныча оказались очень плохо „оформленными“; стали смотрѣть приговоры на выборы десятидворныхъ—многіе оказались незасвидѣтельствованными сельскими старостами, слѣдовательно—подложными. Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что все въ Подпольной волости дѣлалось неправильно: и выборы, и учеты...

Обнаружилось затѣмъ множество разныхъ злоупотребленій и превышеній власти: въ послѣднемъ году съ крестьянъ было собрано овса по три гарнца съ души, на пополненіе общественной недоимки, а въ отчетной вѣдомости значилось, что собрано по два гарнца; за платежныя оброчныя книжки было собрано съ крестьянъ по десяти копѣекъ, а сумма за нихъ была поставлена несобранною; на инвентарь правленія было записано въ расходъ 50 рублей, а оказалось, что такого расхода не производилось. Во многихъ мѣстахъ кассовыхъ книгъ цифры оказались подскобленными послѣ учетовъ, и суммы по расходнымъ статьямъ увеличены въ общей сложности на нѣсколько тысячъ рублей...

И только теперь гласно обнаружилась уже вторая растрата общественнаго хлѣбозапаснаго магазина, завѣдывающимъ котораго состоялъ Тихомиринъ...

Въ довершеніе всего, къ столу протискался церковный староста и заявилъ, что не получалъ на отопленіе церкви за два послѣдніе года. Справились въ книгѣ расхода—тамъ значилось, что на отопленіе церкви въ текущемъ году выдано пятьдесятъ рублей!

Какъ бы желая испытать собравшихся на сходъ десятидворныхъ, полковникъ спросилъ ихъ:—довольны ли они своимъ волостнымъ старшиною?

— Чѣмъ же онъ нехорошъ? — заголосилъ Захаръ.—У ево завсегда все въ порядкѣ!

— Что-жъ, старшина хорошій!

— Мы отъ ево худого не видали!—загалдѣли десятидворные.

Чиновникъ особыхъ порученій только головою покачалъ...

— Ваше благородіе, — сказалъ сѣдой мужикъ, стоявшій у

стола:—они, это и вѣрно, худого отъ его не видѣли: онъ поилъ ихъ виномъ, сколько влѣзетъ, за то, что міръ позволяли обирать!

— Вы поглядите только на нихъ: какіе это люди?—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Антипъ Ѳоминъ.—Все пьяницы собраны, которыхъ хуже и въ волости нѣтъ!

— Это вѣрно: христопродавцы! — подтвердили нѣсколько голосовъ.

Чиновникъ особыхъ порученій поглядѣлъ на представителей волости—и долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что̀ ему о нихъ говорили: всѣ они представляли собою жалкую, растрепанную и приниженную толпу; взлохмаченные волосы, глупо-нахальныя лица и даже самая одежда, безпорядочно одѣтая на нихъ, заплатанная и дырявая,—все давало имъ непривлекательную рекомендацію...

— Ваше благородіе!—сказалъ опять сѣдой старикъ:—скажите на милость, есть ли такія права, чтобы беззаконникъ въ старшинахъ сидѣлъ?.. А Калистратъ—беззаконникъ; онъ, отъ законной жены, съ дѣвками дѣтей прижилъ и на мірскія деньги ихъ содержаетъ.

— Мазурикъ онъ, больше ничего!

— Беззаконникъ!

— Міроѣдъ!—кричали разомъ нѣсколько десятковъ голосовъ.

Къ столу протискались какія-то бабы съ прошеніями въ рукахъ (ужъ Богъ ихъ знаетъ, кто писалъ имъ эти прошенія!).

— Ваше сіятельство!—визжали онѣ:—прими отъ насъ прошенье на Калистрата: онъ нашихъ мужей во зло раззорилъ, когда они въ старостахъ сидѣли!..

Чиновникъ взялъ отъ одной изъ нихъ прошеніе и началъ читать его про себя. Тамъ было написано: „припадаю къ стопамъ вашева сіятельства съ низяющимъ прошеньемъ на Калистрата, въ томъ, что онъ—есть еретикъ, грабитель и разбойникъ!..“

И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ...

Онъ отобралъ у нихъ прошенія и сложилъ всѣ въ кучу на столъ, сказавъ, что они будутъ прочитаны, и по нимъ будетъ произведено въ свое время надлежащее распоряженіе.

— Какъ же онъ не разбойникъ? Я пришелъ, оногдась, къ ему за пачпортомъ—а онъ меня въ шею! Да еще полѣно схватилъ, да чуть не убилъ полѣномъ!

— А меня выпоролъ ни за что!

— А мнѣ за штраховку, опослѣ пожару, не отдалъ!—слышались громкіе крики.

— Помолчите, помолчите!—обратился чиновникъ особыхъ

порученій къ кричащимъ. И, когда всѣ смолкли, сталъ вычитывать прошеніе Осипа Егорова, написанное странникомъ.

Мѣстами его прерывали дружные возгласы крестьянъ:

— Ахъ, и важно составлено!

— Справедливо!

— Законно!

Прочитавъ прошеніе, чиновникъ спросилъ:

— Скажите по совѣсти: правда ли, что̀ здѣсь написано?

— Правда! Пра-авда!.. Все пра-авда!.. — кричали во всю мочь больше сотни голосовъ.

— Позвать сюда Тихомирина!—приказалъ полковникъ уряднику.

Калистратъ Иванычъ явился къ столу.

— Снимай съ себя знакъ!—строго произнесъ полковникъ.

Тихомиринъ хотѣлъ снять знакъ—и не могъ: руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— Урядникъ, сними съ него знакъ!

Урядникъ исполнилъ приказаніе.

Постановленіе волостного схода объ отстраненіи отъ должности Подпольнаго волостного старшины уже было написано. Когда чиновникъ особыхъ порученій вычиталъ его, крестьяне дружно закричали:

— Благодаримъ васъ, ваше благородье! Вы намъ словно волю во второй разъ открыли!

— Отъ барщины избавили!

— Тенета съ насъ распутали!..

Послѣ этого начальство стало разъѣзжаться.

— Бѣдные люди!—сказалъ чиновникъ особыхъ порученій, уѣзжая и въ послѣдній разъ взглянувъ на волнующуюся и безтолково шумящую, подъ яснымъ солнечнымъ небомъ, сѣрую толпу крестьянъ...

— Ребята! энто Осипъ все устроилъ,—безъ ево ничего бы намъ не было! Качайте Осипа! Берите его! У-ррра!..—заорали мужики и бросились качать Осипа Егорова...

М. Антоновъ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

ПРОТИВЪ

МАРКСИЗМА

Ни одинъ изъ многочисленныхъ видовъ соціализма не имѣлъ такого широкаго успѣха, не занялъ такого выдающагося мѣста въ жизни Европы, какъ ученіе Карла Маркса. Оно породило огромную литературу, на немъ построила свои практическія требованія соціальдемократическая партія, и вліяніе марксизма въ современной жизни дѣлалось все болѣе замѣтнымъ. Но какъ то бываетъ со всякимъ ученіемъ,—по мѣрѣ того, какъ оно входитъ въ жизнь и расширяется кругъ его послѣдователей,—среди нихъ самихъ возникаетъ критическое отношеніе къ нему, стремленіе провѣрить и исправить его основныя положенія, согласно даннымъ позднѣйшаго опыта. И такъ какъ во всякой партіи всегда есть доля послѣдователей, слишкомъ преданныхъ традиціи, склонныхъ превращать свою приверженность доктринѣ въ культъ, — то отсюда возникаетъ расколъ, борьба между новаторами-еретиками и правовѣрными учениками.

Такой моментъ переживаетъ теперь и марксизмъ [1]). Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы критики съ традиціей представляетъ

---

[1]) Проф. Масарикъ придаетъ очень большое значеніе этому кризису: „Внутренній кризисъ марксизма составляетъ вопросъ не только соціальдемократической партіи, но философіи и науки; онъ заслуживаетъ внимательнаго изученія со стороны всѣхъ, кто принимаетъ къ сердцу благополучное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ“ („Die philosophischen und Sociologischen Grundlagen des Marxismus“. Wien. 1899, стр. 592).

появленіе въ началѣ нынѣшняго года книги Эд. Бернштейна: „Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie“ (Stuttgart, 1899). Она особенно интересна тѣмъ, что исходитъ, такъ сказать, изъ самаго центра марксизма. Бернштейнъ—одинъ изъ видныхъ дѣятелей германской соціальдемократіи; онъ содѣйствовалъ Каутскому въ составленіи его книги: „Das Erfurter Programm“ [1]), имѣвшей цѣлью разъяснить и популяризировать оффиціальную программу партіи; его отношенія къ Энгельсу были настолько близки, что, по собственному признанію Бернштейна, они долго мѣшали ему выступить съ критикой ученія Маркса и Энгельса, и даже теперь заставили его смягчить и тѣмъ ослабить эту критику (см. предисловіе къ книгѣ, стр. IX—X).

Принимая все это во вниманіе, мы имѣемъ право видѣть въ названной книгѣ не случайную вылазку противъ марксизма, но извѣстный признакъ времени, симптомъ кризиса соціальдемократической партіи.

I.

Признавая вполнѣ основательно, что „важнѣйшую составную часть фундамента марксизма, такъ сказать основной законъ, проникающій всю систему, составляетъ его особенная историческая теорія, носящая имя матеріалистическаго пониманія исторіи“ [2]) (стр. 4), авторъ съ нея и начинаетъ свою критику. Приведя извѣстный отрывокъ изъ предисловія въ „Критикѣ политической экономіи“ Маркса: „Способъ производства матеріальныхъ средствъ жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный жизненный процессъ вообще; не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе“ и т. д.,—Бернштейнъ противопоставляетъ ему позднѣйшія воззрѣнія Энгельса, выраженныя въ двухъ письмахъ отъ 1890 и 1894 гг. Здѣсь Энгельсъ признаетъ за „правовыми формами“, политическими, юридическими, философскими теоріями, религіозными идеями и догматами вліяніе на ходъ историческаго процесса,—вліяніе настолько сильное, что

[1]) Въ предисловіи къ своей книгѣ, Каутскій выражаетъ признательность Бернштейну, называя его „дорогимъ другомъ и сотрудникомъ“.

[2]) У насъ въ Россіи она извѣстна подъ очень неудачнымъ терминомъ „экономическаго матеріализма“,—неудачнымъ потому, что, опуская совершенно *историческій* моментъ, онъ дважды подчеркиваетъ другую сторону теоріи, но притомъ съ двумя различными оттѣнками (*матеріалистическій* и *экономическій*).

именно они во многихъ случаяхъ опредѣляютъ его формы. „Такимъ образомъ, — говоритъ Энгельсъ—историческое событіе представляетъ результатъ безчисленныхъ, взаимно перекрещивающихся силъ, равнодѣйствующую безконечнаго количества параллелограмовъ силъ, и на нее, въ свою очередь, можно смотрѣть, какъ на продуктъ силы, дѣйствующей въ цѣломъ безъ сознанія и воли. Ибо то, чего хочетъ одинъ, встрѣчаетъ препятствіе во всѣхъ другихъ, а въ результатѣ получается нѣчто такое, чего никто не имѣлъ въ виду... Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и т. д. развитіе основывается на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ другъ на друга и на экономическій фундаментъ".

По мнѣнію Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ никогда вполнѣ не отрицали вліянія не-экономическихъ факторовъ на исторію, но первоначально они отводили имъ гораздо меньшее мѣсто, чѣмъ позже. „Это соотвѣтствуетъ естественному ходу развитія всякой новой теоріи. Послѣдняя всегда выступаетъ сперва въ рѣзкой аподиктической формулировкѣ. Чтобы пробить себѣ дорогу, она должна доказать слабость старыхъ теорій, и въ этой борьбѣ односторонность и преувеличеніе неизбѣжны" (стр. 7). Это толкованіе Бернштейна какъ нельзя лучше подтверждается признаніемъ самого Энгельса. „Намъ (т.-е. Марксу и Энгельсу) нужно было, въ отвѣтъ противникамъ, подчеркнуть отрицаемый ими главный принципъ (экономическую сторону), и не всегда имѣли мы время, мѣсто и случай отдать должное остальнымъ взаимодѣйствующимъ факторамъ" (стр. 4). „Кто теперь—заключаетъ отсюда Бернштейнъ — примѣняетъ теорію историческаго матеріализма, тотъ обязанъ брать ее въ ея наиболѣе законченной, а не въ первоначальной формѣ, т.-е. обязанъ, рядомъ съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и отношеній, отводить должное мѣсто правовымъ и нравственнымъ понятіямъ, историческимъ и религіознымъ традиціямъ каждой эпохи, воздѣйствію географическихъ и иныхъ природныхъ условій, къ которымъ принадлежитъ также природа самого человѣка и его духовныхъ способностей. Это въ особенности нужно имѣть въ виду тамъ, гдѣ дѣло идетъ уже не о простомъ изслѣдованіи прошлыхъ историческихъ эпохъ, а о намѣченіи будущаго развитія, при которомъ матеріалистическое пониманіе исторіи должно служить указателемъ для будущаго". А отсюда слѣдуетъ важный практическій выводъ. „Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о столь большихъ массахъ, какъ современныя націи съ ихъ жизненными привычками, сложившимися въ результатѣ тысячелѣтняго развитія,—тамъ

даже отъ крупныхъ переворотовъ въ правѣ собственности можно тѣмъ менѣе ожидать быстраго измѣненія человѣческой природы, что хозяйственныя и имущественныя отношенія составляютъ лишь часть соціальной обстановки, которая вліяетъ опредѣляющимъ образомъ на человѣческій характеръ. И здѣсь также надо принимать во вниманіе множество факторовъ; къ способамъ производства и обмѣна, въ которыхъ историческій матеріализмъ помѣщаетъ центръ тяжести, присоединяется еще—правда, обусловленная ими, но оказывающая на нихъ взаимное вліяніе—территоріальная группировка и плотность населенія, т.-е. распредѣленіе населенія по странѣ и условія сообщеній". Въ письмѣ къ Конраду Шмидту, отъ 27 окт. 1890 г., Фр. Энгельсъ показалъ, какъ общественныя учрежденія изъ продуктовъ экономическаго развитія превращаются въ самостоятельныя соціальныя силы съ собственнымъ движеніемъ, которыя, въ свою очередь, вліяютъ на это развитіе, помогаютъ, сдерживаютъ или направляютъ его на другіе пути. Въ примѣръ Энгельсъ приводитъ государственную власть.

Бернштейнъ идетъ далѣе и утверждаетъ, что съ теченіемъ времени зависимость общества отъ экономическаго фактора уменьшается: съ одной стороны, расширяется наше пониманіе законовъ экономическаго и вообще всякаго развитія, съ другой—возростаетъ въ связи съ этимъ наша способность направлять экономическое развитіе. „Какъ физическія, такъ и экономическія естественныя силы превращаются изъ господъ въ слугъ человѣка въ той мѣрѣ, какъ познается ихъ сущность. Общество становится такимъ образомъ въ болѣе свободное отношеніе къ экономическому двигателю, чѣмъ прежде, и только противоположность интересовъ между его составными частями — сила частныхъ и групповыхъ интересовъ—мѣшаетъ полному превращенію этой теоретической свободы въ практическую. Однако, и здѣсь общій интересъ получаетъ все большій перевѣсъ надъ частнымъ, и въ той мѣрѣ, въ какой это осуществляется, и во всѣхъ областяхъ, гдѣ это происходитъ, стихійное господство экономическихъ силъ прекращается. Ихъ развитіе учитывается впередъ, и потому совершается тѣмъ быстрѣе и легче. Отдѣльныя лица и цѣлые народы высвобождаютъ такимъ образомъ все бо́льшую часть своего существованія изъ подъ вліянія дѣйствующей помимо или даже противъ ихъ воли необходимости.

„Но такъ какъ люди удѣляютъ все больше вниманія экономическимъ факторамъ, то дѣло легко принимаетъ видъ, какъ будто послѣдніе играютъ теперь бо́льшую роль, чѣмъ прежде.

Однако это не такъ. Иллюзія вызывается только тѣмъ, что экономическій мотивъ теперь выступаетъ свободно тамъ, гдѣ онъ прежде маскировался юридическимъ господствомъ и идеологіями всякаго рода. Идеологіей, независимой отъ экономіи и отъ природы, какъ экономической силы, современное общество гораздо богаче, чѣмъ прежнія общества. Науки, искусства, цѣлый рядъ общественныхъ отношеній—зависятъ теперь гораздо менѣе отъ экономіи, чѣмъ это было когда-либо въ прошломъ. Или—чтобы не оставить мѣста никакому ложному толкованію—достигнутый нынѣ уровень экономическаго развитія оставляетъ идеологическимъ и въ особенности нравственнымъ факторамъ большій просторъ для самостоятельной дѣятельности, чѣмъ это имѣло мѣсто въ прежнее время. Вслѣдствіе этого причинная связь между технико-экономическимъ развитіемъ и развитіемъ прочихъ соціальныхъ явленій дѣлается все менѣе непосредственною, а съ этимъ необходимыя естественныя условія перваго становятся все менѣе опредѣляющими для формы послѣднихъ"... „Желѣзный законъ исторіи" встрѣчаетъ такимъ образомъ ограниченіе, которое, впрочемъ, не уменьшаетъ, а напротивъ, еще усиливаетъ важность соціально-политическихъ задачъ соціальдемократіи (стр. 10—11).

Итакъ, разнообразіе факторовъ, вліяющихъ на исторію, признано, и экономическому фактору отводится только между ними болѣе видное мѣсто. Бернштейнъ сознается, что это придаетъ теоріи историческаго матеріализма совсѣмъ другой видъ, чѣмъ въ какомъ она первоначально вышла изъ рукъ своихъ творцовъ, и уже они сами начали ея переработку. Заслуживаетъ ли она послѣ этого свое имя „матеріалистическаго пониманія исторіи"? Въ дѣйствительности, послѣ приведенныхъ выше поправокъ Энгельса, она уже не чисто-матеріалистическая, тѣмъ менѣе чисто-экономическая теорія. И все-же Бернштейнъ находитъ возможнымъ сохранить за ней названіе „экономическаго пониманія исторіи", данное ей Бартомъ, потому что оно указываетъ на то, чѣмъ эта теорія отличается отъ другихъ. „Въ той важности, какую она придаетъ экономикѣ, заключается ея значеніе; изъ изслѣдованія и оцѣнки экономическихъ факторовъ проистекаютъ ея крупныя заслуги передъ исторической наукой, проистекаетъ то обогащеніе, которымъ обязана ей эта отрасль человѣческаго знанія. Экономическое истолкованіе исторіи не означаетъ признанія однѣхъ лишь экономическихъ силъ, однихъ экономическихъ мотивовъ, а только означаетъ, что въ экономикѣ лежитъ рѣшающая сила, поворотный пунктъ великихъ историческихъ движеній. Слова: „матеріалистическое пониманіе исторіи"—за-

ключаетъ въ себѣ всѣ недоразумѣнія, которыя вообще связаны съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-историческій матеріализмъ носитъ детерминистическій характеръ; марксистское же пониманіе исторіи не имѣетъ его, —оно не приписываетъ экономической основѣ народной жизни безусловнаго опредѣляющаго вліянія на формы послѣдней" (стр. 13—14).

На основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи построено ученіе Карла Маркса о классовой борьбѣ, послѣднюю форму которой представляетъ современная борьба капиталистовъ и пролетаріевъ. Дальнѣйшее теченіе этой борьбы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судьба всего капиталистическаго строя поставлены въ связь съ замѣчаемой въ промышленности концентраціей капиталовъ. По схемѣ Маркса, концентрація эта будетъ все болѣе и болѣе возростать, народъ все рѣзче дѣлится на два противоположныхъ класса—богачей и неимущихъ пролетаріевъ, пока, наконецъ, концентрація капиталовъ не дойдетъ до крайности. Тогда произойдетъ переворотъ,—пролетаріи экспропріируютъ капиталистовъ, и капиталистическое производство замѣнится общественнымъ. Такимъ образомъ, концентрація капиталовъ, сосредоточеніе богатства въ рукахъ все мѣньшаго (если не абсолютно, то относительно) числа лицъ составляетъ основное положеніе, на которомъ зиждется вся схема Маркса, и тѣ практическіе выводы, которые онъ изъ нея дѣлалъ. Именно на этотъ пунктъ дѣлаетъ нападеніе Бернштейнъ. Убѣжденіе, что будущность соціальдемократіи зависитъ отъ сосредоточенія собственности въ рукахъ все мѣньшаго количества „капиталистическихъ магнатовъ", онъ называетъ суевѣріемъ соціалистической партіи. Въ основаніи его лежитъ отождествленіе концентраціи производства съ концентраціей богатства. На самомъ дѣлѣ, первая не требуетъ обязательно второй. Благодаря акціонерной формѣ предпріятій, для веденія производства въ крупныхъ размѣрахъ, нѣтъ надобности, чтобы отдѣльныя лица сосредоточивали въ своихъ рукахъ большіе капиталы; мало того, уже скопленные капиталы могутъ, благодаря ей, легко дробиться.

Полнаго статистическаго изслѣдованія по вопросу о распредѣленіи акцій промышленныхъ предпріятій нѣтъ, такъ какъ въ большинствѣ странъ акціи анонимны и уловить ихъ распредѣленіе нѣтъ средствъ; въ Англіи же, гдѣ преобладаютъ акціи именныя, такое изслѣдованіе возможно, но, при 21.223 акціонерныхъ компаніяхъ Соединеннаго-Королевства, оно требуетъ такого исполинскаго труда, что еще не нашлось человѣка, ко-

торый бы за него взялся. Однако, Бернштейнъ все-же приводитъ отдѣльные примѣры въ опроверженіе ходячихъ воззрѣній.

Промышленные синдикаты (Trusts) представляютъ кульминаціонный пунктъ концентраціи производства. И что же мы видимъ? Синдикатъ производителей нитяной пряжи насчитываетъ не менѣе 12.300 пайщиковъ; синдикатъ производителей тонкой пряжи—5.454; Манчестерскій каналъ принадлежитъ 40 тысячамъ акціонеровъ; колоссальные магазины Липтона—74.262 акц.; торговый домъ Spiers and Ponds имѣетъ при капиталѣ въ 26 милліоновъ марокъ 4.650 акціонеровъ, изъ коихъ лишь у 550 чел. ихъ доля въ предпріятіи превышаетъ 10 тысячъ марокъ на каждаго. Общее число акціонеровъ въ Англіи исчисляется далеко выше милліона, и эта цифра не можетъ считаться преувеличенною, принимая во вниманіе, что общій капиталъ всѣхъ акціонерныхъ компаній Соединеннаго-Королевства простирался въ 1896 г. до 22.290 милл. марокъ, а помѣщенный за границею англійскій капиталъ—до 43 милліардовъ мар.

Но для рѣшенія вопроса о правильности схемы Маркса важно не то, какъ распредѣляется собственность въ настоящую минуту, а какъ измѣняется это распредѣленіе съ теченіемъ времени. Бернштейнъ и здѣсь сообщаетъ любопытныя цифры. Въ 1851 г. въ Англіи классъ населенія съ доходомъ въ 150—1.000 фунт. стерл. (1.400—9.400 руб.),—т.-е. средняя и мелкая буржуазія и рабочая аристократія,—насчитывалъ, круглымъ числомъ, 300 тысячъ семей; въ 1881 г. онъ заключалъ уже 990 тыс. семей, т.-е. на $233^1/_3\%$ больше, между тѣмъ какъ населеніе, за этотъ же 30-лѣтній промежутокъ времени, возросло на 30%. Названный классъ (150—1.000 фунт. дохода) продолжалъ возростать и послѣ 1881 г., и теперь Джиффенъ насчитываетъ въ немъ полтора милліона налогоплательщиковъ (т.-е. семей). Въ Пруссіи, въ 1854 г., при населеніи въ 16,3 милл. чел., было лишь 44.407 чел. съ доходомъ свыше 1.000 талеровъ; въ 1894 г.—321.296 чел., при населеніи въ 33 милл. Въ то время, какъ населеніе удвоилось, обезпеченный классъ выросъ въ семь разъ, и если мы даже примемъ въ разсчетъ вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, то все-же обезпеченный классъ обогналъ ростъ населенія не меньше, чѣмъ вдвое. Въ промежутокъ 1876—1890 гг., населеніе возросло на 20%, а число лицъ съ доходомъ въ 2.000—20.000 марокъ на 31%. Въ Саксоніи, въ 1879—1892 гг., число доходовъ въ 800—3.300 мар. (рабочая аристократія и мелкое бюргерство) возросло съ 227.839 чел. до 439.948 чел.; число доходовъ въ

3.300—9.600 мар.—съ 24.414 чел. до 39.266 чел. Въ статистикѣ крупныхъ доходовъ обыкновенно упускаютъ изъ виду, что очень большая часть ихъ приходится на долю юридическихъ лицъ: въ Саксоніи, въ 1892 г., среди 11.138 лицъ съ доходомъ свыше 9.600 марокъ было 5.594 юридическихъ лица (стр. 49—51).

Итакъ, классъ обезпеченныхъ людей расширяется и абсолютно, и относительно. Да иначе современное хозяйство и идти бы не могло. Характерной чертой его является огромное повышеніе производительности труда и соотвѣтственное возростаніе производства, а именно массоваго производства предметовъ потребленія. „Магнаты капитализма“ были бы не въ состояніи одни поглотить всю эту массу продуктовъ; вывозъ ихъ за границу не разрѣшаетъ вопроса, такъ какъ на мѣсто вывезенныхъ продуктовъ ввозятся другіе, и проценты по капиталамъ, помѣщеннымъ передовою промышленною страною въ отсталыхъ, обыкновенно оплачиваются товарами же. Какъ бы много продуктовъ ни истреблялось кризисами и непроизводительнымъ потребленіемъ, все-же потребленіе всѣхъ производимыхъ товаровъ нельзя объяснить иначе, какъ повышающимся уровнемъ благосостоянія массы народа, или существованіемъ многочисленнаго средняго зажиточнаго класса населенія. Его-то и составляетъ толпа акціонеровъ. „Акція возстановляетъ въ соціальной лѣстницѣ промежуточныя звенья, которыя, въ качествѣ самостоятельныхъ руководителей производства, были вытѣснены изъ промышленности концентраціей предпріятій“ (стр. 54).

Самое производство вовсе не въ такой степени концентрировано, какъ это думаютъ. Въ Англіи, наиболѣе развитой капиталистически странѣ, изъ 9.026.902 занятыхъ въ промышленности лицъ, 3 милліона работаютъ въ мелкихъ предпріятіяхъ; 4.398.983 подчиненныхъ фабричнымъ законамъ рабочихъ заняты въ 160.948 фабрикахъ и мастерскихъ, что̀ даетъ по 27—28 рабочихъ на предпріятіе; всего только 20—25 тысячъ предпріятій имѣютъ болѣе, чѣмъ по 50 рабочихъ, а въ общей сложности—3 милліона рабочихъ. Присоединяя сюда 1.171.990 чел., занятыхъ въ перевозочной промышленности, изъ коихъ не болѣе $^3/_4$ приходятся на долю крупныхъ предпріятій, мы получимъ лишь около 4 милліоновъ рабочихъ, принадлежащихъ крупному производству, въ противоположность $5^1/_2$ милл. занятыхъ въ среднихъ и мелкихъ предпріятіяхъ. Итакъ, даже на родинѣ капитализма все разнообразіе предпріятій, ихъ градація по размѣрамъ, сохранились до сего дня.

Возростаніе концентраціи замѣчается, но опять-таки оно идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ думаютъ. Въ классическомъ образцѣ крупнаго производства, въ хлопчатобумажной промышленности, съ того времени, какъ писалъ Марксъ, т.-е. съ 1868 по 1890 г., положеніе не измѣнилось въ такой степени, какъ можно было бы ожидать: число фабрикъ осталось почти то же (уменьшилось на 0,43%); число рабочихъ, приходящееся на одну фабрику, возросло на 33%; число ткацкихъ станковъ—на 62%, что, по мнѣнію Бернштейна, нельзя признать огромнымъ, имѣя въ виду постоянные техническіе перевороты въ этой отрасли промышленности. Въ другихъ, даже близко родственныхъ отрасляхъ измѣненіе еще меньше. Въ шерстяной промышленности число рабочихъ, приходящееся на фабрику, возросло за 1870—1890 гг. съ 95 на 117. Во всей текстильной (т.-е., обработывающей волокнистыя вещества) промышленности это же число поднялось, въ 1870—1896 гг., съ 120,3 всего на 136,4 рабочихъ (стр. 56).

Въ Германіи развитіе промышленности въ послѣднія десятилѣтія пошло гигантскими шагами. Однако, и здѣсь, изъ $10^1/_4$ милл. занятыхъ въ промышленности лицъ, въ 1895 г., немного болѣе 3 милл. принадлежало крупнымъ предпріятіямъ; $2^1/_2$ милл.—среднимъ (отъ 6 до 50 чел. на каждое); $4^3/_4$ милл.—мелкимъ. Ремесленниковъ насчитывалось $1^1/_4$ милл. Во Франціи на 1 милліонъ хозяевъ приходится 3,3 милл. рабочихъ; въ Австріи на 600 тысячъ хозяевъ—около $2^1/_4$ милл. рабочихъ; въ Швейцаріи на 127 тысячъ хозяевъ—400 тыс. рабочихъ. Въ С.-Штатахъ на предпріятіе приходится, въ среднемъ, 10 рабочихъ; но эта еще, сравнительно, высокая цифра получилась отъ того, что при подсчетѣ не принята во вниманіе домашняя промышленность. „Если непрерывный прогрессъ техники и централизація предпріятій все въ большемъ числѣ отраслей промышленности составляютъ истину, передъ значеніемъ которой можетъ теперь закрывать глаза развѣ какой-нибудь закоренѣлый реакціонеръ, то не менѣе твердо установлена истина, что въ цѣломъ рядѣ отраслей, рядомъ съ крупными предпріятіями, мелкія и среднія оказываются вполнѣ жизнеспособными. Въ промышленности развитіе не идетъ по одинаковому для всѣхъ промысловъ шаблону. Совершенно рутинно ведущіяся производства остаются въ мелкой или средней формѣ, между тѣмъ какъ отрасли художественной промышленности, которыя считались обезпеченными за мелкими предпріятіями, въ одинъ прекрасный день дѣлаются добычею крупныхъ“ (стр. 56—58).

Причины этого—троякаго рода. Въ однихъ промыслахъ преимущества крупнаго производства не такъ велики, чтобы ихъ не могли перевѣсить выгоды, свойственныя мелкой формѣ. Во-вторыхъ, есть промыслы, гдѣ способъ доставки продуктовъ потребителю благопріятствуетъ сохраненію мелкой формы производства (булочныя); сюда относятся преимущественно тѣ промыслы, гдѣ производительная работа и личная услуга сливаются (кузнецы). Наконецъ, крупное производство само порождаетъ мелкое и среднее, частью удешевляя сырье, частью освобождая капиталъ и рабочія руки. Почти всѣ предметы роскоши растущихъ зажиточныхъ среднихъ слоевъ изготовляются, по крайней мѣрѣ вначалѣ, въ среднихъ и мелкихъ предпріятіяхъ.

Въ промежуткѣ между двумя германскими переписями (1882 и 1895 гг.) производства съ 1—5 рабочими возросли на 24,3%; съ 6—10 рабочими — на 66,6%; съ 11—50 рабочими — на 81,8%; болѣе 50 рабочихъ—на 88,7%. Населеніе за это же время возросло лишь на 13,5%. Если, такимъ образомъ, крупное производство возросло быстрѣе мелкаго, то все-же нельзя говорить о *поглощеніи* послѣдняго первымъ: мелкія предпріятія также множатся, хотя и медленнѣе крупныхъ, но все-же быстрѣе роста населенія. Мелкія предпріятія не только не обнаружили склонности вымирать, но даже, по отношенію ко всей странѣ, ихъ значеніе возросло и абсолютно, и относительно, хотя и слабѣе, чѣмъ значеніе крупной промышленности. И это въ эпоху наиболѣе сильнаго роста обработывающей промышленности вообще!

То же замѣчается и въ торговлѣ. Огромные магазины не уничтожили мелкой торговли, а только заставили ее стряхнуть съ себя рутину. Число лавокъ въ Англіи, съ 1875 г. по 1886 г., возросло съ 295.000 до 366.000; въ послѣднее десятилѣтіе оно, повидимому, возросло еще на 50%. Въ Пруссіи число лицъ въ среднихъ торговыхъ и перевозочныхъ предпріятіяхъ (въ 3—5 и 6—50 рабочихъ) за 1882—1895 гг. возросло почти вдвое; правда, что число лицъ въ такихъ же крупныхъ предпріятіяхъ возросло въ $2^1/_2$ раза, но оно все-же и теперь едва превышаетъ 5% всего торговаго класса (стр. 59—61).

Въ сельскомъ хозяйствѣ происходитъ эволюція, совершенно отличная отъ той, которая наблюдается въ промышленности и торговлѣ: классъ мелкихъ и среднихъ предпріятій увеличивается, крупныя остаются на той же точкѣ или даже прямо сокращаются. Въ Германіи перепись 1895 г., по сравненію съ переписью 1882 г., обнаружила наибольшее возростаніе въ группѣ

средняго крестьянства (5—20 гектаровъ земли на хозяйство): число хозяйствъ здѣсь увеличилось на 8%, площадь обрабатываемой земли—на 9%; въ категоріи хозяйствъ въ 2—5 гектаровъ число хозяйствъ повысилось на 3,5%, площадь земли расширилась на 8%. Напротивъ, группа хозяйствъ въ 20—100 гект. не дала даже *одного* полнаго процента возростанія; да и эта прибавка падаетъ исключительно на лѣсное хозяйство; крупныя же хозяйства (свыше 100 гект.) возросли лишь на 1,3%. Въ Германіи 2/3, въ Пруссіи почти 3/4 земли приходится на долю крестьянскихъ хозяйствъ. Въ Голландіи хозяйства въ 5—10 гект. возросли, между 1884 г. и 1893 г., на 198,5%; хозяйства въ 1—5 гект.—на 16,2%; хозяйства выше 50 гект. *уменьшились* на 1,2%. Въ Бельгіи количество земельныхъ собственниковъ, въ 1846—1880 гг., увеличилось съ 201.226 до 293.524; число арендаторовъ—съ 371.320 до 616.872. Въ Англіи земля, какъ извѣстно, сильно сконцентрирована: 10/11 всей поверхности Англіи принадлежитъ 176.520 собственникамъ (у каждаго свыше 10 акровъ); 42% земли принадлежатъ 1.704 собственникамъ, имѣющимъ свыше 3.000 акровъ (1.200 гект.) каждый. И однако, самыя предпріятія, т.-е. фермы, обнаруживаютъ то же явленіе децентрализаціи, какъ и во всѣхъ странахъ; между 1885 и 1895 гг. число хозяйствъ въ 2—20 гект. возросло на 1%; фермы въ 20—40 гект.—на 3%; фермы въ 40—120 гект.—на 2%; фермы въ 120—200 гект. *уменьшились* на 2,2%; свыше 200 гект. *уменьшились* на 4,9%. Въ 1895 г., крупныя фермы (свыше 120 гект.) занимали только 27—28% всей обработанной земли Великобританіи; крупнѣйшія (свыше 400 гект.) —только 21,2%. Напротивъ, на разряды, соотвѣтствующіе среднему и крупному крестьянскому хозяйству (5—120 гект.), падаютъ 66,4% всей земли. Наконецъ, мелкія хозяйства (ниже 5 гект.) занимаютъ 61,4% (стр. 61—64).

„Послѣ всего этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что во всей западной Европѣ, какъ, впрочемъ, и въ восточныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, повсюду мелкое и среднее сельское хозяйство развивается,—крупное дѣлаетъ шагъ назадъ. Что среднія хозяйства часто носятъ очень рѣзкую капиталистическую окраску—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Концентрація производства состоитъ здѣсь не въ томъ, что отдѣльныя хозяйства охватываютъ все большее пространство земли, какъ предполагалъ Марксъ, а только въ томъ, что хозяйство уплотняется, переходитъ къ культурамъ, требующимъ больше работы на то же пространство, или къ высшимъ

системамъ скотоводства. Извѣстно, что это въ сильной степени (но не исключительно) составляетъ результатъ сельско-хозяйственной конкурренціи за-океанскихъ и восточно-европейскихъ земледѣльческихъ государствъ и областей. Но также извѣстно, что эти послѣднія еще долго будутъ въ состояніи поставлять на европейскій рынокъ хлѣбъ и рядъ другихъ произведеній почвы по такимъ же дешевымъ цѣнамъ; такъ что съ этой стороны значительнаго измѣненія факторовъ развитія ожидать нельзя.

„Такимъ образомъ, градація доходовъ и градація предпріятій обнаруживаютъ въ своемъ расчлененіи достаточно ясно выраженный параллелизмъ, въ особенности въ среднихъ ступеняхъ. Мы нигдѣ не видимъ, чтобы онѣ сокращались,—напротивъ, почти вездѣ онѣ значительно расширяются. Что у нихъ отнимается сверху, то онѣ пополняютъ чрезъ привлеченіе къ себѣ нижнихъ слоевъ, а что отпадаетъ отъ нихъ въ нижніе слои, за то онѣ получаютъ возмѣщеніе сверху“ (стр. 65).

II.

Ученіе о кризисахъ представляетъ одинъ изъ наиболѣе трудныхъ, наиболѣе спорныхъ вопросовъ политической экономіи. Марксъ установилъ воззрѣніе, что кризисы неразлучны съ нынѣшнимъ капиталистическимъ строемъ хозяйства, что ихъ повтореніе чрезъ опредѣленные промежутки времени неизбѣжно. И дѣйствительно, въ ту эпоху, когда писалъ Марксъ, они повторялись приблизительно черезъ каждыя десять лѣтъ съ регулярностью астрономическаго явленія. Но въ послѣднюю четверть нашего вѣка положеніе измѣнилось. Уже Энгельсъ признавалъ для будущаго возможность альтернативы: или циклъ, который проходитъ промышленность (кризисъ—застой—оживленіе—кризисъ), сдѣлался болѣе продолжительнымъ, и возможно ожидать въ будущемъ новаго мірового кризиса неслыханной силы, или же прежняя форма острыхъ кризисовъ съ ихъ десятилѣтнимъ циклomъ уступаетъ мѣсто новой періодической смѣнѣ краткихъ эпохъ оживленія промышленности съ сравнительно долгими промежутками застоя, и притомъ смѣна эта совершается въ разныхъ странахъ въ различное время (слѣдовательно, о міровыхъ кризисахъ нѣтъ болѣе рѣчи).

Но съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ писалъ это, прошло много времени, и однако ни признаковъ мірового кризиса не появлялось, ни наступившее между тѣмъ оживленіе дѣлъ не оказалось

кратковременнымъ. Поэтому Бернштейнъ выдвигаетъ теперь третье рѣшеніе вопроса: сильное территоріальное расширеніе мірового рынка, въ соединеніи съ чрезвычайнымъ сокращеніемъ времени, требуемаго для передачи извѣстій и перевозки товаровъ, настолько увеличило средства возстановленія равновѣсія при нарушеніяхъ правильнаго хода хозяйства, а колоссально возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ странъ, въ соединеніи съ эластичностью современнаго кредита и съ появленіемъ промышленныхъ картелей, настолько уменьшило силу воздѣйствія мѣстныхъ или частныхъ затрудненій на общій ходъ дѣлъ, что, можетъ быть, общіе промышленные кризисы на подобіе прежнихъ теперь вообще должны считаться невѣроятными, по крайней мѣрѣ на довольно продолжительное время (стр. 70). Отвѣчая на утвержденіе, что кредитъ только поддерживаетъ спекуляцію, Бернштейнъ подчеркиваетъ, что еще Марксъ признавалъ двойственную роль кредита: наряду съ разрушительнымъ вліяніемъ—созданіе переходной формы къ новому способу производства.

„Что кредитъ поддерживаетъ спекуляцію, извѣстно уже цѣлыя столѣтія, и также стара истина, что спекуляція не останавливается передъ производствомъ тамъ, гдѣ его форма и организація достаточно развиты для того, чтобы дать ей мѣсто. Но спекуляція, съ своей стороны, обусловлена отношеніемъ между познаваемыми и непознаваемыми обстоятельствами (рынка). Чѣмъ болѣе перевѣшиваютъ послѣднія, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ она; чѣмъ болѣе они оттѣсняются на задній планъ первыми, тѣмъ болѣе теряетъ почвы и спекуляція. Поэтому-то самыя безумныя вспышки коммерческой спекуляціи приходятся въ эпоху зарожденія капиталистической эры, и самымъ необузданнымъ оргіямъ предается спекуляція обыкновенно въ странахъ съ молодымъ капитализмомъ. Въ области промышленности спекуляція пышнѣе всего процвѣтаетъ въ *новыхъ* отрасляхъ производства. Чѣмъ болѣе давно отрасль производства сложилась въ форму современной промышленности, тѣмъ менѣе играетъ въ ней руководящую роль спекуляція,—за исключеніемъ модныхъ товаровъ. Рыночныя условія и рыночныя колебанія поддаются болѣе точнымъ наблюденіямъ и болѣе достовѣрнымъ разсчетамъ.

„Но эта достовѣрность все-же лишь относительная, ибо конкурренція и развитіе техники исключаютъ возможность полнаго контроля надъ рынкомъ. Перепроизводство до извѣстной степени неизбѣжно. Но перепроизводство въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности еще не означаетъ общаго кризиса. Чтобы дѣло дошло до него, нужно, чтобы эти отрасли про-

мышленности или имѣли такое значеніе, какъ потребители продуктовъ другихъ отраслей, чтобы ихъ застой вызвалъ также застой этихъ послѣднихъ, и т. д.; или же чтобы они отняли у нихъ средства къ продолженію производства чрезъ посредство денежнаго рынка или чрезъ всеобщее ослабленіе довѣрія. Но очевидно, что чѣмъ богаче страна и чѣмъ развитѣе система кредита,—что̀ не слѣдуетъ смѣшивать съ возможнымъ производствомъ въ кредитъ,—тѣмъ это послѣднее вліяніе становится все менѣе вѣроятнымъ. Ибо здѣсь возростаетъ возможность возстановленія равновѣсія. Въ одномъ мѣстѣ, котораго я сейчасъ не могу найти, Марксъ говоритъ,—и вѣрность этого положенія подтверждается массой свидѣтельствъ,—что въ центрѣ денежнаго рынка стѣсненія всегда быстрѣе проходятъ, чѣмъ въ разныхъ пунктахъ окружности. А Марксъ имѣлъ передъ глазами еще гораздо болѣе стѣсненный даже въ Англіи денежный рынокъ, чѣмъ нынѣшній. Такъ, онъ еще говоритъ („Капиталъ“, т. III, ч. 2, стр. 18), что съ расширеніемъ рынка сроки кредита удлиняются, и такимъ путемъ спекулятивный элементъ все болѣе долженъ господствовать въ коммерческихъ дѣлахъ. Но происшедшій съ тѣхъ поръ переворотъ въ средствахъ сообщенія болѣе, чѣмъ уравновѣсилъ въ этомъ отношеніи дѣйствіе пространственнаго отдаленія. Если кризисы денежнаго рынка и не совсѣмъ устранены этимъ, то все-же,—о чемъ здѣсь собственно и идетъ дѣло,—стѣсненія денежнаго рынка подъ вліяніемъ широкихъ и трудно поддающихся контролю торговыхъ предпріятій значительно сократились. Отношеніе денежныхъ къ торговымъ и промышленнымъ кризисамъ вовсе не такъ еще хорошо выяснено, чтобы въ какомъ-либо конкретномъ случаѣ, гдѣ оба совпали, можно было съ увѣренностью сказать, что именно торговый кризисъ или перепроизводство причинили денежный кризисъ. Въ большинствѣ случаевъ было, однако, очевидно, что не фактическое перепроизводство, а чрезмѣрная спекуляція ослабила денежный рынокъ, и тѣмъ произвела давленіе на весь промышленный міръ. Это явствуетъ какъ изъ отдѣльныхъ частностей, которыя Марксъ сообщаетъ въ III томѣ „Капитала“ о кризисахъ 1847 и 1857 гг. по даннымъ оффиціальныхъ разслѣдованій, такъ, съ другой стороны, подтверждается и фактами, которые приводитъ объ этихъ и другихъ кризисахъ проф. Геркнеръ въ своемъ очеркѣ торговыхъ кризисовъ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ [1]) (стр. 73—75).

[1]) Переведенъ на русскій языкъ въ сборникѣ „Промышленность“. Статьи изъ „Handw. der Staatswissenschaften“, изд. М. Водовозовой.

Далѣе Бернштейнъ отстаиваетъ, въ противоположность мнѣнію Каутскаго [1]), убѣжденіе, что картели и соглашенія предпринимателей *могутъ* успѣшно противодѣйствовать кризисамъ, и заключаетъ главу о кризисахъ такъ: „Если всеобщій кризисъ не будетъ вызванъ непредвидѣнными *внѣшними* событіями,—а это, какъ сказано, можетъ случиться въ любой день,—то нѣтъ необходимости дѣлать выводъ о скоромъ наступленіи кризиса изъ чисто экономическихъ основаній. Случаи мѣстнаго и частнаго застоя неизбѣжны, но вовсе не неизбѣженъ всеобщій кризисъ при современномъ строѣ и размѣрахъ мірового рынка и особенно при значительномъ производствѣ жизненныхъ припасовъ. Послѣднее явленіе имѣетъ особенную важность для нашего вопроса. Ничто, быть можетъ, не содѣйствовало такъ сильно смягченію промышленныхъ кризисовъ или не помѣшало ихъ обостренію, какъ паденіе ренты и цѣны на жизненные припасы“ (стр. 82).

III.

Согласно ученію историческаго матеріализма, для осуществленія соціалистическаго строя на практикѣ необходимо, по мнѣнію Бернштейна, два условія: во-первыхъ, чтобы капиталистическій способъ производства достигъ извѣстной степени развитія, чтобы производство было централизовано, и, во-вторыхъ, чтобы рабочій классъ достигъ политическаго господства. Господство его въ переходный періодъ отъ нынѣшняго къ соціалистическому обществу должно выразиться въ проектированной Марксомъ „революціонной диктатурѣ пролетаріата“.

Что касается перваго условія, то въ предшествующемъ отрывкѣ уже были приведены цифры, доказывающія, какъ недалеко еще, сравнительно, подвинулась централизація производства даже въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ, какъ великъ еще классъ производителей, не принадлежащихъ къ крупной промышленности. „Если бы въ Германіи въ близкомъ будущемъ государство захотѣло экспропріировать всѣ предпріятія, напримѣръ, съ двадцатью и болѣе рабочими, будь то съ цѣлью самому руководить всѣмъ производствомъ, или же отдать часть ихъ въ аренду, то въ торговлѣ и промышленности остались бы еще сотни тысячъ предпріятій болѣе, чѣмъ съ 4.000.000 рабочихъ, которыя продолжали бы вестись частно-хозяйственнымъ способомъ“ (стр. 86).

[1]) Das Erfurter Programm“, стр. 94—97.

Второе условіе осуществленія соціализма—завоеваніе политической власти пролетаріатомъ—достижимо двумя путями: при помощи всеобщаго голосованія и парламентской борьбы, или же посредствомъ внезапнаго насильственнаго переворота. Именно послѣдній казался Марксу и Энгельсу неизбѣжнымъ, да и теперь еще многимъ представляется наиболѣе краткимъ путемъ къ цѣли. Надежда на удачный исходъ переворота основывается на убѣжденіи, что пролетаріи составляютъ самый многочисленный классъ въ странѣ. Это послѣднее вѣрно, если причислить къ пролетаріямъ всѣхъ не получающихъ дохода отъ какой-либо собственности; но нельзя смотрѣть на весь этотъ классъ какъ на однородную массу: по заработку, положенію, образованію, отдѣльные разряды рабочихъ сильно отличаются другъ отъ друга. Тамъ, гдѣ у нихъ нѣтъ поводовъ для столкновенія другъ съ другомъ, или гдѣ всѣ они страдаютъ отъ внѣшняго давленія, тамъ сознаніе общихъ интересовъ можетъ сблизить ихъ, но съ устраненіемъ давленія различіе выступаетъ снова наружу.

Но если бы даже между рабочими въ промышленности не было никакихъ различій, то все-же они составляютъ всюду лишь меньшинство населенія. Въ торговомъ классѣ служащіе находятся, судя по формѣ, въ такомъ же положеніи, какъ наемные фабричные рабочіе; однако, на самомъ дѣлѣ, они стоятъ гораздо ближе къ своему хозяину, чѣмъ тѣ. Въ деревнѣ, въ мелкомъ хозяйствѣ, положеніе хозяина и работника очень сходно; въ среднемъ хозяйствѣ рабочіе очень малочисленны и разнородны; наконецъ, крупныя помѣстья слишкомъ разбросаны, чтобы въ деревнѣ могла возникнуть классовая борьба, подобная городской. Поэтому, въ вопросѣ о соціальномъ движеніи, сельскихъ рабочихъ никакъ нельзя ставить наравнѣ съ городскими. „Для огромнаго большинства ихъ обобществленіе сельско-хозяйственнаго производства представляетъ лишь пустое слово. Ихъ идеалъ и теперь еще—добиться обладанія собственной землею“ (стр. 91).

Даже и среди промышленныхъ рабочихъ соціалистическій идеалъ еще не встрѣчаетъ такого сочувствія, какъ думаютъ. Правда, число голосовъ, подаваемыхъ за депутатовъ-соціалистовъ на выборахъ въ рейхстагъ, непрерывно ростетъ, но, во-первыхъ, этотъ ростъ идетъ чѣмъ дальше, тѣмъ медленнѣе. Число голосовъ возростало: съ 1887 г. по 1890 г. (при дѣйствіи исключительнаго закона противъ соціалистовъ)—на $87^0/_0$; съ 1890 по 1893 г.—на $25^0/_0$; съ 1893 по 1898 г.—всего на $18^0/_0$ (164). Во-вторыхъ, не всѣ, голосовавшіе за соціалистическаго кандидата, могутъ считаться принадлежащими къ соціалистической

партіи. Наконецъ, даже максимумъ голосовъ, какого достигала соціальдемократія на выборахъ,—2.100.000 голосовъ, составляетъ меньше половины всѣхъ взрослыхъ рабочихъ въ промышленности (4.500.000),—и это въ Германіи, гдѣ соціальдемократія сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Но изъ этихъ 2 милліоновъ избирателей можно считать не болѣе 900.000 чел., принимающихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за свою эманципацію. Съ другой стороны, изъ $5^1/_2$ милл. избирателей, голосовавшихъ за не-соціалистовъ, можно считать отъ четверти до трети сознательно враждебными соціализму, что уже даетъ вдвое большее число, чѣмъ 900.000 (92).

Такимъ образомъ, весьма мало основаній ожидать, чтобы въ будущемъ всѣ рабочіе слои сплотились для захвата политической власти. Но если бы даже это случилось, это еще вовсе не разрѣшаетъ главной задачи соціализма. „О томъ, чтобы государство тотчасъ же взяло въ свои руки все производство и доставку продуктовъ, не можетъ быть и рѣчи. Государство не могло бы даже взять на себя всю массу крупныхъ и среднихъ предпріятій. Съ другой стороны, и общины, какъ промежуточныя звенья, могли бы мало помочь дѣлу. Онѣ могли бы, правда, обратить въ общинныя тѣ предпріятія, которыя производятъ на мѣстѣ для мѣстнаго спроса и вообще служатъ мѣстнымъ нуждамъ, и уже съ ними общинамъ будетъ достаточно хлопотъ. Но можно ли себѣ представить, чтобы тѣ предпріятія, которыя до сихъ поръ работали на широкій рынокъ, всѣ вдругъ были обращены въ общинныя? Возьмемъ лишь средній промышленный городъ,—напр., Аугсбургъ, Барменъ, Дортмундъ, Ганау, Маннгеймъ,—конечно, ни одинъ человѣкъ не будетъ имѣть безразсудства предполагать, что тамошнія городскія власти могли бы въ минуту политическаго кризиса, или хотя бы въ иное время, взять въ свои руки и успѣшно вести всѣ разнообразныя тамошнія фабричныя и торговыя предпріятія. Онѣ должны были бы или оставить ихъ въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, или же, если бы онѣ хотѣли безусловно экспропріировать ихъ, то должны были бы передать ихъ на какихъ-либо условіяхъ въ аренду рабочимъ ассоціаціямъ“ (93—94). Но, какъ основательно замѣчаетъ далѣе Бернштейнъ, „жизнеспособныя ассоціаціи нельзя вызвать изъ земли ударомъ ноги, ни создать по командѣ,—они должны *вырости*“ (102—103).

Менѣе всего этотъ новый порядокъ вещей могъ бы быть установленъ путемъ насильственнаго внезапнаго переворота. Теорія революціоннаго преобразованія общества основывается на примѣрѣ первой французской революціи; но условія народ-

наго хозяйства въ ту эпоху были совершенно другія, чѣмъ теперь, на что̀ указывалъ еще Прудонъ тѣмъ, кто, въ 1848 г., хотѣлъ воскресить политику революціонныхъ клубовъ,—и это же подробно развиваетъ теперь Бернштейнъ. „Во Франціи 1789—1794 гг. производство и обмѣнъ болѣе, чѣмъ на $^{9}/_{10}$, ограничивались мѣстными рынками; внутренній національный рынокъ игралъ весьма второстепенную роль при малой дифференціаціи хозяйствъ въ странѣ. Какъ ни жестоко свирѣпствовалъ терроръ, онъ, правда, разорялъ отдѣльныхъ лицъ промышленнаго класса и на время нѣкоторые мѣстные промыслы, но національная экономическая жизнь была затронута имъ лишь очень косвенно. Никакому разряду занятыхъ въ производствѣ и торговлѣ классовъ терроръ не грозилъ непосредственно, и такимъ образомъ страна могла его выносить въ теченіе извѣстнаго времени, и раны, которыя онъ ей нанесъ, быстро залечились. Напротивъ того, въ 1848 г., уже одна неувѣренность, въ которую коммерческій міръ былъ поставленъ составомъ временнаго правительства и быстрымъ возникновеніемъ всемогущихъ, казалось, клубовъ, означала возростающій застой производства и вялость торговли и сношеній. Всякое усиленіе, всякій лишній день такого положенія вещей означалъ все новыя разоренія, новую безработицу, угрожалъ огромными убытками всему промышленному населенію городовъ, а частью и деревень. О соціально-политической экспропріаціи крупныхъ и мелкихъ капиталистическихъ руководителей предпріятій не могло быть и рѣчи: и промышленность была недостаточно развита для этого, и не было на лицо органовъ, которые могли бы заступить ихъ мѣсто. Пришлось бы только одно лицо замѣнить другимъ, или цѣлой группой лицъ, что̀ нисколько не измѣнило бы соціальнаго строя страны и нимало не улучшило бы ея экономическаго положенія. Мѣсто опытныхъ руководителей производства заняли бы новички со всѣми недостатками дилеттантовъ. Словомъ, политика на манеръ террора 1793 г. была дѣломъ самымъ безумнымъ и нецѣлесообразнымъ, что̀ только можно было придумать“ (32)... „Классовая диктатура принадлежитъ низшей ступени культуры, и, не говоря уже о вопросахъ цѣлесообразности и выполнимости, можно видѣть лишь регрессъ, политическій атавизмъ, въ мысли, что переходъ отъ капиталистическаго къ соціалистическому обществу долженъ непремѣнно совершаться въ той же формѣ, какъ бывало въ эпоху, которая или вовсе не знала нынѣшнихъ способовъ пропаганды и проведенія законовъ, или же знала ихъ въ очень несовершенномъ видѣ и не имѣла нужныхъ для того органовъ“ (127—128)...

„Тамъ, гдѣ рабочій классъ еще не обладаетъ собственными прочными учрежденіями экономическаго характера, не прошелъ въ нихъ школу самоуправленія и не достигъ черезъ то высокой степени духовной самостоятельности, тамъ диктатура пролетаріата означаетъ диктатуру клубныхъ ораторовъ и журналистовъ... Несмотря на большіе успѣхи, которые рабочій классъ сдѣлалъ въ умственномъ, политическомъ и профессіональномъ отношеніи съ той эпохи, когда писали Марксъ и Энгельсъ, все-же я считаю его даже теперь еще недостаточно развитымъ, чтобы взять въ свои руки политическое господство... Ни одинъ рабочій, съ которымъ я говорилъ о задачахъ соціализма, не высказывалъ по этому пункту противоположныхъ воззрѣній. Только журналисты, никогда близко не соприкасавшіеся съ истиннымъ рабочимъ движеніемъ, могутъ объ этомъ судить иначе... Самая рѣшительная революція можетъ только очень медленно измѣнить общій уровень огромнаго большинства націи“ (183—184). По признанію самого Маркса, „парижская коммуна доказала, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть государственной машиной и обратить ее на достиженіе своихъ цѣлей“ (Марксъ и Энгельсъ въ предисловіи къ „Коммунистическому Манифесту“, изд. 1872 г.) (134).

Въ насильственномъ переворотѣ теперь и не представляется надобности, потому что врагъ, съ какимъ приходится бороться соціализму, совершенно иного характера, чѣмъ тотъ, съ которымъ имѣла дѣло первая французская революція. „Феодализмъ съ его неподвижными сословными учрежденіями почти всюду пришлось низвергнуть силой. Свободныя учрежденія современнаго общества именно тѣмъ-то и отличаются отъ первыхъ, что они гибки, способны къ перемѣнамъ и развитію. Ихъ не надо разрушать, ихъ надо только дальше развивать. Для этого нужна организація и энергическая дѣятельность, но вовсе не обязательна революціонная диктатура“ (139)... „Вся современная практическая дѣятельность соціальдемократіи направлена на то, чтобы создать обстановку и условія, которыя позволили бы и гарантировали бы свободный отъ конвульсивныхъ порывовъ переходъ отъ современнаго общественнаго строя къ другому, высшему“ (127).

Такимъ образомъ, существованіе свободныхъ учрежденій совершенно мѣняетъ политику соціальдемократіи. „Демократія есть уничтоженіе классового господства въ принципѣ, если не фактическое уничтоженіе классовъ. Говорятъ о консервативномъ характерѣ демократіи—и не безъ основанія. Абсолютизмъ или

полу-абсолютизмъ вводитъ въ заблужденіе и представителей своихъ, и противниковъ, относительно того, что̀ лежитъ въ ихъ власти сдѣлать. Отсюда, въ странахъ, гдѣ онъ господствуетъ или гдѣ еще живы его традиціи,—широкіе планы, приподнятыя рѣчи, политика зигзаговъ, страхъ переворотовъ и мечты объ обузданіи. Въ демократіи партіи и стоящіе за ними классы скоро научаются распознавать предѣлы своего могущества и берутся всякій разъ только за то, чего они, по положенію вещей, съ достаточнымъ основаніемъ могутъ разсчитывать добиться" (126). Съ ростомъ соціальдемократической партіи въ Англіи рука объ руку шло преобразованіе ея въ партію практическихъ реформъ. „Ни одинъ здравомыслящій соціалистъ въ Англіи не мечтаетъ теперь о предстоящей побѣдѣ соціализма при помощи большой катастрофы, о быстромъ завоеваніи парламента революціоннымъ пролетаріатомъ. Поэтому соціалисты все болѣе отдаются работѣ въ органахъ самоуправленія; отказавшись отъ прежняго пренебреженія къ трэд-уніонскому движенію, они вступили съ нимъ и, частью, съ кооперативнымъ движеніемъ въ болѣе тѣсную связь" (170—171).

Въ краткомъ очеркѣ мы не могли исчерпать всего содержанія интересной книги Бернштейна, и были принуждены оставить въ сторонѣ рядъ интересныхъ вопросовъ (роль ассоціацій, отношеніе либерализма къ соціализму и т. д.), равно какъ и всю полемическую часть сочиненія. Однако, мы полагаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ воззрѣній автора. Бернштейнъ нападаетъ на важнѣйшія положенія ученія Маркса-Энгельса; въ заключеніе книги, онъ отказывается и отъ краеугольнаго камня ихъ міровоззрѣнія—отъ матеріализма. „Я, дѣйствительно, не ставлю побѣду соціализма въ зависимость отъ его „внутренней экономической необходимости"; напротивъ того, я не считаю ни возможнымъ, ни нужнымъ давать ему чисто матеріалистическое обоснованіе" (178). „Я не могу подписаться подъ положеніемъ: „рабочему классу не приходится осуществлять никакихъ идеаловъ" — напротивъ, я вижу въ немъ лишь плодъ самообмана, если онъ только не представляетъ простой игры словъ въ устахъ своего автора" (187).

Книга Бернштейна доказываетъ, что слова профессора Масарика о кризисѣ марксизма не были преувеличеніемъ. Но она доказываетъ еще нѣчто другое. Не прошло еще десяти лѣтъ со времени отмѣны исключительнаго закона противъ соціалистовъ (1 октября 1890 г.), и вотъ мы видимъ уже, какое направленіе

приняла эволюція этой партіи послѣ десятилѣтней свободной политической дѣятельности: мечты о диктаторскомъ переворотѣ, о магическомъ преобразованіи общественнаго строя—замѣнились проповѣдью мирной работы въ пользу соціальныхъ реформъ при помощи всѣхъ законныхъ средствъ, предоставляемыхъ народу свободными учрежденіями. Рѣзкая грань между соціалистической и другими партіями стушевывается. Къ соціалисту типа Бернштейна можно примѣнить то, что онъ говоритъ про современнаго рабочаго: изъ лишеннаго отечества пролетарія онъ дѣлается бюргеромъ, гражданиномъ, и въ этомъ качествѣ начинаетъ играть все бо́льшую роль въ политической жизни своей страны.

„Представляетъ ли соціальдемократія теперь что-либо иное, чѣмъ партію, которая стремится къ соціалистическому преобразованію общества чрезъ посредство демократическихъ и экономическихъ реформъ?“—спрашиваетъ Бернштейнъ (165). Но на этомъ пути мирныхъ реформъ соціаль-демократія во многихъ вопросахъ можетъ идти рука объ руку съ другими партіями. Съ другой стороны, становясь на этотъ путь, она отказывается отъ искусственнаго поспѣшнаго преобразованія общества. Будетъ ли или нѣтъ осуществленъ ея конечный идеалъ,—это уже зависитъ отъ того, дѣйствительно ли будетъ онъ отвѣчать потребностямъ и условіямъ хозяйства будущаго. Только одному естественному нормальному ходу развитія человѣчества предоставлено будетъ рѣшить этотъ вопросъ. Все непригодное, утопичное будетъ отброшено; все полезное и исполнимое будетъ воспринято и переработано самою жизнью.

Н. Еверскій.

ЦАРИЦА БАЛТІЙСКАГО МОРЯ

Литовское преданіе.

Въ ту стародавнюю пору, когда еще флаги литвиновъ
Вѣяли грозно надъ гладью лазурной Балтійскаго моря,
Въ самой срединѣ его, въ глубокой холодной пучинѣ
Дивный чертогъ красовался подводной царицы Юраты.
Стѣны его изъ прозрачныхъ кусковъ янтаря были слиты,
Кровля—изъ рыбьихъ чешуй, брилліанты безцѣнные—въ окнахъ.
Разъ въ необычномъ волненьѣ царица, созвать приказавши
Всѣхъ своихъ щукъ, разослала ихъ къ Юры [1]) богинямъ подвластнымъ:
Ихъ повелѣла просить на совѣтъ и на пиръ къ ней явиться.
Всѣ приглашенныя прибыли къ сроку. Царица Юрата
Въ сонмѣ блестящемъ красавицъ придворныхъ выходитъ къ собранью,
Всѣхъ одаряетъ богинь благосклонной улыбкой привѣта
И, на престолѣ янтарномъ возсѣвши, такъ рѣчь начинаетъ:
„Милыя сестры, вы знаете всѣ, что великій отецъ мой
Прàмжимасъ, неба, земли и морей повелитель, всѣ воды
Власти державной моей поручилъ. Я на васъ же сошлюся,—
Кротко правленье мое: ни червякъ, ни ничтожная рыбка—
Мной недовольными быть иль роптать не могли бы. Доселѣ
Миръ и согласье царили повсюду; никто дерзновенно
Жизни другого лишать не рѣшался. А нынѣ—смотрите—
Жалкій Цастѝтисъ-рыбакъ на окраинѣ нашихъ владѣній,
Тамъ, гдѣ прозрачная Швента мнѣ дань постоянно приноситъ,

---

[1]) Юра—названіе рѣки въ ковенской губерніи, а также названіе моря вообще.

Миръ нашъ нарушить дерзнулъ: онъ сѣтями своими коварно
Ловитъ подвластныхъ намъ рыбъ и безжалостно смерти жестокой
Ихъ предаетъ. Я сама, полновластная ваша царица,
Трогать ихъ или себѣ для обѣда ловить не рѣшаюсь.
Камбалы даже любимой одну лишь сторонку съѣдаю,
Въ море другую пускаю [1]). Скажите, возможно ль оставить
Дерзость такую безъ мести? Ладьи ужъ готовы и ждутъ насъ.
Двинемся къ Швентѣ, подруги, скорѣй! Въ эту именно пору
Въ море бросаетъ рыбакъ свои сѣти. Мы пѣньемъ и пляской
Сманимъ его въ ледяныя пучины морскія и местью
Здѣсь насладимся: его защекочемъ, задушимъ въ объятьяхъ;
Чудныя очи, которыя дѣвушекъ жмудскихъ прельщаютъ,
Бѣлымъ засыплемъ пескомъ или влажнымъ окутаемъ иломъ!“

Кончила слово царица. Тотчасъ предъ чертогомъ явилась
Сотня янтарныхъ ладей, жемчугомъ изукрашенныхъ пышно.
Вотъ полились серебристыя трели чарующихъ пѣсенъ:
Двинулась съ свитой царица Юрата на подвигъ ужасный.
Солнышко ярко сіяло; все море стояло недвижно,
Искрясь подобно стеклу; ни одинъ вѣтерокъ дуновеньемъ
Свѣтлой равнины его не рябилъ; лишь янтарные чёлны,
Словно на крыльяхъ несясь, за собой оставляли струистый
Слѣдъ на подобье морщинокъ на лицахъ увядшихъ красавицъ.
Вотъ уже близокъ и берегъ желанный; по рощамъ прибрежнымъ
Чуткое эхо стократно разноситъ волшебныя пѣсни;
Каждый ихъ слогъ, повторяясь, звучитъ роковымъ приговоромъ:
„Горе тебѣ, рыболовъ молодой!“ Вотъ и Швента струится...
Къ устью пристали ладьи, и богини врага увидали:
Сидя у самаго моря, распутывалъ онъ свои мрежи.
Молодъ, собою пригожъ былъ рыбакъ: на губахъ его нѣжныхъ
Легкій пушокъ пробивался; чело бѣлизною сіяло;
Пышныя черныя кудри роскошно его оттѣняли.
Онъ съ безмятежно-спокойной душою, съ веселою пѣсней,
Ладилъ работу свою, о богатомъ уловѣ мечтая.
Вдругъ раздались неземные напѣвы вблизи надъ водою.
Взоры поднявши, онъ видитъ, что сотня ладей бѣлокрылыхъ
Къ Швентѣ пристала; красавицы-дѣвы веселой толпою
На берегъ вышли; всѣхъ краше морская царица въ коронѣ,
Съ скиптромъ янтарнымъ въ рукѣ, величаво впередъ выступала.
Пѣсни волшебныя вновь понеслися; прелестныя дѣвы,

[1]) По повѣрью литовцевъ, камбала имѣетъ одинъ глазъ и походитъ, какъ будто, на разрѣзанную половину рыбы потому, что морская царица Юрата, чрезвычайно ее любя, у всѣхъ камбалъ съѣла одну половину, а другую отпустила на волю въ море.

Тѣснымъ кружкомъ обступивъ рыболова, чаруютъ красою,
То въ хороводы свиваясь, то вновь разсыпаяся съ пѣньемъ.

Пѣсня богинь.

Красавецъ, покинь свои сѣти
И къ нашимъ ладьямъ поспѣши!
Лишь въ пѣсняхъ и въ пляскахъ на свѣтѣ
Усладу найдешь для души.
Въ блаженствѣ забудешь ты горе,
Коль съ нами захочешь пожить:
Ты будешь владыкою моря,
Тебя мы готовы любить!

Слышитъ ту пѣсню рыбакъ и ушамъ своимъ вѣрить не хочетъ:
Сердце забилось, смущенъ онъ, блѣднѣетъ, не знаетъ, что дѣлать...
Вдругъ, увлеченный невѣдомой силой, онъ быстро поднялся,
Руки простеръ и къ богинямъ коварнымъ въ объятья стремится.
Это движенье замѣтивъ, царица жезла мановеньемъ
Смолкнуть подругамъ велитъ и ему, пораженному, молвитъ:
„Стой, рыболовъ безразсудный! Ты тяжко виновенъ предъ нами;
Строгой достоинъ ты кары, но—юность мнѣ сердце плѣнила.
Клятву любить меня дай, и со мною найдешь ты блаженство;
Если жъ отринешь любовь, то сама я спою тебѣ пѣсню:
Ты устремишься невольно ко мнѣ, и, жезломъ прикоснувшись,
Вмигъ погублю я тебя. Выбирай же!“ Мгновенно склонившись,
Юноша палъ на колѣни и, руки простерши къ царицѣ,
Въ вѣчной любви ей поклялся. „Теперь уже мой ты, Цаститисъ!
Стой же, ни съ мѣста! Чуть сдѣлаешь шагъ хоть одинъ,—ты погибнешь!
Буду сама я къ тебѣ приплывать ежедневно подъ вечеръ.
Мѣстомъ для нашихъ свиданій я выбрала близкую гору;
Будетъ она вѣковѣчно носить твое имя—Цастити“.
Молвивши это, царица взмахнула жезломъ,—зашумѣли
Весла и тихо, безъ пѣсенъ, ладьи въ отдаленьѣ сокрылись.
Годъ миновалъ ужъ съ тѣхъ поръ, какъ царица Балтійскаго моря
Стала къ горѣ приплывать и любовью Цаститиса нѣжить.
Вдругъ о свиданіяхъ тайныхъ провѣдалъ Перкунъ-громовержецъ:
Страшно онъ гнѣвомъ вскипѣлъ на богиню, которая смѣла
Смертному сердце свое подарить, и однажды, лишь только богиня
Съ берега Швенты вернулась, перуномъ онъ съ неба ударилъ.
Съ громомъ ужаснымъ перунъ вонзился въ обитель царицы:

Въ мелкія части чертогъ раздробивъ, поразилъ онъ Юрату;
Прáмжимасъ въ морѣ на днѣ приковалъ рыболова къ утесу,
Тѣло нетлѣнной богини предъ нимъ положивши, чтобъ вѣчно
Горе свое онъ оплакивалъ, ею любуясь напрасно.
Нынѣ еще, когда буря вздымаетъ свирѣпыя волны,
Слышатся издали стоны: то стонетъ несчастный Цаститисъ;
Если жъ кусокъ янтаря ты найдешь, принесенный волнами,—
Знай: то остатки чертога царицы Балтійскаго моря.

В. Ивицкій.

ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ

ВЪ

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ПУШКИНА

Въ концѣ нынѣшняго юбилейнаго года, послѣ того, какъ Пушкинъ освѣщался и разсматривался со всякихъ сторонъ, осталось еще сказать о немъ развѣ только какъ о поэтѣ,—не потому, конечно, чтобы о Пушкинской поэзіи вовсе не говорилось при чествованіи поэта, а потому, что о ней говорилось или слишкомъ мало, или недостаточно принципіально, а то и слишкомъ неладно [1]). Въ другихъ отношеніяхъ эта столѣтняя годовщина не прошла безслѣдно, и было бы неблагодарностью не помянуть ее добрымъ словомъ. Кромѣ перваго тома академическаго изданія сочиненій Пушкина, слѣдуетъ указать еще на очень важныя, хотя и не бросающіяся въ глаза данныя для личной характеристики поэта—въ біографическихъ изслѣдованіяхъ Л. Н. Майкова о нѣсколькихъ близкихъ Пушкину лицахъ (особенно о его товарищѣ Пущинѣ и объ А. П. Кернъ); затѣмъ — на чрезвычайно полный и обстоятельный трудъ Ѳ. Е. Корша объ особенностяхъ Пушкинской версификаціи (по поводу вопроса объ окончаніи „Русалки“), интересный и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; далѣе, по счастливому совпаденію, въ этомъ году вышелъ IV-й томъ обширной „Исторіи русской литературы“ А. Н. Пыпина: значительная часть этого тома занята Пушкинымъ, съ

---

[1]) Образцы *неладныхъ* рѣчей были мною показаны въ замѣткѣ объ „особомъ чествованіи Пушкина“ („Вѣстникъ Европы“, іюль).

приложеніемъ полнѣйшей библіографіи о немъ. Изъ общихъ взглядовъ и разсужденій касательно Пушкина, кромѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ юбилейныхъ рѣчей въ Петербургѣ и въ Москвѣ (съ одною изъ петербургскихъ читатели „Вѣстника Европы“ хорошо знакомы), — слѣдуетъ въ особенности отмѣтить только-что появившуюся статью М. О. Меньшикова, защищающаго Пушкина отъ „клеветы обожанія“ [1]). Правда, это заглавіе, при всемъ своемъ остроуміи, есть одна изъ немногихъ ошибокъ въ талантливой и симпатичной статьѣ г. Меньшикова: клевета, какъ въ юридическомъ, такъ и въ житейскомъ смыслѣ, есть завѣдомоложное, слѣдовательно злоумышленное приписываніе кому-нибудь дурныхъ свойствъ, ему не принадлежащихъ, или постыдныхъ дѣяній, имъ не совершенныхъ. Обожатели Пушкина, конечно, не клеветали и не могли клеветать на него, когда высказывали о немъ свои чрезвычайно неосновательныя, хотя весьма къ нему благожелательныя и, слѣдовательно, никакъ не клеветническія сужденія, и г. Меньшиковъ правильнѣе бы выразилъ свой упрекъ словами: *неразсудительность* обожанія, *безсмыслица* обожанія и т. п. Вѣдь еслибы какой-нибудь обожатель Петра Великаго сталъ утверждать, что славнѣйшее дѣло этого государя есть судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, то состава клеветы тутъ не было бы, а была бы лишь нелѣпая оцѣнка историческихъ фактовъ; или, еслибы чья-нибудь извращенная мысль подарила насъ заявленіемъ, что вся сила и красота солнца заключается въ его пятнахъ, то и это была бы не клевета, а только глупость. Кромѣ неточности заглавія, авторъ этой примѣчательной статьи заслуживаетъ упрека за невѣрную мысль о ненужности и зловредности Петербурга. Мнимая ошибка Петра Великаго — дѣйствительная ошибка г. Меньшикова. Впрочемъ, къ этому анти-историческому и противо-пушкинскому взгляду мы еще вернемся.

Никто не скажетъ, конечно, чтобы и тѣ вопросы касательно Пушкина, которые внимательно разсматривались въ годъ его столѣтія, были исчерпаны; но менѣе всего это можно сказать объ *эстетической* сторонѣ дѣла, о значеніи Пушкинской поэзіи по существу. *Поздніе пришельцы* на роскошное словесное пиршество этого года, вмѣсто ожидаемыхъ — по латинской пословицѣ — *костей*, къ удивленію своему находятъ лучшее блюдо почти нетронутымъ. При всей должной скромности, трудно не воспользоваться такимъ счастливымъ случаемъ. Задачу эстетическаго обсужденія Пушкинской поэзіи я облегчилъ для себя тѣмъ, что

[1]) „Книжки Недѣли“, октябрь.

заранѣе (болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ) разсмотрѣлъ съ своей точки зрѣнія важнѣйшій изъ не-эстетическихъ вопросовъ касательно Пушкина, именно вопросъ о нравственномъ смыслѣ той роковой катастрофы, которая прервала земную жизнь поэта, давъ ему, впрочемъ, время для окончательнаго душевнаго очищенія и просвѣтленія.

Этическій взглядъ, изложенный въ статьѣ „Судьба Пушкина“ [1]) и сводящійся къ тому простому положенію, что *геній обязываетъ*, и что *кому много дано, съ того много и взыщется*, вызвалъ общее неудовольствіе и единогласное осужденіе въ печати [2]). Но мотивы такого неудовольствія относились ко всему, что̀ угодно, только не къ тому, что̀ было дѣйствительно мною высказано и что̀ осталось совсѣмъ незатронутымъ въ многочисленныхъ статьяхъ и замѣткахъ, появлявшихся въ эти два года по поводу „Судьбы Пушкина“. Не имѣя никакой разумной причины останавливаться на такой „критикѣ“, или въ чемъ-нибудь измѣнять тѣ мысли, которыя встрѣтили столько порицаній, но ни одного возраженія, мало-мальски относящагося къ дѣлу,— я могу теперь, говоря о поэзіи Пушкина, не возвращаться снова къ вопросу о его личной судьбѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ придется по естественной связи предметовъ мимоходомъ коснуться и этого вопроса, читатели „Вѣстника Европы“ позволятъ мнѣ предполагать, что взглядъ мой на дѣло имъ извѣстенъ и не требуетъ повторительнаго изложенія.

I.

Пушкинская поэзія есть поэзія по существу и *по преимуществу*,—не допускающая никакого частнаго и односторонняго опредѣленія. Самая *сущность поэзіи*, то, что̀ собственно ее составляетъ, или что̀ поэтично само по себѣ,—нигдѣ не проявлялась съ такою чистотою, какъ именно у Пушкина,—хотя были поэты сильнѣе его. Въ самомъ дѣлѣ, признавать Пушкина поэтомъ по преимуществу еще не значитъ признавать его величайшимъ изъ поэтовъ. *Сила* поэтическаго творчества можетъ проистекать изъ разнородныхъ источниковъ, и самое чистое и полное выраженіе поэзіи, какъ такой, можетъ еще и не быть самымъ

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, сентябрь 1897. (Въ слѣдующемъ году изд. отдѣльно).

[2]) Точнѣе—*почти* единогласное: среди нѣсколькихъ десятковъ бранныхъ отзывовъ, попавшихся мнѣ на глаза, я помню *одинъ* не бранный.

сильнымъ и грандіознымъ. Не тревожа колоссальныхъ тѣней Гомера и Данта, Шекспира и Гёте,—можно предпочитать Пушкину и Байрона, и Мицкевича. *Съ извѣстныхъ сторонъ* такое предпочтеніе не только понятно какъ личный вкусъ, но и требуется безпристрастною оцѣнкой. И *все-таки* Пушкинъ остается поэтомъ по преимуществу, болѣе безпримѣснымъ,—чѣмъ всѣ прочіе,—выразителемъ чистой поэзіи. То, чѣмъ Байронъ и Мицкевичъ были *значительнѣе* его, вытекало не изъ существа поэзіи, какъ такой, и не изъ поэтической стороны ихъ дарованія, а зависѣло отъ другихъ элементовъ ихъ душевной природы. Байронъ превосходилъ Пушкина напряженною силой своего самочувствія и самоутвержденія; это былъ болѣе сосредоточенный умъ и болѣе могучій характеръ, что̀ выражалось, разумѣется, и въ его поэзіи, усиливая ея внушающее дѣйствіе, дѣлая изъ поэта „властителя думъ“. Мицкевичъ былъ больше Пушкина глубиною своего религіознаго чувства, серьезностью своихъ нравственныхъ требованій отъ личной и народной жизни, высотою своихъ мистическихъ помысловъ, и главное — своимъ всегдашнимъ стремленіемъ покорять все личное и житейское тому, что̀ онъ сознавалъ какъ безусловно должное,—и все это, конечно, звучало и въ стихахъ Мицкевича,—хотя бы и не имѣвшихъ прямо религіознаго содержанія,—сообщая имъ особую привлекательность для душъ, соотвѣтственно настроенныхъ. Но какъ демоническое высокомѣріе Байрона, такъ и религіозная высота Мицкевича были такія ихъ свойства, которыя проявились бы такъ или иначе и въ томъ случаѣ, еслибы эти два могучіе человѣка не написали ни одной поэтической строки. А такъ какъ они были притомъ Божіею милостью и геніальные поэты, то господствующія стороны ихъ личности, сверхъ своего общаго значенія, естественно нашли себѣ выраженіе и въ ихъ поэзіи, хотя у Мицкевича стихотворенія *намѣренно* религіозныя, понятно, слабѣе другихъ; выражаясь въ поэзіи, эти особые элементы вѣдь не выражали ея собственной эстетической сущности. Байронъ и Мицкевичъ *отъ себя привносили* такое содержаніе, которое при всей своей значительности не было, однако, существенно для поэзіи, какъ такой: одинъ внесъ свой демонизмъ, другой—свою религіозную мистику. У Пушкина такого господствующаго центральнаго содержанія личности никогда не было; а была просто живая, открытая, необыкновенно воспріимчивая и отзывчивая ко всему душа—и больше ничего. Единственно крупное и важное, что̀ онъ зналъ за собою, былъ его поэтическій даръ; ясно, что онъ ничего обще-значительнаго не могъ *отъ себя* заранѣе внести

въ поэзію, которая и оставалась у него *чистою поэзіей*, получавшею свое содержаніе не извнѣ, а изъ себя самой. Основной отличительный признакъ этой поэзіи — ея *свобода* отъ всякой предвзятой тенденціи и отъ всякой претензіи. Господствующая тенденція Мицкевича была высока и прекрасна; но когда она слишкомъ явно выступаетъ въ его поэзіи, она нарушаетъ ея красоту; вѣдь потому и признается по справедливости „Панъ Тадеушъ“ самымъ лучшимъ, если и не самымъ характернымъ произведеніемъ Мицкевича, что поэтъ здѣсь почти не отступаетъ отъ своей чисто-поэтической задачи и настолько же приближается къ Пушкину, насколько отдаляется отъ Байрона. А что касается до этого „властителя думъ“, то вѣдь онъ весь былъ какъ бы одною гигантскою *претензіей*, обращенной къ Творцу и къ творенію. —Никакой предвзятой, сознательной и преднамѣренной тенденціи и никакой претензіи мы у Пушкина не встрѣтимъ, если только будемъ смотрѣть на него прямо, если только сами подойдемъ къ нему свободные отъ предвзятой тенденціи и несправедливаго притязанія непремѣнно высмотрѣть у поэта то, что̀ для насъ самихъ особенно пріятно, получить отъ него не то, что̀ онъ даетъ намъ—поэтическую красоту—Богъ съ ней совсѣмъ!—а то, что намъ нужно отъ него: авторитетную поддержку въ нашихъ собственныхъ помыслахъ и заботахъ. При сильномъ желаніи и съ помощью вырванныхъ изъ цѣлаго отдѣльныхъ кусковъ и кусочковъ, можно, конечно, приписать Пушкину всевозможныя тенденціи, даже прямо противоположныя другъ другу: крайне-прогрессивныя и крайне-ретроградныя, религіозныя и вольнодумныя, западническія и славянофильскія, аскетическія и эпикурейскія. Довольно трудно разобрать, какой изъ двухъ оттѣнковъ наивнаго самолюбія преобладаетъ здѣсь въ каждомъ случаѣ: желаніе ли сдѣлать честь Пушкину причисленіемъ его къ такимъ превосходнымъ людямъ, какъ мы, или желаніе сдѣлать честь себѣ чрезъ единомысліе съ нами такого превосходнаго человѣка, какъ Пушкинъ.

На самомъ дѣлѣ въ радужной поэзіи Пушкина—всѣ цвѣта, и попытка окрасить ее въ одинъ сама себя обличаетъ явными натяжками и противорѣчіями, къ которымъ она приводитъ. Дѣйствительная *разноцвѣтность* Пушкинской поэзіи бросается всякому въ глаза, и внѣшній, поверхностный взглядъ видитъ здѣсь безсодержательность, безъидейность, безхарактерность. На языкъ просится выраженіе: *хамелеонъ*, —которое не звучитъ похвалою. Но какой разумный смыслъ можетъ имѣть такое сужденіе? Какого рода содержаніе требуется здѣсь отъ поэзіи? Кажется,

всякое, кромѣ только поэтическаго. Но если вы у химика будете искать богословскихъ положеній, а у богослова — химическихъ опытовъ, то, конечно, найдете безсодержательнымъ и того, и другого. Съ такимъ же приблизительно логическимъ правомъ можно требовать заранѣе отъ поэта опредѣленнаго образа мыслей — религіознаго, политическаго, соціологическаго и т. д. Искать въ поэзіи непремѣнно какого-то особеннаго, посторонняго ей содержанія—значитъ не признавать за нею *ея собственнаго*, а въ такомъ случаѣ стоитъ ли и толковать о поэтахъ? Логичнѣе будетъ махнуть на нихъ рукою, какъ на пустыхъ и безполезныхъ людей.

Но есть въ поэзіи свое содержаніе и своя польза. Поэзія можетъ и должна служить дѣлу истины и добра на землѣ,—но только *по своему*, только своею *красотою* и ничѣмъ другимъ. Красота уже сама по себѣ находится въ должномъ соотношеніи съ истиной и добромъ, какъ ихъ ощутительное проявленіе. Слѣдовательно, все дѣйствительно поэтичное—значитъ, прекрасное—будетъ тѣмъ самымъ содержательно и полезно въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Ни въ чемъ, кромѣ красоты, *настоящая* поэзія не нуждается: въ красотѣ—ея смыслъ и ея польза. Правда, истекающій XIX-й вѣкъ опредѣлился къ своему концу какъ эпоха поддѣлокъ. Поддѣлываются молоко и вино. Но тутъ если не собственная стыдливость, то страхъ передъ полиціей и покупателями внушаетъ виновнымъ нѣкоторую умѣренность и приличіе; вѣдь никакой фальсификаторъ не рѣшится утверждать, что молоко и вино по самому назначенію своему могутъ и должны быть безполезны и даже вредны. Другое дѣло фальсификація красоты: этому „вольному художеству“ законъ не писанъ. Вѣчная красота объявляется *старою* красотой, и на ея руинахъ водружается знамя *новой* красоты, на которомъ лица, похожія на разныхъ героевъ не то Щедрина, не то Достоевскаго, пишутъ свои девизы:—„Дерзай!“—„Посягнемъ!“—„Плюй на все и торжествуй!“ Между старою и новою красотою—то различіе, что первая жила въ тѣсномъ естественномъ союзѣ съ добромъ и правдой, а вторая нашла такой союзъ для себя не только излишнимъ, но и прямо неподходящимъ, нежелательнымъ. Тутъ всего любопытнѣе вотъ что: сначала объявляется, что красота свободна отъ противоположности добра и зла, истины и лжи, что она выше этого *дуализма* и равнодушна къ нему, а подъ конецъ вдругъ оказывается, что эта свобода и красота, и божественное, какъ будто, безпристрастіе къ обѣимъ сторонамъ, не-

замѣтно перешли въ какую-то враждебность къ одной сторонѣ (именно правой: къ истинѣ и добру) и въ какое-то неодолимое „влеченье—родъ недуга“ къ другой сторонѣ (лѣвой: къ злу и лжи), — въ какой-то пиѳизмъ, демонизмъ, сатанизмъ и прочія „новыя красоты“, въ сущности столь же старыя, какъ „чортъ и его бабушка“.

Но почему я говорю тутъ о *поддѣлкѣ*? Развѣ нѣтъ въ дѣйствительной жизни красиваго зла, изящной лжи, эстетическаго ужаса? Конечно, есть; безъ этого нечѣмъ было бы и поддѣлывать красоту. Но что же отсюда слѣдуетъ? Блескъ олова по природѣ похожъ на блескъ серебра, и желтая мѣдь своимъ натуральнымъ цвѣтомъ напоминаетъ золото; но если мнѣ поднесутъ оловянный полтинникъ, или мѣдный имперіалъ, то я, кажется, имѣю право назвать ихъ фальшивыми. Дѣйствительныя свойства ложной красоты даются природой, но выдавать ее за настоящую — это уже дѣло людей, и дѣло фальшивое. Такой обманъ, какъ всякій другой, обличается негодностью своихъ дѣйствій. И гнилушка свѣтится, но такое освѣщеніе годится только для совъ и филиновъ; и на болотѣ вспыхиваютъ огоньки, но на такомъ огнѣ не согрѣться и лягушкамъ.

Свѣтъ и огонь Пушкинской поэзіи шли не изъ гніющаго болота. Ея неподдѣльная красота была внутренно нераздѣльна съ добромъ и правдой. Можетъ быть, семиствольная цѣвница, которую дала ему Муза, была сдѣлана изъ болотнаго тростника, но —

> Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
> И душу наполнялъ святымъ очарованьемъ—

и ничего не говорилъ о „новой красотѣ“. Служителямъ послѣдней приходится такимъ образомъ или насильно навязывать Пушкину свои вожделѣнія, вовсе ему чуждыя, или объявлять его поэзію безсодержательною, неинтересною, ненужною.

II.

Настоящая чистая поэзія требуетъ отъ своего жреца лишь неограниченной воспріимчивости душевнаго чувства, чутко послушнаго высшему вдохновенію. Умъ, какъ начало самодѣятельности въ человѣкѣ, тутъ ни-при-чемъ. Лично Пушкинъ былъ безспорно умнѣйшій человѣкъ; блестящія искры его ума разсѣяны въ его письмахъ, запискахъ, статьяхъ, эпиграммахъ и т. д. Все это очень цѣнно, но не здѣсь, *безцѣнное* достоинство и значеніе

Пушкина; онъ намъ *безусловно* дорогъ не своими *умными*, а своими *вдохновенными* произведеніями. Передъ вдохновеніемъ умъ молчитъ. Острый и ясный умъ Пушкина въ соединеніи съ тонкимъ вкусомъ, съ вѣрнымъ словеснымъ тактомъ и съ широкимъ литературнымъ образованіемъ — все это выступало впередъ и вступало въ свои права, когда исчезалъ „быстрый холодъ вдохновенья", когда приходилось окончательно обработывать, отдѣлывать по сужденію ума то, что было сдѣлано не отъ ума, а создано подъ высшимъ наитіемъ. Не все, написанное Пушкинымъ, даже въ стихахъ, принадлежитъ къ Пушкинской поэзіи: вѣдь и человѣкъ, въ высокой степени способный къ вдохновенію, не всегда испытываетъ его дѣйствіе, когда берется за перо. Но если дѣло идетъ о настоящихъ Пушкинскихъ стихахъ, то всякій чуткій къ поэзіи читатель такъ же забудетъ про то, что Пушкинъ былъ уменъ, какъ и про то, что у него былъ изящный почеркъ. Ну, изъ какого ума могъ выйти тотъ божественный вздохъ, которымъ живутъ и дышутъ вотъ такія простѣйшія и обыкновеннѣйшія слова:

Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?...

Искусство ума человѣческаго можетъ изъ простой глины сдѣлать прекраснѣйшій горшокъ, но вложить въ глину живую душу—не его дѣло. И какой умъ въ нѣсколькихъ словахъ можетъ воплотить такой захватывающій душу образъ:

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный,
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
. . . . . .
Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ...

Гдѣ же тутъ работа ума? Какъ можно *придумать* эту геніальную простоту? Здѣсь вѣетъ „духъ пѣсенъ" изъ свѣтлаго отрочества, здѣсь воскресаетъ материнская ласка Музы:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ.

Но „духъ пѣсенъ“ и „ласка Музы“, это все — метафоры. Положимъ. Но вотъ совершенно трезвое, точное, можно сказать, наукообразное, чуть не протокольное описаніе той наличной реальности, которую эти метафоры объясняютъ, а на иной взглядъ — только затемняютъ. Вотъ простое описаніе самимъ поэтомъ его творческаго процесса, — описаніе, подходящее, конечно, и къ внутреннему опыту всѣхъ другихъ поэтовъ, насколько они сами близки къ Пушкину, какъ чистому поэту,—поэту по преимуществу. Первое условіе: *полное уединеніе*,—и къ счастью оно нерѣдко выпадало на долю невольнаго и вольнаго изгнанника. Лучшее мѣсто—глухая деревня; лучшее время—глухая осень—дни *поздней* осени, когда...

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле...

Весною мѣшаетъ смутное, физіологическое, а не поэтическое, волненіе крови: „я не люблю весны, вёсной я боленъ“,—высшая сторона человѣческой души тяготится матеріальною солидарностью съ безсловесною природой, съ растеніями и животными. Лѣтомъ тоже выступаетъ, хотя съ другой стороны, зависимость человѣка отъ внѣшней физической среды:

Охъ, лѣто красное,—любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя—
Иной въ насъ мысли нѣтъ...

Наивность или эстетическое непониманіе могутъ сказать: развѣ это серьезно? Развѣ можно придавать такое значеніе временамъ года? откуда такая легкая капитуляція духовной силы передъ силою внѣшнихъ вліяній? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лѣтней температуры въ союзѣ съ комарами да мухами достаточно, чтобы „губить всѣ душевныя способности“ въ великомъ поэтѣ? Неужели его высокій умъ не могъ подняться надъ высотой термометра, и крылатый стихъ не могъ унести его далеко отъ крылатыхъ насѣкомыхъ?“ Конечно, могъ,—да и поднимался, и уносился: разныя эпиграммы, шутливыя посланія, альбомная лесть дамамъ и дѣвицамъ,—все, что̀ сочиняется умомъ съ помощью формальнаго стихотворческаго искусства,—все это навѣрное Пушкинъ писалъ и лѣтнею, и весеннею порой; а вотъ настоящихъ-то своихъ чисто-поэтическихъ произведеній—не писалъ. Если бы Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ былъ только, или хотя

главнымъ образомъ, „огромный умъ“, то, конечно, этотъ огромный умъ съумѣлъ бы освободиться отъ силы тѣлесныхъ воздѣйствій и производилъ бы свое дѣло по собственнымъ намѣреніямъ, независимо отъ впечатлѣній извнѣ. Могъ же Демосѳенъ съ камешками во рту ораторствовать надъ шумящимъ моремъ; могъ же Архимедъ рѣшать задачи механики подъ грохотъ непріятельскаго штурма. Въ ораторскомъ искусствѣ, какъ и въ точныхъ наукахъ, дѣйствуетъ по преимуществу умъ, активное, самодѣятельное начало въ человѣкѣ, которое, при извѣстной степени силы и при соотвѣтственномъ характерѣ, можетъ до нѣкоторой степени успѣшно сопротивляться всякимъ тѣлеснымъ воздѣйствіямъ. И если бы творенія Пушкина были дѣломъ ума и формальнаго словеснаго искусства, если бы онъ былъ только ораторомъ въ стихахъ, подобно Ломоносову или Ламартину, то, конечно, его умъ былъ достаточно силенъ, чтобы производить свою работу независимо отъ измѣненій во внѣшней природѣ и отъ своихъ собственныхъ тѣлесныхъ состояній. Но какой бы величины ни былъ умъ Пушкина, настоящая Пушкинская поэзія не была дѣломъ ума, а зависѣла отъ воспріимчивости его души къ воздѣйствіямъ изъ *надсознательной* области; а воспріимчивость къ нимъ, во-первыхъ, не имѣетъ того характера самодѣятельности, который принадлежитъ уму, а во-вторыхъ, она глубже, тѣснѣе и разностороннѣе связана съ матеріальною, физіологическою подкладкою человѣческой жизни. Поэтому темныя и смутныя впечатлѣнія изъ внѣшней среды должны быть уже ослаблены и нейтрализованы въ соотвѣтствующей имъ низшей, чувственной области душевной жизни, чтобы они не могли вторгаться въ иную, высшую область, отвращая силы души отъ ихъ лучшаго назначенія. Животные голоса въ человѣкѣ должны затихнуть, умолкнуть, чувственная пестрота и яркость должны поблѣднѣть, чтобы поэтъ могъ слышать „божественные глаголы“ и видѣть „видѣнья первоначальныхъ, лучшихъ дней“.

Но голоса животной природы—въ самомъ человѣкѣ, какъ и вокругъ него, — не молчатъ ни тогда, когда она весною, возбужденная, ликуетъ и свѣтло радуется новымъ приливамъ темной жизни, ни тогда, когда она, удрученная, изнываетъ и томится лѣтнимъ зноемъ. Вотъ причина той, на первый взглядъ, странности, что кипучая и жизнерадостная душа Пушкина тяготилась не только краснымъ лѣтомъ, но и животворною весною. Какъ поэтъ жизни, онъ ощущалъ, конечно, и жизнь природы, но его крылатая поэзія не любила медлить на этихъ первыхъ ступеняхъ. Раскрытіе поэтическаго смысла природной жизни

Пушкинъ какъ бы предоставилъ своему глубокомысленному современнику—Тютчеву, а лирическую живопись ея явленій—одному изъ главныхъ птенцовъ своего „лебединаго“ гнѣзда — Фету. Поэзію же самого Пушкина тянуло отъ природы къ жизни человѣческой и отсюда—въ высь и въ даль. Усиленное біеніе земного пульса весною и лѣтомъ тяготило его, мѣшало свободѣ его лучшихъ вдохновеній:

Суровою зимой я болѣе доволенъ...

Но если зимній сонъ природы не нарушаетъ тишины и уединенія въ деревнѣ, то въ обычной городской жизни является тутъ новая помѣха для творческихъ настроеній—со стороны среды общественной: возбужденіе низшей, страстной души „суетнымъ свѣтомъ“, или „свѣтскою суетой“. Да и въ деревнѣ частая смѣна „жгучаго“ мороза съ искусственнымъ жаромъ волнуютъ кровь не хуже вешняго солнца. Всего лучше осень:

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Съ увяданіемъ природы расцвѣтаетъ въ душѣ поэзія. Вотъ—

... гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ,—то яркій свѣтъ лietъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И *забываю міръ*, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И *пробуждается поэзія во мнѣ*:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ,
Но чу!.. матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.
Плыветъ... Куда-жъ намъ плыть?

Этотъ отчетъ поэта о процессѣ своего творчества говоритъ самъ за себя; никто, я полагаю не усомнится въ его полнѣйшей правдивости. Ну и что же тутъ описывается? Какія-нибудь тонкія изобрѣтенія и сложныя комбинаціи огромнаго ума? Ничуть не бывало. Успеніе природы, успеніе тѣлесной жизни въ поэтѣ—и пробужденіе въ немъ поэзіи, не какъ *дѣятельности* ума, а какъ *состоянія* души, охваченной лирическимъ волненьемъ и стремящейся излиться въ свободномъ проявленіи—свободномъ, значитъ, не придуманномъ, не сочиненномъ. Тутъ поэтъ уже ничего не *ищетъ*: все—и звуки, и образы—приходитъ къ нему само собой. Никакой преднамѣренности и даже никакого предвидѣнія: „Плыветъ... Куда-жъ намъ плыть“?

Правдивое описаніе настоящаго творчества прекрасно оттѣняется въ другомъ стихотвореніи такимъ же описаніемъ безнадежно-тщетной попытки *намѣреннаго* сочинительства въ поэзіи:

Беру перо, сижу, насильно вырываю
У Музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ... Терплю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный...
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ.

III.

Поэтъ не волёнъ въ своемъ творчествѣ. Это—первая эстетическая аксіома. Такъ называемая „свобода творчества“ не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемою „свободой воли“. Какъ ясно изъ геніально-простого свидѣтельства Пушкина, творчество свободно никакъ не въ томъ смыслѣ, чтобы умъ поэта могъ по своей волѣ, по своему заранѣе обдуманному выбору и намѣренію, создавать поэтическія произведенія. Такія сочиненія могутъ быть только поддѣлками подъ поэзію; настоящій же поэтъ, когда и захочетъ насиловать свою музу, проявить надъ нею свою свободу воли и свободу творчества—не можетъ, и изъ этихъ попытокъ совсѣмъ ничего не выходитъ. Настоящая же свобода творчества имѣетъ своимъ предварительнымъ условіемъ пассивность, чистую потенціальность ума и воли,—свобода тутъ принадлежитъ прежде всего тѣмъ поэтическимъ образамъ, мыслямъ и звукамъ, которыя сами, свободно приходятъ въ душу, готовую ихъ встрѣтить и принять. И сама поэтическая душа свободна въ томъ смыслѣ, что въ минуту вдохновенія она не

связана ничѣмъ чуждымъ и противнымъ вдохновенію, ничему низшему не послушна, а повинуется лишь тому, что̀ въ нее входитъ или приходитъ къ ней изъ той надсознательной области, которую сама душа тутъ же признаетъ иною, высшею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею, родною. Въ мірѣ поэзіи душа человѣческая не является какъ начало дѣятельнаго самоопредѣленія, —здѣсь она опредѣлается къ дѣйствію тѣмъ, что̀ *въ ней лучше ея*, и что̀ открывается сознанію лишь въ самой своей дѣйствительности, только чрезъ самый опытъ поэтическихъ явленій, какъ чего-то даннаго свыше, а не задуманнаго или придуманнаго умомъ. Еслибы поэтъ могъ самъ сочинять свои произведенія, или хотя бы только предвидѣть, что̀ и когда ему дастъ вдохновеніе, то онъ не брался бы за перо, чтобы только грызть его въ напрасной борьбѣ съ „лирой“, или „музой“.

Бываютъ стихотворцы отъ ума, принимающіе себя и другими иногда принимаемые за поэтовъ: образецъ ихъ—Вольтеръ. Но, несмотря на французское образованіе Пушкина, на его незрѣлое вольнодумство и на общій школьническій вкусъ къ нескромнымъ шуткамъ, онъ тщетно пытался перевести „Орлеанскую Дѣвственницу“: душа, сродная истинной красотѣ, могла на минуту остріемъ своего ума касаться ея противоположности, но войти въ это уродство, надолго себѣ усвоить эту чужеродную стихію было для нея невозможно. У Пушкина есть безподобныя эпиграммы, а также шутки, которыхъ нескромность связана изяществомъ формы, не допущена до цинизма и расплывается въ игривой и добродушной веселости; это словно яркія, легкія бабочки, которыхъ гадкое червеобразное туловище совсѣмъ закрыто и пересилено роскошными порхающими крылышками. Есть у Пушкина и chef d'oeuvre сосредоточеннаго юмора—лѣтопись села Горохина. Но попытки запрягать поэзію въ ярмо сложнаго порнографическаго острословія не удавались Пушкину: „Гавриліада“, „Царь Никита“, переводъ „Дѣвственницы“—слабы и остались неконченными.

Поэтическій геній не зависитъ отъ самодѣятельности ума, но онъ не лишенъ самосознанія. И безъ философскаго размышленія истинный поэтъ непосредственно знаетъ о существенномъ характерѣ творчества, о его безвольной, пассивной основѣ. Мы видѣли его описаніе самаго процесса, какъ создаются поэтическія произведенія. Въ другихъ стихотвореніяхъ мы находимъ болѣе общіе, суммарные очерки того, что̀ есть поэзія по мысли, или, лучше сказать, по внутреннему опыту, по творческому самосознанію Пушкина. Будемъ внимательны: вѣдь это сама поэзія

свидѣтельствуетъ о себѣ устами своего любимаго сына, или—прозаичнѣе говоря—вѣдь это *показаніе эксперта*. Будемъ внимательны, но, благочестиво внимая голосу генія, говорящаго о томъ, что̀ ему всего лучше извѣстно, не откажемся отъ правъ разумной критики. Вѣдь и въ точнѣйшей спеціально-научной экспертизѣ не все есть голосъ самой науки,—есть непремѣнно и субъективный элементъ, привнесенный личностью этого опредѣленнаго ученаго; понятливый судья замѣтитъ и выдѣлитъ эту примѣсь. Тѣмъ болѣе присутствуетъ она въ поэтической исповѣди поэта о томъ, что̀ составляетъ сердцевину его существованія, что̀ тончайшими нитями переплетается со всею жизнью его души. Мы должны принять въ разсчетъ этотъ личный элементъ, не преувеличивая и не умаляя его значенія, и никогда не теряя изъ виду, въ этомъ поэтическомъ свидѣтельствѣ, тѣхъ главныхъ чертъ, которыя несомнѣнно выражаютъ всеобщую и объективную правду самаго дѣла.

IV.

Въ семи произведеніяхъ открываетъ намъ Пушкинъ свои мысли или свои внутренніе опыты относительно существеннаго характера и значенія поэзіи, художественнаго генія вообще и настоящаго призванія поэта. Эти произведенія—неодинаковаго характера и неравнаго художественнаго достоинства—внутренно связаны между собою и представляютъ въ сущности лишь варіаціи одной главной темы. Всѣ они принадлежатъ зрѣлой порѣ въ жизни поэта: три первыя, именно „Пророкъ“, „Поэтъ“ („Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ“) и „Чернь“, явились на порогѣ между отходящею юностью и наступающею возмужалостью (1826—1828 гг.), а остальныя четыре, именно: „Поэту“ („Поэтъ, не дорожи любовію народной“), драматическая сцена „Моцартъ и Сальери“, „Эхо“ („Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ“) и „Памятникъ“—принадлежатъ послѣднему семилѣтію Пушкинской поэзіи (1830—1836 гг.). Само собою понятно, что такая *поэзія о поэзіи* могла явиться только во вторую половину жизни поэта: для того, чтобы въ его душѣ могло сложиться хотя бы самое поэтическое, самое вдохновенное и, слѣдовательно, независимое отъ умственной преднамѣренности выраженіе для существеннаго смысла пережитыхъ творческихъ опытовъ, прежде всего нужно было ихъ *пережить*. Вотъ почему

превосходное въ своемъ родѣ стихотвореніе „Муза“ [1]), при всей своей художественной прелести, не можетъ быть причислено къ настоящимъ выраженіямъ поэтическаго самосознанія Пушкина, хотя сущность поэзіи уже указана здѣсь въ самой общей своей чертѣ. Но именно слишкомъ общей. Въ началѣ 1821 года, когда создалось это стихотвореніе, Пушкинъ созрѣлъ для художественнаго творчества, но не для углубленія въ его смыслъ. Онъ шелъ впередъ къ созиданію многихъ геніальныхъ произведеній, но *за* нимъ, въ прошедшемъ, ихъ было еще слишкомъ мало; его поэтическій опытъ не могъ быть великъ и ясенъ. Онъ и самъ, въ этотъ первый годъ своего совершеннолѣтія, обращаясь назадъ, къ прошлому, видитъ только Музу своего младенчества:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила...

Впрочемъ, признать здѣсь дѣйствительное воспоминаніе о чемъ-нибудь опредѣленно пережитомъ душою поэта въ его младенчествѣ,—точнѣе, отрочествѣ или ранней юности,—было бы очень рискованно, тѣмъ болѣе, что литературный источникъ этого произведенія на лицо: Андрей Шенье. Конечно, впослѣдствіи тридцатисемилѣтній Пушкинъ могъ взять въ своемъ „Памятникѣ“ горацiанскую форму и вложить въ нее собственное содержаніе. Но Пушкинъ двадцатилѣтній бралъ у Шенье и содержаніе вмѣстѣ съ формой, хотя въ настоящемъ случаѣ онъ далъ своему подражанію такое поэтическое совершенство, до котораго далеко его образцу. Это есть, однако, совершенство классической формы, заключающей, для русскаго поэта XIX-го вѣка, не-

[1]) Такъ какъ Пушкина въ настоящее время гораздо болѣе хвалятъ, чѣмъ читаютъ и изучаютъ, то я не могу предполагать, чтобы многіе знали наизусть это стихотвореніе, и для ясности своихъ замѣчаній долженъ привести его вполнѣ:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль.она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

премѣнно и нѣкоторую школьную условность (муза, боги, цѣвница, фригійскіе пастухи), что̀ опять-таки мѣшаетъ пользоваться этимъ стихотвореніемъ какъ документомъ поэтическаго опыта.

V.

Изъ отмѣченныхъ нами семи произведеній первое по времени, а также и по достоинству, есть знаменитый „Пророкъ“. Прежде чѣмъ воспользоваться имъ для нашей задачи, мы должны оградить его права на присвоенное ему нами значеніе документа или прямого поэтическаго самосвидѣтельства. По мысли нѣкоторыхъ критиковъ, въ этомъ стихотвореніи вовсе нѣтъ рѣчи о поэзіи и о призваніи поэта: „Пророкъ“ Пушкина принимается ими за дѣйствительнаго, въ собственномъ смыслѣ пророка, причемъ иные признаютъ его пророкомъ библейскимъ, другіе относятъ его къ Корану и видятъ въ немъ самого Мухаммеда. Начнемъ съ этого второго мнѣнія, недавно высказаннаго въ печати и усердно защищаемаго. *Дѣйствительныхъ* основаній, однако, въ пользу такого мнѣнія не было приведено, и мы не знаемъ, откуда ихъ можно взять. Несомнѣнно, что Пушкинъ читалъ Коранъ и писалъ стихотворныя подражанія нѣкоторымъ мѣстамъ изъ него,—вотъ единственный положительный и неоспоримый фактъ, сюда относящійся, и понятно, что онъ самъ по себѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ столь же несомнѣнно, что Пушкинъ внимательно и съ увлеченіемъ читалъ Библію и также пользовался ею для стихотворныхъ подражаній. Значитъ, даже въ томъ предположеніи, что Пушкинскій „Пророкъ“ долженъ быть принятъ въ собственномъ смыслѣ, еще нужно рѣшить вопросъ, на кого онъ больше похожъ: на библейскаго пророка, или на Мухаммеда. Но быть *болѣе* похожимъ на послѣдняго онъ не можетъ уже потому, что между нимъ и Мухаммедомъ вовсе нѣтъ никакого сходства. Авторъ оспариваемаго мнѣнія, при всемъ своемъ стараніи, не могъ привести ни одной черты, которая бы ихъ дѣйствительно связывала. Вмѣсто признаковъ специфическихъ и индивидуальныхъ, приводятся критикомъ лишь такіе общіе и неопредѣленные, которые принадлежатъ Мухаммеду столько же, сколько и всякому другому пророку, библейскому или иному, и даже многимъ провиденціальнымъ дѣятелямъ, не имѣвшимъ пророческаго званія [1]). Именно

[1]) Замѣтимъ кстати, что Коранъ не приписываетъ этого званія и самому Му-

такой общій характеръ имѣютъ двѣ главныя черты сходства съ Мухаммедомъ, найденныя критикомъ у Пушкинскаго „Пророка“.

Во-первыхъ. *Пустыня*,—съ нея начинается Пушкинское стихотвореніе:

Духовной жаждою томимъ,
Въ *пустынѣ* мрачной я влачился.

Извѣстно, что Мухаммедъ въ началѣ своего поприща удалялся на цѣлые дни въ близкую къ Меккѣ пустыню Хира, гдѣ размышлялъ объ истинной вѣрѣ и сильно тосковалъ и сокрушался о религіозномъ невѣжествѣ своихъ земляковъ-идолопоклонниковъ. Вотъ и готовъ первообразъ для Пушкинскаго „Пророка“! Однако, можно ли найти хоть одного такого „пророка“, который не подходилъ бы подъ эти два стиха? Какъ всѣмъ „коннымъ ретивымъ“ свойственно быстро бѣгать, такъ всѣмъ „пророкамъ“ свойственно томиться духовной жаждой и влачиться въ мрачной пустынѣ: вѣдь этимъ всѣ они и отличаются отъ простыхъ обывателей, которымъ болѣе свойственно томиться жаждою тѣлесною, и которые не столько влачатся въ пустынѣ, сколько ѣздятъ и прогуливаются въ мѣстахъ населенныхъ и освѣщенныхъ. А „пророки“, тѣ—всѣ удалялись въ пустыню. Илія и Іоаннъ Креститель тамъ даже пребывали. И кромѣ пророковъ собственно такъ-называемыхъ, многія другія историческія лица, болѣе или менѣе близкія къ пророческому типу, уходили въ пустыню и на болѣе долгіе сроки, чѣмъ Мухаммедъ:—такъ, напримѣръ, Шакъямуни-Будда, апостолъ Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Францискъ Ассизскій, Раймундъ Люллій, даже Игнатій Лойола. На поэтическомъ языкѣ нельзя назвать иначе, какъ пустыней, и то осеннее уединеніе въ глухой русской деревнѣ, гдѣ самого Пушкина посѣщали его лучшія вдохновенія. И мрачное настроеніе испытывалъ въ пустынѣ не одинъ Мухаммедъ. И для Пушкина его любимая пустыня имѣла тяжелую сторону, и лучшимъ вдохновеніямъ предшествовали долгія состоянія унынія и даже отчаянія.

Во-вторыхъ, *Ангелъ*—въ Пушкинскомъ „Пророкѣ“:

хаммеду, обозначая его всегда какъ *посланника* Божія, значитъ, скорѣе, какъ *апостола*, чѣмъ пророка. Выраженіе: „посланникъ Божій“ (рассуль-Алла), осталось за Мухаммедомъ, какъ его главный титулъ, и въ позднѣйшемъ словоупотребленіи мусульманъ. Для нашего вопроса это, впрочемъ, не имѣетъ значенія, такъ какъ Пушкинъ, читая Коранъ въ тогдашнихъ вольныхъ переводахъ, звалъ Мухаммеда, по старому обычаю, пророкомъ въ своихъ подражаніяхъ Корану и въ примѣчаніяхъ къ нимъ, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ въ виду *этого* „пророка“ въ особомъ, болѣе позднемъ стихотвореніи, не зависящемъ отъ тѣхъ подражаній.

И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.

Относительно Мухаммеда извѣстно изъ Корана, что его посланничество началось съ какого-то особаго явленія, истолкованнаго затѣмъ какъ явленіе ангела. Это явленіе имѣло опредѣленный характеръ кошмара по описанію самого Мухаммеда: кто-то сильно и продолжительно давилъ его среди сна, заставляя прочесть слова въ открытой книгѣ. Послѣ того, какъ Мухаммедъ прочелъ, онъ всталъ и вернулся домой, гдѣ разсказалъ о происшествіи своей женѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ имѣлъ другое „видѣніе", но не въ пустынѣ, а у себя въ садовой бесѣдкѣ: онъ видѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи какую-то огромную и свѣтлую фигуру, которая также потомъ была признана за ангела, но въ описаніи Мухаммеда это второе явленіе отличается еще большею неопредѣленностью, чѣмъ первое. Неприкрашенный, безъискусственный разсказъ Мухаммеда о бывшихъ ему явленіяхъ „ангела" характеризуетъ его самого съ лучшей стороны, какъ искренняго, правдиваго человѣка. Но то, что̀ ему представилось, также не похоже на „шестикрылаго Серафима", какъ его скромное и робкое возвращеніе домой и смущенное объясненіе съ женою мало напоминаетъ предписанный Пушкинскому „Пророку" образъ дѣйствій:

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

Шестикрылый Серафимъ, и по имени, и по образу, принадлежитъ Библіи (попавши туда по всей вѣроятности изъ Египта), и хотя многое перешло изъ Библіи въ Коранъ, но Серафимъ остался нетронутымъ — ясное свидѣтельство того, какъ чуждо было это представленіе Мухаммеду. И ангелы Божіи вообще крайне рѣдко являются въ Коранѣ: для него скорѣе характерны *джинны*, геніи—существа демоническія неопредѣленной нравственной природы. Между тѣмъ, Библія вся полна ангельскими явленіями. „Ангелъ Господень" посылается не только къ пророкамъ, но и къ простымъ людямъ, и не только къ людямъ, но и къ животнымъ. Очевидно, Пушкину не было надобности ходить за ангеломъ въ Коранъ.

Эти двѣ черты (пустыня, ангелъ), не имѣющія ничего характернаго для Мухаммеда, соединяются въ этомъ стихотвореніи съ двумя другими чертами, прямо не позволяющими отождествить Пушкинскаго „Пророка" съ основателемъ Ислама. Послѣ того, какъ Серафимъ коснулся очей и ушей „пророка", послѣдній

получаетъ способность высшаго познанія,—ему открывается тайная жизнь вселенной:

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Между тѣмъ, Мухаммедъ въ Коранѣ постоянно и настойчиво повторяетъ заявленіе, что Богъ никогда не открывалъ ему никакого знанія вещей сокровенныхъ и вообще ничего кромѣ того, что̀ поручилъ ему: проповѣдовать истину единобожія арабамъ-идолопоклонникамъ.—Далѣе: у Пушкина, въ концѣ стихотворенія, „Божій гласъ“ повелѣваетъ пророку, для исполненія его призванія, *обходить моря и земли*. Помимо уже упомянутаго несоотвѣтствія между такимъ повелѣніемъ и дѣйствительнымъ скромнымъ началомъ Мухаммедова посланничества,—всякое отношеніе этого „Божьяго гласа“ къ Мухаммеду прямо устраняется многократными и рѣшительными заявленіями арабскаго „апостола“, что онъ не былъ посланъ Богомъ ни къ какому другому народу, кромѣ только однихъ арабовъ-идолопоклонниковъ. Всѣ народы — твердитъ Мухаммедъ — имѣли своихъ пророковъ, или апостоловъ, открывавшихъ имъ истинную вѣру, — одни только арабы Хеджаса и Нэджеда еще не имѣли такого откровенія и блуждаютъ во тьмѣ невѣдѣнія о единомъ Богѣ; и вотъ Богъ посылаетъ къ нимъ его, Мухаммеда, только къ нимъ и только съ этою проповѣдью единобожія. Пушкинъ не только читалъ Коранъ, но и *вчитывался* въ него, какъ видно изъ его подражаній, и слѣдовательно онъ никакъ не могъ пропустить тѣ многочисленныя мѣста этой книги, гдѣ Мухаммедъ рѣшительно отказывается отъ всякихъ притязаній какъ на проникновеніе въ тайны всемірной жизни, такъ и на универсальность своего посланничества. Нашъ поэтъ навѣрное замѣтилъ эти мѣста, и слѣдовательно, если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ въ своемъ „Пророкѣ“ изобразить именно Мухаммеда, то, конечно, не допустилъ бы такихъ противорѣчащихъ этой задачѣ стиховъ. Да и зачѣмъ бы понадобилось Пушкину въ 1826 году давать завѣдомо невѣрное изображеніе Мухаммедова посланничества, когда въ 1824 году онъ уже изобразилъ его въ чертахъ вѣрныхъ? Въ самомъ дѣлѣ, первое изъ его подражаній Корану оканчивается такимъ Божьимъ голосомъ къ Мухаммеду:

Мужайся-жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,

Люби сиротъ и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

Вотъ это дѣйствительно то, что̀ нужно; это дѣйствительно близко къ мысли и языку Мухаммеда. „Презирай обманъ“, „люби сиротъ“—это буквально. Но чтобы оцѣнить всю вѣрность послѣдняго стиха, хотя онъ и не буквaленъ, нужно вспомнить разсказъ Мухаммеда о томъ, какъ однажды на дорогѣ его окружила толпа джинновъ-идолопоклонниковъ; замѣтивъ ихъ, онъ сталъ имъ проповѣдовать единаго истиннаго Бога, и *джинны съ трепетомъ слушали его*. Если подъ „дрожащею тварью“ разумѣть, какъ и слѣдуетъ, арабовъ-идолопоклонниковъ *вмѣстѣ съ ихъ джиннами*, то дѣйствительное повелѣніе Божіе Мухаммеду получитъ въ Пушкинскомъ стихѣ самое вѣрное и полное свое выраженіе. И зачѣмъ же послѣ этого относить къ Мухаммеду небывалый и невозможный въ такомъ примѣненіи Божій гласъ: „и, обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей“? Эти, сами по себѣ превосходные два стиха—при мнимомъ тождествѣ Пушкинскаго „Пророка“ съ Мухаммедомъ—звучатъ фальшиво. Они заразъ и слишкомъ широки, и слишкомъ узки: зачѣмъ обходить моря и земли, когда велѣно оставаться здѣсь на мѣстѣ, среди своего народа, и зачѣмъ „сердца людей“, когда въ этомъ народѣ, къ которому посланъ проповѣдникъ, кромѣ людей есть и джинны?

Пушкинъ *всегда*—и ранѣе, въ пору „Руслана и Людмилы“, и позднѣе — въ „Каменномъ гостѣ“ и въ „Русалкѣ“ — охотно раскрывалъ двери поэзіи для стихіи *фантастической*, въ которой онъ, какъ и всѣ великіе поэты безъ исключенія, чуялъ реальную основу; но Пушкинъ *никогда* не допускалъ въ поэзіи элемента фальши, искусственнаго искаженія живой правды чертами внутренно-неправдоподобными. Мухаммедъ, проповѣдующій единаго Бога передъ „дрожащею тварью“ джинновъ, хорошо ему знакомыхъ,—такой Мухаммедъ можетъ быть со стороны названъ фантастомъ, но, несомнѣнно, это есть тотъ самый настоящій, живой Мухаммедъ, котораго знаетъ исторія, который оставилъ намъ Коранъ и остался въ немъ. Между тѣмъ Мухаммедъ, обходящій невѣдомыя ему моря и земли, чтобы жечь сердца *людей вообще*, явился бы Мухаммедомъ не только небывалымъ, но и внутренно фальшивымъ, безтолково сочиненнымъ и ни къ чему ненужнымъ. Такого Мухаммеда могли бы придумать Озеровъ, или Кукольникъ, но никакъ не Пушкинъ.

тривали уже у пророка Іезекіиля тайное ученіе *(содъ)* о круговращеніи душъ, міровъ и божественныхъ сферъ *(меркаба—колесница)*, то самъ Іезекіиль былъ тутъ, по всему вѣроятію, ни душою, ни тѣломъ не виноватъ. Во всякомъ случаѣ, для типичнаго еврейскаго пророка, какъ и для халдейскаго царя (въ книгѣ Даніила), высшій вопросъ знанія былъ одинъ: *что будетъ послѣ сего?*

Главный предметъ ихъ умственнаго интереса, какъ и ихъ сердечной заботы—не въ области природы, а въ области *исторіи*. Вотъ почему пророческія писанія въ Библіи, не менѣе историческихъ, полны собственными именами лицъ и народовъ. Самая наглядная черта различія между исторіей и природой—въ томъ, что первая вся держится собственными именами, тогда какъ для второй имѣютъ значеніе только имена нарицательныя. Можно ли передать правдиво рѣчь еврейскаго пророка безъ всѣхъ собственныхъ именъ?

И если бы вдохновеніе побудило Пушкина возсоздать подлинный образъ дѣйствительнаго библейскаго пророка, то онъ, конечно, вложилъ бы въ его уста настоящую, не по формѣ только, но и по содержанію пророческую рѣчь Библіи, гораздо болѣе, чѣмъ рѣчь араба, насыщенную историческимъ элементомъ и его выраженіемъ—собственными именами. И библейское стихотвореніе Пушкина, подобно самой Библіи, пестрѣло бы собственными именами—Израиля и Ассура, Мицраима и Эдома, Моаба и Аммона. Неужели Пушкинъ, читая Библіи и восхищаясь ею, не понималъ ея основного смысла, не замѣтилъ, что ея существенный характеръ и интересъ—въ богочеловѣческой исторіи, а не въ природѣ и не въ отвлеченной нравственности? А если замѣтилъ и понялъ, то какъ могло случиться, что въ 1826 году Пушкинъ потерялъ ту способность, которою уже обладалъ два года тому назадъ—способность возсозданія живыхъ историческихъ образовъ? Вѣдь Мухаммедъ въ подражаніяхъ Корану гораздо ярче, живѣе и историчнѣе „пророка“ въ стихотвореніи этого имени,—если предположить, что дѣло идетъ о библейскомъ пророкѣ. У такого пророка, наслѣдника долгаго историческаго процесса, опредѣленный историческій характеръ долженъ бы, однако, выступать сильнѣе, нежели у Мухаммеда, явившагося среди полудикаго, уединеннаго племени, чтобы еще только *начать* его исторію. Между тѣмъ въ „Подражаніяхъ Корану“ Пушкинъ переноситъ насъ на историческую почву:

А вы, о, гости Магомета, и т. д.

И затѣмъ:

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій Коранъ,
Да притечемъ *и мы* ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ...

—тогда какъ „Пророкъ", несмотря на библейскую форму, находится въ какой-то неопредѣленной и анонимной средѣ: во всемъ стихотвореніи ни одного собственнаго имени, а говорится только о морскихъ гадахъ да небесныхъ ангелахъ, и все это можетъ быть превосходнымъ, каково оно и есть, лишь при условіи не изображать библейскаго пророка, не передавать его рѣчь.

Во-вторыхъ. То же должно сказать и о заключительныхъ стихахъ: и они совсѣмъ не подходятъ къ предполагаемой библейской темѣ. Прямое призваніе всѣхъ еврейскихъ пророковъ относилось *не къ людямъ вообще*, а къ еврейскому народу, и универсализмъ ихъ былъ не отвлеченнымъ и предвзятымъ, а представлялъ живое перерастаніе національной религіозной идеи, ея реальное расширеніе въ идею всемірно-религіозную, при чемъ живымъ средоточіемъ до конца оставалось національное „я" Израиля. Богъ въ Библіи никогда не повелѣвалъ своимъ пророкамъ обходить моря и земли, а напротивъ, возвѣщалъ черезъ нихъ, что всѣ народы сами придутъ къ Израилю. Любопытно, что единственный пророкъ, пустившійся-было въ морское плаваніе—Іона,—сдѣлалъ это не въ силу повелѣнія Божія, а какъ разъ наоборотъ, вопреки волѣ Божіей, убѣгая отъ даннаго ему свыше посланничества; посылался же онъ не къ людямъ вообще, а къ жителямъ Ниневіи, столицы той міровой державы, отъ которой ближайшимъ образомъ зависѣла судьба царства израильскаго. При всей загадочности такой миссіи, какъ и прочаго содержанія этой любопытной священной былины, ясно, что и въ ней пророческое сознаніе хотя является свободнымъ отъ національной замкнутости и исключительности (что̀ несомнѣнно и было на самомъ дѣлѣ), но ничуть не лишеннымъ національнаго средоточія, какимъ и для Іоны оставался Израиль.

Откровеніе, которое получали дѣйствительные пророки, вообще относилось всегда къ судьбамъ народовъ, и у пророковъ библейскихъ сосредоточивалось на судьбѣ избраннаго народа Божія. Этому *историческому* характеру пророческаго *откровенія* соотвѣтствовалъ такой же характеръ той *миссіи*, которая давалась имъ свыше: они должны были возвѣщать Израилю, а по связи съ нимъ и другимъ народамъ, чего требуетъ отъ нихъ Богъ въ данный историческій моментъ, и что̀ ожидаетъ ихъ въ случаѣ сопротивленія волѣ Божіей. Это есть существенная основа и

собственное содержаніе пророческаго служенія, то, что всегда въ немъ присутствуетъ, хотя можетъ болѣе или менѣе расширяться въ разныя стороны. Внѣ этой основы можно быть моралистомъ, мудрецомъ, чѣмъ угодно, но только не пророкомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, ничего подобнаго историческому библейскому содержанію мы не находимъ въ „Пророкѣ“ Пушкина. Откровеніе, имъ полученное, относится не къ судьбамъ и движеніямъ народовъ, не къ дѣятелямъ исторіи, а къ подводному ходу морскихъ гадовъ и къ другимъ существамъ низшей и высшей природы. А повелѣніе, которое ему свыше дается, имѣетъ характеръ отвлеченно-нравственный, безразлично-универсальный, относясь опять-таки не къ опредѣленнымъ субъектамъ историческимъ,—личнымъ или собирательнымъ, а къ людямъ вообще:

Исполнись волею моей...

—Но въ чемъ же эта воля?

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей...

—Но какимъ же глаголомъ,—глаголомъ *о чемъ*? Вѣдь пріобрѣтенное пророкомъ знаніе о морскихъ гадахъ и прочемъ, хотя бы самое глубокое и проникновенное, не имѣетъ *жгучаго* свойства, а ни на какое другое содержаніе проповѣди нѣтъ намека.

Еслибы въ этомъ стихотвореніи имѣлось въ виду дать образъ пророка въ собственномъ смыслѣ, то оно страдало бы сплошь крайнею неясностью, противо-художественною неопредѣленностью, а отчасти и несообразностью. Между тѣмъ, оно безспорно прекрасно отъ начала до конца. Значитъ, его смыслъ—другой.

VII.

Всякій настоящій пророкъ имѣетъ исторически-опредѣленное призваніе; Пушкинскій „Пророкъ“ никакого опредѣленнаго призванія не имѣетъ; въ его образѣ и въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшей исторической черты: слѣдовательно, онъ—не настоящій пророкъ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что Пушкинъ—настоящій поэтъ. Кого же онъ далъ намъ въ своемъ—„Пророкѣ“? Уже давно было угадано и простыми читателями Пушкина, и критиками, что это—идеальный образъ истиннаго *поэта* въ его сущности и высшемъ призваніи. Я не знаю, кто первый сталъ

оспаривать нѣчто столь очевидное; приходится, однако, устранить возраженія, созданныя невнимательностью и несообразительностью.

„Зачѣмъ бы Пушкинъ нарядилъ поэта въ неподобающій ему библейскій костюмъ, зачѣмъ онъ изобразилъ его не тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, а тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ и быть не могъ?“—Этотъ вопросъ значитъ въ сущности: зачѣмъ Пушкинъ изобразилъ поэта поэтически, а не прозаически,—въ видѣ современнаго литератора? Въ отвѣтъ на это достаточно указать на тѣ близкіе случаи, гдѣ Пушкинъ даетъ поэту еще менѣе свойственный ему видъ, представляя его то какъ жреца языческаго бога Аполлона, то какъ простое, обыкновенное *эхо*.

Впрочемъ, именно въ виду того, что Пушкинъ для идеи поэта пользуется всякими символическими образами, мы должны признать особенное значеніе за тѣмъ фактомъ, что въ 1826 году Пушкинъ какъ разъ находился въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ въ минуту творчества его поэтическое самосознаніе всего естественнѣе выразилось въ грандіозномъ образѣ древняго пророка.

1826-й годъ былъ важнымъ годомъ въ жизни Пушкина, какъ поэта. Будучи уже хронологически точною серединой, дѣлящею двадцатилѣтнюю поэтическую дѣятельность Пушкина (1816—1836) на двѣ равныя половины, этотъ годъ совпалъ съ большимъ переломомъ, и внѣшнимъ, и внутреннимъ, въ его судьбѣ. Безъ всякаго искательства, которое было бы унизительно для его достоинства, какъ человѣка и какъ писателя, Пушкинъ былъ освобожденъ отъ продолжительной государственной опалы, которою онъ начиналъ сильно тяготиться. Возстановленный въ своемъ полноправіи и лично обласканный новымъ государемъ, впечатлительный поэтъ испыталъ то бодрое, повышенное настроеніе, которое вскорѣ затѣмъ выразилось въ стансахъ:

Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни...

Притомъ онъ имѣлъ право признать себя именно за пророка, или, по крайней мѣрѣ, вѣщуна, въ виду того положительнаго и опредѣленнаго предсказанія, которое онъ сдѣлалъ въ 1825 году, и которое въ точности исполнилось въ 1826 г.:

Пора и мнѣ... Пируйте, о, друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните-жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!

Къ повышенному настроенію, вызванному извнѣ, присоединилась и внутренняя перемѣна, связанная съ двухлѣтнимъ уединеніемъ Пушкина въ деревнѣ. Какъ человѣкъ по темпераменту живой, экспансивный, общительный, онъ тяготился этимъ уединеніемъ, но какъ поэтъ—онъ обязанъ ему зрѣлостью своего генія. Если прежнія невольныя странствія на югѣ—Бессарабія, Одесса, Крымъ—дали ему обильный запасъ разныхъ впечатлѣній, то послѣднее двухлѣтнее заключеніе въ глухой сѣверной деревнѣ образовало и укрѣпило въ немъ самостоятельный творческій даръ. „Ты геній свой воспитывалъ въ тиши“,—обращается онъ къ Дельвигу. Это дружеское преувеличеніе, дѣлающее честь сердцу Пушкина, было бы точною истиною въ примѣненіи къ нему самому. Во всякомъ случаѣ, и само по себѣ ясно, и многократными свидѣтельствами Пушкина подтверждается, что поэтическій геній воспитывается въ тиши, а не на толкучемъ рынкѣ темнаго свѣта. Какъ видно уже изъ хронологическаго перечня поэтическихъ произведеній Пушкина, его „изгнаніе“ было самымъ плодотворнымъ временемъ для его поэзіи. Онъ вышелъ изъ своего заключенія, имѣя за собою опытъ двухлѣтняго усиленнаго творчества. Повышенное житейское настроеніе совпало съ могучимъ подъемомъ поэтическаго самосознанія; среди внѣшнихъ стѣсненій онъ яснѣе прежняго позналъ внутреннюю свободу творчества, и призваніе его, какъ поэта, стало представляться ему въ чертахъ грандіозныхъ. Въ одну изъ вдохновенныхъ минутъ это представленіе воплотилось въ библейскомъ образѣ „пророка“. Посмотримъ, что̀ говоритъ намъ это стихотвореніе о значеніи поэзіи.

VIII.

Духовной *жаждою* томимъ,
Въ *пустынѣ* мрачной я влачился...

Въ этихъ двухъ стихахъ указано все, что̀ требуется со стороны истиннаго поэта. Отъ него не требуется никакого дѣйствія и никакого *опредѣленнаго* и *предвзятаго* утвержденія о чемъ бы то ни было. Онъ долженъ быть нищъ духомъ, его душа должна быть такъ же пуста, какъ та пустыня, куда его тянетъ. И эта пустота души не только не дѣлаетъ его „пустымъ человѣкомъ“, но составляетъ основную противоположность между нимъ и дѣйствительно пустыми людьми, которыхъ первый признакъ есть незнаніе о своей пустотѣ. Да какъ имъ и знать о

ней, когда они такъ явно *полны*—въ смыслѣ Пушкинской эпиграммы:

Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой,—
Ты полонъ дряни, милый мой.

Всегда занятые и вполнѣ довольные этою и прочею дрянью, такіе люди въ началѣ, когда слава истиннаго поэта еще не утверждена потомствомъ, признаютъ его виновнымъ въ пустотѣ, хотя и заслуживающимъ снисхожденія:

— Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный,
Умный человѣкъ *пустой*,—

а впослѣдствіи ихъ внуки, охотно принявъ fait accompli, съ услужливою торопливостью удѣляютъ прославленному человѣку отъ своей полноты.

Пустота истиннаго поэта жаждетъ, конечно, иного наполненія. Все то житейское содержаніе, что наполняетъ сердца и умы занятыхъ людей, весь ихъ міръ долженъ стать для истиннаго поэта пустынею мрачной—болѣе мрачною и пустою, чѣмъ та, въ которой онъ влачится, и которая даетъ ему убѣжище отъ мнимой и суетной полноты жизни, и внѣшнее условіе для будущаго утоленія его духовной жажды. Онъ ничего не дѣлаетъ, ничѣмъ не занятъ, не сочиняетъ никакого новаго, своего содержанія—изъ своей пустоты, не думаетъ оплодотворить свою душу отъ пустыннаго вѣтра главы своей,—онъ только *жаждетъ* духовнаго удовлетворенія и *влачится* къ нему. Съ *его* стороны больше ничего и не требуется: алчущіе и жаждущіе насытятся...

И шестикрылый Серафимъ на перепутьѣ мнѣ явился.

„На перепутьѣ“—черта автобіографическая: на жизненномъ перепутьѣ Пушкина въ 1826 году, между прошлыми мечтами и надеждами будущаго, явился многокрылый духъ вѣчной свободной поэзіи. Тотъ геній чистой красоты, о которомъ ему прежде мимолетно напоминали случайныя встрѣчи съ живыми образами прекраснаго, явился теперь самъ, и не какъ мимолетное видѣніе, а какъ вѣрный благодѣтель, — явился, коснулся его и открылъ ему... не новыя какія-нибудь, невиданныя и неслыханныя чудеса и тайны,—нѣтъ, онъ только открылъ его глаза и уши:

Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ.

Новыхъ чувствъ не даетъ геній поэту; онъ только усиливаетъ, возводитъ на высшую ступень прежнія чувства, дѣлаетъ поэта духовно болѣе *зоркимъ* и болѣе *чуткимъ*. И что же онъ воспринимаетъ этою новою чуткостью? Опять-таки ничего небывалаго; повышенныя, перерожденныя чувства не помогаютъ ему сочинять то, чего нѣтъ, выдумывать что-нибудь *новое*, а только помогаютъ ему лучше видѣть и слышать то, что всегда есть:

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Все, что есть на небесахъ и на землѣ, изначала положенное Превѣчнымъ и въ шесть творческихъ дней устроенное—все это шестикрылый геній открываетъ вниманію поэта. Онъ даетъ ему слышать не то, чего нѣтъ, или не было, а то, что ускользаетъ отъ грубаго чувства:

И сталъ я слышать съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо. (*А. Толстой.*)

Все и такъ существующее, всякому извѣстное, но не такъ, какъ оно извѣстно, а въ вѣчной силѣ своего образа, насквозь просвѣтленное все, до послѣдней былинки, стоитъ передъ духовнымъ воспріятіемъ поэта:

Этотъ листокъ, что засохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи. (*Фетъ.*)

Вотъ это вѣчное золото, которымъ у Бога горитъ все существующее,—его-то и показалъ Серафимъ поэту, въ немъ-то и сущность поэзіи.

Но что же такое вдругъ случилось? Отчего этотъ Серафимъ, божественно-невозмутимый и женственно-нѣжный, съ перстами легкими какъ сонъ, вдругъ, вмѣсто божественной невозмутимости, начинаетъ проявлять невозмутимость опытнаго хирурга, а женственную нѣжность замѣняетъ свирѣпостью краснокожаго индѣйца?

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ *грѣшный* мой языкъ,
И *празднословный*, *и лукавый*..

Откуда вдругъ взялись эти категоріи порядка нравственнаго?

И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ *десницею кровавой*.

Откуда это превращеніе перстовъ легкихъ какъ сонъ въ кровавую десницу? Впрочемъ, если бы Серафимъ просто вырвалъ языкъ у пророка, естественно. запачкавшись при этомъ кровью, и Пушкинъ передалъ бы этотъ фактъ безъ всякаго объясненія, то наши эстеты и гиперэстеты нашли бы тутъ новый поводъ для восхищенія и для причисленія Пушкина къ *своимъ*: вотъ, молъ, до какой степени поэтъ былъ проникнутъ идеей новой красоты, которая выше различія добра и зла,—что даже Серафима заставляетъ злодѣйствовать, и притомъ безо всякихъ угрызеній совѣсти—не Борису Годунову или Сальери чета! Но бѣда въ томъ, что дѣйствіе Серафима имѣетъ у Пушкина внутренній смыслъ, и притомъ самый непріятный для гиперэстетической тенденціи: языкъ вырывается не ради красоты этого хирургическаго „жеста“, а ради *пользы*, и притомъ—что еще ужаснѣе — ради пользы нравственной: грѣшный, празднословный и лукавый языкъ человѣческихъ страстей и слабостей нужно замѣнить жаломъ сосредоточеннаго и мудраго слова.

Если бы Пушкинъ остановился на половинѣ стихотворенія—на „дольней лозы прозябаньѣ“,—то онъ заслужилъ бы всецѣлое одобреніе эстетовъ, тѣхъ сравнительно безобидныхъ между ними, которыхъ заблужденіе состоитъ именно лишь въ томъ, чтобы половину принимать за цѣлое. Небесный геній возводитъ избранника—пророка по формѣ, поэта по существу—въ область чистой поэзіи, въ міръ вѣчной и всеобъемлющей красоты, озаряющей своимъ сіяніемъ всякое бытіе, отъ ангела до гада, отъ движенія небесныхъ сферъ до незамѣтно прозябающаго растенія. Чего же еще? Что можно къ этому прибавить? Если бы Пушкинъ прибавилъ только кровавыя дѣйствія Серафима, безъ ихъ нравственнаго основанія, онъ заслужилъ бы искренній восторгъ тѣхъ неистовыхъ гиперэстетовъ, которые отъ идеи безразличія добра и зла перешли къ сатаническому почитанію „прекраснаго“ *злодѣйства*, „святой“ *жестокости*, „небеснаго“ *звѣрства*.

Но Пушкинъ не былъ ни гиперэстетомъ, ни даже эстетомъ, а просто поэтическимъ геніемъ; поэтому онъ не могъ угодить ни тѣмъ, ни другимъ; зато угодилъ истинѣ.

Тутъ, въ переходѣ отъ горнихъ ангеловъ и отъ дольней лозы, отъ всего, что слѣдуетъ созерцать и слышать, къ лукавому языку, котораго не должно ни созерцать, ни слушать, а нужно вырвать,—въ изображеніи этого перехода сказалась вся истинная геніальность Пушкина и его значеніе какъ чистаго, безпримѣснаго поэта. Если бы онъ писалъ это стихотвореніе отъ

своего ума и чувства, вторая половина была бы, во всякомъ случаѣ, мягче. Моральный ригоризмъ вовсе не былъ въ натурѣ Пушкина, въ его личномъ характерѣ. Кажется, никто еще не упрекалъ Пушкина въ томъ, чтобы онъ преднамѣренно ставилъ себѣ или другимъ слишкомъ высокія или слишкомъ строгія нравственныя требованія. Но онъ былъ чистый *поэтъ*—и только; чистый поэтъ имѣетъ своимъ предметомъ чистую красоту и—ничего болѣе; а красота сама по себѣ, по самому существу своему, по внутренней природѣ своей, есть *ощутительная* форма истины и добра. Отдѣлить ее отъ нихъ можно только насильно и искусственно; отнять ихъ у нея значитъ лишить ее не посторонняго чего-нибудь, а ея собственнаго внутренняго содержанія.

Красота просвѣтляетъ все существующее; но вѣдь этотъ ея свѣтъ есть вѣчная истина. Просвѣтляя все, что̀ есть, чистая красота оставляетъ за всѣмъ его собственное существенное качество, и, слѣдовательно, если искусство служитъ чистой красотѣ, то оно должно брать все существующее въ его истинѣ. Въ элементарныхъ случаяхъ это совершенно ясно и безспорно. Если художникъ станетъ изображать прямое какъ кривое, круглое какъ квадратное, если въ какомъ-нибудь тѣлесномъ образѣ то, что̀ выше, онъ поставитъ ниже, и то, что̀ назади, переставитъ впередъ,—если, напримѣръ, живописецъ изобразитъ человѣка съ носомъ выше лба, и грудь переставитъ назадъ, а спину впередъ, то, погрѣшая прежде всего противъ истины, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ, погрѣшитъ противъ красоты, произведя нѣчто безобразное. Значитъ, художнику достаточно быть вѣрнымъ красотѣ, а она уже сама сдѣлаетъ его произведенія сообразными истинѣ по своему внутреннему сродству съ нею.

Но если это такъ въ тѣхъ случаяхъ, когда художество воссоздаетъ образы міра физическаго, то откуда возьмется иное отношеніе къ міру нравственному? Если предметы нашего чувственнаго воззрѣнія—формы математическія—подлежатъ красотѣ и искусству въ своемъ собственномъ качествѣ—прямое какъ прямое и кривое какъ кривое, кругъ какъ кругъ и треугольникъ какъ треугольникъ, и для красоты вовсе не безразлично, принимается ли данный предметъ за самого себя или за что-нибудь другое и противоположное,—то откуда же вдругъ явится такое безразличіе относительно категорій нравственнаго порядка? Красотѣ подлежитъ все, что̀ существуетъ. Ей подлежатъ и прямыя, и кривыя линіи, ибо и тѣ, и другія существуютъ. Но вотъ чего вовсе не существуетъ и что̀, слѣдовательно, не можетъ принять и форму красоты, это—безразличіе между прямотою и кри-

визною, такъ чтобы можно было по произволу брать кривое какъ прямое, и прямое какъ кривое; и еще менѣе возможно изобразить такую кривизну, которая была бы прямѣе прямоты. Красотѣ подлежатъ и добро, и зло, такъ какъ и то, и другое существуетъ; но вотъ чего вовсе не существуетъ и что, значитъ, не можетъ принять форму красоты, это—безразличіе между добромъ и зломъ, такъ чтобы можно было считать ихъ одно за другое; и еще менѣе возможно прекрасно изобразить такое зло, которое было бы предпочтительнѣе, лучше, добрѣе добра. Послѣ этого оставалось бы только искать того безобразія, которое было бы прекраснѣе красоты.

IX.

Міръ физическій, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—міръ ангеловъ и гадовъ,—представляется для поэзіи непосредственно какъ предметъ усиленнаго, повышеннаго и углубленнаго *вниманія*—въ интересѣ чисто-созерцательномъ, причемъ, однако, уже и этотъ міръ, будучи міромъ естественныхъ *различій*, не допускаетъ безразличнаго отношенія къ себѣ со стороны поэта (или художника вообще),—въ томъ смыслѣ, что если художникъ кисти или слова изобразитъ прямой полетъ ангела какъ кривое пресмыканіе гада, и наоборотъ, то онъ погрѣшитъ противъ истины, а тѣмъ самымъ и противъ красоты,—произведетъ нѣчто ложное и безобразное. Міръ нравственный, міръ свободнаго добра и зла, по самому своему существенному качеству уже сразу предстоитъ и поэзіи не какъ предметъ созерцательнаго *вниманія* только, но и какъ предметъ жизненнаго *рѣшенія*; ибо онъ по существу своему есть міръ не различія только, но и *противоборства*. Кривая и прямая линія различаются другъ отъ друга, но не борются между собою; добро и зло, правда и лукавство не останавливаются на теоретическомъ различіи, а по необходимости вступаютъ въ дѣятельную борьбу; это для нихъ совершенно существенно: еслибы зло не противоборствовало добру, то оно не было бы зломъ, а было бы лишь натуральнымъ явленіемъ, какъ кривая линія или морской гадъ; но вѣдь оно въ дѣйствительности вступаетъ въ борьбу съ добромъ, показывая себя какъ дѣйствительное нравственное зло, и тѣмъ открывая и добро, какъ такое, въ нравственномъ его качествѣ; а безъ противоборства злу добро оставалось бы только естественнымъ образомъ бытія, какъ прямая линія или какъ парящій въ небесахъ ангелъ.

Но вѣдь нравственное добро и зло въ ихъ собственномъ качествѣ существуютъ въ дѣйствительности, а слѣдовательно составляютъ и предметъ поэзіи именно въ *этомъ* нравственномъ качествѣ. Странно было бы поэту внимательно созерцать морскихъ гадовъ и небесныхъ ангеловъ и закрывать глаза на человѣческую жизнь, насквозь проникнутую нравственными категоріями, всю состоящую изъ относительнаго движенія по всѣмъ степенямъ злодѣйства и добродѣтели, между двумя неподвижными полюсами добра и зла. Ангелы небесные, въ своемъ горнемъ полетѣ, и гады морскіе, въ своемъ подводномъ ходѣ, пребываютъ нравственно неподвижны, безъ внутреннихъ перемѣнъ, а потому и со стороны поэта требуютъ только невозмутимаго вниманія; жизнь человѣческая опредѣляется внутреннимъ нравственнымъ движеніемъ въ ту или другую сторону—или подвигомъ добра, или злодѣяніемъ,—а потому и отъ настоящаго объективнаго поэта требуетъ, кромѣ созерцанія,— нравственной оцѣнки, внутренняго движенія—симпатіи или антипатіи. Вѣдь и злодѣйства, и подвиги добра, существуютъ дѣйствительно въ этой самой своей нравственной противоположности, и настоящій поэтъ, воспринимающій и передающій другимъ то, что̀ есть, никакъ не можетъ отвлечься отъ существеннаго противоборства добра и зла. Зло существуетъ дѣйствительно, но по необходимости, какъ отрицаемое и уничтожаемое. Поэтъ одинаково отступилъ бы отъ истины, и тѣмъ самымъ отъ красоты, и въ томъ случаѣ, если бы онъ принялъ и изобразилъ зло какъ уже уничтоженное *теперь*, а также и въ томъ, если бы онъ не призналъ въ немъ отрицаемаго и уничтожаемаго. Внимательно созерцая кривой ходъ ползущаго или плавающаго гада, истинная поэзія не вздумаетъ его исправлять, не станетъ отрицать или уничтожать кривой линіи: и незачѣмъ, и не за что! Но, входя въ область нравственную, приступая къ двуногому гаду, или хотя бы только къ грѣшному, *лукавому* и празднословному языку самого избранника, истинная поэзія не можетъ отнестись къ нему иначе какъ отрицательно, она должна признать его подлежащимъ уничтоженію:

И *вырвалъ* грѣшный мой языкъ...

Чтобы раскрыть зрѣніе и слухъ для болѣе тонкихъ и глубокихъ воспріятій, не нужно было истреблять ихъ органовъ,— высшей силѣ довольно было ихъ коснуться. Тутъ нечего было истреблять, такъ какъ ни слабость зрѣнія, ни тупость слуха, не представляютъ ничего активно-дурного — прямого грѣха тутъ нѣтъ. Замѣтимъ, однако, что и это раскрытіе и поднятіе не-

мощныхъ чувствъ на высшую ступень силы не происходитъ совсѣмъ безболѣзненно: зѣницы отверзаются какъ у *испуганной* орлицы,—такой испугъ не можетъ быть пріятенъ; а также непріятно, когда уши вдругъ наполняются шумомъ и звономъ. Но если подъемъ немощныхъ, хотя и безгрѣшныхъ чувствъ связанъ съ непріятными состояніями, то органы активнаго зла, или прямого грѣха, требуютъ, очевидно, не возвышенія (это значило бы усиливать зло), а полнаго перерожденія чрезъ подавленіе и истребленіе въ нихъ злого начала, что̀ предполагаетъ настоящее страданіе, состояніе прямо мучительное. Но нуженъ ли такой глубокій переворотъ нравственной природы, нужны ли такія муки новаго рожденія для поэта, баловня свободы, друга лѣни, какимъ въ нѣкоторой мѣрѣ всегда оставался Пушкинъ? И совершилось ли въ немъ самомъ что-нибудь подобное въ эпоху, когда написанъ „Пророкъ“? Въ такомъ вопросѣ автобіографическій элементъ, несомнѣнно присутствующій въ этомъ стихотвореніи, получаетъ невѣрный смыслъ и преувеличенные размѣры.

Я долженъ опять напомнить, что Пушкинъ лично никогда, ни въ эту эпоху, ни прежде, ни послѣ, не требовалъ ни отъ самого себя, ни отъ другихъ, того глубокаго и полнаго нравственнаго перерожденія, къ которому онъ, однако, былъ-таки волей-неволей трагически приведенъ въ три послѣдніе дня своей земной жизни; но за десять слишкомъ лѣтъ до того, вопросъ о духовномъ перерожденіи, о вырванномъ языкѣ и о вынутомъ сердцѣ,—все, что̀ изображено во второй половинѣ стихотворенія „Пророкъ“,—не имѣло и не могло имѣть у Пушкина прямого автобіографическаго значенія. А дѣло было, какъ мы знаемъ, вотъ въ чемъ. Поэтическое самосознаніе Пушкина, созрѣвшее и повышенное въ силу внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ, облеклось въ минуту вдохновенія величавымъ образомъ библейскаго пророка,—образомъ, подходящимъ, конечно, не ко всякому поэту, а лишь къ тому идеальному, свыше призванному, для великаго служенія предназначенному поэту, для той высшей потенціи творческаго генія, которую въ этомъ *поднятомъ* настроеніи ощущалъ въ себѣ Пушкинъ. А разъ этотъ образъ вдохновеннаго и повышеннаго поэтическаго самосознанія овладѣлъ душою Пушкина, то онъ уже былъ неволенъ распоряжаться имъ по своимъ мыслямъ и личнымъ житейскимъ опытамъ, а предоставлялъ ему свободно, или, что̀ тоже, по внутренней необходимости полнѣе и полнѣе раскрывать все, что̀ въ немъ содержится, весь его собственный смыслъ, отъ одного присущаго ему положенія переходя къ другому, еще болѣе глубокому и содержательному.

Не будучи кѣмъ-нибудь изъ библейскихъ пророковъ и еще менѣе Мухаммедомъ, Пушкинскій „Пророкъ“ не есть также и какой-нибудь изъ поэтовъ, онъ не есть также и самъ Пушкинъ, а есть чистый носитель того безусловнаго идеальнаго существа поэзіи, которое было присуще всякому истинному поэту, и прежде всего самому Пушкину въ зрѣлую эпоху его творчества и въ лучшія минуты его вдохновенія. У него это существо поэзіи находило свое чистѣйшее, безпримѣсное выраженіе, никогда не достигая, однако, ни у него, ни у другого какого-либо поэта, своего полнаго жизненнаго воплощенія. Но вѣдь мы говоримъ о стихотвореніи, гдѣ живая полнота и всецѣлость поэтическаго призванія раскрываются поэтически, а не осуществляются практически. И эта идея взята здѣсь на той высотѣ, въ той тончайшей, разрѣженной атмосферѣ мысли, гдѣ сущность призванія поэтическаго сближается и сливается съ чистѣйшею сущностью призванія пророческаго, оставляя внизу историческія—національныя и личныя—особенности всѣхъ пророковъ вмѣстѣ съ такими же особенностями всѣхъ поэтовъ.

Этотъ *поэтъ* въ одеждѣ пророка, созданный вдохновеніемъ и съ внутреннею, свободною необходимостью раскрывающій полноту своего смысла, не совпадая ни съ какимъ изъ дѣйствительныхъ поэтовъ, никакъ не можетъ, однако, быть простымъ отвлеченіемъ отъ нихъ, потому что, живя въ нихъ всѣхъ, онъ больше ихъ всѣхъ, онъ есть то въ нихъ, что они всѣ знаютъ въ себѣ какъ лучшее ихъ самихъ, то, что „прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ“; онъ не есть отвлеченіе отъ нихъ, а ихъ существенная норма, какъ чистая геометрическая линія не есть отвлеченіе отъ всякихъ приблизительныхъ эмпирически данныхъ линій,—она есть ихъ существенная норма, безъ которой онѣ не имѣли бы смысла и вовсе не существовали бы *какъ линіи*. Или болѣе близкій примѣръ: „этотъ листокъ, что засохъ и свалился“—не избѣжалъ тлѣнія, его форма не осилила расторгающихъ матеріальныхъ процессовъ—но должна бы была осилить, если бы жизнь полнѣе и глубже осуществлялась въ этомъ листкѣ;—и вотъ это самое долженствованіе, эта существенная норма—стоитъ передъ нами въ иномъ и, однако, томъ же самомъ листкѣ, что „золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи“,—или на картинѣ. Пусть ни одинъ поэтъ не провелъ въ себѣ самомъ до конца того, что требуетъ полный и могучій идеалъ поэтическаго призванія. Но этотъ идеалъ есть норма — и вотъ она стоитъ передъ нами въ этомъ образѣ Пушкинскаго „Пророка“,—стоитъ и безпрепятственно раскрываетъ все свое—болѣе чѣмъ

дѣйствительное—внутренно-необходимое содержаніе. Оно не придумано умомъ Пушкина, а дано ему и передано имъ какъ высшая норма. Не будемъ же здѣсь искать сообразности съ личнымъ характеромъ поэта, съ его фактическимъ способомъ дѣйствія, или поведеніемъ, а лучше отмѣтимъ въ этомъ поэтическомъ самораскрытіи логическую связь его моментовъ и ихъ полную сообразность съ внутреннею необходимостью, или истиннымъ смысломъ самаго дѣла.

X.

Поэтъ-пророкъ изощреннымъ вниманіемъ проникъ въ жизнь природы высшей и низшей, созерцалъ и слышалъ все, что совершается, отъ прямого полета ангеловъ до извилистаго хода гадовъ, отъ круговращенія небесъ до прозябанія растенія. Что же дальше? Превратится ли онъ *весь безъ остатка* въ зрѣніе и слухъ? Вѣдь это было бы *умаленіе*, а не возвышеніе человѣка. Критики, думающіе, что вся задача поэта—только созерцать, и сами до нѣкоторой степени причастные такому созерцанію, не ограничиваются, однако, имъ однимъ,—они *дѣйствуютъ*, они пишутъ и печатаютъ, для распространенія своей теоріи, и дѣлаютъ вѣдь это не въ противорѣчіе, а въ силу своего — дѣйствительнаго или мнимаго—высшаго призванія. Они не могутъ, да вѣроятно и не хотятъ быть полу-людьми,—а поэтъ идеальный, поэтъ-пророкъ долженъ быть и оставаться полу-человѣкомъ! Требованіе безсмысленное, которое, впрочемъ, никогда и не исполнялось. Геній поэзіи не терпитъ односторонности, и вѣдь нашъ „пророкъ“ былъ въ рукахъ не *одно*крылаго, а *шести*крылаго Серафима: кто помогъ его вниманію, тотъ приготовитъ его и къ дѣйствію.

Кто прозрѣлъ, чтобы видѣть красоту міросданія, тотъ тѣмъ мучительнѣе ощущаетъ безобразіе человѣческой дѣйствительности. Онъ будетъ бороться съ нею. Его дѣйствіе и оружіе—слово правды. Онъ—не служитель внѣшняго порядка, хотя и не врагъ ему; онъ вполнѣ признаётъ его пользу, но самъ не хочетъ и не можетъ быть орудіемъ этой пользы: ни метлы, ни меча! (см. ниже). Его собственное орудіе радикальнѣе метлы, острѣе меча. Мы говоримъ на всѣхъ языкахъ: *горькая* правда, *сладкая* лесть—и никто не скажетъ наоборотъ. Правда огорчаетъ, но еще болѣе того: она колетъ глаза, жалитъ, пронзаетъ, язвитъ. Конечно, за правду часто принимается и то, что слишкомъ поверхностно и односторонне для такого дѣйствія. Такъ, напри-

мѣръ, если сказать человѣческой толпѣ даже по какому-нибудь справедливому поводу: ахъ вы подлецы, подлецы! — то такая правда, черезчуръ элементарная, и по содержанію, и по формѣ,— если и огорчитъ людей, то, конечно, не очень глубоко; а какъ пронзительно жалитъ настоящая правда, облеченная въ мудрость, объ этомъ можно судить по силѣ вызываемаго ею противодѣйствія, которое по физическому закону прямо пропорціонально дѣйствію: вѣдь Сократъ потому и долженъ былъ выпить *яду*, что его правдивыя и мудрыя рѣчи были слишкомъ *ядовиты* для его ближнихъ, — его отравили потому, что онъ отравлялъ жизнь своимъ согражданамъ.

Но отравлять жизнь другихъ, хотя бы ложную, и быть отравленнымъ ими, хотя бы за одну только правду — есть ли это настоящій конецъ дѣла? Мы по справедливости преклоняемся передъ человѣкомъ, мужественно и мудро свидѣтельствующимъ о жизненной правдѣ, мы охотно признаемъ такого человѣка исповѣдникомъ и пророкомъ правды; но если скажемъ, что въ этомъ — весь идеалъ совершенства, *вся* красота, то въ такомъ утвержденіи не будетъ ни правды, ни мудрости, ни мужества. *Есть* еще высшая ступень пророческаго, т.-е. идеально-поэтическаго служенія. Мудрое и безстрашное слово правды есть уже, конечно, болѣе чѣмъ слово — это есть дѣйствіе, предполагающее подвигъ перерожденія грѣшнаго языка — орудія лукавства и праздномыслія—въ чистое орудіе Божьей правды; это есть дѣйствіе и подвигъ, но еще не совершенное дѣйствіе, не высшій подвигъ—

Подвигъ есть и въ сраженіи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,—
Высшій подвигъ въ терпѣніи,
Въ любви и мольбѣ. (*Хомяковъ.*)

Дѣло высшей правды *объявляется словомъ* правды, но *совершается огнемъ* любви. Въ области слова идетъ явная борьба добра со зломъ, но побѣда дается только тайному подвигу сердца. Не язвить зло, а спалить его — вотъ окончательная задача избранника, требующая отъ него полноты совершенства. Все предъидущее есть только необходимый путь къ нему, гдѣ каждый необходимый шагъ необходимо добывается страданіемъ. *Болѣзненно* раскрытіе зрѣнія и слуха для высшаго вниманія, *мучительна* замѣна грѣшнаго языка жаломъ мудрости, а послѣднее высшее условіе совершеннаго подвига представляется прямо смертельнымъ. Но оно необходимо. Вѣдь дѣло идетъ объ идеальной полнотѣ, о томъ, что должно быть доведено до конца.

Если, идя этимъ путемъ, нельзя остановиться на совершенствѣ зрительнаго и слухового воспріятія, а необходимо перейти къ совершенному дѣйствію, первое орудіе котораго есть языкъ, то нельзя также остановиться и на перерожденіи этого органа, при всей его важности и силѣ (см. Посл. Іакова, III, 2—10). Настоящій центръ жизни и существа человѣческаго, конечно, не въ языкѣ, а въ сердцѣ его, и оно ли останется нетронутымъ въ процессѣ совершенствованія? Задача — спалить зло. Для этого у избранника одно средство — слово. Но для того, чтобы слово правды, исходящее изъ жала мудрости, не язвило только, а жгло сердца людей, нужно, чтобы само это жало было разожжено сердечнымъ огнемъ любви. А этотъ огонь не выходитъ изъ земли, и „пророкъ“ не найдетъ его въ своемъ собственномъ сердцѣ. Не потому, чтобы оно было по природѣ злое. Для злого сердца недоступна и первая половина совершенства: *не внидетъ премудрость въ душу злохудожну*. Конечно, у „пророка“, уже владѣющаго жаломъ мудрости, сердце доброе. Но оно плотское, — трепетное: оно готово на всякое добро, но спалить зло собственными силами оно не можетъ,— для этого нуженъ Божій огонь. И вотъ послѣднее окончательное дѣйствіе шестикрылаго Серафима—

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

Какъ все суетное, не-божье въ мірѣ еще прежде должно было стать для „пророка“ *пустынею*, такъ теперь все суетное, небожье въ немъ самомъ становится *трупомъ*—

Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ...

Смертно-животворный процессъ конченъ. Избранникъ готовъ для новой жизни и для новой всепобѣдной дѣятельности. Напитанный новыми созерцаніями, умудренный внутреннимъ опытомъ и отъ сердца до языка наполненный высшею волею, онъ будетъ отнынѣ говорить и дѣйствовать не отъ себя, не отъ своей немощи, а именемъ и силою посылающаго его Божества—

И Божій гласъ ко мнѣ воззвалъ:
Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей [1]).

[1]) Я слышалъ такое замѣчаніе: если слова:—„обходя моря и земли“, не подходятъ

XI.

Въ Пушкинскомъ „Пророкѣ“ значеніе поэзіи и призваніе поэта являются во всей высотѣ и цѣлости идеальнаго образа. Въ шести другихъ, однородныхъ по предмету, стихотвореніяхъ этотъ цѣльный образъ хотя не понижается, но какъ бы отступаетъ въ даль. А на первый планъ выдвигается та или другая сторона поэзіи, та или другая стадія въ призваніи поэта, и въ особенности его отношеніе къ человѣческой толпѣ. „Пустыня“, гдѣ „пророкъ“ встрѣчаетъ Серафима и слышитъ Божій гласъ, помѣщается очень высоко надъ людьми, гдѣ-нибудь близъ Кармильскихъ или Синайскихъ вершинъ. Люди тутъ не существуютъ для пророка, на нихъ лишь издали указано въ *послѣднемъ* стихѣ, какъ на задачу будущаго: „глаголомъ жги сердца людей“. Этимъ указаніемъ на людей кончается все стихотвореніе.

Въ тѣхъ другихъ стихотвореніяхъ [1]) поэтъ сходитъ съ пророческой вершины и приближается къ людямъ; онъ вспоминаетъ, что и самъ онъ на половину принадлежитъ къ нимъ; затѣмъ онъ сталкивается съ людскою толпою, враждуетъ съ нею во имя лучшей половины своего существа, съ досадою отворачивается отъ нея, но подъ конецъ смягчается и, при мысли о лучшемъ будущемъ народа, вступаетъ съ нимъ въ добродушный компромиссъ.

ни къ Мухаммеду, ни къ библейскому пророку, то вѣдь они также не подходятъ и къ Пушкину. Совершенно справедливо. Но сила этого указанія, какъ направленнаго противъ моего взгляда, ускользаетъ отъ меня. Вѣдь и съ біографической точки зрѣнія (которая, впрочемъ, ничуть не преобладаетъ въ моемъ пониманіи этого стихотворенія) слѣдуетъ замѣтить, что въ 1826 году Пушкинъ никакъ не могъ знать, придется ли ему, или нѣтъ, предпринимать заграничныя путешествія. Положительное же значеніе этого стиха, кажется, ясно. Призваніе совершеннаго поэта, въ которомъ обновлены и возведены на высшую степень всѣ душевныя силы, непремѣнно должно быть *универсально*, относиться ко всѣмъ людямъ. Какъ же лучше указать на эту универсальность, не нарушая поэтической наглядности, какъ не словами: „и обходя моря и земли“? Пушкинское стихотвореніе отличается до конца выдержанною библейскою формою, безъ спеціальнаго библейскаго содержанія, и этотъ предпослѣдній стихъ несомнѣнно звучитъ по-библейски, хотя и не совпадаетъ по содержанію съ библейскою пророческою идеей: голосъ—голосъ Іакова, а руки—руки Исава.

[1]) Я, разумѣется, не утверждаю, чтобы о значеніи поэзіи и о призваніи поэта говорилось у Пушкина только въ отмѣченныхъ мною теперь семи стихотвореніяхъ. Кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и въ другихъ большихъ произведеніяхъ, этой темы касаются еще нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній („Наперсница волшебной старины“; „Не дорого цѣню я громкія права“; „Герой“; „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“), но касаются съ такихъ сторонъ, которыми я буду заниматься особо въ послѣдующихъ статьяхъ о Пушкинѣ.

Но и то враждебное столкновеніе, и это заключеніе мира, были бы непонятны, еслибы за ними не стоялъ на едва досягаемой высотѣ тотъ идеальный образъ поэта, который данъ въ „Пророкѣ“.

Ближайшая по времени (1827 г.) къ „Пророку“ характеристика поэзіи и поэта есть по содержанію прямое дополненіе того перваго стихотворенія. И поэтическій образъ здѣсь близкій, хотя менѣе строгій и грандіозный — образъ Аполлонова жреца. А главная мысль все та же: поэтъ *не воленъ* въ своихъ произведеніяхъ; онъ лишь повинуется высшему призванію и велѣнію, и такъ же мало можетъ по собственному произволу опредѣлять сроки и выраженіе своего творчества, какъ жрецъ не воленъ въ выборѣ сроковъ, чина и словъ священнодѣйствія. Это въ сущности то же, что̀ было и у „пророка“: вѣдь и тамъ въ пустынѣ онъ былъ безволенъ и страдателенъ,—дѣйствующими были Серафимъ и Богъ. Но тутъ, во второмъ стихотвореніи, выступаетъ еще другая важная сторона, которой не было и не могло быть въ „Пророкѣ“. Поэтъ, въ своемъ новомъ качествѣ жреца, долженъ признаться,—и этимъ признаніемъ начинается стихотвореніе,—что онъ существенно отличается отъ толпы *только* въ храмѣ, *только* у алтаря, *только* во время жертвоприношеній; отойдя отъ святыни, онъ, какъ и всѣ жрецы, становится простымъ смертнымъ среди другихъ простыхъ смертныхъ, сыномъ праха не лучше, а можетъ быть и хуже другихъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Вотъ указаніе—несмотря на Аполлона и священную жертву —вполнѣ реальное и несомнѣнно автобіографическое. Но какъ же объяснить это пониженіе и эту двойственность? Какимъ образомъ поэтъ въ качествѣ „жреца“ можетъ лишь въ особыхъ случаяхъ, такъ сказать лишь по праздникамъ, перерождаться въ существо высшаго порядка, когда онъ же въ качествѣ „пророка“ уже всецѣло перерожденъ и наполненъ волею Божіей? Какимъ образомъ можетъ онъ въ житейскія будни душевно уподобляться, внутренно сливаться съ ничтожнымъ, суетнымъ свѣтомъ, котораго жизнь вся держится на грѣшномъ языкѣ, и празднословномъ, и лукавомъ, когда у него—пророка—этотъ языкъ уже вырванъ и

замѣненъ совсѣмъ другимъ? Какимъ образомъ его душа можетъ вкушать *хладный сонъ*, когда въ его грудь, вмѣсто холоднаго и трепетнаго сердца смертныхъ, вложенъ уголь, пылающій божественнымъ огнемъ? Какимъ образомъ можетъ поэтъ, послѣ перенесенныхъ имъ отъ руки Серафима операцій, еще жить въ міру, какъ простой смертный, когда все мірское въ немъ уже сдѣлалось трупомъ, а началась совсѣмъ новая жизнь, съ новымъ зрѣніемъ и слухомъ, новымъ языкомъ и новымъ сердцемъ? Нѣтъ ли здѣсь, на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени, существеннаго, основного противорѣчія между авторомъ „Пророка“ и авторомъ „Поэта“?

Никакого дѣйствительнаго противорѣчія между этими двумя стихотвореніями, конечно, нѣтъ. Если съ высокой горы я смотрю, вонъ, на это село, то вижу его все какъ на ладони, и всѣ его дома видны мнѣ вмѣстѣ сразу; когда же, сойдя внизъ, буду проходить мимо ближайшихъ домовъ и останавливаться, чтобы разсмотрѣть ихъ, то тѣхъ, что дальше, не буду видѣть вовсе, а ближайшіе буду видѣть иначе, нежели съ горы,—но между этими двумя взглядами на предметъ никакого противорѣчія не будетъ, какъ его нѣтъ между частями и ихъ цѣлымъ.

Въ „Пророкѣ“ высшее значеніе поэзіи и поэтическаго призванія взято какъ одинъ идеально законченный образъ, во всей цѣлости, въ совокупности всѣхъ своихъ моментовъ, не только прошедшихъ и настоящихъ, но и *будущихъ*. Болѣзненный и мучительный процессъ духовнаго перерожденія проходитъ передъ нами въ мгновенныхъ картинахъ и тутъ же завершается цѣликомъ. Но въ дѣйствительности онъ вѣдь не завершенъ. Пусть поэтъ въ самомъ дѣлѣ ощутилъ себя пророкомъ; пусть онъ въ самомъ дѣлѣ восходилъ на пустынную гору высшаго вдохновенія, гдѣ видѣлъ Серафима и слышалъ голосъ Божій. Все это *было*, но полное его внутреннее перерожденіе—еще впереди; онъ пока сошелъ съ вершинъ своего поэтическаго Синая лишь съ пророческимъ задаткомъ того совершенства, которое еще должно быть. Въ идеальномъ образѣ нѣтъ никакого раздвоенія между житейскимъ сознаніемъ и поэтическою сверхсознательностью; эта двойственность представлена пережитою, пересиленною, превзойденною. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ дѣйствительности будущее совершенство еще не въ нашихъ рукахъ, мы еще переживаемъ настоящее, а его законъ—именно та половинчатость, то раздвоеніе между праздникомъ и буднями, между поэтическою высотою и житейскимъ ничтожествомъ, которое яркимъ контрастомъ выступаетъ въ стихотво-

реніи „Поэтъ“. Замѣтимъ, что вторая его половина возвращаетъ насъ къ „Пророку“ (въ особенности къ его началу):

Но лишь божественный глаголъ
До *слуха чуткаго коснется*,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается *молвы*;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

Здѣсь почти всѣ стихи повторяютъ (въ очень смягченномъ видѣ) образы и выраженія изъ „Пророка“. Сравнимъ въ самомъ дѣлѣ: здѣсь—„до слуха чуткаго коснется“; тамъ—„моихъ ушей коснулся онъ“; здѣсь—„и звуковъ и смятенья полнъ“; тамъ—„и ихъ наполнилъ шумъ и звонъ“; здѣсь—„какъ пробудившійся орелъ“; тамъ—„какъ у испуганной орлицы“; рѣзкій образъ въ „Пророкѣ“: „и вырвалъ грѣшный мой языкъ, и празднословный, и лукавый“, замѣненъ здѣсь такою невинною отвлеченною фразой: „людской чуждается молвы“, что сразу пожалуй и не признаешь ихъ тождественнаго смысла; зато „берега пустынныхъ волнъ“, куда бѣжитъ поэтъ, очевидно—та же „пустыня мрачная“, гдѣ влачился „пророкъ“.

Насколько поэтъ приближается къ прежнему образу пророка, настолько же онъ удаляется отъ своего первоначальнаго образа *жреца*, котораго смыслъ здѣсь лишь въ одной общей чертѣ, соединяющей его съ поэтомъ: въ одинаковой безвольности, пассивности и исключительности какъ поэтическаго вдохновенія, такъ и священнической благодати. Все остальное у нихъ совсѣмъ разное, и образъ жреца во второй половинѣ стихотворенія брошенъ и забытъ. Какое отношеніе къ нему могутъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть стихи:

Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы?—

А далѣе, человѣкъ, въ дикомъ видѣ бѣгущій въ пустынныя мѣста, можетъ быть похожъ на все, что̀ угодно, но только не на жреца, торжественно шествующаго для жертвоприношенія въ многолюдный храмъ, съ главою, умащенною елеемъ. Ясно, что все значеніе поэзіи, какъ его сознавалъ нашъ поэтъ, не

могло быть связано съ образомъ жреческаго служенія, и что этотъ образъ, давши *первую ноту* стихотворенія, не могъ образовать его общей формы. Поэтому Пушкинъ, давъ своей первой картинѣ поэтическаго призванія титулъ *пророка*, не продолжалъ аналогіи, и не назвалъ вторую *жрецомъ*, а обозначилъ ее прямо какъ характеристику *поэта*.

XII.

Людская толпа не довольствуется тѣмъ, что поэтъ въ свои будни сливается душою съ ея ничтожествомъ,—она посягаетъ и на праздникъ его вдохновенія, идетъ за нимъ въ храмъ, разсаживается кругомъ алтаря, требуя—чтобы онъ и здѣсь своими вдохновенными пѣснями служилъ только ей.

Поэтъ на лирѣ *вдохновенной*
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ—а *хладный* и *надменный*,
Кругомъ народъ *непосвященный*
Ему *безсмысленно* внималъ.
И толковала чернь *тупая*:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

Такое начало заранѣе, казалось бы, дѣлаетъ невозможными тѣ кривотолкованія, которымъ, тѣмъ не менѣе, подвергалось и доселѣ подвергается это важное, ясное и прекрасное стихотвореніе. Даже такой остроумный и въ другихъ случаяхъ понятливый современный критикъ, какъ тотъ, котораго я похвалилъ въ началѣ этой статьи, объявляетъ стихотвореніе „Чернь“ загадочнымъ, а затѣмъ, разгадывая его смыслъ, приходитъ къ неблагопріятнымъ, для этого поэтическаго разговора, заключеніямъ, менѣе всего основательнымъ. Между тѣмъ Пушкина можно здѣсь упрекнуть развѣ за излишнее, можетъ быть, не совсѣмъ художественное, накопленіе въ началѣ разныхъ эпитетовъ, объясняющихъ, въ чемъ дѣло. Для одной стороны—для поэта—употреблены лишь два эпитета—его лира названа *вдохновенною*, а его рука, на ней

бряцающая—*разсѣянною*; но и этого достаточно. Такъ какъ далѣе слѣдуетъ враждебное столкновеніе поэта съ другою стороною, то эти два эпитета сразу объясняютъ, что̀ это за столкновеніе, изъ-за чего оно происходитъ: ясно, что это борьба за права поэтическаго вдохновенія, за его свободу, независимость отъ внѣшнихъ, постороннихъ цѣлей, за его непринужденность и напреднамѣренность;—борьба противъ кого?—ясно, что̀ противъ тѣхъ, кто не понимаетъ значенія поэзіи, не цѣнитъ ея собственнаго, независимаго содержанія. Но Пушкинъ еще поясняетъ это пятью эпитетами, которыми онъ снабжаетъ противниковъ поэта: они *хладные* и *надменные, непосвященные, безсмысленные, тупые*. Ну, развѣ допустимо, чтобы всѣ эти эпитеты, или хотя бы одинъ изъ нихъ, были употреблены Пушкинымъ для презрительной характеристики народа, или черни въ собственномъ смыслѣ? Что̀ могло бы значить такое сочетаніе словъ: „хладные земледѣльцы"; „надменные водовозы"; „непосвященные извозчики"; „безсмысленные половые": „тупые сапожники или плотники"? Между тѣмъ, на зло очевидности, не позволяющей принимать въ буквальномъ смыслѣ слова̀ „чернь" и „народъ", Пушкина до сихъ поръ одни восхваляютъ, а другіе порицаютъ за его *аристократизмъ* по отношенію къ народу! А съ другой стороны, его вражду къ этой „черни" пытаются истолковать наоборотъ, въ смыслѣ анти-аристократическомъ, разумѣя подъ „чернью"—„свѣтскій кругъ" общества, будто бы преслѣдовавшій Пушкина. Но если поэтъ не могъ имѣть враждебнаго столкновенія съ простымъ народомъ изъ-за поэзіи, этому народу неизвѣстной, то онъ не могъ враждовать и противъ того общественнаго слоя, къ которому принадлежали его лучшіе друзья и самые восторженные цѣнители его поэзіи. Значитъ, враждебная поэту толпа вовсе не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, сословныхъ или вообще соціальныхъ признаковъ. Это есть не общественная, а умственная и нравственная чернь,—люди формально образованные и потому могущіе вкривь и вкось судить о поэзіи, но по внутреннимъ причинамъ неспособные цѣнить ея истиннаго значенія, требующіе отъ нея рабской службы практическимъ цѣлямъ. Къ этой черни менѣе всего могутъ принадлежать, конечно, земледѣльцы, пастухи и ремесленники, не ради ихъ мнимаго демократическаго преимущества, а просто по отсутствію у нихъ (особенно во времена Пушкина) всякаго формальнаго образованія, вслѣдствіе чего, не имѣя о поэзіи *никакихъ* мнѣній, они не могутъ имѣть и ложныхъ. Значитъ, Пушкинская „чернь" могла набираться только изъ людей средняго и высшаго обще-

ства, то-есть, изъ единственной тогда публики поэта, и набираться, очевидно, не въ силу общественнаго положенія, а въ силу того внутренняго личнаго свойства, которое нѣмцы окрестили филистерствомъ, а римляне обозначили: profanum vulgus. Вѣдь этотъ profanum vulgus имѣетъ мало общаго съ плебействомъ и ему противополагаются никакъ не патриціи. А кто же? Справимся съ Гораціемъ:

Odi profanum vulgus et arceo.
Favete linguis: carmina non prius
Audita, musarum sacerdos,
Virginibus puerisque canto.

Непосвященной черни противополагаются.... *дѣвы и мальчики*, то-есть, на современномъ языкѣ, самодовольнымъ и непроницаемымъ филистерамъ противополагаются юныя, внутренно дѣвственныя души (хотя бы и въ старческихъ тѣлахъ), души, открытыя для всего истинно прекраснаго и высокаго, будь оно и неслыханнымъ прежде—carmina non prius audita.

На вопросъ „черни“:—какая польза намъ отъ твоей пѣсни? —поэтъ гнѣвно отвѣчаетъ:

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій,
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь;
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты нищу въ немъ себѣваришь.

О Пушкинѣ разные люди бывали разнаго мнѣнія. Но, кажется, никто никогда не признавалъ за нимъ безвкусія и слабоумія. Но какая высокая степень безвкусія нужна была бы для того, чтобы бранить „поденщиками“ *дѣйствительныхъ* поденщиковъ и укорять людей, матеріально нуждающихся, за эту ихъ нужду; и какая высочайшая степень слабоумія потребовалась бы для того. чтобы изобразить поэта пререкающимся съ дѣйствительными поденщиками о статуѣ Аполлона Бельведерскаго! А вѣдь именно такое безпредѣльное безвкусіе и такое безпредѣльное слабоуміе пришлось бы приписать Пушкину, если только его „народъ“ признать за дѣйствительный простой народъ, и въ презрительно-гнѣвномъ отвращеніи и враждѣ поэта къ этому народу видѣть проявленіе „аристократизма“. Но вотъ съ ка-

кимъ холодно-надменнымъ, лицемѣрно-наглымъ издѣвательствомъ обращаются къ поэту эти мнимые „поденщики“:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй!
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки;
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Послѣдній стихъ, даже по формѣ выраженія, есть явная иронія и насмѣшка: ты, молъ, поговори, а мы тебя послушаемъ.

Трудно придти въ себя отъ изумленія, читая въ статьѣ г. Меньшикова, будто бы это, переданное Пушкинымъ, циничное зубоскальство безпредѣльно самодовольныхъ филистеровъ, такъ же безпечныхъ насчетъ нравственности, какъ и насчетъ поэзіи,—будто бы оно есть дѣйствительное, искреннее раскаяніе и даже „вопль раскаянія“!—Однако!—Кто же написалъ эту покаянную рѣчь толпы? Вѣдь Пушкинъ? А развѣ онъ съ начала до конца не объявляетъ этихъ людей хладно-*надменными*, тупо-лукавыми глупцами? Считая же ихъ надменными, какъ могъ онъ приписать имъ искреннее смиреніе, какъ могъ вложить въ ихъ лукавыя уста слова и „вопли“ истиннаго раскаянія?

На лживый, лицемѣрно-наглый вызовъ „черни“ отвѣчаетъ благородный и правдивый гнѣвъ поэта:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ разврате каменѣйте *смѣло*;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры!
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

Гнѣвъ поэта правдивъ и понятенъ: не такъ возмутительна прямая вражда къ доброму и прекрасному, какъ притворное къ

нимъ уваженіе, дѣлающееся лукавымъ средствомъ вражды. Гнѣвъ поэта правдивъ, языкъ поэта безгрѣшенъ, свободенъ отъ празднословія и лукавства; но... похожа ли его прямолинейная правдивость на „жало мудрыя змѣи“? Если гнѣвному краснорѣчію поэта дать сжатое и простонародное выраженіе, не сойдетъ ли оно на ту фразу: „ахъ вы подлецы, подлецы!“—которая была выше приведена, какъ образчикъ *элементарной* правдивости, способной только огорчить, но не пронзить зло насквозь? „Ахъ вы подлецы, подлецы!“— эта элементарная истина приняла въ устахъ поэта благородную форму, сохранивъ, однако, всю свою элементарность. М. О. Меньшиковъ, которому гнусно-лицемѣрныя слова „черни“ страннымъ образомъ показались „благородными“, называетъ отвѣтъ поэта „крайне грубымъ и злобнымъ“. Другимъ онъ кажется благороднымъ и правдивымъ. Это зависитъ отъ различнаго понятія правды: для однихъ правда всецѣло сводится къ одному незлобію; другіе понимаютъ правду какъ истинное единство любви и гнѣва. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что отвѣту поэта недостаетъ той змѣиной тонкости, которую Серафимъ сообщилъ въ пустынѣ Божію избраннику. Правдивый гнѣвъ такого избранника не исчерпывался бы крѣпкими словами, а производилъ бы крѣпкое дѣйствіе: онъ пронзалъ бы насквозь и до тла сжигалъ души злохудожныя. Но въ поэтѣ еще не было той полноты духовнаго перерожденія, которая необходима для такого дѣйствія.

Онъ въ своемъ „Пророкѣ“ вдохновенно изобразилъ идеалъ вѣщаго избранника, но не осуществилъ его въ себѣ. Перерожденіе въ немъ только начиналось, и, не будучи „поденщикомъ, рабомъ нужды, заботъ, червемъ земли“, онъ лишь на половину былъ сыномъ небесъ, оставаясь передъ чернью невольникомъ душевнаго раздвоенія. Онъ это чувствуетъ, и, махнувъ рукою на каменѣющую толпу, непроницаемую для „гласа лиры“, онъ уходитъ въ свою неприступную крѣпость, къ своему неотъемлемому достоянію:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Вдохновенье—вотъ начало и конецъ этой поэтической исповѣди. Вся она—только борьба за безусловныя права вдохновенія. Что значатъ всѣ лукавыя приставанія „черни“ къ поэту, какъ не покушенія на *верховность* его вдохновенія? „Пой намъ не то, что внушаетъ тебѣ твое вдохновеніе, которое кажется намъ без-

плоднымъ, а то, что намъ нужно и чего ты также долженъ хотѣть, — вѣдь долженъ же ты быть альтруистомъ, долженъ желать намъ блага!"

— „Подите прочь!"

XIII.

Душа поэта, какъ человѣка (его личная воля и умъ), пассивна въ области поэзіи, молчитъ передъ грядущимъ вдохновеніемъ, и только можетъ тосковать по немъ, жаждать его и готовиться къ его пріему. Но когда оно пришло, и принято душою, и овладѣло ею, то сама эта душа становится верховною властью въ своемъ мірѣ. Въ поэзіи вдохновенный поэтъ есть царь. Здѣсь, какъ истинный царь-самодержецъ, онъ не зависитъ отъ „народа", не слушаетъ его, не угождаетъ ему, и для своего собственнаго дѣла, для вдохновеннаго творчества, не нуждается ни въ чьемъ постороннемъ внушеніи и не подчиняется никакому постороннему суду.

Поэтъ отошелъ отъ толпы, смягчился, успокоился. То сознаніе своей поэтической самозаконности (автономіи), которое въ „Черни" приняло форму рѣзкой полемики съ врагами этой автономіи, выразилось въ сонетѣ: „*Поэту*", какъ задумчивый и продуманный монологъ:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

„*Чернь*" показала намъ въ драматическомъ изображеніи этотъ судъ глупца и этотъ смѣхъ толпы холодной, и гнѣвный отвѣтъ поэта. Теперь онъ безъ негодованія поминаетъ этотъ судъ и смѣхъ; онъ понялъ ихъ неизбѣжность и остается въ невозмутимомъ сознаніи своей верховной независимости.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Вдохновеніе безусловно свободно по своему началу, оно приходитъ само собою—но не съ пустыми руками: оно несетъ съ собою плоды любимыхъ думъ и налагаетъ на поэта благородный подвигъ ихъ усовершенствованія. Но этотъ подвигъ совер-

шается въ области внутренняго самосознанія поэта, и его награды не зависятъ отъ посторонняго одобренія:

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Замѣтьте смягченіе: та самая толпа, то-есть, тѣ враги поэтической автономіи и верховныхъ правъ вдохновенія, которые въ разговорѣ съ „чернью“ представлялись *каменѣющими въ развратѣ*,—здѣсь укоряются только за *дѣтскую рѣзвость*.

Мы не будемъ останавливаться на прекрасномъ маленькомъ стихотвореніи „Эхо“. Оно само было эхо, которымъ откликнулся Пушкинъ на голосъ Томаса Мура. Однако нельзя выпустить и его изъ числа самосвидѣтельствъ Пушкинской поэзіи; въ немъ особенно ярко выдвинута одна основная черта, всегда присущая поэтическому самосознанію Пушкина—невольность, пассивность творчества. Эхо не по своему произволу и выбору повторяетъ подходящіе звуки—„таковъ и ты, поэтъ!“ Замѣтимъ, однако, въ концѣ слегка грустную ноту: „тебѣ-жъ нѣтъ отклика“.

Подробный разборъ чудной драматической сцены „Моцартъ и Сальери“ еще предстоитъ намъ. Здѣсь замѣтимъ только, какъ прежнія характеристики творческаго генія подтверждаются и дополняются этою новою. „Пророкъ“, „жрецъ“, „царь“—къ этимъ тремъ образамъ присоединяется четвертый—„гулякъ праздный“. Но все это сходится въ одномъ: свобода и самозаконность относительно низшей и внѣшней, чужеродной условности и полная зависимость, пассивность передъ внутренними наитіями, изъ сверхсознательной области вдохновенія. Этотъ существенный характеръ поэзіи съ особенно яркою наглядностью выступаетъ здѣсь вслѣдствіе трагическаго столкновенія между истиннымъ геніемъ, Моцартомъ—онъ же и „гулякъ праздный“—и самоотверженнымъ, добросовѣстнымъ, но лишеннымъ высшаго вдохновенія подвижникомъ искусства,—Сальери.

XIV.

Идутъ годы. Въ груди поэта бьется все то же *трепетное* человѣческое сердце, кругомъ него все то же зло, и не чувствуетъ онъ въ себѣ того огня, который могъ бы спалить это

зло. Въ умѣ его все болѣе и болѣе укореняется сомнѣніе въ томъ необъятномъ призваніи, котораго величавый образъ явился ему нѣкогда на серединѣ его жизненнаго пути. Вниманіе его обращается на ближайшую будущность его поэзіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ еще разъ восходитъ,—но не на пустынную вершину серафическихъ вдохновеній, а на то предгорье, откуда взоръ его видитъ большой народъ,—потомство его поэзіи, ея будущую публику. Этотъ большой народъ, конечно, не та маленькая „чернь", свѣтская и старосвѣтская, что его окружаетъ. Этотъ новый большой народъ не вырываетъ гнѣвныхъ словъ у поэта, эти народныя колыбели не противны его душѣ, какъ живые гробы. Въ этомъ большомъ народѣ есть добро, и оно дастъ добрый откликъ на то, что̀ найдетъ добрымъ въ поэзіи Пушкина. Поэтъ не провидитъ, чтобы этотъ большой народъ весь состоялъ изъ цѣнителей чистой поэзіи: и эти люди будутъ требовать пользы отъ поэзіи, но они будутъ *искренно* желать *истинной* пользы нравственной;—на встрѣчу такому требованію поэтъ можетъ пойти безъ униженія: вѣдь и чистая поэзія приноситъ истинную пользу, хотя не преднамѣренно. Такъ что-жъ? Эти люди цѣнятъ поэзію не въ ней самой, а въ ея нравственныхъ дѣйствіяхъ. Отчего же не показать имъ этихъ дѣйствій въ Пушкинской поэзіи? „То добро, которое вы цѣните, —оно есть и въ моемъ поэтическомъ запасѣ; за него вы будете вѣчно цѣнить мою поэзію; оно воздвигнетъ мнѣ среди васъ нерукотворный и несокрушимый памятникъ". Вотъ достойный и благородный „компромиссъ" поэта съ будущимъ народомъ, составляющій сущность стихотворенія „Памятникъ". Это стихотвореніе есть не поэтическое, а практическое (въ хорошемъ смыслѣ слова) *credo* Пушкина,—непостыдное соглашеніе его съ потомствомъ. Для поэта главное въ поэзіи—она сама, но онъ не можетъ отрицать и ея нравственной пользы; для „народа" главное въ поэзіи—эта нравственная польза, но вѣдь онъ цѣнитъ и ея прекрасную форму. Значитъ, нѣтъ надобности обращать эти два взгляда остріемъ другъ противъ друга, когда они могутъ сойтись въ одной и той же, хотя неодинаково обоснованной оцѣнкѣ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ *народная тропа*;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Высота поэтическаго самосознанія уже не обращена здѣсь противъ народа, да и не имѣетъ причины обращаться. Вѣдь

этотъ *будущій* народъ не посягаетъ на права вдохновенія, ничего не требуетъ отъ поэта,—онъ только беретъ въ созданіяхъ поэта то, что особенно цѣнитъ. Самъ поэтъ выше всего цѣнитъ у себя чистую поэзію; отъ этого онъ и теперь не отрекается:

Нѣтъ! весь я не умру! Душа *въ завѣтной лирѣ*
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ.

Самое важное для поэта—поэтическое вдохновеніе, *завѣтная лира*. Это есть первое и главное основаніе его славы *среди избранниковъ*:

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Но поэтъ, прежде забывавшій даже о средѣ избранниковъ, утверждавшійся въ своемъ безусловномъ одиночествѣ—„ты царь: живи одинъ“,—теперь не ограничивается уже и своею славою среди „піитовъ“,—онъ утверждаетъ свою *всенародную* славу:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ;
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей—калмыкъ.

Поэтъ знаетъ, что эта пестрая народная толпа будетъ цѣнить его главнымъ образомъ не за чистую поэзію, не за вдохновеніе „звуковъ сладкихъ и молитвъ“,—для нея болѣе цѣнно нравственное дѣйствіе поэзіи:—

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Это дорого народу, но вѣдь это дорого и самому поэту, хотя и не дороже всего. Въ послѣдней строфѣ, какъ бы полагая нерушимую печать безупречнаго благородства на свое соглашеніе съ потомствомъ, поэтъ опять настаиваетъ на верховности вдохновенія и на безусловной самозаконности поэзіи:

Велѣнью Божію, о, муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

При всемъ различіи разобранныхъ нами стихотвореній, они сходятся въ томъ, что по мысли и внутреннему чувству Пушкина все значеніе поэзіи—въ безусловно-независимомъ отъ внѣшнихъ цѣлей и намѣреній, самозаконномъ вдохновеніи, создаю-

щемъ то прекрасное, что̀ по самому существу своему есть и нравственно доброе.

Этимъ достаточно опредѣляется *значеніе* поэзіи, но не содержаніе ея. Чтобы ближе узнать это содержаніе, всего лучше послѣдовательно пройти черезъ весь рядъ Пушкинскихъ твореній.

Владиміръ Соловьевъ.

1899 г.

ИЗЪ

М. А. ГЮЙО

„Vers d'un philosophe".

I.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

Здравствуй, свѣтлое море! я снова съ тобой,
Съ чаровницей любимой, подъ небомъ лазурнымъ,
Съ этой чудной волною, всегда голубой—
Даже въ трепетѣ бурномъ!

Я вернулся къ тебѣ отъ угрюмыхъ валовъ,
Отъ тоски океана, глухой и безбрежной;
Пусть же въ сердце ворвется мнѣ радостью нѣжной
Блескъ твоихъ береговъ!

Здѣсь я вижу, какъ вѣтеръ струей прихотливой
Бѣлый цвѣтъ померанцевъ ласкаетъ твоихъ,
Какъ на берегъ бросаютъ гиганты-оливы
Тѣнь стволовъ вѣковыхъ;

Здѣсь я Альпы гранитныя вижу... Съ тѣхъ поръ,
Какъ явились, поднялись они надъ землею,
Улыбнулся у ногъ ихъ зеркальный просторъ,
Ожилъ свѣтлой волною;

И донынѣ стоятъ великаны-хребты,
Хмуря скалы, повитыя молніей гибкой,
И донынѣ у ногъ ихъ красуешься ты
Лучезарной улыбкой!

Горы старятся; бѣлымъ покровомъ зимы
Облегаетъ чело ихъ гнетущее горе;
Но въ тебѣ видимъ юность всесильную мы,
Вѣчно вольное море!

Ты бурлишь,—какъ бурлило и прежде, порой,
Подъ судами аѳинянъ, что къ безднѣ опасной
Изъ Пирея неслись, словно вспугнутый рой...
Ты—все такъ же прекрасно!

—Я повыше взберусь: на пригоркѣ крутомъ,
Гдѣ лужайка смѣется и въ зелени тонетъ,
Тамъ, гдѣ горькій цитронъ листья блѣдные клонитъ
Надъ лавровымъ кустомъ,—

Тамъ я стану, взгляну, какъ сверкаетъ лучами
И сливается съ небомъ твой синій просторъ;
Мать Венеры съ лазурно-живыми очами,
Ты плѣняешь мой взоръ!

Впереди—только пятнышко, точка бѣлѣетъ:
Это птицы, то стая морскихъ гальціонъ;
Сбились въ кучу онѣ, и спокойный ихъ сонъ
Нѣжно море лелѣетъ;

Но раздастся лишь звукъ, прошумятъ голоса,—
И разсѣется стая въ лазурномъ просторѣ;
И такъ хочется съ нею вспорхнуть въ небеса
Надъ тобою, о, море!

Замыкаешь ты землю, лазурь открывая,
Какъ предѣлъ для шаговъ, безпредѣльность для глазъ,
И вдвойнѣ близъ тебя будитъ птичка живая
Жажду крыльевъ у насъ!

Тянетъ насъ эта даль, насъ томитъ искушенье:
Такъ умчаться къ ней, въ сказкѣ, ребенокъ хотѣлъ...

Смѣлымъ взмахомъ крыла онъ исполнилъ рѣшенье,—
Вотъ онъ къ небу взлетѣлъ;

Съ моря дышетъ въ лицо ему вѣтеръ безпечный,
Убѣгая, зоветъ его синяя даль,
Опьяняетъ привѣтомъ прозрачный хрусталь,
Какъ мечта, безконечный,—

Онъ поднялся... упалъ... и погибъ онъ навѣкъ!
Но живетъ еще въ насъ той мечты опьяненье,
И теперь еще рядомъ съ тобой человѣкъ
Въ сердцѣ чуетъ волненье.

Презираю я землю: темно на землѣ!
Словно стѣны тюрьмы, эти горы сѣрѣютъ;
Въ этой чащѣ лѣсной, какъ въ удушливой мглѣ,
Крылья сердца слабѣютъ;

Такъ откройся же, море! Отвагою полнъ,
Я хочу въ блескѣ солнца носиться съ волною,
И двойную безбрежность—и неба, и волнъ—
Охвачу я душою!

Буду жить безъ оглядки, безъ мукъ и заботъ,
Жить улыбкой небесъ, въ опьяненьѣ счастливомъ,
И твердить, отдаваясь свободнымъ порывамъ:
Жизнь—стремленье впередъ!

II.

GENITRIX HOMINUMQUE DEUMQUE.

Я помню сонъ одинъ: онъ въ дѣтствѣ мнѣ приснился.
Я видѣлъ мать мою; былъ тотъ же взглядъ у ней,
Походка, голосъ тотъ,—но странно измѣнился
Тотъ голосъ: онъ звучалъ отрывистѣй, грубѣй,
Въ немъ не было любви, ласкающей и томной...
То мама ли была? Я слушалъ и не зналъ;
Былъ голосъ такъ знакомъ и чуждо такъ звучалъ,
Что въ сердце мнѣ проникъ какой-то ужасъ темный,
И къ утренней зарѣ я плакать былъ готовъ.

Проснулся—мать моя стояла тутъ же, рядомъ;
Я взглядъ ея ловилъ своимъ пытливымъ взглядомъ,
Но колебался все: я жаждалъ звуковъ, словъ!
Уста открылися—любовью безконечной
Звучала рѣчь ея,—и кинулся я къ ней.

О, ты, Природа-мать! своею грудью вѣчной,
Неистощимая кормилица людей,
Ты насъ питаешь всѣхъ, не зная утомленья,
Рождая новыя, все снова поколѣнья;
Твой голосъ чудится довѣрчивымъ сердцамъ
Въ лѣсахъ и на̀ морѣ, въ лугахъ и по̀ горамъ;
Но отчего въ немъ нѣтъ оттѣнка умиленья?
Ты будто мать для насъ, по нѣтъ въ тебѣ любви;
Ты улыбаешься,—но не сердечной лаской;
И вызываютъ въ насъ всѣ чудеса твои
Лишь удивленіе—съ печальною окраской...
Иль вправду сердца нѣтъ въ безбрежности твоей?
И, вѣрно, не любя, рождаешь ты дѣтей?
Гремитъ ли птичекъ хоръ въ листвѣ твоей зеленой,
Иль юная заря блеснетъ на небесахъ,
Иль расцвѣтетъ весна съ улыбкой на устахъ,
Иль стихнетъ океанъ волною укрощенной,—
Ты не трепещешь вся, какъ любящая мать?
Твой гулъ таинственный, суровый гулъ созвучій,
Дыханье нѣдръ твоихъ раздутыхъ, вихрь могучій,
Для насъ безсмысленны, имъ нечего сказать?
Ты только видишь насъ? но можешь ли понять,
Что людямъ мало жить, и—странныя созданья!—
Не только счастія,—хотятъ они и знанья;
Что въ сердцѣ ихъ горитъ къ безбрежности порывъ,
Что ищемъ мы любви, объятія раскрывъ,
И, не найдя тебя, дивимся и тоскуемъ?

Межъ тѣмъ, склонясь къ тебѣ, безстрастной и чужой,
Мечтатель иль поэтъ, предчувствіемъ волнуемъ,
Какъ будто различалъ порою голосъ твой,—
Дыханье нѣжности, надежды пробужденье,—
И повѣрялъ другимъ завѣтную мечту:
„Природа не слѣпа: въ ней скрыто Провидѣнье;
Надѣемся жъ!“ И вотъ, забывши нищету
Своихъ надеждъ и силъ, спокойно люди жили

И засыпали такъ, подъ вечеръ въ гробъ ложась,
Какъ только дѣти спятъ, когда ихъ убѣдили,
Что мать сидитъ всю ночь, надъ люлькой ихъ склонясь.
Но если человѣкъ когда-нибудь проснется
И заколеблется,—кто руку дастъ ему?
Чей голосъ внутренній ушей его коснется
Въ могильной тишинѣ? И, разгоняя тьму,
Предстанешь ли ты намъ природою прекрасной
Смѣющейся весны, лазури голубой,
Иль вправду ты для насъ окажешься безстрастной,
Не знающей ни слезъ, ни радости людской,
Для мертвыхъ и живыхъ—кормилицей наемной,
Баюкающей всѣхъ рукой своей огромной?

Когда окончится нашъ долгій, мертвый сонъ,
Узнаемъ это мы.—Но кончится ли онъ?

III.

КЛЮЧЪ.

Изъ камня ключъ бѣжалъ холодною струей.
Подставивъ свой кувшинъ, у камня въ ожиданьѣ
Склонилась дѣвочка, съ открытой головой,
И слушала воды спокойное журчанье.

Я видѣлъ, какъ съ полей тянулися стада;
На колокольню легъ заката лучъ пурпурный;
Сидѣла дѣвочка, облокотясь надъ урной,
И медленно въ сосудъ струилася вода.

Какъ нитка свѣтлая, растрепленная вѣтромъ,
Спадала внизъ струя, журча пѣвучимъ метромъ...
—Такъ ты, о, жизнь моя, скользящая волна,

Мнѣ наполняешь грудь струею говорливой;
И чтобъ узнать, порой,—вся чаша ли полна,
Склоняюсь надъ тобой я въ думѣ терпѣливой.

IV.

НАДЪ ПЕРВОЙ МОГИЛОЙ.

Когда впервые смерть раскрыла на землѣ
Могилу темную, какъ свой побѣгъ весенній,
Въ раздумьѣ человѣкъ склонился на колѣни
Надъ прахомъ ближняго, лежавшаго во мглѣ.
—„Ты спишь, онъ говорилъ: но долженъ пробудиться;
Вотъ мясо, хлѣбъ, плоды, чтобъ могъ ты подкрѣпиться.
Для тьмы ты зрячимъ сталъ; подумай же о насъ!
Порой, когда закатъ скрывается, блѣднѣя,
И сходитъ вечеръ къ намъ, я чувствовалъ не разъ:
Ты надо мной скользилъ, крыломъ воздушнымъ вѣя;
Мнѣ съ вѣтеркомъ ночнымъ твой голосъ все звучалъ;
Но ты являлся мнѣ, манилъ—и исчезалъ.
Внемли жъ! я голоденъ, терплю я жажды муки,
Дрожу отъ холода и гнусь подъ нищетой;
О, защити меня! о, протяни мнѣ руки!
Пусть сжалится хоть смерть надъ жизнью, надо мной!
Открой объятья намъ,—и, въ жизни братъ мой милый,
Во снѣ таинственномъ стань богомъ для меня!“

Такъ надъ могилою, рыданіемъ звеня,
Молитва первая довѣрчиво всходила.
Но не отвѣтила безмолвная могила.

V.

ГОРЕ ПОЭТА.

Нѣтъ, мало для меня быть окомъ безучастнымъ:
Міръ отразить на мигъ—и гаснуть безъ слѣда.
Я воплотить его хочу твореньемъ страстнымъ
И передать другимъ! Ты предо мной всегда,
Природа вѣчная; всѣ звуки слабыхъ пѣсенъ,
Всѣ думы, страхъ, любовь,—все заполняешь ты!
Предъ бездной космоса я сердцемъ слишкомъ тѣсенъ;
Но и во мнѣ кипятъ, волнуются мечты,

Трепещетъ цѣлый міръ, и бьетъ ключомъ идея,
То мукою дыша, то радостью свѣтлѣя.
Я слишкомъ полонъ чувствъ, чтобъ говорить о нихъ,
И не могу молчать! И съ трепетомъ иду я,—
Куда меня влечетъ пѣвучій, нѣжный стихъ,
Волною сладостной тревожа и чаруя.
Что̀ расцвѣтетъ во мнѣ—все рвется на уста...
Какъ съ мыслью совладать? всесильна красота,—
А мысль бываетъ такъ заманчиво прекрасна!
Невольно сердце въ насъ откроется предъ ней
И ей откроетъ путь въ сердца другихъ людей:
Мы для идей своихъ безсмертья жаждемъ страстно,
Онѣ—спѣшатъ другихъ обрадовать скорѣй!
Искусство, какъ любовь, всегда великодушно;
Я наслаждаться имъ умѣю лишь вдвоемъ!
Есть что-то высшее, божественное въ немъ,—
И рядомъ съ красотой быть одинокимъ душно:
Съ другими свой восторгъ должны мы раздѣлить;
И какъ тогда легко, какъ радостно любить!

Но вспомнишь въ тотъ же мигъ, какъ мало въ сердцѣ силы,
Какъ мало красоту намъ выразить дано,—
И вздохомъ скажется печаль души безкрылой:
Отъ высшихъ радостей намъ плакать суждено!

VI.

ВЪ ПУТИ НА ЮГЪ.

Повсюду солнце! море свѣта!
Синѣя темной бирюзой,
Лазурь кипитъ, огнемъ одѣта,
И дышетъ пламенной грозой.

Привѣтъ мой вамъ, лучи живые!
Прочь, леденящій мракъ заботъ!
Всѣ мысли пошлыя, дурныя
Рождаетъ низкій небосводъ.

Когда же день горитъ и блещетъ,—
Какъ блещетъ Правда, вся въ лучахъ,—

Душа раскроется, трепещетъ,
И въ ней свѣтло, какъ въ небесахъ!

Впередъ! весь міръ я безконечный
Хочу избрать роднымъ угломъ,
И будетъ солнца лучъ безпечный
Моимъ домашнимъ очагомъ!

Ив. Тхоржевскій.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ

БУСЛАЕВА о ТУРГЕНЕВѢ

Послѣдніе годы своей жизни покойный профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ (ум. 31 іюля 1897 г.), за слабостью зрѣнія, отказался отъ научной работы и наполнялъ свой досугъ—кромѣ составленія мемуаровъ—чтеніемъ. Мысль его была еще настолько свѣжа и дѣятельна, что онъ не довольствовался однимъ пассивнымъ воспріятіемъ шедѣвровъ литературы. Его любимымъ писателемъ былъ тогда Тургеневъ, и онъ сталъ работать надъ нимъ. Сила мысли и живость эстетическаго чувства нашли тутъ достойное себѣ примѣненіе. Сперва творчество Тургенева было предметомъ только любознательности: Буслаевъ захотѣлъ составить себѣ собственное мнѣніе о писателѣ, когда о немъ послѣ его смерти стали такъ много писать у насъ и за границею; а онъ, историкъ литературы, знакомъ былъ съ нимъ бѣгло и поверхностно. Но затѣмъ изученіе перешло въ увлеченіе предметомъ и вызвало намѣреніе посвятить ему критическое изслѣдованіе.

Онъ сталъ собирать матеріалъ; а здоровье его между тѣмъ слабѣло, зрѣніе совсѣмъ пропало и обработать матеріалъ не хватило уже силъ. Онъ аккуратно сложилъ все, что имъ было записано своею и чужою рукою, надписалъ: „Матеріалы для Тургенева“, и отложилъ въ сторону. Послѣ его смерти, въ этихъ бумагахъ не оказалось ничего цѣльнаго или законченнаго. Кромѣ вырѣзокъ изъ газетъ, тутъ есть: во-первыхъ, двѣ тетради выписокъ, сдѣланныхъ еще рукою самого Ѳед. Ив. твердымъ, сравнительно, четкимъ почеркомъ чернилами—выписокъ изъ русской и

иностранной критики; нѣкоторыя снабжены собственными дополненіями или возраженіями Буслаева. А затѣмъ, во-вторыхъ, нѣсколько отдѣльныхъ листковъ или случайно попадавшихся подъ руку бумажекъ, гдѣ Буслаевъ записывалъ свои мысли по поводу прочитаннаго, или отмѣчалъ отдѣльныя слова и выраженія, съ указаніемъ томовъ и страницъ. Этихъ послѣднихъ отмѣтокъ особенно много. И уже одно то, что онѣ собраны и выбраны самимъ Буслаевымъ, должно имѣть для филологовъ серьезное значеніе. Тутъ указано много грамматическихъ и синтаксическихъ особенностей, обычныя выраженія, всѣ областныя и народныя, не имѣющіяся въ академическомъ словарѣ, провинціализмы и т. п.

Для критика не-филолога цѣнны тѣ общія мысли о Тургеневѣ, которыя кидались на клочки бумаги (нерѣдко, впрочемъ, исписывался и цѣлый листъ, свернутый въ четвертушку) кидались безъ связи и послѣдовательности, какъ бы небрежно и второпяхъ, по мѣрѣ того, какъ возникали впечатлѣнія читаемаго. Наброски эти образуютъ тотъ основной фондъ мысли, на которомъ потомъ строится критическая работа. Привести эти наброски въ связь, обставить доказательствами,—дать, словомъ, окончательную форму своей мысли — у Буслаева недостало уже силъ. И вотъ планъ критическаго изслѣдованія былъ имъ тщательно обдуманъ, матеріалъ собранъ въ должномъ количествѣ,—но работа не написалась. А между тѣмъ, при литературномъ образованіи Буслаева и при тонкости его художественнаго вкуса,—не говоря уже про любовное отношеніе къ предмету и ту эрудицію филолога, которая неотдѣлима отъ его имени,—критическое изслѣдованіе это могло бы имѣть большую цѣнность. Поэтому-то я и позволяю себѣ теперь сообщить то, сравнительно съ задуманною работою, немногое, что находится въ этихъ отрывкахъ и наброскахъ [1]). Я считаю нужнымъ, для большей ясности, придать имъ нѣкоторую связность; для этого я дополняю ихъ отчасти моими воспоминаніями о Буслаевѣ, но болѣе всего—его же собственною мыслью, занесенною имъ на страницы его экземпляра Сочиненій Тургенева.

Девять томовъ 10-томнаго изданія (1-го посм. изд. 1883 г.)—читались и перечитывались Буслаевымъ множество разъ и въ различномъ порядкѣ. Одинъ только томъ не тронутъ вовсе: дра-

[1]) Я выбираю изъ нихъ тѣ, которые относятся къ творчеству Тургенева въ цѣломъ и общемъ, а детальныя замѣтки къ тому или иному произведенію сюда не войдутъ.

матическія произведенія. Буслаевъ театра не любилъ, и въ исторіи литературы занимался преимущественно эпосомъ. Всѣ другіе томы испещрены его замѣтками; одни больше, другіе меньше, разными почерками, смотря по состоянію зрѣнія; а нѣкоторые—почти исключительно чужою рукою. Въ этихъ отмѣткахъ виденъ весь постепенный подготовительный трудъ для критическаго изслѣдованія: наглядно выясняется, какъ изучался текстъ. Тутъ, кромѣ работы надъ языкомъ, которую Буслаевъ потомъ съ полей книги переносилъ на отдѣльныя бумажки,—видна работа надъ слогомъ и стилемъ; тутъ выдѣлены и отмѣчены *пріемы описанія*—какъ природы, такъ и человѣка; указаны отдѣльныя *сентенціи* и *сравненія;* резюмированы *общія мысли*, *взгляды* Тургенева на тотъ или иной вопросъ и, наконецъ, выражены *личныя мнѣнія* Буслаева (напр.: „безподобно, мило, граціозно, превосходно“ и т. п.),—мнѣнія, добавленныя воспоминаніями—иногда изъ жизни, иногда изъ чтенія (сравнительно съ Гёте, Дантомъ, Тассомъ и т. п.). Отмѣтокъ этихъ такъ много, и онѣ такъ характерны и для Тургенева, и для Буслаева, что могли бы составить предметъ особой работы. Теперь ими можно воспользоваться для уясненія той эстетической критики, которую Буслаевъ думалъ примѣнить къ Тургеневу.

Замѣтимъ прежде всего, что въ этомъ изученіи Буслаевъ подходилъ къ Тургеневу безъ всякой предвзятой мысли: онъ не искалъ въ его творчествѣ подтвержденія какимъ-нибудь извнѣ принесеннымъ взглядамъ — политическимъ, нравственнымъ или инымъ. Для него художественное произведеніе должно было прежде всего быть предметомъ эстетическаго наслажденія, т.-е. отвѣчать запросамъ фантазіи. Онъ самъ совершенно непосредственно любилъ изящную литературу—преимущественно повѣсти, романы; и чтеніе всегда доставляло ему удовольствіе. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за нитью разсказа, съ нетерпѣніемъ ждалъ развязки дѣйствія или разгадки характера, и вполнѣ переносился въ изображаемую авторомъ среду. Однажды, во время болѣзни или утомленія, когда онъ не могъ выносить умственнаго напряженія, ему читали „Сказки Шехеразады“. Онъ наслаждался тутъ обиліемъ вымысла и радовался за ихъ занимательность чисто внѣшнюю; хотя онъ и говорилъ, смѣясь надъ собою, что впадаетъ въ дѣтство, потому что тѣшится сказкою какъ малый ребенокъ,—въ немъ все-таки, какъ въ ученомъ, жила строгость критики и къ своей мысли, и къ литературному произведенію. Свое впечатлѣніе, живое и поэтическое, отъ сказокъ „Тысяча-одной

ночи" онъ набросалъ на бумагу. Быть можетъ, въ его мысли это впечатлѣніе вязалось съ теоріею и критикою повѣствованія вообще и Тургенева въ особенности,—потому что онъ включилъ этотъ отрывокъ въ свои „Матеріалы для Тургенева";—быть можетъ, это произошло и по простой случайности. Но во всякомъ случаѣ, если мысли эти относятся къ Тургеневу только косвенно, то очень характерны для самого Буслаева, для живости его воспріятія, для его вкуса и его требованій отъ литературы. Вотъ этотъ отрывокъ.

„Чувствую, что безподобная Шехеразада своими поэтическими чарами молодитъ мои старческія силы, извлекаетъ изъ дряхлой апатіи и, какъ классическая муза, внушаетъ мнѣ добрыя и свѣтлыя увлеченія и работы.

„Женщина по истинѣ очаровательна. Это—и старая няня Пушкина, вдохновляющая его народными сказками, и всѣ вмѣстѣ собесѣдницы флорентійскаго Декамерона, такъ игриво и граціозно, со свойственною ихъ родинѣ пресловутою вѣжливостью, забавлявшія своихъ собесѣдниковъ повѣстями и анекдотами; это, наконецъ, и простодушные, суевѣрные слагатели средневѣковыхъ легендъ и сказаній о необычайныхъ чудесахъ и диковинкахъ на землѣ и на небѣ.

„Фантастическія сказки о несбыточныхъ дѣлахъ и всякихъ небывальщинахъ;—благоразумныя повѣствованія о житьѣ-бытьѣ, съ мелочами о томъ, гдѣ и какъ кто живетъ и какъ думаетъ;—и авторитетныя достоинства слагателя поучительной легенды, съ его непоколебимою вѣрою въ измышленныя имъ чудеса;—всѣмъ этимъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ умѣютъ владѣть эти необыкновенныя женщины, одаренныя столь высокою поэтическою фантазіею и глубиною чувства, какъ и свѣтлымъ проницательнымъ умомъ, ловкостью, смѣтливостью, находчивостью и—героизмомъ.

„Это—одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій женской геніальности, и въ нынѣшнее время, когда такъ заняты вопросомъ о значеніи и правахъ женщины, созданіе такого идеала, какъ сказочная Шехеразада, могло бы занять почетное мѣсто. (Затѣмъ указано крайне неразборчивымъ почеркомъ на нравственное значеніе этого типа: величіе души въ подвигѣ для спасенія тысячи жизней, сокровища снисхожденія, любви и дружбы.)

„Сказка, какъ сказка, прежде всего занимательна; ея цѣль—возбуждать и поддерживать интересъ и любопытство до такой степени, что слушающій съ ненасытною жадностью стремится

къ развязкѣ, и всякая катастрофа, какъ неразрѣшимая загадка, подстрекаетъ его, какъ голоднаго—къ куску хлѣба.

„Затѣмъ, сказка—великое дѣло: она спасаетъ человѣку жизнь, какъ и самой разсказчицѣ Шехеразадѣ. Ею спасаются приговоренныя къ казни или несчастныя жертвы кровожадныхъ чудовищъ.

„Потому, какъ историческій документъ, она записывается въ памяти потомства.

„Самое сцѣпленіе сказокъ или нанизываніе одной на другую усиливаетъ и разжигаетъ интересъ, такъ какъ слѣдующая должна быть интереснѣе предъидущей.

„И всѣмъ этимъ вмѣстѣ Шехеразада мастерски умѣетъ пользоваться для своего великодушнаго подвига—спасти вмѣстѣ съ своею жизнью и сотни другихъ, обреченныхъ на неминуемую смерть.

„И ея слушатель—всемогущій тиранъ—только болѣе и болѣе распаляетъ свою жажду, когда проникается живѣйшимъ сочувствіемъ въ ненасытимой алчности другихъ дѣйствующихъ лицъ узнать подробности разсказа, которыя такъ всегда кстати вносятся въ этотъ нескончаемый потокъ сказочнаго наплыва.

„Это сказочное обаяніе вмѣстѣ съ султанскимъ величествомъ раздѣлитъ и всякій читатель „Тысячи и одной ночи“.

„Во внѣшней формѣ, или, точнѣе, въ составленіи всего цѣлаго — при разнообразіи частей — замѣчательна стройность въ преслѣдованіи главной мысли, или прикрытой цѣли и задачи, усвоенной Шехеразадою для приведенія въ исполненіе своего великодушнаго подвига: — это мастерское нанизываніе одной сказки на другую, чтобы непрестанно и какъ бы *неразрывно* поддерживать ненасытный интересъ кровожаднаго тирана, раздѣляемый вмѣстѣ съ нимъ читателями.

„Эпизодъ о Египтѣ (стр. 344—5) расширяетъ поэзію въ область описательно-повѣствовательной прозы, какъ въ романахъ; но оно не насильственно вставлено въ повѣсть, а вызывается самымъ ея содержаніемъ, вытекающимъ изъ интересовъ дѣйствующихъ лицъ.

„Психологія сказокъ—не выдумка романтизма, а необходимое естественное выраженіе чувствъ повѣствующаго о себѣ самомъ...

„Какое различіе *въ стилѣ* отъ эпическаго спокойствія въ повѣствованіи Одиссея!

„Шехеразада разсказываетъ такъ повѣствованія, что самъ султанъ и визирь повелѣваютъ записать ихъ въ книгу, чтобы

память о нихъ сохранялась въ народѣ. Исполинское свидѣтельство этой музы дошло и до насъ".

Впечатлѣнія Буслаева отъ „Тысяча-одной ночи"—основной мотивъ его критики. Богатство фантазіи и вымысла—хотя бы, какъ въ данномъ случаѣ, исключительно сказочно-волшебнаго—производятъ очарованіе, обаяніе на его душу. Ненасытная жадность интереса къ повѣствованію, которую читатель, будто бы, раздѣляетъ съ султаномъ—это непосредственное удовольствіе—удовлетворяетъ собою первое и главное требованіе Буслаева отъ изящной литературы; затѣмъ являются и другія, и прежде всего *нравственная идея*. А отсюда и уваженіе къ женщинѣ, какъ къ вдохновительницѣ поэзіи съ одной стороны, и къ женскому уму и чувству, съ другой, если эти силы направлены на подвигъ, самоотверженность и великодушіе героизма.

Этому первобытному элементу повѣствованія—изобрѣтательности вымысла, т.-е. той силѣ знанія и воображенія, которою Шехеразада спасаетъ столько жизней, Буслаевъ придавалъ первенствующее значеніе. Безъ творческаго дара, безъ фантазіи—нѣтъ поэзіи. Поэтому Буслаевъ былъ очень строгъ, напр., къ натуралистическому роману — наблюдательность, протоколизмъ, такъ же возмущали его, какъ въ другихъ случаяхъ тенденціозность и морализація. Онъ находилъ романы Золá крайне скучными, и Вольтеровское: „Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux!" было для него аксіомою [1]).

Такіе запросы фантазіи и чувства вносилъ Буслаевъ и въ изученіе Тургенева. Изученіе началось у него съ наслажденія: онъ читалъ и перечитывалъ Тургенева, и постоянно находилъ въ томъ новое удовольствіе:

„Что бы я ни читалъ, — записываетъ онъ,—послѣднее изъ прочитаннаго мнѣ кажется лучшимъ".—Или:

„У такого писателя, какъ Тургеневъ, я дорожу всѣмъ: все меня увлекаетъ и интересуетъ, и въ самыхъ недостаткахъ мнѣ чудятся проблески того же любимаго человѣка".

Подобное преклоненіе передъ авторомъ отдаляетъ его отъ насъ, ставитъ на высоту. И Тургеневъ, когда сталъ для Буслаева образцовымъ, классическимъ творцомъ, тѣмъ самымъ ото-

---

[1]) Эти требованія онъ высказывалъ и печатно,—напр., въ статьѣ о значеніи романа, дополненной имъ въ 1885 г., одновременно, повидимому, съ написаніемъ этого отрывка.

двинулся въ прошлое; и хотя ровесникъ по годамъ Тургеневу (оба родились, какъ и императоръ Александръ II, въ 1818 г.), Буслаевъ смотрѣлъ на себя какъ на потомство. Въ сужденіи о писателѣ... „современники бываютъ строже потомства. Для нихъ Тургеневъ увлекался то Ж.-Зандомъ, то Гоголемъ, а для насъ это—цѣнное свидѣтельство его возроставшаго дарованія, попытки проторить свою дорогу между распутіями, или просто увлеченія чуткой души, какъ и впослѣдствіи онъ увлекался эстетикомъ Флоберомъ; но всегда оставался вѣренъ великому Гёте.

„Современники заносчивы: они еще не подозрѣваютъ въ критикуемыхъ ими мелочахъ тѣхъ искръ, которыя тлѣютъ... потому многіе геніи были оцѣнены впослѣдствіи".

Буслаевъ не смотрѣлъ на Тургенева глазами современника, который разбирается въ мысляхъ и чувствахъ писателя, т.-е. *критикуетъ* ихъ. Иногда онъ смотрѣлъ на него глазами того потомства, которое въ художественномъ произведеніи видитъ интересъ историческій. Но чаще всего Буслаевъ судилъ какъ публика, которая только наслаждается поэзіею; потому и въ изученіи своемъ онъ думалъ держаться точки зрѣнія преимущественно *эстетической*.

„Взгляды, впечатлѣнія сужденія простого читателя, какъ я,— говоритъ онъ, — отличаются отъ прозорливой требовательности записного критика и присяжнаго оцѣнщика.—Потому во многомъ я расхожусь (съ критикою).—Впрочемъ, я думаю, поэтъ пишетъ для публики, а не для критиковъ".

Буслаевъ объясняетъ отчасти, почему онъ расходится съ критикою современниковъ Тургенева:

„Критики любятъ критиковать, и это особенно бываетъ надъ произведеніями еще не установившейся репутаціи, надъ только-что появляющимися въ свѣтъ произведеніями и преимущественно когда въ нихъ затрогиваются животрепещущіе интересы, захватывающіе „злобу дня",—такъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ", „Дымѣ", „Нови". Тутъ всякій читатель—судья романа и повѣсти, какъ свидѣтель—въ окружномъ судѣ, или присяжный засѣдатель. Толковать о „злобѣ дня" всякъ воленъ; всякій чувствуетъ свое призваніе; всякій пробуетъ и оцѣниваетъ по своему вкусу поданное ему на столъ кушанье.

„Болѣе даровитые и болѣе внимательные изъ читателей, вооруженные знаніемъ и опытностью, чувствуя свое призваніе руководить общественнымъ мнѣніемъ и воспитывать вкусъ публики, соглашаютъ свои наблюденія и сужденія печати; и такимъ

образомъ устанавливается репутація новаго произведенія, если только не разойдутся между собою критики въ противорѣчивыхъ взглядахъ, какъ это случилось съ произведеніями Тургенева.

„Чѣмъ геніальнѣе писатель, тѣмъ глубже и многостороннѣе онъ захватываетъ тончайшія нити въ запутанныхъ узлахъ текущей жизни, тѣмъ неотразимѣе волнуетъ, радуетъ или смущаетъ читателя въ изображеніи той сутолоки, какую влечетъ за собою комедія жизни".

Въ другомъ мѣстѣ Буслаевъ заноситъ, по поводу „безподобной драматической сцены" въ „Нови" (т. V, стр. 417—425, посѣщеніе фабрики Ст. Соломинымъ и обѣдъ у Сипягина—спичъ): „въ критикахъ много злобы дня, которая застилаетъ имъ глаза".

Буслаевъ, не считая себя современникомъ, не заинтересованъ „злобою дня". Напротивъ, въ Тургеневѣ онъ особенно цѣнитъ его объективность, т.-е. то, что Тургеневъ не становился ни на ту, ни на другую изъ враждующихъ сторонъ, имъ изображаемыхъ. Поэтъ по своимъ взглядамъ стоялъ для Буслаева выше борьбы, выше злобы дня, выше какъ поколѣнія „Отцовъ", такъ и поколѣнія „Дѣтей". Поднимая Тургенева на высоту художественной геніальности, онъ хочетъ въ его творчествѣ изучать только тѣ формы художественныя, въ которыхъ воплощается запутанность и сутолока современности.

Онъ думаетъ потому, что идеи, общіе взгляды и тенденціи—его мало интересуютъ. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу:

„Увлекаясь общими взглядами и главною идеею или тенденціею, критики упускаютъ изъ виду самый актъ творчества въ его развитіи *по мелочамъ*, которыя всѣ вмѣстѣ воспроизводятъ жизнь и характеры съ ихъ обстановкою, съ житьемъ-бытьемъ,—въ микроскопическомъ *анализѣ* психологическихъ явленій;—и эти подробности то *вычеканиваются* въ пластической фигурѣ, то вырисовываются въ радужномъ переливѣ *колорита*, съ необычайнымъ мастерствомъ въ *изложеніи*, такъ что каждому тончайшему оттѣнку мысли Тургеневъ умѣлъ прибрать въ неистощимомъ богатствѣ русскаго языка—точное подходящее выраженіе. Тургеневъ рисуетъ всегда *повѣствуя*, т.-е. передаетъ не картину, а производимое ею впечатлѣніе.

„И сколько у Тургенева сюжетовъ для жанровой живописи! Но его описанія природы не переводились на полотно; для красокъ и очерковъ недостаточны переливы звука и то дыханье

жизненныхъ силъ, которымъ проникнуто все описываемое Тургеневымъ.

„У Тургенева выдѣлка, обработка *мелочей*—вотъ гдѣ *мысль* одѣвается своимъ особеннымъ складомъ, гдѣ потребность изыскивать подходящій *стиль* подсказываетъ великому мастеру очерки и краски въ неистощимомъ богатствѣ русскаго языка".

Для эстетическаго наслажденія важна не мысль и не чувство, лежащія въ основѣ вымысла, а важны пріемы воспроизведенія жизни. Потому-то Буслаева интересуетъ и пластичность фигуръ, вычеканенныхъ художникомъ, и колоритность изложенія, и картинность описанія, словомъ—художественная сила слова. А между тѣмъ за этою силою слова, за красотою формы, Буслаевъ, когда вчитывался и вживался въ творчество Тургенева, не могъ не видѣть живого чувства художника; за художественнымъ образомъ онъ чуялъ его творца. Онъ, быть можетъ, обманывался въ опредѣленіи мотивовъ душевной и художественной дѣятельности Тургенева, но не думать о нихъ онъ не могъ.

„Сколько красоты!—пишетъ онъ однажды.—Такое широкое, всеобъемлющее чувство красоты, отливавшее тысячью нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ въ волненіи жаждущаго *любви сердца*. И какъ могло оно найти себѣ блаженное успокоеніе, свой завѣтный пріютъ, какъ могло оно сжаться и съузиться и угомонить себя въ жалкой, постыдной роли дюжиннаго Чичисбея? Бѣдный Лаврецкій, бѣдный Санинъ, горемычный Литвиновъ, злополучные герои „Аси" и „Переписки"! Все это Тургеневъ выстрадалъ въ себѣ одномъ! Это были тѣ же неудачники несчастной любви. Онъ съ безжалостнымъ жестокосердіемъ (намѣренно) растравлялъ раны своего любящаго сердца; онъ казнилъ самого себя и въ Санинѣ, и въ Лаврецкомъ, и во многихъ другихъ, и приносилъ слезное покаяніе въ своей легкомысленной опрометчивости, какъ казнилъ самого себя Гоголь въ изображеніи невзрачныхъ каррикатуръ въ „Мертвыхъ Душахъ".

(Въ другомъ мѣстѣ Буслаевъ повторяетъ эту мысль иначе: „Гоголь свои прегрѣшенія воплотилъ въ пошлости, а Тургеневъ во всѣхъ неудачныхъ мужчинахъ—себя. Потому они однообразны, а женщины—разнообразны".)

„И потомъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и утѣшалъ себя, и какія вкушалъ радости, когда воспроизводилъ свои безподобные образы, дышавшіе такою обаятельною красотою!"

Хотя Буслаевъ и не задавался вопросами о личности художника и о его личной судьбѣ, но по неволѣ, углубляясь въ твор-

чество писателя, онъ наталкивался на вопросы біографическаго свойства, и вотъ какъ онъ однажды высказался о нихъ.

„Не помню, къ какому-то французскому романисту явился незнакомый, пріѣзжій изъ далека, посѣтитель, чтобы взглянуть на него и принести всю благодарность за счастливыя минуты, доставленныя ему чтеніемъ его прекрасныхъ произведеній. Онъ засталъ его въ саду сидящимъ на скамейкѣ около куртины цвѣтущихъ розъ. Авторъ любезно поблагодарилъ гостя за оказанную ему честь, но потомъ прибавилъ: „Боюсь, не напрасно ли вы потеряли время на вашу поѣздку. Вотъ, взгляните на эти розы, какъ онѣ пышно цвѣтутъ и благоухаютъ. Не нарушайте же обаянія прелести, не раскапывайте навоза, на которомъ онѣ выросли!“

Анекдотъ быть можетъ и поучителенъ, но сравненіе художественнаго произведенія съ розами—не совсѣмъ точно: пышною и благоухающею розою мы только любуемся; а шедѣвръ, кромѣ непосредственнаго удовольствія, даетъ пищу и уму, и чувству. Вслѣдъ за „обаяніемъ прелести“, у развитого читателя начинается работа сознанія, возникаетъ вопросъ: „отчего зависитъ обаяніе? кто авторъ? каковъ онъ?“ А отсюда и интересъ къ самой личности писателя,—интересъ, удовлетворяемый иногда поверхностнымъ личнымъ знакомствомъ,—заявленіемъ читательской признательности поэту,—иногда изученіемъ по біографіи. Оттого и Буслаевъ, хотя держится морали разсказаннаго имъ анекдота, тѣмъ не менѣе, не обошелъ молчаніемъ того, что онъ назвалъ въ жизни Тургенева „постыдною ролью чичисбея“. Оттого-то онъ и въ письмахъ Тургенева, и въ воспоминаніяхъ о немъ выписалъ всѣ жалобы на его одинокую, безсемейную жизнь. Быть можетъ, онъ не включилъ бы этихъ мыслей въ свой критическій этюдъ, но не имѣть ихъ вовсе, не задумываться надъ *личностью* и настроеніями художника—онъ не могъ. Не могъ въ силу уже одной симпатіи къ его произведеніямъ.

Въ такой же точно мѣрѣ Буслаевъ не могъ не чувствовать интереса и къ *мысли* Тургенева. Не въ примѣръ другимъ критикамъ, объ идеяхъ и взглядахъ Тургенева Буслаевъ не хотѣлъ думать, ограничиваясь одною эстетической стороною творчества. А между тѣмъ онъ не разъ задается вопросомъ — навѣяннымъ отчасти и иностранною критикою—о томъ: пессимистъ ли Тургеневъ? И отвѣчаетъ:—нѣтъ, не пессимистъ.

„Можетъ ли быть пессимистомъ (тотъ), кто всегда такъ восхищался красотою, кто такъ глубоко сердечно любилъ женщину и съ такимъ мастерствомъ посвятилъ ей свою музу?.. (Онъ былъ)... разносторонній, отзывчивый на все... Развѣ можно съузить его талантъ до тоски и унынія, какъ это сдѣлалъ Брандесъ!

„У Байрона, Гюго, Леопарди, у Некрасова, Гаршина, все и вездѣ одно и то же. У Тургенева пессимизмъ—случайность, одинъ изъ элементовъ творчества, осложненнаго разнообразіемъ сюжетовъ и расположеніемъ духа. Богатство идей и взглядовъ, это разнообразіе отражается и въ мастерскомъ слогѣ, видоизмѣняемомъ по сюжетамъ.

„Не всегда позволительно подмазывать тусклый ртутный составъ (и) подъ зеркало поэтическаго творчества.

„Можно ли называть пессимистомъ такого человѣка, который способенъ такъ любить природу и свой завѣтный уголокъ орловской губерніи, какъ Тургеневъ, и который всѣми силами своей души вдохнулъ въ свою поэзію эту неувядающую прелесть своей поэтической любви? Она отпечатлѣвалась въ каждомъ словѣ его мастерского слога; мѣткія выраженія его рѣчи не пріискивались намѣренно; онъ не собиралъ словечки въ записную книжку, не натягивалъ красное словцо въ придуманную именно для этого словца цѣлую фразу: онъ не щеголялъ словами, какъ кн. Вяземскій, Даль, или его ученики... Онъ съ этими словами и рѣчами сжился еще съ самаго дѣтства...

„Вѣрный ученикъ Пушкина, онъ наслѣдовалъ отъ него ту же чуткость, ту же пламенную любовь къ родному слову. (Языкъ его) по истинѣ былъ ему родной. Вполнѣ владѣя чужимъ языкомъ, онъ тѣмъ больше цѣнилъ свой родной; въ немъ одномъ видѣлъ онъ залогъ своего примиренія со всѣмъ, что бы ни совершалось дурного на родинѣ.

„Это ли пессимизмъ? А какъ онъ любилъ все деревенское—птицъ, собакъ, соловьевъ? Какъ крѣпко привязанъ былъ привычкою къ родному языку—очевидно изъ того, что, владѣя всѣми книжными оттѣнками слога, онъ привыченъ былъ къ мѣстному говору.

„Тургеневъ—не только великій мастеръ и знатокъ русской рѣчи, но и уроженецъ своего „Дворянскаго Гнѣзда“, привыкшій къ мѣстнымъ провинціализмамъ“.

Вопросъ о пессимизмѣ Тургенева Буслаевъ рѣшаетъ, такимъ образомъ, совершенно субъективно: для него главными основами душевной жизни Тургенева являются поэтическая любовь и ува-

женіе къ женщинѣ; любовь къ родинѣ и къ ея природѣ; а главное—къ языку родины; и эти основы совершенно опровергаютъ обвиненія въ пессимизмѣ.

„Тургеневъ не пессимистъ,—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Буслаевъ:—потому что въ своихъ „Сениліяхъ“ („Стихотворенія въ прозѣ“) съ такимъ жаромъ говоритъ о Россіи и ея могучемъ языкѣ“...

Горячая любовь къ Россіи, кровная привязанность къ родному гнѣзду, къ родному быту, сказывается и въ любви къ родному языку. Она-то и внушаетъ филологу Буслаеву такую исключительную симпатію къ Тургеневу. Онъ начинаетъ читать его, какъ читаетъ публика—для своего удовольствія; но, по мѣрѣ углубленія въ это удовольствіе, въ немъ является симпатія къ личности поэта; интересъ къ его мысли; въ этой мысли его плѣняютъ любовь къ женщинѣ и любовь къ языку. Мало того, Буслаевъ, какъ историкъ литературы, не можетъ не коснуться и того общественнаго значенія, какое имѣло творчество Тургенева. Онъ видѣлъ у Тургенева цѣлую историческую панораму, лѣтопись русскаго человѣка, лѣтопись ума и сердца самого писателя. Общественное значеніе писателя зависитъ отъ степени его отзывчивости на окружающую жизнь. А отзывчивость Тургенева—несомнѣнна.

„Тургеневъ,—пишетъ Буслаевъ,—натура гибкая и чуткая, на все отзывчивая и, вмѣстѣ, мягкая и впечатлительная;—одинаково способная и мѣняться по теченію жизни и обстоятельствъ, и подчиняться, и неизмѣнно предаваться охватывающему его сильному вліянію“.

Въ другомъ мѣстѣ: „Его произведенія—исторія нравовъ и идеаловъ 40-хъ — 80-хъ годовъ. Это — историческая панорама, начатая „Записками Охотника“ (со включеніемъ „Трехъ Встрѣчъ“) и до „Нови“ черезъ „Отцовъ и Дѣтей“. Это—лѣтопись русскаго человѣка во всѣхъ его сословіяхъ и лѣтопись ума и сердца самого писателя съ такою прекрасною душою и съ такимъ широкимъ образованіемъ“...

„Тургеневъ несмотря на глубокое сочувствіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ и дворовымъ, любилъ искренно помѣщичій бытъ и описывалъ его симпатично. Его, какъ и другихъ, эманципація застала врасплохъ...

„Но онъ былъ эманципаторъ и много способствовалъ эманципаціи своими правдивыми картинами въ „Зап. Охотника“. („Тургеневъ—романтикъ-неудачникъ“,—замѣчаетъ въ другой разъ Буслаевъ, „но сдѣлалъ больше всякихъ дѣльцовъ“.) Онъ ожидалъ и надѣялся и сталъ за „Дѣтей“ противъ „Отцовъ“. (Это ли пес-

симизмъ?) Но онъ разочаровался и во всемъ увидѣлъ и предсказалъ „Дымъ“. Но генералы „Дыма“ обманули его геройствомъ подъ Плевною... (цар. Агамемн... Клитемнестр...) Въ „Нови“...: только старческія мечты, какъ у Гёте въ „W. Meisters Wanderjahre“. Это была наша Троя“...

„Соломинъ — по мнѣнію Буслаева — идеалъ, какъ у Гёте „В. М.“ и „Фаустъ“ II ч.—утопія. „О Соломинѣ надо судить съ точки зрѣнія самого Тургенева по Гёте—Dante spiegato con Dante“.

Это выраженіе: „Dante spiegato con Dante“ (Дантъ, объясненный Дантомъ) брошено у Буслаева не разъ на бумагу. Онъ потому его часто повторяетъ, что оно резюмируетъ задачу его критики. Для Буслаева оно равносильно выраженію Гёте: „Кто хочетъ понять поэта, долженъ вступить въ его область“. Это выраженіе цитируется Тургеневымъ въ рѣчи о „Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ“. А Буслаевъ на своемъ экземплярѣ дѣлаетъ тутъ приписку: „Эти слова Гёте—исходный пунктъ и для критики произведеній Тургенева“. Странствованіемъ въ области поэта Тургеневъ называетъ изысканія въ области его творчества. Какъ для объясненія Данта надо изучить его произведенія и усвоить себѣ его міровоззрѣніе, такъ и для Тургенева—Буслаевъ полагалъ, что слѣдуетъ проникнуться его мыслью и приложить къ его произведеніямъ ту же мѣру, что онъ самъ прилагалъ къ своему и чужому творчеству. Поэтому особенно тщательно изучаетъ Буслаевъ I-ый томъ, гдѣ собраны біографическія и критическія статьи Тургенева. Всѣ тѣ требованія, которыя здѣсь Тургеневъ предъявлялъ разбираемымъ авторамъ—напр., Далю (въ „Разск. Казака Луганскаго“), С. Т. Аксакову (въ „Зап. Ружейн. Охотника“), Евг. Туръ (разб. „Племянницы“), Тютчеву (Стихотв.),—Буслаевъ отмѣчаетъ какъ мѣрило для Тургенева. Напримѣръ, признаніе Тургенева, что охотникъ одинъ „видитъ природу во всякое время дня и ночи, во всѣхъ ея красотахъ, во всѣхъ ея ужасахъ“, а затѣмъ указаніе у Аксакова на эту любовь охотника къ природѣ, на добросовѣстность наблюденія, на простоту и чувство мѣры въ описаніяхъ,—заставляютъ Буслаева тѣ же достоинства находить и у самого Тургенева въ „Запискахъ Охотника“. Онъ тутъ отмѣчаетъ на поляхъ: „Основная мысль о природѣ въ Зап. Охотника“ и ссылается на нѣмецк. критика Юл. Шмидта.

Въ этихъ же критическихъ статьяхъ Тургенева Буслаевъ указываетъ основную мысль и своего предполагаемаго этюда. Тургеневъ въ этой же статьѣ объ Аксаковѣ (стр. 356) гово-

рить, что Пушкинъ заслуживаетъ названіе древняго по духу поэта, и что по этому поводу можно бы написать цѣлую статью. А Буслаевъ на книгѣ тутъ приписываетъ: „Такую-то статью о Тургеневѣ я и думаю составить", и добавляетъ: „строгое чувство мѣры, т.-е. греческая красота—законъ для Тургенева".

Но самъ Тургеневъ не написалъ такой статьи о Пушкинѣ. Эти мысли онъ высказывалъ въ 1852 году. А въ своей рѣчи 1880 года онъ хотя упоминаетъ объ объективности Пушкина (о классическомъ чувствѣ мѣры и гармоніи), но не хочетъ вовсе доказывать, что Пушкинъ—древній по духу поэтъ. Съ годами его точка зрѣнія очевидно измѣнилась. А Буслаевъ эти взгляды Тургенева 50-хъ годовъ примѣнилъ къ самому Тургеневу и, кромѣ того, осложнилъ ихъ еще всѣмъ тѣмъ, что Тургеневъ и въ 80-мъ году говорилъ про значеніе Пушкина для родной литературы и языка. Въ силу этихъ взглядовъ, Тургеневъ является въ представленіи Буслаева прямымъ потомкомъ и наслѣдникомъ Пушкина, т.-е. преемникомъ-продолжателемъ его художественнаго творчества. Для Буслаева именемъ Тургенева долженъ называться цѣлый періодъ нашей литературы: за Пушкинскимъ идетъ Тургеневскій періодъ. Такимъ образомъ, войдя въ область поэта, глубоко проникнувшись его мыслью, Буслаевъ приложилъ къ нему ту мѣру классически-законченнаго и высокопрекраснаго, какая прилагается къ произведеніямъ, пережившимъ уже вѣка. Онъ видѣлъ въ Тургеневѣ, прежде всего, то стремленіе къ истинѣ, которое поднимаетъ творчество выше всего временнаго, преходящаго.

„Познаніе людей, ихъ душъ, заботъ, печалей и радости, волненій и страсти,—вотъ главное для Тургенева, а не „Отцы и Дѣти", не „Новь", не „Дымъ" въ ихъ тенденціозномъ смыслѣ (не крѣпостничество). Тутъ—главная сила, центръ тяжести. То—книга, зерно, а не оболочка и шелуха. То—*вѣчное*, а не *временное*".

Къ такому выводу привело Буслаева многолѣтнее изученіе Тургенева — любовное и вдумчивое. Онъ начинаетъ читать его для своего удовольствія, какъ простой читатель; но онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „болѣе даровитыхъ и болѣе внимательныхъ, по его выраженію, читателей, которые вооружены знаніемъ и опытностью". Онъ читаетъ какъ знатокъ русскаго слова, т.-е. какъ филологъ и какъ историкъ литературы. Но когда онъ хочетъ оформить свои впечатлѣнія отъ читаемаго и привести въ связь свои мысли, въ немъ проявляется еще и тотъ любитель

и знатокъ искусства, который обогатилъ русскую науку такими цѣнными трудами по художественной археологіи. Изслѣдованіе о Тургеневѣ представляется ему анализомъ художественнаго памятника. Творчество Тургенева—это для него прекрасное зданіе, построенное и законченное великимъ мастеромъ. Работа критика должна потому состоять сперва: 1) въ опредѣленіи матеріала, изъ котораго зданіе построено; а затѣмъ 2) въ опредѣленіи его стиля.

На поляхъ Буслаевскаго экземпляра Тургенева можно видѣть, что̀ собственно называлъ онъ матеріаломъ художественнаго зданія. Это, напр., въ I-мъ т., въ автобіографіи и воспоминаніяхъ—всѣ указанія на то, откуда Тургеневъ почерпалъ свои сюжеты. А затѣмъ—указанія на тѣ формы исторической и бытовой жизни, какія Тургеневъ наблюдалъ и описывалъ, напр. дворянскія фамиліи XVIII-го вѣка. Такъ, въ оглавленіи IX т., передъ „Старыми Портретами“, Буслаевъ пишетъ: „Этимъ портретомъ начать характеристику дворянскихъ фамилій“. Разсмотрѣніе *матеріала*,—какъ предмета художественной обработки,—должно было занять I-ю главу предполагаемаго этюда. II-я—посвящалась самой обработкѣ, разсмотрѣнію пріемовъ „стилизаціи“. Она распадалась на нѣсколько частей. Тутъ Буслаевъ предполагалъ указать, какимъ измѣненіямъ подвергается матеріалъ—историческій или бытовой, когда сообразуется съ требованіями поэтическаго повѣствованія. Объ этомъ планѣ Буслаевъ любилъ разсказывать всѣмъ, кто интересовался его работою. А какъ онъ думалъ привести въ исполненіе этотъ планъ—видно по его отмѣткамъ на книгахъ. Стиль—было для него, какъ для знатока искусства—понятіе очень широкое. Сюда входила и архитектоника разсказа, т.-е. веденіе и расположеніе фактовъ въ томъ или иномъ порядкѣ, съ цѣлью его занимательности; и участіе въ немъ разсказчика, какъ свидѣтеля или участника событій; и описаніе отдѣльныхъ лицъ и ландшафтовъ, и т. п., не говоря уже, разумѣется, про всѣ особенности слога и языка. *Стиль* понимается какъ подчиненіе всѣхъ частей, и общихъ, и частныхъ, одной задачѣ цѣлаго, одной его идеѣ. А отсюда необходимо слѣдуетъ, что стиль художника зависитъ отъ общаго склада его души, отъ личности его—le style, c'est l'homme.

Сообразно съ такимъ пониманіемъ стиля, работа Буслаева должна была принять обширные размѣры: она должна была обнимать творчество Тургенева со всѣхъ сторонъ. Мы видѣли, какъ Буслаевъ подходилъ къ своей задачѣ: онъ читалъ Тургенева и какъ публика, и какъ вдумчивое потомство; онъ изучалъ

его и какъ филологъ, и какъ историкъ литературы. Отъ обилія этихъ точекъ зрѣнія и зависѣла обширность всего плана; самъ Буслаевъ не только не выполнилъ его, но даже и не приступилъ къ выполненію. Надо было все задуманное схематично наполнить живымъ содержаніемъ—тѣмъ матеріаломъ, который у него намѣченъ въ наброскахъ и на книгахъ. Этого матеріала больше всего—по языку и слогу. А все остальное и наиболѣе существенное, какъ для физіогноміи писателя, такъ и для его значенія въ жизни и литературѣ, хотя указано въ замѣткахъ, но трудно поддается систематизаціи. Быть можетъ, для такой всесторонней оцѣнки, какая входила въ задачу эстетической критики Буслаева, и время еще не настало. Тургеневъ еще слишкомъ близокъ къ намъ. Еще слишкомъ мало изслѣдована біографія и личность писателя; мало изучены, и въ общемъ, и въ частностяхъ, самыя произведенія. Для Тургенева необходима еще предварительная разработка, т.-е. разсмотрѣніе отдѣльныхъ сторонъ его мысли и дѣятельности, и детальный анализъ каждаго его произведенія. А для такой разработки наброски и замѣтки Буслаева даютъ весьма много своеобразныхъ и поучительныхъ указаній.

А. Андреева.

АМЕРИКАНЕЦЪ

„David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott *).

Окончаніе.

XV *).

— Гдѣ ты былъ сегодня? — спросила Давида сестра его, м-съ Биксби, сидя за обѣдомъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Джономъ.— Я видѣла, что ты куда-то уѣзжалъ.

— Я былъ на Озерной дорогѣ, у Лайзера Гау. У него есть лошадка, которую я имѣю намѣреніе купить.

— Какъ будто съ тебя не довольно будней, чтобы вести торговлю, не преступая закона о „днѣ субботнемъ"!..

Давидъ закинулъ голову назадъ и препроводилъ себѣ въ ротъ палочку поздней спаржи,—послѣдней въ этомъ году.

— Изъ самыхъ выгодныхъ сдѣлокъ у меня нѣкоторыя пришлись именно въ воскресный день. Ты слышала вѣдь поговорку: „Чѣмъ лучше день, тѣмъ лучше торгъ",—возразилъ онъ.

— Ну, не можетъ быть благословенія Божія на деньгахъ, добытыхъ такимъ путемъ. И ты былъ бы богаче, еслибы такъ не поступалъ.

— Не знаю, можетъ быть, Перклисъ и ухитрился бы призывать благословеніе Божіе на торговлю лошадьми; только мнѣ что-то не приходилось слышать, чтобы кто этимъ занимался, и я даже не знаю, какъ съ этой задачей справился бы и самъ Перклисъ. Во всякомъ случаѣ, ему тогда пришлось бы замолвить

*) См. выше: ноябрь, стр. 261.

Богу два слова за себя, а одно за другихъ,—можешь объ закладъ побиться!

— Гм! Я думаю, никто и не возноситъ такихъ моленій!— воскликнула она. — Смѣю думать, что съ тебя довольно твоихъ лошадей, и времени, и денегъ, чтобъ ты имѣлъ возможность воздержаться отъ торговли по воскреснымъ днямъ.

— Что жъ, можетъ быть, я скоро отрекусь отъ своихъ правилъ. Да, впрочемъ, на этотъ разъ мнѣ не было нужды въ благословеніи, потому что наша купля и продажа не состоялась,— самъ Лайзеръ тебѣ это скажетъ. Онъ отчасти раздѣляетъ твои воззрѣнія.

— Это дѣлаетъ ему честь,—заявила она.

— Такъ точно!—подтвердилъ Давидъ.—Я вообще замѣтилъ, что люди твоего образа мыслей никогда не ошибаются, а Лайзеръ человѣкъ весьма твердый въ вѣрѣ,—смѣясь, прибавилъ онъ.

Этотъ смѣхъ заставилъ сестру насторожиться.

— Не вижу, чему тутъ смѣяться?

— Ха-ха-ха-!—отозвался Давидъ.

— Ну, можешь толковать объ этомъ въ другой разъ, когда-нибудь. Вотъ,—обратилась она къ Джону:—вотъ, такъ-то онъ всегда любитъ меня донимать!

— Я ужъ и то замѣтилъ,—согласился Джонъ.—Какъ ему не стыдно!

— Я это дѣлаю всецѣло для ея же блага,—осклабляясь, произнесъ Гарумъ.—Если-бъ не я, она спустилась бы до узкости взгляда баптистовъ; ихъ такъ и называютъ: „узкіе“ баптисты. Ты, Полли, слышала про нихъ?

— Нѣтъ!—отозвалась Полли, не отрывая глазъ отъ своей тарелки.—Я о нихъ ничего ровно не слыхала; да и ты самъ слышалъ не больше моего.

— Какъ?! Ты здѣсь живешь почти семьдесятъ лѣтъ, а ничего не знаешь?

— Давидъ Гарумъ!—вознегодовала тетя Полли.—Мнѣ около десяти лѣтъ еще не хватаетъ...

— Постой! Уронишь чашку. Я не говорилъ, что *уже есть* семьдесятъ лѣтъ, а говорю: *живешь* седьмой десятокъ. Что же касается баптистовъ, то ихъ потому „узкими“ и прозвали, что, кажется, разсади ихъ по одноколкамъ, такъ человѣкъ четырнадцать умѣстится въ каждый,—вотъ до чего они узки!

Даже Полли залилась искреннимъ смѣхомъ—до того этотъ выводъ поразилъ и ее своею неожиданностью.

— Я рада, что хоть кто-нибудь нашелся, чтобъ поперечить тебѣ въ воскресный день!—замѣтила она.

— Да, мэ'мъ! Лайзеръ какъ разъ вашего поля ягода! Я зналъ, что онъ долженъ зашибить себѣ ногу и не будетъ въ состояніи придти на митингъ. Такъ и есть! Смотрю—сидитъ онъ подъ навѣсомъ, я и покатилъ къ нему прямо черезъ поле. Ну, поздоровались мы и такъ далѣе; я спросилъ, лучше ли его ногѣ, спросилъ, какъ поживаютъ всѣ его родные, и подъ конецъ говорю ему такъ. На дняхъ я видѣлъ вашего сынишку. Ѣдетъ онъ себѣ, а лошадь у него (такъ, издали глядя) какъ будто бы такая, что могла бы мнѣ годиться. Вотъ, я и думаю: — пойду, молъ, утромъ, посмотрю, можетъ быть, мы въ цѣнѣ сойдемся. Какъ дернетъ его вдругъ, точно его что-то за ногу ухватило. „Я думаю,—говоритъ онъ,—ужъ сегодня намъ не придется говорить о дѣлѣ. Я не торгую по воскреснымъ днямъ“.—Я слышалъ, что вы придерживаетесь этого правила и даже очень строго... Но я какъ разъ теперь чрезвычайно занятъ. Дай, думаю, заѣду по дорогѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ быть на митингѣ, и за-одно съ нимъ потолкую, потому что къ нему путь не малый, и Богъ знаетъ, когда еще его увижу... ну, и такъ далѣе. Принимая все это во вниманіе, можетъ быть (говорю) это еще не большой грѣхъ, тѣмъ болѣе, что пока я денегъ еще не платилъ, и т. д. „Нѣтъ!—говоритъ Лайзеръ, покачивая головой какъ будто печально.—Я радъ васъ видѣть, но мнѣ жаль, что вы понапрасну трудились пріѣзжать: совѣсть моя мнѣ запрещаетъ торговать въ воскресный день“.—Что жъ (говорю), я и не требую ни отъ кого, чтобъ поступали противъ совѣсти; только, мнѣ кажется, это не будетъ большимъ преступленіемъ съ вашей стороны, если *я* зайду въ конюшню посмотрѣть на лошадь? (Я видѣлъ ясно, какъ его лицо вдругъ просіяло; но съ отвѣтомъ онъ нѣсколько повременилъ.)—„Что жъ (говоритъ), я не намѣренъ *вамъ* прописывать законы, и если *вы* не видите въ этомъ ничего дурного, мнѣ кажется, вамъ ничто не можетъ быть помѣхой“. Тогда я всталъ себѣ и направился къ конюшнѣ... а онъ... Ха-ха, ха-ха!.. Не прошелъ я двухъ шаговъ, какъ онъ меня окликнулъ: „Она въ послѣднемъ стойлѣ“!..

— Н-ну, — продолжалъ Давидъ: — осмотрѣлъ я лошадь и прикинулъ, что она, по-моему, могла бы стоить, а затѣмъ сѣлъ въ свою повозку и, проѣхавъ по двору, остановился у крыльца. Лайзеръ молча, но вопросительно вскинулъ на меня глазами.—Я полагаю (говорю ему), что вы не захотите меня выслушать, и что мнѣ остается только ѣхать во-свояси.—„Ну, если вы что ска-

жете, я полагаю, что не могу не слышать"...—Такъ вотъ что (говорю). Эта лошадка не совсѣмъ такая, какою я себѣ ее представлялъ, и не такая, какую я ищу; но все-таки, я не могу сказать, что не намѣренъ торговаться... Если бы сегодня не воскресный день...—Онъ вдругъ какъ дернется на стулѣ, точно у него опять рвануло ногу; но печати съ устъ его я все еще не могъ сорвать! Итакъ, я забралъ въ руки возжи и взялся за бичъ, какъ будто ужъ готовъ уѣхать, но сдѣлалъ видъ, что вдругъ что-то припомнилъ, и остановился.—Я не хочу, чтобъ вы изъ-за меня поступались своими правилами (говорю). Но я думаю, что *предполагать* вѣдь можно все, что угодно: это не то, что *дѣлать*?—„Конечно,—говоритъ,—не то".—Ну, такъ вотъ: предположимъ, что я былъ у васъ съ тою же цѣлью не сегодня, а вчера, и что я васъ спросилъ тогда, во сколько вы бы оцѣнили свою лошадь. Что вы мнѣ отвѣчали бы тогда... предположительно, конечно?—„Ну, съ такой точки зрѣнія, положимъ, что я вамъ отвѣтилъ бы: сто-семьдесятъ долларовъ".—А если-бъ я тогда, положимъ, возразилъ, что она не очень мнѣ годится и, по-моему, не стоитъ такихъ денегъ, и предложилъ бы я за нее сто-сорокъ *наличными, сейчасъ же*?.. Какъ вы полагаете, что бы вы сказали? „Н-ну, собственно говоря, я, конечно, не знаю, что бы я сказалъ; но *предположить* могу. Я бы сказалъ, что моя лошадь—ваша, если вы дадите мнѣ за нее полтораста долларовъ".—Хорошо,—говорю я.—Предположимъ, что я завтра утромъ прислалъ бы къ вамъ Дика Ларради съ деньгами,—что бы вы сдѣлали тогда?—„Могу *предположить*, что я отдалъ бы ему лошадь", — отвѣчалъ мнѣ Лайзеръ.—Прекрасно!—говорю, и повернулъ себѣ домой. Такая совѣсть, какъ у Лайзера, право, на вѣсъ золота, — прибавилъ онъ въ заключеніе:—или *около того*.

— Давидъ Гарумъ, постыдись!—воскликнула тетя Полли.

— Ну, если я сдѣлалъ что-нибудь такое, въ чемъ надо каяться,—кротко замѣтилъ Гарумъ:—я охотно приму отъ васъ прощеніе грѣховъ. Затѣмъ, *положимъ*...

— Нѣтъ, ужъ довольно наслушалась я вашихъ „положимъ" на сегодня!—рѣшительно прервала его тетя Полли.—Впрочемъ, *положимъ*, что вы бы кончили обѣдать и дали Сарѣ хоть когда-нибудь убраться...

Послѣ обѣда, Джонъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Давидъ съ тетей Полли перешли на веранду. Братъ закурилъ сигару и нѣкоторое время предавался этому наслажденію, не говоря ни слова; сестра его пробѣгала столбцы своего воскреснаго листка.

— Сегодня видѣлъ я картину, которая могла бы слѣпого сдѣлать зрячимъ,—началъ вдругъ Давидъ.

— Какую?—спросила Полли.

— Во-первыхъ, Клари Верджусъ... А во-вторыхъ, ее же—рядомъ съ нашимъ собственнымъ юношей, и... славная ихъ была парочка!

— Не правда ли, она прехорошенькая? — вставила м-съ Биксби.

— Нѣтъ дѣвушки красивѣе ея,—подтвердилъ Давидъ.—Не удержался я, подумалъ, что ихъ бы хорошо женить.

— Ну, на это мало основаній...

— Я тоже думаю, что мало.

— Собственно говоря, у него нѣтъ никакихъ средствъ, а у нея хоть и есть состояніе, но такіе богачи, все-таки, женятся на деньгахъ, и, наконецъ, всегда у нихъ кто-нибудь да умираетъ, оставляя еще богатое наслѣдство на придачу. Вотъ вѣдь на что ужъ богаты Свэйны, а умеръ у нихъ кто-то изъ родныхъ и оставилъ м-съ Эльбертъ Свэйнъ все свое наслѣдство, даромъ что ему такъ же близко приходилась Люси Скраммъ,—а ужъ чего бѣднѣе? На тысячу долларовъ, я не говорю,—конечно, не разбогатѣешь, да Свэйнамъ это и не нужно; но все-таки, по справедливости, покойникъ долженъ бы отказать деньги не богачамъ, а Скраммамъ.

— Конечно,—согласился братъ.—Но ужъ такъ водится на свѣтѣ, что человѣкъ нерѣдко послѣ своей смерти возьметъ да и выкинетъ такую штуку, хуже и подлѣе которой онъ не выкидывалъ во всю свою жизнь.

М-съ Биксби хранила молчаніе въ теченіе двухъ-трехъ минутъ.

— Я ничего не знаю о дѣлахъ Джона,—начала она, какъ бы продолжая вслухъ свои размышленія. — Развѣ отецъ ничего ровно ему не оставилъ?

— Оставилъ онъ ему немножко денегъ и массу средствъ, чтобъ разбогатѣть... Но на это мало вѣроятій, и ему, все равно, не на что даже жить.

— Чего же онъ къ намъ перебрался?

— Онъ вѣдь и тамъ вынужденъ былъ служить въ конторѣ, чтобъ добыть себѣ средства къ существованію,—возразилъ Давидъ. — Для него, можетъ быть, и окажется что-нибудь болѣе выгодное въ будущемъ... Но объ этомъ пока прошу тебя... ни слова!

— Рта не разину!..—поспѣшила завѣрить его Полли.

— Не знаю, говорилъ ли я тебѣ,—продолжалъ братъ:—что я вошелъ въ долю одного нефтяного дѣла. Конечно, ничего пока еще нельзя сказать, но можетъ быть тамъ что-нибудь и выгоритъ такое...

— Нѣтъ! Кажется, не говорилъ. Куда ты? — воскликнула сестра, видя, что онъ встаетъ и направляется въ противоположный конецъ комнаты.

— За шапочкой. Съ тѣхъ поръ, какъ я сюда вернулся, кажется, во всемъ Фрилэндѣ не найдется мухи, которая не танцовала бы бѣшеной „качуки“ на моей макушкѣ. Посмотри-ка: очень онѣ ее напачкали?—и Давидъ подставилъ ей свою лысину.

— Поди ты!—засмѣялась Полли и, шутя, оттолкнула брата.

— Между прочимъ,—продолжалъ тотъ: — былъ у его отца, въ Пенсильваніи, клочокъ земли, — и земли никуда не годной: какихъ-нибудь десять-двѣнадцать акровъ. Джонъ говоритъ, что, можетъ быть, тамъ былъ и уголь, онъ навѣрное не знаетъ; а только строевой лѣсъ, какой былъ, весь вырубленъ до тла. Старикъ, его помощникъ, говорилъ ему, что отецъ хотѣлъ-было самъ обработать этотъ участокъ, да это потребовало бы слишкомъ значительныхъ затратъ; а теперь Джону только даромъ приходится платить налоги.

— Значитъ,—она у него только статья расходовъ?

— Теперь-то пожалуй что и несовсѣмъ. Я ему совѣтовалъ потерпѣть еще немного, основываясь на общепринятыхъ догадкахъ. Его земли, конечно, я не знаю, но знаю хорошо ту мѣстность, потому что самъ когда-то съ нею имѣлъ дѣло. Главное—на его клочкѣ нѣтъ долговъ; а что касается буренія, мнѣ кажется, что всѣ вообще тамъ копаютъ недостаточно глубоко. Если бы тамъ случайно оказалось что-нибудь, его земля сразу поднялась бы въ цѣнѣ... Только объ этомъ, до поры до времени,—ни слова!

XVI.

— Ну, что—спросила миссъ Верджусъ, когда сестра догнала ее, уже одну (м-ръ Юстонъ по дорогѣ зашелъ къ себѣ домой):—повидимому, ты прекрасно побесѣдовала со своей находкой, судя по обрывкамъ разговора, которые до меня долетѣли. Ну, каковъ онъ?

— Прелестный!

— Въ самомъ дѣлѣ?—приподнявъ брови, переспросила сестра:—ты, кажется, черезчуръ поспѣшно выводишь такое заклю-

ченіе, которое требовало бы болѣе продолжительнаго знакомства; да и тогда къ подобному эпитету ничего не осталось бы прибавлять.

— Ну, вотъ еще!—смѣясь, возразила Клара.—Есть множество оттѣнковъ: милый, очень милый, прелестный, *положительно* прелестный и очаровательный.

— Конечно. Но зато есть и множество другихъ: милый, довольно милый, прекрасный, хорошій... ну, и т. п. Еще бы не множество! Конечно, ты его просила бывать у насъ?

— Да.

— Не думаешь ли ты, что мама...

— Нѣтъ! изъ того, что̀ м-ръ Юстонъ говорилъ, — и что̀ я видѣла сама сегодня,—я вывела заключеніе, что въ немъ есть „ce je ne sais quoi“, которое отличаетъ человѣка порядочнаго общества. Онъ будетъ весьма желательнымъ дополненіемъ къ нашему обычному кружку, гдѣ каждый обыватель знаетъ наизусть своего сосѣда, — знаетъ заранѣе каждое слово, которое кто скажетъ на тотъ или на другой предметъ разговора. Ты сама прекрасно это знаешь.

— Собственно говоря,—съ улыбкой согласилась та: — дѣйствительно, мы слишкомъ свыклись другъ съ другомъ, чтобы наше общество насъ взаимно оживляло. Будемъ надѣяться, что твоя новинка оправдаетъ твои ожиданія, и что его на всѣхъ насъ хватитъ.

Съ этихъ поръ Джону приходилось иногда—но, понятно, не въ ущербъ службѣ — принимать участіе въ лѣтнихъ увеселеніяхъ молодежи: теннисѣ, крокетѣ, прогулкахъ въ экипажѣ, верхомъ или на лодкѣ, и даже въ танцахъ „за-просто“,— когда это случалось.

Первый его визитъ къ Верджусамъ оказался неудачнымъ; онъ не засталъ ихъ дома. Но это было для него скорѣе пріятно, нежели наоборотъ: онъ смотрѣлъ какъ на большое облегченіе— на возможность ограничиваться въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ нимъ—визитной карточкой.

Нѣсколько дней спустя, Пелегъ—банковскій служитель— вбѣжалъ къ Джону въ контору съ восклицаніемъ:

— Васъ зовутъ, сэръ! Просятъ выйти на минуту.

— Да кто такіе?

— Дѣвочки Верджусъ,—сказалъ Пелегъ, подергиваясь всѣмъ своимъ рябымъ лицомъ, которое расплылось въ улыбку.—Одна изъ нихъ окликнула меня, когда я шелъ сюда.

Джонъ усмѣхнулся и подумалъ: „Что сказали бы онѣ, если бы слышали, какъ простой слуга ихъ величаетъ?!“

— Намъ было очень жаль, что вы насъ не застали дома,— проговорила Клара, послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій: — вы знаете Бенсоновъ?... Прекрасно. Милые они люди; м-съ Бенсонъ сама музыкантша, и мужъ ея довольно музыкальный человѣкъ. Къ нимъ на нѣсколько дней пріѣхалъ погостить скрипачъ Фэрменъ изъ Бостона, и еще піанистъ... Какъ его, Джульета?

— Кажется, Шлитцъ,—подсказала миссъ Верджусъ.

— Ахъ,—да. Сегодня они будутъ всѣ у насъ. Потомъ,— за-просто,—потанцуемъ. Мы очень будемъ рады видѣть васъ у себя.

— Съ удовольствіемъ!—искренно отозвался Джонъ.—Въ которомъ часу?

— Въ которомъ захотите. Бенсоны, вѣроятно, пріѣдутъ въ половинѣ девятаго или въ девять.

— Очень вамъ благодаренъ... Съ удовольствіемъ, — повторилъ Ленокcъ.

— Но... это еще не все,—нерѣшительно продолжала Клара.

— Д-да?

— Что-жъ,—пожалуй лучше васъ заранѣе предупредить?— Васъ навѣрное попросятъ спѣть... (Лицо Ленокса немного вытянулось.) Вы вѣдь поете что-нибудь, кромѣ церковнаго?

— О, да: я знаю кое-что изъ свѣтской музыки.

— Какъ вы думаете: очень васъ это затруднитъ?

— Нѣтъ,—возразилъ Джонъ, ясно видя, что нѣтъ другого исхода:—я съ удовольствіемъ захвачу съ собою ноты, если вамъ угодно.

— Очень мило съ вашей стороны! Намъ это доставитъ большое удовольствіе...

— Ну, это еще не извѣстно!.. — И, подумавъ съ минуту, Джонъ прибавилъ:—А кто будетъ мнѣ аккомпанировать?

— Объ этомъ я и не подумала! Я, вѣроятно, полагала, что вы можете сами себѣ подыгрывать?

— Что-нибудь попроще—да, конечно. Но въ данномъ случаѣ я бы предпочелъ даже не пытаться.

Клара вопросительно и тревожно взглянула на сестру.

— Мнѣ кажется, можно попросить м-ра Шлитца, — предложила та.—Если онъ можетъ аккомпанировать скрипкѣ, то почему бы ему не проаккомпанировать пѣнію, особенно если его попроситъ сама м-съ Бенсонъ.

— Прекрасно. Такъ мы на томъ и порѣшимъ,—согласился Джонъ, и удалился.

— Какъ поживаете, миссъ Верджусъ? — спросилъ Давидъ Гарумъ, подходя къ самому экипажу.—Какъ ваше здоровье, миссъ Кларисса? Какъ поживаетъ старикъ-Керби, съ тѣхъ поръ, какъ онъ опять у васъ? Благополучно ли онъ перезимовалъ? А? Какъ вы полагаете?

— Какъ никогда! Чудесно! Онъ словно молодѣетъ съ каждымъ годомъ.

— Послушайте, однако!—проговорилъ Давидъ:—это не годится! А я разсчитывалъ, что хоть въ это лѣто мнѣ удастся вамъ продать другую лошадь.

— Вотъ, мы собираемся заняться музыкой сегодня, и м-ръ Ленокъ обѣщалъ намъ спѣть.

— Ну, неужели?—съ живостью подхватилъ Давидъ.—Кому же и пѣть, какъ не ему? У насъ теперь такіе концерты задаются! Мы поемъ и играемъ—я и Полли, и онъ... Просто восторгъ! Да, мэ'мъ! Я въ музыкѣ не много смыслю, но тактъ держать умѣю... и, говорю вамъ, онъ справляется прекрасно. Особенно, есть у него одна прекрасная вещица,—моя любимая. Онъ такъ ее поетъ... ну, такъ поетъ, что стекла дрожатъ!

— Не знаете ли вы, какъ она называется? — спросила Клара.

— Нѣтъ. Джонъ мнѣ сказалъ, — да я позабылъ. Только я знаю, что дѣло идетъ о какомъ-то господинѣ, который сидитъ передъ органомъ и чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ, разстроенъ, что-ли,—ну и такъ далѣе. Мало-по-малу, онъ все сильнѣе распускаетъ вожжи, звуки катятъ, несутся во всю прыть... пока не пойдутъ въ ногу; а подъ конецъ кончаетъ все такимъ „Аминь“, что мимо цѣли на четверть „трэка“ пролетитъ, пока его осадятъ. Вотъ она какова, моя любимая! Но когда Джонъ и Полли вмѣстѣ запоютъ,—утѣха, да и только! Главное дѣло—Полли! Ни цента не возьму, чтобъ отступиться отъ такого наслажденія. Крикъ у нихъ такой подымется, что только пыль столбомъ!

— Мнѣ очень бы хотѣлось ихъ послушать! — засмѣялась Клара: — особенно вашу любимую и нескончаемый „А-минь“!

— А Полли все надѣется, что вы придете ее навѣстить...

— Приду, приду! Скажите ей, что я всей душой ее люблю... Такъ ей и скажите!

Сестры уѣхали, а Давидъ вошелъ въ контору вслѣдъ за Джономъ и поглядывалъ, какъ тотъ молча принялся заклеивать отдѣльныя пачки полосками бумаги.

— Что онѣ, тянутъ васъ къ себѣ на веревочкѣ?—спросилъ онъ, сидя за конторкой, какъ всегда дѣлалъ, когда у Джона не было спѣшнаго дѣла.—Настоящее пѣкло сегодня, а?—И онъ помахалъ на себя шапкой вмѣсто вѣера.

— Да! чрезвычайно жарко,—согласился Джонъ.

— И что же? Вы не особенно рветесь туда?

— Не очень,—былъ отвѣтъ.

— Какъ будто немного неловко, а?—подсказалъ Гарумъ.—Не вижу только, чего вамъ бояться?

— Ну, все-таки, большая разница—пѣть ли между собою, дома, или—передъ цѣлымъ обществомъ чужихъ людей...—возразилъ молодой человѣкъ.

— Гм!.. Гм!.. — качнувъ головой, замѣтилъ Давидъ. — Конечно, есть разница—поѣхать прокатиться для своего удовольствія по неровной дорогѣ, или катить на *трэкѣ*, на гонкѣ, передъ судьями, передъ цѣлою толпой... Тогда чего не передумаешь, понятно! Послѣ того, какъ все сойдетъ благополучно, человѣкъ и не вспомнитъ о томъ; а передъ тѣмъ, зато, заранѣе тревожится, дрожитъ...

— Вы подобрали замѣчательно вѣрное сравненіе! — усмѣхнулся Джонъ, котораго забавляло мѣткое замѣчаніе Давида.

— Боже! — воскликнула м-съ Биксби при видѣ Джона, нѣсколько часовъ спустя (Джонъ зашелъ къ ней въ гостиную уже въ полномъ парадѣ):—Боже,—какой же онъ прелестный! Я никогда васъ еще не видала въ такомъ нарядномъ платьѣ! Подите-ка сюда... поближе,—на минутку!

Она сняла ниточку у него съ рукава и воспользовалась такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы повертѣть его во всѣ стороны для болѣе подробнаго осмотра.

— Совсѣмъ не то ты говорила, когда видѣла *меня* въ моемъ шитомъ золотомъ облаченіи! Ничего такого *милаго* ты мнѣ не говорила!—замѣтилъ ей Давидъ.

— Гм!.. Я думаю, есть маленькая разница,—возразила съ негодованіемъ его сестра; и братецъ разсмѣялся.

— Какимъ путемъ разсчитывали вы туда добраться?—спросилъ послѣдній, поглядывая на бальныя ботинки своего молодого друга.

— Сперва, я было-думалъ что дойду пѣшкомъ, но затѣмъ рѣшилъ, что добреду какъ-нибудь до Робинсона и попрошу Дика дать мнѣ экипажъ.

— Мнѣ кажется, вы не сдѣлаете ничего подобнаго,—любезно возразилъ Давидъ:—Томъ, во всеоружіи своей кучерской власти, ожидаетъ васъ. Вы только позвоните, когда вамъ пора ѣхать.

— Какъ вы добры! — проговорилъ съ искренней благодарностью Леноксъ. — Но... я вѣдь не знаю, когда вернусь домой...

— Возвращайтесь, когда со всѣмъ покончите, — отозвался Давидъ.—А если бъ вамъ и случилось задержать чуть-чуть подольше и Тома, и лошадь, — надѣюсь, они не простудятся по такой погодѣ.

XVII.

Поднявшись на крыльцо и пройдя черезъ большія сѣни, а за ними еще цѣлую вереницу комнатъ, Джону пришлось еще пробираться сквозь толпу молодежи, тѣснившейся у входа въ залъ.

Леноксъ передалъ свой свертокъ съ нотами горничной, поручая ей положить его на рояль, а самъ прошелъ наверхъ, снять шляпу и пальто, послѣ чего уже сошелъ опять внизъ, въ гостиную.

Тамъ, въ глубинѣ комнаты, собралось человѣкъ двадцать гостей, — все больше старожилы Гомвиля съ ихъ семействами, составлявшими то, что̀ называется *общество*. Джону было знакомо большинство присутствовавшихъ, — если не лично, такъ по имени. По дорогѣ къ этому кружку, близъ середины залы, вновь прибывшаго гостя остановили м-съ Верджусъ и ея младшая дочь — Клара, радушно здороваясь и повторяя увѣренія, что онѣ „чрезвычайно сожалѣютъ, что онъ не засталъ ихъ дома въ тотъ вечеръ".

— Надѣюсь, вы сдержали слово, — спросила молодая дѣвушка:—и привезли съ собою ноты?

— Онѣ ужъ на роялѣ,—былъ отвѣтъ, и движеніемъ головы Джонъ указалъ по направленію къ тому углу, гдѣ стоялъ инструментъ.

— Очень жаль, что вы не слыхали описанія „The last Chord" въ иллюстраціи м-ра Гарума! — замѣтила Клара, и въ ту же минуту за спиной Джона послышался голосъ какъ будто самого Давида, повторяющій слово въ слово, что̀ говорилъ онъ наканунѣ:

— „Дѣло идетъ о какомъ-то господинѣ, который сидитъ за органомъ и чувствуетъ себя какъ-то не по себѣ... разстроенъ что-ли... ну, и такъ далѣе. Мало-по-малу онъ даетъ все больше,

больше распускаетъ возжи и несется, а куда—не знаетъ. Катитъ такъ лихо, что только знай держись! Звуки все громче, громче... а подъ конецъ—„а-минь“, да такой громогласный, что четверть трэка мимо цѣли пронесется, пока его удастся осадить“...

Джонъ и Клара засмѣялись, но миссъ Верджусъ смотрѣла, какъ всегда, серьезно, и только за темной завѣсой ея тихихъ глазъ на мгновеніе какъ будто вспыхнулъ огонекъ лукавой усмѣшки.

— Добрый вечеръ, м-ръ Ленокъсъ! Очень рада васъ видѣть! — проговорила она, и, не дожидая отвѣта, пошла прочь.

— Она вся тутъ, наша Джульета! — замѣтила ей вслѣдъ сестра.—Глядя на нее, обыкновенно, никто не заподозритъ, что она способна на такія штуки... изрѣдка, конечно, когда на нее вдругъ найдетъ. Она—самое забавное созданье, какое я когда-либо встрѣчала; а подражать голосомъ и мимикой она можетъ безподобно и—кому угодно! Сегодня утромъ вы видѣли?—она сидѣла себѣ молча въ экипажѣ, и по ея лицу можно было подумать, что она ни слова не слыхала изъ того, что̀ говорилось; но я увѣрена, что она могла бы повторить весь разговоръ... А! вотъ Бенсоны и ихъ музыканты!

Джонъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, но его тотчасъ же позвали обратно и представили вновь прибывшимъ. Послѣ краткой бесѣды, Бенсоны усѣлись и съ ними рядомъ — Джонъ; а скрипачъ отошелъ къ роялю и принялся устанавливать свой пультъ. Клара остановилась на порогѣ въ сосѣднюю комнату и погрозила пальцемъ молодымъ дѣвицамъ и юношамъ:

— Когда начнется музыка, только посмѣйте у меня шумѣть или хихикать—всѣхъ до одного разгоню по домамъ! Помните: этотъ вечеръ не про васъ!

— Но, Клара, дорогая!—возразила Сью Тенакеръ, пятнадцатилѣтняя дѣвочка-подростокъ: — если мы будемъ вести себя очень, очень хорошо и очень тихо, — неужели *они* намъ не сыграютъ танцевъ... хоть потомъ, немножко?

— Какова дерзость!—шутя, потрепавъ ее по щекѣ, сказала Клара и вернулась въ залу, гдѣ герръ-Шлитцъ уже усаживался поудобнѣе за фортепіано.

Онъ отодвинулся назадъ немного, потомъ опять придвинулся на прежнее мѣсто, нагнулся и осмотрѣлъ педали, вынулъ изъ кармана платокъ, вытеръ имъ руки и лицо, пробѣжалъ вверхъ и внизъ по клавишамъ арпеджіо и заигралъ вальсъ Шопена (любимый вальсъ Джона)—ор. 34, № 1. Игралъ Шлитцъ чудесно, и Джонъ весь отдался бы наслажденію слушать его, если бы

не мысль, что, послѣ такого блестящаго исполненія, ему самому придется пѣть. Смѣшно сказать, но ему стало легче, когда послѣ піаниста выступилъ скрипачъ, — м-ръ Фэрменъ, послѣ ансамбля сыгравшій еще и соло, маленькій менуэтъ Боккерини...

Тутъ Джонъ почувствовалъ, что рѣшительный моментъ наступилъ: сейчасъ—его очередь... Но ему пришлось еще сидѣть, тяжело дыша, и съ трепетомъ ожидать окончанія длинной фантазіи для скрипки, Листа: „Фаустъ".

Клара, повидимому, исполнявшая обязанности церемоній-мейстера, положила конецъ напряженному состоянію Джона тѣмъ, что обратилась къ нему:

— Теперь вы намъ споете, м-ръ Ленокcъ?

Джонъ подошелъ къ роялю, за которымъ еще сидѣлъ піанистъ:

— Меня просили пѣть,—сказалъ онъ послѣднему:—могу ли я просить васъ убѣдительно сыграть мнѣ аккомпаниментъ?

— Я увѣрена, что онъ не откажетъ,—проговорила м-съ Бенсонъ, поглядывая на Шлитца.

— О, да! Я могу вамъ аккомпанировать, если хотите,—согласился тотъ. — Гдѣ ваши ноты?.. Ого! Іенсенъ... Лассенъ... Гельмундъ... Григъ!.. Вы и ихъ поете?

— Да; нѣкоторыя вещи,—отвѣтилъ Джонъ, и піанистъ открылъ сборникъ Іенсена:

— Хотите что-нибудь изъ этой тетради? — спросилъ онъ.

— Все равно; что̀ вамъ угодно. (За послѣднія нѣсколько минутъ Джонъ успѣлъ десять разъ передумать и ни на чемъ не остановиться).

— А! Хорошо... прекрасно. Попробуемъ вотъ эту: „Lehn' deine Wang' an meine Wang'"?..

Не успѣлъ Джонъ пропѣть двухъ тактовъ, какъ пѣніе дружно слилось съ аккомпаниментомъ, а лицо піаниста просіяло; кончики его пальцевъ снова согрѣлись, и подъ конецъ романса онъ искренно воскликнулъ подъ шумъ рукоплесканій:

— Sehr schön!.. Вы должны спѣть что-нибудь еще! Хотите, напримѣръ, вотъ эту:—„Marie! am Fenster sitzest du"?—и самъ запѣлъ вполголоса начало, позабывъ обо всѣхъ на свѣтѣ, кромѣ себя и своего солиста.

— Zierlich!—проговорилъ онъ, когда пѣніе умолкло, а онъ самъ тотчасъ же развернулъ сочиненія Лассена: „Mit deinen blauen Augen"...—запѣлъ онъ, съ увлеченіемъ отбивая тактъ рукою. Въ эту минуту къ нимъ подошли Клара и миссъ Верджусъ.

— М-съ Тенакеръ проситъ васъ спѣть что-нибудь такое, что̀ можно было бы понять,—смѣясь, сказала молодая дѣвушка.

— Я очень люблю Тости—„Глаза красавицы“, — замѣтила миссъ Верджусъ:—тамъ такое изящное „obligato“ для скрипки... Вы знаете этотъ романсъ?

— Да,—отвѣтилъ Джонъ.

— Можете вы его спѣть для меня?

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Во время пѣнія, Джонъ только разъ взглянулъ въ ту сторону, куда отошла миссъ Верджусъ. Она сидѣла, подпирая щеку руками и облокотившись на ручку кресла; ея темные глаза съ поволокой смотрѣли прямо ему въ лицо...

Романсъ подходилъ къ концу. Миссъ Верджусъ тихо встала и вышла вонъ изъ залы.

М-съ Тенакеръ подошла сама къ Джону и поблагодарила за удовольствіе, прибавивъ:

— Хотите оказать старухѣ большое одолженіе?

— Очень хочу, конечно! Только старухъ я здѣсь что-то не вижу,—обводя комнату глазами, проговорилъ Джонъ съ любезною улыбкой.

— Мило, очень мило, сэръ!—благосклонно поглядывая на него, сказала м-съ Тенакеръ — Вы для меня споете „Annie-Laurie“?

— Радъ всей душой! — съ поклономъ согласился молодой человѣкъ, и оглянулся на Шлитца. Тотъ отрицательно качалъ головой.

— Постойте, я вамъ проаккомпанирую, — предложила м-съ Бенсонъ.—Въ какомъ тонѣ вамъ удобнѣе всего?—и она тихонько попробовала переложить съ одного тона въ другой.

— Я думаю, ré-majeur будетъ самый подходящій. Будьте добры поиграть немного.

Звуки знакомаго напѣва привлекли въ залу молодежь. Послѣ перваго куплета, послышался сдержанный говоръ одобренія; послѣ второго — болѣе громкій, а послѣдній—закончился при такомъ грохотѣ рукоплесканій, какой могло поднять лишь единодушное восхищеніе всѣхъ присутствующихъ.

— Мы съ вами, кажется, далеко превзошли успѣхъ всего вечера?—заглянувъ въ лицо Джону, замѣтила съ улыбкой м-съ Бенсонъ, не безъ саркастической нотки въ голосѣ. Къ нимъ подошла Клара.

— Что за милая старая пѣсенка!—воскликнула она.—Тетя-Чарли (то-есть, м-съ Тенакеръ) отираетъ слезы... А Тости? Вотъ изящная вещица! Мы безгранично вамъ признательны, м-ръ Ле-

ноксъ! Предложите руку м-съ Бенсонъ и пойдемте ужинать. Для васъ, музыкантовъ, раскинутъ особый столъ.

— Какъ это надо понимать:—какъ униженіе, или какъ почетъ?—спросилъ Джонъ, усаживаясь за столъ рядомъ съ своей дамой.

— Дальнѣйшія событія покажутъ; подождемъ,—рѣшила м-съ Бенсонъ.—Смотрите,—пятый приборъ не занятъ: онъ, вѣрно, приготовленъ для моего мужа, но тотъ по уши ушелъ въ свое ухаживанье за Сью Тенакеръ, раздѣляя вкусъ Артемія Уорда. А Уордъ предпочитаетъ дѣвицъ-подростковъ... и взрослыхъ!

Въ эту минуту горничная подала цѣлый подносъ закусокъ, а вслѣдъ за ней другая принесла бутылку „Pommery sec“ и стаканы.

— Миссъ Клара проситъ васъ отвѣдать!

— Ну, что вы скажете на это?—смѣялась м-съ Бенсонъ.

— Скажу, что это—знакъ почета,—отозвался Джонъ.

— Das ist nicht schlecht, — откликнулся герръ Шлитцъ, прожевывая половину пирожка.—Но я предпочелъ бы пиво.

— Для меня музыка была настоящимъ праздникомъ сегодня,—началъ Джонъ:—я третій годъ уже не слышу настоящей музыки.

— Но вы внесли въ нее значительную долю своего участія.

— Мы съ вами вмѣстѣ,—поправилъ онъ.

— У васъ красивый голосъ, и выговоръ прекрасный,—похвалилъ нѣмецъ Джона.—Вы, вообще, хорошій музыкантъ.

— Благодарю васъ,—скромно отозвался американецъ.

Послѣ ужина еще немного пѣли и играли.

— Постойте, я вамъ спою!—вдругъ заявилъ герръ Шлитцъ и басомъ проревѣлъ подъ-рядъ нѣсколько пѣсенъ. Хоть пива ему пить не пришлось, однако вино, должно быть, сильно его подбодрило, и онъ смѣло, что называется, горланилъ одинъ за другимъ куплеты: „Im tiefen Keller sitz'ich hier, auf einem Fass voll Beben“. Словъ американцы не могли понять; зато троекратный припѣвъ: „Trinke, trinke, trinke!“—всѣ поняли и дружно подхватили.

Вслѣдъ затѣмъ, кто-то изъ молодежи (цѣлое посольство!) освѣдомился, не можетъ ли онъ спѣть „Соломона Лѣви“.

— Да, могу, — если только вы всѣ согласны пѣть вмѣстѣ со мною!—и, одну за другой, увлеченное общество пропѣло свои любимыя, съ дѣтства знакомыя: „Bring back, my Bonnie, to me!“, „Paddy Duffy's Cart“, „There's Music in the Air...“ и другія. Воодушевленіе присутствующихъ сообщилось и скрипачу, Фэр-

мену, который присоединился къ остальнымъ. Когда пропѣли „Солдатское прости!“—герръ Шлитцъ завопилъ такъ, что окна задрожали.

Словомъ, вечеръ закончился грандіознымъ финаломъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—проговорилъ Джонъ, прощаясь съ м-съ Верджусъ. — Не помню, когда я проводилъ такой чудесный вечеръ.

— Нѣтъ, это *я* вамъ благодарна, — возразила она милостиво:—вы намъ доставили такое удовольствіе!

— А я,—возразила миссъ Верджусъ, и огонекъ лукавства вспыхнулъ въ ея темныхъ глазахъ:—я въ восторгѣ отъ „Соломона Лѣви“.

XVIII.

Давидъ поѣхалъ съ Джономъ прокатиться.

Довольно долго ѣхали они молча, потому что первый, очевидно, думалъ о чемъ-то недавно навѣянномъ на него. Лошади пошли въ гору шагомъ.

Джонъ встрепенулся. Неслыханное дѣло! Давидъ напѣвалъ какую-то *пѣсенку*, если можно было такъ назвать мелодію безъ опредѣленнаго размѣра. Слова ея гласили:

„Съ утра, въ *понедѣльникъ*, пришлось мнѣ жениться.
—Жизнь моя можетъ теперь измѣниться!—
Думалось мнѣ; а друзья лишь плясали;
Бѣдствій грядущихъ они не видали!
Вторникъ!.. Чуть свѣтъ, а жена ужъ бранится,
(Мужу, въ постели, мирно такъ спится!..)
Словно шарманку она завела,
Мужа-бѣднягу въ конецъ извела!“

— Вы еще не слыхали, какъ я распѣваю?—спросилъ Давидъ Джона.—Вотъ все, что я изъ этой пѣсни помню; помню только, что чѣмъ ближе къ концу недѣли, тѣмъ въ ней больше баттарейнаго огня. Мнѣ, можетъ быть, напомнилъ про нее нашъ разговоръ.

— Хотѣлось бы мнѣ слышать всю „недѣлю“ до конца,— съ улыбкою замѣтилъ Джонъ.

Давидъ ничего не отвѣчалъ и, какъ будто, что-то обдумывалъ про себя.

— Можетъ быть, Полли говорила вамъ, что я вдовецъ? — произнесъ онъ, немного погодя.

Джонъ отвѣтилъ утвердительно.

— Я ужъ давно вдовѣю... Впрочемъ, меня никогда не тянуло особенно поговорить объ этомъ съ Полли, хоть въ этомъ отношеніи Джимъ Биксби, бѣдняга, порядочно самъ... претерпѣлъ.

Этой запинкой поспѣшилъ воспользоваться его слушатель, который опасался, чтобы разговоръ не направился въ сторону Джима:

— Вы были, значитъ, почти юношей, когда женились, сколько я понимаю,—замѣтилъ онъ.

— Года на̀ два, на̀ три моложе васъ, пожалуй. Во многихъ отношеніяхъ я былъ тогда совсѣмъ глупый жеребенокъ.

Давидъ забралъ въ одну руку бичъ и возжи, а другою досталъ изъ кармана табакерку и понюхалъ изрядную щепотку табаку. Очевидно, онъ былъ въ настроеніи предаваться личнымъ своимъ воспоминаніямъ, потому что, понюхавъ, продолжалъ:

— Какъ оглянусь я назадъ, на свое прошлое, мнѣ такъ и кажется, что это все случилось съ кѣмъ-то другимъ... но только не со мной. А между тѣмъ,—чортъ побери!—до чего ясно я все помню! Только одно для меня все еще неясно: ка̀къ это такъ вышло, что я могъ когда-либо жениться? Она была вдова,—немногимъ меня старше,—и держала меблированныя комнаты, а я жилъ у нея. Это было близъ Серчестера. Конечно, у меня въ тѣ дни наружность была лучше, чѣмъ теперь... по крайней мѣрѣ, волòсъ было побольше на макушкѣ. Я былъ человѣкъ довольно состоятельный; но меня вообще считали богаче, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Она была довольно миловидна, и я какъ будто нравился ей. Я любилъ иной разъ говорить рѣзко, и мнѣ казалось, что она умна,—тѣмъ болѣе, что она любила пошутить и посмѣяться и вообще была довольно образованная. Вотъ такъ-то и сложилось, что я привыкъ сидѣть по вечерамъ у нея въ гостиной; мнѣ это полюбилось, я не отрицаю...

Водворилось молчаніе. Возжи Давида перешли въ одну руку, а бичъ небрежно и разсѣянно хлесталъ по дорогѣ, безжалостно срывая головки репейника.

— Н-ну,—снова началъ онъ:—вотъ мы и повѣнчались, и покатились наши колеса по пути супружества довольно ровно. Казалось, я больше думаю о ней, а она больше обо мнѣ, чѣмъ о себѣ. Въ то лѣто мы два-три раза ѣздили прокатиться на нѣсколько дней. Мы побывали въ Саратогѣ и на Ніагарѣ, и я дѣйствительно началъ думать, что супружеское иго вовсе ужъ не такъ тяжело, и что бракъ—доброе дѣло. Жилось намъ недурно; дѣла мои шли настолько хорошо, что я счелъ возмож-

нымъ для жены оставить ея дѣла. Собственно, къ этому рѣшенію пришелъ я больше самъ ради себя, нежели ради нея,— потому что каждый разъ, какъ жаркое оказывалось слишкомъ жестко, а пирогъ непропеченъ, у меня являлось желаніе зажить *своимъ* домкомъ. Надо думать, что относительно ея это было съ моей стороны ошибкой.

— Это почему? — спросилъ Джонъ, чувствуя себя обязаннымъ проявить нѣкоторый интересъ къ разсказу.

— Я думаю, просто потому, что ей вѣроятно не хватало общества, къ которому она привыкла; не хватало разговоровъ и оживленія, которое было всегда за общимъ столомъ, и разнообразія, котораго я не могъ ей доставить, какъ единственный ея собесѣдникъ за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. О вечерахъ я ужъ не говорю! Положимъ, я былъ радъ, что у меня, наконецъ, есть свой домашній очагъ; но я не привыкъ сидѣть по цѣлымъ вечерамъ, не зная, что̀ сказать; и она—тоже. Мы тогда перебрались въ другую часть города, гдѣ у нея не было своихъ знакомыхъ, и она—заскучала. На нее стали находить припадки молчаливости; время потянулось страшно медленно, тоскливо. Иной разъ мнѣ случалось бывать въ городѣ по вечерамъ. Она сначала ничего, — будто не придавала этому особаго значенія; но постепенно дошла до того, что, бывало, за весь вечеръ не вымолвитъ ни да, ни нѣтъ, иначе, какъ надувшись. За весь день, бывало, слова отъ нея не услышишь, кромѣ какъ о чемъ-нибудь, въ чемъ я провинился, или даже вовсе не былъ виноватъ. Ну, тогда вина падала на что-нибудь въ хозяйствѣ. Съ утра до̀ ночи переворачивала она все вверхъ дномъ: то сдеретъ ковры, то ихъ снова растелетъ, и чиститъ, и скребетъ та̀къ, что пыль летитъ. Ей и въ самомъ дѣлѣ точно было какъ-то не по себѣ за послѣднее время, и чѣмъ больше ей нездоровилось, тѣмъ ожесточеннѣе она становилась. Мы то-и-дѣло сидѣли безъ прислуги: одну она не хотѣла держать, другая сама жить не хотѣла... Это, быть можетъ, для васъ не интересно? — перебилъ онъ самъ себя.

— Напротивъ!—возразилъ Джонъ.—Я только-что подумалъ, что, вѣроятно, это было сопряжено съ состояніемъ здоровья вашей жены; но вѣдь вамъ отъ этого было не легче.

— Н-да, пожалуй!—согласился Давидъ.—Я и самъ думалъ, что ей не по себѣ, но приписывалъ это отчасти ея характеру. Пробовалъ я избѣжать непріятностей, давая ей жалованье,—ничто не помогло! Дѣла наши шли хуже, хуже... Наконецъ, она стала требовать, чтобъ я ей говорилъ, куда хожу я днемъ, не

только вечеромъ! Повадилась она заходить ко мнѣ на службу, и если тамъ меня не заставала, сидѣла упорно, поджидая меня молча; а дождавшись, заставляла идти съ нею домой; не стану же я подымать скандалъ въ конторѣ!.. *Теперь* мнѣ это смѣшно, когда я вспомню; но *тогда* мнѣ было не до смѣху! Если я, бывало, выгляну въ окно, — она сейчасъ подумаетъ, что я высматриваю какую-нибудь женщину. Какъ-то разъ, когда мы гуляли, она взволновалась при видѣ деревянной куклы—индіянки на выставкѣ у табачнаго магазина.

— Ну, м-ръ Гарумъ!—разсмѣялся Джонъ.

— Что-жъ, можетъ быть, я, дѣйствительно, чуть-чуть преувеличилъ,—тоже разсмѣялся и Давидъ.—Конечно, я не могу сказать, чтобъ это было съ нею постоянно, но такіе припадки ревности и озлобленія случались все чаще и чаще... Подходила вторая весна моей семейной жизни... Изъ словъ жены, или изъ чего-то вообще, я заключилъ, что ей хочется имѣть новую шляпку. Надо отдать ей справедливость,—она была очень разсчетлива и бережлива; кстати, такъ вышло, что за послѣднее время она была ко мнѣ настолько мила, что я рѣшилъ порадовать ее, сдѣлавъ ей сюрпризъ...

Въ эту минуту, изжелта-рыжая, усердная собачонка подвернулась подъ ноги лошадямъ и принялась самымъ крикливымъ голосомъ лаять и визжать на нихъ. Давидъ стегнулъ ее бичомъ, но она, вѣроятно, по привычкѣ, не обратила на ударъ вниманія и продолжала усердствовать, покуда не отстала. Тогда только лошади успокоились и пошли ровнымъ шагомъ; впрочемъ, и то было трудно съ ними совладать.

— Будь проклятъ, песъ проклятый! — воскликнулъ Давидъ горячо, оглядываясь на предметъ его негодованія.—Вотъ я ему!.. Кажется, пяти долларовъ не пожалѣлъ бы, чтобъ только до него добраться и вздрать ему спину хорошенько!

Этотъ ли дерзкій поступокъ собачонки, или что другое отвлекло вниманіе Давида, только онъ умолкъ и продолжалъ свой разсказъ уже послѣ напоминанія Джона, что онъ остановился на „шляпкѣ въ сюрпризъ“.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ Давидъ.—Такъ, вотъ, я и пошелъ въ модный магазинъ и сталъ у окна, да разглядываю шляпы. Вдругъ вышла ко мнѣ барышня и предлагаетъ, не хочу ли я что-нибудь посмотрѣть у нихъ?

— Мнѣ надо купить шляпу,—говорю; а она какъ будто засмѣялась.—Не для меня (говорю ей)—для дамы!—Тутъ ужъ мы оба разсмѣялись. „Какого рода шляпу вы хотите?“ спрашиваетъ

она.—Не знаю (говорю): я покупаю въ первый разъ.—Она пошла и достала изъ стекляннаго шкафа шляпу, которую и повертѣла передо мною на рукѣ.—Не знаю, можетъ быть, она и хороша, только... нѣтъ ли у васъ какой-нибудь побольше?.. — „То-есть, вы хотите сказать, повиднѣе?—спросила она:—Извольте!“ Пошла она куда-то и выноситъ изъ сосѣдней комнаты шляпку вдвое больше первой. Цвѣтовъ и овощей, фруктовъ, бусъ и перьевъ,—чего-чего только тутъ не было такого! Не было возможности хотя бы разобрать, изъ чего она сдѣлана. Продавщица подержала ее обѣими руками, потомъ надѣла себѣ на голову, чтобы показать мнѣ общій видъ со всѣхъ сторонъ.—Она вполнѣ приличнаго фасона?—спрашиваю я. „Самаго лучшаго!“—А какъ насчетъ... *сорта*?—„Сортъ самый высокій!“

Джонъ открыто засмѣялся, а Давидъ усмѣхнулся.

— Пройдоха была препорядочная,—а? Какой бы изъ нея вышелъ барышникъ,—чудо!.. Но въ то время я ничего не замѣтилъ, и только впослѣдствіи все это припомнилъ. — Сколько стоитъ?—спрашиваю я. „Пятнадцать долларовъ“.—Что-о?—говорю:—на эти деньги я накупилъ бы себѣ шляпъ на цѣлыхъ десять лѣтъ!—„Дешевле мы не можемъ уступить“.—Ну, а если дамѣ, для которой я ее покупаю, что-нибудь въ ней придется не по вкусу, вы можете кое-что передѣлать, ну, попримять немного, что-ли?—„Конечно, если не особенно на спѣшку“ (говоритъ).—Ну, хорошо! Такъ заверните.—И она завернула шляпу въ мягкую бумагу, и уложила ее въ картонку, а я заплатилъ деньги и пошелъ себѣ прочь, чувствуя, что по дорогѣ каждый прохожій, каждая женщина, каждый ребенокъ провожалъ глазами мою покупку и мечталъ, какъ будетъ польщена моя жена такимъ сюрпризомъ...

Джонъ замѣтилъ, что они доѣхали до того мѣста дороги, откуда открывался чудный видъ. Обыкновенно, Давидъ останавливалъ лошадь, чтобы полюбоваться голубой поверхностью озера и широкими ярко-золотистыми пашнями, рѣкой, которая вилась межъ ними серебристой лентой, и холмами, за которыми она скрывалась.

Спутники оба примолкли. Джонъ, какъ всегда, наслаждался знакомою картиной и оглянулся на Давида, ожидая, что тотъ, по обыкновенію, скажетъ что-нибудь по поводу нея. Но тотъ молча смотрѣлъ куда-то, въ отвлеченное пространство и, подобравъ возжи, зачмокалъ на лошадей.

Экипажъ покатился дальше. Наскучивъ молчаньемъ, Джонъ напомнилъ Давиду про его прерванный разсказъ:

— И что же, она была довольна?

— А на чемъ я остановился?

— На томъ, какъ вы пошли домой.

— Ахъ, да!.. Вернулся я домой и прошелъ прямо въ гостиную, ожидая, что встрѣчу тамъ жену; но она меня поджидала, сидя у окошка въ спальнѣ, наверху, и это нѣсколько меня смутило. „Что̀ тебя задержало?“—спрашиваетъ она.—Такъ, говорю, дѣлишки кой-какія.—А самъ я улыбаюсь и прячу за спиной коробку. „А это что̀ тамъ у тебя такое?“—говоритъ она, и чуть голову себѣ не свернула—до того потянулась назадъ, чтобы заглянуть, что̀ я тамъ такое прячу.—Такъ, говорю: все эти самыя дѣлишки.

Коробка появилась передъ ней, и она ясно увидала названіе магазина. „Вотъ, значитъ, гдѣ вы время проводили? Да? Болтались себѣ тамъ, съ этими пройдохами у м-съ Шульбредъ?“.—Лицо ея пылало.—Но, Лиза, я десяти минутъ тамъ не былъ: я только зашелъ купить тебѣ шляпку.—„Ты... шляпку... мнѣ?“—произнесла она, выпрямляясь вдругъ, словно аршинъ проглотила. —Ну, да! Я слышалъ, что ты говорила что-то такое про весеннюю шляпку, и зная, до чего ты человѣкъ разсчетливый, захотѣлъ сдѣлать тебѣ удовольствіе...—говорю, стараясь гладить ее по шёрсткѣ.—„Дай-ка, я посмотрю!“ проговорила она голосомъ суше сухого.—Н-ну! Доложу вамъ, какъ рванула она крышку,—такъ та и отлетѣла прочь, далеко въ сторону! Затѣмъ рванула изъ картонки шляпку, завернутую въ мягкую бумагу, вскочила на ноги и взяла ее за краешекъ двумя пальцами, какъ вы взяли бы за хвостъ дохлую крысу. Въ лицѣ она краснѣла, все краснѣла, и, наконецъ, свистящимъ шопотомъ спросила: „Что̀ ты заплатилъ за эту штуку?“ — Пятнадцать долларовъ.—„Пятнадцать долларовъ?!“—Ну, да. Развѣ она тебѣ не по вкусу?—Но жена, вмѣсто отвѣта, захватила шляпу, и принялась общипывать ее, да такъ проворно и такъ чисто, какъ дай Богъ всякому съумѣть ощипать цыпленка. Въ заключеніе, она скомкала и скрутила ее, какъ мокрое полотенце, да какъ швырнетъ прямо мнѣ въ лицо! Сдѣлавъ полуоборотъ, она закинула голову назадъ, запустила руки въ волосы и такъ пронзительно, такъ дико вскрикнула и захохотала, что за версту, казалось, было слышно. Бросившись на постель ничкомъ, она заплакала, задрыгала ногами... Ну, тутъ ужъ я серьезно растерялся... готовъ вамъ прозакладывать свои часы съ цѣпочкой! Она не давала мнѣ къ себѣ прикоснуться; по счастію, въ то время такъ случилось, что у насъ была прислуга, которая, услы-

шавъ возню и шумъ, бѣгомъ бросилась къ намъ наверхъ. Горничная была немолода и смышлёная: „Лучше бы вамъ сбѣгать за докторомъ“,—сказала она, замѣтивъ, въ какомъ состояніи была моя жена. Я духомъ слетѣлъ за нимъ и засталъ его еще за чаемъ. Дорогой онъ разспрашивалъ меня и, наконецъ, сказалъ: „Не случилось ли что-нибудь такое, что могло бы разсердить ее или огорчить?“—Не знаю, право. Развѣ только, что я купилъ ей новую шляпку, которая, кажется, пришлась совсѣмъ ей не по вкусу. (На это замѣчаніе онъ только посмотрѣлъ на меня какъ-то такъ странно,—и мы поднялись наверхъ). Между тѣмъ, прислугѣ удалось жену нѣсколько успокоить; но, увидавъ меня, она принялась подергиваться и визжать. Докторъ прогналъ меня, сказавъ, что скоро самъ придетъ ко мнѣ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро вернулся.—Ну что?—спрашиваю его. „Теперь какъ будто успокоилась немного“, отвѣчаетъ онъ и принимается что-то писать на клочкѣ бумажки, которую вынулъ изъ кармана. „Вы знаете сосѣдку вашу, м-съ Джонсъ? — спрашиваетъ онъ. —Ну, такъ подите, скажите, что я здѣсь, и что мнѣ очень нужно ее видѣть... Сейчасъ же, непремѣнно! Затѣмъ ступайте вы ко мнѣ и прикажите все прислать сюда, что здѣсь написано. Потомъ (онъ протянулъ ко мнѣ записку въ запечатанномъ конвертѣ) вы поѣзжайте въ городъ, въ больницу, и велите сейчасъ же привезти все, что сказано... или нѣтъ, лучше привезите сами... да поторопитесь! Здѣсь вы все равно что безполезны, а сидѣлка мнѣ нужна какъ можно скорѣе... Надо, чтобъ черезъ часъ, а то и раньше, она была бы здѣсь!..“—Боже! Да неужели ей такъ худо?—воскликнулъ я. — Что съ ней такое?—„Развѣ вы не знаете?“ удивился онъ и какъ-то странно на меня взглянулъ.—Нѣтъ (отвѣчаю); только давно ужъ она что-то не такая. Я спрашивалъ ее, да ничего не могъ добиться. А теперь... я ровно ничего не понимаю, что съ нею приключилось?.. Развѣ, что эта шляпка...—Тутъ докторъ разсмѣялся, будто не въ силахъ былъ удержаться, и сказалъ: „Мнѣ кажется, что въ этомъ еще нѣтъ большой вины. Можетъ быть, обстоятельства только ускорили событіе, которое должно было само собой случиться въ теченіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ“... — Не можетъ быть!—воскликнулъ я. „Вѣрно вамъ говорю! Бѣгите же скорѣе!.. Постойте! Сколько лѣтъ вашей женѣ?“—Судя по тому, что она сама мнѣ говорила, когда мы женились, ей тридцать-одинъ годъ. —„О!—сказалъ докторъ и высоко поднялъ брови.—Ну, хорошо. Только поторопитесь!“ И въ самомъ дѣлѣ, я поторопился: часа не прошло, какъ я уже вернулся съ сидѣлкой. Отворяемъ мы

съ нею входную дверь, внизу,—а въ эту самую минуту наверху тоже отворилась дверь...

Давидъ остановился, задумался немного, понизилъ голову и прибавилъ:

— И я услышалъ вдругъ: „Уу-вя! Уу-вя!“—точь-въ-точь блеяніе самаго, что̀ ни есть, крохотнаго ягненка... И знаете ли, что̀ я вамъ скажу?—проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, я ничего не слыхивалъ такого, что̀ такъ проникло бы въ самую... глубину меня, въ самое то мѣсто, гдѣ бьется во мнѣ *жизнь*. Сидѣлка бросилась стремглавъ наверхъ, только махнула впопыхахъ, чтобъ я не шелъ за нею. Я остался внизу и... Ну, все равно!..

XIX.

— Не знаю, долго ли я просидѣлъ одинъ,—продолжалъ Давидъ.—Я напряженно прислушивался къ шуму наверху и старался угадать, что̀ у нихъ тамъ такое происходитъ. Наконецъ, на лѣстницѣ послышались шаги... Я пошелъ въ сѣни и увидѣлъ м-съ Джонсъ.—Ну, спрашиваю: что̀ они?—„Пока еще ничего неизвѣстно; но малютка славненькій мальчишка и хорошо сложенъ... Такія дѣти часто остаются жить, только очень ужъ онъ малъ“...—А какъ жена?—„Пока еще ничего нельзя сказать; но она успокоилась, и мы надѣемся, что все обойдется благополучно. Если я вамъ нужна, можете за мной прислать во всякое время дня и ночи. Докторъ останется при ней всю ночь, а сидѣлка не уйдетъ, пока вы не найдете кого-нибудь, кто могъ бы ее замѣнить“. М-съ Джонсъ ушла къ себѣ, и... вы слышали, что̀ говорится про „соль земли“? Если эта женщина не соль земли, такъ послѣ этого я ужъ не знаю, къ кому это сравненіе болѣе пристало.

— И что-жъ, они остались живы?—спросилъ Джонъ, чувствуя, что поступаетъ грубо; но онъ поддавался любопытству узнать, чѣмъ кончилось.

— Ребенокъ—да, остался жить, но не надолго... лѣтъ до шести, семи. Жена ужъ больше не вставала, хоть прожила еще недѣли три-четыре; повидимому, она съ полнымъ равнодушіемъ относилась къ своему малюткѣ,—да и ко всему другому. Только разъ (въ воскресенье это было, незадолго до конца) она какъ будто немного оживилась. Я сидѣлъ подлѣ нея и увѣрялъ ее, что ей гораздо лучше, чтобы подбодрить ее. „Нѣтъ,—говоритъ

она: — мнѣ ужъ не жить на свѣтѣ". — Не говори ты этого! (возражаю я). „Нѣтъ, я умру, умру! Мнѣ все равно". Я не зналъ, что̀ ей возразить, а она продолжала: „Давъ! Мнѣ хочется тебѣ сказать, что ты былъ добръ ко мнѣ и ласковъ".— *Старался быть* добрымъ и ласковымъ,—поправилъ я.—И вотъ что̀, Лиза: никогда я не прощу себѣ эту отвратительную шляпку! Пока живъ буду, ее буду помнить.—„Шляпка тутъ ни-при-чемъ,— сказала она.—И ты вѣдь хотѣлъ все сдѣлать къ лучшему, но... (почти шопотомъ добавила она, и что-то вродѣ улыбки промелькнуло у нея на лицѣ—какъ бы зыбь мимолетная на ровной поверхности воды)—но *этой* шляпки было довольно, чтобъ убить *кого угодно*!.."

Джонъ нагнулся впередъ, какъ будто его что-то особенно вдругъ заинтересовало въ колесахъ тарантаса. Лицо Давида подергивалось нервно.

Дорога пошла по̀дъ-гору, и все вниманіе пришлось сосредоточить на томъ, чтобы благополучно спуститься съ опаснаго, крутого ската. Выбравшись на ровную дорогу, Джонъ спросилъ разсказчика:

— Вы не были женаты вторично?

— Нѣтъ; мой опытъ надъ супружескою жизнью былъ коротокъ, но, что называется, попалъ прямо въ цѣль.

— Но вы были еще молоды, и я скорѣе могъ бы допустить возможность...

— Что-жъ, я долженъ сознаться, что иной разъ подумывалъ объ этомъ; даже былъ случай, когда я легко могъ жениться (послѣ разсказанныхъ событій десять лѣтъ спустя), и вдобавокъ на женщинѣ, съ которой я видѣлся довольно часто, и имѣлъ основаніе думать, что она не выгонитъ меня, если я явлюсь къ ней съ предложеніемъ руки и сердца. Я рѣшилъ, что попытаю счастья еще разъ,—тѣмъ болѣе, что она мнѣ нравилась серьезно. Это было въ субботу. Всѣ магазины были открыты; на улицахъ кишмя кишѣлъ народъ. Я шелъ безъ оглядки и на ходу наскочилъ на какую-то женщину съ картонкой... Поднялъ глаза—и вдругъ передо мною—модный магазинъ такъ и сіяетъ множествомъ нарядовъ и огней, освѣщающихъ шляпки... шляпки!.. Ну, какъ бы вы думали, что̀ я сдѣлалъ? И не старайтесь: не додумаетесь никогда! Я крикнулъ извозчика и приказалъ ѣхать обратно... а затѣмъ остановилъ его и пѣшкомъ... *пошелъ себѣ домой*. Вотъ и вся моя попытка запастись вторично „другомъ и товарищемъ на всю жизнь", который дѣлилъ бы со мною всѣ мои „радости и горести".

— Попытка, довольна близкая къ осуществленію,—замѣтилъ отъ себя Джонъ, смѣясь.

— Можетъ быть, у Провидѣнія и былъ для меня въ запасѣ какой-нибудь еще иной планъ, чтобы отвратить отъ меня это ярмо прежде, чѣмъ я его надѣну; но этотъ случай съ моднымъ магазиномъ совершенно осадилъ меня, и я ужъ больше не рвался впередъ,—заключилъ свое повѣствованіе Давидъ и опять умолкъ.

— А какъ же вы устроились потомъ, оставшись съ малюткой на рукахъ?—прервалъ молчаніе его собесѣдникъ.

— Вотъ тутъ-то и является опять на сцену м-съ Джонсъ,—подхватилъ Гарумъ.—Понятно, я нанялъ самую лучшую кормилицу, какую было мыслимо найти, а м-съ Джонсъ забѣгáла по два, по три раза ежедневно, заглянуть, дѣйствительно ли все идетъ, какъ бы хотѣлось, то-есть, какъ можно лучше; но мнѣ приходилось часто быть внѣ дома, и я уговорилъ супруговъ Джонсъ переѣхать въ домикъ, который я же нанялъ, съ цѣлью поручить исключительный уходъ за ребенкомъ этой доброй и почти бездѣтной женщинѣ. У нея въ живыхъ осталась только дочь, дѣвочка лѣтъ тринадцати, а двоихъ мальчиковъ она похоронила; вотъ, вѣроятно, почему она еще больше привязалась къ моей малой мошкѣ съ самаго начáла, а я платилъ ей хорошо, и самъ имѣлъ у нихъ же комнату. Такъ шли у насъ дѣла прекрасно, пока... пока было имъ для кого идти. Все свое свободное время я проводилъ со своимъ мальчуганомъ, и онъ самъ, повидимому, любилъ быть со мною больше, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Благодаря хорошему уходу, росъ онъ у насъ недурно, и сталъ такой славненькій, стройненькій мальчикъ,—какъ стальной! И роста былъ порядочнаго, какъ и слѣдовало быть. Дожилъ онъ на свѣтѣ почти до семи лѣтъ. Я былъ въ ту пору въ Чикаго. Вдругъ получаю телеграмму, что онъ очень боленъ, и—сейчасъ на поѣздъ. На бѣду, мы запоздали, сошли съ рельсовъ, да попали въ ужаснѣйшую снѣжную метель, и я доѣхалъ съ опозданіемъ часовъ этакъ на пятнадцать. Было девять часовъ утра, когда я, наконецъ, добрался до дому. М-съ Джонсъ поджидала меня, и не успѣлъ я взбѣжать на лѣстницу, какъ издали, по лицу ея... вижу, что уже... поздно! „О, Давидъ, Давидъ!“ воскликнула она (никогда прежде она меня такъ не называла) и положила мнѣ руки на плечо.—Когда? — спрашиваю я. „Около полуночи“.—Онъ очень мучился?—„Нѣтъ, не думаю. Съ перваго же дня онъ былъ безъ памяти почти все время, а послѣднія сутки сплошь“.—Какъ вамъ кажется, онъ бы меня узналъ? Говорилъ онъ что-нибудь?—Видимо, м-съ Джонсъ

все время плакала, но встрѣчать меня вышла, сдерживая слезы, а теперь лицо ея все передернуло. „Не знаю; говорилъ онъ много, но понять только и можно было:—Пап-па! Пап-па!..“ М-съ Джонсъ накинула себѣ на лицо передникъ и...

Давидъ нахлобучилъ еще больше на глаза фуражку, которую и безъ того всѣ „лошадники“ носятъ низко на лобъ, и повертѣлъ бичъ вокругъ пальца, перегнувшись за край тарантаса. Джонъ тоже принялся усердно изучать рисунокъ на передкѣ, пока не почувствовалъ, что ему въ руку молча суютъ возжи. Но не надолго. Давидъ быстро оправился и молча взялъ ихъ обратно.

— На другой день послѣ похоронъ, я сказалъ м-съ Джонсъ: —я возвращусь теперь на Западъ, и постараюсь пріучить себя не ожидать, приходя домой, чтобы мнѣ на шею кидалось и прыгало вокругъ меня мое дитя... Со временемъ, конечно, я вернусь, а пока—пусть будетъ все по старому, какъ было. Какъ вы думаете, будете вы его вспоминать?—„Всю жизнь мою... какъ своего родного“ (говоритъ).—Ну, такъ вотъ, пока вы не забудете его, онъ все еще какъ будто будетъ жить посреди насъ; вы будете отъ меня получать, какъ будто вы еще ходите за нимъ. Если же вы хоть что-нибудь на это возразите—вы, значитъ, больше мнѣ не другъ; а вы вѣдь всегда были доброй женщиной.—Ну, она немного повиляла, только я ей не далъ воли, и заставилъ согласиться.—Я все устроилъ со своимъ компаньономъ, говорю ей; а если вамъ когда придется круто,—можете пойти къ нему, и онъ вамъ выдастъ, сколько будетъ нужно.

— Надѣюсь, она еще потомъ жила и благоденствовала?— искренно освѣдомился Джонъ.

— Она прожила еще двадцать лѣтъ послѣ того, и ни разу не случалось мнѣ подписывать для нея чекъ безъ того, чтобъ не подумать, что это я забочусь о своемъ мальчуганѣ... Конечно, есть разнаго рода горести,—сказалъ онъ, погодя немного,— и много есть такихъ, которыя сродни одна другой; но, я думаю, потерять ребенка—горе совсѣмъ особое! Конечно, рѣзкая боль утраты и тоска сгладились у меня много лѣтъ назадъ; но *позабыть* ихъ нѣтъ никакой возможности; то-есть, собственно, нѣтъ возможности *не* вспоминать объ этомъ. И не только горюешь о томъ, что ребенка больше нѣтъ на свѣтѣ, но и о томъ, чѣмъ онъ *могъ* быть для тебя, по мѣрѣ того, какъ подросталъ бы постепенно. Когда я потерялъ своего мальчугана, я потерялъ его не тогда только, когда похоронилъ его еще ребенкомъ; я какъ бы вновь его лишался съ каждымъ годомъ. Я

представлялъ себѣ, какой онъ былъ бы, если-бъ ему было столько-то, или еще столько лѣтъ, какой онъ былъ бы, если бы еще подросъ, началъ бы ходить въ училище; какой онъ былъ бы еще попозже... и такъ вплоть до настоящей минуты. Конечно, со временемъ, человѣкъ перестаетъ зарываться лицомъ въ подушки; но если есть такія бѣды, которыя время помогаетъ вамъ позабыть, такъ есть же еще и такія, которыя время помогаетъ все живѣе помнить... А потерять ребенка—горе именно такого рода!

Шла пятая зима пребыванія Джона въ Гомвилѣ.

Дѣла конторы разрослись. Пришлое населеніе,—фабрики и заводы,—всѣ свои денежныя дѣла поручали Давиду, а вслѣдъ за ними и сами старожилы перевели къ нему свои капиталы изъ серчестерскихъ банковъ. Поджарый Пелегъ Гопкинсъ раздобрѣлъ и обратился въ человѣка весьма внушительнаго вида, а его мѣсто въ конторѣ занялъ новый „мальчикъ на побѣгушкахъ“. Значительный толчокъ также дала желѣзная дорога, проведенная предъидущимъ лѣтомъ и возбудившая-было споры и вражду между „набобами“ (какъ величалъ ихъ Гарумъ) и „деревенщиной“. Со стороны послѣднихъ горячо дѣйствовалъ и тормазилъ дѣло первымъ нѣкій нотаріусъ Стэписъ, но и онъ вынужденъ былъ уступить, такъ что въ концѣ концовъ желѣзнодорожный путь прошелъ тамъ, гдѣ хотѣла партія „набобовъ“.

— Я вамъ не говорилъ, какъ это такъ случилось, что нашъ Стэписъ отступился отъ своихъ?—спросилъ Давидъ однажды, сидя съ Джономъ въ своемъ кабинетѣ въ банкѣ.

— Помнится, вы говорили, что онъ имъ измѣнилъ, и смѣялись, но—и только.

— Ну, какъ вамъ извѣстно, въ партіи Тенакера добивались одного, а въ партіи Перса—другого; Стэписъ, какъ тонкій политикъ, стоялъ на сторонѣ послѣднихъ, и дѣйствительно былъ имъ очень полезенъ. Я не принималъ участія ни въ той, ни въ другой сторонѣ, но сочувствовалъ партіи Тенакера. Однажды, обращается ко мнѣ этотъ послѣдній, да и говоритъ: „Мнѣ надо знать, за кого вы стоите? Дѣло наше близится къ окончательному рѣшенію, а Персъ думаетъ, что вы—на его сторонѣ“.—Я, видите ли (говорю) хотѣлъ бы удержаться на верхушкѣ вашего плетня, чтобъ меня ни на ту, ни на другую сторону не перетянуло; но—между нами будь сказано!—я чувствую, что, вотъ-вотъ, меня можетъ къ вамъ перетянуть. Пока что, съ вашей стороны, все-таки лучше бы держаться потише,

а только вотъ что я вамъ скажу: ваши сторонники согласятся ли пожертвовать нѣкоторою небольшою суммой?—„Отчего же, говоритъ, если это нужно“.—Вамъ больше всѣхъ вредитъ одинъ только человѣкъ, и это не кто иной, какъ Стэписъ. Онъ, собственно, ни за кого въ отдѣльности и не стоитъ, но *думаетъ*, что стоитъ за Перса. Если я увижу, что можно обойтись безъ денегъ,—мы и обойдемся. На другой день, вечеромъ, я пошелъ въ трактиръ, гдѣ Стэписъ ораторствовалъ, окруженный „своими“. Я подошелъ и кивнулъ ему, чтобъ подозвать его къ себѣ. Мы вышли изъ залы въ сосѣднюю комнату.—Я вижу, что вы очень твердо стоите на своемъ (говорю ему).—„Да (говоритъ), такихъ ужъ правилъ я держусь!“ и стукнулъ кулакомъ по столу.—А какъ вы думаете? Горячо придется?.. Сколько мнѣ кажется, „тѣ“ готовы денегъ не жалѣть.—„А, такъ они готовы?“—Да! Итакъ я полагаю, что для насъ самое лучшее отъ нихъ не отставать и тоже, со своей стороны, открыть подписку. Я рѣшилъ подписать столько же, сколько подпишете вы: у меня вотъ и листъ съ собою; я готовъ идти даже до двухсотъ долларовъ. Начните листъ, а я за вами.—Онъ повертѣлся на стулѣ, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны...—Ну что же? (говорю): подпишемъ двѣсти?—„Гм! До такой суммы мнѣ далеко, да и вообще я не хочу быть первымъ на вашемъ листѣ“.—Хорошо (говорю), такъ я его начну: скажите только, на какую сумму? Ну, полтораста, что-ли?—„Нѣтъ!“ отвѣчаетъ, дергая себя за бакенбарды.—Такъ, значитъ, сто?—Онъ опять качаетъ головой.—Ну, пятьдесятъ?—Онъ вынулъ носовой платокъ и принялся сморкаться.—Ну, что вы *скажете*? —спрашиваю опять. „Н-ну (говоритъ), я думаю, что ничего сейчасъ вамъ не могу сказать. Я завтра дамъ отвѣтъ“. На слѣдующій день, я вечеромъ опять иду туда же; вижу все тѣ же лица, то же сборище, что и наканунѣ; подхожу къ Персу, а Стэписа все нѣтъ, какъ нѣтъ.—А Стэписъ?—говорю. „Онъ сказалъ, что, можетъ быть, придетъ, а можетъ быть и нѣтъ: ему пришлось уѣхать въ Серчестеръ на нѣсколько дней. Я ему говорилъ, что время не терпитъ, а онъ, повидимому, потерялъ всякую охоту къ дѣлу“.

— Ну, а вы что на это?—спросилъ Джонъ.

Я промолчалъ, а Персъ высказалъ даже подозрѣніе, что, вѣроятно, чей-нибудь портфельчикъ съ нимъ поговорилъ. Дня два-три спустя, я видѣлся съ Тенакеромъ опять. „Я слышалъ, (говоритъ), что Стэписъ уѣхалъ изъ города, и что онъ вообще какъ будто охладѣлъ къ общему дѣлу, но мнѣ, впрочемъ, все

равно, почему именно это такъ случилось?“ — Когда онъ вернется, повидайтесь съ нимъ, если захотите; можетъ быть, окажется, что онъ не подозрѣвалъ, что у этого дѣла тоже есть своя изнанка. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, онъ больше вамъ мѣшать не будетъ.—„Какъ такъ?“—А вотъ какъ. Я разскажу вамъ маленькую быль про нѣкоего... ну, положимъ, хоть Смита, который имѣлъ обыкновеніе кричать на митингахъ, что̀ онъ и дѣлалъ однажды въ одномъ большомъ приходскомъ собраніи, перебивая рѣчь оратора. Это мѣшало послѣднему втолковать толпѣ то, чего большинство еще не могло себѣ усвоить. Смитъ громогласно вопилъ: „А-минь! А-минь! Это такъ, Господи!“ и голосъ его оглушительно звучалъ, уподобляясь фабричному гудку. Блюститель тишины нагнулся къ одному изъ своихъ собратій и попросилъ его: „Братъ Джонсъ! Не можешь ли ты пройти въ тотъ конецъ залы и сказать что-нибудь такое нашему брату Смиту, что̀ его усмирило бы?“ Джонсъ пробрался туда, и десяти минутъ не прошло, какъ Смитъ пропалъ изъ вида. Митингъ кончился; блюститель подзываетъ Джонса и говоритъ ему: „Братъ Джонсъ! Что̀ ты сказалъ такое брату Смиту, что онъ такъ быстро сократился?“ — „Я попросилъ его дать долларъ на иностранное миссіонерство“...—Ну, вотъ и я поступилъ такъ же точно съ нашимъ Стэписомъ,—говорю я Тенакеру въ заключеніе.

— А что, если бы Стэписъ поймалъ васъ на̀-словѣ?—спросилъ Джонъ.

— Ну, на это было мало вѣроятія! Наконецъ, если-бъ я не зналъ его хорошо,—все-таки, судя по своему житейскому опыту, я могъ бы предположить, что члены семейства Смитовъ разсѣяны по всей поверхности земного шара,—объяснилъ Давидъ.

Утромъ, Давидъ Гарумъ позвалъ Джона къ себѣ, въ кабинетъ конторы.

— Вы заняты?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. То-есть, собственно, нѣтъ ничего такого спѣшнаго, что̀ не могло бы подождать,—отвѣтилъ тотъ.

— Садитесь,—пригласилъ онъ своего помощника.—Была у васъ когда-нибудь своя свинья?

— Нѣтъ, никогда,—съ улыбкою отвѣтилъ Джонъ.

— И никогда не было у васъ стремленія имѣть *собственную* свинью?

— Не помню, чтобъ мои желанія когда-либо возникали въ этомъ направленіи.

— Вы любите свинину?

— Такъ себѣ.

Но тутъ Давидъ вынулъ изъ кармана и подалъ молодому человѣку телеграмму, полученную наканунѣ, прибавивъ только:

— Вотъ, прочтите!

Джонъ заглянулъ въ нее и подалъ ему обратно.

— Никакого понятія не могу вынести изъ этихъ словъ,— прибавилъ онъ.

— Какъ? Вы не знаете, что̀ означаютъ слова: „Bangs Galilee“ и подпись: „Raisin“?

— Ну, вамъ слѣдовало бы задать мнѣ задачу полегче этой!— улыбнулся Джонъ.

Давидъ помолчалъ съ минуту и спросилъ:

— Сколько у васъ денегъ?

— Считая все, вмѣстѣ съ прежними, и съ тѣми, которыя я отложилъ съ тѣхъ поръ, какъ сюда пріѣхалъ, мнѣ кажется, у меня наберется тысячъ пять долларовъ.

— Они у васъ хранятся тутъ гдѣ-нибудь по близости, такъ что вы всегда можете на нихъ руку наложить?—спросилъ Давидъ.

— Вотъ, у меня здѣсь все записано,—проговорилъ Джонъ, подавая ему листки бумаги изъ своей записной книжки.

— Гм!.. Гм!.. Оказывается, что я вамъ еще долженъ цѣлую кучу денегъ?.. У васъ четыре-тысячи-пятьсотъ долларовъ, и неужели вы ничего лучшаго для нихъ не могли придумать, какъ держать ихъ здѣсь, на четырехъ процентахъ?

— Что-жъ, можетъ быть и могъ, а можетъ быть и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ это казалось предпочтительнѣе всего.

— Считали, что все-таки у старика надежнѣе?—спросилъ Давидъ, но такимъ тономъ, по которому ясно было видно, что онъ въ высшей степени этимъ доволенъ.

— Да,—отвѣтилъ Джонъ.

— И больше ничего?

— Нѣтъ; есть еще проценты на эти документы; кромѣ того, какъ вамъ уже извѣстно, есть у меня цѣлый рядъ залежей руды и клочокъ многообѣщающей земли въ Пенсильваніи.

Тутъ Давидъ какъ будто бы хотѣлъ что-то сказать, но спохватился и принялся молча вертѣть въ рукахъ желтую бумажку съ таинственной телеграммой. Но вотъ онъ раскрылъ ее и проговорилъ:

— Она отъ моего стараго друга; онъ-то и есть „Raisin“. Живетъ онъ въ Чикаго; мы съ нимъ земляки и лѣтъ тридцать тому назадъ, какъ подружились, совсѣмъ еще юнцами. Съ нимъ вмѣстѣ и черезъ него мнѣ приходилось дѣлать хорошія дѣла, и еще ни разу не случалось, чтобы онъ направлялъ меня на ложный слѣдъ. То-есть, собственно говоря, все, что я ни дѣлалъ по его указанію, всегда мнѣ удавалось; но онъ мнѣ вообще много указывалъ хорошихъ путей, которымъ я, однако, не всѣмъ слѣдовалъ. Имена называть излишне, а выраженіе: „Bangs Galilee“ означаетъ: „Покупай свинину“; а такъ какъ я внимательно слѣдилъ за рынкомъ, и вижу, что цѣны на свинину теперь значительно ниже, чѣмъ на провозъ, то я и порѣшилъ закупить ея нѣсколько тысячъ бочекъ, для домашняго обихода. Такую штуку всегда выгодно имѣть въ хозяйствѣ подъ рукою; вотъ мнѣ и пришло въ голову, что, можетъ быть, вы тоже захотите ею запастись немножко. На мой взглядъ она дешева, а съ теченіемъ времени, что вы не доѣдите, то можно будетъ съ барышомъ продать.

— Ну,—засмѣялся Джонъ:—вы, кажется, видите меня каждый день за столомъ, и знаете, какой у меня аппетитъ. Сколько, по-вашему, я могъ бы сберечь?

— По нынѣшнимъ цѣнамъ, я думаю, четырехъ-тысячъ бочонковъ хватитъ вамъ надолго, да еще, пожалуй, останется нѣсколько штучекъ въ продажу, на тотъ случай, если-бъ нашелся человѣкъ, для котораго она была бы болѣе необходима, чѣмъ для васъ.

Джонъ вытаращилъ на него глаза:

— Ну что-жъ я выручу? Какой-нибудь долларъ съ четвертью?

— Мнѣ такъ сдается, что и этого съ васъ довольно будетъ,—возразилъ Давидъ.—Ничего мнѣ еще не случалось покупать, что не падало бы въ цѣнѣ сначала; а если этотъ мой пріятель далъ мнѣ знать телеграммой, значитъ, теперь—самая пора! Мы съ нимъ еще и по другому поводу вели переписку..

Давидъ немного помолчалъ, а затѣмъ тихонько засмѣялся.

— Я вспомнилъ, какъ мнѣ встрѣтился однажды большой возъ со свиньями.—Откуда?—спрашиваю возчика-ирландца. „Изъ Стаффорда“ (говоритъ онъ).—Ого! Я не подозрѣвалъ, какое тамъ множество свиней! (говорю ему). „Да тамъ, почитай, все однѣ только свиньи“, отвѣчаетъ. Вотъ и я могу сказать, что этотъ продавецъ сбываетъ на Западѣ свинину, точно тамъ все однѣ только свиньи...

— Что-жъ, это соблазнительно,—произнесъ Леноксъ.

— Видите, что я вамъ скажу,—началъ опять Давидъ:—я, собственно, не хочу васъ соблазнять, и не хочу ни на чемъ настаивать. Ничего нѣтъ на свѣтѣ вѣрнаго, кромѣ смерти и налоговъ. Но покупать *теперь* свинину—все равно, что покупать, такъ сказать, навѣрняка. Только надо твердо держаться своего и не продавать, пока цѣны не повысятся въ концѣ концовъ; вся штука въ томъ, чтобъ можно было *дотерпѣть* до самаго конца...

Джонъ сидѣлъ, повидимому, глазъ не отрывая отъ огня, но на самомъ дѣлѣ не видалъ его. Наконецъ, онъ всталъ, подошелъ къ конторкѣ Давида, высчиталъ на своихъ бумагахъ проценты и, заполнивъ чекъ на данный балансъ, подалъ бумаги и чекъ банкиру.

— Что-жъ, все-таки думаете рискнуть?—спросилъ тотъ.

— Да,—отвѣтилъ Джонъ.—Но если я возьму столько, сколько вы совѣтуете взять, у меня не будетъ чѣмъ обернуться въ случаѣ, если цѣны падутъ на рынкѣ.

— Я ужъ подумалъ объ этомъ, и рѣшилъ, что помогу вамъ продержаться, въ случаѣ если-бъ цѣнамъ случилось слишкомъ падать.

— Прекрасно. Такъ не будете ли вы добры прослѣдить за этимъ дѣломъ для меня?

— Хорошо!—согласился Давидъ.

Его помощникъ поблагодарилъ и ушелъ въ контору.

XX.

Въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ случалось, что Джонъ отъ души жалѣлъ, что не во всѣхъ свиней въ мірѣ (какъ говоритъ Шейлокъ) „пророкъ изъ Назарета вогналъ бѣсовъ“ и что, слѣдовательно, не всѣ онѣ погибли въ морѣ Галилейскомъ. Сначала цѣны на свинину стали быстро падать; потомъ—медленно подниматься, пока не достигли цѣлаго доллара свыше покупной цѣны. Затѣмъ опять понизились до пол-доллара барыша, и стали падать... падать до того, что Джонъ не смѣлъ заглянуть въ газеты. На третій день послѣдняго переворота, когда газету утромъ принесли и положили на конторку хозяина, Джонъ машинально, какъ бы повинуясь предчувствію, потянулся къ ней и—заглянулъ... Одна изъ торговыхъ телеграммъ гласила:

„Большое возбужденіе на чикагской биржѣ. Получено извѣстіе, что со свининой—безвыходно. Спекулянты на пониженіе одержали верхъ“, и т. д., и т. д., въ томъ же духѣ.

Джонъ все прочелъ, и ему показалось, что ничего во всей литературѣ не случалось ему прочитать болѣе милаго, пріятнаго сюрприза! Давидъ ѣздилъ дня на два въ Серчестеръ и вернулся только наканунѣ. Не успѣлъ онъ войти въ контору, какъ Джонъ протянулъ ему газету. Онъ подержалъ ее поодаль, пробѣжалъ глазами и сказалъ:

— А что? Довольно круто приходилось эти дни? Какъ вамъ кажется? Вы вѣрно думали, что все пойдетъ прахомъ?

— Пожалуй... Впрочемъ, я, признаться, не читалъ газетъ всѣ эти дни и думалъ, что вы ужъ вынесете меня на своихъ плечахъ до извѣстныхъ предѣловъ. Сколькимъ вы сами рисковали?

— Н-ну, я, конечно, отмѣчалъ колебанія биржи, и если-бъ мы продали тогда, вы были бы у меня въ долгу на тысячу или на полторы долларовъ; но это былъ попросту кризисъ пониженія, послѣ котораго вдругъ цѣны поднялись, — какъ этого и слѣдовало ожидать.

— Что же вы думаете теперь дѣлать?—спросилъ его Джонъ.

— Мы столько ждали, что я совѣтовалъ бы подождать еще немного, тѣмъ болѣе, что измѣненія на биржѣ намъ на-руку.

— Прекрасно,—согласился Джонъ Ленокъ.—Глубоко вамъ обязанъ!

— Полно, полно!—остановилъ его Давидъ.

Съ этимъ дѣломъ они покончили, однако, только въ августѣ.

Лѣто подходило къ концу.

Въ общей сложности, оно пришло и миновало такъ же точно, какъ это привыкъ видѣть Джонъ за время своего пребыванія въ Гомвилѣ; перемѣнъ было мало или даже не было почти никакихъ, если не считать тѣхъ, которымъ молодежь подвергается замѣтно въ какихъ-нибудь два-три года. Юноши-подростки пріобрѣтали нѣкоторую важность осанки по мѣрѣ того, какъ имъ чаще приходилось прибѣгать къ услугамъ бритвы. Барышни-подростки надѣли платья подлиннѣе и свои распущенные волосы подобрали въ прическу. Самымъ крупнымъ событіемъ за это время было оживленіе, вернувшееся въ домъ Верджусовъ, два года стоявшій заколоченнымъ въ отсутствіе всей семьи. Вмѣстѣ съ ними появился молодой иностранецъ, объявленный женихъ Клары Верджусъ. Нѣчего и говорить, сколько оживленныхъ и самыхъ разнообразныхъ толковъ породилъ этотъ знаменательный фактъ въ лѣтней хроникѣ Гомвиля. Счастливаго смертнаго разбирали и обсуждали самымъ разностороннимъ и оживленнымъ манеромъ.

Мѣсяца полтора спустя по заключеніи „свинаго“ торга, Давидъ съ Джономъ, по обыкновенію, поѣхали прокатиться. Въ силу привычки, у нихъ само собой установилось правило—не утруждать другъ друга разговоромъ; поэтому они успѣли отъѣхать довольно далеко отъ дома, покуда Гарумъ оторвался отъ своихъ глубокихъ думъ.

— Вы знаете этого „нѣмца“, за котораго выходитъ Кларисса Верджусъ?—спросилъ онъ.

— Да, мы съ нимъ не разъ встрѣчались. Только, — прибавилъ онъ, смѣясь:—онъ вовсе не нѣмецъ. Какъ это вамъ въ голову пришло?

— Я слышалъ, что она натолкнулась на него въ Германіи,— сказалъ Давидъ.

— Кажется, такъ оно и было; но онъ не нѣмецъ. Онъ изъ Филадельфіи и—другъ и пріятель семейства Брэдуэй.

— Что онъ за человѣкъ? Стоитъ ли онъ ея?

— Въ общепринятомъ смыслѣ слова, — да, конечно, съ той точки зрѣнія, какъ принято смотрѣть вообще на этотъ вопросъ. Онъ хорошъ собой; у него хорошія манеры, хорошія средства,—сколько я слышалъ. Говорятъ, что миссъ Клара (и это, собственно, самое главное!) очень влюблена въ него.

— Гм!.. произнесъ Давидъ и, подумавъ, прибавилъ:—А какъ вы ладите съ дѣвицами Верджусъ? Какъ держала себя миссъ Кларисса, когда вы бесѣдовали съ нею, по возвращеніи ея изъ-за границы?

— О! Онѣ съ сестрой милы ко мнѣ и, какъ всегда, любезны,—съ улыбкою отвѣтилъ Джонъ.—А съ миссъ Верджусъ мы даже на правахъ друзей.

— Я было-думалъ, что вы съ миссъ Клариссой, можетъ быть, понравитесь другъ другу, и когда-нибудь...

— Не думаю, чтобы на это оказалось малѣйшее вѣроятіе когда бы то ни было,—поспѣшно возразилъ Леноксъ.

— Подержите возжи на минутку,—проговорилъ Давидъ:— какъ будто камешекъ попалъ въ подкову!—и онъ всталъ, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло.—Эта дорога у насъ самая красивая, а я не люблю часто по ней ѣздить изъ-за этого дурацкаго щебня!

Давидъ втянулъ потомъ въ себя воздухъ и своими собранными въ оборочку губами издалъ звукъ, знакомый его вѣрнымъ лошадкамъ. Чуткія животныя понеслись впередъ.

— Вы думали когда-нибудь о томъ, чтобы жениться?—спросилъ опять Давидъ.

— Ну... не помню, чтобъ я когда-нибудь имѣлъ опредѣленное намѣреніе,—какъ бы запинаясь, отозвался Джонъ.

— На-комъ нибудь, кого вы знали до пріѣзда вашего сюда?— вдругъ догадался Давидъ, и даже поправился на мѣстѣ отъ своей догадливости.

— Это такъ,—улыбаясь на его вопросъ, проговорилъ Джонъ.

— Что-жъ, она не захотѣла васъ себѣ въ мужья?—продолжалъ тотъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, когда ему нужны были точныя свѣдѣнія.

Джонъ разсмѣялся, въ сущности забавляясь тѣмъ, что такъ охотно самъ отвѣчаетъ на разспросы.

— Я не просилъ ее объ этомъ.

— Но вы разсчитывали, все-таки, жениться, когда пришло бы время?—не отставалъ Давидъ.

Объ этой сторонѣ своей жизни Джонъ Ленноксъ, конечно, ничего не говорилъ Давиду. Положимъ, было время, когда онъ могъ бы пуститься въ откровенности, но тогда (весьма возможно) разспросы по этому поводу могли бы показаться ему неумѣстны, и онъ, конечно, далъ бы это понять Давиду, тѣмъ болѣе, что ему было больно бередить старую рану. Но съ теченіемъ времени, все ближе узнавая Давида, Джонъ все больше привязывался къ нему, и теперь зналъ, что онъ разспрашиваетъ его, движимый единственно добрымъ чувствомъ. Онъ это испыталъ на себѣ сто разъ и теперь не возмущался его любопытствомъ; наоборотъ, ему было даже пріятно во всемъ признаться, и, вдобавокъ, его самого занималъ вопросъ: какая была у него на этотъ разъ цѣль разговора? Онъ зналъ, что у Давида всегда и во всемъ есть заранѣе намѣченная цѣль; поэтому онъ разсказалъ ему все такъ подробно, какъ если бы его слушала женщина, а не мужчина.

— И вы потомъ не получали больше отъ нея ни письма, ни записки, ни какого бы то ни было извѣстія? — спросилъ Давидъ.

— Нѣтъ, ровно ничего.

— И до сего дня вы ничего не слыхали про нее?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— И не пытались хоть что-нибудь услышать?

— Нѣтъ. Къ чему?

— Провидѣніе значительно расчистило вамъ новый путь весною,—замѣтилъ Гарумъ.

— Мнѣ тоже такъ казалось,—подхватилъ Джонъ.

— А вы вѣдь здѣсь у насъ прожили уже пять лѣтъ,—на-

чалъ опять Давидъ, послѣ нѣкотораго молчанія, что даже дало Джону поводъ думать, что онъ оставилъ мысль о его женитьбѣ.

— Да, почти.

— И въ общемъ, все-таки, вы не особенно недовольны?

— Я свыкся постепенно; бываетъ иной разъ, что мнѣ даже трудно вообразить себѣ то время, когда я еще не былъ здѣсь, въ Гомвилѣ. Прежнюю жизнь свою я вспоминаю какъ повѣсть, прочитанную въ книгѣ. Есть въ ней и Джонъ Ленокcъ, но онъ представляется мнѣ скорѣе какъ дѣйствующее лицо романа, нежели какъ я самъ.

— А между тѣмъ, если бы вамъ теперь случилось начать эти пять лѣтъ съ начала, вамъ они не показались бы такъ длинны, какъ тогда? — спросилъ банкиръ, обернувшись лицомъ къ своему спутнику:—А? Какъ вамъ кажется?

— Пожалуй...—отозвался Джонъ.—Да... Весьма возможно.

— Я думаю, вамъ вообще жилось въ нашихъ краяхъ лучше, чѣмъ вы ожидали... чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— О, да! — искренно вырвалось у Джона: — благодаря вамъ и...

— И... Ну, я тутъ ни-при-чемъ... Теперь у васъ есть порядочныя деньги... Такъ, вотъ, я и подумалъ, что теперь вы, можетъ быть, не очень расположены жить въ Гомвилѣ, когда вамъ больше въ этомъ нѣтъ нужды?

Молодой человѣкъ взглянулъ вопросительно на свое начальство, но его лицо, приходившееся къ нему въ профиль, было непроницаемо.

— Это было бы только вполнѣ естественно,—продолжалъ Давидъ:—и даже для васъ лучше. Вы—человѣкъ слишкомъ хорошій для того, чтобы всю жизнь свою проработать на Давида Гарума... и у меня все время было на умѣ (вотъ хоть бы нѣчто вродѣ этого „свиного“ торга), какъ бы сдѣлать васъ независимымъ на тотъ случай, если бы что случилось... или такъ... вообще... Прямо дать вамъ денегъ я не могъ бы; да вы бы и не взяли... если бы даже я этого серьезно потребовалъ отъ васъ. Но теперь, когда у васъ есть свои деньги...

— Но я, все равно, чувствую это какъ подарокъ съ вашей стороны,—возразилъ молодой человѣкъ.

Давидъ поднялъ руку въ знакъ возраженія:

— Нѣтъ, нѣтъ! Я только то и сдѣлалъ, что вложилъ въ это дѣло на нѣсколько дней свои деньги,—самую незначительную сумму. Я не рисковалъ ничѣмъ,—ну, значитъ, все въ исправ-

ности, и вырученныя деньги—ваши собственныя деньги—ставятъ васъ въ полную независимость отъ Гомвиля.

— Но я на это не совсѣмъ такъ смотрю, — возразилъ Джонъ.

— Ну, однако! Если бы у васъ была такая сумма пять лѣтъ тому назадъ, вы и не подумали бы къ намъ сюда забраться,—а?

Джонъ могъ только промолчать, а Давидъ продолжалъ.

— Я рѣчь веду къ тому, чтобы сообщить вамъ новость. Я уже давно подумывалъ объ этомъ, но еще ни разу вамъ не говорилъ... Въ сущности, я могъ бы это отложить еще, если бы все сложилось нѣсколько иначе, но при такихъ же условіяхъ... Дѣло въ томъ, что я рѣшилъ снять свою вывѣску.

Ленокъ посмотрѣлъ на него скорѣе озадаченно, чѣмъ удивленно.

— Да!—продолжалъ тотъ, избѣгая встрѣчаться съ нимъ глазами:—да! *„Банкиръ Давидъ Гарумъ“* принужденъ будетъ спуститься со своей высоты. Я начинаю стариться; у меня есть кой-какіе доходы, да изрѣдка прибыль съ лошадей,—словомъ, хватитъ намъ съ Полли на дрова, чтобы на старости лѣтъ не замерзнуть и топить плиту. И нѣтъ никакого основанія мнѣ дольше держать свою вывѣску. Конечно, еслибы вы у меня тутъ были, какъ были до сихъ поръ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы такъ и остались. Но, какъ я уже сказалъ, вы теперь, до нѣкоторой степени, человѣкъ независимый... И во всякомъ случаѣ вы должны стремиться къ чему-нибудь лучшему, нежели веденіе счетовъ въ деревенскомъ банкѣ.

Изъ сказокъ, слышанныхъ и читанныхъ нами въ дѣтствѣ, а также изъ собственнаго опыта въ долголѣтней жизни, мы неоднократно приходимъ къ заключенію, что не всегда насъ дѣлаютъ счастливыми тѣ горячія желанія, исполненіе которыхъ мы призываемъ, какъ высшее блаженство на землѣ. Неоднократно Джонъ мечталъ о возможности оставить Гомвиль, какъ о высшемъ счастіи; но теперь, слыша въ словахъ Давида какъ бы скрытый отказъ отъ мѣста,—онъ почувствовалъ смущеніе, онъ былъ почти огорченъ.

— Я полагаю, что подъ выраженіемъ: „вывѣскѣ придется спуститься съ высоты“, надо подразумѣвать, что вы закроете свою контору?—спросилъ онъ, нѣсколько минутъ спустя.

— Это—фигуральное выраженіе,—пояснилъ Давидъ.

— ... Но ваше рѣшеніе,—продолжалъ его молодой помощникъ:—не только меня чрезвычайно изумляетъ, но и огорчаетъ! Мнѣ это очень жаль... больше, чѣмъ я могу сказать... Какъ вы на-

помнили мнѣ, я, дѣйствительно, не уйду отсюда безъ гроша; но мнѣ будетъ больно разстаться съ Гомвилемъ: вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ... А, да ну!..

Голосъ его оборвался, и онъ махнулъ рукой.

— Что вы хотѣли сказать?—спросилъ Давидъ, не спуская глазъ съ горизонта.

— Что же я еще могу сказать? Для меня это будетъ большое огорченіе. Было время, когда мнѣ, порою, особенно сначала, бывало и тяжело, и безотрадно,—вы сами это понимаете прекрасно; но, въ общемъ, я теперь чувствую и ясно вижу, что я, все-таки, вовсе здѣсь не чувствовалъ себя несчастнымъ. Вашъ домъ сдѣлался для меня гораздо болѣе роднымъ, нежели мой собственный, а вы съ сестрой мнѣ близки, какъ родные. Вы, можетъ быть, и правы, что я не долженъ всю жизнь свою желать провести за конторкой деревенскаго банка. Но я вообще, а тѣмъ болѣе теперь, въ настоящую минуту, далеко не честолюбивый человѣкъ, а также не особенно умный или умудренный житейскимъ опытомъ. Признаюсь, меня не привлекаетъ и не радуетъ мысль выступить въ жизнь совершенно одинокимъ, самостоятельнымъ человѣкомъ... Боюсь, какъ бы не показалось вамъ такое разсужденіе слишкомъ эгоистичнымъ; вы, конечно, не отложите исполненіе своихъ намѣреній ради меня... и вообще послѣ всего того, что вы для меня сдѣлали...

— Не могу противорѣчить вамъ, и не намѣренъ,—спокойно возразилъ Давидъ; оба пріумолкли.

— Осмѣлюсь спросить, когда вы намѣрены „спустить“ вывѣску, какъ вы говорите?—освѣдомился Джонъ.

— Когда вы прикажете!—объявилъ Давидъ, хихикая и поглядывая искоса на своего сосѣда. Джонъ, ошеломленный, встрепенулся:

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ.

— Н-ну,—посмѣиваясь своимъ короткимъ смѣхомъ, отвѣтилъ тотъ: — относительно вывѣски я полагаю, что мы можемъ на старую навѣсить новую, или прежнюю снять совершенно прочь, все равно! Впрочемъ, это дѣло мы всегда успѣемъ рѣшить...

Джонъ взглянулъ на него съ такимъ недоумѣніемъ, что Давидъ не выдержалъ и прыснулъ со смѣху:

— Можете догадаться, что будетъ стоять на новой вывѣскѣ?

— Неужели?!..

— Да, да! У меня такъ рѣшено, чтобы вы не говорили мнѣ ни да, ни нѣтъ, пока я не договорю все, до конца! — И

Гарумъ оперся твердой рукою на лѣвое колѣно своего спутника.—Новая вывѣска будетъ гласить: „Гарумъ и К⁰“ или „Гарумъ и Леноксъ“, смотря по тому, которую изъ нихъ вы изберете. Вы можете вложить въ дѣло всю сумму, которой располагаете въ настоящую минуту, и я, со своей стороны, внесу столько же, что̀ въ общемъ составитъ довольно значительный капиталъ; впрочемъ, если потребуется какая-либо сумма сверхъ того, я полагаю, что буду въ состояніи внести и этотъ излишекъ. Ну, а такъ какъ бо̀льшая часть новыхъ дѣлъ шла до сихъ поръ чрезъ ваши руки, то вы и останетесь служить, какъ и прежде, получая жалованье за свои труды; ну, а прибыль мы будемъ дѣлить сообща... Конечно,—прибавилъ онъ и хихикнулъ,—если вы думаете, что можете вынести жизнь въ Гомвилѣ.

Они повернули домой.

— А все-таки, мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы были уже женаты на одной изъ нашихъ здѣшнихъ дѣвушекъ-невѣстъ! — въ заключеніе произнесъ Давидъ.

XXI.

Со временъ далекаго своего дѣтства, когда Джона постигли коклюшъ и корь, младшій компаньонъ фирмы „Гарумъ и К⁰“ не запомнилъ, чтобы ему когда-либо случалось прихворнуть. Тѣмъ большее неудовольствіе и досаду причинилъ ему приступъ нездоровья, случившійся въ началѣ декабря. Однако, въ одно прекрасное утро, онъ уже не въ состояніи былъ сойти къ завтраку. Цѣлую недѣлю онъ провелъ въ постели; а когда оказался снова на ногахъ, его уже не покидали назойливый кашель, отсутствіе аппетита и общая слабость; ужъ чего не дѣлали м-съ Биксби и ея Сара, чтобы раздразнить его аппетитъ! Д-ръ Гэйзъ прописывалъ неизмѣнную и неизбѣжную хину, желѣзо и т. п. цѣлительныя средства,—но все напрасно: больной не могъ окрѣпнуть; а банки и стклянки мягкосердечной тети-Полли такъ и остались неприкосновенными.

День шелъ за днемъ, недѣля за недѣлей, а Джонъ своимъ изнуреніемъ и раздражительностью не на шутку продолжалъ безпокоить своего компаньона.

— Что̀ съ нимъ такое, докторъ, — говорилъ онъ врачу?— Ничто его не интересуетъ... какъ параличную лошадь. Неужели вы не можете помочь ему хоть чѣмъ-нибудь?

— Проку мало пичкать его лекарствами, — возразилъ док-

торъ:—онъ, можетъ быть, самъ по себѣ поправится, когда настанетъ теплая погода. Славный, сильный малый; да инфлюэнца-то, проклятая, какъ-разъ на такихъ-то сильнѣе и нападаетъ.

— Ну, теплая погода еще за горами, а онъ кашляетъ такъ, что голову ему ломитъ.

Докторъ подтвердилъ эти слова, кивнувъ головою.

— Ему бы отдохнуть временно отъ работы, куда-нибудь уѣхать!.. Мнѣ самому не нравится этотъ кашель...

— Вы ему то же самое сказали?

— Да; но онъ говоритъ, что это невозможно.

— Гм!—произнесъ Гарумъ и задумался.

Дня два спустя послѣ того, какъ между ними произошелъ разговоръ по этому вопросу, Джонъ вошелъ въ контору и положилъ передъ банкиромъ распечатанное письмо, а самъ, усталымъ движеніемъ опустился въ кресло. Гарумъ прочелъ письмо, улыбнулся и, повернувшись на своей табуреткѣ, снялъ очки, поглядывая на молодого человѣка, который безцѣльно смотрѣлъ на полъ.

— Я такъ и думалъ, что вы получите что-нибудь подобное,— началъ Давидъ.—Что вы будете дѣлать?

— Не знаю, — возразилъ Джонъ.—Я не имѣю ни малѣйшаго желанія сдать свою землю въ аренду, — тѣмъ болѣе на условіяхъ, которыя мнѣ предлагаютъ. Между тѣмъ, она у меня пропадаетъ даромъ, не принося мнѣ ничего, кромѣ налоговъ.

— Ну, такъ видите ли: я, какъ уже сказалъ, давно ждалъ, что къ вамъ съ этимъ обратятся... Вы получили это сегодня утромъ?

— Да.

— Я думаю, вы были бы не прочь продать свой участокъ земли, если бы вамъ дали хорошую цѣну?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!—горячо возразилъ Леноксъ.

— Н-ну, мнѣ такъ сдается, что они не прочь были бы купить, если-бъ мы умѣло взялись за дѣло. Положимъ, это была бы моя земля,—я тоже не сталъ бы отдавать ее въ аренду и скорѣе согласился бы продать... Допустимъ, вы могли бы сами имѣть съ нея доходы; а можетъ быть, и не могли бы...

— Я въ этомъ ничего не смыслю, — вставилъ Джонъ и, закашлявшись, поднесъ къ губамъ платокъ. Давидъ кинулъ на него взглядъ и нахмурился.

— Давно я замѣчаю, что въ этомъ дѣлѣ происходитъ кой-какое броженіе,—продолжалъ онъ.—Помнится, я вамъ говорилъ,

что я заинтересованъ въ добываніи нефти? Вотъ потому-то мнѣ и даютъ свѣдѣнія оттуда; а по сосѣдству съ вами открыты недавно нефтяные источники, и по плану ихъ расположенія видно, что они должны быть и въ вашемъ участкѣ. Это все дѣлалось въ секретѣ, но буреніе уже производилось, и гдѣ-то тамъ по близости оказалась нефть. Если вы сдадите землю въ аренду и войдете въ долю, а они будутъ производить буреніе на вашей землѣ,—пожалуй, это можетъ принести вамъ больше прибыли, но нефть можетъ оказаться въ тѣхъ именно мѣстахъ, или нѣтъ. Иной разъ окажется гдѣ-нибудь богатый нефтяной колодезь, и тутъ же, на разстояніи какихъ-нибудь ста футовъ,—просто сухая яма! Какъ бы то ни было, „они“ хотятъ рыть на вашей землѣ колодцы, и я знаю, кому именно это нужно. Тѣ лица, что обратились къ вамъ—лишь ихъ посредники...

Джона прервалъ новый приступъ кашля, послѣ котораго лицо его запылало, какъ зарево, а съ языка у него сорвалось невольно такое словцо, что въ театральной залѣ вызвало бы непремѣнный смѣхъ.

— Послушайте-ка! — обратился Гарумъ къ своему компаньону:—мнѣ что-то не нравится вашъ кашель.

— Да и мнѣ самому отъ него не весело!—отозвался тотъ.

— Онъ у васъ сталъ какъ будто больше?

— Право, не знаю.

— Я говорилъ о васъ съ нашимъ докторомъ; онъ полагаетъ, что вамъ не мѣшало бы немножко поразмять ноги на свободѣ. (Джонъ улыбнулся.)—Онъ съ вами говорилъ объ этомъ,—а?

— Да.

— А вы сказали, что будто вы не можете уѣхать?

— Да.

— Но вы не говорили, что не поѣхали бы... если-бъ это было можно?

— Я сказалъ только, что не могу уѣхать.

Давидъ посидѣлъ молча, постукивая по конторкѣ сложенными очками, и проговорилъ со своимъ обычнымъ хихиканьемъ:

— Я получилъ письмо отъ Тимсона вчера.

Джонъ на лицѣ своемъ выразилъ недоумѣніе:—при чемъ тутъ Тимсонъ?

— Онъ теперь безъ дѣла, и по общему тону, въ которомъ онъ пишетъ, надо полагать, что все это время ему приходилось врядъ-ли что̀ видѣть въ своихъ ясляхъ, кромѣ сѣна.

— Гм!—отозвался Джонъ, которому Чэтъ Тимсонъ не былъ

особенно интересенъ, а Давидъ занялся закуриваніемъ сигары. Онъ какъ будто занималъ его разговоромъ.

— А какъ справляется Пелегъ за послѣднее время?

— Очень хорошо.

— Можетъ, пожалуй, въ случаѣ необходимости, дѣлать все, что̀ нужно въ конторѣ,—а?

Въ эту минуту вошелъ кто-то посторонній и подалъ счетъ самому банкиру; тотъ вернулъ ему листокъ и пальцемъ показалъ на Джона. Послѣдній пробѣжалъ листокъ и, помѣтивъ его своимъ именемъ, возвратилъ подателю, а этотъ подошелъ къ кассѣ и получилъ деньги.

— А если-бъ вы знали, что можете уѣхать на время,—гдѣ бы вамъ хотѣлось побывать?—продолжалъ Давидъ, какъ только тотъ ушелъ.

— Я объ этомъ и не думалъ,—вяло, равнодушно отозвался Джонъ.

— Такъ подумайте теперь же; пока въ дѣлахъ нѣтъ особой спѣшки.

— Почему теперь же?

— Потому что лучше заблаговременно обдумать: вы поѣдете въ ту же минуту, какъ будете готовы.

— Но... я не хочу никуда ѣхать! — возразилъ удивленно Джонъ.—Да если бы и захотѣлъ, такъ на кого же я оставлю контору?

— Ну, да: вы не хотите уѣзжать; но именно поэтому вы и должны ѣхать непремѣнно! Судя по тому, что̀ говоритъ докторъ, вамъ надо хоть на время выбраться изъ нашего проклятаго климата. (Какъ разъ въ эту минуту въ окна стучалъ снѣгъ съ дождемъ.) Что̀ же касается конторы, я увѣренъ, что Чэтъ будетъ польщенъ, если ему оказать такое довѣріе, и не особенно можетъ вамъ напортить; наконецъ, я самъ тутъ буду, и не совсѣмъ же я обратился въ стараго одра, которому мѣсто только на кладбищѣ!

Младшій компаньонъ Давида сидѣлъ задумавшись и сосредоточенно дергалъ себя за усы.

— А какъ же я оставлю это дѣло?—указалъ онъ на письмо.

— Ну, такой ужъ смертельной надобности нѣтъ, чтобы спѣшить. Да, кстати, я хотѣлъ вамъ предложить передать мнѣ въ руки это дѣло, хоть до извѣстной степени.

— Неужели вы взялись бы? Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень бы хотѣлось!—живо воскликнулъ Джонъ.

— Если вы пожелаете, то что̀ вы предпочли бы: дать

мнѣ полную формальную довѣренность, или только на словахъ сказать, что вы мнѣ поручили вести ваши дѣла? — спросилъ Гарумъ.

— Я думаю, самое лучшее было бы прямо перевести мою недвижимость на ваше имя; какъ вамъ кажется?

— Ну, объ этомъ я собственно не думалъ; но, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это всего удобнѣе для дѣла. Такъ какъ мнѣ придется имѣть дѣло съ людьми, которыхъ я знаю, то даже лучше будетъ, если они предположатъ, что я играю самъ себѣ въ руку.

Въ эту минуту на порогѣ появился Пелегъ, чтобы отозвать Джона въ сторону; а Давидъ сидѣлъ еще нѣсколько времени молча, барабаня обѣими руками. Изъ-за двери донесся усиленный приступъ кашля. Лицо Давида исказилось... Онъ всталъ, надѣлъ пальто и неспѣшными шагами вышелъ изъ дома...

XXII.

Оставалось еще минутъ двадцать до отплытія парохода „Vaterland“, которое было назначено ровно въ часъ.

Убѣдившись, что всѣ его вещи на лицо, Джонъ вышелъ изъ каюты на верхнюю палубу и, облокотившись на перила, принялся наблюдать за суетой, которая поднялась среди пассажировъ и ихъ провожатыхъ. Различить сразу, кто ѣдетъ, а кто провожаетъ—не было никакой возможности.

Близъ него, почти рядомъ, стояли двое: повидимому, мужъ съ женой. Они были среднихъ лѣтъ и, по наружности судя, люди интеллигентные. Къ нимъ подошелъ поспѣшно довольно видный, хорошо одѣтый господинъ.

— А! Вотъ вы гдѣ, м-съ Реггльсъ!—воскликнулъ онъ, пожимая руки отъѣзжающимъ и обмѣниваясь обычными вопросами и добрыми пожеланіями. Одного изъ этихъ вопросовъ Джонъ не разслышалъ, но м-съ Реггльсъ довольно громко возразила:

— Вы развѣ ее не видали? Она осталась на нижней палубѣ... А, вотъ и она идетъ!

Господинъ обернулся и прошелъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу приближавшейся дамѣ. Невольно слѣдя за нимъ глазами, Джонъ почувствовалъ, что его сердце вдругъ до боли сжалось: къ нимъ подходила Мэри Блэкъ!

Ленокъ поспѣшно отвернулся, и былъ радъ, что январьская стужа заставила его заблаговременно поднять воротникъ пальто,

который скрылъ его лицо. Минуту спустя, отойдя незамѣтно въ сторону, онъ обошелъ рубку съ другой стороны и прошелъ въ кабинетъ для курящихъ. Тамъ онъ усѣлся и вынулъ изъ кармана списокъ пассажировъ, не имѣя, впрочемъ, никакой надежды встрѣтить знакомое ему имя. Тѣмъ не менѣе, пробѣгая глазами его столбцы, онъ жадно и пристально всматривался въ нихъ; руки его чуть-чуть дрожали.

Нигдѣ ни намека на фамилію Блэкъ! Джону ужъ пришло въ голову, что почему-нибудь могли позабыть внести ее въ списокъ, какъ вдругъ въ глаза ему бросились слѣдующія строки:

„Вилльямъ Реггльсъ . . изъ Нью-Іорка.
„М-съ Реггльсъ . . . „ „ „
„М-съ Эдвардъ Реггльсъ „ „ „

Теперь все объясняется! Ясно, что *она* путешествуетъ съ этими господами, и ясно также, что *она*—м-съ Эдвардъ Реггльсъ...

Когда Джонъ поднялъ голову — пароходъ уже вышелъ изъ устья рѣки въ море.

Переѣздъ по морю, на этотъ разъ ему пришлось совершать въ каютѣ второго класса, такъ какъ онъ опоздалъ записаться во-время; но онъ ничего отъ этого не потерялъ, такъ какъ всѣ пассажиры пользовались равными правами, и вся разница была только въ томъ, что отдѣлка каюты состояла изъ гладкаго дерева и плюша, а не изъ рѣзного дерева съ позолотой и тисненой кожи. Въ сущности, на дѣлѣ, уютная, простая каюта для куренія второго класса оказалась даже пріятнѣе большого и роскошнаго кабинета пассажировъ—перваго. Вотъ почему Ленноксъ рѣдко переходилъ черезъ мостикъ, раздѣлявшій обѣ палубы; а можетъ быть еще и потому, что ему было непріятно встрѣчаться съ м-съ Эдвардъ Реггльсъ. Любимымъ его мѣстопребываніемъ была палуба надъ каютами второго класса, гдѣ вообще бывало немного народа: всѣ предпочитали ту часть корабля, которая была ближе къ центральной части парохода.

Утромъ на пятый день пути, онъ сидѣлъ въ одиночествѣ и глубоко задумался, глядя безцѣльно на морскую поверхность; вдругъ легкій шорохъ заставилъ его оглянуться и вскочить со шляпою въ рукахъ.

Пожимая протянутую ему руку, онъ вспыхнулъ, и его краска отразилась на молодомъ дѣвичьемъ лицѣ; только темно-каріе глаза смотрѣли прямо на него пытливо, но по-прежнему открыто и ласково. Мэри заговорила первая:

— Какъ поживаете, м-ръ Ленноксъ?

— А вы какъ, м-съ Реггльсъ?—отозвался Джонъ.

И въ ту же минуту ему пришлось отмахнуться, чтобы откинуть назадъ капюшонъ, нахлобученный порывомъ вѣтра. Оба разсмѣялись немножко и—усѣлись. Такъ началось ихъ первое свиданіе, шесть лѣтъ спустя послѣ разлуки.

— Какое тутъ уютное мѣстечко!—воскликнула Мэри, оглядываясь вокругъ.

— Да; когда не особенно вѣтряно.

— А я все думала: что это васъ не видно? Я видѣла вашу фамилію въ спискѣ пассажировъ. Вы были больны?

— Нѣтъ. Я ѣду во второмъ классѣ,—улыбаясь, пояснилъ онъ.

— А вы знали, что я тоже здѣсь?

Этотъ вопросъ заставилъ его нѣсколько смутиться.

— Я имѣлъ намѣреніе заявить вамъ о себѣ... то-есть, я хотѣлъ, собственно, сказать, что намѣревался заявить вамъ о своемъ присутствіи на пароходѣ... Я мелькомъ видѣлъ васъ, когда вы подошли къ м-ру и м-съ Реггльсъ, прощаться съ какимъ-то господиномъ; а потомъ, въ спискѣ пассажировъ, увидѣлъ, что вы и есть м-съ Эдвардъ Реггльсъ.

— А!—замѣтила Мэри и отвернулась на минуту.—Вотъ почему вы и назвали меня миссисъ Реггльсъ?

— Да, именно поэтому... Не странно ли, что намъ было суждено возобновить знакомство, много лѣтъ спустя, опять на океанскомъ пароходѣ, и что первую вѣсточку о васъ я получилъ чрезъ посредство списка пассажировъ?

— А развѣ вы когда-нибудь пытались эту вѣсточку добыть?—возразила она.—Мнѣ всегда казалось очень страннымъ, что мы больше ничего про васъ не слыхали.

— Я одинъ разъ даже къ вамъ заходилъ, но никого уже не засталъ: это было нѣсколько недѣль спустя послѣ вашего отъѣзда. Управляющій домомъ былъ въ отсутствіи, а дѣвушка ничего мнѣ не могла сказать.

— Я вамъ писала, когда скончался вашъ отецъ, а нѣсколько времени спустя послѣ того, какъ мы переѣхали въ Калифорнію, мы случайно нашли мою записку въ карманѣ моего маленькаго племянника Джэка... Но я послала вамъ еще письмо передъ тѣмъ, какъ намъ уѣхать изъ Нью-Іорка, чтобы извѣстить васъ о нашемъ отъѣздѣ и о томъ, куда мы уѣзжаемъ.

— Я его такъ и не получилъ,—сказалъ Джонъ.

Оба помолчали.

— Разскажите мнѣ про вашу сестру и про зятя,—началъ онъ опять.

— Сестра живетъ теперь въ Кэмбриджѣ: Джэкъ учится тамъ въ колледжѣ. Бѣдный Юліусъ умеръ два года тому назадъ,—отвѣтила Мэри.

— А!.. Мнѣ очень грустно, что его ужъ нѣтъ. Я его любилъ...

— И онъ васъ также. Мы часто о васъ говорили.

Опять водворилось молчанье и длилось настолько, что привело обоихъ въ нѣкоторое смущенье. Джонъ перебиралъ мысленно разныя темы разговора, но ни одна не была бы кстати,— и онъ продолжалъ молчать, чувствуя, что это, все-таки, какъ-то неловко, а самая мысль объ этой неловкости еще болѣе увеличивала ее.

Если его собесѣдница испытывала такое же смущенье, то ничѣмъ его не проявляла и смотрѣла на него своимъ прямымъ, открытымъ взглядомъ.

— Вы, кажется, очень мало измѣнились? Разскажите мнѣ про себя. Разскажите, какъ вы жили всѣ эти шесть лѣтъ...— проговорила Мэри.

И съ той минуты, во все время переѣзда по морю, значительную часть проводили они вмѣстѣ, — иногда въ присутствіи м-съ Вильямъ Реггльсъ, но чаще всего—вдвоемъ, безъ нея: ея супругъ не любилъ оставаться одинъ.

Понемногу, Джонъ разсказалъ Мэри про все свое житье за послѣдніе годы; но въ то же время отъ него не укрылось, что она, говоря о себѣ, обходила молчаньемъ послѣдніе два года, послѣ смерти Юліуса.

Ни разу ни словомъ не обмолвилась она о своемъ замужествѣ или о мужѣ; а послѣ одной или двухъ попытокъ что-либо узнать, Джонъ и самъ пересталъ настаивать, догадываясь, что ея семейная жизнь была не изъ удачныхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, бывало съ нею такъ, что она безо всякой видимой причины вдругъ становилась разсѣянной и хмурой; но въ общемъ она все-таки была та самая Мэри, какою онъ ее зналъ и любилъ много лѣтъ тому назадъ. Всѣ мысли, всѣ чувства, которыя онъ испыталъ тогда, вновь ожили въ немъ съ новой силой, не взирая на всю ихъ безнадежность. Какъ онъ ни сознавалъ такое положеніе дѣлъ, а подавить въ себѣ чувствъ своихъ не могъ, хоть и доказывалъ себѣ мысленно, что никогда еще его привязанность не была до такой степени безнадежна, какъ теперь...

Насталъ послѣдній вечеръ передъ прибытіемъ въ Алжиръ; тамъ на утро должны были высадиться на берегъ супруги Реггльсъ и тамъ разсчитывали пробыть нѣкоторое время.

— Если вамъ все равно, пойдемте на корму?—предложилъ Джонъ, и Мэри согласилась.

— Всѣ эти люди снуютъ мимо... и это меня раздражаетъ,— прибавилъ онъ, дѣйствительно немного раздражаясь.

Они встали и перешли подальше на корму. Джонъ придвинулъ пару стульевъ къ борту.

— Мнѣ, собственно, не хочется сидѣть,—замѣтила Мэри и рядомъ съ нимъ облокотилась, глядя молча на притихшее море.

— А помните, какъ мы стояли съ вами такъ же точно въ концѣ нашего путешествія, шесть лѣтъ тому назадъ, въ такой же тихій вечеръ?—наконецъ проговорилъ негромко Джонъ.

— Да,—отозвалась она.

— Онъ и *вамъ* припомнился?

— Я только-что о немъ подумала.

— И тотъ послѣдній вечеръ, когда я у васъ былъ въ послѣдній разъ,—вы тоже помните?—продолжалъ онъ, не отрывая глазъ отъ воды, облитой луннымъ свѣтомъ.

— Да,—повторила Мэри.

— Въ тотъ вечеръ вы знали, что̀ было у меня на сердцѣ и что̀ я былъ готовъ сказать?

Отвѣта не было. Мэри молчала.

— Могу я вамъ сказать это... теперь?—продолжалъ Джонъ, не спуская напряженнаго взгляда съ ея неподвижнаго профиля, который при лунѣ казался еще блѣднѣе.

— Имѣю ли я право слушать васъ?—отвѣтила она.—Имѣете ли вы право говорить?

— Знаю, знаю!—воскликнулъ онъ.—Вы думаете, что вы, какъ замужняя женщина, не имѣете на это права, и что я, зная это, долженъ бы молчать. Если-бъ я отъ васъ требовалъ отвѣта, я и самъ не сталъ бы говорить; но это будетъ въ первый и—въ послѣдній разъ. Завтра мы разстанемся опять и, вѣроятно, навсегда. Всѣ эти го̀ды, я носилъ въ сердцѣ своемъ слова, которыя теперь сорвались у меня съ языка. Я знаю, что не получу отвѣта,—да и не жду его. Но вамъ вѣдь не сдѣлаетъ вреда, если я вамъ признаю̀сь, что любилъ васъ тогда и теперь еще...

Мэри рукой остановила его:

— Вы не должны продолжать, м-ръ Ленокс; а я... я должна отъ васъ уйти.

— Вы разсердились на меня?—смиренно проговорилъ Джонъ.

Она молча отвернулась и тихонько, грустно разсмѣялась.

— Все-таки, не настолько, ка̀къ бы слѣдовало,—отозва-

лась она:—но вы сами указали на причину, по которой вамъ не слѣдовало говорить, а мнѣ не слѣдовало слушать. Вотъ почему моя обязанность—пожелать вамъ спокойной ночи.

— О, да, конечно! Вы правы, — съ горечью продолжалъ онъ:—и на томъ слѣдуетъ покончить.

Мэри обернулась и взглянула прямо ему въ глаза.

— Вы больше никогда не будете со мной такъ говорить?

— Я никогда и не сказалъ бы ничего такого, если-бъ зналъ навѣрное, что я больше никогда васъ не увижу; но развѣ это такъ?

— Если-бъ я могла быть увѣрена...—проговорила она нерѣшительно, какъ бы думая вслухъ.

— Ну?..—горячо подхватилъ Джонъ.

Съ минуту она постояла молча, опустивъ глаза, опираясь рукою на бортъ, и проговорила, поднимая голову, чтобы взглянуть на него:

— Мы думаемъ, что проживемъ два мѣсяца въ Алжирѣ, а затѣмъ отправимся въ Неаполь на нѣсколько дней, погостить у добрыхъ знакомыхъ; значитъ, намъ придется быть тамъ приблизительно въ то же время, какъ и вамъ. Можетъ быть, было бы лучше, если-бъ мы распрощались другъ съ другомъ сегодня же; но, вернувшись на родину, вы будете жить по-прежнему у себя въ Гомвилѣ, а я въ Нью-Іоркѣ, и, слѣдовательно, мало вѣроятія, чтобы мы могли тамъ снова когда-либо увидѣться. Итакъ, если хотите, вы можете заѣхать навѣстить меня, если вамъ случится быть въ Неаполѣ въ одно время съ нами. Я увѣрена, что, послѣ нашей сегодняшней бесѣды, я могу на васъ положиться? Не правда ли?.. Но,—прибавила она:—можетъ быть, вамъ все равно? Я говорю съ вами совершенно искренно, открыто. Съ вашей точки зрѣнія, вы, можетъ быть, ожидали бы отъ меня бо̀льшей откровенности, чѣмъ если-бъ я была совсѣмъ еще молодой дѣвушкой.

— Нѣтъ! Мнѣ далеко не все равно!—горячо возразилъ онъ.—И я буду счастливъ, если увижусь съ вами при какихъ бы то ни было условіяхъ, и вы можете на меня вполнѣ положиться: я не перейду за обычныя границы...

— Не уходите еще, погодите!—умоляющимъ голосомъ прибавилъ онъ, видя, что она двинулась, чтобы уйти:—Теперь уже нѣтъ повода, не правда ли? Посидимъ тутъ, въ этотъ роскошный вечеръ, хоть немного подольше, и, съ вашего позволенія, я выкурю сигару.

Въ эту минуту его душевное состояніе близко подходило къ

ощущенію несостоятельнаго должника, который твердо знаетъ, что, все равно, придется неминуемо платить, но, благодаря временной отсрочкѣ, еще не вполнѣ усвоилъ то, что̀ ему угрожаетъ.

Но, вотъ, сигара докурена,—и больше почти ничего не сказано за это время.

— Право же, мнѣ пора! — проговорила Мэри, и онъ покорно пошелъ проводить ее до дверей въ каюту.

— Куда же мнѣ писать, чтобы васъ извѣстить, когда мы пріѣдемъ въ Неаполь?—спросила она, прощаясь.

— Въ банкирскую контору „Кукъ и Сынъ“, съ передачей мнѣ. Адресъ вы найдете въ Бедекерѣ.

На слѣдующее утро Джонъ увидѣлся съ нею какъ-то мелькомъ, и успѣлъ только пожать ей руку на прощанье въ ту минуту, когда ее уже поджидалъ кругленькій, пузатенькій яликъ съ гребцами-арабами, которые должны были везти Регтльсовъ на берегъ.

XXIII.

Излишне было бы разсказывать подробно, какіе способы употреблялъ Ленокъ для того, чтобы убить время въ послѣдніе два мѣсяца; впрочемъ, можетъ быть, кстати было бы замѣтить, что его кашель постепенно уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ прошелъ, а за табль-д'отомъ онъ могъ не хуже другихъ оказать честь обыкновенному обѣду. На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Неаполь, онъ зашелъ поутру въ контору „Кукъ и Сынъ“, гдѣ его ожидала телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Шестьдесятъ наличными, сорокъ въ акціяхъ. Акціи надежныя. *Iарумъ*“.

— Пошли ему, Господи, всего хорошаго!—отъ души подумалъ Джонъ.

Наконецъ, земля въ Пенсильваніи продана! А если акціи дѣйствительно надежны, то вотъ онъ и богатый человѣкъ; или, если не совсѣмъ богатъ по мнѣнію Давида, то все-таки онъ ему „не дешево стоитъ“.

Никто, навѣрное, не принялъ бы подобное извѣстіе иначе, какъ съ особой радостью; но послѣ перваго ея порыва въ душѣ нашего друга шевельнулась горечь размышленія:

— Ахъ, если бы мнѣ эти деньги да *тогда*! — сказалъ онъ про себя: — Какое множество житейскихъ разочарованій (если не безусловно всѣ) пало бы само собою, если бы событія явля-

лись въ нашей жизни во-время. Но нѣтъ! У нихъ уже искони такая замашка: то они слишкомъ забѣгутъ впередъ, то запоздаютъ... А это всего хуже!

Полнотѣ удовольствія, которое долженъ былъ испытывать Джонъ, мѣшало еще одно обстоятельство: между прочими письмами и депешами, которыя ожидали его въ конторѣ „Кукъ и Сынъ“, не хватало одной, которой онъ особенно дожидался, и мысли его были заняты подысканіемъ причинъ, которыя могли помѣшать ея появленію; но ни одна не казалась ему уважительной.

— Можетъ быть, *она* перемѣнила намѣреніе? Можетъ быть... ну, мало ли еще что можетъ быть?..

Оставалось только выжидать дальнѣйшаго хода событій и... имѣть терпѣніе. Джонъ припомнилъ, что фамилія друзей, о которыхъ говорила Мэри, и у кого она будетъ гостить въ Неаполѣ,—Гартлэй; она даже говорила названіе ихъ виллы, но онъ никакъ не могъ сейчасъ того припомнить.

— Во всякомъ случаѣ, семейство Гартлэй я не знаю; а если она сама раздумала? — и это даже очень вѣроятно, судя по отсутствію отъ нея вѣстей... Ну,—и пусть!

Джонъ передернулъ плечами, машинально закурилъ сигаретку и пошелъ побродить по улицамъ, выходящимъ на Piazza Martiri una Largo della Vittoria.

Онъ уже почти рѣшилъ повернуть обратно черезъ Villa Nazionale, провести часокъ въ „Акваріумѣ“ и вернуться къ завтраку въ отель. Но тутъ же припомнилось ему, что есть пароходъ, отплывающій изъ Генуи въ понедѣльникъ, — и онъ вдругъ почувствовалъ, что усталъ бродить безцѣльно, одиноко, и нѣтъ никакого повода дольше оставаться здѣсь и упустить пароходъ, который отвезетъ его домой.

Занятый такими мыслями, онъ разсѣянно смотрѣлъ прямо передъ собою и увидѣлъ, по ту сторону дороги, красивое ландо съ парой статныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ ливреѣ, а миніатюрный жокей стоялъ подлѣ экипажа. Изъ сводчатыхъ воротъ двора, который велъ къ дому, вышли двѣ дамы; жокей подскочилъ къ дверцамъ коляски.

Одна изъ нихъ была Джону совершенно незнакома, другая— м-съ Вилльямъ Реггльсъ. Джонъ замѣтилъ, что его узнали, и подошелъ къ колискѣ. Его пригласили къ завтраку; онъ согласился—и не успѣлъ оглянуться, какъ очутился уже въ экипажѣ, вмѣстѣ съ дамами, которыя ѣхали теперь домой, въ виллу Віоланте. Не стоитъ приводить дословно ихъ разговоръ во время пути; скажемъ только, что м-съ Гартлэй пришла къ заключе-

нію, что м-ръ Леноксъ—плохой и довольно-таки скучный собесѣдникъ; а Джонъ вынесъ впечатлѣніе, что м-съ Реггльсъ, вообще, особа угрюмаго характера. О завтракѣ и о присутствовавшихъ на немъ также излишне особенно распространяться.

Изъ разговоровъ можно было заключить, что многіе изъ гостей уѣхали еще наканунѣ; вотъ почему за столомъ собрались только мужъ и жена Реггльсъ, Мэри, хозяева дома—м-ръ и м-съ Гартлэй съ двумя дочерьми и Джонъ Леноксъ, говорившій почти исключительно съ хозяиномъ дома; впрочемъ, бесѣда ихъ была не слишкомъ оживленнаго свойства. За завтракомъ чувствовалась какая-то неуловимая не то неловкость, не то напряженная тревога. М-ръ Реггльсъ не сказалъ почти ни слова и только разъ обратился самъ къ своему пріятелю:

— Гартлэй! Когда я долженъ получить отвѣтъ на мою телеграмму? А? Какъ ты думаешь? Можетъ быть, сегодня?

— Да. Мнѣ кажется, даже непремѣнно,—если только тебѣ отвѣтятъ тотчасъ же, немедля; но впереди еще есть время. Не забудь, что мы здѣсь живемъ на шесть часовъ скорѣе, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, и что тамъ въ настоящую минуту только семь часовъ утра.

Кофе пили на большой террасѣ съ колоннами, которая мраморной лѣстницей спускалась къ землѣ.

— Мэри!—обратилась къ своей гостьѣ м-съ Гартлэй, когда мужчины закурили: — не хотите ли вы показать м-ру Леноксу виллу Віоланте?

И молодые люди сошли вмѣстѣ внизъ.

— Я поведу васъ на свое любимое мѣстечко,—проговорила Мэри.

Землю, на которой стоитъ вилла Віоланте, огибаетъ съ южной стороны высокая стѣна изъ пористаго камня футовъ въ пятьдесятъ широты и около четырехсотъ высоты. Почти по серединѣ ея протяженія, надъ одной изъ бойницъ выступаетъ полукругомъ мраморная скамья, съ которой видны далеко внизу заливъ и бухта и почти третья часть самого Неаполя. Слѣва, на пятьсотъ футовъ ниже мраморнаго выступа, возвышается вдали Везувій и хребетъ Сентъ-Анджело, за которымъ глазъ можетъ прослѣдить до самаго Сорренто. Прямо впереди—островъ Капри, а вправо—извилина залива, останавливающаяся у Позилиппо.

Джонъ и его спутница остановились у мраморной скамьи и облокотились на перила. Нѣсколько минутъ длилось полное молчаніе.

Снизу, съ улицъ, не долеталъ ни гамъ толпы, ни стукъ колесъ; но издали, на три тысячи футовъ разстоянія, сюда глухо долетали отдѣльные крики уличныхъ торговцевъ, звонъ колокольчиковъ, а изрѣдка — даже отчаянный, протяжный вопль осла. Если не считать этихъ звуковъ, заглушенныхъ разстояніемъ, тишина была поразительная. Отраднымъ теплomъ нѣжно пригрѣвало апрѣльское солнышко и вызывало въ буксовой изгороди, окаймлявшей дорожку, запахъ нагрѣтаго дерева; изъ-подъ нея, то тутъ, то тамъ, мелькали зелененькія ящерки, скользя съ быстротою мелкой рыбы.

Джонъ вздохнулъ полной грудью.

— Не думаю, чтобъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ былъ другой такой прелестный уголокъ,—замѣтилъ онъ.—Не удивительно, что это ваше любимое мѣстечко!

— Да. Вамъ бы слѣдовало осмотрѣть здѣсь сады: вилла вся вообще — чудо какъ хороша; но это мѣсто лучше всего остального, и я нарочно привела васъ прямо сюда, потому что мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него вмѣстѣ съ вами, но еще и потому, что это, можетъ быть, единственный случай...

— Что вы хотите сказать?—тревожно спросилъ онъ.

— Вы слышали, что м-ръ Реггльсъ спрашивалъ про телеграмму?

— Слышалъ.

— Такъ видите ли, нашимъ намѣреніямъ значительно мѣшаютъ какія-то вѣсти, полученныя изъ дому. Мы сюда вернулись изъ Алжира на десять дней раньше, чѣмъ предполагали; если же отвѣтъ по телеграфу будетъ неблагопріятный,—весьма возможно, что мы завтра же уѣдемъ въ Геную, а въ понедѣльникъ уже отплывемъ оттуда. Я потому только вамъ не писала, что мы сами неожиданно отправились въ Неаполь съ тѣмъ же пароходомъ, который долженъ былъ увезти мое письмо. М-ръ Гартлэй каждый день посылалъ человѣка узнавать, не пріѣхали ли вы, чтобы тотчасъ же сдѣлать вамъ визитъ,—прибавила она...

У Джона вырвалось восклицаніе досады.

Лицо Мэри было тихо, неподвижно. Полузакрытыми глазами смотрѣла она въ море. Джону въ лицо пахнуло запахомъ фіалокъ, пучокъ которыхъ былъ приколотъ на груди, на ея бѣломъ платьѣ.

— Сядемте, — начала она: — мнѣ хочется вамъ кое-что сказать.

Онъ ничего не возразилъ, и они молча сѣли. Мэри минуты двѣ, казалось, обдумывала, какъ и съ чего начать; Джонъ на-

клонился впередъ, придерживая обѣими руками свою палку и разсѣянно дѣлая ямки въ пескѣ.

— Я думаю,—проговорила Мэри:—я не сказала бы вамъ того, что̀ скажу, сегодня... если-бъ не было вѣроятія, что мы завтра же уѣдемъ.

Джонъ прикусилъ губы и сильнѣе ткнулъ палкою въ песокъ.

— Но,—продолжала Мэри:—я все время чувствовала потребность когда-нибудь да высказать вамъ то, что̀ скажу сейчасъ,—то-есть, прежде, чѣмъ мы увидимся въ послѣдній разъ, когда бы этотъ послѣдній разъ ни пришелся.

— Это касается того, что̀ случилось тогда... на пароходѣ?— понизивъ голосъ, спросилъ онъ.

— Да. Это касается всего того, что̀ произошло тогда въ морѣ... или *почти всего*. Много по этому поводу возникло во мнѣ недоумѣній. Боюсь, что я дурно поступила; мнѣ страшно, что и вы, въ глубинѣ души, можете меня осудить.

— Нѣтъ, никогда! — воскликнулъ онъ. — Если и было что̀ нехорошо, такъ это исключительно моя вина; я, одинъ *я* виноватъ! Я долженъ былъ помнить, что вы замужемъ, и можетъ быть тогда... Ну, да! Я отчасти помнилъ, но почему-то никакъ не могъ себѣ это усвоить. Мнѣ ничего не было извѣстно про ваше замужество; я никогда не видалъ вашего мужа, не слышалъ про него. Для меня онъ былъ совершенно отвлеченнымъ, неосязаемымъ лицомъ; а вы сами... Вы мнѣ казались той самой Мэри Блэкъ, которую я зналъ, и такою точно, какою видѣлъ васъ прежде... давно. Я говорилъ то, что̀ вы слышали тогда, подъ вліяніемъ внезапнаго, необдуманнаго порыва, который охватилъ меня такъ же неожиданно, какъ и горячо. Не вижу, не могу понять, въ чемъ вы могли быть виноваты? Вы не могли предвидѣть того, что̀ случилось, и... и...

— Развѣ вы не жалѣли о случившемся? — спросила она, опустивъ глаза. — Не думали обо мнѣ потомъ меньше, чѣмъ всегда?

Джонъ оглянулся и посмотрѣлъ на Мэри. Въ ея опущенныхъ глазахъ, въ кончикахъ рта мелькала чуть замѣтная улыбка.

— Нѣтъ, клянусь Богомъ! не жалѣлъ, и ничуть не каюсь. *Долженъ* ли я былъ такъ съ вами говорить, или *не долженъ*,— все равно, я сказалъ вамъ правду. Мнѣ хотѣлось знать...

Голосъ его оборвался.

Мэри повернулась къ нему лицомъ: оно сіяло, улыбалось...

— Джонъ!—чуть не со смѣхомъ объявила она: — вѣдь я не миссисъ Эдвардъ Реггльсъ, я—Мэри Блэкъ!

Мраморный выступъ былъ на полсотню футовъ выше, чѣмъ терраса. Изгородь оказалась самой лучшей, непроницаемой стѣною...

Они оба вдругъ кинулись къ периламъ и самымъ усерднымъ образомъ принялись опять любоваться чуднымъ видомъ: послышались чьи-то шаги... Но это оказался не кто иной, какъ одинъ изъ садовниковъ, который, конечно, не понималъ англійской рѣчи... и, успокоившись, они опять продолжали обсуждать... все, все на свѣтѣ!

— Какъ ты думаешь,—могла бы ты, Мэри, жить въ Гомвилѣ, моя дорогая?

— Я думаю; вѣдь, все равно, придется?—возразила Мэри. —А ты, Джонъ, такъ же, какъ и я, совершенно счастливъ?

Джонъ поспѣшилъ ей это подтвердить.

— Но вотъ что меня дѣлаетъ почти несчастнымъ: это—сознаніе, что мы чуть-чуть не разошлись, — прибавилъ онъ: — Если-бъ я только зналъ, съ самаго начала, что ты—не м-съ Эдвардъ Реггльсъ!

Мэри весело разсмѣялась. Недоразумѣніе, которое за минуту передъ тѣмъ, казалось, готово было перейти въ трагедію, теперь обратилось въ самую очаровательную, веселую шутку.

— Объясняется все это болѣе, чѣмъ просто, — замѣтила она:—м-съ Эдвардъ Реггльсъ (настоящая, на этотъ разъ!) собиралась ѣхать на пароходѣ „Vaterland“, а я и не думала объ этомъ. Наканунѣ отъѣзда, ее вдругъ вызвали въ Андоверъ, гдѣ серьезно заболѣлъ ея единственный сынъ: онъ живетъ тамъ, въ училищѣ. Съ вечера я собралась, уложилась, и по ея билету утромъ—отправилась въ путь. Мнѣ нравятся такія непредвидѣнныя путешествія—и вотъ, какъ видите, я—тутъ какъ тутъ.

Джонъ обвилъ ея станъ рукою, чтобы удостовѣриться, что она, дѣйствительно, *тутъ*, и не принялъ прочь руки... чтобы не позабыть объ этомъ.

— Когда мы съ вами встрѣтились на пароходѣ,—продолжала Мэри:—я видѣла, что вы ошиблись, и меня мучило искушеніе васъ не разубѣждать, я поддалась ему—и, дѣйствительно, васъ не разубѣдила... А все-таки, — прибавила она, любовно заглядывая въ глаза Джону: — я рада, что ты, наконецъ, увидалъ свою ошибку!

Недѣли двѣ спустя, Гарумъ сидѣлъ у себя, въ кабинетѣ банкирской конторы „Гарумъ и К°“, разбирая письма. Ихъ было

очень много, но прежде всего онъ распечаталъ одно заграничное, со штемпелемъ „Napoli“.

Съ той самой минуты, когда Давидъ принялся за чтеніе, видно было, что онъ глубоко заинтересованъ его содержаніемъ: это выдавало не только выраженіе его лица, но и учащенные возгласы, вродѣ: „Ну!.. ну?..“ Но любопытство перешло въ окончательное восхищеніе, когда онъ дошелъ до послѣднихъ строкъ, и тутъ уже восторгъ достигъ наивысшаго напряженія.

Стремглавъ понесся онъ по направленію къ дому, позабывъ про то, что ему осталось еще перечитать цѣлую кучу другихъ писемъ...

Въ заключеніе, можно было бы сказать, что послѣ свадьбы Джонъ Леноксъ недолго жилъ въ Гомвилѣ; Давидъ Гарумъ умеръ отъ ушибовъ, полученныхъ при несчастномъ случаѣ; Джонъ оказался единственнымъ его душеприказчикомъ, и, за исключеніемъ лишь пожизненной пенсіи, завѣщанной м-съ Биксби,—его единственнымъ наслѣдникомъ; такимъ образомъ, онъ оказался достаточно богатъ (если не считать состоянія его жены и его собственнаго),—чтобы не стѣсняться выборомъ своего мѣстопребыванія...

Но до сихъ поръ я во всемъ строго придерживался фактовъ, и потому, чтобы не отступать отъ своего правила — быть послѣдовательнымъ и постояннымъ, я вынужденъ по-прежнему придерживаться ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, я слишкомъ добросовѣстный человѣкъ, чтобы поступать иначе, несмотря на искушеніе закончить свою повѣсть болѣе художественно и эффектно.

Давидъ не только живъ еще до сей минуты, но даже на видъ ничуть не постарѣлъ противъ того, какъ мы видѣлись съ нимъ въ первый разъ, и, при случаѣ, можетъ еще „сойти за молодого“. Даже старушка Джинни,—и та еще жива... Какова была „послѣдняя воля“ Давида, и вообще написано ли у него завѣщаніе—про это не знаетъ ни одна душа, кромѣ него самого и его нотаріуса. Тетя Полли... ну, про нее можно сказать, что въ ней прибавилось вѣсу еще... такъ, съ полпуда.

Джонъ и его жена живутъ себѣ въ особомъ домикѣ, который сами построили на берегу озера. Согласно установленному порядку, м-съ Биксби обязательно обѣдаетъ у нихъ по воскреснымъ днямъ. Сперва м-съ Биксби какъ бы предосудительно поглядывала на бутылки вина за столомъ, но теперь больше противъ нихъ не возражаетъ. Будучи, какъ она говоритъ, „братъ трезвости“,—она такъ и не поддалась увѣщаніямъ попробовать шампанскаго, и только по поводу одного, един-

ственнаго въ своемъ родѣ, торжественнаго событія, согласилась отхлебнуть глотокъ кларета.

— Ну,—проговорила она, скорчивъ кислое лицо:—мнѣ кажется, тутъ нѣтъ еще особаго грѣха или большой опасности...

Тетя Полли и м-съ Ленокъсъ сразу до того сошлись и подружились, что послѣдняя совершенно замѣнила въ сердцѣ старушки (а можетъ быть и еще того больше!) миссъ Клариссу Верджусъ (нынѣ м-съ Эльтонъ) и Давида.

Ахъ, чуть-было я не забылъ упомянуть еще про одно важное лицо, спичамъ котораго еще предстоитъ современемъ появиться въ печати, но которое уже считается особой весьма интересной въ глазахъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ лицъ.

Эту важную особу величаютъ... Давидъ Ленокъсъ!

Ну, кажется, вотъ и все!

А. Б—г—.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ГЕРМАНІЯ

ПО

ПРОФЕССІОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСИ.

Еще не очень давно германскіе экономисты съ завистью смотрѣли на Англію, какъ на страну образцовыхъ соціальныхъ изслѣдованій. Многіе даже не смѣли мечтать о парламентскихъ изслѣдованіяхъ положенія отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства и условій жизни народныхъ массъ. Богатство фактовъ, цифръ и того, что̀ французы называютъ „documents humains“, заключавшееся, напр., въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ англійской палатой о трудѣ женщинъ и дѣтей и санитарномъ состояніи жилищъ, какъ будто еще рѣзче оттѣняло бѣдность соціальной статистики Германіи. Многое изъ нихъ черпали нѣмецкіе соціаль-политики, чувствуя себя справедливо оскорбленными въ своей національной гордости, когда вслѣдъ затѣмъ приходилось сознаваться, что для изученія собственной родины не существуетъ ничего подобнаго, если не считать двухъ-трехъ очень посредственныхъ „анкѣтъ“ 70-хъ годовъ (о положеніи работницъ въ городахъ, о состояніи хлопчато-бумажной и желѣзной промышленности). Правда, трудами отдѣльныхъ изслѣдователей экономическаго быта, какъ А. Тунъ, Саксъ, Шнапперъ-Арндтъ, и въ особенности коллективными работами „Общества Соціальной Политики“, составляющими уже почтенную библіотеку въ 93 тома, удалось пролить много свѣта на состояніе народнаго хозяйства и общественныя отношенія. Это, однако, не могло вполнѣ замѣнить всесторонняго изученія страны,

предпринимаемаго по обширному плану и располагающаго тѣми средствами, которыхъ не можетъ быть у частныхъ людей.

Теперь нѣмецкіе ученые, подобно нѣмецкимъ промышленникамъ, уже не завидуютъ своимъ англійскимъ коллегамъ. Изслѣдованіе экономической и соціальной жизни сдѣлало въ Германіи такіе успѣхи, что уже есть чему и у нихъ поучиться и характерно, что прогрессъ соціальной статистики стоитъ въ связи съ прогрессомъ рабочаго законодательства. Когда, въ началѣ 80-хъ годовъ, Германія приступила къ реформамъ, задававшимся цѣлью, какъ выражался Вильгельмъ I въ своемъ знаменитомъ посланіи къ рейхстагу, „привести доказательства многочисленнѣйшему классу населенія, что государство не учрежденіе только для богатыхъ", правительство поняло необходимость изучить предварительно экономическое состояніе страны. Первымъ шагомъ была обширная профессіональная перепись 1882 г., стремившаяся установить размѣры производительныхъ силъ страны, число ея работниковъ, ихъ распредѣленіе по отдѣльнымъ видамъ труда и взаимныя отношенія въ производствѣ. При всей цѣнности полученныхъ результатовъ, перепись 1882 г. не могла, однако, дать отвѣта на одинъ очень существенный вопросъ: *въ какомъ направленіи* развивается народное хозяйство, какова *тенденція развитія*? Дѣло въ томъ, что всѣ предъидущія изслѣдованія совершались по другому плану, съ гораздо меньшей обстоятельностью и охватывали далеко не столь обширный кругъ вопросовъ. Подобный отвѣтъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если профессіональныя переписи совершаются періодически, хотя бы и черезъ бо́льшіе промежутки, чѣмъ общая перепись населенія (черезъ каждыя 5 лѣтъ), и совершенно по тѣмъ же методологическимъ пріемамъ. Это требованіе теперь удовлетворено: послѣ обнародованія данныхъ второго профессіональнаго изслѣдованія, предпринятаго 2-го іюня 1895 г. по всей Германіи, съ значительными дополненіями противъ предъидущей переписи, но съ сохраненіемъ всѣхъ главныхъ ея рубрикъ и вопросовъ, можно уже судить не только о *состояніи* народнаго хозяйства Германіи, но и объ *измѣненіяхъ*, происшедшихъ въ немъ за періодъ въ 13 лѣтъ. Полученные переписью результаты обработаны въ имперскомъ статистическомъ бюро и наполняютъ 18 большихъ томовъ, что́ сдѣлало бы ихъ мало доступными не только образованному населенію вообще, но и большинству экономистовъ, если бы въ недавно вышедшемъ сводномъ томѣ матеріалъ цифръ не былъ сведенъ по главнымъ вопросамъ и не нашелъ въ одномъ изъ лучшихъ германскихъ статистиковъ, д-рѣ Цанѣ (Dr. Fr. Zahn), превосходнаго комментатора. Изъ этой заключительной работы, составляющей огромную книгу въ 700 слиш-

комъ страницъ, снабженную массой картограммъ и таблицъ, мы хотимъ привести нѣсколько наиболѣе существенныхъ выводовъ, содѣйствующихъ, какъ намъ думается, пониманію какъ соціальной жизни Германіи, такъ и характера современнаго экономическаго развитія, насколько германскія условія для него типичны. Прибавлю еще только, что для изученія соціальныхъ условій Германіи, кромѣ этой профессіональной статистики, вѣроятно лучшей изъ всѣхъ, до сихъ поръ предпринятыхъ въ европейской странѣ, въ послѣдніе годы прибавились еще и такіе цѣнные источники, какъ труды „Коммиссіи статистики рабочихъ", состоящей на половину изъ членовъ рейхстага и работающей по образцу англійскихъ парламентскихъ „анкетъ".

I.

Обратимся къ результатамъ профессіональной статистики. Она имѣетъ дѣло съ населеніемъ въ 51.770.284 душъ, изъ которыхъ 25½ милл.—мужчины и 26⅓ милл.—женщины. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, которымъ она задается, тотъ, какая доля населенія „самодѣятельна", т.-е. постоянно участвуетъ своимъ трудомъ въ общемъ трудѣ націи? Отвѣтъ гласитъ, что это 43% всего населенія Германіи, т.-е., считая и грудныхъ дѣтей, и дряхлыхъ стариковъ, изъ 100 нѣмцевъ 43 сами добываютъ себѣ и семьѣ средства къ существованію. Сравненіе въ этомъ отношеніи Германіи съ другими странами показываетъ, что почти равныя условія существуютъ въ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Англіи, тогда какъ въ Австріи и Италіи (даже принимая во вниманіе нѣкоторыя неточности статистики) доля „добывающаго" населенія значительно больше (53—55%), въ Соединенныхъ же Штатахъ—значительно меньше (36%). Точнѣе это сравненіе выражено въ слѣдующей таблицѣ сравненія работающаго населенія по отдѣльнымъ странамъ:

Сравненіе работающаго населенія по отдѣльнымъ странамъ.

НАЗВАНІЕ СТРАНЫ.	День переписи.	Количество населенія.			Число самодѣятельныхъ.			Процент. самодѣятельн. лицъ по отнош. къ количеству населенія страны.		
		Мужск.	Женск.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
Германія	14/VI 1895	25409161	26361123	51770284	15531841	6578350	22110191	61,1	25,0	42,7
Австрія	31/XII 1890	11689129	12206284	23895413	7391834	5771734	13163568	63,2	47,3	55,1
Венгрія	31/XII 1890	8668175	8795616	17463791	5446844	2189978	7636822	62,8	24,9	43,7
Италія	31/XII 1881	14265383	14194245	28459628	9450633	5701275	15151908	66,3	40,2	53,2
Швейцарія	1/XII 1888	1417574	1500180	2917754	870460	435190	1305650	61,4	29,0	44,8
Франція	12/IV 1891	18932354	19201031	38133385	11137065	5191084	16328149	58,8	27,0	42,8
Бельгія	31/XII 1890	3026954	3042367	6069321	1811273	797143	2608416	59,8	26,2	43,0
Нидерландія	31/XII 1889	2228487	2282928	4511415	1299670	353059	1652729	58,3	15,5	36,6
Данія	1/II 1890	1059157	1113223	2172380	608625	233453	842078	57,5	21,0	38,8
Швеція	1/XII 1890	2317187	2467794	4784981	1263532	486872	1750404	54,5	19,7	36,6
Норвегія	1/I 1891	951290	1037384	1988674	530725	244747	775472	55,8	23,6	39,0
Англія и Валлисъ	5/IV 1891	14052901	14949624	29002525	8883254	4016230	12899484	63,2	26,8	44,5
Шотландія	5/IV 1891	1942717	2082930	4025647	1220388	556564	1776952	62,8	26,7	44,1
Ирландія	5/IV 1891	2318953	2385797	4704750	1504319	634948	2139267	64,9	26,6	45,5
Великобританія и Ирландія	5/IV 1891	18314571	19418351	37732922	11607961	5207742	16815703	63,4	26,8	44,5
С.-Ам. Соед. Штаты	1/VI 1890	32067880	30554370	62622250	18821090	3914571	22735661	58,7	12,8	36,3

Съ перваго раза эти цифры наводятъ на мысль, что чѣмъ богаче страна, тѣмъ мéньшая доля населенія вынуждена участвовать своимъ трудомъ въ добываніи средствъ, и казалось, что указанное явленіе стоитъ въ связи съ бóльшимъ или мéньшимъ трудомъ женщинъ: въ Италіи, напр., процентъ добывающихъ женщинъ—огромный и достигаетъ почти половины всего женскаго населенія, тогда какъ въ Германіи онъ опускается до одной четверти женскаго населенія, въ Соед.-Штатахъ—до 13%. Были даже попытки установить законъ трудовой дѣятельности, по которому доля участвующихъ въ трудѣ вообще, и женскій трудъ въ особенности, увеличиваются въ географическомъ направленіи отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку. Болѣе внимательное изученіе профессіональной статистики заставляетъ, однако, отказаться отъ такого широкаго обобщенія. Прежде всего нужно замѣтить, что какъ германская, такъ и большинство другихъ статистикъ, въ понятіе *самодѣятельности* кладутъ частнохозяйственный критерій добыванія средствъ для личнаго и семейнаго существованія, не тождественный съ понятіемъ *труда*. Отъ бóльшаго или мéньшаго участія трудового фактора существенно измѣняется и количество дѣйствительнаго напряженія, необходимаго для добыванія средствъ. Далѣе, возрастный составъ населенія въ разныхъ странахъ и въ разное время неодинаковъ, а между тѣмъ онъ существенно вліяетъ на долю добывающаго населенія. Въ Германіи, напр., больше дѣтей, чѣмъ во Франціи. Процентъ же добывающихъ для той и другой страны устанавливается независимо отъ этого факта. Если мы въ Германіи выключимъ тѣ возрасты, въ которые постоянная промысловая дѣятельность составляетъ еще исключеніе, т.-е. дѣтей моложе 14 и стариковъ старше 60 лѣтъ, то останется менѣе 60% всего населенія, и доля добывающихъ равна будетъ не $^2/_5$, а $^2/_3$ всѣхъ способныхъ работать. Такимъ образомъ, при равномъ общемъ процентѣ работающаго населенія окажется, что во Франціи изъ лицъ, дѣйствительно могущихъ трудиться работаетъ мéньшая доля, чѣмъ въ Германіи, что̀, конечно, стоитъ въ связи не съ тѣми или другими свойствами національнаго характера, а со степенью народнаго благосостоянія. Въ Германіи мы точно также видимъ, что съ увеличеніемъ общаго благосостоянія чрезвычайно умножается контингентъ людей, живущихъ безъ промысловаго труда. Съ 1882 по 1895 г. увеличился на $^1/_2$ милліона, или на 60%, кругъ тѣхъ „самостоятельныхъ безъ профессіи“, которые существуютъ доходами съ капитала, рентами и пенсіями, и почти удвоился контингентъ молодыхъ людей добывающаго возраста, студентовъ, учениковъ спеціальныхъ школъ и т. д., которые не заработываютъ, а лишь подготовляются

къ будущей профессіи. Все это признаки роста народнаго благосостоянія, и тѣмъ не менѣе за тотъ же промежутокъ времени доля добывающаго средства населенія поднялась съ 42 на 43%, и участіе въ ней женщинъ относительно нѣсколько больше, чѣмъ было прежде. Не доказываетъ ли это, во-первыхъ, что до извѣстныхъ предѣловъ ростъ добывающаго населенія не служитъ признакомъ обѣднѣнія страны, и, во-вторыхъ, что большее участіе женщинъ въ общемъ трудѣ можетъ быть результатомъ не ухудшившихся, а измѣнившихся условій жизни, при которыхъ произошло передвиженіе даже не въ общей суммѣ труда, а только въ сферѣ его приложенія. Но если бы количество труда, расходуемаго націей, и увеличилось, то не надо забывать, что не все равно, происходитъ ли это оттого, что становится труднѣе добывать прежнія средства существованія, или же потребности настолько увеличились, что для удовлетворенія ихъ требуется больше усилій.

Переходя къ распредѣленію добывающаго средства населенія и отдѣльнымъ профессіямъ, мы прежде всего останавливаемся на поразительномъ результатѣ, установленномъ профессіональной статистикой съ точностью, не допускающей ни малѣйшаго возраженія: за 13 лѣтъ между двумя переписями совершился переходъ Германіи изъ страны съ преимущественно земледѣльческимъ населеніемъ въ страну съ *преобладающимъ* значеніемъ промышленности и торговли. Нечего говорить, что и въ началѣ 80-хъ годовъ Германія была страна съ развитой обработывающей промышленностью, но только между 1882 и 1895 гг. наступилъ тотъ моментъ, когда количество населенія, живущаго промышленностью, стало больше сельскаго. Какъ то показываетъ нижеслѣдующая таблица распредѣленія населенія по профессіямъ, Германія, послѣ Англіи, является страною съ наибольшимъ числомъ рабочихъ въ обработывающей промышленности:

Распредѣленіе населенія по профессіямъ.

	Сельское хозяйство, лѣсной промыслъ, рыболовство.	Обработ. промышлен и горнодѣліе.	Торговля и пути сообщенія (трактирный промыслъ).	Армія и флотъ.	Проч. общественныя службы и либеральныя профессіи.	Домашняя прислуга.	Прочіе самодѣятельн. лица.
Германія	8292692	8281220	2338511	630978	794983	1339316	432491
Австрія	8469223	2880897	845073	187507	324591	456277	—
Венгрія	4474653	961422	249051	114393	165089	376270	1295944
Италія	8580978	4185461	592784	160155	498923	596172	537435
Швейцарія	488530	531005	140289	816	49837	80304	14869
Франція	6535599	4548098	2185818	561875	768245	1609432	119082
Бельгія	649252	1081503	327091	48282		724040	
Нидерланды	541274	532181	268730	20880	98005	166495	25164
Данія	228316	200700	69300	8429	44723	217232	73378
Швеція	944562	263317	102381	39455	46137	237918	116634
Норвегія	384426	177511	91257	3962	22989	81380	13947
Англія и Валлисъ	1336945	7336344	1399735	126473	799659	1900328	—
Шотландія	249124	1032404	180952	7588	103731	203153	—
Ирландія	940621	657154	95446	31293	176538	238215	—
Великобританія и Ирландія	2526690	9025902	1676133	165354	1079928	2341696	—
С.-Ам. Соед. Штаты	8626088	5478541	3326122	30845	913488	4360577	—

Въ абсолютныхъ числахъ сельское хозяйство даетъ и теперь пропитаніе 18½ милліонамъ нѣмцевъ, подразумѣвая подъ послѣдними не только работниковъ, но и членовъ ихъ семействъ, большею частью живущихъ трудомъ главы семьи. Если выдѣлить только самодѣятельныхъ сельскихъ хозяевъ, то число ихъ, 8,3 милліона, окажется немногимъ (на 56.000) больше, чѣмъ 13 лѣтъ тому назадъ; но даже и это абсолютное увеличеніе, совершенно микроскопическое для народа, умножившагося за этотъ періодъ на слишкомъ 6 милліоновъ душъ, только мнимое: если отбросить садоводство, лѣсное хозяйство и рыболовство, то число самодѣятельныхъ сельскихъ хозяевъ, въ собственномъ смыслѣ слова, окажется на 18.000 меньше, чѣмъ 13 лѣтъ тому назадъ. Но это опять-таки далеко не все: присматриваясь къ измѣненіямъ, происшедшимъ въ отдѣльныхъ группахъ сельскихъ хозяевъ, мы замѣчаемъ, что къ 18,5 тыс. самодѣятельныхъ хозяевъ, составляющимъ прямую убыль противъ прошлой переписи, присоединяется 51,5 тыс. деревенскихъ слугъ и почти 820 тысячъ членовъ деревенскихъ семействъ, жившихъ и работавшихъ, вмѣстѣ съ главой семьи. Вотъ такимъ-то образомъ и оказывается, что въ то время, какъ населеніе увеличилось на 14½%, а та часть населенія, которая живетъ промышленностью и торговлей,—на 26—32%, сельско-хозяйственное населеніе *уменьшилось* почти на 5%. Естественно, что, сравнивая относительную долю каждой профессіи въ 1882 и 1895 гг., мы теперь на первомъ мѣстѣ находимъ промышленность, гдѣ 13 лѣтъ предъ тѣмъ фигурировало сельское хозяйство: вмѣсто 42% всего населенія, сельскій трудъ кормитъ лишь 35%, промышленность же увеличила свою долю съ 35 на 39%, торговля—съ 10 на 11½%. Вмѣстѣ съ абсолютнымъ уменьшеніемъ числа сельскихъ хозяевъ происходитъ увеличеніе въ сельскомъ хозяйствѣ роли женскаго труда. Если разсматривать только самодѣятельныхъ сельскихъ хозяевъ-мужчинъ, то окажется, что ихъ меньше не на 18,5, а на 230 тысячъ: мѣсто болѣе 200.000 мужчинъ за это время заняли женщины, число которыхъ увеличилось среди самодѣятельныхъ съ 2.526.633 на 2.730.216.

Германская статистика задается вопросомъ о причинахъ поразительнаго сокращенія сельскаго населенія. Въ отсутствіи внутренняго умноженія ихъ искать нельзя, такъ какъ перевѣсъ рождаемости надъ смертностью въ нѣмецкихъ деревняхъ и теперь значительнѣе, чѣмъ въ городахъ,—слѣдовательно, причины могутъ быть лишь экономическія и соціальныя, да ихъ и не трудно отыскать: стоитъ лишь посмотрѣть на цифры увеличенія промышленности, торговли и вольныхъ профессій, чтобы понять, куда ушелъ излишекъ сельскаго населенія. Д-ръ Цанъ обращаетъ, однако, вниманіе на то, что уменьшеніе сельскаго населенія не тождественно съ пониженіемъ сельскаго хозяй-

ства: статистика урожаевъ показываетъ, что и абсолютно, и по отношенію къ площади обработки, интенсивность землепользованія значительно увеличилась съ 1882 г. Притомъ часть труда человѣка и въ сельскомъ хозяйствѣ уже совершается машинами. Для націи, слѣдовательно, никакой нѣтъ бѣды въ томъ, что при меньшей затратѣ труда на той же площади достигается не меньшій, а большій результатъ. Другое дѣло — интересъ частнаго хозяйства при данныхъ условіяхъ распредѣленія земельной собственности: съ точки зрѣнія померанскаго или бранденбургскаго землевладѣльца, самые печальные результаты переписи заключаются въ томъ, что она подтвердила, какъ распространено бѣгство сельскаго рабочаго изъ деревни. Въ абсолютной цифрѣ это выражается уменьшеніемъ состава сельскихъ рабочихъ на 273.000 человѣкъ, причемъ у мужчинъ дефицитъ достигаетъ даже 400.000, тогда какъ женщинъ-работницъ въ деревнѣ теперь больше на 132.000. Землевладѣльца мало также утѣшаетъ, что за эти 13 лѣтъ прибавилось 280 тысячъ крестьянъ-хозяевъ. Что̀ не важно, однако, для частнаго лица, то имѣетъ огромное значеніе для всей страны. Это увеличеніе крестьянской собственности, стоящее въ противорѣчіи съ тенденціей развитія въ промышленности, въ соціальномъ отношеніи заслуживаетъ величайшаго вниманія. Въ то время, какъ въ промышленности измѣненіе за 13 лѣтъ выражается уменьшеніемъ на 9% доли самостоятельныхъ, въ сельскомъ хозяйствѣ послѣдніе *увеличились* слишкомъ на 3%; тамъ увеличеніе арміи рабочихъ слишкомъ на 7%, здѣсь *уменьшеніе* на $3^1/_2$%. Присматриваясь ближе къ категоріи самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, мы находимъ, что 21% изъ нихъ—владѣльцы самой мелкой собственности, съ площадью земли до 2 гект.; 27%—крестьяне, владѣющіе 2—5 гект.; 21%—владѣльцы 5—10 гект.; 27% имѣютъ 10—50 гект.; менѣе 3%—50—100 гект.; и лишь 1 съ небольшимъ процентъ—болѣе 100 гект. Отбрасывая совсѣмъ мелкое, „парцелированное“ хозяйство, которое не въ состояніи прокормить своихъ владѣльцевъ, мы все-таки имѣемъ еще почти два милліона крестьянъ, живущихъ преимущественно или исключительно трудомъ въ своемъ хозяйствѣ; тогда какъ группа Parzellenbesitzer, крестьянъ-собственниковъ лишь по имени, насчитываетъ лишь 525 000 человѣкъ, классъ же крупныхъ землевладѣльцевъ—30.889 человѣкъ. Правда, не надо впадать въ оптимизмъ и игнорировать тотъ фактъ, что 30.000 крупныхъ землевладѣльцевъ владѣютъ огромной площадью земли, но, какъ соціальная группа населенія, крестьяне-собственники составляютъ не падающую, а подымающуюся массу, и это—явленіе, съ которымъ должна считаться экономическая политика. Увеличеніе этой группы, происшедшее за послѣднія 13 лѣтъ, служитъ несомнѣн-

нымъ доказательствомъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ о вытѣсненіи мелкой собственности крупною и концентраціи производства въ большихъ хозяйствахъ нѣтъ рѣчи.

Чѣмъ сложнѣе и многообразнѣе становятся условія жизни Германіи, тѣмъ сильнѣе и дифференціація между городомъ и деревней и между отдѣльными частями страны. Это выражается уже при взглядѣ на карту страны: въ то время какъ средняя плотность населенія равна 96 жителямъ на 1 кв. килом.,—не только 28 большихъ городовъ выступаютъ рѣзкими пунктами своей чрезвычайно большей населенностью, доходящей въ Берлинѣ до 24.485 человѣкъ на кв. килом., но и цѣлыя провинціи, даже отдѣльныя государства Германіи чрезвычайно другъ отъ друга отличаются: восточныя провинціи Пруссіи, напр., по плотности гораздо ниже средняго уровня, въ нихъ на кв. километрѣ оказывается лишь 52 — 57 человѣкъ, въ Мекленбургѣ—даже 35; зато Вестфалія уже населена 132 чел. на кв. килом., а въ Саксоніи средняя плотность всей страны—250 человѣкъ на кв. килом. Различіе между востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ, выражающееся какъ въ этнографическомъ, такъ и въ политическомъ значеніи, не менѣе велико и въ области народнаго хозяйства: западъ промышленнѣе востока, югъ отличается отъ сѣвера въ своемъ внутреннемъ аграрномъ строѣ, и не даромъ потому въ политической жизни Германіи, съ усиливающимся значеніемъ въ ней борьбы экономическихъ интересовъ, такъ часто приходится сталкиваться съ партикуляризмомъ баварскимъ, саксонскимъ, восточно-прусскимъ; въ предѣлахъ Пруссіи мы недавно были свидѣтелями борьбы изъ-за каналовъ, происходившей между аграрными восточными и промышленными западными провинціями.

Мы только-что сказали, что изъ 1.000 самодѣятельныхъ нѣмцевъ только 351 добываютъ себѣ существованіе въ сельскомъ хозяйствѣ. Отъ этого средняго вывода отклоненія, однако, чрезвычайно велики; почти вдвое больше живущихъ сельскимъ хозяйствомъ въ Восточной Пруссіи и Мекленбургѣ; Баварія и Вюртембергъ также преимущественно еще земледѣльческія страны; даже Баденъ со своею растущей промышленностью насчитываетъ больше жителей въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ промышленности; зато въ Саксоніи, на Рейнѣ, въ Вестфаліи, въ Тюрингіи сельское хозяйство уже вполнѣ второстепенный промыслъ; наиболѣе уравновѣшенными частями Германіи, если понимать подъ этимъ одинаковое значеніе сельскаго хозяйства и промышленности, окажутся Эльзасъ-Лотарингія, Гессенъ-Дармштадтъ, Бранденбургъ и Шлезвигъ-Гольштинія, тогда какъ Рейнская провинція, несмотря на винодѣліе и мелкое землевладѣніе, постав-

ляетъ только 245 сельскихъ хозяевъ на 1.000 добывающихъ средства, королевство Саксонія—только 150.

Не надо думать, что процессъ „индустріализаціи", захвативъ одну часть страны, вовсе не коснулся другой. Даже въ наиболѣе отставшихъ частяхъ Германіи, какъ Познань или Поммеранія, за эти 13 лѣтъ произошло замѣтное передвиженіе отъ земледѣлія къ промышленности: въ Познани, напр., изъ 1.000 жителей, занимающихся земледѣліемъ, промышленностью или торговлей, въ 1882 г., 728 были земледѣльцы, въ 1895 же году — лишь 679; въ Баваріи, хотя она все еще преимущественно земледѣльческая страна, 13 лѣтъ тому назадъ изъ 1.000 занимающихся только-что названными промыслами, 582 были сельскіе хозяева, 418—промышленники и торговцы; теперь это отношеніе равно 529:471. Несомнѣнно однако, что промышленное развитіе шло еще быстрѣе въ тѣхъ частяхъ Германіи, въ которыхъ оно и раньше уже было замѣтно, какъ въ Саксоніи, въ которой на 1.000 жителей, принадлежащихъ къ классамъ: сельское хозяйство, промышленность и торговля; послѣдніе два класса въ 1882 г. насчитывали 773, въ 1895 г.—827 человѣкъ.

Дифференціація между городомъ и деревней выразилась въ ростѣ городовъ вообще и въ *тенденціи къ переходу центра промышленной дѣятельности въ большіе города*. Уже общая перепись обнаружила поразительный ростъ городского населенія и абсолютное уменьшеніе сельскаго. Въ 1882 году менѣе 19 милліоновъ нѣмцевъ жили въ городахъ, и болѣе 26 милл.—въ деревнѣ; 13 лѣтъ спустя, населеніе городовъ достигаетъ 25¾ милл. (25.797.483), населеніе же деревни не только не увеличивается, но уменьшается на 350.000 человѣкъ, или, иначе, въ то время какъ городское населеніе увеличилось на 36½%, сельское уменьшилось на 1,3%, и результатъ тотъ, что 13 лѣтъ тому назадъ отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ было какъ 42:58, тогда какъ теперь городское и сельское населеніе совершенно уравнились. Особенно силенъ ростъ большихъ городовъ: населеніе ихъ за 13 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилось, а въ 28 городахъ, насчитывающихъ каждый болѣе 100 тыс. жителей, теперь живетъ 7 милліоновъ нѣмцевъ; тогда какъ 13 лѣтъ тому назадъ число такихъ городовъ было вдвое меньше и населеніе ихъ не достигало 3½ милліоновъ. Медленнѣе, но все-же значительно обгоняя общій ростъ населенія, росли средніе города, съ 26—100 тыс. жителей: вмѣсто 102 въ 1882 г., ихъ теперь 150; вмѣсто четырехъ они насчитываютъ 5½ милл. жителей. Небольшіе города (Kleinstädte) увеличили свое населеніе съ 5,7 на 7 милл.; наконецъ, совсѣмъ мелкіе города (Landstädte), по характеру своему приближающіеся къ селамъ, насчитываютъ теперь 6,3 милл. вмѣсто 5,7 милл. жителей.

Изучая города съ точки зрѣнія профессіональной дѣятельности ихъ жителей, мы, само собою разумѣется, найдемъ, что на первомъ мѣстѣ въ занятіяхъ большихъ городовъ стоитъ промышленность и торговля: изъ 3¼ милл. самодѣятельныхъ въ большихъ городахъ 1,6 милл. работаютъ въ промышленности, 775 тыс. существуютъ торговлей и путями сообщеній; остальные принадлежатъ къ служащимъ на государственной службѣ, вольнымъ профессіямъ, рантьé и т. д. Какъ ни велико, однако, значеніе промышленности въ профессіяхъ большихъ городовъ, послѣдніе не занимаютъ еще перваго мѣста въ странѣ: добывающее промышленное населеніе большихъ городовъ составляетъ 1,6 милл., среднихъ—1,2 милл., мелкихъ 1,63 милл., Landstädte—1,26 милл., и такимъ образомъ изъ 5,7 милл. городскихъ жителей, добывающихъ средства къ существованію промышленнымъ трудомъ, только 20% живутъ въ большихъ городахъ, хотя населеніе большихъ городовъ составляетъ болѣе 28% всего городского населенія Германіи. Распространенное мнѣніе о тѣсной связи между ростомъ промышленности и ростомъ городовъ имѣетъ, тѣмъ не менѣе, разумное основаніе. Теперь, правда, изъ 1.000 работающихъ въ промышленности еще 311 живутъ въ деревнѣ и 689 въ городахъ, причемъ только 195—жители большихъ городовъ. Несомнѣнно, однако, что съ каждымъ годомъ большіе города принимаютъ все большее значеніе для промышленной дѣятельности страны. Это обнаруживается изъ сравненія двухъ послѣднихъ переписей, показывающаго, что съ ростомъ промышленности вообще усиливается тенденція къ большей мѣстной централизаціи. За эти 13 лѣтъ, при абсолютномъ увеличеніи промышленности и въ деревнѣ, выражающемся въ томъ, что цифра сельскаго населенія, живущаго промышленнымъ трудомъ, увеличилась съ 6,43 милл. на 6,58 милл. (при уменьшеніи абсолютной цифры *земледѣльческаго населенія*), роль деревни въ промышленной дѣятельности относительно не увеличилась, а чрезвычайно уменьшилась, и вмѣсто 400 на 1.000 всего живущаго промышленностью населенія, въ деревнѣ теперь живетъ лишь 325. Большіе города, какъ мы только-что сказали, заключаютъ въ себѣ лишь 194 изъ 1.000 работниковъ промышленности, но 13 лѣтъ тому назадъ ихъ было только 112; а между тѣмъ, за тотъ же періодъ, относительное участіе среднихъ городовъ повысилось лишь со 140 на 146, меньшихъ городовъ—со 192 на 197, тогда какъ въ Landstädte, въ которыхъ раньше жили 173 на 1.000 всѣхъ добывающихъ въ промышленности, теперь живетъ лишь 152. Есть уже очень значительныя группы крупной промышленности, относительно которыхъ можно сказать, что существованіе и развитіе ихъ тѣсно связаны съ ростомъ большихъ городовъ, и которыхъ статистика потому характеризуетъ какъ „grosstädtische Berufsgruppen“. Это, напр., вся промыш-

ленность машинъ, инструментовъ и аппаратовъ, производство платья, всѣ художественные промыслы, строительная промышленность, электротехника.

II.

Наиболѣе яркій свѣтъ данныя профессіональной статистики проливаютъ на ростъ промышленности и связанныя съ этимъ измѣненія въ ея внутреннемъ строѣ. Если ростъ промышленной дѣятельности самъ по себѣ крупный фактъ, придающій особый отпечатокъ всей экономической и общественной жизни страны, то не менѣе важно изученіе характера этого роста, его связи съ благосостояніемъ населенія, распредѣленіемъ богатства, отношеніемъ самостоятельнаго труда къ наемному и цѣлымъ рядомъ другихъ явленій, составляющихъ сущность соціальныхъ отношеній. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ профессіональная статистика пытается дать отвѣты. Остановимся, по крайней мѣрѣ, на главныхъ чертахъ современной дѣйствительности и измѣненіяхъ, происшедшихъ съ 1882 по 1895 г.

Мы сказали выше, что за эти 13 лѣтъ населеніе Германіи увеличилось съ $45^1/_4$ на $51^3/_4$ милліона, причемъ число самодѣятельныхъ, кромѣ прислуги, увеличилось съ 19 на почти 23 милліона. Слишкомъ $2^1/_2$ милл., изъ общаго прироста самодѣятельнаго населенія, приходится теперь на ту его часть, которая живетъ промышленностью и торговлей. Такъ какъ естественный приростъ (отъ перевѣса рождаемости надъ смертностью) промышленнаго населенія—не больше, а даже нѣсколько меньше прироста сельскаго, и такъ какъ, далѣе, ни дѣтскій трудъ, ни трудъ иностранцевъ въ промышленности не играетъ роли, то очевидно, что увеличеніе состава промышленныхъ работниковъ и ихъ семей главнымъ образомъ—результатъ усиленія производительной дѣятельности вообще и перемѣщенія части труда изъ сельскаго хозяйства въ обрабатывающія производства.

Передвиженіе центра національнаго труда отъ сельскаго хозяйства къ промышленности и торговлѣ выражается и въ томъ, что въ 1882 г. изъ 1.000 всего населенія 413 еще жили сельскимъ хозяйствомъ и лишь 355 находили пропитаніе въ обработывающей промышленности; теперь первое мѣсто уже заняла промышленность, дающая возможность жить 391 на 1.000, тогда какъ сельское хозяйство кормитъ лишь 351. Въ торговлѣ измѣненіе не столь рѣзко, но оно все-же выражается повышеніемъ доли населенія, находящей источники своего существованія въ торговомъ трудѣ, съ 10 на $11^1/_2$%. Разсматривая лишь самодѣятельное населеніе, мы находимъ, что оно въ торговлѣ увеличилось на 49%, въ промышленности—на 29,5%. Въ этомъ измѣненіи

не одинаково, однако, участіе мужского и женскаго труда: въ абсолютныхъ числахъ промышленное *мужское* населеніе, добывающее себѣ средства къ существованію, поднялось съ 5.269.489 на 6.760.102; добывающее же женское населеніе—съ 1.126.976 на 1.521.118, т.-е. въ то время какъ мужской трудъ увеличился на 28%, женскій увеличился на 35%. Мы дальше увидимъ, что увеличеніе участія женщинъ въ добываніи средствъ къ существованію вообще одна изъ характерныхъ чертъ въ экономическомъ развитіи. Она еще рельефнѣе выражается въ торговлѣ, гдѣ за 13 лѣтъ число мужчинъ увеличилось на 38%, число женщинъ—на 94%. Въ 1882 г. торгующія женщины (самостоятельныя, жены, приказчицы) не составляли еще четверти всего торговаго сословія,—теперь онѣ составляютъ полную треть.

Не во всѣхъ отдѣлахъ промышленности и торговли разсматриваемый періодъ характеризуется одинаковымъ ростомъ, но изъ 18 опредѣленныхъ большихъ группъ, по которымъ германская статистика распредѣляетъ торгово-промышленное населеніе, нѣтъ ни одной, въ которой число участниковъ не было бы значительно больше въ абсолютныхъ цифрахъ, чѣмъ въ 1882 г. *Относительно уменьшилось* лишь участіе въ общемъ промышленномъ трудѣ группъ работниковъ ткальной промышленности и производствъ и чистки платья: первая по числу работающихъ въ ней лицъ прежде составляла 5,25%, теперь же составляетъ лишь 5% всѣхъ самодѣятельныхъ въ промышленности; доля второй понизилась съ 8,23 на 8%, но при этомъ абсолютныя числа 1895 г. въ ткальной промышленности почти на сто тысячъ больше противъ 1882 года (945.191 противъ 850.859); въ производствѣ же платья теперь 1,51 противъ 1,33 милл. душъ. Наиболѣе крупныя абсолютныя и относительныя увеличенія приходятся на долю горныхъ промысловъ, составъ участниковъ которыхъ увеличился съ 441 на 568 тыс.; на производство машинъ, инструментовъ и аппаратовъ, въ которыхъ теперь 386 вмѣсто 285 тысячъ; на производства, обработывающія металлы, увеличившія свой составъ съ 529 на 862 тыс.; на производства, обработывающія дерево, въ которыхъ теперь 647 противъ 522 тысячъ работниковъ; въ промышленности, поставляющей предметы питанія или потребленія (табакъ, напр.), за 13 лѣтъ произошло увеличеніе работниковъ съ 663 878 тыс., въ строительныхъ промыслахъ—съ 946 тыс. на 1⅓ милл.; относительно небольшія цифры работниковъ химической промышленности и полиграфическаго искусства (типографіи, литографіи и т. д.,)—103 и 119 тыс.,—любопытны, однако, потому, что *вдвое* превышаютъ цифры 1882 г. Въ транспортныхъ промыслахъ и въ промышленности, служащей передвиженію, число работниковъ увеличилось съ 437 на 615 тыс., въ трактирныхъ—съ 279 на 493 тыс. Само собою разумѣется, что, переходя къ подраздѣленію отдѣль-

ныхъ группъ по спеціальностямъ, мы натолкнемся на такіе промыслы, въ которыхъ, несмотря на блестящее состояніе промышленности въ цѣломъ, число работниковъ стало не больше, а меньше. Въ видѣ примѣра укажемъ: на ткацкій промыслъ, въ которомъ въ 1895 г. оказалось на 65 тыс. человѣкъ меньше, чѣмъ въ 1882 г.; на мукомольное производство, въ которомъ число работниковъ уменьшилось на 53 тыс., и на сапожное ремесло, потерявшее 32 тыс. участниковъ. Это не есть, однако, признакъ упадка даже этихъ спеціальныхъ профессій, а указываетъ лишь на измѣненіе въ характерѣ работы, въ особенности на замѣну ручного труда машиннымъ. Отмѣтимъ еще одну черту въ общемъ ростѣ германской промышленности: хотя послѣдняя, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, пару и электричеству, значительно свободнѣе отъ естественныхъ условій и богатства отдѣльныхъ мѣстностей, географическое ея распредѣленіе все-же зависитъ отъ условій мѣстности и не лишено исторической традиціи. По отношенію къ горнымъ промысламъ это само собою разумѣется, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если въ Вестфаліи изъ 1.000 жителей 184, на Рейнѣ 95 и въ Силезіи 83 живутъ горными промыслами; понятно также, что и промышленность, обработывающая металлы, сосредоточивается по близости источниковъ желѣзной руды, и въ той же Вестфаліи, напр., болѣе 8% населенія находятъ хлѣбъ въ обработкѣ металловъ. Встрѣчаются, конечно, и замѣтныя отступленія: Берлинъ, довольно далекій отъ источниковъ желѣза, по обработкѣ его занимаетъ третье мѣсто, въ изготовленіи машинъ изъ желѣза даже первое. Есть, однако, еще цѣлый рядъ другихъ производствъ, въ которыхъ вліяніе естественныхъ причинъ или исторической традиціи очень замѣтно: такъ, напр., производство писчей бумаги особенно велико въ Саксоніи, богатой водой; прядильни и ткацкія фабрики, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, сосредоточены въ Саксоніи, Эльзасъ-Лотарингіи, на Рейнѣ и въ Силезіи, кожевенныя производства—въ Гессенъ-Дармштадтѣ, Рейсѣ, Бременѣ. Липпе, какъ и въ старину, поставляетъ кирпичи и разсылаетъ по Германіи своихъ землекоповъ. Что касается распредѣленія промышленности между городомъ и деревней, то можно назвать цѣлый рядъ крупныхъ отраслей производства, носящихъ характеръ производствъ большихъ, среднихъ, малыхъ городовъ или сельскихъ промысловъ. Машинное производство, электротехника, полиграфическое искусство, производство платья и многія другія сосредоточены въ большихъ городахъ; желѣзо- и стале-литейные заводы, изготовленіе химическихъ продуктовъ, шляпочное, перчаточное—процвѣтаютъ въ среднихъ городахъ; суконныя и ткацкія фабрики, щеточное, часовое производства—спеціальность мелкихъ городовъ.

Обратимся, однако, къ внутреннимъ условіямъ промышленности и

постараемся отмѣтить главныя теченія въ ихъ развитіи. При изученіи абсолютныхъ цифръ промышленныхъ предпріятій и ихъ рабочихъ прежде всего бросается въ глаза, что въ то время, какъ число предпріятій увеличилось за 13 лѣтъ на 139.520, число работниковъ увеличилось почти на 3 милл. Въ среднемъ это составило бы на одно новое предпріятіе около 15 рабочихъ, тогда какъ для всей промышленности и торговли среднее число работниковъ на одного предпринимателя не превышаетъ 6-ти. Недоумѣніе наше сейчасъ же разрѣшается, когда, переходя къ классификаціи производствъ по числу ихъ рабочихъ, мы въ группѣ предпріятій съ 50 и болѣе рабочими, вмѣсто 8.979 предпріятій предъидущей переписи, находимъ 18.953, *съ слишкомъ 3 милліонами рабочихъ*, тогда какъ въ 1882 г. послѣднихъ въ крупныхъ предпріятіяхъ было лишь немногимъ болѣе $1^1/_2$ милл.; очевидно, слѣдовательно, что половина всего прироста рабочихъ приходится на долю крупныхъ предпріятій. Еще рѣзче этотъ процессъ предъ нами выступаетъ, когда мы оставляемъ въ сторонѣ торговлю, транспортныя предпріятія, трактирные промыслы, и сосредоточиваемъ вниманіе на промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова: мы видимъ тогда, что число всѣхъ ея предпріятій не увеличилось, а уменьшилось на 123.367, въ то время какъ число ея рабочихъ увеличилось слишкомъ на 2 милліона, и при томъ такъ, что только $^2/_3$ милл. приходятся на долю мелкой и средней промышленности, $1^1/_3$ милл.—на крупныя предпріятія. Эти обѣ типичныя черты концентраціи производства: *уменьшеніе числа предпріятій параллельно съ увеличеніемъ числа рабочихъ*—характеризуютъ однако, далеко, не всѣ отрасли промышленности. Наиболѣе ярко онѣ выражаются въ ростѣ горныхъ заводовъ, уменьшившихся въ числѣ на 1.286 и въ то же время увеличившихъ составъ своихъ рабочихъ на 106.159 человѣкъ. Не менѣе отчетливо процессъ концентраціи въ немногихъ предпріятіяхъ совершается въ промышленности, обработывающей металлы, камень и глину, на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, въ обработкѣ дерева, производствѣ свѣтильныхъ предметовъ: вездѣ мы встрѣчаемъ десятки и сотни тысячъ новыхъ рабочихъ при уменьшеніи числа старыхъ предпріятій. Процессъ въ томъ отношеніи, однако, отличается отъ хода развитія горной промышленности, что въ этихъ отрасляхъ производства промышленность сосредоточилась не въ немногихъ гигантскихъ предпріятіяхъ, а рядомъ съ большими существуютъ и даже возникли тысячи новыхъ среднихъ фабрикъ и заводовъ. Съ другой стороны, въ строительныхъ промыслахъ, въ производствѣ предметовъ питанія, въ художественныхъ промыслахъ, въ производствѣ инструментовъ, въ химической промышленности, концентраціи или вовсе незамѣтно, или же она не препятствуетъ возникновенію мелкихъ и среднихъ производствъ. Въ строительныхъ про-

мыслахъ, напр., за 13 лѣтъ прибавилось 36.450 новыхъ предпріятій, изъ которыхъ 2.368, съ 50 и болѣе рабочими, получили на свою долю 253.000 новыхъ работниковъ, но столько же участниковъ прибавилось и въ мелкихъ и среднихъ предпріятіяхъ. Въ производствахъ предметовъ питанія изъ 278.000 новыхъ работниковъ только 98.000 увеличили армію рабочихъ крупной промышленности.

Самый основной вопросъ въ соціальномъ строѣ, на который профессіональная статистика должна дать отвѣтъ, касается распредѣленія населенія по группамъ самостоятельныхъ хозяевъ и наемныхъ работниковъ. Отъ отвѣта статистики въ этомъ случаѣ зависитъ объективное опредѣленіе тенденціи современнаго экономическаго строя; съ нимъ связано отношеніе къ крупной и мелкой промышленности, къ экономической политикѣ, задающейся цѣлью поддержать существованіе мелкаго производителя, и къ экономической теоріи, вульгарно именуемой Fresslegende—одними, и глубокимъ анализомъ конечныхъ цѣлей развитія—другими. Данныя профессіональной статистики даютъ возможность провѣрить, справедливы ли положенія о ростущей концентраціи всей экономической дѣятельности въ немногихъ крупныхъ производствахъ, и возможно ли утверждать, что развитіе экономической дѣятельности выражается въ ростущей экспропріаціи мелкихъ производствъ крупными?

Изъ всего самодѣятельнаго населенія Германіи, занятаго работами въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ и путяхъ сообщенія, $5^1/_2$ милліоновъ были самостоятельны, 600 съ небольшимъ тысячъ принадлежали къ высшей наемной категоріи „служащихъ“ въ чужихъ предпріятіяхъ, и безъ малаго 13 милліоновъ были рабочіе. Сравнивая эти цифры съ данными предшествующей переписи 1882 г., мы находимъ, что абсолютно всѣ три категоріи увеличились: 13 лѣтъ предъ тѣмъ самостоятельныхъ было на 300 тыс. меньше; на столько же меньше было и служащихъ, что, однако, при незначительной относительно ихъ цифрѣ, составляетъ для послѣдняго періода увеличеніе вдвое, и слишкомъ на 2 милл. увеличилось число наемныхъ рабочихъ. Въ процентномъ отношеніи произошедшее измѣненіе выражается, однако, иначе, чѣмъ въ абсолютныхъ цифрахъ: въ то время какъ въ 1882 г. хозяева составляли нѣсколько болѣе 32%, всего промысловаго самодѣятельнаго населенія, ихъ теперь нѣсколько менѣе 29%; наемные рабочіе составляютъ не 66, а почти 68%, и высшіе служащіе не менѣе 2, а $3^1/_4$%. Такимъ образомъ, изъ всего увеличенія самодѣятельнаго промысловаго населенія, произошедшаго вслѣдствіе увеличенія населенія вообще, отчасти и вслѣдствіе увеличенія доли участвующаго своимъ трудомъ населенія, только 10% падаетъ на группу самостоятельныхъ, 12%—на высшихъ служащихъ и 78%—

на наемныхъ рабочихъ. „Этотъ родъ соціальнаго развитія вытекаетъ съ естественной необходимостью изъ сильнаго увеличенія населенія и промысловой дѣятельности,—замѣчаетъ составитель общаго обзора профессіональной статистики,—и изъ него нельзя, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, дѣлать выводъ о прогрессирующемъ пролетаризированіи общества". Насколько это замѣчаніе справедливо, мы увидимъ ниже, а пока остановимся внимательнѣе на отдѣльныхъ группахъ промысловаго труда. Одинаково ли выражается въ нихъ тенденція къ относительному уменьшенію самостоятельнаго труда?

За эти 13 лѣтъ число самостоятельныхъ увеличилось на 283.359 душъ, но изъ нихъ 279.628 приходятся на сельское хозяйство, 96.362—на торговлю, 42.848 — на транспортные промыслы; такъ что *на домо промышленности приходится не увеличеніе, а уменьшеніе числа самостоятельныхъ*. Оно коснулось, однако, не всей промышленности, а только нѣкоторыхъ ея отраслей: въ горныхъ промыслахъ, въ обработкѣ металла, производствѣ свѣтильныхъ веществъ, платья, деревянныхъ издѣлій, число самостоятельныхъ уменьшилось на тысячи и десятки тысячъ. Самое крупное уменьшеніе (на 139.374) произошло въ Textilindustrie, тогда какъ въ строительныхъ промыслахъ, кожевенномъ, полиграфическомъ, химическомъ, производствѣ машинъ и нѣкоторыхъ другихъ можно констатировать хотя небольшое, но все-же увеличеніе числа самостоятельныхъ. Изъ 281 „самостоятельныхъ" изъ 1.000 самодѣятельныхъ въ промышленности, только 214, однако, самостоятельные *хозяева*; 35 самостоятельны по большей части лишь въ томъ отношеніи, что работаютъ у себя на дому; 6—техники, инженеры, управляющіе; 26 принадлежатъ къ персоналу надсмотрщиковъ и конторскихъ служащихъ. Что же касается рабочихъ, то изъ нихъ 460—подмастерья и рабочіе, изучившіе извѣстную спеціальность (gelernte Arbeiter) и 247—простые рабочіе, безъ предварительной подготовки. Въ промышленности, такимъ образомъ, въ противоположность сельскому хозяйству и торговлѣ, вдвое больше квалифицированнаго, требующаго подготовки труда, чѣмъ простого. Эти цифры ясно опровергаютъ все еще распространенный предразсудокъ, будто фабрики и заводы не нуждаются въ спеціальныхъ знаніяхъ и интеллигентности рабочаго.

Остановимся еще внимательнѣе на категоріи самостоятельныхъ въ промышленности. То, что они составляютъ лишь немного больше одной-пятой всѣхъ ея работниковъ, само по себѣ не указывало бы еще на вытѣсненіе самостоятельнаго труда, если бы, во-первыхъ, хозяева одинаково или болѣе или менѣе равномѣрно были распространены во всѣхъ областяхъ промышленности, и, во-вторыхъ, если бы съ понятіемъ хозяина дѣйствительно можно было соединить пред-

ставленіе о независимомъ и безбѣдномъ существованіи. Въ дѣйствительности, однако, есть уже обширныя области труда, въ которыхъ на одного хозяина приходится не 4, а десятки, даже сотни рабочихъ, гдѣ, слѣдовательно, самостоятельность почти вовсе изчезла. Я говорю не о такихъ промыслахъ, какъ горнозаводское дѣло, гдѣ, изъ 536 тыс. рабочихъ, 511 тыс. работаютъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, а въ мелкихъ и среднихъ можно насчитать какихъ-нибудь $1^1/_2$ тыс. хозяевъ; но и въ промышленности красокъ, и въ производствахъ изъ бумаги, кожи, металла и т. п. отдѣльные хозяева, работающіе сами или съ 1—5 помощниками, составляютъ уже незначительную горсть. На милліонъ слишкомъ Alleinmeister'овъ, т.-е. хозяевъ, обходящихся безъ чужого труда, больше половины принадлежатъ къ производствамъ одежды, это—мелкіе портные и портнихи, швеи, сапожники, работающіе частью на магазины, частью на кліентовъ, и мало чѣмъ отличающіеся отъ наемныхъ рабочихъ. То же самое можно сказать о второй крупной группѣ этой категоріи—рабочихъ въ строительныхъ промыслахъ: они не служатъ хозяину, но положеніе ихъ приближается къ состоянію поденщика; у нихъ нѣтъ капитала, по большей части нѣтъ и своей мастерской. Правда, среди „аллейнъ-мейстеровъ" встрѣчаются и аристократы, какъ архитекторы, инженеры, фотографы, но ихъ какихъ-нибудь 15 тысячъ. Какъ непохоже соціальное положеніе хозяевъ этой группы на состояніе прежняго зажиточнаго ремесленника, можно судить по тому, что изъ 565 тыс. самостоятельныхъ въ производствѣ платья 308 тыс.—женщины: портнихи, швеи, шляпочницы, прачки. Въ болѣе завидномъ положеніи—дѣйствительные ремесленники, включенные въ эту группу, которые, какъ, напр., парикмахеры, слесаря, стекольщики, живутъ ремесломъ, оставаясь самостоятельными, — но они едва ли составятъ четверть всѣхъ „хозяевъ безъ рабочихъ". Значительно лучше положеніе слѣдующей категоріи самостоятельныхъ, имѣющихъ до 4 рабочихъ. Это по большей части представители того рода работы, въ которомъ хозяинъ и рабочій соединяютъ свой трудъ, и послѣдній можетъ смотрѣть на наемное состояніе лишь какъ на временное. Главный контингентъ для этой группы поставляютъ портные, мясники и булочники; однако, попадаются десятки тысячъ самостоятельныхъ хозяевъ съ 1—4 рабочими и среди слесарей, механиковъ, столяровъ, бондарей, въ производствѣ инструментовъ и аппаратовъ и нѣкоторыхъ другихъ, или сохранившихъ ремесленный характеръ, или приспособившихся къ фабричнымъ производствамъ въ качествѣ филіальныхъ отдѣленій и исполнителей починокъ. Когда мы, однако, переходимъ къ категоріи хозяевъ съ 5—10 рабочими, цифра уже сразу уменьшается въ 9 разъ противъ предъидущей группы, насчитывавшей еще 586 тыс. самостоятельныхъ: въ ней

лишь 68 тысячъ,—притомъ она уже значительно теряетъ ремесленный характеръ и пополняется элементомъ мелкихъ фабрикантовъ. Еще въ большей степени это происходитъ въ группѣ хозяевъ съ 10—20 рабочими, насчитывающей 31.200 человѣкъ. Едва ли ее можно назвать „верхней ступенью ремесла", какъ думаетъ д-ръ Цанъ. На мелко-фабричный характеръ ея указываетъ значительная примѣсь механической промышленности, а также ткальной и полиграфической; развѣ только въ большихъ городахъ попадаются и булочныя, и мясныя съ такимъ количествомъ рабочихъ. Комментаторъ германской статистики, стремясь выяснить, на основаніи ея данныхъ, соціальное положеніе самостоятельныхъ, приходитъ къ заключенію, что, несмотря на свою свободу отъ чужой команды, 62% всѣхъ самостоятельныхъ принадлежатъ къ неимущему классу, 36%—къ среднему и лишь 2%—къ богатому. Какой рѣзкій контрастъ противъ положенія самостоятельныхъ хозяевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ на основаніи тѣхъ же пріемовъ, примѣненныхъ къ размѣру земельной собственности, въ конечномъ выводѣ получается 21,4% неимущихъ, 77,4% среднихъ крестьянъ и 1,2% богатыхъ землевладѣльцевъ! Торговля занимаетъ среднее мѣсто между промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Изъ массы другихъ наблюденій можно, однако, придти къ тому же выводу, а именно, что рядомъ съ концентраціей торговли въ большихъ предпріятіяхъ сохраняютъ свою самостоятельность и вновь возникаютъ десятки тысячъ мелкихъ. Въ конечномъ итогѣ мы для всего населенія получаемъ на 22 милліона самодѣятельныхъ около 6 милліоновъ хозяевъ, изъ которыхъ 3 милл. принадлежатъ къ среднему классу. Не надо, однако, забывать, что и среди несамостоятельныхъ —служащихъ, темниковъ, высшихъ ранговъ квалифицированныхъ рабочихъ—есть еще сотни тысячъ, получающихъ доходы, которые не уступаютъ доходу самостоятельныхъ. Шмоллеръ считаетъ, что изъ 12 милліоновъ нѣмецкихъ семействъ 250 тыс. принадлежатъ къ высшему классу, $2^3/_4$ милліона—къ верхнимъ ступенямъ средняго, $3^3/_4$ милл.—ко второму рангу средняго класса, и $5^1/_4$ милл.—къ низшимъ классамъ.

III.

Переписью 1895 г. установлено, что болѣе 6,5 милл. нѣмецкихъ женщинъ принадлежатъ къ трудящемуся населенію, добывающему себѣ существованіе въ качествѣ самостоятельныхъ предпринимательницъ, служащихъ и работницъ. Это—четверть всего женскаго населенія, тогда какъ изъ мужского въ трудѣ страны участвуютъ три-пятыхъ. Относительно незначительная доля женщинъ при-

надлежитъ къ служащимъ на государственной службѣ и занимающимся свободными профессіями: всего 176,5 тыс., или менѣе 3% всего трудящагося женскаго населенія, хотя за послѣднія десятилѣтія число ихъ очень быстро ростетъ. Противъ предъидущей переписи, напр., теперь насчитываютъ на 61.000 (53%) болѣе учительницъ въ общественныхъ школахъ, актрисъ, акушерокъ, діаконисъ и т. п. Изъ женщинъ, занимающихся промысловымъ трудомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, главный контингентъ принадлежитъ къ сельскому хозяйству. Здѣсь находятъ себѣ пропитаніе и приложеніе къ труду $2^3/_4$ милл. всѣхъ работающихъ женщинъ, тогда какъ въ промышленности ихъ немногимъ болѣе $1^1/_2$ милл., въ торговлѣ и путяхъ сообщенія—580.000: почти столько же женщинъ, какъ въ промышленности, заработываютъ себѣ хлѣбъ въ качествѣ домашней прислуги—1,3 милл.; наконецъ, 234.000 женщинъ принадлежатъ къ категоріи поденницъ и работницъ, исполняющихъ разнообразныя порученія по хозяйству.

Если доля трудящихся среди женщинъ значительно еще меньше, чѣмъ среди мужчинъ, то *тенденція къ увеличенію участія женщинъ* въ общемъ трудѣ страны несомнѣнно существуетъ. За 13 лѣтъ между двумя переписями число ихъ увеличилось абсолютно болѣе, чѣмъ на милліонъ душъ, и если за тотъ же періодъ и число трудящихся мужчинъ увеличилось болѣе, чѣмъ на 2 милліона, то у нихъ это, однако, составляетъ приростъ въ 16%, тогда какъ у женщинъ онъ достигаетъ 18%, и это сейчасъ же отражается на общей долѣ женскаго труда въ трудѣ всей націи, поднявшейся съ 24,76% въ 1882 г. на 25,35% въ 1895 г. Еще гораздо яснѣе эта тенденція обнаруживается по отдѣльнымъ категоріямъ женскаго труда. Львиная доля увеличенія (около 900.000 изъ милліона съ небольшимъ) приходится на наемныхъ работницъ; и если подумать, что за то же время въ мужскомъ населеніи, при вдвое большей цифрѣ всего прироста, на наемныхъ рабочихъ приходится менѣе $1^1/_2$ милліона, то станетъ очевидно, что процессъ развитія женскаго труда характеризуется двумя особенностями, придающими ему первостепенное соціальное значеніе: усиленіемъ наемнаго труда вообще въ большей мѣрѣ, чѣмъ увеличивается несамостоятельность существованія всего населенія, и перенесеніемъ женскаго труда изъ семьи или домашней обстановки въ чужую семью, чужое хозяйство, фабрики и мастерскія. Мéньшая самостоятельность по отношенію къ мужчинамъ всегда отличала женскій трудъ; но чѣмъ больше онъ распространяется, тѣмъ меньше становится доля собственницъ и хозяекъ предпріятій, и тѣмъ роль женщины, какъ помощницы мужа и отца, отступаетъ на второе мѣсто, тогда какъ на первое выступаетъ женщина-наемная работница. Почти 3 милліона нѣмецкихъ женщинъ теперь принадлежатъ къ этой главной категоріи,

и если причислить къ ней—что при настоящихъ условіяхъ намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ—и домашнюю прислугу, то всѣхъ женщинъ, постоянно работающихъ внѣ сферы домашняго хозяйства своей семьи, окажется почти $4^1/_4$ милл., т.-е. $^2/_3$ всѣхъ добывающихъ средства къ существованію.

Нѣтъ сомнѣнія, что внутри промышленности, насколько процессъ ея развитія выражается въ замѣнѣ ремесленнаго труда фабричнымъ, сотни тысячъ женщинъ, раньше работавшихъ дома, дѣйствительно были оторваны отъ семейнаго очага; но, при оцѣнкѣ всего экономическаго характера страны, нѣтъ основанія ставить „индустріализму“ въ вину, что онъ разрушаетъ семейныя основы, выводя женщину изъ ея домашней обстановки. Сельско-хозяйственныя занятія не менѣе отрываютъ мать и жену отъ ея семейныхъ обязанностей, если распредѣленіе земельной собственности ставитъ крестьянское населеніе въ необходимость или жить наемнымъ трудомъ при землѣ, или же искать себѣ добавочныхъ заработковъ. Изъ трудящихся женщинъ Германіи не только почти 42% живутъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ, но 21% принадлежатъ къ группѣ сельскихъ работницъ,—правда, не всегда, наемныхъ,—тогда какъ въ обработывающей промышленности въ качествѣ работницъ находятъ себѣ пропитаніе лишь $14^1/_2$%. Несмотря на то, что абсолютная цифра рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ уже значительно ниже, чѣмъ въ обработывающей промышленности, мы въ первомъ находимъ 1.367.705 работницъ, во второй—лишь 948.328. Въ то же время въ промышленности значительно больше „самостоятельныхъ“ женщинъ, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ,—519 противъ 347 тысячъ. Правда и то, что въ то время, какъ между двумя переписями, т.-е. въ 13 лѣтъ, въ сельскомъ хозяйствѣ произошло увеличеніе категоріи самостоятельныхъ на 70.000 душъ, она въ обработывающей промышленности почти настолько же уменьшилась,—но это результатъ условій не женскаго труда, а различія между ходомъ развитія общихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности, оказывающихъ одинаковое вліяніе и на мужской трудъ. Нѣтъ спора, что и увеличеніе наемнаго труда въ промышленности, за послѣднія два десятилѣтія, совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ: съ 1882 по 1895 г. прибавилось около 450.000, если не болѣе [1]), работницъ въ промышленности, и лишь 136.000 — въ сельскомъ хозяйствѣ. Не нужно, однако, забывать, что и поле приложенія труда въ промышленности вообще чрезвычайно расширилось,

[1]) Перепись 1882 г. не выдѣляла членовъ семьи, работающихъ вмѣстѣ съ отцомъ, изъ категоріи наемныхъ рабочихъ, тогда какъ въ 1895 г. это раздѣленіе повсюду проведено.

тамъ, гдѣ самостоятельность немногимъ отличается отъ наемнаго состоянія, часто даже хуже его, или гдѣ занятія носятъ характеръ „домашняго“ (кустарнаго) промысла.

Если болѣе быстрый ростъ женскаго труда, чѣмъ мужского, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ экономическаго развитія Германіи за послѣднія десятилѣтія, то особенно это замѣтно въ торговлѣ, въ которой теперь насчитываютъ ровно 300.000 женщинъ и гдѣ женщины теперь составляютъ четверть всѣхъ лицъ торговаго сословія, тогда какъ 13 лѣтъ тому назадъ женщины въ торговой профессіи участвовали лишь 20%.

Среди домашней прислуги—женщины, понятно, въ подавляющемъ числѣ: на 1.314.000 женской прислуги въ Германіи оказывается всего 25.350 слугъ-мужчинъ. Незначительность мужского элемента въ прислугѣ составляетъ характеристическую особенность прогрессирующихъ народовъ, и въ Германіи ее можно прослѣдить даже на столь небольшомъ промежуткѣ времени, какъ между началомъ 80-хъ и срединой 90-хъ гг. За это время, при огромномъ ростѣ населенія и промысловаго труда, контингентъ лакеевъ, поваровъ, хозяйскихъ кучеровъ и т. п. уменьшился почти на половину. Но и составъ домашней женской прислуги такъ мало измѣнился, что на первый взглядъ это явленіе поражаетъ: оно какъ будто не согласуется съ представленіемъ объ общемъ подъемѣ благосостоянія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, что, несмотря на увеличеніе населенія съ 45 на 52 милліона, на поднятіе доходовъ и ростъ богатства страны, выражающійся въ данныхъ о подоходномъ налогѣ и налогѣ на капиталъ, домашней прислуги теперь почти столько же, какъ и въ 1882 г.? Цанъ, резюмирующій результаты профессіональныхъ переписей, отвѣчаетъ на это: „Относительное уменьшеніе числа слугъ зависитъ отъ того, что ищущіе работы предпочитаютъ идти на фабрики, чѣмъ быть привязанными къ дому хозяина и подчиняться его власти; затѣмъ, огромная доля увеличенія народонаселенія относится къ самимъ промышленнымъ рабочимъ, обходящимся безъ прислуги, и, наконецъ, современныя условія жизни: устройство квартиръ, облегченіе передвиженія, развитіе ресторанной жизни и т. п., даютъ возможность обходиться безъ помощи прислуги тамъ, гдѣ она прежде была необходима. Достаточно привести одинъ примѣръ: сколько труда прежде требовало доставленіе воды для домашнихъ нуждъ, а теперь, съ введеніемъ водопроводовъ, для этого не нужно рукъ. Такое же вліяніе оказываютъ газовые заводы, конки, телефоны“ [1]).

---

[1]) Въ связи съ этимъ находится увеличеніе контингента *приходящей* прислуги, которая, по мнѣнію многихъ,—прислуга будущаго: въ 1882 г. насчитали лишь 116.474

Тѣмъ не менѣе, домашняя прислуга и теперь поглощаетъ цѣлую четверть всѣхъ самостоятельно работающихъ женскихъ рукъ, и потому условія ея труда, ея возрастный составъ, происхожденіе и распредѣленіе по отдѣльнымъ классамъ населенія, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Вѣдь въ дѣйствительностю трудъ прислуги, хотя и причисляется къ домашнимъ, но, происходя въ чужой семьѣ и далеко не нося уже стараго, патріархальнаго характера, когда хозяева и прислуга ѣли за однимъ столомъ и дѣлили другъ съ другомъ радость и горе, отличается всѣми тѣми чертами, которыя заставляютъ задуматься надъ послѣдствіями труда по найму. Нѣсколько поучительныхъ отвѣтовъ, хотя далеко не на всѣ вопросы, германская статистика намъ все-таки даетъ. Мы прежде всего узнаемъ, что 99% всей домашней прислуги—дѣвушки; замужнихъ, вдовъ и разведенныхъ—всего 1%. Далѣе, $^4/_5$, оказывается, моложе 30 лѣтъ, почти половина даже моложе 20 лѣтъ. Ряды женской прислуги, какъ доказываетъ Hirschberg при описаніи соціальнаго строя Берлина, быстро рѣдѣютъ, но пополняются другими, такъ какъ служба въ частныхъ домахъ, очевидно, считается хорошей подготовительной школой для семейной жизни: болѣе четверти всѣхъ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ въ Берлинѣ,—служанки. При почти неподвижномъ состояніи числа всей прислуги за 13 лѣтъ, въ наиболѣе юныхъ и самыхъ старыхъ возрастахъ замѣчается, однако, увеличеніе, тогда какъ возрастная группа 20—30 лѣтъ отличается бѣгствомъ дѣвушекъ въ другія профессіи, преимущественно на фабрики. По отдѣльнымъ мѣстностямъ Германіи — довольно крупныя различія въ пользованіи прислужнымъ трудомъ: меньше всего прислуги въ той деревенской части Германіи, гдѣ развито мелкое крестьянское землевладѣніе, и въ промышленныхъ мѣстностяхъ съ преобладающимъ фабричнымъ характеромъ; послѣднее не противорѣчитъ тому, что въ большихъ городахъ и въ мѣстностяхъ съ очень густымъ населеніемъ относительно больше прислуги, чѣмъ въ деревнѣ вообще и въ мелкихъ городахъ. Такъ напр., наименьшіе проценты домашней прислуги (по отношенію къ всему населенію) встрѣчаются въ Эльзассъ-Лотарингіи, нѣкоторыхъ частяхъ Рейна и въ Саксоніи ($1^1/_2$—$1^3/_4$%), тогда какъ въ Мекленбургѣ—съ крупными рыцарскими имѣніями и большими крестьянскими дворами—почти столько же женской прислуги, какъ и въ большихъ городахъ (около 4%). Любопытно также прослѣдить, какъ отражается профессія хозяевъ на большемъ или меньшемъ пользованіи трудомъ слугъ. На 100 самодѣя-

---

женщинъ, являющихся на домъ изрѣдка, періодически или ежедневно на нѣсколько часовъ, чтобы убрать комнаты, сварить обѣдъ и мыть бѣлье; въ 1895 г. этихъ женщинъ было уже 183.000.

тельныхъ нѣмцевъ приходится 6 слугъ; но въ то время какъ на 100 самостоятельныхъ хозяевъ оказывается 16 слугъ, на 300 наемныхъ рабочихъ приходится только одна прислуга. Больше всего посторонними услугами въ домашнемъ хозяйствѣ пользуются чиновники и люди вольныхъ профессій. Здѣсь на 100 самодѣятельныхъ— 22 человѣка прислуги. Правда, есть спеціальныя категоріи торгово-промышленнаго сословія, въ которыхъ на 100 самостоятельныхъ приходится 86, даже 94 человѣка прислуги, но это тѣ занятія, въ которыхъ самостоятельность уже признакъ большого богатства,—какъ, напр., въ горныхъ промыслахъ или химической промышленности.

Этими немногими чертами мы пока ограничимся. Какъ ни интересно было бы остановиться на множествѣ другихъ пунктовъ профессіональной статистики, но задачей нашей было лишь отмѣтить ея значеніе и подчеркнуть основную тенденцію промышленнаго развитія.

Г. І.

Берлинъ, 12 ноября.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1899.

Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—„Безразлично“ ли все „личное“?—Проектъ наказа земскимъ начальникамъ.—Смоленское земство и имѣнія госпожи Черкасовой.—„Видающееся“ земское ходатайство.—Результаты земскихъ избирательныхъ порядковъ.—Неисполненные указы Сената.

Наша государственная жизнь не знаетъ перемѣны *министерствъ*; ей извѣстны только перемѣны *министровъ* или, лучше сказать, перемѣны *министра*, такъ какъ одновременный выходъ въ отставку нѣсколькихъ министровъ встрѣчается у насъ чрезвычайно рѣдко. Почти единственный случай этого рода мы видѣли въ маѣ 1881 года, когда вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, сложили съ себя свои должности военный министръ, гр. Д. А. Милютинъ, и министръ финансовъ, А. А. Абаза. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы отдѣльныя, единичныя перемѣны всегда имѣли исключительно личное значеніе. Всякій разъ, когда въ высшихъ сферахъ происходило нѣчто въ родѣ борьбы мнѣній, и одно теченіе уступало другому, это отражалось, въ бо̀льшей или мѣньшей степени, и на составѣ государственнаго управленія. Уже при Александрѣ I-мъ не лишена была принципіальнаго характера замѣна кн. Голицына Шишковымъ. Даже при Николаѣ I-мъ, столь неуклонно державшемся однажды принятой системы, назначеніе кн. Ширинскаго-Шихматова на мѣсто гр. Уварова несомнѣнно означало усиленіе умственнаго гнета. Въ царствованіе императора Александра II-го, удаленіе гр. Ланского и Н. А. Милютина (1861) было поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла; удаленіе А. В. Головнина (1866)—въ школьной политикѣ; удаленіе Д. Н. Замятнина и Н. И. Стояновскаго (1867)—въ осуществленіи судебной реформы; наоборотъ, удаленіе гр. Д. А. Толстого и Л. С. Макова (1880) предвѣщало возобновленіе преобразованій. Періоду контръ-реформъ, наступившему около половины восьмидесятыхъ годовъ, не случайно предшествовало назначеніе

И. Д. Делянова—министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстого—министромъ внутреннихъ дѣлъ; не случайно совпало съ началомъ этого періода назначеніе Н. А. Манасеина министромъ юстиціи, И. А. Вышнеградскаго—министромъ финансовъ. Съ тѣхъ поръ общій характеръ управленія остается, въ главныхъ чертахъ, неизмѣннымъ; новые министры являются только продолжателями своихъ предмѣстниковъ. Ни одно изъ именъ, выдвинутыхъ на первый планъ послѣ 1887-го года, не возбуждало ни особыхъ надеждъ, ни особыхъ опасеній. Одна и та же система допускаетъ, однако, разные способы и пріемы исполненія; возможны оттѣнки въ ея пониманіи, возможны смягченія или обостренія отдѣльныхъ ея пунктовъ. Не безразлично, поэтому, въ чьихъ рукахъ находится тотъ или другой министерскій постъ, въ особенности столь важный, какъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, облеченнаго, со времени послѣднихъ преобразованій, не только административною, но и государственно-полицейскою, и de facto—судебною властью. Ему подчинены мѣстныя судебно-административныя установленія, распоряжающіяся судьбою народной массы; онъ регулируетъ отношенія администраціи къ земскому, городскому и сословному самоуправленію; онъ руководитъ пересмотромъ положеній о крестьянахъ; онъ унаслѣдовалъ чрезвычайныя права, принадлежавшія нѣкогда „третьему отдѣленію“ собственной Е. И. В. канцеляріи. Всѣми этими полномочіями можно пользоваться такъ или иначе—и многое зависитъ здѣсь, безспорно, отъ личныхъ взглядовъ министра. Когда, четыре года тому назадъ, къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ призванъ И. Л. Горемыкинъ, его предыдущая дѣятельность позволяла предполагать, что въ своемъ новомъ званіи онъ явится, по мѣрѣ возможности, блюстителемъ закона, защитникомъ крестьянскихъ интересовъ и охранителемъ немногихъ правъ, оставшихся за земствомъ и городами послѣ изданія положеній 1890 и 1892 гг. Онъ долго служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, завѣдывалъ дѣлами того сенатскаго департамента, которому принадлежитъ высшій надзоръ надъ крестьянскими учрежденіями, близко ознакомился съ нуждами крестьянъ во время сенаторской ревизіи 1880-81 г. — и лично принималъ участіе въ земской работѣ. Передъ самымъ переходомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ онъ предсѣдательствовалъ въ первомъ отдѣлѣ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, которому предстояло заняться вопросомъ объ объединеніи мѣстной юстиціи,—объединеніи, немыслимомъ безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ институтѣ земскихъ начальниковъ. Весьма скоро, однако, этотъ отдѣлъ былъ закрытъ; рѣшено было, слѣдовательно, что громадная масса судебныхъ дѣлъ останется изъятой изъ вѣденія суда. Этого мало: не смотря на введеніе въ Сибири, въ 1896 г., мировыхъ судей, законъ

2-го іюня 1898 года предоставляетъ вновь учрежденнымъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ крестьянскимъ начальникамъ значительную долю судебной власти, подчиняя имъ всѣ гражданскія дѣла аграрнаго характера (на сумму не свыше 2.000 руб.), когда обѣ стороны или отвѣтчикъ подвѣдомственны крестьянскому или инородческому управленію. По отношенію ко всѣмъ этимъ лицамъ крестьянскіе начальники облекаются дискреціонною властью, еще болѣе обширною, чѣмъ та, которою пользуются земскіе начальники—болѣе обширною и по сферѣ ея примѣненія, и по размѣру налагаемыхъ взысканій. Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ усиливаетъ, къ невыгодѣ для крестьянъ, неравенство между договаривающимися сторонами. Пересмотръ положеній о крестьянахъ, предпринятый еще при И. Н. Дурново, до сихъ поръ не законченъ. Мнѣнія губернскихъ совѣщаній обнародованы, правда, во всеобщее свѣденіе, съ приглашеніемъ—доставить замѣчанія и возраженія; но самыя предположенія министерства остаются неизвѣстными, и къ участію въ ихъ обсужденіи не привлечены представители населенія. А между тѣмъ, необходимость лучшаго „обезпеченія общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ“ становится настолько очевидной, что провозглашается другимъ вѣдомствомъ, прямо заинтересованнымъ въ ростѣ народнаго благосостоянія; потребность въ „прочномъ правопорядкѣ“ подчеркивается въ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи на 1899-ый годъ... Если законопроектъ объ общественномъ призрѣніи допускаетъ нѣкоторое расширеніе земскихъ функцій, то проектъ продовольственнаго устава совершенно вытѣсняетъ земство изъ такой области народнаго хозяйства, въ которой его дѣятельность особенно незамѣнима. Фактически эта дѣятельность ограничивается, въ неурожайные годы, учрежденіемъ губернскихъ продовольственныхъ совѣщаній, расширеніемъ роли земскихъ начальниковъ и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ представленіямъ земскихъ собраній, вслѣдствіе чего значеніе недорода 1897-го года, давно раскрытое земствомъ, признается оффиціально лишь весною слѣдующаго года. Случаи неутвержденія выбранныхъ земскими собраніями должностныхъ лицъ повторяются все чаще и чаще, до крайности, иногда, затрудняя (напр. въ тверской губерніи) ходъ земскаго дѣла. Умножаются также случаи опротестованія и отмѣны земскихъ постановленій, съ формальной стороны совершенно законныхъ. Земства курское и харьковское встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія на пути, ведущемъ къ всеобщему обученію; тверское земство лишается возможности увеличить свои расходы, т.-е. расширить и улучшить земское хозяйство. Предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ запрещаются совѣщательные съѣзды, дозволяемые, въ то же время, губернскимъ предводителямъ дворянства. Не

разрѣшается изданіе обще-земскаго органа, проектированнаго московскою губернскою земскою управою. Въ началѣ 1896-го года, Государственный Совѣтъ поручаетъ министру внутреннихъ дѣлъ представить соображенія о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ земское дѣло въ не-земскихъ губерніяхъ. Во исполненіе этого порученія, въ Государственный Совѣтъ вносятся, въ 1898 г., законопроекты о введеніи земскихъ учрежденій въ губерніяхъ западныхъ, астраханской, оренбургской и ставропольской, но съ такими отступленіями отъ дѣйствующаго земскаго положенія, которыя заставляютъ сомнѣваться въ цѣлесообразности и желательности преобразованія [1]). Городовое положеніе, недостатки котораго были оффиціально признаны вслѣдъ за его введеніемъ, по прежнему парализуетъ развитіе городского хозяйства; только недавно поставленъ на очередь пересмотръ созданной имъ избирательной системы—и то, если мы не ошибаемся, лишь потому, что министерство финансовъ нашло возможнымъ отказаться, въ пользу городовъ, отъ квартирнаго налога. Существенно измѣнилось къ худшему, за послѣдніе четыре года, положеніе печати, какъ вслѣдствіе увеличенія числа „временныхъ“ правилъ, стѣсняющихъ ея развитіе—припомнимъ состоявшееся 28 марта 1897 г. измѣненіе порядка передачи періодическихъ изданій,—такъ и, въ особенности, вслѣдствіе широкаго примѣненія дискреціонной власти, которою облечена администрація. Основаніе новыхъ органовъ печати хотя и допускалось, но утвержденіе редакторовъ встрѣчало, сплошь и рядомъ, величайшія трудности. Появились не предусмотрѣнные закономъ „временные редакторы“, во всякое время подлежащіе удаленію. Отсюда рядъ пріостановокъ, часто приводившихъ къ прекращенію изданія. Административнымъ взысканіямъ подвергались всѣ сколько-нибудь независимые журналы и газеты. По нѣскольку мѣсяцевъ сряду не допускалась розничная продажа такихъ газетъ, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. „Русскія Вѣдомости“ подпали подъ дѣйствіе особаго вида цензуры, установленнаго „временными“ правилами 1882-го года. Отъ карательныхъ мѣръ не были изъяты и подцензурныя изданія, даже столичныя. Особенно сильно пострадала провинціальная печать, хотя статьи, навлекавшія кару, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не заключали въ себѣ ровно ничего политическаго. Гласность провинціальной жизни, безъ того уже столь ограниченная, становилась, мѣстами, почти невозможной. Многократно обѣщанный пересмотръ законовъ о печати ожидался напрасно. Значительнымъ стѣсненіямъ подвергалась и свобода дѣйствій частныхъ обществъ, иногда de facto,

[1]) См. Внутреннія Обозрѣнія въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1898 г. и № 2 за 1899 г. Замѣтимъ, вообще, что указанія, дѣлаемыя нами въ текстѣ, были, въ свое время, подробно развиты въ нашихъ обозрѣніяхъ или хроникахъ.

иногда de jure [1]). Не выходили изъ употребленія, при волненіяхъ или безпорядкахъ, внѣ-законныя формы расправы [2]). Остались безъ измѣненія постановленія объ административной высылкѣ, хотя ихъ еще въ декабрѣ 1895-го года повелѣно было подвергнуть безотлагательному пересмотру. Примѣненіе ихъ на практикѣ продолжало быть чрезвычайно широкимъ. „Цѣлая группа лицъ"—писали мы въ началѣ нынѣшняго года, имѣя въ виду надѣлавшій много шуму инцидентъ въ Полтавѣ,—„цѣлая группа лицъ, мирно занимавшихся полезнымъ трудомъ и соединенныхъ между собою только общностью нравственнаго чувства, можетъ быть внезапно поставлена въ такія условія, при которыхъ крайне затруднительно даже самое скромное существованіе, даже пріисканіе средствъ къ жизни для себя и для своего семейства"... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поводомъ къ административной высылкѣ послужила рѣчь, содержаніе которой, въ другой формѣ, два раза безпрепятственно было пропущено цензурой. Гораздо дальше законныхъ нормъ простиралось, наконецъ, и примѣненіе ст. 1035[11] устава уголовнаго судопроизводства [3])... Изъ бѣглаго взгляда, брошеннаго на недавнее прошлое, вытекаютъ сами собою если не ожиданія—это было бы преждевременно,—то пожеланія относительно ближайшаго будущаго. Они сводятся, прежде всего, къ элементарному, но въ высшей степени цѣнному благу: къ бо́льшему обезпеченію правъ личности, неразрывно связанному съ бо́льшею неприкосновенностью закона. Пересмотръ постановленій объ административной высылкѣ и законовъ о печати давно рѣшенъ въ принципѣ: существенно-важнымъ шагомъ впередъ было бы доведеніе его до конца, въ направленіи, благопріятномъ для свободы личности, мысли и слова. Увеличеніе свѣта—одно изъ лучшихъ средствъ оздоровленія не только физическаго, но и нравственнаго. Съ устраненіемъ хотя бы нѣкоторыхъ покрываловъ, заслоняющихъ или затемняющихъ истину, яснѣе станутъ пути, ведущіе къ народному благу.

Не ошибаемся ли мы, однако, пріурочивая къ совершившейся перемѣнѣ какія бы то ни было пожеланія? Ожидать чего бы то ни было отъ дѣятельности какого бы то ни было министра, не значитъ ли находиться подъ властью „старыхъ, отживающихъ преданій, вѣрящихъ въ личное, умозрительное управленіе государственными дѣлами"? Таково мнѣніе „Недѣли" (№ 45). „Прошло время"—восклицаетъ эта газета,—„когда Россію надо было сооружать, первоначально устроивать; прошло безвозвратно время не только Сперанскихъ, но и Милютиныхъ. Даже такія яркія личности, какъ Лорисъ-Меликовъ и

[1]) См. Обществ. Хроники въ №№ 9 и 10 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстн. Европы" за № 1897 г.

[3]) См. Внутр. Обозр. въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1896 г. и № 1 за 1899 г.

Д. А. Толстой, уже обнаружили все свое безсиліе по нынѣшнимъ временамъ... Каковъ бы ни былъ личный взглядъ министра—программный или случайный,—*уже по тому одному, что онъ личенъ, онъ безразличенъ*. Только безличное, житейское, жизненное, только общественное, народное, массово-стихійное, непроизвольное и непридуманное имѣетъ въ наше время жизнь, власть и силу... Идеальный министръ въ наше время *проявляетъ* жизнь какъ тонкая, чувствительная фотографическая пластинка; онъ—телеграфъ безъ проволоки, послѣднее слово девятнадцатаго вѣка. И какъ только нѣтъ этой необыкновенно сложной и тонкой связи, какъ только нѣтъ микроскопически-точнаго отраженія жизни—такъ и ничего нѣтъ, а есть одинъ миражъ... Милое сердцу людей привычки—умозрительное кабинетное управленіе, или теоретическая программа, въ основаніи которой лежатъ отвлеченныя, предвзятыя начала, всегда сводящіяся къ одному: $2 \times 2 = 4$, $0 = 0$, или оппортунистская примѣнительность, построенная на свѣтскихъ разговорахъ и канцелярскихъ бумагахъ"... Легко ли современному министру—читаемъ мы дальше—„быть воспріимчивымъ къ жизни? Какъ сдѣлаться чувствительнымъ къ электрическимъ токамъ, скрыто бѣгущимъ изъ конца въ конецъ тѣла народнаго? Неужели на дружескихъ, свѣтскихъ, служебныхъ разговорахъ, на рѣчахъ въ коммиссіяхъ или совѣтѣ можно серьезно выслушивать измѣнчивый пульсъ нашей сложной и далеко не здоровой жизни? И неужели можетъ кто-либо руководить своими подчиненными, когда его собственный кругозоръ питается и руководствуется ихъ же донесеніями, ихъ же бумагами? Остается еще печать... Но развѣ въ ней публикуется именно то, что было бы всего новѣе, интереснѣе, выразительнѣе и правдивѣе? Современному администратору, если хотите, нужна программа, но только очень коротенькая и очень несложная; ему нужно только къ общему христіанскому символу вѣры прибавить одинъ спеціально-административный пунктъ: *вѣрую въ жизнь*"... Въ этой статьѣ, самой оригинальной изъ всѣхъ написанныхъ по поводу смѣны министровъ, здравыя мысли странно перемѣшаны съ явными софизмами. Правдиво и сильно изображены причины, затрудняющія для современнаго министра „воспріимчивость къ жизни",—но шатка и произвольна исходная точка разсужденія, неясенъ заключительный его выводъ. Можно отрицать значеніе всего личнаго въ исторіи и признавать только дѣйствіе стихійныхъ силъ—но нельзя ограничивать примѣненіе этихъ началъ во времени, допуская личную иниціативу въ прошедшемъ и не допуская ея въ настоящемъ. Если Сперанскіе и Милютины могли играть активную роль въ „сооруженіи" и „устройствѣ" Россіи, то нѣтъ логическаго основанія утверждать, что такая роль недоступна для ихъ преемниковъ: измѣнились, съ тѣхъ поръ, обстоятельства, но не измѣ-

нились общія условія, управляющія ходомъ событій. Ссылка на Лорисъ-Меликова неубѣдительна уже потому, что дѣятельность его была прервана въ самомъ ея началѣ, а ссылка на гр. Д. А. Толстого совершенно неудачна: *безсмѣднымъ* его управленіе ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя, его вліяніе до сихъ поръ чувствуется во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Легко сказать, что только *жизненное* имѣетъ въ наше время *жизнь*—но труднѣе доказать, что въ область жизненнаго не входятъ *мнѣнія*, въ каждую данную минуту могущія перейти въ *факты*. Мнѣніемъ можетъ держаться „кабинетное управленіе"—мнѣніемъ оно можетъ и быть отвергнуто; мнѣніями, во всякомъ случаѣ, опредѣляется его характеръ, опредѣляется выборъ между „теоретическими началами", отнюдь не укладывающимися въ одну ариѳметическую формулу и отнюдь не ведущими къ одному и тому же практическому результату. Идеальнаго министра, довольствующагося „проявленіемъ жизни", наше время еще не знаетъ и знать не можетъ; слишкомъ еще сложна самая жизнь, слишкомъ неизбѣжно воспринятіе однѣхъ сторонъ ея предпочтительно передъ другими—или даже съ устраненіемъ всѣхъ другихъ. Слишкомъ неопредѣленно, поэтому, и выраженіе: „вѣрую въ жизнь". Оно можетъ прикрывать собою и полнѣйшій индифферентизмъ, полнѣйшее laissez faire, laissez aller, и усвоеніе только тѣхъ уроковъ жизни, которые согласуются съ заранѣе предвзятою мыслью. Или, быть можетъ, слова: „вѣрую въ жизнь" слѣдуетъ понимать такъ: „хочу знать жизнь, хочу видѣть ее какою она есть на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ прикрасъ и сокращеній"? Тогда мы имъ вполнѣ сочувствуемъ—но вѣдь они представляютъ собою, въ такомъ случаѣ, *личное рѣшеніе*, продиктованное *личнымъ взглядомъ*, т.-е. именно то, чему не слѣдуетъ, будто бы, придавать никакого значенія... Считать все *личное* за *безразличное* особенно опасно именно у насъ въ Россіи, гдѣ уже безъ того такъ мало развито сознаніе отвѣтственности передъ потомствомъ и передъ судомъ исторіи.

Однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ было составленіе проекта наказа земскимъ начальникамъ, сообщеннаго теперь на заключеніе губернскихъ присутствій. Текстъ проекта не напечатанъ во всеобщее свѣденіе, но съ содержаніемъ его знакомятъ довольно подробно газетныя статьи. Не совсѣмъ довольна имъ, повидимому, реакціонная печать. „Московскимъ Вѣдомостямъ" не нравится, напримѣръ, запрещеніе земскимъ начальникамъ присутствовать при обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ на волостныхъ и сельскихъ сходахъ. Эта мѣра—говоритъ московская газета—„едва ли

достигнетъ своей цѣли, такъ какъ земскій начальникъ, въ случаѣ желанія злоупотреблять своею властью, будетъ въ состояніи оказывать давленіе на сходъ и не лично, а черезъ сельскихъ должностныхъ лицъ. А между тѣмъ, она несомнѣнно подорветъ уваженіе населенія къ земскимъ начальникамъ и въ то же время, лишитъ ихъ возможности быть полезными сходу разъясненіемъ разсматриваемаго дѣла и относящихся къ нему законовъ". Если губернатору воспрещенъ входъ въ дворянское собраніе, то это, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", вполнѣ понятно, такъ какъ дворянство подъ попечительствомъ губернатора не состоитъ; но крестьянское населеніе подчинено, въ силу закона, попечительству земскаго начальника, и, слѣдовательно, присутствіе его на сходѣ не заключаетъ въ себѣ ничего ненормальнаго. Это—логика совсѣмъ особеннаго сорта. Чѣмъ шире власть должностного лица, тѣмъ стѣснительнѣе, очевидно, его присутствіе для людей ему подвластныхъ, тѣмъ нужнѣе правила, гарантирующія послѣднимъ хоть нѣкоторую свободу дѣйствій. Это сознавало даже наше до-реформенное законодательство: когда введена была, при П. Д. Киселевѣ, новая организація государственныхъ крестьянъ, чиновникамъ палаты государственныхъ имуществъ и окружнымъ начальникамъ было воспрещено участвовать въ совѣщаніяхъ крестьянъ на сходахъ — а *попечительство* надъ государственными крестьянами было еще болѣе „отеческимъ" и всеобъемлющимъ, чѣмъ попечительство надъ современнымъ крестьянствомъ. Совершенно правъ г. Еропкинъ — авторъ статей о наказѣ земскимъ начальникамъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 294, 296, 298 и 307),—замѣчая, что практика, допускающая земскихъ начальниковъ къ участію въ совѣщаніяхъ и даже къ предсѣдательствованію на сходахъ, составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ закономъ 1838-го года. И вотъ, эту практику реакціонная печать желаетъ узаконить и возвести на степень общаго правила!.. Что земскій начальникъ, даже отсутствуя на сходѣ, можетъ вліять на него черезъ посредство крестьянскихъ властей — это, къ сожалѣнію, безспорно: но косвенное вліяніе все же менѣе сильно и менѣе опасно, чѣмъ прямое. Съ волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, хотя бы онъ намекалъ, что его устами говоритъ высшее начальство, сходъ можетъ вступить въ споръ: возражать непосредственно земскому начальнику рѣшатся весьма немногіе. Съ приговоромъ, состоявшимся вопреки предполагаемому *желанію* земскаго начальника, послѣдній можетъ примириться сравнительно легко, потому что онъ не колеблетъ его „авторитета"; отмѣна приговора, состоявшагося вопреки ясно выраженной волѣ земскаго начальника, будетъ для послѣдняго вопросомъ самолюбія, неохотно допускающаго компромиссы... Недостатокъ проекта мы видимъ не въ

томъ, что земскому начальнику запрещается присутствовать на сходѣ во время обсужденія и рѣшенія дѣлъ, а въ томъ, что ему разрѣшается (въ иныхъ случаяхъ—даже вмѣняется въ обязанность) лично открывать сходъ, удостовѣряться въ законности его состава и объяснять его участникамъ ихъ права, обязанности и порядокъ дѣйствій. Представимъ себѣ положеніе схода, открытаго земскимъ начальникомъ, если послѣдній не уѣзжаетъ изъ селенія, а остается на мѣстѣ до окончанія схода, чтобы какъ можно скорѣе узнать о его результатахъ. Въ смыслѣ давленія на крестьянъ, это почти равносильно присутствію земскаго начальника на сходѣ, въ особенности если объясненія, данныя имъ при открытіи схода, заключали въ себѣ намекъ на „лучшій" способъ разрѣшенія текущихъ вопросовъ. Крестьяне, собравшіеся на сходъ — не присяжные засѣдатели, изъ которыхъ многіе въ первый разъ отправляютъ судебныя функціи. Всякій домохозяинъ очень хорошо знаетъ свои права и обязанности, какъ члена схода, и не нуждается въ особомъ, каждый разъ, ихъ разъясненіи. Нѣтъ надобности и въ личной повѣркѣ состава схода, такъ какъ все сводится здѣсь къ сравненію двухъ цифръ (общаго числа домохозяевъ и числа явившихся на сходъ), установляемыхъ съ одной стороны имѣющимися у земскаго начальника статистическими данными о населеніи его участка, съ другой—самымъ текстомъ приговора. Возможно, конечно, сознательно-невѣрное указаніе числа явившихся домохозяевъ — но такой подлогъ всегда можетъ быть обнаруженъ путемъ жалобы, и для принятія особыхъ мѣръ къ его предупрежденію нѣтъ достаточныхъ основаній. Само собою разумѣется, что *безусловной* гарантіей противъ злоупотребленія властью не могло бы служить и запрещеніе земскому начальнику пріѣзжать въ селеніе въ день, назначенный для схода; оно имѣло бы только палліативное значеніе — но вѣдь дальше палліативовъ наказъ идти не можетъ. Существенно измѣнить къ лучшему положеніе крестьянъ, крестьянскихъ властей и крестьянскихъ сходовъ могъ бы лишь пересмотръ *закона* о земскихъ начальникахъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться къ тѣмъ постановленіямъ наказа, которыя касаются дисциплинарной власти земскаго начальника и отношеній его къ волостному суду. Земскому начальнику рекомендуется прибѣгать къ аресту волостныхъ старшинъ и волостныхъ судей лишь въ случаяхъ крайнихъ, когда исчерпаны всѣ другія кары (сельскихъ старостъ, слѣдовательно, онъ можетъ арестовать и не въ крайнихъ случаяхъ?). Совершенно ясно, что положеніе волостныхъ властей этимъ правиломъ отнюдь не измѣняется къ лучшему: при безапелляціонности распоряженій земскаго начальника, ничто не мѣшаетъ ему подвергнуть волостного старшину или судью, нѣсколько разъ сряду, денежному взысканію, а затѣмъ, признавъ это

средство воздѣйствія исчерпаннымъ (т.-е. недостаточнымъ), перейти къ лишенію свободы. Пока земскій начальникъ облеченъ дискреціонною властью надъ волостными судьями, не можетъ достигнуть цѣли и то постановленіе наказа, которое запрещаетъ оказывать вліяніе на рѣшенія волостного суда. Сильнѣе всякаго прямого приказанія или внушенія можетъ дѣйствовать на судей боязнь навлечь на себя неудовольствіе земскаго начальника рѣшеніемъ дѣла вопреки предполагаемому его желанію. По справедливому замѣчанію г. Еропкина, включеніе въ наказъ такой юридической аксіомы, какъ независимость судей отъ посторонннихъ вліяній, заставляетъ предполагать, что она не проникла въ сознаніе земскихъ начальниковъ; а разъ что это такъ, „то гдѣ же гарантія, что и самая статья наказа, повторяющая аксіому, не останется мертвой буквой"?..

Мы говорили до сихъ поръ лишь о такихъ статьяхъ наказа, которыя направлены къ установленію нѣкоторыхъ предѣловъ для власти и дѣятельности земскихъ начальниковъ. Есть въ наказѣ и правила другого рода. Сюда относится, напримѣръ, постановленіе, обязывающее земскаго начальника повѣрять всѣ денежные отчеты волостного правленія до обсужденія ихъ волостнымъ сходомъ. Легко ли будетъ волостному сходу забраковать отчеты, пропущенные безъ возраженій земскимъ начальникомъ? Къ расширенію вмѣшательства земскаго начальника въ крестьянское самоуправленіе ведетъ и требованіе повѣрки *по существу*, независимо отъ жалобъ со стороны заинтересованныхъ лицъ, значительно бо́льшей части общественныхъ приговоровъ... Какія бы частныя поправки ни были внесены въ наказъ земскимъ начальникамъ, онъ остается, во всякомъ случаѣ, попыткою регламентировать произволъ, т.-е. contradictio in adjecto. Необходимо возвратить самостоятельность крестьянскимъ властямъ и этимъ путемъ поднять ихъ умственный и нравственный уровень. Безусловная ихъ подчиненность — плохое ручательство въ правильности и законности ихъ дѣйствій. Вотъ что́ мы узна́емъ, напримѣръ, изъ № 46 „Недѣли". Къ дѣлу о кражѣ, разсматривавшемуся недавно въ гор. Дмитріевѣ (курской губерніи), былъ привлеченъ, по обвиненію въ укрывательствѣ, старшина Бѣляевской волости, Малаховъ. Не смотря на неоднократныя представленія земскому начальнику и уѣздному съѣзду, онъ не былъ устраненъ, на время слѣдствія, отъ должности старшины и въ этомъ званіи предсталъ на судъ, между тѣмъ какъ становой приставъ, дознаніе котораго раскрыло прикосновенность Малахова, почти наканунѣ суда былъ переведенъ, послѣ десятилѣтней почти службы на одномъ мѣстѣ, въ другой уѣздъ. Одинъ изъ свидѣтелей, на предварительномъ слѣдствіи показывавшій противъ Малахова, на судѣ отмѣнилъ-было свое показаніе и сталъ при-

писывать его вынужденію станового пристава, но не выдержалъ роли и подтвердилъ свои прежнія объясненія. „Виноватъ“ — сказалъ онъ; „все, что говорилъ слѣдователю, вѣрно. Меня, старика, запугали, старшина застращалъ, земскій начальникъ“. На вопросъ прокурора онъ прямо отвѣтилъ, что его стращалъ Сибирью, если онъ будетъ показывать противъ старшины, земскій начальникъ, въ участкѣ котораго служилъ старшина. Все это занесено въ протоколъ судебнаго засѣданія. Признанный виновнымъ въ укрывательствѣ краденаго, Малаховъ приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Отъ времени до времени непримиримая вражда къ земскому самоуправленію, питаемая друзьями мрака и застоя, прорывается въ цѣломъ рядѣ нападеній, на разные лады варьирующихъ старую тему: *смерть земству*! Какія средства пускаются въ ходъ для достиженія завѣтной цѣли—объ этомъ можно судить по слѣдующему эпизоду. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ смоленская землевладѣлица Черкасова завѣщала свои имѣнія смоленскому губернскому земству, съ тѣмъ, чтобы въ одномъ изъ имѣній былъ устроенъ пріютъ для престарѣлыхъ и неизлечимыхъ больныхъ, а остальныя были проданы и вырученныя деньги обращены на содержаніе пріюта. Смоленское губернское земское собраніе, имѣя въ виду, что части имѣній, подлежащихъ продажѣ, близко прилегаютъ къ крестьянскимъ надѣламъ и потому безусловно необходимы для крестьянъ, поручило губернской управѣ снестись съ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ пріобрѣсти нѣкоторыя изъ имѣній, завѣщанныхъ земству, для продажи крестьянамъ. Противъ этого постановленія возстали „Московскія Вѣдомости“ (№ 295), въ статьѣ, о духѣ которой можно судить уже по ея заглавію: „Земство въ роли ликвидатора дворянскихъ имѣній“. По мнѣнію московской газеты, смоленское земство должно было отрѣшиться отъ всякой заботы о томъ, въ чьи руки достанутся имѣнія, и направить всѣ свои усилія исключительно къ тому, чтобы продать ихъ по возможно болѣе высокой цѣнѣ. Для этого необходимо было привлечь возможно больше покупателей, не обращая вниманія на то, къ какому сословію или общественной группѣ они принадлежатъ. Право на предпочтеніе, еслибы оно и могло быть оказано какому-либо сословію, имѣли бы, притомъ, скорѣе дворяне, нежели крестьяне, потому что госпожа Черкасова крестьянамъ ничего не завѣщала, а въ пользу бѣдныхъ дворянокъ учредила стипендію въ Смольномъ монастырѣ. Попеченіемъ земства, когда рѣчь идетъ о земельной собственности, должны одинаково пользоваться оба земледѣльческія сословія—дворянское и крестьянское, одинаково нуждаю-

щіяся въ землѣ для обезпеченія своего быта. Крестьянство, однако—въ смоленской губерніи, какъ и въ другихъ,—все больше расширяетъ площадь своихъ земельныхъ владѣній, а площадь дворянскаго землевладѣнія все сокращается; ergo — правильно понятая задача земства состояла бы въ оказаніи помощи дворянству и для пріобрѣтенія помѣстій вновь, и для удержанія въ своихъ рукахъ существующихъ. Смоленское земство поступило прямо наоборотъ—и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что губернское земское собраніе состоитъ почти исключительно изъ представителей помѣстнаго дворянства, игнорирующихъ, такимъ образомъ, интересы своего сословія. „Невозможно предположить“ — такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей“,— „чтобы губернское земство не понимало въ данномъ дѣлѣ своихъ обязанностей. Нѣтъ, оно ихъ понимаетъ, но идеи соціальнаго, политическаго и всякаго другого равенства произвели столь сильныя опустошенія въ умахъ современниковъ, что мѣшаютъ имъ проявить даже чувство простой справедливости“. Не вступая въ полемику съ подобными выходками, предсѣдатель смоленской губернской земской управы ограничился напечатаніемъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 308) чисто фактическаго опроверженія. По его словамъ, „въ основаніе ликвидаціи положено земствомъ стремленіе выручить возможно высшую цѣну за продаваемыя имѣнія, а такъ какъ наиболѣе выгодными покупателями земли являются, въ настоящее время, въ смоленской губерніи крестьяне, то дѣлаются вполнѣ понятными всѣ мѣры, предпринимаемыя губернскою управой съ цѣлью облегченія крестьянамъ возможности выступить конкуррентами на торгахъ и пріобрѣсти необходимыя имъ земли помимо посредничества лицъ, занимающихся скупкою имѣній для перепродажи мелкими участками по повышенной цѣнѣ. Съ этою цѣлью было внесено управой въ губернское земское собраніе предложеніе о предоставленіи крестьянамъ нѣкоторыхъ льготъ для участія въ торгахъ и, согласно постановленію собранія, производятся сношенія съ крестьянскимъ банкомъ, для выясненія возможной съ его стороны помощи крестьянамъ“. Въ этомъ отвѣтѣ „Московскія Вѣдомости“ (№ 312) усмотрѣли „подтвержденіе, вмѣсто опроверженія“. Льгота, по мнѣнію газеты, „всегда является большею или меньшею уступкою матеріальнаго свойства; нельзя въ одно и то же время стремиться къ привлеченію наиболѣе выгодныхъ покупателей—и дѣлать имъ нѣкоторыя уступки“. Это разсужденіе совершенно невѣрно. Если крестьянинъ или крестьянское общество предлагаетъ за землю такую высокую цѣну, которой не дастъ никто другой, то сдѣлка является выгодной для продавца, хотя бы покупателю и была дана отсрочка или разсрочка платежа. Такія именно льготы имѣетъ, несомнѣнно, въ виду губернская управа; доказательствомъ этому служитъ тотъ путь, ко-

торымъ, согласно съ предложеніемъ управы, рѣшило идти губернское земское собраніе. Обращеніемъ къ крестьянскому поземельному банку предполагается достигнуть, съ одной стороны, полученія земствомъ возможно бо̀льшей продажной суммы, съ другой — покупки земли крестьянами на возможно льготныхъ условіяхъ. Льгота здѣсь вовсе не равносильна „матеріальной уступкѣ“: она заключается только въ томъ, что крестьянамъ, не располагающимъ большими *наличными* средствами, предоставляется возможность пріобрѣсти цѣнное имѣніе безъ уплаты за него сразу всей покупной цѣны, а съ погашеніемъ ея, въ продолжительный срокъ, ежегодными платежами крестьянскому банку. Льгота, въ смыслѣ разсрочки платежа, можетъ быть предоставлена крестьянамъ, безъ ущерба для интересовъ земства, и при покупкѣ земли помимо крестьянскаго банка. Остается, затѣмъ, одинъ вопросъ: правильно ли губернская управа признаетъ крестьянъ самыми выгодными покупателями земли? Не зная предложеній, которыя были сдѣланы губернской управѣ, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ только на основаніи общихъ данныхъ, едва ли, впрочемъ, допускающихъ ошибку: да, наибольшую цѣну за землю могутъ дать именно крестьяне, въ особенности сосѣдніе, потому что ни для кого она такъ не нужна, и никто не въ состояніи въ такой мѣрѣ ее использовать. Кто обработываетъ землю самъ, для того земля имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ для эксплуатирующаго ее съ помощью наемнаго труда. Перевѣсъ надъ крестьянами покупатель другой категоріи можетъ получить развѣ при покупкѣ на наличныя деньги—и вотъ почему земство поступило совершенно правильно, обратившись къ посредничеству крестьянскаго банка. Допустимъ, однако, что нѣсколько болѣе выгодною оказалась бы, въ данномъ случаѣ, продажа земли не крестьянамъ, а лицу или лицамъ другихъ сословій: и тогда земство, по нашему глубокому убѣжденію, имѣло бы полное право предпочесть покупателей-крестьянъ. Какова была, во-первыхъ, воля завѣщательницы? Поручая земству устроить сельскій пріютъ для больныхъ и престарѣлыхъ, она, очевидно, имѣла въ виду интересъ массы сельскаго населенія, въ средѣ котораго всего больше нужды и горя; она знала, что именно къ улучшенію быта этой массы направлена по преимуществу дѣятельность земства. Совершенно ошибочно, поэтому, утверждать, что она не думала о крестьянахъ; наоборотъ, имъ была посвящена ея главная забота, а свое попеченіе о дворянахъ она ввела въ точно опредѣленныя рамки, учредивъ для нихъ стипендіи въ Смольномъ монастырѣ. Далѣе: помимо крестьянъ, кто могъ бы предложить наибольшую сумму за землю? Тотъ, кто разсчитывалъ бы на сосѣдство ея съ крестьянскими надѣльными землями, какъ на источникъ эксплуатаціи крестьянъ, путемъ взысканій за потравы, отдачи

въ аренду за несоразмѣрно большую плату, продажи за несоразмѣрно большую цѣну и т. п. Соотвѣтствовалъ ли бы такой исходъ благотворительнымъ намѣреніямъ завѣщательницы? Цѣлесообразно ли было бы одной рукой оказывать помощь нуждающимся, а другой—увеличивать ихъ число, способствуя разстройству крестьянскихъ хозяйствъ?..

Приравнивать дворянскую нужду въ землѣ къ крестьянской и даже признавать за дворянами преимущественное право на земскую помощь—это чудовищный софизмъ, на который можетъ рѣшиться только псевдо-охранительная газета. Для массы крестьянъ земля—средство къ добыванію насущнаго хлѣба, для дворянъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—одна изъ основъ благосостоянія, легко замѣнимая другими. Если крестьяне чаще являются въ роли покупателей земли, дворяне — въ роли ея продавцовъ, то это еще не значитъ, чтобы крестьянство, въ своей массѣ, было достаточно обезпечено землею. Бороться съ естественнымъ ходомъ событій—не подъ силу не только земству, но и государству. Слишкомъ наивно было бы думать, что, продавъ имѣнія госпожи Черкасовой дворянину или дворянамъ, смоленское земство остановило или задержало бы хоть на одинъ мигъ переворотъ, совершающійся въ распредѣленіи земельной собственности. Ничто не помѣшало бы покупателю-дворянину продать имѣнія, на другой же день, лицамъ другихъ сословій; но еслибы онъ и оставилъ ихъ за собою, это было бы ничтожнымъ приростомъ дворянской силы. Что̀ сказать, наконецъ, объ упрекѣ, дѣлаемомъ „Московскими Вѣдомостями“ дворянамъ-членамъ смоленскаго губернскаго земскаго собранія? Имъ ставится въ вину то, что̀ составляетъ ихъ заслугу—или, лучше сказать, ихъ прямую обязанность. Какъ земскіе гласные, т.-е., представители мѣстнаго населенія, они *не въ правѣ* считать себя охранителями сословныхъ интересовъ; для этого существуетъ дворянское собраніе. Не можетъ быть—скажемъ мы, перифразируя заключительныя слова „Московскихъ Вѣдомостей“,—не можетъ быть, чтобы столь простая истина была непонятна для обвинителей земства; они нарочно о ней забыли, чтобы выдвинуть на сцену, по ихъ всегдашнему обычаю, нѣсколько „страшныхъ словъ“. „Идеи соціальнаго, политическаго и всякаго другого (какого же?) равенства“—вотъ парѳянская стрѣла которую они пускаютъ въ своихъ противниковъ; но она притупилась отъ частаго и неразборчиваго ея употребленія.

Нетрудно себѣ представить, каково должно быть ликованіе „земствофобовъ“ (sit venia verbo), когда они встрѣчаютъ союзниковъ среди самого земства. Такую радость доставило имъ недавно кирсановское (тамбовской губерніи) уѣздное земское собраніе, ходатайство котораго

„Московскія Вѣдомости“ поспѣшили провозгласить „выдающимся“. Восторженный тонъ этой похвалы былъ бы, вѣроятно, значительно пониженъ, еслибы московской газетѣ было извѣстно болѣе подробное изложеніе доклада кирсановской уѣздной земской управы, появившееся въ печати нѣсколько позднѣе. Не понравилось бы ревнителямъ сословнаго начала то мѣсто доклада, гдѣ существующая избирательная система, отдѣляющая дворянъ отъ не-дворянъ, признается „разъединеніемъ людей, имѣющихъ общіе интересы, въ искусственные разряды“, и абсентеизмъ, на выборахъ, землевладѣльцевъ не-дворянъ объясняется тѣмъ, что новое земское положеніе „почти лишило ихъ представительства въ собраніи“. Одну оговорку, весьма существенную, „Московскія Вѣдомости“ сдѣлали, впрочемъ, и къ похвалѣ, основанной на неполномъ знакомствѣ съ дѣломъ: онѣ возстали противъ мысли о перенесеніи центра тяжести земской жизни въ приходъ, именно потому, что приходъ не можетъ имѣть сословной организаціи, а внѣ сословности нѣтъ спасенія. Изъ доклада кирсановской земской управы видно, что приходъ, съ ея точки зрѣнія, долженъ быть, между прочимъ, „хозяйственнымъ органомъ уѣзднаго земства“; упраздненіе земства—это „pium desiderium“ реакціонной печати—не входитъ, слѣдовательно, въ программу „выдающагося ходатайства“. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ теперь, извѣстно (мы руководствуемся изложеніемъ его въ № 8521 „Новаго Времени“), оно представляетъ только одинъ важный недостатокъ—но такой важный, что оно подрывается имъ въ самомъ корнѣ. По мысли кирсановскихъ земцевъ, „приходъ, какъ первая ячейка государства, долженъ вѣдать все управленіе и потому долженъ быть связанъ (кромѣ земства) *съ другой формой нашего самоуправленія*—съ земскими начальниками“. Земскіе начальники и самоуправленіе—вѣдь это понятія прямо противоположныя, исключающія другъ друга! Приходъ, связанный съ земскимъ начальникомъ, былъ бы единицей подчиненной, а не самоуправляющейся; основой для земства, исходной точкой земской дѣятельности онъ не могъ бы служить рѣшительно ни въ чемъ. Наивностью ли продиктованъ кирсановскій проектъ, или захолустнымъ маккіавелизмомъ—во всякомъ случаѣ ему недостаетъ перваго условія жизнеспособности: послѣдовательности и единства. Для насъ онъ интересенъ въ особенности какъ признакъ настроенія, распространяющагося все дальше и дальше. Отрицательное отношеніе къ сословному земскому строю проникло, очевидно, даже въ такую среду, отъ которой всего скорѣе можно было бы ожидать безусловнаго сочувствія къ сословности, во всѣхъ ея видахъ.

Неутѣшительна, однако, и самая возможность одобренія земскимъ собраніемъ такой анти-земской мысли, какъ самоуправленіе съ уча-

стіемъ и подъ руководствомъ земскихъ начальниковъ. Объясненіе этому можно найти только въ составѣ собранія, гдѣ гласныхъ отъ крестьянъ вдвое меньше, чѣмъ гласныхъ отъ дворянъ (12—и 24, при 4 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ не-дворянъ). Рано или поздно такой составъ непремѣнно долженъ отозваться на характерѣ земской дѣятельности. Преданія прежняго земства все болѣе и болѣе отходятъ въ прошедшее; на первый планъ выступаютъ новыя стремленія, не имѣющія ничего общаго съ интересами массы. Это замѣтно не въ одномъ кирсановскомъ уѣздѣ. Въ борисоглѣбскомъ (тамбовской губерніи) уѣздномъ собраніи (19 гласныхъ отъ дворянъ, 5 отъ не-дворянъ, 9 отъ крестьянъ), предложеніе уѣздной управы помочь населенію ссудами на покупку земли и лошадьми—предложеніе, вызванное общимъ упадкомъ благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ,—отчасти отвергнуто большинствомъ, отчасти оставлено безъ разрѣшенія, при чемъ одинъ изъ гласныхъ откровенно заявилъ, что поддерживать крестьянское землевладѣніе, значитъ подрывать дворянство, лишая дворянъ рабочихъ рукъ. Въ лаишевскомъ (казанской губерніи) уѣздномъ земскомъ собраніи (20 гласныхъ отъ дворянъ, 4 отъ не-дворянъ, 10 отъ крестьянъ) одинъ изъ гласныхъ, приватъ-доцентъ казанскаго университета Догель, предложилъ, въ прошломъ году, передать земскія школы лаишевскаго уѣзда духовному вѣдомству. Въ нынѣшнемъ году—пишетъ корреспондентъ „Недѣли“ (№ 46)),—„управа доложила собранію, что на всѣ бумаги о передачѣ школъ духовное вѣдомство отвѣта не дало. Это молчаніе, какъ думаютъ управа и нѣкоторые гласные, объясняется тѣмъ, что духовное вѣдомство не рѣшается принимать школы съ приплатою въ 120 руб. отъ земства на каждую школу въ годъ, такъ какъ расходы на школу не могутъ спускаться ниже 250 руб. Такимъ образомъ, разсчеты гл. Догеля рушились: если приплачивать по 250 руб. на школу, то экономіи не будетъ, а съ приплатой въ 120 руб. духовенство школъ, повидимому, не беретъ. Но и это не смутило гл. Догеля: онъ началъ доказывать, что надо какъ-нибудь убѣдить духовенство взять школы съ грошовой приплатой, что школьное дѣло въ рукахъ земства идти хорошо не можетъ, а у духовенства все пойдетъ отлично. У земской школы нашлись и защитники, хотя и оригинальные: гл. кн. Крапоткинъ сказалъ, что если земскій учитель плохъ, то можно гнать его въ шею... Гл. Юшковъ ратовалъ противъ прибавки жалованья учащимъ и при этомъ увѣрялъ, что прибавка уйдетъ на шляпы и зонтики. Для большей убѣдительности гласный въ лицахъ представлялъ, какъ будутъ ходить подъ зонтиками учительницы, получившія прибавку. Собраніе рѣшило, въ ожиданіи отвѣта отъ духовенства, оставить вопросъ о передачѣ школъ открытымъ“... Въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ успѣшному ходу дѣла препят-

ствуетъ малочисленность состава и преобладаніе не-земскихъ элементовъ. Таково, напримѣръ, слободское (вятской губерніи) уѣздное земское собраніе (7 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, 8 отъ крестьянъ), предсѣдатель котораго (состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ, по назначенію администраціи, предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда) отличается особой враждой къ живому слову (см. корреспонденцію изъ Слободского въ томъ же № „Недѣли"). Предсѣдатель слободской управы — также чиновникъ, служащій по назначенію. Въ собраніи и въ управѣ господствуетъ строго-бюрократическій режимъ. Врачи, агрономы и другіе земскіе работники не допускаются въ собраніе. Засѣданія проходятъ въ монотонномъ чтеніи докладовъ, которые всѣ передаются въ коммиссію, составленную изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ гласныхъ. Заключенія коммиссіи обращаются, почти безъ преній, въ рѣшенія собранія. О духѣ этихъ рѣшеній даетъ понятіе отказъ въ прибавкѣ жалованья учительницамъ и ихъ помощницамъ (получающимъ 250 и 165 руб.) и назначеніе на пособія учащимъ въ начальныхъ школахъ *всего* 400 руб., въ то время какъ *одному* бухгалтеру выдается въ награду 300 рублей.

Не лучше поставлено земское дѣло и въ никольскомъ уѣздѣ (вологодской губерніи), гдѣ, по словамъ „Сѣвернаго Края" (№ 328), цѣлыя волости, не имѣя представителей въ собраніи, не могутъ дождаться удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей въ сферѣ медицинской и школьной. Причина этому—избирательная система, установленная Земскимъ Положеніемъ 1890 г. Никольское уѣздное земское собраніе состоитъ изъ пятнадцати гласныхъ: изъ этого числа восемь избираются личными землевладѣльцами, семь—сельскими обществами. Землевладѣльцевъ, имѣющихъ полный цензъ, насчитывается всего *двадцать восемь*; *три четверти* изъ нихъ не живутъ въ уѣздѣ и нимало не интересуются его дѣлами. Общее количество земли, принадлежащее личнымъ землевладѣльцамъ (не считая землевладѣльцевъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые, какъ извѣстно, лишены избирательнаго права), не доходитъ и до ста тысячъ десятинъ, между тѣмъ какъ за сельскими обществами числится почти 700 тысячъ десятинъ. Отсюда слѣдующая аномалія: шесть или семь частныхъ собственниковъ, владѣющихъ сравнительно небольшимъ количествомъ земли, получаютъ званіе гласныхъ безъ выборовъ, такъ какъ на избирательное собраніе является меньше лицъ, чѣмъ требуется выбрать гласныхъ [1]) — и столько же гласныхъ представляютъ собою сельскія общества, въ рукахъ которыхъ сосредоточено $^7/_8$ уѣздной территоріи. Изъ 24 волостей не представленными вовсе остаются *семнадцать*. Такіе факты говорятъ

[1]) Одинъ разъ не удалось даже этимъ путемъ набрать достаточное число главныхъ, вслѣдствіе чего уѣздъ цѣлыхъ три года оставался безъ земскаго собранія.

сами за себя, и можно только удивляться тому, что вологодское губернское земское собраніе до сихъ поръ не возбудило ходатайства объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ въ никольскомъ уѣздѣ. Кореннымъ образомъ искоренить зло могъ бы, конечно, только пересмотръ Земскаго Положенія; только этимъ путемъ можно было бы, напримѣръ, возвратить избирательное право личнымъ землевладѣльцамъ изъ числа мѣстныхъ крестьянъ, которыхъ въ никольскомъ уѣздѣ насчитывается 237, съ 17³/₄ тыс. дес. земли.

Какъ ни велика власть, предоставленная администраціи Земскимъ Положеніемъ 1890 года, на практикѣ пользованіе ею выходитъ, по временамъ, за предѣлы закона. Чрезвычайно характеренъ, въ этомъ отношеніи, фактъ, сообщаемый въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ (№ 7) г. Голубевымъ (вятскія корреспонденціи котораго, появлявшіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ во время прошлогодняго голода, обратили на себя всеобщее вниманіе). Въ вятской губерніи полноправными членами избирательныхъ собраній могутъ быть, вмѣсто землевладѣльцевъ и по ихъ особому уполномочію, управляющіе ихъ имѣніями. На этомъ основаніи въ избирательномъ собраніи по малмыжскому уѣзду участвовалъ, въ 1897 г., г. Голубевъ, вмѣстѣ съ пятью другими управляющими, и былъ выбранъ въ гласные. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, вслѣдствіе протеста губернатора, отмѣнило выборы, признавъ, что управляющіе были не настоящіе, а фиктивные: трое изъ нихъ состояли на службѣ и не жили постоянно въ управляемыхъ ими имѣніяхъ, а другіе трое, крестьяне, были, по мнѣнію присутствія, скорѣе приказчиками, чѣмъ управляющими. Произведены были новые выборы, но постановленіе присутствія было обжаловано г. Голубевымъ и еще однимъ изъ управляющихъ, и отмѣнено Сенатомъ, какъ „неправильное и воспослѣдовавшее съ нарушеніемъ предѣловъ власти и круга вѣдомства“. Права управляющихъ, по разъясненію Сената, „опредѣляются только довѣренностями владѣльцевъ на управленіе имѣніями и на участіе въ избирательномъ собраніи. Никакихъ другихъ удостовѣреній и документовъ отъ управляющихъ имѣніями закономъ не требуется. Равнымъ образомъ нигдѣ въ законѣ не указано, чтобы довѣренности управляющихъ провѣрялись еще свидѣтельскими доказательствами того, что лица, которымъ онѣ выданы, фактически осуществляютъ данныя имъ уполномочія, и въ какихъ предѣлахъ“. Незаконнымъ Сенатъ призналъ самое обсужденіе губернскимъ присутствіемъ данныхъ дознанія, произведеннаго по этому предмету вятскимъ губернаторомъ. Само собою разумѣется, что съ воспослѣдованіемъ рѣшенія Сената возстановлялись въ полной

силѣ права гласныхъ, избранныхъ на первыхъ выборахъ, и прекращались права гласныхъ, ихъ замѣнившихъ. Произошло, однако, нѣчто иное. Малмыжская уѣздная земская управа обратилась къ губернатору за разъясненіемъ, какой составъ гласныхъ пригласить на собраніе. Губернаторъ отвѣтилъ, что допущеніе тѣхъ или другихъ лицъ въ собраніе зависитъ отъ его предсѣдателя (въ вятской губерніи,—повторяемъ еще разъ,—въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ предсѣдательствуютъ *назначенные* предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ)—а предсѣдатель рѣшилъ устранить первый составъ гласныхъ, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, по жалобѣ которыхъ отмѣнено постановленіе губернскаго присутствія! Указъ Сената остается, такимъ образомъ, неисполненнымъ; предсѣдателю собранія предоставлено право, не принадлежащее и не могущее принадлежать ему по закону—и въ результатѣ гласные, правильно выбранные и неправильно замѣненные другими, оказываются устраненными отъ земскаго дѣла на весь трехлѣтній періодъ полномочій собранія! Конечно, они могутъ быть выбраны на новое трехлѣтіе—но не найдется ли опять какое-нибудь средство къ ихъ удаленію? Гдѣ искать гарантіи противъ превышенія власти, продолжающагося вопреки сенатскому указу?.. И вятскій инцидентъ—не единственный въ своемъ родѣ. Херсонское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе отмѣнило, въ октябрѣ 1895 г., выборъ г. Гара въ члены елизаветградской уѣздной земской вправы. Правительствующій Сенатъ, по жалобѣ Гара, призналъ избраніе его правильнымъ и отмѣнилъ постановленіе губернскаго присутствія, о чемъ былъ посланъ указъ 7-го августа 1896 г. Тогда г. Гаръ обратился къ херсонскому губернатору съ просьбой утвердить его членомъ управы, но губернаторъ отклонилъ эту просьбу, ссылаясь на то, что членомъ управы избрано, на мѣсто Гара, другое лицо. Разсмотрѣвъ новую жалобу г. Гара, Сенатъ разъяснилъ, что съ отмѣной постановленія губернскаго присутствія должны были считаться отмѣненными и всѣ проистекавшія изъ него распоряженія, въ томъ числѣ и новые выборы въ члены управы. Посему, и принимая во вниманіе, что указы Правительствующаго Сената, по ст. 198 учр. Сената, всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами должны быть исполняемы, какъ собственные Его Императорскаго Величества, и одинъ Государь или именной Его указъ можетъ остановить сенатское повелѣніе, причемъ губернаторы, по ст. 270 общ. губ. учр., суть первые въ губерніи блюстители точнаго исполненія названныхъ указовъ, Правительствующій Сенатъ призналъ, что херсонскій губернаторъ, получивъ указъ Сената отъ 7 августа 1896 г., не имѣлъ основаній не допускать Гара къ должности члена управы, и если встрѣчалъ затрудненіе въ приведеніи указа въ дѣйствіе, долженъ былъ, по смыслу ст. 198

учр. сен. и ст. 473 и 476 общ. губ. учр., представить о томъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената, а не разрѣшать этого затрудненія собственною властью, въ смыслѣ оставленія указа Сената безъ исполненія. Имѣя, однако, въ виду, что елизаветградская уѣздная земская управа была избрана на трехлѣтіе, истекшее въ 1898 г., и распоряженіе объ измѣненіи ея состава было бы нынѣ (опредѣленіе Сената состоялось въ 1899 г.) несвоевременнымъ, Правительствующій Сенатъ ограничился указаніемъ херсонскому губернатору на допущенную имъ неправильность.

Итакъ, и въ этомъ случаѣ послѣдствія превышенія власти оказались неустраненными. Этимъ подтверждается еще разъ указанная нами, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [1]) необходимость болѣе быстраго разрѣшенія жалобъ на постановленія губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій. Чѣмъ чаще упускаются изъ виду элементарныя истины въ родѣ тѣхъ, которыя Сенатъ вынужденъ былъ напомнить и разъяснить по дѣламъ г. Голубева и г. Гара, тѣмъ важнѣе предупрежденіе проволочекъ, препятствующихъ фактическому возстановленію нарушенныхъ правъ.

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „В. Европы“ за 1899 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1899.

Трансваальская война и неожиданный британскій шовинизмъ.—Образчики воинственной поэзіи.—Рѣчи лорда Сольсбери, Бальфура и Чемберлэна.—Фактическія недоразумѣнія и недомолвки.—Особенности англійскаго настроенія.—Заявленіе проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса въ защиту Гаагской конференціи.—Англо-германская сдѣлка.

Война въ южной Африкѣ становится все болѣе кровопролитною и упорною по мѣрѣ прибытія англійскихъ подкрѣпленій; боэры имѣютъ противъ себя непрерывно возростающія непріятельскія силы, и пока они сражаются съ однимъ отрядомъ, на смѣну ему уже идетъ другой, тогда какъ они сами не могутъ уже разсчитывать на замѣтное увеличеніе своей численности. Трансвааль и Оранжевая республика отрѣзаны отъ внѣшняго міра; имъ не откуда получать новые запасы оружія и боевыхъ снарядовъ, а съ моря постоянно доставляется все необходимое для англичанъ. Помощь боэрамъ со стороны родственныхъ элементовъ Капской колоніи носитъ по необходимости лишь случайный и частный характеръ; сочувствіе чужихъ народовъ и государствъ также приноситъ мало реальной пользы, и не подлежитъ сомнѣнію, что боэры до конца будутъ предоставлены самимъ себѣ. Сознавая и чувствуя, что на этотъ разъ дѣло идетъ объ ихъ существованіи, обѣ республики боэровъ напрягаютъ свои усилія до послѣднихъ предѣловъ, и кровавая борьба, повидимому, окончится еще не скоро. Англія на первыхъ порахъ потерпѣла рядъ тяжелыхъ неудачъ на театрѣ войны въ Наталѣ: генералъ Уайтъ запертъ въ Ледисмитѣ; значительные отряды его войскъ сдались въ плѣнъ въ открытомъ полѣ; боэры заняли часть британской территоріи и оффиціально объявили о присоединеніи нѣсколькихъ сосѣднихъ провинцій къ своимъ владѣніямъ; англичане, взявшіеся наказать и уничтожить Трансвааль, вынуждены были защищаться отъ наносимыхъ имъ ударовъ и очутились въ крайне непріятномъ положеніи, не лишенномъ комизма. На западной границѣ Трансвааля, знаменитый британскій центръ алмазной промышленности, Кимберлей, подвергся правильной осадѣ, и самъ Сесиль Родесъ рисковалъ попасть въ руки боэровъ; городъ Мэфкингъ тоже окруженъ, а Врибургъ взятъ почти безъ сопротивленія. Но съ каждымъ днемъ шансы успѣха склоняются на сторону Англіи: на выручку генерала Уайта явились съ свѣжими войсками генералы Гильдьярдъ, Бартонъ и Клери; къ Кимберлею

направился лордъ Метуэнъ, и военныя дѣйствія принимаютъ болѣе энергическій характеръ подъ руководствомъ главнокомандующаго, сэра Роджерса Буллера. Лондонскія газеты полны извѣстій объ англійскихъ побѣдахъ, и хотя извѣстія эти не отличаются точностью, но они соотвѣтствуютъ измѣнившимся обстоятельствамъ, которыя, въ общемъ, неблагопріятны для боэровъ. Англія втянулась въ настоящую и серьезную войну, требующую огромныхъ жертвъ, и—что всего удивительнѣе — общественное настроеніе англичанъ оказывается чрезвычайно воинственнымъ, представляя собою яркій контрастъ господствующему на материкѣ Европы миролюбію.

Британскій шовинизмъ, проявляющійся теперь съ неожиданною силою и съ замѣчательнымъ единодушіемъ въ публичныхъ рѣчахъ и въ разсужденіяхъ печати, есть для многихъ нѣчто совершенно новое, противорѣчащее всѣмъ существующимъ понятіямъ о промышленной Англіи. Война—конечно, побѣдоносная—воспѣвается англійскими писателями въ стихахъ и прозѣ; дѣловой, солидный „Times“ печатаетъ на своихъ столбцахъ краснорѣчивыя патріотическія изліянія, поражающія своимъ восторженнымъ тономъ и часто также отсутствіемъ здраваго смысла. Преемникъ Теннисона въ званіи оффиціальнаго поэта-лауреата, Альфредъ Остинъ, помѣстилъ въ этой газетѣ стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Непреклонна какъ рокъ“; по поводу неудачъ генерала Уайта онъ вспоминаетъ Римъ послѣ битвы при Каннахъ, когда граждане не испугались близости Аннибала, а сплотились воедино для мужественнаго отпора непріятелю. „Легіоны, одинъ за другимъ, выросли изъ земли, двинулись впередъ и перешли черезъ море, пока орлы Сципіона не покрыли берега Африки, и Карѳагенъ погибъ, чтобы не оскорблять болѣе. Не менѣе рѣшительная, чѣмъ Римъ, стоитъ нынѣ Англія, глядя въ лицо враждебной судьбѣ и не опуская рукъ; въ ея обширныхъ владѣніяхъ нѣтъ ни страха, ни споровъ; но, спокойная въ своей силѣ и закаленная въ своей твердости, она бросаетъ въ пасть смерти новыя жизни, которыя не устанутъ въ борьбѣ, пока не повернетъ обратно беззаконная волна измѣны, тиранніи и гордости, и пока флагъ ея (Англіи), непреклонный, какъ рокъ, не принесетъ хартіи свободы лежащему въ оковахъ государству“. Далекая южно-африканская республика, борющаяся за свою независимость, представлена здѣсь опасной соперницей, которая должна погибнуть для спокойствія Великобританіи; президентъ Крюгеръ—грозный Аннибалъ, стоящій у воротъ Лондона, послѣ пораженія отряда Уайта при Ледисмитѣ! Трансваальскіе боэры, не пожелавшіе добровольно отдаться въ распоряженіе англійскихъ пришельцевъ, виновны въ „измѣнѣ, тиранніи и гордости“; ихъ свободное государство находится въ цѣпяхъ и получитъ „хартію вольностей“ только отъ за-

воевателей-англичанъ. Хотя для президента Крюгера въ высшей степени лестно сравненіе съ Аннибаломъ, но онъ вѣроятно никогда не думалъ, что ему придется играть такую необыкновенную роль въ воображеніи англійскихъ патріотовъ, и что его заботы о самостоятельности Трансвааля въ такой мѣрѣ опасны для могущества „владычицы морей". Другой поэтъ, Свинборнъ, говоритъ о бодрости пловца, привыкшаго справляться съ волнами и не смущающагося ихъ напоромъ: „Англія, какъ крѣпкій дубъ, не отступала, когда противъ нея поднялась вся сила Европы; отъ ея солнца растаяли враги, подобно росѣ, и она воспрянула, какъ сиавшій левъ". Послѣ пуническихъ войнъ—Наполеоновскія войны, и послѣ Аннибала—Наполеонъ,—и все это по поводу Трансвааля и его злосчастныхъ боэровъ! Высокопоставленное духовное лицо, архіепископъ Армагскій, подписавшійся скромно: „Вильямъ Армагъ", превозноситъ въ длинной поэмѣ военные подвиги, которыми можетъ гордиться не одна только Англія, и какихъ „не совершала никакая пѣхота со дня Альбуэры" (побѣда Веллингтона надъ Сультомъ въ Испаніи 1811 г.); эти подвиги совершены войсками генерала Уайта вѣроятно до сдачи въ плѣнъ батальоновъ глостерскаго и ирландскаго пѣхотныхъ полковъ съ артиллеріей. Проповѣдникъ божественной морали восхищается „божественной музыкою пушечной пальбы, раздающейся по холмамъ",—за океаномъ, въ отдаленной части свѣта; онъ высказываетъ убѣжденіе, что „небо создаетъ человѣческія битвы, какъ оно создаетъ землетрясенія и бури". Война есть добро и красота, хотя она приноситъ смерть и слезы,—такова новая евангельская истина, возвѣщаемая въ Англіи. Популярный Редьярдъ Киплингъ присоединяетъ свой голосъ къ общему хору патріотовъ, жаждущихъ безпощаднаго разгрома боэрскихъ республикъ. Громадное большинство газетъ проникнуто тѣми же чувствами и даетъ полный просторъ самымъ эгоистическимъ и узкимъ взглядамъ на задачи національной внѣшней политики.

Выдающіеся англійскіе ораторы и политическіе дѣятели, какъ и газеты, настойчиво доказываютъ публикѣ и Европѣ, что борьба предпринята во имя „правъ человѣка и гражданина" и имѣетъ своею конечною цѣлью торжество справедливости и цивилизаціи надъ грубостью и произволомъ. Англичане негодуютъ по поводу толковъ континентальной печати объ ихъ желаніи завладѣть золотыми копями Трансвааля; противъ этой мысли возсталъ премьеръ, лордъ Сольсбери, въ своей рѣчи на банкетѣ лорда-мэра, 9 ноября (нов. ст.); онъ выразился между прочимъ, что Англія не ищетъ ни территорій, ни золота, а стремится только доставить равныя права всѣмъ людямъ всѣхъ расъ и обезпечить безопасность своимъ подданнымъ и соплеменникамъ, какъ и цѣлой имперіи. Однако, когда черезъ нѣсколько

дней либеральный лордъ Эдмондъ Фицморисъ сдѣлалъ изъ его словъ естественный выводъ, что правительство въ лицѣ премьера не питаетъ завоевательныхъ замысловъ относительно Трансвааля,—лордъ Сольсбери счелъ нужнымъ печатно опровергнуть это предположеніе, сославшись на свои замѣчанія о преждевременности какихъ-либо гипотезъ насчетъ будущихъ условій мира.

Предводитель большинства въ палатѣ общинъ, министръ Бальфуръ, на сходкѣ консервативныхъ ассоціацій въ Дьюсбери, 28 (16) ноября, коснувшись враждебныхъ заграничныхъ отзывовъ и обвиненій, заявилъ, что они объясняются лишь невѣжествомъ или ненавистью. Англія не можетъ преслѣдовать въ Трансваалѣ денежныя цѣли по той простой причинѣ, что „съ колоній уже сто лѣтъ не взимается налоговъ въ пользу метрополіи“. Бальфуръ находитъ, что положеніе англійскихъ подданныхъ въ республикѣ боэровъ несравненно хуже, чѣмъ положеніе ирландцевъ подъ британскимъ владычествомъ. „Въ то время какъ въ Ирландіи существуетъ неограниченное право сходокъ, и она пользуется въ парламентѣ весьма широкимъ представительствомъ, въ Трансваалѣ иностранцы не имѣютъ ни права сходокъ, ни представительства въ народномъ собраніи, будучи, однако, обременены весьма тяжкими налогами. Англія не можетъ допустить, чтобы въ сосѣдствѣ ея собственныхъ владѣній обращались съ ея гражданами какъ съ подвластными существами. Такое положеніе вещей не согласуется съ честью и достоинствомъ страны, ни съ интересами людей того же національнаго корня, ни съ интересами самой бѣлой расы“. Утвержденіе, что война вызвана англійскимъ правительствомъ или отдѣльными членами кабинета, рѣшительно отвергается Бальфуромъ. „До послѣдней минуты—по его увѣренію—Трансвааль имѣлъ возможность избѣгнуть войны: ему стоило только дать иностранцамъ избирательныя права. Въ 1896 и 1897 годахъ Англія предложила гарантировать Трансваалю независимость (?), но предложеніе это было съ презрѣніемъ отклонено“. Бальфуръ полагаетъ, что „объявленіе войны со стороны обѣихъ республикъ объясняется вовсе не отчаянною борьбою за свободу, а стремленіемъ Крюгера къ господству“. Престарѣлый боэрскій президентъ, какъ новый Наполеонъ, проникся ненасытнымъ честолюбіемъ и вздумалъ удовлетворить свою жажду славы и власти, причемъ надѣялся на вмѣшательство Европы (въ пользу побѣжденныхъ или болѣе слабыхъ?) и на партійные раздоры въ самой Англіи; но коварный честолюбецъ ошибся: онъ не предвидѣлъ, что „англійскія партіи сомкнутся и обнаружатъ полное единодушіе, какъ только интересамъ имперіи будетъ грозить опасность“. Относительно будущаго ораторъ высказался яснѣе и рѣзче, чѣмъ лордъ Сольсбери: „Мы не допустимъ ни въ какомъ случаѣ, чтобы

созданное въ нашей средѣ (въ южной Африкѣ, въ средѣ голландскихъ поселенцевъ!) и нами самими (т.-е. съ согласія Англіи) государство могло воспользоваться дарованными вольностями для того, чтобы превратить страну въ военный лагерь, направленный противъ насъ. Мнѣ неизвѣстно, — продолжалъ Бальфуръ, — долго ли продолжится этотъ споръ, но я знаю, каковъ будетъ исходъ его и какой политики должны будутъ держаться побѣдители. Мы не забудемъ великодушія, подобающаго завоевателямъ, но примемъ свои мѣры, чтобы инциденты послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ болѣе не повторялись".

На слѣдующій день, 29 (17) числа, въ Лейстерѣ, выступилъ съ своими разъясненіями главный виновникъ войны, Чемберлэнъ, державшійся въ тѣни въ періодъ неудачъ. Онъ началъ съ признанія, вынужденнаго у него событіями,—что „война съ Трансваалемъ есть величайшая война, какую переживало нынѣшнее поколѣніе",—чего, конечно, вовсе не предполагали англичане съ Чемберлэномъ во главѣ, считавшіе возможнымъ справиться съ боэрами при помощи маленькаго отряда Джемсона и относившіеся къ нимъ крайне пренебрежительно до самаго момента разрыва и даже позднѣе, до первыхъ серьезныхъ пораженій. Зато побѣда доставитъ, будто бы, великія блага не только англичанамъ, но и всѣмъ вообще народамъ. „Еслибы завтра,— говоритъ Чемберлэнъ,—надъ Трансваалемъ и Оранжевой республикою поднялся британскій флагъ, то единственнымъ результатомъ было бы господство хорошаго правленія, справедливости и процвѣтанія, въ которыхъ Англія участвовала бы сообща со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Иноземные критики, разсуждающіе объ алчной, хищнической войнѣ, не знаютъ Англіи и тѣхъ основаній, по которымъ она никогда не требуетъ отъ своихъ колоній денежныхъ средствъ. Англія борется за справедливость, свободу и уваженіе къ торжественно заключенной конвенціи, для противодѣйствія посягательству на верховныя права короны и для огражденія своихъ подданныхъ отъ несправедливости... О Трансваалѣ говорятъ какъ о слабомъ государствѣ. Во время объявленія войны Трансвааль былъ могущественнѣйшимъ государствомъ южной Африки. Англія должна перевозить свои войска шесть тысячъ миль моремъ и затѣмъ полторы тысячи миль по сушѣ. При такихъ условіяхъ надо спокойно слѣдить за военными событіями, приготовиться къ пораженіямъ, не преувеличивать побѣдъ и съ твердой вѣрой выжидать окончанія войны". Что касается будущаго, то образъ дѣйствій правительства будетъ опредѣляться интересами имперіи, а не какими-либо мелочными соображеніями. „Боэры собственнымъ своимъ поведеніемъ создали совершенно новое положеніе, разорвали конвенціи и дали намъ (Англіи) въ руки tabula rasa, на которой мы можемъ вписать что̀ хотимъ. Всякое правительство, которое снова

дало бы обѣимъ республикамъ возможность дѣйствовать противъ господствующей державы, виновно было бы въ измѣнѣ. Въ обоихъ пунктахъ, въ Суданѣ и южной Африкѣ,—закончилъ Чемберлэнъ,—будущее, надѣюсь, оправдаетъ жертвы, которыя мы должны принести" [1]).

Въ этихъ министерскихъ заявленіяхъ бросаются въ глаза нѣкоторыя фактическія неясности и недомолвки, требующія соотвѣтственныхъ комментаріевъ. Вопросъ о золотыхъ копяхъ Трансвааля никѣмъ не ставился такимъ образомъ, что Англія желаетъ извлечь изъ нихъ доходъ для государственной казны, и опроверженія, направленныя въ эту сторону, не имѣютъ въ сущности реальнаго смысла. Лордъ Сольсбери говоритъ, что „кабинетъ не получалъ бы ни одного фартинга съ трансваальскихъ или иныхъ золотыхъ пріисковъ"; онъ идетъ далѣе и утверждаетъ, что „Англія, какъ цѣлое, не имѣла бы выгоды отъ обладанія золотыми рудниками, если не считать того, что ея правительство обезпечило бы благодѣянія хорошаго управленія людямъ, занятымъ въ этой промышленности". Бальфуръ и Чемберлэнъ повторяютъ, что англійское казначейство ничего не беретъ съ колоній, и, слѣдовательно, не участвовало бы въ барышахъ отъ золотыхъ копей Трансвааля. Въ дѣйствительности, рѣчь вовсе не объ этомъ, и само собою разумѣется, что никто не обвинялъ Англію въ намѣреніи обогатить ея государственную казну (или даже кабинетъ, по странному выраженію лорда Сольсбери) на счетъ Трансвааля. Говорилось и говорится не о казнѣ, и не объ англійскомъ государствѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а объ англійской націи, интересы которой олицетворяются ея правительствомъ. Если держаться толкованія, усвоеннаго почему-то министрами, то колоніи вообще не представляютъ цѣнности для Англіи, такъ какъ уже около ста лѣтъ не взимается съ нихъ налоговъ въ пользу метрополіи; однако, британское правительство не щадитъ усилій и средствъ, чтобы сохранить и расширить колоніальныя владѣнія, и оно не отступитъ предъ опаснѣйшею европейскою коалиціею ради сохраненія, напр., своего преобладанія въ Египтѣ, который, уже въ силу своей номинальной зависимости отъ Турціи, не можетъ приносить доходъ непосредственно англійскому казначейству или правительству, и который, вдобавокъ, постоянно требуетъ громадныхъ жертвъ и затратъ со стороны Англіи. Золотыя и алмазныя копи нужны, конечно, не британской казнѣ и не британскому государству, а англичанамъ, ихъ промышленности и торговлѣ. Богатѣйшія въ мірѣ алмазныя копи Кимберлея, сосредоточенныя въ рукахъ синдиката, во главѣ котораго стоитъ Сесиль Родесъ, обезпечиваютъ лондонскому

[1]) Въ передачѣ содержанія рѣчей Бальфура и Чемберлэна мы по необходимости руководствовались телеграфными сообщеніями нашихъ газетъ, такъ какъ подлинные отчеты не получены еще въ Петербургѣ ко времени печатанія нашей хроники.

рынку монополію по торговлѣ алмазами во всемъ свѣтѣ, а это обстоятельство признается весьма важнымъ для промышленныхъ интересовъ Англіи, хотя послѣдняя не получаетъ ни одного фартинга въ видѣ налоговъ съ владѣльцевъ копей Кимберлея. Англичанамъ ничего другого и не требуется, кромѣ указываемаго лордомъ Сольсбери обезпеченія свободной эксплуатаціи природныхъ богатствъ Трансвааля подъ благодѣтельнымъ англійскимъ режимомъ, безъ вмѣшательства и контроля нынѣшнихъ хозяевъ страны, а это возможно въ полной мѣрѣ только путемъ завладѣнія данной территоріею. Очевидно, замѣчанія министровъ по этому щекотливому пункту сводятся къ какой-то странной и безцѣльной игрѣ словъ. Англичане стали сильно интересоваться Трансваалемъ только съ половины восьмидесятыхъ годовъ, когда найденныя въ его земляхъ залежи золота привлекли отовсюду искателей наживы; и будь республика боэровъ по прежнему бѣдною земледѣльческой страною, Англія никогда не предприняла бы войны для завоеванія ея подъ предлогомъ заступничества за избирательныя права своихъ подданныхъ. Напомнимъ кстати, что обычное теперь у англійскихъ патріотовъ обвиненіе Гладстона въ непростительной оплошности, допущенной имъ, будто бы, въ 1881 году признаніемъ самостоятельности Трансвааля, основано на недоразумѣніи. Въ 1881 году Трансвааль представлялъ еще очень незначительный интересъ для Англіи; ничто не предвѣщало тогда открытія и успѣшной разработки богатыхъ золотыхъ рудниковъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Іоганнесбурга, самый этотъ городъ еще не существовалъ, и никакъ нельзя было предвидѣть позднѣйшій наплывъ иностранныхъ поселенцевъ въ эту непривлекательную, малоплодородную область. Тогдашніе министры и политическіе дѣятели Англіи не имѣли никакого разумнаго основанія и разсчета воевать съ боэрами, чтобы подчинить ихъ своему владычеству, и Гладстонъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы положить конецъ хроническимъ неурядицамъ и волненіямъ въ этой части южной Африки. Рѣшимость окончательно урегулировать положеніе Трансвааля, какъ самостоятельной республики, вызвана была не великодушіемъ, а здравою оцѣнкою обстоятельствъ того времени, соображеніями пользы и безопасности сосѣднихъ британскихъ владѣній, отчасти даже необходимостью, въ виду частыхъ возстаній дикихъ туземныхъ племенъ. Трансвааль, съ которымъ имѣлъ дѣло Гладстонъ, не возбуждалъ къ себѣ вниманія англичанъ, и судьба его была для нихъ безразлична; а то, что впослѣдствіи такъ быстро возвысило значеніе этой страны, лежало внѣ предѣловъ человѣческой предусмотрительности. Осуждая дѣйствія Гладстона съ нынѣшней точки зрѣнія, послѣ радикальныхъ перемѣнъ въ положеніи Трансвааля съ 1881 года, современные англійскіе критики „великаго старца“

нарушаютъ элементарныя правила исторической перспективы и въ то же время справедливости.

Что касается возвышенныхъ и благородныхъ мотивовъ, побудившихъ англійское правительство прибѣгнуть къ оружію противъ Трансвааля, то въ изложеніи Бальфура и Чемберлэна они подкрѣпляются явными фактическими неточностями. Всѣмъ извѣстно, что иностраннымъ поселенцамъ въ Трансваалѣ были предоставлены полныя избирательныя права подъ условіемъ пребыванія въ странѣ въ теченіе извѣстнаго срока, и только продолжительность этого срока была предметомъ спора: губернаторъ Капской колоніи, сэръ Мильнеръ, требовалъ пятилѣтняго срока, а президентъ Крюгеръ предлагалъ семилѣтній; но и эта разница исчезла при дальнѣйшихъ переговорахъ, когда правительство республики согласилось на требуемую уступку для избѣжанія разрыва. Такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переговоры вращались исключительно около вопроса о новомъ избирательномъ законѣ, и никакихъ другихъ притязаній Англія не предъявляла, то отсюда слѣдуетъ заключить, что другихъ основательныхъ поводовъ къ неудовольствію и не было, или они были слишкомъ ничтожны и случайны, чтобы заслуживать спеціальнаго обсужденія. Откуда же взялись тѣ преступленія противъ справедливости, равенства и цивилизаціи, которыя теперь ставятся въ вину боэрамъ? Нигдѣ въ мірѣ иностранцы не пользуются правомъ участія въ выборахъ и не могутъ оказывать законное вліяніе на законодательство и управленіе, пока не пріобрѣли правъ гражданъ путемъ натурализаціи, и рѣшительно непонятно, почему этотъ повсемѣстно примѣняемый принципъ долженъ считаться беззаконіемъ для Трансвааля. По единственному спорному вопросу, вызывавшему пререканія, соглашеніе было уже въ сущности достигнуто, и оно было сознательно уничтожено неожиданными дальнѣйшими требованіями и придирками Чемберлэна, имѣвшими уже безусловно вызывающій характеръ. Факты настолько еще свѣжи въ памяти европейской публики, что стремленіе запутать ихъ громкими словами не можетъ имѣть успѣха.

Перемѣнчивый ходъ войны раскрылъ предъ нами нѣкоторыя любопытныя особенности англійской печати и англійскаго общественнаго мнѣнія. Въ солидныхъ лондонскихъ газетахъ замѣчается почти такая же способность увлекаться и фантазировать, такое же легковѣріе и такой же воинственный задоръ, какъ и въ журналистикѣ другихъ странъ, и особенно Франціи. Небольшія стычки британскихъ отрядовъ съ боэрами изображались въ видѣ крупныхъ сраженій и побѣдъ, описывались съ необыкновенною обстоятельностью и давали матеріалъ для краснорѣчивыхъ патріотическихъ разсужденій; но отдѣльныя подробности этихъ описаній невольно вызывали на размышленіе:

упорная битва продолжалась, напр., десять часовъ, а въ результатѣ—одинъ убитый и трое раненыхъ. Что же дѣлали воюющіе въ теченіе этихъ десяти часовъ? Быть можетъ, они стрѣляли на воздухъ или выпускали холостые заряды. Непріятель долго и настойчиво бомбардируетъ городъ; въ послѣднемъ, однако, никто не пострадалъ, и осажденные англичане чувствуютъ себя превосходно,—убита только собака на площади; два дня спустя, телеграфъ серьезно дѣлаетъ поправку къ сообщенному извѣстію: убитъ пѣтухъ, а не собака. Къ кровавымъ событіямъ примѣшивается комическій элементъ, благодаря неумѣлому усердію составителей оффиціальныхъ отчетовъ; особенно прославились мулы, произвольно убѣжавшіе съ пушками въ лагерь боэровъ и увлекшіе за собою пѣхоту, которая и попала въ плѣнъ. Быстрые переходы отъ восторга къ разочарованію были очень часты въ началѣ войны. Первыя удачныя дѣйствія генерала Уайта произвели почему-то впечатлѣніе рѣшительныхъ ударовъ, и газеты сообщали уже, что президентъ Крюгеръ готовъ подчиниться побѣдителямъ; возникли только разногласія относительно того, какъ поступить съ Трансваалемъ. Черезъ нѣсколько дней случилась катастрофа съ мулами, и это пораженіе показалось національнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ-то въ родѣ битвы при Каннахъ, тогда какъ ничтожный дотолѣ Крюгеръ превратился чуть ли не въ Аннибала или Бонапарта. Но при этихъ поверхностныхъ увлеченіяхъ въ ту или другую сторону ясно выступаетъ одна характерная черта,—образцовая политическая дрессировка, побуждающая всѣхъ и каждаго терпѣливо ожидать неизбѣжной перемѣны къ лучшему, воздерживаясь отъ преждевременныхъ обвиненій и споровъ. Вражда партій замолкла, какъ только началась война; оппозиція какъ будто перестала существовать; правительству предоставлено дѣйствовать съ полною свободою для достиженія надлежащаго результата; критика отложена до тѣхъ поръ, пока не возстановится миръ. Внутреннее самообладаніе, твердая увѣренность въ необходимости единодушія и спокойствія, придаютъ какой-то однообразный, торжественный отпечатокъ господствующему общественному мнѣнію; но министры знаютъ, что на нихъ обрушится отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода кампаніи, и что въ будущемъ они могутъ быть преданы суду за неправильныя дѣйствія и распоряженія, причинившія ущербъ интересамъ имперіи. Это сознаніе отвѣтственности одинаково присуще всѣмъ—и государственнымъ людямъ, и общественнымъ дѣятелямъ, и газетнымъ публицистамъ; оно ничѣмъ не вынуждено и никому не навязано внѣшними мѣрами, а есть только законный продуктъ вѣковой политической свободы, составляющей жизненную атмосферу Англіи.

Эта черта британской политической жизни вызываетъ обыкновенно разныя философскія замѣчанія въ умѣренныхъ органахъ французской

печати. Что было бы во Франціи, если бы она испытала что-нибудь подобное трансваальской исторіи! Французы прежде всего свергли бы министерство, устроили бы внутренній кризисъ въ дополненіе къ внѣшнему, стали бы разыскивать виновниковъ неудачнаго хода дѣлъ на театрѣ войны и ежедневно находили бы новыхъ измѣнниковъ въ разныхъ слояхъ общества; Деруледъ задумалъ бы новый пересмотръ конституціи или государственный переворотъ, и незначительная внѣшняя неудача привела бы къ печальной внутренней неурядицѣ, обрекающей страну на безсиліе. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся республиканскихъ дѣятелей послѣ Гамбетты, Жюль Ферри, пересталъ быть главой министерства на другой же день послѣ того какъ получилось извѣстіе о пораженіи небольшого французскаго отряда при Лангсонѣ, въ Индо-Китаѣ; карьера его была разбита, и до конца жизни онъ подвергался жестокимъ нападкамъ и насмѣшкамъ со стороны беззастѣнчивой бульварной прессы. Французскіе публицисты указываютъ теперь на поведеніе англійской оппозиціи относительно Чемберлэна, какъ на достойный подражанія образецъ; но политическіе нравы, выработанные вѣками, не перенимаются, подобно учрежденіямъ, и не могутъ быть искусственно пересажены на чужую, не подготовленную къ нимъ почву. Французскій національный характеръ, воспитанный подъ гнетомъ деспотизма и среди періодическихъ взрывовъ разнузданной свободы, не имѣетъ въ себѣ тѣхъ элементовъ сознательной устойчивости, которые лежатъ въ основѣ политическаго темперамента англичанъ, и благонамѣренныя мечтанія французскихъ доктринеровъ по необходимости останутся безплодными.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 4 ноября напечатано слѣдующее сообщеніе проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса, бывшаго делегатомъ на Гаагской конференціи:

„Внезапно возникшая въ южной Африкѣ война естественно приковываетъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ закрытія Гаагской конференціи, какъ опять возникли всѣ ужасы войны.

„Чѣмъ больше надеждъ возлагалось на Гаагскую конференцію, тѣмъ обиднѣе совершающееся. Чѣмъ пламеннѣе желаніе всѣхъ друзей международнаго мира предупредить новыя кровопролитія, тѣмъ искреннѣе сожалѣніе, вызванное печальными извѣстіями о кровопролитныхъ битвахъ въ южной Африкѣ. Опять наступило время, когда подъ сѣнію Краснаго Креста сестры и братья милосердія совершаютъ свои великіе подвиги.

„Понятно, естественно сожалѣть обо всемъ этомъ, но совершенно

непонятно, какимъ образомъ можно поставить въ вину Гаагской конференціи прискорбныя событія въ южной Африкѣ? На какомъ основаніи можно думать, что Гаагская конференція должна была устранить всякую войну? Почему можно утверждать, что южно-африканская война есть отрицаніе трудовъ этой конференціи?

„Эта конференція не имѣла своею задачею предупредить на будущія времена всѣ международныя войны. Такая задача была бы разрѣшима только послѣ полнаго измѣненія всѣхъ отношеній между современными народами. Пока люди остаются людьми, пока народы будутъ увлекаться только своими интересами и пока правительства будутъ преслѣдовать свою собственную пользу и оберегать свою національную честь и достоинство,—до тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, столкновенія между народами неизбѣжны и войны возможны.

„Съ этими положительными фактами должна была считаться Гаагская конференція. Она выработала особую конвенцію о средствахъ миролюбиваго окончанія международныхъ столкновеній. Она вмѣнила государствамъ въ обязанность только въ крайнемъ случаѣ и послѣ истощенія всѣхъ миролюбивыхъ средствъ прибѣгать къ употребленію принудительныхъ мѣръ, для защиты своихъ правъ и интересовъ. Гаагская конференція столь мало разсчитывала на полное упраздненіе на будущія времена всѣхъ международныхъ войнъ, что значительную часть своего труда положила именно на опредѣленіе законовъ и обычаевъ войны. Подписанныя на конференціи конвенціи о законахъ сухопутной войны и о дѣйствіи Краснаго Креста во время морской войны являются неопровержимыми доказательствами вполнѣ правильнаго взгляда этого международнаго собранія на войну. Гаагская конференція признала войну величайшимъ бѣдствіемъ для всѣхъ народовъ, но упразднить ее она не могла. Она должна была считаться съ этимъ бичомъ народовъ и желать предотвращенія его ударовъ. Но если это несчастіе все-таки постигло бы народы, если всѣ усилія для предупрежденія его оказались бы тщетными,—на этотъ случай Гаагская конференція имѣла въ виду и старалась, по меньшей мѣрѣ, ограничить страшныя бѣдствія войны для всѣхъ лицъ, которыя являются несчастными ея жертвами.

„Результаты трудовъ Гаагской конференціи мира можно изложить въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

„Во 1-хъ, конференція создала стройную систему возможныхъ усилій, направленныхъ къ сохраненію международнаго мира посредствомъ добрыхъ услугъ, посредничества и международнаго третейскаго суда.

„Во 2-хъ, она организовала и упорядочила дѣйствія воюющихъ государствъ посредствомъ ограниченія проявленій дикаго произвола,

смягченія страшныхъ бѣдствій войны и сохраненія общими силами всѣхъ народовъ, какъ нейтральныхъ, такъ и воюющихъ, жизни и здоровья лицъ, страдающихъ отъ войны.

„Въ утвержденіи законныхъ основъ сознанія солидарности народовъ въ борьбѣ противъ общаго и страшнаго зла, какимъ представляется война, и въ образованіи изъ современныхъ государствъ великаго общества взаимной помощи и страхованія отъ всѣхъ угрожающихъ имъ отъ международныхъ столкновеній бѣдствій и опасностей—вотъ въ чемъ заключается великая и незабвенная заслуга Гаагской конференціи мира.

„Нельзя не выразить желанія, чтобы всѣ друзья великаго дѣла, начатаго Россіею по почину ея великодушнаго Монарха, не приписывали бы Гаагской конференціи тѣхъ намѣреній, которыхъ она никогда не имѣла, но, напротивъ того, крѣпко сплотились бы вмѣстѣ, для защиты и развитія уже достигнутыхъ результатовъ.

„Во всякомъ случаѣ, въ исторіи международныхъ отношеній Гаагская конференція составляетъ эпоху, ибо ею положено твердое основаніе цѣлой системѣ мѣропріятій, направленныхъ къ возможному предотвращенію войнъ со всѣми ихъ неисчислимыми бѣдствіями. Но сдѣлать международную войну совершенно невозможною—Гаагская конференція не имѣла задачею и не могла".

Въ этомъ интересномъ сообщеніи не поставленъ прямо, но подразумѣвается вопросъ, заключающій въ себѣ всю сущность разочарованій и сомнѣній, о которыхъ упоминаетъ почтенный авторъ. Если Гаагская конференція „вмѣнила государствамъ въ обязанность только въ крайнемъ случаѣ и послѣ истощенія всѣхъ миролюбивыхъ средствъ прибѣгать къ употребленію принудительныхъ мѣръ для защиты своихъ правъ и интересовъ", то почему эта обязанность была оставлена безъ всякаго вниманія при первомъ же серьезномъ конфликтѣ, приведшемъ къ войнѣ между Англіею и обѣими южно-африканскими республиками? Профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ ставитъ въ заслугу конференціи, что она „создала стройную систему возможныхъ усилій, направленныхъ къ сохраненію международнаго мира посредствомъ добрыхъ услугъ, посредничества и международнаго третейскаго суда". Но сдѣланъ ли былъ опытъ примѣненія этой „стройной системы" къ возникшей вслѣдъ затѣмъ трансваальской войнѣ? Или эта стройная система создана была не для того, чтобы примѣнять ее на практикѣ? Что помѣшало державамъ употребить возможныя усилія для предупрежденія кровопролитія? Почему ни одинъ изъ европейскихъ кабинетовъ не взялъ на себя иниціативы въ предложеніи посредничества и международнаго третейскаго суда между Англіею и Трансваалемъ? Формальныя причины не могли имѣть рѣшающаго значенія въ дан-

номъ случаѣ. По желанію британскаго правительства, Трансвааль былъ устраненъ отъ участія въ Гаагской конференціи, подъ предлогомъ его неполной государственной самостоятельности; но этотъ фактъ, указывая на неравноправность южно-африканской республики съ Англіею, нисколько не исключалъ возможности между ними правильныхъ международныхъ споровъ и столкновеній, подлежащихъ дѣйствію общихъ нормъ международнаго права. Весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ, окончившихся столь печальнымъ образомъ, свидѣтельствовалъ о признаніи англичанами Трансвааля, какъ государства, съ которымъ можно вступать въ соглашеніе или въ конфликтъ; верховенство или преобладающее положеніе Англіи, ограничивая внѣшнія связи республики въ силу обоюднаго договора или конвенціи, не имѣло никакихъ обычныхъ признаковъ господства сюзерена надъ вассаломъ, и само британское правительство никогда не заявляло прямо о вассальной зависимости отъ него Трансвааля. Какъ бы то ни было, другія великія державы имѣли законное основаніе предложить свое посредничество въ моментъ обостренія кризиса, послѣ грозной заключительной ноты Чемберлэна и даже послѣ отвѣтнаго ультиматума изъ Преторіи; лондонскій кабинетъ могъ бы отклонить эти добрыя услуги и отвергнуть также мысль о третейскомъ судѣ, но европейская дипломатія исполнила бы свой долгъ и впервые испытала бы на дѣлѣ тѣ практическіе способы для предупрежденія войнъ, которые установлены были въ Гаагѣ. Отвѣтственность за неудачу сдѣланныхъ усилій падала бы тогда всецѣло на Англію,—но усилія эти не были сдѣланы, и въ этомъ нельзя было не видѣть доказательства практической безплодности „стройной системы“ хорошихъ словъ, возвѣщенныхъ на Гаагской конференціи. Дипломатическая рутина превращаетъ въ мертвую букву самые возвышенные и благородные проекты, и это непріятное сознаніе есть, къ сожалѣнію, только логическій выводъ изъ событій послѣдняго времени.

Въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ материка, общественное мнѣніе возстановлено теперь противъ Англіи; тѣмъ не менѣе, германская дипломатія извлекаетъ пользу изъ затрудненій лондонскаго кабинета и поддерживаетъ съ нимъ близость, породившую даже толки о союзѣ. Императоръ Вильгельмъ II отправился съ визитомъ въ Виндзоръ, къ своей бабкѣ, королевѣ Викторіи, почти вслѣдъ за обнародованіемъ соглашенія, которымъ покончены старые территоріальные споры между обѣими державами относительно острововъ Самоа и въ западной Африкѣ. Два наиболѣе значительныхъ острова изъ группы Самоа въ южной части Тихаго океана уступлены Германіи, а третій будетъ принадлежать Соединеннымъ-Штатамъ. Важность этихъ остро-

вовъ заключается въ томъ, что они лежатъ на пути пароходныхъ сообщеній между Австраліею и Сѣверною Америкою. Въ западной Африкѣ, у Золотого берега, точно разграничены британскія владѣнія отъ германскихъ, причемъ послѣднія отчасти урѣзываются въ пользу первыхъ; Германія отказывается здѣсь отъ прежнихъ притязаній на внутреннія области и лишается также нѣкоторыхъ преимуществъ въ Занзибарѣ. Соглашеніе считается выгоднымъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ потери Германіи въ Африкѣ вполнѣ вознаграждаются пріобрѣтеніемъ острововъ Самоа; и здѣсь, и тамъ прекращаются поводы къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ, вносившимъ нерѣдко элементъ разлада въ отношенія обѣихъ націй. Устраненіе причинъ къ возможнымъ столкновеніямъ есть уже само по себѣ выигрышъ въ политикѣ, и состоявшаяся сдѣлка одобряется въ этомъ смыслѣ печатью и общественнымъ мнѣніемъ въ Германіи, какъ и въ Англіи; но она получаетъ особый оттѣнокъ, благодаря совпаденію съ Трансваальскою войною,—совпаденію, быть можетъ, и случайному, но непріятному для нѣмцевъ, которые въ громадномъ большинствѣ безусловно сочувствуютъ боэрамъ. Непріятное впечатлѣніе усилилось, когда сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе Вильгельма II посѣтить Англію. Хотя поѣздка была обставлена чисто семейнымъ образомъ, безъ всякихъ оффиціальныхъ встрѣчъ и рѣчей, но присутствіе при императорѣ министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Бюлова и продолжительная бесѣда съ Чемберлэномъ подтверждали политическій характеръ визита 20 ноября. Англо-германское соглашеніе успѣло отозваться и въ Константинополѣ: при содѣйствіи Англіи группа нѣмецкихъ капиталистовъ получила важную концессію на постройку желѣзной дороги въ Багдадъ, и германской культурной работѣ открылась новая обширная область въ Малой Азіи, гдѣ Германія мало-по-малу пріобрѣтаетъ крупные матеріальные интересы, обезпечивающіе ей въ будущемъ вліятельную роль въ этой части турецкихъ владѣній. Сочувствіе идеѣ международной справедливости и всеобщаго мира остается чѣмъ-то отвлеченнымъ и теоретическимъ, а практика по прежнему отдаетъ предпочтеніе реальнымъ выгодамъ, хотя бы и въ ущербъ нравственному чувству. Вильгельмъ II, при всей своей склонности къ романтизму, сохраняетъ вѣрность традиціямъ и принципамъ, наиболѣе полнымъ выразителемъ которыхъ былъ князь Бисмаркъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1899.

— Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Б. Б. Глинскаго. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Изданіе „Товарищества художественной печати". Спб. 1900.

Въ „Библіографическомъ Листкѣ" одной изъ послѣднихъ книгъ „В. Е." было въ общихъ чертахъ указано содержаніе новаго изданія г. Глинскаго. Авторъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ очень хорошо, собравши въ книгу статьи, разбросанныя за десять лѣтъ въ журналѣ, гдѣ трудно уже отыскивать ихъ новому читателю,—между тѣмъ онѣ и до сихъ поръ могутъ дать весьма полезное чтеніе.

Названіе книги, можетъ быть, немного громко,—нашъ „прогрессъ", въ общественномъ смыслѣ, не отличается особенной быстротой, и невольно вспоминаются давніе стихи:

...Неслышной поступи прогресса
Благоговѣйно внемлю я.

За послѣднія десять лѣтъ прогрессъ тѣмъ паче былъ не особенно великъ, а кромѣ того многія явленія, изображаемыя г. Глинскимъ, даже вовсе не составляютъ прогресса, а напротивъ, составляютъ какое-то уродливое отступленіе въ область мистики и мракобѣсія, и именно не со стороны людей, спеціально работающихъ въ этой области, а со стороны писателей, утверждающихъ, что имъ собственно и принадлежитъ заслуга открытія новыхъ міровъ мысли и художества.

Въ отдѣлѣ историческихъ статей, которымъ начинается книга, любопытны статьи о петербургскомъ университетѣ (съ двѣнадцатью портретами его ректоровъ) и біографія Я. К. Грота. Въ статьяхъ „по общественнымъ вопросамъ" авторъ останавливается на слѣдующихъ предметахъ: фабрично-заводская Россія; земледѣльческая Россія; народная грамотность; русскій читатель и его книга; просвѣтители народа; женщины-врачи; расширеніе образовательныхъ правъ женщинъ; права и обязанности женщинъ.

Въ статьѣ о промышленной и земледѣльческой Россіи авторъ пользуется послѣдними собранными матеріалами, особливо оффиціальными; онъ готовъ привѣтствовать промышленные успѣхи Россіи и даже успѣхи русскаго земледѣлія. Приводя различныя правительственныя мѣропріятія на пользу сельскаго хозяйства, авторъ замѣчаетъ: „такимъ образомъ мы видимъ, что наше земледѣліе не можетъ считать себя въ настоящее время обиженнымъ невниманіемъ и отсутствіемъ заботъ со стороны правительства. Для него дѣлается уже кое-что, приносится не мало жертвъ, какъ государственныхъ, такъ и въ особенности частныхъ. и ему остается только, при всеобщей современной поддержкѣ, стремиться собственными уже силами къ скорѣйшему осуществленію въ Россіи программы, указанной ему министромъ земледѣлія—программы, въ коей слова „раціональное“ и „прибыльное“ сельское хозяйство являются синонимами“ (стр. 191).

Но это заключеніе мало отвѣчаетъ тѣмъ даннымъ, сообщеннымъ раньше, изъ которыхъ оно выведено. А именно, изъ оффиціальныхъ матеріаловъ, изданныхъ департаментомъ земледѣлія, авторъ (на стр. 180) извлекаетъ слѣдующія свѣдѣнія. „Число сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и курсовъ съ каждымъ годомъ *возростаетъ*. Такъ, въ 1893 году въ имѣвшихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ 1 высшемъ, 8 среднихъ и 59 низшихъ заведеніяхъ было 3.157 учащихся и на содержаніе всѣхъ этихъ школъ тратилось изъ казны 555.700 р. въ годъ. Послѣ же преобразованія министерства, а именно въ концѣ 1895 и къ началу 1896 года, общее число дѣйствовавшихъ учебныхъ заведеній возросло до 89 и учащихся въ нихъ было 3.860 человѣкъ, а расходъ казны достигъ 776.076 рублей, т.-е. увеличился болѣе чѣмъ на 40%. Затѣмъ устроивается и приготовляется къ открытію болѣе 29 школъ; кромѣ того, находится въ производствѣ болѣе 50 дѣлъ по ходатайствамъ объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній въ различныхъ районахъ Россіи“.

Очевидно, что для земледѣльческаго класса Россіи, составляющаго громадное большинство ея населенія, это число школъ, хотя бы потомъ нѣсколько увеличившееся, есть капля въ морѣ. Авторъ это чувствовалъ и говоритъ: „Когда читаешь эти (сейчасъ приведенныя) строки, писанныя, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ радости за прогрессъ просвѣщенія, то не сразу даешь себѣ ясный отчетъ въ своихъ личныхъ чувствахъ. Но когда *для вразумительности* заглянешь въ (приложенную къ тому же изданію департамента земледѣлія) карту графическаго распредѣленія сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній на поверхности нашей родины, то густая краска стыда невольно заливаетъ щеки, и остается только ахнуть передъ раскрывшейся картиной сельско-хозяйственнаго невѣжества нашей родины.

Земледѣльческая Россія, гдѣ 80% населенія буквально живетъ плодами земли, почти поголовно невѣжественна по части знанія свойствъ этой земли и ея производительности! Въ то время, когда, не говоря уже про Америку, Францію и т. д., но даже сосѣдняя съ нами, „наша собственная“ Финляндія успѣла широко развить у себя институтъ странствующихъ агрономическихъ инструкторовъ и учителей,—спеціально-земледѣльческая Россія, „житница Европы“, торжественно указываетъ къ концу XIX вѣка, что она успѣла уже обзавестись „89 сельско-хозяйственными учебными заведеніями съ 3.860 человѣкъ учащихся“! Я не въ укоръ молодому министерству это говорю, такъ какъ его тутъ не въ чемъ укорять, а съ болью въ сердцѣ подчеркиваю это обстоятельство въ назиданіе соотечественникамъ и тѣмъ возможнымъ читателямъ изъ землевладѣльцевъ, которымъ, можетъ быть, попадутся эти строки“.

Но дѣло, быть можетъ, не столько въ землевладѣльцахъ, а въ громадной массѣ соотечественниковъ, между прочимъ администраторовъ. Дальше (стр. 181) и самъ авторъ встрѣтился съ этимъ обстоятельствомъ. По словамъ его, онъ бесѣдовалъ съ однимъ даровитымъ государственнымъ дѣятелемъ о нашемъ убожествѣ по части сельско-хозяйственнаго просвѣщенія, и высказалъ мысль, почему бы у насъ, по примѣру другихъ государствъ, „вмѣсто“ (кромѣ?) дорого стоющихъ школъ, не воспользоваться странствующими инструкторами и учителями агрономіи. На это „государственный дѣятель иронически сказалъ: — А оттого, что мы все боимся *вредныхъ* людей, забывая, что изъ-за этого страха, который очень легко предотвратить, мы обрекаемъ громадную массу на невѣжество, горе и нужду“. И онъ привелъ примѣръ генерала Кауфмана, который въ Туркестанскомъ краѣ, пользуясь пріемомъ, аналогичнымъ инструкторству, успѣлъ въ короткое время преобразовать и развить хозяйство сартовъ.

Изъ этого указанія уже ясно, что вопросъ заключается не только въ распространеніи агрономическихъ школъ. Пока ихъ еще слишкомъ мало, — но если даже предположить, что ихъ будетъ больше, явится новая чрезвычайно важная забота: нужно, чтобы питомцы агрономическихъ школъ, вернувшись въ деревню съ своими познаніями, встрѣтили тамъ должное довѣріе и пониманіе. Надо думать, что эти питомцы, если дѣйствительно чему-нибудь выучатся, во многомъ и существенномъ разойдутся съ деревенскими туземцами, и послѣдніе могутъ отнестись къ нимъ съ такимъ же недовѣріемъ, съ какимъ вообще относятся къ нововведеніямъ, которыхъ не знали „дѣды и отцы“. Питомцевъ школы будутъ единицы, а деревенскихъ туземцевъ—сотни и тысячи; и старовѣрство, или дѣдовскій обычай и рутина, какъ извѣстно, бываютъ всегда чрезвычайно упрямы. Чѣмъ же

достигнуть благопріятныхъ условій для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ этой массѣ? Очевидно, что въ помощь или въ основу школы сельско-хозяйственной должна быть поставлена сельская народная школа, не дьячковская, а болѣе основательная, которая предварительно сообщила бы своимъ ученикамъ какія-либо здравыя свѣдѣнія и этимъ приготовила ихъ къ пониманію новыхъ пріемовъ сельско-хозяйственныхъ. Такою школой можетъ быть только земская школа, т.-е. школа, руководимая мѣстными людьми, которымъ прямо близки интересы своего края, школа, способная по мѣрѣ средствъ расширяться надъ размѣрами исключительно элементарнаго обученія, одной грамоты, школа, которая могла бы стать, наконецъ, въ непосредственную связь съ сельско-хозяйственнымъ училищемъ и быть ему основой и подспорьемъ.

Важность сельско-хозяйственнаго *народнаго* обученія признана, въ спеціальномъ вѣдомствѣ, самимъ правительствомъ. Голодные годы, или такъ называемые недороды, грозятъ стать и какъ будто уже становятся хроническими, и указываютъ на серьезный кризисъ, наступающій въ народномъ хозяйствѣ, и требуютъ настоятельнаго вниманія и заботы. Голодъ заставилъ думать о сельско-хозяйственной школѣ; эта школа останется недѣйствительна при слабости или отсутствіи общей школы, — и въ то время, когда передъ самой властью и цѣлымъ народомъ ставится этотъ вопросъ народнаго благосостоянія и даже самосохраненія, находятся люди, которымъ дѣло широкой народной школы кажется или излишней прихотью, или даже вольнодумствомъ. Вражда къ земской школѣ,—которая до сихъ поръ одна даетъ надежду на нѣкоторое расширеніе народныхъ знаній,—и инсинуаціи противъ нея составляютъ одно изъ самыхъ гнусныхъ явленій нашего времени. Недавно мы читали открытое заявленіе одного изъ представителей нашей ежедневной „прессы“, что „невѣжественнымъ народомъ легче управлять“, — если только отъ невѣжества онъ не начнетъ вымирать съ голоду. Жаль, что въ своей лѣтописи нашего „прогресса“ г. Глинскій не остановился на явленіяхъ этого цинизма, имѣющаго, къ прискорбію, слишкомъ многочисленныхъ друзей, послѣдователей и покровителей.

Какъ стоитъ дѣло народнаго просвѣщенія и школы, объ этомъ г. Глинскій говоритъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Между прочимъ, онъ останавливается на чтеніяхъ для народа. До извѣстной степени онѣ развились въ столицахъ и большихъ городахъ, благодаря ревностнымъ заботамъ частныхъ лицъ и обществъ; но въ провинціи, въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ онѣ едва могутъ существовать. По существующимъ правиламъ (пишетъ г. Глинскій въ 1895 году), — „лица, желающія устроить народныя чтенія въ уѣздномъ городѣ или въ селѣ,

обязаны подать прошеніе объ этомъ мѣстному священнику, который, въ свою очередь, испрашиваетъ у архіерея разрѣшенія на открытіе народныхъ чтеній. Въ прошеніи необходимо указать всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя изъявили согласіе быть лекторами на этихъ чтеніяхъ. Иногда разрѣшеніе архіерея получается довольно скоро, но весьма часто дѣло затягивается на долгое время, возникаетъ продолжительная переписка, которая длится иногда *годами*. Изъ представленнаго списка архіерей часто утверждаетъ лишь священниковъ. Чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ могутъ быть производимы лишь по каталогу, утвержденному ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ обозначены лишь 140 тощенькихъ брошюрокъ. Вы не встрѣтите среди названій книгъ литературнаго содержанія—ни Лермонтова, ни Тургенева, ни Толстого, ни Григоровича, ни Достоевскаго. Изъ Пушкина дозволено читать лишь „Полтаву“ и „Капитанскую дочку“ *въ сокращенномъ и передѣланномъ видѣ*, изъ Гоголя—лишь „Тараса Бульбу“, сокращеннаго и приспособленнаго для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

„Любопытно было бы узнать, кто сокращалъ и передѣлывалъ для народа Пушкина и Гоголя!

„Не ищите и истинной поэзіи въ каталогѣ: Кольцовъ, Крыловъ, Ал. Толстой, Плещеевъ, Некрасовъ, Майковъ, Полонскій *не разрѣшены къ чтенію для народа*. Разрѣшены же г-жи Сѣткова, Желиховская, Коваленская, гг. Борщевскій, Куликовъ, Лапинъ, Боголюбовъ, Филоновъ и нѣкоторые другіе, столь же прославившіе свои имена на поприщѣ россійской словесности...

„Отдѣлы юридическій и медицинскій въ каталогѣ отсутствуютъ, такъ что ни по санитарнымъ вопросамъ, ни по гигіенѣ чтеній производить нельзя...

„Конечно, въ столицахъ и губернскихъ городахъ, гдѣ надзоръ за чтеніями порученъ просвѣщеннымъ лицамъ, такихъ курьезовъ не случается; но въ селѣ, гдѣ все было сосредоточено въ рукахъ священника, не имѣющаго ни возможности, ни охоты хлопотать, дѣло стоитъ именно согласно буквѣ „Правилъ“... Отсюда прямой выводъ, что дѣло народныхъ чтеній именно тамъ, гдѣ въ нихъ ощущается наибольшая необходимость и гдѣ онѣ могутъ явиться могучимъ факторомъ цивилизаціи, поставлено очень плохо и печально. Виною всему чисто формальное, равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія“ (стр. 302—303).

Рядомъ съ этимъ авторъ говоритъ о дѣятельности комитетовъ грамотности въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Комитетъ петербургскій въ особенности много и достойно поработалъ для распространенія книгъ въ сельскихъ школахъ и библіотекахъ, для приготовленія народныхъ

учителей и т. п.; въ голодные годы онъ давалъ пропитаніе учащимся дѣтямъ сельскихъ школъ. За тридцать три года своего существованія онъ разослалъ безплатно въ сельскія школы и читальни до 1.200,000 книжекъ учебныхъ и для чтенія. Каждый годъ онъ издавалъ сотни тысячъ подобныхъ книжекъ цѣною отъ 3 копѣекъ; не малой заслугой его было изданіе обширнаго систематическаго обзора народно-учебной литературы. Въ концѣ 1894 года Вольно-Экономическое Общество, при которомъ онъ состоялъ, постановило „ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о превращеніи комитета грамотности изъ временнаго въ постоянное учрежденіе при Обществѣ". Печать высказывала пожеланія, чтобы дѣятельность комитетовъ петербургскаго, московскаго и провинціальныхъ обществъ, „свѣтлая дѣятельность этихъ полезныхъ учрежденій не ослабѣвала, чтобы число ихъ умножалось, и чтобы государство всегда находило въ нихъ, какъ теперь находитъ, столько же самостоятельныхъ, сколько вѣрныхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ развитія нашей культуры и подъема народнаго благосостоянія"...

Издавая свои прежнія работы, г. Глинскій оставилъ ихъ безъ перемѣны: дѣйствительно, дополненія, новая обработка нерѣдко имѣютъ свои неудобства, — но въ исторіи „русскаго прогресса" такія добавленія, даже черезъ короткій срокъ, могли быть иногда существенно важны. Такъ, статья, посвященная „народной грамотности" и писанная еще только въ 1895 году, могла быть дополнена упоминаніемъ о судьбѣ, постигшей петербургскій комитетъ грамотности, „свѣтлая дѣятельность" котораго совсѣмъ прекратилась...

Три статьи, посвященныя женскому образованію, правамъ и обязанностямъ женщинъ, представляютъ не мало любопытныхъ историческихъ указаній.

Съ особеннымъ интересомъ могутъ быть прочитаны „статьи критическія", гдѣ авторъ останавливается на тѣхъ новѣйшихъ явленіяхъ нашей литературы, которыя способны возбуждать великое недоумѣніе. Народилась цѣлая группа писателей, которые торжественно заявляютъ, что они не удовлетворены старымъ содержаніемъ нашей литературы, находятъ ея стремленія слишкомъ узкими для ихъ поэтическаго творчества и для ихъ мысли: поэты этой группы стремятся въ міръ какой-то сверхъестественной красоты, необузданно свободнаго чувства; невѣжественный критикъ школы осыпалъ ругательствами имена старыхъ писателей, заслуга которыхъ уже стала достояніемъ исторіи. Это—наши символисты и декаденты. Въ послѣднее время повѣтріе охватило даже художниковъ: есть художники-декаденты и символисты. Въ статьяхъ: „Молодежь и ея руководители", „Болѣзнь или реклама", „Литературная молодежь", г. Глинскій разбираетъ эту новѣйшую лите-

ратуру, старается опредѣлить ея происхожденіе, и приходитъ къ правильному заключенію, что это литература психіатрическая. Въ одномъ отзывѣ о книгѣ г. Глинскаго замѣчено было по поводу этихъ статей, что въ настоящую минуту его обличенія остаются только исторіей, что злосчастное декадентство, если не вымерло, то совсѣмъ потеряло кредитъ; но это едва ли справедливо, — до сихъ поръ продолжаютъ дѣйствовать психіатрическіе поэты и эстетики. Въ извѣстной параллели съ литературнымъ декадентствомъ находится декадентство экономическое въ видѣ неомарксизма, о которомъ г. Глинскій говоритъ въ статьѣ „Регрессивное теченіе въ русской жизни".

Въ концѣ сборника г. Глинскаго помѣщены біографіи: Стоюнина, Ор. Миллера, А. Д. Градовскаго и Буслаева,—авторъ указываетъ въ особенности общественное и идеалистически-воспитательное значеніе ихъ научной и педагогической дѣятельности.

Таково разнообразное содержаніе книги г. Глинскаго. Можно рекомендовать ее особливо молодымъ читателямъ, которымъ она доставитъ не мало полезныхъ свѣдѣній и поможетъ разобраться въ путаницѣ извращеній, слишкомъ, къ сожалѣнію, обильныхъ за послѣднее время въ нашей литературѣ.

— Владиміръ Стасовъ. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и очерки. Спб. 1899.

Имя Надежды Васильевны Стасовой (1822 — 1895) займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, быть можетъ, даже самое почетное, въ исторіи нашего новѣйшаго женскаго образованія, и вмѣстѣ это—одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ въ нашей общественной исторіи: имя ея было извѣстно буквально всѣмъ, кто только былъ прикосновенъ къ новымъ образовательнымъ женскимъ учрежденіямъ — отъ оффиціальныхъ вѣдомствъ, къ которымъ она, съ своими союзницами, обращала свои ходатайства, до множества тѣхъ слушательницъ, которыя искали образованія въ новыхъ учрежденіяхъ, часто въ то же время нуждаясь въ матеріальной поддержкѣ, и съ которыми она и потомъ поддерживала дружескія довѣрчивыя сношенія, когда онѣ сами уже вступали въ жизнь. Дѣятельность Н. В. Стасовой была характерна именно тѣмъ, что была выраженіемъ глубокой общественной потребности новаго періода нашей исторіи, съ начинавшейся „эпохи великихъ реформъ": Н. В. Стасова была въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя сознали умомъ и почувствовали душой эту потребность и положили на нее всѣ нравственныя и физическія силы,—и она не измѣнила своей задачѣ до послѣднихъ минутъ жизни. Теперь мы имѣемъ, повидимому

прочно установившіяся, учрежденія для высшаго женскаго образованія: высшіе научные курсы, медицинскій институтъ; созданные чисто общественной иниціативой, они были явленіемъ небывалымъ, даже невозможнымъ въ старой рутинѣ нашего быта; этому прежнему быту была неизвѣстна общественная иниціатива, онъ относился къ ней недовѣрчиво, подозрительно, наконецъ прямо враждебно, и чтобы одолѣть препятствія, какія ставила эта рутина и недоброжелательство, надо было положить много усилій, настоящаго мужества. Крупная доля въ этой борьбѣ и наконецъ достигнутой цѣли принадлежала Н. В. Стасовой, и въ этомъ ея историческая заслуга передъ русскимъ обществомъ. Если мы будемъ искать ту основу, изъ которой проистекали побужденія этого общественнаго труда, мы найдемъ ее въ одномъ—въ нравственномъ складѣ этой замѣчательной личности: въ глубокомъ убѣжденіи, которое ею владѣло и руководило; въ рѣдкой энергіи, которая неизмѣнно, и даже въ преклонныхъ лѣтахъ, поддерживала ее въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какія иногда тянулись годами; наконецъ, въ удивительной добротѣ, съ какою относилась она ко всѣмъ, кто искалъ у нея участія и помощи, какъ тѣ кліентки, которыхъ собралась многочисленная семья, когда дѣло наконецъ установилось. Она была уже немолодой женщиной, когда стали исполняться давно лелѣемыя мечты; здоровье начинало измѣнять, но никогда не измѣнялась преданность дѣлу. Мы не думаемъ забыть о вѣрныхъ друзьяхъ и сотрудницахъ, которыя работали вмѣстѣ съ нею и дѣлятъ съ ней общую заслугу — въ ихъ сочувствіи и помощи она встрѣчала, дорогую особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ, нравственную опору и важное дѣловое содѣйствіе,—но ее высоко цѣнилъ и этотъ ближайшій кругъ.

Н. В. Стасова была, въ области своей дѣятельности, представительницею идей и стремленій „шестидесятыхъ годовъ“: ея жизненный трудъ есть краснорѣчивое свидѣтельство о той эпохѣ, къ которой такъ легкомысленно иные теперь относятся. Біографъ Н. В. Стасовой, видѣвшій ея жизнь изо дня въ день, говоритъ о своемъ трудѣ и объ этой эпохѣ: „Когда передъ моими глазами проносились великія событія изъ жизни новой, могучей, воскресшей и выростающей Россіи 1860-хъ, 1870-хъ, 1880-хъ годовъ, у меня никогда и въ головѣ не было той мысли, что мнѣ нѣкогда придется разсказывать въ печати то, что̀ я тогда видѣлъ, слышалъ и зналъ изъ совершавшагося въ продолженіе одного изъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ періодовъ русской жизни—періода проснувшейся и устремляющейся къ просвѣщенію русской женщины. Но это случилось. Обстоятельства это сдѣлали. И я почитаю ссбя счастливымъ, что мнѣ привелось участвовать хоть

на единую іоту въ утвержденіи памяти объ этихъ великихъ дѣлахъ нашей исторіи".

Воспоминанія В. В. Стасова были первоначально напечатаны въ 1896, въ „Книжкахъ Недѣли". Въ настоящемъ второмъ изданіи В. В. многое исправилъ и дополнилъ по вновь добытымъ матеріаламъ. Въ своей работѣ авторъ вообще пользовался долголѣтними записками самой Н. В. Стасовой, своими личными воспоминаніями, множествомъ свѣдѣній о русскомъ женскомъ движеніи въ литературѣ, наконецъ записками и замѣтками, которыя по его просьбѣ составлены были многими дѣятельницами 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Эти записки и замѣтки доставили много цѣнныхъ свѣдѣній, и обиліе ихъ побудило автора сдѣлать расширенное изданіе его воспоминаній.

Въ результатѣ получилась книга очень интересная. Біографія Н. В. Стасовой связывается съ различными періодами и направленіями нашей общественной жизни. Воспоминанія начинаются съ эпохи дѣтства, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ; въ нихъ проходятъ потомъ любопытные эпизоды сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ; наконецъ, идетъ подробный разсказъ о той общественной дѣятельности, въ которой Н. В. Стасова принимала живое участіе. Такъ разсказано здѣсь о возникновеніи въ Петербургѣ воскресныхъ школъ, о женскомъ издательствѣ, и затѣмъ обстоятельная исторія возникновенія и развитія высшихъ женскихъ курсовъ, ихъ закрытія, возстановленія; объ основаніи Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, женскаго взаимно-благотворительнаго Общества и т. д. Извѣстно, что судьба высшихъ женскихъ курсовъ была очень тревожная; ихъ основаніе и существованіе соединены было съ такими трудностями и опасностями, что одно время они даже совсѣмъ перестали существовать. Эта судьба женскихъ курсовъ и другихъ подобныхъ учрежденій есть эпизодъ изъ исторіи самаго общества: на ней отразились общія условія жизни,—и здѣсь важный историческій интересъ личной біографіи.

— Сборникъ московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ 6. Изданіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1899.

— Сергѣй Бѣлокуровъ. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899.

Московскій Главный Архивъ предпринялъ изданіе этого „Сборника" съ 1880 года: книги выходили безъ опредѣленнаго срока и заключали въ себѣ, во-первыхъ, извѣстія о прошедшихъ судьбахъ самаго Архива, во-вторыхъ, извлеченія изъ его матеріаловъ и основанныя на архивныхъ данныхъ изслѣдованія, особливо по нашей старой и

новой дипломатической исторіи. Въ настоящемъ выпускѣ находимъ слѣдующія статьи: О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, г. Бѣлокурова; И. А. Крыловъ и его товарищи по типографіи и журналу въ 1792 году, Н. В. Рождественскаго; Изъ записной книжки Н. Н. Бантыша-Каменскаго; Къ исторіи моск. Главнаго Архива государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ (донесеніе имп. Николаю I А. Ѳ. Малиновскаго, въ 1826 г.); Арабская рукопись описанія путешествій Макарія, патріарха антіохійскаго, составленнаго его сыномъ, Павломъ Алеппскимъ, Г. А. Муркоса; Портфели Г. Ф. Миллера, кн. Н. В. Голицына; Письмо имп. Александра I къ гр. А. П. Толстому отъ 8 сентября 1812 г. по поводу оставленія Москвы кн. Кутузовымъ и о ссылкѣ М. М. Сперанскаго изъ Нижняго въ Пермь (изъ собранія Ѳ. Ѳ. Мазурина); наконецъ, продолженіе начатаго раньше обширнаго изслѣдованія В. А. Уляницкаго: Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей.

Многія изъ этихъ статей любопытны и для исторіи литературы, какъ обширная работа г. Бѣлокурова, о которой скажемъ далѣе, какъ описаніе портфелей Миллера, какъ статья о Крыловѣ. Эта послѣдняя сообщаетъ неизвѣстныя до сихъ поръ данныя изъ біографіи Крылова въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II. Извѣстно, что Крыловъ не любилъ говорить о своемъ прошедшемъ, и только иногда проговаривался о томъ, что у него бывали непріятныя житейскія испытанія, напр. какія-то дѣла съ полиціей. Авторъ замѣтки о Крыловѣ, г. Рождественскій, указываетъ, что въ письмѣ Карамзина къ Дмитріеву (отъ 3 января 1793) находится вопросъ: правда ли, что издателей „Зрителя“ (это были Крыловъ и Клушинъ) „брали подъ караулъ“? Въ московскомъ Главномъ Архивѣ нашлись документы, указывающіе, что если Крылова и не брали подъ караулъ, то онъ имѣлъ дѣло съ полиціей. Когда онъ издавалъ „Зрителя“, печатавшагося въ типографіи „И. Крылова съ товарищи“ (эти „товарищи“ были Клушинъ, актеры Плавильщиковъ и Дмитревскій), то въ 1792 году въ его типографіи сдѣланъ былъ полицейскій осмотръ по высочайшему повелѣнію и предписанію П. А. Зубова. Осмотръ сдѣланъ былъ „со всею прилежностью“ частнымъ приставомъ, а кромѣ того губернаторъ въ присутствіи оберъ-полицеймейстера сдѣлалъ допросъ Крылову и Клушину. Крыловъ былъ тогда отставной „провинціальный секретарь“ (скромный чинъ, кажется, совсѣмъ впослѣдствіи забытаго XIII-го класса), а Клушинъ—подпоручикъ, служившій въ коммиссіи по строенію дорогъ въ государствѣ. Плавильщиковъ и Дмитревскій были, повидимому, привлечены косвенно и должны были подтвердить показанія своихъ товарищей. Полиція искала вредныхъ сочиненій, и именно печатныхъ или назначенныхъ къ печати, но подобнаго найдено не

было; а всѣ „товарыщи“ заявили „по чистой совѣсти и долгу присяги“, что ничего безъ установленной цензуры печатано не было. У Крылова было сочиненіе, которое онъ самъ (отобравъ у пріятеля, которому давалъ для прочтенія) представилъ губернатору,—подъ названіемъ „Мои горячки“,—но онъ объяснилъ, что „писалъ оное назадъ года съ два безъ всякаго умысла, по одной склонности къ сочиненіямъ, еще не кончилъ, никогда нигдѣ не печаталъ, и прямаго къ тому намѣренія не имѣя, прочитывалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ“. У Клушина была какая-то поэма „Горлицы“, которую, повидимому, между прочимъ искали; но при осмотрѣ, т.-е. обыскѣ, „поэмы Горлицы и другихъ вредныхъ сочиненій не оказалось, и Клушинъ лично губернатору объяснилъ и въ показаніи написалъ, что онъ сочинялъ книжку подъ названіемъ „Сатирическіе, философическіе и аллегорическіе сны“: „содержаніе ея, сколько упомню, было судьи, превращенныя во птицъ, разумѣя ихъ раскаяніе въ царствѣ пернатыхъ, горлицы изображая суевѣріе народное, и прочее. А поелику сіе сочиненіе мнѣ не нравилось, то я его изодралъ еще недоконченнымъ, читалъ его г. Дмитревскому, и какъ помнится, не все... Впрочемъ малинькое сіе сочиненіе не имѣло въ себѣ ничего противнаго образу мыслей истиннаго человѣка, преданнаго священнымъ властямъ и повинующагося законамъ“.

Къ докладу губернатора Зубову приложены были, переписанныя на бѣло и въ особомъ конвертѣ, сочиненія, представленныя Крыловымъ; а Клушинъ по памяти написалъ своихъ „Горлицъ“. Послѣднія сохранились въ бумагахъ Архива, но сочиненій Крылова не нашлось. Въ заключеніе губернаторъ писалъ, что, „не упуская изъ виду повѣденія (Крылова и Клушина), которое донынѣ никѣмъ не охуждается, далнейшее изслѣдованіе до высочайшаго благоусмотренія остановилъ, дабы не послѣдовало и малѣйшей обиды или притѣсненія, какъ о томъ мнѣ предписать изволили“. Эта послѣдняя черта любопытна,—потому что встрѣчается рѣдко.

Этотъ случай съ Крыловымъ есть еще примѣръ той подозрительности, съ какою имп. Екатерина въ послѣдніе годы царствованія относилась къ литературѣ. Незадолго передъ тѣмъ Екатерина раздражена была книгой Радищева; „не менѣе Радищевскаго дѣла,—замѣчаетъ г. Рождественскій,—должно было здѣсь имѣть значеніе уже *бывшее наканунѣ* своей катастрофы дѣло Новикова“,—въ это время катастрофа уже совершилась: обыскъ въ типографіи Крылова и допросъ происходили въ маѣ 1792, а Новиковъ былъ уже арестованъ въ апрѣлѣ.

Исторія съ Крыловымъ была вызвана не какимъ-либо совершившимся фактомъ, статьей или книгой; поводомъ къ ней, очевидно,

были простые слухи или сплетни въ литературно-театральномъ мірѣ, гдѣ Плавильщиковъ и Дмитревскій были очень извѣстные люди,—но и слухъ способенъ былъ встревожить и вызвать исторію, которая повидимому напугала Крылова, такъ что онъ никогда не хотѣлъ о ней разсказывать.

Обширное изслѣдованіе г. Бѣлокурова о библіотекѣ московскихъ государей, кромѣ изданія въ настоящемъ „Сборникѣ“, вышло также отдѣльной книгой, гдѣ оно дополнено еще весьма важными „приложеніями“, увеличившими книгу вдвое. Въ первый разъ о библіотекѣ московскихъ государей писалъ въ тридцатыхъ годахъ дерптскій профессоръ Клоссіусъ, и съ тѣхъ поръ установилось представленіе о богатствѣ этой библіотеки,—куда-то однако скрывшейся. Въ 1890—91 пріѣзжалъ въ Москву доцентъ страсбургскаго университета Тремеръ, заинтересованный этимъ вопросомъ (въ библіотекѣ находилось, будто бы, великое богатство между прочимъ греческихъ рукописей); уѣзжая изъ Москвы, Тремеръ, по словамъ г. Бѣлокурова, „преподалъ наставленіе“, что эту забытую нами библіотеку слѣдуетъ искать подъ землей, въ томъ или другомъ мѣстѣ московскаго Кремля. Въ 1894 году И. Е. Забѣлинъ напечаталъ статью „Подземныя хранилища московскаго Кремля“: онъ полагалъ, что библіотека исчезла еще въ XVI столѣтіи и вѣроятнѣе всего сгорѣла въ пожарѣ 1571 года; но въ той же статьѣ онъ сообщилъ донесеніе одного московскаго пономаря, въ 1724, въ канцелярію фискальныхъ дѣлъ о томъ, будто бы въ тайникахъ Кремля находятся двѣ палаты, наполненныя сверху до низу сундуками съ неизвѣстными сокровищами. По этому поводу завязалась между учеными довольно ожесточенная полемика за и противъ существованія подземныхъ палатъ съ сундуками и библіотекой московскихъ царей.

„Во время пребыванія въ Москвѣ, Тремеру было разрѣшено въ 1891 производство раскопки въ Кремлѣ, но раскопки не принесли никакого результата. Тремеръ не терялъ однако надежды, что поиски въ другихъ мѣстахъ будутъ успѣшнѣе; но точно также отрицательный результатъ дали и другія раскопки, произведенныя въ 1894 году подъ руководствомъ И. Е. Забѣлина. Но, быть можетъ, книги царской библіотеки XVI вѣка сохранились въ другихъ московскихъ книгохранилищахъ? Этотъ вопросъ задавалъ себѣ первый изслѣдователь вопроса, Клоссіусъ, а теперь и Тремеръ,—но оба приходили къ заключенію, что въ этихъ книгохранилищахъ слѣдовъ старой царской библіотеки нѣтъ.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса оставалось изслѣдовать всѣ данныя, которыя могутъ освѣтить его съ той или другой стороны. Такое изслѣдованіе и предпринялъ г. Бѣлокуровъ: онъ произвелъ та-

кіе широкіе поиски, что его трудъ доставляетъ, и внѣ ближайшей его задачи, весьма цѣнныя указанія о старой русской письменности, книжномъ и архивномъ дѣлѣ. Прежде всего онъ далъ исторію всѣхъ старыхъ московскихъ книгохранилищъ, въ которыя, какъ предполагалось, могли войти книги старой царской библіотеки. Такъ онъ изслѣдуетъ исторію библіотеки Посольскаго приказа; Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; Патріаршей библіотеки; московской синодальной Типографской библіотеки; наконецъ исторію иноязычныхъ рукописей въ московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеѣ, въ библіотекахъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря, духовной Академіи, московскаго Университета, Чудова монастыря, Успенскаго собора и Троицкой лавры. Опредѣливъ по самой исторіи этихъ библіотекъ, было ли возможно искать въ нихъ слѣдовъ царской библіотеки XVI вѣка, авторъ переходитъ къ обстоятельному разбору тѣхъ старыхъ свидѣтельствъ, которыя говорили о богатствѣ царской библіотеки и даже о ея составѣ: таковы показанія Максима Грека; хроника Ніенштедта; загадочный списокъ книгъ, найденный дерптскимъ проф. Дабеловомъ (здѣсь г. Бѣлокуровъ въ текстѣ списка напрасно допустилъ систематическую опечатку sine вм. sive, стр. 268—270); свидѣтельство Паисія Лигарида; упоминанія лѣтописи. Степенной книги и пр. Наконецъ, особую главу авторъ посвятилъ судьбѣ царскихъ библіотекъ XVI—XVII вѣка.

Приходя вообще къ отрицательному выводу о существованіи обширной библіотеки Грознаго, авторъ спрашиваетъ, почему—если она существовала—о ней совершенно забыли въ XVII вѣкѣ: забылъ Годуновъ, который любилъ просвѣщеніе; забылъ Филаретъ, который и при Грозномъ занималъ видное мѣсто; забылъ Никонъ, который такъ нуждался въ греческихъ книгахъ и посылалъ за ними на востокъ Арсенія Суханова? Общее заключеніе автора таково:

„Мы не имѣемъ ни одного современнаго русскаго свидѣтельства о существованіи въ XVI вѣкѣ царской библіотеки, состоявшей изъ громаднаго количества иноязычныхъ рукописей (греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ).

„Свидѣтельство хроники Ніенштедта по многимъ причинамъ весьма сомнительно и не можетъ быть принято.

„Списокъ проф. Дабелова поддѣльный.

„У царя Ивана IV была библіотека, состоявшая изъ русскихъ, литовскихъ, польскихъ и 1 нѣмецкой книгъ и рукописей, въ которой могло быть (прямыхъ указаній на это нѣтъ) и нѣсколько греческихъ рукописей, но 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей въ ней не было.

„Въ московскомъ Кремлѣ подъ землей никакой библіотеки царской нѣтъ“.

Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію помѣщено много цѣнныхъ матеріаловъ, имѣющихъ и самостоятельный интересъ. Самое важное—собраніе сказаній о Максимѣ Грекѣ. Такъ какъ въ исторіи царской библіотеки особенное значеніе придавалось свидѣтельству Максима Грека, будто бы видѣвшаго ее, то г. Бѣлокуровъ въ своемъ изслѣдованіи подробно разобралъ имѣющіяся свѣдѣнія о Максимѣ Грекѣ, и нашелъ, что упоминаніе о библіотекѣ находится только въ одномъ изъ девяти сказаній о Максимѣ, именно въ томъ, которое, будучи составлено долго спустя по его смерти и человѣкомъ, не имѣвшимъ о немъ прямыхъ свѣдѣній, было только повтореніемъ старыхъ сказаній съ реторическими украшеніями, по содержанію нимало недостовѣрными. Дальше, въ приложеніяхъ помѣщены: списокъ греческихъ и латинскихъ рукописей въ библіотекѣ московскаго Архива мин. иностранныхъ дѣлъ; подробное исчисленіе рукописей, заключающихъ сочиненія Максима Грека и сказанія о немъ,—въ библіотекахъ Москвы, Петербурга и провинціи г. Бѣлокуровъ насчиталъ болѣе 240 рукописей; далѣе, описаніе библіотеки московскаго Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1784 году; иноязычныя книги и рукописи московской синодальной библіотеки въ 1773 году.

—М. О. Меньшиковъ Критическіе очерки. Спб. 1899.

Въ подробномъ заглавіи книги такъ перечислены составляющія ее статьи: Работа совѣсти; Двѣ правды; Литературная хворь; Больная воля; Нравственное вдохновенье; Старые и молодые таланты; Оскорбленный геній; Поэтъ-богатырь; Художественная проповѣдь; Сбились съ дороги; Великое дѣтство; Добрый юморъ.

Эти темныя, иносказательныя заглавія (какъ и отсутствіе оглавленія въ настоящей книгѣ) едва ли удобны для читателя, который хотѣлъ бы остановиться на предметѣ, его особенно интересующемъ; авторъ какъ будто заставляетъ перечитать непремѣнно все. Вслѣдъ затѣмъ, однако, въ предисловіи оказывается, что рѣчь идетъ все о той же нашей литературѣ. „Статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ,—говоритъ авторъ,—печатались въ разные годы въ критическомъ отдѣлѣ журнала „Недѣля“. Писанныя по поводу лишь нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого, Я. П. Полонскаго, А. П. Чехова, С. Я. Надсона, Грибоѣдова, гр. Алексѣя Толстого, Н. С. Лѣскова и П. Е. Накрохина, эти статьи могутъ служить скорѣе нравственной характеристикой творчества названныхъ писателей, чѣмъ литературной. Въ

статьяхъ о гр. Л. Н. Толстомъ я ограничиваюсь только нравоучительной стороной его произведеній. Со всѣми авторами (кромѣ Грибоѣдова и гр. Алексѣя Толстого) меня, кромѣ уваженія къ ихъ таланту, связываетъ счастіе знать и любить ихъ лично; такъ что ихъ дорогимъ для меня именамъ я и посвящаю эту книгу".

Проще было бы, еслибы авторъ прибавлялъ къ своимъ неопредѣленнымъ заглавіямъ имена тѣхъ писателей, произведенія которыхъ бывали его темой.

Г. Меньшиковъ имѣетъ не мало враговъ между своими критиками; эта вражда часто неумѣренна,—и должно сказать, что г. М. давалъ къ ней поводъ съ своей стороны неумѣренностью своихъ идеалистическихъ построеній. Почти неизмѣнно онъ парадоксаленъ; очень часто его мнѣнія идутъ наперекоръ болѣе или менѣе общепринятымъ понятіямъ историческимъ, нравственнымъ, литературнымъ; подъ вліяніемъ своего личнаго настроенія онъ упорно развиваетъ свою мысль, мало обращая вниманія на обычныя мнѣнія. Въ настоящей книгѣ опять найдется не мало парадоксовъ почти о каждомъ изъ крупныхъ писателей нашей литературы, о которыхъ онъ говоритъ,—и даже о древнихъ греческихъ философахъ, какъ Сократъ. Авторъ вообще избѣгаетъ полемики съ писателями другого или противоположнаго мнѣнія: онъ прямо излагаетъ свои теоріи, не заботясь о другихъ существующихъ взглядахъ,—и это напрасно, потому что предметы, о которыхъ онъ говоритъ, въ литературѣ обыкновенно не новы, и мнѣнія, о нихъ раньше высказанныя, требовали вниманія, потому что были выводомъ изъ фактовъ и ихъ освѣщеніемъ. Не считаясь съ ними, авторъ оставляетъ свои рѣшенія недоказательными. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что „почти всѣ наши великіе и даже просто талантливые художники слова были консерваторы", и доказываетъ это особенно на Пушкинѣ и Лермонтовѣ. Въ замѣчаніяхъ автора есть немалая доля правды, впрочемъ давно уже замѣченной; но остается невыяснено, почему же, однако, Пушкинъ и Лермонтовъ стали въ литературѣ источниками движенія именно прогрессивнаго? Наши романисты, по словамъ г. Меньшикова, тоже въ большинствѣ консерваторы; но автору пришлось очень странно опредѣлять „консерватизмъ" Тургенева (стр. 120—124): „Въ Пушкинѣ еще довольно крѣпко держался *москвичъ* стараго типа; въ Тургеневѣ преобладалъ уже новый *европеецъ*, консерваторъ того, что въ Европѣ перестало уже быть новостью"—т.-е., онъ былъ консерваторомъ не у насъ, а въ Европѣ? Самъ авторъ находитъ однако, что „консерватизмъ", „либерализмъ"—затасканныя клички, и онъ съ своей стороны думаетъ, что либерализмъ есть „стремящаяся воплотиться совѣсть". Это справедливо, и отбросивъ клички, съ этой болѣе про-

стой точки зрѣнія общественной совѣсти, авторъ, быть можетъ, вѣрнѣе оцѣнилъ бы иныя литературныя явленія.

Охота къ парадоксу сопровождаетъ автора и въ самую древность. Оспаривая положеніе, будто бы „аѳинская культура въ вѣкъ Перикла была бы немыслима безъ рабства, какъ и культуры римская, феодальная, крѣпостная и теперешняя капиталистическая немыслимы будто бы безъ эксплуатаціи народныхъ массъ, отчужденія ихъ энергіи въ распоряженіе интеллигентнаго меньшинства", авторъ приходитъ въ негодованіе: „самая роскошная цивилизація, купленная страданіями живыхъ существъ, такъ же грѣшна, какъ благополучіе людоѣда, сожравшаго своего плѣнника,—не говоря о томъ, что это грѣхъ, это сверхъ того и ошибка. Истинная цивилизація совсѣмъ не нуждается въ богатствѣ и праздности меньшинства. Развѣ тѣ геніи, которые составляли украшеніе вѣка Перикла, были богачи? Развѣ Сократъ не былъ бѣднѣе всѣхъ въ Аѳинахъ и его философія теряла отъ того, что онъ ходилъ босикомъ"? и пр. (стр. 385). Благополучіе людоѣда—несомнѣнно грѣхъ, и современная жизнь стремится къ тому, чтобы цивилизація не была людоѣдствомъ; но несомнѣненъ и историческій фактъ, что аѳинская цивилизація была рабовладѣльческая, что—какъ это ни было грѣшно—успѣхи науки и искусства, культуры (построеніе роскошныхъ храмовъ, основаніе ученыхъ учрежденій, устройство экспедицій, не говоря о роскоши дворовъ и высшихъ классовъ, поддерживавшей классъ художниковъ и ученыхъ) требовали большихъ средствъ, которыя въ прежнее время собирались всего чаще цѣною утѣсненія низшихъ классовъ. Лично, Сократъ, какъ потомъ множество другихъ великихъ мыслителей, ученыхъ, поэтовъ, былъ бѣденъ,—но почва, кругъ дѣятельности его были приготовлены рабовладѣльческой культурой, и историческаго факта личность Сократа вовсе не опровергаетъ.

Въ сужденіяхъ о новѣйшей и современной литературѣ авторъ не однажды остановитъ читателя оригинальными заключеніями, не всегда притомъ вѣрными; сопоставленія идей и дѣятелей—иногда довольно вопіющія, какъ напр., гр. Л. Н. Толстой и рядомъ Лѣсковъ; иныя опредѣленія далеко не точны, какъ въ статьѣ „Поэтъ-богатырь", и др.—но при всемъ томъ и новая книга г. Меньшикова представляетъ много симпатичнаго, какъ выраженіе искренняго убѣжденія или вѣрованія. Авторъ, съ своей точки зрѣнія, стремится къ идеалу —слишкомъ затерянному въ наше грубое время; въ историческихъ явленіяхъ нашей литературы онъ указываетъ новыя стороны, требующія вниманія, и даетъ иногда прекрасныя оцѣнки, напр. для „Горя отъ ума".—Т.

Въ теченіе ноября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авсѣенко, В.—Петербургскіе очерки. Т. I—II. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Ветуховъ, А.—„А. А. Потебня". + 29 ноября 1891 г. Оттискъ изъ Р. Филологическаго Вѣстника. Варшава 1898. 59 Стр.

——— Философскіе вопросы при свѣтѣ языка. Оттискъ изъ Р. Филологич. Вѣстника. Варшава, 1899.

Виноградовъ, П. Г.—Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. IV и послѣдній. М. 99. Ц. 1 р. 75 к.

Водовозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Французы. Спб. 99. Ц. 40 к.

Гёксли, Т.—Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Съ 82 рис. Перев. Г. Ярцевъ. М. 1900. 1 р. 50 к.

Герасимовъ, П.—Къ ёлкѣ. Книга для дѣтей. Стр. 58. Ц. 50 к.

——— Народные разсказы. № 1—7. Ц. 1 р. 30 к.

Горькій, М.—Очерки и разсказы. Три тома. Спб. 99. Стр. 336, 387 и 384 Ц. за каждый томъ 1 р.

Гранстремъ, Э.—Любочкины „Отчего"? и „Оттого"! Съ 80 рис. Спб. 1900.

Гречушкинъ, С.—Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ. М. 99. Ц. 50 к.

——— Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. М. 99. Ц. 10 к.

——— Практическій курсъ русской грамматики. М. 1900. Ц. 30 к.

Гурьевъ, А.—Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. 2: Значеніе синдикатовъ для интересовъ производительныхъ классовъ населенія. Спб. 99. Ц. 1 р.

Гуссовъ, В. М.—Къ вопросу о редакціяхъ Моленія Даніила Заточника. Од. 99. Стр. 34.

Голли, Л.—Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Съ нѣм. А. Санинъ. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Зинченко, Николай.—Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго Спб. 1900.

Золотаревъ, Л.—Родителямъ для сыновей. М. 99. Ц. 25 к.

——— Самообразованіе женщины-матери. М. 99. Ц. 30 к.

Зупанъ, Ал.—Основы физической географіи. Съ нѣм., п. р. проф. Д. Н. Анучина. Съ 203 рис. и 20 карт. Спб. 1900. Ц. 6 р.

Карреръ и *Косса*.—Пушкинъ, драма въ 3-хъ и 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ итал. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Кирхнеръ, В.—Молочное хозяйство. Съ нѣм., п. р. Ф. Груздева и И. Каширскаго. Съ 162 рис. Т. 1. Спб. 1900.

К., Н.—Начальное образованіе въ большихъ русскихъ городахъ. М. 99.

Кошко, И.—Мелкій народный кредитъ какъ могучее средство борьбы съ обѣднѣніемъ нашего крестьянина. Новгор. 99. Высылается желающимъ безплатно.

Крестовскій, В. В.—Собраніе сочиненій. Т. VI: Въ дальнихъ водахъ и странахъ Спб. 99. Ц. по подп. за 8 томовъ 10 руб.

Куно Фишеръ.—О свободѣ человѣка. Съ нѣмецк. С. Грузенбергъ, п. р. М. Свѣшникова. Спб. 99. Ц. 30 к.

Лависсъ и *Рамбо*.—Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. VI:: Людовикъ XIV (1643—1715). Перев. В. Невѣдомскій. М. 99. Ц. 3 р.

Левассеръ, Э.—Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Ре-

дакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. № 1. Съ приложеніемъ статей: 1) Народное образованіе въ Швейцаріи; 2) въ Финляндіи; 3) въ Россіи, гг. Фальборка, В. Скалона и Чарнолускаго. Спб. 99. Стр. 263. Ц. за все изданіе 5 р.

Леманнъ, д-ръ.—Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности и до нашихъ дней. Переводъ съ нѣмецкаго изданія д-ра Петерсона подъ редакціей В. Н. Линдъ. М. 1899. Выпуски четвертый, пятый, шестой; стр. 183—384. Всего будетъ десять выпусковъ. Ц. безъ доставки въ Москвѣ 3 р., съ доставкой и пересылкой 4 р.

Лесгафтъ, П.—Извѣстія Спб. Біологической Лабораторіи. Т. III.

Луговой, А.—Сочиненія. Т. IV: Романы, повѣсти, разсказы. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Лыткова, Ек.—Отдыхъ. Повѣсти и разсказы. II. Спб. 1900. Ц. 1 р.

——— Мертвая зыбь. Повѣсти и разсказы. I. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Майръ, Г.—Статистика и обществовѣдѣніе. Т. I: Теоретическая статистика. Съ нѣм. В. Желѣзнова. Спб. 99.

Мамонтовъ, И. И.—Указатель изданій министерства Земледѣлія и Госуд. Им. по сельско-хоз. и лѣсной части. Спб. 99.

Махаловъ, С. Д.—Фантазія на трагедію „Гамлетъ“ Шекспира. М. 1900. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Меньшиковъ, М. О.—Критическіе очерки. Спб. 99. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к.

Мизиновъ, П.—Исторія и Поэзія. Историко-литературные этюды. М. 1900. Ц. 2 р.

Моммсенъ.—Исторія римской республики. Перев. Н. Шамонина. Вып. I. М. 99. Ц. 3 р.

Ницше, Фр.—Вагнеріанскій вопросъ. Проблема. Перев. О. О. Р. Кіевъ, 99. Стр. 39. Ц. 40 к.

Новичъ, Н.—Поэты Швеціи. Спб. 99. Ц. 50 к.

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. Выпуски четвертый и пятый. М. 99. Стр. 241—384. Ц. за цѣлое сочиненіе 10 р., по подпискѣ. Ц. за каждый выпускъ 1 р.

Оровичъ, Я.—Женщина въ правѣ, съ приложеніемъ всѣхъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола. 3-е изд. Спб. 1900. Ц. 1 р. 60 к.

Оппель, В. А.—Лимфангіомы. Съ 8 табл. рис. Диссертація на степень д-ра медиц. Спб. 99.

Помпеевъ, С.—Блёстки души. Сборникъ стихотвореній. Спб. 99. Ц. 35 к.

Прокоповичъ, С. Н.—Рабочее движеніе на Западѣ. Т. I: Германія и Бельгія. Спб. 99. Ц. 2 р.

Панкратьева, Елиз.—Спб. Училище Ордена Св. Екатерины. 1798—1898 г. Спб. 99. Ц. 60 к.

Радцигъ, А. А.—Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта, производство, потребленіе, цѣны. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Ратгаузъ, Д.—Собраніе стихотвореній. 1893—1900. Спб. 1900. Стр. 186. Ц. 1 р.

Ратовъ, М.—Женщина передъ судомъ присяжныхъ. Мысли и факты. По поводу статьи Г. Джаншіева. М. 99. Ц. 30 к.

Рашковскій, Н. С.—Современные русско-еврейскіе дѣятели. Вып. 1. Од. 99.

Рошеръ, В.—Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣропріятій противъ бѣдности. Съ нѣм. К. Чемена. Черкасы, 99. Ц. 1 р. 75 к.

Рышковъ, В.—Собраніе сочиненій. Т. I: Женихи. Романъ. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к. Т. II: Разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Саможниковъ, А.—О царской власти, съ библейской точки зрѣнія. Спб. 99. Ц. 25 к.

Свирскій, А. И.—Смертная казнь и другіе разсказы. Спб. 1900. Стр. 235. Ц. 1 р.

С—скій, С.—Джоржъ Эліотъ и ея романъ „Даніель Деронда". Екатериносл. 99. Ц. 10 к.

Стасовъ, Влад.—Надежда Васильевна Стасова. Воспоминанія и Очерки. Спб. 99. Стр. 507.

Танъ.—Чукотскіе разсказы. Съ 12 рис. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго (Полное собраніе сочиненій, т. IV). Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Торе, Г.—Опытъ упрощенія жизни. У Вальденскаго озера, въ Америкѣ. Съ анг. М. 1900. Ц. 60 к.

Трачевскій, А.—Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Спб. 99. Стр. 292. Ц. 1 р. 25 к.

Трохимовичъ, В.—Ученіе объ основахъ человѣческаго сознанія и значеніи личности. Кн. I. Спб. 96. Ц. 2 р.

Туманскій, А. Г.—Китабе-Акдесъ, „Священнѣйшая Книга современныхъ Бабидовъ. Текстъ, переводъ, введеніе и приложенія. Спб. 99.

Ферреро, І.—Милитаризмъ. Съ итал. А. Гретманъ. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательства личныя и имущественныя. 3-е изд. Спб. 1900. Ц. 3 р.

Фуллье, Альфр.—Психологія французскаго народа. Съ приложеніемъ статьи Вугле: „Философія антисемитизма": Съ франц. Б. Никитинъ. М. 1900. Ц. 1 р.

Хвольсонъ, О. Д.—Краткій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техниковъ. Ч. I. Съ 242 рис. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Ш., Г. С.—Воспоминанія. 1870—1873 гг. Спб. 99.

Ширманъ, д-ръ Н. И.—Краткій учебникъ латинскаго языка, примѣнительно къ медицинѣ—для сестеръ милосердія, фельдшерицъ, акушерокъ и т. д. Од. 99. Ц. 95 к.

Яковлевъ, Н.—Фауна нѣкоторыхъ верхнепалеозойскихъ отложеній Россіи. Съ 5 табл. рис. Спб. 99.

Эйдоль.—Леченіе безъ лекарствъ, при помощи воды, воздуха, свѣта, пищи, покоя и уваженія. Съ англ. М. 99. Ц. 1 р.

Эндрьюсъ, Д. М.—Историческое развитіе современной Европы, отъ вѣнскаго Конгресса до нашего времени. Т. I: 1815—1850 г. Т. II: 1850—1897. Съ англ. М. Лучицкой, п. р. И. В. Лучицкаго. М. 99. Ц. 3 р.

Bollak, L.—Résumé théorétique de la Langue Bleue. Langue internationale pratique. Par. 99. Стр. 124. Ц. 2 фр. 50 сант.

Donici, F.—Résumé du Calendrier de l' église d' Orient en vieux et en nouveau style. Jassy. 99.

Schulze-Gavernitz, Dr. Gerhart von, Prof.—Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipz. 99. Стр. 618.

— Библіотека для самообразованія. XI т.: Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ, Физіологія органовъ чувствъ. Съ 125 рис. Съ англ. перев. Н. Гороновича. М. 1900. Стр. 413. Ц. 1 р. 75 к.—IV т.: Ремсенъ, Введеніе къ изученію органиче-

ской химіи, или химіи углеродистыхъ соединеній. Съ англ. Н. Дрентельнъ. М. 1900. Стр. 517. Ц. 1 р. 75 к.

— Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, переработанный и дополненный для Россіи, по нов. изд. „Conversations-Lexicon'a Мейера, п. р. С. Южакова. 200 вып. по 50 к., или 20 том. въ изящн. перепл. по 6 р. Спб. 99. Вып. 1 и 2. Ц. 1 р.

— Вопросы науки и общественной жизни. Вып. V: Соколіу, Психо-физическій дуализмъ. Съ нѣм. В. Денишъ. Вел.-Уст., 99. Стр. 86. Ц. 35 к.

— Извѣстія Спб. Біологической Лабораторіи. Изд. п. р. П. Лесгафта. Т. III. Вып. 4. Спб. 99. Подп. ц. 3 р.

— Изданія магазина „Книжное Дѣло": 1) Томсонъ, L., Жизнь животныхъ, ч. I: Повседневная жизнь животныхъ. Ц. 30 к. 2) Демоленъ, Э., Новое воспитаніе, реформа средняго образованія съ замѣной классицизма. Ц. 80 к. 3) Соболевъ, М. Н., Коммерческая географія Россіи. Ц. 1 р. 25 к. 4) Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. Съ франц. п. р. Ю. Веселовскаго. Подп. ц. 7 р. 5) Шарко, Ж. Исцѣляющая вѣра. Съ франц. Ц. 15 к. М. 1900.

— Итальянская Библіотека: 1) Ада Негри, крит.-біогр. очеркъ М. Ватсонъ. Спб. 99. Ц. 50 к. 2) Джозуэ Кардуччи, того же автора. Спб. 99. Ц. 50 к.

— Итальянская Литература: 1) Эдмондъ де-Амичисъ, Новеллы, I и II. 2) Джіованни Верга, Ева, разск. Перев. Е. Тарасовой. М. 190 . Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, за 1898—99 г. Спб. 99. Ц. 25 к.

— Общедоступная Научная Библіотека: № 2. Клейнъ, Прошлое, настоящее и будущее Вселенной. Съ 11 табл., 185 портр. и рис. Перев. К. Пятницкаго. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к. № 3. Юнгъ, Солнце. Съ 3 табл. и 150 илл. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ по Лѣсному Управленію мин. землед. и госуд. имущ. за 1898 г. Спб. 99. Стр. 103.

— Памятная книжка о Кіевской 4-й гимназіи. Кіевъ. 99. Ц. 1 р.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 105-й. Спб. 99. Ц. 3 р.

— Сборникъ Консульскихъ донесеній. Годъ II. Вып. VI. 1899. Спб. 99.

— Учрежденія мелкаго кредита. 2-е изд. Спб. 99. Ц. 75 к.

— Экономическая Библіотека: 1) І. Кнаппъ, Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи. Съ нѣм. Л. Зака. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к. 2) Ж. Блондель, Торгово-промышленный подъемъ Германіи. Перев. п. р. М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

— Энциклопедическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова, Е. Н. Янжулъ, В. П. Вахтерова и др. 2-е изд. Спб. 99. Ц. 75 к.

— Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII, А (54): Рѣпина—Рясское и Россія. Спб. 99. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Ludwig Jacobovsky. Loki, Roman eines Gottes. Berlin, 1899. Стр. 256.

Одна изъ особенностей нѣмецкой культуры послѣднихъ десятилѣтій — жизнерадостность. Въ общественномъ настроеніи эта черта создала даже замѣтное преобладаніе нѣсколько буржуазнаго тона. Въ искусствѣ и литературѣ жизнерадостность возведена даже въ философскую теорію. Если художественное произведеніе значительно, т.-е. если за образами видна отвлеченная идея, видна попытка уяснить себѣ смыслъ явленій,— то, въ большинствѣ случаевъ, поученіе, изъ него вытекающее—оптимистично. Смыслъ жизни нѣмецкіе художники видятъ не въ примиреніи съ роковымъ трагизмомъ мірозданія, а напротивъ того, въ гармоніи, въ безконечномъ восхожденіи человѣка къ свѣту. Яснѣе всего философскій оптимизмъ, несомнѣнно связанный въ Германіи и съ причинами чисто историческими, виденъ въ живописи. Бёклинъ, глава современной нѣмецкой живописи, воплотилъ въ небывалыхъ красочныхъ сочетаніяхъ стихійную радость бытія, и по его слѣдамъ идетъ вся новѣйшая школа въ искусствѣ. Въ литературѣ гимнъ радости и свѣту звучитъ не только въ произведеніяхъ самыхъ крупныхъ представителей молодой Германіи, но и у менѣе выдающихся художниковъ, болѣе интересныхъ своими намѣреніями, чѣмъ совершенствомъ исполненія.

Къ этому основному теченію примыкаетъ и авторъ романа „Локи, романъ божества“ — Людвигъ Якобовскій, молодой писатель, имѣющій въ Германіи довольно громкое имя. Онъ стоитъ теперь во главѣ литературнаго журнала „Gesellschaft“, и одинаково извѣстенъ какъ лирикъ и какъ романистъ. „Локи“, эпическая поэма въ прозѣ— его новѣйшее и наиболѣе выдающееся произведеніе. Оно интересно и по своему отвлеченному идейному замыслу, и по своей художественной, очень выдержанной формѣ. Подъ вымышленнымъ фантастическимъ содержаніемъ авторъ поэмы высказываетъ свое отношеніе къ вопросу о стихійной борьбѣ добра и зла, о томъ, что составляетъ область и предѣлы власти этихъ двухъ началъ, объ ихъ взаимномъ отношеніи. Для того, чтобы придти къ окончательнымъ выводамъ, Якобовскій беретъ оба начала въ ихъ крайнемъ и высшемъ

выраженіи. Узелъ драматическаго дѣйствія его повѣсти или поэмы—борьба бога добра и свѣта съ богомъ зла и тьмы, или—по скандинавской миѳологіи—борьба Локи съ Бальдеромъ, богомъ солнца. Мысль, которую проводитъ авторъ, слѣдующая: существованіе двухъ взаимно разрушающихъ началъ, свѣта и тьмы, и борьба ихъ между собою—роковой законъ жизни. Въ чемъ же смыслъ ея, въ чемъ оправданіе зла? Отвѣтъ оптимистическаго философа: зло нужно для того, чтобы оно побѣждалось добромъ. Свѣтъ проливается на все одинаково, не дѣлаетъ отличій, не хочетъ вражды, не хочетъ ничего, отбрасывающаго тѣнь. Поэтому свѣтъ не есть законъ жизни, а только ея вожделѣніе,—то, къ чему жизнь стремится. Чтобы свершался законъ жизни,—нужна противоположная сила, нужны тѣни и различія, нуженъ врагъ этого бога солнца—мрачный Локи. На его сторонѣ великая сила—сила стремленія и познаванія. Локи—страдающій, мощный и проклинающій герой поэмы,—тоже богъ, какъ и Бальдеръ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ,—какъ бы возведенный на идеальную высоту человѣкъ,—воплощеніе человѣческихъ хотѣній и роковой человѣческой безпомощности. Сила Локи—въ его знаніи. Его боятся всѣ божественные „азы", населяющіе Валгаллу, потому что онъ знаетъ ихъ судьбу. Но одного онъ не знаетъ—своей собственной судьбы, своего назначенія. Этой своей силой и этимъ своимъ безсиліемъ Локи воплощаетъ въ себѣ человѣчество. Онъ многое провидитъ, знаетъ и понимаетъ, что боги Валгаллы смѣнятся другими богами; въ немъ много скрытаго знанія, которое онъ черпаетъ изъ безднъ земныхъ; свой пророческій даръ Локи получилъ отъ вѣковѣчной богини земли, грозной Урдъ. Всѣ боги ея боятся—имъ дышется вольно только въ небесной выси. Локи же сроднился съ землей, и она—источникъ его знаній. Но земля, великая учительница Локи, положила предѣлъ его знаніямъ. Она не открыла ему его призванія. Въ этомъ—его мука, и въ этомъ кара за его стихійную борьбу противъ свѣтлыхъ боговъ. Онъ знаетъ, что долженъ бороться, чтобы отстоять себя. Онъ знаетъ, что побѣда свѣта — его гибель, и всей своей страшной силой онъ стремится къ разрушенію свѣта, который внѣ его,—къ побѣдѣ надъ Бальдеромъ. Локи удается убить Бальдера. Онъ торжествуетъ побѣду надъ свѣтлымъ племенемъ, признающимъ власть Бальдера. Въ счастливую долину свѣтлыхъ поклонниковъ бога солнца онъ приводитъ орду грубыхъ, обнищалыхъ ненавистниковъ свѣта; они провозглашаютъ королемъ—вмѣсто умершаго бога солнца—пса, одного изъ предводителей шайки. Но въ моментъ величайшаго униженія дѣтей солнца, изъ ихъ толпы выдѣляется юноша, и однимъ взглядомъ уничтожаетъ торжество Локи. Тогда Локи, провидѣвшій все, кромѣ своей собственной судьбы, понимаетъ, что смерть Бальдера не есть еще конецъ,—такъ какъ передъ нимъ сынъ

Бальдера. Свѣтъ, противоположный мраку жизни, вѣченъ—у Бальдера есть сынъ. Непонятное для самого Локи назначеніе его,—то оправданіе, котораго онъ искалъ,—найдено. Локи долженъ былъ убить Бальдера, потому что Бальдеръ—его противоположность; но, убивая отца, онъ только обнаружилъ вѣчность Бальдера, вѣчно повторяющагося въ своихъ сыновьяхъ. Философскій замыселъ поэмы сводится къ торжеству вѣчнаго свѣта и къ оправданію жизни во имя свѣтлой конечной гармоніи. Образъ Локи, страстнаго борца за жизнь, представленъ въ поэмѣ обаятельнымъ: въ его враждѣ чувствуется роковое влеченіе къ тому, что̀ онъ хочетъ разрушить. Локи менѣе всего похожъ на романтичный образъ демона — онъ не разрушитель, не духъ отрицанія, а какъ будто созидатель жизни и ея контрастовъ.

Этотъ отвлеченный замыселъ облеченъ въ поэмѣ Якобовскаго въ художественные образы національнаго эпоса. Философская окраска поэмы придаетъ традиціоннымъ фигурамъ сѣверныхъ боговъ новый интересъ. Всѣ эти боги не божественны въ смыслѣ противоположности людямъ и человѣческимъ страстямъ: напротивъ того, каждый изъ нихъ воплощаетъ какое-нибудь человѣческое свойство, возведенное въ идеалъ. Они свѣтлы и совершенны, но къ ихъ совершенству примѣшивается безпомощность страстей, не побѣжденныхъ ими, и отъ этого существованіе ихъ становится драматичнымъ. Жизнь асовъ управляется строгими законами, но сами обитатели Валгаллы склонны нарушать ихъ, и потому имъ постоянно грозитъ величайшая кара—изгнаніе на землю. Они боги, поскольку они соблюдаютъ строгіе законы совершенства, и становятся людьми, переступая велѣнія ради минутныхъ желаній. Это ихъ дѣлаетъ выразителями судебъ человѣчества въ его стремленіяхъ къ идеалу и въ его роковыхъ паденіяхъ. Вокругъ борьбы Локи и Бальдера группируется рядъ эпизодовъ, относящихся къ той же основной темѣ—къ борьбѣ божественнаго и человѣческаго въ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ другихъ обитателей Валгаллы—боговъ, богинь и валькирій. Все то, что̀ рисуется происходящимъ у боговъ Валгаллы, происходитъ на самомъ дѣлѣ и происходитъ вѣчно въ самомъ человѣкѣ.

Борьба Локи противъ Бальдера сопровождается его ненавистью ко всѣмъ другимъ богамъ и богинямъ. Онъ завидуетъ ихъ совершенству; его умъ и твердая воля направлены на то, чтобы оскорблять священное, принизить боговъ къ землѣ. Прежде всего, онъ хочетъ помѣшать женитьбѣ Бальдера на прекрасной Нанни, потому что этотъ бракъ радуетъ Валгаллу, какъ залогъ неизсякаемости свѣта. Всѣ боги боятся Локи, боятся его союза съ грозной Урдъ, отъ которой онъ получилъ пророческій даръ. Локи самъ любитъ прекрасную Нанни и хочетъ разстроить счастье своего соперника. Бальдеръ ска-

залъ, что женится тогда, когда соберутся въ мирномъ единеніи всѣ аѕы. Богъ Одинъ посылаетъ священныхъ вороновъ за мятежнымъ Локи. Локи является съ тѣмъ, чтобы внести раздоръ въ семью боговъ, готовыхъ встрѣтить его дружелюбными объятіями. Нанни пришла убѣждать его оставить вражду и употребить свою мудрость на благо, а не на погибель аѕовъ, но онъ требуетъ, чтобы она отказалась отъ Бальдера, вырвала ему его „огромные солнечные глаза", отъ которыхъ Локи больно, даже когда онъ сидитъ въ глубинѣ ледяныхъ горъ. Возмущенная Нанни отвѣчаетъ ему: „Ты говоришь, какъ никто въ Валгаллѣ, какъ ни одинъ изъ насъ. Ты принадлежишь къ низкому племени, и у тебя низкій духъ, ты не богъ". Вотъ оскорбленіе, наиболѣе страшное для Локи; изъ-за него онъ мститъ богамъ, пользуясь своей мудростью и помощью богини земли. Исторія продѣлокъ Локи наполняетъ большую часть повѣствованія и полна и трогательныхъ, и забавныхъ эпизодовъ. Къ наиболѣе трогательнымъ принадлежитъ исторія валькиріи Кары, любимицы Одина. Она еще очень молода, но, чтобы отличить свою любимицу, Одинъ даетъ ей первое важное порученіе. Въ битвѣ между норвежцами и финнами ей поручается привести въ Валгаллу предводителя норвежцевъ, молодого королевскаго сына, Гаральда. Боги рѣшили, что онъ падетъ въ битвѣ. Кара знаетъ законы, которымъ подчинены валькиріи. Взору сражающихся валькирія можетъ показаться только тогда, когда наноситъ ему смертельную рану. Но Гаральдъ нравится юной Карѣ, и ей безумно хочется предстать передъ нимъ во всей своей красѣ. Гаральдъ чувствуетъ около себя незримое присутствіе валькиріи, но не хочетъ бороться съ нею. „Срази меня, — говоритъ онъ, — беззащитнаго; я не буду сопротивляться". Это—хитрость со стороны воина, и Кара ею потрясена. Она говоритъ, что не можетъ сражаться противъ беззащитнаго, и вызываетъ Гаральда на бой, обвиняя его въ трусости. Тогда Гаральдъ, ужаленный ея упрекомъ, требуетъ, чтобы она показала ему свое лицо, обѣщая за то сразиться и умереть. Кара блѣднѣетъ. Она знаетъ, что показать лицо живому—преступленіе, но убить беззащитнаго воина—еще большее преступленіе. А какъ явиться къ Одину, не привезя воина поперекъ сѣдла? Ослушаться Одина—величайшій грѣхъ для валькиріи. Она поднимаетъ шлемъ, передвигаетъ поясъ и Гаральдъ глядитъ ей въ глаза. Покоренный ея красотой, онъ болѣе беззащитенъ, чѣмъ когда-либо, но все-таки берется за копье и даетъ Карѣ пронзить себя въ самое сердце—такъ, какъ велитъ Одинъ. Но Кара нарушила свой долгъ, и Локи, зорко слѣдящій за богами, пользуется этимъ для посрамленія валькиріи. Онъ спасаетъ раненаго на смерть воина, чудодѣйственно залечиваетъ его рану. Кара вторично видитъ передъ собою Гаральда. Его вынесъ изъ кустовъ волкъ,

посланецъ Локи. Она рада, что онъ не растоптанъ на полѣ сраженія, какъ она опасалась, и что упреки другихъ валькирій, окружающихъ ее, напрасны. Она хочетъ поднять на сѣдло тѣло воина—какъ ей кажется—бездыханное. Въ эту минуту Гаральдъ оживаетъ. Валькиріи понимаютъ, что Кара не исполнила свой долгъ до конца, не нанесла смертельной раны. Онѣ ей совѣтуютъ убить его вторично, но Кара уже безсильна: она полюбила прекраснаго Гаральда и предпочитаетъ остаться на землѣ и быть его женой, чѣмъ убить его и вернуться въ Валгаллу. Одинъ потерялъ любимую валькирію и понялъ, что это—дѣло рукъ Локи.

Другому своему врагу—Тору, богу грома, Локи мститъ, сдѣлавъ его смѣшнымъ. Богиня Фрея отказываетъ въ своей любви неуклюжему, тяжеловѣсному Тору, и онъ, изъ мести, беретъ себѣ въ жены служанку Сифъ. Богини изъ племени àзовъ оскорблены, и не хотятъ признать въ женѣ Тора равную имъ обитательницу Валгаллы. Онѣ попрекаютъ ее тѣмъ, что она прежде полоскала кувшины для трапезы боговъ, и смѣются надъ ея темными кудрями. Сифъ страдаетъ отъ ихъ насмѣшекъ и готова отдать всю жизнь за то, чтобы имѣть золотые волосы, какъ у богинь. Тогда Локи пускаетъ въ ходъ свое коварство, подсылаетъ къ Сифъ старую колдунью, обѣщающую ей сдѣлать ея кудри золотыми. Сифъ пробирается ночью тайкомъ въ хижину колдуньи, и тамъ въ темнотѣ скрывается Локи. Онъ срѣзаетъ волосы у жены Тора и подъ предлогомъ чудодѣйственныхъ чаръ пишетъ на ея головѣ таинственныя кровавыя руны. Старуха повязываетъ голову Сифъ платкомъ и говоритъ ей, чтобы она не смѣла снимать его до утра. Но Торъ, увидѣвъ Сифъ въ платкѣ, шутитъ надъ нею и, несмотря на ея просьбы, срываетъ его съ головы: голова Сифъ выбрита, какъ у низкой рабыни, и на ней написаны дерзкія слова: „Локи кланяется Тору“. Посрамленіе Тора глубоко, и онъ рычитъ въ безсильной злобѣ противъ своего коварнаго врага. А Локи сидитъ въ глубокомъ подземномъ жилищѣ Урдъ и поетъ суровую пѣсню.

Самымъ безпощаднымъ образомъ Локи мститъ Бальдеру въ лицѣ его сестры Фреи. Боги испуганы страшными снами и предчувствіями. Имъ снятся великаны, карлики и люди, грозящіе имъ гибелью. Они знаютъ, что причиной всему—ихъ врагъ Локи, и стараются найти средство умиротворить его. Они узнаютъ, что предводитель всѣхъ тѣхъ, кто возстаетъ противъ àзовъ—Локи; но Локи сказалъ, что онъ не допуститъ гибели ни одного изъ àзовъ, если къ нему придетъ съ поклономъ кто-нибудь изъ семьи Бальдера. Чтобы предотвратить отъ боговъ месть Локи, златокудрая Фрея рѣшается идти къ нему. Она отправляется въ его уединенное жилище среди горъ, но тамъ ее ждетъ величайшій позоръ. По неотвратимой волѣ Урдъ, Фрея любитъ

Локи, но Локи глумится надъ нею; обманомъ онъ заставляетъ ее отправиться къ коварнымъ карликамъ на сѣверъ, чтобы добыть у нихъ таинственное ожерелье, могущее ей дать, будто бы, любовь Локи. Фрея садится въ колесницу, запряженную кошками, и отправляется за ожерельемъ. Оно ей достается тяжелой цѣной—четыре карлика требуютъ, чтобы она каждому изъ нихъ подарила свою любовь. Она проводитъ у нихъ четыре дня—и первый, кого она видитъ, выходя изъ ущелья—Локи. Онъ встрѣчаетъ ее насмѣшками, говоря, что, побывавъ у отвратительныхъ карликовъ, она не имѣетъ права на любовь никого изъ àзовъ. Когда Локи является послѣ того въ Валгаллу, онъ напоминаетъ каждому изъ присутствующихъ о томъ позорѣ, въ который онъ же ввергъ боговъ Валгаллы. Одину онъ напоминаетъ о его романическомъ приключеніи съ дочерью кузнеца, и возбуждаетъ этимъ гнѣвъ жены Одина, Фриги. Фрею онъ при всѣхъ говоритъ о ея жизни у карликовъ. Все это еще не удовлетворяетъ его; ему хочется предсказать всякому грозящую гибель,—но въ это время является Бальдеръ, и злоба Локи безсильна передъ его свѣтомъ.

Съ цѣлью бороться и наказать боговъ, Локи становится предводителемъ людей. Онъ нарушаетъ безмятежную жизнь среди іерархическаго строя, возстановляетъ рабовъ на ярловъ и порождаетъ междоусобныя войны. Боги не понимаютъ, что творится на землѣ. Имъ въ жертву приносится самое страшное—рабы сжигаютъ равныхъ себѣ; обезумѣвшіе ярлы приносятъ въ жертву короля. Другими словами, и тѣ, и другіе жертвуютъ собою: одни—во имя свободы, другіе—ради власти! Подъ вліяніемъ Локи люди возстали, не хотятъ быть больше рабами. Они возстали противъ ярловъ и противъ крестьянъ, и хотятъ разгромить и боговъ Валгаллы, плохо устроившихъ міръ. Ярлы, принесшіе въ жертву своего короля, надѣются на помощь боговъ; крестьяне тоже ссылаются на боговъ, надѣясь на свои жертвы. Одни только рабы, освобожденные волей Локи, идутъ на бой съ тѣми и другими, провозглашая равенство ярловъ, крестьянъ и рабовъ. Боги Валгаллы болѣе всего устрашены этимъ новымъ предпріятіемъ Локи; имъ кажется, что стѣны Валгаллы готовы обрушиться.

Локи, исполнитель закона жизни, можетъ и долженъ сокрушить стѣны Валгаллы. Онъ знаетъ неминуемость ея гибели. Но есть одинъ, кого онъ сокрушить не можетъ—это Бальдеръ, богъ свѣта, торжествующій надъ Локи и послѣ своей смерти—въ лицѣ своего сына. Такимъ образомъ сплетается судьба людей и тѣхъ божествъ, которыхъ люди создаютъ по своему подобію. Вѣчно лишь то, что отлично отъ земного. Боги Валгаллы—обоготворенные люди, и законъ жизни—въ лицѣ грознаго Локи—пагубенъ для нихъ. Бальдеръ свѣтелъ и безстрашенъ, и торжество—на его сторонѣ. Таково заключеніе, которое вытекаетъ само собою изъ этого „романа божества“.

II.

Georges Rodenbach. L'Elite. Paris, 1899. Стр. 294.

Во Франціи происходитъ такое быстрое чередованіе литературныхъ явленій, такой безпрестанный обмѣнъ именъ, и, благодаря модѣ и французской страсти къ преувеличенію, бываетъ такъ много „званныхъ", что явилась необходимость заняться обзоромъ наличныхъ литературныхъ силъ во Франціи, чтобы намѣтить среди нихъ „избранныхъ", тѣхъ, которые переживутъ минутную славу и укрѣпятся въ литературѣ. Однимъ изъ такихъ обзоровъ, указывающихъ на твердыя пріобрѣтенія въ области литературы, является недавно вышедшая книга Жоржа Роденбаха: „L'Elite". Самъ Роденбахъ—тоже одинъ изъ „избранниковъ"; его преждевременная смерть въ прошломъ году справедливо считалась большой утратой для литературы. Авторъ „Carillonneur", „Bruges la Morte" и столь изысканныхъ стихотворныхъ сборниковъ, какъ, „Regne du Silence", „Voyage dans les yeux", болѣе всего близокъ по духу своему соотечественнику—Метерлинку. Онъ также влюбленъ въ тихія воды каналовъ фламандскаго городка Брюгге, въ церковныя плиты, по которымъ скользятъ монахини въ старинныхъ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Онъ понимаетъ музыку тишины; колокольный звонъ будитъ въ его душѣ сознаніе вѣчной тайны: окружающій міръ,—какъ въ драмахъ Метерлинка невѣдомое,—окружаетъ мирную семью, собравшуюся вечеромъ вокругъ лампы (Intérieur). Неодушевленные предметы полны для Роденбаха скрытаго смысла; онъ умѣлъ передавать настроенія сокровенной грусти простымъ описаніемъ предметовъ въ комнатѣ, зеркалъ, въ которыхъ спятъ отраженія мелькавшихъ передъ ними страданій и радостей, потухшихъ лампъ, холодныхъ каминовъ и всего, что дорого, какъ воспоминаніе, или обаятельно, какъ надежда. Въ послѣднемъ его романѣ, „La Cathédrale", зданіе шартрскаго собора—источникъ живыхъ и сложныхъ настроеній, также какъ въ прежнихъ его произведеніяхъ внѣшній видъ городовъ, мертвый и тихій Брюгге, страстный и дѣятельный Антверпенъ—рисовались живыми символами вѣчныхъ противорѣчій жизни. Этотъ даръ одухотворенія внѣшнихъ предметовъ, умѣнье дѣлать ихъ прозрачными и видѣть сквозь нихъ непознаваемое, и составляетъ вкладъ Роденбаха въ искусство нашего времени. Съ его смертью никто еще пока не перенялъ его наслѣдія. Роденбахъ не создалъ школы и останется обособленнымъ въ общемъ теченіи современной французской литературы.

„L'Elite" вышла послѣ смерти автора; это—собраніе отдѣльныхъ

критическихъ очерковъ о поэтахъ, прозаикахъ и художникахъ. Поэтъ Роденбахъ выступаетъ здѣсь впервые въ роли критика, и на его сужденіяхъ лежитъ яркій отпечатокъ индивидуальности. Самый замыселъ книги сразу выдѣляетъ ее изъ общей массы литературно-критическихъ произведеній. Авторъ говоритъ только объ избранникахъ и этимъ намѣчаетъ то, что̀ есть существеннаго въ текущей литературѣ, то, что̀ отличаетъ ее отъ всего предшествовавшаго и придаетъ ей извѣстную физіономію. Благодаря строгому выбору, который дѣлаетъ Роденбахъ, книга его въ самомъ дѣлѣ рисуетъ физіономію нашей эпохи. Всѣ имена, которыя онъ называетъ, имѣютъ прочное значеніе,—лишь очень немного именъ обойдено въ сборникѣ, который вѣроятно сталъ бы болѣе полнымъ, если бы авторъ не умеръ такъ рано. Но все-таки и въ своемъ настоящемъ видѣ книга Роденбаха гораздо болѣе рисуетъ современную литературу, чѣмъ большинство критическихъ и историко-литературныхъ сочиненій иныхъ профессіональныхъ критиковъ.

Роденбахъ начинаетъ обзоръ новѣйшей литературы нѣсколько издалека, съ предшественниковъ и созидателей новѣйшихъ школъ и направленій. Въ поэзіи онъ останавливается на Бодлэрѣ и Марселинѣ Дебордъ-Вальморъ; говоря о современномъ романѣ,—упоминаетъ о Гонкурахъ.

Характеристика Бодлэра въ книгѣ Роденбаха въ значительной степени отступаетъ отъ обычнаго пониманія автора „Fleurs du Mal“. Бодлэръ считается нѣкоторымъ образомъ пророкомъ зла. Ему ставятъ одни въ вину, другіе въ заслугу, то, что, желая расширить область прекраснаго, онъ включилъ въ нее всѣ настроенія и всѣ ощущенія, осуждаемыя обыкновенно обществомъ. Бодлэръ видѣлъ источникъ красоты въ освобожденіи стихійнаго начала въ человѣкѣ, въ уничтоженіи преградъ, которыя разумъ и благоразуміе ставятъ человѣческой волѣ и полнотѣ душевныхъ силъ. Нравственность ему кажется порожденіемъ инстинкта самосохраненія: человѣчество стремится сохранить себя въ томъ видѣ, въ какомъ оно создано, и потому избѣгаетъ всего, что̀ нарушаетъ матеріальный прогрессъ и заставляетъ человѣка забыть предѣлы возможнаго. Для поэта же не существуетъ заботы о преуспѣваніи и продленіи человѣческой культуры. Ему кажется, что красота начинается тамъ, гдѣ сознаніе предѣла стерто, гдѣ, отказываясь отъ удобствъ и пользы, человѣкъ сливается съ чисто-стихійной, неподвластной разуму жизнью міра и, принося въ жертву свое благополучіе, пріобщается къ болѣе широкой жизни бытія. Отсюда у Бодлэра проповѣдь опьяненія; все его творчество сводится къ знаменитому изреченію, одной изъ его поэмъ въ прозѣ: „Опьяняйтесь,—все равно чѣмъ—виномъ, любовью или поэзіей“. И это не крикъ

отчаянія, вызванный ужасомъ передъ кошмарной дѣйствительностью, а своего рода философскій принципъ, стремленіе обогатить область чувства цѣлымъ рядомъ новыхъ ощущеній—они же возникаютъ лишь съ отрѣшеніемъ отъ сдерживающаго инстинкта самосохраненія. Тутъ, въ этой области безсознательнаго, познается цѣлый рядъ соотношеній между проявленіями стихійной жизни бытія, соотвѣтствія запаховъ, красокъ и звуковъ,—и въ этомъ соотвѣтствіи отражается единство общей жизни вселенной.

Роденбахъ понимаетъ поэзію Бодлэра совершенно инымъ образомъ. Для него онъ—не дерзновенный разрушитель созданныхъ людьми оковъ, а напротивъ того, добровольный рабъ самаго строгаго насилія—убѣжденный католикъ. Если же его поэзія грѣховна, то онъ, по мнѣнію Роденбаха, и сознаетъ ее какъ грѣхъ, а не какъ освобожденіе, и погружается въ область недозволеннаго церковью не съ дерзновеніемъ, а съ покаяніемъ. Такое пониманіе Бодлэра заслуживаетъ быть отмѣченнымъ уже по своей оригинальности.

Роденбахъ рисуетъ любопытную картину современной французской поэзіи, опредѣляя представителей различныхъ эпохъ—отъ романтизма и до нашихъ дней,—ихъ отношеніемъ къ католичеству. Называя Бодлэра католическимъ поэтомъ, онъ связываетъ его съ родоначальникомъ романтизма—Шатобріаномъ. Но у этого главнаго религіознаго поэта Франціи проявилось лишь смутное религіозное чувство; чуждый всякой вѣры въ догматы, онъ любилъ лишь католическій культъ, пышность обрядовъ, украшеніе церквей и своеобразную обстановку католицизма. Викторъ Гюго расширилъ вліяніе католицизма на французское искусство своей реставраціей Собора Парижской Богоматери. Но „Гюго,—говоритъ Роденбахъ,—ограничился, какъ царь Давидъ, тѣмъ, что танцовалъ передъ кивотомъ со своей Эсмеральдой и кортежемъ цыганокъ. Поколѣніе поэтовъ, смѣнившихъ романтиковъ, уже вошли въ Соборъ, окропили себя святой водой и стали исповѣдовать догматы и таинства. Это были: Барбé д'Орвильи Гелло и Бодлэръ. Ихъ же послѣдователи повернули назадъ — къ среднимъ вѣкамъ, по дорогѣ, указанной Гюго. Бодлэръ и д'Орвильи вернулись къ Богу, ихъ ученики—къ Сатанѣ, т.-е. противоположному полюсу божества. Религія смѣшалась съ магіей, заклинанія смѣнили молитвы. Такимъ образомъ совершился переходъ къ оккультизму, эзотеризму и сатанизму, отразившимся въ книгахъ Гюисманса, въ странныхъ произведеніяхъ Гуайта и въ фантазіяхъ Пеладана—послѣдняго выходца романтической школы".

Въ этомъ освѣщеніи французская поэзія является послѣдовательнымъ развитіемъ идеи католицизма, доведенной до крайнихъ предѣловъ, а Бодлэръ составляетъ въ ней одну изъ переходныхъ ступеней. Онъ не доходилъ до сатанизма и оккультизма, оставаясь въ душѣ убѣж-

деннымъ католикомъ. Роденбахъ приводитъ характерныя слова изъ дневника Бодлэра: „Слѣдовало бы,—пишетъ онъ,—ради собственнаго блага, быть или героемъ, или святымъ". Въ этихъ словахъ Роденбахъ видитъ безконечную тоску и стремленіе къ небу, простую и наивную вѣру въ небо и рай, а также въ адъ и его мученія. „Бодлэръ,—говоритъ Роденбахъ,—вѣрилъ въ догматы католической церкви,—и не только въ тѣ, которые относятся къ вѣчному, а и въ тѣ, которые учатъ о земномъ. Исповѣдуя таинства католицизма, онъ принялъ и всѣ его политическія убѣжденія, его соціальныя доктрины и непримиримость католической церкви по отношенію къ свободѣ и свободомыслящимъ. Онъ не допускаетъ мысли, что заблужденія имѣютъ свои права, и въ крестѣ онъ видитъ не символъ мира, а орудіе борьбы". Въ стихотвореніи „Отрѣшеніе святого Петра" онъ оправдываетъ возмущеніе апостола противъ Учителя, осудившаго мечъ. Онъ именно католикъ, а не христіанинъ, и суровый авторитетъ церкви кажется ему единственнымъ путемъ къ спасенію. Все творчество Бодлэра—драматическое воспроизведеніе книги Бытія. Бодлэръ разсказываетъ исторію великаго паденія и вѣчной борьбы, составляющей сущность религій. Три борца участвуютъ въ драмѣ: Богъ, человѣкъ и искуситель,—союзницей котораго является женщина. Искуситель представленъ умудреннымъ вѣковой культурой; онъ умножилъ и усовершенствовалъ свои измышленія, и обрѣлъ множество новыхъ средствъ вводить насъ въ грѣхъ. Длинный списокъ новыхъ грѣховъ и составляетъ Бодлэровскіе „цвѣты зла". Бодлэръ говоритъ о нихъ съ такою же свободой, какъ Моисей—о порокахъ своего времени, и вся его поэзія—какъ бы покаяніе современнаго человѣчества. Самого себя поэтъ тоже причисляетъ къ грѣшникамъ, скорбно кается, вглядывается въ свои прегрѣшенія, какъ въ разбитое зеркало, и оплакиваетъ себя. Онъ смѣшивается съ толпой, идетъ нога въ ногу съ другими жертвами грѣха, обремененный какъ своей виной, такъ и виной другихъ. И во всемъ этомъ чувствуется католическая теорія извращенности человѣка. Онъ ненавидитъ порокъ, преслѣдуя и обличая его среди безумнаго Парижа, въ раскаленной атмосферѣ котораго для искусителя открывается широкое поприще.

Въ католичествѣ Бодлэра Роденбахъ видитъ причину его отчужденности, того, что всѣ не понимали и осуждали поэта, видя въ немъ не обличителя, а пророка зла. И Бодлэръ зналъ, что его не понимаютъ. Озлобленный, онъ чувствовалъ только презрѣніе къ грѣховному человѣчеству, и предпочиталъ поэтому быть даже мистификаторомъ. Онъ полюбилъ ложь, чтобы при помощи ея мстить людямъ и дурачить ихъ. Говоря о томъ, какъ Бодлэръ издѣвался въ поэзіи и въ жизни надъ людьми, даже надъ слабыми и беззащитными, Роденбахъ

углубляется въ душу поэта и говоритъ: „Онъ чувствовалъ себя изгнанникомъ на землѣ. Онъ жилъ среди чужихъ и говорилъ на другомъ языкѣ, чѣмъ всѣ. Его искреннія и простыя рѣчи казались многимъ непонятными или смѣшными, а утонченность его мыслей и его словъ такъ же изумляла, какъ его мистификаціи. Все это происходило оттого, что онъ разсматривалъ жизнь передъ лицомъ вѣчности. Онъ не былъ похожъ на другихъ, онъ не умѣлъ приспособляться; въ этомъ, какъ онъ самъ говорилъ, его великое преступленіе. Поэтому онъ былъ отверженнымъ, геній его—непризнаннымъ, а жизнь—полна всякихъ испытаній: оскорбленій, нищеты, одиночества. Онъ не умѣлъ, какъ умѣли Гюго и Ламартинъ, „бракосочетаться съ толпой“, и его исключительность опредѣлила его судьбу“.

Въ мнѣніи объ исключительности Бодлэра сходятся всѣ его критики. Намъ кажется, что причина ея—въ дерзновенномъ исканіи свободы отъ оковъ, расширенія стихійныхъ силъ человѣка. Роденбахъ, напротивъ того, видитъ исключительность поэта въ его крайнемъ подчиненіи суровымъ догматамъ церковной этики. Быть можетъ, есть нѣчто связующее эти два представленія о поэтѣ. Сознательно онъ исполнялъ завѣты католицизма. Но въ его презрѣніи къ человѣческой грѣховности лежало стремленіе выйти изъ предѣловъ узкой человѣческой морали.

Этюдъ о Бодлэрѣ—самый выдающійся въ книжкѣ Роденбаха. Наряду съ нимъ онъ удѣляетъ по нѣсколько страницъ двумъ другимъ поэтамъ, которые тоже являются предвозвѣстниками новѣйшей французской поэзіи—Вилье-де-Лиль-Аданъ и Марселинѣ Дебордъ-Вальморъ.

Основное свойство Вилье-де-Лиль-Адàнъ Роденбахъ видитъ въ томъ, что онъ—изобрѣтатель. Этому соотвѣтствуютъ огромная сила воображенія, особаго рода убѣдительное краснорѣчіе и поэтическое творчество — умѣнье создать живой и совершенно реальный образъ изъ фантастическихъ элементовъ. Другое столь же важное свойство Вилье-де-Лиль-Аданъ—иронія, по своей безпощадности напоминающая Эдгара Поэ. Вилье-де-Лиль-Аданъ относится съ глубокой ироніей къ современной наукѣ, усматривая въ ней стремленіе къ исключительно матеріальному совершенствованію. Американизмъ и торжество машины въ жизни справедливо кажутся ему опасностью для духовной культуры. Если всѣ помыслы людей направлены на то, чтобы сдѣлать жизнь удобной, чтобы свести до минимума трудъ и пріукрасить рамки человѣческаго существованія, то этимъ поселяется въ людскихъ сердцахъ пагубное заблужденіе. Имъ можетъ казаться, что матеріальныя усовершенствованія и побѣды науки уже и есть цѣль жизни, и что пытливая мысль можетъ отдохнуть, достигнувъ возможнаго и не тревожась болѣе о внутреннемъ содержаніи жизни. Вся прикладная наука,

обреченная на то, чтобы вращаться въ предѣлахъ конечнаго, кажется поэту пустой, поскольку она не связана съ влеченіемъ къ отвлеченной истинѣ. Онъ обрушивается на торжествующій машинный вѣкъ, противопоставляя ему міръ, казалось бы, недѣйствительный — міръ неизсякаемаго воображенія. Его онъ считаетъ болѣе высокимъ по своей безнредѣльности. Творчество и дѣйствительность—вотъ два полюса, между которыми движется художникъ. Его иронія направлена на дѣйствительность; созидательная фантазія даетъ себѣ волю въ мірѣ воображаемомъ. И чтобы показать всю суетность изобрѣтеній въ области положительныхъ наукъ, Вилье-де-Лиль-Адамъ беретъ научныя гипотезы и доводитъ ихъ до абсурда. Лишь тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются съ областью невозможнаго, онѣ вдругъ пріобрѣтаютъ внутренній смыслъ и становятся отраженіемъ правды, лежащей за предѣлами осуществимаго. Во всѣхъ его разсказахъ заключается исторія какого-нибудь ухищренія науки, приспособленной къ мелкимъ надобностямъ людей. Есть у него машины для созиданія славы; есть приспособленія для печатанія афишъ на небѣ, посредствомъ рефлекторовъ; есть доктора, которые въ своемъ стремленіи изучить цѣлебныя средства, убиваютъ своихъ выздоровѣвшихъ паціентовъ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствіи лекарствъ. И среди этихъ мнимыхъ завоеваній науки раздается „гласъ народный"—vox populi—вѣчная просьба о хлѣбѣ. Но сатирикъ-изобрѣтатель проникается благоговѣніемъ къ наукѣ, когда подступаетъ къ тайнамъ ея. Такъ, напримѣръ, въ „Claire Leloir" разсказчикъ возбуждаетъ ужасъ происшествіемъ, основаннымъ на чисто научной гипотезѣ: есть предположеніе, что въ зрачкахъ убитаго отражается, какъ въ зеркалѣ, образъ убійцы, т.-е. объекта, на который устремленъ былъ взоръ въ крайній моментъ жизни. Мертвые глаза, выдающіе тайну убійцы, становятся въ разсказѣ потрясающимъ символическимъ образомъ. Но дальше всего Вилье-де-Лиль зашелъ въ одной изъ своихъ лучшихъ повѣстей, „Eve Future". Герой романа—Эдиссонъ; онъ, при помощи научныхъ средствъ (конечно, самыхъ фантастическихъ), создаетъ живую женщину, надѣляя ее всѣми совершенствами. Исторія созиданія механической Евы разсказана съ такой виртуозной научностью, что покоряетъ себѣ читателя. Но замыселъ автора заходитъ дальше. Онъ хочетъ показать, что нѣтъ ничего чисто механическаго, и что тайна входитъ и туда, гдѣ человѣческій разумъ мнитъ себя властелиномъ. Несмотря на то, что Эдиссонъ знаетъ всѣ пружины, управляющія движеніями и словами созданной имъ Евы, она говоритъ о томъ, что̀ ему совершенно невѣдомо. Онъ пораженъ: какъ можетъ быть въ его созданіи нѣчто, чего нѣтъ въ немъ, въ созидателѣ? Ева объясняетъ ему, что она такъ же таинственна, какъ все, что̀ есть въ мірѣ,—потому что созидающая рука механика была, въ свою оче-

редь, лишь орудіемъ воли, лежащей внѣ его. Такимъ путемъ Вилье-де-Лиль-Аданъ переходитъ отъ ироніи къ мистицизму. Сила его поэтическаго творчества сказывается въ тѣхъ повѣстяхъ и драмахъ, гдѣ міръ воображенія представленъ торжествующимъ надъ міромъ явленій. Такова его драма „Аксель". Двое влюбленныхъ находятъ старинный кладъ, и такъ возвышенно рисуютъ себѣ всѣ радости, которыя имъ теперь открываются, что страшатся дѣйствительности. Она можетъ только унизить ихъ мечты, и во избѣжаніе этого они лишаютъ себя жизни на порогѣ къ счастью. Поэтъ символизируетъ преимущество внутренняго міра, скрытаго въ желаніяхъ человѣка, надъ осязаемыми исполненіями ограниченныхъ житейскихъ желаній.

Говоря о предшественницѣ современной поэзіи, Марселинѣ Дебордъ Вальморъ, Роденбахъ указываетъ, главнымъ образомъ, на гибкость и богатство оттѣнковъ ея лиризма и, главнымъ образомъ, ея стиха. Многія новшества, введенныя Верлэномъ, онъ находитъ у этой поэтессы начала вѣка, а во внутреннемъ содержаніи ея поэзіи онъ усматриваетъ особую непосредственность, свойственную лишь очень сложнымъ и утонченнымъ душамъ.

Изъ современныхъ поэтовъ Роденбахъ останавливается на Верлэнѣ, Стефанѣ Малярмé, а изъ прозаиковъ—на Гюисмансѣ, Анатолѣ Франсѣ, Октавѣ Мирбо и нѣсколькихъ другихъ.

III.

F. Servaes. Praeludien. Ein Essaybuch. Berlin, 1899. Стр. 416.

Францъ Серваесъ—молодой писатель, составившій себѣ, однако, уже имя въ Германіи и Австріи. Онъ—авторъ большого романа „Gährungen", въ которомъ философскія разсужденія и психологическія наблюденія надъ дѣйствительностью слишкомъ подавляютъ собою самую фабулу; поэтому нельзя назвать его чисто художественнымъ произведеніемъ. Гораздо значительнѣе—критическіе этюды Серваеса, его фельетоны въ „Neue Freie Presse" и рядъ отдѣльныхъ очерковъ о современныхъ поэтахъ, романистахъ и живописцахъ. Серваесъ принадлежитъ къ новому поколѣнію нѣмецкихъ критиковъ; научно-теоретическое отношеніе къ вопросамъ искусства и литературы смѣнилось у нихъ чѣмъ-то вродѣ французскаго импрессіонизма. Для Серваеса значеніе художественнаго явленія—не въ его соотвѣтствіи отвлеченнымъ правиламъ. Никакого закона онъ не признаетъ въ эстетикѣ, а напротивъ того, чутко воспринимаетъ всѣ видоизмѣненія вкуса, поскольку они соотвѣтствуютъ философскимъ идеямъ общества въ раз-

ныя эпохи. Поэтому его критическія сужденія пріобрѣтаютъ психологическій характеръ. Въ нихъ отражается настроеніе молодой Германіи, которая, подъ вліяніемъ отчасти философіи Нитцше, отчасти—сѣверной литературы съ ея новыми критеріями нравственности и культомъ личности, стала гораздо всестороннѣе и тоньше понимать искусство. Это новое отношеніе, полу-философское, полу-импрессіонистское, ясно сказывается въ недавно вышедшемъ объемистомъ сборникѣ статей Серваеса, носящемъ заглавіе: „Прелюдіи".

Въ предисловіи Серваесъ объясняетъ странное заглавіе книги. Онъ понимаетъ всю новизну современнаго искусства въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ. Но онъ не находитъ ничего законченнаго въ этой новизнѣ. Онъ видитъ въ ней лишь очень много зародышей; ему кажется, что человѣчество подходитъ къ какому-то началу, и все, что̀ теперь пишется и творится въ искусствѣ и въ литературѣ, составляетъ многообѣщающую прелюдію къ непрозвучавшей еще симфоніи. Въ отдѣльныхъ статьяхъ ему приходится говорить о многихъ вполнѣ опредѣлившихся художникахъ и выставлять на видъ то̀, что̀ они создали безотносительно хорошаго. Но, подводя сумму всѣмъ начинаніямъ, онъ убѣждается въ томъ, что слишкомъ много силъ уходитъ еще на разрушеніе и на борьбу, и поэтому всѣ положительныя новопріобрѣтенія имѣютъ лишь характеръ прелюдіи, въ которой смутно намѣчается основной мотивъ готовящейся, будто бы, симфоніи.

Въ книгѣ Серваеса наиболѣе интересны этюды, посвященные живописи. Ни въ одной области художественнаго творчества не произошло въ Германіи столько перемѣнъ, какъ въ живописи, и главнымъ образомъ въ отношеніи къ живописи со стороны публики. Еще очень недавно такъ называемая историческая школа пользовалась неограниченной властью, Каульбахъ былъ всеобщимъ кумиромъ, и высокій стиль, т.-е. изображеніе знаменательныхъ фактовъ историческаго прошлаго, былъ обязательнымъ для всѣхъ, кто желалъ добиться успѣха. Теперь многое измѣнилось. Рихардъ Мутеръ, авторъ сенсаціонной исторіи живописи, дерзновенно сокрушилъ школу Каульбаха и указалъ на преимущества художниковъ болѣе новыхъ, забывшихъ исторію ради реальнаго изображенія дѣйствительности и во имя красоты. Блестящій и даже какъ будто неожиданный расцвѣтъ художественнаго творчества, быстрое назрѣваніе молодыхъ талантовъ, возростающее количество выставокъ, совершили очень быстрый переворотъ въ художественныхъ вкусахъ общества, и дерзновеніе такихъ новаторовъ, какъ Мутеръ, стало уже выраженіемъ почти общепринятыхъ сужденій. Искусство къ тому же перестало быть достояніемъ спеціалистовъ; литературные критики начинаютъ подходить къ произведеніямъ живописи и скульптуры съ такимъ же интересомъ и съ

такой же свободой, какъ и къ тому, что̀ пишется въ стихахъ и прозѣ.

Серваесъ—одинъ изъ представителей этого новаго отношенія литературы къ искусству. Рядъ его очерковъ, посвященныхъ современнымъ художникамъ, начинается съ характеристики одного изъ главарей старой школы—Адольфа Менцеля. Страницы, относящіяся къ этому исто-германскому, почти геніальному, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, художнику, показываютъ, что критикъ—менѣе всего сектантъ. Для него художественный интересъ вовсе не сводится къ „послѣднему слову". Онъ ясно различаетъ талантъ, каковы бы ни были его проявленія. Онъ не стремится превознести или осудить тотъ или другой видъ творчества, а лишь опредѣлить психологію художниковъ и показать преемственность мотивовъ, которые связываютъ мѣняющіяся направленія въ искусствѣ. „Давно уже выяснилось,—говоритъ онъ,—что современная живопись не можетъ остановиться на Менцелѣ... Будущность не принадлежитъ Менцелю, но ему принадлежитъ прошлое и добрая часть настоящаго". Въ чемъ же связь Менцеля съ настоящимъ? Если настоящимъ называть то, что̀ уже получило признаніе, а не то, что̀ стремится впередъ,—то-есть, господствующее, а не борющееся,—то Менцель истинный властитель современности. Утвердившееся положеніе Менцеля въ современномъ нѣмецкомъ искусствѣ кажется критику и вполнѣ заслуженнымъ, и чрезвычайно отраднымъ. Менцель привлекаетъ его твердостью и основательностью своего творчества: на этого художника можно вполнѣ положиться; его спокойная индивидуальность выходитъ побѣдительницей изъ всѣхъ трудностей. Главной силой Менцеля Серваесъ считаетъ его непревзойденную зоркость. Менцель прежде всего хочетъ все знать. Его безчисленные рисунки показываютъ, что онъ инстинктивно хотѣлъ бы закрѣпить все существующее, все открытое взору. Онъ даже не задумывается надъ тѣмъ, пригодятся ли ему всѣ его этюды, лишь бы они точнымъ, исчерпывающимъ образомъ воспроизводили дѣйствительность. Самое мелкое также интересуетъ его, какъ и самое важное,—безжизненное, какъ и живое. Въ этомъ всепоглощающемъ чутьѣ, направленномъ на дѣйствительное, на факты—основное свойство Менцеля. Оно имъ такъ всецѣло владѣетъ, что нѣтъ у него стремленія къ отвлеченному, къ настроеніямъ, къ обобщенію отдѣльныхъ впечатлѣній. Въ этомъ его значеніе для современнаго искусства, и въ этомъ же и причина розни между нимъ и новѣйшимъ поколѣніемъ художниковъ. Прежніе художники исторической школы стремились къ идеализаціи и загромоздили искусство фальшью. Менцель сталъ относиться къ дѣйствительности съ величайшимъ благоговѣніемъ, не позволяя себѣ ни одного штриха, не отвѣчающаго истинѣ. Нужно помнить при этомъ, что эту фактическую точность онъ пріобрѣлъ

почти научнымъ путемъ. Менцель—художникъ исторической школы, возсоздатель эпохи Фридриха Великаго. Но свою задачу онъ исполнилъ съ такой полнотой реализма, что самъ, казалось, переселился въ изучаемую имъ эпоху. По выраженію одного историка искусства, онъ зналъ каждаго солдата той эпохи лучше—чѣмъ капралъ, своихъ подчиненныхъ. Всѣ внѣшніе предметы, костюмы, обстановка, подробности обмундировки, предметы домашняго обихода въ среднемъ, въ простонародномъ, также какъ въ свѣтскомъ и придворномъ быту, изучены и воспроизведены имъ исчерпывающимъ образомъ. И при этомъ выступаетъ внутреннее пониманіе дѣйствительности,—подробности нисколько не подавляютъ собой общаго впечатлѣнія. Нельзя себѣ представить болѣе живого отраженія эпохи Фридриха Великаго, чѣмъ иллюстраціи Менцеля къ исторіи Фридриха и его большія картины въ берлинской Національной Галереѣ: „Обѣдъ въ Санъ-Суси“ и „Придворный концертъ“. Эта полнота изображенія достигнута Менцелемъ благодаря тому, что онъ возвелъ въ принципъ безличность въ искусствѣ. Германское искусство обязано Менцелю тѣмъ, что реализмъ смѣнилъ прежнюю антихудожественную фальшь. Но этимъ и закончилась задача Менцеля; его современники ушли дальше. „Менцель,—говоритъ Серваесъ,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямой ученикъ Канта. Онъ переноситъ въ область фактовъ то, что философъ теоретически требовалъ отъ художниковъ—безстрастное любованіе предметами. Но послѣ Канта явился Шопенгауэръ, а послѣ Шопенгауэра—Нитцше. Благодаря имъ, психологія художественнаго творчества совершенно отрѣшилась отъ Кантовской: художественныя произведенія создаются не трезвымъ созерцаніемъ, а какъ бы въ опьяненіи, не сглаживаютъ всего индивидуальнаго, а напротивъ того, стремятся къ самому широкому проявленію личности. Безстрастное любованіе смѣнилось глубокимъ душевнымъ напряженіемъ. Темпераментъ сталъ отличительной чертой художника“.

Такъ Серваесъ объясняетъ переходъ отъ реалистическаго творчества Менцеля къ новому искусству, во главѣ котораго онъ справедливо ставитъ Арнольда Беклина. О Беклинѣ въ Германіи и за ея предѣлами уже такъ много написано, и такъ много еще пишется, что, казалось бы, все, что въ немъ есть существеннаго, давно открыто и объяснено. А между тѣмъ Серваесъ правъ, утверждая, что едва ли поклонники и цѣнители „мейстера Арнольда“ понимаютъ его. Онъ, правда, примирительно прибавляетъ, что, даже не понимая его, многіе его „чувствуютъ“, и такимъ образомъ воспринимаютъ его вліяніе даже и не выясняя себѣ—въ чемъ таится обаяніе художника. Свое толкованіе Беклина Серваесъ основываетъ на связи всего творчества Беклина съ философскими идеалами современности. Если Менцель

воплотилъ въ себѣ и довелъ до совершенства все прошлое, то значеніе Беклина совершенно противоположно—въ томъ, что онъ „поселяетъ надежду на будущее". Критикъ видитъ въ стихійности главную черту современной психологіи, а Беклина называетъ величайшимъ глашатаемъ единенія человѣка и природы. Для Беклина не существуютъ временныя и условныя рамки культуры; онъ только чувствуетъ общее, и чувствуетъ его въ глубинѣ своего „я". Это даетъ ему силу погрузиться въ первоосновы бытія, туда, гдѣ всѣ силы, животныя и божественныя, сливаются въ одно мощное единство. Основой творчества Беклина является, такимъ образомъ, сочетаніе фантазіи и стихійности. Фантазія соединялась у разныхъ художниковъ со многими другими элементами: у Тома—съ идилическими и задумчиво-сказочными мотивами; у Клингера—съ отвлеченной разсудочностью; у Штука—съ грубостью. Но одному только Беклину дано было раскрыть глубины жизни и природы и показать тотъ бурный и ярачный потокъ, который всѣхъ насъ захватываетъ, со всѣмъ, что̀ въ насъ есть божественнаго и животнаго.

Стихійность Беклина сдѣлала его, прежде всего, пейзажистомъ. Въ его ландшафтахъ, однако, сказалось нѣчто, далеко не всегда свойственное этому роду живописи. Серваесъ съ большимъ пониманіемъ останавливается на особенностяхъ Беклиновскихъ ландшафтовъ. Природа для него не зрѣлище, а всегда откровеніе чего-то скрытаго за нею. Его пейзажи полны не пассивной, а своей органической жизни, и создаютъ существа, живущія въ нихъ. Въ каждой картинѣ Беклина пейзажъ—не часть природы, а нѣчто обобщенное, объясняющее связь живого и неживого; они—сумма, а не часть впечатлѣній. Поэтому ему такъ удивительно удается сочетать въ гармоническое цѣлое кажущіеся контрасты въ природѣ. Такъ, напримѣръ, въ двухъ картинахъ „Вилла у моря" представлены бурныя зрѣлища природы—гнущіеся подъ вѣтромъ кипарисы, море—покрытое волнами. А между тѣмъ, посредствомъ этихъ образовъ движенія и тревоги, художникъ доходитъ до той первоосновной глубины стихійности, гдѣ уже нѣтъ разлада и контрастовъ, а есть только покой и гармонія. И поэтому въ его картинѣ взволнованной природы основное настроеніе—тишина и глубокій покой.

Серваесъ указываетъ на слитность фантастическихъ фигуръ Беклина съ его ландшафтами. Такъ какъ Беклиновская фантазія коренится въ первоосновномъ и стихійномъ, то она обладаетъ образами для выраженія восторговъ и печали, также какъ и тихихъ мимолетныхъ настроеній. Въ картинѣ „Молчаніе въ лѣсу" изъ глубокой чащи выходитъ странное, фантастическое животное, однорогъ съ выразительными глазами. На спинѣ его—нимфа; въ ея взорѣ сочетается

невинность, робость и желаніе все узнать. Чувствуется, что эта загадочная всадница появляется лишь тогда, когда все молчитъ. При первомъ звукѣ человѣческаго голоса она безслѣдно исчезнетъ, и только одинокіе стволы деревьевъ будутъ по-прежнему тянуться къ небу. Фантастическія фигуры звѣря и нимфы—какъ бы порожденіе самого пейзажа. И всегда, во всѣхъ картинахъ Беклина, человѣческія или сказочныя существа появляются лишь тогда, когда природа ихъ какъ бы желаетъ, когда они нужны для высшаго воплощенія стихійныхъ силъ. Тогда они завершаютъ собою сумму объединенныхъ порывовъ и ощущеній,—такъ, какъ, напримѣръ, въ девятой симфоніи Бетховена гимнъ радости со словами Шиллера заканчиваетъ собою звуки оркестровыхъ инструментовъ. „Дѣйствіе“ на картинахъ Беклина всегда не что̀ иное, какъ воплощеніе пробужденнаго къ жизни духа даннаго мѣста. На извѣстной картинѣ „Мертвый островъ“—къ молчаливому острову, обсаженному торжественными кипарисами, *должна* подъѣхать ладья съ гробомъ, такъ какъ это—единственная жизнь, возможная здѣсь, жизнь, которая придаетъ смерти еще болѣе глубокое значеніе. Разсматривая всѣ качества Беклина, вытекающія изъ основного, т.-е. изъ умѣнья находить стихійность или единство во множественности явленій, Серваесъ останавливается на цѣломъ рядѣ другихъ чертъ. Онъ говоритъ о томъ, какъ въ творчествѣ Беклина соединяются идеализмъ и реализмъ, естественность и фантазія, трагизмъ и юморъ, и онъ заканчиваетъ свой очеркъ, называя Беклина „Шекспиромъ въ живописи“.

Съ такимъ же стремленіемъ указать въ художникѣ самое существенное и показать, чѣмъ онъ связанъ со своимъ временемъ, Серваесъ подступаетъ и къ нѣсколькимъ другимъ современнымъ художникамъ. Интересны этюды о рисовальщикѣ и граверѣ Максѣ Клингерѣ, о Либерманѣ, который съумѣлъ достигнуть популярности, несмотря на почти полное отсутствіе интересныхъ сюжетовъ въ его картинахъ, и о нѣкоторыхъ другихъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1899.

Неурожай на югѣ Россіи.—Частная помощь въ бессарабской губерніи.—Тридцатипяти-лѣтіе судебныхъ уставовъ.—„Воскресеніе", гр. Л. Н. Толстого, предъ судомъ „Стараго судьи".—„Безконтрольное хозяйство".—М. Н. Капустинъ †.

Мы говорили, два мѣсяца тому назадъ, о неурожаѣ, постигшемъ юго-западную и южную Россію. Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что въ мѣстностяхъ, еще недавно считавшихся обезпеченными отъ подобныхъ бѣдствій, народная нужда начинаетъ достигать тревожныхъ размѣровъ. Всего сильнѣе пострадали, повидимому, уѣзды аккерманскій и измаильскій, бессарабской губерніи. Для оказанія помощи на мѣстѣ, особенно въ видѣ устройства общественныхъ работъ, туда отправился небольшой отрядъ, во главѣ котораго стоятъ лица опытныя въ этомъ дѣлѣ—Евгенія Александровна Шахматова [1]) и Елена Александровна Куцинская. Сообщенія ихъ, появляющіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и перепечатываемыя въ другихъ газетахъ, бросаютъ яркій свѣтъ на положеніе голодающихъ деревень. Нужда въ насущномъ хлѣбѣ становится все болѣе и болѣе ощутительною. Трудоспособное населеніе, не находя на мѣстѣ заработковъ, устремилось въ сосѣдніе уѣзды и губерніи; но большинство ушедшихъ должно было вернуться домой, послѣ безплодныхъ поисковъ, такъ какъ недородъ охватилъ юго-западный край широкой полосой. Дома ихъ ждали женщины, дѣти и старики, все еще не обезпеченные ни правительственною ссудой, ни частною благотворительностью. Отсутствіе топлива, вызванное недостаткомъ соломы, въ связи съ недоѣданіемъ порождаетъ болѣзни; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ больные брюшнымъ тифомъ насчитываются десятками; мѣстами уже съ начала осени замѣчается увеличеніе смертности. Народъ вездѣ охотно идетъ на предлагаемыя ему работы, несмотря на невысокую плату, выдаваемую, притомъ, не деньгами, а кукурузой. Работы выбираются такія, польза которыхъ очевидна сама по себѣ, независимо отъ ихъ ближайшаго назначенія: рытье прудовъ, постройка плотинъ, разведеніе школьныхъ садовъ, обведеніе рвомъ лѣсной плантаціи — одной изъ немногихъ въ

[1]) О прекрасныхъ результатахъ, достигнутыхъ Е. А. Шахматовою во время прошлогодней борьбы съ нуждою (въ саратовскомъ уѣздѣ), мы говорили въ нашемъ октябрьскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи.

данной мѣстности,—засыпка ямъ съ гніющей водой, служащей источникомъ заразы, починка важнѣйшихъ дорогъ, мѣстами едва проѣздимыхъ. Имѣется въ виду устройство дамбы въ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ озера Кундукъ, чѣмъ сократилось бы на десятокъ верстъ сообщеніе между обоими берегами; но на эту работу, какъ и на многія другія, у отряда не хватаетъ средствъ. Совершенно очевидно, притомъ, что одною трудовою помощью ограничиваться нельзя: нужно кормить дѣтей и слабосильныхъ, нужно лечить больныхъ. На аккерманскій уѣздъ продовольственная ссуда ассигнована, какъ мы слышали, въ суммѣ 170 тыс. руб., вмѣсто 870, о которыхъ просило уѣздное земство. Въ измаильскомъ уѣздѣ, въ которомъ до сихъ поръ не введены земскія учрежденія (возвращеніе уѣзда въ составъ Россіи совершилось въ 1878 г.), въ половинѣ ноября все еще только писались и переписывались (въ четвертый разъ) списки лицъ, которымъ должна быть выдана продовольственная ссуда. О помощи отъ „Краснаго Креста“ пока еще не слышно; повидимому, центральное его управленіе ждетъ ходатайствъ отъ мѣстныхъ учрежденій, а послѣднія почему-то не спѣшатъ съ ихъ возбужденіемъ. Необходимо, въ виду всего этого, усилить частную помощь тамъ, гдѣ она уже организовалась, и создать ее тамъ, куда она еще не проникла. Лица, готовыя работать на мѣстѣ, найдутся,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: весь вопросъ—въ средствахъ. Возможенъ ли такой приливъ ихъ, какой мы видѣли и въ 1891-мъ и въ прошломъ году? Этому мѣшаютъ, повидимому, два обстоятельства: нѣкоторая, если можно такъ выразиться, пресыщенность русскаго общества вопросомъ о голодѣ и голодающихъ, и отвлеченіе вниманія въ сторону буровъ, симпатія къ которымъ—и антипатія къ ихъ противникамъ—выражается, между прочимъ, въ формѣ пожертвованій на уходъ за раненными въ войнѣ съ англичанами... Мы думаемъ и надѣемся, что эти препятствія не окажутся непреодолимыми. Примѣръ прежнихъ лѣтъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что сочувствіе къ той или другой народной нуждѣ разгорается въ нашемъ обществѣ медленно, но, однажды разгорѣвшись и не встрѣчая внѣшнихъ помѣхъ, переходитъ въ дѣятельное участіе, достигающее иногда широкаго развитія. Нужно, прежде всего, убѣдить общество въ существованіи бѣдствія, серьезнаго и грознаго. Для такого убѣжденія имѣются уже теперь достаточныя основанія, все больше и больше выясняемыя печатью. Нужно, затѣмъ, довѣріе къ тѣмъ, кто беретъ на себя организацію помощи—и этого довѣрія заслуживаютъ, безспорно, руководительницы бессарабскаго отряда. Еслибы имъ удалось прочно обезпечить дѣло помощи въ уѣздахъ аккерманскомъ и измаильскомъ, онѣ вѣроятно могли бы исполнить ту же задачу въ другихъ мѣстностяхъ

южной Россіи, всего больше пострадавшихъ отъ неурожая [1])... Что касается до буровъ, то признавать за ними бо́льшее право на русскую помощь, чѣмъ за нашими голодающими, можно только подъ вліяніемъ порыва, еще не уступившаго мѣсто болѣе спокойному разсужденію. Зная средства, которыми располагаютъ южно-африканскія республики и родственные имъ Нидерланды, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что раненные буры будутъ поставлены въ условія несравненно болѣе благопріятныя, чѣмъ болѣющіе отъ тифа и изнуряемые голодомъ бессарабскіе крестьяне!

Что положеніе крестьянской массы въ Бессарабіи заслуживаетъ особеннаго вниманія—этому можно найти яркія доказательства въ статьѣ г. Мих., помѣщенной на-дняхъ въ новой, весьма симпатичной газетѣ—„Сѣверномъ Курьерѣ“ (№ 21). „Бессарабію“—говоритъ авторъ—„гнететъ невѣжество. Масса деревень поголовно безграмотныхъ: нѣтъ ни русской, ни молдавской школы. Отношеніе бессарабскаго земства къ школьному вопросу прямо постыдно. Нѣтъ ни одного земства въ Россіи, которое тратило бы на школы такъ мало. Бессарабскіе магнаты откололись отъ своего народа и обрусѣли; среди бессарабскихъ помѣщиковъ я не слыхалъ даже наружнаго, лицемѣрнаго сочувствія къ народу; здѣсь царитъ открытое и циничное отношеніе къ трудящимся массамъ. При полевыхъ работахъ въ большихъ экономіяхъ на каждыхъ десять рабочихъ ставится надсмотрщикъ съ палкой, роль котораго состоитъ лишь въ томъ, что онъ понукаетъ свою партію совершенно такъ же, какъ погонщикъ понукаетъ вола. Въ Бессарабіи, не знавшей крѣпостного рабства, до сихъ поръ всѣ крестьяне поголовно цѣлуютъ руку у помѣщика, помѣщицы и помѣщичьихъ дѣтей... Заушенія здѣсь въ полномъ ходу и никто не стѣсняется говорить объ этомъ. При мнѣ одинъ молодой помѣщикъ разсказывалъ, что онъ изувѣчилъ, въ раздраженіи, своего пастуха, такъ что пострадавшаго пришлось отправить въ больницу. Онъ радовался, что дѣло было безъ свидѣтелей, считая, очевидно, вполнѣ для себя безопаснымъ признаться въ подобномъ проступкѣ въ средѣ *своихъ*“... „Мнѣ ясно“ — говоритъ, въ заключеніе, г. Мих., — „почему Бессарабія голодаетъ и должна будетъ голодать. Невѣжество и первобытность отношеній—вотъ въ чемъ ея безпомощность“. Въ той или иной степени эти слова примѣнимы ко всѣмъ губерніямъ Россіи; но въ Бессарабіи общераспространенное зло обострено, повидимому, больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Поддержавъ ея населеніе въ эпоху эконо-

[1]) Суммы, предназначаемыя въ распоряженіе Е. А. Шахматовой и Е. А. Кушинской, могутъ быть направляемы въ аккерманскую уѣздную земскую управу. Ближайшія указанія могутъ дать баронъ О. О. Буксгевденъ (Кирочная, 48) и академикъ А. А. Шахматовъ (Знаменская, 30).

мическаго кризиса, нужно будетъ подумать объ удовлетвореніи другихъ его нуждъ, менѣе кричащихъ, но, въ сущности, не менѣе настоятельныхъ.

Если центръ тяжести неурожая передвинулся, въ нынѣшнемъ году, съ сѣверо-востока на юго-западъ, то это еще не значитъ, чтобы въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ прошлогодней голодовки, все обстояло благополучно. Къ числу мѣстностей, вновь постигнутыхъ недородомъ, принадлежатъ, напримѣръ, три уѣзда самарской губерніи—бузулукскій, николаевскій и новоузенскій. Въ прошломъ году они потерпѣли сравнительно меньше, чѣмъ сѣверная часть губерніи, но теперь оттуда идутъ тревожныя вѣсти (см. корреспонденцію изъ Самары въ № 47 „Недѣли"). Цынги еще нѣтъ, но случаи заболѣванія тифомъ уже наблюдаются. Населеніе, по словамъ одного изъ врачей, имѣетъ унылый, болѣзненный видъ, что̀ является признакомъ усиленнаго недоѣданія. Экстренное губернское земское собраніе возбудило ходатайство о ссудѣ въ 735 тыс. рублей, для покупки 1.176 тыс. пудовъ ржи, но ассигновано только 50 тыс. руб., на томъ основаніи, что въ пострадавшемъ районѣ удовлетворительно уродились, въ нынѣшнемъ году, кормовыя травы. Въ какой степени урожай травъ, при полномъ неурожаѣ хлѣба, можетъ поддержать населеніе, ослабѣвшее отъ предыдущихъ недородовъ, объ этомъ можно судить по замѣчательной статьѣ: „Неурожайная губернія", появившейся въ послѣднемъ (9-мъ) нумерѣ журнала „Трудовая помощь". Самъ народъ — таковы заключительныя слова этой статьи—„несетъ свое горе съ тѣмъ исключительнымъ стоицизмомъ, который присущъ русскому человѣку. Но сила его слабѣетъ. Явленія анеміи, болѣзненнаго безучастія даже къ самому себѣ проявляются чаще и чаще. Истощенное то недоѣданіемъ, то голодовками, то болѣзнями, то предъявляемыми къ нему всевозможными непосильными требованіями, населеніе слабѣетъ физически, замираетъ нравственно. Если теперь не собрать всѣхъ силъ и не пойти дружно на помощь ему, и притомъ на помощь энергичную и широкую, то дѣло можетъ окончиться очень печально: вырожденіемъ физическимъ, упадкомъ моральной силы и разстройствомъ экономической производительности. Пока время еще не ушло, съ такой помощью нужно спѣшить и спѣшить"... Эти глубоко-вѣрныя слова имѣютъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, что они сказаны въ журналѣ, стоящемъ внѣ подозрѣній въ „мужикофильствѣ" или тенденціозномъ пессимизмѣ...

20-го ноября исполнилось тридцать-пять лѣтъ со времени обнародованія судебныхъ уставовъ императора Александра II. Напоминаніемъ о великомъ значеніи законодательнаго акта, обновившаго,

вмѣстѣ съ „Положеніями 19-го февраля 1861 года“ и „Земскимъ Положеніемъ 1-го января 1864 года“, русскую государственную и общественную жизнь, должно было послужить происходившее въ этотъ день общее собраніе „С.-петербургскаго юридическаго общества“ [1]). Для чествованія судебной реформы старые дѣятели ея, участвовавшіе въ составленіи или осуществленіи судебныхъ уставовъ, соединились съ молодыми людьми, только-что вступающими въ жизнь. Отношеніе тѣхъ и другихъ къ предмету чествованія не могло быть совершенно одинаково. Для первыхъ, если они „не сожгли то, чему поклонялись, и не поклонились тому, что сжигали“, судебные уставы—точно живое существо, съ которымъ они сроднились, съ которымъ дѣлили радость и горе; для послѣднихъ—это величавый завѣтъ прошедшаго, отъ котораго доходитъ до нихъ только слабый отблескъ. Соединительнымъ звеномъ между обѣими группами служитъ преклоненіе передъ началами, положенными въ основу судебной реформы. Самыя уклоненія отъ этихъ началъ, столь многочисленныя въ послѣднія десятилѣтія, только яснѣе раскрыли ихъ цѣнность. Расширеніе круга дѣйствій коронnаго суда, съ участіемъ или безъ участія сословныхъ представителей, рельефно выставило на видъ значеніе суда присяжныхъ; новое соединеніе властей административной и судебной бросило яркій свѣтъ на мотивы, въ силу которыхъ законодательствомъ эпохи реформъ было провозглашено ихъ раздѣленіе; случаи закрытія дверей засѣданія не по опредѣленію суда, а по распоряженію администраціи, послужили наглядным доказательствомъ тому, что гласность, какъ и всякій другой процессуальный принципъ, можетъ быть регулирована только закономъ. Если судебные уставы, даже въ томъ видѣ, какой они получили вслѣдствіе многократныхъ дополненій и измѣненій, принадлежатъ къ числу лучшихъ отдѣловъ дѣйствующаго законодательства, если распространеніе ихъ на окраины имперіи, несмотря на значительныя урѣзки даже въ уцѣлѣвшихъ частяхъ первоначальной постройки, было безспорной перемѣной къ лучшему, сравнительно съ прежними порядками, то можно себѣ представить, чѣмъ были бы теперь русскіе суды, еслибы развитіе ихъ, въ теченіе цѣлой трети вѣка, совершалось, безъ потрясеній и шаговъ назадъ, въ направленіи, даномъ имъ судебной реформой 1864 года!.. Въ общемъ собраніи 20-го ноября рисовались картины того бодраго, радостнаго настроенія, кото-

[1]) Въ Москвѣ, 20-го ноября, праздновалось двадцатипятилѣтіе дѣятельности Г. А. Джаншіева, болѣе чѣмъ кто-либо другой содѣйствовавшаго своими книгами („Основы судебной реформы“, біографіи Замятнина и Зарудnаго и въ особенности выдержавшая въ семь лѣтъ семь изданій „Эпоха великихъ реформъ“) поддержанію въ русскомъ обществѣ благодарной памяти о преобразованіяхъ, обновившихъ Россію.

рое господствовало въ судебномъ мірѣ непосредственно *до* и *послѣ* введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Безспорно, такое настроеніе не могло быть очень продолжительнымъ: за подъемомъ духа всегда слѣдуетъ нѣкоторая реакція; въ самыя лучшія учрежденія и самые совершенные порядки неизбѣжно проникаетъ нѣкоторая доза рутины. Столь же безспорно, однако, и то, что въ области суда реакція шла гораздо больше извнѣ, чѣмъ изнутри. А. Ѳ. Кони, въ статьѣ: „Новые мѣха и новое вино", удачно назвалъ первое время послѣ введенія реформы *медовымъ мѣсяцемъ* новаго суда. Продолжимъ это сравненіе: оно поможетъ намъ яснѣе выразить нашу мысль. У однихъ супруговъ пылкое увлеченіе медоваго мѣсяца переходитъ постепенно въ спокойную, всегда равную самой себѣ любовь, поддерживающую нормальный строй семейной жизни; у другихъ оно уступаетъ мѣсто охлажденію и равнодушію. Если между судебными дѣятелями довольно рано появился и довольно сильно развился индифферентизмъ, то это зависѣло, въ значительной степени, отъ вѣяній, шедшихъ въ разрѣзъ съ духомъ судебной реформы. Не будь этихъ вѣяній, судебный міръ былъ бы больше похожъ на ту нормальную семью, о которой мы упомянули выше.

Если судить по открытому письму къ гр. Л. Н. Толстому, подписанному: „Старый судья"—и напечатанному сначала въ „Кіевлянинѣ", потомъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи (№ 8), въ судебномъ вѣдомствѣ произвели нѣкоторый переполохъ тѣ страницы новаго романа Л. Н. Толстого: „Воскресеніе", гдѣ выведены на сцену судьи и присяжные. „Старый судья" видитъ въ нихъ „спокойную, но послѣдовательно проведенную насмѣшку надъ современнымъ судомъ", въ основаніи которой лежитъ незнаніе судебной среды и судебнаго быта. Онъ не понимаетъ, какъ можно было „въ цѣлой обширной судебной семьѣ не найти ни одного симпатичнаго и честнаго человѣка"! Для него обиденъ „тотъ умышленный подборъ личностей и случайностей, который направленъ къ тому, чтобы отнять у суда то довѣріе, которымъ онъ столь заслуженно и честно доселѣ пользуется". Такой же „умыселъ" усматриваетъ въ романѣ Л. Н. Толстого и авторъ книги „Пагубныя заблужденія", г. Глинка-Янчевскій [1]), хотя исходная его точка прямо противоположна той, на которой стоитъ „Старый судья". Находя въ „Воскресеніи" могучій обвинительный актъ противъ суда, г. Глинка-Янчевскій пытается завербовать его на службу доктрины, выше всего ставящей „усмотрѣніе". Намъ кажется, что ошибаются одинаково какъ защитникъ суда, такъ и его против-

[1]) См Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1899 г., стр. 382.

никъ. Когда Л. Н. Толстой касается суда, въ немъ нужно различать теоретика, принципіально отрицающаго многое въ современномъ общественномъ строѣ, и психолога-художника, глубокаго и тонкаго наблюдателя общественной жизни. Признавая безусловную обязательность начала: „не судите, да не судимы будете", Л. Н. Толстой не можетъ не считать всякую судебную дѣятельность аномаліей, противорѣчіемъ истинной правдѣ — и это становится замѣтнымъ каждый разъ, когда ему нужно намѣтить общую, коллективную черту настроенія, невольно и неотвратимо охватывающаго активныхъ дѣятелей судебнаго процесса. Когда мы читаемъ, напримѣръ, что послѣ прочтенія обвинительнаго акта „всѣ вздохнули облегченно, съ пріятнымъ сознаніемъ того, что теперь началось изслѣдованіе, и сейчасъ все выяснится, и справедливость будетъ удовлетворена"; или, что при объявленіи перваго перерыва засѣданія присяжные, адвокаты, свидѣтели задвигались „съ сознаніемъ пріятнаго чувства совершенія уже части важнаго дѣла",—мы ясно слышимъ иронію скептика, не вѣрящаго въ задачу суда и удивляющагося наивности тѣхъ, кто въ нее вѣритъ. Еще громче та же иронія звучитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о допросѣ свидѣтелей („послѣ всѣхъ, *какъ обыкновенно*, дѣлаемыхъ *съ значительнымъ видомъ ненужныхъ вопросовъ* товарища прокурора и защитниковъ" и т. д.). Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на осужденіе отдѣльныхъ судей, обвинителей, защитниковъ; выставляются на видъ не личныя ошибки, а неизбѣжные результаты системы, страдающей внутреннимъ, неизлечимымъ порокомъ. Правъ ли Л. Н. Толстой по существу — это вопросъ, котораго мы здѣсь даже и не ставимъ; мы хотимъ только указать логическую связь между его теоретическими взглядами и картинами жизни, которыя онъ рисуетъ въ своемъ романѣ... „Если вы, во имя вашего принципа"—говоритъ „Старый судья", заканчивая свое письмо къ Л. Н. Толстому,—„отрицаете судъ въ самой его идеѣ, то для этого есть другіе способы, помимо извращенія дѣйствительности". Другими словами, „Старому судьѣ" хотѣлось бы регламентировать творчество великаго писателя.

Свои мысли о судѣ Л. Н. Толстой не разъ высказывалъ въ отвлеченной формѣ, стараясь обосновать ихъ философскими и соціологическими данными; нѣтъ ни малѣйшей причины отвергать его право на воспроизведеніе ихъ и въ другомъ видѣ. Никакихъ рамокъ для искусства установить нельзя. Если художникъ—въ то же время мыслитель,—его міросозерцаніе не можетъ не отразиться въ его произведеніяхъ; если онъ, притомъ, и проповѣдникъ,—оно выливается не только въ образахъ, но и въ прямыхъ обращеніяхъ къ чувству или убѣжденію читателей... Еще меньше, чѣмъ „Старый судья", понимаютъ романъ Л. Н. Толстого тѣ, которые хотятъ сдѣлать изъ него

стѣнобитное орудіе противъ суда, какъ сдержки для произвола. Стоитъ только припомнить, въ какихъ краскахъ изображены въ „Воскресеніи“ высшіе представители администраціи — Масленниковъ, графъ Иванъ Михайловичъ, мужъ Маріетты,—чтобы убѣдиться въ томъ, какъ смѣшно искать въ Л. Н. Толстомъ союзника прожектовъ, направленныхъ къ устраненію „пагубныхъ заблужденій“... Сѣтованія „Стараго судьи“ на то, что въ романѣ Л. Н. Толстого не выведено ни одного „симпатичнаго и честнаго“ представителя судебнаго міра, отзываются чѣмъ-то затхлымъ, давно канувшимъ въ вѣчность. Это — тотъ же упрекъ, который отсталые критики сороковыхъ годовъ дѣлали Гоголю за „Ревизора“ и первую часть „Мертвыхъ Душъ“. Романъ, какъ и комедія, не исчерпываетъ цѣлыхъ областей жизни; для него вовсе не обязательно изображать добро параллельно со зломъ, распредѣлять равномѣрно свѣтъ и тѣни. Если дѣйствующія лица жизненны и правдивы, странно спрашивать себя, нѣтъ ли рядомъ съ ними, въ той же общественной сферѣ, другихъ, обладающихъ совершенно инымъ душевнымъ складомъ; странно предполагать, что все не выведенное на сцену какъ бы не существуетъ для автора. Когда появилась „Смерть Ивана Ильича“, никому не пришло въ голову утверждать, что герой разсказа, по мысли Л. Н. Толстого—типичный представитель *всѣхъ* должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Для такихъ рискованныхъ обобщеній не даетъ повода и „Воскресеніе“. Весь вопросъ въ томъ, бываютъ ли на самомъ дѣлѣ—и, вдобавокъ, не въ видѣ рѣдкихъ исключеній,—такіе предсѣдатели и члены суда, такіе обвинители и защитники, какіе проходятъ передъ нами въ „Воскресеніи“. На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно. Всякой дѣятельности, отправляемой по обязанности, изо дня въ день, въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ, при однообразной обстановкѣ, грозитъ, рано или поздно, опасность апатіи и рутины. Предотвратить ее можетъ только общій подъемъ духа — или постоянное наблюденіе, постоянная работа надъ самимъ собою. Послѣдняя по силамъ далеко не всякому; нужна особая твердость воли, особая чуткость совѣсти, чтобы бодрствовать среди убаюкивающей тишины и противостоять медленному, затягивающему, какъ болото, дѣйствію привычки. Подъемъ духа, ознаменовавшій собою эпоху первоначальнаго примѣненія судебныхъ уставовъ, миновалъ давно, и нѣтъ основаній ожидать скораго его возобновленія. Отсюда возможность и неизбѣжность такихъ явленій, какія воспроизведены въ романѣ Л. Н. Толстого. Само собою разумѣется, что на ряду съ легковѣсными предсѣдателями, индифферентами-членами суда, карьеристами-обвинителями, черезчуръ бойкими или черезчуръ робкими защитниками, есть и другіе, вовсе на нихъ не похожіе; далеко не всегда судебное разбирательство оказывается все-

цѣло въ рукахъ людей, не понимающихъ или не желающихъ понимать важность своей задачи—но столь же безспорно и то, что судебныя будни напоминаютъ, иногда, безотрадную картину, изображенную въ „Воскресеніи". Больше ничего и не надо, чтобы оправдать автора—если только Л. Н. Толстой нуждается въ оправданіи.

Поколебать довѣріе къ суду романъ Л. Н. Толстого не можетъ: оно подрывается не художественными рисунками, а фактами, разъ что они перестаютъ быть рѣдкими исключеніями и не вызываютъ противодѣйствія въ средѣ самого судебнаго міра. Кромѣ общихъ причинъ, способствующихъ небрежному отправленію судебныхъ функцій, есть и частныя, вліяющія на извѣстныя группы судебныхъ дѣятелей; назовемъ, для примѣра, пассивную роль членовъ суда, перестающихъ быть безмолвными и безсильными свидѣтелями происходящаго на судѣ только при примѣненіи наказанія или въ рѣдкіе моменты процессуальныхъ затрудненій, вызывающихъ усиленную умственную работу всей судебной коллегіи... Отсутствіе у Л. Н. Толстого систематическаго намѣренія пускать въ ходъ, въ картинахъ судебнаго процесса, однѣ только мрачныя краски мы усматриваемъ, между прочимъ, въ его присяжныхъ. Они свободны, говоря вообще, отъ апатіи, тяготѣющей надъ предсѣдателемъ и членами суда; ихъ интересуетъ и волнуетъ судьба подсудимыхъ, и если Маслову постигаетъ такая жестокая кара, то это происходитъ отъ того, что вердиктъ присяжныхъ, по винѣ предсѣдателя, не выражаетъ собою ихъ настоящую волю. Желаніемъ постановить справедливый приговоръ одушевлены и купецъ, съ самаго начала заступающійся за Маслову, и артельщикъ, настаивающій на оправданіи всѣхъ подсудимыхъ, и учитель, спорящій съ старшиною, и старшина, добросовѣстно ищущій выхода изъ затрудненій и противорѣчій. И это совершенно понятно: *равнодушными* присяжные не могутъ быть уже потому, что дѣло, къ которому они призываются, для нихъ ново, непривычно, полно жизни. Подсудимый, въ ихъ глазахъ—не десятый или сотый экземпляръ примелькавшагося, наскучившаго типа, а живой человѣкъ, трепетно ожидающій ихъ рѣшающаго слова; каторжная работа или тюрьма—для нихъ не фраза, потерявшая свой смыслъ отъ частаго употребленія, а нѣчто реальное и страшное въ своей реальности. Л. Н. Толстой понялъ все это гораздо лучше, чѣмъ „Старый судья", утверждающій, въ своемъ письмѣ, что „коронный судъ—судъ честной совѣсти и здраваго обсужденія—предпочитается въ правомъ дѣлѣ даже суду присяжныхъ". О такомъ предпочтеніи что-то не слышно,—не слышно именно потому, что для судей-техниковъ трудно доступны та свѣжесть чувства, та напряженность вниманія, то глубокое сознаніе нравственной отвѣтственности, которыми всегда и вездѣ отличаются не-профессіональные судьи....

Все сказанное „Старымъ судьею“ о тяжелыхъ сторонахъ судейской жизни и судейской работы совершенно вѣрно; въ судебномъ мірѣ и теперь, быть можетъ, найдется больше самоотверженія, больше безкорыстной преданности дѣлу, чѣмъ въ другихъ областяхъ государственной службы; но изъ-за этого нельзя забывать объ обстоятельствахъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ добрыя намѣренія. Такихъ судей, какихъ мы видимъ въ „Воскресеніи“, не будетъ въ дѣйствительности только тогда, когда для русскаго суда, какъ и для всего русскаго общества, вновь настанетъ „эпоха великихъ реформъ“...

Какъ далека отъ насъ эта эпоха, о томъ напоминаютъ намъ иногда факты текущей жизни. Около мѣсяца тому назадъ въ „Новомъ Времени“ (№ 8500) была напечатана слѣдующая замѣтка:

„Астраханская городская дума, въ которой верховодятъ три-четыре армянскихъ вожака, ведетъ совершенно неумѣстную борьбу съ мѣстнымъ губернаторомъ, который, 2-го октября, вынужденъ былъ призвать къ себѣ управу и думу (въ полномъ составѣ) и сдѣлать ей *отеческое внушеніе* за игру въ оппозицію, выражающуюся не только въ мелочахъ: дума постоянно приноситъ *жалобы* на губернатора въ Сенатъ“.

Недѣли черезъ три въ той же газетѣ (№ 8522) появилось, отъ имени астраханской городской управы, опроверженіе, въ которомъ было объяснено, что за „послѣдніе четыре года думою принесена была въ Сенатъ лишь *одна* жалоба, а о принесеніи второй состоялось постановленіе только 11-го октября (т.-е. послѣ призыва думы къ губернатору). Поводомъ къ этой послѣдней жалобѣ служитъ разрѣшеніе губернаторомъ хоровъ пѣвицъ, музыки и прочихъ увеселеній въ гостинницахъ и трактирахъ, несмотря на существованіе обязательнаго постановленія городской думы, запрещающаго подобныя увеселенія. Принести жалобу рѣшено (по закрытой баллотировкѣ) большинствомъ 53 голосовъ противъ 6. Такое подавляющее большинство—замѣчаетъ управа—исключаетъ мысль о вліяніи армянъ-вожаковъ; въ астраханской думѣ на *четырнадцать* армянъ приходится, притомъ, *пятьдесятъ-семь* гласныхъ—русской и другихъ національностей“. Давъ мѣсто отвѣту управы, „Новое Время“ сдѣлало къ нему отъ себя слѣдующее добавленіе: „Однако, тотъ фактъ, что астраханскій губернаторъ вынужденъ былъ пригласить къ себѣ представителей города и сказать имъ цѣлую рѣчь о ненормальности отношеній между губернскою администраціею и думою, самъ по себѣ служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ основательности (?!) замѣтки, о которой идетъ рѣчь“ (т.-е. первоначальной замѣтки „Новаго Времени“). Уже въ этихъ обѣихъ замѣткахъ было много болѣе, чѣмъ страннаго. Совершенно непонятно, во-первыхъ, возведеніе газетою жалобъ, принесенныхъ думою въ Сенатъ (хотя бы ихъ и было

немало) на степень „неумѣстной борьбы“ съ губернаторомъ и „игры въ оппозицію“. Обжалованіе, въ установленномъ порядкѣ, административныхъ распоряженій—законное право органовъ самоуправленія. Пользованіе имъ можетъ быть благоразумно или неблагоразумно, основательно или неосновательно—это рѣшаетъ Сенатъ—но ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно вызывать „внушеній“, хотя бы и „отеческихъ“, въ особенности со стороны того, на кого приносятся жалобы. Далѣе: „отеческое внушеніе“, сдѣланное, будто бы, губернаторомъ всему составу городской думы—т.-е. собранія, поставленнаго подъ его контроль, но вовсе ему не подчиненнаго—нѣчто вовсе не предусмотрѣнное закономъ и не соотвѣтствующее его значенію и духу. Совершенно несогласенъ съ закономъ былъ бы даже самый призывъ всей думы къ губернатору: по ст. 102-ой „Городового Положенія 1892 г.“, губернаторъ можетъ имѣть сношенія лишь съ управою, и то не личныя: „Управы обращаются къ губернатору съ представленіями и получаютъ отъ него предложенія“. Непостижимо, наконецъ, какимъ образомъ, въ глазахъ газеты, подача *одной* жалобы и *намѣреніе* подать другую, могли обратиться въ *постоянное* принесеніе жалобъ, и какимъ образомъ *фактъ* внушенія могъ быть принятъ газетою за доказательство неумѣлости вызвавшихъ его дѣйствій. Надобно ожидать разъясненія всѣхъ предположеній „Новаго Времени“ отъ болѣе компетентнаго и авторитетнаго источника.

Мы говорили, выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи“, о походѣ, предпринятомъ „Московскими Вѣдомостями“ противъ смоленскаго губернскаго земства. Тѣсно связаны съ нимъ нападенія той же газеты на одно изъ уѣздныхъ собраній той же губерніи—вяземское. Мы возвратимся въ другой разъ къ главной темѣ этихъ нападеній, подробное опроверженіе которыхъ только-что появилось въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“; теперь замѣтимъ только, что обвиненіе, переносимое, по обычаю реакціонной газеты, съ одного земскаго собранія на все земство [1]), основано на сообщеніяхъ не только невѣрныхъ, но и носящихъ въ самихъ себѣ явные признаки своей невѣрности: кто считаетъ *отчеты* земскихъ управъ подлежащими утвержденію губернатора [2]), тотъ свидѣтельствуетъ этимъ самымъ, что ему незнакомо земское дѣло.

---

[1]) Передовая статья, посвященная вяземскому земству, озаглавлена: „Безконтрольное хозяйство“ и начинается съ увѣренія, что земскимъ и городскимъ учрежденіямъ свойственны небрежность въ дѣлахъ, кумовство и т. п.

[2]) См. корреспонденцію изъ Вязьмы въ № 219 „Московскихъ Вѣдомостей“.

11-го ноября скончался бывшій попечитель спб. учебнаго округа, Михаилъ Николаевичъ Капустинъ (род. въ 1828 г.); онъ только-что успѣлъ завершить пятидесятилѣтіе своей службы на различныхъ поприщахъ въ одной и той же области министерства народнаго просвѣщенія. Вскорѣ послѣ окончанія курса въ московскомъ университетѣ, онъ занялъ тамъ же каѳедру международнаго права, а въ 1870 г. былъ назначенъ директоромъ ярославскаго лицея, незадолго передъ тѣмъ преобразованнаго въ юридическій факультетъ. Съ 1883 г., М. Н. Капустинъ принялъ на себя трудную въ ту эпоху обязанность попечителя дерптскаго (нынѣ рижскаго) учебнаго округа. и наконецъ съ 1890 г., почти до конца своей жизни, оставался попечителемъ здѣшняго учебнаго округа. Петербургское городское общественное управленіе поспѣшило особенно почтить его память, и самымъ способомъ увѣковѣченія имени Михаила Николаевича указало, чѣмъ именно былъ обязанъ ему городъ въ эпоху его управленія учебнымъ округомъ: въ засѣданіи городской думы, 15-го ноября, было постановлено ходатайствовать о присвоеніи его имени двумъ начальнымъ народнымъ училищамъ, и, сверхъ того, предположено отпускать по 1.000 рублей ежегодно на учрежденіе стипендій, въ его память, *при городскихъ четырехклассныхъ училищахъ*, гдѣ окончившіе курсъ въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, съ трехлѣтнимъ обученіемъ въ нихъ, могли бы завершать полное народное образованіе: по закону 1872 года, оно должно продолжаться шесть лѣтъ: два класса въ „начальномъ“ училищѣ, и четыре класса—въ „городскомъ“. При вступленіи М. Н. Капустина въ должность попечителя спб. учебнаго округа, въ 1890 г., для народнаго образованія въ столицѣ имѣлось свыше 140 одноклассныхъ мужскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи городского общественнаго управленія, и не болѣе 6-ти мужскихъ четырехклассныхъ, содержимыхъ казною и состоявшихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, т.-е. одно четырехклассное приходилось на 23 одноклассныхъ начальныхъ училища. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, почти всецѣло совпадающихъ со временемъ управленія округомъ М. Н. Капустина (1890—1899), число мужскихъ одноклассныхъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ городомъ, увеличилось на 80, т.-е. достигло почти 220; благодаря заботамъ М. Н., за это время и число четырехклассныхъ училищъ, содержимыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, почти удвоилось — и такимъ образомъ, если отношеніе одноклассныхъ училищъ къ четырехкласснымъ все еще не достигло желаемой нормы, то, тѣмъ не менѣе, оно значительно улучшилось, такъ что теперь городъ имѣетъ 18 мужскихъ одноклассныхъ начальныхъ училищъ на одно четырехклассное. Такими успѣхами народ-

наго образованія въ столицѣ прежде всего городъ былъ обязанъ за послѣднее десятилѣтіе заботамъ лица, стоявшаго во главѣ спб. учебнаго округа, и спб. городское общественное управленіе вполнѣ по заслугамъ М. Н. Капустина постановило увѣковѣчить его память стипендіями для недостаточныхъ учениковъ именно въ четырехклассныхъ училищахъ, содержимыхъ какъ городомъ, такъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Къ этой, такъ сказать, дѣловой оцѣнкѣ дѣятельности М. Н., какъ попечителя спб. учебнаго округа, могутъ присоединить еще многое тѣ, которымъ представлялся случай узнать его ближе, какъ частнаго человѣка, крайне добраго, искренняго, вполнѣ доступнаго и всегда готоваго оказать содѣйствіе, иногда помимо стѣснительныхъ формальностей, особенно если шелъ вопросъ о какихъ-нибудь новыхъ мѣрахъ къ облегченію школьнаго дѣла, съ цѣлью достиженія такимъ образомъ новыхъ его успѣховъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Положеніе о всероссійскомъ Съѣздѣ по ремесленной промышленности 1900 г. въ С.-Петербургѣ.

1. Всероссійскій Съѣздъ по ремесленной промышленности созывается, съ Высочайшаго соизволенія, Обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, въ С.-Петербургѣ въ 1900 г., съ каковою цѣлью Общество образуетъ Организаціонный Комитетъ.

2. Занятія Съѣзда продлятся въ теченіе семи дней, а именно: съ 14 по 20 марта 1900 г.

3. Съѣздъ имѣетъ цѣлью уясненіе нуждъ русской ремесленной промышленности и пожеланій ремесленниковъ по тѣмъ вопросамъ, которые перечислены въ прилагаемомъ къ сему, утвержденномъ г. Министромъ, перечнѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Съѣзда.

4. Кромѣ вопросовъ, помѣщенныхъ въ означенномъ перечнѣ (ст. 3), на Съѣздѣ могутъ быть подвергнуты, съ разрѣшенія Предсѣдателя Съѣзда, и другіе, по существу своему однородные съ вопросами, значащимися въ перечнѣ.

5. Подготовительныя работы къ Съѣзду возлагаются на Организаціонный Комитетъ, который приступаетъ къ занятіямъ немедленно по воспослѣдованіи разрѣшенія на устройство Съѣзда.

6. Предсѣдатель Съѣзда принимаетъ ближайшее участіе въ занятіяхъ Организаціоннаго Комитета.

7. Въ помощь Предсѣдателя и для направленія занятій и руководства преніями, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не будетъ имѣть возможности лично предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ, могутъ быть назначены два Товарища Предсѣдателя.

8. Въ томъ случаѣ, если бы Съѣздъ призналъ полезнымъ распредѣлить свои занятія по особымъ секціямъ, то предсѣдатели и секретари этихъ секцій избираются самимъ собраніемъ.

9. Членами Съѣзда могутъ состоять:

А. Ремесленники:

а) ремесленники-мастера и мастерицы, записанные въ цехъ, и

б) избранные представители Общихъ Ремесленныхъ и Подмастерскихъ Управъ.

Б. Избранные представители:

а) Высочайше утвержденнаго Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и его Отдѣленій.

б) Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и его Отдѣленій.

В. Лица, заявившія себя практическою или научною дѣятельностью на пользу ремесленниковъ, приглашенныя къ участію въ Съѣздѣ Организаціоннымъ его Комитетомъ.

10. Лица, желающія состоять членами Съѣзда, заявляютъ о такомъ желаніи Обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ до 1-го марта 1900 года и вносятъ одновременно съ симъ заявленіемъ членскій взносъ въ размѣрѣ трехъ рублей, за каковую плату имѣютъ право на полученіе печатнаго отчета по Съѣзду и особаго членскаго знака.

11. Средства Съѣзда:

а) суммы, ассигнуемыя Обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ;

б) суммы, выданныя Обществу Ремесленными Управами;

в) членскіе взносы;

г) случайныя поступленія.

12. Доклады по вопросамъ, назначеннымъ къ обсужденію на Съѣздѣ, представляются въ Организаціонный Комитетъ Съѣзда (С.-Петербургъ, Мойка, д. № 83, Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ) не позже 15 января 1900 года.

Примѣчаніе 1. Съ момента открытія занятій Съѣзда, новые доклады могутъ быть допущены лишь съ разрѣшенія Предсѣдателя онаго.

Примѣчаніе 2. Лишь доклады, представленные въ Организаціонный Комитетъ не позже 15-го января 1900 года, будутъ напечатаны ко времени открытія Съѣзда; доклады, поступившіе въ Общество позднѣе названнаго срока, будутъ напечатаны въ трудахъ Общества по окончаніи Съѣзда.

13. Составитель доклада долженъ выставить въ докладѣ опредѣленныя положенія, которыя онъ считалъ бы желательнымъ предложить на обсужденіе Съѣзда, и засимъ подкрѣпить ихъ фактическими данными.

14. Докладъ, прочитываемый на Съѣздѣ, долженъ занимать не болѣе 15-ти минутъ.

15. Каждый оппонентъ можетъ говорить на Съѣздѣ по докладу не болѣе 15 минутъ.

16. Члены, принимавшіе участіе въ преніяхъ, если желаютъ, чтобы ихъ слова были занесены съ точностью въ протоколъ засѣданія, представляютъ, не позднѣе слѣдующаго дня, Секретарю Съѣзда произнесенную ими рѣчь въ рукописи.

17. Заключенія Съѣзда постановляются простымъ большинствомъ голосовъ участвующихъ въ засѣданіи членовъ Съѣзда.

18. Постановленія Съѣзда представляются Обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ для дальнѣйшаго ихъ направленія.

Заявленія о желаніи состоять членами Съѣзда слѣдуетъ отсылать по почтѣ вмѣстѣ съ членскимъ взносомъ въ размѣрѣ 3 руб. и точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, званія и занятій и мѣстожительства по адресу: Г. Члену-Казначею Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ Евгенію Ивановичу Жиберу. С.-Петербургъ. Измайловскій пр., 27.

ПРОГРАММА

ВОПРОСОВЪ, ПОДЛЕЖАЩИХЪ ОБСУЖДЕНІЮ НА СЪѢЗДѢ ПО РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1900 ГОДУ.

1) Какія дѣйствующія узаконенія о ремесленникахъ и о ремесленной промышленности устарѣли и какія желательны въ нихъ измѣненія?

2) Желательно ли преобразованіе ремесленныхъ цеховъ, и если желательно, то въ какомъ видѣ?

3) Желательно ли отдѣльное существованіе русской и иностранной Ремесленныхъ Управъ?

4) Въ какомъ видѣ слѣдуетъ преобразовать должности присяжныхъ маклеровъ?

5) Желательно ли устройство Ремесленныхъ биржъ, и если желательно, то въ какомъ видѣ?

6) Каковъ долженъ быть, въ интересахъ ремесленной промышленности, законъ о праздничномъ отдыхѣ?

7) Какія желательны упрощенія формальностей, связанныхъ съ открытіемъ ремесленнаго заведенія?

8) Какого рода кредитъ признается ремесленниками наиболѣе для себя выгоднымъ?

9) Признаютъ ли ремесленники желательнымъ организацію выдачи денежныхъ ссудъ подъ ремесленныя издѣлія?

10) Какія мѣры желательно принять въ видахъ облегченія пріобрѣтенія ремесленниками сырого матеріала?

11) Какія мѣры способствуютъ улучшенію обработки ремесленныхъ издѣлій?

12) Какія мѣры желательно принять въ видахъ облегченія сбыта ремесленныхъ издѣлій?

13) Какое значеніе имѣютъ для ремесленниковъ: конторы для посредничества между работодателями и рабочими, синдикаты, артели, потребительныя общества, общественные склады, совмѣстное пріобрѣтеніе орудій, пріобрѣтеніе образцовъ и т. п.?

14) Какія мѣры могутъ быть приняты противъ фальсификаціи сырья, потребляемаго для приготовленія ремесленныхъ издѣлій, такъ и противъ фальсификаціи самыхъ издѣлій?

15) Какое значеніе имѣютъ для ремесленниковъ ремесленныя клейма и марки на ихъ издѣліяхъ и какія мѣры признаютъ ремесленники полезными для охраны этихъ клеймъ и марокъ?

16) Какія желательны упрощенія по пересылкѣ ремесленныхъ издѣлій по почтѣ и по желѣзнымъ дорогамъ?

17) Какія желательны измѣненія въ существующемъ положеніи о ремесленныхъ ученикахъ и подмастерьяхъ?

18) Не испытываютъ ли ремесленники затрудненій при помѣщеніи своихъ дѣтей въ учебныя заведенія?

19) Желательно ли учрежденіе ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и спеціальныхъ курсовъ, и если желательно, то какъ именно?

20) Представляется ли для ремесленниковъ желательнымъ введеніе метрической системы въ мѣрахъ и вѣсахъ?

21) Желательно ли установленіе текущей статистики ремеслъ, и если желательно, то въ какомъ видѣ?

Подписалъ: Членъ-Дѣлопроизводитель Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ *А. Лоранскій*.

II.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1899 году.

Въ 1899-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Харьковск..	229	23. Иркутская .	60	45. Забайк. об.	48
2. Кіевская. .	217	24. Нижегород.	60	46. Минская. .	47
3. Херсонск. .	201	25. Примор. об.	60	47. Казанская .	47
4. Екатериносл.	157	26. С.-Петерб. .	60	48. Астраханск.	45
5. Саратовск. .	136	27. Лифляндск.	59	49. Псковская .	44
6. Таврическ..	133	28. Московская.	59	50. Виленская .	43
7. Варшавск. .	124	29. Вятская. .	59	51. Уфимская .	43
8. Черниговск.	103	30. Гродненская	59	52. Сибирская.	42
9. Тифлисская.	100	31. Владимірск.	59	53. Сыръ-Д. об.	41
10. Полтавская.	91	32. Обл. В. Дон.	59	54. Оренбургск.	40
11. Бессарабск.	83	33. Рязанская .	58	55. Ковенская .	38
12. Курская .	80	34. Ярославская	57	56. Закасп. об.	38
13. Тамбовская.	80	35. Кубанск. об.	56	57. Амурск. об.	36
14. Орловская.	74	36. Костромская	56	58. Енисейская.	34
15. Подольская.	73	37. Могилевск..	56	59. Тобольская.	33
16. Тульская. .	65	38. Самарская .	55	60. Пензенская.	31
17. Волынская .	63	39. Калужская .	55	61. Ломжинская.	31
18. Смоленская.	63	40. Вакинская .	54	62. Эстляндская.	30
19. Пермская. .	63	41. Томская . .	53	63. Акмол. об.	29
20. Новгородск.	62	42. Кутаисская.	49	64. Люблинская	29
21. Воронежск..	60	43. Терская об.	48	65. Плоцкая .	28
22. Тверская. .	60	44. Витебская .	48	66. Вологодская.	26

67. Курляндск.	26	78. Семирѣч. об.	19	89. Кѣлецкая.	10
68. Архангельск.	25	79. Дагест. обл.	18	90. С.-Михельск.	9
69. Самарк. об.	23	80. Сѣдлецкая .	17	91. Вазаская .	7
70. Эриванская.	23	81. Семипал. об.	17	92. Тургайск. об.	6
71. Сувалкская.	23	82. Нюландская.	16	93. Тавастгусск.	6
72. Карсская об.	23	83. Выборгская.	16	94. Або-Бьернеб.	4
73. Олонецкая .	22	84. Ферганская.	14		
74. Радомская .	20	85. Черном. окр.	14		4.836
75. Ставропольск.	20	86. Уральск. об.	14		
76. Елисаветпол.	19	87. Якутск. об.	14		
77. Петроковск.	19	88. Калишская.	13		

II. Въ С.-Петербургѣ	1.322
III. Въ Москвѣ.	575
IV. За границей	205
Всего: экз.	6.938

I. Сліозбергъ,

Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1899 ГОДУ.

Авсѣенко, В. — Пріятели, разск. (іюль, 140). — Побѣдительница (нояб., 52).

Александровъ, Н. — Сѣверный Кавказъ (нояб., 106).

Андреева, А. — Изъ замѣтокъ Буслаева о Тургеневѣ (дек., 720).

Антоновъ, М.—Деревенскіе герои. Очерки съ натуры (дек., 590).

Арсеньевъ, К. К.—Земство и толки о земствѣ. Замѣтка (февр., 796). Земская школа и толки о земской школѣ (апр., 802).

Б—г—, А.—„Хозяинъ", повѣсть изъ крестьянскаго быта восточной Германіи. Съ нѣм. (янв., 227; февр., 665; мар., 269; апр., 729).—Жизненные пути. Романъ: The ways of Life, by M. Oliphant (май, 277; іюнь, 719).—Въ долгу, ром.: Die Schuldnerin, v. Boy-Ed. (іюль, 313; авг., 659; сент, 230).—Американецъ, ром.: „David Harum", by Westcott (окт., 677; нояб., 291; дек., 736).

Бердяева, Ел.—Каникулы. Повѣсть (іюнь, 551; іюль, 206; авг., 477; сент., 173).

Вертенсонъ, Л. Б.—Оздоровляющія и цѣлительныя силы природы (февр., 524).

Вирюковъ, Вл. — Сельско-хозяйственные рабочіе (авг., 800).

Воборыкинъ, П. Д. — Куда идти? Ром. въ 2 ч. (янв., 19; февр., 415; мар., 5; апр., 429).

Бородинъ, Н. — Обычное право и законъ о рыбномъ промыслѣ (янв., 207).

Будде, Е.—Личность В. Г. Бѣлинскаго, какъ литературнаго дѣятеля (окт., 527).

Быковъ, П.—Стихотворенія (нояб., 337).

Венгерова, Зин. — Русскій романъ во Франціи (февр., 719).

Верховскій, Юр. — Стихотворенія (нояб., 228).

Веселовскій, Ю. Е.—Жанъ Расинъ (сент., 57; окт., 578).

В., И.—Четыре сонета, стих. (іюнь, 771).

Вильбоа, фонъ, А.—Отвѣтъ на вопросъ. Письмо въ Редакцію (янв., 371).

Волконскій, кн. Н. С.—А. Д. Повалишинъ, некрол. (сент., 417).

Воронцовъ, Ѳ. Ѳ.—Наша продовольственная система (янв. 172).

Г., Н.—Эхо, стих. (янв., 206).—Увядшій листъ, стих. Н. Ленау (мар., 129)

Головачевъ, Дм.—Послѣдствія неурожая въ уфимской губерніи (авг., 716).

Головинъ, К. Ѳ.—Второе поколѣніе. Повѣсть (май, 5; іюнь, 457; іюль, 74).

Гутьяръ, Н. — И. С. Тургеневъ и А. А. Фетъ (нояб., 314).

Даниловъ, И.—Весною. Разсказъ (май, 84).

Д-ко, С. В.—На краю недорода. Бытовой очеркъ (дек., 439).

Дмитріева, В. И.—Подъ солнцемъ юга (авг., 582; сент., 5; окт., 437).

Друцкой-Сокольнинскій, кн. Д. В.—Спекулятивное хозяйство. Очеркъ (февр., 602).

Евреиновъ, А.—Стихи (авг., 655).

Жемчужниковъ, В. М.—Записки изъ посмертныхъ бумагъ (февр., 634).

Жемчужниковъ, Л. М.—Отрывки изъ моихъ воспоминаній о 50-хъ годахъ (нояб., 230).

Z.—Сербскія дѣла (окт., 832).

З—а, Ю.—Тиранія любви. Эскизъ изъ романа: „Haine d'amour", par D. Lesueur (апр., 627).—Печать молчанія. Эскизъ изъ романа: „Bouche close", par L. Tinceau (май, 193).—„Любовь мой грѣхъ", эск. по ром.: „L'amour est mon péché" (окт., 739).—Женское правосудіе, эск. по роману: „Justice de femme", par D. Lesueur (дек., 524).

Зѣлинскій, Ѳ. Ф.—Міровая „трагедія вѣры" (полб., 5).

Іоллосъ, Г. Б.—Изъ „Мыслей и воспоминаній" кн. Бисмарка. Очеркъ (янв., 310).—Школа и народная промышленность въ Германіи (май, 167).—Промышленная Германія по профессіональной переписи (дек. 792).

Кони, Ан. Ѳ.—Нравственный обликъ Пушкина (окт., 491).

Мазуркевичъ, В.—Стихотворенія (май, 164).

Майковъ, Л. Н.—Воспоминанія И. С. Тургенева о Н. В. Станкевичѣ. Записка И. С. Тургенева (янв., 5).

Марковъ, Влад.—Конрадъ Валленродъ. Изъ поэмы Мицкевича: Пѣсня IV (мар., 343).—Стихотворенія (авг., 736).—Стихотворенія (окт., 673).

Милюковъ, П.—Изъ поѣздки въ Македонію. Европейская дипломатія и македонскій вопросъ (май, 52; іюнь, 425).

Михайлова, О. Н.—Изъ посмертныхъ стихотвореній В. Гюго (февр., 751).—Зимніе сны, стих. (апр., 784).—Traumbilder, стих. (авг., 580).

Морозовъ, П. О.—По поводу академическаго изданія „Сочиненій Пушкина" (авг., 864).

Никоновъ, Б.—Стихотворенія (окт., 729).

Оржешко, Элиза.—Аргонавты. Повѣсть. Съ польскаго (янв., 113; февр., 551; мар., 168; апр., 540).

Орловъ, Е.—Парижскій Архивъ Генеральнаго штаба (окт., 730).

Остенъ-Сакенъ, Е. К.—Норвежскіе мотивы. Стих. (іюнь, 717).

Покровская, М. И.—Петербургскіе рабочіе и ихъ экономическое положеніе. Замѣтки и наблюденія врача (мар., 323).—Жилища рабочихъ и законодательныя мѣры къ ихъ улучшенію (дек., 506).

Поповъ, Г. Н.—Изъ грустныхъ пѣсенъ (іюнь, 680).

Поповъ, П. С.—Проблески пробужденія Китая. Письмо изъ Пекина (янв., 186).

Прессъ, А.—Къ вопросу о жертвахъ промышленныхъ предпріятій (авг., 769).

Пыпинъ, А. Н.—А. Ѳ. Бычковъ. Некрол. (май, 409).

Раппопортъ, С. И.—Промышленныя „республики". Изъ наблюденій надъ экономическими кооперациями въ Англіи (мар., 131).—Ввозъ и вывозъ въ современной Англіи (авг., 739).—Исторія одной улицы (нояб., 121).

Саловъ, В. В.—Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. 1836—1855 гг. (мар., 221; апр., 581; май, 117).

Слонимскій, Л. З.—Война и идея мира (нояб., 341).

Соловьевъ, Вл. С.—М. С. Корелинъ некрол. (февр., 854).—Л. И. Поливановъ, некрол. (мар., 421). Двѣ сестры Стих. (май, 227).—Особое чествованіе Пушкина. Письмо въ Редакцію (іюль. 432).—Некрологи) І. Д. Рабиновичъ; В. Г. Васильевскій; Н. Я. Гротъ (іюль, 453). — Бѣлые колокольчики, стих. (сент., 229). — Противъ исполнительнаго листа (окт., 848). — О значеніи поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина (дек., 660).

Сорокинъ, Н.—Чужая, разсказъ (дек., 441).

Спасовичъ, В. Д.—Адамъ Мицкевичъ и его поэтическое творчество (авг., 525).

Стороженко, Н. И.—Психологія любви и ревности у Шекспира (сент., 153).

Сукенниковъ, М.—Реформа женскаго образованія въ Германіи (іюнь, 625).—Внѣшкольное просвѣщеніе народа въ Германіи (нояб., 188).

Сѣверовъ, Н.—Помѣшанный, разск. окт., 556).—Изъ парижскихъ скитаній (нояб., 159).

Танъ, Н. А.—На Каменномъ мысу. Разсказъ изъ чукотской жизни (іюнь, 515: іюль, 266).

Тверской, П. А.—Ноябрьскіе выборы въ С.-Ам. Штатахъ (янв., 282).—Великая борьба въ С.-Штатахъ. Наблюденія и замѣтки (май. 257).—Еще о трёстахъ (авг., 784).—Пушкинское празднество въ Калифорніи (сент., 333).

Тернеръ, Ѳ. Г.—Крестьянскій кредитъ. Очеркъ (янв., 83).

Толстой-сынъ, гр. Л. Л.—Записки изъ эпохи голода въ 1891—92 гг. (іюнь, 682; іюль, 5).

Тхоржевскій, И.—Изъ М. Гюйо, стих. (іюль, 203); дек., 712).

Фругъ, С.—Стихотворенія (авг., 766).—Ткачъ, стих. (окт., 526).

Хинъ, Р. М.—„Одиночество". Изъ дневника незамѣтной женщины (сент., 89).

Циммерманъ, Э.—По сѣвернымъ окраинамъ Африки. Путевые очерки (іюль, 177; авг., 634; сент., 294). По Сициліи (окт., 627).

Шумахеръ, Ал. Дан.—Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ Для моихъ дѣтей и внучатъ (мар., 89; апр., 694).

Янжулъ, Ив. Ив.—Милліоны, и что съ ними надо дѣлать? Филантропическій планъ американскаго милліонера (мар., 511).

Ѳедоровъ, Н. А.—Изъ восточныхъ стихотвореній В. Гюго (февр., 629).

Э., А.—Забытая писательница (февр. 754).

Высочайшій манифестъ, 28 іюня 1899 г. (авг., 1).

Правительственное сообщеніе (май, 368).

Распоряженіе Министра внутреннихъ дѣлъ, 20 февраля 1899 года.

Хроника.

I. **Внутреннее Обозрѣніе.** — Законность въ началѣ и въ концѣ вѣка.—„Свободное толкованіе“ закона и его игнорированіе.—Разъясненія закона, равносильныя его измѣненію или дополненію.—Размѣры печатнаго листа и безцензурная печать.—Нѣсколько словъ о провинціальной прессѣ. — Окончаніе „Записокъ земскаго начальника“.—Полемика о всесословномъ приходѣ. — Мѣстная сельско-хозяйственная организація министерства земледѣлія.—Пониженіе платежей крестьянскому банку (Январь, 347). — Новое изслѣдованіе о правѣ суда, какъ „прерогативѣ державности“.—Различные взгляды на будущее этого права.—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи 1899 г. — „Прочный правопорядокъ“ въ крестьянской средѣ, какъ необходимое условіе экономическаго благосостоянія народа. — Проектируемое введеніе земскихъ учрежденій въ губерніяхъ астраханской, оренбургской и ставропольской (Февраль, 777). — Манифестъ и „Основныя Положенія“ 3-го февраля.—„Земскій Ежегодникъ“ Вольнаго экономическаго общества и общеземскій періодическій органъ, проектируемый московскою губернскою земскою управою.—Протесты губернаторовъ тверского и курскаго. — Вопросъ о портретахъ. — Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ (Мартъ, 353).—Рѣчь г. министра финансовъ въ засѣданіи коммиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли. — Экономическая обезпеченность массы и народное образованіе. — Ходатайство тифлисскаго дворянства.—Законъ 18-го января о земскихъ оцѣночныхъ работахъ. — Квартирный налогъ и избирательное право.—Одно изъ удобствъ самоуправленія. — Опубликованные документы по финляндскому вопросу (Апрѣль, 786). —Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава.—Всесословность продовольственныхъ сборовъ — и сословность продовольственной организаціи. — При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ?—Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи. — Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія. — Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ. – Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ (Май, 329).—Высочайшее повелѣніе 6-го мая; ссылка судебная и административная.—Б. Н. Чичеринъ объ отношеніи губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ и объ отношеніи земства къ государству. — Измышленія на ту же тему систематическихъ враговъ земства. — Инцидентъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ.—Печать и Государственный Совѣтъ.—Чрезвычайный финляндскій сеймъ (Іюнь, 774). — Рожденіе Е. И. В. великой княжны Маріи Николаевны. – Правительственное сообщеніе.—Учрежденіе въ императорской академіи наукъ разряда изящной словесности. - Окончаніе работъ коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части и рѣчь, произнесенная по этому поводу г. предсѣдателемъ коммиссіи.—Книга г. Глинки-Янчевскаго: „Пагубныя заблужденія“. — Еще нѣсколько словъ о Государственномъ Совѣтѣ и печати. — Е. П. Старицкій † (Іюль, 367). — Сельско-хозяйственные рабочіе. Вл. Бирюковича (Августъ, 800). — Законы о временнозаповѣдныхъ имѣніяхъ и о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества.—Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ.—Десятилѣтіе института земскихъ начальниковъ. — Липецкій инцидентъ. — Законы о фабричномъ надзорѣ и о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ.—Новые циркуляры министра народнаго просвѣщенія и временныя правила 29 іюля (Сентябрь, 344). — Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и постановленія о личномъ наймѣ въ проектѣ новаго гражданскаго уложенія. — Общія начала, положенныя проектомъ въ основаніе обязательственнаго права. - Мнимая лѣность крестьянъ.—Еще о липецкомъ инцидентѣ. —Проектъ продовольственнаго устава.—Продовольственное дѣло, земство и частная помощь.—Продовольственный вопросъ на югѣ Россіи.—Новое правительственное изданіе (Октябрь, 798).—Права и составъ Государственнаго Совѣта.—Двѣ системы отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. —Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла. — Земство и противо-пожарныя мѣры. — Еще о земскихъ ходатайствахъ. Пересмотръ Городового Положенія (Ноябрь, 356). —Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—„Безразлично“ ли все „личное“? Проектъ наказа земскимъ начальникамъ. —Смоленское земство и имѣнія госпожи Чероасовой.—„Выдающееся“ земское хо-

датайство.—Результаты земскихъ избирательныхъ порядковъ. — Неисполненные указы Сената (Декабрь, 819).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Политическія событія истекшаго года. — Воинственныя предпріятія въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ.—Дѣла на дальнемъ Востокѣ.—Разрѣшеніе критскаго вопроса.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи, Италіи, Франціи и Германіи (Январь, 384).—Вопросъ о международной „конференціи мира". — Правительственное сообщеніе о циркулярной нотѣ 30 декабря.—Возможныя разногласія въ пониманіи и оцѣнкѣ отдѣльныхъ пунктовъ предложенной программы.—Сочувственные отзывы иностранной печати.—Политическія дѣла во Франціи и Англіи.—Оффиціальное сообщеніе о волненіяхъ въ Македоніи (Февраль, 807).—Кончина Феликса Фора и президентскіе выборы во Франціи. —Новый президентъ, Эмиль Лубѣ.—Жизнь и дѣятельность Фора.—Успѣхи современной демократіи.—Французскія дѣла и англійская политика. — Министерскій кризисъ въ Венгріи (Мартъ, 375). — Идея разоруженія въ Европѣ и международная практика государствъ. — Внѣшняя политика Англіи и другихъ державъ. — Подвиги американцевъ на Филиппинскихъ островахъ. — Печальныя противорѣчія и недоразумѣнія.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Франціи (Апрѣль, 817). — Нескромность „Figaro" и ея дѣйствительное значеніе.—Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса (Май, 368).—Гаагская конференція мира.—Особенности ея состава и способа совѣщаній.—Три коммиссіи и ихъ программы. — Идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ. — Возможные результаты конференціи.—Общее политическое настроеніе въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Смерть Кастеляра (Іюнь, 798).—Французскія дѣла и отношеніе къ нимъ постороннихъ наблюдателей. — Новѣйшія событія и перемѣны во Франціи. — Кассаціонный судъ по дѣлу Дрейфуса. — Отголоски во Франціи и въ Европѣ.—Министерскій кризисъ и кабинетъ Вальдека Руссо.—Странныя разсужденія „Новаго Времени". — Германскія дѣла (Іюль, 393).—Событія въ Сербіи.—Дѣло о заговорѣ противъ династіи Обреновичей въ лицѣ эксъ-короля Милана.—Приготовленія къ расправѣ съ противниками по поводу покушенія Княжевича.—Грубая мѣра относительно генерала Саввы Грунча. — Сообщеніе канцеляріи сербскаго посольства въ Петербургѣ.—Итоги Гаагской конференціи (Августъ, 834).—Еще о Гаагской конференціи мира.—Правительственное сообщеніе. — Внутренняя борьба во Франціи. — „Патріоты" и ихъ волненія. — Дѣятели французской арміи въ Ренн.—Процессъ Дрейфуса.—Политическія дѣла въ Германіи (Сентябрь, 368).—Бѣлградскій процессъ и сербскія дѣла.—Роль дипломатіи и вопросъ о вмѣшательствѣ. — Отношеніе нашей печати къ сербскимъ событіямъ. — Параллель между дѣломъ Дрейфуса и процессомъ Пашича съ товарищами. — Дрейфусъ и „наша печать". — Французскія дѣла (Октябрь, 820). — Трансваальская война.—Исторія „южно-африканской республики" и ея отношеній съ англичанами.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ.—Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка. — Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу. — Политическій кризисъ въ Австріи (Ноябрь, 375). — Трансваальская война и неожиданный британскій шовинизмъ.—Образчики воинственной поэзіи.—Рѣчи лорда Сольсбери, Бальфура и Чемберлэна. - Фактическія недоразумѣнія и недомолвки.—Особенности англійскаго настроенія. — Заявленіе проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса въ защиту Гаагской конференціи. — Англо-германская сдѣлка (Декабрь, 839).

III. Литературное Обозрѣніе. — I. Живописная Россія, т. VI. — II. Какъ живетъ и работаетъ Л. Н. Толстой, П. Сергѣенко.—А. П.—III. Такъ говорилъ Заратустра, Фр. Нитцше.—IV. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей, В. Д. Смирнова.—Т.—Новыя книги и брошюры (Январь, 399).—„Дѣло", лит.-научн. сборникъ.—Внутреннія вопросы въ расколѣ, въ XVII в., П. С. Смирнова. — Библіографическіе матеріалы, Н. П. Смирнова.—Н. А. Некрасовъ, Г. Александровскаго.—I. S. Tourguénefi à Spasskoé, par J. Mourier. — Т. — Новыя книги и брошюры (Февраль, 817).—Памяти Ѳ. И. Буслаева: рѣчи и обзоры его трудовъ.—А. Н. Пыпина.—Собраніе сочиненій И. А. Голышева.—Въ сороковыхъ годахъ, Ч. Вѣтринскій. — Сборникъ старинныхъ бумагъ въ музеѣ П. И. Щукина. — Т. — Новыя книги и брошюры (Мартъ, 387). — Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. I: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. — Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.—А. П.—Внѣшкольное народное образованіе въ Зап. Европѣ и С.-Америкѣ; Народные университеты въ Англіи, М. Леклерка; Программы чтенія для самообразованія; Народный домъ и его обществ.-воспит. значеніе, В. Я. Данилевскаго.— Въ тихой пристани, И. А. Данилова.—Т.—Графъ

А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи, Ал. Кочубинскаго. — А. П. — Новыя книги и брошюры (Апрѣль, 830).—Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова.—А. П.—В. П. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.—В. П. Горленкс, Украинскія были. — Г Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ. — Т. — Новыя книги и брошюры (Май, 376). — Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. — А. П. — Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова. —Воспоминанія о студенческой жизни.— Т. — Новыя книги и брошюры ((Іюнь, 811). — Пушкинская литература. — — А. П.—Новыя книги и брошюры (Іюль, 408). — Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи, т. VIII. —Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. VIII. —Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1895 годъ. – Исторія русской педагогіи, М. Демкова, ч. I, 2-е изд.—Валерій Лясковскій, Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ.—Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литер.-художественный сборникъ. Изданіе газеты „Курьеръ“. — Т. — Новыя книги и брошюры (Августъ, 845).—Ѳ. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. — Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый. — Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. Ѳ. М. Истомина и С. М. Ляпунова.—Иностранные университеты. Выпускъ II-й. Университеты Германіи. Подъ редакціей Л. А. Богдановича. — Т. — Новыя книги и брошюры (Сентябрь, 381).—Э. Гроссе, Происхожденіе искусства. — М. Столяровъ, Этюды о декадентствѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры (Октябрь, 838).—С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII вв.—Извѣстія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.—К. Михальчукъ, Что такое малорусская рѣчь?—Т.—Новыя книги и брошюры (Ноябрь, 388).—Очерки русскаго прогресса, Б. Б. Глинскаго.—Надежда Васильевна Стасова, Влад. Стасова. — Сборникъ Москов. Главн. Архива м. ин. дѣлъ.— О библіотекѣ москов. государей въ XVI стол., С. Вѣлокурова. — Критическіе очерки, М. О. Меньшикова.—Т. – Новыя книги и брошюры (Декабрь, 853).

IV. Новости Иностранной Литературы.—I. G. Hauptmann, „Fuhrmann Henschel“.—II. Ch. Recolin, „L'Anarchie littéraire“.—З. В. (Январь, 418).—I. H. Ibsens Sämtliche Werke in deutscher Sprache, B. 2 и 3. П. Кож.—II. J. Texte, Etudes de littérature européenne. — III. Aug Filon, Merimée.—IV. G. Rodenbach, Carillonneur, Bruges la Morte. Règne du Silence. — 3. В. (Февраль, 830). — I. Aug. Strindberg, Margit, la femme du chevalier Bengst.—II. L. Rouanet, Drames religieux de Caldéron. — III. R. Kiepling, The Day's Work.—3. В. (Мартъ, 403).—I. Valerie Matthes, Italienische Dichter der Gegenwart.—II. К—овъ. —II. H. Sudermann, Die Drei Reiherfedern. — III. Anatole France, L'anneau d'améthyste. — 3. В. (Апрѣль, 851). — I. Léon A. Daudet, Sébastien. Roman Contemporain. — II. G. d'Annunzio, La Gioconda. — III. Robert de Souza, La Poésie populaire et le Lyrisme Sentimental.—3. В. (Май, 393).—I. Becque, La Parisienne, etc.—II. A. Schnitzler, Der grüne Kakadu, etc. — III. Christomanos, Tagebuch-Blätter.– 3. В. (Іюнь, 834).— I. N. Hoffmann, Th. M. Dostojewsky. — II. Hugo von Hofmannsthal, Die Frau am Fenster, и пр. — 3. В. (Іюль, 441). — I. E. M. de Vogué, Les morts qui parlent.—3. В. (Августъ, 868).—I. Emile Faguet: Flaubert. — Guy de Maupassant, Le père Milon.—August Strindberg, Legenden.—3. В. (Сентябрь, 399).—I. A. Moeller-Bruck: Die moderne Litteratur in Gruppen und Einzeldarstellungen. — II. Edm. Barthélemy, Thomas Carlyle, essai biographique et critique. — 3. В. (Октябрь, 853).—I. An. France. Pierre Nozière.—II. Em. Zola, Les quatres évangiles. Fécondité.—3. В.—III. Homenaje a Menendez y Pelayo, т. I-II. — Л. Ш. (Ноябрь, 411).—L. Jacobovsky, Loki, Roman eines Gottes.—II. G. Rodeobach, L'Elite.—III. F. Servaes, Praeludien (Декабрь, 873).

V. Изъ Общественной Хроники.— Положеніе неурожайныхъ губерній и дѣятельность Краснаго-Креста. — Необходимость болѣе широкой частной помощи и причины, задерживающія ея развитіе. — Рѣчи губернаторовъ саратовскаго, курскаго и с.-петербургскаго. — Орловскій дворянинъ и орловское дворянство.—Открытіе памятника Мицкевичу. — П. Н. Третьяковъ †. — Письмо Евг. Льв. Маркова въ Редакцію (Январь, 429). Извѣстія изъ неурожайныхъ губерній.—Недостаточность продовольственной помощи. —Воспоминанія о 1891-мъ г. Чрезвычайный финляндскій сеймъ и русская печать. — М. С. Корелинъ и Н. А. Дингельштедтъ † (Февраль, 856).—Новыя вѣсти изъ неурожайныхъ губерній.—Ходъ продовольственнаго дѣла въ вятской губер-

нiи.—Некрологъ: Е. А. Перетцъ (Мартъ, 423). — Статья А. Л. Боровиковскаго о „Печатномъ листѣ". – Мнѣніе уѣзднаго предводителя дворянства о земской школѣ. —Земскія и церковно-приходскія школы. —Дворянскій надзоръ за школой.—Газетные нравы.—Распоряженія гг. министровъ народнаго просвѣщенія и земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ увольненіи всѣхъ учащихся въ спб. университетѣ, технологическомъ и горномъ институтахъ. — Сообщеніе Комитета самар. частн. кружка помощи дѣт. крестьянъ, пострадавш. отъ неурожая прошл. года.—В. И. Жуковскій, П. В. Макалинскій и В. О. Михневичъ † (Апрѣль, 867). — Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ. — Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.—Посѣщеніе перваго Василеостровскаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. — Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами. — Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу (Май, 415). — Пушкинскія празднества въ 1880 г. и почти двадцать лѣтъ спустя.—Два противоположныхъ теченія. — Еврейскій погромъ въ Николаевѣ и безпорядки въ Ригѣ.—Праздники „древонасажденія". — Нѣчто о взяткахъ. — Полемика кн. Трубецкого съ кн. Цертелевымъ.—Кн. Н. Д. Долгоруковъ † (Іюнь, 849). — Майскіе пушкинскіе дни, сравнительно съ пушкинскимъ празднествомъ 1880 г.—Шумъ, поднятый по поводу мнимой „клеветы" на Пушкина. — Рѣчь и книга В. Е. Якушкина.—„Ни самоуправленія, ни бюрократіи". — Нѣсколько словъ о правѣ ходатайствъ. — Значеніе частной помощи голодающимъ.—Отрадныя вѣсти (Іюль, 458. —Какъ иногда пишется исторія.—Газета, рекомендующая удаленіе „корифеевъ профессорскаго хора". — Радикальное средство уменьшить число студентовъ. – Практическія занятія въ университетахъ.—Два циркуляра министра народнаго просвѣщенія.—„Недоросли изъ крестьянъ". — Нѣсколько словъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Закрытіе московскаго юридическаго общества (Августъ, 875).—Можно ли назвать Россію „страною личнаго почина по преимуществу"? Значеніе свободной инiціативы въ основаніи и дѣятельности обществъ.—Московскія юридическія общества, прежнее и вновь проектируемое.—Общедоступные систематическіе курсы. — Практическія занятія студентовъ и студенческіе научные и литературные кружки.—Дискреціонная власть и печать.—Отвѣтъ на возраженія (Сентябрь, 420). — Преобразованіе средней школы: циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, записка бар. А. П. Николаи и рѣчь Н. П. Петрова. — Новый уставъ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи.—Еще о личномъ починѣ. — Два вида цензуры. — Особый сортъ корреспонденцій (Октябрь, 865). —Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ. — Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ"? (Ноябрь, 425. — Неурожай на югѣ Россіи.—Частная помощь въ бессарабской губерніи.—Тридцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ. — „Воскресеніе", гр. Л. Н. Толстого, предъ судомъ „Стараго судьи".—„Безконтрольное хозяйство". — М. Н. Капустинъ †. (Декабрь, 891).

VI. Библіографическій Листокъ.— Карѣевъ, Н., Исторія западной Европы въ новое время, т. V.—Котляревскій, Н., Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка.—Хартулари, К. Ф., Право суда и помилованія, какъ прерогатива россійской державности. — Клингенъ, И., Среди патріарховъ земледѣлія, ч. I: Египетъ.—Кульженко, С. В., Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ (Январь). – Карѣевъ, Н., Историко-философскіе и соціологическіе этюды.—Янжулъ, И. И., Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ.—Оправданіе добра. Нравственная философія. Вл. Соловьева.—Владиміръ Ильинъ, Экономическіе этюды и статьи. — К. Тимирязевъ, Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Съ приложен.: „Наши антидарвинисты". — Эдуардъ Берендтсъ. Опытъ системы административнаго права. — Н. Котляревскій.— Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка (Февраль).—Уставъ уголовнаго судопроизводства, съ позднѣйшими узаконеніями, и т. д. Составл. М. Шрамченко и В. Ширковымъ. Вліяніе морской силы на французскую революцію и исторію (1793—1812). Изслѣдованіе кап. А. Т. Мэхена (A. Mahan). Въ 2-хъ т. Т. II.—Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Ред. П. Вейнберга. Т. IV.— Исторія права русскаго народа, Н. П. Загоскина. —„Отрокъ-мученикъ", углицкое преданіе, В. М. Михѣева (Мартъ).—М. П. Погодинъ, т. XIII, Ник. Барсукова.—Сумерки просвѣщенія, В. В. Розанова. – Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ, П. Ганзена. — Данія. Сельское хозяйство въ связи съ общимъ развитіемъ въ странѣ. Н. А. Крюкова (Апрѣль).—„М. Е. Салтыковъ", А. Н. Пыпина.—Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.— Наша финансовая политика и задачи бу-

дущаго, К. Ѳ. Головина. — Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I. — Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фаулз. — М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ (Май). — Пушкинъ, Л. Майкова. — А. С. Пушкинъ, избранныя мѣста изъ его стихотвореній, для начальныхъ народныхъ училищъ, изданіе Спб. Городской Думы. — Къ біографіи Пушкина, П. Невзорова. — Иностранные капиталы, Б. Ф. Брандта (Іюнь). — Сочиненія Пушкина, т. I; изд. Имп. Академіи наукъ, подъ ред. Л. Майкова. — А. С. Пушкинъ, біограф. очеркъ, А. А. Венкстерна. — „Бахчисарайскій фонтанъ", А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, съ иллюстраціями. — Сборникъ статей о Пушкинѣ, кіевское изданіе. — Собраніе сочиненій А. Г. Градовскаго. — Объ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства въ Россіи, Н. Каблукова (Іюль). — Сборникъ общихъ юридическихъ знаній. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой. — А. Гобсонъ, Джонъ Рёскинъ, какъ соціальный реформаторъ. Перев. съ англ. П. Николаева. — Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки Б. Б. Глинскаго. Съ портретами и иллюстраціями. — Законы объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей, съ объясненіями, извлеченными изъ мотивовъ закона 1891 г., и съ разъясненіями по опредѣленіямъ Прав. Сената. Составилъ Я. А. Канторовичъ. (Августъ). — Е. Варбъ, Наемные сельско-хозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. — Т. Роджерсъ, Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова. — Записки земскаго начальника. А. Новикова. — Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. I. Исторія и методологія. Ч. II. Программы изслѣдованій. Составилъ С. Н. Велецкій. Съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова (Сентябрь). — Исторія русской литературы, Т. IV. А. Н. Пыпина. — Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ, и критико-біографическія. Б. Б. Глинскаго. — Сборникъ журнала „Русское Богатство". Подъ редакц. Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко. — Торсое, А. Исторія нашего столѣтія. Т. I. 1815—1863. Т. II. 1863—1899. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой. — Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Павленкова (Октябрь). — Грумъ-Гржимайло, Г. Е., Описаніе путешествія въ западный Китай, т. II. — Карѣевъ, Н., Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, и Курсъ Новой исторіи, ч. I. — Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. Вейнберга, т. VI. — Малый Энциклопедическій Словарь, Брокгауза, т. I. — Мутеръ, Р., Исторія живописи въ XIX в. — Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. III (Ноябрь). — Историческое развитіе современной Европы. М. Эндрьюса, перев. М. Лучицкой, тт. I и II. — Основы физической географіи, Ал. Зупана, перев. Д. Н. Анучина. — Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 105. — Энциклопедическій Словарь, Брокгауза, т. XXVII. — Любочкины „Отчего?" и „Оттого!", Э. Гранстрема (Декабрь).

VII. Извѣщенія. — Празднованіе столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина. Оффиціальное сообщеніе (Январь, 442). — Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (Мартъ, 428; Апрѣль, 882; Сент., 436). — Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ (Май, 423). — Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая (Іюнь, 865; Іюль, 475). — I. Объ изданіи Календаря „Синяго Креста", на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета (Ноябрь, 439). — I. Положеніе о всероссійскомъ Съѣздѣ по ремесленной промышленности 1900 г. въ С.-Петербургѣ. — II. Отъ Имп. Казанскаго Университета. (Декабрь, 904).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь. — Декабрь. 1899.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

стр.

Міровая „Трагедія вѣры".—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО 5
Повѣдительница.—Разсказъ.—В. Г. АВСѢЕНКО 52
Сѣверный Кавказъ.—Экономическіе очерки изъ жизни края.—И. АЛЕКСАНОВА. 106
Исторія одной улицы.—Изъ домашней жизни бѣднѣйшаго слоя лондонскаго населенія.—С. Р—ТЪ 121
Изъ парижскихъ скитаній.—Очерки.—Н. СѢВЕРОВА 159
Внѣшкольное просвѣщеніе народа въ Германіи. — Очерки и замѣтки.—М. СУКЕННИКОВА. 188
Стихотворенія. — I. Сонетъ. — II. Сфинксы надъ Невой. Изъ пѣсенъ о каменномъ городѣ.—ЮР. ВЕРХОВСКАГО 228
Отрывки изъ моихъ воспоминаній о пятидесятыхъ годахъ.—I.—Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 230
Американецъ.—Романъ: „David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott.—VII-XIV.—Съ англ.—А. Б—Г— 261
И. С. Тургеневъ и А. А. Фетъ.—Н. ГУТЬЯРА 314
Стихотворенія.—I. Разсвѣта нѣжная пора...—II. Пловецъ.—III. Ожиданіе.—П. БЫКОВА 337
Война и идея мира.—I-III.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 341
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Права и составъ Государственнаго Совѣта.—Двѣ системы отмѣны новыхъ земскихъ расходовъ: вслѣдствіе ихъ непроизводительности и вслѣдствіе ихъ обременительности. — Программа улучшеній въ положеніи земскаго дѣла.—Земство и противо-пожарныя мѣры.—Еще о земскихъ ходатайствахъ.—Пересмотръ Городового Положенія. 356
Иностранное Обозрѣніе.—Трансваальская война. — Исторія „южно-африканской республики" и ея отношеній съ англичанами.—Переговоры о правахъ иностранныхъ поселенцевъ въ Трансваалѣ. — Уступки президента Крюгера и требованія Чемберлэна.—Печальная развязка. Третейскій судъ по венецуэльскому вопросу.—Политическій кризисъ въ Австріи. . 375
Литературное Обозрѣніе. — С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи Смуты въ Москов. государствѣ XVI—XVII вв.—Извѣстія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.—К. Михальчукъ, Что такое малорусская рѣчь?—Т.—Новыя книги и брошюры 388
Новости Иностранной Литературы. — An. France. Pierre Nozière. — II. Em. Zola, Les quatres évangiles. Fécondité.—З. В.—III. Homenaje a Menendez y Pelayo, т. I-II.—Л. Ш. 411
Изъ Общественной Хроники. — Отзывы воронежскихъ крестьянъ о различныхъ видахъ начальной школы.—Церковно-приходскія школы въ юго-западномъ краѣ.—Второклассныя церковно-приходскія школы.—Евреи и дворянство.—Брошюра: „Гдѣ выходъ"? 425
Извѣщенія.—I. Объ изданіи Календаря „Синяго Креста", на 1900-й годъ, Обществомъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. — II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. 439
Библіографическій Листокъ.—Грумъ-Гржимайло, Г. Е., Описаніе путешествія въ западный Китай, т. II.—Карѣевъ, Н., Исторія Западной Европы въ новое время, т. III, и Курсъ Новой исторіи, ч. I. — Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. Вейнберга, т. VI.—Малый Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. I.—Мутеръ, Р., Исторія живописи въ XIX в.—Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, т. III.
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

стр.

Чужая.—Разсказъ.—Изъ моего прошлаго.—Н. СОРОКИНА 441

На краю недорода.—Бытовой очеркъ.—С. В. Д—КО. 489

Жилища рабочихъ и законодательныя мѣры къ ихъ улучшенію.—М. И. ПОКРОВСКОЙ. 506

Женское правосудіе.—Эскизъ по роману: „Justice de femme", par D. Lesueur. —Ю. З—А. 524

Деревенскіе герои.- Очерки съ натуры.—М. АНТОНОВА. 590

Соціальдемократъ противъ марксизма.—Н. ЕЗЕРСКАГО. 635

Царица Балтійскаго моря.—Литовское преданіе.—В. ИВИЦКАГО 656

Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА . 660

Изъ М. А. Гюйо.—„Vers d'un philosophe". — I-VI.—ИВ. ТХОРЖЕВСКАГО . 712

Изъ замѣтокъ Буслаева о Тургеневѣ.—А. АНДРЕЕВОЙ 720

Американецъ.—„David Harum", a story of american Life, by E. Noyes Westcott. —XV-XXIII.—Окончаніе.—А. Б—Г— 736

Хроника.—Промышленная Германія по профессіональной переписи.—Г. І. . . 792

Внутреннее Овозрѣніе.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—„Безразлично" ли все „личное"?—Проектъ наказа земскимъ начальникамъ.—Смоленское земство и имѣнія г-жи Черкасовой.—„Выдающееся" земское ходатайство.—Результаты земскихъ избирательныхъ порядковъ.—Неисполненные указы Сената 819

Иностранное Овозрѣніе.—Трансваальская война и неожиданный британскій шовинизмъ.—Образчики воинственной поэзіи.—Рѣчи лорда Сольсбери, Бальфура и Чемберлэна.—Фактическія недоразумѣнія и недомолвки.—Особенности англійскаго настроенія.—Заявленіе проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса въ защиту Гаагской конференціи —Англо-германская сдѣлка 839

Литературное Овозрѣніе.—Очерки русскаго прогресса, Б. В. Глинскаго.—Надежда Васильевна Стасова, Влад. Стасова.—Сборникъ московскаго Главнаго Архива министерства иностр. дѣлъ. Вып. 6. Изд. Коммиссіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ.—О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи, С. Бѣлокурова.—Критическіе очерки, М. О. Меньшикова.—Т.—Новыя книги и брошюры 853

Новости Иностранной Литературы.—I. L. Jacobowsky. Loki, Roman eines Gottes. — II. G. Rodenbach. L'Elite. — III. Fr. Servaes. Praeludien. Ein Essaybuch.—З. В. 873

Изъ Общественной Хроники. — Неурожай на югѣ Россіи. — Частная помощь въ бессарабской губерніи.—Тридцатипятилѣтіе судебныхъ уставовъ.—„Воскресеніе", гр. Л. Н. Толстого, предъ судомъ „Стараго судьи".—„Безконтрольное хозяйство".—М. Н. Капустинъ † 891

Извѣщенія.—I. Положеніе о всероссійскомъ Съѣздѣ по ремесленной промышленности 1900 г. въ С.-Петербургѣ. — II. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета 904

Матеріалы для журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы" въ 1899 году. . 909

Алфавитный указатель авторовъ и статей въ „Вѣстникѣ Европы" въ 1899 году. 911

Библіографическій Листокъ. —Историческое развитіе современной Европы, М. Эндрьюса, перев. М. Лучицкой, тт. I и II.—Основы физической географіи, Ал. Зупана, перев. Д. Н. Анучина.—Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общества, т. 105. — Энциклопедическій Словарь, Брокгауза, т. XXVII. —Любочкины „Отчего?" и „Оттого!", Э. Гранстрема.

Объявленія. — I-IV; I-XX стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Историческое развитіе современной Европы отъ вѣнскаго конгресса до нашего времени. Чарльза М. Эндрьюса. Т. I—II. Перев. съ англ. М. Лучицкой подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 99. Стр. 355+346+XXII.

Книга Эндрьюса значительно отличается отъ обычныхъ историческихъ обзоровъ, имѣющихъ по преимуществу справочный характеръ: объясненіе общаго смысла и связи событій стоитъ въ ней на первомъ планѣ, не загромождаясь обиліемъ фактовъ и давая рядъ цѣльныхъ картинъ и характеристикъ, вмѣсто отрывочныхъ разсказовъ объ исторіи отдѣльныхъ странъ. Авторъ выдѣляетъ крупныя политическія движенія и перемѣны въ видѣ логическихъ цѣлыхъ, обрисовывая каждую группу событій до конечнаго ихъ исхода, прежде чѣмъ обращаться къ другимъ движеніямъ и событіямъ. Въ книгѣ излагается исторія только главныхъ государствъ Европы, за исключеніемъ Англіи,—хотя этотъ послѣдній пропускъ не отмѣченъ въ заглавіи и не объясненъ въ предисловіи; второстепенныя государства—Испанія, Португалія, Швейцарія и Швеція—также пропущены, и о нихъ упоминается только случайно и мимоходомъ; революція въ Греціи и Бельгіи разсматривается лишь въ связи съ дипломатическою исторіею великихъ державъ. Останавливаясь преимущественно на тѣхъ національныхъ и общихъ движеніяхъ, которыя „двинули впередъ прогрессъ", авторъ не гонится за фактическою полнотою и пропускаетъ все то, что „мало способствовало великимъ перемѣнамъ въ политической мысли и организаціи, характеризующимъ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ". Въ этомъ смыслѣ сочиненіе Эндрьюса является весьма полезнымъ дополненіемъ къ извѣстной книгѣ Шарля Сеньобоса, вышедшей у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ одинъ (подъ ред. В. Поссе) появился недавно во второмъ изданіи, съ иллюстраціями. По богатству фактическихъ свѣдѣній, касающихся не только политики, но и соціальной жизни народовъ, трудъ Сеньобоса болѣе пригоденъ для справокъ; но книга Эндрьюса полнѣе и лучше освѣщаетъ общій ходъ политическихъ событій въ главныхъ государствахъ континентальной Европы.

Проф. Ал. Зупанъ. Основы физической географіи. Перев. со 2-го нѣм. изданія, съ дополненіями автора, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина. Съ 203 рисунками въ текстѣ и 20 хромолитографическими картами. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб.-Москва. 99. Стр. X+731. Ц. 6 р.

Руководство проф. Зупана, какъ удостовѣряетъ проф. Д. Н. Анучинъ въ предисловіи, пользуется въ настоящее время наибольшимъ распространеніемъ въ Германіи и отчасти также за ея предѣлами, въ качествѣ пособія для университетскихъ слушателей и вообще для лицъ, желающихъ основательно ознакомиться съ общимъ землевѣдѣніемъ. Для русскаго изданія авторъ, по просьбѣ Д. Н. Анучина, доставилъ поправки и дополненія, отчасти коснувшіяся и приложенныхъ картъ, такъ что въ русскомъ переводѣ книга является исправленною и дополненною, сравнительно съ нѣмецкимъ подлинникомъ. Редакторъ русскаго изданія, съ своей стороны, внесъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія относительно Россіи и русской географической литературы. Приложенныя въ концѣ книги карты замѣняютъ отчасти физико-географическій атласъ. Проф. Д. Н. Анучинъ выражаетъ пожеланіе, къ которому нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ,—чтобы русское изданіе этого цѣннаго труда „способствовало возбужденію въ нашемъ обществѣ большаго интереса къ землевѣдѣнію, лучшей его постановкѣ, какъ предмета преподаванія, и болѣе широкому примѣненію его задачъ и методовъ въ дѣлѣ изученія нашего обширнаго отечества".

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 105-ый. Спб. 99. Стр. 672. Ц. 3 р.

Новый, 105-ый выпускъ составляетъ продолженіе 100-го тома съ послѣдующею дипломатическою перепискою маркиза Шетарди и его преемника при нашемъ дворѣ, д'Алліона, съ Людовикомъ XV, въ теченіе 1743—45 гг. Текстъ этихъ депешъ за 1743—44 гг. почерпнутъ изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а начиная съ весны 1745 г., онѣ свѣрены съ рукописью, хранящейся въ Спб. Публичной Библіотекѣ. Для исторіи правленія имп. Елисаветы Петровны, въ этой дипломатической перепискѣ находится весьма много интереснаго какъ для той эпохи, такъ и для характеристики самой императрицы и окружавшихъ ее лицъ.

Энциклопедическій Словарь. Томъ XXVII. А. Рѣпина—Рясское и Россія. Изд. Ф. Брокгауза и Ефрона. Спб. 99. Стр. 481—532; 1—420. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ выпускѣ, только самая небольшая его часть, около 50 страницъ, занята окончаніемъ буквы *Р*, а главное и, вмѣстѣ, выдѣленное особо мѣсто, внѣ алфавитнаго порядка, занимаетъ „Россія"; пока появилось только начало, снабженное массою картъ, картограммъ, діаграммъ и рисунковъ, а окончаніе войдетъ въ составъ слѣдующаго выпуска, такъ что цѣлое можетъ составить обширный томъ, въ которомъ будутъ собраны отдѣльныя статьи, съ всестороннимъ описаніемъ современнаго положенія нашей страны, преимущественно въ экономическомъ, финансовомъ, промышленномъ, культурномъ и другихъ отношеніяхъ.

Любочкины „Отчего?" и „Оттого!" Составилъ по Дебо, Уле и др. Э. Гранстремъ. Съ 80 рис. Спб. 99. Стр. 334. Ц. 2 р. 50 к. (въ переплетѣ).

Въ рядѣ небольшихъ разсказовъ и эпизодовъ, связанныхъ общею нитью и единствомъ дѣйствующихъ лицъ, излагаются въ этой книгѣ первоначальныя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ, въ формѣ самой легкой и занимательной, и юные читатели знакомятся при этомъ съ окружающими природными явленіями какъ бы незамѣтно, мимоходомъ, безъ всякаго усилія и труда. Содержаніе книги, возбуждая любопытство, въ то же время доставляетъ пріятное чтеніе, а изящныя иллюстраціи и роскошный внѣшній видъ изданія удовлетворятъ вполнѣ художественные вкусы маленькой читающей публики.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ магаз. „Русской Мысли“ и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Барбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ указаніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣны адресса* должны быть сообщаемы Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Требованія* на полученіе журнала принимаются Конторою только тѣхъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыя марки.

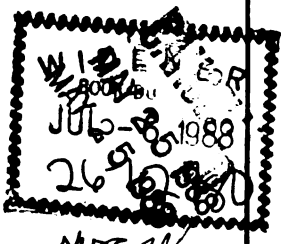
Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.



DNOF 4/27
4/29
5/4
5/13